

Афонъ, 1897

АФОНСКІЙ ПАТЕРИКЪ

ИЛИ

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ СВЯТЫХЪ,

НА СВЯТОЙ АФОНСКОЙ ГОРѢ ПРОСІЯВШИХЪ.

Гора Божія, гора тучная, гора усуренная, гора тучная.
Всюю пещуете горы усуренныя? Гора, юже благоволи Богъ
жити въ ней, ибо Господь вселится до конца.

Псал. 67, 16. 17.

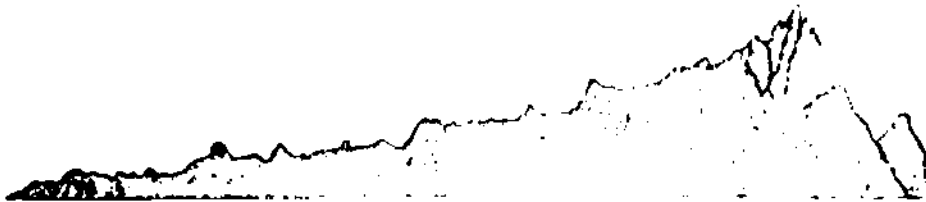

Часть I-я.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ПЕРЕРАБОТАННОЕ,

Изданіемъ Русскаго Плателеямонова монастыря на Афонѣ.

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собств. домъ.

1897.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всему христіанскому міру извѣстно, что святая Аѳонская гора находится подъ особеннымъ покровительствомъ Пресвятыя Госпожи Дѣвы Богородицы, и что сіе мѣсто наречено Ея жребіемъ, какъ жребій Евангельскаго Ея слова. Истину эту всегда признавали православные; но ее признають не только православные, но и иновѣрные и даже невѣрные. И безчисленные опыты доказывали и доказываютъ Богоматернюю любовь и вѣрный промыслъ о посвятившихъ себя на Аѳонѣ трудамъ подвижнической жизни. Всѣ также знаютъ, что, по державной Ея волѣ, это мѣсто остается и останется, какъ говорятъ мѣстныя преданія, до скончанія міра исключительнымъ жребіемъ мужескаго иночества. Съ давнихъ временъ Аѳонъ, и по законамъ царей земныхъ, державствовавшихъ въ православной Греціи до ея паденія, обреченъ исключительно пребыванію на немъ отшельниковъ *). Даже и послѣ разгрома Востока отъ нечестивыхъ сыновъ Агари, Святая гора грозными ихъ повелителями оставлена въ прежнихъ ея правахъ **). И съ тѣхъ поръ даже донынѣ, во всѣ дни пребыванія Востока подъ сокрушительнымъ игомъ магометанства, она остается собственностью иночества, и

*) Указат. ятовъ св. горы Аѳонской, стат. 4, 1. 4.

***) Смотри «Письма Святогорца о святой Аѳонской горѣ, ч. 1, письмо 5, и «Очеркъ путешествія по европейской Турціи» Григоровича, стр. 92, Каз. 1848.

интересующихся исторіей Святой горы, далеко не были удовлетворены этимъ *окончаніемъ* *). Вѣроятно и годы и здоровье покойнаго трудолюбиваго автора, а можетъ быть даже и недостатокъ матеріаловъ, не позволили должнымъ образомъ разработать предположенную имъ себѣ и, надо сказать, благодарную тему. Такъ что и опять Аеону приходится ждать еще своей исторіи. А напечатанная Еп. Порфиріемъ, „аеонская энциклопедія,“ — какъ называютъ нѣкоторые ученые сочиненія Еп. Порфирія объ Аеонѣ, — будетъ служить подготовительной работой, сборникомъ матеріаловъ.

Не имѣя о себѣ вполне удовлетворительной исторіи, Аеонъ не имѣетъ и собранія жизнеописаній, въ которыхъ изображалось бы житіе просіявшихъ въ немъ святыхъ отцевъ, по крайней мѣрѣ болѣе извѣстныхъ **); по сию пору никто еще не занялся этимъ дѣломъ и не потрудился составить патерикъ, подобный нашему печерскому. Изъ нашихъ соотечественниковъ брался-было за это дѣло покойный святогорецъ, но предпріятіе его сошло съ нимъ въ могилу. Впрочемъ, обѣщанія его относительно аеонскаго патерика отчасти оправдались и самымъ дѣломъ: изъ представляемыхъ теперь нами читающей публикѣ житій, нѣкоторыя принадлежатъ дѣйствительно его перу. Хотя эти труды оставлены намъ безъ окончательной отдѣлки, однако мысль и начало всякаго дѣла цѣнится высоко. Мало того, что на Святой горѣ нѣтъ собранія этихъ сельныхъ криновъ, въ разныя времена процвѣтавшихъ на пустынныхъ высотахъ заоблачнаго Аеона, а теперь благоухающихъ въ обителяхъ Отца небеснаго, Святая гора скудна и историческими о нихъ записками. Даже и въ безцѣнныхъ для

*) См. обстоятельную рецензію на этотъ посмертный трудъ Еп. Порфирія, помѣщенную опытнымъ византинистомъ А. А. Дмитриевскимъ въ «Византійскомъ Временникѣ», т. I. 413—429. Спб. 1894 г.

**) Можемъ увязать съ благодарностью на не давно изданныя по древнимъ рукописямъ московской синодальной бібліотекѣ, въ подлинномъ изложеніи, профес. И. В. Помяловскимъ житія свв.—*Григорія Синаита*, Спб. 1894 г. и *Аввасія Аеонскаго*, Спб. 1895 г.

Церкви минеяхъ святителя ростовскаго, святаго Димитрія, мы видимъ только трехъ насельниковъ Аѳона: св. Аѳанасія, Петра и столь славно и полезно потрудившагося для Церкви, знаменитаго Паламу. Поэтому много нужно было трудовъ, чтобы собрать и эти скудныя крохи изъ обильнаго святогорскаго аскетическаго вертограда. Гдѣ будемъ искать причины такого важнаго недостатка? Ее можно, кажется, полагать частію въ простотѣ первоначальныхъ насельниковъ-иноковъ Святой горы, не обращающихъ вниманія на важность и цѣну памяти о своихъ отцахъ-подвижникахъ для послѣдующихъ родовъ, и потому сохранявшихъ оную болѣе въ устныхъ преданіяхъ, нежели въ запискахъ; частію — въ особенномъ смиреніи здѣшнихъ святыхъ подвижниковъ, которые, какъ и всѣ ставшіе на истинную стезю подвижничества, не желали и не желаютъ быть славимыми отъ людей (см. житіе Нила Муроточиваго); частію — въ неоднократномъ разореніи Святой горы набѣгами варваровъ и латиновъ, когда бібліотеки монастырей доходили до такой растраты, что рукописи и книги были разбираемы не томами, а выносились цѣлыми кипами *). Миръ и спокойствіе, или перевороты державъ много значатъ не только для политическаго значенія народовъ, но и для быта иноческаго; поэтому судьбы Аѳона всегда болѣе или менѣе соединены были съ судьбами Востока, и особенно Константинополя. Есть много и другихъ причинъ такого важнаго упущенія. Но намъ извѣстно, что Аѳонъ, съ его аскетами, всегда милъ и дорогъ всякому русскому сердцу. Поэтому, желая познакомить своихъ соотечественниковъ съ прославленными святою Церковію подвижниками Аѳона, мы рѣшились сообщить имъ нѣсколько сихъ кринъ изъ небеснаго сада, могущихъ благотворно облагодухать ихъ. Говоримъ: нѣсколько, — ибо всѣ ли жизнеописанія святыхъ

*) См. «Письма съ Востока въ 1849—50 годахъ», ч. 1, стр. 213. Утраты книгъ и рукописей отъ стороннихъ для Аѳона причинъ г. Григоровичъ не принимаетъ. См. его «Очеркъ путешествія по европейской Турціи», стр. 96; но на стр. 94—8 онъ говоритъ нѣсколько иначе.

подвижниковъ Аѳона помѣстили мы въ своемъ патерикѣ, за то хорошо не ручаемся. Патерикъ сей, въ первыхъ его изданіяхъ, мы излагали въ хронологическомъ порядкѣ, по вѣкамъ отъ Р. Х. И, такъ какъ печальная для Церкви эпоха взятія Константинополя агарянами сама собою раздѣляетъ весь соборъ описанныхъ нами святыхъ на два, рѣзко различающихся періода, (что можно сказать не только объ аѳонскихъ, но и о всѣхъ святыхъ Церкви восточной); изъ которыхъ первый періодъ можно и должно назвать преподобническимъ, а второй — мученическимъ, то это давало намъ поводъ раздѣлить свой патерикъ на двѣ части, сообразно съ указанными періодами. Теперь однако, желая дать книгу болѣе удобную для постояннаго чтенія, мы рѣшились распределить памяти святыхъ не по вѣкамъ, а по днямъ и мѣсяцамъ на цѣлый годъ. А въ концѣ книги, для любителей исторіи мы прилагаемъ „хронологическій указатель,“ и азбучный (алфавитный) списокъ именъ святыхъ нашего патерика. Касательно же памяти святыхъ, на Аѳонской горѣ просіявшихъ, надобно замѣтить, что, кромѣ дней, помѣчаемыхъ нами, или, что то же, празднуемыхъ всею православною Церковію, всѣ аѳонскіе преподобные прославляются Святою горою еще въ 1-ю недѣлю по недѣлѣ всѣхъ святыхъ; во 2-ю же по ней Аѳонская гора празднуетъ всѣмъ новымъ мученикамъ. Святыхъ, на Аѳонѣ просіявшихъ, есть у насъ отдѣльная служба, составленная блаженной памяти Никодимомъ и отпечатанная въ Ермополѣ (въ 1847 году, и потомъ въ Аѳинахъ, въ 1869 г.). Служба эта переведена и на славянскій языкъ и отпечатана въ Будинѣ (въ 1810 г., а потомъ въ Царь-градѣ, въ 1862 г.). Есть также отдѣльная служба и святымъ новомученикамъ. И эта служба составлена тѣмъ же Никодимомъ святогорцемъ и помѣщена въ изданой имъ книгѣ: „Νέον Μαρτυρολόγιον“, или „Новое собраніе повѣствованій о мученикахъ“ (издана въ Венеціи, въ 1799 г., потомъ въ Аѳинахъ, въ 1856 г., см. стр. 219 — 270).

Службы эти находятся на Востокѣ въ обще-церковномъ употребленіи, равно какъ и житія, помѣщенные въ нашемъ патерикѣ. Почти всѣ они официально одобрены Вселенскою Константинопольскою Церковью. Въ „Собраніе синаксарей,“ или краткихъ житій святыхъ (Συναξαριστής. Βενετία. 1819 г.), переведенное на новогреческій языкъ, исправленное и дополненное упомянутымъ уже нами святогорцемъ Никодимомъ, включены имена всѣхъ бывшихъ извѣстными ему новыхъ учениковъ. Въ минеяхъ греческихъ, изданныхъ въ 1842—43 гг. въ Константинополѣ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія особою Коммиссіею и по благословенію святѣйшаго патріарха Германа и его синода, также поставлены имена сихъ мучениковъ на ряду съ именами древнихъ подвижниковъ вѣры и благочестія *).

Нѣтъ сомнѣнія, что собранія эти не обнимаютъ сказанія о всѣхъ, запечатлѣвшихъ кровію истину своей вѣры въ сіи тяжкія для восточной Церкви времена ига агарянскаго, но и тѣхъ сказаній, какія сохранила благочестивая ревность боголюбивыхъ мужей, достаточно для того, чтобы свидѣтельствовать о крѣпости и силѣ благодатной жизни въ Церкви, столько вѣковъ томящейся подъ игомъ иновѣрнымъ и всегда представляющей новыхъ поборниковъ вѣры, готовыхъ стоять за нее до крове. Общеніе Церкви русской съ Церквами Востока, составляющими вкупѣ съ нею единую, святую, соборную, Апостольскую Церковь дѣлаетъ и насъ причастниками славы мученичества, которою украшаются собратія наши на Востокѣ.

Святая Афонская гора, Русскій монастырь,
1896 года, іюля 5.

*) Въ честь всѣхъ преподобныхъ афонскихъ, въ русскомъ монастырѣ сооруженъ благогипный храмъ, при больничномъ корпусѣ.

Богъ прославляемъ въ советѣ святыхъ (Псал. 88, 8).

Соберите Ему преподобныя Его (Псал. 49, 5).

Господи, аще не быхомъ святыхъ Твоя имѣли молитвенники, и благостыню Твою милующую насъ, како смѣли быхомъ, Спасе, пѣти Тя, Егже славословятъ непрестанно Ангели? Сердцевѣдче, пощади души наша (Октоихъ, гласъ 6, вторн. утра, на стиховнѣ стихиры, и Октоихъ гласъ 6, суббота утра, на хвалит. стихиры).

Восхвалимъ убо мужи славны, и отцы въ бытіи. Многу славу возда Господь въ нихъ величїемъ Своимъ отъ вѣка. Господствующе въ царствїихъ своихъ, и мужи имениты силою, советующе разумомъ своимъ, пророчавшии во пророчествахъ; старѣйшины людей въ советахъ и въ разумѣ писанїя людей; премудрая словеса въ наказанїи ихъ, ищуще гласа мусикійска, и повѣдающе повѣсти въ писанїяхъ; премудрость ихъ повѣдѣтъ людїе, и похвалу ихъ исповѣсть Церковь (Премудр. Сирах. 44, 1—5. 14).

Я Н В А Р Я 4.

Житіе и страданіе святаго новаго преподобно-мученика

О Н У Ф Р І Я *).

Жето родины святаго новаго преподобномученика (Онуфрія) было селеніе Габрово, Терновской епархіи. Онъ происходилъ отъ богатыхъ христіанскихъ родителей болгаръ и во св. крещеніи названъ былъ Матеемъ. Когда Матеей достигъ возраста способнаго разумѣть книжное ученіе, тогда родители отдали его въ училище, гдѣ онъ проходилъ ученіе съ большимъ успѣхомъ. Въ это время однажды онъ въ чемъ то провинился, за что и былъ наказанъ своими родителями, но однако это внушительное родительское наказаніе, породило въ его юномъ умѣ мысль о мести, которая по дѣйству вражескому, клонилась къ собственной его гибели. Питая гнѣвъ на своихъ родителей за наказаніе, онъ выразился предъ находившимися

*) Съ рукописи слита св. Предтечи.

тамъ турками, что желаетъ принять магометанскую вѣру. Это дѣтское намѣреніе легко могло бы осуществиться, если бы не успѣли родители исхитить его изъ рукъ служителей Магомета. Видно однако, что любовь Небеснаго Отца, за вѣру и благочестіе родителей, не оставила отрока, изъясвившаго по своему неразумію желаніе отречься отъ христіанскія вѣры. Ибо когда Матѳеѣй пришелъ въ совершенный возрастъ, и сталъ понимать предметы самостоятельно, то тогда же удалился на святую Аеонскую гору и поступилъ въ братство Хиландарскаго монастыря. Здѣсь вскорѣ онъ принялъ на себя иноческій образъ съ именемъ Манассіи и проходилъ духовные подвиги со вниманіемъ и ревностію. Спустя нѣсколько времени онъ, за свою добродѣтельную и подвижническую жизнь, рукоположенъ былъ во іеродіакона *). Въ семъ священномъ санѣ, Манассія прилагалъ труды къ трудамъ, ревнуя въ добродѣтеляхъ подвижникамъ Христовымъ, и такимъ образомъ приходилъ отъ силы въ силу. Но опытъ и писанія св. Отцевъ свидѣтельствуютъ, что на сколько чловѣкъ преуспѣваетъ въ добродѣтели, на столько же украшается смиреніемъ, такъ что тогда даже и малѣйшіе грѣхи кажутся ему великими, и онъ сердечно сокрушается о нихъ, принося покаяніе. Такъ точно и Манассія: преуспѣвая въ добродѣтели и разсматривая всю свою прошедшую жизнь, онъ съ ужасомъ увидѣлъ свое паденіе, т.-е. отреченіе отъ Христа, бывшее еще въ отрочествѣ, которое съ этого времени какъ бы нѣкимъ тайнымъ обличителемъ постоянно носилось въ его умѣ. Кромѣ того и

*) Можетъ быть онъ не исповѣдалъ духовнику о своемъ бывшемъ отреченіи отъ Христа, или духовникъ не счелъ оное препятствіемъ къ принятію діаконскаго сана. Но по 10-му правилу 1-го Вселенскаго собора не могутъ быть удостоиваемы священнослужительскаго сана отрeksiеся христіанскія вѣры и приносяшіе жертву идоламъ. См. изъясненіе сего правила на 305 стр. Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія, архим. Іоанна. Т. 1. Спб. 1851 г.

сердце его не имѣло покоя вслѣдствіе вычитанныхъ имъ словъ, сказанныхъ Спасителемъ въ Божественномъ Евангеліи: „всякъ, иже исповѣсть Мя предъ челоуѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ: а иже отвержется Мене предъ челоуѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ“ (Мѡ. 10, 32—33). Имѣя въ умѣ постоянно сіи священныя слова, Манассія скорбѣлъ, вся душа его была объята страхомъ. А что, думалъ онъ, если я не принесу достойныхъ плодовъ покаянія за свое отреченіе, и въ день великаго суда Христось, Котораго я отвергся предъ людьми, отвержется меня предъ Отцемъ Небеснымъ? Сердце его не было покойно, въ немъ не царилъ тотъ радостный миръ, который въ подкрѣпленіе и утѣшеніе посылается подвижникамъ отъ всещедрого Бога, а потому совершаемые имъ подвиги казались ему весьма недостаточными для того, чтобы очистить себя отъ глубокаго, какъ ему казалось, паденія и умилостивить Бога; при этомъ въ умѣ его носилось, что примирить свое сердце съ небеснымъ Творцемъ возможно только чрезъ исповѣданіе Его предъ невѣрными. Поэтому онъ рѣшился, за свое отреченіе отъ Христа, исповѣдать Его предъ турками, проливши за Него кровь въ мученическихъ страданіяхъ, очистить свое паденіе, и этимъ путемъ примириться съ Богомъ. Это святое и притомъ трудное намѣреніе день и ночь не оставляло его; однако не довѣряя себѣ, онъ съ сердечною и смиренною молитвою просилъ Бога открыть ему, есть ли на то воля Его, угодная и совершенная, какъ о семъ говоритъ св. Апостоль Павелъ (Римл. 12, 2). И, если желаніе его угодно Ему, то тогда бы только утвердилъ его мысль непоколебимою, и укрѣпилъ бы его Своею благодатію мужественно исповѣдать христіанскую вѣру предъ врагами Христа, и принять мученическую кончину. Но такъ какъ, по словамъ Св. Писанія: „помышленія смерт-

ныхъ боязлива и погрѣшительна умышленія ихъ“ (Премуд. Солом. 9, 14), то и Манассія не рѣшился безъ совѣта съ опытными отцами вступить въ великій подвигъ мученичества, а потому съ смиреніемъ и кротостію онъ открылъ свое желаніе духовнымъ старцамъ и просилъ ихъ благоразумнаго совѣта. Но старцы посовѣтовали ему хорошенько обдумать свое намѣреніе и, не познавши своихъ силъ, не рѣшались на столь страшный подвигъ.

Совѣтъ опытныхъ мужей былъ принятъ Манассіей съ охотою, и онъ началъ еще болѣе подвизаться въ постѣ, бдѣніи, молитвѣ и трудахъ; при этомъ, желаніе пострадать за Христа не только не охлаждалось въ его сердцѣ, но еще болѣе воспламенялось, особенно когда онъ узналъ о недавнемъ страданіи новыхъ преподобномучениковъ Евѳимія, Игнатія и Акакія *).

Узнавъ, что сіи св. мученики, приготовляясь къ мученическому подвигу, пользовались совѣтами и руководствомъ духовника Никифора, онъ отправился въ Предтечевскій скитъ, гдѣ чистосердечно исповѣдалъ предъ опытнымъ духовникомъ Никифоромъ свое намѣреніе, просилъ его принять въ свою келлію и приготовить къ страдальческому подвигу, подобно Евѳимію съ Игнатіемъ и Акакіемъ.

— Согласенъ, чадо, принять тебя къ себѣ, сказалъ ему ласково духовникъ Никифоръ, но только съ тѣмъ, чтобы никто изъ постороннихъ не зналъ о твоёмъ намѣреніи пострадать за Христа, и чтобы все время приготовления твоего къ мученичеству ты совершалъ такъ, какъ бы уже находился въ страданіяхъ за Христа, предъ жестокими мучителями. Соглашаешься ли ты на это?

— Согласенъ, святой отче, съ радостію отвѣчалъ блаженный. И такимъ образомъ, получивъ желаемое—быть

*) Пострадали въ 1816 году; память ихъ 1-го мая

ученикомъ опытнаго мужа, Манассія возвратился въ свой монастырь, распорядился своими вещами и деньгами, изъ коихъ одну часть роздалъ въ милостыню, а другую оставилъ въ пользу монастыря съ тѣмъ, чтобы оный доставлялъ пропитаніе его родному отцу, который въ то время жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Хиландарскомъ монастырѣ, въ полномъ монашескомъ постриженіи.

Послѣ этого, онъ подъ видомъ, какъ будто бы хочетъ идти въ Іерусалимъ, для поклоненія святымъ мѣстамъ, скрылся отъ всѣхъ, и пришелъ къ духовнику Никифору, который съ отеческою любовію принялъ блаженнаго и помѣстилъ его въ отдѣльной келліи, при этомъ заповѣдалъ ему, чтобы онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ никакого общенія, а одинъ наединѣ молился Богу.

Заклучившись въ тѣсной и темной келліи, Манассія началъ подвизаться въ продолжительномъ бдѣніи и молитвѣ; при этомъ смирялъ свое тѣло земными поклонами, которыхъ въ теченіе сутокъ полагалъ по 3,500, а поясныхъ безъ числа. Молитва со слезами какъ бы сроднилась съ нимъ, которую онъ имѣлъ постоянно въ устахъ и въ умѣ, и такимъ образомъ блаженный подвижникъ въ сей тѣсной келліи, подобно золоту, искушался въ терпѣніи и мужествѣ. Для подкрѣпленія же тѣлеснаго употреблялъ въ пищу хлѣбъ съ водою чрезъ два, а ипогда и чрезъ три дня; вареную же пищу во все время вкушалъ иногда только въ субботы и воскресные дни.

Спустя четыре мѣсяца, въ его душѣ, уже очищенной и горячей пламенною любовію къ сладчайшему Іисусу, явилась рѣшимость вступить въ давножеланный подвигъ пострадать за православную вѣру и принять мученическую кончину. Въ это время старецъ Никифоръ постригъ его въ великій ангельскій образъ съ именемъ Онуфрія, и рѣшено было духовникомъ съ другими старцами отправить его на

островъ Хиосъ, который блаженный Онуфрій долженъ избрать поприщемъ мученическихъ подвиговъ. И такимъ образомъ бывъ напутствованъ общими молитвами и благословеніями, мужественный воинъ Христовъ вмѣстѣ съ инокомъ Григоріемъ, тѣмъ самымъ, который до этого сопутствовалъ тремъ мученикамъ Христовымъ: Евѡимію, Игнатію и Акакію, — съ этимъ то любвеобильнымъ Григоріемъ Онуфрій оставилъ св. Аѡнскую гору. Отправились въ путь и будучи управляемы Промысломъ Божиимъ, вскорѣ благополучно прибыли въ Хиосъ. Здѣсь они остановились въ домѣ у одного христіанина, гдѣ въ отдѣльной комнатѣ провели семь дней въ постѣ, бдѣніи и молитвѣ, подкрѣпляя свою душу частымъ причащеніемъ Св. Христовыхъ Таинъ. И такимъ образомъ вооружившись во вся оружія духовныя, Онуфрій рѣшился въ грядущую пятницу, какъ день спасительныхъ страданій Господа нашего Іисуса Христа, выйти на брань противъ духа злобы и пролить свою кровь за Іисуса Христа. Какъ бы въ подкрѣпленіе и утѣшеніе блаженнаго Онуфрія въ одну изъ проведенныхъ въ молитвѣ ночей, онъ сѣлъ отдохнуть и будучи въ изнеможеніи, погрузился въ легкій и тонкій сонъ. Въ это время онъ видитъ ликъ стоящихъ предъ нимъ архіереевъ, священниковъ и воиновъ, которые сказали ему: „встань и иди къ Царю, который хочетъ видѣть тебя.“

— Для чего, отвѣчалъ имъ блаженный съ робостью, Царь желаетъ видѣть меня, и что я за человекъ, который понадобился ему? Умоляю васъ, оставьте меня.

— Невозможно, сказали ему небесные посѣтители, вставай и иди за нами. Въ сопутствіи сихъ свѣтоносныхъ мужей, Онуфрій всталъ и пошелъ за ними. Потомъ пришли они въ нѣкое открытое и обширное мѣсто, которое было все залито необыкновеннымъ свѣтомъ, гдѣ на прекрасномъ и сіяющемъ какъ бы отъ солнечныхъ лучей тронѣ, въ ве-

личіи возсѣдалъ Царь, къ которому блаженный подошелъ и поклонился до земли. Въ это время Царь обратился къ предстоящимъ и указывая рукою на одно свѣтлое мѣсто сказалъ: „вотъ для него готова уже обитель.“ При сихъ словахъ Онуфрія оставилъ тонкій сонъ, и онъ проснулся, чувствуя въ сердцѣ своемъ небесную радость. Прославивъ Бога, утѣшившаго его чуднымъ видѣніемъ, онъ усердно просилъ въ молитвѣ своей и святаго Василія Великаго, такъ какъ эта ночь была его памяти, чтобы и онъ похотѣлъ за него у престола Божія своими благопріятными молитвами. Но каковая же печаль объяла его сердце, когда онъ въ слѣдующую ночь уже не ощущалъ той небесной радости, и вмѣсто оной наступилъ страхъ и трепетъ, и онъ сталъ чего-то страшиться. Видя себя въ такомъ состояніи, онъ со слезами обратился къ старцу Григорію: Отче! Божественный огонь, который согрѣвалъ сердце мое, угасъ! За что я окаянный лишился этого утѣшенія?

— За гордость, отвѣчалъ ему Григорій, ты возмечталъ о себѣ нѣчто великое, и за это скрылась отъ тебя благодать Божія.

— Увы мнѣ окаянному! съ рыданіемъ и стономъ, сказалъ Онуфрій. Какого я лишился драгоцѣннаго дара! Что теперь скажутъ св. отцы и братія Аѳонскіе, вмѣсто того, чтобы услышать имъ о новомъ мученикѣ и порадоваться за мое спасеніе, услышать о вторичномъ моемъ отреченіи отъ Христа. Увы мнѣ грѣшному! Увы мнѣ несчастному!

Выплакавъ свое горе, онъ упалъ къ ногамъ Григорія и лежа у его ногъ, укорялъ себя за то, что не могъ сохранить Божественнаго утѣшенія. Потомъ сталъ на молитву и до тѣхъ поръ изливалъ оную предъ Сердцевѣдцемъ, пока опять не почувствовалъ въ сердцѣ своемъ той угасшей теплоты, которая было его оставила.

Чувствуя себя въ мирномъ устроеніи, онъ съ дѣтскою

простотою обратившись къ Григорію съ радостными на глазахъ слезами, сказалъ: „Отче! благословенъ Богъ, мнѣ теперь опять хорошо.“

На утро Григорій, взявъ предосторожность, дабы опять Онуфрій не впалъ въ духовную гордость, такъ какъ коварства злобнаго врага сильны, который рыкая, какъ левъ, ищетъ кого поглотити, и тѣмъ болѣе и сильнѣе вооружается на тѣхъ, которые мужественно отражаютъ всѣ его нападенія. Древняя злоба не дремлетъ и готова воздвигнуть тучи своихъ коварствъ, лишь бы только найти въ подвижникахъ Христовыхъ хотя малѣйшую часть слабою. Поэтому опытный старецъ Григорій, дабы смирить всѣ помыслы Онуфрія и чтобы онъ отнюдь не надѣялся на себя, повелѣлъ ему просить у всѣхъ, въ томъ домѣ находившихся, за себя молитвъ, припадая къ ихъ ногамъ и лобызая оныя. Послѣ этого въ тотъ же день блаженный Онуфрій заключился въ Церковь, гдѣ началъ молиться съ воплемъ, изливая предъ Сердцевѣдцемъ скорбь тоскующей своей души.

Григорій, слыша Онуфрія молящагося съ воплемъ, на сей разъ не препятствовалъ ему явно изливать свою печаль предъ Отцемъ небеснымъ, ибо видѣлъ, что его гласная молитва исходила изъ сердца согрѣтаго Божественною теплою; и чтобы не смутить молящагося, то уже послѣ, когда блаженный кончилъ свою молитву, Григорій для предосторожности замѣтилъ ему говоря:

— Развѣ ты не слышалъ, что сказалъ Господь въ Евангеліи: „да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя“ (Мѣ 6, 3). Для чего это ты тщеславишься и творишь твою молитву гласно? Конечно, для того, чтобы тебя всѣ слышали и хвалили. Несчастный! опять ты впалъ въ гордость и погубилъ трудъ свой. Опять ослѣпила тебя духовная гордость!

Блаженный, слыша отъ старца Григорія сіи слова, съ

кротостію отвѣчалъ ему: „согрѣшилъ, Отче! прости меня и помолись за меня Богу, чтобы Онъ избавилъ меня отъ сѣтей діавольскихъ. Но опытный Григорій, видя глубокое смиреніе Онуфрія, въ душѣ радовался за него, такъ какъ выговоръ сдѣланъ былъ ему собственно для того, чтобы вести блаженнаго къ подвигу мученическому путемъ смиренія и такимъ образомъ низложить всезлбнаго и гордаго діавола. Цѣль его была достигнута, и теперь-то онъ началъ готовить его къ подъятію страданій за исповѣданіе имени Христова. Всю предшествующую ночь провели они вмѣстѣ на молитвѣ, потомъ приобщившись св. Христовыхъ Таинъ, Григорій одѣлъ Онуфрія въ мірскія одежды (волосы на головѣ и бородѣ были обриты еще съ вечера), и какъ только забрезжало утро, отпустилъ его съ пожеланіемъ совершить благополучно мученическій подвигъ.

На дорогѣ онъ встрѣтился съ однимъ христіаниномъ, и при разговорѣ съ нимъ, видя его благонамѣреннымъ, открылъ ему свое желаніе пострадать за Христа. Добрый христіанинъ порадовался, и при этомъ замѣтилъ, что у него къ довершенію всей турецкой одежды недостаетъ красныхъ башмаковъ, которые въ этомъ случаѣ были необходимы, и купилъ ему оныя. Потомъ пошли они въ храмы Пресвятой Богородицы, именуемой Обрадованной, и св. Матроны Хіоградской, гдѣ отслужили молебень Царицѣ небесной, прося подкрѣпленія и помощи у Богоматери, и уже отсюда Онуфрій пошелъ въ Мехкемѣ (судилище).

Пришедши въ Мехкемѣ, онъ спросилъ у сторожа: можно мнѣ видѣть предсѣдателя?

— На что тебѣ онъ, отвѣчалъ сторожъ.

— Имѣю къ нему заявить дава *).

*) Дава процессъ тянущихся о чемъ либо лицъ, разсматриваемый низшимъ судебнымъ мѣстомъ; когда же одно изъ тянущихся лицъ бываетъ недовольно рѣшеніемъ этого мѣста, а желаетъ

— А есть у тебя фетуфа?

— Нѣтъ, въ замѣшательствѣ отвѣчалъ Онуфрій.

— Въ такомъ случаѣ невозможно видѣть предсѣдателя, отвѣчалъ ему сурово сторожъ.

Не достигнувъ цѣли, Онуфрій со скорбію пришелъ обратно въ домъ къ тому доброму христіанину, который купилъ ему башмаки. Но сей благонамѣренный христіанинъ успокоилъ его и посовѣтовалъ идти опять въ Мехкемѣ, и тамъ никому не сказавшись, поднять занавѣсъ, отдѣляющій присутствующихъ отъ просителей, и такимъ образомъ можно проникнуть въ ихъ засѣданіе.

Выслушавъ совѣтъ, Онуфрій пошелъ въ Мехкемѣ, гдѣ безбоязненно поступилъ по совѣту добраго христіанина, и вошедши въ присутствіе, обратился къ судьямъ съ слѣдующими словами.

— Назадъ тому 15 лѣтъ, въ этомъ мѣстѣ я получилъ опасную рану, и съ того времени обошедши разные города и врачей, не получилъ исцѣленія, и всѣ, какъ бы согласившись между собою, сказали: что рану мою никто не можетъ залѣчить, какъ только одно лишь то мѣсто, гдѣ я оную получилъ, поэтому я опять пришелъ сюда, чтобы совершенно залѣчить ее.

— Какая же твоя рана, спросилъ его Кади (судья), и что именно ты хочешь отъ насъ получить?

— Рана моя, отвѣчалъ мученикъ, такого рода: будучи отрокомъ я, по своему неразумію, отрекся христіанской вѣры предъ вашими мусульманами, впрочемъ никогда не послѣдовалъ ей, а всегда былъ истиннымъ христіаниномъ и исполнялъ всѣ христіанскіе обряды. Но когда я пришелъ въ совершенный возрастъ, тогда ясно, какъ день,

перенести свое дѣло въ какое нибудь высшее судилище, то, въ удостовѣреніе на это права, выдается ему изъ низшаго судилища фетуфа (свидѣтельство).

открылось предо мною мое паденіе, которое считалъ какъ бы глубоко нанесенную въ душу мою рану. Послѣ этого, я обошелъ многія святаыя мѣста для уврачеванія себя покаяніемъ, но помыслы мои не успокоились, а сердце до сихъ поръ не находитъ покоя. Итакъ, проклиная вашу вѣру съ ложнымъ вашимъ пророкомъ Магометомъ, и дерзновенно исповѣдую себя предъ вами христіаниномъ. Говоря это, онъ бросилъ предъ ними головную зеленую повязку, которой одна часть попала въ лице Кади, а другая Муфти.

Судьи, видя такое дерзновеніе святаго, удивились, какъ это могъ рѣшиться на такую дерзость христіанинъ; одинъ же изъ нихъ съ гнѣвомъ началъ говорить святому: что ты несчастный дѣлаешь? подними и опять положи себѣ на голову эту святую вещь. Но мученикъ ослабившись началъ укорять всѣ ихъ вещи, которыя они называютъ святыми и самую ихъ вѣру со всѣми ея обрядами.

Слыша худу на свою вѣру, судьи злобно закричали: смерть этому человѣку! и приказали ввергнуть его въ темницу, забивши ноги въ колоды. Когда святой мученикъ введенъ былъ въ мрачное заключеніе, то томившіеся тамъ въ узакъ, нѣкоторые изъ христіанъ съ участіемъ спрашивали о его имени и отечествѣ, но страдалецъ Христовъ, скрывая истину, чтобы не дать подозрѣнія, что онъ инокъ, отвѣчалъ имъ, что онъ изъ Тернова, а имя ему Матеей. Но однако святому долго не пришлось сидѣть въ темницѣ, ибо судьи въ этотъ же день осудили его на смерть.

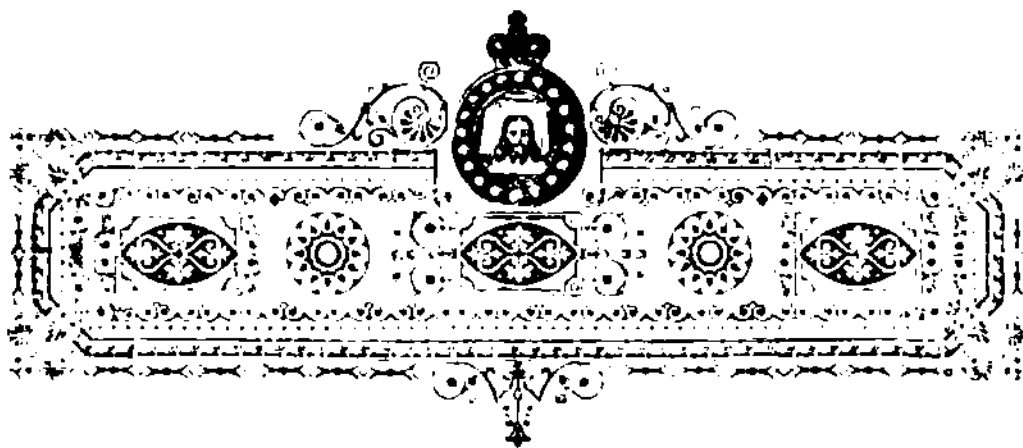
Когда вывели святаго узника изъ темницы, то судьи еще разъ спросили его, какъ онъ думаетъ о себѣ, и когда узнали, что мужественный страдалецъ непоколебимъ въ своемъ исповѣданіи, приказали ему отрубить голову, а тѣло съ одеждою бросить въ море.

Послѣ этого повели св. Онуфрія на смертную казнь.

Пришедши на то самое мѣсто, гдѣ незадолго предъ этимъ былъ обезглавленъ новый преподобномученикъ Маркъ, Онуфрій преклонилъ колѣна и закланъ былъ ножемъ въ гортаць подобно кроткому агнцу, чистая же и непорочная его душа отлетѣла въ небесныя обители 4-го января 1818 года, въ пятницу въ 9 часовъ дня, на 32 году отъ рожденія.

Такимъ образомъ совершился дивный подвигъ святаго страсготерпца Онуфрія, котораго онъ такъ долго ждалъ, для примиренія себя съ сладчайшимъ Иисусомъ, за Котораго излилъ свою кровь, омывъ себя отъ того пятна, которое нѣкогда тяготило его душу. Теперь только вполнѣ залѣчилась та смертельная рана, о которой преподобномученикъ говорилъ предъ турецкими судьями.

Послѣ казни, святыя мощи мученика были положены въ куль, а въ другой куль насыпали ту землю, на которой лежали мощи, дабы христіане не могли взять что либо для освященія, и такимъ образомъ положили въ лодку, отвезли въ открытое море и тамъ бросили въ морскую пучину. Что же сдѣлалось съ св. мощами по вверженіи ихъ въ море, для насъ осталось тайной. Знаемъ только, что Тотъ, за Котораго онъ пострадалъ, сохранилъ ихъ невредимыми и въ волнахъ морскихъ, ибо въ Св. Писаніи говорится: „хранить Господь вся кости ихъ, и ни едина отъ нихъ сокрушится“ (Пс. 33, 21), и что онъ сподобился получить отъ Христа Бога мученическій вѣнецъ, за исповѣданіе Его предъ магометанами. Молитвами святаго преподобномученика Онуфрія, Христе Боже, сподоби и намъ получить христіанскую кончину и небесное царство, которое Ты уготовалъ своимъ послѣдователямъ отъ сложенія міра. Аминь.

Я Н В А Р Я 4.

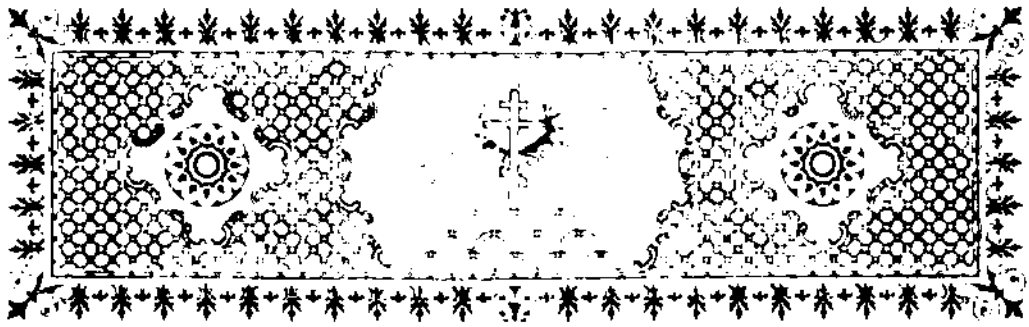
Память св. преподобномучениковъ Ватопедскихъ—игумена Евѣимія и двѣнадцати иноковъ.

Святые эти преподобномученики пострадали отъ папистовъ, разорывшихъ святую Аѳонскую гору въ царствованіе Византійскаго императора Михаила Палеолога (1260—1281 г.). За дерзновенное обличеніе латиномудреныхъ въ ереси преподобный Евѣимій былъ утопленъ, а иноки повѣшены, и мученическою кончиною прославили вѣлчавшаго ихъ Господа.

Память ихъ совершается въ обители Ватопедской 4-го января. Общая же память всѣхъ свв. повомучениковъ празднуется на святой Аѳонской горѣ во 2-ю недѣлю по недѣлѣ Всѣхъ Святыхъ.

Подробное сказаніе о страданіи свв. преподобномучениковъ Ватопедскихъ смотри въ „Повѣсти о нашествіи папистовъ на Святую гору,“ помѣщенной нами подь 10-мъ октября, во 2-й части Аѳ. Патерика.

Я Н В А Р Я 4.

**Жизнь святаго Евстаѳія, — архіепископа
сербскаго *).**

Благонный Евстаѳій былъ родомъ изъ области Будимль-
ской въ Сербіи, сынъ Богобоязненныхъ родителей. Съ
юныхъ лѣтъ лучшимъ утѣшеніемъ для него было чтеніе
Божественныхъ книгъ и посѣщеніе храмовъ Божіихъ. Еще
будучи отрокомъ, прежде нежели отдали его въ наученіе
книжное, онъ самъ пришелъ напомнить объ этомъ своему
отцу, и въ скоромъ времени превзошелъ въ ученіи всѣхъ
своихъ сверстниковъ. Едва вступивъ въ юношескій возрастъ,
онъ бѣжалъ изъ родительскаго дома, чтобы сдѣлаться ино-
комъ, и водворился въ области Зетской, въ обители Архан-
гела Михаила, гдѣ была епископская кафедра. Преосвя-
щенный Неофитъ самъ постригъ его, и тамъ началъ онъ
проходить со всею строгостію жизнь подвижническую, день
и ночь посвящая молитвѣ и не обращая своего лица къ
оставленной имъ суетѣ міра. Пришло ему желаніе посѣ-
тить святыя мѣста Іерусалима и поклониться Гробу Гос-
подню. Никому не открывъ своего тайнаго помысла, онъ
со слезами молилъ Господа исполнить пламенное его же-
ланіе. Господь внялъ его молитвѣ: нашлись добрые спут-
ники—два инокъ посланные ему Самимъ Господомъ, кото-

*) Давичичъ. Животъ краљева и архіепископа ерскихъ. Загребъ. 1866.

рые пришли въ обитель Архистратига и объявили юному подвижнику желаніе свое идти въ Іерусалимъ. Съ ними пустился Евстаѣій въ дальній невѣдомый путь, возложивъ все упованіе свое на Бога, и благополучно достигъ Святаго града, гдѣ провелъ немало времени, обходя всѣ покланяемыя мѣста страданій Господнихъ и окрестныя пустыни, наполненныя пустынниками. Совершивъ свое странствіе въ Палестинѣ, онъ отправился и на святую Аѳонскую гору, чтобы водвориться тамъ, для большаго подвига, посреди отцевъ. Онъ поселился на Святой горѣ, въ знаменитой лаврѣ Хиландарской, и тамъ хотѣлъ окончить дни свои въ безмолвіи, посвятивъ себя на служеніе Богу въ пустынѣ; но Господу благоугодно было поставить его на свѣщникъ, чтобы онъ свѣтилъ родной землѣ съ кафедры святительской. Молва о немъ распространилась далеко и къ его духовной бесѣдѣ стали притекать не только изъ ближнихъ, но и изъ дальнихъ обителей. ибо высокимъ подвигомъ иноческой жизни онъ превзошелъ всю братію на Аѳонѣ. Общимъ соборомъ всѣхъ обителей Святой горы, онъ былъ поставленъ игуменомъ лавры Хиландарской, въ каковомъ званіи видимъ его съ 1263 г. *). Благочестивые краи сербскіе, услышавъ о высокой его добродѣтели, притекали къ нему за совѣтомъ и осыпали ввѣренную ему обитель обильными дарами. Блаженный Евстаѣій ревновалъ идти во всемъ по слѣдамъ великаго Саввы, основателя Хиландарской обители, и какъ подражалъ ему въ созиданіи оной, такъ и наслѣдовалъ его каѳедру. Но прежде ему суждено было наслѣдовать каѳедру области Зетской, въ той обители Архангела, гдѣ онъ принялъ ангельскій образъ: хотя и вопреки его желанію, онъ возведенъ былъ на степень святительскую. Послѣ кончины блаженнаго архіепископа Іоанникія, король сербскій Драгутинъ созвалъ

*) Калайдовича эвзархъ, стр. 164.

всѣхъ епископовъ и игуменовъ земли своей для избранія достойнаго преемника усопшему архипастырю,—и выборъ ихъ палъ на смиреннаго епископа Евстаѳа. Смутился духомъ смиренный и долго умолялъ краля не возлагать на рамена его бремя не по силамъ: но не могъ воспротивиться общему голосу Церкви сербской и возведенъ былъ соборно на осиротѣвшую кафедру.

Высокія добродѣтели Евстаѳа доставили ему уваженіе и новаго короля Милютина. Въ званіи архіепископа всей Сербіи онъ съ 12-ю епископами присутствовалъ на соборѣ, на которомъ краля Милютинъ утвердилъ за Хиландарскимъ монастыремъ земли и угодья Сербской страны *). Послѣ семилѣтняго управленія Церковію, блаженнаго Евстаѳа постигла тяжкая болѣзнь, предвѣстница скорой кончины; но смерть представлялась ему сладостнымъ сномъ. Онъ находился тогда въ обители Жидча, основанной св. Саввою, куда и призвавъ ближнихъ епископовъ и игуменовъ, простился со всѣми, пріобщился св. Таинъ и съ веселымъ лицомъ сказавъ: „въ руки Твои, Господи, предаю духъ мой,“ мирно скончался въ 1279 г. **).

Весь освященный соборъ съ честью похоронилъ его въ мраморной ракъ, въ обители Спасовой на мѣстѣ, называемомъ Жидча; но Господь сохранилъ кости праведника и не далъ имъ видѣть истлѣнія. Начались дивныя знаменія при ракъ его и исцѣленія болящихъ. Краля Урошъ Милютинъ, послѣ совѣщанія съ преемникомъ Евстаѳа, архіепископомъ Іаковомъ, повелѣлъ открыть раку; живымъ а не усопшимъ предсталъ имъ Святитель въ мертвенномъ своемъ покоѣ. Нетлѣнное тѣло его съ великою честью поднято было изъ гробовой раки и поставлено въ ковчегъ внутри храма. День его преставленія положено было празд-

*) Григоровича путеш.

**) См. Свв. южныхъ славянъ, Филарета архіеп. чернигов. 1865. допол. стр. 250.

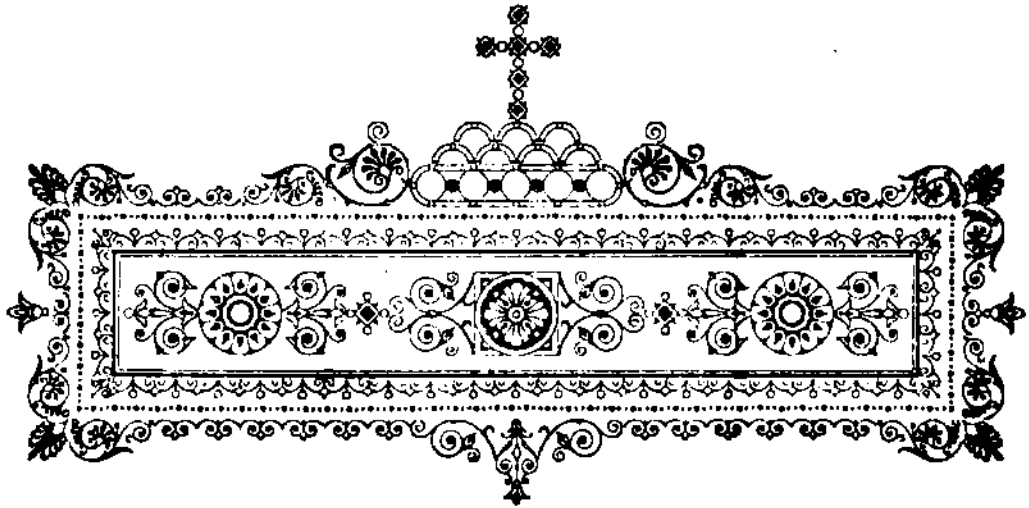
повать 4 января. Когда же, спустя нѣкоторое время, отъ смуть воинскихъ, волновавшихъ Сербію, обитель Жидча стала не безопасна, архіепископъ Іаковъ устроилъ торжественное перенесеніе тѣла блаженнаго своего предмѣстника въ болѣе огражденное мѣсто, въ обитель Патріархіи Печской, гдѣ и доселѣ почиваютъ мощи Евстаѣія, посреди славныхъ его предмѣстниковъ и преемниковъ, источая благодатныя исцѣленія.

Сербская церковь поетъ св. Евстаѣію: „на Него же уповаль еси, святителю, изъ млада возраста, радуяся же яко елень востекль еси на гору святую, земная вся оставилъ еси, прилѣпився закону Творца и Владыки исполненіемъ заповѣдей.“

„Очистивъ душу и тѣло отъ скверны, праведно—преподобна и незлобива учителя себе показаль еси, отче блаженне: сирыхъ питатель, обидимыхъ помощникъ и страннопріименъ былъ еси: тѣмже со дерзновеніемъ вопіеши: Тебе люблю Іисусе Боже мой свѣта невечерняго и міромъ владычествующа“ *).

(Память Святителя совершается вторично въ общей службѣ свв. сербскимъ святителямъ и учителямъ—августа 30).

*) Серблякъ. Бѣградъ. 1861 г.

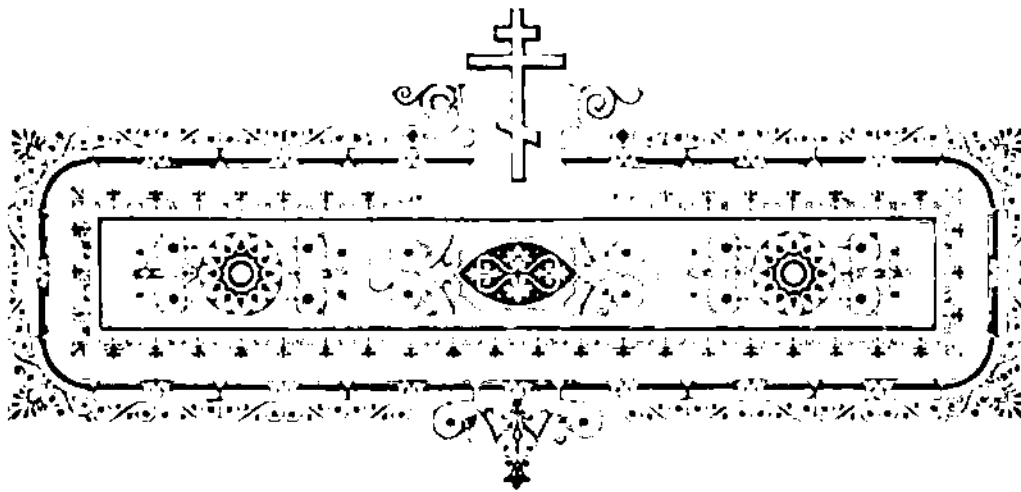

Я Н В А Р Я 5.

**Страданіе святаго преподобномученика
РОМАНА.**

Смотри память о страданіи его февраля 16-го. Въ греческихъ минеяхъ, напечатанныхъ Великою Церковью въ Константинополѣ 1843 г., а также и въ Синаксаристѣ Никодима, память св. преподобномученика Романа указана дважды: января 5 и февраля 16.

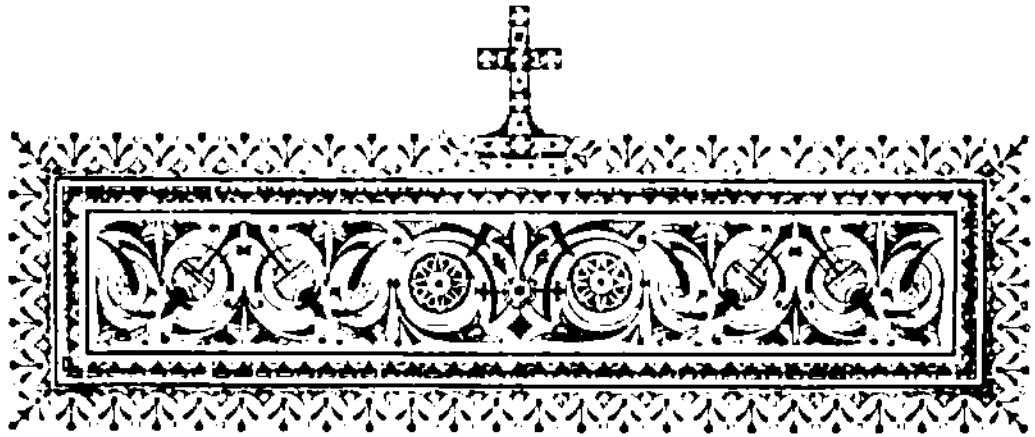
Я Н В А Р Я 11.

**Память преподобнаго и богоноснаго отца
нашего Θεодосіа, митрополита трапезунт-
скаго.**

Преподобный Θεодосій былъ сначала игуменомъ обите-
ли Филофеевской, потомъ возведенъ на кафедру митро-
политскую въ Трапезунтъ.

(Смотри о немъ въ житіи святаго Діонисія, бывшаго его
брата по плоти, ктитора обители честнаго Предтечи, іюня 25).

Я Н В А Р Я 13.

**Житіе, подвиги и чудеса преподобнаго и Богоноснаго
отца нашего**

МАКСИМА КАВСОКАЛИВИТА *).

Преподобный отецъ нашъ Максимъ родился въ Лампса-
кѣ, отъ родителей благородныхъ и благочестивыхъ.
Будучи бездѣтны, они молились Богу со слезами о даро-
ваніи имъ дитяти, и молитва ихъ была услышана: Богъ
даровалъ имъ этого блаженнаго Максима, названнаго во
святомъ крещеніи Мануиломъ. Итакъ, получивши его отъ
Бога какъ даръ, они воспитывали его съ особенною забот-
ливостью и, по наступленіи времени, начали учить его свя-
щеннымъ книгамъ, а когда достигъ онъ отроческихъ лѣтъ,
поселили его при храмѣ Пресвятыя Богородицы, и посвя-
тили Богу. Такимъ образомъ, Мануиль, постоянно пребы-
вая въ Богородичномъ храмѣ, славословилъ Бога и въ
простотѣ непорочнаго сердца, ходатайствовалъ у Его Все-
лѣтней Матери о своемъ спасеніи. Какъ второй Самуиль,
преуспѣвая въ возрастѣ и благодати, онъ былъ хвалимъ

*) Изъ Νέων Ἐκλόγων.

и любимъ всѣми; потому что, при незрѣлости еще дѣтскаго возраста, выказывалъ уже старческой разумъ. Сему много содѣйствовало, съ одной стороны, и то, что часто ходилъ онъ къ нѣкоторымъ старцамъ, безмолвствовавшимъ вблизи того храма и, обращаясь съ ними, по возможности услуживая имъ, внималъ совѣтамъ ихъ, и такимъ образомъ, назидаясь и примѣромъ богоугодной ихъ жизни и наставленіями, пламенѣлъ божественнымъ желаніемъ оставить міръ, и, сдѣлавшись инокомъ, хранить строгое безмолвіе. При такихъ прекрасныхъ свойствахъ и желаніи непорочнаго сердца, онъ часто, видя нищихъ, пренебрегалъ холодъ и отдавалъ имъ собственныя одежды, чтобъ согрѣть ихъ; равнымъ образомъ, дѣлилъ съ ними и хлѣбъ. А чтобы начатковъ добродѣтельной своей жизни не погубить льстивою похвалою со стороны міра, онъ принялъ на себя видъ юродиваго, хотя это и не скрыло его отъ внимательности людей. Между тѣмъ родители, забывъ, что Мануиль посвященъ ими Богу, приготовлялись женить его, чтобъ, связавъ его узами брака, имѣть въ немъ утѣху собственной жизни.

Узнавъ объ этомъ, юный Мануиль, вкусившій уже сладость духовной жизни, на 17-мъ году возраста, оставивъ родителей, отечество и міръ, и тайно удалившись на гору Ганъ, принялъ на себя ангельскій образъ, съ именемъ Максима, и предался безусловной покорности и послушанію старца Марка, свидѣтельствованнаго въ опытахъ иноческой жизни и извѣстнаго по всей Македоніи. Подъ мудрымъ его водительствомъ, юный Максимъ быстро преуспѣвалъ во всѣхъ подвигахъ иноческой жизни и, восходя отъ силы въ силу, былъ любимъ жившими тамъ старцами, исключая только его наставника Марка. Маркъ, желая утвердить въ смиреніи скромнаго и дивнаго своего послушника, непрерывно уничижалъ и поносилъ его, не смотря на чрезвычайные и постоянные его труды. Впрочемъ, недолго Божествен-

ный Максимъ оставался при этомъ старецъ: Богъ воззвалъ сего преподобнаго отъ жизни временной въ вѣчныя обители, вслѣдствіе чего Максимъ, оставивъ гору Ганъ, пустился странствовать по Македоніи, въ чаяніи найти другаго подобнаго первому, старца, — и Богъ исполнилъ его желаніе. На пустынныхъ горахъ Пасикійскихъ, въ тамошнихъ пещерахъ, онъ нашелъ нѣсколько отшельниковъ чрезвычайно строгой жизни, отъ которыхъ и занялъ много полезныхъ совѣтовъ и опытовъ жизни совершенно ангельской. Оттуда отправился онъ въ Константинополь, гдѣ, восхищаясь великолѣпіемъ и божественною красотою храмовъ и поклоняясь святынямъ, хранящимся въ нихъ, онъ наконецъ пришелъ во влахернскій храмъ Пресвятыя Господи нашей Богородицы Одигитріи. Тамъ, созерцая дивныя чудеса, точившіяся отъ иконы Пресвятыя Одигитріи и поклоняясь Ей, размышлялъ, какую чрезвычайную славу имѣетъ Она въ небесахъ, и отъ сего и подобныхъ тому созерцаній восхищаясь духомъ и неизреченно радуясь сердцемъ, въ теченіе всей ночи пробылъ безъ сна, оставался безъ обуви на ногахъ, безъ покрова на головѣ, и имѣлъ на себѣ только ветхую власяную одежду. Въ такомъ видѣ казался онъ всѣмъ, какъ юродивый, да и самъ притворялся такимъ, подобно великому Андрею, Христа ради юродивому, и, какъ тотъ, дѣлалъ въ виду людей безчинства. При всемъ томъ, ему удивлялись всѣ и почитали его не дѣйствительно, а только Христа ради юродивымъ.

Узнавъ какъ-то о святомъ Максимѣ царь Андроникъ Палеологъ и пожелалъ его видѣть; для этого призвалъ его во дворецъ и вступилъ съ нимъ въ бесѣду, въ присутствіи вельможъ. Божественный Максимъ, по своему обыкновению, отвѣчалъ царю либо словами Григорія Богослова, либо Божественнаго Писанія, такъ что самые риторы, находившіеся тутъ во дворцѣ, дивились, какъ хорошо знаетъ онъ

твореніе Богослова и Священное Писаніе. Но такъ какъ Максимъ, при обширныхъ своихъ свѣдѣніяхъ, не зналъ грамматики, а потому и говорилъ неправильно, то великій логоеть Каниклій замѣтилъ: „гласъ,—гласъ Іаковль, руцѣ же,—руцѣ Исавовы.“ Выслушавъ это, преподобный тотчасъ удалился изъ дворца, осмѣялъ разумъ разумныхъ, и, называя ихъ безумными, впоследствии уже никогда не являлся къ нимъ. Между тѣмъ, онъ часто ходилъ къ тогдашнему патріарху святому Аѳанасію, и бесѣдовалъ съ нимъ,—радостно внималъ ему и отзывался о немъ всѣмъ, какъ о новомъ Златоустѣ: а патріархъ, узнавъ про жизнь святаго Максима, старался всячески склонить его къ вступленію въ одну изъ киновій, которыя онъ устроилъ въ Константинополѣ. Но преподобный ни за что не хотѣлъ оставить влахернскаго храма Богородицы, пребывая въ притворѣ его, въ алчбѣ и жадѣ, бдѣніи и молитвѣ и всегдашнихъ воздыханіяхъ и слезахъ, а по днямъ юродствовалъ въ виду народа, стараясь такимъ образомъ утаить свои подвиги, и избѣгалъ чрезъ то суетной похвалы.

Наконецъ, по довольномъ времени, святой Максимъ, для поклоненія великому Димитію муроточивому, отправился въ Фессалоники, а оттуда прибылъ на святую гору Аѳонскую. Тамъ, обошедши священныя обители, пришелъ онъ наконецъ и въ лавру святаго Аѳанасія. Жизнь и подвиги сего угодника, равно какъ и святаго Петра аѳонскаго, чрезвычайно удивляли его, такъ что онъ рѣшился, оставшись на Святой горѣ, подражать въ безмолвіи святому Петру, а въ общеніи съ братією и въ строгомъ храненіи заповѣдей Господнихъ—Аѳанасію. Впрочемъ, не довѣряя собственному выбору и влеченію своей мысли, прежде вчатія иноческихъ подвиговъ на Святой горѣ, отнесся онъ къ тамошнимъ святымъ отцамъ, требуя ихъ совѣта: какимъ путемъ предпочтительно идти ему? Тѣ посоветовали ему

сначала подчинить себя старцу, съ безусловнымъ исполненіемъ не своей собственной, а его старческой воли, и чрезъ то самое, усвоивъ себѣ, при содѣйствіи благодати Христовой, божественное смиреніе, — какъ начало и корень всѣхъ добродѣтелей, — наконецъ удалиться въ пустыню, на безмолвіе.

Такъ и поступилъ преподобный. Оставшись въ лаврѣ святаго Аѳанасія, онъ покорилъ себя игумену и, наравнѣ съ прочими братіями, проходилъ сначала низшія послушанія; потомъ, имѣя хорошій голосъ и зная церковное пѣніе, опредѣленъ былъ на клиросъ. Такимъ образомъ, воспѣвая хвалы свои Господу, онъ возносился къ Нему сердцемъ и мыслию, и много плакалъ отъ умиленія, трогаясь, при чтеніи и пѣніи, безконечнымъ человеколюбіемъ Бога, даровавшаго намъ благодать Духа Святаго къ достойному созерцанію Его, даже и тогда, когда мы живемъ еще въ тѣлѣ. Слѣдствіемъ сего было то, что, пламеня чувствомъ божественной любви, онъ, и среди множества братій постоянно былъ мыслию въ мирѣ и безмолвіи, и упражнялся умною молитвою, — т.-е. безпрестаннымъ молитвеннымъ въ тайнѣ сердца взываніемъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!“ — что, по чрезвычайной трудности и потребныхъ къ тому нерасхищенности ума и безмолвію сердца, рѣдко кому дается; а сей преподобный отъ юности получалъ такую благодать молитвы, ходатайствомъ Пресвятой Богородицы, за особенное благоговѣніе къ Ней и за свои подвиги. Итакъ, пребывая въ монастырѣ съ должнымъ повиненіемъ и усердіемъ, онъ велъ себя и здѣсь такъ же строго, какъ и при влахернскомъ храмѣ. Въ лаврѣ не имѣлъ онъ даже и келліи, и ничего другаго, что доставляло бы тѣлесное удовольствіе, а пользовался только пищею изъ трапезы, и то для того, чтобъ поддержать жизненные силы; вмѣсто же келліи, проводилъ ночи въ бдѣніи, въ притворѣ церковномъ, къ чему пріучилъ себя отъ юности.

Но какъ Моусея призвала Синайская гора, Илю—Кармилъ, а крестителя Иоанна—пустыня, такимъ точно образомъ и преподобнаго Максима призвалъ пустынный Аѳонъ,— красота и цвѣтъ горъ, — дабы и на немъ процвѣлъ праведный, яко кринь, и иночествующей братіи, опытами и чрезвычайными подвигами духовной своей жизни, произвелъ желанные плоды Святаго Духа. Въ недѣлю святыхъ отецъ, бывающую послѣ Божественнаго Вознесенія, является ему Богоматерь, имѣя въ объятіяхъ младенствующаго Господа, и говоритъ: „слѣдуй за Мною, Мой избранный, на самую вершину Аѳона, чтобы тамъ, по желанію твоему, принять благодать Святаго Духа.“ Видя два и три раза это Божественное явленіе, онъ оставилъ великую лавру, и, по истеченіи недѣли, взошелъ на вершину горы, въ субботу Пятидесятницы, гдѣ и провелъ. въ обществѣ прочихъ братій, всю ночь безъ сна. Братія, по совершеніи тамъ Божественной литургіи, спустились съ горы, а божественный Максимъ оставшись на ней, провелъ въ молитвенномъ подвигѣ трое сутокъ. Богъ только вѣдаетъ, что вынесъ онъ, въ теченіе этого времени, отъ искушеній сатаны и враждебныхъ его полчищъ, силившихся прогнать оттуда святаго. Чтобы устрашить его, сатана производилъ во время ночи громы и молніи, такъ что, казалось, вся гора Аѳонъ приходила въ сотрясеніе; скалы трещали и распадались на части,—а днемъ слышались дикіе голоса, какъ будто отъ множества вооруженныхъ безобразныхъ людей, которые, производя возмущеніе, устремлялись со всехъ сторонъ на вершину горы, чтобъ ринуть оттуда преподобнаго. Но такъ какъ все это было мечтательнымъ явленіемъ демонскихъ козней, то, полный духа вѣры и благодати, святой Максимъ не обращалъ на то вниманія, а только постоянно возносился молитвеннымъ духомъ и мыслию къ Богу и Пречистой Его Матери, и просилъ Ихъ заступленія и по-

мощи. И онъ былъ услышанъ. Является ему, окруженная множествомъ небесныхъ силъ и осіяваемая небесною славою, Царица всея твари, держа на рукахъ Сына Своего, младенчествующаго Господа. Пораженный видѣніемъ Божественнаго свѣта и явленіемъ, Максимъ, однакожь, не вдругъ увлекся чувствомъ довѣрія, ибо зналъ, что и сатана принимаетъ на себя видъ Ангела свѣтла; но прежде обратился къ молитвѣ, и потомъ, увѣрившись, что то не былъ демонскій обманъ, а истинное явленіе Богоматери, въ неизреченной радости, поклонился Ей и Господу, и воскликнулъ: „радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!“ — и прочее тому подобное. Когда Господь благословилъ его, Всесвятая рекла: „прими, избранникъ Мой, власть на демоновъ, и поселись въ подгоріи, ибо на это есть воля Сына Моего, чтобъ ты, возвысившись въ подвигахъ, и для другихъ былъ путеводителемъ на пути спасенія ихъ.“ Послѣ сего, въ подкрѣпленіе ослабѣвшихъ его силъ, данъ былъ ему и хлѣбъ небесный. Между тѣмъ какъ онъ принялъ такимъ образомъ данную ему пищу, послышалось Ангельское пѣніе, окружилъ его Божественный свѣтъ, и Богоматерь, въ виду его, вознеслась на небеса. Видѣніе это, Божественный свѣтъ и благоуханіе, разлившееся надъ вершиною горы, такъ усладили и восхитили сердце преподобнаго, что онъ три дня и три ночи оставался еще тамъ, въ молитвенномъ подвигѣ и славословіи Бога; потомъ спустился съ вершины и, согласно волѣ Пресвятой Богородицы, пришелъ въ храмъ Ея, гдѣ пробывъ нѣсколько дней въ бдѣніи и молитвѣ, опять поднялся на верхъ горы и лобызалъ то мѣсто, на которомъ въ неизреченной славіи явилась ему Богоматерь. Какъ тогда, такъ и впоследствии, при воспоминаніи сего видѣнія, онъ исполнялся чувствомъ невыразимой радости и веселія, и каждый разъ разливалось вокругъ него райское благоуханіе и Божественный свѣтъ.

Впрочемъ, не смотря на такія дивныя проявленія міра духовнаго, святой Максимъ, спустившись съ горы, удалился на Кармилъ, — такъ называемое мѣсто, гдѣ, при церкви святаго Пророка Іліи, уединенно спасался старецъ, — и открылъ ему о своихъ видѣніяхъ. Старецъ, сколько строгій въ подвижничествѣ, столько же и недоувѣрчивый къ опытамъ проявленія міра духовнаго, выслушавъ исповѣдь его, положительно замѣтилъ и передавалъ впослѣдствіи другимъ, что Максимъ обмануть мечтами демонскими, отчего и стали съ того времени называть его прельщеннымъ, боясь всякаго съ нимъ общенія и сношеній касательно ипоческой жизни. вмѣсто того, чтобъ огорчиться такимъ пренебреженіемъ къ нему и недоувѣрчивостию, преподобный Максимъ радовался, и приписываемое ему заблужденіе обратилъ въ собственную пользу, — подъ видомъ прелести и гордости скрывалъ дивныя свои подвиги, всеобщимъ презрѣніемъ подавлялъ въ себѣ неприязненное чувство самоиѣнія и глубоко укоренялъ въ своей мысли и сердцѣ смиренномудріе, — этотъ Божественный даръ Святаго Духа, составляющій основу и красоту подвижничества. Чтобы лучше утвердить общую молву между святогорцами касательно своего юродства, онъ избралъ себѣ странный родъ жизни: не обиталъ на одномъ мѣстѣ, но, какъ юродивый или помѣшанный, переходилъ съ мѣста на мѣсто; гдѣ останавливался на нѣсколько времени, тамъ дѣлалъ изъ травы малую каливу, чтобы только помѣстить многопобѣдное тѣло его, потомъ, спустя немного, сожигалъ ее, и, уходя на иное мѣсто, дѣлалъ новую каливу. Отъ этого и называли его кавсокаливитомъ, т. е. сожигателемъ каливъ. Нестяжательности его можно дивиться, а не говорить о ней: у него не было даже необходимаго, — онъ жилъ какъ невещественный и безплотный, и всю свою жизнь провелъ въ мѣстахъ пустынныхъ и неприступныхъ. Между

тѣмъ, Божественной благодати, тайныхъ радостей сердца и надеждъ, какъ плодовъ всегдашней молитвы, сокровеннаго его поста, неподражаемыхъ для обыкновеннаго чело-вѣка подвиговъ и лишеній, странническаго терпѣнія зимою и лѣтомъ и постоянного одиночества никто не вѣдалъ и не зналъ. Рѣдко когда удовлетворяя существеннымъ требо-ваніямъ природы, приходилъ онъ къ кому-либо изъ братій, вкушалъ предлагаемый ему хлѣбъ и небольшую чашу лоз-наго вина, какъ чашу любви и страннопріимства. По при-чинѣ такой его нестяжательности, одинъ изъ святогорцевъ справедливо отозвался о немъ Евангельскими словами: *воз-зрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни со-бираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ* (Матѣ. 6, 26). Такъ и Максимъ, какъ птичка, или, луч-ше сказать, какъ безплотный, посылся по горнымъ скаламъ святогорскихъ пустынь и распиналъ, по Божественному Павлу, плоть свою со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24).

И при такомъ Ангельскомъ образѣ жизни, при такихъ поразительныхъ подвигахъ и трудахъ, святой Максимъ долго оставался у всѣхъ въ пренебреженіи, такъ что и тѣ, которые дивились его жизни, зная чрезвычайныя его ли-шенія и скорби, смотрѣли на него съ предубѣжденіемъ, тогда какъ онъ достигъ уже высоты и совершенства со-зерцательной жизни, подобно древнимъ великимъ отцамъ Антонію и Павлу египетскому, Петру и Афанасію аѳонскимъ, сіялъ благодатию Святаго Духа и удостоивался таинъ откро-венія и видѣній Божественныхъ. Но не навсегда и онъ остался въ такомъ положеніи: мало-по-малу, входя въ бесѣды и об-щеніе съ великими старцами Святой горы, онъ былъ на-конецъ совершенно понятъ ими, такъ что, вмѣсто прежняго предубѣжденія, они стали смотрѣть на него съ благоговѣ-ніемъ, и, удивляясь благодати Божіей, дѣйствовавшей въ устахъ его, нарекли его свѣтиломъ своего времени.

Въ то время прибылъ на Святую гору преподобный Григорій синаить и, поселившись въ скитѣ Магулъ *), былъ для всѣхъ отцевъ горы весьма вождельненъ, особенно же для тѣхъ, которые жили въ безмолвіи; потому что, проведши всю жизнь въ безмолвіи и постоянно занимаясь умною молитвою, онъ зналъ очень хорошо сѣти и тайные прилоги демоновъ, что составляетъ особенное достоинство и безцѣнный даръ истинно подвижнической жизни. Посему безмолвники заимствовали у него таинства умной молитвы, изучая изъ его бесѣдъ и разсужденій признаки дѣйствій благодати и сокровенныхъ козней и тонкихъ сѣтей демонскаго обмана. Нѣкоторые изъ нихъ извѣстили его о преподобномъ Максимѣ, рассказывая о чрезвычайныхъ его подвигахъ и юродствѣ и признакахъ явнаго заблужденія. Все, что ни слышалъ божественный Григорій о святомъ Максимѣ, удивляло его: онъ непремѣнно желалъ видѣть этого подвижника и бесѣдовать съ нимъ, почему и послалъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ своихъ пригласить святаго Максима къ нему, для свиданія и бесѣды. Долго посланные не могли найти преподобнаго Максима, такъ какъ тогда было время зимнее, въ теченіе котораго преподобный то скрывался въ пещерахъ, то скитальчески проводилъ дни и ночи среди пустынныхъ лѣсовъ. Наконецъ, по истеченіи нѣсколькихъ дней, утомленные трудными путями и зимними непогодами, пришли они въ келлію святаго Маманта, чтобы тамъ отдохнуть,—и вотъ туда же является божественный Максимъ, привѣтствуетъ cadaго порознь, и, между прочимъ, объясняетъ посланнымъ отъ преподобнаго Григорія, куда онъ хочетъ идти со Святой горы, съ какимъ намѣреніемъ и цѣлю. Но когда посланные сказали, что старецъ ихъ Григорій приглашаетъ его къ себѣ, для свиданія, онъ всталъ и, тогда же отправляясь съ ними,

*) Въ области монастыря Филовейскаго.

запѣлъ: *возведохъ очи мои въ горы, отнюду же придетъ помощь моя*, и проч. (Псал. 120). „Послушайте, братія,“ сказалъ преподобный Максимъ своимъ спутникамъ, когда приблизились они къ келліи Григорія: „старецъ теперь, послѣ молитвеннаго подвига и трудовъ, покоится, — успокоимся и мы,“ — и съ сими словами, оставивъ ихъ, погрузился въ пустынный лѣсъ, прослезился и запѣлъ: *исправи, Господи, стопы моя предъ Тобою, да не обладаетъ мною всякое беззаконіе* (Псал. 118, 133). Наконецъ, преподобный Григорій и божественный Максимъ увидѣлись. Чтобъ присутствіе другихъ не могло нарушить покоя ихъ и искренности, Григорій приказалъ удалиться всеѣмъ, и остался только съ преподобнымъ Максимомъ. Когда они остались наединѣ, божественный Григорій, между прочимъ, спросилъ святаго Максима, занимается ли онъ умною молитвою. „Прости меня,“ отвѣчалъ съ улыбкою тотъ: „я человекъ прельщенный.“ — „Оставь теперь это,“ возразилъ Григорій, „и ради Господа, ради моей собственной пользы, скажи мнѣ о дѣлахъ твоихъ: я ищу не празднословія, а славы Божіей.“ Тогда божественный Максимъ, убѣжденный именемъ Божиимъ, началъ рассказывать ему о своей жизни, о божественныхъ видѣніяхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ — о демонскихъ искушеніяхъ. „Я,“ говорилъ онъ, „имѣлъ великую вѣру къ Госпожѣ моей Богоматери, плакивалъ предъ Нею въ моихъ молитвахъ, испрашивая благодать умной молитвы, и разъ, вошедши, по обыкновенію, въ храмъ Ея, со слезами просилъ Ее объ этомъ. Приступивъ для сего къ Божественному лику, чтобъ облобызать его, я вдругъ ощутилъ теплоту, которая, согрѣвая сердце, приводила въ движеніе все чувства и волновала ихъ сладостнымъ умиленіемъ. Съ тѣхъ поръ умъ и сердце мое постоянно заняты сладкою памятію моего Иисуса и Богоматери, и молитва сердечная остается постояннымъ моимъ занятіемъ. Но прости меня.“

— „Скажи мнѣ,“ продолжалъ божественный Григорій: „при постоянномъ дѣйстви молитвы Іисусовой въ сердцѣ твоёмъ, замѣчалъ ли ты въ себѣ какое-нибудь божественное измѣненіе, — или восторгъ, или какой-нибудь другой плодъ молитвы и благодати Святаго Духа?“

— „Чтобы духъ молитвы чувственнѣе и обильнѣе проявлялся во мнѣ,“ отвѣчалъ божественный Максимъ, „я погрузился въ пустыню, и постоянно искалъ безмолвія: тогда этотъ плодъ молитвы я дѣйствительно замѣчалъ въ божественномъ желаніи и восхищеніи ума ко Господу.“ „И это точно такъ,“ возразилъ Синаитъ. А божественный Максимъ, потупившись, улыбнулся и сказалъ: „дай мнѣ покушать и не любопытствуй о заблужденіи.“ „О, еслибы я дошелъ до такого заблужденія!“ воскликнулъ святой Григорій. „Но, умоляю тебя, скажи мнѣ откровенно: во время молитвы, когда мысль твоя возносится къ Богу, что созерцаетъ душа? Можетъ ли тогда дѣйствовать сердечная молитва?“ — „Никакъ,“ отвѣчалъ онъ: „когда благодать Святаго Духа, во время моей молитвы, овладѣетъ умомъ, тогда молитва не дѣйствуетъ; потому что, не имѣя своей собственной силы, умъ въ тѣ минуты остается подъ вліяніемъ Святаго Духа, и Духъ уже дѣйствуетъ, вводя и изводя его въ видѣнія Божественныя, осіявая его неизреченнымъ свѣтомъ и, по мѣрѣ достоинства человѣка, доставляя ему свое утѣшеніе. Въ такомъ положеніи бывали святыя Пророки и Апостолы, и восходили до такой степени въ созерцаніи откровеній, что для людей казались изступленными или какбы упившимися. Какъ святой Исаія удостоился видѣть Господа *на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*, окружаемаго Серафимами (6, 1), или какъ Стефанъ первомученикъ зрѣлъ *небеса отверсти и Сына Человѣческаго одесную стояща Бога* (Дѣян. 7, 56), и проч.; точно такъ же и нынѣ рабы Христовы сподобляются различныхъ видѣній,

хотя нѣкоторые и не вѣрятъ сему, считая это невозможнымъ, а потому и думаютъ, что то заблужденіе, а не истина. И очень странно, что бѣдные люди не признаютъ благодати Святаго Духа, хотя она еще чрезъ Іоіля обѣщана Богомъ: *излію*, сказалъ чрезъ него Богъ, *отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекуть* (2, 28). Эту Божественную благодать и нынѣ даруетъ Христосъ всякому изъ вѣрующихъ, и, какъ обѣтовалъ Самъ, она не оскудѣетъ до скончанія вѣка. При дѣйствіи сей благодати, душа становится выше всего чувственнаго, и погружается въ таинства созерцанія, такъ что о чемъ умъ дотолѣ и вообразить не могъ, то, какъ говоритъ Божественный Павелъ, ясно открывается ему. Чтобы понять, какъ умъ созерцаетъ то, *еже око не видѣтъ*, и чего не могъ онъ постичь самъ собою, объяснимъ это такъ: воскъ, какъ ни растирай его руками, безъ содѣйствія огня, не сдѣлается текучимъ; а положи его въ огонь, онъ прежде всего растопляется, потомъ объемлется пламенемъ и, сливаясь съ нимъ, вспыхиваетъ, объемлется свѣтомъ и самъ превращается въ свѣтъ, — такъ что невозможно уже оставаться ему въ своемъ собственномъ видѣ, напротивъ, онъ разливается въ пламени, какъ вода. Такъ бываетъ и съ нашею душою: безъ содѣйствія благодати, она предоставляется силѣ собвеннаго своего разсужденія; но когда Божественный огонь, или благодать Святаго Духа, объемлетъ ее, она остается уже подъ вліяніемъ и дѣйствіемъ Его свѣта, дѣлается сама свѣтомъ, и такимъ образомъ, воспламенившись огнемъ Божественнымъ, не можетъ дѣйствовать собственными силами, — или думать и разсуждать по своему произволу, но дѣйствуетъ и разсуждаетъ въ силѣ и духѣ Божественной благодати.

— „Но это не суть ли только признаки заблужденія,“ возразилъ тогда святой Григорій, „отъ которыхъ должно отличать еще другіе?“ — „Признаки заблужденія,“ отвѣчалъ

на это великій Максимъ, „и признаки благодатныхъ дѣйствій — не одно и то же. Лукавый духъ заблужденія дѣйствуетъ не такъ: онъ производитъ въ душѣ движенія смѣшанныя, умъ становится мраченъ, сердце каменѣетъ, — слѣдствіемъ чего и бываетъ боязнь и страхъ, высокое о себѣ мнѣніе, пренебреженіе къ другимъ, волненіе мысли непріязненными чувствами въ отношеніи ко всѣмъ, что и въ самыхъ бесѣдахъ человѣка обнаруживаетъ опасное положеніе мечтательнаго ума и враждебнаго сердца. Такой человѣкъ, самъ замѣчая въ себѣ дѣйствіе непріязни, смущается; въ немъ хотя и не можетъ быть истиннаго смиренія и молитвенной слезы, однакожъ, онъ, въ тщеславіи своемъ, хвалится собственными подвигами, такъ что наконецъ доходитъ до помѣшательства, и совершенно погибаетъ. Такого несчастія да избавитъ насъ Господь, твоими молитвами! Между тѣмъ, признаки благодати,“ — продолжалъ св. Максимъ, — „слѣдующіе: Духъ Святой, осѣняя умъ, совершенно хранитъ его и всѣ чувства отъ развлеченія и разсѣянности, и потомъ, приводя на память человѣку смертный часъ, грѣхи его и вѣчныя за нихъ наказанія, невольно погружаетъ его въ смиренное о себѣ мнѣніе, трогаетъ и доводитъ до слезъ и плача. И чѣмъ болѣе такимъ образомъ дѣйствуетъ на человѣка благодать, тѣмъ совершеннѣе смиряетъ его, и, въ этомъ смиреніи, утѣшаетъ его вмѣстѣ безмѣрнымъ человѣколюбіемъ Господа, Который пострадалъ за него. Вслѣдствіе же сего, умъ, погружаясь въ таинства созерцанія и Божественныхъ видѣній, относитъ все это не къ собственнымъ своимъ силамъ и подвигамъ, а къ всемогуществу и силѣ Бога, и сердце въ тишинѣ производитъ плоды Святаго Духа: радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе и — оплотъ всѣхъ сихъ плодовъ — божественное смиреніе. Отъ этого душа человѣка чувствуетъ неизреченное веселіе.“ Божественный синаитъ,

пораженный бесѣдою святаго Максима, съ тѣхъ поръ называлъ его не иначе, какъ земнымъ ангеломъ.

Послѣ сего онъ убѣдительно просилъ, чтобы преподобный Максимъ не сожигалъ уже каливъ своихъ. „Укрѣпись,“ говорилъ онъ, „на одномъ мѣстѣ и сиди, какъ говорить мудрый Исаакъ,—чтобы сколько, съ одной стороны, и себя утверждать въ опытахъ подвижничества, столько же, съ другой, и инымъ доставить пользу и назиданіе Ты уже состарѣлся,“—продолжалъ онъ,—„а смерть приходитъ часто преждевременно: поэтому не скрывай таланта: не для тебя собственно данъ онъ тебѣ Богомъ, но для того, чтобъ ты передалъ его и другимъ. Оставь юродство и пресбывай на одномъ мѣстѣ; а то что за польза, если тобою будутъ только блазниться? Хорошо ли, если ты, вмѣсто того, чтобъ передать твои опыты въ строгомъ подвижничествѣ, и такимъ образомъ однихъ утвердить въ нихъ и болѣе возвысить, а въ менѣе сильныхъ возбудить святую ревность къ подражанію, заставишь и тѣхъ и другихъ имѣть о тебѣ зазрительное мнѣніе? Господь не для того даетъ благодать Святаго Духа, чтобы, подобно лѣнивому рабу, скрывали ее; мы, подражая Апостоламъ, должны быть свѣтомъ міру, и *святъ* нашей жизни *да просвѣтитъ предъ челоуки*, а не предъ пустынными скалами. Итакъ, да просіяетъ собственный твой свѣтъ предъ здѣшними отшельниками, да видятъ дѣла твоя и прославятъ Отца нашего, Иже на небесахъ. Послушайся меня и поступи такъ. Я совѣтую тебѣ, какъ искренній другъ и братъ: а знаешь, что *братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ* (Притч. 18, 19), по выраженію Священнаго Писанія“. Когда и прочіе старцы узнали объ этихъ совѣтахъ Рождественнаго Григорія, переданныхъ Максиму, у нихъ тоже родилось желаніе употребить всевозможныя убѣжденія къ тому, чтобъ онъ утвердился на одномъ мѣстѣ. Вслѣдствіе сего, божественный Максимъ, какъ истинно смиренный и послушный

волѣ старческой, избралъ себѣ постояннымъ жилищемъ пещеру, въ сосѣдствѣ знаменитаго старца Киръ Исаи, окружилъ ее легкою загородкою, на одну сажень въ ширину и на одну въ длину,—но не изъ камней или дерева, а изъ вѣтвей и травъ, по своему обыкновенію: и съ той поры, дѣйствительно, провелъ тамъ остатокъ жизни своей, въ обычной своей нестяжательности, восходя отъ силы въ силу и день отъ дня преуспѣвая въ подвижничествѣ,—такъ что наконецъ достигъ высоты Ангельскаго безстрастія. При пещерѣ своей онъ выкопалъ себѣ могилу и, каждодневно удаляясь туда во время утрени, плакалъ надъ могилою и плачевнымъ старческимъ гласомъ пѣлъ надгробныя пѣсни, составленныя имъ самимъ. Такимъ образомъ тихо текла жизнь его. Демоны, конечно, не преставали тревожить его жестокими своими нападеніями, но, ставши выше всѣхъ ихъ козней, онъ низлагалъ ихъ; врачевалъ приходившихъ къ нему и источалъ всѣмъ и каждому струи вещественныхъ и духовныхъ цѣленій, убѣждая всѣхъ къ исправленію своей нравственности и къ строгому храненію церковныхъ законоположеній, и запечатлѣвая такія убѣжденія конечнымъ совѣтомъ, по очищеніи совѣсти, пріобщаться пречистыхъ Таинъ Христовыхъ, въ извѣстные праздники, во исцѣленіе души и тѣла. Изъ числа многихъ чудесъ преподобнаго Максима, представимъ слѣдующія,—чтобы показать, какую силу и власть пріялъ онъ отъ Господа надъ демонами, и какимъ даромъ предвѣдѣнія и прозорливости украсилъ его Господь. Замѣтимъ предварительно, что онъ получалъ иногда и хлѣбъ насущный отъ Бога чрезъ Ангела.

Однажды пришли къ преподобному нѣкоторые изъ лаврской братіи, для полученія отъ него назиданія душевнаго. Пришелъ съ ними и мірянинъ. Преподобный, какъ только увидѣлъ послѣдняго, строго закричалъ на него и прогналъ его далеко, приговаривая: „это окаянный Акидинъ!“ Ме-

жду тѣмъ пришедшіе съ міряниномъ не знали, что онъ питалъ непріязненные чувства и мысли въ своемъ сердцѣ, въ отношеніи къ пустыяному подвижничеству. Когда мірянинъ, такимъ образомъ, былъ выгнанъ, преподобный началъ объяснять братіи заблужденія Акиндина, называя его еретикомъ, слугою антихриста и пріятелемъ демонскихъ сквернъ. Такъ преподобный Максимъ былъ строгъ въ отношеніи и къ другимъ еретикамъ и противникамъ восточнаго православія: онъ проклиналъ ихъ. Точно такимъ же образомъ, въ другой разъ, выгналъ онъ отъ себя и вольнодумца.

Аѳонскій инокъ хотѣлъ, по своей надобности, путешествовать въ Константинополь, и рѣшился было сѣсть на прибывшій къ Святой горѣ солунскій каикъ. Когда же прибылъ онъ къ преподобному Максиму, чтобы благословиться отъ него на такой дальній путь, этотъ не отпустилъ его, предсказывая гибель каика, — что и оправдалось: по истеченіи трехъ дней, во время сильной бури, каикъ залило волнами, и онъ, вмѣстѣ со всѣми бывшими на немъ пассажирами, погрузился въ море.

Пришли къ преподобному нѣкоторые міряне, имѣя съ собою одержимаго демономъ несытости; — потому что больной ѣлъ за пятерыхъ, и при всемъ томъ не насыщался. Повергшись къ ногамъ преподобнаго, міряне умоляли исцѣлить больнаго. Тронутый просьбами ихъ, святой взялъ сухарь, и, давая страждущему, сказалъ: „во имя Господа нашего Іисуса Христа, вкушай не болѣе этого сухаря, будь сытъ и миренъ,“ — и съ той поры несчастный не только исцѣлился, питаясь такъ, какъ заповѣдалъ преподобный, но, пришедши въ сокрушеніе, отрекся міра сдѣлался инокомъ и, подъ руководствомъ своего врача, преподобнаго Максима, достигъ совершенства иноческой жизни.

Изъ многихъ случаевъ, доказывающихъ, въ какой степени преподобный имѣлъ даръ предвѣдѣнія и прозорливо-

сти, приведемъ слѣдующій. Въ одно время, онъ предсказывалъ приближеннымъ своимъ братіямъ, что къ нему придутъ греческіе цари, но не для душевнаго назиданія, а для того, чтобъ узнать судьбы будущаго. Такъ и случилось.

По прошествіи малаго времени, дѣйствительно, прибыли къ нему Іоаннъ Кантакузенъ и Іоаннъ Палеологъ, греческіе императоры. Преподобный много утѣшилъ ихъ старческими своими совѣтами, открылъ имъ тайныя судьбы грядущей ихъ жизни, убѣждая къ великодушію и терпѣнію всѣхъ превратностей; отпуская же ихъ отъ себя, обратился къ Кантакузену и сказалъ: „отецъ игумень!“ а Палеологу: „Держи, неудержимый, и не обманись: царство твое будетъ продолжительно, но бѣдственно и смутно. Впрочемъ, идите съ миромъ!“ Вскорѣ послѣ сего онъ послалъ въ Константинополь Кантакузену сухарь, часть луку и чесноку, приказавши сказать: „ты будешь монахомъ, и вотъ твоя пища!“ Такъ и случилось. По возникшей непріязни и смутамъ, утѣсняемый Палеологомъ, Кантакузенъ уклонился отъ него, и наконецъ скончалъ дни свои въ иночествѣ, на Святой горѣ. Когда случилось ему впослѣдствіи питаться сухарями и обычною иноческою пищею, онъ вспоминалъ пророчество святаго Максима и дивился его предвѣдѣнію. И Палеологъ, равнымъ образомъ, вспоминая слова преподобнаго, трогался сердечно дивною его прозорливостію.

Въ одно время, прибылъ на Святую гору изъ Константинополя ученый чиновникъ, или такъ называемый грамматикъ, и, желая видѣть преподобнаго, слава котораго разносилась всюду, пришелъ къ нему. Но, прежде нежели могъ онъ выговорить что-нибудь, преподобный, провидя сердечныя его чувства и мысли, напалъ на него. „Видалъ ли ты,“ строго и гнѣвно спрашивалъ онъ грамматика. „подвиги и бореія святыхъ и благодать, которая даруется имъ за то отъ Бога? И ты смѣешь хулить ихъ, полагая, что святые

не такъ подвизались, какъ пишутъ о нихъ въ житіяхъ ихъ, что будто бы историки дѣлають имъ милость, прибавляя много небывалаго! И, въ разсужденіи чудесъ, которыя они творили, ты смѣешь умствовать, что это вымысль, а не дѣйствительная правда! Отстань отъ такихъ сатанинскихъ помысловъ,—иначе ты раздражишь Бога, и молнія поразить тебя за твое заблужденіе и неправыя мысли. Напротивъ, знай, что изъ жизни святыхъ только часть передается описанію, потому что никто не въ силахъ подробно описать тайные ихъ подвиги, которые вѣдомы только единому Богу. Итакъ, если хочешь себѣ добра, смирись, оставь глупыя рѣчи эллинскихъ твоихъ мудрецовъ, и обратись къ Богу всею силою души: тогда не только не будешь отвергать дивныя подвиги святыхъ, но убѣдишься истинно, что какъ благодать Божія, дѣйствовавшая во всѣхъ ихъ мысляхъ, начинаніяхъ и подвигахъ, выше слова человѣческаго, такъ и самыя подвиги святыхъ выше описанія историческаго!“ Пораженный прозорливостію преподобнаго, грамматикъ затрепеталъ и не только исправился самъ, но, при помощи Божіей, дѣйствовалъ и на сердца другихъ вольнодумцевъ.

Пожелалъ видѣть преподобнаго Максима и бесѣдовать съ нимъ архіерей траянопольскій. Въ соупутствіи своего діакона, прибылъ онъ на Святую гору. Чтобъ увѣриться въ справедливости молвы о прозорливости преподобнаго Максима, архіерей сказался діаконъ, а своего діакона облекъ въ архіерейскія свои одежды. Когда, такимъ образомъ, предварительно явился къ нему архіерей, въ видѣ діакона, прося позволенія видѣться съ нимъ траянопольскому владыкѣ, преподобный отвѣчалъ: „Не искушай моей худости, святой владыка, но благослови меня. Прости миѣ,“ продолжалъ онъ: „я видѣлъ, какъ вы съ діаконъ перемѣнились одеждами.“ Архіерей просилъ прощенія у преподобнаго, и возвратился отъ него съ великою для души своей пользою.

Въ то время дѣла сербской Церкви находились въ такомъ положеніи, что потребовалось въ Сербіи присутствіе вселенскаго владыки: поэтому, по волѣ царя, тогдашній святой патріархъ Каллистъ и подвигся туда съ своимъ клиромъ. Отправляясь по назначенію, онъ посѣтилъ и святую Аѳонскую гору, какъ бывший аѳонскій инокъ. Посѣщая здѣсь различныя святыя обители, онъ почелъ необходимымъ побывать и въ убогой каливѣ богатаго добродѣтелями и всѣмъ имъ извѣстнаго святаго Максима. Преподобный подобающимъ образомъ встрѣтилъ святаго владыку, и принялъ отъ него святительское благословеніе. Послѣ приличнаго своего привѣтствія владыкѣ, онъ сказалъ присутствующимъ слѣдующее шуточное изреченіе: „старецъ этотъ погубилъ свою старицу (т.-е. Константинополь);“ а проводя отъ себя святаго патріарха, запѣлъ, вслѣдъ за нимъ, слѣдующіе надгробные стихи: *блаженн непорочни, въ путь ходящии*—и сказалъ бывшимъ тутъ, что патріархъ не воротится на свою кафедру, что смертные его останки приметь въ свои нѣдра земля сербская. Такъ и случилось.

Разъ посѣтилъ святаго Максима смотритель лаврской больницы святаго Аѳанасія, именемъ Григорій, съ другимъ братомъ лавры. Это было зимою. Вошедши въ каливу преподобнаго, они видятъ теплый хлѣбъ, необыкновенной чистоты, и издающій столь чудное и обильное благоуханіе, что наполнилась имъ вся калива святаго. Между тѣмъ, не нашедши въ каливѣ даже и признаковъ того, чѣмъ зажигается огонь, и не видя никакого въ ней слѣда, —ибо тогда только что выпалъ свѣжій снѣгъ,—они дивились этому явленію и изумлялись. Ясно, такимъ образомъ, убѣдившись, что это былъ хлѣбъ неземной, они припали къ ногамъ преподобнаго и просили его сподобить и ихъ этой небесной пищи. Святой съ любовію удѣлилъ имъ половину небеснаго хлѣба, обязавъ ихъ, впрочемъ, никому не объявлять

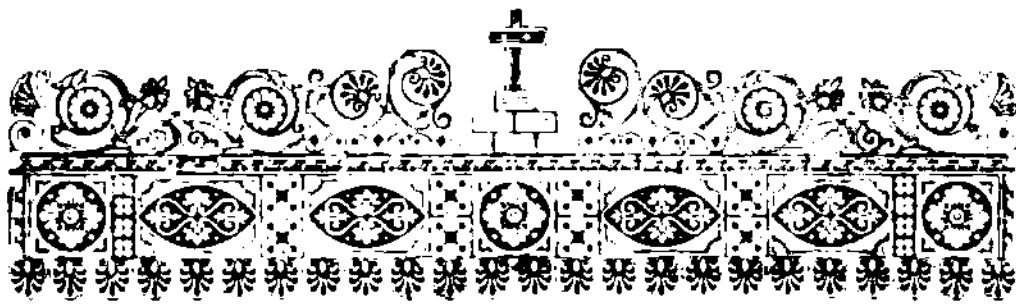
объ этомъ, пока онъ находится въ сей скоропреходящей жизни. Сподобившіеся видѣть такое чудо, лаврскій больничный Григорій и другой братъ лавры, по преселеніи святаго въ жизнь не старѣющуюся, рассказывали о немъ, свидѣтельствуясь Богомъ, и присовокупляли еще, что онъ въ то же время далъ имъ и воды необыкновенно пріятной.

Многіе говорили также, что святой Максимъ неоднократно услаждалъ предъ ними морскую воду и дѣлалъ ее годною для питья.

Наконецъ, по истеченіи 14-ти лѣтъ безмолвной своей жизни въ глубокой пустынѣ, преподобный, на остатокъ дней своихъ, оставилъ строгое свое уединеніе и поселился близъ лавры преподобнаго Аванасія, гдѣ и окончилъ подвижническую свою жизнь, 3-го января, въ глубокой старости, —будучи 95-ти лѣтъ.

Какъ при своей жизни, такъ и по смерти, преподобный Максимъ много творилъ и творить чудесъ. Писатель его житія *), перечисляя и излагая ихъ, говоритъ: „призываю Бога во свидѣтели, что и самъ я былъ очевидцемъ нѣсколькихъ чудесъ его: разъ, напр., видѣлъ его перенесшимся по воздуху съ одного мѣста на другое: слышалъ, какъ преподобный пророчески предсказалъ мнѣ, что я буду прежде игуменомъ, а потомъ охридскимъ митрополитомъ, открылъ мнѣ даже и о страдальческихъ подвигахъ моихъ за Церковь,“ —и все это, какъ замѣчаетъ біографъ, исполнилось. Мало того, —по смерти своей, преподобный Максимъ являлся ему, и исцѣлилъ его отъ смертной болѣзни. Молитвами сего преподобнаго, да удостоимся и мы получить отъ славаимаго въ Троицѣ Бога милость и спасеніе вѣчное. Аминь.

*) Проклуменъ Ватопедской обители Теофанъ.

Я Н В А Р Я 14.

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего

САВВЫ I^{го}.

АРХІЕПИСКОПА СЕРБСКАГО *).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Одержимый нищетою разума и не имѣя ничего въ домѣ ума своего, что могъ бы достойно предложить на трапезу, полную словесъ Евангельской пищи для присныхъ рабовъ богатаго Владыки, я возбуждаю васъ самихъ, отцы мои, на молитву: да подастся мнѣ, отъ неоскудныхъ сокровищъ, ясность языка и слово, текущее разумомъ; наипаче же да озаритъ меня свѣтъ, могущій прояснить мракъ души моеї и мысленныя очи, чтобы мнѣ предпринять сказаніе о житіи богоноснаго Саввы, просіявшаго добродѣтелию въ родѣ нашемъ. Не ищу похвалъ ему, ибо похвала преподобнымъ отъ Господа, но ищу пользы отъ него—и себѣ и другимъ. Если нужно было описывать житіе древнихъ великихъ мужей, ради притекавшаго отсюда блага, то тѣмъ

*) По греческому синаксарию память св. Саввы только января 14-го; въ славянскихъ же манахъ память его празднуется 12 января и, вмѣстѣ съ отцемъ его преп. Симеономъ Муромичевымъ, 13 февраля. Въ славянскихъ рукописныхъ манахъ XIV вѣка (хранящихся въ библиотекахъ нашей Обители), и писанныхъ несомнѣнно на Афонѣ, память св. Саввы положена 15-го января; вѣроятно вслѣдствіе того, что 14-го января, бываетъ отданіе праздника Богоплемени. Западная церковь также признаетъ Савву въ числѣ Святыхъ и празднуетъ память его 14 января.

нужнѣе, даже вождельннѣе это нынѣ, въ послѣднемъ и лѣнивомъ родѣ нашемъ, когда уже приближается кончина и мало спасаемыхъ. Взирая на житія ихъ, какбы на высокіе столпы, горѣ воздвигнутые и одушевленные, мы будемъ невольно обращать взоры и на самихъ себя, а самихъ себя представлять на судъ собственной совѣсти, что, увлекшись суетною жизнію, такъ далеко отстали отъ нихъ. Намъ нужно возбуждать себя отъ лѣности, какбы остриемъ стали, чтобы подражать имъ. Сказаніе это, быть можетъ, одушевитъ и наши сердца къ исправленію жизни, по столь высокому образцу.

„Повинуясь повелѣнію отеческому, я предлагаю повѣсть о житіи всеблаженнаго и всехвальнаго Саввы, который постился прежде на святой горѣ Аеонской, а потомъ былъ первымъ архіепископомъ и учителемъ народа сербскаго. Не по слуху только составлялъ я это житіе, но многое принялъ изустно отъ честныхъ учениковъ блаженнаго, которые постились и странствовали вмѣстѣ съ нимъ, и потомъ жизнь его изложили на хартіи, для собраннаго по немъ стада, чтобы доставить и другимъ общеніе съ блаженнымъ отцомъ ихъ. Не что-либо вымышленное предлагаю здѣсь для похвалы великаго Саввы, а сущую истину. Мы боимся оскорбить истину ради похвалъ, и почтемъ себя блаженными, если въ состояніи будемъ изложить и то одно, что дѣйствительно было, а похвалы воздаются ему на небесахъ—Ангельскія и Божественныя, и печистый умъ нашъ не въ силахъ изглаголатъ ихъ. Итакъ, призвавъ на помощь Самого Господа и святыхъ Его молитвенниковъ, я, по силѣ своей, начинаю повѣсть о великомъ Саввѣ, откуда слѣдуетъ:—прилично изводить отрасль отъ самага корня; ибо не отъ тернія пріемлемъ благословенные грозды, а отъ доброй лозы.“

Такъ смиренно пишетъ іеромонахъ Дометіанъ, ученикъ

св. Саввы, игумень Хиландарскій, въ предисловіи своемъ къ жизнеописанію своего учителя, составленному имъ въ 1264 году.

1. Первые годы святаго Саввы, до его постриженія.

Великій жупанъ, самодержецъ сербскій, Неманя Стефанъ владычествовалъ надъ всѣми землями сербовъ, Далматіею и Травуніею, Богеміею, Славоніею, Расіею и отчасти Иллиріею, которыя съ запада и съ востока граничили съ областями ветхаго и новаго Рима. Благочестивый, богобоязненный и нищелюбивый болѣе, нежели кто-либо, сіялъ онъ мужествомъ, какъ воевода силъ, богатѣлъ всѣми благами земными, наипаче же добрыми правами, украсился правдою и милостію. Супруга его Анна, дочь греческаго императора Романа, ни въ чемъ не уступала добродѣтели своего мужа, и въ благословенномъ бракѣ прижили они многихъ сыновей и дочерей, наставленныхъ ими на тотъ же путь спасенія; но, спустя нѣсколько лѣтъ, заключилась утроба Анны, какъ нѣкогда Ліи, супруги Іаковлевой, и перестала она рождать. Скорбѣли о томъ оба супруга: они желали имѣть еще одно благословенное чадо, и, въ ночной молитвѣ, со слезами воззвали ко Господу: „Владыко, Боже Вседержителю, послушавшій древле Авраама и Сарру и прочихъ праведниковъ, молившихся Тебѣ о чадахъ, услыши и насъ, грѣшныхъ рабовъ Твоихъ: даруй намъ, по Твоей благодати, прижить еще чадо мужескаго пола, которое будетъ утѣшеніемъ нашимъ и жезломъ старости нашей; возложивъ на него руки, мы почіемъ въ мирѣ, и нынѣ даемъ Тебѣ обѣтъ: послѣ зачатія дѣтища сего отлучиться отъ общенія брачнаго, и до конца жизни сохраниться въ чистотѣ тѣлесной.“

Господь близокъ ко всѣмъ, призывающимъ имя Его: Онъ услышалъ молитву сихъ праведниковъ, и это было началомъ неизглаголаныхъ судебъ Божіихъ, столь свѣтло просіявшихъ въ житіи преподобнаго, чуднаго и въ самомъ рожденіи, ибо рожденіе его было произведеніемъ не одного лишь закона человѣческой природы, но и плодомъ молитвы. Дарованный отъ Бога, младенецъ и нарекъся Божимъ; утѣшенные родители прославили Господа и вторично породили свое чадо, водою и Духомъ, въ новую жизнь, давъ имя ему: Растко (Ростиславъ),—ради добраго его возраста *). Дитя возрастало о Господѣ, и когда достигло отроческихъ лѣтъ, отдано было въ наученіе Божественныхъ книгъ. Безмѣрна была любовь родителей къ этому дитяти,—они не могли отвлечь отъ него ненасытныхъ взоровъ: ибо красотою тѣлесною и душевною превосходило оно всѣхъ своихъ братьевъ, и въ дѣтствѣ еще изумляло cadaго разумомъ. На пятнадцатомъ году его возраста, Стефанъ отдѣлилъ ему особенную область въ своей державѣ, гдѣ бы юноша могъ потѣшаться, съ благородными сверстниками, охотою, ристаніемъ и другими, свойственными его лѣтамъ, забавами.

Но иное было направленіе ума благоговѣйнаго Растки: еще юный, взошелъ онъ уже въ разумъ священныхъ книгъ, которыя непрестанно читалъ, заимствуя изъ нихъ начало премудрости—страхъ Божій, и разгараясь день отъ дня Божественною любовію, какъ бы огонь прилагалъ къ огню. Ни во что вмѣнялъ онъ царство и богатство, славу и благоденствіе, и почиталъ, какъ тѣнь мимотекущую, всѣ временныя многоятежныя блага, и суетнымъ—все человѣческое на землѣ. Растко избралъ себѣ правый путь,—еди-

*) Св. Савва родился въ 1169 году (Славян. народн. Шафарикъ. 55). Въ этомъ же году поступила во владѣніе русскихъ обитель св. Пантелеймона, въ которой св. Савва принялъ иноческое постригеніе. Весьма знаменательное совпаденіе!..

ный непреткновенный: невольно стоялъ на службахъ церковныхъ, любилъ постъ, избѣгалъ празднословія и смѣха; нечистыхъ словъ и вредныхъ ижепей, разжигающихъ юношеское желаніе ненавидѣла душа его; ко всѣмъ былъ привѣтливъ, нищелюбивъ и кротокъ,—особенно уважалъ санъ иноческій, такъ что и сами родители, взирая на высокую его добродѣтель, чувствовали себя престыженными юношею, какъ будто онъ не отъ нихъ родился, а по-истинѣ дарованъ имъ отъ Бога.

На восемнадцатомъ году его жизни, отецъ и мать хотѣли сочетать его законнымъ бракомъ, но благодатный юноша избѣгалъ всякихъ узъ міра, чтобы упразднить себя для единого Бога. Слыхалъ онъ о святой горѣ Аѳонской и о прочихъ пустынныхъ мѣстахъ, ибо къ отцу его приходили отовсюду за милостынею, да и самъ онъ посылалъ отъ себя во святые мѣста—раздавать преподобнымъ милостыню. Господь не оставилъ безъ исполненія сердечнаго желанія юнаго Растки. Однажды, вмѣстѣ съ благородными сверстниками, посѣтилъ онъ родителей своихъ,—и обрадовались державные пришествію возлюбленнаго сына: пиршества, во изъявленіе общей радости, смѣнялись пиршествами. Случилось, Промысломъ Божиимъ, въ тѣ торжественные дни придти инокамъ со святой горы Аѳонской, за милостыней. Одинъ изъ нихъ былъ родомъ русскій: тайно пригласивъ его къ себѣ въ храмину, благодатный юноша расспрашивалъ его подробно о Святой горѣ, и взялъ съ него обѣщаніе—никому не открывать бесѣды ихъ. Инокъ русскій съ любовію рассказывалъ о пустынномъ жительствѣ и общежитильномъ уставѣ: какъ на Святой горѣ пребываютъ по двое и по трое въ келліяхъ, и какъ уединяются отшельники на безмолвіе во глубину пустыни, для поста и молитвы. Краснорѣчиво описалъ все это пришелецъ аѳонскій, ибо не простой былъ чернецъ, а искусный въ

словѣ, и посланъ отъ Бога; внимая ему, юноша проливалъ потоки слезъ, и сонъ бѣжалъ очей его. „Вижу, отче,“ сказалъ онъ старцу, „что всевидящій Богъ, Которому открыта болѣзнь моего сердца, послалъ твою святыню возбудить меня, грѣшнаго: нынѣ, въ самомъ дѣлѣ, утѣшилось мое сердце, и неизреченною радостію исполнилась душа моя; нынѣ я уразумѣлъ то, чего безъ сознанія желалъ постоянно. Блаженны сподобившіеся столь безмятежнаго житія! Что же мнѣ дѣлать, отче? какъ избѣжать многомятежнаго міра, для этой ангельской жизни? Если родители сочетаютъ меня бракомъ, любовь плотская удержитъ меня. Между тѣмъ, я не хотѣлъ бы оставаться здѣсь ни одного дня, чтобы не возобладала мною сладость житейская и не отвлекла души моей отъ любви Ангельской,—хотѣлъ бы бѣжать, но пути не знаю. Притомъ всюду стерегутъ меня: отецъ настигнетъ и возвратитъ; я только наведу на него скорбь, а на себя позоръ, и устраненъ буду отъ желаннаго подвига.“

— „Вожделѣнна любовь родителей,“ отвѣчалъ старецъ, „и неразрѣшимъ союзъ естества: отрадно единство семейное,—но Владыка всяческихъ, ради Него, чтобы за Нимъ послѣдовать внушаетъ оставить и это, и даже, если случится, пострадать за Него, — а не тѣлеснаго искать покоя,—и прилежать бдѣнію и молитвѣ, въ алчбѣ и наготѣ, съ плачемъ и сокрушеніемъ сердца. Вотъ какой путь предлагается боголюбивымъ душамъ и вмѣняется имъ въ истинную славу.“ Какъ земля плодородная пріемлетъ сѣмя, такъ принималъ юноша въ сердце свое словеса старческаго, и дивился старецъ теплою любовью его къ Богу, пламенѣвшею въ душѣ его, исполненной цѣломудрія и умиленія. „Важу, чадо,“ сказалъ онъ, „что во глубину души твоей проникла уже любовь Божія; но поспѣши совершить доброе свое желаніе, пока злой сѣятель не успѣлъ посеять плевель въ

сердцѣ твоємъ и заглушить добрую пшеницу, а иначе благая мысль твоя измѣнится въ любосластіе. Удержанный здѣсь, ты ничего не достигнешь, и подвергнешься укоризнѣ Евангельской, подобно тѣмъ, которые предпочли села и упряжь воловъ и новобрачную жену безсмертной вечери Господней, и явили себя недостойными призванія небеснаго Царя. Я самъ готовъ быть споспѣшникомъ благому дѣлу и проведу тебя до Святой горы, куда стремишься ты духомъ—лишь бы только мы имѣли коней, для избѣжанія погони.“ Юноша возблагодарилъ Бога, утвердившаго сердце его пришествіемъ странника, благодарилъ и самого, посланнаго къ нему отъ Бога, старца, который исполнилъ душу его радости.

Нимало не медля, вошелъ онъ къ родителямъ и просилъ, по обычаю, благословенія въ путь. „Въ горахъ, недалеко отсюда,“ сказалъ онъ, „есть довольно добычи: благословите на ловлю и, если замедлю, не скорбите, потому что тамъ много оленей.“ Желая сдѣлать ему угодное, благословилъ его отецъ, благословила и мать, какъ обычно матерямъ, и заповѣдала скорѣе возвращаться: не угадали они, что не оленей хочетъ ловить сынъ ихъ, а что онъ самъ, какъ олень, жаждетъ источниковъ водныхъ, и ищетъ истиннаго источника—Христа. Для большаго успокоенія родителей, послалъ онъ въ горы ловцовъ, какъ бы для того, чтобы облавою согнать звѣрей къ одному мѣсту. Къ вечеру, Растко остался подъ горою съ своею дружиною, и, когда всѣ уснули, въ глубокую ночь, съ немногими изъ присныхъ своихъ, которымъ извѣстна была тайна, предводимый Богомъ и посланнымъ отъ Него инокомъ, пустился бѣжать. Насталъ день: благородные юноши искали своего господина, но нигдѣ не могли найти,-- и говорили между собою; „не посмѣялся ли онъ надъ нами и не возвратился ли къ отцу?“ Не видя, однако, ни инока, бывшаго съ ними,

ни присныхъ служителей князя, они стали недоумѣвать и, оставивъ ловитву, возвратились къ державному, съ вѣстью объ утратѣ его сына.

Услышавъ печальную эту вѣсть, скорбные родители едва не лишились жизни,—и тутъ же уразумѣли, что увлекъ его никто иной, какъ русскій инокъ, и не въ иное мѣсто, какъ на Святую гору, куда издавна было его стремленіе. Собрались вельможи и народъ, и подняли громкій плачь о горькой утратѣ: родители оплакивали сына, братія—брата, рабы—владыку. Но вскорѣ державный отецъ ободрился духомъ, и велѣлъ утолить плачь: „не подвергнемся мы такой обидѣ отъ иноковъ,“ сказалъ онъ, „и не лишимся сына, котораго даровалъ намъ Господь свыше всякой надежды; мы еще увидимъ его и насытимся его любовію.“—Стефанъ призвалъ одного изъ своихъ воеводъ: „испыталъ ли ты,“ говоритъ онъ, „болѣзнь чадолубія,—этотъ вѣчно горящій огонь, не знающій утолениа? Если мы когда-либо дѣлали тебѣ добро, то вотъ теперь случай тебѣ возблагодарить насъ. Ступай и возврати сына моего,—и тѣмъ утѣшишь сердце отца и освободишь отъ смерти мать: мы будемъ имѣть тебя вмѣсто друга и наградимъ многими, выше прежнихъ, благами.“ Скорбный отецъ призвалъ дружину благородныхъ юношей и, польстивъ ихъ надеждою награды, велѣлъ стремиться внутрь Святой горы; написалъ и посланіе къ греческому епарху города Солуни и умолялъ его силою извлечь сына изъ обителей аеонскихъ, съ угрозою достигнуть этого войною, если не исполнить просимаго добровольно.

Воевода и дружина гнали сильныхъ коней своихъ день и ночь, и достигли славнаго города Солуни, гдѣ вручили епарху письмо державнаго. Епархъ, очень любившій влстителя сербовъ, сильно огорчился и написалъ отъ себя къ Проту, или верховному игумену Святой горы, письмо,

въ которомъ умолялъ его не презирать требованій жупана Сербіи; ибо теперь надобно совершить не простое какое-либо дѣло, а немедленно возвратить сына державному отцу его, чтобы не нарушилъ онъ пріязни своей къ грекамъ и не нанесъ имъ многихъ скорбей. Епархъ съ воеводою сербскимъ отпустилъ и довѣреннаго своего человѣка. Вступивъ въ предѣлы Святой горы, они вездѣ дорогою спрашивали, не проходилъ ли искомый ими юноша,—и при этомъ описывали внѣшній образъ его и красоту. Наконецъ, услышали они, что, незадолго предъ ними, такой юноша прошелъ въ русскій монастырь: тогда, отложивъ путь свой къ Проту Аѳонской горы, посланные послѣжили въ Руссикъ *), чтобы взять юношу, пока онъ еще не постригся; и бѣглець, дѣйствительно, найденъ въ Руссикѣ еще въ одеждѣ княжеской. Когда вошли они въ церковь святаго великомученика Пантелеимона и увидѣли своего князя, тогда забыли, отъ радости, трудный путь и со слезами пали къ ногамъ его: въ страхѣ, какъ бы опять не лишиться его, хотѣли они возложить на него узы, но не дерзнули поднять руки на своего господина,—только поставили около него почетную стражу, чтобы, отдохнувъ нѣсколько, взять его съ собою.

Подивился юноша, что отецъ послалъ за нимъ такого именитаго воеводу, и какъ бы стыдился смотрѣть въ лицо этому мужу, поднявшему ради него столь тяжкій трудъ. Растко отвелъ его въ сторону и спрашивалъ: „какъ могъ онъ столь быстро совершить такой далекій путь?“ Воевода рассказалъ ему о горести родителя, о письмѣ его къ епарху и отъ епарха къ Проту, не скрылъ и твердаго намѣренія возвратить князя, волею или неволею, въ домъ отеческій. Уразумѣлъ юноша предстоящую опасность, но

*) О времени поселенія русскихъ на Аѳонѣ см. книгу: «Русскій монастырь св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона на св. горѣ Аѳонской». М. 1886 г.

еще надѣялся отклонить ее просительнымъ словомъ къ воеводѣ. „Если хочешь,“ говорилъ князь, „ты можешь оставить меня здѣсь, не опасаясь измѣны, и, какъ сильный человѣкъ, укротить моего отца, а самъ я напишу къ нему и умиротворю его сердце: только ты поступи съ братскою любовію,—не препятствуй миѣ совершить то, для чего я пришелъ.“ Но воевода отвѣчалъ: „Нѣтъ, владыка мой, ты и не начинай такого моленія къ рабу твоему, такъ какъ исполнить его невозможно. Государь мой и твой отецъ возложилъ это дѣло на меня, какъ на человѣка вѣрнаго. Пусть бы еще мы обрѣли тебя въ иномъ образѣ,—тогда могли бы, пожалуй, имѣть хоть нѣкоторое извиненіе: но такъ какъ Господу угодно было, чтобъ ты удержалъ донинѣ тотъ самый видъ, въ какомъ желаютъ видѣть тебя отецъ твой, братья и вельможи, то кто я, чтобы могъ отвѣжаться на такой помыслъ, и съ какими очами явлюсь предъ лицо отца твоего? Итакъ, отложи всякую мысль о сопротивленіи, и, хотя съ сердцемъ скорбнымъ, послѣдуй за нами; угаси пламень, возженный въ сердцѣ родительскомъ страннымъ твоимъ побѣгомъ, ибо знаешь самъ, что ты былъ единственною утѣхою твоего отца. Если же не захочетъ идти съ нами, то принудишь меня сдѣлать то, о чемъ не хотѣлось бы и говорить: принудишь наложить на тебя узы, ибо я боюсь твоего отца болѣе всего, и такое принялъ отъ него повелѣніе.“

Видя неумолимый нравъ воеводы, юноша принялъ на себя веселый видъ и сказалъ; „да будетъ воля Господня!“ Увѣряя, что пойдетъ съ ними, онъ тайными воздыханіями взывалъ къ Господу, чтобы Милосердый былъ его помощникомъ въ этой напасти, и позволилъ, благочестія ради, употребить хитрость,—ибо сердце его было исполнено мудрости. Князь просилъ игумена приготовить свѣтлую трапезу, для утѣшенія сербскихъ пришельцевъ, а между тѣмъ

съ вечера начать утреннюю службу, и открылъ ему тайную свою мысль. Игумень поспѣшилъ исполнить желаніе его: устроилась обильная вечеря, и самъ настоятель служилъ при трапезѣ, которая продлилась далеко за полночь. Это было наканунѣ воскресенья. Игумень велѣлъ ударить въ било ко всенощному бдѣнію, а самъ, вмѣстѣ съ юношею, всталъ отъ вечери; возсталъ и воевода съ своею дружиною, чтобы присутствовать при службѣ церковной, ибо не дерзалъ спустить глазъ съ юнаго своего князя. Медленно шло пѣніе и чтеніе, по уставу святыхъ отцевъ; сторожившіе юношу, утомленные еще отъ дороги, и послѣ пиршества исполненные виномъ, забылись сномъ въ церковныхъ сѣдалищахъ. Ревностный Растко, едва только замѣтилъ это, тотчасъ всталъ изъ среды ихъ и, поклонившись предъ святымъ алтаремъ, произнесъ Господу обѣты иноческіе. Потомъ взялъ онъ съ собою одного старца инокъ, почтеннаго саномъ священства, и, вмѣстѣ съ нимъ, взошелъ на высокій монастырскій пиргъ, заключивъ за собою желѣзныя двери. Священноинокъ, сотворивъ молитву, отрѣзалъ власы главы его и облекъ его въ ризы ангельскаго образа: Растко мірское имя свое измѣнилъ на имя Саввы, которымъ прославилась земля сербская. Простершись на землю, много пролилъ онъ слезъ и произнесъ благодарныя молитвы къ Господу, исполнившему пламенное желаніе его сердца. Старецъ инокъ пристыженъ былъ плачемъ юноши, который въ столь нѣжныя годы показывалъ уже такую высокую ревность по Богѣ.

Покамѣсть совершалось это на высокомъ пиргѣ, внизу, въ храмѣ великомученика Пантелеимона, всенощное бдѣніе окончилось: очнулись стражи, проспавшіе своего князя, и ужаснулись, не видя его между собою; они стали искать его всюду, въ церкви и въ обители, и, не находя, начали досаждать игумену и бить монаховъ. Воевода, утишивъ молву, говорилъ братіи: „Мы приняли отъ васъ, честные

отцы, неправду и безчестіе: но, стыдясь ангельскаго вашего образа, кротко и челоуѣколюбиво обходились съ вами. Не тотъ ли изъ васъ, что приходилъ просить дара у владыки нашего, — не онъ ли, льстець, достойный смерти, въ ничто вмѣнивъ этотъ даръ, бѣжалъ, и похитилъ сына у отца, родителей повергъ въ смертный плачь, а насъ — въ безвыходныя затрудненія? Теперь же вотъ опять укрыли вы отъ насъ господина нашего. Откуда такое своеволіе? какъ можете вы ругаться надъ нами? Головою своею дадите намъ отвѣтъ: откройте, гдѣ скрыли вы князя?”

Слыша на високомъ пиргѣ, что воевода готовъ уже свирѣпствовать и что нещадно бьютъ иноковъ, юноша убоялся суда Божія, елибы злоба довершилась убійствомъ. Онъ прииикъ съ вершины башни и, во мракѣ ночи, воззвалъ къ своимъ. Всѣ обрадовались, услышавъ голосъ его, и устремились къ пиргу, взирая на высоту и какъ бы желая проникнуть очами мглу ночную, чтобы утѣшиться его лицезрѣніемъ. Инокъ Савва, бывшій князь Растко, сказалъ воеводѣ: „ты ли въ сѣдой головѣ носишь умъ юноши и, имѣя съ собою, въ странѣ чужой, полкъ людей, высоко думаешь о себѣ?“ а благороднымъ юношамъ говорилъ: „Бога ли вы не боитесь, ни ангельскаго не стыдитесь образа? Годится ли вамъ вооружаться на иноковъ во святынѣ храма? Какое зло сдѣлали они вамъ? Если ищете меня, то вотъ я предъ вами; впрочемъ, нынѣ еще не свободенъ, а завтра увидите меня; оставьте же этихъ въ покоѣ.“ Объятые страхомъ и стыдомъ, благородные воины сербской дружины безмолвствовали и не знали, что отвѣчать своему князю, а только обступили пиргъ и стерегли его во всю ночь. На разсвѣтѣ же, князь — иннокъ опять прииикъ съ высоты столпа, уже облеченный во все украшеніе ангельскаго образа, и возгласилъ къ своей дружинѣ. Узрѣвъ его въ такомъ видѣ, подняли они горькій плачь и со слезами пали

на землю. Инокъ же Савва, сострадая ихъ горю, утѣшалъ ихъ слѣдующими словами: „Сдѣлавшеся со мною угодно было Богу: Самъ Господь привелъ меня сюда, такъ что вы не настигли меня, и Онъ же теперь избавилъ меня отъ рукъ вашихъ. Вы хотѣли совратить меня съ добраго, желаннаго мною пути, и похвалиться предъ вашимъ владыкою: но Богъ мой, на Котораго уповая, вышелъ я изъ дома отеческаго, и здѣсь былъ мнѣ помощникомъ, какъ вы сами видите; Онъ и впредь направитъ жизнь мою по Своей волѣ. Прошу васъ не скорбѣть и не сокрушаться о мнѣ: напротивъ, восхвалите вмѣстѣ со мною Бога, удостоившаго меня этого спасительнаго и желаннаго мною образа. Возьмите съ собою, знакомую вамъ, княжескую мою одежду и волоса отъ моей головы, да и возвращайтесь съ миромъ во-своеси; отнесите эти залого родителимъ и братіи моей, чтобы они повѣрили вамъ, что вы нашли меня въ живыхъ, но, по благодати Вожеіей, уже инокомъ: Савва — имя мое.“

Сказавъ это, новый иннокъ бросилъ съ вершины пирга свою одежду и юношескіе волосы, а съ ними вмѣстѣ и хартію, написанную его рукою въ утѣшеніе родителямъ, которыхъ онъ умолялъ — „не имѣть о немъ ни малѣйшей скорби и не плакать, какъ бы о погибшемъ, а скорѣе молить Господа, чтобы ихъ молитвами совершить ему доброе. Пусть и они, по мѣрѣ своихъ силъ, поцекуются о душѣ своей, и пусть не чаютъ его болѣе видѣть во временной жизни, — развѣ только Богъ позволить ему во Святой горѣ дожидаться владыки отца своего, насладиться зрѣніемъ честныхъ сѣдинъ и насытиться изліяніями сладкой его любви!“ Многое къ этому еще присовокупилъ Савва изъ словъ Евангельскихъ — о правдѣ, милости и судѣ, и о томъ, чтобы не дѣлать другимъ, чего себѣ не желаешь, и заключилъ слѣдующимъ обѣтованіемъ Господнимъ: *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или ма-*

терь, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторолицю приметъ и животъ вѣчный насладитъ (Матѳ. 19, 29).

Поднявъ, брошенная съ пирга, княжескую одежду, хартию и волосы, воевода и его дружина положили все это предъ собою и оплакивали живаго, какъ бы мертваго. „Что ты сдѣлалъ съ нами, князь!“ восклицали они: „намъ горче смотрѣть на тебя теперь, когда ты найденъ, чѣмъ тогда, когда бѣжалъ отъ насъ; такое обрѣтеніе печальнѣе самой утраты! Вотъ и княжеская одежда: но какъ мы отдадимъ ее родителямъ и братіи! Вотъ волосы съ любимой головы, которыми донинѣ утѣшались сердца и взоры ихъ: но теперь не покажутся ли они несчастнымъ какъ бы вервие давленія! Все это исполнено не радости, а плача! Какое примемъ за тебя возмездіе? въ какую свѣтлую одежду облечуть насъ тѣ, которыхъ сами мы облечемъ въ одежду сѣтованія? Предложенный намъ, ночной пиръ исполненъ былъ прелести, — онъ уподоблялся той трапезѣ, которою оболѣстилъ Іаковъ отца своего, чтобы исторгнуть у него благословеніе! Подносимая тобою, чаша, князь, казалась полна меда любви, а между тѣмъ она растворена была горькою желчью! О ночь, въ которую мы заснули, будь ты темна, по слову Іова, и да не причтешься ты къ ночамъ луннымъ! Въ эту ночь мы, какъ безумные, достойные всякаго осмѣянія, въ одинъ часъ упустили изъ рукъ труды многихъ дней! Сонъ, по грѣхамъ нашимъ, одолѣлъ насъ; а если бы, какъ было намъ повелѣно, мы обложили бѣжавшаго узами, то были бы теперь свободны отъ скорби смертной. Какъ явимся владыкѣ нашему! Какой камень или какое желѣзо выдержитъ ту повѣсть, которую мы принесемъ твоимъ родителямъ и братіи!“

Такой плачь, такіе вопли слышны были и внизу — на землѣ, и въ верху — на пиргѣ, — ибо и Савва нисколько не меньше плакалъ тамъ, какъ и эти здѣсь. Да и какой без-

чувственный камень не умилился бы, внимая тому плачу!— Такъ прошелъ день. Къ вечеру рыданіе нѣсколько утихло: сербская дружина стала уже собираться въ путь и, возводя взоры на столицъ, къ своему князю, послала ему прощальное цѣлованіе и укоризны, со слезами любви: „Прощай владыко нашъ,—прощай и благоденствуй, насыщай безъ насъ каменную твою утробу! Приметъ ли Господь тебя, прельстившаго родителей? Достанетъ ли у тебя духа говорить, что боишься Бога, обманувши насъ?“ Взывая къ нему такимъ образомъ, въ сердечной горести, они, въ то же время, испрашивали у него молитвъ и благословенія, и, взявъ съ собою печальную его одежду, пошли въ обратный путь; но дорогою не разъ останавливались, обращаясь къ роковому пиргу съ полными слезъ глазами, пока можно было еще видѣть его издали *).

Послѣ того, инокъ Савва сошелъ со столпа, въ новомъ ангельскомъ своемъ образѣ, поклонился игумену и братіи, и отъ всѣхъ былъ привѣтствуемъ съ любовію. Тѣхъ изъ братій, которые приняли за него оскорбленія, онъ умолялъ простить своимъ досадителямъ, чтобы они съ миромъ возвратились во свояси: ибо эти досадители, только по ихъ молитвѣ, возвратились съ праздными руками. Внимая смиреннымъ его рѣчамъ, всѣ исполнились радости, а тѣ, которые приняли за него раны, утѣшались ими, какъ бы приобрѣли какую корысть.

2. Иноческіе подвиги Саввы; постриженіе отца его.

Вскорѣ пронеслась молва по всей пустыни, въ общезжитіяхъ и по келліямъ отшельниковъ, что сынъ самодержца

*) Пиргъ или башня, съ которой св. Савва сбросилъ одежды, цѣла и доселѣ. Въ ней устроена (въ 1871 г.) церковь, посвященная его имени.

сербскаго, оставивъ царство и возлюбивъ безмолвіе болѣе міра, вселяется съ ними: поэтому все желали видѣть его. Наступилъ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, — это былъ храмовой въ знаменитой обители аонской, Ватопедѣ: настоятель и братія пригласили честнаго инока Савву участвовать въ радости торжества и похвальныхъ пѣнйяхъ Пречистой Дѣвѣ. Пришедшій на зовъ, принять былъ съ честію и любовію, и, насладившись праздникомъ, осмотрѣлъ благолѣпіе чудной обители Игумень и братія Ватопедскіе, съ согласія Прота всѣхъ обителей Святой горы, убѣдили преподобнаго поселиться вмѣстѣ съ ними; потомъ, спустя немного времени, испросилъ онъ благословеніе у игумена идти поклониться прочимъ обителямъ Святой горы, взойти на самую ея вершину и посѣтить всѣхъ разсѣянныхъ по пустыни отшельниковъ. Игумень согласился, и отпустилъ съ нимъ опытныхъ иноковъ, которые бы указали ему все святыя мѣста: вездѣ принималъ онъ былъ съ особенною честію. Совершая трудные пути босыми ногами, путешественникъ пришелъ въ лавру святаго Аонасія, гдѣ едва только принялъ молитву и благословеніе и далъ себѣ малый покой, какъ устремился на вершину Аона, куда издавна влекло его желаніе сердца. Тамъ на колѣняхъ простоялъ онъ всю ночь на молитвѣ, олождивъ священную вершину теплыми слезами. Спустившись съ горы, посѣтилъ онъ множество постившихся въ вертепахъ, у ея подошвы, гдѣ проводили они самое строгое житіе, и радовался, что сподобился видѣть рабовъ Божіихъ, какихъ трудно встрѣтить на землѣ. Блаженные эти отцы, хотя еще и не могли называться Ангелами, ради плеткой своей оболочки, однакожь, по истинѣ были выше человѣковъ, такъ какъ упразднились отъ всего земнаго, не заботились ни о чемъ тѣлесномъ, не занимались ни куплями, ни земледѣліемъ или виноградниками:

молитвы и слезы были ежедневнымъ ихъ дѣланіемъ; умъ же ихъ всегда былъ устремленъ къ Богу; тѣсныя ихъ каливы поросли травой и оглашались только древеснымъ шумомъ и пѣніемъ птицъ, возбуждавшихъ къ прославленію Бога; а нѣкоторые отшельники гнѣздились въ каменныхъ ущеліяхъ, земныхъ пропастяхъ и на морскихъ утесахъ, подобно птицамъ, гдѣ были обуреваемы вѣтромъ и дождями, опаляемы солнцемъ, лишены всякой отрады, и гдѣ не грозила имъ опасность отъ хищниковъ, ибо у нихъ не было ничего, кромѣ рубищъ. Пища была по силѣ каждому: одни изрѣдка питались хлѣбомъ, другіе — древесными плодами или дикимъ быліемъ; питіемъ же служила имъ, текущая изъ камня, вода. Всѣ они, однажды отрекшись отъ всего мірскаго, уже совершенно забыли міръ, и мало чѣмъ не достигли естества Ангельскаго.

Блаженный Савва, написавъ на хартіи своего сердца такіе труды ихъ и такую преданность Богу, глубоко вздыхалъ и укорялъ себя за свое нерадѣніе: онъ со слезами припадалъ къ ногамъ преподобныхъ, прося ихъ молитвы и благословія, и съ сердцемъ, какъ бы уязвленнымъ стрѣлою, возвратился въ свою обитель Ватопедъ, гдѣ былъ принятъ съ прежнею любовію. Братія спрашивали его о странствованіяхъ по Святой горѣ и, видя, что онъ унылъ лицомъ и утратилъ цвѣтъ юности, приписывали это непривычному хожденію босыми ногами по камнямъ. Но они не вѣдали тайны души его, не знали, что желаніе пустынное снѣдало самую плоть его и не давало ему покоя. Онъ пришелъ къ игумену и исповѣдалъ ему болѣзнь сердечную, умоляя отпустить его на подвигъ пустынный: но игумень не далъ ему на это благословія, пока не утвердится онъ на первой ступени общежитія, чрезъ послушаніе. „Все хорошо въ свое время,“ говорилъ опытный старецъ: „ни время, ни возрастъ не позволяютъ еще тебѣ искать столь труд-

наго подвига; къ тому же, знаютъ, чей ты сынъ, ибо приходъ твой не утаился и отъ державныхъ. Что же, если, по смутѣ человѣческаго врага, встрѣтитъ тебя въ пустынь мѹжь крови, и мы всё за тебя примемъ поношеніе?* Не безъ Промысла Божія послѣдовалъ этотъ отказъ, чтобы пустынное свѣтило не скрылось въ горахъ подъ спудомъ, и не лишились свѣта имѣвшіе просвѣтиться отъ него. Со смиреніемъ послушался аввы преподобный и началъ раздѣлять съ братіею труды общежитія: работая для каждого, онъ пріобрѣлъ общую любовь; днемъ занимался службою тѣлесною, а ночь проводилъ въ бдѣніи молитвенномъ, истомля тѣло поклонами, какъ будто душа его заключена была въ мѣдной плоти, или какбы плоть вовсе не принадлежала ему, — ибо не чувствовалъ онъ никакой усталости; едва позволялъ себѣ вкушать немного хлѣба и воды, а зной и холодъ были для него безразличны; зимою довольствовался онъ убогою власяницею, только для прикрытія наготы, и ходилъ всегда босыми ногами; огрубѣвшая кожа ступней его уже не боялась острія камней. Но, врагъ своего тѣла, онъ былъ обходителенъ и кротокъ, со всеми: въ обители дивились, какъ въ столь юномъ возрастѣ и въ столь короткое время, могъ онъ достигнуть такого совершенства духовнаго, какое недоступно и многолѣтнимъ подвижникамъ.

Между тѣмъ воевода и благородные юноши, возвратившись къ родителямъ блаженнаго Саввы, рассказали имъ все, что съ нимъ было; они принесли и красную одежду, и свѣтлорусые волосы юноши, и написанную его рукою, прощальную хартію. Оружіе прошло сердце родителей и братій, когда увидѣли они, что утрачена ихъ надежда: громкими воплями звали отсутствующаго; одежду и волосы его дѣлили между собою, какъ нѣкое сокровище, окропляя ихъ слезами, и прилагая къ очамъ своимъ, какбы врачей-

ство. Вмѣстѣ съ царственнымъ домомъ, плакали, будто объ усопшемъ, и всѣ подвластные и, ради сѣтованія, по обычаю мірскому, облеклись въ черныя одежды. Но мало-помалу сердца родителей умилились: страхъ Божій возвратился въ ихъ души, и они уразумѣли, какой благой примѣръ показалъ имъ юноша, предваряя ихъ на пути спасенія.

Державный Стефанъ послалъ отъ себя на Святую гору много золота, чтобы царственное его дѣтище ни въ чемъ не нуждалось и имѣло деньги для раздачи убогимъ; родитель не безъ страха написалъ ему посланіе и, стыдясь называть его сыномъ, скорѣе называлъ отцемъ и учителемъ, предстателемъ предъ Господомъ и молитвенникомъ о нихъ къ Богу. „Домъ нашъ въ рукахъ твоихъ,“ писалъ старецъ: „души наши и мы всѣ въ твоей волѣ, ибо ты удивилъ родившихъ тебя своею добродѣтелію; но отними отъ насъ скорбь тяжелой нашей болѣзни и утѣшь своимъ пришествіемъ; мы обѣщаемъ опять возвратить тебя въ пустыню.“ Получивъ отеческое писаніе, богомудрый Савва оросилъ его обильными слезами, помолился о родителяхъ и благодарилъ Бога. Принявъ отъ руки ихъ много золота, онъ отдѣлилъ только необходимое на хлѣбъ, а самъ, ходя босымъ по монастырямъ и пустынямъ, сѣялъ повсюду милостыню щедрою рукою, и тѣмъ созидалъ обитель отцу своему на небесахъ; потомъ опять возвращался въ монастырь свой Ватопедъ, на прежніе подвиги.

Однажды напекъ онъ свѣжихъ хлѣбовъ и, навьючивъ ими монастырскихъ лошаковъ, ночью поднялся въ путь, вмѣстѣ съ погонщиками, которымъ ввѣрены были мулы; босой, шелъ онъ впереди, и проникалъ онъ въ дальнѣйшія пустыни, чтобы угостить пустынниковъ, постившихся отъ трехъ до пяти дней и даже по недѣлѣ, судя по силѣ каждого, ибо это было время великой четырехдесятницы. День тогда насталъ субботній, и Савва думалъ насытить пост-

никовъ теплыми хлѣбами, чтобы, въ замѣнъ, воспріять себѣ отъ нихъ теплыя молитвы. Когда достигъ онъ мѣста, называемаго Милопотамъ, напали на него разбойники и отняли все. Огорчился блаженный, — но не оттого, что впалъ въ руки разбойниковъ, а оттого, что этимъ замедлился путь его и не могъ онъ поспѣть вовремя къ трапезѣ отшельниковъ. Хищники спросили его: кто онъ, и изъ какой обители? Савва назвалъ себя ученикомъ отца Макарія, и сказалъ, что, ради монастырской нужды, былъ онъ посланъ въ сосѣдній Есфигмень, гдѣ задержала его братія, чтобы послать съ нимъ теплые хлѣбы въ пустыню, старцамъ, Христа ради постящимся, — ибо таковъ обычай отеческій. Говоря это, вознесъ онъ изъ глубины сердца теплую молитву, съ полною вѣрою ко святымъ мужамъ, которыхъ шель посѣтитъ, — и получилъ нечаянную свободу. Разбойники умилились, — ибо Господь коснулся сердца ихъ, и отпустили Савву со всеми его запасами: ревностный инокъ успѣлъ еще вовремя принести хлѣбы преподобнымъ и рассказалъ имъ, какъ, молитвами ихъ, сподобился избѣжать рукъ вражнихъ.

Когда прошло первое изумленіе разбойниковъ, они начали говорить между собою: „что это было съ нами? не обаятель ли какой обаялъ насъ? или мы видѣли по-истинѣ челоуѣка Божія! Посмотримъ, дѣйствительно ли онъ — ученикъ преподобнаго Макарія? а преподобный Макарій по своей добродѣтели извѣстенъ былъ всемъ. Пришли они къ Макарію, какбы за благословеніемъ, и увидѣли при немъ блаженнаго юношу. Старецъ пригласилъ ихъ сѣсть, и предложилъ имъ все, что имѣлъ въ своей келліи, — пустынныхъ овощей и маслинъ; болѣе же всего насытилась душа ихъ доброю бесѣдою: имъ казалось, что небесный огонь опалить ихъ, или земля поглотитъ живыми, если они причинятъ ему какое-либо зло. Вопросъ ихъ былъ одинъ: въ

самомъ ли дѣлѣ юноша ученикъ его,—ибо славное видѣли о немъ знаменіе. Внимая имъ, старецъ прослезился, и сказалъ: „чада мои! юноша этотъ ученикъ Божій, по иночеству — одинъ изъ братій нашихъ, а по рожденію — сынъ благочестиваго царя сербскаго. Онъ оставилъ царство, презрѣлъ славу родителей и всѣ приманки міра, возлюбилъ нищету и, какъ сами видите, вселился съ нами. Въ настоящее время Богъ посылаетъ его обходить пустыни и утѣшать страждущихъ въ горахъ и вертепахъ.“ Изумились хищники великому смиренію юноши, нисшедшаго съ такой высоты Бога ради, и не могли безъ слезъ смотрѣть на власяное рубище и босыя ноги Саввы, представляя прежнее его величіе: они пали къ ногамъ его и просили себѣ благословенія, — какъ отъ юноши, такъ и отъ старца, обѣщаясь болѣе не дѣлать разбоевъ. Старецъ и юноша тоже, съ своей стороны, поклонились имъ до земли и съ любовію обнимали ихъ, радуясь внезапному ихъ обращенію. Съ тѣхъ поръ блаженный уже безъ страха странствовалъ по пустынѣ.

Савва опять пожелалъ идти въ лавру святаго Аѳанасія, и, по обычаю,—пѣшкомъ, ибо до пришествія отца своего никогда не рѣшался сѣсть на коня. Игуменъ, милуя странника, и желая облегчить ему путь, отпустилъ его, съ нѣсколькими изъ братій, въ малой ладѣ. Они были уже недалеко отъ лавры,—какъ вдругъ, изъ-за утесовъ, выплыли на нихъ морскіе разбойники: одинъ изъ иноковъ успѣлъ бѣжать съ этою вѣстью въ лавру,—и исполнилось скорбію сердце игумена о блаженномъ юношѣ. Опасаясь, какъ бы злодѣи не узнали царскаго его рода, онъ послалъ своего старца на берегъ, чтобы умягчить суровость разбойниковъ и пригласить ихъ въ лавру, гдѣ обѣщалъ дать имъ все нужное. Что же?—ожесточенные дѣйствительно повиновались слову старческому. Плѣнники сказались лавріютами;

а Савва между тѣмъ возсылалъ теплыя молитвы къ Богу. Благоразумный старецъ, взглянувъ на юношу, какъ будто призналъ его, и съ великимъ гнѣвомъ воскликнулъ: „не туда-то ли послалъ тебя игумень, — а ты еще здѣсь? Развѣ такъ-то исполняютъ приказанія?“ И при этомъ словѣ устремился на него съ посохомъ, какъ бы хотѣлъ ударить его. Савва уразумѣлъ хитрость, и, будто испугавшись нечаяннаго гнѣва, соскочилъ съ ладьи и бросился бѣжать въ лавру, а разбойники, обезумѣвшіе въ эту минуту, и не подумали удержать его, и ни въ чемъ не прекословили старцу. Такимъ образомъ, князь Сербскій избѣжалъ опасности, и прославилъ Бога за свое спасеніе. Пришедши въ лавру, хищники даже и не спросили о бѣжавшемъ: игумень угостилъ ихъ, и отпустилъ съ миромъ. Когда же впослѣдствіи узнали они, кто былъ юноша, котораго они отпустили, — яростію исполнилось сердце ихъ, и они, гдѣ только могли, вездѣ наносили оскорбленія лавріотамъ. Савва, поклонившись гробу святаго Аванасія, благополучно возвратился съ спутниками своими въ Ватопедъ.

Нѣсколько времени спустя, родители опять писали блаженному Саввѣ, умоляя его придти къ нимъ, и послали ему золота больше прежняго, кромѣ особыхъ даровъ для обители Ватопедской, — золотыхъ сосудовъ, честныхъ иконъ и тканыхъ золотомъ завѣсъ, — такъ что Ватопеду всѣ завидовали, даже самый Проть. Блаженный принялъ писаніе родительское съ радостію, хотя и не безъ слезъ, и благодарилъ Бога за присланную ему милостыню: часть полученнаго даянія удѣлилъ онъ нищимъ, а все прочее употребилъ на сооруженіе трехъярусныхъ келлій въ Ватопедѣ, гдѣ братія умножалась. Тутъ же, на оградѣ, за великимъ соборомъ, началъ онъ строить одну церковь — во имя Рождества Богородицы, другую — во имя Златоуста, третью, на великомъ пиргѣ, — во имя Преображенія; съ соборной

крыши велѣлъ онъ снять каменные плиты и покрылъ ее оловомъ, какъ видно это и донинѣ. Совершая такія постройки внутри Ватопеда, блаженный говорилъ: „если призритъ на меня Господь и дастъ мнѣ видѣть здѣсь отца моего, то я поселю его въ своихъ келліяхъ.“ Много и другаго сдѣлалъ онъ для обители, — такъ что его называли вторымъ ктиторомъ Ватопеда.

Родителямъ и братіи преподобный написалъ отъ себя слово любви: „Вашею о мнѣ жалостью и благосклоннымъ писаніемъ, вы отнимаете у меня мою душу: болѣзную въ разлукѣ съ вами; но не должно любить кого-либо больше Бога, ибо сказано: *любай отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.* Это самое препятствуетъ мнѣ идти къ вамъ; но я припадаю къ святому моему отцу и молитвенно взываю: въ земномъ твоёмъ царствѣ ты подвизался Апостольски и людей своихъ просвѣтилъ православіемъ: прогналъ ереси, опровергнулъ бѣсовскіе храмы, соорудилъ Церкви Божіи, и всѣмъ явилъ свое страннолюбіе и милосердіе; но еще остается тебѣ исполнить одно слово Евангельское: *кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ* (Матѣ. 16, 24). Да будетъ пріятенъ тебѣ совѣтъ мой: презри земное богатство, какбы не сущее, и все красное міра, какъ суетное и маловременное, и послѣдуй мнѣ крестнымъ путемъ, который я приготовилъ тебѣ въ той же пустыни; вселись со мною и, упразднившись отъ всего мірскаго, приготовляй себя къ созерцанію Божію, молитвою и постомъ. Если ты сподобился благодати во дни земнаго царствія, то смиреніемъ иноческаго образа достигнешь вѣнца въ пустыни, а мою душу, любовію твоею и лицезрѣніемъ, избавишь отъ печали, ибо я опять буду съ тобою. Хорошая мать моя, въ своей области, да послѣдуетъ тому же примѣру. Молю васъ, славы ради царствія и многаго ради богатства, не

оскорбитесь моими словами, какъ нѣкогда оскорбился Евангельскій юноша. Вѣру имѣй, отче, что, оставивъ земное царство, ты приобрѣтешь небесное: если же презришь слова мои,—не надѣйся увидѣть меня въ этой временной жизни. Миръ Вожій и любовь святыхъ отецъ пустынныхъ и моя грѣшная молитва да будутъ съ тобою.*

Принявъ въ руки сыновнее писаніе, какбы нѣкую святыню, державный отецъ всталъ съ своего престола, поклонился и поцѣловалъ драгоценныя для него строки; но прочесть ихъ не могъ, ибо пламенные слезы отеческой любви затмѣвали его взоры. Наконецъ, успокоившись духомъ, онъ прочиталъ письмо, и подивился премудрости и силѣ изложеннаго въ немъ слова, ибо глубоко въ сердце его проникъ укоръ о Евангельскомъ юношѣ, который ради земнаго богатства оставилъ Христа, и державный ублажилъ своего сына, сдѣлавшагося ему учителемъ. Немедленно велѣлъ онъ со всей своей державы созвать епарховъ, воеводъ и благородныхъ мужей, малыхъ и великихъ, и назначилъ день великаго государственнаго совѣта: а между тѣмъ распредѣлилъ все свое богатство, назначивъ его, по частямъ, убогимъ, хромымъ, слѣпымъ, сирымъ и вдовицамъ. Когда всѣ собрались, такъ что царскія палаты едва могли вмѣстить благородный синклитъ, вышелъ въ средину этого сонма владыка и велѣлъ сперва прочесть во услышаніе всѣхъ сыновнее писаніе; потомъ сказалъ: „Други мои, братія и чада, внимлите моему слову: жизнь моя извѣстна вамъ съ самаго начала; каждыя изъ васъ вскормилъ я, какъ брата или друга, и вы всегда были послушны миѣ. Вотъ, мы сохранили нашу землю не раззоренною отъ враговъ, — однако, спасались, уповая не на лукъ нашъ: крѣпость наша состояла въ вѣрѣ во Отца и Сына и Святаго Духа, мы были сильны противъ враговъ крестомъ Христовымъ. Нынѣ заклинаю васъ соблюсти святую

вѣру въ единосущную Троицу чистою отъ всякой ереси, — такую чистою, какою мы приняли ее при святомъ крещеніи, — изгнавъ изъ среды себя всякую ересь. Умоляю васъ быть вѣрными, какбы мнѣ лично, тому, кого я поставлю вмѣсто себя владычествовать надъ вами. Божіимъ Церквямъ и ихъ служителямъ воздавайте должную почесть: вы видѣли, какъ самъ я всегда воздавалъ подобающее святынѣ.“

Внимая этой неожиданной рѣчи, вельможи недоумѣвали; а державный, между тѣмъ, заключилъ ее слѣдующими словами: „Возлюбленный и Богомъ дарованный мнѣ синклитъ! вы слышали, какъ отрицается отъ меня сынъ мой и не хочетъ болѣе видѣть меня въ этой жизни, если я не послѣдую ему. При вашемъ содѣйствіи, довольно было у меня радостей земнаго владычества, довольно воинскихъ дѣлъ и обильныхъ трапезъ, довольно пресыщенія удовольствіями міра; нынѣ отпустите меня съ любовію и крестомъ на раменахъ, да послѣдую сыну, да настигну его въ пустыни, гдѣ надѣюсь упраздниться отъ своихъ золь и попекъ о своемъ спасеніи.“ Едва только объявилъ онъ эту печальную вѣсть, какъ отовсюду поднялся громкій вопль и огласилъ весь дворецъ. Всѣ плакали, — благородные и неблагородные, чуждые и сродники по плоти, — сыны его и сыны сыновъ, — раздирая на себѣ княжескія одежды. Чего не дѣлали они, какихъ умиленныхъ словъ не говорили, чтобы какъ-нибудь удержать отца своего и владыку! — „Не оставляй насъ, отецъ нашъ и учитель, — иначе и мы пойдемъ съ тобою! Если хочешь воспріять крестъ Христовъ, заключись въ своемъ монастырѣ, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, могли утѣшаться твоимъ лицезрѣніемъ. Какая будетъ тебѣ похвала, если ты, какъ одинъ изъ странныхъ, да еще и на чужой сторонѣ, окончишь жизнь свою?“ Но державный отвѣчалъ: „Что плачете и расслабляете мою душу? Вы слышали, какъ отрекается меня сынъ мой, если не послѣ-

дую ему! Не хочу лишиться его.“ Тутъ призвалъ онъ старшаго своего сына Стефана, — богобоязненнаго, исполненнаго добродѣтели и мужества, и, вмѣстѣ съ епископомъ Каллиникомъ и со всѣми благородными, вошелъ въ Церковь святыхъ верховныхъ Апостолъ. По совершеніи Божественной службы, самодержецъ-отецъ и преосвященный епископъ молитвенно осѣнили избраннаго честнымъ крестомъ и возложили на главу его руки, благословляя Стефана быть великимъ жупаномъ, владыкою и самодержцемъ всей земли сербской; потомъ всѣ благородные вельможи поклонились ему и возгласили „многая лѣта.“

Въ царскихъ палатахъ приготовленъ былъ свѣтлый пиръ, Стефанъ приглашалъ всѣхъ, говоря: „пріидите возлюбленные друзья, братія и чада, — раздѣлите со мною послѣднюю трапезу: уже никогда вмѣстѣ съ вами не вкушать мнѣ отъ этихъ яствъ; возвеселимся въ послѣдній разъ.“ Во время пира, принесены были свѣтлые дары, и державный надѣлилъ cadaго изъ своихъ присныхъ: оба Стефана, — отецъ и сопрестольникъ его, — щедро раздавали подарки, одинъ — по случаю оставленія, а другой по случаю принятія царства. На слѣдующее утро все измѣнилось: смиренный Стефанъ Неманя и супруга его Анна пошли въ храмъ Пресвятыя Богородицы, ими же самими созданный въ Студеницѣ, и тутъ поклонившись предъ царскими дверьми, произнесли Богу иноческіе обѣты. Тотъ же епископъ Каллиникъ обоихъ ихъ облекъ въ ангельскій образъ, и нарекъ бывшаго властителя Стефана инокомъ Симсономъ, а подругу его, благочестивую Анну, — инокинею Анастасіею. Анастасія, собравши вокругъ себя ликъ черноризицъ, вмѣстѣ съ ними упражнялась въ пощеніи и молитвахъ; а Симеонъ вначалѣ подвизался съ иноками, бывшими въ Студеницѣ, потомъ же, собравши много золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, для раздачи аѳонскимъ обителямъ, пустился съ ними въ путь.

Сынъ его, самодержецъ Стефанъ, со всеѣмъ дворянствомъ сербской земли, провожалъ его до предѣловъ греческихъ, обливаясь горькими слезами, и тамъ разстался съ нимъ, а нѣкоторые изъ дворянъ послѣдовали за нимъ на Святую гору *).

Достигнувъ Ватопеда, державный инокъ былъ принятъ въ немъ съ честію. Игуменъ и братія, послѣ благодарной молитвы, привѣтствовали старца въ соборной Церкви, а потомъ въ отчія объятія призвали и сына. Какими словами описать радость давно желаннаго свиданія? Не было тутъ звуковъ рѣчи или словъ, были только слезы; и еслибы старца не подпорживали,—онъ упалъ бы на землю: слезы его лились на вождельнную главу юнаго сына, склонившуюся къ его сердцу,—и какихъ благодареній ни возсылалъ къ Богу богобоязненный юноша, изъ глубины обрадованнаго сердца, видя, что отецъ его исполнилъ заповѣдь Божию! Оба они, Господа ради отчуждившись всего, сдѣлались на землѣ странниками. Отдохнувъ отъ пути, преподобный Симеонъ принесъ въ даръ обители драгоценные сосуды и завѣсы, привелъ избранныхъ коней и лошаковъ для работы, и надѣлилъ серебромъ всю братію, отъ перваго до послѣдняго, начиная съ игумена. Изъ дворянъ, провожавшихъ бывшаго своего владыку, иные остались съ нимъ въ обители, хотя и вопреки его желанію: „у тебя прославились мы въ земномъ воинствѣ,*“ говорили они, „теперь съ тобою вмѣстѣ будемъ воинствовать Царю небесному, и ничто не разлучитъ насъ отъ любви твоей.“ Всѣ они въ послѣдствіи, на удивленіе Святой горѣ, сдѣлались опытными иноками.

Скоро на горѣ Аѳонской пронеслась молва о прише-

*) Св. Симеонъ сложилъ съ себя достоинство великаго жупана Сербіи 1195 г. марта 25, а на Аѳонъ прибылъ въ 1197 г. ноября 2. (Слав. древн. Шафарикъ. ч. II, кн. 1, 118. Δωδεκάβηλος Ἀσπίθεο πατρ. Ἱεροσολόμ. кн. 2, 814.

ствіи сербскаго владыки. Всѣ удивлялись смиренію его и прославили Бога. Игумены, изъ своихъ обителей, и преподобные, изъ глубины пустынь, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Протомъ, памятуя благодѣянія его сына, пришли поклониться державному иноку: старецъ всѣхъ надѣлялъ нескудною милостынею и у всѣхъ просилъ себѣ молитвъ и благословенія, — такъ что, наконецъ, непрестанныя посѣщенія Ватопедской обители становились уже въ тягость. Князья-иноки сербскіе, чтобы устранить это неудобство, дали ей еще довольно золота и требовали, чтобы всѣмъ приходящимъ страннымъ всякій день была пища, хлѣбъ и вино. Потомъ пожелалъ и Симеонъ обойти Святую гору, чтобы поклониться всѣмъ ея обителямъ. Испросивъ благословеніе у игумена, онъ взялъ съ собою Савву, какъ жезлъ своей старости. Юноша, по обычаю, хотѣлъ идти съ нимъ босыми ногами, но нѣжный отецъ не могъ того вынести, хотя доблестный юноша со слезами просилъ его объ этомъ, какъ о милости, пока будетъ въ силахъ. „Помилуй, чадо мое,“ говорилъ ему отецъ: „приражающимися къ ногамъ твоимъ камнями ты будешь терзать мое сердце!“ Савва, не желая оскорблять родителя упорствомъ, впервые послѣ многихъ лѣтъ, обулся и сѣлъ на коня: такъ прибыли они сперва на Средину Святой горы *), гдѣ обиталъ Протъ, старѣйшій надъ всѣми монастырями, въ обитель Богоматери на Кареѣ. Бывшій владыка сербскій надѣлилъ Прота и всю братію великолѣпными дарами; имена его и сына вписаны, для поминовенія, между именами царскихъ ктиторовъ Святой горы. Изъ Кареи спустились они въ обитель Иверскую, а дорогою посѣтили и другіе монастыри, вездѣ записывая имена свои, — и такъ достигли святой лавры: но старецъ, ослабѣвшій ногами, не могъ взойти

*) Карея въ древности называлась и «Срединою» и «великою Срединою» (Μέση, μεγάλη Μέση).

на вершину Святой горы Аѳонской и только у подножія ея, издали, съ вѣрою поклонился ей. Въ Лаврѣ помолился онъ надъ гробомъ святаго Аѳанасія, основателя аѳонскаго общежитія, и щедрѣе, чѣмъ въ иныхъ монастыряхъ, одалъ игумена и братію. Изъ сосѣднихъ и дальнихъ скитовъ стеклось много преподобныхъ пустынниковъ, для духовнаго собесѣдованія съ державными сербскими иноками. Наконецъ, возвратившись въ Ватопедъ, отецъ и сынъ поселились вмѣстѣ, въ устроенныхъ заблаговременно келліяхъ.

Единомысленные во всемъ, они раздѣлили между собою труды и молитвы: сынъ подвигамъ училъ отца, но старецъ, какъ старецъ, не могъ слѣдовать по стопамъ его, и потому юноша старческую немощь восполнялъ избыткомъ своихъ силъ,—постился и трудился и за себя, и за отца. Чудевъ былъ этотъ старецъ: какъ нѣкогда, живя въ мірѣ, онъ безъ труда, хотя и безъ обиды, своими щедротами осыпалъ нищихъ, и тѣмъ какбы грабилъ свое царство, такъ и въ иноческихъ подвигахъ казался лихоимцемъ;—не имѣя силъ исполнить все самъ, онъ лежа собиралъ плоды сыновніе,—собиралъ съ сокрушеніемъ сердца и со смиреніемъ души, проливая отъ сердечнаго умиленія много слезъ. Юноша трудился, а старецъ соболѣзновалъ, мысленно творя столько же поклоновъ, сколько и тотъ, и состраждущею ему душею, при всенощномъ его распинаніи, какбы поддерживалъ простиравшіеся долу члены своего сына. Усугублялъ ли юноша постъ за себя и за старца,—усугублялъ и старецъ слезы и воздыханія за себя и за юношу, ибо плакалъ о юности сына, истомляемой подвигами, плакалъ и о своемъ ожесточеніи, и о своемъ безсиліи для подвиговъ, и о томъ, что не могъ страдать вмѣстѣ съ сыномъ. Унылый и дряхлый, съ трясущею отъ ветхости головою, онъ укорялъ себя и сидѣлъ, а юноша старчески

утѣшалъ отца: „не унывай, батюшка! мое стояніе, мой постъ и поклоны пусть будутъ и твоими; я приѣмлю твои труды на себя, ибо ты послушалъ меня, и отъ меня взыщеть Господь душу твою.“

Внимаемая такимъ словамъ, дряхлый старецъ обливался потоками слезъ, изумлялся чрезвычайному смиренію и послушанію своего сына, и даже не смѣлъ называть его своимъ сыномъ, а только, наклонивъ къ себѣ и лобызая священную его главу, говорилъ: „Ей, господинъ мой! ей, утроба моя! воистину все оставилъ я и тебѣ единому прилѣчился! Что же воздамъ тебѣ, исторгшему меня изъ суетнаго міра и столько болящему о душѣ моей? — Благословенъ ты отъ Бога, благословенъ и день, въ который ты родился, — не мое чадо, а Божіе.“ Такъ утѣшался старецъ, видя въ сынѣ какбы нѣкоего борца или искуснаго воеводу, который подвизается за него, и, вмѣняя себѣ сыновніе подвиги, оставался благонадеженъ. Такимъ образомъ, труды доблестнаго сына и воздыханія отца его къ Богу, равно какъ сугубая молитва ихъ, сливались въ одно, — и оба они веселились о Господѣ, оба ограждали, какъ внутренно — свою душу, такъ и извнѣ — обитель Ватопедскую, возстановляя въ ней все разоренное.

3. Начало Хиландарской обители.

При входѣ во Святую гору, на мѣстѣ называемомъ Просфори, издавна былъ монастырь, съ церковію святаго Симеона Богопріимца; но эта Церковь, по разореніи монастыря корсарями, оставалась въ заустѣніи. Игуменъ и братія Ватопеда напомнили о ней преподобнымъ, и они на ея обновленіе великодушно дали много золота, которое обильно приносили имъ отъ самодержца Стефана. Вскорѣ Церковь соорудилась и благолѣпно украсилась; поднялись —

и высокій, стоящій до нынѣ пиргъ, и около него ограда съ палатами. Кромѣ того, державные иноки много сдѣлали и для обители Ватопедской: распространили и росписали ея трапезу, соорудили келліи, насадили виноградники и приписали къ ней метохи, или подворья, которыя испросили у державшаго тогда скипетръ греческій, императора Алексія Ангела, который исполнялъ всякое прошеніе преподобныхъ,—не оттого только, что находился въ родственныхъ съ ними связяхъ, но и потому, что дивился странническому ихъ подвигу.

Когда же, съ теченіемъ времени, различныя нужды побудили самого игумена идти въ Царьградъ, — ходатайствовать о дѣлахъ монастырскихъ, и онъ боялся, что не будетъ уважено его прошеніе,—братія внушили ему убѣдить блаженнаго Савву идти вмѣсто себя. Князь-инокъ сербскій принять былъ въ Царьградѣ сватомъ своимъ, императоромъ, съ великою честію; юный ликъ его предъ взоромъ всѣхъ представлялся ангельскимъ. Императоръ спрашивалъ его о здравіи и образѣ жизни отца его,—и Савва, рассказавъ все, что зналъ, возбудилъ при дворѣ общее всѣхъ изумленіе. Кесарь ублажилъ святаго старца, уклонившагося отъ многихъ попеченій и избравшаго себѣ благоую часть. Богомудрый, пользуясь царскою любовію, изложилъ, что было ему поручено отъ обители Ватопедской, и императоръ всѣ его прошенія исполнилъ, обѣщая даровать сверхъ того все, о чемъ еще сталъ бы онъ просить. Тогда Савва сказалъ кесарю: „есть на Святой горѣ запустѣвшій монастырь, называемый Хиландарь; если царство твое хочетъ сотворить добро мнѣ и отцу моему, то даруй намъ эту обитель: а мы, какбы отъ себя уже, передадимъ ее Ватопеду, и это наше даяніе прослыветъ милостію твоего царства.“

Юный инокъ просилъ съ боязнію, какбы сомнѣваясь

въ успѣхъ; но кесарь, ободряя его, сказалъ: „я уже предварилъ тебя, что все, о чемъ ни попросишь, дамъ твоей святости.“ И такъ, кесарь пожаловалъ имъ Хиландарь, со всѣмъ его населеніемъ, и утвердилъ даръ свой багряною подписью и хрисовуломъ; самого Савву, почтивъ многими дарами, отпустилъ съ любовію, а преподобному Симеону написалъ грамоту о взаимномъ утвержденіи мира между сербами и греками, и просилъ себѣ его молитвъ. Обрадовалась Ватопедская братія, что исполнены ея прошенія. Савва поспѣшилъ къ своему отцу; молча сидѣлъ старецъ, не выходявшій изъ своей келліи со дня отбытія сына. Но, съ возвращеніемъ его, какбы свѣтомъ зари просіяло его сердце, и прояснилась душа его: онъ воздѣлъ преподобныя руки свои къ Богу и, благодаря Его, палъ со слезами въ сыновнія объятія. Савва возвѣстилъ ему о царскомъ привѣтствіи, вручилъ письмо, вмѣстѣ съ дарованнымъ золотомъ, и объявилъ, что Хиландарь пожалованъ имъ царскимъ хрисовуломъ: за все это старецъ воздалъ хвалу Богу. На другой день, преподобный Симеонъ призвалъ игумена и братію и, показавъ имъ хрисовуль, приписалъ Хиландарь къ Ватопеду, и все присланное царемъ золото уступилъ на пользу обители: такую любовь питали они къ монастырю, въ которомъ полагали окончить дни свои!

Но Господь, древле распространившій въ Египтѣ пришельца Іакова, чрезъ прекраснаго сына его Іосифа, распространилъ теперь на Святой горѣ и новаго Израиля, посредствомъ благообразнаго подвижника Его Саввы, и землю вольнаго ихъ странствованія населилъ не плотскими, а духовными ихъ чадами. Нѣкто богобоязненный старецъ пришелъ къ блаженному Саввѣ и сказалъ: „Страннолюбіе ваше, питаніе нищихъ и любовь ко святымъ монастырямъ, а особенно къ Ватопеду, достойны хвалы и пріятны Богу: по благоразумно было бы вамъ подумать и

о самихъ себѣ во дни вашей жизни;—примите добрый мой совѣтъ, какъ совѣтъ челоуѣка, желающаго вамъ добра. Нынѣ все вамъ возможно о Господѣ: въ своей землѣ вы самодержцы и сродники по плоти царствующему кесарю, всякое ваше прошеніе исполнится. Итакъ, испросите себѣ запустѣвшій монастырь и, обновивъ его, утвердите за своимъ отечествомъ, и пусть называется онъ Сербскимъ; пусть и изъ среды вашего народа, любящіе Бога и убѣгающіе отъ оуеты мірской, послѣ васъ обрѣтутъ тамъ пристанище спасенія, и сами вы, многихъ ради спасенныхъ, сподобитесь большихъ почестей отъ Бога.“

Блаженный Савва принялъ это внушеніе, какбы внушеніе Самого Господа, и, поблагодаривъ соплеменнаго ему старца, съ любовію и дарами отпустилъ его на родину. Потомъ вошелъ онъ въ келлію отца своего и сообщилъ ему данный совѣтъ: преподобный Симеонъ, одолѣваемый старостию, какбы воспрянулъ отъ сна; ослабѣвшія колѣна его изнемогали отъ поста,—однакожь, поддерживаемый сыномъ, какбы посохомъ, онъ поднялся съ одра своего, и, ставъ на молитву, воздѣлъ горѣ руки, со слезами благодарилъ Бога за такой совѣтъ, и наконецъ вотъ что сказалъ любимому сыну: „Вѣруй мнѣ, Божіе чадо,—Богъ для нашего спасенія восхотѣлъ, чтобы мы сперва сами временно пожили подъ властію, пришельцами, руководствуясь не своею волею, и чрезъ то стяжали бы себѣ смиреніе; оттого донынѣ и скрывалъ Онъ отъ насъ этотъ совѣтъ. Теперь же послалъ Онъ къ намъ старца, или Ангела Своего, и мы должны неукоснительно послѣдовать этому, данному намъ Богомъ, совѣту.“

Тогда блаженный Савва, вмѣстѣ съ отцомъ, пошелъ къ игумену и открылъ ему свою мысль: но игумень, посоветовавшись съ братією, не одобрилъ такой мысли и не позволилъ осуществить ее дѣломъ; ибо ему хотѣлось удер-

жать у себя царственных иноковъ, отъ которыхъ текло много богатства въ монастырь. Послѣ сего, богомудрый Савва пошелъ въ Карею и свое намѣреніе изложилъ Проту. Протъ одобрилъ мысль его—обновить на Святой горѣ падшій монастырь и соорудить, въ пользу своего отечества, —Хиландарь ли, вначалѣ дарованный имъ царемъ, или иную обитель, гдѣ покажется. Съ такою утѣшительною вѣстію Савва возвратился къ отцу и объявилъ ему о сочувствіи Прота. Старецъ, движимый теплотою духа, хотѣлъ было немедленно идти осмотрѣть мѣсто для обители, но уже изнемогалъ отъ дряхлости и даже не въ силахъ былъ сидѣть на конѣ. Поэтому Савва между двухъ коней привязалъ носилки, на которыя, какбы на одрѣ, положилъ родителя и, странствуя съ нимъ такимъ образомъ, обошелъ многія мѣста; но ни одно изъ нихъ не понравилось имъ, кромѣ Хиландаря, и они возвратились въ Ватопедь. Между тѣмъ игумень опять совѣщался съ братією. „Въ теченіе многихъ лѣтъ,“ говорилъ онъ, „сколько пользовались мы отъ этихъ царственныхъ пришельцевъ, и донинѣ не они ли были кормителями нашего монастыря? Такъ худо будетъ, если они удалятся отъ насъ прогнѣванными: если хотимъ сохранить пріязнь ихъ, отдадимъ имъ Хиландарь, который они же испросили для насъ у царя.“ Итакъ, призвавъ къ себѣ святаго Савву, они даровали ему Хиландарь и положили между собою завѣтъ, чтобы Ватопедь и Хиландарь взаимною любовію составляли какбы одно *). Написали они и къ самодержцу Стефану, объявляя ему, что хотятъ устроить монастырь, въ которомъ имѣлъ бы участіе и онъ и, по немъ, сыны его и внуки.

*) Памятникъ сего завѣта существуетъ и донинѣ. Въ главный праздникъ Хиландаря, именно, въ день Введенія во храмъ Пресв. Богородицы, призываютъ настоятеля Ватопедского и уступаютъ ему начальство и первенство; ту же честь дѣлаютъ монахи Ватопедскіе настоятелю Хиландарскому въ свой главный праздникъ—въ день Благовѣщенія Пресв. Богородицы. (См. объ этомъ въ письмахъ съ востока ч. I, 194).

Возрадовался христолюбивый самодержецъ и послалъ родителю и брату много золота, работниковъ и лошаковъ, предлагая и впредь присылать все, что имъ будетъ нужно, и благодаря за то, что пекутся о душѣ его; богоносные же иноки, Симеонъ и Савва, вознесли теплую молитву къ Творцу и къ Пресвятой Матери Божіей, призывая Ихъ на помощь предпринимаемому ими дѣлу. Принявъ благословеніе отъ игумена и отъ отца своего, Савва, со множествомъ работниковъ, пришелъ въ Хиландарь и въ короткое время совершилъ весьма многое. Въ Хиландарѣ нашель онъ все въ запустѣніи, кромѣ Церкви: надлежало укрѣпить ограду, соорудить обширную трапезу для братства и довольно келлій, обновить и Церковь, росписавъ по золоту ея стѣны, и украсить ее иконами, завѣсами и сосудами. Все это, съ помощію Божіею, совершалось спѣшно, ибо преподобный Симеонъ торопилъ сына, говоря: „еслибы сподобилъ меня Господь видѣть монастырь нашего имени, то благо было бы мнѣ.—тогда тамъ постигъ бы меня и конецъ жизни!“ Пламенное желаніе старца исполнилось: благодаря сыновнему усердію Саввы, онъ успѣлъ переселиться изъ Ватопеда въ свою обитель Хиландарь, которой соборная Церковь праздновала Введеніе во храмъ Божіей Матери. Братство сербское совокупилооь; учредилаь обычная служба, по уставу, взятому изъ Ватопеда, и былъ поставленъ игумень, для наблюденія за чиномъ церковнымъ.

Державные ивоки испросили у Прота, который благоволилъ къ нимъ, запустѣвшіе масличныя сады и виноградники окрестъ Хиландаря, да около святаго Георгія и святаго Николая, что въ Мален; а у самого Прота купили они на Карей обширное мѣсто, гдѣ соорудили двухъярусныя келліи, для успокоенія игумена и братіи, когда случится имъ приходить изъ Хиландаря (это происходило око-

ло тысячи двухсотого года). Для большаго утвержденія и распространенія обители, преподобный Симеонъ вторично уже отправилъ сына въ Царьградъ, къ свату своему императору Алексію, съ просьбою, чтобы онъ даровалъ монастырю ихъ званіе царской ставропигія, и чтобы Хиландарь не зависѣлъ даже отъ Прота всѣхъ Аѳонскихъ монастырей, а зависѣлъ только отъ одного кесаря. Преподобный опять съ великою любовію принять былъ въ Царьградъ. „Живъ ли старецъ, отецъ твой?“ спросилъ императоръ, — и Савва отвѣчалъ: „старецъ, молитвенникъ царства твоего, еще живъ.“ Кесарь вздохнулъ и сказалъ: „благословенъ этотъ человѣкъ отъ Бога;—получивъ земное, онъ усердствуетъ достигнуть и небеснаго.“

Блаженный Савва, въ царствующемъ градѣ, былъ отпущенъ на покой въ обитель Матери Божіей Эвергетиссы (Благодѣтельница), которой почитался онъ ктитормъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, потому что на ея сооруженіе пожертвовали они много золота. На другой день, посѣтивъ опять императора, Савва рассказалъ ему, какъ составили они новую обитель на Святой горѣ, и просилъ для ней царскаго утвержденія; вспомнилъ онъ и о другомъ запустѣвшемъ монастырѣ, именно о Зигѣ, и также испросилъ его себѣ, со всѣмъ первобытнымъ его достояніемъ. Монастырь этотъ былъ нѣкогда царскимъ, и такъ, чрезъ новое даяніе его, въ число ктиторовъ хиландарскихъ входилъ теперь самъ императоръ. Алексій радовался, что и онъ, вмѣстѣ съ ними, будетъ общникомъ въ молитвахъ на всѣхъ церковныхъ службахъ, и немедленно пожаловалъ Хиландарю просимую обитель, со всѣми ея метохами и садами, объявилъ самый Хиландарь царскимъ монастыремъ, и все это утвердилъ хрисовуломъ, съ золотою печатью и багряною подписью. Кромѣ того, кесарь далъ еще преподобному изъ своей руки жезлъ, и велѣлъ поставить его въ

Церкви, чтобы, при поставленіи игумена, братія держала этотъ жезлъ посрединѣ, въ знаменіе того, что игумень по-
становляется по волѣ царской и пріемлетъ власть какбы
изъ рукъ самого царя *). Исполнивъ, такимъ образомъ,
желаніе преподобнаго, императоръ, отпустилъ его къ отцу
со многими дарами и, ради воспоминанія о взаимной люб-
ви, велѣлъ сказать ему: „все твое прошеніе исполнилъ я,
отче святыи; — молю твое преподобіе, не забудь и насъ въ
святыхъ твоихъ молитвахъ къ Богу.“

Возвратившись изъ дома кесарева въ обитель Матери
Божіей Эвергетиссы, преподобный Савва золото, данное
императоромъ для доставленія отцу, роздалъ нищимъ, ибо
все отеческое почиталъ своимъ, равно какъ и отецъ все
свое почиталъ сыновнимъ, кромѣ развѣ одной души, — да
и ту, Бога ради, готовъ былъ отдать сыну: такова была
любовь между отцемъ и богодарованнымъ ему сыномъ. Ста-
рецъ, почитая Савву не человѣкомъ, а какбы ангеломъ,
совѣстился принимать отъ руки его какую-либо услугу. За-
то и сынъ, съ своей стороны, служилъ ему во всемъ какъ
рабъ, и никому не уступалъ этой священной обязанности.
Старецъ, съ полною утѣшенія душою, непрестанно молился
о немъ, а Савва щитомъ его молитвы мужественно огра-
ждался отъ искушеній бѣсовскихъ.

Когда въ обитель Эвергетиссы приходили нищіе за ми-
лостынею, пришла къ преподобному между прочими бла-
гообразная жена и сказала; „Угодникъ Божій! Господь и
Пречистая Матерь Его повелѣли мнѣ объявить тебѣ, что
на Святой горѣ, въ области твоего монастыря, въ двухъ
мѣстахъ таятся сокровища, которыя ты найдешь, и тѣмъ
довершишь устройство обители.“ Преподобный принялъ
это слово съ вѣрою. Простившись съ иноками обители,
Савва поклонился еще царю и патриарху, и пустился въ

*) Этотъ жезлъ существуетъ и теперь въ Хиландарѣ.

обратный путь—на Святую гору, спѣша утѣшить старца-родителя вѣстію о царскомъ благоволеніи и дарованныхъ имъ хрисовулахъ. Оба преподобные, съ общаго согласія, предали свой монастырь державной заботѣ сербскаго владыки Стефана,—чтобы онъ заботился о новой обители, какъ о своей присной: благочестивый Стефанъ съ радостію принялъ на себя такую заботу, и приписалъ къ Хиландарю много имѣнія, движимаго и недвижимаго, такъ что этотъ монастырь съ того времени сдѣлался обителью собственно сербскою.

4. Кончина и явленіе преподобнаго Симеона.

Преподобный Симеонъ немного времени пожилъ въ основанной имъ обители, и достигъ предѣла земнаго своего жительства. Призвавъ возлюбленнаго сына, онъ говорилъ ему: „чадо! приблизилось время моего отшествія; если и прежде заботился ты о благѣ души моей, то теперь наступило время помочь ей еще болѣе, ибо я знаю, что все, чего попросишь ты отъ Бога, будетъ дано тебѣ.“ Припавши со слезами къ своему отцу, Савва обѣщалъ за него молиться, и обратно—самъ просилъ молитвъ его, какъ и прежде, во дни земной жизни, ибо только его теплыми ко Христу молитвами избавлялся отъ всякаго зла, а въ часъ отхожденія старца къ Богу, вѣровалъ, что родительская молитва о всѣхъ чадахъ, плотскихъ и духовныхъ, о землѣ родной и о церкви, для которой столько трудился, будетъ еще дѣйственнѣе. Старецъ плакалъ и говорилъ: „если получу дерзновение у Бога, не оставлю васъ,“—и, возложивъ преподобныя руки на возлюбленнаго сына, благословилъ его, долго держалъ въ своихъ объятіяхъ и со слезами далъ ему послѣднее цѣлованіе; затѣмъ помолился о немъ,

вспомнилъ и о родныхъ сербскихъ церквахъ и заповѣдалъ довершить многое неоконченное; что же касается смертныхъ своихъ останковъ, то просилъ, чтобы въ благоприятное время, когда изволитъ Богъ, Савва перенесъ ихъ въ землю родную, въ созданный имъ монастырь Студеницы. Савва обѣщалъ исполнить все заповѣданное. Потомъ умирающій призвалъ къ себѣ всю иночествующую братію и, называя cadaго по имени, благословлялъ, просилъ себѣ его молитвъ, и предавая всѣхъ ихъ Господу и Пречистой Его Матери, а съ Божіей помощію, и своему преподобному сыну, распустилъ братію по келліямъ.

Была уже ночь,—и вотъ, въ крайней дряхлости, внезапно встаетъ онъ съ одра своего юношески, и какбы ожидаетъ свѣтлыхъ гостей небеснаго Царя: украсившись одеждою святаго ангельскаго образа, Симеонъ причастился принесенныхъ ему въ келлію страшныхъ и животворящихъ Таинъ, и за все благодарилъ Бога. Послѣ того, объяли его, какъ человѣка, предсмертныя страданія; во всю ту ночь любимый сынъ не отходилъ отъ отца, и, исправляя послѣднюю ему службу, прочиталъ у его одра весь Псалтирь. Они взаимно увѣщавали другъ друга не скорбѣть, и вмѣстѣ возсылали къ Богу благодарныя молитвы. Когда разсвѣло, Савва внесъ родителя своего въ церковный притворъ. Умилительно было зрѣлище крайняго смиренія: тотъ, кто нѣкогда, во дни своего величія, возлегалъ на златомъ и мягкомъ одрѣ, теперь лежалъ на рогожѣ при послѣднемъ издыханіи. Вокругъ его стояла братія и плакала, разставаясь съ отцомъ; преподобный едва могъ подать знакъ рукою, чтобы удержались отъ плача. Свѣтло было лицо его: казалось, будто, вмѣстѣ съ таинственными посѣтителями, поетъ онъ Псаломъ,—но никто не видѣлъ этихъ посѣтителей и не могъ слышать Псалма, кромѣ послѣднихъ словъ: *всякое дыханіе да хвалитъ Господа*. Тогда толь-

ко уразумѣли, что отходившій воспѣвалъ пѣснь Ангельскую, вмѣстѣ съ Ангелами, и до конца жизни прославлялъ Бога. Послѣ сей пѣсни Симеонъ уже ничего болѣе не говорилъ, а только свѣтло взиралъ на образъ Христовъ, какбы вручая Ему свою душу. Благовоніемъ ѳиміама исполнилась вся храмина: такъ сладостно уснулъ святой старецъ!

Возлюбленный сынъ припалъ къ честному лицу его и, вмѣсто теплой воды, омывъ его горячими слезами, положилъ ему на перси знаменіе креста. Потомъ, въ сопровожденіи всей братіи, со свѣчами и кадилами, проводилъ тѣло усопшаго внутрь созданной имъ Церкви Богоматери, и положилъ его въ мраморномъ благолѣпномъ гробѣ. Осиротѣвшій въ одно и то же время чувствовалъ и печаль, и радость: печаль—о лишеніи добраго сподвижника и участника въ молитвахъ, а радость—о томъ, что сподобился видѣть его украшеннымъ всеми добродѣтелями, до конца совершившимъ свое теченіе и уже теплымъ предстателемъ, ходатайствующимъ о немъ у Христа. Дни поминаенія родительскаго Савва ознаменовалъ обильною милостынею нищимъ, — роздалъ проходящимъ все, сколько было у него золота, потому-что никому не хотѣлъ отказывать или что-нибудь оставить у себя. По оскудѣніи же нужнаго для монастырскихъ потребъ золота, вспомнилъ онъ слово благоговѣйной жены, сказанное ему въ Царьградѣ, — то-есть, слово о сокровищахъ, таящихся въ окрестностяхъ Хиландаря, но не безъ молитвы рѣшился онъ искать этихъ сокровищъ. Савва такъ молился Господу: „Слышалъ я Давида, глаголющаго: *богатство еще течетъ, не прилагайте сердца*; тѣмъ болѣе достоинъ укоризны человекъ, раскапывающій землю, для пріобрѣтенія сокровищъ, которыхъ самъ туда не клалъ. Итакъ, не дай, Господи, чтобы врагъ мой поругался надо мною, возбуждая во мнѣ желаніе ги-

бельныхъ и тѣнныхъ богатствъ: но если это не искушеніе противника, если это сказано мнѣ было отъ Тебя, то пусть будетъ по волѣ Твоей, Господи,— пусть явится сокровенное, или же пусть скроется и отъ насъ, рабовъ Твоихъ, какъ прежде отъ другихъ.“

Савва, съ ученикомъ своимъ, пришелъ на указанное мѣсто, и едва только копнули они землю, тотчасъ обрѣли отверстіе пещеры: такъ что какъ будто сама земля отдавала имъ хранимое въ ней сокровище. Можно подумать, что Матерь Божія Благодѣтельница Сама являлась преподобному въ обители цареградской, и только ради смиренія не призналъ онъ Явившейся. Принесши въ монастырь найденное золото, Савва почиталъ его не своимъ, и не лихоимствовалъ, но одну часть послалъ въ Царьградъ, въ обитель Эвергетиссы, другую роздалъ по монастырямъ святогорскимъ, третью — по пустыннымъ келліямъ отшельниковъ, а четвертую внесъ въ Хиландарь и раздѣлилъ нищимъ, — ибо для того и являлась ему Благодѣтельница, чтобы онъ благодѣтельствовалъ.

И прежде говорили мы, какое сильное желаніе имѣлъ святой Савва упраздниться отъ всего мірскаго и безмолвствовать въ уединеніи, но тогда онъ былъ удерживаемъ отъ этого сперва по уваженію къ его молодости, потомъ по случаю прибытія къ нему отца, затѣмъ по поводу двукратной его отлучки въ царствующій градъ, а наконецъ по надобности создать собственную обитель. Когда же все это, для спасенія братій, устроилось, — когда и игумень поставленъ былъ, и отецъ провожденъ до блаженнаго упокоенія, Савва могъ позаботиться и о самомъ себѣ. И вотъ удалился онъ въ Карею, гдѣ нашель прекрасное мѣсто, оживленное источникомъ воды и плодоносными деревьями. Купивъ это мѣсто у Прота, Савва построилъ себѣ тамъ молчальную келлію, съ малою Церковью, во имя Освященнаго Саввы

Иерусалимскаго. Отрекшись отъ многихъ сожителей, онъ удовольствовался лишь тремя, которые строго исполняли весь церковный уставъ *); а самъ, безмолвствуя въ келліи, упражнялся только въ молитвѣ, и больше прежняго возобновилъ юношескіе свои труды, состоявшіе въ постѣ и бдѣніи, въ колѣнопреклоненіяхъ и ночныхъ стояніяхъ. Онъ сталъ выше того, чѣмъ былъ нѣкогда, и, забывая заднее, по слову Апостольскому, простирался въ преднее (Филип. 3, 13): кто изочтетъ умиленные его слезы и тайныя воздыханія? Въ такомъ подвигѣ Савва пребывалъ, по смерти преподобнаго своего отца, всякій день, и всякій день какъ бы умиралъ памятію смертною. Отъ чрезвычайнаго пощенія страдала его печень и до такой степени стѣснилась его утроба, что, хотя бы и желалъ онъ впоследствии принимать пищу, внутренняя болѣзнь возбраняла ему это. Впрочемъ, и самую свою болѣзнь принималъ онъ съ любовью, какъ бы она послана была ему свыше, ибо смерть по Богѣ предпочиталъ онъ житію, преданному страстямъ, и помнилъ слово Апостольское, что когда истлѣваетъ внѣшній человѣкъ, тогда обновляется внутренній. Во время безмолвія въ Кареѣ Савва написалъ и жизнь своего отца, преподобнаго Симеона.

Одно было у него сердечное желаніе — сподобиться получить какое-нибудь извѣщеніе отъ усопшаго родителя, — и объ этомъ возсылалъ онъ пламенные молитвы къ Богу: и вотъ, однажды ночью, является ему преподобный Симеонъ, облеченный неизреченною славою, въ вѣнцѣ, сіявшемъ свѣтозарнѣе солнца, и въ сообществѣ ипыхъ свѣтлыхъ лицъ. Какъ бы удерживая своего сына отъ унынія, усопшій весело говоритъ ему: „Не унывай и не скорби о мнѣ, сынъ возлюбленный, а скорѣе радуйся; вотъ, по тво-

*) Объ уставѣ, данномъ св. Саввою этой келліи, см. въ концѣ сего житія.

ему прошенію, Богъ являетъ тебѣ твоего родителя, и ты видишь, какъ почтилъ Онъ меня славою, и какими, въ вѣчномъ царствѣ Христовомъ, обогатилъ меня благами. Воспріявъ нынѣ то, о чемъ ты говорилъ мнѣ при жизни только въ упованіи, я радуюсь и наслаждаюсь созерцаніемъ невообразимой для васъ красоты. Благословенъ отъ Бога ты, бывшій мнѣ вожатаемъ къ вѣчному блаженству и безконечной жизни, ибо твои за меня труды и подвиги, молитвы и милостыни, взопли на память Господу, и за нихъ ожидаетъ тебя великое воздаяніе. Но прежде ты самъ обогатишься отъ Бога благодатию и властію Апостольскою вязать и рѣшить,—прежде ты самъ, въ санѣ святительскомъ, просвѣтишь своихъ соотечественниковъ, научишь ихъ вѣрѣ и покаянію и приведешь ко Христу; поклонишься ты и святымъ мѣстамъ, гдѣ плотію странствовалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и гдѣ совершились всѣ Его страданія за насъ: все это начертаешь ты на скрижаляхъ сердца твоего, для многихъ будешь образомъ добродѣтели, и всѣ заповѣди Христовы утвердишь на незыблемомъ основаніи въ своемъ отечествѣ. Послѣ этого придеши къ намъ и сподобишься еще большихъ даровъ,—какъ за меня, такъ и за многихъ,—и украсишься двойнымъ вѣнцомъ, сколько ради постничества твоего, столько же ради учительства, и, сподобившись безсмертнаго блаженства, будешь ликовать со всѣми святыми въ безконечные вѣки, насладишься не гадательно, а существенно—лицезрѣніемъ Пресвятыя Троицы.*

Пришедши въ себя послѣ таинственнаго видѣнія, преподобный Савва ощутилъ въ сердцѣ своемъ миръ и тихую радость: ему казалось, что его жительство уже не на землѣ, а на небесахъ. Всталъ онъ съ убогой своей рогожины, простеръ къ небу руки и, на колѣняхъ, орошалъ землю обильными потоками слезъ, прославляя Бога за нис-

посланное ему утѣшеніе. Молитвенно взывалъ онъ и къ отцу своему, видя его предъ глазами, какбы живаго, ублажая за неизмѣнную любовь, которая не разлучала ихъ и по смерти, и утѣшая унылую душу свою видѣніемъ и ангельскими явленіями. Но и среди уединенной жизни, Савва продолжалъ быть утѣшеніемъ отшельниковъ въ ихъ пустынѣ и благотворителемъ нищихъ, прибѣгавшихъ къ нему изъ странъ дальнихъ и ближнихъ: разбился ли у кого корабль, или разрушился домъ, или тяготила кого иная какая крайность, — пристанищемъ всѣхъ обуреваемыхъ была его гостепріимная келлія. И сокровища у него никогда не оскудѣвали, — земля ли открывала ему богатство, или присылалъ его державный братъ, смотрѣвшій на него, какъ на ангела Божія.

Есть на Святой горѣ монастырь, по имени Каракаллъ. Разъ ночью ограбили его морскіе разбойники, и на своихъ корабляхъ увезли не только монастырское достояніе, но и самого игумена съ братією. Хищники мучили своихъ узниковъ, ибо нечѣмъ было имъ откупиться. Несчастные привезены были въ великую лавру, и тамъ выставлены на продажу, какбы приговоренные къ смерти; но ихъ было много, и выкупить всѣхъ не имѣлось средствъ, потому что продавались они не иначе, какъ всѣ вмѣстѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, узники, посовѣтовавшись съ своимъ игуменомъ, рѣшились свой монастырь, со всѣмъ его достояніемъ, подчинить лаврѣ, чтобы только избавиться отъ смерти. Лавріоты, — сперва неумолимые, когда дѣло касалось челоуколюбія, — ради корысти рѣшились выкупить плѣнниковъ и, такимъ образомъ, овладѣвъ обителью и достояніемъ ея, изгнали игумена со всею братією. Изгнанные прибѣгли къ преподобному Саввѣ, какъ всегдашнему пристанищу обуреваемыхъ. Боголюбивое сердце его не стерпѣло такой неправды, и много пролилъ онъ слезъ, внимая плачевной ихъ повѣсти: но, не довольствуясь од-

ними слезами, Савва открылъ щедрую свою десницу и, заплативъ монастырскій долгъ, возвратилъ Каракаллъ прежнему настоятелю и братіи, а все разоренное въ немъ обновилъ, да промыслилъ и о пропитаніи братства.

Отъ тѣхъ же разбойниковъ опустѣлъ на Святой горѣ и другой монастырь, во имя сорока мучениковъ, называемый Ксиропотамъ и близокъ былъ къ паденію. Игумень и братія, готовые уже, ради своего убожества, оставить обитель, пришли къ преподобному и стали просить его милости. Савва, богатѣвшій не въ себя, но въ Бога, милосердовалъ и о нихъ: онъ выкупилъ все, что было заложено монастыремъ, и возстановилъ разоренное, а соборную церковь всю росписалъ и благолѣпно украсилъ, и съ того времени посилъ имя ктитора ксиропотамскаго. И третій монастырь, называемый Филоеѣй, испыталъ также силу его щедротъ. Онъ начать былъ однимъ боголюбцемъ, который, однако, не могъ довершить его; строитель пришелъ къ Саввѣ и сталъ просить его участія, чтобы, вмѣстѣ съ нимъ, былъ ктиторомъ обители,—и преподобный, для довершенія начатаго, далъ ему довольно золота. Вообще, милостыня его была выше всякой жертвы, молитвы и пощенія.

Утѣшенный славою родителя, Савва усугубилъ постъ и молитву, и еще большее возымѣлъ дерзновеніе къ Богу;—и упованіе не измѣнило ему. Пламенная любовь его къ отцу и къ своему народу внушила ему желаніе, чтобы слава отчая, которою втайнѣ наслаждался онъ одинъ, сдѣлалась достояніемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ его; и онъ усердно помолился всемогущему Богу, чтобы Господь ниспослалъ Духа Своего Святаго, и прославилъ на землѣ подвизавшагося ради Него державнаго инока Симеона: пусть бы обновились кости его и помазались благовоннымъ мѣромъ, въ изъявленіе того духовнаго помазанія, которымъ была исполнена душа его; и пусть бы та благодать, ко-

торою наслаждается блаженный предъ лицомъ Ангеловъ Божиихъ, сдѣлалась явною и предъ челоуѣками; самъ же онъ, Савва, хотя и недостойный рабъ Господень, еще большее получилъ бы упованіе, видя, что Господь исполняетъ молитву его. Съ вѣрою молился Савва, и самъ вѣрилъ исполненію просимаго. Подобно тому, какъ сынъ, что-либо просящій у своего отца и несомнѣвающейся, что получить желаемое, заблаговременно призываетъ своихъ присныхъ и сосѣдей, чтобы они насладились ожидаемымъ даромъ,—такъ и Савва, какбы уже напередъ зная волю Господню, по чрезвычайной своей вѣрѣ, въ годовщину памяти блаженнаго отца своего, дерзновенно призвалъ въ Хиландарь Прота, съ прочими игуменами и старцами именитыхъ аеонскихъ обителей. Собралось множество гостей, званыхъ и не званыхъ,—такъ что въ обители стало тѣсно.

Благолѣпно украшены были и церковь и самый гробъ блаженнаго Симеона. По обычномъ чтеніи Псалтири, законенномъ по усопшимъ, когда, послѣ гостепріимной вечера, настало время успокоенія, преподобный Савва призвалъ въ церковь Прота и сказалъ ему: „отче святыи, я, вмѣстѣ съ братіею моею, взойду на пиргъ, чтобы тамъ совершить утреннее славословіе на языкѣ славянскомъ, а ты, со всѣми своими, здѣсь, въ великой церкви, пой утреннее пѣніе, ради памяти преподобнаго отца моего, и моли о его успокоеніи; буду молиться и я, и, если Богъ прославить раба Своего, вы призовете меня, и я приду къ вамъ.“ Затворивъ церковь, отдалъ онъ ключи Проту и, съ его благословенія, взошелъ на пиргъ. Недоумѣвалъ Протъ, о чемъ говорилъ ему преподобный, и вручивъ ключи служащему іерею, самъ пошелъ на покой, въ келлію, равно какъ и всѣ бывшіе съ нимъ; но богоносный Савва съ вечера началъ всенощное бдѣніе, и о чемъ прежде пламенно молился, о томъ же началъ взывать къ Гос-

поду Вседержителю и теперь, — чтобы Онъ изліялъ благодатную Свою росу на истаявшія, Бога ради, постомъ кости раба Божія отца его, и обновилъ ихъ благовоннымъ муромъ; пусть бы родитель его одинаково прославился — на землѣ и на небесахъ, а всѣ, видѣвшіе чудо, пусть бы прославили Господа и познали милость Божію къ вѣрнымъ рабамъ, оставившимъ, ради Него, всѣ удовольствія міра.

Настало время утренняго славословія. Протъ и бывшіе съ нимъ игумены совершали службу въ соборной церкви, и, поминая преставльшагося, испрашивали ему упокоенія у Господа. Въ это время, вся церковь внезапно исполнилась запахомъ благовонной масти и благодать Божія излилась на сухія кости. Всѣ усладились сердцемъ и, въ неизреченной радости, спрашивали другъ друга: „откуда это? чувствуете ли, что какое-то ароматное благоуханіе вѣетъ отъ гроба?“ Близъ стоявшіе хотѣли видѣть, что внутри, — и увидѣли мраморный гробъ блаженнаго, наполненный благовоннымъ муромъ, которое текло изъ него ручьями и исполняло все благоуханіемъ. Всѣ объаты были ужасомъ. Протъ, съ бывшими при немъ, подошелъ къ гробу и увидѣлъ такое обиліе муръ, что оно какъ бы источникомъ текло по землѣ. Тутъ, оставивъ утреннее пѣніе, всѣ, со страхомъ и слезами, стали вопіять: „Господи помилуй!“ Вспомнилъ тогда Протъ, что сказалъ блаженный Савва: „если буду позванъ, приду и я,“ — и не медля велѣлъ позвать его. Преподобный съ радостію спустился съ пирга и увидѣвъ желанное чудо, прославилъ Бога, что Онъ удостоилъ отца его явиться муроточцемъ во гробъ, и теплыми слезами любви окропилъ гробъ отеческій *).

*) Гробъ этотъ существуетъ и донынѣ. Замѣчательно онъ тѣмъ, что изъ него какъ бы взамѣнъ св. мощей выросла виноградная лоза въ видѣ древа, съ наружной стороны храма, цѣлѣбная по своимъ плодамъ. О всемъ этомъ подробно говорятъ: Авторъ писемъ съ Востока (ч. I, стр. 227) и Святогорецъ (см. его письма объ Аѳонской горѣ ч. II, письмо 13).

Прежде всѣхъ Протъ благоуханнымъ муромъ крестообразно помазалъ себя и своихъ; потомъ помазывалась имъ и вся братія славянская, освящаемая какбы отъ руки самого владыки своего и отца. Въ то же время, чрезъ прикосновеніе къ гробу и чрезъ помазаніе святымъ муромъ, начали исцѣляться одержимые нечистыми духами и другими тяжкими болѣзнями, и всѣ ублажали угодника Божія. Муромъ истекало не только отъ костей блаженнаго Симеона, но и отъ сухаго камня и отъ его иконы, написанной на стѣнѣ надъ его гробомъ. „Господи помилуй!“ единогласно зывала вся церковь: „дивенъ Богъ во Святыхъ Своихъ и великъ въ дѣлахъ Своихъ! Довлѣтъ намъ, грѣшнымъ, извѣщеніе Твоей милости, и сколь велика любовь Твоя къ человѣкамъ, сохраняющимъ заповѣди Твои! Слава милосердію Твоему!“

По окончаніи утренняго славословія и по совершеніи Божественной литургіи, Протъ, со всѣми игуменами, благословилъ преподобнаго Савву праздновать со святыми память святаго отца его и, чрезъ писаніе, сдѣлать незабвеннымъ житіе его. Утѣшенный сынъ, для пришедшихъ въ обитель, устроилъ свѣтлое торжество, осыпалъ щедротами своими всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго, и три дня удержалъ Прота съ игуменами, чувствуя ихъ братскою тралезою и богатыми дарами. Потомъ, когда всѣ разошлись по обителямъ, Савва, пользуясь тишиною, вошелъ въ церковь, гдѣ былъ гробъ отца его, и, затворившись въ ней, простерся на землю. Поражая себя въ перси, онъ, съ пламенными слезами, зывалъ къ Богу: „Кто я, Господи, и что есть домъ отца моего, что удивилъ Ты на насъ такую милость и не презрѣлъ моленія грѣшнаго и недостойнаго раба Твоего! Что воздамъ Тебѣ за всѣ Твои блага! изнемогаетъ умъ мой, не могу достойно хвалить Тебя! Слава Тебѣ, послушающему молящихся Тебѣ съ вѣрою! Слава

Тебѣ, что предъ лицомъ всѣхъ людей прославилъ раба Твоего, отца моего, дабы и въ этихъ странахъ познали, что мы и все наше племя-- истинные рабы Твои, вѣрно Тебѣ покланяющіеся во Святой Троицѣ!“

Потомъ Савва припалъ на гробъ блаженнаго отца своего, обнималъ его и цѣловалъ: слезы его растворялись благовоннымъ муромъ, и онъ умащался имъ, освящая всѣ свои чувства, уста, очи и самое сердце; какбы во дни жизни, лицомъ къ лицу, бесѣдовалъ наединѣ съ родителемъ, называя его приснымъ своимъ молитвенникомъ и предстателемъ въ настоящемъ и будущемъ. „Скользко здѣшнее житіе,“ говорилъ опъ: „человѣчество склонно къ паденію, и никто не изъять отъ страстей и пороковъ!“—Потому особенно сынъ и просилъ помощи блаженнаго родителя. Онъ собралъ въ сткляницу многоцѣнное муро отъ честныхъ мощей, чтобы послать его въ благословеніе самодержцу Стефану и утѣшить братію свою участіемъ въ благодати отеческой; потомъ, поучивъ назидательнымъ словомъ братію Хиландарской обители, возвратился на свое безмолвіе, въ карейскую келлію.

5. Священство и странствованія преподобнаго Саввы.

Благочестивый Протъ Дометій, называвшійся Іерусалимитомъ, былъ исполненъ благодати Святаго Духа и благоговѣлъ къ преподобному Саввѣ, видя въ немъ много благодатныхъ даровъ. Находясь въ духѣ пророческомъ, этотъ старецъ предсказалъ ему также славу отца его, когда всѣ они приглашены были въ его обитель. Прозорливый увидѣлъ въ немъ добраго пастыря Христову стаду, на пажитяхъ благочестія, наставника заблудшимъ и утѣшеніе печальнымъ, ради чрезвычайной его простоты и смиренія,

и потому питалъ къ нему искреннюю любовь. На соборахъ святыхъ отцевъ въ Кареи, Протъ всегда отличалъ его предъ всѣми, сажалъ на почетное мѣсто и, желая получать отъ него благословеніе, убѣждалъ принять санъ священства, но Савва избѣгалъ славы человѣческой и отрекался по своему недостоинству; наконецъ, едва могъ онъ убѣдить смиреннаго инока, только съ помощію многихъ. „Да совершится воля Господня и твое повелѣніе, отче святой!“ сказалъ Савва, и пришелъ въ Хиландарскую обитель, куда призванъ былъ епископъ Николай, сосѣдняго города Ерисса, имѣвшій власть рукополагать на Святой горѣ. Епископъ посвятилъ его во діакона и пресвитера; новопосвященный предложилъ обильную трапезу всему духовному клиру и всей нищей братіи, и, благословивъ всѣхъ иноковъ хиландарскихъ, опять удалился на безмолвіе въ свою келлію на Кареѣ. Тамъ, пришедши къ Проту, чтобы извѣстить его объ исполненіи воли его, Савва хотѣлъ, по обычаю, принять отъ него благословеніе, но Протъ, съ любовію привѣтствуя преподобнаго, какъ сына, принялъ самъ отъ него благословеніе, какъ отъ отца, поцѣловалъ руку его, положивъ ее себѣ на главу, и, послѣ братской трапезы, отпустилъ его на постническіе подвиги.

Спустя нѣкоторое время, монастырскія нужды побудили преподобнаго идти въ Солунь: тамъ, поклонившись гробу великомученика Димитрія и помазавшись святымъ его муромъ, водворился онъ въ своей обители, называемой Филокалія, которой почитался ктиторомъ, такъ какъ для ея сооруженія пожертвовалъ много золота. Въ Солуни посѣтилъ онъ митрополита Константія, который много слышалъ о его добродѣтели и давно желалъ видѣть его. Въ то же время въ Солуни случился и епископъ Ерисса Николай: онъ разсказалъ владыкѣ бывшее знаменіе истекшаго мурѣ отъ гроба преподобнаго Симеона и о томъ, каковы были

подвиги самого Саввы; митрополить весьма утѣшался этимъ и, часто призывая его къ себѣ, наслаждался его бесѣдою. Однажды, въ день праздничный, митрополить хотѣлъ совершить литургію съ тремя епископами: Николаемъ ерисскимъ, Михаиломъ кассандрскимъ и Димитріемъ адрамитскимъ. Эти епископы пригласили служить вмѣстѣ съ собою и преподобнаго Савву, и соборно благословили его носить набедренникъ, давъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ санъ архимандрита. Блаженный Савва послалъ изъ Солуни муро, отъ гроба отца своего, къ державному брату, съ описаніемъ всѣхъ бывшихъ отъ него чудесъ, а самъ возвратился на Святую гору. Посланные принесли въ сербскую землю благословенный даръ сей, и утѣшился Стефанъ небесною славою своего родителя: съ благоговѣніемъ облобызалъ онъ честное муро отъ святыхъ его мощей, и призвавъ епископа своего и весь благородный синклить, прочелъ во всеуслышаніе братнее письмо и повѣсть о чудесахъ при гробѣ родителя.

Хочу здѣсь сказать о враждѣ между братьями, да стыжусь,—говорить писатель житія. Впрочемъ, не братьевъ теперь осудимъ мы, а древняго виновника всякой ненависти, который, отъ гордости спадши съ небесъ, завистію подвигъ перваго челоукоубійцу Каина на брата своего Авеля и Исава на Иакова. Онъ-то именно и нынѣ возбудилъ вражду великаго князя Вулка противъ его брата, самодержца Стефана, по поводу благословенія отчаго. Преподобный Симеонъ, отходя на Святую гору, вмѣсто себя самодержцемъ всей сербской земли поставилъ сына своего Стефана, и благословилъ его на свой престолъ. По удаленіи родителя, Вулкъ, движимый завистію, говорилъ самъ себѣ: „когда скончаются дни отца моего, отмщу за себя,“ и послѣ его преставленія, по совѣту нечестивыхъ, началъ всячески озлоблять державнаго брата, призывалъ

и венгровъ себѣ на помощь, чтобы низвергнуть его съ престола; но, хотя воздвигалъ онъ много браней, все онѣ сокрушались о благословеніе отчее, какъ о неодолимую стѣну. Вулкъ, съ позоромъ обращаеый въ бѣгство, вынужденъ былъ укрываться въ ущеліяхъ горъ. Отъ междоусобія страдала сербская земля, поля ея оставались не воздѣланы, а отъ многократныхъ кровопролитій пустѣли города и селенія. Тогда державный Стефанъ написалъ христоролюбивому брату своему Саввѣ, умоляя его подвигнуться на общій гласъ воздыханія и привести съ собою въ землю сербскую мощи святаго отца ихъ, чтобы укротить междоусобіе и смирить иноплеменниковъ.

Услышавъ это, человекъ Вожій возскорбѣлъ духомъ и, желая утѣшить печальную душу брата своего, подвигся упованіемъ, что если изліяніе мѹра во Святой горѣ ознаменовало святость прендобнаго отца его, то оно же въ сербской землѣ умиротворитъ и братнюю вражду. Итакъ, взявъ съ собою мощи родителя, онъ пошелъ съ ними въ сербскую землю, и заблаговременно возвѣстилъ о своемъ шествіи царствующему брату, чтобы этотъ успѣлъ, съ подобающею честію, встрѣтить святаыя мощи. Утѣшился самодержецъ, что идетъ отецъ его отъ Святой горы умиротворитъ несогласіе семейное: онъ молитвенно возблагодарилъ Господа за такое милосердіе, и съ епископомъ, со всеми черноризцами и благороднымъ синклитомъ, пошелъ въ срѣтеніе отцу и брату. При пѣніи псалмовъ, съ кадильнымъ еміамомъ и радостными слезами, поклонились они честнымъ мощамъ, прикасаясь къ нимъ очами и устами, чтобы освятиться благовоннымъ мѹромъ, и на своихъ рукахъ понесли священную раку. Братъ и все бывшіе съ нимъ со слезами обнимали богопоснаго Савву, прося святаыхъ его молитвъ и благодаря за принесенное имъ сокровище. Изумлялись афонскіе иноки смиренію самодержца

Стефана, который преклонялъ предъ ними въ прахъ царственную главу и багряницу свою, припадая къ стопамъ убогихъ отшельниковъ.

Дивно по истинѣ было это зрѣлище не только для чело-вѣковъ, но и для Ангеловъ: теперь уже не кости древняго Израиля переносимы были Іосифомъ, съ простыми погребателями изъ Египта — земли рабства: но сопровождался отъ Святой горы сыномъ — Ангеломъ, и встрѣчаемъ былъ сыномъ-самодержцемъ державный нѣкогда и преподобный Симеонъ муроточецъ, новый Израиль и патріархъ, воспріемлемый сынами сыновъ своихъ, всемъ соборомъ и синклитомъ. Съ такою честію проводили его въ сооруженную имъ, во имя Богоматери, обитель Студеницы: положивъ тамъ честныя его мощи въ мраморномъ гробѣ и совершивъ Божественную службу, братья обильною трапезою насытили не только всѣхъ пришедшихъ, но и собравшихся къ погребенію святаго Симеона нищихъ. Блаженный Савва, съ пришедшими съ нимъ аѳонскими иноками, остался въ Студеницѣ до второй годовщины святой памяти блаженнаго его отца, чтобы потомъ опять возвратиться на Святую гору.

Наканунѣ того дня было совершено вечернее славословіе; но богоносный Савва не удалился на покой, подобно другимъ: напротивъ, какъ нѣкогда на святой Аѳонской горѣ, онъ во всю ночь не далъ дреманія очамъ своимъ, умоляя Господа, чтобы повторилось то же знаменіе мѹра предъ всемъ народомъ сербскимъ, какос было на Святой горѣ, дабы все прославили Господа и Его угодника, и пришедшіе съ нимъ познали православіе угодившей Богу земли сербской. Преподобный сынъ молитвенно обратился затѣмъ и къ отцу своему и умильно говорилъ ему: „Все мы здѣсь—люди твои и дѣти твои, которыхъ далъ тебѣ Богъ, все мы здѣсь—чада твоей церкви, и ждемъ отече-

скихъ твоихъ щедротъ. Не скрывай для себя одинаго дарованную тебѣ отъ Бога благодать, но открой и предъ нами небесное твое богатство изліяніемъ мұра, во увѣреніе твоихъ чадъ и людей твоихъ на землѣ, гдѣ нѣкогда ты царствовалъ, дабы всѣ твои возрадовались о тебѣ, и душа моя не омрачилась печалію.“

Потомъ Савва велѣлъ ударить въ било къ утрени и самъ, совершая Божественную службу во глубинѣ алтаря, проливалъ много слезъ и съ воплемъ крѣпкимъ взывалъ къ Богу, чтобы Господь услышалъ его молитвы и подалъ то, что будетъ на пользу просящимъ. Внялъ Господь гласу его смиренія: во время Божественной литургіи, внезапное ощутилось въ церкви благоуханіе, и опять, какъ было на Святой горѣ, повѣяло ароматами отъ гроба. Державный Стефанъ, предстоявшій гробу, хотѣлъ самъ видѣть, откуда такое вѣяніе: и внезапно увидѣлъ, что мраморный гробъ родителя, какбы водами многими, исполненъ былъ кипящимъ мұромъ, которое отъ преизбытка изливалось повсюду. Тутъ въ ужасѣ воскликнулъ онъ: „Господи помилуй!“ и всѣ присные стеклись къ нему и, въ радостномъ изумленіи, взывали: „дивенъ еси, Господи, — слава Тебѣ!“ Между тѣмъ сдѣлалось въ храмѣ такое волненіе, что преподобному отъ шума и плача невозможно было совершать Божественную службу: онъ самъ, отъ слезъ и рыданій, не въ силахъ былъ говорить народу, и едва могъ наконецъ вымолвить самодержцу и всѣмъ плачущимъ, чтобы утихли. Мұро текло не только отъ гроба, но и отъ лика преподобнаго въ трапезѣ церковной, и оно собираемо было въ драгоценные сосуды. По окончаніи службы, Савва, приступивъ ко гробу родителя, помазалъ мұромъ державнаго брата своего, присныхъ, весь народъ и пришедшихъ съ нимъ отъ Святой горы: мұро это всѣ брали себѣ въ дома на благословеніе.

Тогда блаженный сказалъ брату, синклиту и народу: „Видите, что открылось предъ вами; это было отъ Господа, дивно предъ очами вашими; возрадуемся же, по слову псаломному, въ сей день, который сотворилъ Господь (Псал. 117, 24). Вотъ, отецъ нашъ, недавно еще отшедшій ко Господу, опять духовно приходитъ къ намъ, и своею молитвою не отстываетъ отъ насъ: какъ прежде, во дни жизни, веселилъ онъ насъ въ дѣлахъ житейскихъ, такъ нынѣ, и еще несравненно болѣе, веселитъ въ духовныхъ. Прежде, подобно Аврааму, собиралъ отъ нищихъ и странныхъ и предлагалъ имъ гостепріимную трапезу: а теперь пріемлетъ ихъ въ лонѣ Авраама, которому подражалъ, и вмѣстѣ съ нимъ радуется. Вчера смиренно преклонялъ онъ предъ нами главу свою: а нынѣ мы сами преклоняемся и цѣлуемъ святой гробъ его. Вчера съ любовію черпалъ онъ для насъ чашу воды: а сегодня изъ той же чаши умащаетъ насъ муромъ святыхъ своихъ мощей и изумляетъ чудесами. Сколь благъ Богъ Израилевъ къ правымъ сердцемъ! Онъ возноситъ смиренныхъ на высоту и даѣтъ милость боящимся Его всегда, нынѣ и во вѣки! Не удивимся ли сему, не скажемъ ли съ Апостоломъ: не забываетъ Богъ о трудахъ и воздаяніи рабовъ Своихъ, послужившихъ во имя Его святымъ и нищимъ!—Вотъ и молитвы, и милостыни, и все доброе въ жизни отца нашего возшло нынѣ на память предъ Богомъ, и онъ по дѣламъ своимъ воспріялъ благое: вы сами видѣли прославленіе его предъ вами, ибо не только отъ святыхъ мощей своихъ источаетъ онъ муро, на исцѣленіе недужныхъ и отгнаніе нечистыхъ духовъ, но и писанный на стѣнѣ честный ликъ его увлажняется муромъ: это уже совершилось однажды въ странѣ чуждой, на Святой горѣ,—это же повторилось и нынѣ, посреди чадъ его, въ землѣ собственнаго его народа. Такъ восходитъ онъ отъ славы въ

славу, дабы мы, видя честь отца нашего, поревновали добрымъ дѣламъ его, какими угодили онъ Богу. Господь являетъ намъ любовь Свою, чудодѣйствуя для насъ Своими святыми, дабы мы уразумѣли, что Онъ вѣдаетъ любовь каждаго къ Нему; и кто ради Его творитъ какое-либо добро, тотъ никогда не укроется отъ всевидящаго ока Божія, ибо Господь есть Воздаятель благимъ. Святые, восшедшіе отъ земли на небо, не требуютъ себѣ земной славы, ни человѣческой почести, но наслаждаются такими благами, какихъ и око не видѣло и ухо не слышало, ибо наслаждаются любовію Воспріявшаго ихъ на небесахъ, и, вмѣстѣ съ Псалмопѣвцемъ, воицуютъ: *что ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли?* (Псал. 72, 25). И все это дѣлается нашего ради спасенія, чтобы мы славили Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ и, ублажая достойно благоугодившихъ Ему на земли, поревновали дѣламъ ихъ.“

„Посему и я умиленно нынѣ прошу сродниковъ моихъ по плоти подражать дѣламъ отца нашего, истинной его вѣрѣ и правдѣ, смиренію и кротости, любви къ ближнимъ, щедротѣ къ нищимъ, милости къ подобострастнымъ намъ человѣкамъ, братіямъ вашимъ по святому крещенію, хотя и подъ властію вашею находящимся, памятуя, что и у васъ есть Господь на небеси, и что у Бога нѣтъ лицепріятія. Предъ Нимъ стапеть владыка съ рабомъ, царь съ воиномъ, отецъ съ сыномъ, когда престолы поставятся, и Богъ возсядетъ на судъ, и рѣка огненная потечетъ съ шумомъ, готовая воспріять грѣшныхъ, и книги нашихъ дѣяній отверзутся, гдѣ все написано перстомъ Божиимъ; тогда какъ горы надъ нами станутъ обличители грѣховъ нашихъ, ибо на страшномъ томъ преніи подвергнется испытанію каждый: нельзя тамъ будетъ прикрыть истину ложью,—каждый узритъ все свое и убоится, и не останется мѣста, куда можно бы бѣжать, ибо Самъ Господь будетъ судить

людей Своихъ: а страшно, — говоритъ Апостоль, впасть въ руки Бога живаго! сего ради и я внушаю вамъ отгребаться отъ всякаго зла и творить все, что предъ вашими очами творилъ отецъ нашъ, дабы и вы, избѣгши страшныхъ этихъ золъ, послѣдовали съ нимъ неизреченное благо въ безконечные вѣки. Богъ мира и любви, молитвами святаго отца нашего, со всѣми нами и вами. Аминь.“

Внимая страшному сему оглашенію, самодержецъ и всѣ его вельможи со слезами преклонили свои выи, и отъ глубокаго умиленія забыли даже о хлѣбѣ, хотя день склонялся уже къ вечеру, и время трапезы давно миновало. Изумлялся старѣйшій державный братъ сладкой рѣчи, исходившей изъ устъ меньшаго, и всѣ, падши ницъ къ ногамъ его, просили, да исходатайствуетъ онъ имъ благодать — не только быть слышателями его словесъ, но и дѣлателями оныхъ. Когда церковный соборъ разошелся, всѣ сѣли за трапезу и послѣ духовной пищи наслаждались тѣлесно, не забывая при этомъ, ради памяти общаго отца ихъ Симеона, и о людяхъ убогихъ. Вскорѣ потомъ преподобный Савва началъ напоминать о своемъ отшествіи на Святую гору, — и это слово было острымъ копіемъ, пронзавшимъ сердце державнаго. „Не оставляй насъ, отче святой,“ говорилъ онъ брату, „чтобы не исторгнуть души моеѣ прежде времени. Приникни къ мольбамъ святаго отца нашего Симеона и останься въ созданной имъ обители Пресвятой Богородицы: начальствуй надъ братіей, не славы ради, а ради блага братій своихъ и всѣхъ людей отечества твоего, — ибо для того, думаю, и послалъ тебя Богъ, чтобы довершить неоконченное отцомъ нашимъ; я же — рабъ твой во всемъ, чего пожелаешь, — буду служить тебѣ, какъ господину моему. Но если, имѣя власть сдѣлать намъ много на пользу душевную, ты убѣжишь отъ насъ ради лѣности, то воздашь отвѣтъ Господу нашему.

Кроткая душа Саввы, не хотѣвшая оскорблять никого, видя усердную мольбу брата, вельможъ и всѣхъ пришедшихъ съ нимъ иноковъ, была и на этотъ разъ побѣждена своимъ благоутробіемъ: „воля Господня и твое желаніе да совершатся!“ сказалъ онъ брату. Возрадовался державный Стефанъ и всѣ его присные, — какъ бы приобрѣли великое нѣкое сокровище. Савва водворился во святой лаврѣ — Студеницѣ, созданной его родителемъ, до удаленія его на Аѳонъ, и такъ какъ самъ поставленъ былъ въ Солуни архимандритомъ, то и этой обители доставилъ званіе архимандріи. Такимъ образомъ, не подъ спудомъ остался этотъ свѣтильникъ, но поставленъ на свѣщникѣ въ своемъ отечествѣ, и тамъ продолжалъ подвиги аѳонскіе, умерщвляя плоть свою и проповѣдуя слово Божіе въ народѣ, къ общему утѣшенію братіи. Сладостнѣе меда и сота были рѣчи его, а чудеса запечатлѣвали благодатную силу ихъ, ибо молитвою его исцѣлялись болящіе и изгонялись бѣсы: всѣ благоговѣли предъ нимъ, не какъ предъ человекомъ, а какъ предъ пророкомъ Божіимъ. Пришествіе Саввы было умиротворительно и для присныхъ, ибо самодержецъ Стефанъ снова сблизился съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Вулкомъ, на котораго подѣйствовало слово священноинока: устыдился онъ и оставилъ коварные замыслы, въ которые былъ вовлеченъ дурнымъ совѣтомъ, и, при взаимной любви братской, усилилась къ нему любовь народа.

Молитвами святыхъ отецъ Симеона и Саввы, въ странѣ сербской стало распространяться и благочестіе. Въ это время начали строить великую церковь Вознесенія Господня, для кафедры архіерейской, на мѣстѣ, называемомъ Житчи; преподобный архимандритъ создалъ много деревянныхъ и каменныхъ церквей и въ Студенцахъ. Однажды Савва, вмѣстѣ съ самодержцемъ, пришелъ посмотришь

зданіе архіепископіи, для котораго созваны были лучшіе каменщики и художники изъ земли греческой. Тутъ увидѣлъ онъ человѣка, который разслабленъ былъ всѣми членами и, прося на пути милостыни, въ такомъ безпомощномъ положеніи пѣлъ псалмы Давидовы. Прослезился Савва о немощи человѣческой и, по слову Христовой притчи о милосердомъ самарянинѣ, съ однимъ изъ учениковъ своихъ, положилъ на свою мантию разслабленнаго и внесъ его въ церковь предъ икону Спасову: здѣсь, оставшись съ нимъ наединѣ, онъ сперва исповѣдалъ грѣхи свои предъ Богомъ, а потомъ испросилъ милость Божію и болящему; здѣсь умастилъ онъ болѣзненные его члены отеческимъ муромъ, раствореннымъ его слезами и, воззвавъ молитвенно къ Господу, разрѣшилъ больнаго: разслабленный всталъ и началъ ходить. Скоро слухъ о чудномъ этомъ исцѣленіи распространился повсюду, и многіе начали приносить къ преподобному своихъ недужныхъ; преподобный исцѣлялъ ихъ молитвою и муропомазаніемъ. Слыша о совершающихся чудесахъ, жители окрестныхъ странъ исполнились благоговѣніемъ—не только къ преподобному Саввѣ, но и къ державному его брату, и просили его принять ихъ подъ крѣпкую свою руку.

Одинъ страшный случай еще болѣе ознаменовалъ чудодѣйственную силу Саввы, когда онъ долженъ былъ явиться защитникомъ невинныхъ и карателемъ преступныхъ, и щитомъ молитвы охранять страну свою отъ кровопролитія. Стефанъ призрѣлъ у себя въ Сербіи одного изъ родственниковъ бывшаго краля болгарскаго Калояна. Этотъ краль погибъ нечаянною смертію, когда, пользуясь завоеваніемъ Царьграда оружіемъ франковъ, хотѣлъ раззорить Солунь: была общая молва, что самъ великомученикъ Димитрій не допустилъ его до своего города. Имя князя болгарскаго, искавшаго себѣ защиты подъ сѣнію Стефана отъ гоненія

новаго крадя Борилла, было Стреза. Борилль боялся воинскихъ доблестей Стефана и близкаго родства его съ умершимъ Калояномъ. Нѣсколько разъ обращался онъ къ властителю сербскому то съ предложеніемъ даровъ, то съ угрозами, чтобы выданъ былъ ему Стреза: однако благочестивый Стефанъ не только не соглашался на низкое дѣло, но еще честилъ покровительствуемаго имъ какъ сына, и даже назвалъ его крестовымъ своимъ братомъ, запечатлѣвъ духовный союзъ этотъ клятвою надъ Евангеліемъ, не смотря на то, что многіе изъ вельможъ предваряли Стефана о жестокомъ нравѣ и кровожадности этого болгарскаго выходца. Стефанъ пользовался его вліяніемъ и родственными связями, чтобы привлечь подъ свою державу нѣсколькихъ малыхъ болгарскихъ владѣльцевъ, княжившихъ въ окрестностяхъ Солуны и Охриды.

Наконецъ онъ далъ ему во владѣніе крѣпкій замокъ Просѣкъ, на неприступномъ утесѣ, надъ широкою рѣкою Вардаръ, и тутъ-то, вмѣстѣ съ крайнею свирѣпостію Стрезы, обнаружилась вся его неблагодарность. Любимою его потѣхою было — сидѣть на вершинѣ утеса и свергать съ высоты его въ рѣчную пучину людей, навлекшихъ на себя его негодованіе, хотя и по самой ничтожной винѣ. Не было никому свободнаго проѣзда мимо замка: каждому угрожала опасность отъ прихоти суроваго властелина. Окрестные жители не разъ обращались съ жалобою къ жупану сербскому, и неоднократно посылалъ отъ себя Стефанъ присныхъ къ извергу, чтобы смягчить его сердце. Стреза, на неприступномъ своемъ утесѣ, смѣялся надъ увѣщаніями Стефана, и наконецъ, собравъ около себя толпу подобныхъ себѣ злодѣевъ всякаго званія, дерзнулъ выступить противъ своего благодѣтеля. Тогда-то уже, но слишкомъ поздно, узналъ свою ошибку Стефанъ и вынужденъ былъ собрать сербскую дружину противъ закоснѣлаго злодѣя. Онъ воз-

ложилъ надежду свою на Господа, Заступника правыхъ, и самъ вышелъ въ поле наказать бывшаго своего друга, оказавшагося недругомъ.

Съ горестію услышалъ Савва о походѣ брата и о предстоявшемъ кровопролитіи. Исполненный духа любви Христовой, вызвался онъ идти самъ въ станъ непріятельскій, чтобы словомъ кротости умиротворить врага. Не безъ страха отпустили его присные; но Савва боялся единого Бога. Смѣло вступилъ онъ во враждебный станъ: Стреза, знавшій его при дворѣ братнемъ, встрѣтилъ съ честію и даже палъ къ ногамъ его, прося благословенія. Сладостною рѣчью началъ убѣждать преподобный ожесточеннаго, чтобы отсталъ отъ своихъ злодѣяній, напоминая ему прежнюю любовь и царственныя щедроты Стефана, — но не могъ тронуть каменнаго сердца ни ласкою, ни угрозами грядущаго на него гнѣва Божія, и наконецъ сказалъ: „Такъ какъ, уповая на свое оружіе, ты не приемишь благихъ совѣтовъ, то самъ себя готовишь гибель. На Господа возлагаемъ нашу надежду, и не страшимся твоихъ полчищъ: Господь разсудитъ между нами.“ Такъ разстались они, и Савва, возвратившись въ свой шатеръ, воззвалъ къ Богу отца своего Симеона, чтобы Онъ призрѣлъ на рабовъ Своихъ и смирилъ неправеднаго, обративъ на него собственное его оружіе. Не дождавшись разсвѣта во вражемъ станѣ, преподобный ночью пустился въ обратный путь, и въ ту же ночь страшный вопль и тяжкіе стоны понеслись изъ шатра болгарскаго властителя. Спѣшно собрались къ нему отроки и нашли его на одрѣ, пронзеннаго собственнымъ мечемъ. „Грозный юноша,“ сказалъ онъ, „назвавшій себя посланцемъ Саввы, напалъ на меня спящаго и, исхитивъ мечъ, пронзилъ мою внутренность.“ Онъ просилъ послать вслѣдъ за преподобнымъ, чтобы умолить его объ исцѣленіи, но его уже не настигли, и такимъ образомъ,

оставшись безъ всякой помощи, неблагодарный Стреза испустилъ нечистую свою душу.“ Испуганная его дружина быстро разсѣялась, и Стефанъ избавился отъ напраснаго кровопролитія. Владыка сербскій и всѣ его присные прославили Господа за легко полученную ими побѣду, приписывая ее молитвамъ святаго Саввы.

Руками Саввы продолжали совершаться непрестанныя чудеса, возбуждая народную молву и общее къ нему благоговѣніе. Устрашился преподобный, какъ бы не утратить вѣчныхъ благъ ради временныхъ, и вспомнилъ о безмолвномъ своемъ жительствѣ на Святой горѣ и объ уединенной келліи на Кареѣ, свидѣтельница столькихъ подвиговъ пустынной жизни. Сколько ни старался убѣдить его державный братъ остаться въ Сербіи, Савва пребылъ неумолимъ и, поставивъ на свое мѣсто игумена въ лавру Студеницы, простился съ братомъ и всѣми присными. Горько было это разставанье, ибо какъ одна душа въ двухъ тѣлахъ, такъ единокровны были оба брата: удаленіе Саввы представлялось Стефану какъ бы удаленіемъ собственной его души изъ тѣла. Давъ ему много золота, державный проводилъ его до предѣловъ греческихъ и взялъ съ него обѣщаніе возвратиться. Но съ какою горестію провожали его здѣсь, съ такою же радостію встрѣчали на Святой горѣ — и настоятели и старцы всѣхъ обителей, а особенно братія роднаго Хиландаря. Теперь онъ снова водворился въ безмолвной келліи, которая и донинѣ сльветъ постницею Саввы на Святой горѣ, по чрезвычайнымъ подвигамъ поста его въ ней.

Вскорѣ, по таинственнымъ судьбамъ Божиимъ, престало истекать муро отъ гроба преподобнаго Симеона, и державный Стефанъ, принимая это за изъявленіе гнѣва Божія къ ихъ недостойнству, строго испытывалъ свою совѣсть, усугубилъ молитву и милостыню, и часто приходилъ пла-

коть на гробъ родительскій. Наконецъ рѣшился онъ писать къ брату на Святую гору, чтобы этотъ пришелъ утѣшить его своимъ лицезрѣніемъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ оставило насъ твое преподобіе, отворотился отъ насъ и святыи отецъ нашъ Симеонъ, ибо изсякло утѣшавшее насъ святое муро, истекавшее отъ мощей его, и онъ, донынѣ милосердовавшій о насъ отечески, теперь какъ бы ожесточился и болѣе не внемлетъ намъ, по грѣхамъ ли то нашимъ, или потому, что тебя нѣтъ съ нами! Итакъ, приди уврачевать нашу болѣзнь, не презри мольбы единоутробнаго твоего брата, хотя человѣка и грѣшнаго: быть можетъ, и отецъ нашъ, утѣшенный твоимъ пришествіемъ, возвратитъ намъ милость свою, и твоими молитвами потечетъ опять святое муро отъ мощей его.“

Но Савва не могъ отторгнуться отъ сладости безмолвнаго житія и не тронулся братнею мольбою: онъ только написалъ отъ себя посланіе къ отцу своему, какъ бы къ живому, — „чтобы онъ простилъ прегрѣшенія чадъ своихъ и раскрылъ опять заключенный въ немъ источникъ: какъ нѣкогда, находясь еще во плоти,“ писалъ Савва, „внималъ ты моленіямъ сыновнимъ и, отходя отъ сей жизни, обѣщался исполнять мольбы наши, такъ и нынѣ да явится отеческая твоя любовь, и не посрамитъ нашего упованія.“ Написалъ онъ утѣшительное письмо и къ брату, которое послалъ съ ученикомъ своимъ, честнымъ старцемъ Иларіемъ. Но, вручивъ ему то, которое было написано къ отцу, Савва не велѣлъ открывать его, доколѣ не будетъ оно прочтено, послѣ Божественной литургіи надъ самымъ гробомъ преподобнаго. Священноинокъ Иларій исполнилъ все въ точности, по велѣнію своего аввы. Державный братъ, хотя и дивился, что Савва не исполнилъ пламенной мольбы его, однако съ великою честію принялъ посланнаго. Вмѣстѣ съ Иларіемъ, пошелъ онъ въ Лавру Студеницы: во

время всеобщаго бдѣнія, аеонскій пришелецъ изумлялся молитвенному стоянію и слезному умиленію державнаго, который превосходилъ подвигами, повидимому, и убогихъ аеонскихъ иноковъ, ибо не таковъ былъ Стефанъ, каковы бываютъ иные мірскіе властители: мудрый въ совѣтѣ, доблестный въ воинствѣ и свѣтлый посреди вельможъ своихъ, на трапезѣ и во дворцѣ, онъ превосходилъ и самыхъ иноковъ на молитвѣ, омывалъ землю потоками слезъ, украшалъ достоинство вѣнца своего любовію къ нищимъ.

Послѣ Божественной литургіи, весь освященный соборъ, со свѣчами и кадилами, приступилъ ко гробу преподобнаго Симеона, близъ котораго стоялъ самодержецъ, обливая его слезами. Честный Иларій, державшій въ рукѣ посланіе, прочелъ его надъ гробомъ во услышаніе всѣхъ, и внезапно потокомъ воскипѣло изъ него благовонное миро, такъ что сосудами не успѣвали собирать его, и умастился имъ весь помостъ церковный. Утѣшенный Стефанъ, стоя при гробѣ, сказалъ умиленное слово братіи и народу, ублажалъ отца своего и брата и взаимную любовь ихъ, ознаменованную чудомъ,—ибо слыхано ли было когда, чтобы живой писалъ къ усопшему, и усопшій внималъ ему съ послушаніемъ, какъ живой! Съ великою честію отпустилъ Стефанъ инока Иларія на Святую гору, и далъ ему благодарное писаніе къ брату которому послалъ много даровъ и отеческое миро.

6. Святительство святаго Саввы.

Нѣкоторыя монастырскія нужды побудили преподобнаго опять идти къ царю и патриарху—ходатайствовать о Свѣтой горѣ и Хиландарской обители: но уже не въ Царьградѣ, гдѣ тогда владычествовали франки, завоевавшіе въ 1204 году столицу имперіи, а въ древнюю Никею, просла-

вленную первымъ и седьмымъ вселенскими соборами: тамъ царствовалъ Θεодоръ Ласкарисъ, родственникъ сербскихъ царей, — ибо дочь его была выдана за князя Радослава, племянника святаго Саввы и сына Стефанова. Императоръ принялъ его съ великою любовію, ибо, наслышавшись о его подвигахъ на Святой горѣ, давно уже желалъ видѣть его, и исполнилъ всѣ монастырскія его прошенія. Савва хотѣлъ уже оставить Никею, когда пришла ему отъ Господа благая мысль воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и порадѣть о землѣ сербской. „Приду ли когда-либо сюда еще въ моей жизни?“ подумалъ Савва и возложивъ упованіе на Бога, приступилъ къ царю. „Господь Богъ, хотящій всѣмъ спасенія,“ сказалъ онъ, „стараніемъ отца нашего и нашимъ, удалилъ отъ земли нашей ересь (вѣроятно латинскую, или богомиловъ, разсѣянныхъ въ то время въ Болгаріи): православіе въ Сербіи возрастаетъ и умножается. Но одинъ у насъ недостатокъ: мы не имѣемъ своего архіепископа, который посвящалъ бы для насъ іереевъ и училъ бы насъ заповѣдямъ Господнимъ (вѣроятно, въ то время святительствовавали въ Сербіи греки). Поэтому особенно молимъ ваше благоутробіе: повели, царь, святому отцу, вселенскому патріарху, — единого изъ пришедшихъ съ Аѳона братій моихъ посвятить архіепископомъ, въ утѣшеніе наше и въ похвалу благочестія вашего.“ Императоръ отвѣчалъ: „съ радостною душою исполню твое прошеніе, но хочу видѣть избраннаго тобою брата, — благоволишь ли къ нему душа моя; ибо великъ долженъ быть мужъ, на котораго падетъ сей высокій жребій.“ — „Пусть всѣ пріидутъ предъ царскія твои очи,“ сказалъ ему Савва, — „и Ангель твой укажетъ тебѣ, къ кому Господь расположитъ твою душу.“ Когда собрана была вся пришедшая братія хиландарская, державный сказалъ: „всѣ братія твои честны и святы, но я не могу ни одного изъ нихъ воз-

весть на такую высоту сана и Апостольскаго сѣдалища: къ тебѣ самому благоволить о Богѣ душа моя, ибо житіе твое не скрылось отъ насъ съ первыхъ дней твоей юности.“

Смутился Савва, и отрекался отъ высокой степени, которой почиталъ себя недостойнымъ. Между тѣмъ императоръ объявилъ о прошеніи его патріарху, и сказалъ, что выборъ его не падеть ни на кого иного; патріархъ принялъ слово царское съ радостію, ибо тоже много любилъ преподобнаго. Кесарь, вмѣстѣ съ первосвятителемъ, снова приступилъ къ святому Саввѣ, и умолялъ его — „не чуждаться Апостольскаго званія, возвѣщаемаго Духомъ Святымъ въ сердцахъ ихъ, но Бога ради принять совѣтъ ихъ для пользы сербовъ, чтобы слово ученія его было въ народѣ со властію и чтобы онъ не себя единого спасалъ пустыннымъ молчаніемъ, а многихъ въ мірѣ обратилъ бы отъ заблужденія, — что вмѣнится ему, въ большую любовь къ Богу.“ Но, одержимый любовію къ пустынной жизни, преподобный убѣгалъ высокихъ почестей, какъ птица — тенеть, предпочитая всему Ангельское житіе и подвигъ поста. Онъ продолжалъ упорствовать предъ царемъ и патріархомъ, и отрицался своимъ достоинствомъ, доколѣ наконецъ императоръ, огорчившись, сказалъ ему: „Гдѣ слыхано, чтобы неимущій отказывался отъ чего-либо съ такимъ любопреніемъ; — гораздо приличяѣе было бы тебѣ повиноваться богоугодному совѣту многихъ, чѣмъ не покоряться и противустоять. Такъ какъ ты хочешь утвердиться въ своей волѣ, то ищи себѣ посвящающихъ: мы на это несогласны.“ Сказавъ такъ, царь удалился въ свои покои.

Что же смиренномудренная и праведная эта душа, ненавидѣвшая почестъ, какъ бы хулу и безчестіе? — на что рѣшилась она, видя огорченіе царя и понужденіе отъ патріарха и всѣхъ вельможъ? — Савва рѣшился покориться волѣ державной, и сказалъ: „изволеніе Божіе и святое

ваше повелѣніе да совершится надъ нами грѣшными.* Тогда императоръ велѣлъ отъ царской палаты приготовить всю нужную утварь для посвященія Архіерейскаго. Въ день Успенія Богоматери 1222 года вселенскій патріархъ Германъ *) рукоположилъ Савву архіепископомъ всей сербской земли; царь присутствовалъ при посвященіи со всѣми вельможами и возглашалъ: „аксіось,“—достоинъ, и достоинство его явлено было отъ Господа. Нѣкто, сподобившійся Божественнаго видѣнія, сказалъ впослѣдствіи патріарху, что, во время возложенія святительскихъ рукъ на главу поставляемаго, внезапно изліялся на него чудный свѣтъ, и весь онъ сіялъ предъ ними, какъ бы огненный. По окончаніи Божественной службы, императоръ и всѣ присные его приблизились къ новому святителю принять отъ руки его благословеніе. Кесарь пригласилъ къ себѣ на трапезу патріарха, со всѣми епископами, и патріархъ новаго архіепископа сербскаго посадилъ подлѣ себя, какъ сопрестольника. Всѣ пріяли щедрую милостыню отъ руки царской, и въ радостный этотъ день не были забыты нишіе.

Вскорѣ потомъ святой Савва началъ собираться въ родную землю, на указанный ему отъ Бога жребій; но ему опять пришло на мысль, для избѣжанія дальняго путешествія въ Никею и большой траты денегъ, испросить у державнаго первосвятителя право на посвященіе архіепископовъ сербскихъ въ собственной землѣ ихъ, ибо частыя войны между западными и восточными властителями могли иногда преграждать пути, либо даже нерасположеніе самихъ первосвятителей или кесарей могло каедрю сербскую повергать въ продолжительное вдовство. Разсудивъ все это въ сердцѣ, святитель Савва пожелалъ устроить Церковь свою свободною отъ всѣхъ этихъ бѣдъ, самовластною и

*) Въ этомъ именно году патріархъ Германъ 2-й возшелъ на кафедрю. Гедесѳу. Патріарх. Πίνακας. 383—385.

ни въ чемъ не зависящею ни отъ Востока, ни отъ Запада. Призвавъ себѣ на помощь преподобнаго отца своего Симеона и съ полнымъ упованіемъ приступивъ къ императору, онъ говорилъ: „если, по внушенію Божію, благоизволишь ты показать намъ совершенную любовь, то доверши оную повелѣніемъ твоей тихости, чтобы, благословеніемъ устнымъ и письменнымъ святаго отца нашего вселенскаго патріарха, даровано было право не приходитъ впредь архіепископамъ нашимъ для посвященія въ царствующій градъ, а рукополагаться соборомъ своихъ епископовъ.“

Измѣнилось лицо царя, когда услышалъ онъ столь нечаянное прошеніе: не понравилось оно ни патріарху, ни вельможамъ, ибо они хотѣли, чтобы Церковь сербская была подчинена вселенскому престолу, и прибѣгала къ нему со многими дарами. Но, съ другой стороны, императоръ, по чрезвычайной любви къ святому Саввѣ, стыдился отпустить его скорбнымъ, не исполнивъ прошенія, и потому, хотя съ трудомъ, однакожь утолилъ негодованіе патріаршее и снизшелъ къ желанію родственнаго ему святителя. По убѣжденію царскому, святѣйшій патріархъ написалъ отъ себя грамоту, чтобы, съ того времени, ищущему достоинства архіепископа сербскаго не приходитъ изъ сербской земли въ царствующій градъ, но быть посвящаемымъ у себя соборомъ святыхъ епископовъ: эта грамота была подписана соборомъ всѣхъ присутствовавшихъ въ Никее митрополитовъ и епископовъ. Патріархъ, неоднократно приглашая къ себѣ новопоставленнаго архіепископа, научалъ его всѣмъ правиламъ церковнымъ и, надѣливъ утварью, вручилъ ему такую грамоту: „Германъ, Божіею милостію, архіепископъ Царьграда, новаго Рима, и вселенскій патріархъ, имени ради Господа нашего Іисуса Христа, посвятили Савву архіепископомъ всей земли сербской, и дали ему власть, по всей его области церковной, посвящать епископовъ,

іереевъ и діаконовъ, вязать и рѣшить вины человѣческихъ погрѣшеній, и всѣхъ учить и крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа: всѣ православные христіане да послушаютъ его, какъ меня самого.“

Щедро одаренный патріархомъ, Савва пришелъ проститься къ императору, который, съ любовію прося благословенія его, сказалъ ему: „всѣ твои прошенія исполнены, отче; молимъ твою святость, чтобы твоими молитвами быть намъ благопріятными Богу; сопровождаемый Ангеломъ Господнимъ, да приидешь ты благополучно къ своимъ и извѣстишь насъ о твоёмъ здоровіи. Императоръ далъ ему все нужное въ путь, а когда онъ отрекался, со смиреніемъ говорилъ: „ему, какъ новопоставленному, необходимо будетъ дорогою подавать всѣмъ просящимъ у него, да молятся о немъ.“ Такой-то великій подвигъ совершилъ святой Савва, въ краткое время, для всей своей сербской земли, удостоивъ ее не только архіспископскаго сана, но и независимаго святительскаго престола! Моремъ отплылъ онъ во святую Аѳонскую гору: здѣсь пустынные отцы, услышавъ, что бывший ихъ сожитель приходитъ къ нимъ, уже облеченный властію святительскою, всѣ устремились къ нему въ срѣтеніе изъ пустынныхъ горъ, изъ пещеръ и каменныхъ расщелинъ, съ радостію и вмѣстѣ съ печалію, ибо чувствовали, что блаженный долженъ оставить ихъ. Всѣ они спѣшили принять отъ него благословеніе и послѣднее цѣлованіе, и, восхваляя Бога, стекались въ Хиландарскую обитель, гдѣ святитель, на пути въ свою родину, водворился временно.

Грустно было думать имъ, что спостникъ ихъ и сподвижникъ съ дѣтскихъ лѣтъ, возросшій вмѣстѣ съ ними въ пустынѣ и осыпавшій ихъ своими благодѣяніями, навсегда оставитъ ихъ. Протъ и игумены старѣйшихъ и меньшихъ монастырей, узнавъ, что патріархъ далъ ему власть рукопо-

лагать въ своей церковной области, одинъ за другимъ призывали его въ свои обители служить съ ними Божественную литургію и посвящать у нихъ іереевъ и діаконовъ. Такъ обошелъ онъ въ послѣдній разъ все монастыри, поклонился всемъ церквамъ и, простившись съ Протомъ и игуменами, возвратился въ Хиландарь. Тамъ еще однажды поучилъ настоятеля и братію страху Божію и всякой добродѣтели и, преподавъ имъ во Христѣ цѣлованіе, вышелъ изъ обители съ нѣсколькими избранными иноками, которыхъ предполагалъ посвятить епископами въ Сербіи. Но, оставляя Святую гору, святитель неоднократно обращался взорами и мыслями къ краснымъ ея пустынямъ, и съ любовію взиралъ на острые каменные пути, по которымъ часто проходилъ босыми ногами, посѣщая святыхъ отшельниковъ, — воспоминалъ блаженное житіе этихъ пустынныхъ отцевъ, которыхъ умъ непрестанно возвышался къ Богу въ молитвахъ, и съ благодарностію приводилъ себя на память, что отъ ихъ созерцанія и самъ научился многому, въ первые годы пустынножительства.

Все это съ любовію воспоминалъ святой Савва, и когда помышлялъ, что ничего подобнаго не встрѣтитъ въ своей землѣ и что ему предстоитъ тамъ положить основаніе архіерейской кафедры, еще болѣе чувствовалъ всю тяжесть настоящей разлуки: исходя изъ Святой горы, какъ бы изъ нѣкоего Божественнаго рая, подобно древнему Адаму, онъ горько плакалъ и восклицалъ: „О, сколькихъ благъ лишился я, окаянный! Сколько было здѣсь богатства! Здѣсь могъ я, безъ всякой мірской печали, молиться въ тишинѣ Богу, — и все это измѣнилъ теперь на тщету человѣческой славы! Увы мнѣ! Кто не восплачетъ о моей участи! Съ какой высоты ниспалъ я, и что приобрѣлъ! Господи Боже мой, на Котораго уповаю, удаляюсь отъ сей святыни, ухожу отъ Святой горы! если есть о мнѣ воля Твоя благая, мо-

литвами Пречистой Твоей Матери и угодника Твоего Симеона, отца моего, не оставь меня въ такой скорби, утопающимъ въ уныніи!“ Такъ, шествуя весь день, дряхлый и унылый, съ трудомъ достигъ онъ до перваго ночлега, виѣ горы Святой, и тамъ сталъ опять воздыхать о лишеніи ея. Но, по слову псаломному, гора мысленная и святая, гора Божія, гора тучная, гора усыренная Духомъ, гора небеси подобная и превышая всѣхъ горъ и всѣхъ Ангельскихъ силъ, всечистая Дѣва и Матерь Божія, отъ коей, какъ отъ горы великой, возсіялъ Христосъ, въ сонномъ видѣніи воздвигла отъ унынія душу его, говоря: „Имя Меня споручницею къ Царю всѣхъ, Сыну и Богу Моему, о сихъ ли еще скорбишь?—Возставъ, иди со тщаніемъ на дѣло, на которое избралъ тебя Господь, пи о чемъ болѣе не думая, ибо все о Господѣ будетъ споспѣшествовать тебѣ во благое.“

Воспріянувъ отъ видѣнія, святой Савва, почувствовалъ сладостное утѣшеніе въ своемъ сердцѣ и, обливаясь слезами, — уже не печали, а — радости, возблагодарилъ Бога за то упованіе, которое обновлено въ немъ словами Пречистой Божіей Матери, и весело продолжалъ путь свой. Пришедши въ великій городъ Солунь, онъ поклонился гробу святаго великомученика Димитрія и, посѣтивъ митрополита, водворился въ своей обители Филокаліи. Немедленно велѣлъ онъ написать двѣ мѣстныя большія иконы: Господа Вседержителя, и явившуюся ему гору Божію, всечестную Матерь Господа, и, благолѣпно украсивъ ихъ золотыми вѣнцами съ драгоценными каменьями, поставилъ въ церкви Филокаліи, на память бывшаго ему явленія. Въ Солуни приготовилъ онъ также и всю церковную утварь, необходимую для его архіепископіи, и, провожаемый митрополитомъ и епархомъ, направилъ путь въ родную землю.

Двойною радостію исполнился державный Стефанъ, когда

услышалъ, что возвращается братъ его блаженный Савва, и возвращается уже не просто архимандритомъ, а перво-святителемъ всей земли сербской. Будучи самъ одержимъ тяжкою болѣзнію, послалъ онъ къ нему, вмѣсто себя, дѣтей своихъ, до предѣловъ земли греческой. Когда же пришелъ Савва къ болѣзненному одру брата, онъ не могъ даже и подняться, чтобы обнять святителя, — такъ безнадежна была болѣзнь его! но здѣсь, съ пришествіемъ Своего угодника, Господь измѣнилъ всеобщую печаль на радость. Святой Савва животворящимъ крестомъ освятилъ воду, напоилъ и омылъ сию болящаго и, возложивъ руки на главу его, помолился о немъ съ теплыми слезами: болѣзнь внезапно исчезла, смертную блѣдность замѣнилъ румянецъ жизни; больной, не имѣвшій силъ приподняться, самъ всталъ съ одра, и даже могъ раздѣлить трапезу съ братомъ и вельможами, — да и не только онъ одинъ: исцѣлялись и всѣ тѣ, на которыхъ святитель возлагалъ свои руки.

Стефанъ совѣщался съ братомъ своимъ и вельможами, гдѣ бы устроить архіепископію и поставить епископовъ. — Всѣ направились въ святую лавру Студеницы: тамъ святой Савва обновилъ обычаи Святой горы, ввелъ порядокъ Божественной службы и всѣхъ поучалъ покаянію. Чудное было зрѣлище, и повторялось непрестанно: когда перво-святитель, во время литургіи и всенощной, приходилъ по-кадить гробъ отца своего, — преподобный Симеонъ, какъ бы воздавая сыну почестію за почестъ, внезапнымъ изліаніемъ мѹра исполнялъ церковь; усопшій вѣяніемъ ароматовъ отвѣчалъ живому. Такими дивными знаменіями утверждались въ вѣрѣ всѣ православные. Изъ лавры пошелъ святой Савва на предназначенный ему престолъ архіепископіи, во вновь сооруженную великую церковь Вознесенія Господня на мѣстѣ, называемомъ Житчи. Она еще не была довершена, но святой украсилъ ее стѣннымъ писаніемъ, и

святую трапезу утвердилъ на мощахъ мученическихъ. Тамъ посвятилъ онъ двѣнадцать избранныхъ учениковъ своихъ во епископы Сербіи и, не смотря на всѣ эти святительскіе труды, днемъ и ночью не преставалъ поучать всѣхъ къ нему приходившихъ, а особенно новопоставленныхъ, чтобы во всемъ слѣдовали они ученію соборовъ и святыхъ отецъ, и потомъ cadaго отпускалъ во вѣренную ему область.

7. Царское вѣнчаніе Стефана.

Когда окончательно создана была въ Житчи великая церковь, для которой иконописцы и мраморъ выписываемы были изъ Царьграда, архіепископъ Савва велѣлъ брату своему созвать всѣхъ его правителей и вельможъ, а самъ съ своей стороны созвалъ епископовъ и игуменовъ и, посреди ихъ сонма, въ кафедральной церкви, возсѣвъ вмѣстѣ съ братомъ на престолѣ, сказалъ во услышаніе всѣхъ о причинѣ настоящаго необычайнаго собранія: „Всѣмъ вамъ извѣстно двукратное мое отъ васъ бѣгство, знаете вы и то, что ничего изъ прелестей міра не предпочелъ я любви Божіей; молитва къ Богу всегда была лучшимъ для меня на землѣ блаженствомъ. Васъ ради, моихъ соплеменниковъ, оставилъ я святую, сладкую мнѣ пустыню, и пришелъ сюда искать не чего-либо вашего, а васъ самихъ,—ради вашихъ душъ возненавидѣлъ свою, поминая древнихъ святыхъ, сердобольствовавшихъ о своемъ племени. *Аще спасая спасеши люди сія*, говорилъ Моусей Богу, *спаси: аще ли ни, то и мене испиши отъ книгъ, въ нихже вписалъ мя еси* (Исх. 32, 32); и Павелъ Апостоль желалъ самъ быть отлученъ отъ Христа, ради братій своихъ по плоти (Рим. 9, 3). Соревнуй имъ, и я болѣзную о васъ, и я, ради вашего спасенія, не забочусь о своемъ; но если, чрезъ послушаніе ваше, узаконится благое, то усвоеніемъ васъ Богу приобрѣту свое

спасеніе и я. Посему молю васъ, будьте послушны мнѣ во всемъ, что предложу вамъ о Господѣ. Господь Богъ вашъ, молитвами угодника Своего, святаго праведнаго отца нашего Симеона, утвердилъ васъ и распространилъ: много между вами начальниковъ и воеводъ, много жупановъ малыхъ и великихъ. Но властвующему у васъ не подобаетъ носить одинаковое съ прочими наименованіе своей власти: напротивъ, онъ, какъ и я, ради васъ облеченный властію священства и поставленный во главу Церкви, долженъ для вашей чести, славы и величія украситься вѣнцомъ царствія.“ Умилились всѣ, внимая слову, исполненному любви, и съ радостію покорились посланному къ нимъ отъ Бога, обѣщая во всемъ повиноваться ему.

Наступилъ свѣтлый праздникъ Господа и Спаса нашего, и, во время Божественной литургіи, въ урочное время предъ совершеніемъ даровъ, призвалъ Савва брата своего, великаго жупана, предъ святой жертвенникъ, молитвенно облечь его въ царскую багряницу, препоясать драгоцѣннымъ поясомъ, возложилъ на главу его вѣнецъ царствія и, помазавъ освященнымъ муромъ, провозгласилъ его, милостію Божіей, самодержавнымъ кралемъ сербскимъ. Вельможи и народъ—всѣ единодушно поклонились ему и зывали: „буди, буди.“ По окончаніи Божественной службы, для архіепископа и новаго краля приготовленъ былъ великій пиръ, на которомъ присутствовали всѣ благородные и епископы, причемъ не были забыты и убогіе. Не вѣнцу царскому радовался Стефанъ и не драгоцѣнной багряницѣ, почитая все это тлѣннымъ и скоропреходящимъ, а радовался болѣе великому собранію своего народа и благолѣпію храма, котораго былъ ктитормъ,—ибо не шадилъ для него своихъ сокровищъ: церковь эта представлялась какъ бы земнымъ небомъ. На другой день, архіепископъ снова призвалъ державнаго брата, облеченнаго всѣми знаками царской

своей власти, и весь его сниклеть и, возсѣвъ среди ихъ на престолѣ вмѣстѣ съ кралемъ, преподавалъ народу слово Божіе: онъ внушалъ всѣмъ быть твердыми въ вѣрѣ отеческой и чуждаться ересей, непрестанною молитвою отражать искушенія враговъ невидимыхъ, — и сознаваться въ своихъ заблужденіяхъ, когда кто одержимъ какою либо ересью, чтобы вѣрою и покаяніемъ обратиться къ православію, ибо страшно впасть въ руки Бога живаго.

Внимая сему оглашенію, всѣ засвидѣтельствовали предъ святителемъ, что они вѣруютъ такъ, какъ онъ повелѣваетъ имъ, и исповѣдуютъ такъ, какъ учитъ ихъ. Послѣ сего, святой Савва, со всѣми епископами, приступилъ къ совершенію Божественной литургіи. Когда вошли они въ алтарь и возсѣли на горнее мѣсто для слушанія Апостола — сопрестольникъ Апостольскій, послѣ словъ Евангельскихъ, съ высоты горняго мѣста, сперва самъ во услышаніе всѣхъ исповѣдалъ Символъ Вѣры, потомъ повелѣлъ произнести его самодержцу Стефану, первоначальному кралою, и всѣмъ его вельможамъ, а за ними и всему народу, который, по слову святителя, долженъ былъ повторить его; потомъ троекратно приказалъ всѣмъ громко произносить за собою: „Пріемлемъ всѣ соборы въ различныя времена и въ разныхъ мѣстахъ сошедшихся святыхъ отецъ для утвержденія православной вѣры; отъ кого они отрекались, и мы отрекаемся, — кого проклинали, и мы проклинаемъ. Покланяемся же и цѣлуемъ всечестный образъ человѣческаго насъ ради воплощенія Христа, Слова Божія и Отчаго; поклоняемся и цѣлуемъ образъ Пречистыя Его Матери, и Сію Приснодѣвою и сущою Богородицею исповѣдуемъ; поклоняемся святому древу честнаго Креста и цѣлуемъ его, ибо на немъ, Животъ всѣхъ, пригвоздился Христосъ; поклоняемся Божественнымъ Тайнамъ Христа Бога нашего и, съ вѣрою причащаясь имъ, пріемлемъ не

простой хлѣбъ и вино, а самую плоть Христа Бога нашего и самую святую и животворящую кровь Его, изліянную за животъ міра; покланяемся святымъ Божественнымъ церквамъ и святымъ мѣстамъ, почитаемъ и священныя сосуды покланяемся и образамъ всѣхъ святыхъ угодниковъ Божиихъ, достойно чтимъ ихъ и цѣлуемъ, слѣдуя Апостольскимъ преданіямъ и правиламъ святыхъ отецъ: такъ вѣруемъ и такъ исповѣдуемъ; всѣхъ же еретиковъ и всю ересь ихъ злую проклинаемъ.“

Изъ этого исповѣданія и отреченій видно, противъ какой ереси они особенно были направлены: павликіяне или богомилы въ то время свирѣпствовали въ Болгаріи и, подвигаясь далѣе къ западу, полагали начало протестантству, отвергавшему священное преданіе Церкви. Умилительное было зрѣлище всенароднаго собранія въ храмѣ, гласно исповѣдующаго свою вѣру и обличающаго ересь. Такъ нѣкогда собирались всѣ на Іорданъ къ Іоанну Предтечѣ, когда очищеніе наше, Самъ Господь Іисусъ, крестился посреди грѣшниковъ, чтобы очистить ихъ отъ грѣховъ. Савва, какъ бы другій Предтеча, стоялъ посреди народа и всѣмъ вопіялъ: „покайтесь!“ Стефанъ король, нравомъ вѣтерпѣливый, стоялъ здѣсь кротко, изумлялся неслыханному у нихъ дѣлу братнему и многими слезами покаянія обливалъ помость.

И на третій день Савва созывалъ въ архіепископію синклитъ и народъ, поучалъ всѣхъ правой вѣрѣ, безъ которой не пользуются благія дѣла, внушалъ болѣе всего соблюдать святыя догматы. Преподавъ всѣмъ миръ и благословеніе, онъ отпустилъ короля и благородныхъ его во свояси, а исповѣдавшихъ ересь удержалъ при себѣ въ церкви, для болѣе тщательнаго испытанія: здѣсь не крещенныхъ, огласивъ по чину церковному, сподобилъ онъ святаго крещенія, а державшихъ латинскую ересь, по истинномъ испо-

вѣданіи, утвердилъ въ православіи святымъ муропомазаніемъ. Такъ научилъ онъ дѣйствовать и своихъ епископовъ, а многихъ благочинныхъ пресвитеровъ послалъ по церковной своей области—освятить таинствомъ брака тѣхъ, которые взяли за себя женъ безъ благословенія, хотя бы они были уже въ старости и имѣли дѣтей. Самъ же святой Савва, проходя всю свою землю, утверждалъ въ православіи народъ, очищалъ нравы, возбуждалъ къ покаянію, устанавливалъ церковныя службы и привлекалъ всѣхъ къ соборной Апостольской Церкви, обѣщая имъ милость брата своего крала и отлучая отъ Церкви закоснѣлыхъ еретиковъ.

Царское вѣнчаніе Стефана возбудило зависть въ кралѣ угорскомъ, который не могъ радоваться величію Сербіи и объявилъ ей войну. Смутился Стефанъ, не приготовленный къ брани, и просилъ святаго брата своего идти умиротворить врага. Благодушествовалъ Савва, и, возложивъ упованіе на Бога, смѣло пошелъ въ Венгрію, гдѣ собралось уже много комановъ, чтобы идти на сербскую землю. Съ честію принять былъ Савва, какъ святитель и царскій братъ, но благое слово его сперва не подѣйствовало: какъ непреклонный кипарисъ, не внималъ ему краль; однако упованіе Саввы не ослабѣло. Знойный былъ день: посреди жаркой бесѣды святитель пожелалъ прохладить жажду свою холодною водою; посланъ былъ служитель принести немного льда, но въ великомъ смятеніи возвратился съ вѣстію, что отъ чрезвычайнаго жара ледъ весь растаялъ. Краль огорчился, а святой, поднявъ къ небу преподобныя руки, просилъ Господа, молитвами Богородицы и преподобнаго отца его Симеона, сотворить знаменіе, для обличенія людей ожесточенныхъ, и послать градъ съ небеси, чтобы прохладить народъ. Внезапно, по его молитвѣ, блеснула молнія, прокатился громъ и разсыпался градъ широ-

кою полосою на всю окрестность. Ужаснулся король съ бывшими съ нимъ, и отъ страха взывалъ: „Господи помилуй!“ Потомъ, по слову святителя, страшная буря опять стихла. Савва велѣлъ собрать полный сосудъ града, и сперва самъ вкусилъ отъ него, какъ бы отъ нѣкоего благословенія, потомъ поднесъ королю и сказалъ: „такъ какъ у твоего королевства не было льда, то я испросилъ эту прохладу у Творца времени, и Господь, отъ Своихъ неоскудныхъ сокровищъ, даровалъ мнѣ ледъ, чтобы я могъ подать его и тебѣ въ благословеніе.“

Съ благоговѣніемъ принялъ король подносимый ему даръ Божій и умилился въ своемъ сердцѣ,—и не только онъ, но и всѣ его вельможи съ любовію приходили поклониться святому, прося его быть у нихъ приснымъ гостемъ и простить все сказанное вопреки ему. Всѣ просили его благословенія и цѣловали его власяницу, ибо видѣли въ немъ человека Божія: ради него измѣнили враги прежнюю вражду свою къ Сербіи на твердую любовь. Особенно любилъ святаго Савву король, уважая его, какъ отца своего и учителя, и пожелалъ исповѣдать предъ нимъ всѣ грѣхи своей жизни и свою вѣру, чтобы убѣдиться, въ истинѣ ли онъ пребываетъ. Святитель съ любовію припалъ его покаянію, и внушилъ ему отречься отъ ереси латинской, чтобы затѣмъ держаться уже православія. Послѣ троекратнаго отреченія отъ ереси и исповѣданія вѣры, архіепископъ приобщилъ его святыхъ Таинъ и наставилъ въ добромъ ученіи. Утѣшенный король съ миромъ и благословеніемъ отпустилъ Савву къ брату его Стефану со многими дарами. О королѣ венгерскомъ говорятъ, что онъ до самаго конца своей жизни помнилъ поученіе святаго и сохранилъ православіе, отличаясь истиннымъ смиреніемъ и наипаче любовію къ нищимъ: когда же этотъ блаженный Владиславъ преставился къ Богу, Господь прославилъ его

чудесами. Венгры и донынѣ хвалятся, что имѣютъ у себя мощи святаго и чудодѣйственнаго краля.

Вскорѣ послѣ умиротворенія съ Владиславомъ, Стефанъ краля объять былъ тяжкою болѣзнію: призвавъ брата, онъ молилъ облечь его во святой ангельскій образъ, но блаженный Савва отрекался, говоря, что, когда придетъ время, онъ самъ напомнитъ о томъ: Стефанъ, между тѣмъ, на краткое время получилъ облегченіе. Но едва только архіепископъ возвратился на свою кафедру, какъ болѣзнь опять усилилась, — и тогда братъ снова написалъ ему плачевное посланіе, въ которомъ умолялъ поспѣшить пріѣздомъ, если только хочетъ застать его въ живыхъ. Однако, какъ ни спѣшилъ блаженный Савва, братъ не дождался его, а безъ святаго никто не смѣлъ постричь его, и никому изъ сыновъ своихъ не могъ онъ завѣщать свое царство, говоря: „Не мое оно, а Божіе и потрудившагося о немъ владыки брата моего. Какъ мнѣ сперва дано было оно молитвою его и благословеніемъ, такъ и нынѣ пусть онъ же вручитъ его, кому Богъ наставитъ.“

Дѣти и всѣ вельможи плакали надъ нимъ и приготовлялись къ погребенію, а святаго Савву послали предварить, чтобы онъ не утруждалъ себя спѣшнымъ путемъ, потому что братъ его уже преставился, хотя и не въ иноческомъ образѣ. Оружіе прошло душу святителя, когда услышалъ онъ о кончинѣ братней; сошедши съ быстрого коня, онъ много плакалъ, — но не ропталъ, а взывалъ: „слава Господу о всемъ!“ Но еще болѣе, чѣмъ о кончинѣ, святой Савва скорбѣлъ о томъ, что державный не успѣлъ воспріять иноческаго образа, и жестоко укорялъ себя въ этомъ лишеніи: впрочемъ, не терялъ упованія, но воззвалъ къ Богу отца своего, Господу Іисусу, Который прослезился надъ умершимъ Лазаремъ, воскресилъ его четверодневною, возвратилъ къ жизни сына вдовицы и дочь Іаира,

и молилъ Его съ твердою вѣрою, „чтобы Онъ удержалъ въ тѣлѣ душу раба Своего Стефана только до наступающей ночи, чтобы возможно было ему, по желанію, воспріять ангельскій образъ, утраченный ради его замедленія. Послѣ пламенной молитвы, онъ воскликнулъ: „на Тя, Господи, уповаю, да не постыдимся во вѣки!“—и, сѣвъ на коня, устремился въ путь еще быстрѣе.

Пришедши въ царскія палаты, онъ удалилъ всѣхъ плачущихъ и горькими слезами окропивъ лицо усопшаго, втайнѣ помолился тайновѣдцу Богу, положилъ руку свою на сердце брата и, во имя Святыя Троицы, осѣнилъ его знаменіемъ честнаго креста. Внезапно ощутилъ онъ, что сердце бьется подъ его рукою, и согрѣвается холодное тѣло брата. Возрадовался духомъ Савва, и сказалъ плачущимъ дѣтямъ и народу: „не плачьте и не дѣлайте молвы: не умеръ краль, а спитъ, и душа его въ немъ,“ и, какъ бы возбуждая его отъ сна, говорилъ: „встань, владыка мой, встань!“ Стефанъ открылъ очи свои, объятая смертнымъ сномъ, узналъ святаго, поцѣловалъ его руку и, поддерживаемый имъ, сѣлъ. Святитель немедленно облекъ его въ ангельскій образъ, измѣнивъ царское имя Стефана на иноческое Симеона; потомъ привелъ къ нему старшаго сына его Радослава, повелѣвая передать ему королевство, и краль-инокъ сказалъ: „я вручаю ему царство властію скиптра, а ты — благословеніемъ молитвы.“ Симеонъ цѣловалъ иноческое свое одѣяніе съ любовію, радуясь власяницѣ своей больше, чѣмъ царской багряницѣ. Потомъ архіепископъ пріобщилъ его Вожеественныхъ Таинъ, возблагодарилъ Бога, что Онъ услышалъ молитвы его, говоря: „прими паки, Господи, пріими въ мирѣ душу его, чтобы, чрезъ воздвиженіе его, равно какъ и чрезъ преставленіе, одинаково прославилось святое имя Твое!“ Пока Савва молился, инокъ Симеонъ, въ его объятіяхъ,

предалъ Господу душу свою, въ радости сердечной, такъ что общая печаль превратилась въ радостное изумленіе. Савва, со всеѣмъ священнымъ соборомъ и синклитомъ, проводили тѣло усоншаго до великой Студеницы, и тамъ положилъ его близъ гроба святаго родителя *).

8. Странствованія Саввы во святую землю.

Послѣ преставленія первовѣщаннаго краля, святой архіепископъ вѣнчалъ на царство и старшаго сына его Радослава, въ кафедральной своей церкви Житчахъ, и, утвердивъ въ рукахъ его скипетръ сербской земли, самъ недолго остался съ нимъ. Давно уже было у него сердечное желаніе посѣтить святую землю и поклониться мѣстамъ, гдѣ совершились страданія Христовы. Напрасно удерживали его краля, епископы и вельможи: они принуждены были, наконецъ, отпустить его въ долгій путь, въ надеждѣ на его возвращеніе. Радославъ, готовый уступить ему и весь царскій свой домъ, далъ ему много золота. Сперва святи-тель направился въ Далматію, а оттуда моремъ, на своемъ кораблѣ, во святую землю; благополучно достигъ восточныхъ предѣловъ и, вошедши во святой градъ, со слезами облобызалъ святой гробъ Христовъ и страшную Голгоу. Въ Іерусалимѣ съ честію принялъ его патріархъ Аванасій и вмѣстѣ съ нимъ служилъ Божественную литургію въ великомъ храмѣ Воскресенія. Потомъ, съ патріаршаго благословенія, странствовалъ онъ по всей его области, и вездѣ на святыхъ мѣстахъ совершалъ литургію: на Сіонѣ, въ Виелеемѣ, Геосиманіи, на Елеонѣ, въ Виѳаніи, въ великой пустынѣ Четырехдесятницы, и вездѣ раздавалъ обильную милостыню. Затѣмъ пошелъ онъ на Іорданъ, на мѣ-

*) 1224 г. сентября 24. см. «Святые южныхъ славянъ». Филарета архіеп. Черниг.

сто Богоявленія и, по ту сторону его, поклонился пещерной церкви святаго Крестителя, гдѣ былъ принять съ любовію отъ всей братіи, совершилъ Божественную службу, и далъ милостыню пустынникамъ. Они проводили его опять чрезъ Іорданъ въ обитель святаго Герасима, а оттуда въ великую лавру тезоименитаго ему Саввы, гдѣ нѣсколько отдохнулъ онъ отъ трудовъ своихъ. Въ лаврѣ братія вручила ему пастырскій жезлъ своего аввы, по древнему завѣщанію, переходившему у нихъ изъ рода въ родъ, — чтобы жезлъ сей отданъ былъ не кому иному, какъ святителю, носящему имя Саввы: посохъ этотъ до сихъ поръ хранится въ одной пустынной келліи Аѳона, называемой Патерица *).

Не уклонился онъ также и отъ посѣщенія пустыни и всѣхъ мѣстъ, ознаменованныхъ страдальческими подвигами освященнаго Саввы и всѣхъ преподобныхъ, постившихся около его лавры, и пустился по юдоли плачевной къ Мертвому морю, заходилъ въ пещерныя келліи молчальниковъ, жившихъ какъ бы уже внѣ плоти, умилялся ангельскому ихъ житію и наслаждался духовною бесѣдою: обогатив-

*) Такъ передаетъ объ этомъ жезлѣ и авторъ писемъ съ Востока: «я нашелъ въ малой церкви Преображенія, св. Саввою основанной при келліи (это другая его келлія на западѣ близъ Карен) патерицу его, которую заповѣдалъ всегда тамъ хранить, отъ чего и самая келлія прозвалась Патерицею. Умилятельно преданіе объ этой патерицѣ. Св. Савва Освященный Палестинскій, употребилъ ее вмѣсто пастырскаго жезла и умирно завѣщалъ ученикамъ отдать ее только соименному ему пришельцу, который, по прошествіи многихъ лѣтъ, посѣтитъ плачевную юдоль. Прошло семь столѣтій, и не явился достойный понести посохъ Освященнаго; и вотъ однажды приходитъ въ лавру инокъ, убогій съ виду, хотя и царскаго рода, и къ его ногамъ сама собою падаетъ патерица. Изумленная братія спрашиваетъ о его имени и узнаетъ въ немъ того Савву, коему искони предопредѣленъ былъ посохъ блаженнаго ихъ отца. Царевичъ Сербскій взялъ его съ собою на Аѳонъ и, отходя самъ на святительскую яжедру своей родины, хотѣлъ, чтобы пустынный посохъ всегда оставался въ его пустынной келліи. И что же? — не смотри на частыя заустѣнія горы Аѳонской, патерица сія доселѣ остается въ убогой церкви, гдѣ даже рѣдко бываетъ богослуженіе, потому что два старца Греческіе, нанймающіе себѣ келлію святаго Саввы для жительства, уже не въ силахъ совершать литургіи; а между тѣмъ основанная имъ лавра Хиландарская, не смѣетъ нарушить его заповѣди и взять посохъ» (Часть I. стр. 114).

шись же молитвами ихъ, возвратился онъ въ лавру, которую одарилъ больше всѣхъ монастырей. Святой Савва не миновалъ и пустынной лавры великаго Евѳимія и обители Θεодосія Киновіарха, и такимъ образомъ совершилъ весь пустынный обзоръ вокругъ Сіона. Изъ Іерусалима отправился онъ въ Назаретъ и на Өаворъ, потомъ опять возвратился въ святой градъ, гдѣ съ любовію былъ встрѣченъ патріархомъ: всѣ удивлялись постническимъ его трудамъ. Въ свободное время совѣщался онъ съ Аѳанасіемъ о правилахъ церковныхъ и, научая другихъ, учился самъ. Въ Іерусалимѣ и въ окрестныхъ обителяхъ, пріобрѣлъ онъ много святыхъ мощей и священной утвари, на благословеніе своему отечеству, и опять совершивъ Божественную службу въ великой церкви, вмѣстѣ съ патріархомъ, пустился въ дальнѣйшій путь *).

Окормляемый Богомъ, святитель благополучно отплылъ изъ Авры и достигъ Nikeи. Греческая держава тогда раздѣлилась на-двое: въ Солуни царствовалъ Θεодоръ Ангель, который впоследствии взятъ былъ въ плѣнъ и ослѣпленъ болгарскимъ царемъ Асаномъ; а въ Nikeи тридцать пять лѣтъ мощною рукою держалъ скипетръ Кало-Іоаннъ Ватацій, и это продолжалось почти до освобожденія Царьграда. Ватацій съ великою честію принялъ святаго Савву и многіе дни держалъ у себя чтимаго всѣми святителя. Императоръ благословилъ его честнымъ древомъ креста Господня, святыми мощами, драгоценною утварью, и на вооруженныхъ судахъ со многими дарами отпустилъ на Святую гору. Царское и свое собственное золото блаженный Савва щедрою рукою расточалъ по обителямъ, гдѣ съ необычайною любовію встрѣченъ былъ опять Протомъ, игуменами и всею братією. Долгое время пробылъ онъ въ

*) Архимандритъ Леонидъ относитъ первое путешествіе св. Саввы въ Палестину къ 1225—1230 гг. См. Правосл. Палестинскій сборникъ, вып. 5. Сиб. 1884.

Хиландарѣ, поклонился упраздненному гробу отца своего и направился въ Солунь: тамъ съ равною почестью принять былъ другимъ императоромъ — Θεодоромъ, который желалъ соблюсти миръ съ сербскою землею. Когда достигла вѣсть къ сербскому кралоу Радославу, о возвращеніи дяди его, — самъ онъ со всѣми присными выѣхалъ къ нему далеко навстрѣчу, и оба возрадовались вождельному свиданію.

Тотчасъ по пріѣздѣ, святой Савва поспѣшилъ въ лавру Студеницы — поклониться гробу отца своего, облагодухаться муромъ его и умаститъ имъ труженическіе свои члены. Отдохнувъ отъ дальняго пути, призвалъ онъ епископовъ и игуменовъ, въ день памяти первовѣнчаннаго краля, чтобы совершить божественную службу, и, открывъ гробъ, обрѣлъ мощи его нетлѣнными, причемъ церковь исполнилась благоуханія. Тогда поднялъ прославленное тѣло почившаго и изъ лавры перенесъ его въ великую соборную церковь, созданную имъ въ Житчахъ: тамъ опять совершилъ божественную службу и, устроивъ трапезу на поминовеніе души его, щедро угостилъ нищихъ. Потомъ обошелъ онъ всю сербскую землю, всѣхъ утверждалъ въ вѣрѣ, а въ обителяхъ исправилъ иноческіе уставы, по образцу аеонскихъ и палестинскихъ. Богатымъ міра сего апостольски внушалъ не высокоумрствовать и, болѣе нежели на свои богатства, уповать на благія дѣла, не забывая, что и они изъ той же персти, какъ и убогіе; воиновъ, по слову Крестителя, убѣждалъ удерживаться отъ обидъ и неправеднаго хищенія; всѣхъ возбуждалъ къ любви христіанской и призрѣнію нищихъ, всѣхъ призывалъ къ покаянiю, къ милованію сиротъ и вдовиць, къ искупленію плѣнныхъ, къ уваженію духовныхъ лицъ и святыни, — и такою проповѣдію просвѣщалась вся земля сербская.

Между тѣмъ, лестію діавольскою, снова возникли между-

усобія единокровныхъ: меньшій братъ Владиславъ возсталъ на старшаго, ибо краль Радославъ, вначалѣ всѣми хвалимый, впоследствии предался женской любви и началъ дѣйствовать безразсудно: вельможи его, избѣгая гоненій, передавались меньшему брату, — и святой Савва, сколько ни старался умиротворить братьевъ, не могъ достигнуть этой благой цѣли. Радославъ былъ изгнанъ, и бѣжалъ въ городъ Драчи (Диррахіумъ), гдѣ вскорѣ лишился обольстившей его жены, которую, ради ея красоты, отнял у него одинъ сильный франкскій властитель того города. Самъ Радославъ едва спасся отъ смерти бѣгствомъ и укрылся подъ сѣнь святаго дяди, который убѣдилъ его принять ангельскій образъ. Послѣ краткаго подвига въ иночествѣ, инокъ Іоаннъ, бывшій краль Радославъ, мирно преставился ко Господу. Тогда святитель благословилъ и вѣнчалъ на царство меньшаго племянника Владислава, который хотя и незаконно принялъ въ началѣ власть, но оправданъ былъ потомъ судьбами Божиими. Это было въ 1230 году. Савва обручилъ его съ дочерью краля болгарскаго Асана, чтобы этимъ брачнымъ союзомъ еще болѣе утвердить престолъ сербскій.

Однимъ изъ первыхъ дѣяній Владислава было созданіе новой обители, называемой Милешево, во имя Возпесенія Господня, ибо онъ былъ во всемъ послушенъ святителю и припималъ съ любовію каждое его слово, какъ бы посланное ему свыше отъ Бога. Радовался святой Савва духовному процвѣтанію земли сербской, украшавшейся благочестіемъ и храмами Божиими, — радовался, что не тщетны были труды его. Между тѣмъ видя, что уже совершилъ свой подвигъ, пожелалъ онъ исполнить давнее желаніе своего сердца окопчить дни свои странникомъ въ землѣ чужой. Эту тайную свою мысль Савва открылъ Владиславу, и, хотя краль и присные его не хотѣли и слы-

шать о такой разлукѣ, однако не могли побѣдить твердаго его намѣренія. Савва объявилъ имъ, что хочетъ идти на гору Синайскую и потомъ, возвратившись къ нимъ, пребывать въ безмолвіи. Созвавши всѣхъ епископовъ, онъ еще однажды училъ ихъ твердо держаться преданій Апостольскихъ, предъ всѣми свидѣтельствовать истину и внимать стаду, которое предалъ имъ Господь. Въ кафедральной своей церкви, предъ всѣмъ соборомъ и синклитомъ, избралъ онъ на свое мѣсто одного изъ учениковъ своихъ, іеромонаха Арсенія, котораго испыталъ какъ мужа преподобнаго и богобоязненнаго, рукоположилъ его во епископа и, поставивъ на архіерейской своей кафедрѣ, поручилъ его любви самодержца; потомъ преподавъ всѣмъ прощальное благословеніе и послѣднее о Христѣ цѣлованіе, и снова взявъ страннической свой посохъ, чтобы идти въ дальній и невозвратный путь.

Святитель опять отплылъ Адриатическимъ моремъ въ Палестину *), а между тѣмъ разнеслась молва, будто онъ везетъ съ собою много сокровищъ, и, скрывавшіеся въ заливахъ, морскіе разбойники хотѣли было схватить его; но Господь покрылъ мглою корабль угодника Своего и такимъ образомъ спасъ его отъ хищниковъ, которые увидѣли его уже въ безопасной пристани бриндской **). Тогда, принявъ на себя личину раскаянія, они вышли на берегъ къ святому, исповѣдывали предъ нимъ злое свое намѣреніе и просили молитвъ его. Незлобивый Савва принялъ ихъ великодушно, какъ бы сострадавая напрасному труду ихъ, и, надѣливъ ихъ дарами, безбоязненно пустился опять въ морское плаваніе. Послѣ нѣсколькихъ дней, поднялась страшная буря, вѣтры бушевали, волны вливались въ ко-

*) Второе путешествіе св. Саввы архимандрита Леонидъ относятъ къ 1233—1237 гг. см. Правосл. Палестина. Сборникъ, вып. 5. Сиб. 1884.

**) Нынѣ Бриндизи.

рабль, и на море палъ сумракъ ночной: руки корабельщиковъ опустились, и самъ кормчій отчаялся въ спасеніи; такую тяжкую скорбь навелъ Господь на Своего избранника, испытуя его любовь и вѣру. Тогда всѣ бывшіе на кораблѣ приступили къ святому и говорили: „погибаемъ, отче, и надѣемся спастись только твоими молитвами!“ Но святой отвѣчалъ имъ: „чада моя, молитесь вмѣстѣ со мною Тому, Чье мы созданіе, ибо я человѣкъ грѣшный, и эта пагуба постигла васъ ради меня.“ Однако они еще сильнѣе зывали: „помилуй насъ, отче, мы приходимъ въ отчаяніе,“ — и, припадая къ ногамъ его, умоляли испросить имъ милосердіе у Господа. Тогда святитель Божій повелѣлъ имъ прекратить плачь и втайнѣ, безмолвною молитвой, молиться о себѣ и о бывшихъ съ ними на кораблѣ. Потомъ приказалъ онъ своимъ ученикамъ поднять себя и держать, ибо стоять отъ морскаго волненія было невозможно, а людямъ на кораблѣ зывать: „Господи помилуй!“ — и началъ пламенно молиться Тому, Кто, нѣкогда возбужденный среди бури Своими учениками, запретилъ морю и вѣтрамъ. Вслѣдъ затѣмъ, съ великимъ дерзновеніемъ къ Богу, простеръ онъ руки противъ вѣтра и высоко воздымавшихся волнь, и, осѣнивъ ихъ знаменіемъ креста, запретилъ имъ именемъ Творца стихій: тогда, при имени Господа Иисуса, вѣтры и море внезапно унялись, волны въ немъ сокрушились, и снова просіяло солнце. Послѣ сего, бывшіе на кораблѣ въ ужасѣ прославили Бога и Его угодника, а святой смиренно относилъ это чудо къ ихъ молитвамъ, и внушалъ имъ исправить свою жизнь.

Достигнувъ акрской пристани, святитель водворился на покой близъ церкви святаго Георгія, на подворьѣ лавры святаго Саввы Освященнаго, которое, во время перваго своего путешествія, выкупилъ изъ рукъ франковъ и возвратилъ лаврѣ. Жители города, услышавъ отъ корабель-

щиковъ о совершенномъ чудѣ, приходили посмотрѣть на челоуѣка Вожія и принять его благословеніе. Изъ Акры, чрезъ Кесарію и Яффу, достигъ онъ опять святаго града, и тамъ остановился въ своей обители, въ домѣ Іоанна Богослова, который выкупилъ также изъ рукъ сарацинскихъ. Вмѣстѣ съ игуменомъ и лаврскою братіею святаго Саввы, вошелъ онъ въ свѣтлый храмъ Воскресенія и поклонился святой Голгоѣ и всеѣмъ мѣстамъ страданія Господня, проливая радостныя слезы. Патріархъ іерусалимскій Аванасій, услышавъ о вторичномъ пришествіи знакомаго ему святителя, поспѣшилъ въ храмъ, привѣтствовалъ его и пригласилъ къ себѣ на трапезу. Приходу его обрадовались все нищія святаго града и все устремились къ нему, какъ бы къ отцу своему: тутъ опять обильно потекла его милостыня во все обители.

Принявъ благословеніе отъ патріарха, направился онъ въ Александрію, гдѣ съ усердіемъ поклонился храму Евангелиста Марка, и съ честію принять былъ патріархомъ, который давно ожидалъ его. Въ дружеской съ нимъ бесѣдѣ, узнавъ: какого отца онъ сынъ, какъ оставилъ свой престоль и отплылъ путникомъ ко святымъ мѣстамъ, ради любви Христовой, патріархъ дивился подвигу его и сблизился съ нимъ въ чувствѣ святой любви. Оба святителя много бесѣдовали другъ съ другомъ о дѣлахъ духовныхъ и разстались со взаимными дарами. Святой Савва пожелалъ видѣть отшельниковъ пустыни египетской, надѣясь встрѣтить въ ней такихъ же подвижниковъ, какіе бывали тамъ искони, и патріархъ отпустилъ съ нимъ опытныхъ мужей, чтобы удовлетворить благочестивой жадѣ его. Помолившись въ великомъ городѣ Александріи, въ церкви безсребренныхъ Кира и Іоанна и мученика Мины, Савва пошелъ въ пустынный путь свой, на край Ливіи и въ Мареоту, — подивиться ангельскому жительству молчальниковъ

и обогатиться духовною ихъ бесѣдою: прошелъ онъ всю пыстню скитскую и проникъ во глубину Өиваиды, гдѣ, какъ солнечные лучи, просіявалъ священный сонмъ ихъ; всѣ пустынники сдѣлались участниками щедрой его милостыни.

Послѣ сего Савва возвратился въ Іерусалимъ и предпринялъ новое странствованіе въ Вавилонъ, чтобы оттуда пройти на Синайскую гору. Миновавъ пустыню іорданскую, успокоился онъ въ обители Богоматери Каламони, гдѣ Сама Пречистая Дѣва, съ предвѣчнымъ Своимъ Младенцемъ и обрученникомъ Іосифомъ, отдыхала во время бѣгства въ Египеть. Оттуда отправился онъ въ замокъ Каракъ, или аравійскую Петру, на южной оконечности Мертваго моря и, по трудномъ шествіи чрезъ пустыню, достигъ наконецъ Вавилона (египетскаго). Онъ послалъ учениковъ своихъ къ владѣвшему тѣмъ краемъ султану—просить себѣ дома для жилища и, хотя этотъ сарацинскій властитель враждебенъ былъ христіанамъ, однако смирился предъ нимъ, какъ бы объятый невольнымъ страхомъ, и велѣлъ приготовить ему приличное жилище. Въ церкви трехъ вавилонскихъ отроковъ, съ любовью принятыихъ христіанскимъ митрополитомъ, святой Савва вмѣстѣ съ нимъ представился султану, который встрѣтилъ его съ особенною честью, велѣлъ удовлетворить всѣмъ его нуждамъ и проводить со всею безопасностію къ египетскому султану, въ Каиръ. И этотъ властитель принялъ его также благоклонно, назначивъ ему для пребыванія древнюю митрополию, гдѣ Матерь Божія три года пребывала съ предвѣчнымъ Младенцемъ въ Египтѣ.

Утѣшенный пришествіемъ святаго Саввы, дивился митрополитъ Каира, какими почестями осыпалъ его султанъ, еще никому изъ христіанъ до того времени такъ не благопріятствовавшій. Испросивъ себѣ благословеніе у митро-

полита старца-инока, Савва углубился опять въ пустыню, посѣтилъ обители великихъ подвижниковъ Антонія и Арсенія, и со слезами любви привѣтствовалъ вольныхъ страдальцевъ, спасавшихся тамъ по слѣдамъ святыхъ отцевъ. Египетскій султанъ, узнавъ, что святитель хочетъ посѣтить Синайскую гору, ради царскаго его рода, послалъ къ нему своихъ вельможъ, съ богатыми дарами индійскихъ ароматовъ и финиковъ, коней для пути и охранную стражу. Вельможи сарацинскіе съ благоговѣніемъ прикасались къ его одеждѣ и говорили, что еще никто подобный ему не приходилъ къ нимъ изъ христіанъ, и что во истину это—человѣкъ Божій. Благополучно достигнувъ Синая, онъ поклонился мѣсту Неопалимой Купины. Епископъ синайскій, заступавшій мѣсто игумена, любезно принялъ его и повелъ на вершину горы, гдѣ бесѣдовалъ Господь съ Моисеемъ. Въ обители пустынной святой Савва провелъ всю четырехдесятницу, въ строгомъ подвигѣ, и всякую субботу восходилъ на вершину священной горы, совершая тамъ всенощное бдѣніе, къ утру же возвращался въ обитель Преображенія, къ Божественной службѣ.

Въ эту великую лавру пожертвовалъ онъ много золота, записавъ въ синодикъ ея имена своихъ присныхъ, родителей и братій, и благополучно возвратился оттуда въ Іерусалимъ. Тамъ, въ послѣдній разъ, отслужилъ Божественную литургію, въ храмѣ Воскресенія, усердно помолился о царяхъ христіанскихъ и о Церкви Господа надъ его гробомъ, и, съ обильными слезами облобызавъ святой гробъ и Голгоѳу, простился съ патриархомъ Аѳанасіемъ. Изъ Іерусалима святой Савва направился въ великую Аптіохію, гдѣ также встрѣченъ былъ съ любовію патриархомъ, и много бесѣдовалъ съ нимъ о дѣлахъ церковныхъ. Съ людьми патриаршими посѣтилъ онъ обитель святаго Симеона Дивногорца, и поклонился его гробу. Много

даровъ оставилъ святой Савва въ Антиохіи, а патріархъ, съ своей стороны, одарилъ его мощами святыхъ. Потомъ прошелъ онъ всю Арменію и, чрезъ предѣлы турецкіе, опять достигъ берега морскаго, чтобы плыть въ Царьградъ.

9. Преставленіе святаго Саввы.

Это было послѣднее странствованіе святаго Саввы. Отъ многихъ трудовъ и морскаго плаванія болѣзнь одолѣла его, и негдѣ было ему выдти на берегъ, чтобы получить хоть какую-нибудь ослабу; душа его была близъ смерти, и ученики недоумѣвали, что имъ дѣлать. Со слезами приступили они къ болящему и говорили: „теперь, какъ и всегда, Богъ послушаетъ тебя; такъ помолись Ему, по крайней мѣрѣ ради насъ, о спасеніи твоей жизни, пока мы не достигнемъ какой-либо знакомой земли, и ты не изведешь насъ, отче, изъ этой пучины къ вѣрнымъ людямъ: вѣдь если не будетъ тебя съ нами, насъ продадутъ въ рабство иноплеменнымъ, или, ради несомато нами богатства, бросятъ въ пучину!“ — „Не скорбите, чада, и не унывайте,“ сказалъ имъ святой: „уповаю на Бога, что ни одна изъ представляемыхъ вами бѣдъ не коснется насъ.“ При этомъ ученики умоляли его обрадовать души ихъ и вкушеніемъ пищи, чтобы не умереть ему отъ многодневнаго голода. Но все, что ни подносили они болящему, не было ему по вкусу; одно только, казалось, могло бы быть ему полезно, — пища свѣжая: однако, когда ученики начали просить о томъ начальника корабля, онъ грубо укорилъ ихъ за безразсудное прошеніе, ибо корабль быстро несся по волнамъ и ни откуда не было видно берега.

Этотъ суровый отвѣтъ корабельщика передали они Саввѣ, и онъ отвѣчалъ: „воля Господня да будетъ о мнѣ!“

Въ эту минуту, подыавшаяся волна выплеснула на корабль, къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ труженикъ, большую рыбу, нисколько не обрызгавъ его плескомъ. Онъ съ умиленіемъ принялъ даръ, посланный ему отъ Бога, и велѣлъ приготовить свѣжую пищу, не только для себя, но и для всѣхъ бывшихъ на кораблѣ. Изумился начальникъ судна и, припавши къ ногамъ святаго, просилъ прощенія за суровое слово, чтобы благополучно довершить плаваніе. Вкушеніе свѣжей пищи внезапно укрѣпило силы болящаго, такъ что уже незамѣтно было въ немъ никакого разслабленія; окрыляемый Богомъ, переплылъ онъ великую пучину и достигъ царствующаго града. Тамъ, поклонившись святымъ церквамъ, отдохнулъ въ обители Эвергетиссы, собирая для своей земли святыя мощи и церковныя сосуды. Такъ окончилъ Савва свое странствованіе, обтекши какъ бы на крыліяхъ всю Палестину, Сирію и Персію, Вавилонъ, Египеть и Анатолю, повсюду посѣщая святыя мѣста, вездѣ отыскивая великихъ старцевъ, съ которыми могъ бы духовно побесѣдовать, и собирая священные останки святыхъ.

Изъ Царьграда отплылъ онъ опять на кораблѣ въ загорскую землю, потому что хотѣлъ видѣть свата своего Асана, краля болгарскаго, котораго дочь была за племянникомъ его Владиславомъ. Изъ приморскаго города Месемвріи подалъ онъ вѣсть о себѣ Асану, и краль немедленно прислалъ дружину свою, слугъ и коней, чтобы безопасно довести святителя до столичнаго города Тырнова. Въ Тырновѣ державный съ любовію встрѣтилъ его и, ради тогдашней стужи, помѣстилъ въ теплыхъ своихъ палатахъ. Насталъ свѣтлый праздникъ Богоявленія: краль и блаженный патріархъ болгарскій Іоакимъ пригласили его освятить воду въ навечеріи, а патріархъ долженъ былъ совершить это освященіе на утро. Святой Савва охотно согласился на это, и когда прочиталъ надъ крещальницею мо-

литвы освященія, да крестообразно благословилъ воду, она трижды разступалась въ купели подъ его рукою, и опять трижды чуднымъ образомъ соединялась подъ нею. Окропивъ краля и всѣ его палаты въ самый день Богоявленія, святитель сербскій, вмѣстѣ съ патриархомъ, участвовалъ въ царской трапезѣ.

Вскорѣ послѣ сего Асанъ собрался на охоту въ нижніе предѣлы Болгаріи, и просилъ святаго пробить у него до свѣтлаго праздника, ради зимней стужи, причемъ заловѣдалъ своимъ, чтобы въ царскихъ палатахъ все было къ его услугамъ. По отшествіи краля, святителя постигла болѣзнь: онъ почувствовалъ, что это уже Божіе призваніе, и поручилъ своимъ ученикамъ, изъ всей принесенной имъ съ Востока святыни и драгоцѣнной утвари, одну часть отнести въ его архіепископію, а другую въ лавру Студеницы. Съ ними же Савва послалъ миръ и благословеніе кралю Владиславу, намѣстнику своего престола — архіепископу Арсенію, и всему народу земли своей, при грамотахъ, а самъ остался только съ немногими избранными. И въ патриархію болгарскую далъ онъ священныя одежды и книги, окованные золотомъ, богато украшенныя свѣщники и сосуды церковныя, которые долго сохранялись тамъ на память святителя; ущедрилъ онъ и нищихъ, не оставляя ничего у себя, чтобы облегчиться въ дальній путь, и благодарилъ Бога, что Онъ исполняетъ желаніе его предать душу въ странѣ чужой.

Въ эти дни приходитъ къ нему патріахъ Іоакимъ и, видя его уже при послѣднемъ издыханіи, предлагаетъ ему послать вѣсть къ кралю; но святой не хотѣлъ утрудить державнаго, который и безъ того довольно уже благодѣтельствовалъ ему своею милостію, даже просилъ и самого патриарха оставить его наединѣ, чтобы могъ онъ въ тишинѣ предать душу свою Господу; послѣ сего они дали другъ другу взаимное во Христѣ цѣлованіе, и па-

тріархъ удался. Въ полночь на воскресенье причастившись Божественныхъ Таинъ, Савва произнесъ то же самое, что любилъ повторять всегда: „Слава Богу о всемъ!“ и возвеселился духомъ, какъ будто пришелъ къ нему кто-либо изъ присныхъ его; духовная эта радость была свидѣтельствомъ приближенія къ нему Ангеловъ Божіихъ, ибо лицо его сіяло несказаннымъ свѣтомъ, выражая душевную чистоту. Такъ до конца благодаря Господа, Савва предалъ въ руки Его святую свою душу; это было двѣнадцатаго января 1237 года *). Блаженный Іоакимъ патріархъ, съ епископами своими, игуменами и начальниками города, недоумѣвали, гдѣ погребсти его, ибо святитель не оставилъ объ этомъ никакого завѣщанія. Необходимо было послать спросить Асана, и онъ сильно огорчился на патріарха, что не извѣстили его о болѣзни святаго мужа. Краль велѣлъ положить его въ великой церкви Сорока Мучениковъ, которую самъ соорудилъ въ своей столицѣ, и, по любви къ усопшему, роздалъ много милостыни нищимъ; потомъ, возвратившись съ охоты, Асанъ, прежде чѣмъ вступилъ въ царскій свой домъ, пришелъ поклониться гробу святаго, благодаря Господа, что Онъ сподобилъ обитель его столь великаго сокровища. Немедленно велѣлъ онъ украсить мраморомъ гробницу святителя, покрыть ее багрянцею и поставить сверху драгоценный свѣщникъ, являя ему по смерти ту же любовь, какую питалъ къ нему во время жизни его.

По прошествіи года, преемникъ святительскаго престола, архіепископъ Арсеній, поболѣлъ за святаго отца своего и учителя предъ благочестивымъ кралемъ Владиславомъ и сказалъ ему: „Странно и неприлично, предъ Богомъ и людьми, оставлять намъ святаго отца нашего, равноапостольнаго, отъ Христа дарованнаго намъ учителя,

*) Въ «Лѣтописи» архим. Арсенія годъ кончины св. Саввы указанъ 1235 (изд. 2, Спб. 1880, 467).

который подъялъ столь великіе подвиги и труды о землѣ сербской и украсилъ ее церквами, кралевствомъ, престоломъ архіепископскимъ и всѣми законами православія, и допустить, чтобы святыя мощи его пребывали внѣ своего отечества и престола. На тебѣ лежитъ забота—всѣми силами стараться перенести ихъ изъ чужой земли въ свою.“ Возрадовался краль предложенію святителя и послалъ почетнѣйшаго изъ своихъ вельможъ къ тестю своему кралю Асану, съ прошеніемъ возвратить ему тѣло святаго Саввы. Асанъ огорчился и отвѣчалъ: „если бы святое тѣло его лежало у насъ безчестно и небрежно, праведно было бы просить его, для подобающей ему почести; но такъ какъ усопшему въ Бозѣ воздается у насъ такая же почеть, какая была бы и у васъ, что видите вы сами, и покоится онъ въ храмѣ Божіемъ, то для чего утруждаете насъ и святаго напрасною просьбою?“ Съ такимъ словомъ отпустилъ онъ посланныхъ.

Потомъ Владиславъ прислалъ къ тестю своему еще большее число благородныхъ мужей и умолялъ его: „если я обрѣлъ предъ тобою благодать, не затвори предо мною отеческой утробы и не оставь меня погруженнымъ въ глубокую скорбь,—даруй мнѣ святыя мощи отца моего и учителя, для возвращенія ихъ въ родную землю!“—Недоумѣвалъ краль болгарскій, что ему дѣлать; ибо не хотѣлъ лишить царства своего столь великой святыни, тѣмъ болѣе, что положилъ ее въ царской своей обители; призвалъ онъ на совѣщаніе патріарха и вельможъ, но всѣ они единоголосно воспротивились прошенію сербскому, и говорили, что весь городъ Тырновъ вознегодуетъ, если ты удовлетворишь оному. Тогда краль Асанъ написалъ слѣдующее утѣшительное письмо къ зятю своему Владиславу: „Если Господу угодно было, чтобы святитель упокоился въ нашихъ предѣлахъ, столь же вѣрныхъ Христу, то кто же я, чтобы воспротивиться волѣ Божіей? и какъ дерзну потревожить

гробъ и святыя мощи, когда святой ничего не заповѣдалъ предъ смертію о своемъ перенесеніи?—Все, что изволишь просить у меня, сынъ мой, исполню съ радостію, но перестань понуждать меня къ тому, что исполнить невозможно, ибо патріархъ, вельможи и весь городъ воспрещаетъ это.“

Владиславъ видя, что тесть его неумолимъ, а между тѣмъ опасаясь укоризны отъ своихъ людей и гнѣва Божія, за отчужденіе приснаго святителя, рѣшился самъ идти къ тестю, съ своими епископами и благородными мужами, а напередъ послалъ вѣстниковъ, которымъ ввѣрилъ много золота, для патріарха и царскихъ совѣтниковъ, чтобы они расположили краля внять его просьбѣ. Далекъ вышелъ на встрѣчу зятю своему Асанъ и прицалъ его съ великою честію; но Владиславъ, прежде чѣмъ взойти въ палаты царскія, просилъ позволенія, со всѣми своими, поклониться гробу сербскаго святителя въ обители Тырновской. Проливая горячія слезы и ударяя челомъ о землю, онъ молилъ святаго простить ему согрѣшенія, если чѣмъ оскорбилъ его. „Знаю отче,“ взывалъ онъ, „знаю, что мое согрѣшеніе было первою виною твоего бѣгства и возбранило тебѣ преставиться въ своемъ отечествѣ, а, быть можетъ, оно же ожесточаетъ теперь и краля, чтобы не возвратить намъ своего сокровища: но умилосердись нынѣ, презри грѣхи мои и, хотя я недостойнъ нарещисъ сыномъ твоимъ, не отринь однако дитяти брата твоего и прими покаяніе исповѣдующаго грѣхи свои предъ тобою; призри на мою скорбь и трудъ тебя ради, вонми вѣрѣ моей и не оставь своего отечества, для котораго ты столько подвизался и подъялъ безчисленныя болѣзни,—не облеку меня стыдомъ, оставаясь въ чужой сторонѣ. Твоими молитвами къ Богу наставь державнаго исполнить мое прошеніе о тебѣ, чтобы не возвратился я безъ всякой надежды, какъ бы прогнанный, не имѣя тебя съ собою.“

Такъ молился Владиславъ надъ гробомъ, и глаза его опухли отъ слезъ, когда былъ онъ позванъ къ кралою на торжественную трапезу. Въ наступившую затѣмъ ночь, въ сонномъ видѣніи, предсталъ кралою Асану, въ образѣ святаго Саввы, Ангелъ Божій и повелѣлъ ему отпустить мощи его въ землю людей своихъ. Краль ужаснулся и, призвавъ патриарха и вельможъ, рассказалъ имъ свое видѣніе: тогда уразумѣли они посѣщеніе Божіе и совѣтовали кралою, во избѣжаніе бѣдъ, отпустить тѣло святаго. Послѣ сего краль призывалъ зятя своего, со всѣми его епископами и вельможами, и хотя опечаленъ былъ усердною ихъ просьбою о возвращеніи святыхъ мощей, но, утрашенный бывшимъ явленіемъ, отпустилъ мощи святаго Саввы въ Сербію, какъ нѣкое благодатное сокровище, говоря: „хотѣлъ я удержать у себя въ обители дарованнаго Богомъ мнѣ святаго мужа, и украсилъ честный гробъ его, надѣясь, что мощи его никогда не будутъ изнесены отсюда; но такъ какъ ты самъ, съ высоты твоего престола, пришелъ ко мнѣ, отцу твоему, ходатайствовать о святыхъ мощахъ, то не хочу сына моего отпустить скорбнымъ; возьми же отца своего и владыку и отнеси въ землю свою, какъ самъ знаешь.“

Владиславъ, не ожидавшій столь скорого разрѣшенія отъ своего тестя, въ радостномъ изумленіи, палъ предъ нимъ на землю, ибо въ самомъ дѣлѣ глубоко чувствовалъ, что умилосердившійся краль этимъ благодатнымъ даромъ обогатилъ его свыше всѣхъ царскихъ сокровищъ: радостна была для него свѣтлая трапеза въ палатахъ тырновскихъ. Приготовивъ все нужное для подъятія святыхъ мощей изъ нѣдръ земныхъ, Владиславъ пригласилъ епископовъ своихъ совершить надъ ними поминовеніе въ храмѣ, гдѣ они долго почивали, и, когда открыли гробъ, нашли святителя въ совершенномъ нетлѣніи, какъ бы спящаго: благоуханіе ароматнаго мұра разлилось по всему храму, а еще болѣе мұра

потекли исцѣленія — не только отъ святыхъ мошей, но и отъ самаго мѣста, гдѣ онѣ лежали. Граждане тырновскіе толпами устремились къ святому — получать врачеваніе своихъ недуговъ, ибо великая сила исходила отъ него: духи нечистые бѣжали, разслабленные укрѣплялись, хромы ходили, глухіе слышали. Тѣ, которые отъ безчисленнаго стеченія народа, не могли приблизиться къ самымъ мощамъ, во освященіе домовъ своихъ, съ вѣрою брали персть отъ его могилы, и роптали на своего краля, зачѣмъ уступаетъ онѣ такое сокровище. Смутился Владиславъ, опасаясь, какъ бы опять не ожесточилось сердце тестя его; и велѣлъ поспѣшить въ обратный путь. На прощальной трапезѣ, Асанъ съ любовію укорялъ своего зятя, называя себя плѣнникомъ его: ибо, пришедши къ нему, Владиславъ взялъ въ плѣнъ лучшее его сокровище; потомъ усердно помолился святому, чтобы этотъ угодникъ Божій, за искреннюю любовь, которую краля питалъ къ нему при жизни и по смерти, испросилъ и ему милость отъ Бога. Въ заключеніе же всего, оба краля почтили другъ друга взаимными дарами; долго граждане тырновскіе приносили дары свои ко гробу святаго, ибо и послѣ перенесенія мощей, продолжали получать исцѣленія отъ благовонной персти гроба его: благочестивому Асану казалось, что человекъ Божій еще пребываетъ въ его обители; а потому велѣлъ онѣ собрать остатки древа отъ его гроба, съ благовонною перстію, и по прежнему соорудилъ гробницу, и украсилъ ее багрянымъ покровомъ, съ златокованнымъ подсвѣчникомъ, въ честь святаго.

Былъ въ той обители инокъ, по имени Неофитъ, много лѣтъ уже разслабленный, ползавшій по землѣ на колѣняхъ и на рукахъ. Онѣ въ царской обители питался милостынею и еще при жизни святаго Саввы довольно получалъ ее. Послѣ перенесенія мощей, пришедшіе богомольцы одна-

жды угостили убогаго обильною трапезою и напоили виномъ, такъ что не могъ онъ доползти до своей рогозины и остался въ церковномъ притворѣ. Не помня самъ себя, легъ онъ на гробовой камень святаго и заснулъ; но въ полночь какой-то свѣтлый мужъ разбудилъ его, и онъ, внезапно воспрянувъ съ камня, сталъ на своихъ ногахъ и не понималъ самъ, что съ нимъ было, — тотъ ли это Неофитъ, который дотолъ ползалъ по землѣ. Обрадованный припалъ ко гробу святаго, и съ благодарными слезами восхвалялъ Господа, Который, вмѣсто должнаго наказанія за его дерзость, разрѣшилъ его узы. Въ такомъ положеніи исцѣленнаго засталъ пономарь, пришедшій зажигать кандила для утрени, и сперва принялъ его за ночнаго татя, хотѣвшаго ограбить церковь. Неофитъ разсказалъ о явленіи свѣтлаго мужа, который, прикоснувшись къ нему железомъ, велѣлъ ему сойти съ своего гроба; при этомъ онъ показалъ даже свои костыли и ремни, которыми были обвязаны его колѣна. Тогда пономарь увѣрился и поспѣшилъ возвѣстить о томъ архимандриту обители, а настоятель возвѣстилъ кралю и патриарху, и всѣ прославили Бога.

Стеченіе народа ко гробу святаго, ради исцѣленій, наконецъ стало докучать монастырской братіи; однако все-таки не смѣли они, изъ опасенія гнѣва благочестиваго краля, возбранять приходящимъ: когда же Асанъ въ скоромъ времени преставился, иноки старались не допускать народъ до гроба. Около того времени скончался въ Тырновѣ одинъ изъ болгарскихъ митрополитовъ, и приеные его испросили цѣною золота дозволеніе положить тѣло ихъ родственника въ упраздненномъ гробѣ св. Саввы. Иноки согласились на это съ радостію, чтобы чрезъ то уменьшилось народное стеченіе къ священному мѣсту, но и этимъ не могли они удержать изліянніе чудесъ на притекавшихъ къ святому съ вѣрою.

Между тѣмъ краль Владиславъ переносилъ мощи святителя въ свою землю и, съ радостию предшествуя имъ, какъ нѣкогда Давидъ святому ковчегу, въ свѣтлой одеждѣ воспѣвалъ предъ ними псалмы Царя Пророка. Въ срѣтеніе ему вышли блаженный архіепископъ Арсеній, со всѣми епископами, игуменами и множествомъ народа, поклониться мощамъ угодника Божія, отъ которыхъ истекало столько исцѣленій. Дошедши до монастыря Вознесенія, несшіе съ торжествомъ положили великаго святителя на мѣстѣ, называемомъ Милешево, которое сооружено было Владиславомъ, и послѣ того именитый соборъ земли сербской разошелся. Спустя немного времени, одному богобоязненному старцу, жившему въ обители, явился въ сонномъ видѣніи святитель и сказалъ: „не подъ землею, а въ храмѣ подбаетъ лежать мощамъ моимъ.“ По этому внушенію, святые мощи немедленно были вынуты изъ-подъ земли и положены внутри церкви, которая отъ нихъ облагоухалась. „Отъ этихъ святыхъ мощей,“ говоритъ писатель житія Саввы, „приходящіе съ вѣрою и до нынѣ получаютъ исцѣленіе, и донывѣ ограждается ими отечество. Оба сіи святые, — и преподобный Симеонъ и Освященный Савва, охраняютъ землю сербскую отъ нашествія сопротивныхъ и передаютъ преемственно отъ отца къ сыну сербское королевство: это Ангелы Божіи, на помощь намъ посылаемые, иногда являются даже предъ сербскими полками въ своемъ собственномъ образѣ. Многіе изъ воиновъ свидѣтельствовали, что сами видѣли святыхъ Симеона и Савву предъ своею дружиною; одного въ смиренной одеждѣ иноческой, а другаго въ свѣтломъ облаченіи святительскомъ, и съ благоговѣніемъ чудились, какъ поражали они супостатовъ, возстававшихъ на землю сербскую.*

(Изъ рукописи 16-го вѣка, принадлежащей Троицкой лаврѣ, называемой Серблякъ, или житія святыхъ сербскихъ № 9).

10. Уставы святаго Саввы, для обители Хиландарской и келліи «Типикарницы» на Кареѣ.

Св. Савва по кончинѣ преподобнаго Симеона, какъ самъ онъ говоритъ въ своемъ уставѣ, съ великою скорбію и боязнію принялъ на себя Хиландарь, оставленный на его попеченіе завѣтомъ отца; потому что братіи было очень мало, даже игумень Меѳодій съ девятью братьями оставилъ монастырь. Но попеченіемъ Саввы монастырь вскорѣ сравнялся числомъ иноковъ съ первыми монастырями Аѳона, Савва перестроилъ Хиландарь до основанія, снабдилъ книгами, сосудами, иконами, ризами и прочею утварію церковною; обезпечилъ виѣшнее содержаніе братіи вкладами, и далъ свой уставъ монастырю.

Уставъ этотъ, или типикъ, составленный св. Саввою, сохраняется въ Хиландарѣ доселѣ; онъ надписывается такъ: „Указаніе житія въ монастырѣ Пресвятыя Богородицы, здѣ написанное и преданное вамъ, братіе и чада моя возлюбленная, мною грѣшнымъ и смиреннымъ монахомъ Саввою“ *). Въ уставѣ этомъ св. Савва высказалъ и свою

*) Уставъ св. Саввы по сербскому подлиннику XIII в. былъ напечатанъ архимандритомъ Леонидомъ въ Гласникѣ (XXIV) 1868 г. съ фотографическими снимками и объяснительнымъ предисловіемъ. А немного раньше, въ томъ же Гласникѣ (XX) былъ помѣщенъ Шафарикомъ этотъ уставъ «типикъ светог Саве» — въ церковно-славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ, по изслѣдованію архимандр. Леониды приснопамятнымъ Старцемъ Пасіемъ Величковскимъ въ 1788 г. Были напечатаны и отдѣльные оттиски, въ Бѣлградѣ, 1868 г. Въ недавно изданной А. А. Дмитриенскимъ книгѣ: „Описаніе литургическихъ рукописей, находящихся въ восточныхъ книгохранилищахъ (т. 1, ч. 1, Кіевъ. 1895 г.) устанавливается фактъ, что св. Савва главнѣйшую основу своего устава для Хиландаря заимствовала изъ типика монастыря Пресвятыя Богородицы Евергетиссы въ Константинополь (см. Предисловіе, стр. XLIV—Г) Монастырь этотъ, неоднократно упоминаемый въ предлагаемомъ житіи, находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ преподобнымъ Саввѣ и Симеону,

горячую любовь къ Господу и свой взглядъ на иноческую жизнь. „Преподобные и Богоносные отцы наши, свѣтила всего міра, пишетъ св. Савва въ началѣ своего устава, оставили міръ, послѣдуюя словамъ Господа, глаголющаго въ Евангеліи: *иже хоцетъ идти по Мнѣ, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и въ слѣдъ Мене да грядетъ. Иже любитъ отца и мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ,*— поучающаго презирать плоть, прилежати же о души вещи безсмертнѣй, и призывающаго къ Себѣ труждающихся и обремененныхъ, и обѣщающаго имъ упокоеніе, нищимъ духомъ—царство небесное и плачущимъ—утѣшеніе безконечное. Слыша такіе слова, они оставили міръ и все, что въ немъ, пошли въ слѣдъ Господа и воспріяли въ свои души начало премудрости—страхъ Господень, и подвизаясь въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, плакали день и ночь о душахъ своихъ, съ радостію претерпѣвали всякое злостраданіе и муки ради любви къ Нему, распинали и умерщвляли себя ежедневно послушаніемъ и отсѣченіемъ своей воли и разсужденія. Очистивши всѣмъ этимъ свой умъ, душу и сердце, просвѣтились внутренно благодатію паче солнца и вселили Христа въ свои прекрасныя души, попрали всѣ козни діавола, и, какъ быстрокрылыя орлы, возлетѣли на небо, оставши намъ образъ своей добродѣтельной жизни, дабы всѣ, хотящіе иночествовать по Богѣ, послѣдовали стопамъ ихъ. И я грѣшнѣйшій, и лѣнивѣйшій, и послѣдній изъ всѣхъ, монахъ Савва, молю васъ, возлюбленные о Христѣ и духовные братіе мои и отцы, уподобимся тѣмъ мудрымъ купцамъ, которые временное промѣняли на вѣчное, отдали все свое имѣніе, вмѣстѣ съ тѣлами и души свои, и за это стяжали безцѣнный бисеръ—Христа. Поревнуйте мудрымъ дѣвамъ, ко-

такъ какъ они считались вѣнчаными имъ. Въ той же книгѣ упоминается и о другомъ подобномъ уставѣ св. Саввы: «Тягла св. Савва за монастырь Студеницу» (изд. І. Иречекъ. Гласникъ, кн. XL, 1874 г., стр. 132—181).

торыя наполнили елеемъ свѣтильники свои и готовыя вошли съ Женихомъ своимъ въ чертогъ и радость вѣчную. Боюсь и трепещу, возлюбленные, чтобы кто изъ васъ не остался за дверьми, какъ пять другихъ дѣвъ, и не услышалъ онаго и грознаго опредѣленія: отъидите отъ Мене, не вѣмъ васъ. Страшась сего опредѣленія и желая услышать вождельный гласъ: пріидите благословенніи Отца Моего; внидите въ радость Господа своего,—смиримъ себя здѣсь, братіе, да вознесемъ тамъ; восплачемъ здѣсь, да утѣшимся тамъ; будемъ алкать и жаждаť здѣсь, да насытимся тамъ; помилуемъ здѣсь, да обрѣтемъ милостивымъ Бога тамъ*. Словами Писанія показавъ необходимость терпѣнія (Іак. 1, 2—4. 12), добрыхъ дѣлъ (2, 19—24) и любви къ ближнимъ (1 Іоан. 1, 4—7; 4, 16. 21; 5, 1—3), Савва продолжаетъ: „Сія есть побѣда, побѣждающая міръ — вѣра, надежда, кротость, терпѣніе, горячая молитва со слезами, а паче украшеніе Ангельское, т.-е. чистота и цѣломудріе, послушаніе съ самоукореніемъ и любовь, по которой сошелъ къ намъ Сынъ Божій. Къ этому приложите незлобіе, не дѣти бывая умомъ, но злобою младенчествуя, и, вѣрую въ Сына Божія, вы обряцете милость и животъ вѣчный, и здѣсь — неоскудѣваемую пищу. Если же кто изъ васъ, братіе, лѣнивъ, какъ я окаянный, лѣнивый, сонливый, немощный; воспрями, возлюбленный, и покайся, и помысли о благахъ, которыя обѣщаль Господь. Вы знаете, возлюбленные, что претерпѣвшимъ злостраданіе уготована отъ Господа слава и честь, а лѣнивымъ, нерадивымъ и любящимъ покой тѣлесный—вѣчная мука. Но какъ слава міра сего ничто предъ славою будущаго вѣка, такъ и мука міра сего ничто предъ вѣчными муками, которыхъ трепещетъ самъ сатана. Помысливъ о семъ и укрѣпившись о Господѣ, станьте крѣпко противъ лѣности и, отвергну всякую гордость, съ кротостію пріимите сіе истинное слово,

могущее спасти души ваши; будьте творцы слова, а не слышатели только. Я написалъ вамъ, какъ должно поступать. Положите это писаніе, какъ нѣкое мѣрило, не только для васъ, но и для тѣхъ, которые будутъ послѣ васъ въ обители; здѣсь показано нужное для души и для тѣла, дабы, взирая сюда и исполняя, вы могли проводить непорочное житіе ваше, имѣя помощникомъ Бога и Его Пречистую Матерь, нашу Владычицу и Благодѣтельница, ходатайствующую о душахъ нашихъ къ Сыну Своему. Стремитесь всегда къ лучшему, не уклоняйтесь ни на десно, ни на шуе, но, по силѣ, какъ кто можетъ, теките царскимъ путемъ. Блаженъ ты и добро тебѣ будетъ, тшачемуся пройти сквозь тѣсныя врата и прискорбнымъ путемъ, вводящимъ въ животъ вѣчный. Другъ друга любите, другъ другу покоряйтесь, другъ друга тяготы носите, всѣ единомысленно повинуйтесь вашему предстоятелю игумену. Вспоминайте въ молитвахъ вашихъ въ Бозѣ почившаго отца нашего и наставника Симеона, не забывайте и мое недостойнство. Поступая такъ, истинно говорю вамъ, свидѣтельствуясь Христомъ, что не постыдными обратитесь на страшномъ судѣ и получите вѣчныя блага. Благодать и миръ Господа нашего І. Христа и любви Бога и Отца и причастіе Св. Духа буди всегда со всѣми вами во вѣки*.

Уставъ, данный св. Саввою, обнималъ и порядокъ Богослуженія и порядокъ жизни и управленія монастырскаго. Хилаандарь долженъ быть общежительнымъ. Монахамъ не позволялось имѣть собственности даже и одной мѣдницы; пищею должны были довольствоваться общею, по келліямъ не дозволялось ни готовить, ни держать ничего съѣстнаго. Первая одежда поступающему въ обитель выдавалась монастырская, а потомъ даваемы были деньги каждому на одежду. Св. Савва признавалъ лучшимъ, если по два брата будутъ жить вмѣстѣ, но прислугу имѣть запрещалъ, только

къ больнымъ, для которыхъ назначалась особая келлія, приставляемъ былъ братъ или два для служенія. Ежедневно братія должны исповѣдывать свои грѣхи игумену, если онъ есть и духовникъ, по установленію св. Саввы. Игумень долженъ всѣхъ обще и каждого отдѣльно научать и наставлять на путь спасенія. Если же онъ самъ не принимаетъ на исповѣдь, то выбрать другаго брата изъ своей обители, или ближайшей, который бы могъ быть отцемъ духовнымъ для всѣхъ. Исповѣдь должна быть приносима въ одно время, когда начнется утреннее славословіе; не бывшіе въ это время въ монастырѣ, по какому либо послушанію, должны исповѣдываться послѣ повечерія. Тѣ помыслы, которые и днемъ и ночью беспокоятъ инока, приражаются и опять отражаются, можно прощать и простому священнику, назначенному игуменомъ для сего. Но если помыслы остаются долго, причиняютъ брань и крѣпко смущаютъ, то о такихъ помыслахъ должно открывать игумену и онъ подастъ приличное врачевство. Исповѣдающійся не долженъ скрывать и малаго, но откровенно все объявлять. Впадши въ согрѣшеніе, не должно обвинять другъ друга, или ссылаться на какой либо случай, — это не покаяніе; нужно откровенно сознавать свою вину, и очищаться покаяніемъ. Отрекающіеся отъ исповѣди не только не должны быть допускаемы до причащенія, но ихъ должно изгонять изъ монастыря, какъ отсѣкаютъ членъ согнившій. Для такого монаха пребываніе въ монастырѣ послужитъ ко вреду, а не къ пользѣ. Какъ больной, не показывающій своей раны врачу, не можетъ получить исцѣленія ея, такъ и не исповѣдующійся не получитъ исцѣленія своей души. Напротивъ душа, помышляющая о исповѣди, ею, какъ уздою, удерживается отъ грѣховъ.

Тѣ, которые чувствуютъ себя очистившимися отъ скверныхъ помысловъ и отъ гнѣва, роптанія, печали и обиды,

лжи и смѣха, памятозловія, ярости, сквернословія и сими подобнаго, по установленію св. Саввы, могутъ пріобщаться св. Таинъ три раза въ недѣлю. Если же кто впадаетъ въ сіи грѣховныя страсти и движенія, и скоро очищается исповѣдію и покаяніемъ: тотъ пусть причащается однажды, или дважды въ седмицу. Впрочемъ все болѣе зависитъ отъ воли игумена или отца духовнаго, который долженъ быть одинъ для всей братіи. Игумень, экономя, экклисіархъ избираются согласіемъ десяти или двадцати старѣйшихъ братій безъ всякаго участія начальства прочихъ монастырей аѳонскихъ. Еслибъ кто пришелъ въ монастырь изъ лицъ извѣстныхъ, прося постриженія, то позволялось такового вскорѣ постригать; а лице неизвѣстное, не прежде шести мѣсяцевъ, послѣ того, какъ его способность къ иноческой жизни будетъ извѣдана. Празднословіе запрещалось; сидитъ ли въ келліи братъ или трудится въ общей работѣ, онъ долженъ имѣть въ устахъ молитву и церковныя пѣсни. Покорность игумену, взаимная любовь и согласіе, усердное исполненіе возложеннаго на каждого дѣла должны быть непремѣнною обязанностию каждого инока.

Подлѣ монастыря Савва устроилъ гостинницу для пріятія странныхъ, нищихъ и немощныхъ, которыхъ повѣлывалъ игумену снабжать одеждою и обувью, хлѣбомъ, виномъ и сочивомъ отъ трапезы братской, а умершихъ погребать по христіански.

Дабы типикъ сей не былъ забываемъ братією, св. Савва завѣщалъ читать его по субботамъ за трапезою, а на память ктитора весь прочитывать въ перкви. Все, пишетъ св. Савва въ концѣ типика, что не служитъ ко спасенію, да будетъ изгнано отъ васъ! Не предпочтите, о чада и братіе, временнаго вѣчному, страсти—добродѣтели! Изъ преданнаго вамъ ничто не превышаетъ силъ вашихъ.

Только хотя немного употребимъ усилія — и помощь Божія близка. Мы оставили міръ и пришли сюда не для покоя, но для подвига и труда по силамъ нашимъ, имѣя въ виду обѣтованныя блага. Ибо царствіе Божіе нудится: преданный лѣности и сну не побѣдитъ врага; въ царствіе Божіе войдетъ только тотъ, кто трезвится, бдигъ, терпитъ скорби и болѣзни подвиговъ съ благодарностію. Посему молю васъ всѣхъ, — живите достойно званія вашего. Представьте тѣла ваши чистыми отъ всякой страсти плотской, а душу — отъ всѣхъ скверныхъ помышленій и воспоминаній, и злыхъ намѣреній. Помышляйте и творите то, что угодно Богу. Сохраните неизмѣнно все, что слышали и чему научились отъ меня, въ пользу вамъ и спасеніе душевное, въ утвержденіе, и, да скажу, всѣмъ въ успокоеніе и въ похвалу, и украшеніе отцу моему предъ лицемъ Господнимъ. Въ семь типикѣ я показалъ и вину всѣхъ соблазновъ, изложилъ ясно наставленія, дабы, по отшествіи моемъ, не нашелъ въ васъ мѣста врагъ душъ нашихъ и не сокрушилъ того, что со многими потомъ и трудомъ во спасеніе душъ вашихъ, съ помощію Божіею, добрѣ вознаграждено и украшено. Знаю, что у начальника злобы никогда не оскудѣютъ поводы влгать въ васъ развращенные и злые помыслы. Но вы всѣ, будучи просвѣщены Божіею благодатію и наставленіемъ Божеств. Писанія, знаете его козни и научились, какъ имъ противиться и ихъ отгонять; станьте твердо противъ его злобы; игумень да поучаетъ васъ братски; и вы вразумляйте другъ друга. „Неразумный да вразумляется отъ хорошо знающаго; ненаученный и невѣжда да научается отъ разумѣвающаго, и такимъ образомъ, о Св. Духѣ, сочетаваясь другъ съ другомъ любовію, и одинъ отъ другаго утверждаясь на ополченіе духовное и спасительное, соблюдетесь всегда невредимыми; врагъ посрамится и обличится; вы же спасайтесь

и смиряйтесь, и пребывайте въ чистотѣ всѣ дни живота вашего.“

Написавъ уставъ для Хиландаря по началамъ общежитія, св. Савва написалъ и для своей келліи уставъ по началамъ отшельнической жизни. Келлія св. Саввы въ Кареѣ, хотя причислялась къ монастырю, но по управленію должна быть независима отъ игумена. Братъ, поселенный въ сей келліи, по общему избранію иноковъ, долженъ уже оставаться въ ней до кончины своей. Сверхъ обычнаго богослуженія, каждый день долженъ быть прочитываемъ весьпсалтирь и совершаемы особыя поклоны при концѣ каждой службы. Въ субботы и недѣли должна быть совершаема литургія и на утрени положено прочитать Евангелиста. Въ пять дней недѣли положено по одному разу въ день вкушать пищу, и притомъ въ понедѣльникъ, среду и пятокъ безъ масла и вина. Собственность келліи должна оставаться неприкосновенною.

Въ Кареѣ донынѣ цѣла и келлія св. Саввы и собственноручный уставъ его на пергаментѣ, 1199 г. съ собственноручною подписью святителя и привѣщенной на пинуряхъ мастичною печатію его. Этотъ уставъ слово въ слово (кромѣ подписи св. Саввы) вырѣзанъ на мраморной доскѣ большими буквами и помѣщенъ надъ входными дверями внутри церкви келліи Типикарницы *). Обитель Хиландарская со временъ основателя келліи всегда содержитъ въ ней двухъ старцевъ, строго исполняющихъ тамъ типикъ св. Саввы; оттого и самая келлія прозвалась Типикарницей **).

*) Онъ изданъ дословно архимандритомъ Дучичемъ въ его книгѣ: Старине Хиландарске у Београду. 1884. А въ исправленномъ церковно-славянскомъ чтеніи помѣщенъ архимандр. Леонидомъ въ изд. И. Обществомъ любителей древней письменности монографіи: «Афонская гора и Соловецкій монастырь». Сиб. 1883 г., въ приложеніи.

**.) См. Письма съ Востока, ч. I, стр. 115. Святгорецъ съ достаточною полностію передаетъ уставъ св. Саввы для его келліи. См. Письма объ Афонской горѣ, ч. II письмо II.

II. Заключение.

До 1595 года мощи св. Саввы лежали въ монастырѣ Милешевѣ *). Область, гдѣ лежали онѣ, называлась воеводствомъ св. Саввы, и начальники сей области называли себя стражами гроба св. Саввы.

Въ 1595 г. Синанъ, Верховный Визирь оттоманской имперіи, взявши сей монастырь, велѣлъ принести мощи св. Саввы въ Бѣлградъ и тамъ предалъ огню. Пишутъ, что, какъ скоро пламя коснулось св. тѣла, отъ самаго костра даже до неба простерся столпъ, подобно радугѣ сіяющей разными цвѣтами. Казнь Божія не замедлила постигнуть поругателя святыни. Побѣдоносный доселѣ, вождь турецкій малымъ числомъ Болгаровъ и Сербовъ былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. И когда онъ вздумалъ испытать свое воинское счастье въ войнѣ съ Сигизмундомъ Трансильванскимъ, то, вторично разбитый, постыдно кончилъ свою жизнь **). Жители Бѣлграда изъ благоговѣнія къ св. Саввѣ оградилъ то мѣсто, на которомъ были сожжены мощи его; но въ 1716 году ограда была сломана и мѣсто истоптано войсками турецкими и нѣмецкими ***).

Заключимъ обзоръ жизни перваго архіепископа Церкви сербской древними пѣснопѣніями, отъ нея посвященными святому архипастырю:

„Пути, вводящаго въ жизнь, наставникъ, и первопрестольникъ и учитель бысть. Первѣе бо пришедъ, святителю Савво, отечество си просвѣти, породивъ Духомъ

*) Act. Sanct. Bolland. T. III. p. 992, in vita Sabbac.

**) Иногда знаменитый, а нынѣ разрушенный монастырь Милешева въ Герцеговинѣ близъ Приаполе и рѣки Лима основанъ Владиславомъ, около 1234 г., Шафирикъ о Кирил. Типогр. Чт. Моск. Общ. Ист. 1846 г.

***) Раяч. Истор. Слав. Народ. Ч. II, стр. 349.

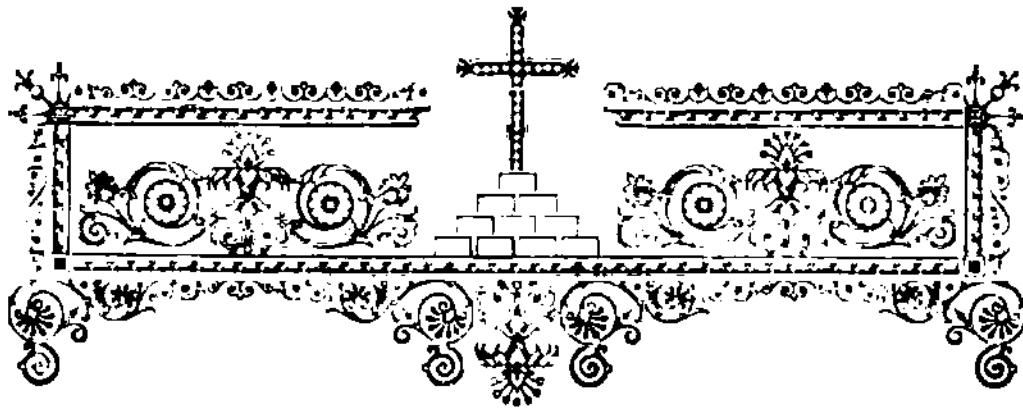
Святымъ, яко древа маслична, всеосвященная ти чада. Тѣмъ, яко и Апостоломъ и Святителемъ сопрестольна чтуще тя, молимъ, даровати намъ велию милость“ (Тропарь).

„Избраннаго отъ пеленъ Христовою благодатию и возлюбленнаго отъ юности Божиимъ Духомъ дѣвственное процвѣтеніе Саввы блаженнаго, похвальные вѣнцы вѣрніи пынѣ исплетше и божественную главу ими вѣнчавше зовемъ: радуйся, отче, Божіе обиталище“ (Кондакъ *).

(Память святителя совершается вторично въ общей службѣ святителямъ и учителямъ сербскимъ—августа 30).

*) Изъ Слѣдов Псалтири письма митроп. Кипріана Рук. М. Д. Авд. № 142.

Я Н В А Р Я 16.

Память Преподобнаго Ромила, ученина святаго
ГРИГОРІЯ СИНАИТА *).

Мѣстомъ родины преподобнаго Ромила **) былъ Бдинъ (Виддинъ); мать его была болгарка. Достаточное состояніе родителей доставило ему способы получить хорошее образованіе. Въ Терновскомъ монастырѣ Устьѣ, расположенномъ за городомъ на Святой горѣ, полагалъ онъ начало монашеской жизни, тутъ было тогда много иноковъ; тутъ произнесены имъ обѣты иноческіе. Когда въ Скрытной (парорійской) пустынѣ сталъ жить преподобный Григорій Синаитъ, Ромиль поступилъ подъ его руководство. Но нападенія разбойниковъ вынудили его удалиться опять въ Загорье и онъ жилъ съ другомъ своимъ Иларіономъ въ уединенномъ мѣстѣ, называемомъ Мокрое, въ разстояніи отъ Тернова на день пути. Когда же царь болгарскій Александръ умирилъ разбойниковъ, и въ Скрытномъ стало

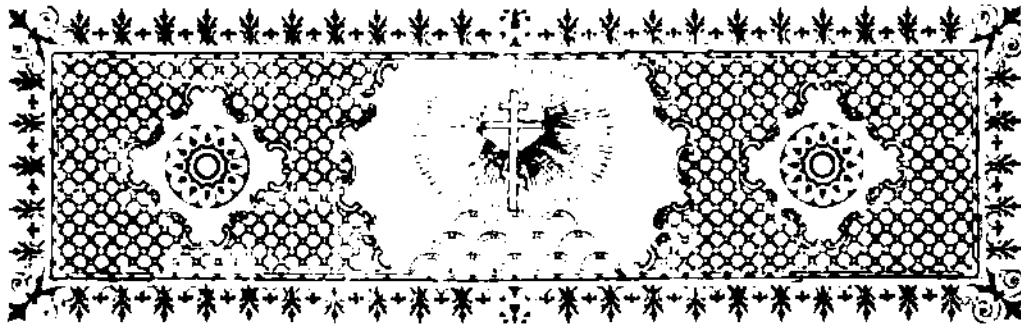
*) Изъ книги: Святые южныхъ славянъ, Архіеписк. Филарета черниговск 1865 г.

**) Въ рукописи Бѣлградской бібліотеки два житія пр. Ромила, одно краткое, другое—пространное; послѣднее, писанное Григоріемъ Цамбалою, находится и въ славянскѣ Гельфердинга. Изд. авд. VIII, 399.

покойно, Ромиль опять жилъ въ Скрытной пустынѣ.— Сюда пришелъ къ нему изъ Константинополя Григорій Цамблакъ *), описатель житія его. Спустя иѣкоторое время, Скопельскій начальникъ извѣстилъ, что магометане хотятъ напасть на ихъ мѣста, потому пусть удалятся въ другое мѣсто. Ромиль удалился въ прежнюю келью свою, что была въ Мокромъ; а отсель перешелъ на Аѳонъ, въ лавру св. Аѳанасія и жилъ уединенно въ скиту Мѣлана. И Григорій Цамблакъ жилъ съ нимъ въ этомъ же уединеніи. Когда убитъ былъ на войнѣ деспотъ романскій Углѣшь въ 1370 г., „тогда на Аѳонѣ всѣ иноки наполнились смятеніемъ и ужасомъ и многіе убѣжали съ Аѳона. Такъ и Ромиль удалился въ другое мѣсто, называемое Авлонъ, (это вблизи Драча), а отсюда перешелъ съ своими учениками въ Сербскую землю, въ мѣсто называемое Раваница, гдѣ обитель Вознесенія Господа нашего Иисуса Христа. Здѣсь проживъ немногое время, переселился съ земли на небо.“ Такъ говоритъ Цамблакъ.—Краткое житіе замѣчаетъ о послѣднемъ времени особенности. „Вышедъ съ Святой горы, говорится здѣсь, и достигнувъ Иллирика, нашелъ онъ тутъ раздоры страстей и жалкія раздѣленія, но въ короткое время успѣлъ своими наставленіями ввести согласіе. Отсюда перешелъ въ далматское мѣсто Раваницу.“ Въ какомъ году почилъ преподобный Ромиль, не показано ни въ краткомъ, ни въ пространномъ сказаніи о немъ. Но по всему, что извѣстно, можно полагать, что почилъ онъ не ранѣе 1375 г. Св. мощи его почиваютъ въ Раваницкой обители, гдѣ подають зрѣніе слѣпымъ, хожденіе хромымъ и исцѣляютъ всякіе недуги **).

*) Вислѣдствіи Митрополита Кіевскій, † 1419 г.

***) Краткое житіе въ Гласникѣ IX, 252. Служба преподобному поставлена подъ 16 января. Гласникъ XI, 37.

Я Н В А Р Я 16.

Страданіе святаго священномученика

ДАМАСКИНА *).

Святый священномученикъ Дамаскинъ родился въ селеніи Габрово, Терновской епархіи, въ Болгаріи. Удалившись изъ своего отечества, прибылъ онъ на Святую гору и, принявъ иночество въ монастырѣ Хиландарѣ, былъ въ послѣдствіи рукоположенъ въ діакона, потомъ въ іеромонаха, а наконецъ возведенъ на степень игумена той же обители. По нѣкоторымъ нуждамъ монастыря, долженъ былъ онъ отправиться въ Болгарію, въ селеніе Систово, откуда, по исполненіи порученій и нуждъ обители, намѣревался возвратиться на Святую гору, и собирался уже въ путь. Но какъ нѣкоторые изъ турокъ оставались должны ему, то онъ потребовалъ съ нихъ долгъ. Турки не только не хотѣли отдать по обязанности, но посовѣтовавшись между собою, отняли у него и то, что онъ имѣлъ собственнаго на подворьѣ. Мало было оскорбить такимъ образомъ смиреннаго инока, — турки одну изъ турчанокъ подо-

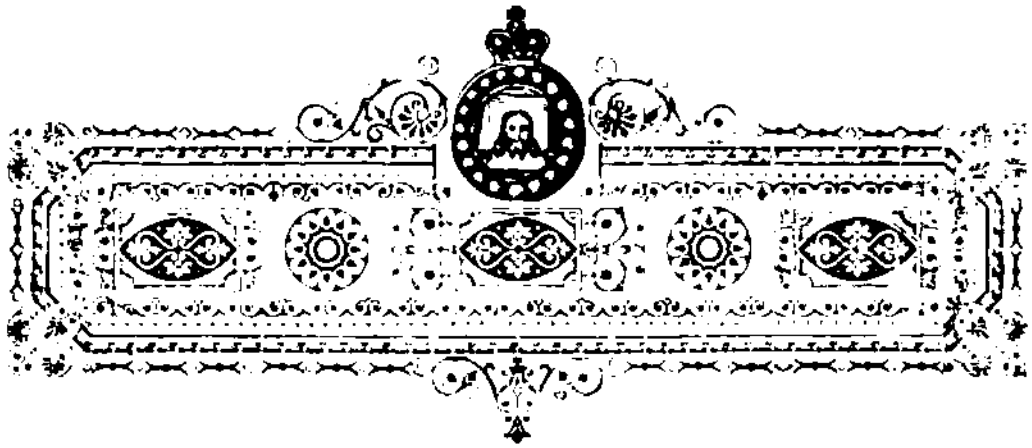
*) Изъ Νέου Μαρτυρολόγιου.

зрительнаго поведенія тайно провели на подворье, оставили ее внутри иноческаго жилища, и потомъ напали на мѣстохъ, разбили дверь съ шумомъ и крикомъ, и нашедши турчанку въ иноческомъ подворьѣ, тотчасъ же связали невиннаго Дамаскина; все, что могли, расхитили у него, и наконецъ, какъ виновнаго въ похищеніи магометанки, представили въ турецкое судилище, неистовствуя и клевета на преподобнаго старца, что онъ осквернилъ законъ ихъ. Правитель мѣстечка ясно видѣлъ и понималъ, что это клевета, а потому всячески старался оправдать невиннаго; но вопль разъяренной толпы турокъ превозмогъ, такъ что, вопреки суду и законамъ, не внимая ни угрозамъ, ни требованію главнаго старшины, они схватили божественнаго Дамаскина, и повели на висѣлицу. Одно средство—избавиться незаслуженной смерти оставалось въ отреченіи отъ Христа и въ признаніи Магомета пророкомъ; но страдалецъ, не смотря на ласки и обѣщанія турокъ, троекратно предлагавшихъ ему всевозможныя блага и наслажденія жизни, если только отречется отъ своей вѣры, и приметъ законъ ихъ; не взирая и на самую смерть, спокойно отвѣчалъ: „я христіаниномъ родился, христіаниномъ и умру. Отречься отъ Христа — тоже, что отказаться отъ вѣчной жизни: безъ Него нѣтъ спасенія грѣшникамъ, каковы всѣ мы, я и вы. Онъ примиритель правды Божіей съ грѣшнымъ человѣчествомъ; Онъ — податель благодати Божіей, необходимой для выполненія воли Божіей. Жалѣю о васъ, если вы не понимаете того. Но было бы безуміемъ, если бы я согласился купить за временную жизнь погибель вѣчную. Ведите меня, куда хотите.“ Тогда привели его на мѣсто казни, съ связанными назадъ руками. Между тѣмъ какъ турки готовились повѣсить святаго Дамаскина, онъ попросилъ у нихъ позволенія помолиться Господу. Турки не отказали ему въ этомъ, — и святой мученикъ,

обратившись на Востокъ, помолился, оградилъ себя знаменіемъ креста, и сказалъ убійцамъ, что онъ готовъ на смерть. Его повѣсили. Такъ получилъ святой Дамаскинъ страдальческій вѣнецъ. Впрочемъ Божественный гнѣвъ скоро постигъ неистовыхъ его убійць. Вслѣдъ за его копчиною, переправляясь чрезъ Дунай, они потонули и такимъ образомъ еще здѣсь на землѣ получили должное наказаніе за невинную кровь священномученика Дамаскина. Молитвами его да спасеть насъ Господь. Аминь.

Св. священномученикъ Дамаскинъ пострадалъ въ 1771 году, января 16 числа.

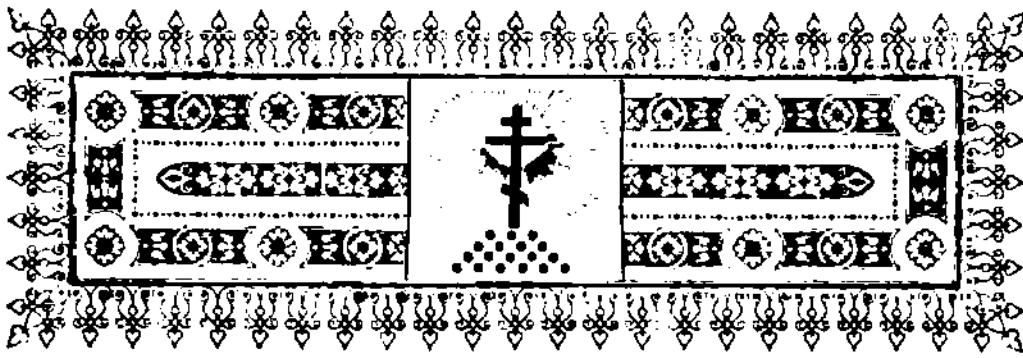
Я Н В А Р Я 21.

Память преподобнаго
НЕОФИТА

Просмонарія Ватопедскаго *).

Преподобный отецъ нашъ Неофитъ просіялъ въ обители Ватопедской. Нѣкогда будучи на одномъ метохѣ по дѣламъ монастырскимъ, онъ тяжело заболѣлъ и близокъ уже былъ къ смерти: тогда съ теплою молитвою обратился къ Богоматери, чтобы Она даровала ему здравіе, и, — о чудо! — вдругъ слышитъ онъ отъ иконы Богородицы гласъ, что ему дается еще годъ, чтобы въ продолженіе сего времени надлежащимъ образомъ приготовиться къ исходу изъ настоящей жизни. Получивъ такимъ образомъ здравіе, онъ возвратился въ монастырь. По окончаніи года, въ одинъ недѣльный день, приготовляясь къ пріобщенію святыхъ Христовыхъ Таинъ, онъ снова услышалъ отъ иконы Богоматери гласъ, что приспѣло уже время исхода его изъ этой жизни. Что и исполнилось; ибо за пріобщеніемъ Христовыхъ Таинъ послѣдовалъ мирный исходъ его ко Господу.

*) Изъ Νέος Παράδεισος.

Я Н В А Р Я 21.

Житіе преподобнаго отца нашего МАКСИМА ГРЕКА *).

Ревнитель истины и благочестія преподобный Максимъ**), инокъ афонскаго Ватопедскаго монастыря, былъ родомъ грекъ, но по своимъ великимъ подвигамъ, вполне принадлежитъ св. Русской Церкви, — для которой онъ былъ свѣтильникомъ при жизни и остался свѣтильникомъ по смерти въ своихъ сочиненіяхъ.

Отечество преподобнаго Максима былъ городъ Арто въ Албаніи, близъ Эпира. Онъ родился около 1480 года отъ благочестивыхъ и богатыхъ родителей Мануила и Ирины, греческаго происхожденія, почему и самъ вездѣ значится Грекъ.

Отецъ его былъ важнымъ сановникомъ и отличался чистотою православной вѣры, а потому и Максима воспиталъ въ глубокомъ благочестіи и наученіи страху Божию. Перво-

*) Изъ вн.: Житіе преп. отца нашего Максима—Грека, трудившагося въ переводѣ богослужбныхъ книгъ съ древне-греческаго на славянскій языкъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ первой половинѣ XVI в., при велик. князѣ Василіѣ Ивановичѣ, а потомъ двадцать пять лѣтъ томившагося въ заточеніи за правду. Сост. іеромонахъ св. Троицкой Сергіевой Лавры Харалампій. СПб. 1886.

**), Память его января 21-го почитается въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, гдѣ почитаютъ и мощи его подъ спудомъ.

начальное образованіе въ наукахъ Максимъ получилъ отъ своего же родителя, ибо въ то время, съ паденіемъ Константинополя и порабощеніемъ всѣхъ греческихъ областей подъ иго магометанъ, были уничтожены и всѣ училища. Такъ съ раннихъ лѣтъ Промыслъ Божій судилъ Максиму встрѣтить въ отечествѣ своемъ испытанія, и этимъ какъ бы приготавлилъ его къ тѣмъ горькимъ страданіямъ, которыми онъ долженъ былъ подвергнуться въ позднѣйшіе годы своей жизни.

Въ горестное то время, невозможно было любознательному уму получить въ порабощенной Греціи высшее научное образованіе, почему многіе юноши изъ греческихъ областей отправлялись въ европейскія государства для образованія себя въ наукахъ. При этомъ и ученые греки разсѣялись по всѣмъ западнымъ государствамъ, которыя съ любовью ихъ принимали и покровительствовали наукамъ. Для нихъ открыты были дворы государей, кафедръ университетовъ и дружба богатыхъ и знатныхъ. Италія преимущественно отличалась тогда особеннымъ покровительствомъ науки, повсюду въ знатнѣйшихъ ея городахъ учреждались библіотеки. Папы, государи и богатые граждане спѣшили спасти греческія рукописи отъ истребленія невѣжественными завоевателями.

Естественно было и юному Максиму, по любви къ наукѣ, искать образованія внѣ отечественной страны. Поэтому, онъ отправился въ Галлію, гдѣ слушалъ уроки знаменитаго соотечественника своего Іоанна Ласкариса, бывшаго профессоромъ въ парижскомъ университетѣ.

Окончивъ образованіе у Ласкариса, Максимъ, желая короче ознакомиться съ древними языками, отправился въ Венецію *), и сблизился тамъ съ знаменитымъ типографомъ

*) Вѣроятно Максимъ путешествовалъ съ Ласкарисомъ, который въ то время былъ посланъ въ Венецію по дѣламъ государственнымъ изъ Франціи.

издателемъ Альдомъ Мануччи, который обладалъ глубокимъ познаніемъ древнихъ языковъ; при немъ всегда было общество ученыхъ, помогавшихъ ему при печатаніи книгъ съ древнихъ рукописей. При помощи такихъ руководителей, Максимъ ознакомился съ словесными произведеніями древней Эллады, такъ что и самъ, впоследствии, нерѣдко приводилъ въ своихъ сочиненіяхъ древнихъ поэтовъ.

Изъ Венеціи Максимъ отправился во Флоренцію, гдѣ долгое время прожилъ, тоже среди ученыхъ, но къ несчастью, зараженныхъ языческими убѣжденіями; но онъ, какъ мудрая пчела, извлекалъ изъ проповѣдуемой философіи только то, что не чуждо было христіанской религіи. Въ то время, Италія жестоко страдала недугомъ невѣрія, и, какъ обыкновенно бываетъ по закону правосудія Божія, за отверженіе чистой вѣры предана была жалкому суевѣрію. О чемъ современникъ Максима, итальянецъ Доминикъ Венивени говоритъ такъ: „грѣхи и злодѣянія въ Италіи умножались потому, что эта страна потеряла вѣру во Христа.“ Тогда вѣрили, что все въ мірѣ, и въ особенности судьба человѣческая, есть только дѣло случая. Нѣкоторые думали, что все управляется движеніемъ и вліяніемъ звѣздъ, отвергали будущую жизнь и смѣялись надъ религіею. Философы находили ее слишкомъ простою, годною только развѣ для старыхъ женщинъ и невѣждъ. Нѣкоторые видѣли въ ней обманъ и выдумку человѣческую.—Такъ было во всей Италіи, и въ особенности во Флоренціи. Въ самыхъ даже предстоятеляхъ западной церкви потрясена была вѣра.

Общее зараженіе безвѣріемъ частію колебало и Максима, который, въ юношескомъ своемъ возрастѣ вращаясь среди заразы, не всегда могъ правильно понимать отношеніе философіи къ Евангельской истинѣ, „и еслибы, какъ пишетъ объ этомъ Максимъ, *Господь, пекущійся о*

спасеніи всѣхъ, не помиловалъ меня и не постыдилъ вскорѣ Своею благодатию, и не озарилъ святомъ Своимъ мысль мою, то давно бы и я погибъ съ находящимися тамъ проповѣдниками нечестія.“

И дѣйствительно, при повсемѣстномъ зараженіи безвѣріемъ, безъ особой помощи Божіей, невозможно было устоять юношѣ, видя наставниковъ своихъ послѣдующихъ туда, куда влекла волна языческихъ нравовъ. Поэтому, Максимъ даже удивлялся, какъ только онъ могъ избѣгнуть отъ поглощающей волны, остаться невредимымъ отъ увлеченія среди безбожниковъ и сохранить чистую вѣру въ Бога!

Такимъ образомъ Максимъ окончилъ на Западѣ свое образованіе, тамъ почерпнулъ онъ глубокія свѣдѣнія въ богословіи и философіи, въ исторіи и словесности, и основательно изучилъ древне-греческій, латинскій, французскій и италіянскій языки. Но не парижскій университетъ довершилъ образованіе Максима, а гора Аѳонская. Въ Италіи, въ Галліи онъ могъ получить образованіе свѣтское: но просвѣщеніе богословское, утвержденіе въ догматахъ вѣры православной онъ могъ почерпнуть только на Востокѣ. Благодать Божія расположила Максима посвятить себя иноческой жизни. По своему образованію, онъ могъ бы занять видное положеніе въ обществѣ, но юнаго ученаго занимали не почести и слава, не чины и богатство, а мирная жизнь вдали отъ шума городскаго, въ тихой обители, среди людей посвятившихъ себя на служеніе Богу. Тѣмъ болѣе Максимъ могъ рѣшиться на уединеніе монастырское, что здѣсь по преимуществу онъ могъ съ полною свободою предаться занятіямъ столь любимую имъ наукою.

И вотъ Максимъ, по возвращеніи изъ путешествія, снова оставляетъ свой родной очагъ и отправляется на Аѳонъ, и тогда, какъ и нынѣ, служившій пріютомъ для душъ всецѣло пре-

данныхъ Богу, гдѣ притомъ можно было найти всѣ удобства не для однихъ подвиговъ иноческихъ, но и для умственного усовершенствованія и богословскаго образованія. Максимъ неоднократно слышалъ отъ своего наставника Іоанна Ласкари-са *), о тѣхъ драгоценныхъ сокровищахъ, какія хранились въ бібліотекахъ аеонскихъ монастырей, а также и о великихъ старцахъ—философахъ жившихъ въ то время на Аеонской горѣ, которые были зеркаломъ духовной учености въ высшемъ смыслѣ любомудрія духовнаго, основанномъ не на одномъ только созерцаніи, но и на дѣяніи подвижнической жизни. Въ то время на Аеонѣ въ его обителяхъ сосредоточились всѣ богатѣйшія греческія книгохранилища, а особенно въ Ватопедской, которая владѣла рѣдкими сокровищами церковной науки, оставшимися послѣ смерти двухъ иночествовавшихъ въ ней императоровъ: Андроника Палеолога и Кантакузена.

Около 1507 года, Максимъ прибылъ на Аеонъ и поступилъ въ братство Благовѣщенской Ватопедской обители, гдѣ принялъ и постриженіе въ монашество. И здѣсь-то, въ уединеніи и вдали отъ шума житейскихъ волнъ, разныхъ превратностей и разномыслій, Максимъ, въ кругу опытныхъ, великихъ и единомысленныхъ старцевъ, началъ, какъ трудолюбивая пчела, собирать медъ со всѣхъ благовонныхъ цвѣтовъ аеонскихъ, и проводить жить въ обученіи иноческимъ подвигамъ.

Такъ прошло около десяти лѣтъ. Притомъ неоднократно, въ видѣ послушанія, возлагалось на него порученіе отъ обители отправляться для сбора милостыни, такъ какъ въ то время Ватопедская обитель не могла болѣе содержаться собственными средствами. Хотя и прискорбно было юному иноку Максиму разлучиться съ обителію, но какъ истин-

*) По порученію Лаврентія Медичи, Ласкарисъ изъ Флоренціи отправился на Аеонъ за рукописями и вывезъ оттуда до 200 древнихъ книгъ.

ный послушникъ, для блага и пользы ближнихъ, онъ отправлялся въ странствованія и, проходя изъ города въ городъ, собиралъ отъ доброхотныхъ жертвователей изобильную милостыню, а самъ, какъ бы въ замѣнъ оной, проповѣдывалъ имъ изъ неоскуднаго источника своего любомудрiя слово назиданiя и чистоту православной вѣры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эти порученiя показываютъ, что Максима уже успѣли понять и оцѣнить, какъ опытнаго инока, который съ честiю могъ выполнить не легкую обязанность просителя. Здѣсь то, въ обители Ватопедской, думалъ Максимъ мирно окончить дни свои въ безвѣстной тишинѣ, въ подвигахъ иноческаго послушанiя; но Господь судилъ иначе: иной подлежалъ ему ученый и вмѣстѣ страдальческiй подвигъ въ землѣ ему чуждой, гдѣ долженъ былъ положить свои кости, послѣ многихъ невинныхъ страданiй, за любовь не только къ наукѣ, но и къ истинѣ, въ исправленiи церковныхъ книгъ, за что сподобился, если не вѣнца мученическаго, то, по крайней мѣрѣ, славы исповѣдника, долготерпѣнiемъ въ многолѣтнихъ скорбяхъ, въ узахъ и темницѣ, и даже въ несправедномъ отлученiи отъ Церкви, которой онъ былъ преданъ со всею ревностiю православнаго сѣ сына и защитника догматовъ.

Великiй князь московскiй Василiй Ioанновичъ, пользуясь миромъ своей державы, обратилъ вниманiе на хранившееся въ палатахъ его драгоцѣнное сокровище, которое, однакожь, не было доступно рѣшительно никому изъ русскихъ. Это сокровище состояло въ рѣдкомъ и громадномъ собранiи древнихъ греческихъ рукописей, переходившихъ изъ Византiи съ самыхъ первыхъ временъ просвѣщенiя Руси Христовою вѣрою и особенно умножившихся при отцѣ Василя Ioанновича (великомъ собирателѣ земли Русской, Ioаниѣ III), за которымъ была въ замужествѣ послѣдняя отрасль константинопольскихъ

Палеологовъ—Софія. Желая узнать содержаніе этихъ рукописей и въ тоже время не находя въ Россіи человѣка, который бы могъ удовлетворить этому желанію, Василій Іоанновичъ, по совѣту и съ благословенія духовнаго отца своего митрополита Варлаама, рѣшился обратиться на Аѳонъ съ просьбою прислать въ Москву умнаго мужа *), который бы въ состояніи былъ пересмотрѣть греческія книги, находившіяся въ княжеской бібліотекѣ, и, если нужно будетъ, перевести ихъ; великій князь писалъ объ этомъ патриарху константинопольскому Теолишту и Проту Святой горы Симеону, прося прислать въ Москву ватопедскаго старца Савву, котораго, какъ видно, указалъ ватопедскій іеромонахъ Неофитъ, бывшій въ Москвѣ по сбору и теперь возвращавшійся изъ Россіи. Съ этою просьбою и богатою милостынею, въ мартѣ мѣсяцѣ 1515 года посланы были на Аѳонъ отъ великаго князя торговые люди Василій Копылъ и Иванъ Варавинъ.

Посланные, по прибытіи на Святую гору, предложили старцу Саввѣ приглашеніе великаго князя московскаго, но Савва, ссылаясь на старость и болѣзненное состояніе ногъ, отказался. Послѣ этого, Протъ Святой горы Симеонъ, по совѣту ватопедской братіи, рѣшился замѣнить престарѣлаго Савву инокомъ Максимомъ; но Максимъ, какъ бы предвидя, что въ Россіи ожидаютъ его многолѣтнія страданія, отказывался отъ этого тяжкаго порученія и удаленія изъ любимой имъ Святой горы. Игуменъ ватопедскій, видя непреклонность его, сказалъ, что доставить духовную пищу алчущимъ есть святое дѣло величайшей любви; убѣжденія эти смягчили Максима, и онъ, предавши себя въ волю Божию, рѣшился ѣхать въ Россію.

*) Письмо великаго князя на Аѳонъ и отвѣтъ Аѳонцевъ напечатаны въ 5 кн. Врем. Общ. Ист. М. 1850.

При отправленіи Максима въ Москву, ватопедскій игуменъ Анеимъ писалъ митрополиту Варлааму, что избрали и посылають инока Максима „яко свѣдуща въ Божественномъ Писаніи и способнаго къ изъясненію и переводу всякихъ книгъ, и церковныхъ, и глаголемыхъ еллинскихъ. Правда—писалъ онъ,—Максимъ не знаетъ русскаго языка, а только греческій и латинскій, но мы надѣемся, что онъ скоро научится и русскому языку.“ И такимъ образомъ, съ молитвою и напутственнымъ благословеніемъ, инокъ Максимъ отправился съ послами въ Россію, взявши съ собою и вышепомянутаго іеромонаха Неофита и инока Лаврентія, для подготовленія себя къ изученію русскаго языка, такъ какъ они были нѣсколько ознакомлены съ онымъ.

Путешествіе ихъ продолжалось два года, ибо посланные великаго князя нѣсколько времени должны были провести въ Константинополь и потомъ въ Крыму. Максимъ же въ это время занимался изученіемъ русскаго языка, и въ началѣ 1518 года прибылъ въ Москву.

По прибытіи Максима въ Москву, великій князь принялъ его съ радушіемъ и, обласкавши своимъ вниманіемъ и покровительствомъ, назначилъ ему пребываніе въ Чудовомъ монастырѣ, а содержаніе получать отъ его великокняжескаго двора. Кромѣ великаго князя, Максиму оказаль особое вниманіе и первосвятитель московскій Варлаамъ, мужъ святой жизни, который радъ былъ пріѣзду ученаго мужа и впоследствии охотно послѣдовалъ его мудрымъ совѣтамъ къ улучшенію состоянія церковнаго.

Осмотръ великокняжескаго книгохранилища привелъ въ восторгъ любознательнаго Максима, которому такого множества рѣдкихъ книгъ не приходилось видѣть и на Востока. Осмотрѣвши всю библіотеку, Максимъ представилъ великому князю списокъ не переведенныхъ книгъ. Великій князь, посовѣтовавшись съ митрополитомъ и боярами,

просилъ Максима заняться переводомъ толковой Псалтири, такъ какъ эта книга наиболѣе другихъ обращалась въ рукахъ: съ нея начинали знакомиться съ грамотою; къ ней всего чаще обращались въ церковномъ богослуженіи; она служила и для домашняго благочестиваго упражненія, — какъ уединенному подвижнику, такъ равно и простому мірянину. А такъ какъ Максимъ еще не былъ силенъ въ славянско-церковномъ языкѣ, и не ознакомленъ съ его особенностями, то въ помощь дали ему двухъ переводчиковъ: Димитрія Герасимова и Власія, владѣющихъ латинскимъ языкомъ, которые должны были передавать съ латинскаго на церковно-славянскій языкъ то, что будетъ переводить имъ Максимъ съ греческаго на латинскій. Въ пособіе же переводчикамъ назначены были два писца: Михайло Медоварцевъ и инокъ Троицкаго Сергіева монастыря Силуанъ.

Годъ и пять мѣсяцевъ трудился Максимъ надъ переводомъ Псалтири, который и былъ наконецъ представленъ великому князю. Василій Іоанновичъ передалъ книгу митрополиту Варлааму. Святитель съ восторгомъ одобрилъ на соборѣ первый трудъ Максима. Князь въ награду осыпалъ инока новыми милостями. Все это однакожь не обольщало Максима, какъ бы предчувствовавшаго предстоящее ему бѣдствіе. Онъ предвидѣлъ, что труды его могутъ быть не поняты, или худо истолкованы людьми, не отличавшимися образованіемъ и особенно не знавшими греческаго языка. Поэтому въ письмѣ къ великому князю труженикъ, не считая свой трудъ совершенствомъ, изъ скромности и по глубокому смиренію, писалъ: „надлежало бы книгѣ, исполненной такихъ достоинствъ, имѣть и переводчика болѣе опытнаго въ словесномъ искусствѣ, который бы могъ не только глубокомысленныя реченія богомудрыхъ мужей достойно передать, но и временемъ похищенное вознаградить, и не-

вѣжествомъ переписчиковъ поврежденное исправить. Ибо хотя мы и сами греки, *и учились у знаменитыхъ учителей*; но еще стоимъ нѣгдѣ долу, при подошвѣ горы Фаворской, съ девятью учениками, какъ еще неспособные, по грубости разума, быть участниками боголѣнныхъ видѣній Просвѣтителя Іисуса, которыхъ удостоиваются только просіявшіе высокими добродѣтелями. Говорю это потому, что греческій языкъ, по изобилію въ значеніи словъ и въ разныхъ способахъ выраженія, придуманныхъ древними риторамъ, довольно представляетъ трудностей въ переводахъ, для побѣжденія которыхъ нужно бы намъ было еще много времени и усилій. Однако же, сколько Богъ намъ свѣше даровалъ и сколько мы сами могли уразумѣть, не оставили потрудиться, чтобы сказанное нами было переведено ясно, правильно и вразумительно; а поврежденное писцемъ или отъ долговременности, гдѣ возможно было при пособіи книгъ, или по собственной догадкѣ, старались вознаградить, или исправить; гдѣ же не могли мы ничего сдѣлать, оставили такъ, какъ было.“ Притомъ, Максимъ не отрицалъ, что могутъ найтись въ его переводѣ и ошибки, происшедшія отъ недосмотра и недоразумѣнія, — и просилъ, по возможности, исправлять ихъ, но съ тѣмъ, чтобы исправитель самъ былъ силенъ въ знаніи греческаго языка, хорошо былъ знакомъ съ грамматикою, риторикою и съ значеніемъ греческихъ словъ.

Указавъ затѣмъ на труды помощниковъ своихъ, и испросивъ имъ у государя достойнаго награжденія, Максимъ себя, какъ единственной милости, просилъ позволенія возвратиться въ Святую гору вмѣстѣ съ возвращающимися спутниками своими Неофитомъ и Лаврентіемъ. Избавь насъ, писалъ онъ государю, отъ печали долгой разлуки, возврати безбѣдно честному монастырю Ватопедскому, давно уже насъ ждущему. Дай намъ совершить обѣты иноческіе тамъ,

гдѣ мы ихъ произнесли, предъ Христомъ и страшными Его Ангелами, въ день постриженія. Отпусти насъ скорѣе въ мирѣ, чтобы намъ возвѣстить и тамъ находящимся православнымъ о твоихъ царскихъ добродѣтеляхъ, да вѣдаютъ бѣдствующіе христіане тѣхъ странъ, что есть еще на свѣтѣ царь, не только владѣющій многими народами, но и цвѣтущій правдою и православіемъ, подобно Константину и Θεодосію Великимъ. Да даруетъ намъ Господь еще нѣкогда царствовать, освобожденнымъ тобою отъ рабства нечестивымъ“ *).

Усиленные просьбы Максима о возвращеніи на Аеонъ уже показываютъ, что онъ имѣлъ причины опасаться несогласія на то правительства, — съ другой стороны даютъ разумѣть, что не такъ онъ былъ очарованъ благопріятностію обстоятельствъ въ Россіи, чтобы забыть свой убогій Аеонъ. Но не суждено было Максиму когда либо возвратиться на родину, сперва по той необходимости, которую почувствовали въ ученыхъ трудахъ его, а потомъ по тяжкимъ гоненіямъ.

Великій князь, видя по первому опыту перевода Псалтири даровитость глубокаго познанія ученаго грека, никоимъ образомъ не соглашался отпустить его на Святую гору, и упросилъ Максима остаться еще на нѣсколько времени въ Москвѣ. И когда Максимъ, переводя другія книги (толкованіе древнихъ Отцевъ на Дѣянія Апостольскія и толкованіе Іоанна Златоуста на Евангелія Маттея и Іоанна), довольно изучилъ русскій языкъ, Василій Іоанновичъ, по совѣту съ митрополитомъ, поручилъ ему заняться пересмотромъ и исправленіемъ тогдашнихъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Трудъ не легкій и крайне шекотливый; тѣмъ не менѣе Максимъ не могъ отказаться отъ

*) Каранз. т. VII, пр. 340.

него. Немало времени провелъ Максимъ въ трудахъ книжнаго исправленія и во все время онъ пользовался милостями князя. „Жегомый Вожественною ревностью, очищаль плевелы обѣими руками,“ какъ объ этомъ самъ онъ выражался; и дерзая о Господѣ, преподобный иногда высказывалъ рѣзкіе отзывы о томъ, что видѣлъ. Но то, что видѣлъ онъ, видѣли немногіе. Поэтому слѣпая страсть къ старинѣ всѣ тѣ отзывы Максима считала за оскорбленіе святыни. Начался втайнѣ ропотъ на „пришельца греческаго,“—такъ выражались о Максимѣ ропотники; стали говорить въ тихомолку, что Максимъ не исправляетъ, а портитъ церковныя книги! Максимъ еретикъ! Однако, явно никто не дерзалъ возводить клеветы на честнаго и безкорыстнаго труженика, боясь великаго князя, который, кромѣ оказываемой ему любви и уваженія, часто приглашалъ къ себѣ и пользовался его совѣтами въ дѣлахъ церковныхъ и государственныхъ, такъ какъ видѣлъ въ немъ мудраго мужа и ревностнаго поборника за православную вѣру. Между тѣмъ и Максимъ, видя расположеніе къ себѣ государя, не скрывалъ для одного себя эту царскую милость: онъ чрезъ это вниманіе приносилъ пользу и ближнимъ, часто ходатайствуя предъ великимъ княземъ за бояръ, подпавшихъ его гнѣву. Ревнуя о чистотѣ православной вѣры, преподобный и собору духовному подавалъ совѣтъ ревностно дѣйствовать противъ упорныхъ пререкателей вѣры, наипаче же противъ ереси Жидовской, возмущавшей Церковь, и предлагалъ митрополиту Варлааму перевести собраніе правилъ церковныхъ, но въ исправленіи богослужебныхъ книгъ дѣйствовалъ осторожно, представляя свои недоумѣнія на разрѣшеніе святителя, если находилъ что излишнимъ противъ греческихъ книгъ. Хотя дѣло и производилось келейно, однако возбудилъ онъ неудовольствіе духовенства: всѣ заговорили, будто Максимъ отвергаетъ русскія церковныя

книги и утверждаетъ, что на Руси нѣтъ ни Евангелія, ни Апостола, ни псалтири, ни устава. Клеветы сіи не могли бы имѣть никакихъ послѣдствій для ученаго пришельца греческаго, если бы на кафедрѣ московской оставался благоразумный пастырь, ему покровительствовавшій; но въ 1521 году вынужденъ былъ Варлаамъ оставить свою кафедру, по неудовольствію съ великимъ княземъ: и на его мѣсто поступилъ Даніилъ изъ иноковъ Волоколамскаго монастыря, тяжкій для Максима; и отселѣ начались всѣ его бѣдствія.

Преподобный Максимъ и прежде замѣчалъ, что несправедливо включено въ присягу архіерейскую обязательство никого не принимать отъ константинопольскаго патріарха. Оно могло быть нужнымъ тогда, какъ дѣла православія, въ послѣдніе годы греческой имперіи, въ Константинополѣ колебались; но въ послѣдствіи, когда патріархъ строго держался православія, оно было оскорбительно для престола патріаршаго, ибо порабощеніе имперіи не могло имѣть никакого вліянія на дѣла вѣры.—Максимъ не оставилъ этого безъ замѣчанія и написалъ объ этомъ слово. Перемѣна митрополита подала поводъ и къ другому вопросу: почему новый митрополитъ поставленъ безъ сношенія съ греческимъ патріархомъ? Любопытствующему иноку отвѣчали, что есть въ Москвѣ благословенная грамота отъ патріарха константинопольскаго, которою дозволяется русскимъ митрополитамъ ставиться своими епископами. Но сколько ни доискивался Максимъ, не могъ онъ видѣть этой грамоты.—Такіе вопросы и сомнѣнія, конечно, не были пріятны Даніилу.

Новымъ митрополитомъ не были довольны, потому что находили его слишкомъ угодливымъ предъ свѣтскою властію: у Максима были знакомые между этими недовольными,—которые приходили къ нему за совѣтами.—Въ одно время Даніилъ просилъ ученаго инока заняться переводомъ

Церковной Исторіи блаженнаго Θεодорита, — неизвѣстно для какой цѣли. — Преподобный Максимъ отказался отъ сего порученія, потому что въ этой книгѣ много помѣщено актовъ еретическихъ, которые могли быть соблазнительны для простаго народа. Это очень огорчило митрополита.

Неудовольствія на преподобнаго Максима возрастали и съ другихъ сторонъ. Въ разныхъ писаніяхъ своихъ онъ обличалъ притязательность иноковъ, заботившихся только о приумноженіи своихъ имѣній, напоминалъ объ обѣтахъ, данныхъ каждымъ при постриженіи, восхвалялъ, видѣнные имъ на Западѣ, монастыри братьевъ нищенствующихъ. Враги Максима всѣмъ этимъ пользовались и разсѣвали противъ него клеветы, будто онъ порицаетъ св. иноковъ русскихъ, которые не отказывались отъ богатыхъ приношеній, дѣлаемыхъ ихъ монастырямъ, принимали и приобрѣтали села и деревни. Кромѣ того, общественные пороки, насилія слабымъ отъ сильныхъ, бѣднымъ отъ богатыхъ, — все вызывало его обличенія. Его положеніе было довольно особенное. Какъ безпристрастнаго инока, какъ ученаго мужа, много видѣвшаго на свѣтѣ, его спрашивали о многомъ, что дѣлалось высшею властію, и потомъ передавали его рѣчи съ своими толкованіями.

Но Максимъ, какъ адамантъ, твердо ратовалъ по благочестію, онъ не падалъ духомъ, и на всѣ распростра­няемыя на него клеветы смотрѣлъ безбоязненно, ибо чистая его душа только одного и желала: неутомимо и ревностно дѣйствовать о истинѣ Христовой, для пользы ближнихъ.

Въ то время Римская Церковь, обезсиливаемая на Западѣ Лютеромъ, много заботилась, чтобы распространить свою власть на Россію и склонить русскихъ къ соединенію съ нею. Для этой цѣли со стороны папы посланъ былъ легатъ Николай Шонбергъ, который, по прибытіи

своемъ въ Москву, началъ распространять между народомъ „слово о соединеніи Руссовъ и Латинянъ.“ Онъ успѣлъ обольстить боярина Θεодора Карпова, колебалъ и другихъ; особенно мысли его о фортунѣ производили волненіе въ суевѣрномъ народѣ.

Преподобный Максимъ зорко слѣдитъ за ходомъ дѣла и, вооружившись оружіемъ правды, возсталъ противъ лукавства римскаго, разбилъ и опровергъ всѣ доводы и козни Шонберга, написавъ по этому поводу до 15-ти сочиненій, преслѣдуя на каждомъ шагу вѣроломства папистовъ; въ то же время его мудрыя писанія были направлены противъ іудеевъ, язычниковъ и магометанъ. Труды сіи на время оберегали Максима отъ злобы распространившагося невѣжества, ибо не были противны духу времени.

Не страшился Максимъ страстей человѣческихъ, ибо еще не испыталъ всей ихъ силы.—„Заповѣдь Божія повелѣваетъ намъ, говорилъ онъ, проповѣдывать всѣмъ, вопрошающимъ насъ о Евангельской истинѣ, не смотря на злобу невѣжества,“ и онъ не щадилъ самолюбія, обличая пороки духовенства и вельможъ. Столь яркій свѣтъ его ученія былъ слишкомъ тяжелъ для больныхъ очей; ожидали только случая, чтобы раздраженное самолюбіе могло пасть на ревнителя истины и благочестія, и этотъ случай представился въ 1524 году. Великій князь Василій Іоанновичъ, скучая 20-ти лѣтнимъ неплодствомъ супруги своей, добродѣтельной Соломоніи, задумалъ расторгнуть бракъ съ нею и вступить въ новый съ Еленою Глинскою, чтобы имѣть наслѣдника престола. Такъ какъ законъ Евангельскій и правила церковныя не дозволяли расторженія брака по такой причинѣ, то окружающіе государя нашли полезнымъ, для достиженія своей цѣли, устранить людей, которые могли противодѣйствовать сему намѣренію. Митро-

полить Данилъ былъ на сторонѣ великаго князя; старецъ Максимъ, какъ надлежало ожидать, на сторонѣ правилъ церковныхъ, и съ нимъ вмѣстѣ прямодушный другъ его, старецъ Вассіанъ, потомокъ князей литовскихъ, котораго до того времени много уважалъ великій князь. Движимый ревностію, преподобный написалъ наставленія великому князю, въ которомъ убѣждалъ его не покоряться плотскимъ страстямъ. „Того почитай истиннымъ самодержцемъ, о благовѣрнѣйшій царь! писалъ онъ, который правдою и благозаконіемъ ищетъ устроить житіе своихъ подручниковъ и старается всегда преодолѣть похоти и безсловесныя страсти своей души, ибо тотъ, кто ими одолевается бываетъ, не есть одушевленный образъ небеснаго Владыки, но только челоукообразное подобіе безсловеснаго естества.“ Тогда предсталъ недоброжелателямъ давно желанный случай отмстить иноземцу, который осмѣливался осуждать русское. Донесли великому князю, что Вассіанъ и Максимъ, съ друзьями своими, творятъ укоризну царству Русскому и, по своему произволению, искажаютъ слова церковныхъ книгъ, обвинили и въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ двумя опальными боярами, Берсенемъ и Жаренымъ, и даже въ мнимыхъ сношеніяхъ съ посломъ турецкимъ Искандеромъ, бывшимъ въ Москвѣ, чрезъ котораго будто бы Максимъ писалъ Султану, чтобы шелъ войною на Россію, и невыгодно отзывался о военныхъ силахъ великаго князя и его жестокостяхъ. Послѣ девятилѣтнихъ постоянныхъ почестей, внезапно схватили Максима въ февралѣ 1524 года и безъ всякаго распроса бросили въ кандалахъ въ темницу Симонова монастыря, гдѣ онъ томился нѣсколько дней. Затѣмъ Максима потребовали къ суду и допрашивали, какія имѣлъ онъ сношенія съ опальными боярами, но добродѣтельному старцу нечего было таить что либо изъ своихъ бесѣдъ, потому что

многіе приходили къ нему за душеполезными совѣтами. Онъ разсказалъ, что говорили ему умные; хотя и не причившіеся къ терпѣнію, бояре, открылъ и то, что самъ говорилъ имъ, когда жаловались, что недолго стоитъ земля, которая перемѣняетъ свои обычаи: „нѣтъ, бояре, обычаи царскіе и земскіе Государи перемѣняютъ, какъ лучше государству, но та земля, которая преступаетъ заповѣди Божіи, та должна ожидать казни отъ Бога.“ Искренній во всѣхъ дѣлахъ своихъ, не скрылъ даже тайныхъ мыслей души и о великомъ князѣ, о задушевной жалобѣ своей на невниманіе державнаго къ слезамъ вдовицъ, что могло быть отнесено и къ великой княгинѣ Соломоніи: ибо это было главнымъ источникомъ неудовольствія. Но не подѣйствовали обличенія Максимовы: въ февралѣ былъ онъ посаженъ въ темницу, въ ноябрѣ уже пострижена Соломонія, а въ январѣ вступилъ великій князь въ бракъ съ Еленою Глинскою: все сіе совершилось въ теченіи одного года.

Вынуждены были однако отпустить на свободу преподобнаго, такъ какъ нельзя было обличить его ни въ какихъ винахъ государственныхъ; но враги не оставались въ покоѣ; они обратились къ такому предмету, по которому легче было обвинить его: къ дѣлу о исправленіи церковныхъ книгъ. По волѣ митрополита Даніила, созванъ былъ Соборъ въ палатахъ великокняжескихъ и явились обвинители на пришельца греческаго, будто бы онъ искажалъ смыслъ Священнаго Писанія и давалъ значеніе минувшаго времени дѣйствию непреходящему, какъ, напри- мѣръ, въ выраженіи о Сынѣ Божіемъ: „сѣде одесную Бога“ замѣнилъ прошедшимъ временемъ того же глагола „сѣдѣлъ еси.“ и что воскресшую плоть Христову наименовалъ описуемою. Максимъ въ оправданіе себѣ указывалъ на грамматическое значеніе приводимыхъ словъ, которыя выра-

жали время прошедшее, но и это обратили ему въ обвиненіе, какъ будто признаетъ сѣдѣніе Сына одесную Отца уже окончившимся, и приводили противъ него, какъ бы на еретика, свидѣтельства святыхъ отцевъ. Тогда Максимъ смиренно призналъ первую свою поправку за погрѣшность, говоря, что онъ не зналъ тогда довольно русскаго языка и различія сихъ изреченій, ибо передавалъ мысль свою на латинскомъ языкѣ толмачамъ русскимъ, которыхъ спрашивалъ по совѣсти, приличны ли такія выраженія? Касательно же слово описуемаго, старался защитить оное выводами Святаго Писанія, но никто не хотѣлъ его слушать.

Три раза повергался онъ на землю предъ Соборомъ, умоляя о помилованіи, ради милости Божіей къ немощамъ человѣческимъ, и со слезами просилъ простить ему погрѣшности, если какія допущены были имъ въ книгахъ; все было напрасно: его осудили, какъ еретика, испортившаго Писаніе Божіе, схватили опять и вывезли изъ города такъ тайно, что въ Москвѣ не знали даже: живъ ли онъ и гдѣ заключенъ? Но страдалецъ томился въ душевной темницѣ Іосифо-Волоколамскаго монастыря, гдѣ отлученъ былъ, какъ нераскаянный грѣшникъ, отъ приобщенія св. Таинъ, подъ строгимъ присмотромъ духовныхъ старцевъ; не только запрещено было ему видѣться съ кѣмъ либо изъ постороннихъ, но даже ходить въ церковь: такова была горькая участь пришельца греческаго, вызваннаго съ такою честію со Святой горы. Отъ дыма и смрада, отъ узъ и побоевъ впадалъ онъ по временамъ какъ бы въ омертвѣніе; но здѣсь же явившійся ему Ангелъ сказалъ: „терпи, старецъ, сими муками избавишься вѣчныхъ мукъ;“ и здѣсь, на стѣнахъ своей волоколамской темницы, написалъ онъ углемъ канонъ Утѣшителю Духу Святому, который и нынѣ воспѣвается въ церкви.

„Иже манною препитавый Израиля въ пустыни древле, и душу мою, Владыко, Духа наполни всесвятаго; яко да о немъ богоугодно служу Ти выну.“

„Всегда бурями губительныхъ страстей и духовъ возмущаемъ душею, Тебѣ всеблаженному Параклиту, яже о моемъ спасеніи, яко Богу, возлагаю.“

Игуменомъ Волоколамскаго монастыря былъ тогда суровый Нифонтъ изъ учениковъ Даниила и, по свидѣтельству князя Курбскаго, много потерпѣлъ преподобный отъ глаголемыхъ Іосифлянъ, ибо до четырехъ лѣтъ продлилось тяжкое его заключеніе въ ихъ обители. Ученики и друзья Максима раздѣлили его участь: Силуанъ отвезенъ въ Соловецкій монастырь и тамъ уморенъ въ дыму; Михаилъ Медоварцевъ сосланъ въ Коломну; а Савва святогорець архимандритъ спасекій заточенъ въ Возмицкій монастырь города Волоколамска; немного позже Максима, сосланъ въ тотъ же Іосифовъ монастырь и другъ его, Вассіанъ, не смотря на княжескій родъ свой, а между тѣмъ враги Максима, искажая его оправданія, доносили на него въ Москву, что Максимъ не кается и только повторяетъ одно и то же: „чистъ есмь отъ чрева матере моя и донинѣ отъ всякаго грѣха.“

Но тѣмъ не кончились страданія преподобнаго; черезъ пять лѣтъ снова потребовали къ суду Максима въ престольный городъ; это было уже въ 1531 году. Архіепископъ новгородскій Макарій, собиравшій свои Четив-Миней, обратилъ вниманіе Митрополита на переводъ житія Пресвятой Богородицы, сдѣланный Максимомъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Въ спискахъ сего перевода найдено было много погрѣшностей. Митрополитъ открылъ новый Соборъ и припомнилъ прежнія обвиненія страдальца. Съ ужасомъ отвергнулъ Максимъ хульные изреченія, внесенныя въ его переводъ!— „Я такъ не переводилъ, воскли-

цалъ онъ, такъ не писалъ и не велѣлъ писать, это ложь на меня, я такъ не мудрствую; если же кто произноситъ такія хулы, тотъ пусть будетъ проклятъ;“ но его отрицанія не приняли и повѣрили двумъ лжесвидѣтелямъ, которые утверждали, будто слышали неоднократно отъ самого Максима, когда изъясляли сомнѣнїе противъ его перевода: „такъ это надобно.“ Спрашивали еще Максима, почему исключилъ изъ службы Троицкой вѣчерни великій отпустъ и изъ осьмага члена Символа Вѣры слово „истиннаго?“ Преподобный Максимъ защищался сколько могъ, отвѣчая, что ничего не приказывалъ исключать. Касательно же исключенія въ Символѣ, ссылаясь на древнія рукописи греческія, гдѣ вмѣсто „истиннаго“ стояло другое слово „Господа животворящаго.“

Не смотря на то, не освободили узника и даже не разрѣшили ему прїобщенія св. Таинъ; измѣнили только мѣсто заключенія, назначивъ ему пребываніемъ тверской Отрочь монастырь, подъ строгимъ надзоромъ тверскаго епископа Акакія. Это заключеніе было легче; епископъ, не стѣняясь опредѣленіемъ соборнымъ, часто приглашалъ невиннаго узника за свою трапезу; большимъ утѣшеніемъ для него служило то, что могъ читать книги, и онъ написалъ себѣ въ утѣшеніе словеса инока, затвореннаго въ темницѣ и скорбящаго, которыми утверждалъ себя въ терпѣнїи: „Не тужи, не скорби, ниже тоскуй, любезная душа, о томъ, что страждешь безъ правды, отъ руки тѣхъ, отъ коихъ подобало бы тебѣ прїять все благое, ибо ты пользовала ихъ духовно, предложивъ имъ трапезу, исполненную Святаго Духа, т. е. сказанія Боговдохновенныхъ пѣснопѣній Давидовыхъ, которыя перевелъ я отъ бесѣды эллинской на бесѣду шумящаго вѣщанія русскаго; но паче благодарствуй твоему Владыкѣ и прославляй Его, что сподобилъ тебя въ нынѣшнемъ житїи, привременными скорбями, за-

платить съ лихвою весь долгъ многихъ талантовъ, коими былъ одержимъ. Внимай себѣ, да не помыслишь, что время сіе есть время сѣтованія, но паче Божественной радости, да не постраждешь, окаянная, сугубою нищетою, мучимая за свою неблагодарность въ настоящемъ и будущемъ вѣкѣ; если такъ вооружаешь себя всегда, радуйся и веселися, какъ повелѣваетъ тебѣ Господь, ибо мзда твоя многая на небесахъ!“

Въ 1534 году скончался великій князь и преподобный Максимъ думалъ воспользоваться благопріятнымъ временемъ, чтобы оправдать себя письменно въ возведенныхъ на него клеветахъ. — Въ письменномъ исповѣданіи онъ предложилъ свое вѣрованіе, вполне православное, и свидѣтельствовалъ, что еретическими словами наполнены не тѣ книги, которыя имъ исправлены, но тѣ, которыя противники его считали за святыню.

„Поелику нѣкоторые, не знаю почему, не страшатся называть еретикомъ меня, невиннаго человѣка, врагомъ и измѣнникомъ Богохранимой Россійской державы, то праведнымъ и необходимымъ нахожу отвѣчать моимъ клеветникамъ. Благодатию истиннаго Бога нашего Иисуса Христа, я по всему правовѣрный христіанинъ и прилѣжный богомолецъ Русской державы, если же и не великъ въ разумѣ и познаніи Божественныхъ Писаній, однако посланъ сюда отъ всея Святыя горы, по прошенію и грамотѣ благовѣрнаго великаго князя, отъ котораго, въ теченіе девяти лѣтъ, преизобильныя получалъ почести. — Повинуясь его повелѣнію, не только перевелъ я толкованіе Псалтири съ греческаго, но и иныя боговдохновенныя книги, различно испорченныя отъ переписчиковъ, хорошо я исправилъ благодатию Христовою и содѣйствіемъ Утѣшителя Духа, какъ всемъ извѣстно. Не знаю, что случилось съ нѣкоторыми, враждебно ко мнѣ расположенными, которые утверждаютъ: будто я не исправляю, а только

порчу боговдохновенныя книги; воздадутъ они слово Господу за то, что не только препятствуютъ богоугодному дѣлу, но и на меня бѣднаго и невиннаго клеветуютъ и ненавидятъ, какъ еретика; я же не порчу священныя книги, но прилѣжно и со всякимъ вниманіемъ, со страхомъ Божиимъ и правымъ разумомъ, исправляю въ нихъ то, что испорчено или переписчиками ненаученными и неопытными, или даже въ началѣ, при ихъ переводѣ, мужами приснопамятными, но не довольно разумѣвшими силу эллинскихъ рѣчей. — Исправляю не Святыя Писанія, но то, что въ нихъ вкралось отъ непохвальныхъ описей, отъ недоумѣнія или забвенія древнихъ переводчиковъ, или отъ многаго невѣжества и небреженія новыхъ переписчиковъ. Но, быть можетъ, нѣкоторые противники скажутъ: великое ты наносишь тѣмъ оскорбленіе возсіявшимъ въ землѣ нашей чудотворцамъ. Съ сими священными книгами благоугодили они Богу въ жизни и по преставленіи прославлены отъ Него силою чудодѣйственною. Не я буду отвѣчать имъ, но самъ блаженный Апостоль Павелъ, да научить ихъ Духомъ Святымъ, глаголя: „одному дается Духомъ слово премудрости, другому слово разума тѣмъ же Духомъ, иному же дарованіе исцѣленій въ томъ же Духѣ, другому же дѣйствія силъ; иному пророчества, иному различіе духовъ, иному же разные языки, а иному истолкованіе языковъ: все же сіе дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя властію каждому, какъ Ему угодно“ (1 Кор. 12, 7—11). Ясно изъ сего, что не всякому даются вмѣстѣ все дарованія духовныя. Исповѣдую и я, что святыя русскія чудотворцы, по дарованію, имъ данному свыше, возсіяли въ землѣ Русской, и покланяюся имъ, какъ вѣрнымъ Божиимъ угодникамъ, но ни различныя языки, ни толкованіе оныхъ не приняли они свыше. Посему не должно удивляться, если отъ столь святыхъ мужей утаилось исправленіе мно-

гихъ исправленныхъ мною описей: имъ, ради Апостольскаго ихъ смиренномудрїа, кротости и святаго житїа, дано было дарованіе исцѣленій и чудесъ предивныхъ; другому же, хотя и грѣшенъ онъ паче всѣхъ земнородныхъ, дарованы разумѣніе и толкованіе языковъ и не должно тому дивиться.“

„Будь миѣ свидѣтелемъ Господь Іисусъ Христосъ, истинный Богъ нашъ, что кромѣ множества моихъ согрѣшеній ничего хульнаго въ себѣ не вѣдаю о святой христіанской нашей вѣрѣ; называвшимъ же меня врагомъ Русской державы да не вмѣнитъ Господь Богъ такое ихъ согрѣшеніе.“ — Въ заключеніи умолялъ отпустить его на святую гору Аѳонскую, представляя и то, что судъ о немъ принадлежитъ не русскимъ епископамъ, а вселенскому патріарху. Но участь страдальца Максима не измѣнилась; крамольные бояре, управлявшіе государствомъ во дни малолѣтства Іоанна, заняты были только своими кознями и губили одинъ другаго. Не долго пользовался преподобный и снисхожденіемъ епископа Тверскаго Акакія. Пожаръ, истребившій въ 1555 году великолѣпный храмъ, созданный въ Твери Акакіемъ, подалъ поводъ Максиму высказать, по обыкновенію своему, правду о жителяхъ Твери и ихъ пастырѣ, и это возбудило сильное негодованіе Акакія, который даже огласилъ такое обличеніе неправославнымъ.

Между тѣмъ умерла правительница Елена. и самъ митрополитъ Даніиль, послѣ десятилѣтняго управленія Церковію, сосланъ былъ въ заточеніе въ Іосифовъ монастырь. Страдалецъ Максимъ почелъ долгомъ примирить съ собою совѣсть изгнаннаго святителя. Узнавъ чрезъ близкаго къ себѣ челоуѣка, что Даніиль продолжаетъ питать къ нему прежнее нерасположеніе, заклиналъ его, именемъ Отца Небеснаго, оставить вражду, съ глубокимъ смиреніемъ гово-

рилъ о своей невинности и въ заключеніе сказалъ, что обвиненіе въ ереси, которое не престають противъ него повторять, есть только дѣйствіе оскорбленнаго самолюбія, всегда жестокосердаго къ другимъ. Преподобный рѣшился написать еще о своей вѣрѣ отчетъ новому митрополиту Іоасафу и на имя бояръ слово отвѣщательное на исправленіе книгъ русскихъ, съ тою же свободою духа свидѣтельствуя предъ ними, что не по лицемѣрію пишетъ къ нимъ, и не съ ласкательствомъ, чтобы получить временную славу и нѣкую отраду въ своихъ бѣдахъ.

Новый митрополитъ старался утѣшить страдальца милостивымъ словомъ, но, будучи самъ обуреваемъ крамольными боярами, не могъ облегчить участи невиннаго узника: „Цѣлуемъ узы твои, какъ единого отъ святыхъ, писалъ онъ преподобному, но ничего не можемъ болѣе сдѣлать въ твою пользу.“ Онъ желалъ допустить осужденнаго до общенія св. Тайнъ; но противники соглашались не иначе, какъ подъ предлогомъ смертной болѣзни. Глушаясь примѣсью обмана къ святому дѣлу, Максимъ не согласился на такое условіе, и наконецъ, къ своему утѣшенію, послѣ тринадцати-лѣтняго несправедливаго запрещенія, получилъ разрѣшеніе приступать къ святымъ Тайнамъ, когда пожелаетъ. Новый опытъ крамолы боярской, низверженіе святителя Іоасафа, возбудилъ въ преподобномъ ревность; презрѣвъ собственною опасностію, онъ изобразилъ опытною рукою бѣдственное состояніе Русскаго царства, подъ образомъ жены, окруженной лютыми звѣрями, одѣтой въ рубищѣ и сидящей на распутіи, ибо бѣдствія его отечества поражали глубоко душу Максима, такъ какъ и радости его были радостями для его сердца.

Въ 1545 году, по предстательству Небесной Владычицы, спасена была Москва отъ несмѣтныхъ полчищъ Крымскаго хана, нечаяннымъ ихъ бѣгствомъ, и Максимъ воспѣлъ бла-

годарственную пѣснь Господу Иисусу за спасеніе Россіи; а между тѣмъ, въ уединеніи своемъ, изливаль скорбь объ участи грѣшной души за предѣлами гроба, переводя слово св. Кирилла о исходѣ души.

Святители восточные не оставались равнодушными къ участи долго томившагося на Руси страдальца, и патріархъ вселенскій Діонисій и столѣтній старецъ Іоакимъ, патріархъ александрійскій, писали въ 1545 году къ юному царю Іоанну объ освобожденіи страдальца Максима. Особенно умилительно было посланіе послѣдняго. „Имѣемъ слово и малое прошеніе изглаголатъ царствію твоему и молимъ, да услышишь внятно: тутъ въ землѣ царства твоего обрѣтается нѣкій человекъ, инокъ отъ святой горы Аѳонской, учитель православной вѣры, имя ему Максимъ; на него, по дѣйству діавольскому и кознямъ злыхъ людей, крѣпко разгнѣвалось величайшее твое царствіе и ввергло его въ темницы и узы нерѣшимыя, и не можетъ ни туда ни сюда ходить и учить слову Божію, какъ дароваль ему Богъ. Мы слышали о немъ и получили писаніе отъ многихъ великихъ людей, тамъ сущихъ, и отъ св. горы Аѳонской, что тотъ Максимъ, связанный, несправедно связанъ и пойманъ отъ царства и власти твоей. Не творять такъ православные христіане надъ нищимъ, паче же надъ инокомъ, и наипаче цари, удостоенные великаго смысла и учивенные отъ Бога праведными судіями, чтобы имѣть дверь свою отверзтою ко всемъ приходящимъ. Праведно заключать въ узы не боящихся тебя, озлобляющихъ, и вязать хотящихъ вамъ зла; но убогихъ, наипаче же учителя, каковъ тотъ убогій Максимъ, который наставляль, поучаль и пользоваль многихъ христіанъ въ царствіи твоемъ и индѣ, не подобаетъ несправедно держать и силою оскорблять, ибо воздыханія убогихъ не погибнуть до конца, а наипаче иноковъ; неприлично царствію твоему давать вѣру

всякому слову и всякому писанію, къ тебѣ приходящему, безъ разсмотрѣнія и испытанія; сего ради молимъ, когда увидишь посланіе наше, да освободишь вышеписаннаго инока Максима святогорца и дашь ему всякую свободу идти, куда пожелаетъ, наипаче же на свое постриженіе. Помоги и поспѣши ему, сколько Богъ положитъ на сердцѣ твоємъ, по обычаю похвальнаго твоего царствія и не хоти посрамить насъ въ этомъ. Если послушаешь словесъ моихъ, будешь имѣть похвалу отъ Бога, а отъ насъ молитву и благословеніе. Никогда я не писалъ къ тебѣ доселѣ, ни просилъ какого либо утѣшенія отъ тебя, не оскорби же меня и въ этомъ и не заставь написать иное посланіе къ царствію твоему, вторичное моленіе, ибо не престану отъ такихъ прошеній, доколѣ не услышитъ меня великое твое царствіе и не даруешь мнѣ сего человѣка.“

Но и это прошеніе осталось безуспѣшнымъ; преподобный съ своей стороны, посылая царю кроткое увѣщаніе жить по христіански, просилъ преклониться къ умиленнымъ его моленіямъ и исполнить праведное прошеніе о немъ святителей; но подозрительный духъ того времени не позволилъ исполнить подобное прошеніе: слишкомъ много видѣлъ на Руси преподобный, чтобъ быть ему отпущеннымъ изъ Россіи; наконецъ только въ 1551 году, послѣ 20-ти лѣтняго заключенія въ Твери, троицкій игуменъ Артемій, другъ Максима, съ нѣкоторыми добродѣтельными боярами, упросилъ державнаго освободить невиннаго пришельца, и старецъ, мирно принятый въ Москвѣ, съ честію вступилъ въ лавру Преподобнаго Сергія; но уже онъ былъ изможденъ тяжестію оковъ и темницы, внутренними скорбями и внѣшними страданіями, и былъ слабъ не только ногами, но и всѣмъ тѣломъ; однако духъ его еще былъ бодръ и способенъ къ высокимъ созерцаніямъ.

По просьбѣ ученика своего Нила, изъ рода князей

Курлятевыхъ, преподобный Максимъ, послѣ столькихъ бурь, занялся въ уединеніи лавры Сергіевой переводомъ Псалтири съ греческаго на русскій языкъ, не смотря на свои преклонные годы, ибо ему было уже около 70 лѣтъ. Черезъ два года послѣ водворенія его подъ сѣнію преподобнаго Сергія, царь Іоаннъ Васильевичъ посѣтилъ святаго старца въ его мирной келліи, и открылъ ему свое намѣреніе совершить богомолье въ обитель Кириллову, по данному обѣту за свое исцѣленіе. Опытный старецъ сказалъ государю искреннее слово, которое всегда привыкъ говорить державнымъ: „Обѣтъ царствія твоего не согласуетъ времени ради того, что вдовы, сироты и матери избіенныхъ подъ Казанью, еще проливаютъ слезы, ожидая скорой твоей помощи: собери ихъ подъ царственный кровъ твой, и тогда всѣ Святые Божіи возрадуются о тебѣ и вознесутъ теплое моленіе о твоей державѣ, понеже Богъ и Святые Его не по мѣсту внемлютъ молитвамъ нашимъ, но по доброму произволенію нашего сердца.“ Смирненно выслушалъ царь искреннее слово многострадальнаго Максима, но не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія, почитая оное благочестивымъ; тогда святой старецъ сказалъ князю Курбскому, одному изъ четырехъ бояръ, сопутствовавшихъ царю, слово пророческое, которое просилъ передать державному: „если не послушаешь меня, совѣтующаго тебѣ по Богѣ и презришь крови избіенныхъ отъ поганыхъ, вѣдай, что умретъ сынъ твой новорожденный Димитрій!“—Но Іоаннъ упорствовалъ, и сбылось пророчество святаго.

Это еще болѣе исполнило уваженіемъ къ нему грознаго царя, не только какъ къ исповѣднику истины, но и какъ къ пророку. На слѣдующій годъ пригласилъ онъ преподобнаго на Соборъ въ Москву, для обличенія новой возникшей тамъ ереси Матвѣя Башкина, которая имѣла сход-

ство съ Кальвинскою, ибо Башкинъ заразился симъ новымъ ученіемъ Запада; когда же Максимъ, по дряхлости, уклонился отъ присутствования на Соборѣ, царь написалъ ему посланіе, которымъ просилъ преподобнаго, чтобы прислалъ къ нему свой отзывъ о странномъ ученіи. „Да будетъ тебѣ вѣдомо, ради какой вины поднялись мы писать къ тебѣ сіе посланіе, ибо дошло до нашего слуха, что нѣкоторые еретики не исповѣдуютъ Сына Божія, равнаго Отцу, и Святое тѣло Господа нашего Иисуса Христа и честную кровь Его ни во что вмѣняютъ, но какъ простой хлѣбъ и вино приѣмлютъ, и Церковь отрицаютъ и называютъ идолами изображенія Господа, Пречистой Его Матери и всѣхъ Святыхъ, и не приѣмлютъ покаянія, ни отеческихъ предавій, возлагая гордость свою на седмь вселенскихъ соборовъ, и иныхъ поучаютъ сему злочестію: сего ради содрогнулся я душею и воздохнулъ изъ глубины сердца, и не мало о томъ поболѣзновалъ, что такое злочестіе вошло въ землю нашу, въ нынѣшнѣе слабое время въ послѣдніе роды, и помыслилъ возложить печаль свою на Господа, да соберутся всѣ обрѣтающіеся подъ областію моею епископы, игумены и черпорицы, да исторгнутъ терніе изъ чистой пшеницы и будутъ споспѣшники святымъ седми вселенскимъ соборамъ. Изволилось мнѣ и по тебя послать, да будешь и ты поборникомъ православія, какъ первые богоносные отцы, да примутъ и тебя небесныя обители, какъ и прежде подвизавшихся ревнителей благочестія, имена коихъ тебѣ извѣстны. Итакъ, явись имъ споспѣшникомъ и данный тебѣ отъ Бога талантъ умножь и ко мнѣ пришли отповѣдь на нынѣшнее злодѣйство; слышали мы, что ты оскорбляешься и думаешь, что мы для того за тобою послали, что счисляемъ тебя съ Матвѣемъ. Но не буди того, чтобы вѣрнаго вчинять съ невѣрными; ты же отложи всякое сомнѣніе и, по

данному тебѣ таланту, насъ писаніемъ не оставь въ отвѣтъ на сіе посланіе; прочее же миръ тебѣ о Христѣ. Аминь.“

Итакъ, на самомъ закатѣ дней, отдана была, наконецъ, полная справедливость исповѣднику истины, и это было послѣднимъ церковнымъ дѣяніемъ великаго страдальца. Черезъ годъ онъ скончался, въ 1556 году, послѣ сорокалѣтнихъ трудовъ и страданій, въ старости глубокой, испытанной всѣми бѣдствіями жизни. Древній сказатель о пришествіи Максима въ престольный градъ свидѣтельствуешь, что, по смерти преподобнаго, пробудилось къ нему общее уваженіе и многіе стремились въ Лавру къ его священнымъ останкамъ, какъ къ мощамъ, называя его то пророкомъ, то великимъ учителемъ. Дѣйствительно, незабвененъ долженъ быть для русскаго народа невинный страдалецъ, Преподобный Максимъ Грекъ, ярче другихъ освѣтившій мракъ тогдашняго состоянія, съ болѣзненнымъ воплемъ своими словами вызывалъ изъ онаго несчастныхъ на путь спасенія. Хотя онъ и дорого заплатилъ за свою пламенную любовь къ истинѣ и за ревность къ славѣ Божіей, но, не смотря на все это, посѣянное имъ сѣмя въ послѣдствіи принесло изобильные плоды отъ трудовъ праведнаго мужа.

Спустя три года (1559), послѣ кончины Преподобнаго Максима, во время пребыванія въ Москвѣ константинопольскаго патріарха Іереміи, который пріѣхалъ для посвященія перваго всероссійскаго патріарха Іова, архимандритъ Сергіевской обители и многіе благочестивые люди за долгъ совѣсти сочли просить его, чтобы торжественно произнесено было разрѣшеніе почившему труженику. Патріархъ похвалилъ благое желаніе почитателей страдальца, съ любовію далъ отъ себя разрѣшительную грамоту сему исповѣднику.

Къ числу почитателей Преподобнаго Максима принадлежалъ князь Курбскій, ревностный защитникъ православія и знавшій жизнь его. Онъ съ уваженіемъ относился къ нему и не иначе называлъ его, какъ святымъ и пре-

подобнымъ, а также и преподобный Діонисій архимандритъ Сергіевой обители, который питая особую любовь къ святому, много заботился, чтобы труды ученаго и праведнаго мужа были извѣстны Церкви. Всѣ сочиненія преподобнаго Максима, которыя онъ написалъ на разные предметы, изданы въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ (1859, 60, 61 и 62 гг.) и заключаютъ въ себѣ поученія: нравственныя, обличительныя и историческія. Митрополитъ же московскій Платонъ устроилъ надъ незабвеннымъ прахомъ преподобнаго Максима раку и палатку. А въ 1840 году усердный почитатель великихъ людей, намѣстникъ Свято-Троицкія Сергіевы лавры, архимандритъ Антоній, по своей пламенной любви ко всему историческому, съ благословенія святителя московскаго Филарета устроилъ надъ его могилою часовню, гдѣ во всякое время, по усердію желающихъ служатся панихиды по преподобномъ Максимѣ.

Послѣ себя препод. Максимъ оставилъ много ревностныхъ и умныхъ учениковъ. Таковыя были, кромѣ вышепомянутыхъ страдальцевъ Силуана, Саввы архимандрита новоспасскаго и Михаила Медоварцева, инокъ Ниль Курлятевъ, Димитрій Толмачъ, Зиновій, инокъ отенскій—мужъ съ просвѣщеніемъ, далеко превосходившимъ понятія его времени, святой Германъ, архіепископъ казанскій, князь Андрей Курбскій, который устныя наставленія многострадальнаго Максима употреблялъ въ защиту противъ проповѣдниковъ лютеранства.

Сказавъ о жизни преподобнаго Максима, не умолчимъ и о чудесахъ, бывшихъ надъ его гробомъ, которыя записаны въ преданіяхъ Сергіевой лавры. Такъ, въ 1651 году во дни всероссійскаго патріарха Никона, пришелъ нѣкій челоуѣкъ изъ Москвы, слободы Кошельной, по обѣщанію въ обитель преподобнаго Сергія и послѣ Литургіи, отслушавъ молебенъ, сѣлъ близъ храма Сошествія Св. Духа,

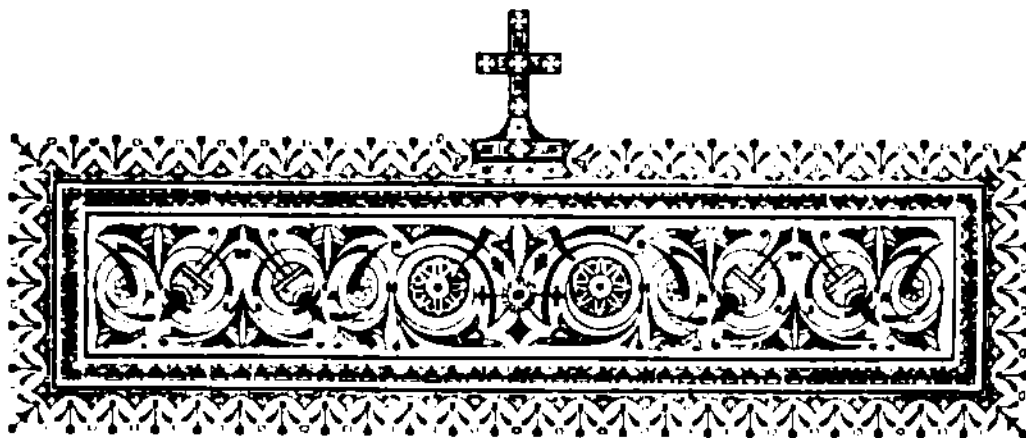
на гробовой доскѣ; но вдругъ силою Божіею сбросило его съ гробницы, и несчастный вслѣдствіе паденія разбился и долго не могъ встать; но когда, собравшись съ силами, онъ приползъ къ могилѣ и сталъ спрашивать стоявшихъ тутъ людей, кто подъ доскою сею почиваетъ? Они отвѣчали: „Монахъ Максимъ грекъ;“ тогда разслабленный воскликнулъ: „отче Максиме, прости меня!“ Когда, по просьбѣ его, была отслужена по препод. Максимѣ панихида, то вслѣдъ за тѣмъ оный разслабленный получилъ совершенное исцѣленіе. Въ то время случился тутъ келейникъ соборнаго старца Вассіана, Іоаннъ, который будучи одержимъ гордостью, не повѣрилъ чуду и, по самонадѣянности, сѣлъ на гробницу препод. Максима, думая про себя: тогда я повѣрю бывшему чуду, когда и со мною тоже самое случится; но несчастнаго постигъ гнѣвъ Божій и онъ былъ три раза сбрасываемъ съ гробницы, такъ что лице его разбилось до крови и раздробились зубы съ поврежденіемъ языка. Когда онъ всталъ и вспомнилъ свое невѣріе, горько раскаявался въ своей дерзости и склонивши колѣна предъ иконою Господа нашего Іисуса Христа, сталъ просить прощенія. Въ это время впалъ онъ въ глубокій сонъ и увидѣлъ предъ образомъ Всемиловитаго Спаса молящагося инока, котораго Іоаннъ спросилъ: кто ты? Когда же молящійся инокъ отвѣчалъ, что онъ „Максимъ Грекъ,“ Іоаннъ сталъ просить у него прощенія, но преподобный съ гнѣвомъ сказалъ ему: „за что безчестишь меня? Ты слышалъ, что въ сей день былъ сброшенъ человекъ, сидѣвшій на моей могилѣ? А потому за твое невѣріе ты получилъ должное;“ прощенія же искалѣченному Іоанну не подалъ явившійся старецъ и скрылся отъ него. Такъ рассказывалъ самъ Іоаннъ о бывшемъ ему явленіи. А въ 1851 году, по сказанію „Монастырскихъ писемъ,“ самъ преподобный Сергій Радонежскій чудотворецъ засвидѣтельствовалъ своимъ явленіемъ одному московскому

купцу о святости препод. Максима. Чудо это произошло слѣдующимъ образомъ: Нѣкто московскій купецъ З. былъ боленъ и во время молитвы, у себя въ домѣ, призывалъ въ помощь препод. Сергія. За тѣмъ въ слѣдующую ночь видитъ онъ во снѣ препод. Сергія, какъ бы вставшаго изъ гробницы.—Больной подошелъ къ нему и, упавши къ ногамъ, сталъ просить его святыхъ молитвъ и ходатайства предъ Богомъ, но препод. Сергій говоритъ ему: „Грѣхи твои оскорбляютъ Господа, а потому постарайся исправиться и принести покаяніе.“ Но больной, не теряя надежды на его помощь, снова сталъ умолять его. Тогда преподобный Сергій обѣщаль принести о немъ молитву и помочь въ болѣзни. Видя милостивое обѣщаніе преподобнаго, больной въ восторгѣ говоритъ ему: „Преподобне отче Сергіе, чѣмъ же я могу достойно принести тебѣ мою благодарность?!“ „Ничего мнѣ не надобно, отвѣчалъ ему преподобный, а принеси что можешь преподобному Максиму Греку.“ Послѣ этого больной получилъ облегченіе въ болѣзни и, по наказу преподобнаго Сергія, 4 декабря 1851 года, привезъ отъ своего усердія два покрыва: одинъ покрывъ на гробницу преподобнаго Сергія, а другой — на гробницу преподобнаго Максима Грека *).

Надъ гробницею преподобнаго Максима на мѣдной доскѣ вырѣзаны стихи:

Блаженный здѣсь Максимъ тѣломъ почиваетъ,
 Но съ Богомъ въ небеси душою пребываетъ.
 И что божественно онъ въ книгахъ написалъ,
 То жизнью своею и дѣломъ показалъ.
 Оставилъ образъ намъ и святости примѣры,
 Смиренія, любви, терпѣнія и вѣры!

*) Монастыр. письма. Москва. 1863 г.

Я Н В А Р Я 24.

Житіе преподобнаго ДІОНИСІЯ,

подвизавшагося долгое время на святой горѣ Аѳонской и скончавшагося на Олимпѣ *).

Благословенъ Богъ, укрѣпляющій и нынѣ рабовъ Своихъ, мужественно ратующихъ на невидимыхъ супостатовъ-демоновъ: эти избранные, при содѣйствіи благодати Божіей, низлагая полчища сатаны, вѣнчаются и прославляются Богомъ, въ обличеніе маловѣрныхъ, которые, уклоняясь на пути разврата и суеты, оправдываютъ собственную свою погибель и дѣйствіе своихъ страстей тѣмъ, что будто нынѣ не тѣ времена, чтобъ угождать Богу такъ, какъ люди угождали Ему прежде. Очевидная ложь: появленіе и въ наши времена мучениковъ и преподобныхъ, по всему подобныхъ древнимъ святымъ, доказываетъ, что время не можетъ имѣть никакого вліянія на спасеніе истинно желающихъ спасенія, и что оно зависитъ отъ нашего собственнаго изволенія и рѣшимости неуклонно шествовать

*) Изъ Νέος Παράδεισος.

по крестнымъ стезямъ Евангельскаго самоотверженія, при помощи Божіей, которая какъ прежде, такъ и нынѣ не истощима для людей и неизмѣнима, какъ неизмѣнимъ въ существѣ Своемъ Богъ. Изъ числа многихъ, подтверждающихъ собою эту истину, мы укажемъ на богоноснаго Діонисія, который превзошелъ и древнихъ: потому что тогда было много добродѣтельныхъ, и одинъ изъ нихъ подражалъ и соревновалъ другому; а нынѣ, при маломъ числѣ опытныхъ, недивно, если нѣкоторые, не имѣя въ виду образцовъ подражанія, ослабѣваютъ въ строгихъ подвигахъ христіанскаго благочестія. Цѣль, съ которою я предлагаю повѣствованіе о богоугодной жизни преподобнаго Діонисія, есть та, чтобы сколько съ одной стороны пресѣчь ложныя мнѣнія людей нынѣшняго свѣта о невозможности въ наше время угождать Богу, столько съ другой—доставить спасающимся утѣшеніе и примѣръ къ поддержанію силъ подвижническаго ихъ духа. А что буду я говорить совершенную правду, и не напишу отъ себя ничего, кромѣ того, что рассказали мнѣ богоносные и достовѣрные отцы, въ томъ свидѣтель Богъ. Я твердо помню, что долгъ и справедливость требуютъ не скрывать душеполезныхъ повѣстей, но передавать ихъ всемъ и каждому съ тѣмъ, чтобы, зная ихъ, всякій подражалъ дѣяніямъ и подвигамъ святыхъ. Итакъ, остановите вниманіе на этомъ моемъ повѣствованіи.

Въ фанарійской епархіи есть селеніе, называемое Платиною: въ немъ родился преподобный Діонисій. Родители его были люди бѣдные, но благочестивые — Николай и Θεодора, которые, съ трудомъ доставляя себѣ пропитаніе, воспитывали своего младенца съ особенною попечительностію. По ночамъ, когда лежалъ онъ въ колыбели, видѣли они чудное явленіе: надъ нимъ, какъ солнце, сіялъ крестъ, проявлявшій, какъ думали они, будущее его назначеніе,

то-есть, что онъ отречется міра и всѣхъ плотскихъ мудрованій, по словамъ святаго Апостола, *и распнется Христу* (Гал. 2, 19). Видя такое чудное дитя, родители его прославляли Бога и радовались о немъ. Когда исполнилось отроку 6 лѣтъ, отдали его учиться начаткамъ какъ вишняго образованія, такъ и Священному Писанію. Прилежаніе и природныя дарованія, существенно же благодать Святаго Духа до такой степени открылись въ юпомъ Діонисіи, что онъ въ короткое время, изучивъ все необходимое для ума, образовалъ и свое сердце въ строгихъ правилахъ христіанской нравственности, такъ что былъ дивомъ для многихъ, видѣвшихъ, какъ онъ хранилъ себя отъ дурнаго сотоварищества и свойственныхъ юному возрасту игръ, какъ постоянно упражнялся въ чтеніи Божественныхъ книгъ, и во всеобщихъ молитвахъ, и какъ наконецъ подавлялъ въ себѣ всякое непріязное чувство плотскаго мудрованія, и томилъ свое тѣло, возвышаясь такимъ образомъ надъ всѣмъ чувственнымъ и окриляясь Божественнымъ желаніемъ духа молитвеннаго. Въ то время родители его померли. Вслѣдствіе сего, по своей нестяжательности и по бѣдности родителей, не имѣя даже необходимаго, юноша бралъ дѣтей и обучалъ ихъ грамотѣ и чистописанію, и это было источникомъ жизненнаго его продовольствія. Между тѣмъ видя, какъ все временное суетно, какъ все въ мірѣ отвлекаетъ человѣка отъ существенныхъ его занятій своимъ спасеніемъ, юный Діонисій рѣшился оставить все и посвятить себя иноческой жизни. Тогда, какъ занимала его эта спасительная мысль и не давала ему покоя, прибылъ въ селеніе то, гдѣ пребывалъ Діонисій, одинъ священноиннокъ изъ Метеорскихъ монастырей, именемъ Анеимъ. Діонисій познакомился съ нимъ, подробно вывѣдалъ отъ него о правилахъ подвижнической ихъ жизни, и наконецъ рѣшился отправиться съ нимъ, не

взявъ изъ родительскаго стяжанія ничего, кромѣ одного серебрянаго стакана, который подарилъ сему самому Анѳиму. По прибытіи въ Метеоры, онъ подчинилъ себя извѣстному тогда по добродѣтельной жизни старцу, именемъ Саввѣ, и повиновался ему съ великимъ смиреніемъ, видя въ немъ для себя образецъ подражанія въ исполненіи иноческихъ обязанностей. Впрочемъ, не долго пребылъ тамъ Діонисій. Зная по слухамъ о чрезвычайныхъ удобствахъ святой Аѳонской горы для безмолвія и пустыннаго подвижничества, онъ просилъ позволенія у старца удалиться на Аѳонъ. Искренно любившій скромнаго и смиреннаго своего послушника, старецъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался на то, тѣмъ болѣе, что въ Діонисіи видѣлъ онъ и сподвижника въ духовной жизни, и опоры старческихъ своихъ дней. Боясь же, чтобы онъ не убѣждалъ тайно, старецъ заперъ ворота обители и спряталъ лѣстницы. Но напрасно. Юноша зналъ, что побужденія его къ странствованію на Святую гору чисты и пріятны Господу, а потому, не давши еще въ Метеорахъ обѣтовъ иноческихъ, рѣшился тайно скрыться оттуда безъ соизволенія и вѣдома старческаго. Итакъ, въ одну ночь, возлагая твердое упованіе на Владыку Христа, онъ спустился съ монастырской ограды и, при помощи Божіей, не потерпѣвъ ничего, несмотря на высоту стѣнъ, потекъ на Аѳонъ, какъ лань на источники водные. По прибытіи туда, онъ прежде всего распросилъ: гдѣ бы ему найти старца, чтобы подъ его руководствомъ могъ онъ положить начало подвижнической жизни, — и ему указали на чуднаго Серафима. Діонисій явился къ старцу и принятъ былъ имъ съ радостію, сначала какъ странникъ, а потомъ мудрый Серафимъ сталъ понимать его, какъ ученика, и изложивъ ему правила совершенной отшельнической жизни, оставилъ его у себя. Подъ строгимъ водительствомъ его, юный Діонисій день ото дня такъ преуспѣ-

валь въ подвижничествѣ, что чрезъ нѣсколько времени былъ удостоенъ ангельскаго образа, и потомъ рукоположенъ въ діакона. Чрезвычайное благоговѣніе въ священнослуженіи, трогательное смиреніе Діонисія и преуспѣяніе его въ опытахъ подвижнической жизни восхищали, удивляли и радовали старца. Такъ, напримѣръ, однажды въ Вербное Воскресенье, отслуживши литургію, преподобный удалился изъ кельи въ пустынный лѣсъ и пробылъ тамъ до Великой Субботы. Впослѣдствіи, на вопросъ старца: чѣмъ онъ питался въ теченіе столькихъ дней и гдѣ находился? преподобный отвѣчалъ ему, что былъ въ скиту Каракаллѣ, питался каштанами и укропомъ. Старець удивился.

Между тѣмъ, дивный Серафимъ былъ избранъ Протомъ горы, а вслѣдствіе сего, по правиламъ тогдашняго времени, послали его въ Валахію въ соупутствіи игуменовъ. Чтобъ и Діонисій имѣлъ своего рода послушаніе, общимъ совѣтомъ старческимъ положено рукоположить его въ пресвитера для служенія въ протатскомъ соборѣ, вмѣсто отправлявшагося Серафима. По возвращеніи же послѣдняго, оставаясь по прежнему съ нимъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, преподобный сталъ наконецъ проситься на безмолвіе для болѣе возвышенныхъ подвиговъ и постоянного молитвословія, что было съ давняго времени предметомъ пламеннаго его желанія. Серафимъ хотя и весьма желалъ удержать его при себѣ, для успокоенія своей старости, однакожь не хотѣлъ стѣснять свободу его и подавлять въ немъ стремленіе къ безмолвію, и потому предоставилъ ему на волю идти, куда хочетъ, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы онъ по временамъ приходилъ къ нему для взаимныхъ бесѣдъ о пользахъ души и о случающихся демонскихъ искушеніяхъ, особенно ратующихъ на мысль и сердце. Такимъ образомъ, получивъ старческое благословеніе на

подвиги пустынной жизни, онъ началъ искать мѣста, которое бы имѣло все условія для безмолвія. И Богъ указалъ ему желаемое мѣсто. Близъ скита Каракаллы нашелъ онъ глубокую и неудобопроходимую пустыню. Погрузившись въ нее, онъ устроилъ себѣ тамъ тѣсную каливу, или шалашъ, и какъ труженически жилъ, одинъ только Богъ видѣлъ и вѣдалъ. Пищу его составляли каштаны, которыми Святая гора изобилуетъ, и рѣдко когда вкушалъ обыкновенный хлѣбъ, въ сосѣдственныхъ кельяхъ, куда былъ иногда приглашаемъ для священнодѣйствія. Нестязательность его была такова, что куда бы ни отправлялся онъ изъ своей пустыни, всегда оставлялъ дверь келліи незатворенною, потому что въ ней не было ничего, на что бы могла покуситься непріязненная рука татя. Впослѣдствіи устроилъ онъ при своей каливѣ небольшой храмъ въ честь Пресвятыя Троицы, при которомъ и оставался три года, ангельски славослова Бога день и ночь, и проходя безстрастно жизненный свой путь, вслѣдствіе чего и удостоивался Божественныхъ откровеній. Наконецъ, пожелалъ онъ видѣть и святыя мѣста, гдѣ Спаситель нашъ былъ распятъ, чтобъ тамъ созерцать событія жизни Христовой, и усладить свое сердце видѣніемъ самыхъ мѣсть, гдѣ они совершились во спасеніе Адама, всеродно падшаго. Такое желаніе конечно свойственно все́мъ, кто пламенѣетъ серафимскою любовію ко Христу, — свойственно такъ же, какъ взаимно любящіе, за отсутствіемъ любимаго лица, желаютъ, по крайней мѣрѣ, имѣть предъ очами или одежду любимаго, или то, что входитъ въ составъ принадлежащихъ ему вещей. Итакъ, преподобный, оставивъ Святую гору, отправился въ Іерусалимъ, гдѣ и поклонился все́мъ святымъ мѣстамъ съ невыразимою радостію и веселіемъ духа. Іерусалимскій патріархъ тогдашняго времени, зная жизнь и чистоту преподобнаго, усиливался оставить его при себѣ,

съ цѣлю избрать его преемникомъ своей кафедры, какъ достойнаго принять жезлъ іерархическаго служенія: но преподобный ни подъ какимъ видомъ не согласился на такое предложеніе, извиняясь своими немощами, и смиренно отклонивъ отъ себя честь, которой удостоивалъ его святѣйшій, опять удалился на Святую гору для обычныхъ подвиговъ въ невозмутимой тишинѣ пустыннаго своего безмолвія. Здѣсь Господь за великіе подвиги уже осязаемо явилъ ему особенное Свое о немъ промышленіе и отеческую попечительность, что ясно замѣтилъ преподобный при обновленіи и распространеніи своего храма. Въ то самое время, какъ онъ занимался перестройкою его, одинъ изъ знакомыхъ ему братій посѣтилъ его и видитъ, что два незнакомца содѣйствуютъ ему во всѣхъ его занятіяхъ. На вопросъ—кто они? преподобный отвѣчалъ посѣтителю что онъ не видѣлъ и не видитъ при своихъ работахъ никого сторонняго. Между тѣмъ, какъ такимъ образомъ они разговаривали,—незнакомцы стали невидимы. Изъ этого преподобный заключилъ, что Богу пріятенъ трудъ его. Подобнымъ образомъ въ субботу сырной недѣли Богъ чудесно послалъ ему и брашна въ подкрѣпленіе тѣлесныхъ силъ для достойнаго совершенія четырехдесятидневнаго поста.

Не менѣе трогательно попеченіе Промысла и о сохраненіи жизни преподобнаго отъ разбойническаго на нее посягательства. Когда преподобный безмолвствовалъ въ пустыни, многіе изъ иноковъ Святой горы обращались къ нему для совѣтовъ и назиданія, что видя, одинъ разбойникъ, въ той мысли, что приходящіе къ святому даютъ ему деньги, вознамѣрился убить его и похитить имущество. Однажды онъ тайно подкрался къ кельи преподобнаго и скрылся въ сосѣдственномъ потокѣ съ цѣлю, когда будетъ можно, исполнить гибельное свое намѣреніе: однакоже, прождавъ весь день, не видѣлъ онъ Діописія, тогда какъ

навѣрное зналъ, что его не было дома, и что, возвращаясь онъ непременно долженъ былъ проходить мимо его потокомъ. Чтобъ убѣдиться, точно ли преподобный возвратился, разбойникъ приходитъ къ кельи и видитъ тамъ преподобнаго. Это удивило его. На вопросъ: какъ, когда и какимъ путемъ возвращался онъ въ свою келью? преподобный отвѣчалъ, что возвратился онъ обыкновеннымъ путемъ чрезъ потокъ. Пораженный страхомъ, разбойникъ палъ къ ногамъ святаго и, чистосердечно исповѣдавъ грѣхъ свой и посягательство на жизнь его, просилъ у него прощенія и ходатайства предъ Богомъ. Незлобивый старецъ простилъ разбойника, много говорилъ ему о покаяннн и, при содѣйствнн благодати Божіей, довель его до того, что онъ тогда же далъ слово исправиться и, удалившись въ одинъ изъ монастырей, при Божіей помощи, сдѣлался добрымъ и искуснымъ монахомъ. А преподобный между тѣмъ, тронутый особеннымъ о немъ Промысломъ Божиимъ, въ теченіе семи лѣтъ неослабно подвизался въ своемъ безмолвнн, такъ что, наконецъ, слава добродѣтельной его жизни, по волѣ Божіей, вызвала его изъ пустыни; ибо братія Филоѳеевской обители, лишившись игумена, убѣдительно просили преподобнаго заступнть его мѣсто, и быть для нихъ отцемъ и настоятелемъ. Смиранный Діонисій сначала отказывался отъ предлагаемаго достоинства, признавая себя слабымъ понести столь тяжкое бремя правленія, но въ послѣдствнн, узнавъ, что на то есть воля Господня, оставилъ свое безмолвіе ради спасенія братій, и вступилъ въ должность настоятеля Филоѳеевской обители, которая тогда стояла въ вѣдѣннн Болгаръ. По принятнн правленія обителью, онъ прежде всего озаботился приведѣннемъ ея въ порядокъ. А чтобы поддержать источникъ продовольствія, самъ лично отправился въ Константинополь для испрошенія милостыни, въ чемъ и помогъ ему Господь въ весьма

удовлетворительной степени. Но такъ какъ среди пшеницы всегда бываютъ плевелы, то и въ числѣ братства Филовеевской обители нашлись иноки, которые, теряя изъ виду собственное благо и пренебрегая обѣтами ангельскаго образа, начали роптать и жаловаться на преподобнаго Діонисія, поставляя ему въ вину измѣненіе нѣкоторыхъ обычаевъ прежней ихъ жизни и строгость правилъ въ отношеніи къ церковной службѣ. Видя, что ропотъ этотъ не перестаетъ, — преподобный, свыкшійся съ безмолвіемъ и тишиною, а не съ смутами жизни, сложилъ съ себя званіе игумена и, въ соупутствіи нѣсколькихъ искренно преданныхъ ему братій, удалился въ Веррію, гдѣ и поселился въ скитѣ преподобнаго Антонія, состоявшаго въ то время только изъ 20 иноковъ. Здѣсь, по прежнему, проводилъ опъ жизнь въ неусыпныхъ трудахъ братскаго послушанія и подавалъ собою примѣръ подвижническаго безстрастія и ангельской чистоты. Тамъ обновилъ онъ храмъ Предтечи, и для иноческаго своего общества составилъ правила, самъ исполняя въ виду всѣхъ то, чему училъ другихъ. Вслѣдствіе сего многіе изъ Верріи притекали къ нему и, внимая сладкимъ его бесѣдамъ, оставляли міръ и вручали себя мудрому его водительство на крестныхъ стезяхъ иноческаго труда.

Тогда какъ преподобный заботился не только о пользахъ собственнаго своего скита, но и о спасеніи мірянъ, нарочно для сего посѣщая селенія ихъ, и увѣщевая христіанъ къ добродѣтельной жизни, — епископъ Верріи отшелъ къ Господу. Сиротствующая паства, желая имѣть у себя пастыремъ преподобнаго, обратилась къ нему съ убѣдительною и настоятельною просьбою принять жезлъ іерархическаго правленія. Смиранный Діонисій сколько съ своей стороны ни отказывался отъ этого высокаго званія, считая себя недостойнымъ, — но просьбы не умолкали. Чтобъ из-

бавиться отъ докучливости людей, онъ просилъ ихъ дать ему время на размышленіе и на узнаніе воли Божіей. Народъ успокоился; а между тѣмъ, при наступленіи ночи, преподобный скрылся. Такимъ образомъ каѳедру Веррійской церкви занялъ нѣкто аевянинъ, именемъ Неофитъ, котораго впрочемъ черезъ годъ лишили оной, какъ не оправдавшаго высокое свое достоинство жизнію. Чтобы снова не палъ жребій святительства на преподобнаго, и чтобъ избавиться молвы народной, преподобный удалился на Олимпійскую гору. Тамъ въ мѣстечкѣ, лежащемъ при подошвѣ горы, развѣдалъ онъ черезъ одного изъ поселянъ о положеніи Олимпа и, узнавъ, что на Олимпѣ есть мѣста, чрезвычайно удобныя для иноческаго безмолвія, при его водительство и указаніи, достигъ горячаго мѣста, гдѣ понынѣ существуетъ монастырь Святой Троицы, и видя живописное положеніе и красоты тамошней пустынной природы, исполнился радости и веселія, и сказалъ: остаюсь жить здѣсь на горѣ, потому что она имѣетъ всѣ удобства для уединенной жизни! Такимъ образомъ: питаясь подаваніемъ означеннаго селянина, преподобный погрузился въ пустыню и провелъ въ ней довольное время. Между тѣмъ молва скоро разнеслась по окрестностямъ Олимпійскихъ горъ о сокровенномъ подвижникѣ. Вслѣдствіе сего одинъ изъ иночествующихъ явился къ преподобному и просилъ позволенія остаться при немъ: а потомъ нашлись и другіе подражатели ихъ жизни, и такимъ образомъ общество избранныхъ умножилось до того, что преподобный поставленъ былъ въ необходимость выстроить кельи и церковь. Но тамъ не дремалъ и врагъ, гдѣ возникалъ иночeskій ликъ для славословія Божія: нашлись люди, которые дали знать владѣтелю того мѣста, гдѣ поселился преподобный, по имени Сакку — агарянину, что въ предѣлахъ его владѣнія какой-то инокъ строить монастырь. Агарянинъ взбѣсился.

Онъ тотчасъ явился въ Лариссу къ турецкому агѣ, въ вѣдѣніи коего состоялъ Олимпъ съ его окрестностями, и жалясь на своеволие иноковъ, требовалъ, чтобъ ихъ предали суду, а между тѣмъ возникающій монастырь, какъ начатый безъ его позволенія, уничтожили. Горько было преподобному, когда одинъ изъ преданныхъ ему, священникъ литохорійской деревни, извѣстилъ его о начавшихся противъ него козняхъ. Чтобы дать мѣсто гнѣву, онъ, со слезами, удалился оттуда въ мѣсто, такъ называемое Загора, почти сосѣдственное Олимпу. Хотя и здѣсь нашель онъ не менѣе удобствъ для безмолвной жизни, какъ и на Олимпѣ; хотя и въ этомъ мѣстѣ слава подвижнической жизни окружила его множествомъ собравшихся иноковъ: но Богъ призывалъ его на первое мѣсто къ Олимпу и Своими судьбами устроилъ славное и торжественное туда возвращеніе слѣдующимъ образомъ.—Съ того самого времени, какъ удалился преподобный съ Олимпа, вслѣдствіе непріязненныхъ противъ него дѣйствій агарянина, въ окрестностяхъ той горы сдѣлалась чрезвычайная засуха и бездождіе, такъ что жителямъ грозили голодь и пагуба. Къ большей печали ихъ, нанеслась необычайная гроза, и градомъ выбило фруктовые деревья, виноградники и нивы, и даже повредило самыя жилища. Громы разражались съ необыкновенною силою; молніи сверкали ослѣпительно, поражая всѣхъ страхомъ и ужасомъ. Напрасно совершали молебствія и плакали: гнѣвъ Божій не утихалъ. Тогда всѣ поняли причину своихъ бѣдствій. Самъ агарянинъ, виновникъ изгнанія преподобнаго Діонисія и братства его, ужаснулся и затрепеталъ, когда объяснили ему христіане, что Богъ караетъ ихъ за святаго отшельника. Наконецъ, онъ рѣшился послать отъ себя нарочныхъ, въ сопутствіи нѣсколькихъ христіанъ, съ просьбою къ преподобному, чтобы, не помня обидъ съ его стороны, онъ возвратился на Олимпъ и продолжалъ тамъ уеди-

невную свою жизнь. Незлобивый старецъ былъ тронуть смиреніемъ своего врага, и снова погрузился въ невозмутимую тишину олимпійскихъ своихъ пустынь. Съ того времени подвижническая жизнь преподобнаго Діонисія текла спокойно. Чтобъ чаще имѣть въ своей памяти святаыя Іерулимскія мѣста, онъ и на Олимпѣ одинъ изъ возвышенныхъ холмовъ назвалъ Елеонскою горою; одно мѣсто — Голговою, а другое—Виэаніею, куда и удалялся для совершеннаго безмолвія и тайныхъ молитвъ. Между тѣмъ преподобный положилъ себѣ за правило подниматься на вершину Олимпа два раза въ годъ для совершенія литургіи, а именно 20-го іюля и 6-го августа, когда мы празднуемъ преображеніе Христа Спасителя. Тамъ построилъ онъ и храмъ во имя пророка Іліи, куда монахи ежегодно въ день его памяти, т.-е. 20-го іюля, ходятъ и до нынѣ. За такимъ образомъ ангелоподобной его жизни, слава слѣдовала, какъ тѣнь за тѣломъ; а потому братство его до того умножилось, что онъ долженъ былъ устроить для него обитель, что и исполнилъ, самъ трудясь наравнѣ съ рабочими и питаясь только овощами.—Теперь время сказать и о нѣкоторыхъ изъ чудесъ его.

По удаленіи Діонисія изъ обители, принадлежащее ей мѣсто, весьма полезное и въ томъ отношеніи, что тамъ находилась пещера, съ живительнымъ источникомъ воды, занялъ пастухъ, устроилъ свой шалашъ и скотный дворъ. Ученики преподобнаго напрасно просили его удалиться: пастухъ и слышать не хотѣлъ. Наконецъ преподобный возвратился и, узнавъ объ этомъ насиліи, кротко убѣждалъ пастуха оставить обитель въ покоѣ и не отнимать достоинства иноческаго: но тотъ, вмѣсто повиновенія, досаждалъ старцу и знать его не хотѣлъ. Тогда преподобный присокупилъ: если есть воля Божія жить здѣсь инокамъ, то ты увидишь это.. И несчастный пастухъ увидѣлъ слѣд-

ствія своего безразсудства. Въ тотъ же день, когда стада его разсыпались на пустынныхъ пажитяхъ вокругъ монастыря, отъ скалы отторгся огромный камень, и передалъ значительную часть овецъ. Мало того: въ стадахъ пастуха день отъ дня умножался падежь, такъ что въ короткое время онъ лишился всѣхъ стадъ, и самъ впалъ въ тяжкій недугъ, отъ котораго никакія обыкновенныя средства не могли возставить его. Когда о его несчастіи узнали сосѣди, и вывѣдали о причинахъ недуга, — посовѣтовали ему обратиться къ преподобному, и просить у него прощенія и исцѣленія. Больной такъ и сдѣлалъ. Преподобный, тронутый страдальческимъ его положеніемъ, благословилъ его и, въ теченіе седмицы питая братскою трапезою, совершенно возвратилъ ему здравіе.

Въ другой разъ преподобному случилось быть въ мѣстечкѣ, называемомъ Турія, для исповѣди тамошнихъ христіанъ, такъ какъ они питали чувство особеннаго благоговѣнія и преданности къ нему. Въ числѣ ихъ былъ одинъ отъявленный и давній врагъ сего божественнаго таинства, не только не исполнявшій никогда этого христіанскаго долга, но и насмѣхавшійся надъ всѣми, кто исполненіе его считалъ необходимымъ условіемъ къ очищенію себя отъ скверны грѣховныхъ. Узнавъ объ этомъ несчастномъ, преподобный просилъ, чтобъ убѣдили его придти къ нему для бесѣды. Несчастный послушался. Но вмѣсто того, чтобъ принять съ убѣжденіемъ наставленіе святаго старца въ разсужденіи таинства исповѣди, онъ началъ отвергать предъ нимъ силу исповѣди; такъ что преподобный, сильно огорченный демонскимъ его вольномысліемъ, строго изрекъ слова святаго Апостола Павла: такъ какъ ты развращаешь правые пути Господни и издѣваешься надъ словами моими, и надъ заповѣдями Христовыми, несчастный, — то вотъ рука Господня на тебѣ и гнѣвъ безъ милости на домъ тво-

емъ. Пусть чрезъ тебя уцѣломудрятся и другіе! Съ этими словами преподобный оставилъ несчастнаго и удалился въ свою пустыню. Судъ Божій не замедлилъ. Едва только удалился преподобный, беззаконникъ впалъ со всѣмъ домомъ своимъ въ недугъ, отъ котораго умерло его семейство, а самъ онъ остался въ жалкомъ : страдальческомъ положеніи. Тогда нѣкоторые изъ сродниковъ его возвѣстили о немъ святому, и убѣдительно просили его придти и оказать помощь несчастному. Сострадательный старецъ не отрекся: онъ отправился въ селеніе, но прежде нежели прибылъ къ больному, — этотъ несчастный испустилъ духъ безъ христіанскаго напутствія. Преподобный горько жалѣлъ о такомъ событіи. Подобное сему случилось и въ селеніи святой Екатерины. Входя однажды туда, преподобный видитъ безчинныя игры и хороводы дѣвицъ съ юношами. Сильно огорченный столь явными соблазнами и сатанинскимъ торжествомъ разврата, блаженный приближается къ толпѣ дѣвицъ и кротко говорить имъ: для чего вы, будучи дѣвицами, такъ безстыдно играете съ юношами, поете соблазнительныя пѣсни, возбуждающія сладострастіе и въ васъ, и въ нихъ, и забываете, что смерть и судъ Божій близокъ къ вамъ? Дѣвицы смутились и молчали, кромѣ одной, которая, отличаясь отъ другихъ особеннымъ безстыдствомъ, отвѣчала насмѣшливо: „Ахъ, вы, лжемонахи! что тебѣ за нужда до насъ? знай себя. Сами-то живете вы дурно, а другихъ учите цѣломудрію.“ — Благословенъ Богъ, устрояющій все на пользу! строго произнесъ тогда старецъ. Чтобъ и другіе научились скромности, — ты будешь примѣромъ того, какъ грозно караетъ Господь дѣвическое безстыдство. Сказавъ это, онъ удалился. Вслѣдъ за этимъ, на несчастную дѣвицу, прежде чѣмъ дошла она до дома отца своего, вдругъ напалъ бѣсъ: испуская пѣну, она билась о землю и была въ самомъ

жалкомъ положеніи. Пораженные такою печальною родителі ея не знали, что съ нею происходитъ. Тогда одна изъ подругъ несчастной, бывшая свидѣтельницею ея безстыдства предъ святымъ старцемъ, рассказала имъ о случившемся. Вслѣдствіе сего они отыскали преподобнаго и, припадая къ стопамъ его, смиренно просили за свою несчастную дочь. Незлобивый старецъ былъ тронутъ слезами ихъ и помолившись исцѣлилъ бѣсновавшуюся; а она, въ благодарность Господу Богу за такое милосердіе, посвятила Ему свое дѣвство и кончила жизнь въ покаяніи.

Моцахъ въ Верріи, знавшій нѣсколько грамоту, случайно увидѣлъ гадательную книгу, и съ любопытствомъ разбирая тайны сатанинскаго гаданія, невольно увлекся вѣрою къ нимъ. Это не прошло ему даромъ: въ слѣдующую почъ онъ увидѣлъ предъ собою эііопа исполинскаго роста, который говорилъ: „ты меня призывалъ, и вотъ я. Что тебѣ угодно — все исполню, только поклонись мнѣ.“ Господу Богу моему поклоняюсь и Тому единому служу, отвѣчалъ инокъ, угадывая, кто такой эііопъ. — „Такъ ты не кланяешься мнѣ? для чего же и призывалъ меня, позволяя себѣ чтеніе гадательныхъ моихъ тайнъ?“ Съ этимъ словомъ сатана далъ сильную пощечину иноку и исчезъ. Чувство боли и страха пробудило инока: щека его распухла и почернѣла такъ, что страшно было посмотреть на нее. Съ каждымъ днемъ боль усиливалась и безобразила инока; — отъ опухоли наконецъ не видно было и глазъ. Освѣдомившись о причинѣ столь странной болѣзни, знакомые инока дали знать объ этомъ преподобному Діонісію, который тотчасъ явился и, по совершеніи молитвы къ Богу и Божіей Матери, помазалъ елеемъ больное мѣсто. Инокъ тотчасъ исцѣлѣлъ и прославилъ Бога.

Одна старушка — вдова впала въ болѣзнь, и изъявила преподобному желаніе облечься предъ смертію, которой

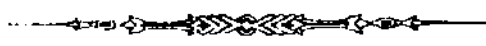
чаяла, въ ангельскій образъ: не бойся, старица, отвѣчалъ ей божественный Діонисій, — по принятіи образа иноческаго, ты будешь жить еще 12 лѣтъ. Такъ и было, какъ предсказалъ боговдохновенный старецъ. Другая женщина имѣла у себя единственнаго сына, который, по чувству особеннаго сердечнаго влеченія, удалился на Олимпъ и тамъ отъ преподобнаго принялъ постриженіе, а потомъ, желая видѣть свою мать, съ благословенія старческаго, явился къ ней. Образъ иноческій, который принялъ юноша отъ руки преподобнаго, сильно смутилъ несчастную. Въ порывѣ сердечнаго негодованія на поступокъ сына, она схватила съ него камилавку и, попирая ее ногами, требовала, чтобъ сынъ ея, по прежнему, одѣлся въ мірскія одежды. Бѣдный сынъ повиновался. Черезъ нѣсколько дней послѣ сего пришелъ въ то селеніе святой: въ числѣ прочихъ подошла къ нему и та жена, приблизилась поцѣловать руку его.— Не приближайся ко мнѣ, несчастная, дерзновенно поправшая ангельскій образъ: надѣясь имѣть сына помощникомъ въ старости своей, строго сказалъ ей старецъ, ты увидишь, что завтра умретъ онъ злою смертію; наслаждайся же слѣдствіями твоего безразсудства и дерзости! И дѣйствительно, на другой день сынъ ея оборвался съ высокаго дерева и, по предсказанію преподобнаго, испустилъ духъ. Другая старица, изъ деревни Платарійской, по имени Егина, увидѣвши святаго, сказала ему: не могу болѣе работать по старости моей и пропитывать себя; попроси Господа, чтобы Онъ упокоилъ меня.— Не скорби, отвѣчалъ преподобный: ты сегодня умрешь. Вотъ тебѣ три сребреника на погребеніе. Такъ и случилось. Старица внезапно занемогла и, передавши слова преподобнаго собравшимся къ ней сосѣдямъ, мирно вздохнула въ послѣдній разъ.

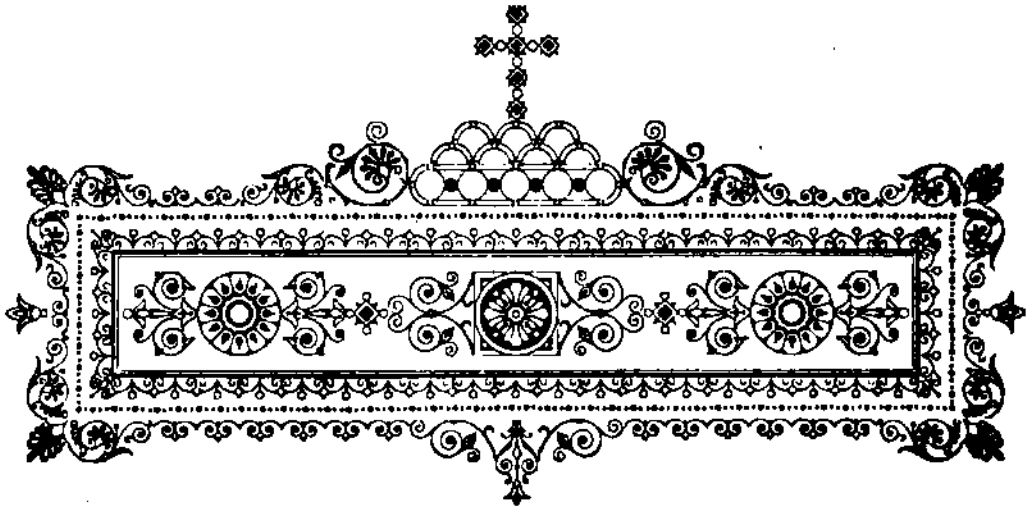
Но наконецъ, такъ много чудодѣйствовавшій и имѣвшій

даръ предвѣдѣнія, много пострадавшій отъ злыхъ людей, особенно отъ агарянъ, божественный Діонисій и самъ приблизился къ исходу своему отъ времени въ вѣчность, отъ земли—въ обители Отца небеснаго. Находясь въ монастырѣ Димитріадскомъ когда братія читали полунощницу, преподобный, совершенно уже изнемогшій въ силахъ, присѣлъ немного отдохнуть (Это было въ январѣ). По окончаніи полунощницы, служащій іеромонахъ подошелъ къ преподобному и, полагая, что онъ погрузился въ сонъ, тихонько тронулъ его. Болѣзненный старецъ не далъ отвѣта; а тотъ снова прикоснулся къ нему и почувствовалъ, что тѣло его безжизненно, и только слабое дыханіе проявляло еще не отлетѣвшую душу его. Пока окружавшіе заботились о предсмертномъ положеніи старца, онъ вдругъ произнесъ: слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ! Благодарю Тебя, Владычица, за Твою милость. На вопросъ братіи: какъ онъ чувствуетъ себя? святой Діонисій слабымъ голосомъ сказалъ, что душа его была уже внѣ тѣла, и онъ готовъ былъ явиться къ Богу; но, чувствуя еще необходимость въ покаяніи, просилъ Владычицу—дать мнѣ на то время, и—вотъ молитва моя услышана. Ведите же меня на Олимпъ, потому что тамъ долженъ я умереть. Желаніе его было исполнено. Впрочемъ, онъ не хотѣлъ окончить послѣдніе дни свои въ устроенной имъ киновіи, а просилъ проводить его на Голгоѣскую скалу, устроенную имъ въ память палестинской Голгоѣы, и тамъ собравшимся братіямъ объявилъ, что время его отшествія къ Богу уже наступило. Плачъ и слезы иноковъ о разлукѣ съ нимъ сильно потрясли старческое сердце. Передавъ имъ въ прощальной своей бесѣдѣ необходимыя условія къ достиженію царствія Божія, святой Діонисій распустилъ братію и оставилъ при себѣ только двухъ учениковъ. Черезъ три дня послѣ сего онъ удалился въ свой олимпійскій Елеонъ, чрезвычайно безмолвный и

пустынный; но скончался въ изменной своей пещерѣ, близъ киновіи, гдѣ первоначально жилъ по прибытіи на Олимпъ. Чрезвычайно трогателенъ послѣдній предсмертный завѣтъ преподобнаго къ братіи. — Живите по уставу Святой горы, говорилъ умирающій старецъ, и подвизайтесь по возможности и силамъ, и Господь не оставитъ васъ. Питайте другъ къ другу любовь, лобызайте странническую жизнь, смиреніе, молчаніе, молитву; — посты, преданные намъ святыми отцами, храните строго; всего же болѣе берегитесь демонскаго самочинія и непокорности: самочиніе горше всего! Кто въ киновіи будетъ имѣть какую-нибудь собственность — деньги или одежды, такового изгоняйте, какъ нечистую овцу, могущую заразить и прочихъ. Какъ можно чаще исповѣдуйте свои помыслы, зная, что, кто скрываетъ ихъ отъ духовника, тотъ позволяетъ гнѣздиться въ душѣ своей демонамъ. Если случится между кѣмъ неприязнь, — примиряйтесь прежде захожденія солнца, какъ повелѣваетъ Господь. Берегитесь праздности. Кто можетъ и не работаетъ, того по заповѣди Апостола (2 Сол. 3, 10), *не слѣдуетъ допускать къ трапезѣ*, а кто имѣетъ надобность идти изъ монастыря, тотъ пусть сказываетъ о томъ игумену. Если позволить онъ, хорошо; а кто уйдетъ тайно, на его душѣ грѣхъ, и онъ самъ виновенъ въ своей гибели. Изнемогающаго терпите и исправляйте, какъ свой собственный членъ; сходокъ по кельямъ — да избавитъ Богъ, а особенно да не входитъ никто въ связь съ молодыми. Вънецъ же всего — любовь къ Богу. Если исполните завѣтъ мой, — милостивъ Богъ: наградою за то будетъ царствіе Его. Если удостоюсь дерзновенія предъ Богомъ, и я съ своей стороны не оставлю васъ. А это узнаете изъ того, если многими трудами и потомъ устроенные мною монастыри придутъ въ совершенство. Видя сіе, знайте, что я получилъ дерзновеніе предъ Богомъ ходатайствовать о васъ.

Въ заключеніе онъ помолился о своихъ духовныхъ чадахъ, благословилъ ихъ и вслѣдъ затѣмъ чрезъ нѣсколько дней, а именно 24 января, мирно отшелъ ко Господу. Святое тѣло его было погребено въ церковномъ притворѣ, устроенномъ собственными его руками: а впоследствии, чрезъ нѣсколько лѣтъ, оно было открыто. Неизъяснимое благоуханіе понынѣ остается явнымъ свидѣтельствомъ благодатнаго проявленія славы, вѣнецъ которой въ свѣтлости святыхъ преподобный Діонисій пріялъ отъ десницы Бога, прославляющаго славящихъ Его. Аминь.

Я Н В А Р Я 30.

Страданіе святаго мученика

ΘΕΟΔΟΡΑ *).

Блаженный Θεодоръ былъ родомъ изъ Митилина, имѣлъ жену и дѣтей. Однажды чѣмъ-то разгнѣванный, отрекся онъ Христа и принялъ магометанство; но потомъ, когда разсѣялось омраченіе и онъ пришелъ въ себя, раскаялся въ своемъ безумномъ дѣлѣ и, оставивъ свою родину, прибылъ на Святую гору. Здѣсь исповѣдалъ онъ одному духовнику свой грѣхъ и исполнилъ назначенную ему епитимию; затѣмъ былъ помазанъ священнымъ муромъ, и такимъ образомъ причислившись къ словесному стаду Христову, сталъ подвизаться въ духовныхъ подвигахъ, и подвизался уже довольно времени. Но душа его, не имѣя полного покоя, не была довольна этими подвигами: она всегда стремилась къ другому, высшему подвигу, какъ бы требуя, чтобы омыто было кровію преступное отреченіе

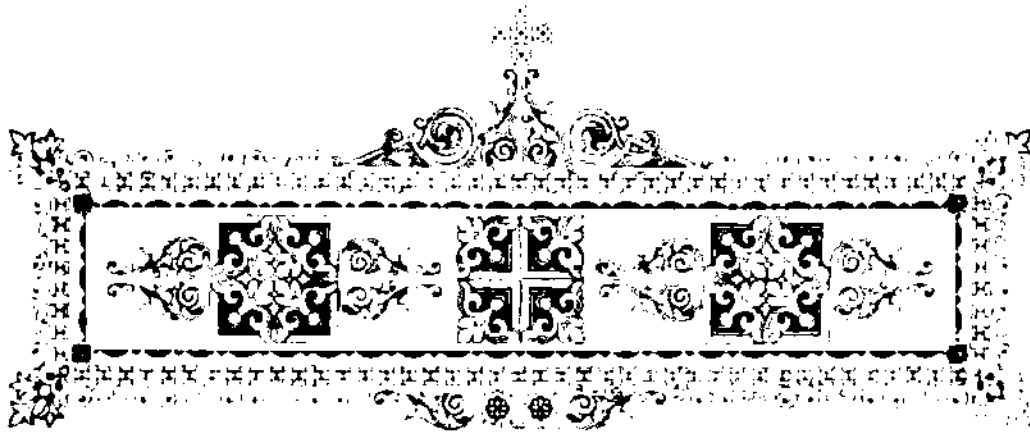
*) Изъ Νέον Μαρτυρολόγιον.

его отъ Христа. Итакъ, блаженный, бывъ укрѣпленъ молитвою духовнаго своего отца, возвратился въ свое отечество, предсталъ предъ судьейю того мѣста и спросилъ его, кто обиженъ или осмѣянъ, тотъ можетъ ли имѣть право искать удовлетворенія? Разумѣется, можетъ, отвѣчалъ судья. Мученикъ сказалъ: я имѣлъ вѣру христіанскую, но, бывъ омраченъ діаволомъ, оставилъ ее и принялъ вашу. Теперь я пришелъ въ себя и вижу, что моя вѣра есть неподдѣльное и доброе золото, а ваша — ничтожный металлъ, и съ этимъ словомъ, снявъ тотчасъ съ головы своей повязку, бросаетъ ее предъ судьейю, а самъ надѣваетъ черную скуфью, которую имѣлъ за пазухой. — Что ты дѣлаешь, глупый? ты съума сошелъ? гнѣвно вскричалъ нечестивый судья. Нѣтъ, отвѣчалъ мученикъ, я нахожусь въ сознаниіи и полномъ разумѣ. Судья еще нѣсколько разъ повторилъ ему то же; но мученикъ опять отвѣчалъ, что онъ сознаетъ себя и весьма хорошо понимаетъ дѣло. Тогда судья велѣлъ заключить его въ темницу. Изъ темницы мученикъ двукратно выводимъ былъ на испытаніе, но тщетно. Такимъ образомъ, видя стратотерпца твердымъ и непоколебимымъ въ исповѣданіи Христовой вѣры, судья приговорилъ его къ смерти, а для исполненія надъ нимъ своего приговора, отослалъ его къ назиру Омеръ Агѣ, который, съ своей стороны, тоже употребилъ все средства, чтобы привлечь святаго къ своему нечестію, но все было напрасно; почему блаженный преданъ былъ палачамъ для совершенія надъ нимъ смертной казни. Эти лютые звѣри, безъ всякой милости, били стратотерпца, нанесли ножомъ рану въ бокъ, сбросили съ крыльца и, наконецъ, повели его на мѣсто казни. Впереди всѣхъ шелъ глашатай и вопилъ, что всякій, отвергающійся правой вѣры, пострадаетъ такимъ же образомъ. Достигши мѣста казни, мученикъ сотворилъ молитву и, испросивъ прощенія у всѣхъ тамъ случившихся

христіанъ, самъ взошелъ на высокій камень, съ любовію облобызалъ веревку, которою имѣлъ быть удавленъ, и чрезъ нѣсколько минутъ блаженная душа его предстала престолу Вѣчной Правды. Честныя мученическія мощи были брошены въ море, но чрезъ нѣсколько дней море выбросило ихъ на берегъ; почему христіане, взявши у судіи позволеніе, честно погребли ихъ при храмѣ святаго Іоанна Предтечи. Потомъ, однакожь, не оказалось ихъ на своемъ мѣстѣ: искали ихъ, но напрасно, не найдены они и донынѣ, и никто не знаетъ, что съ ними сдѣлалось. Дивному же во святыхъ Своихъ Богу слава и держава во вѣки. Аминь.

Св. мученикъ Феодоръ пострадалъ въ 1784 году.

Я Н В А Р Я 31.

Страданіе святаго преподобномученика

ИЛИИ АРДУНИСА *).

 Отчествомъ святаго преподобномученика Илии было лежащее въ Морѣ селеніе Каламата. По занятію онъ былъ цырульникъ, но такъ какъ отъ природы обладалъ благоразуміемъ, былъ искусенъ въ обхожденіи съ людьми и опытенъ въ дѣлахъ житейскихъ: то все представители того селенія имѣли къ нему уваженіе, всегда дружески обращались съ нимъ и нерѣдко пользовались его совѣтами. Однажды между представителями народа былъ разговоръ о различныхъ и весьма тяжелыхъ повинностяхъ и безчисленныхъ притѣсненіяхъ, какія испытывали тогда покоренные Турками Морейскіе христіане. Сострадательный Илія, скорбя сердцемъ объ участи этихъ бѣдныхъ своихъ сожителей, пламенно желалъ убѣдить представителей народа въ томъ, что нужно всячески позаботиться объ облегченіи христіанъ отъ тяжелыхъ податей, ибо можно опасаться, что многіе

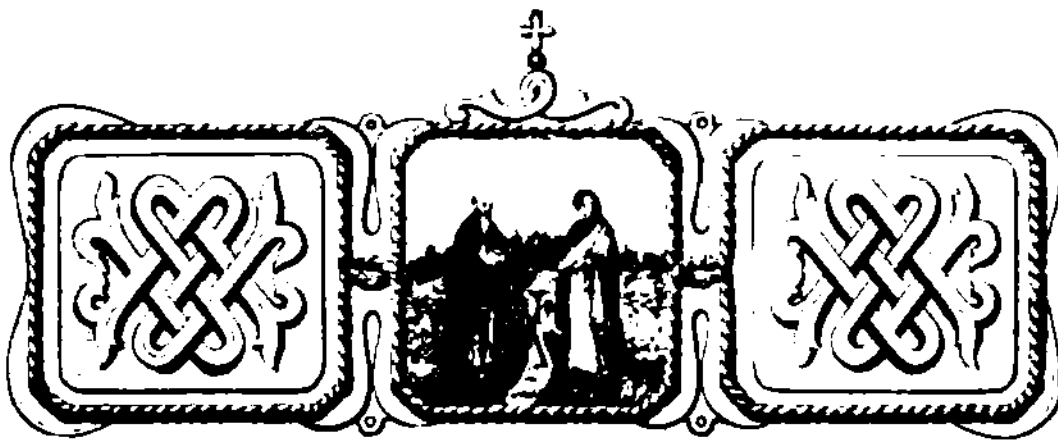
*) Изъ Нею Маргаролоугов.

изъ бѣдныхъ, во избѣжаніе притѣсеній, отрекутся своей вѣры и примутъ магометанство. Представители несогласны были съ мнѣніемъ Иліи и возражали ему, что не видится изъ этого никакой опасности для христіанъ. Тогда Илія, полный ревности о благѣ ближнихъ, желая показать, что и другіе могутъ поступить также, въ простотѣ сердца говоритъ имъ: пусть дастъ мнѣ кто нибудь фесь (красная скуфья), я и за это перемѣню вѣру. Одинъ изъ представителей, желая пошутить надъ нимъ, послалъ ему фесь; и Илія, забывъ о ловительствѣ діавола и безсознательно поддавшись его коварной прелести, тотчасъ пошелъ къ мѣстному судѣ и отрекъся христіанской вѣры. Такой неожиданный поступокъ Иліи причинилъ великую скорбь и печаль всѣмъ тамошнимъ христіанамъ. Спустя впрочемъ немного времени, онъ пришелъ въ самого себя, горько плакалъ и весьма сокрушался о своемъ безуміи, и желая загладить свое преступленіе и принести плоды достойныя покаянія, удалился отсюда на святую Аѳонскую гору—какъ спасительное пристанище всѣхъ обуреваемыхъ волнами житейскихъ напастей: съ великимъ сердечнымъ сокрушеніемъ исповѣдалъ онъ здѣсь нѣкоему духовнику грѣхъ свой и съ любовію и усердіемъ исполнилъ назначенную ему епитимію, по исполненіи которой былъ помазанъ священнымъ муромъ, и такимъ образомъ сопричисленъ къ словесному стаду Христову. Сдѣлавшись снова овцою стада Христова, онъ уже не хотѣлъ отдавать жизни своей суетному міру, но рѣшился посвятить ее исключительно Богу, и потому принялъ на себя иноческій образъ. По принятіи ангельскаго образа, восемь лѣтъ провелъ онъ въ дивныхъ аскетическихъ подвигахъ, но помня слова Господа и Спасителя нашего: *иже отвержется Мене предъ людьми, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесахъ* (Мат. 10, 33), никогда не имѣлъ полного мира въ душѣ и покоя въ совѣсти, почему

открылъ духовнику своему, что онъ имѣеть намѣреніе и желаніе смыть свое преступленіе не слезами только, но и кровію своею. Духовникъ, похваливъ его намѣреніе, совѣтовалъ ему отправиться въ Каламату и съ дерзновеніемъ исповѣдать Христа тамъ, гдѣ Его отвергся. Итакъ, взявъ благословеніе отъ духовнаго отца своего и напутствуемый его молитвами, онъ оставилъ Святую гору и скоро прибылъ въ Каламату. Прибывъ сюда, онъ объявилъ о своемъ намѣреніи мѣстнымъ духовникамъ: но они, боясь за него, останавливали его отъ такого предпріятія. Не смотря на то, Илія, твердо уже рѣшившійся на мученической подвигъ, презрѣлъ всякій страхъ, началъ ходить по улицамъ и базарной площади съ намѣреніемъ, чтобы тамъ замѣтили его турки. Сначала они не узнали его; когда же онъ прошелъ по улицѣ дважды и трижды, признали въ немъ прежняго своего собрата и стали кричать вслѣдъ ему: не ты ли это Мустафа Ардунисъ?—Да, говоритъ имъ тогда святой съ дерзновеніемъ, это я, но только не Мустафа, а Илія и христіанинъ православный, — и безъ всякой боязни началъ поносить ихъ вѣру и проповѣдывать Христа Богомъ истиннымъ. Услышавъ это, нечестивцы схватили его и послѣ довольныхъ побоевъ, представили судѣ, свидѣтельствуя, что этотъ человѣкъ самъ добровольно принялъ нашу вѣру, даже просилъ насъ о ней, а теперь безчестить ее. Такъ какъ мученикъ и на вопросъ судьи о его вѣрѣ отвѣчалъ ему тоже, что и представившимъ его, то, по повелѣнію судьи, ввергнуть былъ въ темницу и узы, чтобы тамъ могъ лучше размыслить о себѣ. Когда въ тяжкомъ томъ заключеніи провелъ онъ нѣсколько дней, его опять представили предъ судью для вторичнаго испытанія. Но видя бесплодность всѣхъ усиленныхъ стараній, нечестивый судья рѣшилъ мученика сжечь; почему палачи тотчасъ же схватили его и повели на мѣсто казни, гдѣ все было уже го-

тово. Исполнители казни бросили его въ пламя, но, о чудо! огонь не коснулся ни рясы стратотерпца, ни даже волосъ его: дрова и все прочее сгораемое вещество испепелилось, а мученическое тѣло осталось цѣло и безъ всякаго поврежденія; душа же Іліи между тѣмъ ликовала уже въ горнихъ селеніяхъ, предстоя престолу Всевышняго. Такимъ образомъ ратоборець Христовъ, Ілія, принялъ отъ Него вѣнецъ мученичества. Вечеромъ стрегущіе мученическое тѣло ясно видѣли снишедшій съ небеси и окружившій его свѣтъ. Видя это, агаряне говорили: такъ какъ огонь нашъ не сжегъ его, то вотъ Самъ Богъ послалъ огонь съ неба для сожженія. Христіане выкупили у мучителей святую мощи, издававшія изъ себя неизреченное благоуханіе и погребли ихъ честно и благоговѣнно въ церкви, а святую главу отдѣливъ отъ нихъ, съ благоговѣніемъ положили въ одномъ монастырѣ того мѣста, называемомъ Вурканонъ, гдѣ отъ нея и до нынѣ совершаются дивныя и преславныя чудеса. Тогда же благочестивый дидаскаль каламатскій Діонисій получилъ себѣ въ освященіе отъ мученическаго тѣла ребро, отъ коего тоже совершилось много чудесъ, во славу святаго мученика и Господа нашего Іисуса Христа, Коему подобаешь всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

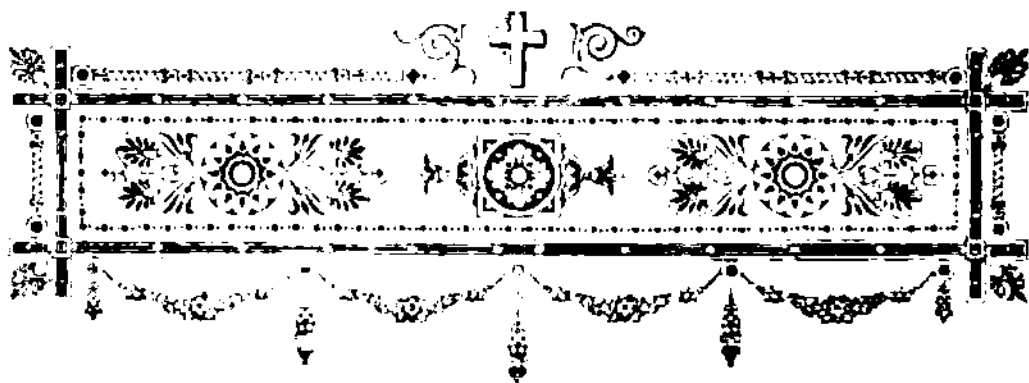
Святой преподобномученикъ Ілія пострадалъ въ 1686 г.

Ф Е В Р А Л Я 1.

Память преподобнаго отца нашего Василя,
архієпископа солунскаго.

Святый Василій, ученикъ и постриженецъ преподобнаго Евѣимія Тессалоникскаго, былъ родомъ изъ Аѳинъ, подвизался на святой Аѳонской горѣ и въ другихъ мѣстахъ съ преподобнымъ Евѣиміемъ, который на третій день по постриженіи, по особенному откровенію, предсказалъ ему, что онъ будетъ епископомъ; скончался мирно въ IX вѣкѣ. Въ греческомъ синаксарѣ онъ называется исповѣдникомъ. (Смотри подробно въ житіи препод. Евѣимія октября 14).

Ф Е В Р А Л Я 8.

Память преподобнаго отца нашего Саввы II-го, архіепископа сербскаго *).

Преемникъ св. Арсенія, архіепископа сербскаго, Савва II былъ младшій сынъ первовѣнчаннаго краля сербскаго Стефана и племянникъ великаго Саввы, перваго архіепископа сербскаго.

Предславъ, такъ назывался онъ въ міру у Сербовъ, возревновалъ идти по слѣдамъ святаго дяди своего и еще въ молодости принялъ иночество. Онъ ходилъ въ Іерусалимъ и тамъ прожилъ не малое время, потомъ подвизался на Аѳонѣ вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ преподобнымъ Іоанникіемъ, который наслѣдовалъ по немъ и архіепископскій престоль его **). На святой Аѳонской горѣ имъ пришлось много потерпѣть бѣдъ и претѣсненій отъ разорявшихъ тогда оную латиняпъ, изгнанныхъ изъ Царьграда греками и поселившихся въ Македоніи въ предѣлахъ Святой горы ***). По возвращеніи его въ отчизну, блаженный Арсеній, чувствуя

*) Святые южныхъ славянъ, Филарета архіеписк. черниг. Животи краљева и архіепископа сербскихъ. Даничиичъ. Загребъ 1866.

***) Память его мая 28.

***) Сравни. повѣсть о нашествіи на Святую гору латиняпъ — октября 10.

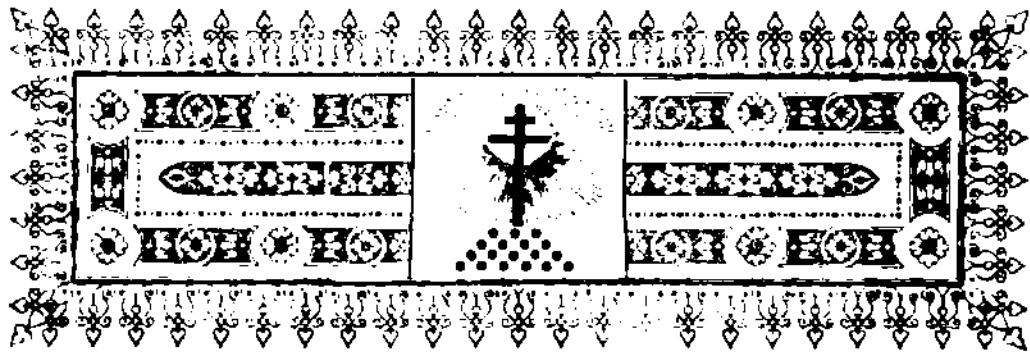
свою старость и тяжкую болѣзнь, посвятилъ его въ премника себѣ. Въ санѣ первосвятителя подражалъ онъ жизни предшественниковъ своихъ. Любимою добродѣтелию его была кротость. По извѣстію о первосвятителяхъ (Гласникъ VI, 28) „еще живъ сый святой сей (Арсеній) постави Серблемъ архіепископа вмѣсто себе Савву втораго.“ Такъ какъ блаж. Арсеній († окт. 28, 1266 г.) 3 года предъ смертію былъ боленъ: то конечно не позже 1263 г. Савва посвященъ былъ въ архіепископа Арсеніемъ. Блаж. Савва почилъ въ началѣ 1267 года *). Св. Савва покоится въ Цекской обители, вблизи св. Арсенія. Сербская церковь поетъ ему: „Изъ корене благаго благая отрасль прозяблъ еси, Божія разума водами напаяемъ, тѣмъ и плодъ благоуханенъ явился еси житіемъ отъ юности, веселя сердца и души поющія тя **).

(Память святителя совершается вторично въ общей службѣ свв. сербскимъ святителямъ и учителямъ августа 30).

*) Въ „Лѣтописи“ архіа Арсенія (Сиб. 1880) время кончины св. Саввы показано 12 февраля, 1267 г (479).

**) Служба св. Саввы въ Серблягѣ. 1861 г.

Ф Е В Р А Л Я 13.

**Память преподобнаго
СИМЕОНА МУРОТЧИВАГО,
ктитора хиландаря.**

Преподобный отецъ нашъ Симеонъ былъ царемъ Сербин; но, презрѣвъ всю суетную славу міра сего, удалился во святую Аѳонскую гору, гдѣ сначала вступилъ въ братство обители Ватопедской; а потомъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, преподобнымъ Саввою, они устроили для своего рода славную обитель Хиландарскую. Смотри о немъ въ житіи святаго Саввы, архіепископа Сербскаго, января 14.

Прилагаемъ здѣсь и слово св. Саввы о жизни Преподобнаго Симеона отца его *), сказанное братіи Студеницкаго монастыря, ктиторомъ котораго былъ преп. Симеонъ.

**Слово св. Саввы Сербскаго Архіепископа
о наслѣдованіи сего святаго монастыря
Студеницы преподобнымъ нашимъ отцемъ
и ктиторомъ господаремъ Симеономъ и
о его жизни.**

Да будетъ вамъ извѣстно, братіе, что на пустынномъ мѣстѣ, гдѣ находится этотъ нашъ монастырь, прежде про-

*) Изъ книги Шафарика: Drevního písemnictví jihoslovansk. U Praze. 1873.

изводилась охота за звѣрями. Когда однажды припелъ сюда на охоту нашъ господинъ Стефанъ Неманя, самодержецъ, владѣтель всей Сербской земли, заблагоразсудилось ему въ этомъ пустынномъ мѣстѣ создать этотъ монастырь для успокоенія и умноженія иноковъ. Сего треблаженнаго поистинѣ нашего господина и отца Стефана Неманю, да будетъ извѣстно всѣмъ намъ и другимъ, Самъ Богъ, творящій все къ добру для людей, не хотя погибели человѣческой, поставилъ владѣтелемъ всей Сербской земли. Онъ возобновилъ прародительское наслѣдіе и его еще болѣе утвердилъ, благодаря Божіей помощи и своей, данной ему отъ Бога, мудрости; онъ возстановилъ падшую свою дѣдину и занялъ отъ Поморской земли область Зету съ городами, — отъ Рабна—обѣ половины мѣстности Пилота и отъ Греческой земли — Патьково, все Хвостенское поле, мѣстности по рѣкѣ Дриму, Кострець, Держковину, Ситницу, Лабъ, Липланъ, Глубочицу, Рѣкѣ, Ушву, мѣстности по рѣкѣ Моравѣ, Загрелату, Лѣвче, Бѣлицу. Всѣ эти мѣстности—часть его дѣдины, утерянной въ старину вслѣдствіе насилій, онъ своею мудростію и своими трудами приобрѣлъ и сдѣлалъ достояніемъ Сербской земли. Когда, во время его владычества, Божіимъ поспѣшеніемъ, повсюду царилъ миръ и тишина, онъ, поистинѣ дивный, былъ грозою для всѣхъ живущихъ вокругъ его: его обладаніе Сербскою землею, продолжавшееся 37 лѣтъ, было безопасно и никѣмъ невреденно.

Какъ мы назовемъ его? Властителемъ ли, или лучше наставникомъ? Ибо онъ утвердилъ и вразумилъ сердца всѣхъ и научилъ, какъ подобаетъ православнымъ христіанамъ содержать правую вѣру въ Бога; онъ прежде всего собою представлялъ примѣръ благочестія, а потомъ и другихъ наставлялъ; онъ освятилъ церкви, построилъ монастыри,—съ наслажденіемъ слушалъ епископовъ, почиталъ

священниковъ и къ монахамъ имѣлъ великое почтеніе и любовь; онъ былъ надеждою для безнадежныхъ, заступникомъ бѣдныхъ, кормителемъ нищихъ; онъ одѣвалъ нагихъ и вводилъ въ свой домъ, воспитывалъ сиротъ, защищалъ вдовицъ, былъ поистинѣ матерью для слѣпыхъ, хромыхъ, немощныхъ, глухихъ и нѣмыхъ—просто сказать: онъ роздалъ все свое имѣніе; это былъ второй Авраамъ страннопріимецъ, земной ангелъ, небесный человѣкъ. Потому-то и Богъ возвеличилъ его и даровалъ ему имя паче всякаго имени: ему всѣ народы поклонились. Мало того, онъ самъ построилъ монастыри: 1) св. Николая въ мѣстности Теплицѣ; 2) Пресвятой Богородицы тамъ же; потомъ 3) св. Георгія въ мѣстности Расѣ; во всѣхъ этихъ монастыряхъ онъ устроилъ подобающій порядокъ. Наконецъ, онъ же построилъ и сей нашъ святой монастырь въ честь Пресвятой Владычицы нашей Блудѣтельницы Богородицы со всѣми малыми и великими принадлежностями: далъ ему села со всѣми правами надъ ними, съ иконами, дорогими сосудами, книгами, ризами, занавѣсями, что все записано въ его грамотѣ съ золотою печатью и на стѣнѣ въ церкви. При этомъ онъ клятвою запретилъ, чтобы никто не нарушилъ его завѣщанія, какъ услышите впереди.

2) Съ Божіей помощью и своими трудами пріобрѣтши все это, пользуясь, по Божіему посвѣщенію, отовсюду миромъ и тишиною, св. Симеонъ (въ мірѣ Стефанъ) пожелалъ породниться съ великимъ греческимъ царемъ Алексѣемъ Комниномъ и взялъ его дочь въ жену для своего благороднаго возлюбленнаго сына Стефана, котораго призналъ своимъ преемникомъ. Сей благовѣрный и христоробивый пречестный старецъ (Симеонъ) подвизался, чтобы въ день страшнаго суда быть причислену къ числу угодившихъ Богу и получить райское оное и неизреченное жилище. При такомъ настроеніи, онъ въ особенности желалъ при-

нять Ангельскій и Апостольскій образъ и ревностно старался послѣдовать Господнимъ словамъ: „*возьмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обратите покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть*“ (Матѣ. 11, 29—30). Въ писаніи же говорится: любви Божія связана съ вѣрою вѣрныхъ; вѣрѣ блаженнаго сего старца особенно соотвѣтствовало изреченіе: „любяй отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ; и иже не приметъ креста своего и по Мнѣ грядеть, нѣсть Мене достоинъ: всякъ бо, иже оставитъ домъ, или села, или имѣніе, или жену, или дѣтей, или братьевъ, или отца, или мать имени Моего ради, сторицею приметъ и животъ вѣчный наслѣдить.“ Это желая воспріять, боголюбивый отецъ нашъ и киторъ постоянно молился Премилостивому Владыкѣ не лишитъ егожелаемаго.

Въ теченіе своего тридцати-семи-лѣтняго владычества, онъ непобѣдимо и невредимо сохранилъ свою державу и свое могущество; своихъ благородныхъ дѣтей воспиталъ въ благовѣрїи и чистотѣ. Но мы не описали по порядку всего, что видѣли и слышали, избѣгая многословія; впрочемъ, одинъ Богъ знаетъ, да и отъ людей не скрыто, сколь великъ былъ трудъ сего блаженнаго мужа ради насъ и людскаго невѣжества: этотъ нашъ учитель имѣлъ мудрость Соломона, кротость Давида и цѣломудріе Іосифово; онъ былъ дивенъ и страшенъ, владыка владѣющихъ и господинъ господствующихъ — просто сказать: подобнаго ему нѣтъ.—Итакъ изложу о семъ вкратцѣ, чтобы слово не вышло пространнымъ.

3) Когда исполнился 37-й годъ его управленія государствомъ, премилостивый Владыка не презрѣлъ его искренняго моленія, но какъ щедрый, милостивый и мздовоздаятель хочетъ, чтобы всѣ спаслись. Когда наступилъ этотъ

годъ, прозорливый сей мужъ (Симеонъ) счелъ за ничто всю славу и почести сего міра и вся красота сей временной жизни показалась ему дымомъ; любовь же его ко Христу возрастала и его сердце воспламенялось, что уже уготовано ему жилище и пречистое вмѣстилище святой его души; Христосъ внушилъ ему это и наставилъ. И вотъ созываетъ онъ къ себѣ своихъ благородныхъ дѣтей и всѣхъ избранныхъ бояръ малыхъ и великихъ; когда они собрались, онъ сталъ говорить слѣдующее наставленіе: „возлюбленные мои дѣти, мною воспитанныя! Всѣмъ вамъ извѣстно, какъ Богъ, по Своему Промыслу, поставилъ меня властвовать надъ вами; извѣстно и то, каковою униженною нашель я вначалѣ землю нашу, но помощію Бога и Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, я сколько могъ трудился и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не привелъ все въ порядокъ; и при Божіемъ содѣйствіи, я увеличилъ вашу землю въ длину и ширину, что всѣмъ извѣстно. До сего времени я всѣхъ, какъ и своихъ дѣтей, воспиталъ и научилъ, какъ падлежитъ содержать православную вѣру; многіе иноплеменники возставали на меня и обступали меня, какъ пчелы сотъ, но именемъ Господнимъ я оказывалъ имъ сопротивленіе и одолѣвалъ ихъ. Посему и вы, мои возлюбленные дѣти, не забывайте ученія и правовѣрнаго закона, мною установленнаго: ибо, сохраняя сіе, вы будете имѣть себѣ помощникомъ Бога и Пресвятую Госпожу Богородицу, а я буду возносить Имъ свою грѣшную молитву о васъ; теперь же меня — своего владыку вы отпустите съ миромъ, да узрять очи мои спасеніе Господне, которое Онъ уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ людей, свѣтъ въ откровеніе народамъ—и въ славу вамъ—моей паствѣ: ибо я вижу, какъ все человѣческое суетно и по смерти не остается; не вѣчны ни богатство, ни слава, — приходитъ смерть и все уничтожаетъ. Итакъ, всеу хлопочемъ. Путь,

по которому идемъ, кратокъ; жизнь наша—дымъ и парь, земля и прахъ: только что явится и сейчасъ исчезаетъ. Посему, все, поистинѣ, суета. Жизнь сія тѣнь и сонъ, и человекъ хлопочетъ изъ за пустяковъ, какъ сказано въ писаніи: „егда и весь міръ пріобряземъ, во гробѣ вселимся, идѣже купно царіе и убози.“ И такъ, дѣти мои возлюбленныя, скоро отпустите меня пойти увидѣть утѣшеніе Израилево.“ Такъ увѣщавалъ ихъ добрый господинъ и благій пастырь, а тѣ всѣ навзрыдъ рыдали и говорили: „не оставляй насъ сиротами, господине! мы тобою были просвѣщены, тобою научены; ты просвѣтилъ насъ, пастырь добрый, полагавшій свою душу за овцы: ибо никогда не была похищена волкомъ овца изъ преданнаго тебѣ Богомъ стада паствы твоей; въ теченіе твоего тридцати семи-лѣтняго владычества, мы были тобою соблюдены и воспитаны; другаго господина и отца, кромѣ тебя, нашъ владыка, мы не знаемъ“.

4) Блаженный же сей старецъ увѣщавалъ ихъ своими мудрыми рѣчами, какъ отецъ, чтобы они перестали плакать и проливать слезы. По Божіему изволенію, онъ избралъ благороднаго своего и любезнаго сына Стефана Неманю, Богомъ вѣнчаннаго зятя греческаго царя Алексѣя, своимъ преемникомъ и сего имъ далъ, говоря: „имѣйте его вмѣсто меня; это добрая отрасль, происшедшая отъ меня; его я и возвожу на престолъ данной мнѣ Христомъ области.“ Онъ самъ вѣнчалъ своего преемника и, благословивъ его, подобно тому, какъ Исаакъ благословилъ своего сына Іакова всякимъ благословеніемъ, онъ началъ наставлять его, чтобы онъ содѣйствовалъ всему доброму въ своемъ государствѣ, чтобы былъ благосердымъ къ народу христіанскому — этой, Богомъ унасенной, его паствѣ, которую онъ ему вручилъ съ слѣдующими словами: „чадо мое любезное! паси сего моего Израиля: прилежно заботься

о немъ и руководи его, какъ Іосифъ овча.“ Заповѣдалъ онъ ему заботиться о церквахъ и о служащихъ въ нихъ, съ наслажденіемъ внимать слову святителей и священнослужителей Церкви, почитать іереевъ и благодѣтельствовать инокамъ, чтобы они молились за него. „Да не будетъ тебѣ упрека ни въ чемъ ни предъ Богомъ, ни предъ людьми.“

Точно также и другаго своего благороднаго и любезнаго сына, князя Волкана онъ благословилъ и поставилъ его великимъ княземъ, давъ ему въ управленіе достаточную область; онъ преподалъ ему наставленіе, и затѣмъ, поставивъ обоихъ сыновъ предъ собою, добрый отецъ говорилъ имъ: „сыновья мои! не забывайте моихъ законовъ, но да сохраняетъ ваше сердце мои слова, и приложатся вамъ мирная лѣта живота: не оставляйте дѣлъ милости и благочестія: привяжите это къ вашей выѣ и напишите на скрижаляхъ вашихъ сердець и обряцете благодать; думайте о добрѣ предъ Богомъ и людьми; уповайте всѣмъ сердцемъ на Бога, а своею мудростію не возноситесь; смотрите, чтобы всѣ ваши пути, по которымъ вы ходите, были правы, и ноги ваши не будутъ претыкаться; не будьте высокаго мнѣнія о себѣ, но бойтесь Господа и уклоняйтесь отъ всякаго зла: тогда будетъ исцѣленіе вашего тѣла; чтите Господа своими праведными трудами и давайте Ему начатки своихъ праведныхъ плодовъ, и обильно наполнятся ваши житницы пшеницею и ваши точила будутъ источать вино. Сыновья мои! не изнемогайте, будучи наказуемы Господомъ и не ослабѣвайте, будучи Имъ обличаемы: „егоже бо любить Господь, наказуетъ и бьетъ всякаго сына, егоже пріемлетъ;“ блаженъ человекъ, который найдетъ премудрость, и смертный, который увидѣлъ разумъ: ибо лучше пріобрѣтать первую, нежели сокровища золота и серебра; она драгоцѣннѣе многоцѣннаго камня; ей ничто лукавое не противустоитъ; она сладка для

всѣхъ, приближающихся къ ней; все же дорогое ничего не стоитъ, потому что долгота жизни и лѣта живота въ ея десницѣ, а богатство и слава въ шуйцѣ ея; изъ ея усть исходитъ правда, несущая въ народъ законъ и милость; ея пути добры и всѣ стези ея безопасны. Это дерево жизни для всѣхъ, держащихся ея, опирающихся на нее, какъ на нерушимую стѣну — Господа. Даю же вамъ сію заповѣдь: любите братья брата и не имѣйте между собою никакой злобы. Ты (Волканъ) повинуйся и будь послушенъ сему твоему брату, мною и Богомъ поставленному на мой престоль. А ты (Стефанъ), властвуя не унижай своего брата, но относись къ нему съ почетомъ; кто не любитъ своего брата, не любитъ Бога; Богъ любви есть: посему любящій Бога и брата своего любить; въ этомъ весь законъ; онъ преподанъ Апостолами; ради него были вѣнчаны Мученики, въ немъ и Пророки вѣсятъ. Итакъ, если хотите и послушаете меня, блага земли получите; если же не захотите и не послушаете меня, оружіе истребитъ васъ. Да будетъ же вамъ, мои любезные сыновья, миръ отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Духъ Божій да почитетъ на васъ, укрѣпляя и защищая васъ отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ и наставляя на путь мира. — И вамъ, начальники и бояре мои, миръ да будетъ. — И вамъ молодымъ, которыхъ я воспиталъ со дня вашего рожденія, да будетъ миръ. Миръ да будетъ всѣмъ вамъ — словесное стадо Христово, которое было предано мнѣ Богомъ; я упасъ васъ, сохранилъ невредимыми, какъ настыръ добрый, полагающій свою душу за васъ. Итакъ, умоляю васъ, мои любезныя дѣти — богатые и бѣдные, старыя и молодыя, храните наставленіе мое — вашего отца: Бога бойтесь, Царя чтите, церкви украшайте, чтобы и онѣ васъ украсили, епископовъ слушайте, іереевъ уважайте и къ монашескому чину имѣйте почтеніе, чтобы они молились

за васъ. Пребывая въ правдѣ и любви между собою, не забывайте о милостынѣ. Благодать Господа нашего Іисуса Христа и любви Бога и Отца и причастіе Св. Духа буди со всѣми вами. Аминь.“

5) Послѣ этого, онъ, какъ мы уже выше сказали, передалъ имъ своего любезнаго сына Стефана Неманю, чтобы онъ управлялъ ими, и самъ сталъ удаляться отъ народа; народъ плакалъ и рыдалъ, видя удаленіе такого владыки и пастыря, плакалъ и рыдалъ такъ, словно „гласъ въ Рамѣ былъ слышанъ, Рахиль плачущися о чадѣхъ своихъ и немогущи утѣшиться.“ Поистинѣ, я недоумѣваю, какъ назвать его: добрымъ ли господиномъ, учителемъ ли правовѣрія, добрымъ ли отцемъ, или пастыремъ, который упасъ вѣрою преданное ему стадо, просвѣтителемъ ли церквей и учителемъ благонравія, постоянно пребывающимъ въ молитвѣ, нищелюбцемъ ли и ихъ преизобильнымъ служителемъ, наставникомъ ли правовѣрія, учителемъ благовѣрія и свѣтиломъ чистоты вселенной? исполненнымъ ли вѣры и образцомъ кротости и наставникомъ поста? наставникомъ ли премудрости, подателемъ разума и карателемъ безумныхъ? соблювшимъ ли свое стадо, или премудрымъ отвѣтчикомъ для всѣхъ, кругомъ его живущихъ? Воистину, все это было въ немъ: онъ былъ исполненъ премудрости и разума, и Божія благодать почивала на немъ.

Послѣ всего этого, да будетъ всѣмъ вѣдомо дѣло сего премудраго и дивнаго мужа.

Благословивъ свой народъ, онъ оставилъ данное ему Богомъ владычество и все многое другое прекрасное, такъ какъ было угодно Христу Богу и Пресвятой Владычицѣ и Госпожѣ Богородицѣ удовлетворить неисповѣдимое его святое желаніе. Раздавъ все свое имѣніе нищимъ, онъ оставилъ свое владычество, своихъ дѣтей и свою супругу первобрачную (во второй бракъ онъ не вступалъ) и приобщился

къ неизреченному честному Ангельскому и Апостольскому образу — монашескому малому и великому; имя ему было дано Симеонъ. Это было 25 марта въ праздникъ Благовѣщенія въ 6703 г. (т. е. 1195 году). Въ тотъ же самый день и жена его Анна, владѣтельница всей Сербской земли, приняла святой монашескій образъ, и дано было ей имя Анастасія. Когда все это было совершено, отецъ нашъ (Симеонъ) пришелъ въ нашъ монастырь Пресв. Богородицы, который имъ и построенъ, а госпожа Анастасія отправилась въ монастырь Пресв. Богородицы въ мѣстности Расъ. Предивный и блаженный отецъ нашъ и ктиторъ, Симеонъ пребывалъ у насъ во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ, преуспѣвая и уча всѣхъ бывшихъ около него духовнымъ подвигамъ такими словами: „возмите иго Мое на себе, и научитесь отъ Мене, я кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ. — Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть“ (Матѳ. 11, 29 — 30). Поистинѣ, отецъ нашъ Симеонъ исполнилъ написанное въ Евангелїи: продалъ все, что имѣлъ и купилъ одинъ бисеръ — безцѣннаго Христа, ради Котораго все это совершивъ, тѣмъ самымъ удостоился тому юношѣ, которому Спасъ Христосъ далъ сію заповѣдь: „аще хоцещи спасенъ быти, иди раздай все имѣніе свое нищимъ, возми крестъ свой и по Мнѣ гряди.“

Все это исполнивъ, блаженный старецъ, въ теченіе своего двухлѣтняго пребыванія въ семъ нашемъ монастырѣ, умножилъ стадо Христова иноческаго чина и возжелалъ взойти на высшую духовную степень, такъ какъ въ Писанїи сказано: удалитесь изъ мѣсть своей родины, потому что никакой Пророкъ не бываетъ принятъ въ своемъ отечествѣ. Поэтому-то боголюбивый Симеонъ пожелалъ выйти отсюда и отправиться въ странствованіе, чтобы выполнить собою все сказанное въ Писанїи: надѣющіеся на

Господа уподобились святой горѣ, которая не подвергается вражескимъ нападеніямъ. Собственно ради сей причины, онъ пожелалъ выйти. Сообщу вкратцѣ и о другомъ.

б) Сей блаженный господинъ нашъ Симеонъ имѣлъ три сына; самый меньшой (не могу назвать себя сыномъ, но рабомъ), котораго онъ всего больше любилъ, былъ неотступно при немъ и ему работалъ. Будучи самымъ меньшимъ и, просто сказать, видя немощь своего естества и умноженіе грѣховъ, я, подобно блудному сыну, оставилъ добраго отца и добрую мать и благородныхъ своихъ братьевъ и господъ и какъ безумный, ушелъ далеко въ чужую сторону; цитаясь вмѣстѣ съ свиньями и не насыщаясь ихъ пищею, я былъ мертвъ и не оживалъ, былъ погибшимъ и не обрѣтался. Поэтому блаженный отецъ Симеонъ, яко добрый пастырь, пожелалъ отправиться въ Святую гору, чтобы поискать заблудшую овцу и взявши ее на рамена, принести къ своему хотѣнію, и затѣмъ принять награду отъ Бога за удаленіе отъ родныхъ, и тѣмъ удовлетворить желаніе своего сердца. Возгорѣвъ духомъ, онъ такъ молился Богу: Царю славы, Единый, безсмертный Отецъ неба и крѣпости, хотящій, по промыслу Своей благости, чтобы ни одинъ человѣкъ не погибъ, но чтобы все спаслись, не допусти погибнуть мнѣ; вѣмъ бо, яко милость Твоя велика есть на мнѣ. И нынѣ молю Тебя, Владыко, дай мнѣ сіе теченіе жизни окончить.“ И сказавъ это, онъ послалъ за Богомъ данными ему двумя сыновьями. Когда они вмѣстѣ съ властями и боярами собрались, онъ (Симеонъ) далъ имъ второе благословеніе, и отправился оттуда на Святую гору въ мѣсяцъ октябрѣ, въ 8-й день, въ 6706 (т.-е. 1197) году; а оставшемуся въ Богомъ данной ему державѣ своему сыну и господарю повелѣлъ, кромѣ другихъ заповѣдей, заботиться о семъ нашемъ монастырѣ и приняться за его пристройку. Уходя, блаженный нашъ отецъ и ктиторъ

Симеонъ поставилъ игуменомъ сего святаго мѣста преподобнаго мужа іеромонаха Діонисія и заповѣдалъ ему заботиться о нуждахъ Христова стада, что въ семъ святомъ мѣстѣ.

7) Блаженный Симеонъ 2 числа мѣсяца ноября прибылъ въ св. гору. Богоносные и преподобные отцы, живущіе въ Святой горѣ, приняли его съ радостію и великими почестями. Прежде всего онъ поселился въ монастырѣ Ватопедѣ, гдѣ и нашель желаемое — свою заблудшую овцу *); облобызавъ его, взялъ его на свое рамо, какъ подобало, и взялъ на службу себѣ. Пробылъ здѣсь блаженный не долго и пожелалъ найти мѣсто спасенія всѣмъ приходящимъ отовсюду, подобно тому, какъ здѣсь оправдалъ свое царство (земное), выпросилъ у греческаго царя Алексѣя, своего свата, пустынное мѣсто въ Святой горѣ на устройство монастыря. И взялъ онъ меня грѣшнаго изъ монастыря Ватопеда въ то мѣсто, гдѣ мы оба и поселились. Пробылъ со мною преподобный отецъ нашъ въ Святой горѣ одинъ годъ и пять мѣсяцевъ. Кто можетъ исповѣдать подвиги и труды сего блаженнаго? Дѣйствительно, всѣ живущіе въ окрестныхъ мѣстностяхъ удивлялись ему, видя на немъ неизреченное Божіе снисхожденіе, и приходили къ нему за благословеніемъ; священныя, богобоязненныя и христіанскія монахи Святой горы и весь освященный церковный причтъ неразлучно при немъ были, дивясь великому смиренію и образу кротости, наставнику поста и послѣдователю слова святаго Евангельскаго ученія: „хотѣй болѣе быти, да будетъ всѣхъ меньшій и всѣмъ слуга; аще не будете, яко дѣти незлобивы, не внидете въ царствіе небесное,“ и опять: „блаженны нищіе духомъ, ибо тѣхъ есть царствіе небесное; блаженны плачущіе здѣсь, ибо тамъ наследуютъ царство небесное; блаженны алчущіе и жажду-

*) Т.-е. св. Савву.

щіе здѣсь, ибо тамъ насытятся; блаженны милостивые здѣсь, ибо тамъ помилованы будутъ; блаженны чистые сердцемъ, ибо всегда Бога узрять“ и проч. Все это исполнилъ блаженный отецъ нашъ и киторъ Симеонъ и ни въ какомъ отношеніи не былъ зазорень, но получилъ спасеніе съ живущими Христа ради. Прибывъ къ чуднымъ деревьямъ нивы спокойствія, онъ тамъ нашель плоды, и птицы сладко пѣли тамъ; здѣсь онъ провелъ мирную безмятежную и богоугодную жизнь. Святая гора — доброе пристанище укоренилась въ правовѣрїи и свѣтло сіяла, какъ чудное дерево, и среди себя приняла, какъ сладкопѣсенную птицу и любящихъ пустыню горлицъ, нѣкоего желаннаго монаха, милое утѣшеніе христолюбивому старцу, имъ воспитанную овцу, вѣтвь отъ его плода и цвѣтокъ отъ его корня; здѣсь и благовоніе; онъ пожелалъ и воистину почилъ на чудной пажити, на которой птица пѣла разными голосами, гдѣ насыщался пятью чувствами мудрецовъ: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ. Пришелъ онъ въ ту святую пажить (Святую гору) изъ своего отечества и нашель нѣкогда бывшій монастырь, по имени „Милея“ во имя Введенія во храмъ Пресвятой и Преславной Владычицы Богородицы, совершенно разоренный безбожными воинами, и потому принялъ на себя новый лучший подвигъ, потрудилъ свою старость и меня недостойнаго, котораго имѣлъ своимъ работникомъ: и какъ здѣсь (Студеницу) возобновилъ и устроилъ все, такъ и то святое мѣсто (Хиландарь) воздвигъ, чтобы и тамъ въ будущей жизни Богъ не лишилъ обновленія, памяти и прибѣжища; собравъ достаточное число монаховъ, поставилъ начальникомъ надъ ними нѣкоего преподобнаго мужа монаха Меодія; онъ все здѣсь привелъ въ порядокъ, что необходимо для монастыря и живущихъ въ немъ; пробылъ тамъ восемь мѣсяцевъ, совершая подвиги и неизглаголан-

ныя духовныя усовершенствованія, которыхъ умъ человѣческій не можетъ высказать. И не только тому монастырю, но и всей Святой горѣ и всѣмъ ея монастырямъ онъ далъ преизобильную милостыню на поминовеніе себя и всѣхъ его потомковъ.

8) Седьмого числа мѣсяца февраля его честная старость стала нѣсколько ослабѣвать. И вотъ тотчасъ блаженный старецъ Симеонъ тихо подзвалъ меня недостойнаго и униженнаго и началъ говорить мнѣ святыя, честныя и сладкія слова: „чадо мое, сладкое утѣшеніе моей старости! тщательно внимай моимъ словамъ и не оскудѣютъ источники твоей жизни; сохрани ихъ въ своемъ сердцѣ, потому что они суть жизнь для всѣхъ, ихъ обрѣтающихъ; особенно храни свое сердце, ибо здѣсь источники жизни; да не будутъ твои уста строптивы и готовы на обиду; глаза твои пусть прямо смотрятъ и вѣжди твои да поднимаются праведно; ходи право своими ногами, исправляй свои пути, не уклоняйся ни на право, ни на лѣво: правые пути знаетъ Богъ, а пути неправыя развращенны; право дѣлай свое ученіе и твое хожденіе да будетъ въ мирѣ. Сынъ! внимай моей мудрости, услышь мои слова и сохрани мою добрую мысль; я говорю тебѣ, что чувствую: храни, сынъ мой, законъ твоего отца, не оставь наставленія твоей матери; послушай теперь меня, сынъ мой, и будешь счастливымъ: ибо блаженъ мужъ, который послушаетъ меня и счастливъ человекъ, который сохранитъ мои пути; не присоединяйся къ безумнымъ, а поищи премудрость и проживешь; разумно исправь свѣдѣнія, ибо укоряющій злыхъ себя самому досаждаеть и обличающій нечестиваго себя самого унижаетъ; не обличай злыхъ, чтобы они не возненавидѣли тебя, но обличай разумнаго и онъ полюбитъ тебя; укажи умному вину и онъ станетъ болѣе разумнымъ—это слово къ праведному, которое онъ усердно приметъ; начало премудро-

сти страхъ Господень и совѣтъ святыхъ разумень; а уразумѣніе закона благое помышленіе. Такимъ образомъ долго проживешь и приложатся тебѣ лѣта живота." И поднявъ свои руки блаженный (Симеонъ) положилъ ихъ на моей грѣшной выи, жалобно началъ плакать и сладко лобызать меня; потомъ сталъ говорить: „чадо мое возлюбленное, свѣтъ моихъ очей, утѣшеніе и хранитель моей старости! вотъ уже приспѣло время нашего разлученія; вотъ уже Владыко отпускаетъ меня съ миромъ, по глаголу Его, да сбудется реченное: „земля еси и въ землю отъидеши,“ но ты, чадо, не скорби, видя мое разлученіе: это чаша общая для всѣхъ; здѣсь мы разлучаемся, тамъ соединимся, гдѣ уже нѣтъ разлученія.“ Поднявъ свои пречестныя руки, блаженный отецъ положилъ ихъ на моей головѣ и сказалъ: „благословляю тебя; Господь Богъ благословенъ, да поспѣшитъ на спасеніе твое и да подастъ тебѣ вмѣсто земныхъ благъ благодать, милость и царствіе небесное, да исправитъ путь твоего теченія, по которому ты изначала пошелъ отъ меня, имѣя съ собою здѣсь и тамъ мою неразлучную хотя и грѣшную молитву.“ Я же, падши ницъ къ ногамъ его, со слезами говорилъ: я насладился многими и великими дарами твоими, о блаженный мой господи, отче Симеоне, но не памятуя всего, я оказался окаяннымъ и неблагодарнымъ: я присталъ къ безмысленнымъ скотамъ и имъ уподобился; будучи нищимъ добрыми дѣлами и богатымъ страстьми, будучи исполненъ срама и лишенъ дерзновенія къ Богу, осужденъ Богомъ и оплаканъ Ангелами, будучи посмѣшищемъ для бѣсовъ, укоряемъ своею совѣстію и пристыженъ моими злыми дѣлами, я прежде смерти мертвецъ и прежде суда самъ себя осуждаю, прежде безконечнаго мученія я самъ мучусь, вслѣдствіе безнадежности. Поэтому, припадаю къ твоимъ пречестнымъ ногамъ съ поклономъ, дабы получилъ я, неисправленный, ради твоихъ

пречестныхъ молитвъ нѣкую малую отраду въ страшное оное пришествіе Господа нашего Іисуса Христа.“ Когда наступило восьмое число того мѣсяца, блаженный отецъ сказалъ мнѣ: „чадо мое! пошли за духовникомъ и за честными старцами Святой горы; пусть придуть ко мнѣ, такъ какъ день моей кончины приближается.“ Я исполнилъ его повелѣніе, и пришло множество монаховъ, подобно благовоннымъ цвѣткамъ, цвѣтущимъ въ той святой пустынѣ. По приходѣ къ нему, они другъ отъ друга приняли миръ и благословеніе, и блаженный не далъ имъ отойти отъ него, говоря имъ: останьтесь при мнѣ, пока вы, послѣ отпѣванія моего тѣла вашими святыми и честными пѣснями, погребете меня.“ Блаженный старецъ, начиная съ седьмаго числа и до своей смерти не принялъ ни хлѣба, ни воды, а только ежедневно причащался святыхъ и пречистыхъ Таинъ Тѣла и Крови Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

9) 12-го числа того-же мѣсяца я замѣтилъ, что блаженный старецъ близокъ къ смерти и сказалъ ему: о блаженный отче Симеоне! вотъ уже близокъ твой благой переходъ въ вѣчный покой, хотя я уже слышалъ твое благословеніе твоему наслѣдію, но теперь дай имъ свое послѣднее благословеніе. Блаженный, поднявъ руки, со слезами началъ говорить: „Троице святая, Боже нашъ! славлю Тебя и благословляю Тебя; молю Тебя и представляю себя Тебѣ. Даю моему наслѣдію третіе благословеніе. Господи Вседержителю, Боже отецъ нашихъ: Авраама, Исаака, Іакова и праведнаго сѣмени! сохрани и укрѣпи державу бывшаго моего владычества; на помощь имъ отнынѣ и до вѣка да будетъ Пресвятая Богородица и моя хотя и грѣшная молитва. Даю же имъ прежнюю заповѣдь: „да будетъ между вами любовь; кто ее нарушитъ, да уничтожитъ его и сѣмя его Божій гнѣвъ.“ Я же на это сказалъ „аминь.“—

Послѣ этого, блаженный старецъ сказалъ: „чадо мое! принеси мнѣ образъ Пресвѣтой Богородицы, ибо я далъ обѣтъ предъ нимъ испустить свой духъ.“ Я исполнилъ его повелѣніе. Былъ вечеръ. Блаженный старецъ сказалъ: „чадо мое! будь добръ, возложи на меня погребальную рясу и наряди меня точно тѣмъ святымъ образомъ, какъ мнѣ лежать во гробѣ; распрости на землѣ рогожу и положи меня на ней; подъ мою голову положи камень, пусть я здѣсь лежу до тѣхъ поръ, пока Господь посѣтитъ взять меня отсюда.“ Я исполнилъ все имъ заповѣданное.

Всѣ мы смотрѣли и горько плакали, видя таковое неизреченное Божіе смотрѣніе на семъ блаженномъ старцѣ: ибо какъ и здѣсь онъ просилъ у Бога и Богъ далъ ему въ державѣ, такъ и до сей минуты не лишилъ его ни единой духовной вещи, но все ему исполнилъ. Поистинѣ, возлюбленные мои братія и отцы, чудно было видѣть того, коего боялись и трепетали всѣ страны, подобнымъ одному изъ странныхъ, нищимъ, обвитымъ мантией, лежащимъ на рогожѣ на землѣ, съ камнемъ подъ головою; ему всѣ кланялись, а онъ умиленно у всѣхъ просилъ прощенія и благословенія. Была ночь, когда всѣ, простившись и благословивши другъ друга, разошлись по келліямъ читать правило и за тѣмъ нѣсколько отдохнуть. Я же съ однимъ іереемъ, мною оставленнымъ, всю эту ночь остались при блаженномъ старцѣ. Въ полночь умолкъ блаженный старецъ и больше не говорилъ ко мнѣ. Когда настало время утрени и началось пѣніе въ церкви, опять просвѣтилось лице блаженнаго старца и, обратившись къ небу, онъ сказалъ: „хвалите Бога во святыхъ Его, хвалите Его во утверженіи силы Его.“ Я же сказалъ ему: отче! кого ты видишь и кому говоришь? Онъ же, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: „хвалите Его на силахъ Его, хвалите Его по множеству величества Его.“ И сказавъ эти слова, онъ

тотчасъ испустилъ свой пребожественный духъ и умеръ о Господѣ. Я же припалъ къ его лицу и долгое время горько плакалъ; поднявшись же, я благодарилъ Бога, что Онъ сподобилъ меня видѣть таковую кончину сего преподобнаго мужа *).

10) Когда вся братія узнала объ его смерти, стали навѣщать его, дивились свѣтлости его лица и говорили: „о блаженный Симеоне, удостоившійся при кончинѣ видѣть таковое видѣніе, что Владыка Господь благоизволилъ воздать тебѣ за подвиги твоихъ трудовъ, и потому при исходѣ своей души, ты съ веселостію произнесъ сладостныя слова: хвалите Бога во святыхъ Его, хвалите Его во утверженіи силы Его; хвалите Его по множеству величествія Его. Блаженъ ты будешь вездѣ, и потому произнесъ ты сей блаженный гласъ.“ Послѣ этого, взявъ съ честію его преподобное тѣло, мы, по обычаю, поставили его на срединѣ церкви. По окончаніи утрени, при безчисленномъ собраніи монаховъ, начали пѣть обычныя пѣсни надъ тѣломъ преподобнаго и тѣмъ исполнили сказанное: „боящіися Господа славятъ.“ Точно также тогда монахи другихъ народностей пришли поклониться ему и отпѣть съ великою честію панихиду: прежде всего пѣли Греки, затѣмъ Иверы, Рускіе и Болгаре, и потомъ опять мы (т.-е. Сербы), — его собранное стадо. По окончаніи литургіи и всей обычной службы, всѣ цѣловали преподобное тѣло, и я грѣшный, во исполненіе его завѣщанія, обвилъ его и положилъ его въ новомъ гробѣ. Собравшееся множество монаховъ я не отпустилъ до девятаго дня, но всякій день творили о немъ святую службу.

11) Сей блаженный нашъ отецъ своимъ завѣщаніемъ поручилъ, по преставленіи въ вѣчный покой, монастырь

*) Преподобный Симеонъ почилъ на 87 году жизни 13-го февраля 1200 г. См. «Святые Юж. славн.» Филарета архіеп. Черниг. I. 19.

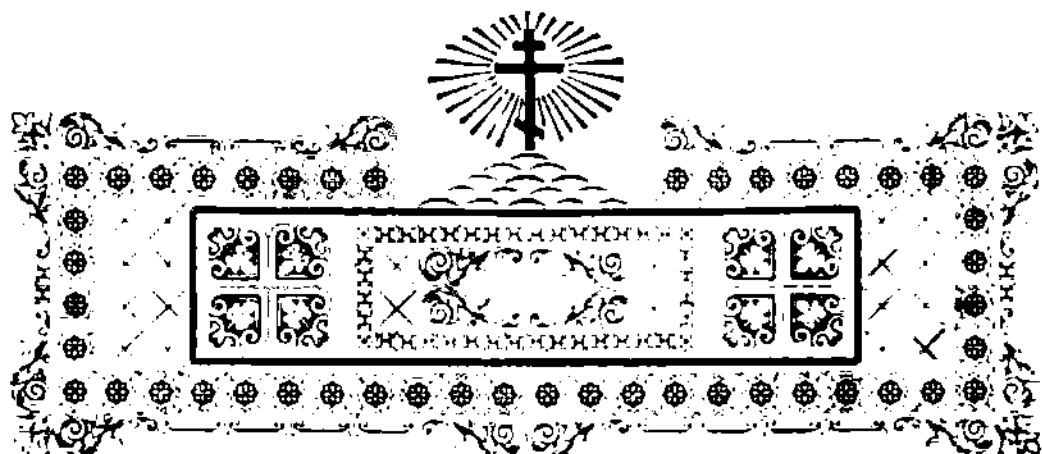
(Хиландарь) мнѣ грѣшному; не задолго передъ тѣмъ, по какому-то случаю, преподобный мужъ по имени монахъ Меодій съ пятнадцатью другими иноками ушелъ изъ монастыря; я же сильно беспокоился и боялся съ одной стороны вслѣдствіе пустынности мѣста, а съ другой вслѣдствіе страха отъ безбожныхъ разбойниковъ *); но, святыми молитвами Богоматери и нашей Наставницы и отца Симеона, храмъ изъ невзрачнаго и маленькаго сдѣлался великолѣпнымъ; послѣ нѣкотораго времени, я собралъ 90 человекъ братіи и устроилъ все необходимое для монастыря. Послѣ восьмилѣтняго моего пребыванія тамъ, поднялись въ той странѣ смуты: пришли латины, взяли Царьградъ, всю греческую землю до нашей границы и ворвались и въ то святое мѣсто; было великое замѣшательство. По прекращеніи этой суматохи, я получилъ посланіе отъ христіюбиваго, благочестиваго и Богомъ изволеннаго и благословеннаго блаженнымъ отцемъ Симеономъ, управляющаго владѣніемъ сего Стефана Немани и брата его великаго князя Волкана съ слѣдующею просьбою: „Вотъ въ странѣ той возмутились народы, а блаженный нашъ отецъ Симеонъ, нашъ владыка и учитель покоится тамъ; поэтому молимъ твое преподобіе, ради Господа, не презри насъ, возьми честныя мощи нашего господина Симеона и принеси ихъ намъ сюда, чтобы его полное благословеніе явилось на насъ.“ Видя, что искреннее прошеніе подобаетъ исполнить, я немощный принялся за его исполненіе. Улучивъ удобную минуту, я пришелъ, открылъ гробъ блаженнаго старца и нашелъ его честное тѣло цѣлымъ и невредимымъ, хотя оно въ гробѣ пролежало восемь лѣтъ: ибо такъ подобаетъ угодившимъ Богу, что, и по ихъ смерти, Онъ услышитъ ихъ, сохранить всѣ ихъ кости и ни одна изъ

*) Съ 1204 г. Константинополь, Мореею и Аттікою владѣли уже латины престолоусцы; овладѣвъ Солунемъ, они разорили и монастыри Святой горы.

нихъ не сокрушится. Взявъ честныя мощи его, я отправился въ путь и, не смотря на страшный мятежь въ тѣхъ странахъ, съ помощію Бога и Пресвятой Владычицы Богородицы и молитвами блаженнаго преподобнаго и честнаго нашего господина и отца Симеона прошелъ, по глаголу, черезъ огонь и воду цѣлымъ, сохраннымъ и ничѣмъ не вредимымъ. Когда властвующій Стефанъ Немадя и братъ его князь Волканъ узнали о моемъ прибытіи съ честными мощами въ мѣстность Хвостно *), собрали епископовъ, іереевъ, игуменовъ со множествомъ монаховъ, со всѣми боярами, съ великою радостію и веселіемъ пришли и съ великою честію взяли мощи господаря Симеона, возсылая Богу благодарственныя духовныя пѣсни; ибо какъ прекрасный Іосифъ, взявъ тѣло своего отца Іакова изъ Египта, принесъ въ землю обѣтованную, такъ и эти боголюбивые и благообразные сыновья его со всею державою, принявъ съ великою радостію и веселіемъ пречистое тѣло своего отца, сами несли его и положили съ великою почестію въ святой сей церкви, въ обѣтованномъ ему гробѣ, который сначала былъ устроенъ самимъ блаженнымъ для себя. Это было 19-го числа мѣсяца февраля.

Мы же, возлюбленные мои братія, взирая на подвиги и жизнь сего преблаженнаго отца нашего, въ которыхъ есть радость и веселіе, находясь въ этой жизни какъ бы внѣ міра и живя какъ бы уже на небесахъ, озаботимся послѣдовать ему въ дѣланіи всего угоднаго Богу, дабы быть въ надеждѣ на полученіе будущихъ вѣчныхъ благъ о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, ходатайствомъ Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Благодѣтельницы и молитвами преподобнаго и блаженнаго отца нашего Симеона. Аминь.

*) Въ 1381 году князь Стефанъ Лазарь приложилъ Русину церковь Спасову „у Хвосту.“ „Акты.“ Кіевъ. 1873. 378—380.

Ф Е В Р А Л Я 16.

Страданіе святаго преподобномученика
РОМАНА *).

Святый преподобномученикъ Романъ былъ родомъ изъ Карпениси: онъ происходилъ отъ родителей простыхъ и безграмотныхъ, но благочестивыхъ. По причинѣ ихъ безграмотности и Романъ оставался безграмотнымъ, и потому мало имѣлъ понятія о догматахъ вѣры. Однажды услышавъ разсказъ нѣкоторыхъ о св. гробѣ Господа нашего Иисуса Христа, онъ возымѣлъ ревность самъ посѣтить св. градъ Іерусалимъ, куда немедленно и отправился. Съ благоговѣніемъ поклонившись живоносному Гробу Господню и всѣмъ тамъ св. мѣстамъ, онъ пришелъ въ лавру святаго Саввы Освященнаго. Слыша тамъ чтенія о мученіяхъ, какимъ подвергались святыя мученики за имя Христово для полученія будущихъ вѣчныхъ благъ, онъ спрашивалъ: что такое будущія блага? Получивъ же о нихъ понятіе, возжелалъ самъ достигнуть сихъ благъ подвигомъ мученичества. Возвратившись изъ лавры въ Іерусалимъ,

*) Изъ Νέων Μαρτυρολόγιον.

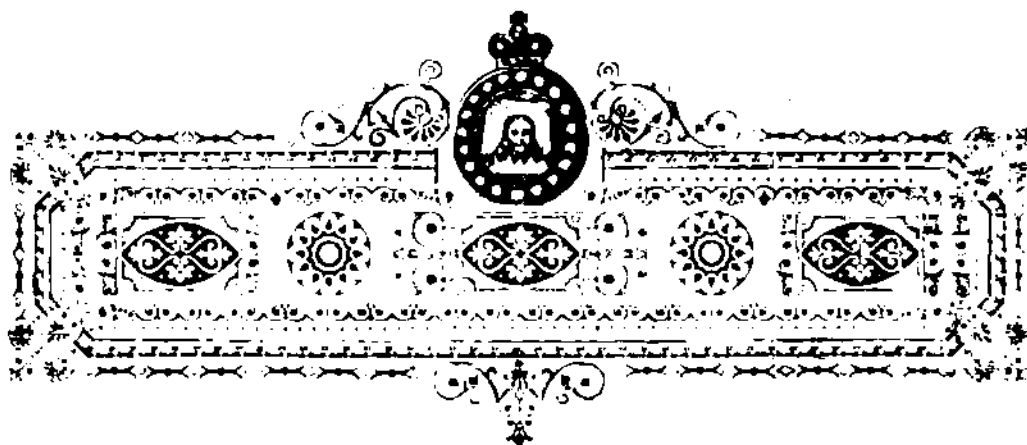
онъ объявилъ о такомъ своемъ намѣреніи тогдашнему патриарху, но святитель Божій остановилъ его отъ страдальчества, какъ по причинѣ неизвѣстности конца сего великаго и страшнаго дѣла, такъ и по тому, чтобы не навлечь чрезъ то гоненіе отъ турокъ на братство св. гроба и прочихъ христіанъ. Романъ, однакожь, непремѣнно желалъ мученичества и не могъ болѣе подавлять въ себѣ это желаніе, или, такъ сказать, не могъ утушить пламени, возгорѣвшагося въ сердцѣ его: почему, удалившись оттуда, явился въ Солунь, и здѣсь представъ предъ судьей, дерзновенно исповѣдалъ предъ нимъ Христа Богомъ истиннымъ, Творцемъ всего видимаго и невидимаго и Спасителемъ человѣковъ, пророка же агарянскаго назвалъ баснословомъ, обманщикомъ и врагомъ всякаго добра и счастья человѣческаго, а вѣру ихъ признавалъ обманомъ и прелестію, какъ исполненную басней и достойную смѣха. Не терпя такого дерзновенія, судья велѣлъ бить его безъ пощады: варвары, принуждая его отречься отъ Христа, изъ спины его вынули нѣсколько ремней и изрѣзали ему щеки. Кромѣ сего вынесъ тогда мученикъ за имя Христово и другія разныя мученія. Но такъ какъ онъ оставался твердъ въ своемъ исповѣданіи, то судья приговорилъ его на посѣченіе.

Случилось тогда быть тамъ капитану солунскихъ галеръ, который сталъ просить себѣ у судьи мученика для корабельной службы, говоря, что это наказаніе для него будетъ жесточе мечаго посѣченія: на галерѣ будетъ онъ мучиться во всю свою жизнь.—Это разсужденіе капитана понравилось всѣмъ нечестивцамъ, и они съ удовольствіемъ подарили ему мученика. Итакъ, капитанъ, взявши его, обрилъ ему бороду и волосы, приковалъ на галерѣ и заставилъ грести весломъ. Спустя немного времени, нѣкоторые изъ христіанъ, друзья капитана, давъ ему выкупъ, освободили страдальца отъ тяжелой работы и препроводили его на святую Аеон-

скую гору. Явившись туда, онъ избралъ себѣ въ наставники въ духовной жизни дивнаго въ то время подвижника, преподобнаго Акакія, безмолвствовавшего въ скитѣ Кавсокаливскомъ, и сталъ ангельски подвизаться подъ его руководствомъ. Впрочемъ душа Романа не была спокойна: онъ былъ какъ бы чуждъ всего земнаго, не заботился ни о пищѣ, ни о питіи, ибо мысль его постоянно была устремлена къ желанному для него подвигу мученичества. Для лучшаго рѣшенія этого вопроса, съ общаго согласія, оба—старецъ и ученикъ наложили на себя на нѣсколько дней постъ и предалися теплой и усердной молитвѣ къ Господу Богу, чтобы Онъ открылъ имъ о томъ волю Свою; скоро преподобный Акакій получилъ откровеніе, что есть на то воля Божія, и что Романъ славно совершитъ за Христа мученическій свой подвигъ. Итакъ, Романъ, въ день Пятидесятницы, облекшись въ ангельскій образъ и утвердившись молитвами старца своего и тамошнихъ отцевъ, отправился въ Константинополь. Прибывъ сюда, святой употребилъ слѣдующее средство, чтобы заявить себя агарянамъ: поймавъ одну изъ бѣгавшихъ тамъ собакъ, привязалъ къ себѣ за поясъ и сталъ таскать ее посреди базара. Турки, видя такое нечестивое, по ихъ понятію, дѣйствіе, спросили его: зачѣмъ таскаетъ онъ собаку; мученикъ отвѣчалъ имъ: чтобы кормить ее, какъ христіане кормятъ васъ агарянь. Разгнѣванные такимъ его отвѣтомъ, мусульмане устремились на него, какъ неукротимые звѣри, и начали бить его безъ милости, а потомъ представили его къ самому визирю, который, слыша отъ устъ мученика тѣ же слова, предалъ его нечестивцамъ на мученіе до тѣхъ поръ, пока не отречется своей вѣры. Нечестивые слуги взяли его, бросили въ сухой колодезь, куда обыкновенно бросаютъ убійць, и продержали его тамъ 40 дней, не давая ему ни пищи, ни питія, потомъ, вынувъ, опять безжалостно

мучили его, но не могли склонить къ своему нечестію, донесли о томъ визирю, который и повелѣлъ лишить его жизни мечемъ. Тотчасъ же палачи взяли его, и привели на мѣсто казни, чрезъ отнятіе тамъ честной главы его, препроводили святую душу его къ праведному Судіи всѣхъ Богу. Святая мощи мученика, по отсѣченіи главы, обратились и упали сами на востокъ; чему позавидовавъ, агаряне начали бить и гнать оттуда христіанъ, стекшихся во множествѣ. Святость страстотерпческихъ этихъ мощей Божественная благодать благоволила явить людямъ осіяніемъ ихъ небеснымъ свѣтомъ, который освѣщаль ихъ цѣлыхъ три ночи, пока нечестивцы стерегли ихъ: свѣтъ сей видѣли всѣ и дивились. Христіане, славя Бога, радовались этому; агаряне же посрамлялись. Тогда случился тамъ англійскій корабль: онъ купилъ святая мощи и увезъ ихъ въ Англію. Но одному изъ христіанъ удалось омочить въ крови святаго мученика платъ, который и находится на Аѳонѣ въ Дохіарскомъ монастырѣ, гдѣ христіанинъ тотъ кончилъ жизнь свою инокомъ съ именемъ Агапія. Такъ блаженный Романъ получилъ вѣнецъ мученичества во славу Христа Бога нашего. Аминь.

Св. Преподобномученикъ Романъ пострадалъ въ 1694 г.

Ф Е В Р А Л Я 23.

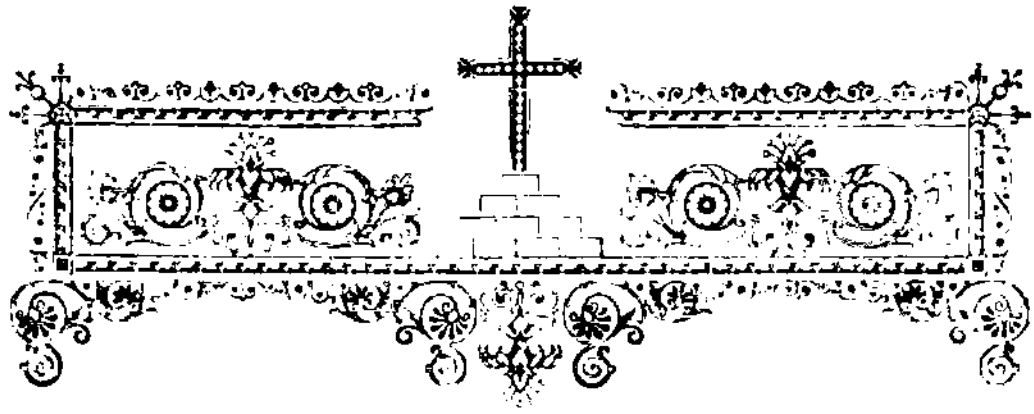
Память преподобнаго Даміана
ЕСФИГМЕНСКАГО *).

Преподобный отецъ нашъ Даміанъ безмолвствовалъ близъ монастыря Есфигменскаго, на горѣ, называемой Самарія, и пользовался особенною дружбою св. Космы Зографскаго, какъ видно изъ житія его. Блаженный Даміанъ былъ истиннымъ послушникомъ и твердымъ хранителемъ отеческихъ повелѣній: это видно особенно изъ слѣдующаго. Онъ имѣлъ отъ старца своего заповѣдь—никогда не спать внѣ своей каливы. Однажды пошелъ онъ къ одному духовнику, жившему близъ обители Хиландарской, но, не заставши его дома, ожидалъ до тѣхъ поръ, пока день не склонился уже къ вечеру. Исполнивъ свое порученіе, святой пошелъ въ свою каливу. А такъ какъ былъ уже вечеръ, и время случилось туманное и дождливое, то братія той келліи просили его переночевать у нихъ: но Даміанъ,

*) Изъ 'Ακολουθία τῶν ἁγιωτάτων πατέρων.

помня заповѣдь своего старца, не согласился на ихъ просьбу, и пошелъ въ свою каливу, по причинѣ же великаго дождя и тьмы, сбился скоро съ дороги. Не зная ни того, куда ему идти, ни гдѣ онъ находится, преподобный воззвалъ изъ глубины души: „Господи Іисусе Христе, спаси меня, — погибаю!“ и о чудо! въ то же время очутился, какимъ-то образомъ, предъ своею каливою. По успеніи же трблаженнаго, до 40 дней, изъ гроба его исходило неизреченное и столь великое благоуханіе, что даже внизу, въ монастырѣ Есфигменскомъ, на разстояніи получаса почти ходу, отцы чувствовали оное. Такъ Богъ прославилъ Своего угодника, за богоугодную чистоту и истинную высоту его жизни! Молитвами его, да сподобимся и мы наследовать вѣчную славу. Аминь.

ФЕВРАЛЯ ТОГО-ЖЕ ДНЯ.

Страданіе святаго преподобномученика

ДАМІАНА *).

Подвижникъ Христовъ Даміанъ имѣлъ своимъ отечествомъ селеніе Рихово, въ епархіи Аграфской. Родившись отъ родителей благочестивыхъ, онъ отъ юности возжелалъ иноческой жизни; поэтому, оставивъ міръ и яже въ мірѣ, удалился на святую Аѳонскую гору, и здѣсь, въ священной обители Филоѳея, принявъ на себя ангельскій образъ, сталъ подвизаться достойно своего званія. Но желая еще большихъ подвиговъ, онъ чрезъ нѣсколько времени оставилъ монастырь и удалился на безмолвіе къ одному знаменитому того времени безмолвному подвижнику, владѣвшему даже даромъ чудесъ, именемъ Дометію. Водительствомъ и душеполезными наставленіями безмолвника сего онъ пользовался три года, восходя отъ силы въ силу и преуспѣвая во всѣхъ добродѣтеляхъ, такъ что за неослабную ревность и усердіе, тщательность и точность въ исполненіи всѣхъ заповѣдей Божіихъ, сподобился слышать Божественный гласъ, призывающій его къ служенію ближ-

*) Изъ Νέον Μαρτυρολόγιον.

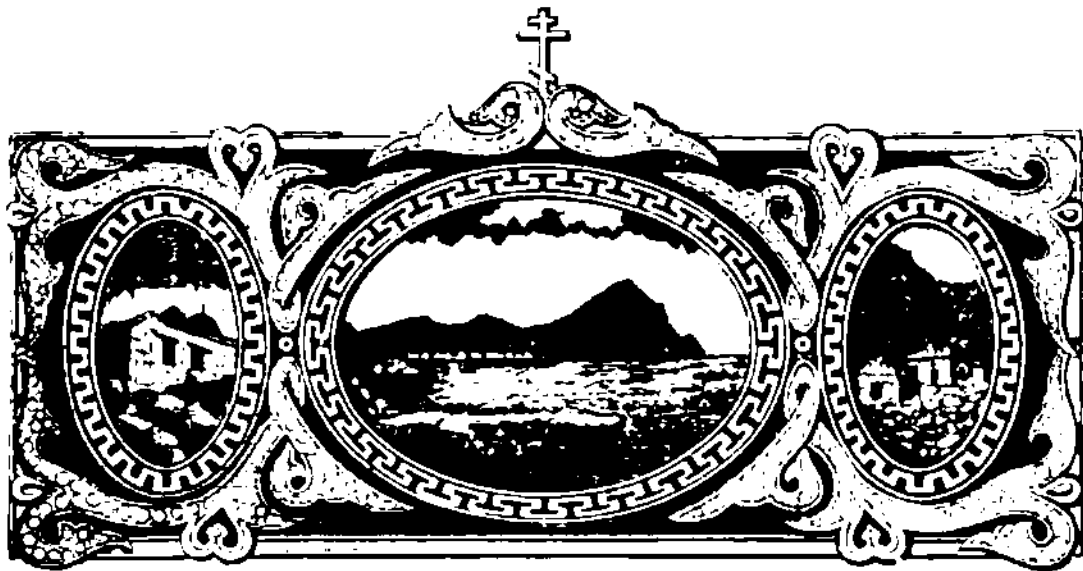
нимъ: „Даміанъ, — таково было Божественное ему вѣщаніе, — не своей только пользы должно тебѣ искать, но и пользы другихъ.“ Посему, онъ тотчасъ же оставилъ Святую гору, удалился въ предѣлы Олимпійскіе, и сталъ тамъ вездѣ съ дерзновеніемъ и велегласно проповѣдывать слово Божіе, возбуждая христіанъ къ покаянію и удаленію отъ неправдъ и пороковъ, и призывая всѣхъ къ храненію заповѣдей Божіихъ и творенію добрыхъ и богоугодныхъ дѣлъ. Разсѣдался отъ злобы доброненавистникъ діаволь, смотря на братолюбивые его труды и, не терпя ихъ, возбудилъ противъ него многихъ лжеименныхъ христіанъ, которые начали навѣтовать на жизнь его и, называя его прельщеннымъ и обманщикомъ, стали жестоко преслѣдовать. Подражая подвигоположнику Христу, святой далъ мѣсто гнѣву и удалился оттуда въ предѣлы Киссовскіе и Ларисскіе, гдѣ также проповѣдь слова Божія составляла существенный предметъ его занятій. Подвергнувшись и тамъ нареканіямъ, зависти и преслѣдованіямъ злобы, онъ удалился въ верхніе предѣлы Аграфской епархіи, и всюду наставлялъ христіанъ пребывать твердыми въ вѣрѣ и хранить заповѣди Господни. Но діаволь не дремалъ: онъ и тамъ воздвигъ противъ святаго нѣкоторыхъ, не боящихся Бога и забывшихъ свои обязанности, христіанъ и они, движимые челоуѣконенавистникомъ, преслѣдовали его, называя его прельщеннымъ и лжемонахомъ; почему святой оставилъ и эти предѣлы, и возвратился въ Киссово. Возжелавъ безмятежія, онъ построилъ тамъ монастырь *) и, собравъ братію, сталъ вмѣстѣ съ нею деннонощно возсылать молитвы и благодареніе Господу Богу: впрочемъ многіе и туда приходили къ нему для душевной пользы; ибо, будучи облеченъ силою свыше, онъ творилъ великія знаменія и чудеса, а изъ устъ его текли рѣки душеполезныхъ ученій.

*) Въ честь усѣкновенія чести. главы св. Предтечи, — малый монастырь близъ села Σαλήτσιας.

Однажды, по нѣкоторымъ монастырскимъ нуждамъ, а болѣе для пользы христіанъ, шелъ онъ въ селеніе Вулгарини. На пути сюда, схваченный агарянами, былъ онъ представленъ властителю ларисскому, съ безстыдными клеветами, будто онъ возмущаетъ христіанъ. Поэтому властитель велѣлъ сначала бить святаго жестоко, потомъ, наложивъ на шею и ноги его тяжелыя цѣпи, ввергнуть его въ темницу; затѣмъ варваръ нечестивецъ непрерывно 15 дней продолжалъ истязать его, то нанося ему жестокия раны, то устрашая, то лаская его и обольщая всевозможными способами, въ намѣреніи заставить мужественнаго воина Христова отречься отъ Христа. Но мучитель не въ состояніи былъ склонить къ этому мученика, и притомъ видѣлъ, что онъ, не смотря на все его муки, съ мужествомъ обличаетъ вѣру ихъ въ лжепророка, со многими дерзновеніемъ проповѣдуетъ Христа Богомъ истиннымъ, и готовъ, ради любви Его, претерпѣть безчисленныя мученія; поэтому, весь исполнившись гнѣва, повелѣлъ мучитель тотчасъ же умертвить мученика и сожечь трупъ его. Палачи немедленно взяли его и повѣсили, но въ минуту вздергиванія его кверху, одинъ изъ нихъ ударилъ его по головѣ желѣзомъ; въ ту же минуту случилось, что веревка оборвалась, и мученикъ упалъ съ высоты на землю полумертвымъ. Тогда эти окаянныя сщце живаго его бросили въ огонь и сожгли, а пепель высыпали въ рѣку Пиніонъ. Такъ блаженный преподобномученикъ Даміанъ принялъ мученическій вѣнецъ! Молитвами его да избавимся все мы сѣтей вражескихъ, и да сподобимся царствія небснаго. Аминь.

Св. преподобномученикъ Даміанъ пострадалъ въ 1568 году, февраля 23 дня *).

*) Отдѣльная служба св. преподобномученику Даміану напечатана въ Венеціи, въ 1805 году.

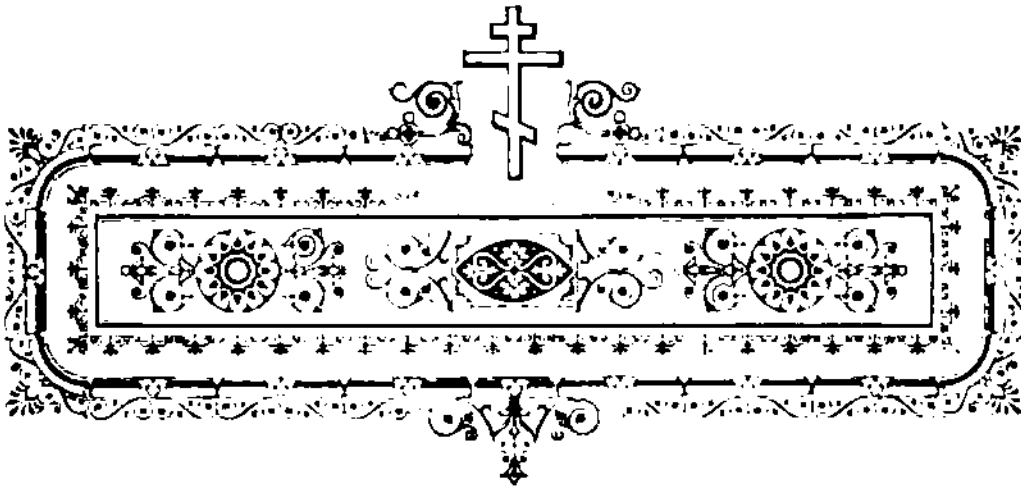
МАРТА 1.

Память преподобнаго отца нашего
АГАПІЯ *).

Преподобный Агапій былъ послушникомъ одного добродѣтельнаго старца, безмолвствовавшаго въ келліи Св. Троицы въ мѣстности, называемой Колицу, въ предѣлахъ Ватопедскаго монастыря. Въ одно время вышелъ онъ на море помыть свои одежды, а тамъ случились агаряне: они тотчасъ взяли его и, увезши съ собою, продали въ Магнисіи одному тоже агарянину, у котораго святой находился 12 лѣтъ въ оковахъ и ежедневно работалъ съ усердіемъ. Съ полною вѣрою и горячими слезами день и ночь молился Агапій Госпожѣ Богородицѣ, скорой всеѣмъ, съ вѣрою прибѣгающимъ къ Ней, помощницѣ, дабы Она, какъ Сама знаетъ, освободила его отъ горькаго этого плѣна и тяжелой работы. Вняла наконецъ Всемилостивая моленіямъ раба Своего. Въ одну ночь, явившись ему во снѣ, Она велить ему идти безъ всякаго страха къ своему старцу. О чудо!—пробудившись, Агапій видитъ, что цѣпи съ него

*) Изъ Νέος Παράδεισος.

спали, и двери были отверзты. Тогда святой понялъ, что это сдѣлано чудодѣйствіемъ Богородицы, и потому тотчасъ же безъ всякаго препятствія, вышедши изъ дома агарянина, прибылъ на Святую гору къ своему старцу. Но старецъ этотъ, увидѣвъ его, опечалился, ибо думалъ, что онъ тайно убѣжалъ отъ своего господина, и сказалъ ему: Чадо! агарянина ты обмануль, но Бога никто и никогда не обманеть; въ часъ всеобщаго суда ты долженъ будешь отдать отвѣтъ за тѣ сребреники, которые истратилъ твой господинъ на покупку тебя, чтобы имѣть тебя помощникомъ въ своихъ нуждахъ: поэтому, если ты истинно желаешь себѣ спасенія, иди назадъ къ своему господину и служи ему. Поступивъ такъ, ты будешь истиннымъ рабомъ Божиимъ и вѣрнымъ Его служителемъ; когда же Богъ просвѣтитъ господина твоего, онъ самъ дастъ тебѣ отпускъ. Любящій Бога и Богомъ возлюбленный Агапій, принявъ эти слова старца своего, какъ отъ Бога, возвратился къ купившему его. Агарянинъ, неожиданно увидѣвъ его, удивился. Какъ онъ ушелъ отъ него и почему возвратился? спрашивалъ его варваръ. Тогда святой подробно объяснилъ ему все дѣло. Удивился и даже изумился варваръ добродѣтели Агапіева старца и высотъ святой христіанской вѣры, а съ тѣмъ вмѣстѣ смягчилась отъ умиленія и зачерствѣлая душа его. Скоро, взявъ съ собою Агапія и двухъ сыновей своихъ, пришелъ онъ на Святую гору къ старцу Агапіеву, и требовалъ отъ него себѣ и дѣтямъ своимъ крещенія. Бывъ надлежащимъ образомъ утверждены въ вѣрѣ Христовой, варвары эти были крещены, а послѣ того приняли на себя и ангельскій образъ, и богоугодно поживъ въ добродѣтельномъ подчиненіи сначала старцу Агапіеву, а по смерти его Агапію, отошли въ царствіе небесное радоваться съ прочими преподобными отцами во Христѣ Іисусѣ, Которому подобаеъ честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

МАРТА 5.

**Страданіе святаго мученика
ІОАННА БОЛГАРИНА *).**

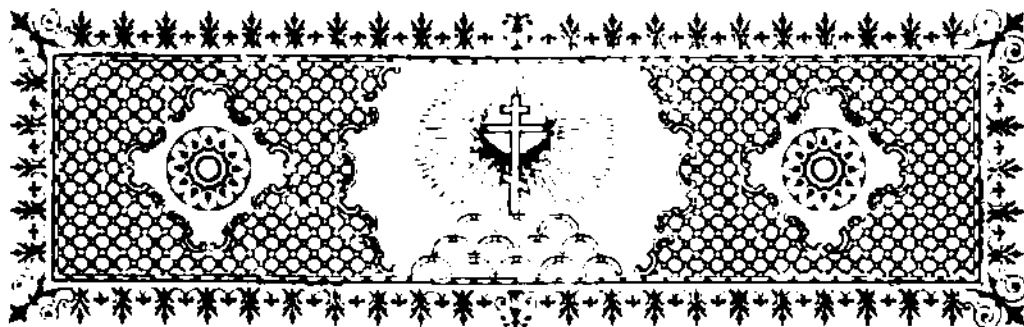
Мученикъ Іоаннъ былъ родомъ изъ Болгаріи. По нѣ-
скому случаю, забывши предосторожность противъ коз-
ней діавола, онъ отрекся Христа; но чрезъ нѣсколько вре-
мени, пришедши въ чувство, раскаялся въ своемъ пре-
ступленіи. Въ чувствѣ раскаянія, оставивъ свое отечество,
прибылъ онъ на Святую гору, и избралъ себѣ жилищемъ
лавру святаго Аѳанасія: здѣсь находился три года въ услу-
женіи у одного духовнаго старца; но такъ какъ совѣсть
никогда не давала ему покоя, то онъ былъ унылъ, печа-
ленъ и молчаливъ; самый этотъ наружный видъ его пока-
зывалъ всѣмъ, что онъ потерпѣлъ какое-нибудь величайшее
зло. Не могши болѣе сносить угрызеній совѣсти, онъ оста-
вилъ Святую гору, прибылъ въ Константинополь, одѣлся
тамъ въ турецкія одежды, и въ такомъ видѣ вошелъ въ
мечеть святыя Софіи. Явившись здѣсь, онъ сталъ творить

*) Изъ Νέον Μαρτυρολόγιον.

на себѣ знаменіе честнаго креста, и молиться по обычаю христіанскому, что чрезвычайно поразило находившихся тамъ агарянь. Смущенные, они подбѣгаютъ къ нему, и съ суровостію спрашиваютъ: для чего онъ такъ дѣлаетъ. Тогда блаженный не боязненно исповѣдалъ что онъ христіанинъ, и какъ христіанинъ — творить на себѣ знаменіе крестное, и поклоняется Христу, Который есть истинный Сынъ Божій и Богъ. Нечестивцы хотѣли было отвлечь его отъ этого святаго исповѣданія, но, видя непреложность его мысли, тотчасъ же обезглавили его внѣ двора святой Софїи. Такимъ образомъ блаженный Іоаннъ прїялъ свѣтлый вѣнецъ мученическій отъ Христа Бога нашего, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

Святой Іоаннъ пострадалъ на 19-мъ году своего возраста въ 1784 году.

М А Р Т А 19.

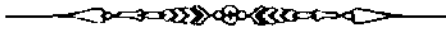
Память преподобнаго Иннокентія Вологодскаго.

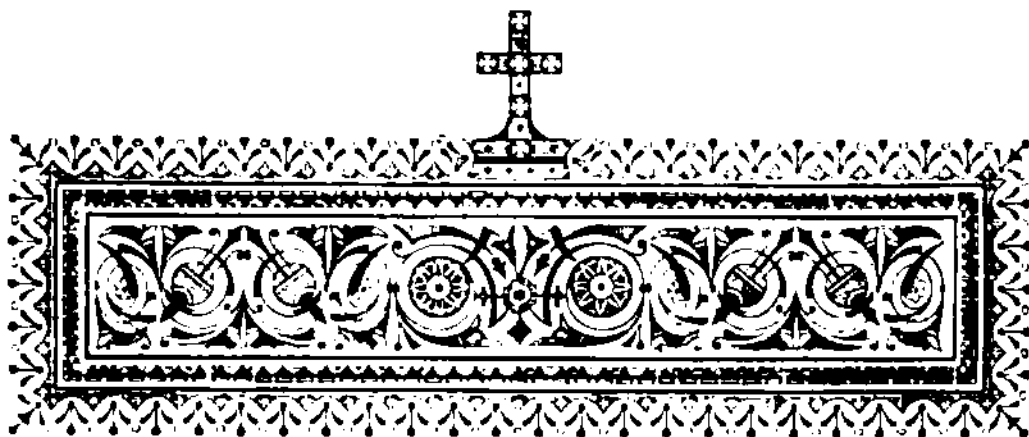
Преподобный Иннокентій, сынъ боярина Охлѣбинина, принялъ иночество въ обители преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго; потомъ вмѣстѣ съ другомъ и наставникомъ своимъ преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ *) долго странствовалъ на Востокъ и жилъ на св. Аѳонской горѣ. Возвратясь съ Востока въ Бѣлозерскій монастырь, онъ недолго пробылъ тамъ и послѣдовалъ за преподобнымъ Ниломъ въ пустыню.

Скитъ преподобнаго Нила, гдѣ какъ и на св. горѣ Аѳонской подвизался съ нимъ Иннокентій, находился за пятнадцать верстъ отъ большаго монастыря Кириллова на берегу безвѣстной рѣчки Сорки. Тамъ поставилъ Ниль убогую свою хижину и невдалекѣ отъ него, такъ чтобы можно было подавать другъ другу голосъ, по обычаю палестинскому, поставилъ себѣ другую келлію собесѣдникъ его Иннокентій, и другіе отшельники мало-по-малу начали къ нему собираться; такимъ образомъ составился первый русскій скитъ, котораго образцы видимъ мы на святой горѣ Аѳонской. Не задолго до блаженной своей кончины преподобный Ниль, предчувствуя свое отшествіе къ Богу,

*) См. житіе его мая 7-го.

послалъ собесѣдника своего Иннокентія, въ предѣлы Вологодскіе, на рѣку Нурму, и предсказалъ будущую славу его обители, которая должна была процвѣсти общежитіемъ. „Здѣсь же, говорилъ преподобный, какъ было при жизни моей, такъ пусть будетъ и по смерти: братія пусть живутъ по одиночкѣ каждый въ своей келліи.“ Исполняя предсмертное завѣщаніе учителя, погрузился онъ во глубину Комельскаго дремучаго лѣса, съ южной стороны котораго, еще въ началѣ XV вѣка, поселились преподобные Сергій Нуромскій и Павелъ Обнорскій. Съ 1491 года преподобный Иннокентій подвизался наединѣ, но мало-по-малу собралось вокругъ него пустынное стадо, которое подчинилъ онъ строгому уставу преподобнаго Нила; тогда соорудилъ для братіи церковь, во имя Ангела пустыни Предтечи Господня и процвѣтала его обитель. Иннокентій преставился въ 1521 году 19-го марта, а въ послѣднихъ годахъ XV столѣтія, со всѣхъ сторонъ начали уже проникать иноки въ глубину недоступной дотолѣ дебри Комельской. Это были духовные дѣти Кирилла Бѣлозерскаго и Діонисія Глушицкаго, которые оживили иноческими подвигами мертвую пустыню. Мечъ Татарскій опустошилъ въ 1536 году обитель преподобнаго Иннокентія. Въ послѣдствіи была поставлена каменная церковь, во имя Благовѣщенія, надъ его гробницею; она пережила вновь собранную и опять упраздненную въ 1764 году обитель (Житія святыхъ Россійской Церкви, мартъ).

М А Р Т А 22.

Житіе и страданіе святаго новаго преподобномученика ЕВѢИМІЯ *).

Отечество этого новаго подвижника Христова, св. преподобномученика Евѣимія, было селеніе Димитцани въ Пелопонесѣ. Онъ происходилъ отъ благочестивыхъ родителей Панагіота и Маріи. Кромѣ Евѣимія у Панагіота было еще три сына: Георгій, Христь и Іоаннъ, и одна дочь Екатерина; изъ нихъ Евѣимій былъ младшій и во св. крещеніи названъ былъ Елѣвѣеріемъ по слѣдующему замѣчательному случаю: когда настало время матери его разрѣшиться имъ отъ бремени, тогда она терпѣла невыносимыя боли, такъ что младенецъ не только не подавалъ никакой надежды на явленіе свое въ міръ, но, какъ другой Веніаминъ (Быт. 35, 18), подвергалъ опасности жизнь и самой своей матери. Страдавшая такимъ образомъ мать его, потерявши надежду на помощь и искусство человѣческое, со слезами и съ теплою сердечною молитвою обратилась къ небесному Врачу, и Его угоднику св. мученику Елѣвѣерію, прося, дабы Творецъ небесный чрезъ ходатайство св. му-

*) Съ рукописи свята св. Претечи.

ченика освободилъ ее отъ тяжкаго бремени, обѣщаясь наименовать рожденное отроча Елѣверіемъ, если оно будетъ мужескаго пола. Небесный Врачъ, всегда скорый подать помощь призывающимъ Его съ вѣрою и сокрушеннымъ сердцемъ, услышалъ молитву Своей рабы: облегчилъ ея страданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ раждается на свѣтъ этотъ чудный младенецъ, который по обѣту матери былъ наименованъ Елѣверіемъ.

Когда Елѣверій достигъ возраста способнаго понимать книжную грамоту, тогда родители отдали его учиться въ начальное сельское училище. Обладая отъ природы прекрасными дарованіями и при неослабномъ прилежаніи, онъ въ короткое время выучился начальной грамотѣ, потомъ отсюда перешелъ въ высшее эллинское училище, гдѣ уже учился вмѣстѣ съ роднымъ своимъ братомъ Іоанномъ грамматикѣ и другимъ преподаваемымъ здѣсь предметамъ. Пробывъ въ этомъ учебномъ заведеніи опредѣленное время, они оба перешли въ Константинополь, въ училище Куручешмѣ *). Окончивши курсъ въ этомъ училищѣ, они оставили Константинополь и отправились въ Яссы къ своему отцу, находившемуся тамъ съ старшими двумя ихъ братьями по торговымъ дѣламъ.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Яссахъ, въ душѣ Елѣверія родилась благая мысль — отправиться на св. Аѳонскую гору и сдѣлаться монахомъ; вслѣдствіе этого, скрывшись отъ отца и братьевъ, онъ, какъ птица, быстро полетѣлъ изъ суетнаго міра въ тихое пристанище подвижниковъ Христовыхъ, пребывающихъ на Святой горѣ. Но прежде чѣмъ онъ достигъ желанной цѣли, Богу угодно было испытать его терпѣніе большими затрудненіями.

Такъ, желая пройти на Святую гору чрезъ Константи-

*) Куручешмѣ — предмѣстіе Константинополя на Босфорѣ. Тамъ существовало прежде училище «Народное» — той γένος — находящееся теперь въ Фанарѣ близъ Патриархата.

нополь, онъ встрѣтилъ на этомъ пути непредвидѣнныя препятствія, по случаю войны между Россіей и Турціей, а потому отправился въ Одессу въ надеждѣ пробраться оттуда какъ нибудь на Аѳонъ. Но и тутъ онъ встрѣтилъ препятствіе, и со скорбію возвратился обратно въ Бухарестъ. Здѣсь онъ сдѣлался извѣстнымъ французскому консулу и нѣкому русскому чиновнику, при которыхъ оставался полтора года, пользуясь ихъ покровительствомъ.

Въ это время ненавистникъ добра и спасенія человѣческаго, діаволъ, началъ обольщать его мірскими прелестями и разжигать его юное сердце сладострастіемъ, въ чемъ и успѣлъ. Елевѳерій увлеченъ былъ въ бездну порока и, погасивъ въ себѣ святую искру благочестія, предался всякаго рода грѣховнымъ удовольствіямъ, со всѣмъ пыломъ юношеской страсти.

Но такъ какъ для провозженія грѣховной жизни, нужны были и денежныя средства, то онъ часто входилъ въ большіе долги.

Порочная жизнь однако не ограничилась однимъ только угожденіемъ плоти, но потребовала отъ него большей жертвы. Это было такъ:

Были въ то время въ Бухарестѣ со стороны Турціи посланники, для переговоровъ о мирѣ съ Россіей; явившись къ нимъ, Елевѳерій присталъ къ одному изъ этихъ турокъ. Это сдѣлалъ онъ отчасти потому, что подъ покровительствомъ ихъ могъ безнаказаннѣе пользоваться всякаго рода удовольствіями, а отчасти потому, что надѣялся съ туркомъ достигнуть Константинополя, такъ какъ, пресытившись грѣховною жизнію, онъ уже сталъ скучать *), что всегда бываетъ съ душою грѣшника, какъ утверждаетъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ.

*) Объ этой скучѣ впоследствии разсказывалъ самъ преподобномученикъ.

Спустя немного времени, посланники Порты отправились въ Шумлу; здѣсь они замедлили по разнымъ обстоятельствамъ. Пребываніе Елеверія въ Шумлѣ было для него роковымъ обстоятельствомъ въ его беспорядочной жизни. Тяготясь медленностію путешествія, а такъ же грубымъ обращеніемъ своего господина, — онъ приходилъ въ отчаяніе, изъ котораго представлялся ему одинъ исходъ: — принять магометанскую вѣру. Скоро для осуществленія этого намѣренія представился и случай. Одинъ изъ спутниковъ Елеверія, адрианополецъ Константинъ, бывшій христіанинъ, но не задолго предъ тѣмъ сдѣлавшійся магометаниномъ, началъ подговаривать Елеверія принять магометанство, и склонилъ его идти вмѣстѣ съ нимъ къ находившемуся тамъ рейсъ — эффенди *) Галина, и предъ нимъ отречься Христа; несчастный Елеверій послѣдовалъ пагубному совѣту товарища, и промѣнялъ вѣру въ сладчайшаго Иисуса на вѣру лжепророка Магомета, а чрезъ три дня принялъ и обрѣзаніе. Но благодать Всесвятаго Духа, какъ видно, не совсѣмъ оставила его: страдая отъ несносной болѣзни обрѣзанія, онъ вспомнилъ отеческое благочестіе, чистоту христіанской вѣры и, окаывая себя, съ трепетомъ началъ призывать имя сладчайшаго Иисуса. Вспомнилъ онъ и милосердіе Отца небеснаго, готоваго опять принять обращающагося распутнаго сына, и всѣми силами души своей желалъ призвать Божественную Его помощь. Но представляя себѣ всю глубину своего богоотступничества, онъ не въ состояніи былъ ни рукъ своихъ воздѣть къ Богу, ни ума направить ко свѣту безначальнаго Его Божества; поэтому онъ прибѣгъ къ единственному средству — слезамъ, и, какъ второй Петръ, горько плакалъ о своемъ паденіи. Милосердый Господь нашъ Иисусъ Христосъ, видя истинныя слезы раскаянія, милостиво призрѣлъ на кающагося, какъ

*) Министръ иностр. дѣлъ въ Турціи.

нѣкогда призрѣлъ Онъ и на первоверховнаго изъ Апостоловъ.

Сокрушаясь объ своемъ отреченіи и чувствуя въ сердцѣ своемъ всю тяжесть своего паденія, онъ казался въ кругу товарищей совсѣмъ уже не тѣмъ, какимъ прилично было ему казаться. Посему люди рейсь — эффенди, подозрѣвая его въ намѣреніи бѣжать, тщательно стерегли его, не позволяя ему отлучаться изъ дому; притомъ прилежно наблюдали за всѣми его словами и движеніями.

Въ одинъ день товарищи Елевѣерія увидѣли на немъ небольшой крестъ *), и съ бранью тотчасъ сняли съ него и показали рейсь-эффенди, обвиняя Елевѣерія, что онъ и по принятіи магометанскаго закона не оставляетъ носить на себѣ крестъ—символь христіанства. Рейсь-эффенди, выслушавъ ихъ обвиненіе, сказалъ: Решидъ (мусульманское имя Елевѣерія) вовсе не заслуживаетъ осужденія за то, что носить на себѣ крестъ, такъ какъ онъ въ продолженіе этихъ немногихъ дней не могъ познать всей сладости нашей вѣры. Оставьте его, онъ самъ современемъ прійдетъ къ богопознанію.

Слыша такія успокоительныя слова господина, слуги на время замолчали. Послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ Шумлѣ, эффенди со всею своею свитою отправился въ Адрианополь, куда послѣдовалъ за нимъ и Елевѣерій, къ которому въ это время многіе изъ людей рейсь-эффенди уже относились враждебно, такъ какъ имъ не нравилось ласковое обращеніе эффенди съ Елевѣеріемъ, вслѣдствіе этого онъ боялся, какъ бы они по злобѣ своей не умертвили его на пути, и тогда онъ умеръ бы въ мусульманской вѣрѣ. Посему, какъ только прибыли они въ Адрианополь, Елевѣерій тотчасъ отъ нихъ скрылся и бѣжалъ въ митро-

*) Надобно замѣтить, что Елевѣерій и по отреченіи своемъ отъ Христа носилъ на себѣ обыкновенный крестъ, который оставался на немъ, какъ знакъ прежняго благочестія.

полю, и узнавъ, что митрополитъ Кирилль *) въ церкви совершаетъ вечернее богослуженіе, такъ какъ день былъ субботній, пошелъ туда. Глубоко потрясенъ былъ несчастный, когда увидѣлъ здѣсь діакона кадящаго народъ внѣ храма; отступникъ вполнѣ сознавалъ, что только онъ одинъ лишается благодати священнаго еиміама. Онъ готовъ былъ рыдать о своемъ окаянствѣ, но дабы не выдать себя, предъ предстоящими христіанами, онъ удержался отъ слезъ и объяснилъ, что пришелъ изъ Константинополя къ митрополиту съ нужными письмами, которыя поручено ему лично передать владыкѣ. Митрополитъ, узнавъ объ этомъ отъ діакона, и не желая оставлять вечерняго богослуженія, послалъ епитропа церкви узнать о письмоносецѣ, о его желаніи видѣть владыку, и взять отъ него письма. Елѣвеерій, видя такой оборотъ дѣла, сказалъ самъ себѣ: несчастная надежда обманула меня, и отведя въ сторону епитропа, рассказалъ ему о своемъ отреченіи, и просилъ его дать ему греческое одѣяніе. Слыша о предметахъ такой важности и при томъ въ то время, когда въ Адрианополь входили турецкія войска, епитропъ отъ страха ли, чтобы не потерпѣть тамошнимъ христіанамъ какой нибудь непріятности, или по немилосердію, отклонилъ его просьбу и прогналъ несчастнаго отверженника. Однако такая неудача не ослабила въ немъ любви и ревности къ христіанской вѣрѣ, и онъ не терялъ надежды на свое спасеніе. Разъ, онъ встрѣтился съ однимъ благонамѣреннымъ христіаниномъ, рассказалъ ему кратко свое безвыходное положеніе и убѣдительно просилъ принести ему греческія одежды въ опредѣленное мѣсто и время.

Добрый христіанинъ исполнилъ желаніе Елѣвеерія; но дѣйствіемъ лукаваго и сія мысль его осталась безъ исполненія, такъ какъ онъ не могъ укрыться отъ слугъ рейс-

*) Этотъ Кирилль впоследствии былъ Константинопольскимъ патріархомъ.

эффенди, почему и казался мрачнымъ и печальнымъ, а нерѣдко и проливалъ слезы: ибо сердцу веселящуся, говоритъ Мудрый, лице цвѣтеть; въ печалехъ же сущу, сѣтуетъ (Притч. 15, 13). Смотри на него, одни изъ слугъ насмѣхались надъ нимъ, другіе же старались всячески ободрить его; особенно господинъ, видя своего новообращеннаго въ такомъ состояніи, ласкалъ его, чтобъ только утѣшить; даже объявилъ его своимъ сыномъ, но эти душепагубныя утѣшенія далеки были отъ души Елѣверія, тоскующей по небесномъ отечествѣ. Несчастный отступникъ, слушая суетныя обѣщанія эффенди, сказалъ ему, что онъ такъ печалится о своей матери, а между тѣмъ мысленно вопіялъ словами Пророка: „разжеся сердце мое, и утроба моя измѣнишася отъ окаяннаго моего отреченія отъ Тебя, Христе!“

Пробывши въ Адрианополѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, турки возвратились наконецъ въ Константинополь. Но и здѣсь несчастный Елѣверій не имѣлъ позволенія свободно выходить изъ дома, и здѣсь усиленъ былъ надъ нимъ надзоръ, какъ и въ Шумлѣ. Потерявши всю надежду на человѣческія средства къ своему освобожденію, онъ прибѣгъ съ теплыми мольбами и горькими слезами къ готовой Заступницѣ кающихся грѣшниковъ — Пресвятой Богородицѣ, и отъ всей души просилъ Ее извести его изъ этой глубины погибельной, и быть ему, какъ другой Маріи Египетской, ходатайницею и споручницею къ Сыну Ея и Богу, Котораго онъ безумно отрекся. Моленія кающагося отступника не остались тщетными, всемилосердая Владычица не презрѣла горькихъ его слезъ и тяжкихъ воздыханій, такъ какъ вскорѣ при небесной помощи и Божественномъ покровѣ, ему представился случай бѣжать изъ этого дома. Но, какъ видно, врагъ человѣческаго спасенія не желалъ выпустить жертвы изъ своихъ когтей, а потому ухищрялся ослабить и перемѣнить святую рѣшимость и благочестивое настроеніе души

Елевеерія: поставилъ ему новую сѣть на пути его обращенія къ истинной вѣрѣ. Вдругъ ему приносятъ въ даръ драгоценнѣйшія одежды отъ женъ рейсъ-эффенди, съ общаніемъ еще большихъ благъ. Мужественный Елевеерій, видя явное коварство діавола, въ душѣ посмѣялся его кознямъ; впрочемъ съ притворною радостію и удовольствіемъ принялъ онъ все посланное и чрезъ принесшаго раба изъявилъ пославшимъ великую свою благодарность. Всю ночь послѣ этого обольстительнаго поступка раскаявающійся Елевеерій провелъ въ теплыхъ моленіяхъ и слезахъ, прося Царицу небесную указать ему способъ и удобство скрыться отъ рейсъ-эффенди. Поутру, лишь только солнце начало разливать живительные лучи и золотить ими верхи горъ, Елевеерій, возведши очи и умъ свой къ мысленному солнцу правды Христу, молилъ Его быть ему свѣтомъ и путеводителемъ, враговъ же его поразить тьмою, дабы они не воспрепятствовали ему бѣжать изъ ненавистнаго ему дома, для взысканія небеснаго Жениха, какъ невѣста, изображенная въ книгѣ Пѣснь Пѣсней (Пѣсн. Пѣсн. 3, 1), и съ этою молитвою, покрываемый Богомъ, вышелъ оттуда никѣмъ незамѣченный.

Освободившись изъ погибельнаго общества, онъ почти съ быстротою птицы прибѣжалъ прямо въ патриаршіи домъ, отыскалъ тамъ одного знакомаго ему духовника, родомъ изъ Целопонеса, исповѣдалъ ему о себѣ все подробно, и послѣ этого сталъ просить у него христіанской одежды. Духовникъ, быть можетъ, по невозможности скоро найти эти одежды, или же страха ради, не исполнилъ просьбы Елевеерія, и сказавъ ему лишь нѣсколько душеполезныхъ словъ, отпустилъ его отъ себя съ миромъ.

Оставивъ духовника, Елевеерій поспѣшилъ въ домъ Россійскаго посольства, и здѣсь только онъ могъ вздохнуть свободно и изъ глубины наболѣвшаго сердца громко возо-

пиль: слава Тебѣ, изведшему меня изъ ада и тьмы смертныя, Христе Боже!

Всѣ бывшіе въ посольствѣ изумились, видя Елевѳерія въ турецкихъ одеждахъ, тогда какъ прежде знали его христіаниномъ *). Узнавши отъ него все лучившееся, русскіе поболѣли душею, сняли турецкую одежду, одѣли въ христіанскую, и прославили Бога за освобожденіе раба Своего изъ устъ пагубнаго змія. Черезъ четыре дня нашлось судно, плывшее въ Стримонскій заливъ, но имѣвшее необходимость быть и на Святой горѣ, на которомъ Елевѳерій и отправился. Спутникомъ его былъ одинъ боголюбивый христіанинъ изъ Пелопонеса, именемъ Іоаннъ. Христолюбивый этотъ Іоаннъ собрался было уже отправляться на другомъ суднѣ въ Россію, но узнавши отъ Елевѳерія всѣ бывшія съ нимъ приключенія, рѣшился сопутствовать ему на св. Аѳонскую гору. Достигши Святой горы, они пристали къ лаврѣ св. Аѳанасія. Здѣсь встрѣтили они святѣйшаго патріарха прежде бывшаго Константинопольскаго Григорія, пребывавшаго тамъ на покоѣ. Съ глубокою скорбію Елевѳерій разсказалъ сему святителю всѣ подробности своей жизни. Соболезновала и сострадала и великая душа патріарха по Бозѣ отступнику. Слупая его разсказъ, патріархъ возсылалъ благодареніе Богу, не хотящему смерти грѣшника, за преславное освобожденіе Елевѳерія изъ сѣтей діавольскихъ; боголюбиваго же спутника Елевѳеріева благословилъ, и обѣщая ему великія награды отъ Христа Бога за любовь его къ брату, отпустилъ съ миромъ, заповѣдая никому другому не разсказывать о семъ дѣдѣ. А Елевѳерія удержалъ при себѣ, и повелѣлъ ему ходить каждый день къ благоговѣйному и добродѣтельному лаврскому ду-

*) Еще въ то время, когда онъ жилъ въ Константинополѣ, нерѣдко бывалъ въ домѣ Россійскаго посольства, а потому всѣмъ тамъ живущимъ и былъ извѣстенъ, какъ христіанинъ.

ховнику Мелетію, родомъ изъ Крита, для слушанія умиловительныхъ молитвъ по установленію Церкви.

Черезъ 40 дней Елевеерій былъ помазанъ св. муромъ, и такимъ образомъ избавившись отъ плѣна всегубителя, воспріялъ опять наименованіе христіанина и, снова вписанный въ книгу жизни, сдѣлался рабомъ Христовымъ. Получивъ печать Св. Духа, онъ опять сдѣлался согражданиномъ Ангеловъ, чадомъ Божиимъ и сонаслѣдникомъ Христовымъ.

Укрѣпившись духовно, и исполнившись безмѣрной святой радости, Елевеерій, оставивъ Лавру, приходитъ въ скитъ св. Анны, является къ священному и великому мужу іерею Василию, который уже въсколькихъ отступниковъ отъ православныя вѣры представилъ Христу мучениками, бывъ для нихъ руководителемъ и спутникомъ на страдальческіе подвиги, иногда даже съ опасностію своей жизни, и съ большими расходами изъ своихъ собственныхъ скудныхъ средствъ. Предъ симъ духовнымъ мужемъ, Елевеерій съ сокрушеннымъ сердцемъ и смиреннымъ духомъ исповѣдалъ всю прошедшую свою жизнь.

Сострадая и милосердя о Елевееріи, блаженная та душа удержала его при себѣ, много утѣшала и успокоивала духовно и тѣлесно. Пробывъ тамъ дней двадцать, подвизаясь по силѣ своей въ трудахъ отшельническихъ, Елевеерій сталъ просить своего наставника, чтобъ онъ благословилъ его отправиться въ Константинополь и тамъ предать себя на мученія. Долго духовникъ не соглашался на это, но въ послѣдствіи, хотя и противъ своей воли, изъяснилъ согласіе на его желаніе, и далъ ему такую заповѣдь: если онъ узнанъ будетъ самими турками, тогда пусть вступаетъ въ подвигъ мученичества; въ противномъ же случаѣ да не дерзаетъ подвергать себя опасности. Тронутый милосердіемъ къ себѣ Божиимъ, Елевеерій съ радостію при-

нялъ эту старческую заповѣдь и, взявши благословеніе и напутственную молитву отъ благочестиваго старца, отправился въ Константинополь. Здѣсь онъ въ продолженіе 8 дней неоднократно видѣлся съ знакомыми ему шестью рабами рейсь-эффенди, но по судьбамъ, вѣдомымъ одному Богу, не былъ узнанъ ни ими, ни другимъ кѣмъ либо изъ мусульманъ. Отъ этой неудачи онъ сдѣлался печальнымъ, и съ скорбію сердечною отправился къ прежде сказанному духовнику патриаршаго дома, рассказалъ ему о себѣ, а также объявилъ и заповѣдь своего старца, которую рѣшился нарушить и отдать себя произвольно въ руки мусульманъ, такъ какъ долѣе не можетъ переносить внутри палящаго его пламени любви Христовой. Но духовникъ не совѣтовалъ ему преступать заповѣдь старца и всячески старался убѣдить его престать отъ своего намѣренія, но послѣ долгаго сопротивленія со стороны Елевѣерія, желавшаго пролить свою кровь за Христа, благословилъ его, и пожелалъ благополучнаго совершенія высокаго и священнаго подвига. Итакъ, въ слѣдующій день—это было Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа—Елевѣерій, приобщившись св. Христовыхъ Таинъ и вооружившись симъ страшнымъ для демоновъ оружіемъ, пошелъ съ дерзновеніемъ выдать себя въ руки турокъ, но, по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божія, устрояющаго все на нашу пользу, онъ на пути встрѣтился съ святогорскимъ лаврскимъ монахомъ Панкратіемъ, родомъ изъ Целопонеса. На вопросъ его, Елевѣерій чистосердечно рассказалъ ему, какъ своему знакомому, о своемъ намѣреніи, но благоразумный Панкратій посовѣтовалъ ему лучше возвратиться на Святую гору, посвящать себя аскетическимъ подвигамъ, испытать себя точнѣе и совершеннѣе, и такимъ образомъ болѣе укрѣпившись душою и тѣломъ, и сдѣлавшись болѣе твердымъ въ своемъ намѣреніи и желаніи, потомъ уже вступить на высокій и страшный под-

вигъ мученичества. Панкратій ослабилъ рвеніе Елвеерія, который рѣшилъ отложить до времени исполненіе своего намѣренія, и по здоровому совѣту своего доброжелателя рѣшилъ возвратиться на Святую гору. Но ненавистникъ добра, ископный врагъ рода человѣческаго, діаволь, зная, что Елвеерій по своей ревности и притомъ живя въ кругу добродѣтельныхъ старцевъ на Афонѣ, можетъ и самъ взойти на высоту добродѣтелей, началъ смущать его различными помыслами, и убѣждать сперва отправиться въ Іерусалимъ, на Синай, а послѣ еще въ какую нибудь страну. Познавъ въ этомъ внушеніи хитрость діавола, желающаго отклонить его отъ настоящаго пути, блаженный, при Божественной помощи, не соизволялъ лукавымъ внушеніямъ и отплылъ на Святую гору съ проигуменомъ Дохіарской обители Евгениемъ Митиленцемъ. Прибывъ на Святую гору, Елвеерій пробылъ у этого проигумена два мѣсяца, а потомъ отъ него перешель въ обитель Есфигменскую. Отсюда, спустя немного времени, онъ возвратился опять въ Дохіаръ. Здѣсь узналъ онъ отъ одного іеромонаха, именемъ Досиѳея, что въ Иверской обители находится двоюродный братъ его Онуфрій, и отъ радости заплакалъ, полагая, что при его воздѣйствіи приведетъ въ исполненіе свое намѣреніе. Но, съ другой стороны стыдясь своего отреченія, не пошелъ онъ тогда къ Онуфрію, хотя и былъ къ тому побуждаемъ Досиѳеемъ, а напротивъ чрезъ нѣсколько времени удалился въ пиргъ, принадлежащій Ставроникитской обители, къ духовнику Кириллу Митиленцу. Этотъ, принявъ отъ него исповѣдь, послалъ его въ священный скитъ честнаго и славнаго Пророка и Предтечи Господня Іоанна, къ духовнику Харлампію.

На пути въ этотъ скитъ, Елвеерій зашелъ въ обитель Иверскую, чтобы видѣться тамъ съ братомъ своимъ Онуфріемъ. Глубоко-трогательна была встрѣча ихъ. Онуфрій, по-

трясенный до глубины души, неутѣшно рыдалъ о великомъ несчастіи Елѣвѣерія: какихъ горькихъ словъ не произнесъ онъ тогда! Звѣрь лють, говорилъ онъ, какъ другой Іаковъ. пожралъ тебя (Быт. 37, 33), брате; кровосійца лютый разтерзалъ тебя, Елѣвѣеріе, и многое тому подобное высказалъ онъ брату своему. И Елѣвѣерій пролилъ токи слезъ изъ очей своихъ; и такимъ образомъ получивъ отъ брата своего великую пользу, онъ удалился къ упомянутому духовнику Харлампію. Спустя 29 дней, по усиленной просьбѣ Овуфріевой, принялъ къ себѣ Елѣвѣерія находящійся въ томъ же скиту Предтечи славившійся духовнымъ разсужденіемъ духовникъ іеромонахъ Никифоръ. Искренно исповѣдавшись новому духовнику своему, Елѣвѣерій съ радостію исполнилъ назначенную ему епитимію. Первою побѣдою его надъ діаволомъ, подъ новымъ симъ руководствомъ, была побѣда надъ страстію чревонеистовства. Однажды, томясь отъ долгаго поста и воздержанія, онъ увидѣлъ нѣсколько луковицъ: тотчасъ пришелъ ему помысль тайно съѣсть одну изъ нихъ (а между тѣмъ ему не велѣно было ѣсть ничего другаго, кромѣ сухаго хлѣба и воды). Когда въ 9 часу поданъ былъ ему хлѣбъ и вода и принесшіи оныя удалился, тогда Елѣвѣерій взялъ луковицу, чтобы съѣсть ее, но вспомнивъ о грѣхѣ преслушанія и тайнояденія, блаженный пришелъ въ ужасъ, ибо въ ту минуту налегли на него непомѣрною тяжестію различные противурѣчушіе одинъ другому помыслы, съ которыми боролся онъ цѣлыхъ три часа, пока наконецъ съ гнѣвомъ бросилъ луковицу на землю, растопталъ ее и вкусилъ только хлѣба съ водою *).

Но кто же можетъ достойно разсказать о его подвигахъ, безмѣрномъ постѣ, бдѣніи, слезахъ, сердечномъ сокрушеніи, кротости, постоянномъ вниманіи къ себѣ, ласко-

*) Подобное сему видѣлъ и въ житіи св. Саввы Освященнаго, — разумѣемъ поступокъ его съ яблокомъ.

вості ко всѣмъ, безмолвіи, молчаніи и состраданіи къ ближнимъ? Такимъ образомъ, Елѣвѣрій въ короткое время достигъ совершенства добродѣтелей и покорилъ плоть духу; душа его, объята Божественнымъ раченіемъ, уже не прилѣплялась ни къ чему временному и тлѣнному. Между тѣмъ въ душѣ его все болѣе и болѣе возжигалось пламенное желаніе мученичества, такъ что наконецъ онъ объявилъ духовному своему отцу о непремѣнномъ своемъ намѣреніи вступить въ подвигъ мученическій, и просилъ у него на то согласія. Но опытный старецъ не соизволилъ пока на его желаніе, а повелѣлъ ему увеличить подвиги и усердиѣ просить у Бога милости. Блаженный послушался и, принявши старческое повелѣніе, умножилъ свои посты, бдѣнія, молитвы и слезы; и что было особенно достойно удивленія, — находясь въ такомъ злостраданіи, онъ всегда былъ свѣтелъ лицомъ и постоянно весель. Кромѣ чрезвычайныхъ своихъ подвиговъ, подвижникъ Христовъ занимался чтеніемъ Божественнаго Евангелія и другихъ душеполезныхъ книгъ. Читая въ новомъ мартирологѣ о подвижникахъ и побѣдахъ св. новомучениковъ, онъ болѣе и болѣе расплялся сердечнымъ желаніемъ мученичества; когда же ему выставляли на видъ трудность этого подвига, нестерпимость мукъ, лютость мучителей и проч., тогда онъ всегда давалъ на это одинъ отвѣтъ: я никогда не размышляю о таковыхъ бѣдахъ и трудностяхъ и не измѣряю ихъ, но чувствую только великую печаль и неизреченную болѣзнь въ сердцѣ моемъ, что не имѣю тысячи тѣлъ, чтобы предать всѣ ихъ на мученическія страданія, и тысячи головъ для закланія за любовь Христову.

Нѣкогда Елѣвѣрій просилъ имѣвшаго о немъ попеченіе старца Акакія, (ученика Никифорова), да сотворить молитву къ Богу и узнаеть достовѣрно, есть ли воля Божія принять ему мученіе, и какъ предстать предъ мучителей,

самому ли собою, или ждать, пока они узнаютъ и возьмутъ его. Акакій, такое дѣло считая выше своего достоинства, отказался исполнить его просьбу, но Елвеерій не переставалъ усиленно просить и умолять его о томъ. Чадѣ! сказалъ ему однажды Акакій, хотя я и не достоинъ, но по любви христіанской и заповѣди Господней сотворилъ о тебѣ молитву къ Богу и получилъ извѣщеніе, что есть воля Творца небеснаго вступитъ тебѣ на подвигъ мученія, при томъ ты долженъ идти для исповѣданія имени Христова предъ мучителей самъ собою, какъ самъ собою отрекся отъ Господа: противное обыкновенно врачуется противнымъ. Услышавъ это, блаженный исполнился радости и духовнаго веселія, и съ того времени еще болѣе увеличилъ свои подвиги, прося у Бога ускоренія времени къ совершенію мученичества.

Въ ту пору такое умиленіе и плачь дарованы ему были отъ Бога, что никто не видалъ его безъ слезъ и воздыханій; безъ нихъ онъ не вкушалъ даже пищи. Помня о своемъ паденіи, онъ подобно пророку Давиду говорилъ: забыхъ свѣсти хлѣбъ мой отъ гласа воздыханія моего (Пс. 101, 5. 6).

Идя неуклонно путемъ подвижничества и всегда думая только о мученичествѣ, Елвеерій въ одну ночь видитъ во снѣ, будто онъ, находясь внѣ своей каливы, весь былъ залитъ свѣтомъ, исходящимъ отъ креста, который состоялъ изъ свѣтлыхъ звѣздъ и видимъ былъ на восточной сторонѣ неба. Изумленіе и удивленіе овладѣли Елвееріемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ сердцѣ его ощущалась неизреченная радость. Близъ креста сего замѣтилъ онъ прекраснаго юношу, который сказалъ ему: Елвеерій! вотъ орудіе, силою котораго первый царь христіанскій, великій Константинъ, побѣдилъ враговъ своихъ: возьми оное, тецы и ты въ путь свой. Проснувшись послѣ сего видѣнія, онъ палъ на землю

и съ обильными слезами славилъ и благодарилъ Бога. Знаменіе это служило ему увѣреніемъ въ волѣ Божіей и сильнѣйшимъ побужденіемъ къ подвигу мученичества. Это видѣніе, онъ, по своему смиренномудрію сохранилъ какъ тайну до самаго часа отправленія своего на мученичество.

Отправляясь на страданія, онъ рассказалъ еще и о другомъ утѣшительномъ видѣніи. Въ одно время, говорилъ онъ, видѣлъ я высокій и прекрасный тронъ, на немъ съ великою славою и благолѣпіемъ сидѣла Пресвятая Богородица; вокругъ трона стояло безчисленное множество воиновъ и слугъ, изъ которыхъ каждый дѣлалъ Богоматери поклоненіе, и потомъ удалялся. Тогда, подобно другимъ и я съ великимъ страхомъ и признаніемъ своего недостойнства, приблизился къ Ней и поклонился. Богородица положила мнѣ на голову Свою руку, и нѣсколько минутъ держала ее; въ это время я проснулся и почувствовалъ въ сердцѣ своемъ неизъяснимую радость, а вскорѣ затѣмъ изъ очей моихъ невольно потекли слезы обильною струею и особенно усладили мою душу. Не явныя ли это доказательства великаго попеченія Богоматери объ Елѣвоеріи?! Послѣ сего еще болѣе усилился пламень въ душѣ его, и онъ снова просилъ благословенія и молитвы на отправленіе въ избранный имъ путь, но видя всѣхъ не соизволяющими его намѣренію, сталъ скорбѣть и печалиться, пока наконецъ сталъ настойчиво требовать согласія,—которое, хотя и съ неохотою, но вынуждены были дать ему благочестивые старцы. А такъ какъ Елѣвоерій приготовлялся къ закланію за Христа, то, чтобы всецѣло посвятить себя Христу, онъ принялъ постриженіе въ ангельскій образъ съ именемъ Евоимія.

Въ одинъ день старецъ его Акакій, рассказывая ему о славѣ мучениковъ на небесахъ и о ихъ дерзновеніи предъ престоломъ Божіимъ въ ходатайствѣ за всѣхъ просящихъ

ихъ помощи, просилъ его, чтобы онъ, въ часъ мученической своей кончины, умолилъ Всевышняго о скорѣйшемъ его разрѣшеніи отъ тѣла, и о сожигательствѣ на небесахъ вмѣстѣ съ нимъ. Евѣимій, по своему смиренномудрію, сначала отрицался отъ этого, называя себя чуждымъ такого дерзновенія, но когда Акакій еще настоятельнѣе сталъ убѣждать его къ тому, сказала: нѣтъ еще воли Божіей, отче, отыти тебѣ изъ сей жизни: послѣ меня придетъ къ вамъ другой братъ, котораго прошу полюбить и позаботиться о немъ какъ обо мнѣ,—онъ имѣетъ шествовать въ горняя тоже путемъ мученичества. Предсказаніе блаженнаго вполне оправдалось, такъ какъ вскорѣ послѣ святой его кончины, на его мѣсто пришелъ св. Игнатій *).

Однажды Акакій въ келліи Евѣимія нашелъ записку, въ которой были написаны числа: пять тысячъ, двѣ тысячи, три тысячи и т. д. Что это? спросилъ старецъ. Отче! такъ какъ мы намѣреваемся отправиться въ путь, а на морѣ я не могу исполнить положеннаго мнѣ правила, то удвою его теперь, да не осужденъ буду, какъ лѣнивый рабъ. Акакій одобрилъ такую его точность относительно монашескаго правила, похвалилъ внимательность его къ своей обязанности, и такое приготовленіе къ закланію за любовь Христову.

Между тѣмъ не дремалъ и врагъ всякаго добра — дьяволъ: дабы отклонить Евѣимія отъ мученичества, онъ старался всѣять въ его душу робость. Такъ въ одну ночь видитъ онъ во снѣ, будто собралось къ нему множество безобразныхъ египцевъ, которые сначала произвели страшный шумъ, потомъ развели большой огонь и, обратившись къ Евѣимію сказали: вотъ человекъ идетъ на мученія, а не разсуждаетъ о томъ, что мы побѣдимъ его. Бросимъ-ка его въ этотъ огонь, и посмотримъ, можетъ ли онъ пере-

*) См. его житіе октября 20.

нести мученичество;—и тотчасъ какъ будто бы на самомъ дѣлѣ схватили его и намѣревались бросить въ средину огня. Пробудившись, Евѳимій призвалъ Божественную помощь и такимъ образомъ избавился отъ діавольскаго наважденія.

Наконецъ, настало давно желанное время отшествія Евѳимія въ святой и богопріятный путь. По пути онъ зашелъ въ Иверскую обитель проститься съ Онуфріемъ. Умилительно было ихъ прощаніе, послѣ котораго Онуфрій ввелъ Евѳимія въ храмъ Богородицы Портаитиссы и, приблизивъ его къ чудотворному Ея образу, сказалъ со слезами: въ руки Твои предаю, Госпоже, сего вольнаго мученика; будь ему, всенепорочная, дверью въ царство небесное, укрѣни его на брань противу видимыхъ и невидимыхъ враговъ, и представь его Сыну Твоему и Богу жертвою совершенною и благоугодною.

Итакъ, 21-го февраля, провождаемый многими отцами, Евѳимій удалился со Святой горы, въ сопровожденіи одного изъ послушниковъ духовнаго отца его Григорія, который посланъ съ нимъ по просьбѣ Онуфрія. Послѣ великихъ бурь и бѣдъ, претерпѣнныхъ ими по дѣйству діавола на морѣ, 2-го марта прибыли они въ Каллиполь. Евѳимій, узнавши, что здѣсь живутъ три паши со множествомъ турецкихъ войскъ, и что тамъ же есть и нѣкоторые изъ людей рейсъ-эффенди, отъ великаго усердія къ мученичеству, говорилъ Григорію: отче! вотъ и здѣсь есть турки, что препятствуетъ мнѣ свидѣтельствовать предъ ними правую мою вѣру? совершу подвигъ мой и тутъ. О мысль боголюбивая! О любовь ко Христу огненная! Вотъ турки, говоритъ блаженный, что препятствуетъ мнѣ принять желаемую смерть? Этими восторженными словами онъ уподобляется евноху Кандакинъ, который въ порывѣ сердечной ревности, говоритъ Апостолу Филипу: се вода, что возбраняетъ мнѣ креститься (Дѣян. 8, 36)? Какое имѣлъ тотъ усердіе кре-

ститься въ водѣ; такое же имѣлъ и Евѣимій креститься своею кровію — крещеніемъ изъ всѣхъ крещеній труднѣйшимъ. Однако на это пламенное его желаніе Григорій не соизволилъ, а только здѣсь совершенно было надъ нимъ св. елеосвященіе; потомъ они оба приобщились св. Христовыхъ Таинъ, и 9-го числа того же мѣсяца, отправились отсюда и прибыли въ Артаки. Здѣсь выслушали они акаѣистную пѣснь Богоматери, и снова приобщились св. Таинъ. Изъ Артаки 19-го марта, въ четвертокъ 6-й недѣли Великаго поста, прибыли въ Галату Константинопольскую, и остановились у одного благочестиваго христіанина Григорія, который принялъ ихъ, какъ людей Вожіихъ, и оказывалъ имъ большое вниманіе.

Наканувъ Цвѣтоносной недѣли надъ Евѣиміемъ снова совершенно было св. елеосвященіе, и опять оба они приобщились Пречистыхъ Таинъ. Въ недѣлю же Ваій въ храмѣ св. Предтечи за Божественной литургіей еще сподобились пренебеснаго сего дара, и послѣ литургіи отправились прямо на одинъ кефалонійскій корабль, капитанъ котораго принялъ ихъ съ радостію и любовію. Здѣсь Евѣимій снялъ съ себя монашеское одѣяніе и одѣлся въ заранѣе приготовленныя турецкія одежды. Тогда, поклонившись спутнику своему Григорію, Евѣимій сказалъ: благослови, отче, твоего слугу и брата! Богъ заплатитъ вамъ за всѣ благодѣянія, какія оказали вы мнѣ недостойному, и наградитъ тебя небесными дарами за труды твои. Сокрушился сердцемъ Григорій, и началъ проливать слезы о разлукѣ съ Евѣиміемъ. Не возбуждай, отче, своими слезами скорби въ моемъ сердцѣ, а лучше проси Бога, чтобъ Онъ помогъ мнѣ побѣдить врага — діавола, и мужественно окончить великій подвигъ. Потомъ, давъ послѣднее о Христѣ цѣлованіе Григорію и всѣмъ находившимся тамъ христіанамъ, стоявшимъ съ непокровенными главами и удивляющимся его му-

жеству, приснопамятный взялъ въ руки свои крестъ и ваіа, взятыя имъ въ церкви св. Предтечи, и вооружившись сими оружіями, переходитъ съ корабля на сушу, и мужественно идетъ, какъ пѣсенная невѣста, обрѣсти сладкаго и таинственнаго Жениха. Казалось, сего сладчайшаго Обручника, Пастыря и Посѣтителя душъ нашихъ, нигдѣ нельзя было обрѣсти ему такъ скоро, какъ во дворцѣ тирановъ и игемоновъ; посему имѣя намѣреніе проникнуть къ нимъ, онъ на пути взывалъ къ Нему: Владыко Іисусе Христе! Ты, пребывая святою Своею плотію на грѣшной нашей землѣ, не отвергъ того муръ, которое кающаяся грѣшница изліяла на Пречистую главу Твою: не возгнущайся же и мною грѣшнымъ, пріими и отъ меня не муро, а самую мою кровь, которую спѣшу излить ради Твоей любви; и какъ той грѣшницѣ не возбранилъ входа въ домъ Симона прокаженнаго, такъ Владыко, сотвори и для меня свободнымъ входъ въ дворцы безбожныхъ мучителей, да проповѣдую тамъ имя Твое святое, и постыжу прельстившаго меня діавола, и посрамлю ихъ мусульманскую вѣру. Такъ молился онъ со многими слезами и болѣзнію сердца, и о томъ же умолялъ Пресвятую Богородицу, какъ споручницу и непостыдную нашу помощницу. Послѣ этой молитвы, произвольный страдалецъ, сотворивъ на себѣ крестное знаменіе, вошелъ въ высокую Порту, и будучи никѣмъ не остановленный, предсталъ предъ самого турецкаго визиря Рушуть-нашу, и безъ всякаго смущенія и страха сказалъ ему: „господинъ! я христіанинъ еще отъ предковъ: отецъ мой называется Панагіотомъ, а мать Марією; кромѣ того имѣю и другихъ трехъ братьевъ и одну сестру, и всѣ мы христіане. А эти одежды, которыя на мнѣ, я получилъ отъ тебя, и чтобы удостовѣриться тебѣ, что я христіанинъ, вотъ крестъ, который неложная наша христіанская вѣра дала намъ, какъ оружіе противу всѣхъ враговъ; а вотъ и

ваіа, которыя тоже знаменіе христіанское, но чтобы ты еще болѣе увѣрился въ сказанномъ мною, вотъ я предъ тобою попираю знаменіе лживой вашей вѣры!“ Говоря это, онъ снялъ съ головы своей зеленую повязку, бросилъ ее на землю и началъ поспирать и проклинать обманщика Магомета. Визирь изумился, видя двадцатилѣтняго юношу, представшаго предъ нимъ съ такимъ дерзновеніемъ и мужествомъ, и называвшаго вѣру ихъ лживою, а пророка обманщикомъ. Какъ будто не обращая вниманія на Евѣиміа, визирь съ негодованіемъ обратился къ предстоящимъ слугамъ и гнѣвно сказалъ имъ: зачѣмъ допустили ко мнѣ такого человѣка? Потомъ приказалъ особому своему чиновнику испытать, не пьянъ ли этотъ дерзкій, или не безумный ли онъ?—Нѣтъ, отвѣчалъ Евѣимій, умъ мой здравъ, потому-то и исповѣдую Іисуса Христа Богомъ истиннымъ и Творцемъ неба и земли, а себя христіаниномъ и желаю умереть по любви ко Христу моему.

— Такъ, значить, ты пьянъ, сказалъ визирь.

— И не пьянъ, отвѣчалъ мученикъ: вотъ уже три дня, какъ я ничего не ѣлъ.

Тогда визирь приказалъ своимъ слугамъ свергнуть его въ темницу, что тотчасъ же усердными служителями было исполнено. Въ смрадной тюрьмѣ забили ноги его въ колоды и заковали въ тяжелыя цѣпи. Черезъ часъ Евѣимій представленъ былъ предъ визиря для вторичнаго вопроса.

— Пришелъ ли ты въ себя, или остаешься еще въ прежней твоей прелести? спросилъ его нечестивый судья.

— Я сказалъ тебѣ, отвѣчалъ мученикъ, что я христіанинъ, и сынъ христіанскихъ родителей, и что я отъ всей души вѣрую во Іисуса Христа Бога истиннаго, Который содѣлался человѣкомъ ради спасенія насъ человѣковъ, и Который опять прійдетъ и будетъ судить людей, дабы воздать каждому по дѣламъ его (Римл. 2, 6).

— Оставь это бесполезное суесловіе, обратись въ нашу вѣру, въ которой ты уже былъ, и получишь отъ меня великія почести и богатства.

— Напрасно прельщаешь меня, господинъ, и напрасно предлагаешь отречься истиннаго Бога, сладчайшаго моего Иисуса, и принять вашу вѣру, которая исполнена только басней и разврата. Вѣдь и жизнь самого вашего учителя была до крайности гнусная, и притомъ онъ имѣлъ въ себѣ бѣса, и этотъ бѣснуемый вашъ наставникъ и васъ научилъ творить всякаго вида нечистоту, а вы вѣруете въ него, какъ въ пророка. Не срамъ ли это человѣку, существу, одаренному отъ Бога разумомъ?

— Если ты не отречешься своего Христа и не примешь нашу вѣру, я предамъ тебя жестокимъ мукамъ.

— О, Христе Царю! велегласно воскликнулъ мученикъ, не попусти, чтобы я отрекся Тебя создателя моего, ни словомъ, ни дѣломъ, хотя бы изрѣзали это снѣдное для червей тѣло мое на куски.

Послѣ сего визирь повелѣлъ наложить на голову мученика зеленую повязку, которую Евимій снялъ, разорвалъ на двое и бросилъ въ визиря, говоря: возми себѣ свое, а мнѣ оставь мое.

Разгнѣвавшись, визирь приказалъ тотчасъ же снова бросить его въ темницу и бить прежестоко. Слуги его, какъ разъяренные звѣри схватили страдальца и безжалостно избивъ его, ввергли въ темницу. Тамъ собравшись, какъ вороны на трупъ, безчеловѣчные мучители то устрашали страстотерпца, то обольщали обѣщаніемъ всѣхъ благъ міра сего; мужественный же Христовъ подвижникъ каждому изъ нихъ давалъ приличные отвѣты, во всемъ осмѣивалъ ихъ и уничижалъ преступную вѣру ихъ. Черезъ три часа отъ начала истязаній, мученикъ, по опредѣленію визиря, представленъ былъ на третье испытаніе.

— Пришелъ ли ты въ раскаяніе, или еще остаешься въ своемъ упорствѣ? спросилъ визирь мученика.

— Одна есть истинная вѣра христіанская, судья, отвѣчалъ мученикъ, и одинъ Богъ тріупостасный, тварію слаvimый, Отець, Сынъ и Святыи Духъ, —едино нераздѣльное естество Божества. Въ сіе имя я и крестился, и содѣлался сыномъ Божіимъ по благодати; какъ же мнѣ послѣ сего увѣровать въ обманщика лжепророка вашего Магомета? Бывъ здѣсь на землѣ жилищемъ сатаны, онъ и теперь находится въ объятіяхъ отца своего діавола, и васъ ослѣпленныхъ, которые увѣровали въ него, какъ въ пророка, ожидаетъ одинаковая съ нимъ мука. Знайте, что никто столько не прогнѣвалъ Бога, какъ вашъ лжепророкъ, который столько душъ увлекъ съ собою въ погибель, куда и вы жалкіе самопроизвольно стремитесь. Истинно говорю вамъ: если не оставите вѣру въ прельстившаго васъ лжепророка и не сдѣлаетесь христіанами, то на вѣки погибнете и преданы будете горькимъ вѣчнымъ адскимъ мукамъ.

Хвала свободѣ устъ твоихъ, мужественный подвижникъ Господень! Слава великодушію твоему, небесныхъ похвалъ достойному!

Когда визирь услышалъ эти дерзновенныя и обличительныя рѣчи, то весь измѣнился отъ гнѣва, и не въ состояніи былъ уже переносить дерзновеніе мученика, и отчаявшись поколебать рѣшимость и твердость мыслей его, осудилъ его на вечное усѣченіе. Тогда палачъ взялъ Евѣиміа и хотѣлъ было связать ему назадъ руки, но мученикъ не допустилъ и сказалъ ему: для чего тебѣ вязать меня, когда я пришелъ сюда незваннымъ? вѣдь ты не привелъ меня, какъ преступника?—Послѣ нѣкотораго раздумья, палачъ оставилъ его.

Итакъ, славный подвижникъ Христовъ вышелъ изъ незаконнаго того судилища съ лицомъ веселымъ и радост-

нымъ, не какъ на смерть, а какъ бы на брачный пиръ, держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой ваіа, чему удивлялись не только христіане, но даже и самые враги св. нашей вѣры.

Достигши опредѣленнаго мѣста, палачи остановились. Въ это время мученикъ, ставши лицомъ на востокъ и простерши руки къ небу, произнесъ о себѣ и о всемъ мірѣ пламенную ко Господу Богу молитву. По окончаніи молитвы, онъ сотворилъ на себѣ крестное знаменіе, облобызалъ честный крестъ, который держалъ въ рукахъ, и весь полный радости и благодати Божіей, преклонилъ колѣна и главу свою со словами: Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой. Тогда палачъ ударилъ мечемъ его во главу, но не отсѣкъ ее за одинъ разъ: — сѣки вѣрнѣе, сказалъ палачу мученикъ при этой неудачѣ. — О чуднаго мужества свѣтлѣйшій подвижникъ! — Потомъ палачъ ударилъ во второй разъ, но опять неудача, — онъ отсѣкъ у страдальца только одинъ кусокъ тѣла. Послѣ сего онъ заклалъ уже мученика, какъ овцу, въ гортань, и такимъ образомъ исполнилось пророчество мученика, который еще прежде говорилъ, что заколютъ его какъ овцу.

Итакъ, мужественный, непобѣдимый и преславный Евѳимій получилъ, наконецъ, столь пламенно желаемую имъ блаженную кончину 1814 года въ 22 день мѣсяца марта, въ Вербное воскресенье, въ 6 часу дня. Къ изумленію всѣхъ зрителей, страдальческое тѣло его и по закланіи оставалось стоящимъ на колѣняхъ, но чтобъ не посрамиться болѣе, нечестивцы намѣренно толкнули его и оно упало.

Надобно сказать, что разставшись съ мученикомъ, спутникъ св. Евѳимія Григорій отправился туда, гдѣ они остановились, потому что мученикъ заповѣдалъ ему, возвратившись въ свое мѣсто, молиться о немъ Богу цѣлыхъ три часа, и потомъ освѣдомиться о немъ. Григорій такъ и по-

ступилъ. Черезъ три часа, когда мученикъ послѣ истязаній веденъ былъ уже на смертную казнь, онъ послалъ упомянутаго христіанина узнать о страсотерпцѣ. Христолюбецъ этотъ, сподобившись видѣть кончину мученика, извѣстилъ о ней Григорія, который и поспѣшилъ увидѣть подвижника Христова, такъ славно восторжествовавшаго надъ діаволомъ.

А потомъ палачи подняли страдальческое тѣло, и, по желанію Григорія, отнесли оное на островъ Проти; такое доставленіе съ великимъ трудомъ и за большія деньги Григорій купилъ у палачей. При перенесеніи св. мощей мученика, не смотря на то, что они три дня оставались на открытомъ воздухѣ, текла еще теплая кровь, но славнѣе всего было то, что когда Григорій взялъ честную главу св. мученика и, лобызая ее со слезами, бесѣдовалъ съ мученикомъ какъ бы съ живымъ, тогда священная сія глава открыла очи, и какъ бы живая, веселымъ и пріятнымъ взоромъ смотрѣла на Григорія и на всѣхъ предстоящихъ, и это чудо совершилось дважды въ присутствіи многихъ.

Послѣ этого, Григорій, одѣвъ тѣло мученика въ иноческую одежду, положилъ его внутри храма Преображенія Господня.

Между тѣмъ Григорію желательно было перенести св. мощи мученика на Аѳонъ, но онъ недоумѣвалъ, какими путями достигнуть этой цѣли, почему и оставался пока въ Константинополѣ. Но преподобномученикъ Евѣимій однажды является ему во снѣ, успокаиваетъ его и обѣщаетъ, что онъ самъ въ свое время возьметъ свои мощи и перенесетъ на Святую гору *).

Еще другое чудо совершено было новомученикомъ, еще во время пребыванія Григорія въ Константинополѣ. У одного христіанина, имѣвшаго жительство въ Галатѣ, Еммануила Маргаритова, сынъ, именемъ Янкъ, шести лѣтъ, болѣлъ

*) См. жизнеописаніе св. преподобномуч. Игнатія, октября 20.

горячкою: четыре уже дня лежалъ онъ безъ чувствъ, и на выздоровленіе его потеряли надежду не только родные, но и врачи. Позванъ былъ въ домъ Эммануила съ мученическими одеждами Григорій. Лишь только больнаго обложили окровавленными одеждами мученика и напоили водою отъ орошенія ихъ, тотчасъ больной открылъ глаза, потомъ просилъ еще той воды, съ благоговѣніемъ облобызавъ мученическія одежды, и съ той минуты сталъ здоровъ.

Наконецъ, Григорій, обрѣтши попутный корабль, прибылъ на немъ на Святую гору, какъ Ангелъ — вѣстникъ исповѣданія и страдальческой кончины новаго преподобномученика Евѣимія. Привезъ онъ туда власы отъ честнаго его главы и окровавленные одежды, отъ которыхъ исходило благоуханіе.

Ради славы Вожіей, не умолчимъ и о томъ чудѣ, которое совершилъ мученикъ во время пути Григорія на Святую гору. 21 числа апрѣля прибыли мы изъ Константинополя въ Дарданеллы, такъ рассказываетъ о себѣ одинъ христіанинъ изъ Месимвріи, именемъ Христодуль, сподобившійся испытать на себѣ чудо, совершенное св. мученикомъ. Тамъ я тяжело заболѣлъ сильнымъ ознобомъ и головою болью, и полагалъ, что уже стою близъ смерти, но лишь только напоили меня водою съ окровавленной одежды и волосъ новомученика Евѣимія, — великъ Ты, Христе Царю, тотчасъ я сдѣлался здоровъ, прибылъ со старцемъ Григоріемъ на Святую гору и поклонился тамъ священнымъ обителямъ въ вождѣлѣнномъ здоровьѣ.

Одинъ житель кидонскій, именемъ Антоній, заболѣлъ горячкою. Пришли друзья посѣтить его, между ними былъ нѣкто, по имени Кириакъ. Онъ сталъ рассказывать о совершившемся недавно мученичествѣ святаго; больной со вниманіемъ, благоговѣніемъ и вѣрою слушалъ рассказъ, и вдругъ началъ чувствовать облегченіе отъ болѣзни, а когда

окончился рассказъ о мученикѣ, тогда и болѣзнь совершенно прекратилась. Чувствуя себя здоровымъ, онъ всталъ съ постели и благодарилъ святаго, къ изумленію всѣхъ присутствующихъ, съ которыми тотчасъ же пошелъ на прогулку. Да у самаго Киріака получилъ исцѣленіе отъ одежды святаго его больной сынъ, за что въ благодарность послалъ святому прекрасную лампаду. Корабль, везшій сію лампаду, подвергся великой морской бурѣ, но какъ только повѣсили на паруса находившіяся на немъ одежды святаго,—море укротилось.

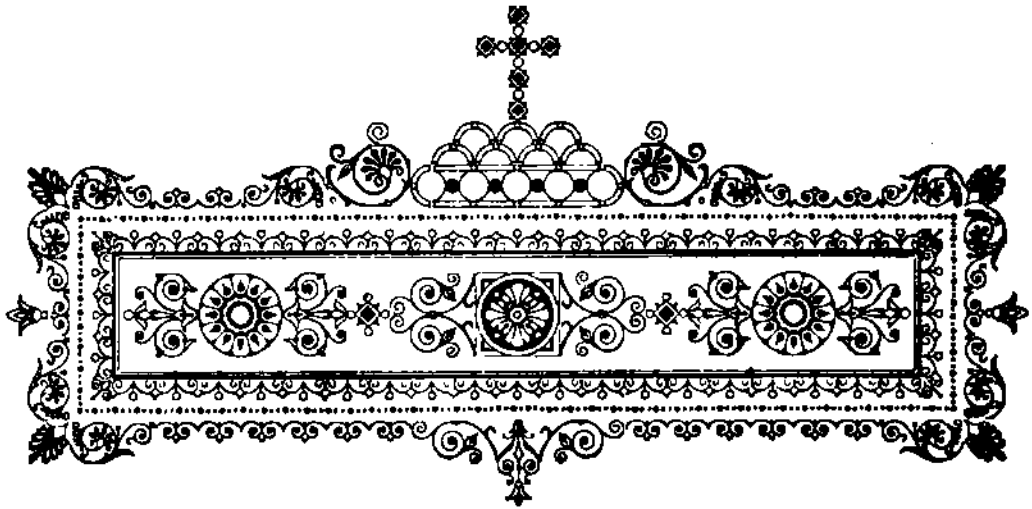
Надобно замѣтить, что Григорій, пребывая въ Константинополь, роздалъ многимъ христіанамъ части отъ одеждъ мученика, и отъ нихъ многіе исцѣлились отъ различныхъ болѣзней. Такъ, у одного врача, именемъ Марина, девятилѣтняя дочь исцѣлилась отъ бѣльма на глазу. Одинъ житель острова Проти избавился отъ блудныхъ помысловъ, которые часто беспокоили его, призываніемъ у гроба имени преподобномученика Евѣимія.

Молитвами святаго повопреподобномученика Евѣимія, да избавить и насъ Богъ отъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и сподобимся получить царство небесное отъ Господа нашего Іисуса Христа. Ему же слава и держава въ нескончаемые вѣки вѣковъ. Аминь.

Честная глава св. преподобномученика Евѣимія находится нынѣ въ Русской на Аѳонѣ обители св. великомученика Пантелеимона.

(Память его совершается и 1-го мая вмѣстѣ съ свв. преподобномучениками Игнатіемъ и Акавіемъ).

М А Р Т А 23.

Страданіе святаго преподобномученика ЛУКИ *).

Святой преподобномученикъ Лука былъ родомъ изъ Адрианополя. Родители его были христіане — отецъ Аванасій, а мать Домница. Оставшиє послѣ смерти отца сиротою 6-ти лѣтъ, Лука воспитывался въ крайней бѣдности со всѣми лишеніями. Тѣснимая со всѣхъ сторонъ бѣдностію, мать отдала его одному Загорійскому купцу въ мальчики по торговой части. Благодѣтельный купецъ, взявши отрока къ себѣ въ домъ, обходился съ нимъ не какъ съ подчиненнымъ, но какъ съ роднымъ сыномъ, замѣнивъ ему въ этомъ отношеніи отца.

Однажды хозяинъ Луки отправился въ Россію по коммерческимъ дѣламъ, куда взялъ съ собою и Луку, которому въ это время было 13 лѣтъ; возвращаясь оттуда, онъ остановился въ Константинополѣ, не подозрѣвая, что здѣсь ожидаетъ несчастнаго сироту глубокая скорбь. Такъ, въ

*) Изъ Νέου Λεζμονάριον.

одинъ день онъ вышелъ изъ дому, въ которомъ они остановились, и поссорившись съ однимъ турченкомъ началъ бить его; увидя это, тутъ же находившіеся турки бросились на Луку, какъ разъяренные звѣри и, схвативъ его, хотѣли убить. Лука, чрезвычайно испугавшись ихъ свирѣпости и не находя никакого исхода избѣгнуть изъ рукъ ожесточенныхъ защитниковъ турченка, закричалъ: „пустите меня, я потурчусь.“ Слово „потурчусь“ моментально перемѣнило свирѣпость турокъ, а одинъ изъ нихъ, Ага, сейчасъ же взялъ его и, приведши въ свой домъ, заставилъ Луку отречься отъ Христа и принять магометанскую вѣру. Несчастнѣйшій отрокъ, будучи застрашенъ свирѣпостью и боясь, дабы его не стали бить и мучить, по своему дѣтскому легкомыслію отрекся отъ Христа—источника жизни, Творца неба и земли, не думая о послѣдствіяхъ отреченія. Но когда Лука успокоился и пришелъ въ себя, тогда увидѣлъ, въ какую онъ вринулъ себя пропасть, промѣнявъ свѣтъ на тьму; при этомъ душа его страдала, а сердце обливалось горькими слезами; вмѣсто обычной радости и веселости, настали скука и тоска, и онъ горько раскаявался въ своемъ поступкѣ.

Ага, видя Луку печальнымъ, началъ утѣшать его, ласкать и обѣщаль доставить ему всевозможныя блага. Но Лука, не смотря на свою юность, въ этомъ случаѣ показалъ себя совершеннымъ мужемъ, и на всѣ обѣщанія и ласки служителя Магомета смотрѣлъ съ презрѣніемъ, гнушаясь даже и слышать объ нихъ. Къ довершенію скорби, и свобода несчастнаго отрока была стѣснена, такъ что ему не позволяли выходить изъ дому, боясь, чтобы Лука не вырвался изъ ихъ когтей. Но однако Промыслъ Божій видя, что отрокъ, по дѣтскому своему неразумѣнію и страха ради, хотя и отрекся отъ христіанской вѣры, но горько въ этомъ раскаявается, далъ ему способъ уйти изъ дома, который

сталъ для него ненавистнымъ и мерзкимъ. Улучивъ удобное время, онъ извѣстилъ своего хозяина — купца и просилъ, чтобы онъ освободилъ его изъ той неволи, которой самъ былъ виновникомъ, притомъ какъ можно скорѣе, пока надъ нимъ не совершилось гнусное обрѣзаніе.

Получивъ эту нерадостную вѣсть, купецъ тотчасъ же пошелъ къ русскому посланнику, которому объяснилъ все подробно, прося его защиты и покровительства, и чтобы скорѣе избавить отъ гибели бѣдствующаго отрока. Посланникъ, выслушавъ заявленіе, немедленно послалъ къ Агѣ, требуя отдать Луку его хозяину. Но Ага чрезъ посланнаго отвѣчалъ: такъ какъ Луку никто насильно не принуждалъ отречься отъ христіанской вѣры и принять мусульманскую, а онъ самъ добровольно пришелъ въ его домъ безъ всякаго насилія, то поэтому никто не имѣетъ права требовать его обратно.

Когда посланный ушелъ, Ага изъ опасенія, чтобы вторично не стали требовать Луку, связалъ ему руки и насильственнымъ образомъ совершилъ надъ нимъ обрѣзаніе. Узнавъ объ этомъ гнусномъ обрядѣ, совершившемся надъ несчастнымъ отрокомъ, посланникъ, видя, что уже все дѣло потеряно, и что требованія будутъ бесполезны, посоветовалъ купцу извѣстить Луку, чтобы онъ, избравъ удобное время, бѣжалъ отъ Аги и приходилъ бы прямо въ русское посольство.

Въ тотъ же день купецъ извѣстилъ Луку, чтобы онъ бѣжалъ изъ того дому, что чрезъ нѣсколько дней отрокъ и сдѣлалъ: оставилъ навсегда злополучный тотъ домъ, въ которомъ произнесли его дѣтскія уста страшныя слова отреченія отъ Жизнодавца Христа, и прибѣжавши въ Галату, явился къ русскому посланнику, который приказалъ снять съ него турецкую одежду, и одѣть въ христіанскую; и въ тотъ же день отправилъ его въ Смирну, а изъ Смирны въ

Тирь. Здѣсь онъ заболѣлъ; болѣзнь день ото дня становилась опасною и близила его къ смерти. Въ это время, онъ горько раскаявался, боясь, какъ бы грозная смерть не похитила его безъ покаянія, а потому попросилъ призвать къ себѣ духовника, которому на исповѣди рассказалъ все, съ нимъ случившееся. Духовникъ, утѣшивши его, совѣтовалъ не предаваться отчаянію, а возложить всю надежду на промыслителя Бога, пекущагося о нашемъ спасеніи, Который устроить и его спасеніе, имиже вѣсть Самъ судьбами; при томъ ради осторожности того положенія, въ какомъ онъ находится, страшась, чтобы турки какими либо путями не узнали скрываемой имъ тайны, посоветовалъ ему удалиться на святую Аѳонскую гору, и тамъ въ тихомъ и безмятежномъ пристанищѣ, среди опытныхъ и процвѣтшихъ въ добродѣтеляхъ мужей, устроить и свое спасеніе.

Добрый совѣтъ духовника Лука принялъ съ радостію, и, какъ только болѣзнь облегчилась и онъ почувствовалъ въ себѣ настолько силъ, что возможно было предпринять путешествіе, отправился на Аѳонъ.

По прибытіи на Святую гору, Лука поступилъ въ лавру преподобнаго Аѳанасія. Поживши здѣсь нѣсколько времени, онъ перешелъ въ Иверскій монастырь, здѣсь онъ заявилъ иверскимъ старцамъ, что по неразумію и страха ради отречения Христа, и что насильственнымъ образомъ сдѣлаю надъ нимъ обрѣзаніе. Старцы, выслушавъ Луку, послали его въ Предтеченскій скитъ къ духовнику, который, прочитавши надъ нимъ огласительныя молитвы, помазалъ его святымъ муромъ, и Лука, получивши печать Святаго Духа, опять возвращенъ былъ въ лоно Православной церкви.

Въ Иверскомъ монастырѣ Лука немного прожилъ, и векорѣ отсюда перемѣстился въ Ставроникитскую обитель, и облеченъ былъ въ иноческое одѣяніе. Но однако и здѣсь

онъ не могъ ужиться и вскорѣ перешелъ въ Зографскій монастырь. Врагъ рода человѣческаго не давалъ ему покоя, наносилъ разныя искушенія, смущалъ его душу и не допускалъ долго уживаться на одномъ мѣстѣ.

Наконецъ, по попущенію Божію, искушеніе его дошло до того, что, не терпя вражескихъ нападеній, онъ оставилъ святую Аѳонскую гору и возвратился опять въ міръ. Приѣхавъ въ Кидонію, онъ началъ искать себѣ при тамошнихъ церквахъ мѣста пономаря, но здѣсь такового не оказалось. Отсюда поѣхалъ онъ въ Мосхонисію, а потомъ въ Митилинъ и въ Смирну, но нигдѣ не получилъ мѣста.

Такимъ образомъ, встрѣчая вездѣ неудачу и при томъ боясь свирѣпствовавшей тогда въ Смирнѣ чумы, возвратился опять на Святую гору и поступилъ въ Кеиропотамскій монастырь. Здѣсь онъ пробылъ не долго и изъ онаго перешелъ въ обитель Котломушъ, а отсюда, спустя нѣсколько времени, перемѣстился въ Предтеченскій скитъ, гдѣ на исповѣди разсказалъ духовнику о своихъ искушеніяхъ. Духовникъ, выслушавъ Луку, посоветовалъ ему поступить въ какой либо скитъ, и обѣщался оказать ему свое содѣйствіе, но такъ какъ Лука былъ молодъ, и еще не имѣлъ бороды, то, по тамошнимъ скитскимъ порядкамъ, нигдѣ его не принимали. Наконецъ по ходатайству духовника, онъ былъ принятъ въ Григоріатскій монастырь, но и отсюда по кознямъ всезлбнаго врага, не дававшего ему покоя, его прогнали. Все эти искушенія были ему нанесены чрезъ попущеніе Божіе, для его душевной пользы. Это видно изъ слѣдующаго:

Будучи изгнанъ изъ Григоріатской обители, Лука началъ смущаться; что бы это значило, думалъ онъ, что меня вездѣ гонять, и перебирая въ умѣ всю свою жизнь, остановился на томъ: святая Аѳонская гора есть необуреваемое пристанище всѣхъ ищущихъ своего спасенія, здѣсь прово-

дять безмолвную и добродѣтельную жизнь множество иноковъ и всѣ они наслаждаются мирною спокойною жизнью; почему же я не могу ужиться ни въ одномъ мѣстѣ, и, переходя изъ обители въ обитель, нигдѣ не нахожу себѣ покоя? Разумѣется, что ко всему этому нѣтъ другой причины, кромѣ той, что я ношу на себѣ положенную на меня насильственнымъ образомъ, скверную печать діавола—обрѣзаніе? А потому для умиротворенія себя, необходимо исповѣдать Христа предъ Его врагами, пострадать за Него отъ тѣхъ, предъ которыми я несчастный страха ради отвергся Его, и проливши за искупителя моего Іисуса кровь, примириться съ Нимъ.

Послѣ этого Лука пошелъ къ своему старцу и объявилъ ему свое намѣреніе пострадать за Христа. Но старецъ отклонялъ его отъ намѣренія страдать за Христа, такъ какъ видѣлъ его еще настолько юнымъ, чтобы не дозволить ему идти на великій подвигъ мученія; при всемъ этомъ страшилъ его и неизвѣстный конецъ. А потому сказалъ ему: если никто не хочетъ тебя держать въ своемъ монастырѣ, то я соглашаюсь удалиться съ тобою куда нибудь и мы будемъ неразлучны во всю жизнь. Но однако ничто не могло отклонить Луку отъ мысли пострадать за Христа. Поэтому онъ оставилъ Григоріатскую обитель и пришелъ въ скитъ святыя Анны къ знакомому ему іеромонаху Виссаріону, который принялъ его съ отеческою любовію, и видя его печальнымъ, желалъ узнать причину его скорби. Лука, ничего не скрывая, открылъ ему о себѣ все подробно, а также и намѣреніе пострадать за Христа. Виссаріонъ, выслушавъ его, сказалъ: намѣреніе твое пострадать за имя Іисуса Христа прекрасное, но ты посмотри на себя: вѣдь ты еще такъ юнъ и неопытенъ, что я страшусь за тебя при одной лишь мысли попасть въ руки враговъ Господа нашего Іисуса Христа, турокъ, которые столь немилосердно

будутъ тебя мучить и терзать, поэтому я опасаюсь, чтобы вмѣсто подъятія мукъ за Христа не случилось бы тебѣ изъ боязни опять отречься отъ Него. А мой совѣтъ тебѣ такой: оставайся здѣсь въ нашемъ скиту и безмолвствуй, и Господь, видя твое покаяніе, проститъ и безъ мученія твое отреченіе отъ Него, которое оказано было по дѣтскому неразумію. Но Лука оставался твердымъ въ своемъ намѣреніи пострадать за Христа, и нисколько не склонялся на совѣтъ Виссаріона. Видя непреклонную мысль Луки, Виссаріонъ послалъ его для большаго вразумленія къ духовнику Ананіи. Но и Ананія, при объясненіи Лукѣ всѣхъ ужасовъ и мукъ, не могъ разубѣдить его не вдавать себя въ такой великій подвигъ, а потому совѣтовалъ ему испытать себя и, какъ слѣдуетъ, приготовиться къ мученическому подвигу, на что Лука согласился съ охотою.

Принявши отъ духовника келейное правило, Лука началъ подвизаться въ постѣ, бдѣніи, молитвѣ и колѣнопреклоненіи, имѣя постоянно въ своемъ умѣ крестную смерть Господа нашего Іисуса Христа. Но коварный діаволь, ненавидящій подвижниковъ Христовыхъ, и теперь не оставилъ его въ покоѣ. Такъ, онъ вооружилъ противъ него учениковъ Виссаріона, которые стали просить своего старца, чтобы Лука удалился отъ нихъ.

Въ это время, по Божію смотрѣнію, пристала къ берегамъ Аѳона лодка, идущая чрезъ Митилинъ въ Смирну, а потому Виссаріонъ съ духовникомъ рѣшили отправить Луку въ этой лодкѣ въ Митилинъ, на что согласился и блаженный, желавшій въ этомъ городѣ совершить свой мученическій подвигъ. Послѣ этого Лука сталъ убѣдительно просить Виссаріона постричь его въ великій ангельскій образъ и сопутствовать ему на мученіе. Виссаріонъ склонился на просьбу Луки, постригъ его въ монашество и, изготавивши все нужное для путешествія, 10-го марта они оста-

вили Святую гору, а 13-го приплыли въ Тенедось. Здѣсь блаженный Лука, увидя турокъ, сказалъ Виссаріону: Отче! вотъ и здѣсь есть турки, не выдать ли себя имъ и пострадать за Христа, и совершить въ этомъ мѣстѣ мой подвигъ? О благочестивая ревность и любовь ко Христу! Божественная любовь, согрѣвшая юное сердце, заставляетъ забыть все и самую жизнь. Она желаетъ лишь только одного: какъ можно скорѣй разрѣшиться отъ тѣла и вѣчно жить съ сладчайшимъ Іисусомъ. Но Виссаріонъ, не желая поступить вопреки благословенія старцевъ скита, возбранилъ ему вдать себя въ этомъ мѣстѣ на мученіе, а потому они отправились далѣе, и вскорѣ благополучно прибыли въ Митилинъ и, высадившись на берегъ, остановились въ домѣ священника Пареенія. Въ это время діаволь, желая отклонить блаженнаго Луку отъ мученическаго за Христа страданія, началъ всѣвать въ его сердце хульные помыслы, притомъ съ такою адскою силою вооружился на Луку, что Виссаріонъ вынужденъ былъ читать надъ нимъ заклинательныя молитвы. Какъ только Лука умиротворился и сердце его стало покойно, тотчасъ пошли они въ церковь святыхъ великомученицы Варвары, гдѣ, для укрѣпленія себя, приобщились святыхъ Христовыхъ Таинъ. Пришедши изъ церкви, Лука одѣлся въ турецкую одежду и получилъ благословеніе отъ старца Виссаріона и священника и, давши имъ о Христѣ цѣлованіе, отправился къ дому, гдѣ было низшее судебное мѣсто. Но здѣсь почему-то не допустили его къ суду.

Не достигнувъ цѣли, Лука пошелъ въ Мехкеме, гдѣ, безъ затрудненія вошедши въ присутствіе, дерзновенно предсталъ предъ кади и спросилъ его:

— Скажи мнѣ судья, допускаетъ ли законъ оскорблять и смѣяться надъ отрокомъ, хотъ положимъ надо мною?

— Кто же это осмѣялъ тебя? спросилъ его кади.

— Осмѣяль и смертельно оскорбилъ меня одинъ мусульманинъ, давши мнѣ ложную печать, дерзновенно отвѣчалъ святой мученикъ.

— Судья, не понимая объ какой печати идетъ рѣчь, приказалъ Лукѣ показать ему оную. Тогда мученикъ, вмѣняя стыдъ за Христа Бога въ славу, а безчестіе въ честь, началъ поднимать нижнюю часть своей одежды. Судья, понявши въ чемъ дѣло, закричали: остановись, и не смѣй обнажать тѣла! Тогда мученикъ обратился къ нимъ и сказалъ:

— Бывши еще 13-ти лѣтнимъ отрокомъ я изъ страха лишиться жизни, принялъ вашу вѣру, не понимая несчастный того, что мѣняю истину на ложь, а свѣтъ на тьму, — все это я сдѣлалъ, говорю вамъ, страха ради, такъ какъ въ то время жизнь моя находилась въ опасности. Но когда я пришелъ въ совершенный возрастъ, то узналъ, что вѣра ваша ложная и Богопротивная, и тотъ, кого вы называете пророкомъ, не пророкъ, а обманщикъ. Итакъ теперь предъ вами безбоязненно отрекаюсь отъ вашей вѣры, а исповѣдую прежнюю мою христіанскую, которая есть свѣтъ, путь истинный и жизнь вѣчная. А также вѣрую и поклоняюсь, какъ истинному Богу, Господу нашему Іисусу Христу, въ Котораго если и вы не увѣруете, какъ я, то погибнете для жизни вѣчной и будете мучиться въ пламени вѣчномъ, вмѣстѣ съ вашимъ Магометомъ.

— Откуда ты? спросилъ его судья.

— Здѣшній, отвѣчалъ святой мученикъ.

— Гдѣ же пребывалъ до сихъ поръ?

— Въ Россіи.

— Отчего же ты не остался тамъ, а пришелъ сюда оскорблять судей и говорить разныя дерзости?

— Оттого, благодушно отвѣчалъ Христовъ мученикъ, что наши святыя книги повелѣваютъ намъ, что, гдѣ отрекся своей вѣры, тамъ долженъ и исповѣдывать ее.

- Какимъ же ты путемъ прибылъ сюда?
- На русскомъ корабль.
- Гдѣ же ты остановился?
- Нигдѣ, а прямо пришелъ сюда.

Судья, подозрѣвая мученика не въ своемъ умѣ, обратившись къ другимъ тутъ бывшимъ чиновникамъ, сказалъ: этотъ юноша помѣшанный, испытайте его, узнаетъ ли онъ свои башмаки или нѣтъ?

Слыша сіи слова, святой мученикъ тотчасъ вышелъ и, взявши свои башмаки, принесъ въ судѣ и сказалъ:

— Напрасно ты думаешь, что я сумасшедшій, смотри башмаки мои, а купилъ я ихъ здѣсь, въ этомъ городѣ.

— Жаль мнѣ тебя, дитя мое! сказалъ судья, какъ бы съ сожалѣніемъ. Послушай меня и оставь глупыя твои слова, иначе я вынужденъ предать тебя такимъ мукамъ, о которыхъ ты никогда и не слыхалъ; подумай объ этомъ хорошенько и размысли: на что рѣшился ты?

— Я уже давно размыслилъ о всѣхъ этихъ мукахъ, спокойнымъ духомъ отвѣчалъ святой мученикъ, за этимъ-то собственно я и пришелъ сюда; дѣлайте со мною, что хотите, но я ни за что въ мірѣ не отрекусь чистой и непорочной моей вѣры, и поклоняюсь Господу моему Іисусу Христу, Котораго я здѣсь же отрекъ по невѣдѣнію моему.

Мусульмане, видя твердость святаго мученика, и чтобы отвратить его отъ Христа, употребили въ дѣло разныя обѣщанія и ласки, а потомъ и угрозы, но мученикъ, какъ твердый адамантъ, остался непреодолимымъ соблазномъ.

Судья, видя непреклонность мученика, приказалъ отвезти его въ низшій судъ и отдать подъ надзоръ Назиру. Здѣсь святой мученикъ подвергнутъ былъ страшнымъ побоямъ отъ немилосердыхъ слугъ Назира за то, что попросилъ благословенія и молитвъ у митрополита Митилинскаго, пришедшаго къ Назиру по своему дѣлу. Митрополитъ,

узнавъ о добровольномъ мученикѣ, тотчасъ разослалъ по церквамъ грамоты, приглашая всѣхъ христіанъ молиться за страдальца Христу Богу. Между тѣмъ Назиръ, то разными обѣщаніями, то ласками, наконецъ даже изъявивъ желаніе усыновить его, старался отклонить Луку отъ христіанской вѣры, но все было напрасно: воинъ Христовъ крѣпко стоялъ противъ соблазна. Въ это время Назира отозвали въ мечеть для прочтенія какого-то царскаго указа, куда повлекли и мученика. Въ мечети было многолюдное собраніе мусульманъ, которые, послѣ прочтенія указа, приступили къ мученику, начали его ласкать и обѣщать разныя почести съ тѣмъ, чтобы онъ оставался въ мусульманской вѣрѣ, но святой страдалецъ Христовъ твердо и мужественно отражалъ хитрость діавола, покушавшагося совратить его съ пути, который уже былъ близокъ къ концу. Въ этомъ случаѣ злобный врагъ сталъ употреблять всѣ усилія, дабы не допустить Луку до конца совершить подвигъ. Но сила молитвы, приносимой въ церквахъ по всему острову, за святаго мученика, привлекла на него благодать Божию, которая укрѣпила его противъ соблазна и умудрила его уста отражать всѣ нападенія служителей Магомета, обличая ихъ заблужденіе, такъ что сами враги удивлялись мудрости и мужеству слабаго отрока. Въ этомъ случаѣ въ полномъ смыслѣ исполнились на немъ слова, сказанныя въ Евангеліи Иисусомъ Христомъ: *„Когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ или что сказать; ибо въ тотъ часъ дано будетъ вамъ что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ (Мѡ. 10, 19. 20). Ибо Я дамъ вамъ уста и премудрость, которой не возмогутъ противорѣчить, ни противустоять всѣ противящіяся вамъ (Лук. 21, 15).* Магометане, отъ стыда и злобы скрежетали зубами, досадуя, что не могли побѣдить юношу, такъ дерзновенно обличавшаго ихъ заблужденіе.

И только сказали ему: даемъ тебѣ три дня сроку, размысли о себѣ хорошенько, исповѣданіе нашей вѣры будетъ для тебя виною радостей и всякаго благополучія, а упорство твое навлечетъ горькія муки и безчестную смерть; потомъ приказали забить ноги мученика въ колоды и бросить въ тюрьму.

Во все это время шла по церквамъ усердная о мученикѣ молитва, а когда узнали, что его заключили въ тюрьму на три дня, то митрополитъ и Виссаріонъ, старецъ блаженнаго Луки, начали изыскивать средства, какимъ бы образомъ подать страдальцу Христову утѣшеніе, въ приобщеніи его святыми Тайнами. Для исполненія этого святаго дѣла нашелся одинъ благочестивый христіанинъ, добровольно вдавшій себя заключить въ тюрьму, какъ будто бы за неплатежъ подати, котораго и посадили вмѣстѣ со святымъ мученикомъ. Отъ этого благочестиваго христіанина блаженный Лука сподобился принять пречистыя Тайны Господа нашего Иисуса Христа и причаститься ими.

Черезъ три дня Назиръ, призвавши къ себѣ мученика, объявилъ ему, что если онъ не отречется отъ Христа, то будетъ повѣшенъ. Но святой отвѣчалъ, что остается непоколебимъ въ своемъ вѣрованіи. И такимъ образомъ Назиръ, потерявши всякую надежду на обольщеніе блаженнаго Луки, приказалъ вести его повѣсить. Когда привели святаго мученика на мѣсто казни и надѣта была на шею петля, тогда палачъ смѣясь сказалъ страдальцу: исповѣдуй Магомета, великаго нашего пророка, и мы отпустимъ тебя. Но святой мученикъ отвѣчалъ: вѣрую въ Господа моего Иисуса Христа и Тому Единому поклоняюсь. Тогда другой служитель съ насмѣшкою сказалъ: такъ пусть же придетъ твой Христосъ и освободитъ тебя изъ нашихъ рукъ; говоря это, варваръ вздернулъ кверху веревку и святой страстотерпецъ Христовъ, вися на воздухѣ, предалъ свою.

чистую душу въ руки Бога, 1802 года, марта 23-го дня, въ воскресенье, во второмъ часу утра по восточному счету времени (по русски въ 8 часовъ утра). Святое тѣло преподобномученика Луки оставалось висящимъ на мѣстѣ казни три дня и три ночи. Будучи хранимо Всевышнимъ Творцомъ, оно нисколько не пострадало отъ воздушныхъ перемѣнъ, а напротивъ было бѣло, глаза и уста закрыты спокойно, такъ что мученикъ казался спящимъ самымъ мирнымъ и спокойнымъ своимъ; при этомъ изъ страдальческаго тѣла исходило необыкновенное благоуханіе на далекое пространство, что видя, христіане прославляли Бога, укрѣпившаго молодаго юношу (16 лѣтъ) мужественно подвизаться и получить мученическій вѣнецъ.

Послѣ трехъ дней тѣло Святаго сняли съ висѣлицы, привязали на шею большой камень, и потомъ, положивши въ лодку, вывезли на средину моря и бросили въ пучину. Но вмѣсто того, чтобы святое тѣло утонуло въ волнахъ морскихъ, оно вмѣстѣ съ камнемъ осталось на поверхности моря, а на мѣстѣ, гдѣ была лодка, поднялась страшная буря, готовая поглотить ее вмѣстѣ съ палачами. Видя неминуемую себѣ гибель, палачи со страхомъ возвратились на берегъ. Съ наступленіемъ ночи, мощи святаго мученика были обрѣтены христіанами на берегу моря, бывъ, какъ видно, изнесены изъ онаго невидимою силою Божіею, и съ подобающею честью преданы землѣ. Оставшіяся же послѣ преподобномученика одежды приняли цѣлебную силу, такъ что отъ прикосновенія къ нимъ получили исцѣленія нѣсколько больныхъ. Молитвами святаго славнаго преподобномученика Луки, Спасителю міра, удостой и насъ поправить помощію Твоею всѣ козни, наносимыя намъ ненавистникомъ добра діаволомъ, и сподоби въ день страшнаго суда стать одесную со всѣми угодившими Тебѣ. Аминь.

А П Р Ъ Л Я 4.

Страданіе святаго священномученика Н И К И Т Ы.

 Отчество святаго священномученика Никиты было Албанія. Исторія не оставила намъ никакихъ фактовъ о его происхожденіи и родителяхъ, и чѣмъ занимался въ міру сей блаженный отецъ. Извѣстно только то, что онъ подвизался на святой Аѳонской горѣ сначала въ русскомъ монастырѣ св. великомученика Пантелеимона, проходя тамъ чередное священнослуженіе, а спустя нѣсколько времени удалился на безмолвіе въ скитъ святыхъ Анны. Здѣсь, проводя безмолвную и постническую жизнь, онъ усовершенствовалъ себя на столько, что сердце его переполнено было любовію къ Искупителю нашему Іисусу Христу, и что онъ по любви къ Нему и за ту драгоцѣнную кровь, которую Онъ излилъ на крестѣ за грѣхи рода человѣческаго, и самъ желалъ излить свою кровь, принявъ мученическую кончину.

Запавшая и издавна тлѣвшая въ его сердцѣ, искра, наконецъ, разгорѣлась въ пламень такъ, что онъ уже не въ состояніи долѣе переносить Божественнаго огня пылающаго

въ его сердцѣ, оставилъ Святую гору и, пришедши въ городъ Серры (Сересь), остановился въ Серронскомъ монастырѣ, гдѣ нѣсколько времени приготавливалъ себя къ мученическому подвигу, потомъ отсюда пошелъ къ правителю города, мужественно исповѣдалъ предъ нимъ Христа истиннымъ Богомъ, а Магомета, какъ прелестника и обманщика, обличилъ и проклялъ, за что воспріялъ мученическую кончину.

Настоятель этой обители іеромонахъ Константій счелъ долгомъ записать день кончины святаго мученика и извѣстить о ней Русикъ, какъ первоначальное мѣсто его иноческихъ подвиговъ. Приводимъ здѣсь въ дословномъ переводѣ съ греческаго письмо достопочтеннаго настоятеля, въ которомъ онъ подробно изложилъ какъ обстоятельства предшествовавшія, такъ и самую доблестную кончину священномученика.

Письмо проигумена Константія изъ г. Сереса (въ Румиліи) въ Русскій на Аѳонѣ монастырь св. Пантелеимона о мученической кончинѣ преп. Никиты, іеромонаха сей обители *).

„Священно-инокъ Никита, по прибытіи въ Сересь, въ Великій понедѣльникъ, марта 30 (1808 г.), въ часъ ночи (т. е. отъ заката солнца) пришелъ на тамошнее подворье нашего монастыря Иліокалеосъ, и сталъ на пацрти церковной. Встрѣтившись тамъ съ іеродіакономъ, онъ спросилъ его: гдѣ настоятель подворья? тотъ отвѣчалъ: въ кельѣ своей.

*) И Русикъ, гдѣ священнодѣйствовалъ священномуч. Никита, и келья св. Анны, гдѣ онъ безмолвствовалъ, празднуютъ память его 4-го апрѣля (день мученической его кончины) по особо-составленной службѣ.

— Имѣешь дѣло до него? спросилъ іеродіаконъ.

— Имѣю нужду нѣчто сказать ему, отвѣчалъ Никита.

Іеродіаконъ далъ знать проигумену, который, при входѣ въ церковь, взялъ за руку новопривышаго и указалъ ему мѣсто возлѣ себя. Тогда же начали и утреню, начинаемую у насъ съ вечера ради стеченія народа.

Во время чтенія каѳизмъ, настоятель подворья ввелъ приснопамятнаго въ алтарь и спросилъ: откуда онъ?

— Странникъ изъ Албаніи.

— Ради чего пришелъ сюда?

— Выслушать священную службу.

— Іерей ты или іеромонахъ?

— Іеромонахъ, отче; имя мое Никита, отвѣчалъ онъ смиренно.

Затѣмъ слушали службу до конца, а по окончаніи ея настоятель велѣлъ служащимъ дать пришедшему келью для отдыха и предложить трапезу, если не кушалъ; по отказѣ блаженнаго отъ ужина, отправились всѣ на отдыхъ.

Въ полунощное время проигумень обходилъ, по обычаю своему, метохъ, и увидѣлъ при лунномъ свѣтѣ на паперти стоящаго человѣка; подумавъ, не чужой ли? подошелъ къ нему и увидѣлъ священно-инока Никиту молящагося. Удивляясь этому, онъ сказалъ ему: заклинаю тебя, братъ, именемъ великаго Бога, скажи мнѣ откровенно, что за человекъ ты?

— Имѣю твердую рѣшимость, отвѣчалъ преподобный, пролить кровь мою по любви къ сладчайшему Іисусу Христу, затѣмъ и прибылъ въ этотъ городъ вашъ.

— Откуда ты прибылъ?

— Со святой горы Аеонской, былъ его отвѣтъ.

Когда оба присѣли, Никита исповѣдалъ проигумену помыслы свои и открылъ сокровенное. По окончаніи исповѣди, обходившій возвратился въ свою келью, оставивъ

блаженнаго на папирти. Утромъ, на часахъ предъ литургіей преждеосвященныхъ Даровъ, преподобный попросилъ служащаго дозволить ему впередъ приобщиться Преч. Таинъ, объясняя, что нужно ему послѣшить. Настоятель далъ дозволеніе. Послѣ причастія онъ просилъ отслужить о немъ молебенъ и хотѣлъ дать денегъ, но проигумень, отказываясь отъ вознагражденія, сказалъ: долгъ нашъ—сотворить прилежное моленіе о спасеніи твоёмъ, и затѣмъ, простившись, Никита вышелъ изъ подворья. Настоятель послалъ человѣка наблюдать издали, куда пойдеть преподобный, и тотъ видѣлъ его, что онъ сначала близъ платана не мало времени размышлялъ о чемъ-то, потомъ пошелъ къ церкви св. Георгія, и съ такимъ извѣстіемъ наблюдавшій возвратился.

Послѣ этого Никита, какъ всѣмъ почти сдѣлалось извѣстнымъ, пришелъ къ мечети, находящейся внѣ города, которая называется по гречески „св. Софія,“ а по-турецки мочеть Ахмать паши; при ней живетъ духовный магометанскій учитель, имѣющій при себѣ учениковъ. Къ одному изъ нихъ хромоту подошелъ преподобный и, сдѣлавъ обычное привѣтствіе, сѣлъ возлѣ него и спросилъ: отъ чего онъ хромаетъ и почему не старается быть уврачеваннымъ?

— Невозможно уврачевать меня, отвѣчалъ тотъ, ибо такимъ родился я.

Преподобный говоритъ: очень удобное исцѣленіе твое, если только захочешь послушаться меня.

Тотъ, съ удивленіемъ смотря на страннаго, спросилъ: въ чемъ тебя послушаться?

— Вѣруй въ Иисуса Христа—единаго истиннаго Бога, и тотчасъ, какъ крещенъ будешь въ вѣру христіанскую, общаю тебѣ со всею вѣрностію, что получишь во всемъ здоровье, и хромоты твоей слѣда не останется.

Когда выслушалъ это хромотой, ничего не отвѣчая, по-

спѣшно удалился къ учителю своему съ извѣщеніемъ, что пришелъ какой-то монахъ и сказалъ ему то и то. Господинъ позвалъ его къ себѣ и распрашивалъ, откуда онъ и зачѣмъ говорилъ такъ ученику его? Блаженный объяснилъ, что онъ изъ Албаніи, и ходитъ для проповѣданія вѣры христіанской, которая одна есть истинная, и кто приметъ ее, тотъ не только спасется и пойдетъ по смерти въ царство небесное, но и здѣсь получитъ всякую благодать отъ Христа, единаго истиннаго Бога. „Поэтому-то я, видя ученика твоего въ такомъ жалкомъ положеніи, посоветовалъ ему вѣровать во Христа для полученія и тѣлеснаго здоровья и по смерти царства небеснаго.“ Послѣ такого объясненія господинъ немедленно послалъ за человѣкомъ отъ начальника города и, передавая преподобнаго въ руки его, сообщилъ, что онъ говорилъ противъ вѣры ихъ, и велѣлъ доставить его господину своему. Градоначальникъ спросилъ: зачѣмъ онъ такъ открыто осуждаетъ исповѣданіе ихъ и учитъ магометанъ вѣровать во Христа. Священно-инокъ Никита такъ же увѣренно отвѣчалъ, какъ и учителю. Тотъ дивился дерзновенному отвѣту его; не въ силахъ же будучи возражать ему, велѣлъ тотчасъ отвезти на конакъ княжескій съ извѣщеніемъ Исухъ-бея, сына Измаиль бея, господина мѣста, который и присудилъ приведеннаго заключить въ темницу. На другой день позвалъ его къ себѣ и допрашивалъ подобно учителю и правителю города; послѣ таковаго же отвѣта, какой данъ былъ двумъ первымъ, его снова отвели въ темницу, а Исухъ-бей пригласилъ перваго законоучителя магометанъ, къ которому питали великое уваженіе не только простые турки въ городѣ, но и начальники, и сообщилъ ему, чему учить Никита.

Законоучитель, выслушавъ Исухъ-бея, на слѣдующій день, 2-го апрѣля (въ Вел. четвертокъ) пригласилъ всѣхъ знатныхъ и образованныхъ ревнителей вѣры своей; по

приведеніи исповѣдника Христова, велѣли ему садиться; подали, по восточному обычаю, кофе. Потомъ судья сказалъ: калогерь (монахъ)! Зачѣмъ ты ходишь и учишь магометанъ оставлять вѣру ихъ и вѣровать во Христа? При такомъ поведеніи ты кажешься вышедшимъ изъ ума.

— Нѣтъ, отвѣчалъ блаженный, благодатию Христовою я не выходилъ изъ ума, но ревность по истинной вѣрѣ, которую я исповѣдую, побудила меня выйти на проповѣданіе ея и вамъ, чтобъ вы оставили прелесть свою и увѣровали во Христа, Иже единъ есть истинный Богъ, Создатель неба и земли и всего, что на нихъ, Который сошелъ съ небесъ на землю и сдѣлался человѣкомъ, родившись отъ Приснодѣвы Маріи для спасенія нашего, и научилъ насъ чрезъ священное Евангеліе всѣмъ истиннымъ догматамъ о Богѣ, какъ вѣровать въ Него. Онъ даровалъ людямъ откровеніе о Божественныхъ Его дѣйствіяхъ и свойствахъ, и какую славу мы будемъ имѣть въ будущей жизни и блаженство; потомъ Онъ пострадалъ, былъ распятъ и умеръ за насъ, чтобъ освободить отъ прелести и власти діавольской, которой мы подлежали чрезъ грѣхъ праотца Адама; и въ третій день воскресъ и собралъ снова Божественныхъ Своихъ учениковъ и Апостоловъ, разсѣявшихся во время страданія Его, утѣшалъ ихъ и, увѣривъ въ Божественномъ воскресеніи Своемъ, повелѣлъ имъ идти во весь міръ проповѣдать Бога истиннаго, говоря, что кто повѣруетъ ученію ихъ и крестится, спасенъ будетъ, а кто не повѣруетъ, осужденъ будетъ на вѣчное мученіе по смерти за свое невѣрствіе. Когда прошло сорокъ дней отъ воскресенія Его, Онъ вознесся опять на небеса въ виду всѣхъ учениковъ и Апостоловъ; и на десятый день по вознесеніи Своемъ послалъ Пресвятаго Духа на Апостоловъ и просвѣтилъ ихъ такъ, что они узнали всѣ языки человѣческіе, почему вышли и проповѣдали во весь міръ. Итакъ, истину эту и я при-

шелъ проповѣдать вамъ, чтобы вы увѣровали и не мучились вѣчно по смерти.

Судья спросилъ: эта вѣра ваша какъ проповѣдана и утверждена?

Исповѣдникъ отвѣчалъ: Проповѣдана однимъ изложеніемъ правыхъ догматовъ двѣнадцатью безоружныхъ бѣдныхъ людей, какими были Апостолы Христовы, и утверждена чудесами. И не смотря на то, что гонима была столькими мучителями, которые старались уничтожить ее въ мірѣ. Она побѣдила, наконецъ, всѣхъ силою Христовою, всѣхъ противившихся ей, распространилась во всемъ мірѣ, сохранилась непобѣдимою и непотребимою до нынѣ и будетъ храниться до конца міра, по опредѣленію Христа, Который основалъ и утвердилъ ее.

Судья: Но ты, который вышелъ на проповѣдь о Христѣ, имѣешь богатство и силу приневоливать и побуждать людей къ увѣрованію въ Него?

Испов.: Вѣра христіанская не нуждается въ богатствѣ и силѣ, но болѣе въ бѣдности и безоружіи, какъ я уже сказалъ; какъ она была проповѣдана, такъ и теперь проповѣдуется.

Судья: Можешь и ты сотворить чудо, какъ Христосъ и Апостолы.

Испов.: Нѣтъ, я грѣшенъ и недостойнъ.

— Какъ же ты вышелъ проповѣдывать о Христѣ, когда нѣтъ у тебя силы, и чудесъ не можешь творить?

— Вѣра наша теперь утверждена во всемъ мірѣ, и чудеса и истина догматовъ ея сіяютъ явно для всѣхъ, кто не закрываетъ самовольно глазъ своихъ для познанія оной.

Тогда нѣкоторые изъ находившихся тамъ турокъ сказали исповѣднику: можетъ быть, тебя, калогерь, заставили говорить то, что говоришь, ктонибудь изъ здѣшнихъ горожанъ заставилъ — или епископъ, или монахи, священники или купцы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ имъ священно-инокъ Никита, я никого не видалъ изъ нихъ и вовсе незнакомъ съ ними; отъ себя я подвигнулся на это, какъ сказалъ прежде, для проповѣдыванія вамъ вѣры Христовой.

Судья: Такъ какъ ты признаешь правою вѣру свою и исповѣдуешь Иисуса Богомъ, то о нашемъ пророкѣ какъ думаешь?

— Мы — христіане не почитаемъ его за пророка; знаемъ только, что онъ былъ въ началѣ купецъ, богатый человѣкъ, а потомъ провозгласилъ себя пророкомъ предъ своими, и когда повѣрили нѣкоторые, открылъ войну вмѣстѣ съ послѣдователями своими, и этимъ способомъ принудилъ и прочихъ принять его за пророка и вѣровать учению его, и такимъ образомъ мало по-малу утвердилъ вѣру свою насиліемъ, войной.

Судья: Итакъ, поелику ты не принимаешь его за пророка, то иначе какъ мыслишь о немъ?

— Чистосердечно говорю вамъ: я считаю его за обманщика и чувственнаго діавола.

Судья: Калогерь! видится, что ты невѣжа. Я стараюсь освободить тебя, а ты своими жестокими словами навлекаешь на себя смерть.

— Я желаю этого и на это самовольно пришелъ, чтобы принести себя въ жертву за любовь Владыки и Бога моего Иисуса Христа; только жалѣю о васъ, что находитесь въ невѣрїи, и особенно тебя, господинъ, будучи столь старъ и опытенъ, такъ что всѣ почитаютъ тебя за разсудительнаго, умнаго человѣка, — не позналъ столько времени истины, но находишься въ прелести самъ, и другимъ сообщая оное прелестное ученіе вѣрованія вашего.

Когда высказалъ это преподобный, всѣ постыдились и полные гнѣва и мщенія, удалились молча. Судья сообщилъ обо всемъ Исухъ бею, который тогда же приказалъ поса-

дить блаженнаго въ темницу; тамъ онъ оставался до Великой субботы: въ этотъ день около полудня просилъ мученикъ быть представленнымъ предъ Исухъ-бея на нѣсколько словъ; тотъ согласился. Явившись къ нему, Никита сказалъ: „что держишь меня все въ темницѣ и теряешь время? Ты понялъ меня, поэтому дѣлай одно изъ двухъ: или умертви меня, или освободи, чтобъ я пошелъ и отпраздновалъ завтра съ прочими братьями моими христіанами великій праздникъ Воскресенія Господа нашего Иисуса Христа.“ Исухъ-бей, выслушавъ это, приказалъ возвратить его въ темницу. Когда мученикъ вступалъ въ дверь, ведшія толкнулъ его такъ сильно, что преподобный упалъ колѣнопреклонно внутрь, причемъ тотъ всячески ругалъ его по своему варварскому обычаю. Такимъ образомъ священно-инокъ Никита пробылъ въ темницѣ до ночи Великой субботы.

Отъ начала и до конца заключенія онъ вытерпѣлъ жестокаго мученія; въ одинъ вечеръ темничный стражъ принесъ зажженную сальную свѣчу и долго держалъ у ноздрей Никиты; знаки опаленія видны были и по кончинѣ его на носу. Еще вѣрно узнали мы отъ знатнаго христіанина, имѣющаго свободный входъ къ князю *), а тотъ христіанинъ узналъ отъ искренняго своего друга изъ албанцевъ, что тиранили мученика слѣдующими пытками: на голову надѣвали желѣзный вѣнецъ **), вонзали иглы въ ногти пальцевъ, вѣшали за ноги внизъ головой, опаляли тѣло; все это великодушно претерпѣлъ мученикъ.

Въ вечеръ Великой субботы, около двухъ часовъ отъ заката солнца, Исухъ-бей приговорилъ страдальца къ смерти

*) Отъ этого христіанина, безъ сомнѣнія, узналъ прокументъ сущность исповѣданія преподобнымъ Никитой вѣры христіанской и обличеніе имъ магическаго заблужденія; по свободному доступу къ князю, именитый христіанинъ могъ самъ видѣть у него, слышать дерзновеннаго исповѣдника имени Христова. *Церев.*

***) *Въ церк. службѣ:* расклеванный—*παραχτυμένω στέρετ στερφμενος.*

черезъ повѣшеніе. Итакъ, вывели его изъ темницы, и съ біеніемъ и заушеніями привели въ часть города, называемую Черяхъ-базаръ, и тамъ надѣли ему петлю на шею; между исполнителями казни былъ цыганъ, которому велѣли нагнуться, чтобы ступилъ мученикъ на плеча для поднятія, но онъ счелъ себя недостойнымъ ступать на челоуѣка, почему поставили на стремя, затагнули петлю и подняли просящаго у всѣхъ прошенія и прощающаго всѣхъ. Такова была мученическая кончина священно-инока Никиты!

Близъ мѣста казни находится церковь Архангела Михаила; іеродіаконъ ея, вышедъ изъ кельи своей, увидѣлъ большой свѣтъ, который освѣщаль всю окрестность; также одна знатная старушка видѣла въ ту ночь весь городъ освѣщеннымъ. Тѣло священномученика оставалось на висѣлицѣ три дня до вторника Св. Пасхи, безъ измѣненія лица его и другихъ членовъ; по кончинѣ тѣло было желтое, такимъ было и въ слѣдующіе дни, и обращено было лицомъ къ востоку. Вѣшавшіе взяли всю его одежду, оставивъ его совсѣмъ нагимъ, но на другой день прикрыли рогожей, быть можетъ, по просьбѣ нѣкоторыхъ христіанъ. — На третій день Пасхи утромъ, изъ язвы на большомъ пальцѣ правой ноги начала течь кровь и текла весь день, занявъ не малое пространство земли; многіе изъ христіанъ, по благоговѣнію, собирали мученическую кровь съ землей. Въ тотъ же день къ вечеру дано позволеніе отъ Исухъ-бея — снять христіанамъ Никиту и погребсти, что и сдѣлапо ими; погребли страдальца позади церкви св. Николая, возлѣ городскаго страннопріимнаго дома, на особомъ мѣстѣ. Скончался священномученикъ 4-го апрѣля 1808 г.

Еще узнали мы о святомъ слѣдующее, что, думаемъ, было въ показаніе пріятаго Богомъ страдальческаго его подвига.

Купецъ родомъ изъ Сереса, живущій въ Солунѣ, зять

тамошняго именитаго архонта, прибывъ на свою родину во время заключенія св. Никиты въ темницѣ и услышавъ о дерзновеніи его и страданіи, не хотѣлъ почитать его мученикомъ. „Нѣтъ необходимости, говорилъ онъ, выходить ницѣ на мученичество, когда нѣтъ никакого преслѣдованія христіанской вѣры.“ Разъ, онъ въ такомъ помыслѣ сомнѣнія заснулъ, и сталъ кричать какъ испуганный, такъ что бывшіе въ домѣ проснулись отъ крика. Утромъ онъ разсказалъ, что во снѣ видѣлъ, будто онъ находится въ церкви предъ иконой Владыки Христа, отъ Котораго услышалъ громко произнесенныя ему три раза слова: „вѣруй несомнѣнно о Никитѣ, что онъ — истинный мученикъ Мой.“ Услышавъ это, онъ палъ ницѣ, и возглашалъ съ трепетомъ: „вѣрую этому, вѣрую“ и тотчасъ проснулся. Помѣщаю и объ этомъ, какъ слышалъ.

Въ лѣто отъ спасительнаго воплощенія Христова 1809 февраля 19.

Иеромонахъ Константій, проигуменъ обители Илюкалеосъ удостовѣряю въ истинѣ вышерассказаннаго своимъ подписомъ.

Николай Сеіаносъ врачъ и чело искреннее восточной церкви свидѣтельствую.“

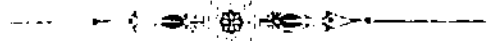
Изъ службы священномученика Никиты.

Тропарь, гласъ 1. Плотская увядивъ двизанія вся*, молитвою и стояніемъ всенощнымъ*, воздержаніемъ же и слезами*, безстрастія достигль еси, славный Никито*, и Христа со дерзновеніемъ проповѣдавъ*, твердо за Него пострадалъ еси, священномучениче*. Слава Давшему тебѣ крѣпость*, слава Вѣнчавшему Тя*, слава Дѣйствующему тобою всемъ исцѣленія.

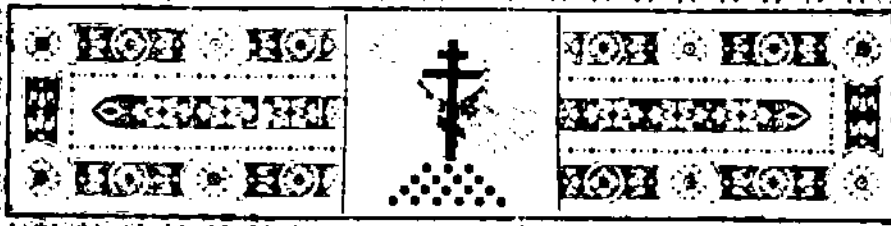
Кондакъ, гласъ 4. Подобенъ: Вознесыйся на крестъ:

Всеоружіемъ креста огражденъ*, къ подвигомъ волюнѣ изшелъ еси*, не убояся, Богогласе, вражїихъ прещенїй*, съ ревностїю же вѣру исповѣдуя*, не престалъ еси, дондеже мученїя искусъ* прошелъ еси весь*, и почести побѣды, Никито, получилъ еси.

Икосъ: Добляго оружника и таинника Спасова, Никиту по достоянїю священными цѣсньми воспоимъ, братїе. Сей бо непобѣдимый силою Божїею укрѣпленъ, мужески безстудныхъ агарянъ посрами нечестїе, и благодерзновенно Христа, превѣчнаго Бога, проповѣдуя не преста, дондеже мукъ вся виды преїде твердо, и почести побѣды получи. Молитвами святаго священномученика Никиты, Христе Боже, управи и нашу жизнь во славу имени Твоего святаго, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь *).

*) Въ греческихъ мѣсяхъ сей святой священномученикъ Никита не включенъ, между тѣмъ какъ включены мученики, пострадавшие за Христа въ первой половинѣ XIX вѣка, а этотъ святой пострадалъ въ 1808 году. На вопросъ нашъ, предложенный нашимъ сожителемъ Грекамъ: почему нѣтъ у насъ въ монастырѣ полного синоклерїя сего святаго, подвижавшагося въ нашей обители, и почему не позаботились они включить имя и сего священномученика Никиты въ греческую Мѣсяю, они намъ простодушно отвѣчали: «кому же было у насъ, братїи, въ тѣ тяжкія времена писать что нибудь и приводить въ извѣстность дѣла нашего монастыря? Теперь же глядя на васъ, и у насъ нашлись люди, способные что нибудь написать и другое кое что сдѣлать, а тогда до этого ли было?!.. Если бы не письмо почтеннаго настоятеля Серронскїя обители, то мы и не знали бы, что нашъ монастырь имѣеть одного великаго мужа, отшедшаго къ Богу мученическою кончиною.» Письмо это писано въ Русскїй монастырь въ 1809 году февраля 19 дни, за подписью настоятеля Серронской обители іеромонаха Константїи, и нѣкоего врани Никодїи. Оно хранится въ архивѣ обители.

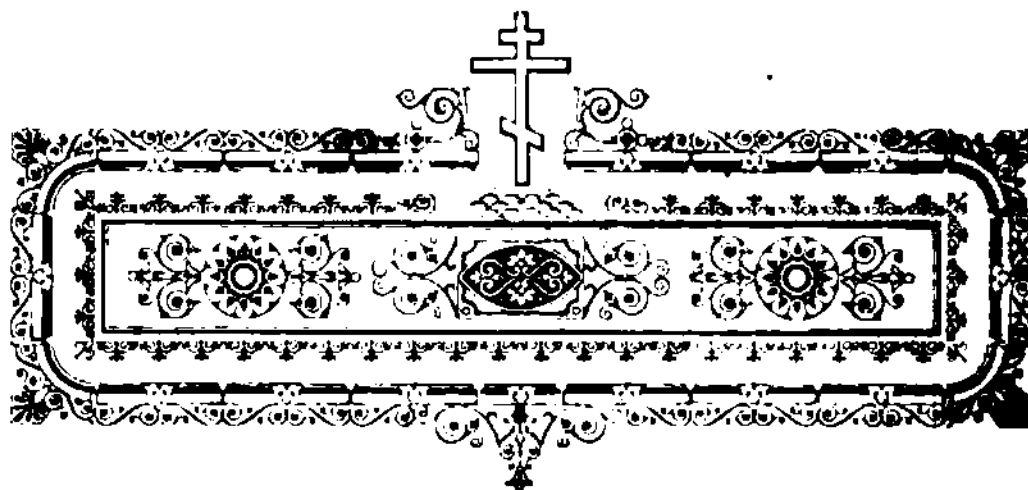
АПРѢЛЯ ТОГО-ЖЕ ДНЯ.

**Память преподобнаго
ѲЕОНЫ,**

митрополита солунскаго *).

Скопосный отецъ нашъ Феона сначала подвизался въ обители Пантократора, проходя въ ней должность череднаго священника, что видно и изъ житіи св. преподобномученика Іакова Иверскаго. Потомъ, облобызавъ безмолвіе, онъ соединился на подвижническомъ поприщѣ съ этимъ преподобномученикомъ, подвизавшимся въ то время въ Иверскомъ скиту честнаго Предтечи. Когда же Божественный Іаковъ пошелъ въ міръ проповѣдывать слово Божіе, послѣдовалъ за нимъ и Феона вмѣстѣ съ другими, и былъ съ нимъ неразлученъ почти до самой мученической его кончины. Послѣ страсотерпческой кончины своего старца, онъ былъ предстоятелемъ и пастыремъ въ монастырѣ святой Анастасіи узорѣшительницы, находящемся близъ Солуня, а потомъ, наконецъ, былъ возведенъ и на кафедру митрополитскую въ Солунѣ. Святыя мощи его и донинѣ находятся цѣлыми въ вышесказанномъ монастырѣ святой Анастасіи. Смотри о немъ въ житіи св. преподобномученика Іакова и учениковъ его діакона Іакова и Діонисія, 1-го ноября.

*) Изъ 'Ακολουθία τῶν ἁγιωτάτων πατέρων.

А П Р Ъ Л Я 6.

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
ГРИГОРІЯ СИНАИТА *).

Божественный Григорій родился въ Азіи, въ мѣстечкѣ Кукулы. Оно лежало близъ Клазомепъ **). Родители его были богаты, а что всего выше и необходимѣе,—добродѣтельны. Въ приличное время возраста онъ былъ хорошо образованъ — какъ во внѣшнемъ любомудріи, такъ особенно въ истинахъ Священнаго Писанія. Это было въ царствованіе старшаго Андроника Палеолога. Турки тогда уже тѣснили Азію, грабили селенія, и между прочимъ—родину святаго Григорія, котораго, въ числѣ другихъ христіанъ и вмѣстѣ съ родителями и родными его, увлекли въ плѣнъ, въ Лаодикію, гдѣ, по милости Ножіей, дано имъ было позволеніе отъ варваровъ посѣщать церковь лаоди-

*) Изъ Νέων Ἐκλόφων. Синаитомъ онъ называется по принятію имъ на Синаѣ постриженія въ монашество.

**) Клазомепъ былъ некогда городъ приморскій, лежавшій въ соседствѣ съ Смирною (Мелет. Геогр., стран. 465), на эретрейскомъ полуостровѣ, въ Лидіи, у смирнскаго залива; онъ принадлежалъ юническому союзу. Пленъ—это село Келасмепъ. См. Спр. Энци. Слов.: «Клазомепъ.»

кійскихъ христіанъ. Лаодикійцы тронулись несчастнымъ положеніемъ своихъ братій. Чтобъ облегчить тяжкое ихъ иго, они умолили турокъ даровать плѣннымъ свободу, предложивъ, взамѣнъ того, денежный выкупъ. Певѣрные обольстились сребренниками, — и плѣнные христіане получили свободу и право располагать собою по собственному желанію. Тогда Божественный Григорій удалился въ Кипръ, — въ короткое время обратилъ на себя вниманіе кипрянъ, и своими естественными, внѣшними и внутренними, совершенствами заставилъ почти всѣхъ любить себя и уважать; ибо онъ былъ отъ природы благообразенъ, а внутренняя его лѣпота еще превосходила внѣшнюю.

Богъ, знающій сущія Своя (2 Тим. 2, 19) и поспѣшествующій имъ во всемъ благомъ, устроилъ Божественному Григорію сойтись на островѣ Кипръ съ однимъ добродѣтельнымъ инокомъ, пребывавшимъ въ безмолвіи. Святой Григорій тотчасъ же, съ великою радостію, явился къ нему въ уединеніе и скоро облеченъ былъ имъ въ иноческій ангельскій образъ. Безмолвствуя съ этимъ инокомъ и питаясь духовными его бесѣдами, онъ скоро сдѣлался искуснымъ въ иноческой жизни. Отсюда, ища большихъ подвиговъ, удалился онъ на Синайскую гору и тамъ принялъ на себя великій ангельскій образъ. Въ непродолжительное время, онъ удивилъ и изумилъ тамошнихъ подвижниковъ своею безплотною ангельскою жизнію: постъ его, бдѣніе, всенощныя стоянія, непрестанныя псалмопѣнія и молитвы превосходили всякое описаніе. Казалось, онъ спорилъ съ природою, желая вещественное тѣло свое сдѣлать невещественнымъ, — такъ что самые тамошніе подвижники, удивляясь его подвигамъ, обыкновенно называли его безплотнымъ. А о корнѣ всѣхъ добродѣтелей, — послушаніи его и глубокомъ смиреніи, я затрудняюсь и писать, чтобъ нерадивымъ не показалось, будто говорю ложь, — говоритъ составитель

жизнеописанія божественнаго Григорія *). Но такъ какъ молчать объ истинѣ—значить грѣшить противъ нея, то я долженъ разсказать, что слышалъ отъ преданнаго ученика его Герасима. По словамъ этого блаженнаго, божественнаго Григорія всякое служеніе, назначаемое ему предстоятелемъ, исполнялъ безъ всякаго отлагательства и со всею усердіемъ, всегда представляя себѣ, что на дѣло его взираетъ Самъ Богъ. Между тѣмъ, при всѣхъ своихъ послушаніяхъ, онъ никогда не оставлялъ и обычныхъ своихъ молитвословій. Обыкновенно дѣлалъ онъ такъ: ввечеру, получивъ благословеніе отъ настоятеля, входилъ въ свою келлію и запиралъ за собою дверь, — здѣсь колѣнопреклоненія, псалмопѣнія, воздѣянія рукъ къ Богу, съ устремленіемъ всего ума къ Нему, продолжались до удара къ утрени; съ первымъ ударомъ къ утренней службѣ, онъ первый стоялъ уже у двери церковной, пришедши же въ церковь, никогда не выходилъ изъ нея прежде окончанія службы, и притомъ, вошедши въ храмъ первымъ, выходилъ изъ него всегда послѣднимъ. Пища его состояла изъ небольшого количества хлѣба и воды, — и только для того, чтобъ можно было жить. Назначено ему было служеніе въ поварнѣ. Болѣе трехъ лѣтъ трудился онъ въ этомъ тяжеломъ послушаніи: кто можетъ достойно восхвалить чрезвычайное его здѣсь смиреніе? Онъ всегда думалъ, что служить не чловѣкамъ, а Ангеламъ, и мѣсто службы своей почиталъ Божиимъ святилищемъ и алтаремъ. Надобно сказать, что преподобный былъ весьма искусенъ и въ каллиграфіи. Но, при всѣхъ своихъ занятіяхъ тѣлесныхъ, онъ не оставлялъ занятій и умственныхъ. Читеніемъ Священнаго Писанія и другихъ благочестивыхъ книгъ занимался онъ едва ли не болѣе всѣхъ тамошнихъ отцевъ, а познаніями превосходилъ почти всѣхъ ихъ. При занятіяхъ своихъ, онъ имѣлъ

*) Святѣйшій патріархъ константинопольскій Каллистъ.

еще благочестивое обыкновение восходить на святую вершину Синая, для совершения тамъ благоговѣйнаго поклоненія, на мѣстѣ тѣхъ древнихъ славныхъ и великихъ чудесъ.

Могъ ли доброненавистникъ равнодушно смотрѣть на святаго Григорія, видя таковыя его подвиги? Чтобъ воспрепятствовать святому на пути его къ совершенству, онъ успѣлъ посѣять плевелы смущенія между сподвижниками Григорія, и возбудить въ нихъ страсть зависти. Григорій, какъ ученикъ кроткаго и смиреннаго Иисуса, замѣтивъ въ нихъ эту преступную страсть, тайно удалился изъ монастыря, и взялъ съ собою сего, достойнаго всякой чести, Герасима. Герасимъ былъ родомъ съ острова Эврипа и находился въ родствѣ съ владѣтельнымъ его княземъ: но, презрѣвъ міръ, со всѣмъ суетнымъ его блескомъ и славою, удалился на гору Синай. Здѣсь онъ узналъ Божественнаго Григорія и, удивляясь чрезвычайнымъ его подвигамъ, прилѣпился къ нему и сдѣлался однимъ изъ учениковъ его. При помощи Божіей, и онъ восшелъ на высочайшую степень дѣланія и созерцанія, такъ что, послѣ великаго Григорія, сдѣлался для многихъ примѣромъ жизни подвижнической.

Итакъ, удалившись съ Синая, они пришли въ Іерусалимъ, на поклоненіе животворящему гробу. Потомъ, обошедши всѣ тамошнія святія мѣста и благоговѣнно поклонившись имъ, отправились судномъ въ Критъ, и пристали въ мѣстѣ, такъ называемомъ „хорошія пристани.“ Преподобный, не хотя тратить напрасно время, сталъ отыскивать со всѣмъ тщаніемъ какое-нибудь безмолвное мѣсто, вполне способное для уединенной жизни. Послѣ немалыхъ трудовъ, нашли они по желанію своему пещеры, и тамъ съ радостію поселились; — и стали продолжаться подвиги святаго Григорія, въ сугубой противъ прежняго мѣрѣ, такъ что на Григоріи, въ собственномъ смыслѣ, оправдались

слова пророка: *азъ яко стно изсохъ, колѣна моя немоща отъ поста; и плоть моя измѣнися еля ради* (Псал. 101, 12; 108, 24). Дѣйствительно, лицо его, отъ безмѣрнаго воздержанія, сдѣлалось желто, члены изсохли и едва были способны двигаться. При всемъ томъ, блаженный этотъ о Богѣ труженикъ имѣлъ пламенное желаніе обрѣсти какого-либо духовнаго старца, который бы могъ наставить его въ томъ, чего, на пути къ совершенству духовному, не успѣлъ онъ еще достигнуть. Скоро Господь призрѣлъ на святое желаніе вѣрнаго Своего раба, и устроилъ дѣло Своимъ премудрымъ образомъ. Чрезъ особое откровеніе, извѣщается божественный Григорій объ одномъ отшельникѣ, безмолвствовавшемъ въ той странѣ, — старцѣ опытномъ въ дѣланіи и созерцаніи, именемъ Арсеніи. Будучи движимъ Духомъ Божіимъ, Арсеній самъ приходитъ въ келлію святаго Григорія. Съ радостію принимаетъ гостя святой Григорій. Послѣ обычной молитвы и привѣтствія, умозрительный этотъ старецъ повелѣ разговоръ, какъ бы изъ нѣкоей Божественной книги, о храненіи ума, о трезвеніи и вниманіи, объ умной молитвѣ, объ очищеніи ума посредствомъ творенія заповѣдей, о возможности сдѣлать его свѣтовиднымъ, и о многомъ другомъ. Послѣ такой бесѣды, онъ спросилъ святаго Григорія: „а ты, чадо, какого рода употребляешь дѣланіе?“ Тогда божественный Григорій разсказалъ ему о себѣ все, со дня почти своего рожденія. Божественный Арсеній, знавшій уже очень хорошо путь, ведущій человека на высоту добродѣтели, сказалъ ему: „все это, чадо, о чемъ ты разсказалъ мнѣ, богоносные отцы называютъ дѣланіемъ, а не видѣніемъ (*θεωρία* — видѣніе, созерцаніе). Услышавъ это, блаженный Григорій тотчасъ падаетъ къ ногамъ его, и усердно проситъ, заклиная даже именемъ Божіимъ, научить его умному дѣланію и объяснить ему созерцаніе. Божественный Арсеній, не желая скрывать та-

лантъ, данный ему отъ Бога, со всею охотою согласился исполнить просьбу преподобнаго и, въ непродолжительное время, научилъ его всему, что самъ богато принялъ отъ Божественной благодати. При этомъ открылъ онъ Григорію, сколь многообразны и неисчислимы козни врага нашего спасенія, — т.-е. рассказалъ ему о томъ, что случается съ упражняющимися въ подвигахъ добродѣтели отъ челоуѣко-ненавистниковъ демоновъ и отъ завистливыхъ челоуѣковъ, которыхъ употребляетъ лукавый, какъ орудія своей злобы.

Получивъ такіе безцѣнные уроки отъ Божественнаго Арсенія, святой Григорій прибылъ на святую Аѳонскую гору. Желая видѣться со всѣми святогорскими отцами, воздать имъ подобающее поклоненіе и сподобиться святыхъ молитвъ ихъ и благословенія, онъ обошелъ всѣ тамошніе монастыри, скиты, кельи, — также пустыни и мѣста непроходимыя. Обращаясь съ святогорскими отцами, онъ видѣлъ между ними подвижниковъ, весьма украшенныхъ дѣятельными только добродѣтелями; когда же вопрошалъ ихъ, упражняются ли они въ умной молитвѣ, трезвеніи и блюденіи ума, — они ему говорили, что и не знаютъ, что называется умною молитвою, или храненіемъ ума и трезвеніемъ. Обозрѣвши всю Святую гору, пришелъ онъ въ скитъ Магула, лежащій близъ обители Филоѳеевской *), и нашель тамъ трехъ монаховъ—Исаію, Корнилія и Макарія, которые упражнялись не только въ дѣланіи, но и въ созерцаніи. Здѣсь построилъ онъ келліи для себя и для учениковъ своихъ, — и келлію для себя поставилъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ келлій учениковъ, чтобы ему всецѣло погружаться въ одною Богъ, чрезъ умную молитву, и быть Имъ постоянно заняту, — т.-е., чтобы, по урокамъ Божественнаго своего наставника Арсенія, безпрепятственно предаваться созерцанію. Итакъ, собирая внутрь себя всѣ чувства, соеди-

*) Нынѣ онъ въ развалинахъ.

нивъ умъ съ духомъ и пригвоздивъ его ко кресту Христову, онъ часто повторялъ: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!“ — молился съ умиленіемъ и сокрушеніемъ сердца, съ воздыханіями изъ глубины души, и орошалъ землю теплыми слезами, текшими, какъ рѣка, изъ очей его. И Господь не презрѣлъ такого его моленія: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. 50, 19), — но весьма скоро услышалъ его, ибо *воззваша праведни, и Господь услыша ихъ* (Псал. 33, 18). Посему разгорѣвшись душою и сердцемъ и, по дѣйствию Святаго Духа, измѣнившись благимъ и преславнымъ измѣненіемъ, увидѣлъ онъ, осіяваемый Божественною благодатію, что домъ его былъ полонъ свѣта. Исполнившись радости и неизреченнаго веселія, и изливая опять источники слезъ, онъ снѣдался Божественною любовію. По истинѣ на немъ исполнилось самымъ дѣломъ отеческое то изреченіе: „дѣло видѣнія — восхожденіе (*πράξις θεωρίας ἐπίβασις*).“ И такъ какъ преподобный былъ превыше плоти и міра, то проникся весь Божественною любовію, — и съ того времени этотъ свѣтъ не преставалъ освѣщать его: *свѣтъ праведнымъ всегда* (Притч. 13, 9). Славный этотъ отецъ, на вопросъ мой и соучениковъ моихъ о созерцаніи, отвѣчалъ, — говорить составитель жизнеописанія святаго Григорія: „тотъ, кто возвышается къ Богу, благодатію Святаго Духа, видитъ, какъ бы въ зеркалѣ, всю тварь свѣтовидною, — *еще въ тьлѣ, еще кромѣ тьла, не въмъ* (2 Коринѣ. 12, 2), по словамъ Божественнаго Павла, — видитъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится съ какимъ-нибудь препятствіемъ во время созерцанія, заставляющимъ его прійти въ самого себя.

Однажды, видя его выходящимъ изъ своей кельи съ радостнымъ лицомъ, я, въ простотѣ сердца, спросилъ его о причинѣ такого явленія. Приснопамятный этотъ мужъ, какъ чадолюбивый отецъ, отвѣчалъ мнѣ такъ: „Душа, прилѣ-

пившаяся къ Богу и снѣдаемая любовью къ Нему, восходитъ выше творенія, живетъ выше видимыхъ вещей и, наполнившись вся желаніемъ Божиимъ, никакъ не можетъ укрыться. Вѣдь и Господь обѣщаль ей, говоря: *Отецъ твой, видяи тайны, воздастъ тебѣ лѣтъ* (Матѳ. 6, 6), и опять: *да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесахъ* (Матѳ. 5, 16); ибо тогда сердце прыгаетъ и веселится, умъ бываетъ весь въ пріятномъ волненіи, лицо весело и радостно, — по словамъ мудраго: *сердцу веселящусѣ, лице цвѣтетъ** (Притч. 15, 13). Потомъ я снова спросилъ его: „Божественнѣйшій отче! объясни мнѣ, по любви къ истинѣ, что такое душа, и какъ она созерцается святыми?“ Выслушавъ мой вопросъ, онъ ласково и, по обыкновенію его, съ нѣкоторымъ пониженіемъ голоса отвѣчалъ мнѣ такъ: „Возлюбленное чадо мое духовное! *высшихъ себе не ищи, и крѣпльшихъ себе не испытуй* (Сирах. 3, 21), — потому что ты, будучи еще младенцемъ, т. е. несовершеннымъ, не можешь переварить твердѣйшую пищу, т. е. понять предметы, превышающіе силы твои, — какъ и пища совершенныхъ мужей не полезна нѣжнымъ младенцамъ, нуждающимся въ молокѣ.“ А я, припавши къ ногамъ его и крѣпко ухватившись за нихъ, еще настойчивѣе просилъ объяснить мнѣ столь важный предметъ. Согласившись на усиленную мою просьбу, онъ сказалъ мнѣ кратко: „кто не увидитъ воскресенія души своей, тотъ не можетъ узнать въ точности, что такое умная душа.“ Но я, обращаясь къ нему съ должнымъ благоговѣніемъ, снова предложилъ вопросъ: „открой мнѣ, отче, достигъ ли ты въ мѣру сего восхожденія, — т. е. узналъ ли, что такое умная душа?“ — „Да,“ отвѣчалъ онъ мнѣ съ великимъ смиреніемъ. — „Ради любви Господней, научи же и меня этому,“ сталъ я послѣ сего смиренно просить его: „это можетъ принести душѣ моей великую пользу.“ Тогда

божественный сей и по всему досточтимый мужъ, похваливъ мое усердіе, преподаль миѣ слѣдующее: „когда душа употребляетъ все свое усердіе и подвизается посредствомъ дѣятельныхъ добродѣтелей, при должномъ разсужденіи,— тогда она низлагаетъ всеѣ страсти, и подчиняетъ ихъ себѣ. А если страсти покорены, — ее окружаютъ естественныя добродѣтели и слѣдуютъ за ней, какъ тѣнь за тѣломъ,— и не только слѣдуютъ, но и учатъ ее, и наставляютъ тому, что выше естества, — учатъ какъ бы восхожденію по духовной лѣствицѣ. Когда же умъ, благодатию Христовою, взойдетъ къ тому, что выше естества, тогда, просвѣщаемый сіяніемъ Святаго Духа, онъ простирается къ ясному видѣнію,—тогда, сдѣлавшись выше самого себя, по мѣрѣ данной ему отъ Бога благодати, весьма ясно и чисто видитъ сущности вещей, и уже совсѣмъ не такъ, какъ умствуютъ о томъ внѣшніе мудрецы, кидающіеся только за тѣнью вещей, а не старающіеся, какъ должно, слѣдовать существенному дѣйствию природы. Вѣдь и Божественное Писаніе говоритъ: *осуетилось несмысленное ихъ сердце, и глаголющеся быти мудри, обзюродѣша* (Римл. 1, 21. 22). Потомъ душа, принявшая обрученіе и благодать Святаго Духа, по причинѣ множества видѣній, какія она видитъ, мало-по-малу оставляетъ прежнія, и переходитъ къ высшимъ и Божественнѣйшимъ,—какъ говоритъ Апостоль Павелъ: *задняя забывая, въ предняя же простираяся* (Филип. 3, 13), и такимъ образомъ поистинѣ отбрасываетъ всякую боязнь и страхъ и, прилѣпившись любовію къ Жениху Христу, видитъ, что природныя ея помыслы совершенно умолкаютъ и, по описанію святыхъ отцевъ, остаются назади. Достигнувъ безвидной и неизглаголанной красоты, она теперь, осіяваемая свѣтлымъ сіяніемъ и благодатию Святаго Духа, бесѣдуетъ только съ Богомъ, а просвѣтившись этимъ безпредѣльнымъ свѣтомъ, и имѣя стремленіе къ одному Богу,

она, по причинѣ чуднаго и новаго своего измѣненія, совсѣмъ уже не чувствуетъ смиреннаго, земнаго и вещественнаго своего тѣла; ибо является чистою и свѣтлою, безъ всякой примѣси вещественнаго пристрастія,—является существомъ (φύσις) собственно умнымъ, какъ былъ, до грѣхопаденія, родоначальникъ нашъ Адамъ. Онъ сперва былъ покрытъ благодатию безпредѣльнаго свѣта,—а потомъ, по причинѣ горькаго преступленія, обнажился отъ свѣтоносной этой славы.“ Ко всему такому Божественная сія глава присовокупила, что „человѣкъ, чрезъ трудолюбивое упражненіе въ умной молитвѣ, достигшій столь дивной высоты и увидѣвшій чисто собственное свое устроеніе, въ какое онъ пришелъ благодатию Христовою, уже видѣлъ и воскресеніе души своей, прежде чаемаго общаго воскресенія,—такъ что душа, такимъ образомъ очистившаяся, можетъ говорить съ Божественнымъ Павломъ: *еще въ тѣлѣ, еще кромѣ тѣла, не вѣмъ* (2 Коринѣ. 12, 2). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она и недоумѣваетъ, и изумляется тому, и взываетъ съ удивленіемъ: *о глубина богатства, и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Римл. 11, 33).“ О такихъ-то предметахъ сподобился я слышать отъ пребожественнаго этого отца!

Что сказать теперь объ ученикахъ сего преподобнаго отца? Достоинно возвѣстить о всѣхъ ихъ подвигахъ и ангельской ихъ жизни я не нахожу въ себѣ довольно силы; скажу лишь кротно,—что по наставнику можно отчасти судить и объ ученикахъ его.

Первымъ его ученикомъ былъ святой Герасимъ. Онъ, какъ мы выше сказали, происходилъ изъ Эврипа, и послѣ пользовался еще наставленіями святѣйшаго патріарха Исидора. Этотъ новый Герасимъ былъ, можно сказать, отсвѣтомъ древняго, Іорданскаго. Какъ тотъ шелъ путемъ Апостольскимъ, и дикую пустыню іорданскую превратилъ въ

многолюднѣйшую страну, населивъ ее земными ангелами; такъ и этотъ, исполнившись Божественной благодати и бывъ просвѣщенъ отъ Бога. является въ Элладу и обходить апостольски всю ту страну, насыщая сладчайшимъ ученіемъ о добродѣтели всѣхъ алкавшихъ и жаждавшихъ тамъ слова Божія. Не упустилъ онъ здѣсь, подобно іорданскому Герасиму, въ многолюдной сей пустынѣ, основать и много убѣжищъ благочестія и чистоты, и преподавать насельникамъ ихъ подобающія правила высокой нравственности, для достиженія первозданной чистоты человѣка. Подвизаясь такимъ образомъ, и сподобившись здѣсь уже зрѣть славу, преуготованную избраннымъ Божиимъ, онъ отшелъ къ Господу наслаждаться сею славою—уже не на краткія мгновенія, а навсегда.

Второй ученикъ преподобнаго былъ Іосифъ, соотечественникъ Герасима. Іосифъ не имѣлъ высокаго внѣшняго образованія, но, будучи богатъ внутреннею, истинною мудростію, даруемою отъ Святаго Духа, подобно онымъ славнымъ рыбалямъ, побѣдившимъ царей и царства, посрамившимъ мудрецовъ міра, громилъ латинскихъ умниковъ. Праведная его ревность по православію послужила крѣпкимъ оплотомъ для православныхъ христіанъ противъ злословія латинявъ, и утвердила многихъ изъ нихъ на пути святой истины. Но о всѣхъ его трудахъ и подвигахъ въ пользу Церкви, о великодушїи въ несенїи своего креста и о прочихъ сокровенныхъ и явныхъ его добродѣтеляхъ составитель этой біографїи не нашелъ себя въ состоянїи рассказать надлежащимъ образомъ. Потому и намъ остается только съ благоговѣніемъ дивиться чудному во святыхъ Своихъ Богу и величать Его угодниковъ.

Далѣе блаженный біографъ святаго Григорїя просить насъ выслушать о третьемъ ученикѣ сего святаго,—о вѣскомъ чудномъ аввѣ Николаѣ. Николай былъ родомъ изъ

Аеинъ, и достигъ уже старости, когда, державшій въ то время скипетръ Греціи, царь Михаилъ Палеологъ, по политическимъ разсчетамъ, увлекся къ суемудрію римской церкви. Отступивши самъ отъ чистоты православія, царь старался и всѣхъ своихъ подданныхъ увлечь за собою въ ту же бездну погибели. Но когда божественный Николай сталъ небоязненно проповѣдывать въ отечествѣ своемъ слово Божіе, и училъ народъ хранить православіе, — не принимать гнилыхъ догматовъ латинскихъ, — Палеологъ послалъ къ нему латинскихъ мудрецовъ, для убѣжденія принять западное зловѣріе, — и послалъ съ обыкновенными латинскими доказательствами — лестію, бичемъ и мечомъ. Жестокосердые безчеловѣчные слуги, встрѣтивъ со стороны его сопротивленіе, связали его, наложили на него цѣпи, обрили честную его браду, били его безъ милосердія палками, попирали ногами и безжалостно влачили по улицамъ. Но страдалецъ Христовъ и эти, и другія скорби, какъ-то — ссылки, расхищенія его имѣнія, заключенія въ темницы, переносилъ, слава и благодаря Бога. Но скоро эта гроза прошла. Когда, по смерти царя Палеолога, невѣста Христова — Церковь, Божіею милостію, стала опять наслаждаться глубокимъ миромъ, бывшій въ то время святѣйшій патріархъ Іосифъ употреблялъ всевозможные способы рукоположить божественнаго Николая въ архіерея; но онъ, по своей скромности и глубокому смиренію, уклонился отъ этой высокой іерархической чести и, любя безмолвіе, удалился на святую Аеонскую гору. Тогдашній Протъ Святой горы, видя его украшеннымъ всѣми видами добродѣтели, сдѣлалъ его, противъ воли, епископомъ въ честномъ карейскомъ храмѣ. Но, спустя немного времени, онъ встрѣтился съ чуднымъ Григоріемъ — и, лишь только услышалъ сладчайшую его бесѣду, со всѣмъ усердіемъ души, тотчасъ же сдѣлался ученикомъ его: ибо какъ магнитъ, съ неиз-

реченною отъ природы силою, влечеть къ себѣ желѣзо, такъ и божественный учитель нашъ Григорій, душеполезными своими словами (которыя, всякій мудрый не погрѣшитъ, если назоветъ словами жизни вѣчной), привлекалъ къ себѣ видѣвшихъ его и бесѣдовавшихъ съ нимъ. И какъ было во время земной жизни нашего Искупителя, — лишь только увидѣлъ Его Андрей, тотчасъ оставилъ Предтечу Іоанна и слѣдовалъ за сладчайшимъ Іисусомъ, — такъ часто случалось и во время божественнаго Григорія. Стремившіеся къ высотѣ добродѣтелей, усматривая, что онъ достигъ крайняго благоговѣнія, невозмутимаго спокойствія и тишины и полнаго просвѣтленія души, немедленно оставляли прежнихъ своихъ старцевъ и, притекая къ нему, подчинялись ему совершенно. Такъ поступилъ и досточтимый этотъ Николай, не смотря даже на преклонность своихъ лѣтъ. Подъ мудрымъ и божественнымъ водительствомъ святаго Григорія, онъ скоро сдѣлался искуснымъ во всякой добродѣтели, а смиреніемъ даже и превзошелъ всѣхъ своихъ собратій и соучениковъ.

Потомъ жизнеописатель святаго Григорія повѣствуетъ еще о нѣкоемъ досточудномъ ученикѣ его Маркѣ. — Маркъ отечествомъ своимъ имѣлъ Клазомены; пришедши въ возрастъ, принялъ иноческій образъ въ монастырѣ Исаака, который былъ въ Солуни, а чрезъ нѣсколько времени прибылъ на святую Авонскую гору, и здѣсь подчинилъ себя святому Григорію. Стяжавъ умную молитву и трезвеніе, онъ былъ, какъ бы сказать, сокровищницею и хранилищемъ всѣхъ добродѣтелей и дѣятельныхъ, въ особенности же отличался смиреніемъ и послушаніемъ, которое оказывалъ не только предстоятелю, но и всему братству, и даже служилъ страннымъ, какъ рабъ. Посему, удивляясь ему, всѣ хвалили его и питали къ нему любовь и расположение. Священнолѣпный видъ его дышалъ какимъ-то ду-

ховнымъ благоуханіемъ, и имѣлъ чудное на другихъ вліяніе, такъ что увидѣвшій его одинъ разъ чувствовалъ въ своей душѣ нѣкое освященіе и влеченіе къ смиренномудрiю Маркову, и этого чуднаго Марка бралъ себѣ въ образецъ добродѣтели. Пришедши даже въ глубокую старость, божественный Маркъ возлагаемая на него послушанія исполнялъ съ великою радостію и усердіемъ. Проходя, на примѣръ, службу повара онъ никогда не показывалъ отягощенія или нерадѣнія. Посему и Богъ, призирающій на кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ, наградилъ его глубокимъ душевнымъ миромъ, невозмутимою тишиною сердца, исполнилъ неизреченною радостію и веселіемъ, — или, иначе сказать, Маркъ сдѣлался свѣтлѣйшимъ органомъ Святаго Духа, обителію Трiедиаго. Примѣръ сего божественнаго Марка служилъ назиданіемъ для многихъ. Многіе, видя его подвиги и слушая благодатную его бесѣду, получали себѣ обильную душевную пользу. Въ числѣ назидающихся ангельскою его жизнію былъ и я, и притомъ преимущественно предъ другими; ибо, будучи сожителемъ ему почти до самой его смерти, я пользовался самою искреннею его дружбою. У насъ была какъ бы одна душа въ двухъ тѣлахъ, и мы не знали, что мое, что его. Отсюда выходило то, что кто называлъ Каллиста, тотъ вдругъ прибавлялъ къ нему и Марка, и опять, кто говорилъ о Маркѣ, тотъ видѣлъ въ немъ и Каллиста. Всѣ отцы, обитавшіе тамъ въ скиту, смотрѣли на наше единомысліе, какое мы имѣли между собою, благодатію Христовою, какъ на похвальный примѣръ, — и если когда, по зависти діавольской, случалось нѣкоторымъ изъ нихъ вступать въ разногласіе между собою, тотчасъ приводили они себѣ на память насъ, — и разногласіе исчезало.

Божественный отецъ нашъ Григорій благословилъ быть такому между нами единомыслію до кончины нашей и, движимый благодатію Святаго Духа, присовокупилъ, что если

мы будемъ находиться въ этомъ единеніи духа, то удостоимся царства небеснаго. Такое наше дружество продолжалось цѣлыхъ 28 лѣтъ. Предъ смертію своею, Маркъ вынужденъ былъ тѣлесною болѣзнію перейти изъ скита въ лавру и оставаться тамъ до своей кончины: но тѣлесное разлученіе наше никогда не нарушало духовнаго нашего единенія. Блаженный Маркъ, ежедневно восходя отъ силы въ силу, сталъ на высшей степени совершенства, такъ что должнымъ образомъ и рассказать о всѣхъ его добродѣтеляхъ невозможно. И то, о чемъ я рассказалъ, рассказано мною противъ его воли, — ибо онъ, по смиренію своему, заповѣдалъ мнѣ не говорить о его добродѣтеляхъ. Но такъ какъ похвала святыхъ относится къ Богу, то я, для душевной пользы и назиданія другихъ, и счелъ справедливымъ не молчать о подвигахъ его.

Скажу, — говоритъ блаженный патриархъ, — еще объ одномъ достойномъ похвалы, ученикѣ святаго Григорія — Іаковѣ. Онъ, наставленіями и водительствою божественнаго Григорія, достигъ такой высоты добродѣтелей, что удостоился принять и санъ архіерейства, — сдѣлался епископомъ епархіи Сервіонъ.

Не умолчу и о чудномъ Ааронѣ. Онъ былъ лишенъ тѣлеснаго зрѣнія: — поэтому святой Григорій весьма много сострадалъ ему. Божественный Григорій объяснялъ Аарону, что слѣпота тѣлесныхъ очей не только очищаетъ душевныя, но и даруетъ вѣчный свѣтъ тѣмъ, которые переносятъ ее съ благодарностію, надѣясь во всемъ несомнѣнно на Бога, и что когда мы, помощію и благодатію Божіею, очистимъ сердца наши, посредствомъ горячей и постоянной молитвы, тогда просвѣщается нашъ умъ и разумъ, которые въ душѣ какъ бы два ока. А если просвѣтятся и отверзутся очи души нашей, то человѣкъ, сдѣлавшись въ Богѣ духовнымъ, видитъ естественно какъ видѣлъ и Адамъ

прежде своего преступленія. Объяснялъ ему святой Григорій и паденіе нашего праотца, и возстановленіе его въ первобытное совершенство. Слушая эти и подобныя этимъ наставленія, и слагая ихъ въ сердцѣ своемъ, Ааронъ, съ глубокимъ сокрушеніемъ сердца, просилъ Бога такъ: „Господи Боже мой! низу склонившагося воздвигнувшій, словомъ единымъ разслабленнаго стягнувшій и очи слѣпаго развершій, воздвигни и меня, неизреченнымъ Твоимъ благоутробіемъ, и, погрязшую въ тинѣ грѣха, окаянную мою душу не презри, и не дай ей погрязнуть во рвѣ отчаянія, но, какъ щедрый, отверзи очи сердца моего, всели въ него страхъ Твой, дай мнѣ разумѣть заповѣди Твои и творить волю Твою!“ И не вотще была такая смиренная и изъ глубины души молитва слѣпца: онъ былъ услышанъ Богомъ, и очи души его просвѣтились такъ, что онъ не нуждался болѣе и въ зрѣніи тѣлесномъ. Теперь не нуженъ уже сталъ ему и вожатый въ пути. Мало того,—онъ видѣлъ дѣйствія другихъ даже на далекомъ отъ себя разстояніи. Разъ они ходили съ вышесказаннымъ Іаковомъ къ одному монаху. Бывъ еще далеко отъ келліи этого монаха, Ааронъ, просвѣщенный свыше, сказалъ Іакову: „монахъ, къ которому мы идемъ, держитъ въ рукахъ своихъ священное Четвероевангеліе и читаетъ какое-то зачало Евангелія.“ Пришедши къ келью монаха, и испытавъ съ точностію, нашли, что предсказанное Аарономъ было истинно. Но это только малое изъ многаго.

Нельзя не упомянуть и о другихъ ученикахъ преподобнаго—Моисеѣ, Логгинѣ, Корниліѣ, Исаѣ и Климентѣ. Всѣ они, подѣ мудрымъ отеческимъ водительствою святаго Григорія, украсившись и дѣланіемъ и видѣніемъ, потомъ сами пріобрѣли себѣ многихъ учениковъ, и мирно почили, предавъ души свои въ руцѣ Божіи.

Такъ какъ я вспомнулъ уже о чудномъ Климентѣ, то

полезно будетъ разсказать немногое изъ того, что даровалъ ему Богъ. Климентъ былъ родомъ изъ Болгаріи, и на родинѣ имѣлъ должность пастуха овецъ. Въ одну ночь, находясь на стражбѣ своей, онъ, подобно тѣмъ древнимъ пастырямъ, сподобился особеннаго посѣщенія свыше, — увидѣлъ нѣкій чудный свѣтъ, сіявшій надъ его безсловесными и надъ всѣмъ пастбищемъ. Климентъ въ это время былъ полонъ и радости, и вмѣстѣ недоумѣвалъ о видѣніи. Онъ почелъ-было этотъ свѣтъ за естественное разсвѣтаніе, такъ какъ, незадолго предъ симъ освѣщеніемъ, засыпалъ на жезлѣ своемъ. Но во время такого его размышленія, свѣтъ этотъ, въ виду его, мало-по-малу восшелъ на небеса, и оставилъ послѣ себя тьму и ночь. Вскорѣ послѣ сего, Климентъ удался на святую Афонскую гору и, въ скиту Морфину *), подчинилъ себя одному монаху, простому, но благоговѣйному и добродѣтельному. Все обученіе Климента у этого инока состояло только въ молитвѣ: „Господи помилуй!“ По прошествіи немногаго времени, Климентъ былъ снова удо-

*) Въ области лавры святаго Аѳанасія. Этимъ именемъ простонародье назвало, существовавшую здѣсь въ 12 вѣкѣ, италіанскую православную обитель (какъ можно видѣть изъ актовъ аѳонскихіх) Амальфи. А знаменитый паломникъ нашъ Барскій передаетъ объ этомъ слѣдующій, основанный на преданіи, разсказъ: „Отъ монастыря (лавы) два часа прошедше, обрѣтаемъ паргъ, — сѣ есть столпъ, мурованный еще древними лѣты, тогда тамо мѣръ жительствоваше Создася, а юже повѣствуютъ, отъ нѣкоего царя и вельможи, ради упокоенія дщери своей именуемой Морфину, юже тамо многими лѣты безмолствоваше, веселися отъ красoty мѣста: ибо стоять на холмѣ зѣло красномъ, недалече отъ моря, яко на два стрѣлянія съ лука; окрестъ же — воды текущія в горы, съ густымъ лѣсомъ, юже суть воскресія Аѳона, и зеленѣють лѣпозрачно, въ зимѣ и въ лѣтѣ, не точію сего ради, яко есть мѣсто тепло, отъ дхланія морскаго, но и естественно вся Святая гора имать благодать сію, яко много обрѣтается въ ней таковыхъ дравесъ, юже въ зимѣ и въ лѣтѣ аа собѣ имуть листвіе зеленое, отъ нихже въ странахъ російскихихъ не обрѣтаются. Мѣсто же оное речется столпъ красoty, — или отъ имени предреченныя дѣвы, или отъ естественныя красoty мѣста, ибо первѣ нарицашеся Ту Морфину, послѣди же, отъ простобесѣда языка общенароднаго, слово умалися и нарицеся Морфину, юже знаменуетъ: зрачное“ (см. второе посѣщеніе св. Аѳон. горы Барскимъ, стран. 60 — 61. изд. Аѳон. Русск. Пантел. мон.). Во время послѣдняго разоренія Св. горы (1536 г.), магистромъ родосскимъ, мон Амальфійскій, котораго развалины, подъ названіемъ Морфину, подають поводъ къ разнымъ сказаніямъ, былъ уничтоженъ, говорятъ г. Григоровичъ (См. его Очеркъ путешествія по европ. Турціи. Казань 1848 г., стран. 91. См. объ этомъ также и у г. Муравьева, въ его Письмахъ съ Востока. Ч. 1, стр. 124 и 275).

стоенъ Божественнаго свѣта, и, рассказавъ своему старцу объ этомъ видѣніи, просилъ отъ него объясненія. Но старецъ его, не имѣя самъ опытности въ духовныхъ предметахъ, пошелъ съ нимъ, для разсужденія объ этомъ, къ божественному Григорію. Климентъ рассказалъ святому Григорію о себѣ все подробно, и послѣ того горячо просилъ Григорія причислить его къ благой его дружинѣ. Преподобный, какъ подражатель Христу, жаждая спасенія всѣхъ, принялъ его съ радостію, и научилъ его всему, что можетъ служить къ вѣчному нашему спасенію. Для души Климента, съ теченіемъ времени сдѣлавшейся боговидною, духовныя видѣнія уже не были непонятны. Сказывалъ онъ о себѣ, что, сколько разъ ни посылалъ его божественный Григорій въ священную лавру, во время пѣнія тамошними отцами— „Честнѣйшую...“, онъ всегда видѣлъ свѣтлое облако, нисходившее съ неба на лавру и покрывавшее оную. Когда же кончалась пѣснь „Честнѣйшей“, это облако, въ его глазахъ, снова восходило со свѣтомъ на небо.

Душеснасительными наставленіями божественнаго Григорія пользовались не только его ученики, но и всякій, кто приходилъ къ нему. Поэтому почти всякій считалъ великимъ для себя несчастіемъ не быть у святаго Григорія, и не сподобиться слушать его ученіе. И такъ какъ слово его имѣло помазаніе, то всегда производило благотворныя плоды въ сердцахъ слушателей. Какъ, въ самое время ученія великаго Петра, въ домѣ Корнилія, сошелъ на слушателей его Духъ Святой: такъ было и съ тѣми, которыхъ училъ божественный Григорій;—это сказывали мнѣ сами, испытавшіе силу его ученія. „Въ то самое время,“ говорили они, „когда святой Григорій разсуждалъ о чистотѣ души и о томъ, какимъ образомъ человѣкъ дѣлается, по благодати, богомъ, въ душахъ нашихъ пробуждалось нѣкое божественное, неудержимое стремленіе къ добродѣтели и

неизъяснимая любовь къ Богу.“ Святой Григорій побуждалъ упражняться въ умной молитвѣ и храненіи ума какъ пустынниковъ, такъ и киновіатовъ, — рѣшительно всѣхъ.

Но доброненавистникъ діаволь не могъ быть равнодушнымъ къ такимъ подвигамъ святаго Григорія. Онъ возбудилъ противъ преподобнаго мнимоученыхъ монаховъ, — такъ что, движимые завистию къ нему, они предприняли рѣшительное намѣреніе прогнать его со Святой горы. Съ ними, по невѣдѣнію, согласились и нѣкоторые простецы и неопытные въ тайнахъ духовныхъ. Завистники и духовные невѣжды кричали божественному Григорію: „не учи насъ пути, котораго мы не знаемъ,“ — разумѣя подъ нимъ умную молитву и блюденіе ума.

Преподобный, видя разгаръ зависти, далъ мѣсто злу, и умолчалъ на время. Потомъ, взявъ съ собою одного своего ученика и нѣкоего подвижника Исаію, много пострадавшаго отъ царя Михаила Палеолога за несогласіе свое съ суемудріемъ лжепатріарха Іоанна Векка, явился, для разсужденія о своемъ ученіи, въ Протать. Проть ласково принялъ ихъ и началъ дружески и косвенно замѣчать божественному Григорію, — только не о томъ, зачѣмъ онъ училъ о трезвеніи и умной молитвѣ, ибо Проть былъ не изъ числа завистниковъ и духовныхъ невѣждъ, — а о томъ, зачѣмъ онъ училъ безъ его позволенія. Но, зная чрезвычайные подвиги святаго Григорія и истинную высоту божественнаго его ученія, онъ оставилъ все и искренно подружился съ нимъ. Бесѣдуя съ Григоріемъ и Исаією, онъ говорилъ: „сегодня я бесѣдую съ главами Апостоловъ, Петромъ и Павломъ.“ Недоброжелательствующіе святому Григорію, отцы, видя ласковый пріемъ, сдѣланный ему Протомъ Святой горы, и слыша похвалы главы иноческой своей семьи божественному учителю, убѣдились въ истинѣ его ученія, — и съ того времени всѣ вообще, — и пусты-

ники и непустынники, съ великою радостію, признали и имѣли общимъ учителемъ божественнаго Григорія. Но такъ какъ число приходящихъ къ нему для душевной пользы весьма умножилось, что отнимало у него любимое имъ безмолвіе, то онъ, чтобъ избавиться отъ посѣтителей, рѣшился употребить хитрость, — сталъ перемѣнять мѣста своего обитанія и, многократно перемѣняя ихъ, удалялся иногда въ самыя отдаленныя и непроходимыя пустыни. Но горящій свѣтильникъ нигдѣ не могъ укрыться: градъ, стоящій верху горы добродѣтелей, не могъ утаиться отъ взоровъ, ищущихъ его. Желаящіе слышать изъ медоточныхъ его устъ божественное его ученіе являлись къ нему вездѣ. Поэтому, снисходя къ трудамъ и усердію приходящихъ, онъ, въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ, въ которыхъ оставался жить, строилъ келліи, въ сторонѣ отъ своей, чтобы помѣстить ихъ.

Агаряне, громившіе уже тогда Грецію, грозили истребленіемъ и порабощеніемъ и Святой горѣ. Святой Григорій, съ одной стороны потому, что испыталъ уже желѣзное ярмо этихъ варваровъ, какъ мы сказали вначалѣ, а съ другой, не желая лишиться безцѣннаго для него безмолвія рѣшился отправиться опять на Синай, — безмолвствовать на святой вершинѣ его. Узнавъ же, что не найти ему искомага спокойствія и тамъ, — ибо нечестивые сарацины огненною лавою распространились тогда по всему Востоку, — отложилъ путешествіе и переходъ на Синай и, желая найти себѣ гдѣ-нибудь другое мѣсто, удобное для созерцательной своей жизни, посѣтилъ тогда многія мѣста. Пробывъ нѣсколько времени въ Солуни, онъ отправился въ Митилинъ, а оттуда, чрезъ Константинополь, прибылъ въ Созополь. Въ окрестностяхъ Созополя, нашель-было онъ, въ одной пустынѣ, удобное для себя убѣжище, и уже основался тамъ, но подвергся преслѣдованіямъ зависти отъ тамошнихъ пусты-

никовъ, и даже съ опасностію лишенія жизни. Не могли побѣдить этой злой страсти ни своимъ великодушіемъ, ни кротостію, онъ снова возвратился, чрезъ Созополь, въ Царьградъ. А такъ какъ нечестивые сыны рабыни тогда немного успокоились и не тревожили Святой горы, то онъ изъ Константинополя прибылъ опять на Аѳонъ. Въ этомъ странствованіи я, съ другимъ ученикомъ святаго, былъ неотступнымъ его спутникомъ. Во время пребыванія въ пустынѣ созопольской, сочинены имъ 150 трезвенныхъ главъ, исполненныхъ дѣланія и созерцанія *).

Съ неподдѣльнымъ расположеніемъ и великою радостію приняли святаго въ лаврѣ, куда онъ теперь прибылъ, и прибытіе его почитали духовнымъ своимъ торжествомъ. Съ благословенія старшей братіи лавры, святой въблизи выстроилъ нѣсколько келлій, въ разныхъ мѣстахъ, для себя и своихъ учениковъ, и бесѣдовалъ тамъ съ однимъ Богомъ. Когда же, по Божію попущенію, агаряне снова начали утѣснять Святую гору, преподобный, не могли безмолвствовать въ лавры, вошелъ внутрь ея. Но многолюдная, совокупная жизнь была не по немъ. Для своего созерцанія, онъ жаждалъ уединенія, а потому, взявъ съ собою одного ученика, тайно вышелъ изъ лавры и отправился въ Адрианополь, отсюда же удалился въ одну гору, называемую „Скрытная.“ Здѣсь нашель онъ мѣсто, дѣйствительно удобное для своей жизни; но гора вся почти наполнена была разбойниками. Возбуждаемые завистливымъ діаволомъ, боявшимся, чтобъ святой не обратилъ пустыню въ жилище земныхъ ангеловъ, они много беспокоили его. Святой Григорій не отчаявался, ибо зналъ, что для нагаго хищники тлѣнныхъ вещей неопасны. Здѣсь услышалъ онъ о благо-

*) Эти главы помѣщены въ «Добротолюбіи» въ русск. переводѣ (т. 5-й М. 1890. стр. 195—256).

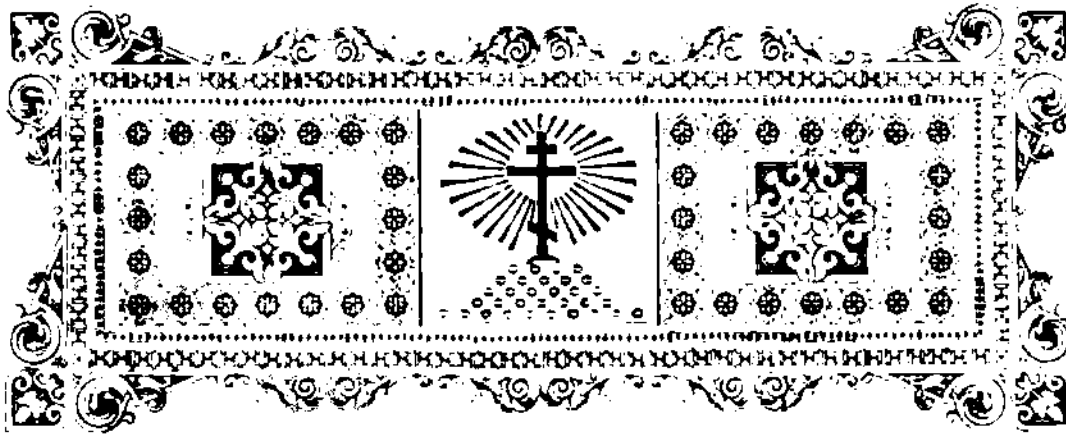
честіи болгарскаго царя Александра, — вслѣдствіе сего, возложивъ упованіе на Бога, всегда споспѣшествующаго благимъ намѣреніямъ Своихъ служителей, посылаетъ къ царю своихъ учениковъ, и чрезъ нихъ, извѣщая его о себѣ и о своихъ бѣдствіяхъ, просить себѣ, во имя Божіе, помощи его и защиты отъ разбойниковъ. Слухъ о благочестіи этого царя не обманулъ святаго Григорія: чтя добродѣтель и добродѣтельныхъ, принялъ онъ съ радостію предложеніе святаго, — и сдѣлалъ болѣе, чѣмъ просилъ преподобный. Этотъ державный любитель благочестія на той горѣ воздвигъ цѣлую обитель, со всѣми къ ней хозяйственными принадлежностями, и все устроилъ въ ней по-царски; послалъ также святому и довольное количество денегъ, на содержаніе его дружины, — пожертвовалъ, для будущаго пропитанія братіи обители, нѣсколько деревень и одно озеро, для рыбной ловли, прислалъ множество воловъ и овецъ и большое количество рабочаго скота. (Впослѣдствіи на этой горѣ возсіяли еще три лавры). Здѣсь святой мирно оканчивалъ остатокъ земнаго своего странствованія, продолжая заботиться о благѣ души всѣхъ и cadaго. Онъ горѣлъ желаніемъ всю вселенную обогатить знаніемъ восхожденія на высоту дѣланія и созерцанія, и стремился возжечь во всѣхъ пламенную любовь къ этому восхожденію. Поистинѣ и объ немъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно сказать сіи Божественныя слова: *во всю землю изыде въщаніе его и въ концы вселенныя сила глаголовъ его* (Псал. 18, 5);—ибо онъ не только у грековъ и болгаръ, но и у сербовъ и дальше, если не самъ, своимъ лицомъ, то, по крайней мѣрѣ, чрезъ своихъ учениковъ разсѣявалъ Божественное свое ученіе. И силѣ слова его рѣдко не уступала всякая лютость. Даже свирѣпыхъ тѣхъ словесныхъ волковъ, — дикихъ тѣхъ разбойниковъ и убійць, — онъ претворялъ въ кроткихъ и разумныхъ овецъ, и вводилъ ихъ не-

порочными агнцами въ ограду превѣчнаго Пастыря и Провѣтителя душъ нашихъ.

Таковы, изъ многихъ, нѣкоторые подвиги святаго Григорія! Такова жизнь этой чудной и блаженной души!—Но настало наконецъ и для него время отдать общій долгъ смерти. Итакъ, труженикъ сей о Бозѣ, немного и недолго поболѣвъ, предалъ блаженную свою душу въ руки Божіи, и восшелъ на небеса, дабы наслаждаться тамъ всегда желаемымъ имъ въ земной юдоли Христомъ *), Которому слава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

*) „Житіе иже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита (СПБ. 1894)“ издано въ подлинникѣ И. В. Помяловскимъ по рукописи московской синодальной бібліотека. Въ предисловіи къ этому житію г. издатель, вѣроятно на основаніи указанія архим. Сергія (см. полн. мѣсяцесловъ, — 8-го августа), кончину преподобнаго Григорія относитъ къ 1310 году; но это не вѣрно: приводимые въ самомъ житіи историческіе факты и личности свидѣтельствуютъ, что кончина преподобнаго должна быть отнесена къ половинѣ XIV столѣтія, — къ 1346 году, — какъ утверждаетъ и архим. Арсеній (см. его „Лѣтопись,“ изд. 2, СПБ. 1880 г. стр., 505, и его же „Очеркъ жизни патріарха К. П. Каллиста,“ — Прагосл. Обзор. 1873 г., т. I, стр. 917).

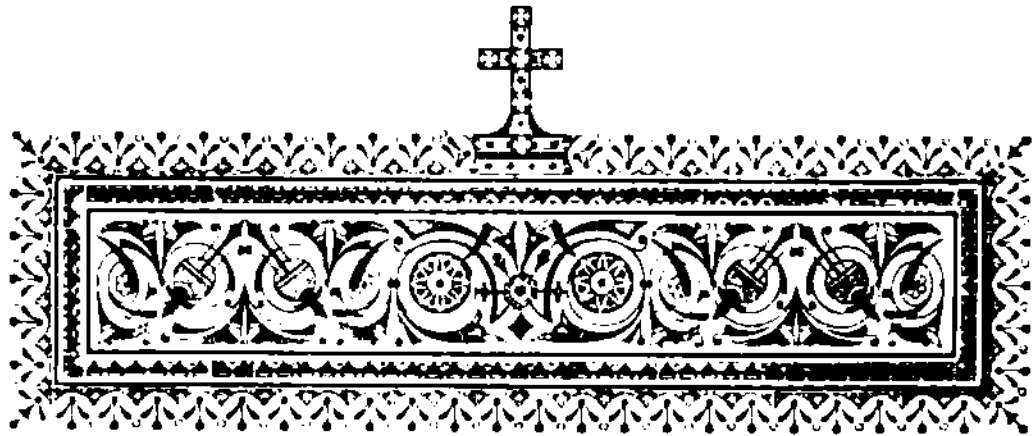

АПРѢЛЯ ТОГО-ЖЕ ДНЯ.

**Память преподобнаго
ГРИГОРІЯ ВИЗАНТІЙСКАГО *).**

Преподобный отецъ нашъ Григорій родомъ былъ изъ Византіи, а равноангельскимъ своимъ житіемъ просіялъ въ предѣлахъ лавры св Аѳанасія. Объ этомъ отцѣ извѣстно только то, что онъ былъ наставникомъ Божественнаго Григорія Паламы въ трезвенномъ любомудріи, и что, за равноангельскую высоту своей жизни, удостоился принимать пищу изъ рукъ Ангельскихъ.

*) Πηξ 'Ακολουθία τῶν ἁγιωρειτῶν πατέρων.

А П Р Ъ Л Я 7.

Память преподобнаго и богоноснаго отца нашего
НИЛА СОРСКАГО.

Великій отецъ Русской Церкви, по своему подвижничеству и наставленіямъ, учитель скитской простоты и созерцательной жизни, преподобный Ниль, по прозванію Майковъ, родился въ 1433 году. О происхожденіи и мѣстѣ рожденія преп. Нила ничего неизвѣстно; однако, судя по его обширнымъ связямъ съ важными лицами его времени и по высокому его образованію, надо полагать, что и самъ онъ принадлежалъ къ роду боярскому. Правда, св. Ниль называетъ себя *невъждою* и *поселяниномъ*, но *невъждою* онъ могъ назвать себя по глубокому смиренію, а *поселяниномъ*—потому, что и родился, и жилъ въ отчинѣ своихъ предковъ между сельскими обитателями.

Постриженіе въ монашество св. Ниль получилъ и начало иноческой жизни полагалъ въ обители преподобнаго Кирилла Бѣлоозерскаго.—Здѣсь онъ пользовался совѣтами умнаго и строгаго старца Паисія Ярославова, который потомъ былъ игуменомъ Сергіевой Свято-Троицкой Лавры. Изъ краткихъ свѣдѣній о жизни преподобнаго Нила извѣ-

стно только, что онъ, проживъ въ Кирилловомъ-Бѣлоозерскомъ монастырѣ нѣсколько времени, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ и сотрудникомъ монахомъ Иннокентіемъ, изъ рода бояръ Охлѣбинныхъ, путешествовалъ по св. мѣстамъ Востока и долго обиталъ на Аѳонѣ. На Святой горѣ, какъ райская пчела, носился онъ по заоблачнымъ высотамъ, среди аѳонскихъ отцевъ, и подарилъ наше русское иночество дивнымъ своимъ произведеніемъ, содержащимъ не вычитанныя только истины скитскаго безмолвія, но и дознанныя опытомъ, пройденныя искусомъ и запечатлѣнныя опытами собственной его жизни, безстрастно-ангельской. Плодомъ его странствованія на Святой горѣ было изученіе правилъ пустыннаго уединенія, безмолвной молитвы и духовнаго трезвенія. Почему, если преподобнаго Антонія Печерскаго мы называемъ первоначальникомъ иночества въ Россіи, то преподобнаго Нила Сорскаго, по всей справедливости, можно назвать первенцемъ скитскаго подвижничества. Любимымъ занятіемъ его было, по собственному сознанию, испытывать Божественныя Писанія, житія и ученіе святыхъ отецъ. Такимъ образомъ препод. Ниль не только изучилъ умомъ и сердцемъ, но и въ жизнь и постоянное упражненіе обратилъ душевспасительные уроки богумудрыхъ отцевъ — Антонія Великаго, Василя Великаго, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Макарія Великаго, Варсонофія, Іоанна Лѣствичника, Аввы Дорошея, Максима Исповѣдника, Исихія, Симеона новаго Богослова, Петра Дамаскина, Григорія, Нила и Филоея Синайскихъ. На Святой горѣ препод. Ниль полюбилъ особенно скитскій образъ жизни; глубоко запала въ душу его любовь къ уединенію, поэтому, возвратясь въ Бѣлоозерской монастырь, онъ уже не хотѣлъ жить въ немъ, но отошелъ за 15 верстъ отъ сего монастыря на рѣку Сорку, водрузилъ здѣсь крестъ, поставилъ сперва часовню и уединенную келлію, и при

ней выкопалъ колодезь; а когда собралось къ нему для сожитія нѣсколько братій, то построилъ и церковь. Обитель свою учредилъ онъ на особенныхъ отшельническихъ правилахъ, по образцу существующихъ до нынѣ скитовъ на святой горѣ Аѳонской. Такимъ образомъ составилъ первый Русскій скитъ. Въ новомъ своемъ скиту, преподобный продолжалъ изучать Божественное Писаніе и творенія св. отцевъ, устрояя по нимъ жизнь свою и учениковъ своихъ.

Исторію внутренней своей жизни отчасти открылъ самъ преподобный въ посланіи къ одному изъ своихъ близкихъ сподвижниковъ, по настоятельной его просьбѣ. — „Пишу къ тебѣ, говоритъ онъ, показывая себя: любовь твоя по Богѣ вынуждаетъ къ тому и дѣлаетъ меня безумнымъ, чтобы писать тебѣ о себѣ. Не просто и не по случаямъ надобно намъ поступать, а по Св. Писанію и по преданію св. отцевъ. Удаленіе мое изъ монастыря (Кириллова) не было ли ради душевной пользы? Ей, ради ея.—Я видѣлъ, что тамъ живутъ не по закону Божию и преданію отеческому, а по своей волѣ и человѣческому разсужденію. Много еще и такихъ, которые, поступаая такъ неправильно, мечтаютъ, будто проходятъ житіе добродѣтельное... Когда мы жили вмѣстѣ съ тобою въ монастырѣ, ты знаешь, какъ удалялся я мірскихъ связей и старался жить по Св. Писанію, хотя — по лѣности моей—и не успѣвалъ. По окончаніи странствованія моего, пришелъ я въ монастырь, и внѣ монастыря, вблизи его, устроивъ себѣ келлію, жилъ, сколько могъ. Теперь переселился я вдалѣ отъ монастыря, нашелъ благодатію Божию мѣсто, по мыслямъ моимъ, мало доступное для мірскихъ людей, какъ самъ ты видѣлъ. Живя наединѣ, занимаюсь испытаніемъ духовныхъ писаній: прежде всего испытываю заповѣди Господни и ихъ толкованіе—преданія Апостоловъ, потомъ, житія и настав-

ленія св. отцевъ. О всемъ томъ размышляю, и что — по разсужденію моему—нахожу Богоугоднаго и полезнаго для души моей, переписываю для себя. Въ этомъ жизнь моя и дыханіе. О немощи моей и лѣни возложилъ я упованіе на Бога и Пречистую Богородицу. — Если что случается мнѣ предпринимать и если не нахожу того въ Писаніи, на время отлагаю въ сторону, пока не найду. По своей волѣ и по своему разсужденію не смѣю предпринимать что-нибудь. — Живешь-ли отшельнически или въ общежитіи: внимай Святому Писанію и слѣдуй по стопамъ отцевъ, или повинуйся тому, кто извѣстенъ какъ мужъ духовный, въ словѣ, жизни и разсужденіи... Святое Писаніе жестоко лишь для того, кто не хочетъ смириться страхомъ Божиимъ и отступить отъ земныхъ помысленій, а желаетъ жить по своей страстной волѣ. Иные не хотятъ смиренно испытывать Св. Писаніе, не хотятъ даже слышать о томъ, какъ слѣдуетъ жить, какъ будто Писаніе не для насъ писано, не должно быть исполняемо въ наше время. Но истиннымъ подвижникамъ — и въ древнія времена, и въ нынѣшнія, и во всѣ вѣка — слова Господни всегда будутъ словами чистыми, какъ очищенное серебро: заповѣди Господни для нихъ дороги болѣе, чѣмъ золото и каменья дорогіе, — сладки болѣе, чѣмъ медь и сотъ.“

Новый путь жизни, избранный преп. Ниломъ, изумлялъ собою современниковъ его. Да и дѣйствительно было чему изумляться, особенно для слабыхъ. Мѣсто, которое избралъ для своего скита преп. Ниль, по свидѣтельству очевидцевъ его, было дико, мрачно, пустынно. Вся мѣстность скита — низменная и болотистая. Самая рѣчка Сорка, давшая свое имя угоднику Божію, едва тянется внизъ по теченію, и похожа больше на болото, чѣмъ на текущую рѣчку. И здѣсь-то подвизался русскій отшельникъ!

Новая, дотолѣ невиданная на Руси, жизнь скитская,

часто высказываемая душевная скорбь о порчѣ церковныхъ книгъ и стараніе, по возможности, исправлять ихъ, конечно возбуждали противъ преподобнаго неудовольствія; но онъ терпѣливо шелъ своимъ путемъ, и былъ въ уваженіи добрыхъ святителей и Великихъ Князей.

Преподобный Ниль былъ на соборѣ о жидовствующихъ еретикахъ, въ 1491 году. Самъ ревнитель православія, Архіепископъ Новгородскій Геннадій желалъ лично видѣть и слышать сужденія преп. Нила о предметахъ недоумѣній, по дѣлу о нихъ.

Преподобный Ниль на соборѣ 1508 года, разсуждавшемъ о монастырскихъ имуществвахъ, показалъ, до какой степени отложилъ онъ все мірскія пристрастія, и какъ стремилась душа его къ одному лишь горнему. Соглашаясь съ нестяжательнымъ духомъ Максима Грека и другихъ святогорцевъ, прежде всехъ предложилъ на соборѣ Ниль, чтобы не было селъ у монастырей, и чернецы жили въ пустынѣ и кормились рукодѣліемъ. Все пустынники Бѣлозерскіе, слѣдуя въ этомъ заповѣди отца своего св. Кирилла, поддерживали мнѣніе великаго скитоначальника, а Максимъ Грекъ даже пострадалъ за это впоследствии отъ митрополита Давиила, хотя виною гоненія была вымышленная на него ересь *). Преп. Іосифъ Волоколамскій, будучи самъ строгимъ подвижникомъ, держался однако противнаго мнѣнія и приводилъ свидѣтельства Θεодосія, общаго житія начальника, Аѳанасія Аѳонскаго и настоятелей другихъ обителей, которыя имѣли села, и его мнѣніе превозмогло. Послѣ преп. Нила, ученикъ его князь Вассіанъ Косой также сильно поборалъ по своему блаженномъ учителѣ и съ нимъ все святогорцы, чтобы не имѣть монастырямъ селъ, но ихъ мнѣніе не было принято.

Въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи, преподобный Ниль,

*) См. житіе преп. Максима Грека, 21 января.

заповѣдуя ученикамъ бросить тѣло его въ пустыни — въ пищу звѣрямъ, или закопать его въ яму съ презрѣніемъ, написалъ: „оно тяжко согрѣшило предъ Богомъ и недостойно погребенія;“ а затѣмъ прибавилъ: „сколько въ моей силѣ было, старался я не пользоваться никакою честью на землѣ, въ этой жизни; такъ пусть будетъ и по смерти.“

Преподобный Ниль скончался 7 Апрѣля 1508 г. Св. мощи преподобнаго почиваютъ подъ спудомъ, въ его пустыни.

Отъ преп. Нила Сорскаго дошли до насъ, — его посланія и Уставъ скитскаго житія.

Посланія преп. Нила имѣютъ предметомъ своимъ внутреннюю подвижническую жизнь, о которой съ подробностію онъ изложилъ свои мысли въ Уставѣ скитскаго житія. — *Два посланія* св. Ниль писалъ къ постриженнику своему *Кассіану*, бывшему князю Мавнукскому, который пришелъ въ Россію съ Греческою царевною Софіею, служилъ нѣсколько времени бояриномъ у Ростовскаго Архіепископа Іоасафа и въ 1504 году скончался инокомъ въ Угличской обители. Въ одномъ изъ своихъ посланій св. Старецъ учитъ Кассіана, какъ бороться съ помыслами, совѣтуя для того — молитву Іисусову, занятіе рукодѣліемъ, изученіе Св. Писанія, охраненіе себя отъ внѣшнихъ соблазновъ, и излагаетъ нѣкоторыя общія наставленія о послушаніи наставнику и прочимъ о Христѣ братіямъ, о смиреніи, терпѣніи въ скорбяхъ, о молитвѣ за самыхъ враговъ и подобное. Во второмъ посланіи, вспоминая кратко о бѣдствіяхъ и скорбяхъ, претерпѣнныхъ Кассіаномъ отъ юности, о его знатныхъ родителяхъ, его плѣненіи, переселеніи въ чужую землю, и желая его утѣшить, преподобный раскрываетъ ему изъ Св. Писанія, что скорби часто наводитъ Господь на любящихъ Его, что всѣ святые — пророки, мученики — достигли спасенія путемъ страданій,

указываетъ — въ частности — на Иова, Іеремію, Мѣсеея, Исаію, Іоанна Крестителя и другихъ, и выводитъ заключеніе, что если святые столько терпѣли, то тѣмъ болѣе должны терпѣть на землѣ мы—грѣшныя,—что мы должны воспользоваться этими бѣдствіями и скорбями для очищенія себя отъ грѣховъ и своего спасенія. Въ *посланіи* (приведенномъ нами выше) къ другому ученику своему и подвижнику—*Иннокентію*, основавшему уже тогда особую обитель, преп. Нилъ кратко говоритъ о самомъ себѣ, о своей жизни вмѣстѣ съ нимъ, въ Бѣлоозерскомъ монастырѣ, о своемъ поселеніи, по окончаніи путешествія на востокъ, внѣ монастыря, объ основаніи своего скита, о своихъ постоянныхъ занятіяхъ Св. Писаніемъ, житіями св. отецъ и ихъ преданіями; а потомъ наставляетъ Иннокентія—исполнять заповѣди Господни, подражать житію святыхъ, хранить ихъ преданія и учить тому же свою братію. Еще *два посланія* писаны св. Ниломъ къ *неизвѣстнымъ инокамъ*. Въ одномъ изъ нихъ, весьма краткомъ, онъ заповѣдуетъ иноку — памятованіе смерти, скорбь о грѣхахъ, неисходное пребываніе въ келліи, смиреніе, молитву. Въ другомъ, довольно обширномъ, даетъ отвѣты на слѣдующіе четыре вопроса, предложенные какимъ-то старцемъ: какъ противиться блуднымъ помысламъ, — какъ побѣждать помысль хульный, — какъ отступить отъ міра и какъ не заблудить отъ истиннаго пути. Отвѣты эти, особенно на два первые вопроса, почти буквально помѣщаются въ Уставъ скитскаго житія. Изъ содержанія посланій св. Нила видно, что его долго занимали и многимъ потребны были тѣ самыя мысли, которыя собраны и систематически изложены въ его Уставѣ скитскаго житія.

Самое драгоцѣнное, что намъ осталось послѣ Нила и что конечно пройдетъ еще сквозь рядъ столѣтій безсмертнымъ зеркаломъ житія иноческаго, — это его созерцатель-

ныя главизны, или скитскій Уставъ, достойный первыхъ временъ пустынножительства Египта и Палестины, ибо онъ проникнуть духомъ Антонія и Макарія.

„Уставъ скитскаго житія“ или — „Преданіе о жительствѣ скитскомъ“ есть главное и самое важное сочиненіе преп. Нила. — Въ предисловіи къ Уставу св. Старецъ касается внѣшняго поведенія иноковъ: говоритъ кратко о ихъ повиновеніи настоятелю, о трудахъ тѣлесныхъ, о пищѣ и питіи, о принятіи странниковъ, — заповѣдуетъ соблюдать бѣдность и нищету не только въ келліяхъ, но и въ украшеніи храма, такъ, чтобы въ немъ ничего не было ни изъ серебра, ни изъ золота, — запрещаетъ выходить изъ скита безъ воли настоятеля, впускать въ скитъ женщинъ, держать въ немъ отроковъ. Но въ самомъ Уставѣ св. отецъ рассуждаетъ уже исключительно объ умномъ или мысленномъ дѣланіи, подъ именемъ котораго разумѣетъ внутреннее, духовное, подвижничество. Сказавъ предварительно словами Св. Писанія и св. отцевъ о превосходствѣ этого внутренняго дѣланія предъ внѣшнимъ, о недостаточности одного внѣшняго дѣланія безъ внутренняго, о необходимости послѣдняго не только для отшельниковъ, но и для живущихъ въ общежительныхъ монастыряхъ, преподобный Ниль раздѣляетъ свой Уставъ на 11 главъ: въ главѣ 1-й говоритъ о различіи мысленной брани; во 2-й о борьбѣ съ помыслами; въ 3-й о томъ, какъ укрѣпляться въ подвигѣ противъ помысловъ; въ 4-й излагаетъ содержаніе всего подвига; въ 5-й говоритъ объ осьми помыслахъ; въ 6-й о борьбѣ съ каждымъ изъ нихъ; въ 7-й о значеніи памятованія смерти и суда; въ 8-й о слезахъ; въ 9-й о храненіи сокращенія; въ 10-й о смерти для міра; въ 11-й о томъ, чтобы все дѣлаемо было въ свое время *).

*) См. наше изданіе: «Препод. и богоносн. отецъ нашъ Ниль Сорскій и уставъ его о скитской жизни». Изд. 3-е, М. 1892 г.

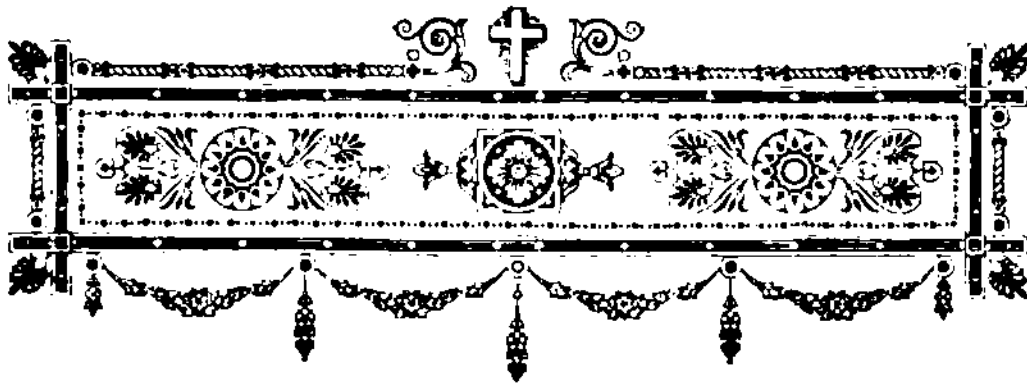
Т р о п а р ь .

Мірскаго житія отвергся, и мятежа житейскаго бѣгая, Преподобне и Богоносне Отче нашъ Ниле, не облѣнился еси собрати цвѣты райскія отъ писаній отеческихъ, и въ пустыню вселився, процвѣлъ еси яко кринь сельный: отонюду же прешель еси и въ небесныя обители. Научи и насъ, честно почитающихъ тя, твоимъ царскимъ путемъ шествовати, и молися о душахъ нашихъ.

К о н д а к ъ .

Терпя потерпѣлъ еси суетныя обычаи и мірскія нравы братій твоихъ, обрѣлъ еси пустынное безмолвіе, Преподобне Отче, идѣже постомъ, бдѣніемъ и непрестанною молитвою въ трудахъ подвизався, ученьми твоими правыя стези указалъ еси намъ шествовати ко Господу. Тѣмже и почитаемъ тя, всеблаженне Ниле!

А П Р Ъ Л Я 12.

Житіе преподобнаго отца нашего АКАКІЯ НОВАГО *).

Преподобный Акакій, родился въ селеніи Голица, въ Еширѣ. Онъ происходилъ отъ простыхъ, но благочестивыхъ родителей и во святомъ крещеніи названъ былъ Анастасіемъ **). Едва только Анастасій достигъ юношескаго возраста, какъ долженъ былъ заняться домашнимъ хозяйствомъ, по случаю смерти его отца, который оставилъ его съ малолѣтнимъ братомъ и матерью сиротами. Прискорбно было добронравному юношѣ Анастасію, въ тотъ періодъ жизни, когда ему желательно было заняться ученіемъ грамотъ, лишиться родителя, и, вмѣсто его, заправлять домашнимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе чего онъ остался неграмотнымъ. Но Творецъ Небесный за лишеніе грамотности умудрилъ его премудростію свыше и оградилъ его страхомъ Своимъ.

Анастасій съ особенною ревностію любилъ ходить въ церковь Божію, гдѣ со вниманіемъ слушая чтеніе священ-

*) Изъ Новъ Мартирологіювъ.

***) Его лично зналъ знаменитый нашъ русскій паломникъ Барскій. См. наше изданіе: «Второе посѣщеніе св. Леонской горы В. Г. Барскимъ». СПб. 1887 г. стр. 55.

наго Евангелія и также поучительныя бесѣды о совершенной Евангельской жизни и о послѣдователяхъ оной, которые доблественно кончили свои подвиги, и послѣ многотрудной постнической жизни отошли въ вѣчный покой. Все это возсѣменяло юное его сердце: онъ хотя младъ былъ тѣломъ, а умъ имѣлъ взрослога и, вмѣсто обычныхъ дѣтскихъ игръ, старался ревновать о той высокой жизни, которую указалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ священномъ Своемъ Евангеліи.

Когда Анастасій пришелъ въ совершенный возрастъ, тогда его мать предложила ему сочетаться законнымъ бракомъ, но цѣломудренный юноша и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ; ибо сердце его, горѣвшее любовію къ Іисусу Христу, влекло его подобно жаждущему еленю на источнику водныя (Псал. 41, 2), т. е. не къ семейной, а уединенной жизни, вслѣдствіе чего онъ въ свободное отъ хозяйственныхъ трудовъ время уединялся отъ всѣхъ и гдѣ либо въ тишинѣ возсылалъ молитвы къ Богу.

Начало такой жизни юному подвижнику весьма нравилось, и онъ со всею ревностью началъ усердно проходить добродѣтельную жизнь, которая со временемъ сдѣлалась для него какъ бы необходимою потребностью, такъ что иногда случалось, что онъ изъ своего уединенія отъ сладости молитвы и Божественнаго утѣшенія забывалъ возвращаться домой. Подобный образъ жизни смущалъ его мать, у которой было одно лишь желаніе — видѣть Анастасія поддержкою ея въ старости, а потому неоднократно увѣщавала его жениться. Но ни просьбы, ни угрозы матери не могли поколебать его, ибо онъ положилъ твердое намѣреніе сохранить себя цѣломудреннымъ. Его душа желала иноческой жизни, и работать Господу въ удаленіи отъ міра. Вслѣдствіе этого, онъ на 23-мъ году своего возраста удалился въ предѣлы Загоры и тамъ поступилъ

въ монастырь, называемый Суровія, основанный святымъ Діонисіемъ Олимпійскимъ во имя Св. Троицы, близъ селенія Макриницы, гдѣ, послѣ обычнаго искуса въ монастырскихъ послушаніяхъ, былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Акакія.

Въ первую ночь послѣ постриженія, Акакій удостоился Божественнаго видѣнія. Такъ, ему казалось, будто онъ держалъ горящій свѣтильникъ, который разливалъ свѣтъ на далекое пространство; это видѣніе означало его будущую добродѣтельную жизнь, которая будетъ свѣтомъ и примѣромъ для ревнителей ищущихъ спасительнаго пути.

Проживши нѣсколько времени въ монастырскихъ послушаніяхъ и въ покореніи себя воли настоятелю и братіи, онъ по стремленію своему къ болѣе уединенной жизни, началъ часто уединяться въ пустынные лѣса и горы, гдѣ проводилъ время въ постѣ и молитвѣ, питаясь лишь одною только травою, чрезъ два, а иногда и черезъ три дня. Подобный образъ жизни смущалъ братію, а нѣкоторые даже думали, что онъ находится въ прелести, почему и посовѣтовали ему оставить свое удаленіе отъ братства, а идти наравнѣ съ братією, ибо Богъ, по Своей великой милости, и малые подвиги приметъ за великіе; между тѣмъ безвременное уединеніе и отшельническая жизнь многимъ послужила глубокимъ паденіемъ, и погубила ихъ навсегда.

Выслушавъ совѣтъ благоразумныхъ мужей, Акакій хотя и соглашался съ ихъ мнѣніемъ, но любовь къ отшельнической жизни влекла его къ безмолвію. А потому, не желая болѣе смущать братію, онъ навсегда удалился изъ обители и прибылъ на Святую гору. Проведя нѣсколько дней въ малой пещерѣ близъ скита св. Анны, онъ пожелалъ видѣть другіе скиты и старцевъ, проводящихъ высокую подвижническую жизнь, отъ которыхъ желалъ почерпнуть образъ духовнаго любомудрія. И такимъ образомъ проходя

по всему Аѳону, посѣщая скиты и великихъ старцевъ, онъ, подобно пчелѣ, вездѣ собиралъ сладкій медъ отъ ихъ медоточныхъ назиданій и образа добродѣтельной жизни. Вблизи Григоріатской обители, онъ обрѣлъ въ одной келліи двухъ великихъ старцевъ, у которыхъ пожелалъ остаться на время, чтобы научиться дѣланію ложекъ, болѣе же, чтобы научиться отъ нихъ духовному художеству. По истеченіи года, оставивъ старцевъ, долго искалъ преподобный Акакій мѣста по сердцу со всеми условіями безмолвія и пустынной тишины, но поиски эти были неудачны, и онъ началъ уже падать духомъ и смущаться. Въ это время помыслы подобно густой тучѣ нависли въ его сердцѣ и начали его смущать: одни какъ бы совѣтовали ему возвратиться опять въ Загоры, а другіе совѣтовали удалиться на какой нибудь необитаемый островъ и тамъ предаться совершенному безмолвію. Не имѣя силъ долѣе бороться съ помыслами, онъ въ изнеможеніи сѣлъ на камень и погрузился въ тонкій сонъ. Во время сна, онъ увидѣлъ стоящаго предъ нимъ чернаго и безобразнаго исполина, который злобно смотрѣлъ на него и скрежеталъ зубами; между тѣмъ какой-то тихій и ласковый голосъ говорилъ ему: смотри, остерегайся! этотъ исполинъ есть діаволь, который хочетъ воспрепятствовать доброму твоему намѣренію и погубить тебя. Отъ страха Акакій пробудился отъ сна и тотчасъ же пошелъ къ духовнику Галактіону, жившему въ уединеніи, на Катунáкахъ *), которому открылъ смущавшіе его помыслы и просилъ его совѣта, какъ ему поступить въ отношеніи жизни. Духовникъ, выслушавши Акакія, посоветовалъ ему поселиться въ мѣстности Кавсокалива **), что и исполнилъ преподобный, поселившись тамъ на келліи съ церковью въ честь Преображенія Господа нашего И-

*) Катунія прибрежная пустыня, въ недалекомъ разстояніи отъ скита св. Анны.

**) О мѣстности этой смотри въ житіи преп. Мансима Кавсокаливита, января 13 дня.

суса Христа, гдѣ началъ проводить жизнь въ бдѣніи и молитвѣ, изнуряя плоть свою употребленіемъ въ пищу хлѣба и воды, но и то черезъ два, а иногда и три дня, большею же частію для порабощенія плоти духу питался дикими травами и каштанами. И такимъ образомъ въ постоянной борьбѣ со страстями, дьявольскими рилогами и мечтаніями онъ пробылъ въ этой келліи двадцать лѣтъ, занимаясь для пропитанія своего дѣланіемъ деревянныхъ ложекъ. Но желая совершенно умертвить ветхаго человѣка, онъ поселился въ пещерѣ, въ которой нѣкогда подвизался преподобный Максимъ Кавсокаливить. Здѣсь Акакій еще болѣе усугубилъ труды подвижнической своей жизни: кромѣ постоянныхъ трудовъ въ бдѣніи и молитвѣ, холодѣ и наготѣ, онъ лишилъ себя вовсе употребленія въ пищу хлѣба, вмѣсто же онаго сушилъ дикія травы и, превращая толченый мраморъ въ порошокъ, смѣшивалъ его съ травами и употреблялъ въ пищу. Въ послѣдствіи, какъ рассказывалъ объ этомъ самъ преподобный Акакій на пользу другихъ, отъ употребленія такой пищи у него открывалось кровохарканіе. Демоны, видя усиленно вооружившагося на нихъ подвижника Христова, и сами стали вести съ нимъ ожесточенную войну, устрояя его различными страхованіями, а иногда касались его тѣла, приводя оное въ ослабленіе и изнеможеніе; но мужественный воинъ Христовъ всѣ нападенія вражія отражалъ молитвою. Случалось иногда, что демоны, желая утратить преподобнаго Акакія, преображались въ разныхъ звѣрей и гадовъ, и съ ревомъ и свистомъ подступали къ нему. А однажды, когда преподобный вышелъ изъ пещеры по надобности и потомъ обратно возвращался въ нее, тогда онъ увидѣлъ предъ пещерой цѣлый таборъ цыганъ съ ихъ женами и дѣтьми, которые по обычаю своему упражнялись въ семейныхъ занятіяхъ и громко между собою разговаривали. Преподоб-

ный, видя коварство лукавыхъ демоновъ, улыбнулся, и устремивши свой взоръ въ небо, сказалъ: Господи, Иисусе Христе! молю Тебя, отжени отъ меня всѣ вражескія нападенія, дабы впродъ я могъ въ тишицѣ и безмятежно по-работать Тебѣ Господу моему. Вслѣдъ за этимъ онъ огра-дилъ себя крестнымъ знаменіемъ и привидѣніе исчезло. Наконецъ, Господь Богъ, видя подвиги и труды угодника Своего, удостоилъ его дара умной молитвы и божествен-ныхъ откровеній, сердце его сдѣлалось жилищемъ Св. Духа и радость онаго отражалась на его лицѣ, такъ что видъ его былъ подобенъ Ангельскому, и всѣ видѣвшіе его усла-ждались отъ его медоточныхъ бесѣдъ и ангельскаго ли-цезрѣнія.

Въ то время пришелъ къ преподобному и Романъ Кар-понисіотъ, который потомъ пострадалъ за Христа, и остался при Акакии на долгое время, раздѣляя съ нимъ труды под-вижничества. Но такъ какъ Романъ велъ себя какъ бы совершенно непричастнымъ настоящей жизни и непрестанно томился желаніемъ мученическаго вѣнца, то оба они, по общему совѣту, усугубили свой постъ и молитву и стали просить отъ Господа откровенія: угодно ли Его святой волѣ, дабы Романъ вдаль себя на мученической подвигъ. Господь услышалъ молитву рабовъ Своихъ и скоро от-крылъ имъ, что Богу угодно произволеніе Романа, и что онъ окончитъ страдальческой подвигъ доблественно въ пос-рамленіе враговъ христіанской вѣры *).

Послѣ этого откровенія, Романъ, принявши постриже-ніе въ ангельскій образъ и простившись съ преподобнымъ Акакіемъ, отправился въ Константинополь, избравши оный пунктомъ своего страданія, а Акакій, для большаго уеди-ненія и подвиговъ, переселился въ пещеру преподобнаго Аѳанасія.

*) См. страд. преподобномуч. Романа, февр. 16.

Однажды стоя на молитвѣ, онъ пришелъ въ восторженное состояніе и увидѣлъ стоящаго возлѣ него преподобномученика Романа въ бѣлой одеждѣ, у котораго лице сіяло, какъ солнце. Старецъ было обрадовался, что видитъ страдальца Христова въ такой славѣ, но Романъ сталъ отворачиваться отъ него и показывать видъ неудовольствія. Старецъ понялъ, за что негодуетъ на него святой мученикъ, т. е. за то, что онъ оставилъ прежнюю пещеру, въ которой они долгое время провели вмѣстѣ въ постническихъ трудахъ, и гдѣ онъ приготовлялся къ мученическому подвигу. А потому преподобный Акакій, сознавая свою вину, палъ къ ногамъ св. преподобномученика Романа и сталъ просить у него прощенія. Когда же старецъ всталъ на ноги, то преподобномученикъ сталъ невидимъ. Въ слѣдствіе этого видѣнія Акакій возвратился обратно въ прежнюю свою пещеру, гдѣ удостоивался нѣсколько разъ видѣть преподобномученика Романа, который, какъ видно и послѣ страдальческой своей кончины, духомъ не разлучался отъ старца.

Впослѣдствіи времени преподобный Акакій возлѣ этой пещеры устроилъ собственными трудами небольшую келью, въ которой неизменно пребывалъ до самой своей кончины, а если когда и выходилъ, то ради такихъ посѣтителей, которые близки были къ нему въ отношеніи духовной жизни.

Между тѣмъ слава о его созерцательной жизни разнеслась на далекое пространство, и не смотря на его совершенное удаленіе, все-таки къ нему приходили многіе за совѣтами, а другіе, получивши отъ него наставленіе, не желали возвращаться обратно, но строили при его пещерѣ для себя кельи и оставались его учениками, вдавши себя въ его руководство.

Однажды, преподобный Акакій совершая свое правило, пришелъ въ изступленіе: онъ увидѣлъ свѣтоноснаго мужа,

который, взявъ его за руку, привелъ на обширное поле, на которомъ было множество прекрасныхъ зданій, но безъ обитателей въ нихъ. Удивляясь этому, преподобный спросилъ онаго мужа: почему всѣ тѣ столь прекрасныя зданія пусты и для кого оныя приготовлены?—Эти чудныя зданія, отвѣчалъ свѣтоносный мужъ, приготовлены для тѣхъ христіанъ, которыя платятъ туркамъ подати и другія повинности, при томъ терпятъ свое рабство съ благодарностію Христу Богу, устрояющему все во благое.—Когда кончилось видѣніе, преподобный призвалъ своихъ учениковъ, и сказалъ имъ: если есть у васъ деньги, то идите и заплатите туркамъ дань, дабы и намъ имѣть участіе съ тѣми рабами Божиими, которыя платятъ имъ повинности, при семъ разсказалъ имъ свое видѣніе.

Преподобный Акакій имѣлъ благоговѣніе ко всѣмъ святымъ, а наипаче къ преподобному Максиму Кавсокаливиту, который, говорилъ онъ, многократно удостоивалъ его своего явленія. А когда врагъ наводилъ на него уныніе, онъ призывалъ сего святаго въ помощь и чувствовалъ благодатное его предстательство. Преподобный Максимъ являлся ему обыкновенно въ священническомъ облаченіи, осіяваемый небесною славою и сопутствуемый безмѣрнымъ множествомъ монаховъ, озаренныхъ райскимъ свѣтомъ.

Кромѣ тѣхъ божественныхъ утѣшеній, которыя Господь посылалъ чрезъ откровенія Своему угоднику, онъ удостоился получить отъ сладчайшаго Іисуса Христа даръ прозорливости: многимъ предсказывалъ то, что должно было съ ними случиться и открывалъ сердечныя ихъ тайны. Самый видъ преподобнаго производилъ дивное дѣйствіе на страдавшихъ отъ помысловъ. Стоило только посмотреть на его лице, чтобы умиротворить сердце и чувства! Имя Іисусово онъ постоянно носилъ въ своемъ сердцѣ; когда же случалось ему произносить оное устами, то всегда изъ

устъ его исходилъ пламень, что неоднократно удостоился видѣть одинъ благочестивый духовникъ іеромонахъ Сильвестръ.

Сія такую святою жизнію, преподобный Акакій сподобился приготовить на мученической подвигъ за исповѣданіе имени Іисуса Христа, кромѣ преподобномученика Романа, и другаго мученика Никодима, котораго благословляя на страдальческой подвигъ, вручилъ ему свой жезлъ говоря: „иди съ Богомъ, чадо, въ избранный тобою путь, вотъ тебѣ мой жезлъ въ помощь“ *).

Съ теченіемъ времени число учениковъ у преподобнаго Акакія увеличивалось все болѣе и болѣе, которые строили себѣ кельи и такимъ образомъ образовался скитъ (Кавсокаливскій), который, молитвами и предстательствомъ преподобнаго, умножился и процвѣтаетъ до нашего времени, А такъ какъ на томъ мѣстѣ не было воды, то преподобный, желая, чтобы братія не скорбѣли и не роптали отъ недостатка оной, однажды вышелъ на средину скита и, послѣ усердной молитвы, велѣлъ одному брату, именемъ Тимоею, копать на указанномъ ему мѣстѣ. Когда Тимоею началъ копать землю, то вдругъ, къ удивленію всѣхъ, изъ того мѣста показалась вода, весьма пріятная и здоровая, при томъ въ такомъ изобиліи, что ея достаточно было не только на потребности братіи, но даже и для устройства мельницы.

Желая Богомъ собранное братство въ своемъ скитѣ приучить къ Евангельскому нестяжанію, онъ положилъ такой уставъ, чтобы братія, желающіе жить въ опомъ, не имѣли въ кельяхъ своихъ постели и ограничивались бы одною одеждою. Для искорененія же страстей, онъ поучалъ ихъ удаляться отъ излишняго сна, ибо ничто такъ не умножаетъ страсти, говорилъ онъ, какъ излишній сонъ, и что

*) См. страданіе преподобномуч. Никодима мѣсяца іюля 11 дня.

для побѣжденія страстей необходимо монаху имѣть постъ и бдѣніе.

Однажды преподобный Акакій былъ спрошенъ, сколько долженъ спать монахъ?—Онъ отвѣчалъ: для истиннаго монаха, который возлюбилъ Господа всею душею своею и всѣмъ помышленіемъ своимъ, достаточно полчаса; онъ говорилъ это изъ собственнаго опыта, такъ какъ самъ довольствовался только получасовымъ сномъ, не смотря на то, что онъ былъ больной и уже въ преклонныхъ лѣтахъ.

Преподобный Акакій былъ неграмотенъ, но имѣя чистый и просвѣщенный Св. Духомъ умъ, онъ зналъ Св. Писаніе основательно и иногда рѣшалъ весьма трудные вопросы и глубокія тайны.

Іерусалимскій патріархъ Хрисанфъ, во время посѣщенія Святой горы, слыша о высокой жизни препод. Акакія, а равно и о томъ, что, будучи неграмотенъ, онъ высказывалъ высокія понятія и таинства Св. Писанія, пожелалъ видѣть сего великаго и Св. Духомъ просвѣщеннаго мужа, и услышавши изъ устъ преподобнаго то, о чемъ онъ былъ наслышанъ, патріархъ прославилъ Бога, умудряющаго буи Своя на посрамленіе премудрыхъ міра сего. А когда онъ отъ него возвратился, то вездѣ и всѣмъ говорилъ, что онъ удостоился видѣть свѣтильника вѣры и слышать глубокія тайны Св. Писанія отъ новаго Іліи и Іоанна Предтечи.

О созерцательной жизни преподобнаго Акакія ученикъ его, іеромонахъ Іона, говоритъ такъ: однажды читая слова св. Симеона новаго богослова, я встрѣтилъ такое выраженіе: „ежели христіанинъ не увидитъ Христа здѣсь, въ настоящей жизни, то не увидитъ Его и въ будущей“ (Слово 3-е). Іона, бывши въ недоумѣніи объ этомъ выраженіи, спросилъ у старца Акакія, о какомъ это видѣніи Христа пишетъ св. Симеонъ? — Да, чадо, отвѣчалъ преподобный,

не сомнѣвайся въ этомъ: св. Симеонъ говоритъ истину, ибо каждый христіанинъ долженъ еще здѣсь сердечными очами зрѣть Христа и вообразить Его въ сердцѣ своемъ, какъ объ этомъ сказалъ учитель языковъ Апостоль Павелъ (Галат. 4, 19).

— А ты отче, видѣлъ ли Христа? простодушно спросилъ его Іона.

— Видѣлъ, съ ангельскою кротостію, отвѣчалъ старецъ.

— Что же Онъ тебѣ говорилъ и говоритъ? опять спросилъ Іона.

— Онъ постоянно мнѣ говоритъ одно и то же: „гряди по Мнѣ“ (Мѡ. 4, 19), т. е. исполняй Мои заповѣди; но, однако я, по своему нерадѣнію, не послѣдую Его Божественному гласу; сказавъ это, Акакій горько заплакалъ.

— Бога ради, святой отче, не лиши меня еще одного вопроса: ты говоришь, что можно видѣть въ сердцѣ Христа, какъ это возможно Его видѣть, объясни мое недоумѣніе?—

— Знай, чадо, что этого дара рѣдкіе сподобляются, для этого необходимо очистить себя отъ страстей, и уже послѣ этого, когда Господь Богъ увидитъ, что плоть покорена духу и сердце очищено отъ всѣхъ страстныхъ вожделѣній, тогда въ оное вселяется Іисусъ Христосъ со Отцемъ и Св. Духомъ и тогда таковой избранникъ Божій видитъ въ сердцѣ своемъ Христа умными очами какъ бы чувственными.

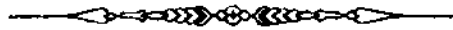
Нѣкоторые ученики препод. Акакія, соблазняясь воззрѣніемъ на красивыя лица, спросили его: какъ имъ сохранить себя отъ такого соблазна?

— Я не знаю, что сказать вамъ на это, отвѣчалъ онъ, потому что никогда при воззрѣніи на красивыя лица я не ощущаю въ себѣ никакого страстнаго движенія, а напротивъ, когда мнѣ случается видѣть прекрасныя черты лица, тогда я невольно возношусь мыслию къ Творцу не-

бесному и славословлю Создателя моего за Его великія и дивныя дѣла, что Онъ, изъ ничтожной перети сотворилъ такое прекрасное созданіе, и вѣрьте мнѣ, чада мои любезныя, что я послѣ этого въ сердцѣ ощущаю такую радость, что даже забываю и о пищѣ.

Наконецъ, преп. Акакію уже на закатѣ дней своихъ еще пришлось предпослать къ Богу мученика св. Пахомія Россіянина, который за молитвы великаго своего наставника мужественно совершилъ свой страдальческій подвигъ. И потомъ вслѣдъ за нимъ и его чистая и блаженная душа отошла отъ бреннаго тѣла ко Господу Богу, мѣсяца апрѣля 12 дня 1730 года, на 98 году отъ рожденія. О блаженной своей кончинѣ преп. Акакій былъ извѣщенъ отъ Бога за нѣсколько дней, о чемъ онъ открылъ одному иноку Аѳанасію, пришедшему изъ скита св. Анны, посѣтить его. Аѳанасій! сказалъ св. Акакій: прощай! я иду въ далекій путь, и болѣе уже здѣсь не увидимъ другъ друга!

Молитвами преподобнаго Акакія, да сподобимся и мы предстоянія во славу святыхъ, славяще Отца, и Сына, и Св. Духа во вѣки. Аминь.

А П Р Ъ Л Я 19.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
СИМЕОНА БОСАГО,
новаго чудотворца *).**

Преподобный Симеонъ происходилъ изъ духовнаго званія. Отець его Андрей былъ священникъ. Когда Симеонъ достигъ отроческихъ лѣтъ, тогда онъ былъ отданъ въ наученіе грамотѣ, въ которой оказывалъ быстрые успѣхи, такъ что всѣ знавшіе его дивились быстротѣ ума и прекраснымъ способностямъ юнаго отрока.

На 15-мъ году отъ рожденія, Димитriadскій епископъ Пахомій, взялъ его къ себѣ въ епископію, и въ послѣдствіи постригъ въ монашество и рукоположилъ въ санъ іеродіакона. Впрочемъ, Симеонъ долго не оставался при епископѣ Пахоміи, такъ какъ мысль его влекла въ уединеніе. А потому, открывши свои мысли также и желаніе епископу, онъ просилъ его отеческаго совѣта. Епископъ, видя сердечное его желаніе, не препятствовалъ доброму его намѣренію, и давши ему напутственное благословеніе, отпустилъ съ миромъ.

*) Извлечено изъ книжки, заключающей въ себѣ службу и жизнь сего преподобнаго, напечатанной въ Смирнѣ 1646 года.

Первоначально юный подвижникъ поселился на Олимпійской горѣ, въ монастырѣ Икономіонъ, близъ Киссары. — Здѣсь онъ началъ проводить самую строгую и суровую жизнь, подвизаясь въ постѣ, бдѣніи и молитвѣ, а для смиренія плоти и лишенія себя сладкаго сна, клалъ на ложе свое камни, такимъ образомъ, вскорѣ возвысился на высоту добродѣтелей.

Проживши нѣсколько времени въ этой обители, онъ пожелалъ видѣть великихъ подвижниковъ, а потому оставивъ Олимпійскую гору, отправился на Аѳонъ, гдѣ поступилъ въ братство лавры преподобнаго Аѳанасія. Высокая жизнь Симеона, скоро обратила на себя вниманіе лаврскаго начальства, которое сочло нужнымъ произвести его въ санъ іеромонаха. Здѣсь, въ лаврѣ, будучи еще въ санѣ іеродіакона, преподобный Симеонъ выказалъ особенную черту смиренія, какимъ наполнена была блаженная его душа. Такъ, однажды нѣкто изъ братіи, желая испытать его, точно ли онъ смиряется ради Бога, сказалъ ему: отецъ Симеонъ! ахъ какъ красивы твои волосы, и какъ онѣ прекрасно у тебя лежатъ на головѣ! Преподобный Симеонъ, не сказавши ему ни слова, и пришедши въ свою келлію, остригъ оныя, и при встрѣчѣ съ онымъ братомъ, отдалъ ему ихъ говоря: братъ, возьми мои волосы, если они тебѣ очень понравились.

Изъ лавры, преподобный Симеонъ, перешелъ въ Филоѳеевскую обитель. Здѣсь онъ еще строже началъ проводить подвижническую жизнь; при томъ и братія, видя въ своей обители такого свѣтильника, начали питать къ нему глубокое уваженіе, а въ послѣдствіи, стали убѣдительно его просить, быть ихъ руководителемъ въ духовной жизни и настоятелемъ. Преподобный Симеонъ, по глубокому своему смиренію, отказывался отъ этого великаго дѣла, но видя усиленное ихъ прошеніе и любовь, согласился быть ихъ

пастыремъ и наставникомъ. Ненавидяй же добра, злобный діаволь, не желая, чтобы все братство имѣло единодушiе и мирное душевное устройство, возмущилъ болѣе слабыхъ противъ преподобнаго, посѣявъ въ нихъ къ нему ненависть, которые съ этого времени начали на преподобнаго клеветать и распространять объ немъ худую молву. Святой, видя, отъ кого все это зло происходитъ, сталъ вразумлять ропотниковъ не подчиняться помысламъ всѣваемымъ имъ отъ лукаваго врага, но подражать болѣе благоразумнымъ; между тѣмъ, они не только не вразумились, но еще сильнѣе стали укорять его. Итакъ, преподобный, видя ожесточенiе ихъ сердець и давая мѣсто гнѣву, оставилъ Св. гору и отправился на гору Фламуриа, смежную съ Загорою. Здѣсь онъ началъ проводить жизнь подобно безплотнымъ Ангеламъ, ни о чемъ не заботясь: жилище себѣ избралъ яблонь, подъ которою безъ покрова, одежды и босой жилъ зиму и лѣто. Спустя три года, его нашли здѣсь нѣкоторые боголюбцы, которые, удивляясь его отшельнической жизни и во всемъ лишенiю, возгорѣлись духомъ и сами пожелали ревновать ему въ духовной жизни, а потому стали просить святаго принять ихъ къ себѣ въ сожительство. Долго преподобный Симеонъ не соглашался принять ихъ, устрашая ихъ тѣми трудами и лишенiями, которые сопряжены съ отшельническою жизнiю, но они не страшились этого, и со слезами просили его благословить имъ поселиться возлѣ него.

Мольбы усердныхъ боголюбцевъ смягчили преподобнаго и онъ согласился. Въ тотъ же день сiи боголюбцы начали строить себѣ соломенные каливы, а чрезъ нѣсколько времени еще пришли двое усердствующихъ и ищущихъ уединенной жизни, они тоже поселились возлѣ преподобнаго. И такимъ образомъ въ этомъ маленькомъ скитѣ — собралось братiи 7 человекъ, которые для своего пропитанiя

начали заниматься хлѣбопашествомъ и дѣлать небольшіе посѣвы.

Съ поселеніемъ возлѣ препод. Симеона братіи, молва о его богоугодной жизни начала распространяться во всей окрестности, вслѣдствіе этого къ нему начали приходять благочестивые христіане: нѣкоторые за совѣтами, а нѣкоторые только за тѣмъ, чтобы увидѣть лице его и принять отъ него благословеніе.

Спустя семь лѣтъ препод. Симеонъ построилъ въ своемъ скитѣ небольшую церковь во имя св. Живоначальныхъ Троицы, въ которой каждодневно самъ совершалъ Божественную литургію. Вскорѣ послѣ построенія церкви начали приходять къ нему священники и діаконы, и видя равноангельную его жизнь, оставались на жительствѣ возлѣ него, и такимъ образомъ мало-по-малу составилаь киновія.

Устроивъ въ своей киновіи порядокъ и чиноположеніе, и вмѣсто себя поставивши братіи другаго начальника и руководителя, онъ отправился въ Эпиръ и потомъ въ Θεσσαлію, гдѣ проповѣдывалъ слово Божіе: колеблющихся въ вѣрѣ утверждая, сомнѣвающихся увѣряя, твердыхъ въ вѣрѣ подкрѣпляя, убѣждалъ любить другъ друга, чтить воскресные и праздничные дни и посѣщать для молитвы церковь Божію. Отсюда преподобный отправился въ Аѣины, гдѣ, по данной ему отъ Господа благодати, исцѣлялъ различныя болѣзни и изгонялъ нечистыхъ духовъ. Здѣсь онъ, съ благословенія Аѣинскаго епископа Лаврентія, каждый воскресный и праздничный день поучалъ людей благочестивой и цѣломудренной жизни. Изъ Аѣинъ онъ пошелъ въ Еврипъ, гдѣ такъ же, какъ и въ Аѣинахъ проповѣдь святаго утверждалась чудесами, вслѣдствіе чего всѣ Еврипскіе христіане начали питать къ нему глубокое уваженіе и почитали его какъ великаго угодника Божія.

Турки, проживающіе въ Еврипѣ, видя благоговѣніе, ока-

зывается христіанами преп. Симеону, будучи подстрекаемы діаволомъ, оклеветали его предъ градоначальникомъ Еврипа въ томъ, будтобы онъ порицаетъ всѣхъ мусульманъ, называя вѣру ихъ ложною, а пророка Магомета проклинаятъ, и что угрожаетъ опасность, какъ бы на самомъ дѣлѣ этотъ человѣкъ не обратилъ Еврипскихъ турокъ въ христіанскую вѣру. Выслушавъ доносъ, градоначальникъ немедленно послалъ кавасовъ схватить препод. Симеона, заковать его въ цѣпи, и потомъ отвести на площадь для публичнаго сожженія.

Когда привели преподобнаго Симеона на площадь и начали собирать въ костеръ дрова, тогда и онъ въ оковахъ началъ помогать туркамъ и класть дрова. Видя это, державшій его за цѣпь, сказалъ ему: „отецъ! вѣдь этотъ костеръ готовится для тебя, такъ какъ градоначальникъ приказалъ сжечь тебя.“

Ну чтоже, отвѣчалъ Святый, если есть на это воля Божія, то я отъ души желаю пострадать за исповѣданіе имени Его Святаго! Этотъ разговоръ подслушалъ одинъ христіанинъ — арабъ, который пригласилъ съ собою нѣсколько благочестивыхъ женщинъ, съ которыми немедленно пошелъ къ матери градоначальника и убѣдительно просилъ ее, чтобы она умолила сына не предавать преподобнаго смерти. Мать градоначальника, движимая чувствомъ состраданія къ невинности Святаго, тотчасъ пошла къ своему сыну и стала его просить не дѣлать никакого зла оклеветанному невинно иноку и не брать на свою душу грѣха въ его смерти. — Что за грѣхъ, отвѣчалъ градоначальникъ, если я приказалъ сжечь порицателя нашей вѣры и совратителя нашихъ правовѣрныхъ въ христіанскую вѣру!

— Все это ложь, сынъ мой, отвѣчала ему мать. Въ такомъ случаѣ, если ты сдѣлаешь ему какое либо зло, то знай, что я сама предаю себя смерти. А ты лучше при-

зови того несчастнаго человѣка и подробно разспроси его обо всемъ, и тогда, увѣряю тебя, ты самъ увидишь, что напрасно осудилъ на смерть невиннаго человѣка!

По уходѣ матери, градоначальникъ съ другими сановниками разсудили, что дѣйствительно онъ поступилъ несправедливо и рѣшили призвать преподобнаго Симеона и спросить о доносѣ его самого. Тогда посланъ былъ нарочный на мѣсто казни и преподобнаго Симеона въ оковахъ привели къ градоначальнику, который, увидя кроткое лице его босаго и почти нагаго, въ одной только ветхой рясѣ, невольно почувствовалъ къ нему расположеніе, а потому ласково и тихо спросилъ его: мнѣ донесли, что ты возвращаешь турокъ отъ вѣрованія въ Магомета, и предлагаешь имъ принять христіанскую вѣру, правда ли это?

— Я пришелъ сюда не турокъ обращать въ христіанство, а напротивъ, утверждать христіанъ въ вѣрѣ въ Иисуса Христа и учу ихъ тому, что повелѣваетъ Евангеліе, отвѣчалъ препод. Симеонъ.—А чему учить Евангеліе? опять спросилъ его градоначальникъ.—Оно повелѣваетъ не красть, жить въ чистотѣ, не желать ничего чужаго, любить другъ друга, платить царскія подати, твердо хранить свою вѣру, почитать воскресные и праздничные дни.

Градоначальникъ, выслушавши его съ любопытствомъ и не видя въ немъ той виновности, въ которой его оклеветали, повелѣлъ освободить его.

Послѣ этого препод. Симеонъ еще съ большимъ дерзновеніемъ сталъ проповѣдывать слово Божіе. И такимъ образомъ обошедши многіе города и селенія, онъ возвратился въ основанную имъ въ Фламуріи киновію. Но однако, къ прискорбію своихъ учениковъ, онъ недолго пробылъ съ ними: душа его по великой любви къ ближнимъ желала питать словомъ Божіимъ тѣхъ, которые онаго требовали; между тѣмъ какъ ученики его, уже преуспѣвшіе въ

добродѣтельной жизни, сами могли утверждать словомъ Божиимъ не только себя, но и другихъ, а потому онъ, простившись съ ними, отправился въ Константинополь, гдѣ былъ ласково принятъ константинопольскимъ патріархомъ, который съ любовію позволилъ ему бесѣдовать съ народомъ и утверждать оный непоколебимо и твердо хранить вѣру въ Господа нашего Иисуса Христа. И такимъ образомъ ревнитель заповѣдей Господнихъ неутомимо началъ бесѣдовать съ народомъ, не только въ церкви, но и на площадяхъ. Народъ съ благоговѣніемъ внималъ ученію преподобнаго, такъ что многіе слышали исповѣдывать ему свои грѣхи и получить чрезъ него разрѣшеніе; другіе же вездѣ слѣдовали за нимъ, слушая его душеспасительныя бесѣды и, сдѣлавшись его учениками, приняли отъ руки его постриженіе въ ангельскій образъ.

Наконецъ, послѣ многолѣтней и неутомимой проповѣди, онъ мирно отошелъ въ небесныя обители; святое тѣло его патріархъ съ честью похоронилъ въ Халкахъ, въ храмѣ Пресвятыя Богородицы.

Спустя два года послѣ блаженной кончины преподобн. Симеона, иноки Фламурійской киновіи, въ одно время бывше въ Константинополь по монастырскимъ дѣламъ, пожелали перенести мощи своего отца и наставника изъ Халокъ въ созданную имъ киновію. Для этого они испросили у патріарха разрѣшеніе. Патріархъ, видя любовь учениковъ къ своему учителю, порадовался и приказалъ имъ невозбранно взять ихъ и перенести въ свою обитель.

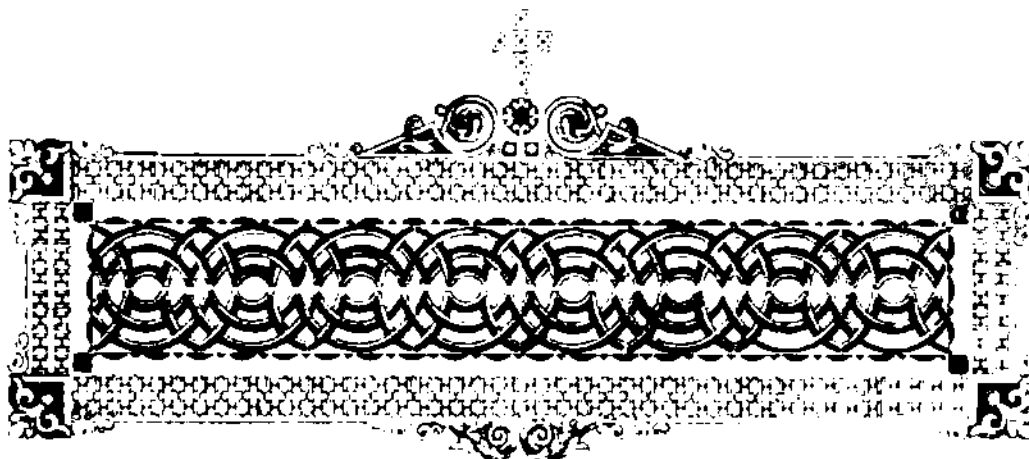
Изготовивъ новый ковчегъ, киновійцы предъ отбытіемъ своимъ приплы въ Халки и когда открыли гробъ преподобн. Симеона, то отъ мощей его разлилось ароматное благоуханіе; и всѣ больные, которые прикасались къ нимъ и лобызали, получали исцѣленіе. Изъ числа многихъ приведемъ здѣсь слѣдующій случай:

Въ то самое время, когда открыли гробъ святаго, одинъ ремесленникъ, издавна страдающій чахоткою, которая уже приходила къ окончанію и готова была похитить свою жертву, лишь только облобызавъ главу преподобнаго, какъ тотчасъ кашель прекратился и мокрота остановилась, и онъ сдѣлался совершенно здоровымъ. Впослѣдствіи, онъ за свое исцѣленіе въ благодарность сдѣлалъ раку для св. мощей своего цѣлителя.

По принесеніи мощей препод. Симеона въ его обитель, оныя были съ честію положены и чтимы не только иноками его обители, но и тѣми благочестивыми христіанами, которымъ онъ проповѣдывалъ слово Божіе.

Нельзя умолчать еще объ одномъ чудѣ, бывшемъ отъ мощей преподобнаго. Однажды, иноки его обители, отпрапляясь для сбора милостыни, по обыкновенію тамошнихъ монастырей, взяли съ собою въ ковчегъ палецъ препод. Симеона. Дошедши до крѣпости Орейской, здѣсь они встрѣтили одного больнаго, страдавшаго опухlostію всего тѣла, который, узнавъ, что при нихъ есть часть мощей препод. Симеона, просилъ ихъ прійти въ его домъ и отслужить молебень. Иноки пришли въ его домъ и, освятивши воду, повелѣли больному облобызать св. мощи и напиться священной воды. Лишь только больной все это исполнилъ, какъ вдругъ изъ всего его тѣла истекла зловонная матерія, и онъ вскорѣ совершенно выздоровѣлъ. Видя себя исцѣленнымъ, бывшій больной въ благодарность своему цѣлителю, отписалъ въ полное владѣніе его обители все свое имѣніе, а самъ, принявши иноческій образъ, остальное время жизни провелъ въ оной въ добродѣтельной жизни.

Молитвами преподобнаго Симеона, Христе Боже, исцѣли и наши душевныя и тѣлесныя болѣзни, и удостой насъ части преподобныхъ Твоихъ. Аминь.

А П Р Ъ Л Я 19.

**Житіе и страданіе святаго преподобномученика
АГАВАНГЕЛА ЕСФИГМЕНСКАГО *).**

Сей ангелоименитый святой мученикъ Агавангелъ былъ родомъ изъ города Эноса, Оракійской области. Родители его были православные христіане—отецъ Константинъ, а мать Кристаллія! Во святомъ крещеніи Агавангелъ названъ былъ Аѳанасіемъ. Кромѣ Аѳанасія у Константина было еще трое дѣтей. Оставшись послѣ смерти отца сиротою, Аѳанасій для прокормленія себя съ семействомъ поступилъ въ службу къ одному моряку по имени Анастасію и вскорѣ сошелся съ нимъ настолько, что даже сдѣлались неразрывными друзьями, и неразлучно былъ съ нимъ во всѣхъ плаваніяхъ. Однажды случилось Анастасію съ Аѳанасіемъ служить по найму на турецкомъ кораблѣ. Когда кончился срокъ, Анастасій, получивши расчетъ, оставилъ корабль, но Аѳанасія капитанъ корабля турокъ-Мехметъ удержалъ и разными угрозами заставилъ его остаться на

*) Съ рукописи Есфигменскаго монастыря.

корабль. Конечно, Аванасій, бывши застрашенъ капитаномъ и боясь, чтобы онъ не сдѣлалъ съ нимъ чего-либо худшаго, такъ какъ въ то время самоправность турокъ надъ христіанами не имѣла никакихъ границъ, безпрекословно остался жить у него. Прошло нѣсколько времени, Аванасій оказался честнымъ и хорошимъ работникомъ; въ слѣдствіе этого хозяинъ его положилъ въ намѣреніи обратить его въ мусульманскую вѣру и потомъ усыновивши сдѣлать своимъ наслѣдникомъ. Но почему-то не вдругъ приводилъ свое желаніе въ исполненіе, а отлагалъ годъ за годъ, и такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ. Въ одно время плыли они на корабль изъ Константинополя въ Смирну, въ числѣ пассажировъ былъ смиренскій судья, который, видя расторопность и услужливость Аванасія, совѣтовалъ Мехмету склонить его принять мусульманскую вѣру. Этотъ вражескій совѣтъ еще болѣе усилилъ давнишнее его желаніе обратить Аванасія въ мусульманство, хотя бы даже насильственнымъ образомъ. Когда они приплыли въ Смирну, то, вѣроятно, сердце Аванасіево предчувствовало, что Мехметъ замышляетъ противъ него что-то недоброе, а потому потребовалъ отъ него расчетъ. Злобный турокъ, не желая выпустить изъ своихъ когтей намѣченной имъ жертвы, однажды вечеромъ рѣшилъ привести въ дѣйствительность свое намѣреніе, для чего избралъ самую полночь. Онъ взялъ съ собою Аванасія съ зажженнымъ фонаремъ проводить его въ другую часть города и такимъ образомъ они, пройдя городскія улицы, вышли за городъ; здѣсь Мехметъ вдругъ выхватилъ изъ за пояса кинжалъ и имъ легко ранилъ Аванасія; потомъ приставивши его къ горлу несчастнаго юноши, угрожалъ его зарѣзать. Изумленный Аванасій, не зная, чему приписать подобную выходку своего хозяина, началъ его умолять и просилъ пощады, выставляя на видъ всѣ свои труды и услуги. Но

варваръ грозно отвѣчалъ ему: не оставлю тебя въ живыхъ, если ты не согласишься принять мусульманскую вѣру.

Убоявшись угрожаемой смерти, Аѳанасій рѣшился принять мусульманскую вѣру; при этомъ онъ въ успокоеніе своей совѣсти думалъ: я на словахъ изъявлю согласіе, чтобъ только не убилъ меня злодѣй, а завтра отрекусь отъ своего слова и убѣгу отъ него. Но діаволь, ищущій погибели человѣческой души, разрушилъ мечты Аѳанасія, такъ какъ Мехметъ, видя его согласіе, тотчасъ пошелъ въ судилище и просилъ немедленно разбудить судью, того самаго, который плылъ на кораблѣ и посовѣтовалъ ему обратить Аѳанасія въ мусульманскую вѣру. Судья не заставилъ себя долго ждать и, узнавши въ чемъ дѣло, обрадовался и потребовалъ отъ Аѳанасія отреченія отъ христіанской вѣры. Но и здѣсь отверженникъ, думая обмануть самого себя, сказалъ своему помыслу: чтоже? теперь я на словахъ отрекусь отъ Иисуса Христа, а потомъ въ сію же ночь убѣгу, и гдѣ нибудь скроюсь. И такимъ образомъ онъ сознательно отрекся отъ истинной вѣры, промѣнявъ оную на ложную.

Но однако Аѳанасій ошибся въ своихъ расчетахъ, ибо съ произнесеніемъ исповѣданія мусульманской вѣры, свобода его была стѣспена и его никуда не отпускали до тѣхъ поръ, пока не совершили надъ нимъ обрѣзанія.

Спустя нѣсколько времени несчастный отступникъ заболѣлъ. Въ это время онъ пришелъ въ раскаяніе, началъ скорбѣть о потерѣ христіанской вѣры и страшился, чтобы смерть не захватила его отверженникомъ. Но Всемогущій Богъ не хотѣлъ смерти грѣшника, и какъ чадолюбивый Отецъ, долго терпя и ожидая обращенія грѣшника, подаль ему руку помощи и воздвигъ его отъ одра болѣзни. Аѳанасій, съ дозволенія своего господина, отправился на родину. При свиданіи съ родными, онъ накопленные имъ деньги раздѣлилъ между ними; но однако это доброе его

дѣло не обошлось безъ ссоры, такъ какъ діаволь, противникъ мира и согласія, боялся, чтобы попавшаяся въ его когти добыча, почему либо не ускользнула; для этого онъ смутилъ его родныхъ и произвелъ изъ за раздѣленныхъ между ними денегъ ссору. Эта ссора ожесточила отверженника настолько, что онъ, однажды пришедши въ судъ, выправилъ себѣ тамъ свидѣтельство такого рода, что онъ навсегда разрываетъ родственныя связи со своими родными, и чтобы они, въ случаѣ его смерти, не имѣли права владѣть движимымъ и недвижимымъ его имуществомъ.

Черезъ эту ссору діаволь достигъ того, что отверженникъ при ожесточенномъ сердцѣ не имѣлъ возможности подумать о гибели своей души. Гнѣвъ, кипѣвшій въ его сердцѣ, затушилъ все доброе и не давалъ ему опомниться. Послѣ этого онъ возвратился въ Смирну къ своему господину, но за что-то поссорившись съ нимъ и будучи имъ обиженъ, бѣжалъ отъ него и съ этихъ поръ мало-по-малу онъ началъ приходить въ себя и сознавать глубокое свое паденіе.

Скитаясь по разнымъ городамъ и селеніямъ, онъ претерпѣвалъ всякаго рода лишенія, боясь при томъ попасть въ руки правосудія, такъ какъ господинъ его, во время его бѣгства, оклеветалъ его въ кражѣ у него значительной суммы денегъ и, взявши отъ начальства позволеніе, началъ вездѣ искать его. Аѳанасій же, боясь быть узаннымъ и чтобы обезопасить себя отъ преслѣдованія, не сталъ называть себя мусульманскимъ именемъ и, переодѣвшись въ нищенскую одежду, благополучно пришелъ на св. Аѳонскую гору, гдѣ несчастный отверженникъ думалъ найти истерзанной и измученной своей душѣ покой. Обошедши обители на Святой горѣ и исповѣдавшись многимъ духовникамъ въ своемъ паденіи, онъ наконецъ поселился въ Есфигменской обители, гдѣ, по присоединеніи его къ пра-

вославної Церкви, игумень, по имени Евѣимій, вдаль его подь руководство опытному старцу Іеромонаху Герману *) и повелѣлъ ему прислуживать братіи въ трапезѣ, что Аѣанасій исполнялъ съ великимъ усердіемъ. Съ теченіемъ времени, сердце его до этого холодное согрѣлось, въ слѣдствіе чего явилось у него раскаяніе, и онъ отреченіе свое отъ Христа началъ заглаждать покаяніемъ, проводя время во бдѣннѣ, молитвѣ и колѣнопреклоненіяхъ, и такимъ образомъ, спасительнымъ покаяніемъ залечивалъ свои душевныя раны, нанесенныя ему діаволомъ. При этомъ родилось у него желаніе исповѣдаться предъ мусульманами христіанскую вѣру и очистить свое паденіе мученіемъ. Діаволь, видя душевное его устроеніе и желая поколебать твердость подвижника Христова, началъ смущать его разными помыслами и мечтаніями. Такъ, однажды, Аѣанасій видитъ во снѣ, будто онъ находится въ одной извѣстной ему кофейнѣ. Содержатель кофейной, бывшій ему хорошимъ знакомымъ, сталъ съ презрѣніемъ отъ него отворачиваться. Между посѣтителями были тоже знакомые Аѣанасію, которые, видя холодность содержателя къ старому другу, сказали ему: что это такое значить, что ты не хочешь взглянуть и привѣтствовать своего друга? Тогда содержатель обратился къ Аѣанасію и сказалъ: другъ мой! что это съ тобою сдѣлалось! твое поведеніе становится для меня непонятнымъ: что именно заставило тебя бѣжать отъ твоего добраго господина и поселиться съ злыми монахами, гдѣ тебя ожидаютъ разныя лишенія и бѣдствія? При томъ, какую горькую скорбь ты нанесъ, такъ какъ мы всѣми силами старались оградить тебя всевозможными благами,

*) Іеромонахъ Германъ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ богослововъ. Онъ скончался въ 1851 году, оставивъ послѣ себя много прекрасныхъ произведеній своего пера. Желающій ближе ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ старцемъ, пусть читаетъ о немъ въ письмахъ г. Муравьева, видѣвшего его при своемъ посѣщеніи Аѣонской святыни (См. его письма съ Востока 7. 6. стр. 219—231).

и вотъ вмѣсто благодарности ты съ презрѣніемъ оставилъ насъ и поселился съ смертельными нашими врагами? Говоря это, бывшій другъ Аѳанасія, а также и всѣ товарищи зарыдали. Видя слезы друга, Аѳанасій и самъ разстроился и заплакалъ. Въ это время ударъ полуночнаго колокола возвѣстилъ объ исполненіи келейнаго правила и бѣсовское мечтаніе исчезло. Какъ только Аѳанасій пробудился, то на самомъ дѣлѣ увидѣлъ свои глаза заплаканными, чему немало удивлялся. Когда же онъ вышелъ изъ келліи, то увидѣлъ человѣка, сидящаго на морскомъ берегу и бросающаго въ воду камни. Аѳанасія удивило столь позднее сидѣніе на берегу человѣка и онъ, какъ бы спрашивая, сказалъ про себѣ: что бы это нужно было этому человѣку ночью сидѣть внѣ монастыря? Но въ это время человѣкъ, сидѣвшій на берегу, приблизился къ Аѳанасію и съ угрозою сказалъ: а! тебя-то мнѣ и нужно, ты думаешь что совсѣмъ уже освободился отъ меня и я тебя оставилъ? Нѣтъ, я не оставляю тебя до тѣхъ поръ, пока совершенно не сражу; говоря это, онъ швырнулъ въ Аѳанасія камень, который пролетѣлъ мимо его головы и ударился въ стѣну. Теперь-то Аѳанасій понялъ, что значилъ видѣнный имъ сонъ, и что за человѣкъ, бросившій въ него камень. Посему онъ немедленно возвратился въ свою келлію и, падши на колѣна предъ иконою Спасителя и Богоматери, сталъ усердно молиться и со слезами просить Бога и Его Пречистую Матерь сохранить его отъ сѣтей дьявольскихъ. После долгой и усердной молитвы, Аѳанасій ощутилъ въ своемъ сердцѣ тишину и спокойствіе.

Однажды, страдая главною болѣзнію, Аѳанасій былъ въ церкви во время вечерняго богослуженія, но отъ сильной боли не могъ достоять до конца онаго, почему и ушелъ въ свою келлію. Здѣсь онъ началъ укорять себя въ нетерпѣннѣи, говоря: увы мнѣ несчастному! когда я не могу тер-

гѣливо перенести сей ничтожной боли, то какъ же буду терпѣть мученіе, когда будутъ мое тѣло рѣзать или жечь огнемъ? Имѣя такія размышленія, онъ палъ на колѣни предъ иконою Пресвятыя Богородицы и въ продолженіе двухъ часовъ молился Преподобнословенной укрѣпить его слабыя силы, и сподобить принять за свое отреченіе отъ Ея Сына Господа нашего Іисуса Христа мученическую кончину. Вскорѣ послѣ молитвы онъ немного забылся и сквозь тонкій сонъ видитъ подошедшую къ нему Жену, сіяющую необыкновеннымъ свѣтомъ, которая ласково сказала ему: „чадо, о чемъ ты скорбишь и печалишься?“ Аѳанасій отвѣчалъ: какъ же мнѣ не скорбѣть, Госпожа моя, когда печаль сокрушаетъ мое сердце за отреченіе отъ Господа моего, и хотя я желаю загладить оное пролитіемъ моею кровію за Его святое имя, но страшусь, какъ бы не впасть въ малодушіе. „Держай чадо,“ сказала ему Небесная Попечительница, — „ты получишь желаемое тобою мученіе. Иди въ Смирну для подтвержденія того, что было въ Адрианополѣ, ибо многіе изъ слышавшихъ не вѣрятъ о тѣхъ страданіяхъ, какія тамъ не такъ давно претерпѣли св. мученики. Иди же безъ отлагательства, такъ какъ теперь самое удобное время!“

Аѳанасій, пробудившись, ощутилъ въ своемъ сердцѣ радость, и съ благоговѣніемъ лобызалъ то мѣсто, гдѣ стояли пречистыя ноги Богоматери. По утру Аѳанасій разсказалъ старцу своему Герману все видѣнное имъ во снѣ, но старецъ, выслушавъ его повелѣлъ ему быть осторожнымъ и не вдругъ вѣрить видѣніямъ, такъ какъ у діавола сѣтей много. Это видѣніе Германъ передалъ и игумену, но и игумень счелъ нужнымъ сообщить оное патриарху Григорію V, жившему въ то время въ изгнаніи въ Иверскомъ монастырѣ. Какъ только Германъ пришелъ къ патриарху, то патриархъ началъ ему разсказывать, какъ въ Адрианополѣ

пострадали нѣкоторые изъ христіанъ съ такимъ мужествомъ и твердостію, что удивили самихъ мучителей—турокъ. Выслушавъ разсказъ патріарха, Германъ сказалъ ему: владыко мой! все то, что ты мнѣ сейчалъ передалъ, гораздо ранѣе сообщено Святой горѣ. Слыша это, патріархъ удивился и между прочимъ замѣтилъ Герману: этому невозможно быть, такъ какъ я сейчасъ только получилъ письмо объ этомъ событіи. Тогда Германъ началъ разсказывать патріарху о томъ видѣніи, которое удостоился видѣть его послушникъ Аѳанасій. Патріархъ, выслушавъ разсказъ прославилъ Бога и Препоблагословенную Владычицу Богородицу и сказалъ Герману: все видѣнное истина и есть отъ Бога, а не отъ вражія наважденія: видѣнная же Жена есть Пречистая Богородица.

Итакъ, иди съ миромъ и благоразумно наставляй юношу, но при томъ скажи ему, чтобы онъ наступающую святую четырехдесятницу провелъ въ обители, и чтобы въ это время приготовился на мученическій подвигъ, а потомъ пусть идетъ исповѣдывать предъ врагами Церкви имя Иисуса Христа.

Какъ только наступила св. Четырехдесятница, Германъ, взявъ съ собою Аѳанасія, отправился въ Предтеченскій скитъ къ духовнику Никифору, котораго просилъ помѣстить въ своей келліи и приготовить Аѳанасія къ мученическому подвигу. Никифоръ съ радостію принялъ Аѳанасія и вдалъ его подъ руководство опытному старцу Григорію, который имѣлъ уже счастье приготовить на страданіе четырехъ мучениковъ: Евѳимія, Игнатія, Акакія и Онуфрія *), бывши имъ спутникомъ и утѣшителемъ, и потомъ принесъ святыхъ ихъ мощи въ эту келлію, кромѣ мощей святаго Онуфрія, потопленныхъ турками въ морѣ **).

*) См. ихъ жизнеописанія: Евѳимія марта 21, Акакія мая 1, Игнатія октября 20.

**) См. его жизнеописаніе января 4.

Пришедши въ келлію духовника Никифора, Аѳанасій съ благоговѣніемъ лобызалъ святыя мощи преподобномучениковъ; при этомъ сердце его разгорѣлось еще большимъ желаніемъ пострадать за исповѣданіе имени Іисуса Христа. Но врагъ, не желая допустить подвижника Христова получить душевную пользу и укрѣпленіе въ подвигахъ отъ старца, который дѣломъ показалъ свою опытность, возбудилъ въ его сосѣдѣ по келліи зависть, и сей сосѣдъ разными коварствами старался вытѣснить Аѳанасія изъ Предтеченскаго скита.

Видя коварство сосѣда, Германъ началъ порицать завистника за его вражескія дѣйствія, но Аѳанасій умолялъ старца оставить брату его согрѣшеніе и смиренно сказалъ ему: если намъ непріятны порицанія этого человѣка, то судя поэтому, какими должны казаться предъ Богомъ мои великіе грѣхи? Старецъ, слыша отъ своего ученика смиренный образъ мыслей, смягчился и, уступая мѣсто зависти, они возвратились обратно въ свою обитель, гдѣ, помѣстивши Аѳанасія въ особую и безмолвную келлію, Германъ назначилъ ему келейное правило и умѣренный постъ; а дабы оный подвижникъ не впалъ въ уныніе, Германъ часто навѣщалъ и укрѣплялъ его въ подвигахъ; при томъ желая испытать его намѣреніе, онъ высказывалъ ему всѣ тѣ ужасы и муки, которыя онъ долженъ претерпѣть предъ мучителями. Но Аѳанасій твердо стоялъ въ своемъ намѣреніи и просилъ благословить его на мученіе за имя Христово. Конечно, старецъ, бывши не увѣреннымъ въ твердости своего ученика, отказалъ ему. Этотъ отказъ опечалилъ Аѳанасія, и онъ всю ночь горько проплакалъ, и уже не рѣшался болѣе беспокоить Германа просьбами, а написалъ ему записку такого содержанія: „Отче святой! тѣло мое вѣдаю въ полное твое распоряженіе, но только до слѣдующаго воскресенья. Дѣлай съ нимъ что хочешь, и испытай

какъ знаешь. Но въ слѣдующее за симъ воскресенье, если ты меня не отпустишь на мученіе, то я оставлю Св. гору и пойду въ городъ Эносъ, гдѣ испрошу молитвъ и благословенія у своей матери, и потомъ отправлюсь на мученіе.“ Прочитавъ записку, старецъ посовѣтовался объ этомъ съ игуменомъ и съ общаго согласія рѣшился испытать Аѳанасія болѣе строгою жизнію; для этого заключили его въ башню и назначили ему самое строгое правило, въ пищу же кромѣ хлѣба и воды другаго ничего не давали. Къ испытанію Аѳанасія присоединились и козни всезлобнаго врага, ибо въ первую же ночь своего заточенія, до его слуха доносились разные голоса, шумъ и вопли, которые не умолкали во всю ночь. Во вторую же ночь онъ увидѣлъ множество еѳіоповъ, которые бѣгали то вверхъ, то внизъ и суетились всевозможнымъ образомъ, стараясь устрашить подвижника Христова, но онъ молитвою и знаменіемъ Живоворящаго Креста разогналъ всѣ бѣсовскія мечтанія. На третью ночь мечтанія вражескія уменьшились, а на четвертую и вовсе прекратились, но за то вмѣсто всѣхъ страхованій напала на него грусть и тоска, которая подобно тяжелому гнету давили его сердце. Дождавшись утра, Аѳанасій объяснилъ старцу свою скорбь. Старецъ увидѣлъ козни діавола, который воздвигъ на него брань уже не призраками и страхованіями, а поселилъ въ его сердцѣ скуку и тоску, думая этимъ ввергнуть Аѳанасія въ отчаяніе. Поэтому старецъ посовѣтовалъ ему выйти изъ затвора и жить вмѣстѣ съ братією, гдѣ скукѣ и тоскѣ не будетъ мѣста, или же хотѣлъ и самъ жить вмѣстѣ съ нимъ въ башнѣ. Но Аѳанасій не пожелалъ выйти изъ затвора и сказалъ ему: не выйду изъ башни до тѣхъ поръ, пока помощію Вожіею не возьму побѣды надъ врагомъ, а также не желаю и тебѣ жить вмѣстѣ со мною; такъ какъ я рѣшился одинъ бороться со врагомъ, то и надѣюсь, что Всесильный Богъ

поможетъ мнѣ побороть его. Затѣмъ въ слѣдующую ночь, а потомъ въ другую за нею, онъ не сталъ уже болѣе ощущать тоски, и такимъ образомъ прошло три недѣли великаго поста. На четвертую недѣлю-средокрестную, игумень призывалъ его въ монастырь и постригъ въ ангельскій образъ, съ именемъ АгаѠангела, а послѣ Божественной Литургіи, онъ снова возвратился въ башню, облеченный во вся оружія и укрѣпленный Божественными Тайнами Тѣла и Крови Христовыхъ. Съ этого времени лице его сіяло какимъ-то Божественнымъ свѣтомъ, а въ сердцѣ царил миръ, радость и любовь къ Іисусу Христу. Сидя въ башнѣ, онъ нашелъ тамъ старыя цѣпи, которыя надѣлъ на тѣло, а оказавшійся тамъ же волосяной мѣшокъ, носилъ вмѣсто рубашки; при этомъ умножилъ и число поклоновъ, назначенныхъ ему старцемъ, которыхъ въ теченіе сутокъ полагалъ по 3000 земныхъ, читалъ священное Евангеліе, акаѠиствъ Пресвятой Богородицѣ и проходилъ умную Іисусову молитву. Въ свободное же отъ молитвы время, онъ любилъ читать книги о подвигахъ святыхъ мучениковъ, вслѣдствіе чего онъ еще болѣе укрѣпился мыслию пролить свою кровь за исповѣданіе христіанской вѣры и просилъ старца, какъ можно скорѣе отправить его на мученіе. Но старецъ совмѣстно съ игуменомъ не рѣшались отпустить АгаѠангела на мученическій подвигъ до тѣхъ поръ, пока не откроетъ Самъ Богъ,—есть ли на это Его святая воля. Для этого было заповѣдано игуменомъ всей братіи, чтобы они каждый въ своей келліи въ назначенную ночь совершили продолжительную молитву, и со смиреніемъ просили бы у Бога откровенія, указать: есть ли всесвятая Его воля на то, чтобы отпустить АгаѠангела на мученическій подвигъ? Но Господь въ ту же ночь открылъ игумену Свою благую волю такимъ образомъ: послѣ продолжительной молитвы, игумень прилежъ отдохнуть, и когда забылся

сномъ, то ему представилось, будто онъ съ Германомъ и Агаѳангеломъ отправились куда-то въ путь. На пути встрѣтились они съ боголѣпнымъ старцемъ, который похожъ лицомъ былъ на Святителя Николая, какъ обыкновенно онъ изображается на св. иконахъ. Сей боголѣпный старецъ, подошедши къ игумену, спросилъ его: „кто изъ нихъ хочетъ идти на мученіе?“ Вотъ этотъ юноша, указавъ рукою на Агаѳангела, отвѣчалъ игуменъ. Въ это время Агаѳангель приблизился къ святому старцу, поклонился ему до земли и облобызалъ его руку. Святый старецъ сказалъ ему: добраго дѣла ты пожелалъ, чадо! Итакъ, поспѣши же исполнить твое желаніе, въ которомъ поможетъ и укрѣпитъ тебя Богъ, скончать теченіе со славою. По утру игуменъ разсказалъ братіи свое видѣніе, изъ коего позналъ волю Божию и съ этого дня сталъ готовить все нужное для путешествія.

Мысль о мученіи, запавшая въ юное сердце Агаѳангела, все болѣе и болѣе разгоралась, такъ что онъ день и ночь былъ занятъ ею, а потому желалъ, какъ можно скорѣе вдать себя въ подвигъ мученичества. Какъ бы для исполненія его желанія, по Божию усмотрѣнію, Агаѳангелу представилось, будто онъ вылетѣлъ изъ дверей башни, и потомъ направилъ путь въ Смирну. Изъ этого онъ уразумѣлъ, что Промыслу Божию угодно, дабы Смирна была избрана имъ для мученическихъ подвиговъ. Почему тотчасъ же пошелъ къ старцу, разсказалъ ему все съ нимъ случившееся, и сталъ умолять отправить его въ Смирну для подъятія мученическихъ подвиговъ.

Въ это время старецъ по совѣту игумена уже болѣе не сталъ отклонять Агаѳангела отъ мысли пострадать за Христа, а велѣлъ ему готовиться въ путь и только ожидали судно, которое бы плыло въ Смирну. По Божию усмотрѣнію, вскорѣ къ пристани, гдѣ находилась Есфигменская оби-

тель, пристало большое судно, шедшее изъ острова Хиоса въ Смирну. Отъ матросовъ узнали, что они на другой же день отправляются въ Смирну; но такъ какъ въ этотъ день была Пасха, то игумень со старцемъ Германомъ сталъ просить начальника судна пробить этотъ день въ пристани, ради великаго дня. Къ общей радости начальникъ согласился, а на другой день, т. е. въ понедѣльникъ, АгаѦангель былъ постриженъ въ схиму и съ напутственною молитвою и благословеніемъ отправленъ на судно вмѣстѣ со старцемъ Германомъ.

Когда приближалось судно къ Смирнѣ, до которой оставалось уже немного разстоянія, въ это время АгаѦангель, пробудившись отъ легкаго сна сдѣлался печальнымъ и тихо плачущимъ. Замѣтивши столь рѣзкую переѣну въ своемъ ученикѣ, Германъ смутился, и не зналъ чему приписать душевное его смущеніе. На всѣ вопросы старца АгаѦангель какъ бы не обращалъ вниманія, отвѣчалъ ему кратко и просилъ оставить его въ покоѣ. Убоявшись такой переѣны, старецъ, желая проникнуть въ сердце смущеннаго ученика, съ отеческою заботливостію и съ ласковыми словами настойчиво спрашивалъ его объ его смущенномъ состояніи. Тогда АгаѦангель сказалъ ему: отче! причина, которая смутила меня и поколебала мое сердце та, что явился мнѣ святой преподобномученикъ ЕвѦимій *), обнялъ меня и, лобызая, сказалъ: „пришло время.“ И такъ, явленіе преподобномученика означаетъ то, что наконецъ Господь сподобить меня принять мученическую кончину; но при этомъ меня смущаетъ мысль: безбѣдно ли пройдетъ моя душа воздушныя мытарства, имѣя безчисленные грѣхи?

— Братъ! сказалъ ему старецъ, видѣніе твое истинно, но помысль твой произошелъ отъ ненавистника спасенія

*) См. житіе его марта 21.

человѣческаго діавола, который, смутивши тебя, желаетъ посѣять въ твоёмъ сердцѣ боязнь, затѣмъ ввергнуть въ отчаяніе, и тогда уже трудно вырваться изъ его когтей. Но знай, что князи воздушныхъ мытарствъ не только не могутъ задержать ту душу, которая разлучилась изъ тѣла мученическою кончиною, но даже не смѣютъ и приблизиться къ ней. Послѣ сихъ утѣшительныхъ словъ Агаангелъ успокоился и вмѣсто темнаго облака, нашедшаго на него по дѣйству діавола, возсіялъ радостный лучъ благодатнаго утѣшенія, который рѣзко отпечатлѣвался на его лицѣ. Между тѣмъ они благополучно пристали къ берегамъ Смирны и высадившись, остановились въ домѣ у одного знакомаго христіанина именемъ Константина.

Когда насталь день, въ который произвольный мученикъ долженъ былъ вдать себя на мученіе, тогда сняли съ него всю иноческую одежду и одѣли въ турецкую, и послѣ напутственной молитвы, Агаангелъ съ сіяющимъ радостію лицомъ, пошелъ въ судилище, гдѣ безбоязненно предсталъ предъ судьями и на вопросъ ихъ: что ему нужно? Агаангелъ отвѣчалъ: я имѣю тяжёбое дѣло съ капитаномъ Мехметомъ (прежнимъ своимъ хозяиномъ), а потому желаю, чтобы вы его вызвали сюда въ судъ и рѣшили бы оное.

Когда приведенъ былъ Мехметъ и сталъ предъ судьями, тогда Агаангелъ, обратившись къ нимъ, сказалъ:

— Судьи! Въ то время, когда я поступилъ въ служеніе къ этому господину, я былъ христіаниномъ; но онъ угрозами и съ покушеніемъ на мою жизнь насильственнымъ образомъ заставилъ меня отречься отъ христіанской и принять мусульманскую вѣру. Теперь же, по великой милости Спасителя моего Іисуса Христа, я оцять всѣмъ сердцемъ моимъ вѣрую въ Него и исповѣдую Его истиннымъ Богомъ; говоря это, онъ вынулъ изъ за пазухи Крестъ и поднявъ его вверхъ сказалъ: а это непреоборимое ору-

жіе всѣхъ христіанъ, ибо на немъ распять былъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Вѣрующіе въ Него наследуютъ царство небесное, а невѣрующіе будутъ осуждены въ муку вѣчную!

Вырвавши Крестъ изъ рукъ мученика, судьи начали укорять его и совѣтовали ему, познавъ свое заблужденіе, пріобщиться опять въ мусульманскую вѣру. Но святой мученикъ, вынувъ изъ за пазухи малое изображеніе Воскресенія Христова, громко воскликнулъ: на такомъ крестѣ, который вы отняли у меня, былъ распять плотію Господь нашъ Іисусъ Христосъ, а вотъ такимъ образомъ Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, а равно и въ день всеобщаго воскресенія Онъ также воскреситъ вѣрующихъ, для полученія царства небеснаго, которое уготовано отъ сотворенія міра вѣрующимъ въ Него! Подобно Животворящему Кресту и это изображеніе Воскресенія Христова было отобрано предстоящими слугами, и судьи, сочтя святаго АгаѦангела за помѣшаннаго въ умѣ, приказали вывести въ другую комнату, гдѣ усердные служители Магомета разными льстивыми словами и обѣщаніями чиновъ и богатства старались отклонить его отъ вѣры въ Іисуса Христа. Христовъ же страдалецъ, какъ твердый адамантъ, непоколеблемо стоялъ въ своемъ исповѣданіи и съ пренебреженіемъ отринулъ всѣ ихъ почести и богатство. Но однако и обольстители Магомета, не желая выпустить жертву изъ своихъ когтей, принесли груды золота и разныхъ дорогихъ одеждъ, и увѣряли мученика, что это отдадутъ ему, если онъ опять увѣруеть въ Магомета. Но святой АгаѦангелъ, вмѣняя все въ уме-ты, чтобы только пріобрѣсть Христа, кротко отвѣчалъ: ничѣмъ вы меня не прельстите, все ваше богатство, честь и слава, которая вы мнѣ предлагаете, да будетъ вамъ въ погибель: я исповѣдую истиннаго Бога Іисуса Христа, горю къ Нему любовію, и готовъ положить свою душу за

имя Его святое.—Видя, что ласки и обѣщанія всѣхъ благъ не дѣйствуютъ на св. мученика, судьи приказали его опять привести къ себѣ и уже стали угрожать ему разными муками и безчестною смертію и совѣтовали выбирать одно изъ двухъ: или честь и богатство, или различныя горькія муки.

— Этимъ вы меня нисколько не устршите, отвѣчалъ святой исповѣдникъ; напротивъ, съ радостью желаю пострадать за Господа моего Іисуса Христа и, очистившись своею кровію, чистымъ явиться предъ лицомъ Бога моего, отъ Котораго отвергся страха ради; при томъ знайте, судьи, что великую мнѣ окажете любовь, если сейчасъ же прикажите меня мучить.

О, блаженный языкъ! прозвучавшій въ наше скудное время такое исповѣданіе вѣры въ Господа нашего Іисуса Христа! О, умъ пребожественный и твердый! О, руки всечестныя, возвысившія честный крестъ и Воскресеніе Христово съ такимъ мужествомъ предъ лукавымъ собраніемъ! Какія нестерпимыя раны нанесли вы злымъ демонамъ! О душа мужественная, не прельщающаяся земными благами, за что тебѣ Христосъ готовитъ вѣчное блаженство!

Судьи, видя твердость мученика и потерявъ всякую надежду убѣдить его лестными словами, приказали его раздѣть и связать; въ это время одинъ изъ слугъ сильно ударилъ въ ланиту святаго. Но вѣрный рабъ Законоположителя, подражая Его Божественной заповѣди, подставилъ ему и другую. Послѣ этого отвели мученика къ правителю города Муселиму, а такъ какъ въ этотъ день Муселимъ дѣлами не занимался, то мученика принялъ въ свое распоряженіе его намѣстникъ, который сперва началъ исповѣдника Христова увѣщавать лестными словами и разными обѣщаніями, но видя, что онъ твердо и непоколебимо стоитъ въ своемъ исповѣданіи, приказалъ своимъ слугамъ

забить ноги святаго мученика въ колоды и, наложивши на него тяжелую цѣпь, ввергнуть въ темницу, въ которой кромѣ его содержались невинно два христіанина.

На другой день Муселимъ, узнавъ о мученикѣ, былъ недоволенъ тѣмъ, что его раздѣли въ судилищѣ и прислали къ нему въ одной сорочкѣ, а потому приказалъ отвести его въ судилище, одѣть его въ одежду и тогда уже представить къ нему. Дорогой слуги Муселима всячески поносили святаго и нѣсколько разъ ставили его на колѣни и, желая его утратить, взмахивали надъ его головою мечъ, какъ бы для усѣченія, но исповѣдникъ Христовъ безбоязненно и съ радостнымъ лицомъ ожидалъ смертнаго посѣченія. Послѣ всего этого подвижникъ Христовъ былъ введенъ въ судилище, гдѣ его одѣли въ прежнюю одежду и потомъ отправили обратно къ Муселиму. Но однако и Муселимъ не могъ поколебать святаго, и всѣ его обѣщанія мученикъ отринулъ съ пренебреженіемъ. На другой день до исповѣдника Христова, сидѣвшаго въ темницѣ, дошелъ слухъ, что объ немъ нѣкій хіосскій христіанинъ АѠанасій хлопочетъ предъ Муселимомъ объ его освобожденіи. На это святой оскорбился и тотчасъ написалъ письмо къ оному АѠанасію, прося его оставить свое ходатайство, а вмѣсто онаго просилъ, чтобы сотворили за него общую молитву, дабы Богъ укрѣпилъ его въ мученическомъ подвигѣ. Вслѣдствіе этого письма всѣ смирскіе христіане въ приближившуюся ночь совершили въ храмахъ Божіихъ усердную о святомъ мученикѣ молитву.

Въ тоже самое время, когда отъ благочестивыхъ христіанъ шла объ мученикѣ АгаѠангелѣ усердная молитва, въ темницѣ, гдѣ онъ содержался, происходило другое дѣйствіе. Такъ, въ глубокой вечеръ взѠпли въ темницу нѣсколько чародѣевъ, которые, снявъ со святаго сорочку, всю ночь производили надъ нею чары, а поутру приказали

мученику надѣть ее. Страстотерпецъ оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и безъ всякаго смущенія надѣлъ ее. Прошло нѣсколько томительныхъ часовъ, въ которые чародѣи ожидали дѣйствія своихъ чаръ, но не видя никакой перемѣны со святымъ мученикомъ, со стыдомъ удалились изъ темницы. Когда святой мученикъ Агаѳангель остался одинъ со своими товарищами — узниками, склонился на землю и предался легкому сну, то вскорѣ вдругъ всталъ и, обратившись къ своимъ товарищамъ, сказалъ: братія мои, возрадуйтесь со мною, ибо сегодня въ пятомъ часу меня обезглавятъ!

Пророчество святаго исполнилось въ дѣйствительности, ибо около четырехъ часовъ пришли въ темницу воины и, связавъ его, повели въ судилище.

Когда предсталъ святой исповѣдникъ Христовъ предъ судьями, тогда они опять начали обольщать его разными обѣщаніями, чинами и богатствомъ но, видя твердость святаго противъ всѣхъ коварствъ, повелѣли отрубить ему голову. Тогда палачи взяли его и повели на мѣсто казни, которая должна была совершиться противъ мечети Асаръ. Здѣсь святой мученикъ Христовъ Агаѳангель, преклонивши колѣна и опустивъ глаза внизъ, душею молился Отцу Небесному, ожидая вечнаго посѣщенія. Потомъ, обратившись къ палачу, сказалъ: что же медлишь и не совершаешь повелѣнное. Тогда палачъ взмахнулъ мечъ и честная глава страстотерпца Христова отдѣлилась отъ тѣла, и такимъ образомъ совершилась мученическая кончина святаго предподобномученика Агаѳангела, мѣсяца апрѣля 19-го дня 1819 года въ субботу въ 6-й часъ дня по восточному, т.-е. въ полдень, на 19-мъ году отъ рожденія, и какъ благопріятная жертва, очищенная своею кровію, предсталъ онъ предъ престоломъ Божиимъ чистъ, святъ и непороченъ.

Послѣдователи Магомета, зная, что христіане съ бла-

гоговѣніемъ и вѣрою не только чествуютъ мощи святыхъ мучениковъ, но даже собираютъ въ платки и полотенца кровь, которая послѣ постѣченія обагряла землю, а потому, желая лишить собравшихся здѣсь во множествѣ христіанъ сего неоцѣннаго сокровища, приготовили красильщиковъ для той цѣли, чтобы они, когда будетъ у святаго мученика отрублена голова вылили бы изъ-за равѣе приготовленныхъ сосудовъ воду на то мѣсто, куда брызнетъ кровь. Въ числѣ красильщиковъ былъ одинъ христіанинъ, который въ тотъ моментъ, когда обезглавили святаго мученика, съ умысломъ нагнулся; въ это время у него съ головы упало на голову мученика покрывало, въ которое онъ успѣлъ собрать кровь исповѣдника Христова, а находившіеся на семъ позорищѣ христіане вырвали изъ его рукъ покрывало и немедленно разорвавши, раздѣлили между собою и съ радостными криками возвращались въ дома свои, славяще Христа Бога, укрѣпляющаго святыхъ Своихъ. Послѣ кончины преподобномученика Агаангела святые его мощи три дня находились на открытомъ воздухѣ подъ охраною воиновъ, которые между прочимъ не препятствовали христіанамъ приближаться къ нимъ и воздавать ему должную честь. Причина тому была та, что въ первую же ночь послѣ усѣченія честныя главы святаго мученика, воины, — которые въ это время были на стражѣ, видѣли, что мощи преподобномученика находились въ сидячемъ положеніи, потомъ встали на ноги и въ продолженіи трехъ часовъ три раза становились и падали. Вслѣдствіе этого чуда, воины не препятствовали христіанамъ подходить къ тѣлу святаго мученика и лобызать оное, отъ котораго исходило райское благоуханіе и оно лежало какъ живое, что удивило и привело въ смущеніе враговъ Христовой Церкви, а потому они, боясь могущаго произойти еще какого либо большаго чуда, рѣшили бросить тѣло святаго преподобномученика Агаангела въ море.

Вѣсть о готовившемся потопленіи святыхъ мощей мученика Христова быстро распространилась по всему городу; при этомъ хозяева кораблей, стоявшихъ въ смирнской гавани, услыша о потопленіи тѣла святаго, расположились кораблями цѣпью вдоль берега, чтобы воспрепятствовать потопленію драгоцѣннаго сокровища. Мусульмане, видя необыкновенное усердіе и вѣру христіанъ къ святому мученику, и при томъ боясь возмущенія, рѣшили продать имъ святые мощи.

Христіане, кушивши сіе неоцѣненное сокровище—тѣло святаго преподобномученика Агаѳангела, съ честію и торжествомъ перенесли его въ церковь святаго великомученика Георгія и положили въ гробъ святаго мученика Дима, пострадавшаго назадъ тому 408 лѣтъ.

Оставшіяся окровавленные одежды святаго мученика, а также и палець, который отрѣзанъ былъ служителемъ градскаго правителя, были пріобрѣтены за плату вышеупомянутымъ Аѳанасіемъ, который одежду святаго отдалъ старцу Герману, а палець оставилъ у себя какъ святыню, и такимъ образомъ съ драгоцѣннымъ сокровищемъ Аѳанасій отправился домой на островъ Хіосъ, гдѣ къ прискорбію своему нашелъ сына своего больнымъ, который при всѣхъ испытанныхъ врачами средствахъ не подавалъ никакой надежды на выздоровленіе. Но лишь только отецъ больного, Аѳанасій, положилъ на него палець святаго мученика Агаѳангела и часть окровавленной его одежды, больной тотчасъ всталъ совершенно здоровымъ. Старецъ же Германъ съ одеждою святаго отплылъ на св. Аѳонскую гору, и когда корабль приближался къ Аѳону, на морѣ поднялась сильная буря. Въ это время къ Герману, лежащему въ каютѣ безъ чувствъ отъ сильной качки, явился святой мученикъ Агаѳангель, у котораго лице сіяло небеснымъ свѣтомъ. Германъ спросилъ его: братъ Агаѳангель, куда ты идешь?

— Въ нашъ монастырь, съ ангельскою улыбкою, отвѣчалъ АгаѦангель.

— Развѣ ты не умеръ? опять спросилъ его Германъ.

— Нѣтъ не умеръ, а живъ, какъ видишь.

Когда Германъ пришелъ въ себя, тотчасъ разсказалъ находящимся на кораблѣ о видѣннн имъ святаго преподобномученика АгаѦангела. Видѣннне это воодушевило всѣхъ плившихъ и они благодарили Бога и Его угодника, котораго молитвами море вскорѣ утихло, а чрезъ три часа корабль благополучно присталъ къ св. АѦонской горѣ.

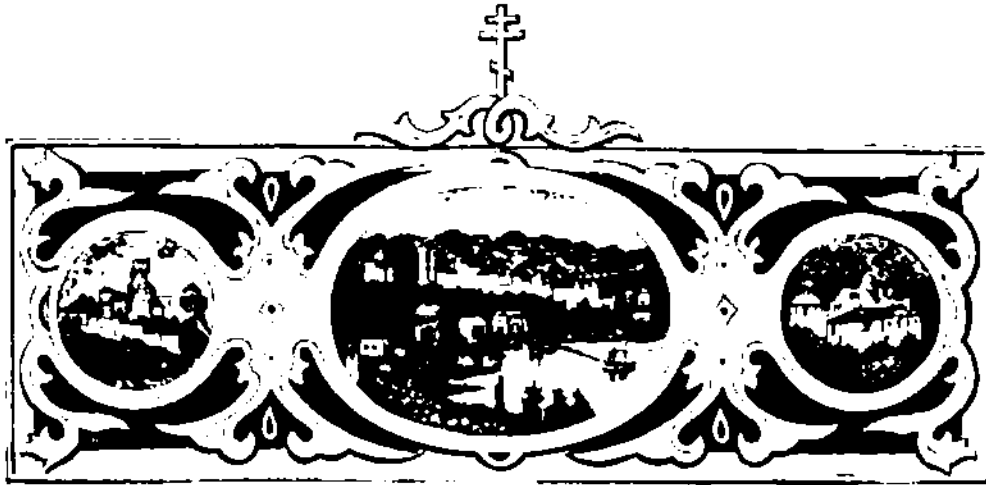
Высадившись изъ корабля, Германъ тотчасъ далъ знать въ Есфигменскую обитель о своемъ прибытнн съ одеждами святаго мученика. Игумень же со всею братннею съ честннею встрѣтилъ окровавленную одежду, какъ бы самого мученика, и положилъ оную въ церкви вмѣстѣ съ частями святыхъ мощей разныхъ святыхъ, славяще и благодаряще Бога, укрѣпившаго младаго юношу въ мученическомъ подвигѣ и удостоившаго принять нетлѣнный вѣнецъ. Молитвами святаго преподобномученика АгаѦангела, Христе Боже нашъ, подаждь и намъ помощь побѣдить козни вселукаваго врага, воюющаго съ нами, и сподоби насъ получить царство небесное. Аминь.

Мощи святаго преподобномученика АгаѦангела недолго оставались во гробѣ святаго мученика Дима. Чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ мученической его кончины былъ открытъ гробъ святаго, вынуты изъ него мощи, положены въ особый ковчегъ и потомъ поставлены въ сосудохраниельницѣ при церкви святаго великомученика Георгнн.

Въ 1844 году игумень обители Есфигменской, АгаѦангель, вмѣстѣ съ братннею, движимый усердннею къ святому АгаѦангелу и желая имѣть въ своей обители, которая удостоилась воспитать мученика Христова, святые его мощи,

послалъ для сего въ Смирну съ просительною грамотою къ тамошнему епископу Аванасію вмѣстѣ съ гражданами іеромонаха Макарія. Епископъ и граждане съ любовію согласились подѣлиться святынею и отдали іеромонаху Макарію главу преподобномуч. Агаангела съ правою рукою и ногою, которыя съ честью были перенесены на Аѳонскую гору въ Есфигменскій монастырь, остальные же части честныхъ мощей оставили въ церкви святаго великомученика Георгія, въ освященіе града.

М А Я 1.

Житіе и страданія святаго новаго преподобномученика

АКАКІЯ *).

Святой преподобномученикъ Акакій, во святомъ крещеніи Аѳанасій, былъ сынъ благочестивыхъ родителей. Мѣсто жительства ихъ было селеніе Неохори, въ Македоніи, близъ Солуня. Велѣдствіе крайней бѣдности, они не въ состояніи были приобрѣтать въ томъ селеніи средствъ къ своему существованію, и переселились въ городъ Сересь. Между дѣтьми ихъ, Аѳанасій былъ старшій, тогда ему было 9 лѣтъ. Желая, чтобы онъ съ молодыхъ лѣтъ научился какому-нибудь полезному ремеслу, а не скитался празднымъ, они отдали его одному башмачнику. Но это не только не принесло Аѳанасію пользы, а напротивъ причинило ему ужасный вредъ и привело къ бѣдствію; ибо башмачникъ, взявшій его на свое попеченіе, для наученія своему искусству, вмѣсто благоразумныхъ наставленій и вразумленій, употреблялъ ежедневные, безразсудные и жестокіе побои. Не перенося жестокостей своего хозяина,

*) Съ рукописи святаго Предтечи.

несовершеннолѣтній Аѳанасій желалъ освободиться отъ видимаго, безчеловѣчнаго этого тирана, и непримѣтно, сверхъ чаянія, впалъ въ когти мысленнаго челоуѣкоубійцы—дѣвола. Въ одинъ день, именно святой и великой пятницы, башмачникъ — хозяинъ Аѳанасія, движимый, можетъ быть, отъ демона, съ большимъ противъ прежняго немилосердіемъ избилъ его. Отъ частыхъ побоевъ, совершенно разслабѣвшій духомъ, Аѳанасій вышелъ изъ дому своего хозяина, плакалъ, рыдалъ, шелъ самъ не зная куда, а день склонялся уже къ вечеру. Къ своему несчастію встрѣтилъ онъ на улицѣ двухъ оттоманокъ. Эти женщины, выражая коварное милосердіе къ сѣтующему и голодному Аѳанасію, ввели его въ домъ свой, у воротъ котораго онъ тогда находились, обласкали его и накормили, и съ тѣмъ вмѣстѣ предложили, отверженныя, отречься истиннаго Хлѣба, сшедшаго съ небесе, Господа нашего Іисуса Христа. Аѳанасій, отъ жестокостей своего хозяина уже совершенно потерявшій и силу воли, и терпѣніе, ктомуужь думавшій, что онъ нашелъ наконецъ истинное избавленіе и покой, — увы! отрекся Іисуса Христа.

Какъ только турчанки услышали согласіе Аѳанасія на отреченіе отъ христіанской вѣры, тотчасъ отвели его къ хазнадару Юсюфъ-бею, который оставилъ Аѳанасія въ своемъ домѣ, и не отлагая времени, совершилъ надъ нимъ обрѣзаніе съ переименованіемъ христіанскаго имени на мусульманское, и потомъ усыновивши его, питалъ къ нему неограниченную любовь, которую одинаково раздѣляла и его жена.

Проживши 9 лѣтъ въ богатомъ домѣ во всякомъ довольствѣ и роскоши, онъ достигъ восемнадцатилѣтняго возраста. Въ это время жена бѣя, питавшая къ нему доселѣ материнскую любовь, перемѣнила на страстную, и, не могши долѣе скрывать своей страсти, изъявила Аѳана-

сію свое желаніе быть съ нимъ, но цѣломудренный юноша, подобно прекрасному Іосифу, бѣжалъ отъ нея, не соизволяя быть съ нею въ грѣховной связи. Однако злобная турчанка, видя себя пристыженною поступкомъ Аѳанасія, оболгала его предъ своимъ мужемъ, будто бы онъ хотѣлъ сдѣлать ей насиліе. Юсифъ, выслушавъ жалобу своей жены, немедленно выгналъ Аѳанасія изъ своего дома, давши ему полную свободу идти, куда хочетъ.

Получивъ свободу, Аѳанасій пошелъ въ Солунь къ своимъ родителямъ, куда они переселились изъ Сереса, вскорѣ по отреченіи Аѳанасія отъ христіанской вѣры. Родители, увидѣвши своего сына, котораго считали погибшимъ, возрадовались, особенно когда они узнали отъ него, что онъ оставляетъ мусульманскую вѣру, и всѣмъ сердцемъ своимъ соприсчисляется къ словесному стаду Христову.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія своего въ родительскомъ домѣ, они посовѣтовали ему удалиться на святую гору Аѳонъ, чтобы тамъ, исповѣдавшись духовнымъ отцамъ о своемъ паденіи, омылъ бы оное покаяніемъ и слезами; „притомъ помни и то, сказала ему мать: такъ какъ ты произвольно отрекся Іисуса Христа, такъ точно съ дерзновеніемъ долженъ и исповѣдать Его предъ турками, и за любовь сладчайшаго Іисуса принять мученическую кончину, омывши свое глубокое паденіе своею кровію.“ О благочестивая и чадолюбивая мать! она не жалѣетъ тѣла своего сына, чтобы спасти душу его для вѣчной жизни.

Услыша отъ матери своей то, чего желалъ и самъ Аѳанасій, онъ вскорѣ удалился на святую Аѳонскую гору, гдѣ и поступилъ въ Хиландарскій монастырь. Проживши здѣсь нѣсколько времени, онъ, по совѣту старцевъ той обители, отправился въ Ксенофскій скитъ къ духовнику Николаю, который, выслушавъ исповѣдь Аѳанасія, прочиталъ надъ нимъ уставленныя православною Церковію умилостивитель-

ныя молитвы, потомъ помазаль его св. муромъ, и отпустиль обратно въ Хиландарь.

Послѣ этого, проживши въ Хиландарской обители около года, онъ оттуда перемѣстился въ Иверскій монастырь. Здѣсь онъ узналъ о недавно пострадавшихъ новопреподобномученикахъ Евѣиміи и Игнатіи. Выслушавши весь рассказъ о святыхъ мученикахъ, у него явилось желаніе отмыть свое отреченіе отъ Христа, подобно имъ, своею кровію, а потому отправился къ бывшему наставнику новопреподобномучениковъ, іеромонаху Никифору, которому во всемъ искренно исповѣдался; при этомъ не скрыль и своего желанія идти по стопамъ св. мучениковъ Евѣимія и Игнатія. Духовникъ объяснилъ ему всѣ трудности, которыя необходимо испытать, чтобы получить мученическую кончину, и видя его готовность послѣдовать его совѣту, согласился принять его подъ свое руководство.

Подвиги, проходимые Аѳанасіемъ, какъ то: постъ, бдѣніе и непрестанная молитва, привели въ зависть злобнаго врага — діавола, который, чтобы разслабить Аѳанасія въ добродѣтельной жизни, началъ всѣвать въ юное его сердце разные помыслы, которыми будучи побѣжденъ, онъ, въ одну глубокую ночь, никому не сказавшись, ушелъ изъ этой обители, и послѣ семичасоваго пути достигъ обители Симонопетрской, гдѣ по просьбѣ его былъ принять тамошнимъ игуменомъ въ число братства. Но врагъ, сбивши однажды въ самовольную и болѣе свободную жизнь, и здѣсь не оставилъ его въ покоѣ, ибо вскорѣ и отсюда перешель опять въ Хиландарскій монастырь; но однако онъ и здѣсь не могъ ужитья: своеволіе влекло его въ самостоятельность, и однажды, будучи подверженъ однимъ старцемъ рѣзкому выговору, касательно его поведенія, онъ не стерпѣль этого выговора и рѣшился опять возвратиться къ духовному своему отцу Никифору.

Пришедши къ сему доброму и чадолюбивому отцу, Аѳанасій горько раскаявался въ своемъ поступкѣ и, со слезами просилъ причислить его опять къ лику святаго его братства, обѣщаясь впредь не удаляться отсюда. Долго Никифоръ не соглашался принять своевольнаго сына, но будучи тронутъ его смиреннымъ прошеніемъ и слезами, сжалился надъ нимъ и принялъ его вторично въ свое малое братство; при томъ поручилъ старцу Акакію наблюдать за нимъ, чтобы онъ не впалъ опять въ своеволие.

Принявши въ свое руководство Аѳанасія, старецъ Акакій помѣстилъ его въ отдѣльной келліи и назначилъ ему подвиги больше первыхъ, каковыя Аѳанасій проходилъ съ любовію, и отъ сердечнаго умиленія Богъ даровалъ ему слезы, такъ что глаза его сдѣлались какъ бы неизсякаемымъ источникомъ, постоянно точащимъ слезы. Достигнувъ такого состоянія, онъ сталъ просить духовника удостоить его ангельскаго образа. Духовникъ, видя его преуспѣваніе въ добродѣтели и твердость въ мысляхъ противъ искушеній, постригъ его въ монашество съ именемъ Акакія, и чрезъ нѣсколько времени видя, что Акакій уже созрѣлъ въ добродѣтеляхъ и достигъ совершенства, благословилъ его отправиться на мученичeskій подвигъ, при этомъ вручивъ ему въ спутники старца Григорія, который въ свое время былъ спутникомъ преподобномучениковъ Евѳимія и Игнатія. Вскорѣ послѣ этого былъ нанятъ корабль, и они простившись со св. старцами, 1-го апрѣля оставили св. Гору и отплыли въ Константинополь.

Во время плаванія Григорій разсказалъ начальнику корабля и матросамъ, кои все были православные христіане, о намѣреніи Акакія, просилъ ихъ содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ, на что они согласились съ полною охотою.

22-го апрѣля прибыли они въ Галату Константинопольскую, а на другой день, Григорій и Акакій, въ сопрово-

жденіи начальника корабля, отправились къ одному знакомому христіанину Григорію и остановились у сего добраго мужа.

Въ тотъ день, когда Акакій долженъ былъ выдать себя турецкимъ властямъ, они пріобщились св. Христовыхъ Таинъ и прямо изъ церкви отправились на привезшій ихъ корабль. Здѣсь Акакій переодѣлся въ турецкія одежды, которыя, заблаговременно приготовилъ ему начальникъ корабля, и сокрушаясь о разлукѣ съ старцемъ Григоріемъ, со слезами прицалъ онъ къ ногамъ его и просилъ благословенія. Старецъ, проливая слезы, облобызалъ Акакія и благословилъ идти на священный и великій подвигъ. Затѣмъ Акакій, простившись со всѣми и давши всѣмъ о Христѣ цѣлованіе, пошелъ въ Оттоманскую Порту, въ сопровожденіи брата начальника корабля, который добровольно вызвался проводить Акакія, ибо Акакій не зналъ туда дороги.

Достигши Порты, Акакій разстался съ своимъ путеводителемъ и вошелъ на крыльцо судилища; здѣсь его остановилъ преддверникъ, который спросилъ его, кто онъ и за чѣмъ пришелъ сюда.

Акакій рассказалъ ему о своемъ отреченіи отъ христіанской вѣры, о мѣстѣ своей родины, исповѣдалъ предъ нимъ Христа истиннаго Бога, а Магомета проклялъ, назвавши его обманщикомъ и лжепророкомъ. Потомъ, въ доказательство своего отреченія отъ мусульманской вѣры, снялъ съ своей головы зеленую повязку, бросилъ ее на землю и, насмѣхаясь надъ турецкою вѣрою, сталъ ее топтать ногами.

Преддверникъ, видя такую дерзость, началъ его бить, а такъ какъ время не позволяло представить его верховному визирю, то онъ, заковавши ноги св. мученика въ кандалы, заперъ въ темницу. По окончаніи присутствія, святой приведенъ былъ въ судилище, гдѣ сперва ласками

начали уговаривать его отречься отъ христіанской вѣры, но св. мученикъ, какъ адамантъ, оставался твердымъ въ своемъ исповѣданіи.

Видя непреклонность мученика, судьи приказали его бить и потомъ бросить въ темницу.

На другой день, въ воскресенье, въ 4 часа дня, мученика привели къ самому визирю, но и визирь не могъ отклонить его отъ исповѣданія имени Христова. Послѣ этого, онъ отослалъ св. страдальца къ градскому судѣ; но и тамъ мужественный воинъ Христовъ остался непоколебимымъ, и въ тотъ же день послѣдовалъ приговоръ обезглавить исповѣдника Христова. Въ вечеръ того же дня Григорій узналъ отъ нѣкоторыхъ христіанъ о мученіяхъ Акакія, порадовался за него, и для духовнаго утѣшенія святаго онъ считалъ необходимымъ сподобить его приобщенія Христовыхъ Таинъ, но не зналъ, какимъ путемъ привести въ исполненіе это св. дѣло. Въ этомъ столь затруднительномъ дѣлѣ, онъ обратился за совѣтомъ къ вожатому Акакія, который согласился исполнить порученіе.

Послѣ сего Григорій тотчасъ пошелъ къ священнику, у котораго сталъ просить часть пречистаго Тѣла Господня, для узника, страдавшаго за Христа. Священникъ безъ всякаго смущенія вложилъ часть св. Таинъ въ малую дароносицу и передалъ тому благочестивому христіанину, для передачи оныхъ Акакію, который немедленно отправился въ темницу, благополучно вошелъ въ нее, такъ какъ караульные солдаты, оставивши свои посты, завтракали. Въ это счастливое время посланный пробрался въ темницу и передалъ Акакію св. Дары. Потомъ сталъ возвращаться обратно къ выходу, но увы! часовые окончили завтракъ и уже стояли на своихъ мѣстахъ. Ихъ удивила дерзость этого добраго христіанина, а потому, жестоко избивши его, выбросили вонъ. Когда же онъ пришелъ въ чувство

отъ бывшаго обморока, то не помнитъ, какимъ образомъ онъ очутился внѣ темницы? Чувствуя сильную боль отъ побоевъ, онъ сравнивалъ свои страданія съ страданіями Акакія, и, воображалъ, какой радостный будетъ конецъ его страданіямъ! Въ это время, онъ услышалъ шумъ идущихъ турецкихъ солдатъ, которые вели Акакія съ связанными назадъ руками, плевали на него, толкали и били безъ всякаго милосердія. Доведенный до мѣста Пармакъ—капи, святой сталъ на колѣна, преклонилъ св. свою главу и громко сказалъ палачу: „опускай твой мечъ, только смѣло и мѣтко,“ и въ ту самую минуту сильная рука палача опустила мечъ, и священная глава отдѣлилась отъ многострадальнаго тѣла, а праведная душа отлетѣла въ обитель небеснаго Отца, въ понедѣльникъ, 1-го мая 1816 г., въ 6 часовъ пополудни.

Какъ только Григорій узналъ о кончинѣ св. мученика, первую его заботою было купить у караульныхъ солдатъ мощи Акакія; для этой цѣли онъ сдѣлалъ предложеніе нѣкоторымъ христіанамъ, которые охотно согласились пожертвовать, кто что могъ, и такимъ образомъ составилось 800 піастровъ, которые были заплачены алчнымъ туркамъ, а тѣло мученика съ подобающею честью взяли и перенесли на тотъ самый корабль, который привезъ святаго въ Константинополь, такъ какъ начальникъ корабля по любви къ мученику согласился ожидать его кончины и отвезти Григорія вмѣстѣ съ тѣломъ преподобномученика обратно на св. Гору.

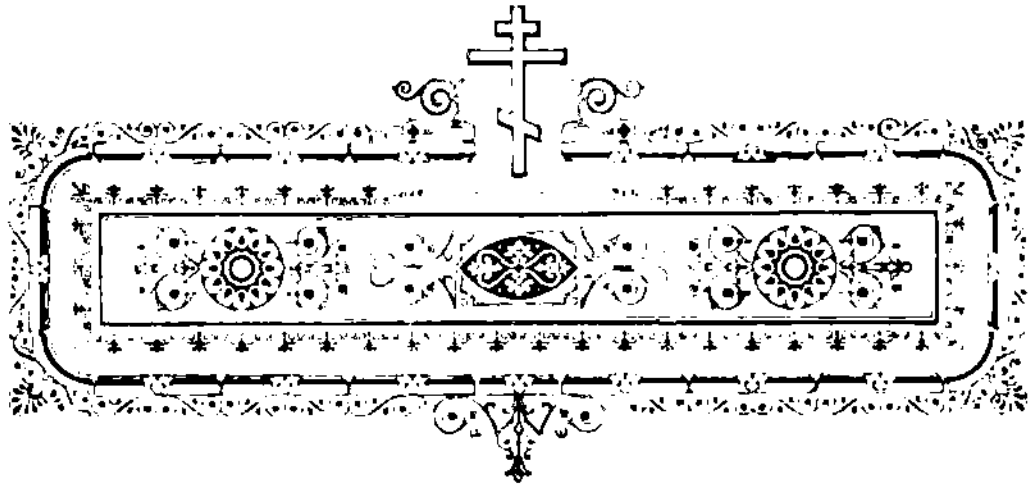
Въ 5 часовъ ночи корабль снялся съ якоря и управляемый рукою Всевышняго благополучно достигъ Аэона. Мощи св. мученика были перенесены съ корабля въ ту самую келлію, въ которой онъ подвизался еще при жизни, и съ благоговѣніемъ погребены въ новосозданномъ храмѣ, въ честь прежде его пострадавшихъ двухъ св. преподобно-

мучениковъ Евѳимія и Игнатія. Благопріятными молитвами преподобномученика Акакія, да сподобимся и мы получить царство небесное. о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому подобаеъ слава, честь и держава, всегда и въ безконечныя вѣки. Аминь.

Въ тотъ же день вмѣстѣ съ св. Акакіемъ совершается память и св. преподобномучениковъ: Евѳимія (см. житіе его марта 21 дня) и Игнатія (см. житіе октября 20 дня).

Святая главы всѣхъ трехъ сихъ преподобномучениковъ находятся нынѣ въ русской на Аѳонѣ обители св. великомученика Пантелеимона. Есть имъ и отдѣльная служба, изданная Новонямецкимъ монастыремъ: „Служба святымъ преподобномученикамъ Евѳумію, Игнатію и Акакію.“ СПб. 1871 г. 24^е, 39 стр.

М А Я 4.

Память преподобнаго отца нашего
НИКИФОРА *).

Преподобный отецъ нашъ Никифоръ былъ, по свидѣтельству святогорца Никодима, латинянинъ родомъ, но принялъ въ послѣдствіи исповѣданіе святой православной Восточной Церкви, и проводилъ подвижническую жизнь въ пустынейшихъ мѣстахъ святой Аѳонской горы. Онъ процвѣталъ въ сороковыхъ годахъ четырнадцатаго столѣтія и, вмѣстѣ съ богомудрымъ и преподобнымъ Θεопитомъ (въ послѣдствіи—святителемъ филаделфійскимъ), былъ наставникомъ и руководителемъ Григорія Θεσσαλονικскаго (Паламы) въ изученіи высочайшаго ученія подвижническаго любомудрія, какъ тотъ самъ о томъ свидѣтельствуесть въ своихъ писаніяхъ.

Въ свободномъ отъ попеченій безмолвіи, себѣ единому внимая, и въ себѣ неизреченно соединившись съ премір-

*) Изъ Φιλοκαλία и 'Ακολουθία τῶν ἁγιορειτῶν πατέρων.

нымъ, высочайшимъ предметомъ желаній— Богомъ, преподобный Никифоръ воспріялъ блаженный даръ всуществленнаго въ сердцѣ свѣта благодати. Самъ богато вкусивъ сего Божественнаго дара, блаженный отецъ, чтобы и намъ дать руководство къ полученію того же сокровища, составилъ *свитокъ*, въ коемъ, собравъ изъ писаній и житій святыхъ отцевъ мѣста о трезвеніи, вниманіи и молитвѣ, а въ концѣ приложивъ и отъ своего опыта совѣты, — всѣхъ приглашаетъ путемъ умносердечной молитвы восходить къ искреннѣйшему общенію съ Господомъ.

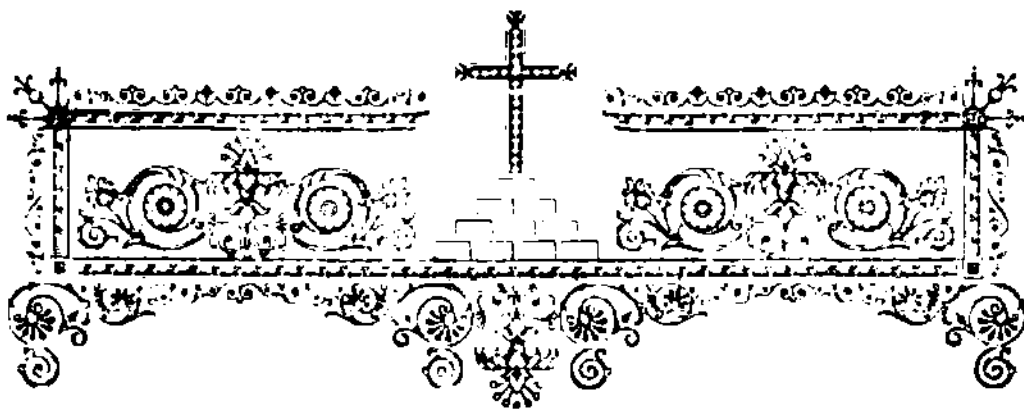
Свитокъ этотъ, названный „*Никифора уединенника слово о трезвеніи и храненіи сердца многополезное*,“ — какъ правильное и доброе руководство къ молитвѣ, помѣщено въ книгѣ: „Добротолюбіе“ въ русскомъ переводѣ, томъ 5-й, стр. 259—272. М. 1890 г.

Въ своемъ истинно многополезномъ словѣ пр. Никифоръ трезвеніе и храненіе сердца называетъ способомъ, безъ труда и пота вводящимъ въ пристань безстрастія и избавляющимъ отъ паденій по кознямъ бѣсовскимъ. Самъ пр. Никифоръ этотъ способъ или путь къ духовному совершенству называетъ *вниманіемъ*, и говоритъ: „Вниманіе нѣкоторые изъ святыхъ называли блюденіемъ ума, иные—храненіемъ сердца, иные—трезвеніемъ, иные—смысленнымъ безмолвіемъ, а иные—еще иначе какъ. Но всѣ сіи наименованія одно и тоже значать; какъ о хлѣбѣ говорятъ—укругъ, ломоть, кусокъ, такъ и о семъ разумѣй“.

Указывая, какимъ образомъ достигнуть сего внутренняго дѣланія, пр. Никифоръ говоритъ: „Собравъ умъ свой къ себѣ, понудь его войти въ сердце и тамъ остаться.“ „Когда же умъ твой утвердится въ сердцѣ, то ему тамъ не слѣдуетъ оставаться празднымъ, но непрестанно творить молитву: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя! и никогда не умолкать. Ибо это, содѣржа умъ немечтательнымъ,

дѣлаеть его неувимымъ и неприкосновеннымъ для прилоговъ вражескихъ и каждодневно все болѣе и болѣе вводитъ въ любовь и вожделѣніе Бога.“ „Придетъ же къ тебѣ, при многовожделѣнномъ и сладостномъ вниманіи, и весь ликъ добродѣтелей: любовь, радость, миръ и прочія, ради коихъ потомъ всякое твое прошеніе исполняемо будетъ, о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Коимъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

М А Я 11.

Память преподобнаго отца нашего НИКОДИМА,

Архієпископа Сербскаго *).

Блаженный Никодимъ, природный сербъ, подвизался постнически на св. Аѳонской горѣ и былъ игуменомъ Хиландаря. По смерти архієпископа Саввы 3-го, Сербія объявила желаніе видѣть Никодима своимъ первосвятителемъ; не хотѣлось ему разстаться съ тихою пустынею, но аѳонскіе отцы убѣдили его не отказываться отъ призванія церкви. Потому посвятили его въ день Вознесенія Господня, „и возведоша на престолъ св. Саввы съ многихъ лѣтъ привѣтствіемъ глаголюще: преосвященному архієпископу Никодиму всея сербскія и поморскія земли многая лѣта,“ такъ говоритъ современникъ **). Это было въ 1317 г. При гробѣ блажен. краля Милютина поднято было кровавое волненіе приверженцами его жены — гречанки Симиониды; энергическій архипастырь остановилъ кровопролитіе и гра-

*) Изъ кн. Святые южныхъ славянъ, Филарета арх. Чернигов. Даниичъ Животи краљева и архієпископа српских. Загреб. 1866.

***) Даниэль у Рача 2, 506—507.

бежъ. Потомъ въ янв. 1321 г. вѣнчалъ онъ за королевство старшаго сына Милутинова, не взирая на партію королевы *). Ревностный патріотъ былъ ревностнымъ почителемъ о дѣлахъ св. вѣры. Въ предисловіи къ переведенному имъ въ 1319 г. уставу пишетъ онъ, что, бывъ въ Константинополѣ еще въ санѣ игумена, онъ разспрашивалъ у іерусалимскаго патріарха объ уставѣ церковномъ, по заботѣ о томъ, „еже единствовати, по словеси Богоносца (ц. Давида), братіи вкупѣ и всей Сербской земли;“ потомъ будучи архіепископомъ, „послалъ, говорить, въ царскій градъ въ монастырь св. Предтечи и Крестителя Іоанна, и принесенъ ми бысть сей типикъ Іерусалимскій и преложихъ его въ нашъ языкъ отъ писменъ греческаго языка. Елико есть противу мощи, подвигнемся, еже бдѣти и трезвиться въ славословіи Богу. Мы убо потщимся, братіе, съ естествомъ и обычаемъ плотскимъ: Благій же Даръзатель и Подвигодавецъ, Всемогій Богъ, вѣдый немощь нашу, Той подастъ намъ мощь духовную; но аще первѣе трудъ покажемъ **).“ Прекрасный урокъ о дѣлѣ спасенія нашего! Донынѣ уцѣлѣло еще нѣсколько богослужебныхъ книгъ, написанныхъ по распоряженію святителя Никодима. Богомиловъ—бабуковъ первосвятитель преслѣдовалъ обличеніями и предавалъ суду какъ вредныхъ обществу и церкви ***). Блаженный архипастырь, искренно любившій иноческую жизнь и содѣйствовавшій процвѣтанію ея въ Сербіи, писалъ грамоту о томъ, дабы сербскіе архіепис-

*) Гласникъ V, 62, 63. Въ Сербіи общая служба: «радујся Никодиме, подобный пророку Іліи, доблестный ревнителю.»

**) Изд. въ Гласникъ XI, 1859 г. 189—193.

***) (Въ Сербіи служба ему л 118): «православными учеными твоими иноплеменины ереси отъ церкви Христовы далече отгнавъ еси.. Ревность божественную имѣя, яко Ілія великій, глѣвошь дышаши на враги Креста Христова, и сихъ отгоняеши, якоже волги хищныя, отъ своего стада, пастырю блаженне!»

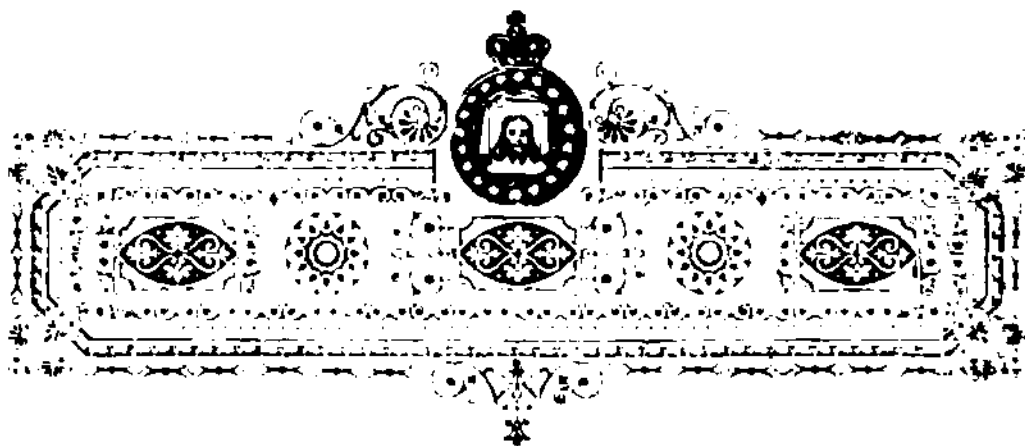
скопы и хиландарскіе игумены не забывали типикарницы св. Саввы, при чемъ краснорѣчиво описалъ жизнь св. Саввы; это было предсмертное завѣщаніе хиландарскаго подвижника и архіепископа всей Сербіи.

Святитель Никодимъ управлялъ сербскою церковью 8-мь лѣтъ *); и слѣдовательно скончался въ маѣ 1325 года. Предъ иконостасомъ Печскаго храма, на лѣвой сторонѣ, стоитъ рака съ мощами св. Никодима архіепископа сербскаго, великаго чудотворца **).

(Память святителя вторично въ общей службѣ свв. сербскимъ святителямъ и учителямъ — августа 30).

*) Гласникъ VI, 35.

**) Зап. геогр. Общ. XIII, 173. Въ сербскомъ уставѣ: Мая 12-го «преставился архіепископъ святыи Никодимъ.» Гласникъ XI, 194.

М А Я 13.

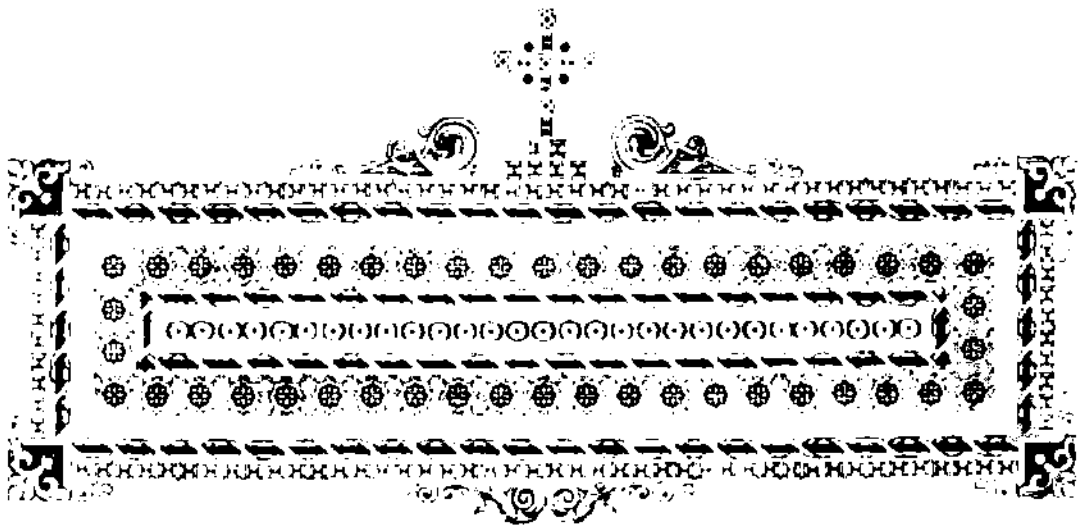
**Память преподобнаго отца нашего
ІОАННА ИВЕРСКАГО *).**

Гогоносный отецъ нашъ Іоаннъ былъ родомъ изъ Иверіи (Грузіи), изъ области Тао, происходилъ отъ царскаго рода иверскаго и славился въ своемъ отечествѣ, но изъ любви къ Богу, оставилъ міръ и вся, яже въ мірѣ, и, принявъ на себя иноческій образъ, подвизался сначала въ находящихся въ Иверіи монастыряхъ. Сперва поступилъ онъ въ братство монастыря, находившагося близъ его родины; потомъ, какъ мудрая и трудолюбивая пчела, желая болѣе собрать меду добродѣтелей съ цвѣтовъ сада духовной мудрости, перешелъ въ монастырь, тоже въ Иверіи, бывшій на горѣ, такъ называемой Колпа, а отсюда—на Олимпъ, гдѣ и безмолвствовалъ довольно времени. Но слава добродѣтели Аѳанасія аѳонскаго достигла и высочайшихъ горъ и неприступныхъ высотъ, и такимъ образомъ оттуда привлекла сего подвижника, какъ магнитъ желѣзо, къ подвижнику аѳонскому. Пришедши на Аѳонъ

*) Изъ 'Ακολουθία τῶν ἀγιορειτῶν πατέρων.

къ Аѳанасію, Іоаннъ сдѣлался искреннимъ его другомъ и истиннымъ послушникомъ: поэтому въ послѣдствіи святой Аѳанасій отзывался о немъ съ особенною похвалою. Черезъ нѣсколько времени, оставивъ лавру святаго Аѳанасія, онъ, иждивеніемъ Василя, сына Романа, греческаго царя, создалъ славную обитель, которая и донинѣ известна подъ названіемъ Иверской, — вмѣсто дотолѣ бывшей малой и скудной, называсмой Климентовою.

М А Я 13.

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
Е В Ѡ И М І Я
новаго (Иверскаго) *).

Преподобный отецъ нашъ Евѡимій былъ родомъ грузинъ (иверець), изъ области Тао. Отець его, именитый и богатый, по сердечному влеченію къ ангельской жизни, оставилъ богатство и славу міра и, въ духѣ нищеты Христовой, шествуя крестнымъ путемъ жизни подъ именемъ Іоанна, принятымъ въ постриженіи, удалился изъ Грузіи въ Константинополь. Между тѣмъ Евѡимій, бывшій въ то время еще въ младенческихъ лѣтахъ, оставался на родинѣ съ своимъ дѣдомъ, — подъ старческимъ руководствомъ у котораго и воспитывался въ правилахъ строгой христіанской нравственности. Впрочемъ, и дѣдъ недолго оставался съ нимъ въ Грузіи: взявъ съ собою Евѡимія, онъ отправился тоже въ Константинополь, чтобъ найти тамъ сына своего Іоанна и убѣдить его возвратиться въ отчизну. Такъ

*) Изъ Νέου 'Εκλόγιου.

и случилось: онъ отыскалъ Іоанна, и со слезами упрашивалъ его идти съ нимъ домой; но Іоаннъ не только не соглашался на это самъ, даже и сына своего Евфимія не хотѣлъ отпустить отъ себя. Вслѣдствіе сего, огорченный старецъ долженъ былъ, въ разсужденіи Евфимія, войти съ сыномъ своимъ въ большой споръ: Іоаннъ желалъ оставить его при себѣ, а отецъ Іоанновъ не хотѣлъ разстаться съ любимымъ своимъ внукомъ ни подъ какимъ видомъ, такъ что наконецъ это дѣло дошло до свѣдѣнія царствовавшего тогда Никифора. Пораженный трогательнымъ споромъ о дитяти между его отцомъ и дѣдомъ, Никифоръ приказалъ представить къ нему всѣхъ троихъ. Когда они предстали и предъ лицомъ царя возобновили споръ объ отрокѣ, — Никифоръ рѣшилъ такъ, чтобы ни тотъ, ни другой не оставлялъ его при себѣ противъ собственной его воли, но чтобъ поручили это суду Божию, — то есть, къ кому отрокъ пойдетъ, пусть при томъ онъ и будетъ. А надобно замѣтить, что Евфимій почти и не видалъ хорошенько, и не зналъ своего отца. Когда, такимъ образомъ, оставили отрока на собственную его волю, онъ бросился къ своему отцу, котораго, какъ сказано, и не видалъ, и не зналъ до настоящаго часа, — такъ что этимъ растрогалъ, удивилъ и привелъ въ слезы всѣхъ бывшихъ тамъ.

Тогда блаженный Іоаннъ принялъ сына своего какъ бы прямо отъ Бога, и потому, какъ даръ Божій, немедленно посвятилъ его на служеніе Господу, облекъ въ иноческую одежду и озаботился образованіемъ его въ наукахъ внѣшнихъ, въ большей или меньшей мѣрѣ нужныхъ для инока. Прекрасныя способности и чрезвычайное прилежаніе Евфимія скоро усовершили его въ образованіи внѣшнемъ, а между тѣмъ неуклонное шествіе по крестнымъ стезямъ христіанскаго самоотверженія, подъ строгимъ и бдительнымъ руководствомъ отца, привлекло на него благословеніе свыше,

такъ что онъ сдѣлался наконецъ пріятелемъ Святаго Духа. Можетъ быть, сколько, съ одной стороны, занятія классическія, столько, съ другой, строгія лишенія плоти, даже въ существенныхъ ея требованіяхъ, изнурили жизненные его силы, и онъ заболѣлъ тяжело; но и здѣсь Господь не оставилъ его: предстательствомъ и помощію Пресвятыя Господи нашей Богородицы, Евѳимій сперва оправился отъ болѣзни, а наконецъ и совершенно освободился отъ нея. Такая очевидная милость Божія и заступленіе Пренепорочной Дѣвы Богородицы были новымъ для него побужденіемъ и возлагали на него священный долгъ — болѣе прежняго посвятить себя подвижническимъ трудамъ и пресѣянію во всѣхъ дѣлахъ благочестія. При содѣйствіи благодати Божіей, онъ, дѣйствительно, былъ для своего времени свѣтымъ образцомъ иноческой жизни, достойнымъ не только подражанія, но и удивленія. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, довольно рассказать объ одномъ обстоятельстве. Однажды пришелъ къ нему еврей — поговорить о вѣрѣ. Блаженный Евѳимій никакъ не хотѣлъ входить съ нимъ въ бесѣду подобнаго рода, почитая пустословіемъ — отъявленнымъ врагамъ Христовымъ излагать и объяснять Божественныя таинства вѣры; впрочемъ, изъ уваженія и почтительности къ своему отцу, много убѣждавшему его къ бесѣдѣ съ евреемъ, наконецъ согласился на это. Когда началъ онъ приводить еврею различныя изреченія и предсказанія Ветхаго Завета о Божественномъ Мессіи, Господь нашемъ Исусѣ Христѣ, Котораго отвергли евреи, — слушавшій его еврей онѣмѣлъ, невольно убѣждаясь въ справедливости его словъ и не находя на нихъ, съ своей стороны, никакихъ возраженій. Однакожь, этотъ отверженникъ, пристыженный святымъ Евѳиміемъ, вмѣсто того, чтобъ принять къ сердцу глаголы святой истины, по упорству, свойственному невѣрнымъ, дерзнулъ произносить нечистыми своими устами хулы на

Господа нашего Іисуса Христа. „Да онѣмѣютъ уста, хулящія Господа Бога нашего!“ воскликнулъ тогда святой Евѣимій, воспламенившійся Божественною ревностію, — и въ то же мгновеніе еврей онѣмѣлъ, ринулся оземь, и изъ богохульныхъ его устъ начала клубиться пѣна. Въ такомъ ужасномъ положеніи, нечестивецъ на другой день испустилъ преступный свой духъ. Это чудо навело на всѣхъ страхъ и ужасъ, и по всему Константинополю пронеслась слава и молва о святомъ Евѣиміи.

Конечно, по духу міра, событіе подобнаго рода и чело-вѣческая слава могли бы другаго осуетить и привязать къ жизни среди столицы; но блаженный Евѣимій, — какъ и всѣ истинные подвижники, глубоко чувствуя и зная, что окруженный славою міра чуждается славы Божіей, и воспринимаетъ мзду свою отъ людей, — какъ птица отъ тенетъ, какъ узникъ изъ темницы, понесся изъ Константинополя, въ соупутствіи своего отца, на святую гору Аѳонскую, и поселился въ лаврѣ преподобнаго Аѳанасія. Аѳанасій съ любовію принялъ ихъ, и такъ еще протекло нѣсколько времени. Между тѣмъ, Божественный Аѳанасій видѣлъ прозорливыми духовными очами, что святой Евѣимій, за сердечную чистоту, былъ избраннымъ сосудомъ Святаго Духа, — и потому началъ убѣждать его къ принятію священства. Долго не соглашался на это смиренный Евѣимій, отзываясь собственнымъ своимъ недостойнствомъ и важностію священнаго сана; однакожь, наконецъ, какъ истинный послушникъ, отдалъ себя въ волю святаго Аѳанасія и принялъ рукоположеніе. Въ этомъ высокомъ санѣ, Евѣимій возвысился болѣе прежняго тайными подвигами, прилагая воздержаніе къ воздержанію и добродѣтель къ добродѣтели, такъ что впослѣдствіи, чувствуя силы и благодать Всесвятаго Духа, принялъ на себя трудъ — перевести все Священное Писаніе на грузинскій языкъ. Кромѣ того, составилъ

онъ много полныхъ высокой мудрости книгъ и собственнаго своего произведенія, возобновилъ многіе храмы и больницы, и такимъ образомъ возвеличилъ Святую гору съ ея пустынями и придалъ имъ еще большую красоту. Надобно признаться, что сердечной его доброты и христіанской внимательности ко всѣмъ и каждому, неподражаемаго его смиренія, съ какимъ онъ служилъ 14 лѣтъ больному своему родителю и великому Аѳанасію, невозможно выразить на языкѣ человѣческомъ. Когда же преподобный Аѳанасій отошелъ ко Господу, блаженный Евѳимій, по просьбѣ и желанію братства, принялъ управленіе священною лаврою, а впослѣдствіи и вся Святая гора избрала его своимъ правителемъ, потому что онъ былъ въ дѣятельности неусыпень и бдителень, и слово священныхъ устъ его, исполненное мудрости и утѣшенія, точило для всѣхъ врачевство духовное. Впрочемъ, онъ недолго оставался въ своемъ званіи: любовь къ строгому безмолвію влекла его въ уединеніе. Вслѣдствіе сего, избравши для лавры вмѣсто себя игуменомъ сродника своего Георгія, онъ погрузился въ пустыню. и только Богъ зналъ и видѣлъ тайные его подвиги и молитвенные труды. Но такъ какъ *не можетъ*, по слову Писанія, *укрыться градъ, верху горы стоя* (Матѳ. 5, 14), то и жизнь святаго Евѳимія не утаилась отъ вѣдѣнія человѣческаго: Самъ Богъ прославилъ его и явилъ дѣла его, какъ увидимъ это изъ нижеслѣдующаго.

Однажды преподобный Евѳимій прибылъ въ Солунь, гдѣ и былъ весьма ласково принятъ тамошнимъ епископомъ, — мужемъ жизни весьма благочестивой. Епископъ былъ коротко знакомъ съ однимъ изъ солунскихъ евреевъ, котораго онъ хотя постоянно убѣждалъ къ принятію христіанской вѣры, но тотъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался на это. Въ бытность преподобнаго у епископа, упомянутый еврей пришелъ къ нему и, по-прежнему, былъ убѣждаемъ

къ вѣрованію во Христа. Но, вмѣсто того, чтобы принять убѣжденія архипастырскія если не съ уваженіемъ и покорностію, то, по крайней мѣрѣ, съ скромностію и молчаніемъ, еврей считалъ слова епископа за пустословіе и шутку и дерзко отзывался о христіанской вѣрѣ. Слыша это, епископъ просилъ святаго Евѣимія поколебать мудрыми своими убѣжденіями упорство еврея: но преподобный, какъ истинное чадо кротости и смиренія Іисуса Христа, говоритъ, что это относится болѣе къ обязанности и долгу епископа, и что онъ, съ своей стороны считаетъ себя въ этомъ случаѣ человѣкомъ стороннимъ. Впрочемъ, когда епископъ сталъ настоятельно просить его объ этомъ, послушный Евѣимій отверзъ уста свои, исполненные благодати и силы Святаго Духа, и всѣ возраженія еврея, въ разсужденіи христіанской вѣры, опровергъ ясными свидѣльствами Вѣтаго Завѣта и изложилъ, на основаніи пророческихъ реченій, всѣ истины Евангелія такъ, что обезоруженный израильтянинъ долженъ былъ наконецъ со стыдомъ умолкнуть. Послѣ сего, кипя негодованіемъ на святаго Евѣимія, такъ пристыдившаго его въ виду собранія, онъ не вынесъ движеній огорченнаго сердца и, вмѣсто возраженій на доказательства святаго о Божественности Іисуса Христа, дерзнулъ произнести хулу на Него. Тогда, строго воззрѣвъ на него, святой Евѣимій сказалъ: „за то, что ты смѣлъ произнести хулу на Творца и Владыку всѣхъ, Господа Іисуса, да умолкнуть уста твои, незаконный!“ И еврей онѣмѣлъ, упалъ на землю, и богохульные уста его и глаза извратились. Такое чудо поразило всѣхъ находившихся тамъ евреевъ и христіанъ чрезвычайнымъ ужасомъ. Припавши къ ногамъ преподобнаго, они просили сжалиться надъ евреемъ и исцѣлить его. Преподобный, сколько строгій къ хульникамъ имени Христова, столько же и сострадательный къ бѣдствующимъ, послушалъ ихъ и, напечатлѣвъ на еврей

знаменіе животворящаго креста, исцѣлилъ его. Тогда еврей громогласно исповѣдалъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, Творецъ всего, обладающій всякимъ дыханіемъ, и крестился съ домашними своими и со всѣми евреями, находившимися тамъ и видѣвшими это чудо. Впослѣдствіи, увѣровало во Христа много и другихъ, слышавшихъ объ этомъ, евреевъ. Исцѣлившійся, въ изъявленіе своей благодарности, пожертвовалъ святому большое количество серебра, но онъ отказался и повелѣлъ этотъ даръ раздать нищимъ.

Въ одно время, на Святой горѣ сдѣлалась засуха: всѣ отцы чрезвычайно скорбѣли отъ бездождія и просили преподобнаго, чтобъ онъ помолился о дождѣ. Послѣ долгихъ убѣжденій, наконецъ, святой, съ великимъ трудомъ, рѣшился на это,—удалился въ церковь пророка Іліи, находящуюся близъ обители Иверской, и, какъ только помолился всемилостивому Богу, со слезами и съ принесеніемъ безкровной жертвы, тотчасъ полился сильный дождь, напоившій изсохшую землю. Всѣ прославили Бога, прославляющаго славящихъ Его.

У иноковъ Святой горы, издревле и донинѣ соблюдается обычай—на праздникъ Преображенія Господня входитъ на самую вершину Аѳона, для всеобщаго бдѣнія и литургіи. Однажды, къ сему празднику, въ числѣ другихъ братій, взошелъ на верхъ и святой Евѳимій. Братія окружили его и усердно просили, чтобы онъ совершилъ Божественную литургію. Послушный пресвитеръ уважилъ просьбу братіи и приступилъ къ священнодѣйствию. Когда, при литургіи, онъ возгласилъ: *побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще*, и братіе воспѣли: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ!*—внезапно облисталъ всѣхъ чрезвычайный свѣтъ, гора потряслась въ своемъ основаніи, и пораженные тѣмъ иноки всѣ пали ницъ на землю, кромѣ преподоб-

наго Евѣимія, который стоялъ неподвижно, осіяваясь дивнымъ свѣтомъ и имѣя видъ огненнаго столпа. Послѣ этого чуда, преподобный болѣе прежняго прославился всюду.

Въ то время отошелъ ко Господу архіепископъ кипрскій. Греческій императоръ Василій отправилъ отъ себя посольство, съ собственноручнымъ письмомъ къ преподобному Евѣимію, убѣдительно прося его принять пастьрскій жезлъ управленія кипрскою Церковію. Но преподобный и слышать не хотѣлъ о такомъ іерархическомъ достоинствѣ, отзывается тѣмъ, что, при своемъ недостоинствѣ, онъ не только не можетъ управлять другими, но самъ требуетъ сторонняго водительства на крестныхъ стезяхъ иноческой жизни. Такъ онъ былъ смиренномудръ, зная, что смиренномудріе есть мать всѣхъ добродѣтелей.

Впрочемъ, при всеобщемъ къ нему уваженіи и славѣ, которою славилъ Богъ Своего угодника, завистливый врагъ-дьяволъ, всегдашній противникъ добра, не вынося постоянного униженія и побѣдъ, которыми преподобный низлагалъ и сокрушалъ гордую его выю, избралъ своимъ орудіемъ одного изъ иноковъ для того, чтобы убить Евѣимія. Несчастный, забывъ строгіе свои обѣты и ужасныя слѣдствія сатанинскаго замысла, и только увлекаясь завистию къ доброй славѣ Евѣимія, рѣшился на убійство и, скрывъ подъ одеждою ножъ, взошелъ на башню, гдѣ была келья преподобнаго. Но Богъ не далъ жезла грѣшнаго на жребіи праведнаго. Послушникъ святаго, замѣтивъ у убійцы ножъ, прежде нежели тотъ успѣлъ ворваться въ дверь, заперъ келлію и не позволилъ ему войти туда. Неудача взбѣсила несчастнаго: въ неистовствѣ своемъ, онъ поразилъ ножемъ блаженнаго ученика преподобнаго и, ударившись бѣжать, въ бѣшенствѣ, съ безчиннымъ крикомъ и воплемъ, встрѣтилъ другаго ученика преподобнаго, поразилъ и того ножемъ и вслѣдъ за тѣмъ былъ самъ постигнутъ праведнымъ

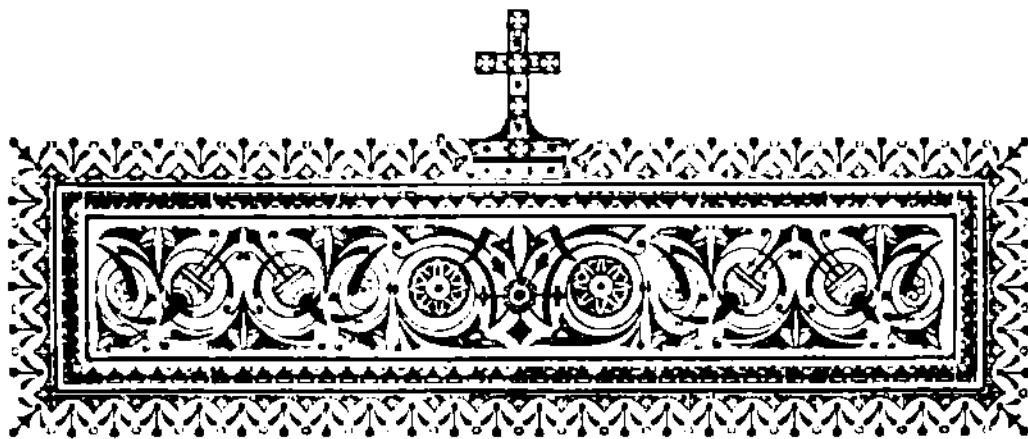
судомъ Божиимъ; произнося хулы нечистыми своими устами, онъ ударился оземь и испустилъ духъ. Между тѣмъ святой, благодатию Святаго Духа, узнавъ о томъ, что случилось, по дѣйствию діавола, съ ранеными учениками, поспѣшно сошелъ къ нимъ и облекъ ихъ въ великую схиму, послѣ чего вскорѣ отошли они ко Господу. Наглый же и зловонный песь-діаволь, никакъ не терпя дѣль святаго, снова побудилъ къ убіенію его одного садовника, который, пришедши къ преподобному съ ножомъ, поразилъ его и чаялъ, что съ одного удара убьетъ преподобнаго; но, хранимый Богомъ, Евѣимій не потерпѣлъ никакого вреда, потому что окончность убійственнаго ножа согнулась, и желѣзо, потерявши свойственную ему твердость, умягчилось, какъ воскъ, а между тѣмъ рука, посягнувшая на жизнь угодника Божія, осталась недвижимою и изсохшею. Пораженный такимъ чудомъ, садовникъ со слезами палъ къ стопамъ преподобнаго, искренно исповѣдалъ свой грѣхъ и трогательно умолялъ его о прощеніи и исцѣленіи изсохшей руки. Незлобивый старецъ смиренно простилъ его и, помолившись Богу, даровалъ ему не только тѣлесное, но и душевное здравіе.

Но, излагая такимъ образомъ нѣкоторыя свѣтлыя черты изъ дивной жизни преподобнаго, что можемъ мы сказать надлежащимъ образомъ о сердечныхъ качествахъ, — именно о милосердіи, кротости и безгнѣвиі, о сострадательности ко всѣмъ и каждому, равно какъ и о постоянныхъ его подвигахъ молитвенныхъ, и о всѣхъ свойствахъ иноческаго образа, которыя возвышаютъ человѣка надъ всѣмъ чувственнымъ и видимымъ и прежде времени доставляютъ ему ангельское безстрастіе и Божественную славу? Это выше всякаго описанія и человѣческой рѣчи. При всѣхъ этихъ, такъ сказать, сокровенныхъ и внутреннихъ свойствахъ, преподобный Евѣимій, и по обстоятельствамъ внѣшнимъ, оста-

вался для всей Святой горы украшеніемъ и славою, такъ что гдѣ требовала нужда какихъ нибудь царственныхъ пособій, и святогорскіе отцы просили его ходатайства предъ императоромъ,—онъ съ удовольствіемъ принималъ на себя трудъ лично ходатайствовать предъ нимъ и просить о пользахъ Святой горы. А императоръ, зная его съ давняго времени и постоянно слыша прекрасные отзывы о святой его жизни, съ особенною внимательностію и чувствомъ уваженія принималъ его просьбы и тотчасъ исполнялъ ихъ. Такъ случилось, когда на Святой горѣ проявились нѣкотораго рода нестроенія: святой Евѣимій, по просьбѣ отцевъ, немедленно отправился въ Константинополь, и слѣдствіемъ сего были для Святой горы желанный миръ и тишина, а для самого преподобнаго—страдальческая кончина. Находясь тамъ, онъ, по надобности, отправился однажды на мулъ, въ сопутствіи инока, въ часть города, называемую Платія. Въ одной улицѣ сидѣлъ нищій и просилъ милостыни. Сострадательный Евѣимій, не трогаясь съ мула, хотѣлъ подать просившему что-нибудь, но безсмысленное животное, испугавшись движеній нищаго, одичало, понеслось вдоль улицы, и преподобный, не въ силахъ будучи удержать его, былъ сброшенъ на землю и разбился смертельно. Стеклись христіане, подняли его и едва дышущаго отнесли въ домъ, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе. Преподобный недолго могъ переносить убійственный ударъ, и чрезъ нѣсколько дней мирно предалъ святую свою душу Господу, мая 13-го. Такъ судилъ Господь преподобному Евѣимию окончить подвижническую свою жизнь! а въ проявленіе святости и дерзновенія его предъ лицомъ Своимъ, тотчасъ прославилъ его: отъ священныхъ мощей преподобнаго потекло много исцѣленій и чудесъ. Впослѣдствіи мощи его перенесены были на Святую гору и положены въ обители честнаго и славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Ю-

анна, обновленной преподобнымъ Евѣиміемъ и прозванной потомъ Иверскою, во славу Отца, и Сына, и Святаго Духа, единаго Божества и царства *). Аминь.

*) Въ рукописи, заключающей въ себѣ жизнеописаніе пѣтироу сей обители—Іоанна, Евѣимія и Георгія, усматриваются нѣкоторыя несообразности со взятымъ нами изъ Νέου ἔκδοτου жизнеописаніемъ преподобнаго Евѣимія; есть также нѣкоторыя особенности, относящіяся къ житію святаго Аванасія. О всѣхъ этомъ нелишнимъ считаемъ сказать здѣсь. Въ рукописи сей значится, что Іоаннъ жилъ уже на Афонѣ, когда прибылъ въ Константинополь дѣдъ Евѣиміевъ, занимавшій при дворѣ высокую должность, какъ мужъ способнѣйшій, избранный тогдашнимъ царемъ Иверіи, по нѣкоторымъ государственнымъ дѣламъ, отправиться къ царю Никифору; собираясь въ Константинополь, онъ имѣлъ мысль посѣтить и сына своего, слава добродѣтелей котораго далеко уже распространилась, и хотѣлъ вызвать его въ отечество, чтобы тамъ устроилъ онъ монастырь и подвизался, какъ на Афонѣ. Но случилось такъ, что, къ пріѣзду его въ Константинополь, куда вмѣстѣ съ нимъ, почти противъ воли, прибылъ и Евѣимій, чрезмѣрно желавшій узнать отца своего, явился тамъ и Іоаннъ, посланный къ царю Аванасіемъ и другими отцами, по нѣкому общему для всей Святой горы дѣлу. Евѣимій, безъ всякаго между его отцемъ и дѣдомъ спора, увидѣвъ, при неожиданной встрѣчѣ въ столицѣ, взаимныя, родственныя, радостныя ихъ другъ другу поздравленія, понявъ, что то былъ отецъ его и убѣдился въ этомъ тѣмъ болѣе, что замѣтилъ нѣкоторое вѣншее между ними сходство. Поэтому, движимый внутреннимъ влеченіемъ и природнымъ чувствомъ, онъ прятель въ объятія своего отца. Іоаннъ отъ всей души возблагодаривъ Бога за явное къ нему, въ этомъ отношеніи, благоволеніе, оставилъ Евѣимія въ Константинополѣ—обучаться греческому языку и другимъ полезнымъ предметамъ, а потомъ Евѣимій самъ уже прибылъ на Афонъ. Іоаннъ, 14 іюня, Евѣимій 13 мая, и Георгій, 28 іюля, убажуются многими похвалами и въ Грузіи, на языкѣ иверскомъ. Всѣ они вмѣстѣ вышли изъ лавры Аванасія и, создавъ Иверскую обитель, были въ ней, одинъ послѣ другаго, игуменами: игуменомъ же лавры не былъ никто изъ нихъ, хотя Аванасій и очень ждалъ того, скорбѣлъ о разлугѣ съ ними, и только предвидя изъ этого великую для многихъ человѣческихъ душъ пользу, согласился разстаться съ ними. Наконецъ, латиняне, бывшіе здѣсь, на горѣ, какъ говорить преданіе, взяли съ собою мощи, какъ Евѣимія, перенесенныя изъ Константинополя, такъ и Іоанна и Георгія, вмѣстѣ съ сосудами обители, и оставили ее въ запустѣніи.

М А Я 13.

Житіе преподобнаго отца нашего ГЕОРГІЯ ИВЕРСКАГО *).

Богоносный отецъ нашъ Георгій происходилъ изъ Иверіи. Онъ былъ племянникъ св. Іоанна и двоюродный братъ св. Евѣимія; тоже, подобно имъ, старался объ украшеніи и распространеніи созданной Іоанномъ обители, вновь воздвигъ отъ основанія соборный храмъ (каеоликонъ) ея, и потому почитается также ея ктиторомъ. Что соборный храмъ созданъ Георгіемъ, видно изъ надписи, которая сдѣлана имъ на мѣдномъ кругѣ, лежащемъ на полу, въ срединѣ этого священнаго храма, подъ хоросомъ, гдѣ святыи пишетъ такъ: „Я утвердилъ столпы сіи, и въ вѣкъ не подвижутся.—Георгій, монахъ иверъ и ктиторъ.“

1. Отрочество и воспитаніе преподобнаго Георгія.

Блаженный Георгій происходилъ изъ области Триалетской, отъ благочестивыхъ родителей Іакова и Маріи, родился во дни благовѣрнаго царя иверскаго и абхазскаго

*) Изъ 'Ακολουθία τῶν ἁγιωρικῶν πατέρων.

Георгія I-го, въ 1014 году. Отецъ его былъ однимъ изъ приближенныхъ вельможъ царя и неоднократно, по дѣламъ государственнымъ, ѣздилъ въ Персію. Исполнивъ царскія порученія, вступилъ онъ въ супружество и водворился въ домъ родителей своей жены, въ сельскомъ, мирномъ убѣжищѣ. У него было три сына и три дочери: первородную назвалъ онъ именемъ первомученицы Феклы и, по данному обѣту, посвятилъ ее Богу, постригши въ дѣвической Самцхетской обители; послѣ дочери родился сынъ, котораго родители назвали Іоанномъ и, удержавъ его при себѣ, дали обѣтъ: если родится у нихъ второй сынъ, посвятить его Богу, говоря, что посвятить Ему должно не агницу, а агнца.

Однажды ночью, явился Маріи свѣтлый мужъ и сказалъ: „ты родишь сына агнца, избраннаго Богомъ; посвяти его, Кому обѣщала, и дай ему имя Георгій.“ Проснувшись, Марія въ страхѣ рассказала свое видѣніе мужу, и оба со слезами благодарили Бога. Имя Георгія, или, по переводу на русскій языкъ, „земледѣльца“ знаменовало, что онъ будетъ усердный дѣлатель нивы Господней. Вотъ и родился у нихъ обѣтованный младенецъ и, возрастая тѣлесно, исполнялся Духомъ Господнимъ, какъ древо, насажденное при водахъ многихъ и обѣщавшее, въ свое время, принести обильный плодъ. По совершеніи семилѣтняго возраста, родители, во исполненіе своего обѣта, послали отрока въ монастырь, къ его сестрѣ, гдѣ могъ бы онъ изучить церковное богослуженіе, болѣе, чѣмъ въ ихъ домѣ: тамъ провель онъ три года, и всѣхъ удивлялъ своимъ разумомъ.

У отца Георгіева было два старшихъ брата, въ обители Богоматери Хахульской, что на берегахъ рѣки Куры, и оба они исполнены были благодати Божіей. Первый изъ нихъ, Георгій, назывался писателемъ, такъ какъ былъ начальникомъ писемоводителей царя Давида Куропалата и занималъ первую степень при дворѣ его; а имя втораго—Савва: оба

были праведны предъ Богомъ, и съ богатствомъ жизни духовной соединяли обиліе благъ земныхъ. Услышавъ, какія блестящія надежды подавалъ о себѣ Георгій, они просили брата своего Іакова отпустить племянника къ нимъ въ обитель, для довершенія духовнаго его воспитанія, и съ любовью привели юнаго Георгія къ бывшему тогда настоятелю Хахульской лавры—преподобному Макарію, который сдѣлалъ его участникомъ церковной молитвы и принялъ въ число духовныхъ чадъ своихъ. Представили его также, въ этой обители, и царственному Василію, сыну Баграта, который для житія иноческаго, оставивъ высокій свой санъ, былъ просвѣтителемъ страны своей. По совѣту благоговѣйныхъ старцевъ своей обители, разсудили они отдать племянника богодухновенному наставнику, и не могли найти никого лучше великаго Иларіона, въ то время сілвшаго на высотѣ духовныхъ добродѣтелей. Святой авва не отказался принять къ себѣ отрока, и онъ, подъ руководствомъ сего старца, такъ усовершенствовался въ благочестіи и изученіи Божественныхъ книгъ, что превзошелъ разумомъ всѣхъ своихъ сверстниковъ.

Но кто научилъ отрока Георгія эллинской мудрости? Учителемъ его въ этомъ былъ Ферисъ, — мужъ царевны, сестры Василія Багратида: онъ и супруга его искали себѣ опытнаго наставника, и пригласили въ домъ свой писателя Георгія, который взялъ съ собою юнаго племянника, бывшаго тогда уже канонархомъ и отлично знавшаго всѣ церковныя пѣсни. Ферисъ и благочестивая его супруга любили Георгія, какъ роднаго сына и подъ ихъ руководствомъ провелъ онъ многіе годы, доколѣ бѣдственная кончина не постигла этого вельможи. Область Триалетская находилась тогда подъ вліяніемъ Царяграда: Фериса оклеветали въ измѣнѣ предъ императоромъ Васиіемъ Вулгароктономъ, который велѣлъ отсѣчь ему голову, а супругу его, со всѣми

домашними, отвести въ Царьградъ, гдѣ оставались они двѣнадцать лѣтъ. Въ теченіе этого времени, дядя Георгія, писатель, и еще болѣе царевна, вдова Фериса, озаботились отдать юношу въ наученіе философамъ и риторамъ, — но не изъ мірскаго сословія, а изъ духовнаго, чтобы вмѣстѣ съ плодами наукъ пріобрѣталъ онъ и плоды духовные: такъ созрѣлъ дивный этотъ учитель земли иверской. Послѣ двѣнадцатилѣтняго заточенія въ землѣ греческой, царевна возвращена была въ свои владѣнія, и съ ней возвратились оба Георгія, дядя и племянникъ. Къ нимъ присоединился и отецъ Георгія, Іаковъ, который тогда лишился уже супруги.

2. Путешествіе Георгія по святымъ мѣстамъ.

Но юноша искалъ большихъ подвиговъ; онъ уже достигъ двадцатилѣтняго возраста, и хотя съ юныхъ лѣтъ вель образъ жизни монашескій, однако не былъ еще постриженъ. Георгій пошелъ сперва къ дядѣ своему, иноку Саввѣ, въ обитель Хахульскую, а оттуда — къ бывшему наставнику своему, великому Иларіону, которому оставалось прожить немного уже лѣтъ земной жизни, — и отъ его руки принялъ постриженіе. Тогда Георгію пришло внушеніе свыше — предпринять подвигъ странничества, въ страну далекую отъ присныхъ, и поклониться тѣмъ святымъ мѣстамъ, гдѣ воплотившееся Слово Божіе совершило домо-строительство нашего спасенія. Такъ нѣкогда Господь вызвалъ и праотца нашего Авраама изъ земли отеческой, когда заключалъ съ нимъ завѣтъ Свой, и Моисея удалилъ отъ его племени, чтобы сдѣлать его боговидцемъ. Георгій тайно бѣжалъ и направился въ страну Палестинскую. Огорчились авва Макарій и другіе старцы обители Хахульской, когда узнали о бѣгствѣ юнаго инока, и послали искать его по

всѣмъ путямъ: но Георгій, предчувствуя погоню, обмѣнялся одеждою съ нищимъ и, взявъ себѣ проводника, продолжалъ свой путь. Небезопасна была для него дорога по неприютнымъ городамъ, и страшна первая ночь, настигшая его въ пустомъ мѣстѣ, — какъ самъ онъ впоследствии рассказывалъ: гремѣлъ громъ, сверкали молніи, и діаволь семь разъ повергалъ предъ нимъ того убогаго, котораго избралъ онъ себѣ проводникомъ; этотъ несчастный страшно скрежеталъ зубами и пѣна текла изъ усть его, — но Георгій не утратился и пламенно молился Господу о бѣснующемъ, пока злой демонъ не оставилъ его. Испѣленного такимъ образомъ Георгій привелъ въ ту обитель, которой тотъ желалъ достигнуть, когда брошень былъ на пути своими спутниками, а самъ одинъ, въ рубищѣ, безъ обуви и безъ покрова, продолжалъ трудное странствованіе, и, не смотря на изнурительный подвигъ, онъ разъ только въ день позволялъ себѣ вкушать пищу.

Сперва, въ предѣлахъ малой Арменіи, посѣтилъ онъ гору Черную, гдѣ нѣкогда спасался великій пустынножитель Никонъ, съ двумя стами своихъ учениковъ; потомъ, по сосѣдству Антиохіи, достигъ горы Дивной, гдѣ поклонился чудотворной ракъ Симеона дивногорца и блаженной матери его Марѣ: такъ обошелъ онъ и всѣ обители, разсѣяныя въ горахъ Ливанскихъ, прося себѣ молитвъ и благословенія у великихъ подвижниковъ. Георгій, прежде всего, искалъ себѣ опытнаго наставника, зная, что безъ руководства нельзя усовершенствоваться въ жизни иноческой, — и въ каменной разсѣлинѣ обрѣлъ желаннаго старца, заключившагося въ пещерѣ и отстранившагося отъ всего земнаго. Это былъ великій затворникъ Георгій, — свѣтило своего времени, родомъ изъ Иверіи. Человѣкъ Божій обрадовался пришествію благодатнаго ученика, ибо, по любви къ своей родинѣ, давно желалъ найти просвѣщеннаго мужа, который бы могъ

довершить трудъ великаго Евѳимія аеонскаго и исправить погрѣшности языка, какія еще оставались въ его переводѣ священныхъ книгъ. Духомъ прозрѣль блаженный, что онъ обрѣлъ такого мужа въ пришельцѣ иверскомъ, и, съ отеческою любовію, принялъ его подъ свое руководство въ пустыню, гдѣ жилъ недалеко отъ обители святаго Романа.

Три года оставался при немъ Георгій въ постоянномъ подвигѣ и совершенномъ послушаніи, а въ обители Романовой въ то же время усердно служилъ болящимъ. Затворникъ видѣлъ, что въ зрѣломъ возрастѣ имѣлъ онъ опытность старческую, — и облекъ его въ великій ангельскій образъ, или схиму, и отпустилъ во святыи градъ. Паломникъ съ пламенною любовію и слезами обошелъ всѣ святаи мѣста, и какъ бы видѣлъ предъ собою Самого Господа тамъ, гдѣ пострадалъ Онъ за человѣческій родъ; изъ Палестины Георгій возвратился къ своему наставнику, въ пустыню Романову, и хотя совершенно созрѣлъ для перевода Священнаго Писанія, однакожь, по своему смиренію, не рѣшался принять на себя этотъ трудъ и достойнымъ его находилъ только авву Евѳимія. Но затворникъ говорилъ ему: „Господь, неоднократно спасавшій отъ смерти преподобнаго Евѳимія и открывшій ему даръ вѣдѣнія языковъ, можетъ споспѣшествовать и тебѣ: будемъ молить святаго отца нашего Евѳимія, чтобы онъ помогъ тебѣ, своимъ благословеніемъ, довершить начатое имъ святое дѣло.“ Такимъ образомъ, послѣ многихъ усилій, старецъ убѣдилъ Георгія идти на Святую гору къ великому аввѣ, и искать у него духовной мудрости, чтобы напоить ею жаждущія души земли иверской: ибо этотъ Евѳимій былъ для нея вторымъ Златоустомъ, и краснорѣчивыми своими писаніями утвердилъ въ ней православную вѣру на всѣ грядущія времена.

Напутствуемый благословеніемъ своего наставника, Георгій благополучно совершилъ путь, и Промыслъ Божій

видимо благопріятствовалъ ему въ одиночествѣ. Проходя Анатолію, приблизился онъ къ большой рѣкѣ, которую хотѣлъ перейти въ бродъ, но, по чрезвычайной глубинѣ ея, не могъ, и тутъ же, на противоположномъ берегу, увидѣлъ свѣтлаго юношу, на бѣломъ конѣ, который сказалъ ему: „не бойся, вступи въ рѣку,“ а самъ, устремившись къ нему на встрѣчу, перевелъ его за руку чрезъ глубокія воды. Преподобный, съ душевнымъ восторгомъ, узналъ въ немъ небснаго покровителя земной своей родины, — тезоименитаго ему великомученика Георгія.

Но, достигнувъ Святой горы, Георгій уже не засталъ тамъ блаженнаго Евѣимія, такъ какъ преждевременная кончина похитила его въ Царьградѣ. Преподобный могъ только поклониться его гробницѣ и просить его молитвъ. Съ радостію приняло его братство обители Иверской, которою управлялъ тогда соименный ему Георгій, родственникъ Евѣимія. Смиреніе пришельца, строго исполнявшаго всѣ послушанія монастырскія, было столь велико, что его приняли сперва за простеца и невѣжду: ибо, въ продолженіе первыхъ семи лѣтъ, никто не могъ предполагать въ немъ глубокихъ его познаній. Когда же наставникъ его, затворникъ Георгій, въ отдаленной Сиріи, узналъ, что ученикъ его въ великой лаврѣ Иверской, на Аѳонѣ, живетъ праздно, хотя и въ строгихъ подвигахъ иночества, не приступая къ переводу Священнаго Писанія, еще не удостоенъ сана священническаго, тогда послалъ къ нему другаго благоговѣйнаго ученика своего — Теодора, съ Черной горы, съ изъясненіемъ своего неудовольствія за неисполненіе даннаго имъ повелѣнія. Георгій, по чувству крайняго своего смиренія, прежде уклонявшійся, а теперь побуждаемый этимъ отеческимъ внушеніемъ, рѣшился наконецъ принять предлагаемый ему санъ священства, и вскорѣ потомъ былъ избранъ настоятелемъ церкви или благочиннымъ въ обители Иверской.

Послѣ сего, не дерзаль онъ болѣе медлить, и приступилъ къ занятіямъ духовнымъ. Прежде всего перевелъ онъ синаксарій, какъ необходимое украшеніе Церкви, по истолкованію ея празднествъ, — ибо книга эта была только вкратцѣ изложена Евѣиміемъ; потомъ перевелъ все Евангеліе, по зачаламъ, и праздничныя пареміи, большой требникъ, толкованіе на книгу Бытія, первый мѣсяцъ минеи и всѣ Апостольскія посланія. Братія, увидѣвъ наконецъ, какой чудный свѣтильникъ возжегся для нихъ на Святой горѣ, общимъ согласіемъ, возвели его на степень настоятеля обители Иверской. Долго противился Георгій и требовалъ, чтобы избраніе совершилось по жребію, — и три раза бросали жребій: но изъ трехъ именъ, возлагаемыхъ во время литургіи на Божественную трапезу, три раза выпадало имя Георгія. Тогда воспріялъ онъ настоятельство, и усугубилъ иноческій свой подвигъ, — облекся во вретище, отказался отъ вина и молока, даже и въ разрѣшенные Церковью дни, и, поучая свою паству словомъ, показывалъ ей путь къ вѣчной жизни на самомъ дѣлѣ, собственнымъ примѣромъ.

Тутъ только открылась вся глубокая его мудрость, долго таившаяся на днѣ его души: съ самаго прибытія своего на Святую гору, старался онъ отъ присныхъ учениковъ великаго Евѣимія вывѣдать всѣ подвиги его, равно какъ и отца его Іоанна, Торникія и другихъ подвижниковъ, радѣвшихъ объ устройствѣ Иверской лавры, о правилахъ ея и уставахъ, и впослѣдствіи, когда принялъ жезлъ пастырскій, все это, на память будущимъ родамъ, собралъ въ одинъ свитокъ. Однимъ изъ первыхъ дѣяній настоятельства его было, для храненія мощей блаженнаго Евѣимія, приготовить драгоцѣнную раку, въ которую, съ великимъ торжествомъ, перенесъ онъ мощи святаго изъ Церкви Крестителя, гдѣ были онѣ первоначально погребены, въ новоустроенный благолѣпно храмъ Богоматери. Десницу же Евѣимія, богомуд-

рыми писаніями просвѣтившую народъ иверскій, положилъ въ особенный ковчегъ, съ святыми мощами первомученика Стефана, Богоносца Игнатія, Іакова Перскаго, Космы и Даміана, сорока Мучениковъ и цѣлителя Пантелеимона, и этотъ кивотъ всегда носилъ съ собою, такъ что имя Евѳиміево отъ Святой горы до горы Черной славилось нераздѣльно съ другими великими угодниками Божиими. Не хотѣлъ благочестивый Георгій оставить внѣ сыновней ограды и родителя Евѳиміева, который дотолѣ почивалъ въ церкви Архангеловъ: онъ мощи старца Іоанна положилъ подлѣ любимаго имъ сына, и потомъ озаботился обрѣтеніемъ и перенесеніемъ въ тотъ же храмъ мощей прочихъ великихъ подвижниковъ, помогавшихъ Евѳимію въ переводѣ Священнаго Писанія. Это были — блаженный Арсеній, епископъ ниноцминдскій, для безмолвія пустыннаго на Святой горѣ, оставившій каѳедру свою въ Кахетіи, и знаменитый своею ученостію, священноинокъ Іоаннъ Гердзелидзе; — оба скончавшіеся въ затворѣ, внѣ обители, и погребенные при малой церкви святаго Симеона Столпника.

Много перевели они и переписали своею рукою священныхъ книгъ, ибо тогда Аѳонъ былъ духовными Аѳинами, разсадникомъ просвѣщенія для земли иверской. Георгій и самъ, какъ великій писатель, умѣлъ достойно оцѣнить труды ихъ и восхотѣлъ сохранить потомству самыя ихъ останки. Онъ скорбѣлъ духомъ, что не зналъ мѣста погребенія ихъ, но Промыслъ Божій, для возбужденія большей вѣры, открылъ ему это. На общей ихъ могилѣ выросло финиковое дерево, котораго корни, глубоко проникнувъ въ землю, обвились около этихъ святыхъ мощей и распространяли благоуханіе ихъ. Георгій, вынувъ мощи изъ среды корней, положилъ ихъ въ притворѣ южной части соборной церкви, близъ мощей святаго Евѳимія, и запечаталъ гробницу, чтобы никогда не открывать ея, украсивъ

ее иконою и крестомъ, и установилъ, чтобы постоянно горѣли предъ ними три неугасимыя лампы.

Послѣ того, преподобный началъ заботиться объ украшеніи самой церкви, въ которую тогда проникла вода, такъ какъ церковь эта вначалѣ не была покрыта свинцомъ, — и для того, въ 1050 году, отплылъ въ Константинополь — просить пособія у императора Константина Мономаха. Мономахъ принялъ его съ великою честію, ибо зналъ его лично и, уповая на его молитвы, много уважалъ. Онъ спросилъ челоуѣка Божія о причинѣ его прибытія, и Георгій отвѣчалъ: „Радуйся во Христѣ, свѣтлѣйшій между державными: Пресвятая Богородица, упованіе и прибѣжище богоспасаемаго твоего царства, повелѣваетъ тебѣ, чрезъ меня, убогаго, чтобы мѣсто постояннаго Ея хваленія, храмъ Ея въ честной нашей обители Иверской не былъ допущенъ тобою до совершеннаго разрушенія отъ воды, за неимѣніемъ крова, въ него проникающей. Повели отпустить свинецъ, чтобы въ обновленномъ тобою храмѣ, могли постоянно возноситься молитвы о благополучномъ твоёмъ царствованіи!“ Императоръ съ радостію исполнилъ прошеніе преподобнаго, — велѣлъ отпустить ему свинецъ и доставить на царскихъ корабляхъ.

Возвратившись на Святую гору, Георгій благолѣпно покрылъ храмъ и соорудилъ надъ нимъ куполь — въ томъ видѣ, въ какомъ красуется онъ донынѣ. Воспользовавшись своимъ путешествіемъ, онъ испросилъ у императора новые хрисовулы, которыми подтверждались древніе, и тѣмъ немало расширилъ владѣнія монастырскія, — особенно же обильныя пастбища для большихъ стадъ. Чрезъ нѣсколько времени, плавалъ онъ въ Царьградъ и въ другой разъ, когда услышалъ о приѣздѣ туда абхазскаго царя Баграта III-го и матери его Маріи, со всѣмъ дворомъ ихъ. Обрадовались державные, увидѣвъ святаго соотечественника, о

которомъ столько слышались, и много приобрѣли отъ него душевной пользы; съ своей стороны, они осыпали щедрою милостынею обитель его и опрадили ее отъ обиды мѣстныхъ властей новыми хрисовулами. Царица Марія избрала Георгія духовнымъ отцомъ своимъ и отъ руки его приняла ангельскій образъ; при этомъ пожертвовала въ Иверскую обитель, для вѣчнаго поминовенія, литру золота, каковому примѣру послѣдовали и многіе грузинскіе вельможи. Въ то время, въ Царьградѣ былъ кудесникъ, славившійся волхвованіями, производившій родъ свой отъ Симона волхва, и умѣвшій заговаривать хищныхъ звѣрей. Императоръ Мономахъ и царь Багратъ дивились обаяніямъ его: но блаженный Георгій, скорбя духомъ о такомъ оболъщеніи христіанскихъ царей, крестнымъ знаменіемъ уничтожилъ всю силу обаяній кудесника и тѣмъ возбудилъ къ себѣ столь великую довѣренность царя Баграта, что тотъ всѣми силами старался перезвать его въ свое отечество. Багратъ предложилъ ему первую епархію своего царства — чхондидскую, получившую имя отъ того дуба, близъ котораго проповѣдывалъ просвѣтитель Грузіи, перевозванный Апостоль: но аѳонскій труженикъ смиренно отклонилъ отъ себя санъ святительскій и поспѣшилъ возвратиться въ свою лавру, гдѣ съ любовію приняла его братія. Вскорѣ послѣ сего онъ снова явилъ свою силу надъ духами нечистыми.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ помѣстій Иверской обители, находившемся въ пустынныхъ дебряхъ и горахъ Оракіи, куда еще не доходилъ никто изъ святыхъ отшельниковъ, — въ такъ называемой Ливадѣ, обитали пришедшіе изъ далекихъ странъ славяне, — люди тогда еще грубые и христіанствомъ не просвѣщенные. Они поклонялись идолу-бабѣ, изсѣченному изъ мрамора, и приносили ему жертвы. Душа блаженнаго Георгія возмущалась такимъ душевнымъ омраченіемъ словесныхъ твореній. Однажды, странствуя сухимъ

путемъ въ Царьградъ, онъ посѣтилъ это селеніе; жители, признававшіе надъ собою господство лавры, гостепріимно встрѣтили ея настоятеля и совѣтовали ему, если хочетъ имѣть успѣхъ въ своемъ предпріятіи, поклониться идолу. Георгій спросилъ, гдѣ кумирня ихъ, — и славяне привели его въ глухую дебрь, къ бездушному истукану. „Завтра посовѣтуюсь съ нимъ,“ сказалъ Георгій,—и на разсвѣтъ, вооруженный однимъ лишь молотомъ, пошелъ опять въ ту дебрь, съ своимъ экономомъ и двумя поселянами изъ славянъ. Приблизившись къ идолу, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и прочелъ первое зачало Евангелія Іоаннова: *въ началѣ бѣ слово*. Славяне говорили ему: „богъ нашъ убьетъ тебя,“ но мужественный воинъ, осѣнивъ себя еще однажды знаменіемъ креста, взялъ тяжелый молотъ, разбилъ истуканъ на мелкія части, и тѣмъ истребилъ заблужденіе язычниковъ: пораженные этимъ, они обратились къ христіанской вѣрѣ.

Былъ ему данъ свыше и даръ пророчества. Правила тогда государствомъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ, вдова Мономахова, императрица Θεодора, и просила царя Баграта отдать ей на воспитаніе дочь его царевну Марѳу. Багратъ отпустилъ юную дочь въ Царьградъ, подъ надзоромъ матери своей Маріи, обитавшей въ столицѣ греческой. Въ то время былъ тамъ, по своимъ дѣламъ, и блаженный Георгій. Случилось такъ, что въ самую ту минуту, когда вступала въ городъ царевна абхазская, скончалась императрица Θεодора, и Георгій, по духу прозорливости, при многихъ вельможахъ, сказалъ Маріи: „сегодня вышла царица, и царица явилась.“ Царевна Марѳа возвратилась къ своему отцу, но, спустя немного времени, новый императоръ Константинъ Дука потребовалъ ее обратно и избралъ своею невѣстой: тогда всѣ увидѣли истину пророческихъ словъ Георгія.

Но, часто странствуя въ Царьградъ, по дѣламъ своей обители, и въ самой лаврѣ — обремененный непрестанною заботою о многочисленной братіи, блаженный Георгій съ прискорбіемъ сознавалъ, что завѣщаніе духовнаго его отца, затворника сирскаго, не исполняется, и данный ему отъ Бога талантъ зарывается въ землю, ибо переводъ Священнаго Писанія, — постоянная благочестивая цѣль всей его жизни, впередъ не подвигался. Посему преподобный началъ просить себѣ увольненія отъ должности настоятельской, — и, сколько ни умоляла его братія, со слезами припадая къ ногамъ его, остался непреклоннымъ. Онъ удалился изъ обители, не взявъ съ собою ничего изъ ея достоянія: даже оставилъ въ лаврѣ и тѣ священныя рукописи и переводы, надъ которыми много потрудился, и вышелъ изъ обогащеннаго имъ Иверскаго монастыря въ такомъ убожествѣ, что, внѣ его ограды, боголюбивые люди сочли нужнымъ дать ему немного хлѣба, для продолженія странствованія. За этимъ вскорѣ слѣдовало и второе его бѣгство, ибо сперва онъ уклонился только отъ должности настоятельской и хотѣлъ водвориться въ уединеніи на Святой горѣ, но потомъ, видя, что и въ пустынѣ не можетъ обрѣсти желаннаго безмолвія, отъ молвы людской и непрестанныхъ посѣщеній, рѣшился совершенно оставить Аѳонъ.

Но, пришедши къ духовнику своему, на Черную гору, гдѣ думалъ обрѣсти подъ его сѣнію желанное успокоеніе, Георгій былъ встрѣченъ горькимъ укоромъ за то, что оставилъ ввѣренное ему отъ Господа стадо. Старецъ сирскій напомнилъ ему слова Господни Апостолу Петру: *любиши ли Мя?—паси овцы Моя,* — и велѣлъ немедленно возвратиться на Святую гору. Сынъ послушанія повиновался и, пришедши на Аѳонъ, по просьбѣ братіи, принялъ опять настоятельство. Нѣсколько времени управлялъ онъ обителью и, устроивъ дѣла монастырскія, снова удалился, чтобы

исключительно посвятить себя переводу Божественныхъ книгъ. А такъ какъ братія не хотѣла отпустить его, то онъ отплылъ въ Царьградъ, и тамъ, съ помощію царицы Маріи, испросилъ себѣ увольненіе отъ самого императора. Взялъ съ собою царскую увольнительную грамоту и хлѣба, сколько было нужно на трехъ человѣкъ, пошелъ онъ опять на Черную гору, гдѣ былъ принятъ всѣмъ братствомъ съ чрезвычайною любовію; но въ житіи его ничего уже не упоминается о строгомъ его духовникѣ, котораго, быть можетъ, не засталъ онъ въ живыхъ.

Вскорѣ послѣ сего, мать Багратова, царица Марія, отпущена была съ великою честію изъ Царьграда, на поклоненіе святымъ мѣстамъ, и прибыла въ Антиохію, гдѣ патриарху и намѣстнику велѣно было принять ее съ возможнымъ великолѣпіемъ. Но патриархъ и правитель, вмѣстѣ съ преподобнымъ Георгіемъ, который случился въ то время въ Антиохіи, разсудили, что неприлично матери царей иверскихъ ѣхать въ область сарацинскую, ибо святой градъ, по грѣхамъ христіанъ, находился тогда въ рукахъ невѣрныхъ. Сколь ни тяжело было такое запрещеніе, однако благочестивая царица, какъ покорная по духу дочь преподобнаго, со смиреніемъ приняла его совѣты, и только просила совершить за нее благочестивое странствованіе и раздать лично, въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, ту царственную милостыню, которую приготовила она для убогихъ церквей и обителей святаго града.

Это порученіе нелегко было для труженика, который болѣе всего искалъ уединенія и покоя, чтобы ничто не отвлекало его отъ перевода Божественныхъ книгъ: однако пріятно было ему исполнить и волю царственной своей дочери, для спасенія души ея. Вспомнилъ онъ и слова Апостола Павла, по слѣдамъ коего шель, для исполненія возложеннаго на него дѣла: *се нынѣ восхожу во Іерусалимъ,*

служити святымъ (Рим. 15, 25), и, при помощи Божіей, съ однимъ лишь ученикомъ, благополучно прошелъ всѣ опасныя мѣста на пути къ святому граду. Вторично посѣтивъ Іерусалимъ, онъ имѣлъ утѣшеніе поклониться всѣмъ святымъ мѣстамъ и принять благословеніе отъ святыхъ отцевъ; милостыню же царскую роздалъ по всѣмъ убогимъ церквямъ и обителямъ. Въ то время блаженный отецъ Прохоръ, по волѣ царя иверскаго Баграта III-го, строилъ близъ Іерусалима монастырь святаго Креста, на томъ мѣстѣ, гдѣ срублено было древо для креста Господня. На устройство сей обители Георгій пожертвовалъ много денегъ, но благочестивый Прохоръ, какъ любитель духовнаго просвѣщенія, просилъ его пожертвовать въ обитель животворящаго Креста первый плодъ его перевода священныхъ книгъ, и Георгій, во исполненіе сей просьбы, посвятилъ обители дѣло рукъ своихъ — цвѣтную тріодъ. Возвратившись на гору Черную, гдѣ ожидала его царица, преподобный утѣшилъ ее извѣщеніемъ объ исполненіи ея порученія, и она уже не возвратилась въ Царьградъ, но рѣшилась остатокъ дней своихъ провести въ Иверіи, при своемъ сынѣ, царѣ Багатѣ.

Послѣ сего, среди безмолвія Черной горы, блаженный Георгій весь погрузился въ боголюбивый трудъ свой и, при содѣйствіи благодати Духа Святаго, продолжалъ переводить священныя книги. Трудился онъ, по большей части, ночью, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не оставлялъ иноческаго правила и церковныхъ службъ, не давалъ себѣ ни малѣйшаго покоя, и, какъ трудолюбивая пчела, готовилъ сладчайшій медъ въ своемъ ульѣ, — переложеніе всего Священнаго Писанія на языкъ иверскій, которымъ усладилъ этотъ дотолѣ несовершенный языкъ, и неоцѣненнымъ сокровищемъ обогатилъ свою Церковь. Все, что было до него переведено невѣрно или грубо, онъ очистилъ, какъ золото, въ горнилѣ своего ума; все, что было начато или

неполнѣ изложено блаженнымъ Евѳиміемъ, онъ докончилъ, распространилъ и тщательно сличилъ съ подлинниками греческими, — особенно книги Новаго Завѣта.

Мѣстомъ пребыванія Георгія были — то обитель святаго Симеона дивногорца, то пустыня Романова, или монастырь Калищость; неусышными своими трудами равно изумлялъ онъ и грековъ, и грузинъ, и сирійцевъ. Часто призывалъ его къ себѣ, для духовной бесѣды, блаженный Іоаннъ, патріархъ антiохійскій, и совѣтовался съ нимъ не только о пользѣ душевной, но и о дѣлахъ церковныхъ, — особенно когда въ Антіохіи сгорѣлъ кафедральный храмъ святаго Петра. Патріархъ сильно потрясенъ былъ симъ пожаромъ, но Георгій, словомъ утѣшенія, разсѣялъ душевную его скорбь. „Отче святыи!“ говорилъ ему Іоаннъ: „если бы не твое сладостное слово, — душа моя доведена была бы до унынія.“ Послѣ кончины этого кроткаго пастыря, мѣсто его на кафедрѣ антiохійской заступилъ ученый мужъ Теодоръ Вальсамонъ, — но вначалѣ онъ не имѣлъ духовной опытности, и заимствовалъ ее изъ бесѣды съ Георгіемъ.

Нѣкоторые изъ приближенныхъ къ патріарху стали внушать ему, что земля иверская, обращенная проповѣдію святой Пины, была крещена патріархомъ антiохійскимъ Евстаѳіемъ и его клиромъ, и долгое время находилась въ зависимости отъ этого престола, но впоследствии начала имѣть независимыхъ католиковъ и не по праву вышла изъ подъ зависимости антiохійской Церкви, ибо никто изъ Апостоловъ лично въ ней не проповѣдывалъ. Патріархъ Теодоръ спрашивалъ о томъ блаженнаго Георгія и предлагалъ ему употребить свое вліяніе, чтобы внушить царямъ иверскимъ снова подчинить Иверію престолу антiохійскому, — угрожая, въ противномъ случаѣ, жаловаться другимъ вселенскимъ патріархамъ, чтобы невѣжество народа иверскаго просвѣщено было правилами церковными. Но блаженный Георгій

смирено отвѣчалъ патриарху: „Напрасно, владыко святой, упрекаешь ты кроткій и благочестивый народъ нашъ въ невѣжество:—вотъ я, послѣдній изъ братій, дамъ тебѣ за нихъ отвѣтъ. Если сомнѣваешься касательно проповѣди Апостольской въ землѣ нашей, вели принести книгу, называемую Странствованія Апостола Андрея Первозваннаго, и тамъ найдешь истину.“

Патриархъ велѣлъ немедленно принести изъ книгохранилища эту книгу, и она была принесена находившимся при немъ Теофиломъ, родомъ изъ Грузіи, который впоследствии занялъ кафедру митрополіи тарзской. Между тѣмъ Георгій говоритъ патриарху: „Ты хвалишься, владыко святой, что занимаешь кафедру верховнаго Апостола Петра: но мы — достояніе брата его, который самого Петра призвалъ ко Христу. Притомъ проповѣдывалъ намъ не одинъ Первозванный, но и другой изъ Апостоловъ—Симонъ Кананитъ, почивающій въ абхазской нашей землѣ, въ городѣ Никопсіи; съ тѣхъ поръ мы твердо стоимъ въ православіи и въ заповѣдяхъ Апостольскихъ. Мы, если должно, будемъ покоряться тебѣ, но, владыко,“—съ улыбкою продолжалъ онъ, — „не прилично ли и то, чтобы званый покорялся призвавшему его? Напрасно упрекаете вы насъ въ невѣжество и легкомысліи: бывали и такія времена, когда православіе потрясено было въ предѣлахъ Греціи, и готескій епископъ принужденъ былъ искать себѣ рукоположенія у насъ,—въ престольномъ городѣ нашихъ царей и католиковъ, Мцхетѣ,—какъ описано это въ синаксарѣ.“ Патриархъ изумился глубокимъ познаніемъ и краснорѣчію святаго мужа и сказалъ своимъ епископамъ: „посмотрите, — одинъ простой инокъ побѣдилъ все наше собраніе; будемъ остерегаться, чтобы онъ не превзошелъ насъ не только словомъ, но и дѣломъ.“ Съ тѣхъ поръ и Θεодоръ Вальсамонъ, подобно предмѣстнику своему, блаженному Іоанну, сталъ во

всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, совѣтоваться съ пришельцемъ иверскимъ, и весь клиръ и народъ антiохiйскiй начали любить его и уважать, какъ духовнаго своего отца и наставника.

Между тѣмъ, всѣ монастыри Черной горы, населенные преимущественно грузинами, напоялись очищавшимъ души ихъ потокомъ книгъ святаго Георгiя; ибо каждая обитель переписывала для себя это сокровище. Болѣе же всѣхъ ревновалъ о томъ блаженный Антонiй Липаритъ, изъ владѣтельнаго дома князей Орбелiановъ, который велѣлъ переписать новый переводъ Священнаго Писанiя для монастыря своего—святаго Варлаама, въ Абхазiи. Когда вѣсть объ этомъ дошла до слуха благочестиваго царя Баграта, онъ написалъ отъ себя похвальную грамоту труженику Георгiю, благодаря его за совершенный трудъ, которымъ мало-по-малу стали украшаться всѣ иверскiя церкви, Багратъ, его мать, царица Марiя и сынъ Георгiй, католикось и всѣ епископы Абхазiи и Иверiи, исполненные уваженiя къ великому свѣтилу, востекшему на небосклонѣ отечественной ихъ Церкви, умоляли святаго, письменно и чрезъ посланниковъ, утѣшить родную землю своимъ присутствiемъ, чтобы всѣ они могли насладиться его лицезрѣнiемъ.

Убѣдительноѣе всѣхъ писала ему духовная дочь его, царица Марiя, отъ лица своего сына: „Отче святыи!“ говорила она: „тамъ, на Черной горѣ, мало нашихъ монастырей, ибо эта страна чуждая; но царство мое обширно и славно: много въ немъ кафедръ епископскихъ и обителей иноческихъ, весьма именитыхъ. Да возбудитъ же Господь святость твою придти къ намъ, чтобы и мы получили отъ тебя благословенiе и просвѣщенiе духовное, и церкви наши исполнились животворящимъ потокомъ богодуховенныхъ твоихъ книгъ.“ Но Георгiй не соглашался, опасаясь молвы

людской,—особенно же боялся, какъ бы не посвятили его, противъ желанія, въ санъ епископскій. Узнавъ о томъ, благочестивый Багратъ собственноручно удостовѣрилъ его, что не будетъ ничего сдѣлано вопреки его волѣ, и что одно только питаетъ онъ желаніе—заимствовать отъ старца просвѣщеніе духовное и ввѣрить себя, сына, царскій домъ и все свое царство святымъ его молитвамъ и духовному руководству.

Блаженный Георгій не могъ долѣе противиться столь искренней любви царской и усердному моленію: однакожь хотѣлъ, по всегдашнему своему обычаю, и на этотъ разъ испытать волю Божию, и, положивъ на престолъ два вопроса о томъ, идти ли ему въ Иверію, или нѣтъ, молитвенно взялъ съ престола одну изъ написанныхъ имъ хартій: жребій выпалъ — идти, и онъ сталъ собираться въ путь. Услышавъ о такомъ рѣшеніи, обрадовался царь Багратъ и послалъ къ нему собственнаго служителя Іоанна, съ конемъ и нужными деньгами, чтобы святой могъ взять съ собой и присныхъ своихъ учениковъ, о чемъ писалъ также патриарху и намѣстнику антиохійскому.

3. Путешествіе Георгія въ Грузію.

Здѣсь измѣняется самый образъ разсказа, и писатель житія какъ бы уже отъ своего лица пишетъ тѣмъ, кто просилъ его описать житіе преподобнаго. „Здѣсь конецъ нашему слову къ вышеупомянутымъ собратіямъ, которые убѣдили насъ описать жизнь святаго со дня его рожденія. О блаженнѣйшій! доселѣ ты зналъ все и только представлялъ, будто не знаешь жизни того, кто не скрывалъ отъ тебя ни одной іоты изъ сердечныхъ своихъ помысловъ. Теперь сообщу святынѣ твоей объ отъѣздѣ нашемъ на Востокъ (т.-е. въ Иверію), и о всемъ, что произошло до возвращенія въ столицу греческую и до преставленія свя-

таго. Такъ какъ ты настоятельно повелѣвалъ мнѣ, недостойному, написать о немъ что-либо приличное, то я вкратцѣ изложилъ все, что могъ. Слишкомъ далекъ я отъ святости блаженнаго Георгія,—какъ далекъ призракъ отъ человѣка: но повелѣніе твое заставляетъ меня описать, какъ мы совершили свой путь въ Иверію, и какова была блаженная кончина святаго. Я подобенъ лѣнивому путнику, который, не дошедши до предположеннаго мѣста, останавливается на пути, ибо постоянно кружусь около горы и не могу взойти на самую гору; но да будетъ со мною Христосъ, истинный Богъ, и святое твое благословеніе, чтобы мнѣ безпрепятственно шествовать по пути моего слова.“ Умолчалъ о себѣ невѣдомый писатель; неизвѣстно имя его, равно какъ и того лица, къ кому обращена его рѣчь: но можно предполагать, что это говоритъ блаженный затворникъ, духовникъ Георгія, если только былъ онъ еще живъ.

Оставляя дивную эту гору,—пишетъ онъ,—мы помолились надъ гробницею Симеона и Марѣы, и, въ напутствіе, отъ нихъ и отъ тебя получили святое благословеніе. Потомъ выѣхали изъ Антиохіи и приблизились къ рѣкѣ Евфрату; здѣсь узнали мы, что, по грѣхамъ нашимъ, турки овладѣли всею Месопотаміею и Сиріею, и поворотили къ Севастѣ, надѣясь, что тамъ все еще мирно, — однакожь турки и здѣсь опередили насъ и сожгли городъ. Не вѣдая о томъ, мы продолжали путь и едва было не попали въ руки враговъ; одно только милосердіе Божіе спасло насъ: ибо отовсюду слышался намъ голосъ: „куда идете?“ хотя,—Богъ свидѣтель,—не видно было никого, кто говорилъ бы намъ это; предостерегалъ насъ именно голосъ Ангела. Оставивъ большую дорогу, пошли мы малыми стезями, чрезъ дремучіе лѣса и непроходимыя ущелья: и, послѣ утомительнаго странствованія днемъ и ночью, достигли наконецъ Кесаріи, а оттуда направились уже къ морю, ибо идти

далѣе по сушѣ было невозможно. Такъ вступили мы въ Евхаитъ, гдѣ поклонились гробу святаго великомученика Θεодора. Мѣстный епископъ, мужъ святой и благочестивый, благосклонно принялъ насъ и много бесѣдовалъ съ нами о спасеніи души. Изъ Евхаита пришли мы къ ближайшему приморскому городу Самисону и, здѣсь продавъ своихъ коней, на корабляхъ отплыли въ Абхазію, благополучно достигли до крѣпости Поти и, поднявшись по рѣкѣ Ріону, прибыли въ столичный городъ Кутаисъ во время винограднаго сбора.

Царь Багратъ въ то время находился въ Карталаніи и едва только узналъ о пришествіи святаго аввы, немедленно прислалъ одного изъ своихъ сановниковъ, чтобы послѣдній, съ великою честію, привелъ къ нему блаженнаго Георгія. Намъ сопутствовалъ епископъ кутаисскій Иларіонъ, смиренно ставшій въ число учениковъ аввы Георгія. За три часа разстоянія отъ столичнаго города Мцхета, царь Багратъ выслалъ къ намъ, для почетной встрѣчи, архіереевъ и сановниковъ своихъ, а самъ встрѣтилъ насъ въ дверяхъ своей палаты. Съ духовною радостію принялъ онъ благословеніе отъ святаго старца, ввелъ его за руку въ палату и, посадивъ возлѣ себя, сказалъ: „благословенъ Господь! нынѣ спасеніе всему моему царству, — ибо я удостоился видѣть втораго Златоуста,“ — и всѣ сановники говорили: „благословенъ Господь, явившій намъ такого мужа, для спасенія душъ нашихъ!“ Велика была радость во всемъ царствѣ.

Спустя мѣсяць послѣ нашего приѣзда, царь Багратъ, съ помощію Божіею одержалъ славную побѣду надъ мятежными князьями Абашидзе, которые, гордые своимъ богатствомъ, силою мышцы и множествомъ народа, долго воевали противъ него и домогались взять въ плѣнъ самого царя; но Багратъ плѣнилъ всѣхъ ихъ пятерыхъ, какъ безсильныхъ младенцевъ. Послѣ того, немедленно послалъ онъ

за святымъ аввою, чтобы сообщить ему свою радость, и, въ духѣ христіанскаго смиренія, отвѣчалъ на отеческое его привѣтствіе: „эта побѣда, отче святыи, дарована намъ твоими молитвами, ибо много разъ поднималъ я оружіе на непокорныхъ и никогда не имѣлъ успѣха: нынѣ же, ради твоего пришествія, совершилось чудо, и твоими молитвами возвеличилось мое царство.“ При этомъ открылъ ему царь всѣ лукавыя замыслы рода Абашидзеыхъ. Такъ какъ наступала уже зима, то Багратъ, по своему обычаю, собирался провести ее въ Абхазіи, на тепломъ поморіи, и просилъ святаго Георгія сопутствовать ему, чтобы отдохнуть зиму въ благообразномъ климатѣ. Но когда достигли они обители Мартвильской, въ Мингреліи, мѣстный епископъ чхондійскій, бывшій также ученикомъ аввы, не пустилъ его далѣе и умолялъ остаться у себя на зиму.

Весною царь Багратъ, возвращаясь въ Карталинію, опять пригласилъ съ собою святаго старца и, для его успокоенія, далъ ему въ лучшихъ мѣстахъ благоустроенныя лавры: сперва—обитель Недзви, въ Карталиніи, а потомъ—знаменитую лавру Шатберди, въ Кларджетѣ; но и тутъ не хотѣлъ съ нимъ разстаться и, не смотря на ежедневныя свиданія, не могъ довольно насытиться сладостію рѣчей изъ медоточивыхъ его устъ: „Отче святыи!“ говорилъ ему царь: „для того мы и утруждали твою святость, чтобы ты исправилъ всѣ недостатки и заблужденія душъ нашихъ, чтобы тайное обличилъ тайно, а явное уврачевалъ явно, безъ всякаго лицепріятія,—ибо все, что ты ни повелишь, я приму какъ бы изъ устъ самихъ Апостоловъ.“ Царь подвелъ къ аввѣ старшаго своего сына Георгія и, положивъ его руки въ руки старческія, сказалъ: „вотъ отдаю тебѣ душу этого отрока, и потребую ее отъ тебя въ день судный, предъ Богомъ.“ Георгій благословилъ юнаго царевича и сказалъ: „Господь да благословитъ тебя и въ сей жизни

и въ будущей, и, какъ нѣкогда великому Константину, да покорить всѣхъ враговъ къ подножію ногъ твоихъ.“ Кромѣ того, написалъ онъ душеполезныя поученія и вручилъ ихъ отроку, чтобы этотъ постоянно читалъ ихъ, удаляясь отъ людей стропотныхъ и нечестивыхъ. Царевичъ съ любовію принялъ поученія святаго старца и во всемъ покорялся ему, какъ послушный сынъ доброму отцу.

Съ тѣхъ поръ начали постоянно притекать къ святому аввѣ и приносить предъ нимъ покаяніе въ грѣхахъ своихъ не только царь и католикосъ, но и сановники и пресвитеры, иноки и инокини, люди богатые и бѣдные, и до такой степени со всѣхъ сторонъ обступали его, что мы едва успѣвали принимать пищу. Просвѣщенный свыше, человекъ Божій просвѣтилъ всю свою страну, исправляя недостатки ея, тайныя и явныя. Первое свое обличеніе, безстрашно и нелицемѣрно, обратилъ онъ противъ самого Баграта, увѣщавая его, чтобы каедръ епископскихъ не ввѣрялъ онъ невѣждамъ и нечестивцамъ, привыкшимъ къ суетѣ міра и скитальнической жизни, но чтобы избиралъ людей достойныхъ, воспитанныхъ въ иночествѣ, подъ надзоромъ добрыхъ наставниковъ, дабы молитвами ихъ преуспѣвало въ мирѣ царство, и міряне не были осуждены за грѣхи духовныхъ. Святый старецъ поучалъ также царя о судѣ и правдѣ, внушая ему, чтобы, по слову Давида, оправдывалъ смиреннаго и убогаго и изъ лицепріятія не склонялъ вѣсовъ правосудія, особенно же — чтобы возлюбилъ онъ милостыню, ибо милость и правду любитъ Господь, и чтобы начиналъ исправлять безпорядки съ самого себя, и потомъ уже искоренялъ бы ихъ въ народѣ.

Подобнымъ образомъ наставлялъ святый старецъ и иноковъ, и инокинь, и весь народъ, и свои наставленія предлагалъ въ видѣ поученій, какія соотвѣтствовали ихъ званію: невѣждамъ напоминалъ онъ о нуждѣ познанія, богатымъ

внушалъ милосердіе, бѣднымъ—терпѣніе, и не съ пустыми руками отпускалъ онъ своихъ слушателей; но укрѣплялъ и возставлялъ онъ падшихъ, исцѣлялъ уязвленныхъ стрѣлою невидимаго врага, спасалъ утопающихъ въ волнахъ страстей, не допуская ихъ до конечной гибели, и, какъ искусный кормчій, направлялъ всѣхъ къ безбурной пристани. — Знаю, святой отче, — говоритъ писатель житія его, — что ты желаешь узнать отъ меня и то, какъ совершилось собраніе сиротъ, и какимъ образомъ блаженный Георгій совокупилъ во едино такое множество ихъ.

Сперва нашли мы, что присные великаго аввы на своей родинѣ бѣдствуютъ: это были два его племянника, — сыновья его сестры, и малолѣтнія ихъ дѣти. Георгій принялъ ихъ, по словамъ Писанія: *приснаго рода твоего да не отвергнешь*. Другихъ сиротъ собралъ онъ изъ чуждыхъ мѣстъ: тѣхъ обрѣлъ въ пустынѣ, этихъ выкупилъ изъ рабства, или спасъ отъ гибели нравственной, и отъ такого паденія возвелъ ихъ на степень пресвитеровъ Христовыхъ. Слухъ о томъ, что Георгій призрѣваетъ сиротъ, распространился по всей Иверіи, и дѣти начали собираться къ нему отовсюду: иныхъ приводили родители и иногда тайно оставляли у дверей его дома, другіе сами бѣжали отъ родителей въ тихое пристанище, — и такимъ образомъ собралось ихъ до сорока человѣкъ. Къ собранію этихъ сиротъ было много причинъ: во-первыхъ, богоподражательное его милосердіе, во вторыхъ, сильное его желаніе, чтобы народъ еще въ дѣтствѣ изучалъ, переведенное имъ на родной языкъ, Священное Писаніе, — ибо нѣжная природа дѣтскаго возраста, какъ мягкій воскъ, удобно пріемлетъ всѣ впечатлѣнія, и юные ученики могли со временемъ сами сдѣлаться учителями. Георгій и не обманулся въ своемъ ожиданіи. Была еще и третья причина: самъ онъ, на Святой горѣ, проходя сперва должность діакона, а потомъ настоятеля, много видѣлъ под-

виговъ, совершаемыхъ ея иноками,—но земля наша далеко отъ этой Святой горы: немного ученыхъ мужей прїѣзжало отсюда къ намъ, а кто и прїѣзжалъ, тотъ въ скоромъ времени возвращался. Блаженный Георгій желалъ собранныхъ имъ дѣтей, какъ словесное стадо и чистѣйшую жертву, привести къ святому отцу нашему Евѣимію и сдѣлать ихъ пѣвцами или чтецами въ святой его церкви, чтобы память богоносныхъ мужей совершалась здѣсь торжественно (слова эти показываютъ, что самъ писатель житія обиталъ на Аеонѣ, въ лаврѣ Иверской).

Георгій пребывалъ въ землѣ иверской пять лѣтъ: многія епископскія каѳедры и иноческія обители переписали его переводъ Священнаго Писанія; многое исправилъ онъ въ церковныхъ обрядахъ и всѣмъ показалъ путь къ вѣчной жизни, объяснивъ заповѣди и церковныя правила письменно и словесно. Такъ умножилъ онъ данный ему отъ Бога талантъ, — ибо просвѣщеніе и принесеніе столькихъ душъ въ жертву Богу едва ли не выше было и чуднаго его перевода Божественныхъ книгъ: блаженный Георгій довершилъ дѣло проповѣди святыхъ Апостоловъ Андрея и Симона, ибо Первозванный прошелъ всю страну нашу, а Кананитъ совершенно вселился въ ней, такъ какъ въ Никопсіи почиваютъ святые его мощи *).

Въ это время, въ наказаніе за грѣхи наши, возсталъ изъ Вавилона второй Навуходоносоръ,—султанъ сельджукидовъ Альпъ-Арсланъ, и явился въ Ахалкалаки, что въ Джавахетіи, гдѣ были собраны все сироты блаженнаго отца. Однажды, около полудня, сидѣли мы въ келліи Георгія: внезапно на лицѣ его выразились сперва изумленіе, потомъ испугъ, и онъ, сказавъ: „на этотъ городъ идетъ

*) Древній храмъ на мѣстѣ погребенія св. Апост. Симона находится нынѣ въ предѣлахъ нашего ново-аеонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря. См. кн. Архим. Леонида: Абхазія и ея христіанскія древности. Изд. 2. М. 1887.

гнѣвъ Божій,“ — немедленно велѣлъ всѣмъ собираться въ путь. Къ вечеру мы уже вышли изъ города, а чрезъ три дня, дѣйствительно, постигъ его гнѣвъ Божій: не только жители его, но и знаменитѣйшіе сановники земли иверской— всѣ погибли подъ мечомъ. Благочестивый Багратъ впалъ въ уныніе; человекъ Божій, словомъ утѣшенія, разсѣялъ душевную его тоску, и самъ царь сознавался впослѣдствіи, что умеръ бы отъ печали, если бы не видѣлъ святаго старца.

4. Кончина Георгія.

Между тѣмъ, по откровенію свыше, Георгій уразумѣлъ, что уже приблизилось время его кончины, и онъ подвигся духомъ идти на Святую гору, чтобы положить кости свои тамъ, гдѣ возсіялъ ему свѣтъ разума Божественныхъ Писаній, и утвердилъ собранныхъ имъ чадъ въ оградѣ святаго Евеимія. Но какъ нѣкогда сему великому аввѣ, такъ и самому Георгію суждено было окончить дни свои не на Святой горѣ, а въ престольномъ градѣ.

Георгій, прежде чѣмъ предпринялъ послѣднее свое путешествіе, посѣтилъ благочестиваго царя Баграта, чтобы выразить ему свою благодарность за радушный пріемъ и объявить о своемъ удаленіи; онъ исполнилъ это словами, проникнутыми Божественною мудростію. „Государы!“ говорилъ Георгій: „я покорился твоему повелѣнію и оставилъ землю, которая не входила въ планъ моихъ подвиговъ, и гдѣ отдыхалъ я отъ многихъ тревоженій міра; послушайся нынѣ и ты моего убожества, и отпусти меня опять, какъ и прежде, въ землю моего странствованія, напутствуй туда твоими молитвами и благословеніями, да достигну я мѣста погребенія духовныхъ моихъ отцевъ, какъ нѣкогда кости родоначальника Іакова, скончавшагося въ Египтѣ, и кости Іосифа, по завѣщанію ихъ, перенесены были въ землю обѣтованную, въ общую гробницу отцевъ

ихъ Авраама и Исаака. Если благочестіе твое что-либо приобрѣло отъ моего присутствія, и устроилось твое царство, то это дѣло принадлежитъ тебѣ, ибо призвалъ меня ты, а не самъ я къ тебѣ явился. Вотъ и грамота твоя, нѣкогда ко мнѣ писанная, которою ты, какъ царь этой земли, обѣщаль мнѣ безопасность и полную свободу: итакъ, отпусти меня нынѣ къ царю вселенной, въ Царьградъ, собирающій и упокоивающій всѣхъ тружениковъ.“

Умилился царь и пролилъ много слезъ, со всеми своими сановниками и епископами. Напрасно старался онъ умолить старца, чтобы тотъ остался въ родной землѣ: Георгій пребылъ непреклоннымъ. Наконецъ державный Багратъ долженъ былъ отпустить его и отпустилъ съ великими дарами. Все царство скорбѣло о немъ,—всѣ, какъ дѣти, плакали о лишеніи отца своего, ибо всѣ сановники и епископы были духовными его чадами. Царь вручилъ ему письмо къ императору Константину Дукъ, который, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, просилъ царевну Марю въ невѣсты сыну своему,—и царица Марія, прощаясь съ Георгіемъ, напомнила ему о давнемъ его предсказаніи. Со святымъ старцемъ отпущены были инокъ Петръ, бывшій нѣкогда патрикіемъ, Ааронъ и другія лица, духовныя и свѣтскія. Плаваніе ихъ хотя было бурно, такъ что всѣ отчаявались за жизнь, однакожь, молитвами преподобнаго, благополучно достигли они Константинополя.

Императоръ обрадовался прибытію святаго мужа и на другой же день пригласилъ его въ свои палаты. Георгій привѣтствовалъ какъ его, такъ и сына его, кесаря, похвальною рѣчью исполненною искренности и смиренія,—и державный подивился краснорѣчію его. „Благодарю севасто-са Баграта,“ сказалъ онъ патриарху константинопольскому, „что прислалъ онъ намъ челоуѣка, подобнаго Ангеламъ, который хотя родомъ и грузинъ, но во всемъ слѣдуетъ

обряду нашему.“ Изъ грамоты же Багратовой еще болѣе увѣрился онъ въ достоинствѣ святаго мужа, ибо Багратъ писалъ, что онъ „посылаетъ къ нему учителя всей Иверіи уподобившагося безплотнымъ, который своими молитвами утвердить вселенское его царство.“ Посему императоръ объявилъ Георгію, что исполнить всѣ его желанія, и вступилъ съ нимъ въ духовную бесѣду о дѣлахъ церковныхъ и обрядахъ вѣры.

Въ то время, при царскомъ дворѣ находилось много именитыхъ мужей, изъ числа римлянъ и армянъ, и самъ послѣдній царь армянскій—Гагикъ, бѣжавшій въ Царьградъ изъ покоренной сарацинами столицы его Ани. Императоръ, въ присутствіи ихъ, спрашивалъ святаго старца о различіи исповѣданій, извиняясь тѣмъ, что, какъ державшій всегда мечъ и скипетръ, онъ мало знакомъ съ предметами церковными, хотя, по настоящему, православіе должно утверждаться отъ царей. Константинъ желалъ знать, во всемъ ли согласна Церковь иверская съ православною Церковію греческою,—и весьма былъ утѣшенъ, когда святой Георгій, ясными доказательствами, засвидѣтельствовалъ, что Церковь иверская, принявши однажды православіе, никогда отъ него не отступала. Императоръ возблагодарилъ за это Бога, и потомъ спрашивалъ еще о разности, какая существуетъ въ догматахъ и обрядахъ между греками, римлянами и армянами;—на всѣ эти вопросы авва Георгій давалъ ему удовлетворительные отвѣты, такъ что державный, святитель и сановники изумлялись ясности, съ какою излагалъ имъ Георгій самыя глубокія истины и то, чего не могли изъяснить имъ ни римляне, ни армяне.

Архимандритъ Иверской лавры и Аѳонской горы, Георгій, находился тогда въ Царьградѣ; этотъ человекъ, добрый и праведный, весьма обрадовался, узнавъ о возвращеніи святаго Георгія, котораго зналъ на Святой горѣ. „Благословенъ Богъ!“ говорилъ старецъ: „Самъ Господь

привелъ тебя обратно къ намъ; вотъ и монастырь твой предъ тобою.“ На другой день, опять потребовали Георгія и бывшихъ съ нимъ къ императору; съ ними вмѣстѣ предсталъ предъ лицо царское и архимандритъ. При этомъ державный сказалъ Георгію: „Иди, благочестивый старецъ, опять въ свою обитель, и тамъ воспитывай твоихъ сиротъ;—ибо такъ писалъ намъ о тебѣ братъ нашъ севасть Багратъ; доброе дѣло, что онъ прислалъ къ намъ настоятеля лавры Иверской. Но покажи мнѣ твоихъ сиротъ, чтобы я могъ оказать имъ милость; исполню и всѣ другія твои просьбы, какія только предложишь мнѣ.“

Наступилъ праздникъ святаго Іоанна Предтечи: мы пошли въ обитель Студійскую поклониться честной его главѣ, и приобщившись тамъ Святыхъ Таинъ, возвратились на свое подворье Ксеалонъ. Доселѣ, блаженнѣйшій, ровень и приятенъ былъ путь моего слова, но теперь лучше бы мнѣ умолкнуть, ибо сердце мое стѣсняется и руки дрожать, когда помышляю о сиротствѣ своемъ. Какъ опишу тебѣ послѣдніе дни жизни моего аввы и прощальныя рѣчи? Но, послушанія ради, подвигну слабый языкъ мой и доскажу свою повѣсть.

Святый отецъ нашъ предчувствовалъ блаженную свою кончину, когда, на обратномъ пути изъ обители Студійской, началъ изнемогать, и когда мы думали, что это только отъ одной усталости, ибо святой авва имѣлъ обычай—на самыя отдаленныя богомолія ходить не иначе, какъ пѣшкомъ. За два дня до праздника святаго Апостоловъ, онъ сказалъ намъ: „будьте готовы взять съ собою моихъ сиротъ, чтобы представить ихъ царю,“—такъ какъ намъ было уже объявлено опредѣленіе царское, что сироты должны предстать предъ лицо царя внѣ города,—въ долину, называемой Филопатросъ. Потомъ Георгій присовокупилъ: „если не увидимъ его сегодня, то завтра это будетъ уже не въ нашихъ рукахъ;“—мы не поняли тогда значенія его словъ.

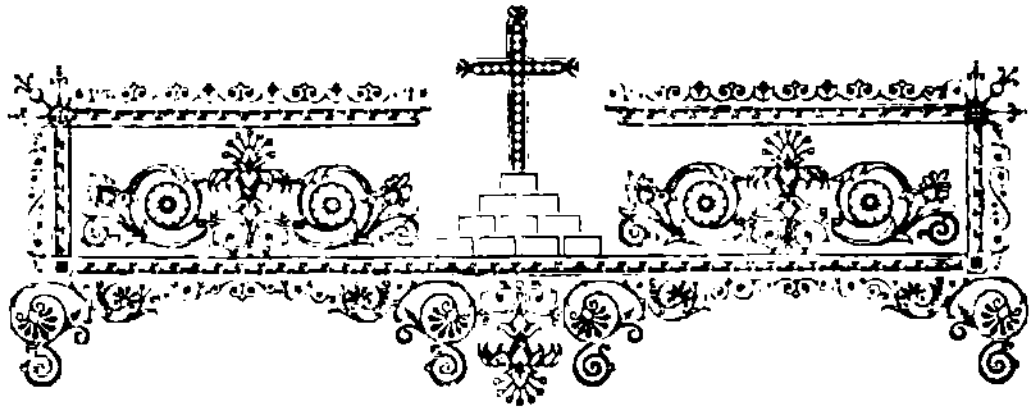
Старець, безъ посторонней помощи, легко сѣлъ на коня и также свободно сошелъ съ него, въ предназначенной долинь, гдѣ ожидали мы возвращенія царскаго. Когда императоръ и сынъ его приблизились верхами, всѣ мы пали на землю и пропѣли ему многолѣтіе. Державный изумленъ былъ множествомъ сиротъ и ихъ малолѣтствомъ, ибо нѣкоторымъ было едва ли по семи лѣтъ: и всѣ они были облечены въ короткія монашескія мантии. Державный похвалилъ милосердіе страннолюбиваго старца.

Тутъ блаженный Георгій подалъ челобитную царю и сказалъ ему: „Я собралъ этихъ сиротъ въ Иверіи и научилъ ихъ имени Божію, а нынѣ представилъ ихъ предъ лицо царскаго твоего величества. Воспитывай ихъ по своему благоволенію и охраняй, какъ молитвенниковъ о душѣ твоей, ради благоденствія собственныхъ твоихъ чадъ.“ Съ императоромъ стояли три его сына и царь армянскій, съ сановниками римскими. Вручивъ челобитную, Георгій присовокупилъ: „послѣ Бога, предаю ихъ тебѣ.“ Императоръ велѣлъ сиротамъ прочесть часы, чтобы испытать ихъ въ чтеніи, но блаженный велѣлъ имъ, вмѣсто того, пропѣть отходную пѣснь святаго Сумеона Богопріимца: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко*, — знаменуя тѣмъ близкое свое отшествіе къ Богу. Это знаменательное слово мы поняли, однакожъ, только на другой день, когда старецъ уже скончался.

Наканунѣ праздника верховныхъ Апостоловъ, когда никто не ожидалъ всѣхъ насъ поразившаго горькаго удара, мы нечаянно узнали, что блаженный отецъ нашъ тихо представился къ Богу, — и никто изъ насъ не былъ свидѣтелемъ мирной его кончины. Прежде всѣхъ узналъ о томъ бывшій патрикій, священноинокъ Петръ, пламенно любившій своего наставника. Исполненный скорби, пришелъ онъ передать плачевную вѣсть императору. „Миръ державѣ твоей,“ сказалъ онъ, „и многая тебѣ лѣта, съ царственнымъ твоимъ

сыномъ!—Тотъ святой инокъ, который еще вчера вручалъ вамъ обоимъ сорокъ безпріютныхъ сиротъ, нынѣ уже самъ предался въ руки Божіи и отъ царя земнаго перешелъ къ Царю небесному. Вчера онъ умолялъ тебя о покровительствѣ своимъ сиротамъ, а сегодня самъ молится за тебя Отцу сирыхъ, Судии вдовъ и Царю царей земныхъ.“ Прослезился царь и, послѣ перваго изумленія, за все воздалъ хвалу Богу.

Мы положили священные останки блаженнаго Георгія въ ковчегъ изъ негниющаго дерева и отплыли моремъ на Святую гору, куда благополучно и достигли. Святогорцы благосклонно приняли насъ, какъ своихъ присныхъ братій, а святаго отца нашего, хотя уже усопшаго, - какъ бы живаго наставника, ибо изъ прежнихъ его учениковъ въ лаврѣ Иверской оставалось въ живыхъ еще много. Съ тѣми же почестями, съ какими нѣкогда встрѣчали они блаженные останки Евѣиміевы, встрѣтили и раку Георгіеву: на рукахъ іерейскихъ принесли ее въ церковь и поставили предъ гробницею святаго Евѣимія, а оттуда перенесли въ церковь Всѣхъ Святыхъ, гдѣ оставалась эта рака около года, доколѣ не пришло повелѣніе отъ патрікія Петра и достопо-чтеннаго настоятеля нашего Георгія Ольтисели, котораго утвердилъ императоръ въ этомъ званіи послѣ кончины блаженнаго. Оба они приплыли на гору Аѳонскую; въ ихъ присутствіи открыта была гробница великаго ктитора лавры, Георгія Торникія, и нетлѣнные останки святаго старца Георгія, вынутые изъ ковчега какъ бы совершенно живыми, положили въ одну мраморную гробницу съ Торникіемъ, какъ останки втораго ктитора лавры. Погребеніе ихъ совершилось 24-го мая 1067 года; но лавра Иверская установила совершать память Георгія 30-го іюня, въ день дванадцати Апостоловъ, ибо, за равноапостольные его подвиги, причла его къ ихъ лику, какъ тринадцатаго.

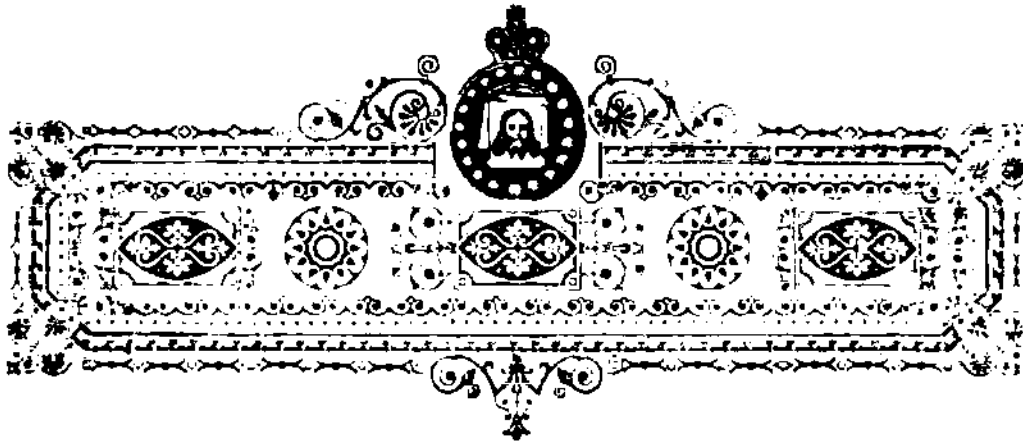
М А Я 13.

Память преподобнаго
ГАВРИЛА ИВЕРСКАГО *).

Преподобный Гавриилъ былъ родомъ изъ Грузіи (Иверіи), отшельнически подвизался въ предѣлахъ Иверской обители, и за высоту своей жизни удостоился услышать Божественный гласъ, повелѣвавшій ему сойти съ неприступныхъ высотъ, гдѣ онъ подвизался, на море, и принять съ онаго чудотворную икону Госпожи Богородицы Портантиссы **).

*) Изъ 'Ακολουθία τῶν ἁγιωρικῶν πατέρων.

**) Какъ о сей, такъ и другихъ чудотворныхъ неонскихъ иконахъ не говоримъ здѣсь пространно, потому что сказано о нихъ въ особой повѣсти собственно о всѣхъ неонскихъ чудотворныхъ иконахъ. См. книгу подъ названіемъ: «Вышній покровъ надъ Асономъ.» М. 1892.

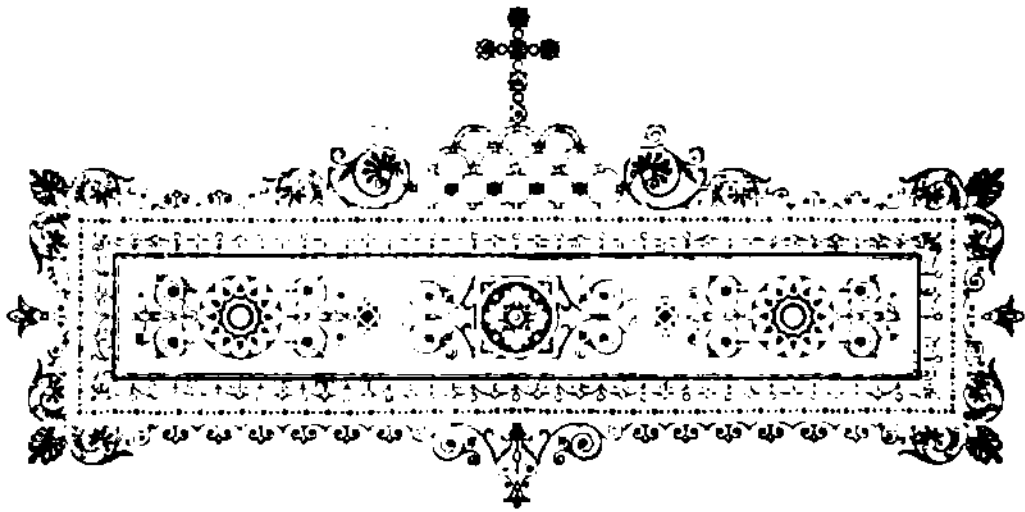
МАЯ ТОГО-ЖЕ ДНЯ.

Память св. преподобномучениковъ—
И В Е Р С К И Х Ъ.

Святые эти преподобномученики пострадали отъ папистовъ, разорвавшихъ святую Аѳонскую гору въ царствованіе византійскаго императора Михаила Палеолога (1260—1281 г.). За дерзновенное обличеніе латиномудренныхъ въ ереси, одни изъ мужественныхъ иноковъ обители Иверской были ввержены еретиками въ море, а другіе отведены въ плѣнъ.

Память ихъ въ Иверѣ совершается 13 мая. Общая же память св. новомучениковъ празднуется на св. Аѳонской горѣ въ недѣлю 2-ю по недѣлѣ Всѣхъ Святыхъ.

Подробное сказаніе о сихъ св. преподобномученикахъ Иверскихъ см. въ „Повѣсти о нашествіи папистовъ на Святую гору,“ помѣщенной нами подь 10-мъ октября, во 2-й части Аѳ. Патерика.

М А Я 21.

**Страданіе святаго преподобномученика
ПАХОМІЯ *).**

Святой преподобномученикъ Пахомій былъ родомъ изъ Малой Россіи, сынъ благочестивыхъ родителей. Въ молодости похитили его татары и продали одному турку, по ремеслу кожевнику, который и увезъ его съ собою въ свою отчизну, въ такъ называемое мѣстечко Усаки, находящееся въ области Филаделфійской (въ Малой Азіи). Мусульманинъ, научивши юношу мастерству своему, всячески старался увлечь сего невиннаго въ магометанство; но Пахомій, хорошо понимая ремесло и прилежно занимаясь имъ, гнушался и слышать не хотѣлъ о печестивомъ ученіи Магомета. Напрасно неистовый турокъ употреблялъ палочныя побои, угрозы и голодъ,—юный Пахомій за благочестіе все это выносилъ съ радостію и твердостію духа. Такимъ образомъ, цѣлыхъ 27 лѣтъ оставался онъ въ рабствѣ и плѣну, служа жестокому господину съ полнымъ усердіемъ

*) Изъ Новъ Мартирологіевъ.

и преданностію. Между тѣмъ, агарянинъ, видя, что не можетъ подѣйствовать на сердце мужественнаго юноши ни угрозами, ни побоями, ни пытками, пустился на сатанинскія хитрости: у него была дочь—дѣвица, и ее-то онъ задумалъ употребить орудіемъ къ увлеченію Пахомія въ отступничество отъ вѣры Христовой. Турокъ началъ ласкать его, уговаривать и, предлагая ему въ замужество дочь свою, обѣщался сдѣлать полнымъ наслѣдникомъ всего своего имущества; но дѣвственный юноша съ твердостью и презрѣніемъ отвергъ ласки и предложенія своего господина, предпочитая цѣломудріе всѣмъ сокровищамъ міра и повторяя въ сердцѣ своемъ Апостольское слово: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовы; скорбь или тѣснота, или еоненіе, или гладъ, или нагота, или мечь* (Римл. 8, 35). Наконецъ, господинъ его, видя непремѣнность его мысли, освободилъ его и далъ ему позволеніе идти, куда хочетъ. Пахомій прославилъ Господа и уже совсѣмъ было готовился въ вуть, какъ вдругъ опасно заболѣлъ. Между тѣмъ, сосѣдніе турки узнавъ о всемъ, что происходило съ Пахоміемъ и, не желая выпустить его изъ своихъ рукъ, захотѣли самую болѣзнь его употребить въ свою пользу. Собравшись въ домъ, гдѣ лежалъ въ болѣзни юноша, они ложно разгласили, что во время болѣзненныхъ припадковъ онъ отрекся отъ Христа и далъ имъ слово потурчиться, какъ скоро поправится въ силахъ. Вслѣдствіе сего, когда онъ началъ поправляться отъ болѣзни, его насильно одѣли въ турецкое платье, не совершивъ впрочемъ обряда обрѣзанія. Какъ ни отвращался, какъ ни отрицался и какъ ни проклиналъ Магомета и его ученіе Пахомій, турки слышать не хотѣли, твердя одно, что онъ уже однажды навсегда отрекся отъ своей вѣры и принадлежитъ ихъ про року. Дѣлать было нечего: Пахомій въ негодовапіи удался оттуда въ Смирну подъ видомъ купца, и тамъ сбро-

сивъ съ себя турецкое платье, отправился на святую Аѳонскую гору, гдѣ, близъ Свято-Павловской обители, у одного добродѣтельнаго старца Іосифа, имѣвшаго особенный даръ разсужденія, и провелъ 12 лѣтъ въ послушаніи, принявъ отъ него ангельскій образъ, и исповѣдавши все, что съ нимъ происходило и что случилось въ минувшихъ годахъ. Въ это самое время въ Кавсокаливскомъ скитѣ славился чудною жизнію преподобный Акакій. Пахомій неоднократно слыжалъ о великомъ его подвижничествѣ и, желая по силамъ подражать ему и научиться опытомъ иночества, переселился туда, шесть лѣтъ провелъ подъ руководствомъ преподобнаго Акакія, питался трудами рукъ своихъ, такъ что наконецъ и самъ сдѣлался образцемъ истинно подвижнической жизни и украшеніемъ своего времени. Слѣдствіемъ сего и было то, что всѣ его любили и пользовались назидательнымъ примѣромъ жизни его.

Но между тѣмъ какъ такимъ образомъ Пахомій восходилъ отъ силы въ силу духовной жизни, сердце его невольно трепетало, когда смущенный помысль приводилъ ему на мысль—не отрекся ли онъ въ самомъ дѣлѣ Христа въ болѣзненномъ припадкѣ и въ безпамятствѣ. Вѣдь безъ повода турки не могли же привязаться ко мнѣ, думалъ онъ, и облечь меня въ одежды зеленаго цвѣта, который принадлежитъ собственно торжеству нечестивой ихъ вѣры. Долго не могъ онъ преодолѣть душевнаго своего волненія и наконецъ открылся въ томъ своему духовному старцу, прося у него благословенія на мученичeskій подвигъ. Старецъ, полагая, что это слѣдствіе гордости, а не благодатныхъ дѣйствій Духа, укорилъ его, побранилъ и выгналъ отъ себя. Не смотря однакожь на то, Пахомій въ теченіе цѣлаго года докучалъ своему старцу желаніемъ мученичества, и цѣлый годъ старецъ билъ его, уничижалъ и томилъ канонами, думая, что Пахомій страдаетъ отъ

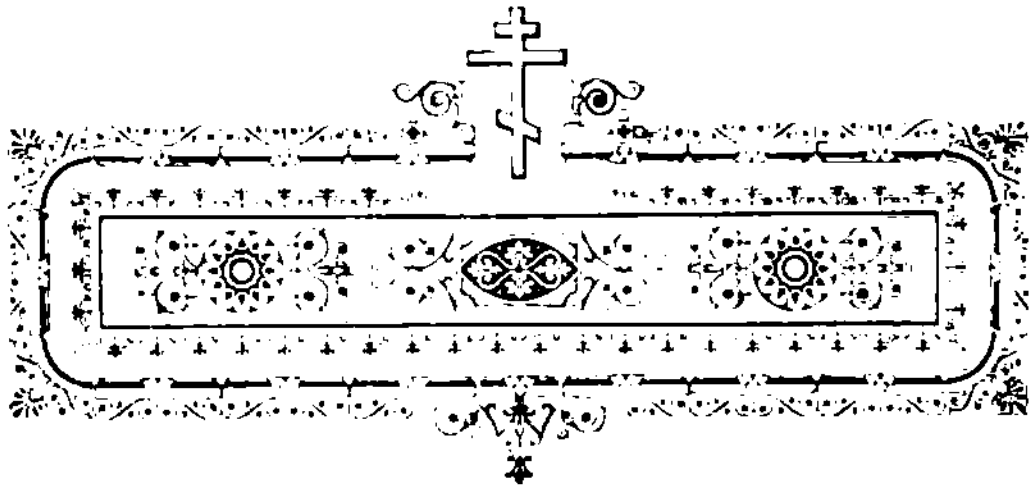
духа гордости. Наконецъ видя, что эта мысль не оставляетъ Пахомія, вмѣстѣ съ нимъ обратился съ молитвою къ Богу, прося открыть святую Его волю, а потомъ оба они обратились къ совѣтамъ извѣстныхъ тогда старцевъ, особенно же дивнаго Акакія, которые и благословили юношу на желаемый подвигъ. Итакъ, Пахомій, въ сопровожденіи своего старца Іосифа, отправился со Святой горы къ прежнему своему господину, въ мѣстечко Усаки. Тамъ турки тотчасъ узнали Пахомія, и лишь только появился онъ, схватили его и представили къ своему эфенди, начальнику мѣстечка, объявляя, что Пахомій былъ въ рабствѣ у ихъ сосѣда и по собственной волѣ отрекся Христа, вслѣдствіе чего и принятъ ими въ магометанство, и прилично одѣтъ, а теперь измѣнилъ своему слову, и является въ монашескомъ христіанскомъ платьѣ. Правда ли это? спросилъ эфенди Пахомія.—Лжецы ложь и говорятъ, дерзновенно отвѣчалъ святой мученикъ. Даже и на мысль не приходило мнѣ отречься Христа Бога истиннаго, продолжалъ онъ. Если бы и всѣ безчисленные виды мукъ истощили они надо мною, и придумали разные роды смерти, ничто не заставило бы меня никогда отречься христіанской вѣры, которую исповѣдую истинною, а вашу ложною и нечестивою! Терять времени и словъ съ тобою нечего, вскричалъ въ бѣшенствѣ судья: или сбрось съ себя эти одежды и, какъ далъ прежде слово,—будь нашъ, или ждетъ тебя самая мучительная смерть. Выбирай любое! Когда святой Пахомій избралъ послѣднее, его отвели въ темницу, гдѣ онъ и пробылъ двое сутокъ безъ пищи, безъ питія и безъ утѣшеній со стороны христіанскаго слова. Наконецъ на третій день судьи рѣшили умертвить святаго. Эту вѣсть передалъ ему тюремный надзиратель. Съ чувствомъ невыразимой радости, прославляя Бога, выслушалъ эту вѣсть святой мученикъ, и всю слѣдующую ночь провелъ

въ славословіи и молитвенномъ подвигѣ. Утромъ, когда представили его къ судѣ для конечнаго истязанія, Пахомій съ прежнимъ дерзновеніемъ исповѣдалъ Господа Іисуса, за что и былъ отданъ исполнителямъ смертнаго приговора. Когда повлекли его связаннаго на мѣсто казни, множество турокъ и христіанъ слѣдовали за нимъ: первые изъ нихъ неистовствовали надъ страстотерпцемъ, оплевывая и понося его, а послѣдніе, то есть христіане желали видѣть блаженную его кончину. Тогда какъ въ тайной молитвѣ молился за всѣхъ, святой Пахомій, достигши мѣста своей смерти, преклонилъ колѣна, палачъ не хотѣлъ обезглавить его и шепталъ ему въ полголоса, чтобъ не губилъ напрасно своей жизни, а лучше отрекся бы своего Христа и наслаждался земнымъ блаженствомъ, которое предоставляетъ ему Магометъ и вѣрныя его рабы. — Дѣлай то, что тебѣ приказано, отвѣчалъ святой Пахомій, и не теряй напрасно времени! и святая глава дивнаго страстотерпца была отсѣчена! Такимъ образомъ Пахомій получилъ славный вѣнецъ мученичества: святая мощи его чрезъ три дня взяты были христіанами и честно похоронены. А палачъ, едва только отсѣкъ голову мученика, тотчасъ взбѣсился, кричалъ и испускалъ пѣну, бѣгалъ по городу и послѣ немногихъ дней умеръ. Въ то время, когда такъ торжественно и дивно страдалъ за Христа святой Пахомій, старецъ его Іосифъ скрывался отъ страха турокъ, потомъ узнавъ, что ученикъ его усѣченъ, прославилъ Господа, пришелъ на мѣсто, гдѣ лежало страдальческое тѣло его, поклонился и, заливаясь слезами, сказалъ: итакъ, мой возлюбленный Пахомій, ты достигъ и получилъ желаемое; молись же теперь Господу о мнѣ и о всѣхъ призывающихъ тебя въ помощь. Когда, наконецъ, похоронили святая мощи мученика и старецъ его Іосифъ чрезвычайно тревожился мыслию, чтобъ не провѣдали о немъ турки, и

когда отъ этой мысли трепеталъ онъ и ужасался, является ему въ сонномъ видѣніи Пахомій, осіяваемый небеснымъ свѣтомъ, и весело говоритъ ему: не бойся, старецъ! ты будешь охраненъ! Преподобный мученикъ Пахомій тогда же видимо прославленъ отъ Бога чудесами: одна христіанка того мѣста, страдая отъ юности головою болѣзнію, съ вѣрою призвала въ помощь преподобномученика Пахомія и, помазавъ болѣзненные части кровію его, совершенно исцѣлилась отъ долговременной своей болѣзни. Въ признательность за то, она передала на святую Аѳонскую гору извѣстіе о святомъ мученикѣ и объ исцѣленіи своемъ, прося тамъ написать святую икону его и прислать ей въ благословеніе, что и было исполнено, въ честь и память святаго преподобномученика Пахомія, въ славу же Христа Бога, со Отцемъ и Духомъ Святымъ славимаго. Аминь.

Святой Пахомій пострадалъ 1730 года, мая 8, въ день Вознесенія; однако память его въ греческихъ минеяхъ (изданныхъ въ Константинополѣ въ 1842—43 г.) положено праздновать въ 21 сего мѣсяца. Святыя мощи его находятся на островѣ Патмосѣ, въ монастырѣ святаго Іоанна Богослова.

М А Я 28.

**Память преподобнаго отца нашего
ІОАННИКІЯ,
архієпископа сербскаго *).**

Преподобный Іоанникій, сынъ благочестивыхъ родителей, еще въ юности оставилъ міръ и по любви ко Господу нашему Іисусу Христу, возлюбивъ цѣломудренное житіе, принялъ на себя монашескій образъ.

Онъ былъ ученикомъ св. Саввы втораго **), еще до избранія его на архієпископскій престолъ Сербской Церкви, который очень любилъ преподобнаго за его добродѣтельное житіе. Посему Іоанникій сопутствовалъ своему старцу св. Саввѣ во святыи градъ на поклоненіе живоносному гробу Господню. Въ Іерусалимѣ, по желанію св. Саввы, преподобный Іоанникій былъ рукоположенъ во діакона и затѣмъ удостоенъ и благодати священства. Возвратившись затѣмъ изъ путешествія, св. Савва и ученикъ

*) Животи краљева и архієпископа српскихъ. Даничичь. Загребъ. 1866 г.

**) Память его февраля 8.

его препод. Іоанникій поселились въ св. Аѳонской горѣ, гдѣ довольно времени подвизались о Господѣ въ пустынныхъ трудахъ и постничествѣ, претерпѣвая гоненія и скорби, а нерѣдко и мученія отъ разорявшихъ тогда Святую гору безбожныхъ разбойниковъ — корсаровъ. Наконецъ, по смотрѣнію Божию, св. Савва пожелалъ возвратиться въ свое отечество Сербію, взялъ съ собою и преподобнаго Іоанникія, съ которымъ не хотѣлъ разлучиться какъ съ своимъ многолѣтнимъ сподвижникомъ и сподвижникомъ. Но любовь къ любезному уединенію сильно влекла преподобнаго Іоанникія опять на Святую гору. Страданія, принимаемая имъ тамъ отъ варваровъ, преподобный вмѣнялъ себѣ въ подвигъ, которымъ желалъ подражать Пострадавшему ради спасенія міра—Господу. Посему съ благословенія преосвященнаго Саввы возвратился онъ на Аѳонъ къ своимъ любезнымъ трудамъ. По возвращеніи преподобный сталъ подвизаться еще усиленнѣе, такъ что житіе его было хваляемо всѣми живущими на Святой горѣ, ибо видѣли его во всякомъ дѣлѣ искуснымъ и могущимъ послужить пользѣ многихъ, почему игумень Хиландарской лавры пожелалъ поставить его экономомъ сей обители; преподобный долго отрицался отъ такой многозаботливой обязанности, но убѣжденный всѣмъ соборомъ отцевъ, и не могли преслушаться данной ему заповѣди, принялъ на себя сіе послушаніе, а вскорѣ затѣмъ, по желанію краля сербскаго, былъ поставленъ соборомъ Святой горы и игуменомъ славной Хиландарской лавры. Немало потрудился преподобный въ управленіи честной Хиландарской лавры въ тѣ смутныя и неспокойныя времена: такъ Господь споспѣшествовалъ ему день ото дня скорбями и тяготами облегчиться отъ тяготы грѣховной, дабы, и владѣя земною властью, могъ онъ явиться искуснымъ во всемъ. Преподобный Іоанникій не оставлялъ своихъ подвиговъ, коимъ

навыкъ съ молодыхъ лѣтъ, т. е. поста, бдѣній и молитвы, особенно же отличался духовною любовію къ братіи и благосерднымъ расположеніемъ къ нищимъ. По прошествіи довольнаго времени преподобный отказался отъ настоятельства обители и возвратился въ Сербію, убѣгая земной власти и желая только безмолвія. Но справедливо изреченіе, что горящій свѣтильникъ не можетъ укрыться подъ спудомъ. Ибо кого Господь любитъ, того и царства земныя славятъ при жизни и по смерти, память такового пребываетъ съ похвалами въ родъ и родъ.

Преподобный Іоанникій, по волѣ краля Уроша, желавшаго воспользоваться его духовною опытностію, былъ поставленъ игуменомъ лавры Студеницы, созданной препод. Симеономъ Неманею, гдѣ и св. мощи его почиваютъ. Вскорѣ за симъ преставился наставникъ преподобнаго Іоанникія, преосвященный Савва второй, архіепископъ сербскій, по кончинѣ коего возведенъ былъ на архіепископскую кафедру Даниль I, недолго управлявшій сербскою Церковію и удалившійся съ кафедры по неудовольствію съ правившими тогда Сербіею. По удаленіи его, выборъ краля Уроша и всего освященнаго собора палъ на преподобнаго игумена Студеницкой лавры. Такимъ образомъ пріявъ богодарованную власть святительства, блаженный Іоанникій началъ прилагать труды къ трудамъ, исправляя недостатки, вкравшіеся въ сербскую Церковь за время управленія ею предшественниковъ. Благовѣрный краль Урошъ любилъ очень преосвященнаго Іоанникія, и Сербія въ правленіе его начала отдыхать было отъ смутъ и пользоваться миромъ, но искони ненавистникъ рода христіанскаго—дьяволъ подвигъ на зависть на сего благочестиваго владѣтеля сына его Стефана краля, который отнялъ у отца престолъ. Послѣдовавшія затѣмъ гражданскія смуты Сербіи имѣли послѣдствіемъ своимъ замѣшательство и въ церков-

номъ управленіи. Когда краль Урошь изгнанъ былъ изъ королевства *) и удалился въ страну Хлумскую, то и блаженный Іоанникій архіепископъ, любившій неліцемерно своего крала и обѣщавшійся не разлучаться съ нимъ до смерти, оставивъ свой святительскій престолъ, послѣдовалъ за кралемъ, и тамъ вскорѣ перешелъ отъ временной жизни въ жизнь нескончаемую. Сербская Церковь, уважавшая блаженного Іоанникія, не хотѣла признать никого первосвятителемъ своимъ, прежде чѣмъ отдана была должная почеть почившему на чужбинѣ первосвятителю. Краль Стефанъ Урошь съ матерію своею Еленою исполнили желаніе Сербіи. Черезъ два года и девять мѣсяцевъ они озаботились перенести св. мощи его въ Сербію. Когда открыли гробъ блаженного Іоанникія, тѣло его оказалось нетлѣннымъ и его съ почестями положили въ Сопочанскомъ монастырѣ, вблизи тѣла крала Уроша. Тогда уже приступили къ избранію новаго первосвятителя, и преемникомъ св. Іоанникію былъ избранъ блаж. Евстаѳій **).

Память преставленія святителя Іоанникія мая 28. Онъ правилъ сербскою Церковью по св. Саввѣ четыре года, нынѣ же ликуеть на небесахъ со Ангелами, непрестанно славя Пресвятую Троицу Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

(Память Святителя вторично въ общей службѣ свв. сербскимъ святителямъ и учителямъ—августа 30).

*) Въ 1269 г. Св. южн. славнѣ. Филарета архіеп. черниговскаго. Дополн. 249.

**) Память его января 4.

І Ю Н Я 2.

**Житіе и страданіе святаго новомученика
КОНСТАНТИНА *).**

Святый Константинъ родился на островѣ Митилинѣ, въ селеніи Псилометопонъ, отъ магометанскихъ родителей. Но Богъ, Который зреть не на лица, а на сердца человѣческія, провидѣлъ въ семъ дѣтищѣ, еще во утробѣ матерней, имѣющее быть доброе его сердце, почему и предъизбралъ его въ число Своихъ избранниковъ. Это можно видѣть изъ того, что дѣтище отъ младенчества уже показывало будущее свое назначеніе, ибо питался грудью матернею только однажды въ день, и во весь періодъ своего младенческаго возраста былъ тихъ, что никогда не слышали его плачущимъ, тогда какъ естественно младенцамъ плакать, особенно когда они ощущаютъ голодъ. Но сей Богомъ избранный младенецъ, своею тихостію, удивлялъ не только свою мать, но и всѣхъ сосѣдей. И такимъ образомъ возрасталъ до отроческихъ лѣтъ.

*) Изъ Νεον Μαρτυρολόγιον. 1858 г.

Между тѣмъ и всезлбный діаволь, испоконъ вѣковъ ведущій непримиримую брань противъ чловѣчества, по своему предчувствію предвидѣлъ, что хотя отрокъ рожденъ туркомъ, но благость Божія за доброе и нековарное его сердце, приведетъ къ себѣ, а потому и вооружился къ погубленію его. Козни вражескія начались съ того, что онъ внушилъ одной женщинѣ, жившей въ сосѣдствѣ съ матерью отрока, намѣреніе въ коварномъ ея сердцѣ, умертвить несчастнаго отрока.

Итакъ, въ одинъ день, она пришла къ матери отрока, подъ видомъ будто бы въ гости, и, между прочимъ, стала просить, чтобы она отпустила съ нею для прогулки своего сына. Мать, не подозрѣвая коварства злобной женщины, согласилась отпустить сына, и такимъ образомъ отрокъ ушелъ съ нею на прогулку, не думая о томъ, что эта самая какъ будто бы добрая женщина, въ сущности есть орудіе діавола, желающая ни за что умертвить его. Когда они вышли за городъ, она дала отроку заранѣе приготовленные съ ядомъ сласти, и какъ только онъ съѣлъ ихъ, то тотчасъ же ядъ началъ оказывать свое дѣйствіе: глаза у несчастнаго разболѣлись до того, что онъ ими не могъ ничего видѣть, и во всѣхъ членахъ проявилось расслабленіе.

Когда злобная женщина больнаго и расслабленнаго отрока привела къ матери, то та удивилась, отъ чего бы такъ скоро могъ разболѣться сынъ ея?

Приписывая болѣзнь сына дѣлу случая, она пригласила врачей, которые при употребленіи разныхъ средствъ, видя, что болѣзнь не уступаетъ никакимъ средствамъ, отказались отъ дальнѣйшаго леченія. И такимъ образомъ отрокъ страдалъ три года. Но къ этому горю приложилось еще другое: несчастный заболѣлъ оспою, отъ которой лишился совершенно зрѣнія. Болѣзнь усилилась до того, что больнаго готовили уже къ смерти. Но всемогущій Богъ, не

хотящій смерти грѣшника, видя незлобіе и терпѣніе отрока, восхотѣлъ спасти его по Своей великой милости,—изведши изъ тьмы мусульманской, привести къ истинному свѣту христіанской вѣры. Пути Промысла Божія начались такъ:

Одна благочестивая христіанка, жившая не подалеку отъ дома матери больнаго пришла навѣстить его. Утѣшая больнаго и скорбящую его мать, она, по внушенію свыше, будучи движима чувствомъ состраданія, стала просить позволенія снести больнаго въ христіанскую церковь и тамъ погрузить его въ святую воду, и, я увѣрена, сказала сія благочестивая жена, что Богъ нашъ, сотворивый небо и землю, исцѣлитъ его. Мать, будучи поражена горемъ, согласилась на ея предложеніе; она же, тотчасъ взявши отрока, повесла въ церковь, гдѣ омыла его святою водою, послѣ котораго больнои совершенно выздоровѣлъ и прозрѣлъ однимъ глазомъ, но другой остался нѣсколько закрытымъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, устрояющимъ вся премудростію Своею. Послѣ этого чуда, бывшій больнои, котораго на рукахъ принесли въ церковь, теперь уже самъ пришелъ домой, гдѣ встрѣтила его удивленная мать и, прославивши Христа Бога, перемѣнила скорбь на радость.

Спустя нѣсколько времени, мать его, бывши уже нѣсколько лѣтъ вдовою, вышла за мужъ за другаго, и потомъ переселилась съ мужемъ и дѣтьми своими въ Анатолію, въ городъ Магнисію. Но однако въ этомъ городѣ они оставались не долго, такъ какъ вотчимъ оказался пьяницей и буйнаго характера, который часто и жестоко билъ своихъ пасынковъ; вслѣдствіе этого семейнаго разлада, мать сихъ несчастныхъ дѣтей бросила вздорнаго мужа и вмѣстѣ съ своими дѣтьми переселилась въ Смирну.

Въ Смирнѣ старшій братъ Константина сдѣлался ювелиромъ, а онъ разносчикомъ зелени и плодовъ, съ кото-

рыми довольно часто заходилъ въ митрополичій домъ, гдѣ по временамъ входилъ въ бесѣды, а также и самъ вслушивался въ разговоръ другихъ, и такимъ образомъ изучилъ греческій языкъ. Имѣя постоянныя сношенія съ христианами, онъ, при содѣйствіи благодати Божіей, началъ чувствовать въ своемъ сердцѣ склонность къ христіанской вѣрѣ. Окончательное же рѣшеніе увѣровать въ Іисуса Христа произошло по слѣдующему обстоятельству:

Однажды, Константинъ, бывши въ митрополичьемъ домѣ, встрѣтился тамъ съ духовникомъ, котораго попросилъ, чтобы онъ что-нибудь прочиталъ ему изъ христіанскихъ книгъ. Духовникъ исполнилъ желаніе юноши, прочиталъ ему нѣчто изъ Священнаго Писанія, которое, подобно искрѣ, пало въ юное сердце и воспламенило въ немъ огонь Божественной любви, такъ что отъ сладости оной онъ положилъ твердое намѣреніе бросить мусульманскую вѣру и приобщиться къ Христовой Церкви.

Въ это самое время въ Смирнѣ свирѣпствовала сильная чума. Боясь заразы, онъ съ двумя своими товарищами христианами, къ которымъ питалъ братскую любовь, отправился въ церковь святаго великомученика Георгія; здѣсь думали они быть спасенными какъ отъ заразы, такъ равно и отъ смерти. Вѣра ихъ, дѣйствительно, спасла отъ смерти, но, къ сожалѣнію, лукавый врагъ уловилъ бѣднаго Константина и онъ впалъ въ блудъ. Велѣдствіе паденія, онъ уже не сталъ ощущать въ своемъ сердцѣ прежней теплоты, а вмѣсто оной явилась холодность и пустота, которыя однако не долго продолжались, такъ какъ человѣколюбецъ Богъ не оставилъ Своего избранника,—подалъ ему руку помощи, и несчастный юноша скоро пришелъ въ себя и, почувствовавши сердечную пустоту, началъ раскаиваться и горько оплакивалъ потерю сердечнаго утѣшенія и дѣвственную чистоту. А чтобы въ другой разъ не увлечься и не впасть

въ любострастіе, онъ, не сказавшись никому, уѣхалъ на святую Аѳонскую гору. Здѣсь онъ остановился въ новомъ скитѣ, гдѣ проживши 15-ть дней, открылся одному иноку, что онъ магометанинъ и желаетъ принять христіанскую вѣру. Инокъ немедленно отправился въ обитель святаго Павла, разсказалъ тамошнимъ старцамъ о Константинѣ и о желаніи его приобщиться къ Христовой Церкви. Старцы почему-то отклонили отъ себя это дѣло и посовѣтовали ему обратиться въ лавру святаго Аѳанасія. Горько было слышать бѣдному юношѣ отказъ старцевъ; впрочемъ, покоряясь необходимости, отправился въ лавру. Пройдя нѣсколько часовъ, онъ почувствовалъ усталость, и будучи управляемъ Промысломъ Божиимъ, вмѣсто лавры пришелъ въ Кавсокаливскій скитъ, гдѣ съ отеческою любовію былъ принятъ дикеемъ Гавриломъ. Константинъ, видя ласковость и доброту благочестиваго старца, открылъ ему свое намѣреніе — креститься. Дерзай, чадо, сказалъ старецъ, Богъ исполнитъ твое желаніе, только ты имѣй терпѣніе, и тотчасъ же созвавши скитскихъ старцевъ, открылъ имъ намѣреніе юноши, требуя ихъ совѣта. Но старцы рѣшили, что такъ какъ ихъ обитель и они зависятъ отъ лавры, то необходимо въ столь важномъ дѣлѣ отослать туда, и такимъ образомъ отправили его въ лавру. Но и въ лаврѣ, какъ только узнали, что онъ турокъ, также не рѣшались крестить его, боясь подвергнуться опасности со стороны турецкихъ властей, а потому отклонивши отъ себя это дѣло, подобно Кавсокаливскимъ старцамъ, отправили его въ Иверскій монастырь, къ изгнанному святѣйшему патріарху Григорію V, пребывавшему тамъ на безмолвіи.

Видя вездѣ неудачи, юноша горько заплакалъ и всю ночь провелъ въ слезахъ и безъ сна, и только лишь къ утру немного успокоился. Въ это время, онъ видитъ во снѣ подошедшую къ нему Пресвятую Дѣву Богородицу, сіяю-

щую неизреченнымъ свѣтомъ, Которая тихимъ гласомъ сказала ему: не печалься, по ступай опять въ Кавсокаливскій скитъ, и Самъ Богъ, Сынъ Мой, къ Которому ты хочешь прійти, заботится о тебѣ, и устроитъ все во благо.“ Отъ этихъ словъ юноша пробудился, но предъ нимъ уже никого не было. Не медля нисколько, онъ пошелъ въ скитъ, и тамъ разсказалъ дикею Гавріилу о бывшемъ видѣніи. Удивленный разсказомъ юноши и тронутый его слезами, старецъ отправилъ его къ патріарху, съ однимъ изъ скитскихъ братій.

Когда юноша пришелъ въ Иверскую обитель и явился къ святителю Григорію, то, падши къ ногамъ его, началъ со слезами просить патріарха, крестить его въ христіанскую вѣру. Патріархъ хотѣлъ испытать его и сказалъ ему: зачѣмъ ты, юноша, пришелъ къ намъ—угнетеннымъ? Чего ты ищешь отъ насъ бѣдныхъ, какъ самъ ты видишь? Не мы ли унижены болѣе всѣхъ народовъ? не въ вашихъ ли рукахъ власть, слава и всѣ блага земныя? Какъ же ты одинъ недоволенъ и презираешь тѣ временныя земныя наслажденія, которыхъ такъ ищутъ прочіе? Итакъ, одумайся лучше, смотри, чтобы послѣ не пожалѣть и не раскаяваться о томъ, что еще не сдѣлано.

Не отвѣчая ничего Святителю, юноша съ опущенною внизъ главою горько заливался слезами...

— Что же ты ничего не отвѣчаешь? спросилъ Патріархъ, желая еще болѣе испытать его.

Вмѣсто отвѣта, юноша уже началъ рыдать; это рыданіе тронуло Святителя, который ласково сказалъ ему: успокойся, чадо, и иди обратно въ Кавсокаливскій скитъ, и тамъ приготовляйся къ крещенію, которое я самъ совершу надъ тобою, только до того времени никому не объявляй, кто ты. Послѣ этого Патріархъ огласилъ его съ нареченіемъ имени Михаила.

По возвращеніи въ Кавсокаливскій скитъ, Михаилъ приготовлялъ себя къ великому таинству крещенія 6-ть мѣсяцевъ. Въ это время діаволь и на малое время не давалъ ему покоя, смущая его помыслы и всѣвая въ нихъ страхъ, и чтобы онъ бѣжалъ изъ Аѳонской горы, а иногда наводилъ и мечтанія. Но Михаилъ, будучи укрѣпляетъ благодатию Божіею, и за молитвы старцевъ, твердо стоялъ въ своемъ убѣжденіи. Вражескія искушенія не вредили Михаилу еще и оттого, что часто приходили къ нему братія, ради утѣшенія, и такимъ образомъ укрѣпляли его противъ вражескихъ стрѣлъ. Подобнаго рода посѣщенія не нравились діаволу, ибо онъ видѣлъ, что братія укрѣпляютъ Михаила, и этимъ разрушаются всѣ его козни, а потому, чтобы отклонить ихъ отъ посѣщеній, демонъ явился чувственнымъ образомъ. Такъ, въ одинъ вечеръ, пришелъ навѣстить Михаила одинъ братъ именемъ Герасимъ, и послѣ долгаго разговора, Михаилъ сталъ просить Герасима, остаться у него почевать. Братъ согласился и, когда Герасимъ сталъ читать Священное Писаніе, для утѣшенія Михаила, то въ это время демонъ постучалъ въ дверь, прося, чтобы его впустили. Полагая, что это кто-либо изъ братіи, они вышли, но не увидѣвши никого, смутились, впрочемъ, снова вошли въ келлію и Герасимъ продолжалъ прерванное чтеніе; но, спустя немного времени, діаволь опять пришелъ и уже пытался самъ отворить дверь, что неволью привело ихъ въ страхъ; а когда они снова вышли за дверь келліи, то опять никого тамъ не было. Тогда они, познавъ козни лукаваго діавола, хотящаго навести на нихъ страхъ, пали предъ иконою Богоматери и начали предъ нею молиться, а потомъ легли спать и, будучи охраняемы покровомъ Препоблагословенной, мирно препроводили ночь.

Между тѣмъ приблизилось и назначенное время, когда должно было быть совершено надъ Михаиломъ крещеніе,

и когда ему объявили объ этомъ, то великой радости исполнилось его юное сердце. Во время совершенія таинства святаго Крещенія, когда Михайль погрузился въ купель и были произнесены слова молитвы: „крещается рабъ Божій Константинъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа,“ въ это время, лице его такъ просвѣтилось, что не возможно было смотрѣть на него, и въ то же время глазъ его, которымъ онъ до этого ничего не видѣлъ, совершенно исцѣлился. Видя это, братія возблагодарили и прославили Бога, творящаго дивныя чудеса!

Спустя нѣсколько времени послѣ крещенія, Константинъ сталъ проситься у старца, сходить въ Иверскій монастырь, поклониться иконѣ Богоматери Вратарницѣ и поставить, по обѣщанію, свѣчу предъ святою Ея иконою. Получивъ благословеніе, онъ отправился туда съ однимъ инокомъ изъ скитской братіи. Поклонившись святой иконѣ, они на обратномъ пути зашли въ Предтеченскій скитъ, такъ какъ еще до этого Константинъ слышалъ, что тамъ безмолвствуетъ великій старецъ—духовникъ, который недавно предпослалъ ко Господу трехъ своихъ учениковъ, пострадавшихъ за исповѣданіе имени Іисуса Христа, и что части святыхъ мощей ихъ находятся въ этомъ скиту. Увидя святыхъ мощи, онъ съ благоговѣніемъ поклонился и облобызалъ ихъ, и въ этотъ моментъ у него радостно забилося сердце и родилось желаніе, идти путемъ сихъ святыхъ преподобномучениковъ, ревновать ихъ житію, и потомъ пострадать за любовь Іисуса Христа, изведшаго его изъ мрака къ свѣту истиннаго познанія.

Духовникъ, бесѣдуя съ Константиномъ о пользѣ душевной, между прочимъ, рассказалъ ему и о страданіяхъ святыхъ преподобномучениковъ своихъ учениковъ, отъ чего у Константина еще болѣе согрѣлось сердце и утвердилась мысль пострадать за Христа.

Возвратившись въ скитъ къ своему старцу, онъ былъ смущенъ отъ повліявшаго разказа, такъ что его смущеніе не могло утаиться отъ опытнаго старца, который сразу подмѣтилъ, что у Константина сердце не въ порядкѣ и что нибудь сильно его смущаетъ, а потому ласково спросилъ: почему онъ такъ смущенъ и что за причина его смущенія?

— О, отче! со вздохомъ отвѣчалъ Константинъ, какъ же мнѣ не печалиться, и могу ли я быть покойнымъ тогда, какъ истинные рабы Христовы кровію засвидѣтельствовали свою вѣру, я же что принесу въ даръ Господу моему Іисусу Христу? Какіе плоды моей вѣры, моей любви къ Нему? Признаюсь тебѣ, отче, что съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ Предтеченскомъ скиту и лобызалъ святыхъ мощи преподобномучениковъ, положилъ намѣреніе послѣдовать ихъ стопамъ; съ тѣхъ поръ мысль объ этомъ не даетъ мнѣ покоя, и постоянно преслѣдуетъ меня. Итакъ, благослови, отче, меня пострадать за Христа!

— Благословенъ Богъ, чадо, отвѣчалъ старецъ Гавріиль. Если это угодно Богу, то Онъ Самъ, имиже вѣсть судьбами, исполнить твое желаніе.

Но Константинъ оставался непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи. Тогда старецъ, видя, что трудно разубѣдить юное сердце, въ которое запала и возгорѣлась мысль о мученичествѣ, назначилъ ему пробыть 40 дней въ затворѣ, подвизаясь въ бдѣніи, постѣ и молитвѣ, въ надеждѣ, что въ это время Самъ Богъ откроетъ ему полезное. Истинный послушникъ съ радостію принялъ заповѣдь старческую, поселился въ безмолвную келлію и отъ всего сердца смиренно молилъ промыслителя Бога явить ему, благоугодно ли его намѣреніе святой Его волѣ. Въ первую же ночь своего затвора, когда онъ послѣ продолжительной и усердной молитвы заснулъ, то увидалъ во снѣ, будто бы онъ находится въ церкви святой Софіи, потомъ вдругъ откры-

вается церковный куполь, и онъ увидѣлъ во облакахъ Господа Иисуса, окруженнаго множествомъ Ангеловъ. Изъ числа ихъ, одинъ отдѣлился и, приблизившись къ Константину, взявъ его за руку и хотѣлъ вознести къ Господу. „Оставь его,“ послышался гласъ Господа: „рано еще,“ и Константинъ пробудился. Когда этотъ сонъ онъ разказалъ старцу, то тотъ замѣтилъ ему кротко: изъ этого видно, что нѣтъ еще тебѣ воли Божіей на подвигъ мученичества и посовѣтовалъ ему подвизаться и быть въ послушаніи, чрезъ что и безъ мученичества возможно спастись. И такимъ образомъ Константинъ покорился старцу и успокоился на долгое время. Но однажды, когда онъ въ церкви слушалъ чтеніе, въ его сердце запали слова: „*еще изведешь честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будешь*“ (Иерем. 15, 19). Эти священные слова онъ относилъ, какъ бы къ самому себѣ, а тайная мысль подсказывала ему идти въ городъ Магнисію и проживающую тамъ свою родную сестру обратить въ христіанскую вѣру. Запавшая мысль не давала ему покоя, а потому будучи не въ состояніи долѣе бороться съ нею онъ открылъ старцу свой помысль, равно и желаніе послѣдовать оному для спасенія своей сестры. Но старецъ, находя это дѣло выше своихъ силъ, послалъ его въ скитъ святыя Анны къ духовнику іеромонаху Іоасафу, и при этомъ сказалъ ему: что бы ни сказалъ духовникъ, прими, какъ бы изъ устъ Божіихъ, и исполнѣ послѣдуй его совѣту.

Когда Константинъ пришелъ къ духовнику и открылъ ему свое намѣреніе, то духовникъ не только не отклонилъ его отъ добраго намѣренія, но съ любовію благословилъ совершить добрый подвигъ. Къ этому христіанскому дѣлу сочувственно отнеслись, какъ святые отцы горы Аѳонской, такъ равно и патріархъ Григорій, которые, кромѣ благословенія, дали ему и рекомендательныя письма въ Магни-

сію, къ представителямъ тамошней церкви, и въ особенности Кидонійскому дидакалу (наставнику) Григорію, чтобы онъ принялъ Константина съ отеческою любовію, и споспѣшествовалъ бы ему благополучно окончить похвальное дѣло.

И такимъ образомъ, простившись со старцами, онъ оставилъ Св. гору и вскорѣ прибылъ въ Кидонію, гдѣ вручилъ рекомендательныя письма, и вслѣдствіе оныхъ познакомился съ нѣкоторыми христіанами. А такъ какъ въ то время не случилось быть судну, плывшему въ Анатолійскіе предѣлы, и приходилось дожидаться когда будетъ случай, то, чтобы время ожиданія не проводить праздно, онъ занялся овощною торговлею.

Однажды Константинъ, во время торговли, узнавъ былъ чиновникомъ Кидонійскаго аги, который зналъ Константина еще въ то время, когда онъ былъ магометаниномъ. А чтобы не ошибиться, турокъ сталъ тайно спрашивать о немъ его сосѣда, торговавшаго съ нимъ рядомъ, но тотъ уклонился отъ прямого отвѣта и сказалъ, что вовсе не знаетъ его. Вечеромъ же, когда все стали расходиться по домамъ, сосѣдъ тайно началъ спрашивать Константина: неужели правда, что чиновникъ аги увѣряетъ, будто бы ты родомъ турокъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ смутившись Константинъ, онъ ошибся, вѣроятно принялъ меня за другаго, но я чистый христіанинъ.

Обстоятельство это такъ смутило Константина, что онъ, отъ страха безпокоившихъ его помысловъ, не могъ заснуть всю ночь, а съ наступленіемъ утра рѣшился бѣжать куданибудь изъ этого города.

Лишь только наступило утро, Константинъ пошелъ къ морской пристани, гдѣ матросы одного судна, предназначеннаго къ отплытію въ Смирну, запасались прѣсною водою. Условившись о платѣ, онъ вспрыгнулъ въ лодку,

чтобы на ней доплыть до судна, но въ это время раздался съ берега голосъ турка, который требовалъ выдачи Константина. Устрашенные матросы безпрекословно повиновались и выдали Константина туркамъ.

Какъ только привели Константина къ агѣ, тотъ спросилъ его:— Кто ты такой, откуда пришелъ въ нашъ городъ, и какъ зовутъ тебя?

— Я изъ-далека, ѣду въ Анатолю, исповѣдую христіанскую вѣру, а имя мое Константинъ.

— А если найдется здѣсь человекъ, который обличить тебя и докажетъ, что ты турокъ?

— Едва ли это возможно, потому что я христіанинъ.

Въ это время приступилъ чиновникъ аги, и обращаясь къ Константину сказалъ: напрасно силишься доказать, что ты не турокъ! да не ты ли братъ смирнскаго турка—ювелира? А я это очень хорошо знаю, и никто меня въ этомъ не разувѣритъ.

Тогда Константинъ, видя, что все это случилось по Божіему смотрѣнію, и что наконецъ настало время вдать себя на мученіе, мужественно отвѣчалъ.

— Да, дѣйствительно, я былъ туркомъ, но недолго находился въ незаконной мусульманской вѣрѣ, ибо Господь мой Иисусъ Христосъ, по Своей великой милости, извелъ меня изъ тьмы и привелъ къ истинному свѣту, теперь же попираю вашу вѣру со всѣми обрядами, которая ведетъ всѣхъ ея послѣдователей въ вѣчную погибель.

Слыша хулу своей вѣры, ага приказалъ бить Константина и потомъ заключить въ темницу, пока обдумаетъ о дальнѣйшей его участи. Между тѣмъ, онъ написалъ къ Мосхонисійскому пашѣ, прося его пріѣхать немедленно по весьма важному дѣлу. Паша не замедлилъ пріѣздомъ, и тотчасъ же собрались судьи для производства надъ Константиномъ суда.

— Одумался ли ты несчастный? спросилъ его паша. Если останешься въ нашей вѣрѣ, то проси чего тебѣ угодно: богатства ли, чести ли и прочаго; все тебѣ будетъ доставлено, только останься вѣренъ великому пророку?

— Смѣшно даже слушать! Вы люди сановитые, а такую несете чушь, что и ребенокъ того не скажетъ, съ улыбкою отвѣчалъ мученикъ. Напримѣръ: вы называете великимъ пророкомъ того лжеца, который погибъ, да и всѣ тѣ погибнуть, которые послѣдуютъ ему и вѣруютъ, какъ въ пророка, но я его прокливаю, а ваше богатство и честь, которыя вы мнѣ обѣщаете, вмѣняю ни во что, такъ какъ богатство, честь и слава моя Іисусъ Христосъ, отъ Котораго никто и ничто не можетъ отлучить меня.

— Если такъ, грозно сказала паша, то мы съумѣемъ заставить тебя оставить твое заблужденіе, и приказалъ бить мученика по пятамъ палками, а потомъ бросить въ темницу. Во время заключенія въ темницѣ, страдальца Христова посѣтили тайно отъ турокъ нѣкоторые благочестивые христіане, которые утѣшали и укрѣпляли святаго благодушно терпѣть мученіе и твердо стоять въ исповѣданіи имени Іисуса Христа, Который уже готовитъ ему мученическій вѣнецъ и царство небесное.

Въ это время, слыша о страданіи Константина, одинъ цыганъ, кузнецъ, извѣстный своею звѣрскою злостію, пожелалъ потѣшиться надъ человѣкомъ Божиимъ, а потому явившись къ агѣ, сказалъ: если ты дашь въ мою власть того христіанина, котораго вчерашній день мучили, то я увѣряю тебя, что онъ отречется отъ своего Христа и увѣруетъ въ великаго пророка Магомета. Опыты мои вполне заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ, назадъ тому 10 лѣтъ, я испыталъ его надъ однимъ христіаниномъ Георгіемъ, который, хотя и не отрекся отъ Христа, но все таки умеръ самою злою смертію. Ага съ удовольствіемъ согла-

сился на предложеніе цыгана и отдалъ въ его власть Страдальца Христова. Злобное исчадіе ада, цыганъ, началъ производить свои пытки съ того, что вначалѣ надѣлъ на голову святаго Мученика раскаленный желѣзный шлемъ, отъ чего дымъ выходилъ изъ ноздрей Страдальца. Потомъ свинцовыми шарами, онъ такъ стиснулъ виски и черепъ, что у мученика глаза выступили изъ своихъ орбитъ. Всѣ эти адскія мученія Святой терпѣлъ благодушно: сердце его, поглощенное любовью къ укрѣпляющему его Христу, было чуждо страданію тѣла; любовь Божія заглушала лютую болѣзнь мученія, а потому мученикъ оставался твердъ и непоколебимъ. Послѣ этихъ мукъ опять бросили его въ другую темницу, находившуюся въ мрачномъ подземельѣ, забивши ноги въ тяжелыя колоды. Во время страданій въ послѣднемъ заключеніи нѣкоторые христіане видѣли ночью яркій свѣтъ, который исходилъ изъ храма св. новомученика Георгія и проникалъ въ темницу Константина. По прошествіи нѣсколькихъ дней, святой мученикъ опять представленъ былъ въ судилище, гдѣ его спросилъ ага:

— Теперь скажешь ли намъ, кто ты такой, и одумался ли въ отношеніи нашей вѣры?

Вмѣсто отвѣта, Святой какъ бы съ укоризною, сказалъ судьямъ:

— Люди ли вы или звѣри? Привели на судъ человека всего окованнаго и связаннаго, или вы боитесь, что я могу убѣжать изъ вашихъ рукъ? Успокойтесь! Я весь передъ вами, дѣлайте со мною, что хотите: рѣжьте, жгите мое тѣло, но я остаюсь въ исповѣданіи истинной вѣры, и все претерплю за любовь Господа моего Іисуса Христа. Итакъ развяжите мнѣ руки и потомъ посмотрите на меня—кто я? Ему развязали руки и Константинъ предъ всѣми сотворилъ крестное знаменіе. Теперь вы видите: кто я! громко воскликнулъ святой Константинъ.

Твердое исповѣданіе святаго привело въ ярость бывшаго тутъ Мосхонисійскаго пашу, и онъ, вскочивъ съ своего мѣста и обнаживши мечъ, вонзилъ его въ грудь мученика крестообразно, говоря: развѣ такъ объясняются съ судьями? Въ тотъ самый моментъ, когда, отъ удара мечемъ, разодралась одежда мученика, то на груди его блеснулъ, какъ молнія, золотой крестъ; видя это, судьи еще болѣе ожесточились и приказали бить его бичами, а потомъ заковавши все тѣло съ ногъ до самой шеи тяжелыми цѣпями, бросили въ темницу. Жестокое мученіе, претерпѣваемое мученикомъ, сильно тревожило Кидонійскихъ христіанъ, которые опасались за юнаго страдальца, боясь, чтобы онъ не изнемогъ духомъ, особенно же опасался этого дидакаль Григорій, и для утѣшенія и укрѣпленія Святаго, посылалъ тайно въ темницу ученика своего Іоанна, который до этого жилъ нѣсколько лѣтъ на святой Аѳонской горѣ.

Опасенія благочестивыхъ христіанъ были вполне справедливы, такъ какъ кромѣ тѣлесныхъ страданій на мученика Христова, вооружился и всезлбный діаволь, наводя на него, особенно ночью, страхованія, стараясь поколебать его. Такъ, иногда онъ являлся предъ нимъ въ видѣ женщины, иногда въ видѣ эіюпа, собаки и быка, но все это сатанинское мечтаніе непобѣдимый воинъ Христовъ отражалъ мужественно. А когда пришелъ къ нему Іоаннъ, то, послѣ его бесѣды, онъ еще болѣе сталъ ни во что вмѣнять все кзни діавольскія. Благочестивые же христіане по церквамъ Божіимъ усердно о немъ творили молитвы, дабы Господь укрѣпилъ Мученика, до конца совершить подвигъ. Въ слѣдующую ночь святой Мученикъ удостоился посѣщенія Богоматери, Которая, явившись къ нему, сіяя неизреченнымъ свѣтомъ и небесною славою, сказала кроткимъ и тихимъ голосомъ: „радуйся Константинъ, вѣрный служитель Сына Моего и Мой избранникъ! молитва твоя

услышана: Я пришла утѣшить тебя и возвѣстить, что Сыну Моему угодно, чтобы ты страдальческій твой подвигъ окончилъ не здѣсь, а въ Константинополь. А жителямъ города сего объяви, чтобы они умоляли Бога не о тебѣ, а лучше бы молились за себя, ибо грѣхи ихъ превзошли долготерпѣніе Божіе, и Сынъ Мой въ праведномъ Своемъ судѣ положилъ истребить ихъ съ лица земли, какъ нѣкогда Содомъ и Гоморру, потому что грѣхи ихъ вопіють на небо, и гнѣвъ Божій не замедлитъ, всегубительство огня уже близко. Грѣшники эти молятся и о бездождіи, но ради твоихъ молитвъ пошлется имъ на землю дождь тогда, когда ты вступишь въ корабль къ отплытію въ Константинополь.* Предсказаніе Преподобной дѣйствительно исполнилось; ибо Кидонійскій градоначальникъ, не желая самъ собою рѣшать дѣло мученика, отправилъ его въ Константинополь къ высшему правительству, и какъ только Святой вошелъ въ корабль, то тотчасъ пошелъ проливной дождь.

По прибытіи въ столицу, святаго послали на каторгу, гдѣ производились самыя тяжкія работы и пытки. А когда надзиратель узналъ, что онъ былъ прежде магометанинъ и принялъ христіанскую вѣру, то приказалъ его бить по пятамъ палками и потомъ ввергнуть въ темницу. Сидя въ темницѣ, святой Мученикъ просилъ посѣщавшихъ его тайно христіанъ, прислать къ нему духовника. Духовникъ не замедлилъ и вскорѣ пришелъ навѣстить Мученика,—бесѣдуя же съ нимъ, смутился, видя его юнаго и немощнаго, а потому боясь неизвѣстности конца, сказалъ ему: хорошо, Константинъ, исповѣданіе имени Іисуса Христа, но мученія турокъ ужасны. Итакъ, испытай себя, если тебя устрашаютъ муки, то, при помощи Божіей, мы выручимъ тебя отсюда. — Что ты говоришь, отецъ духовный! съ удивленіемъ отвѣчалъ ему Святой. Посмотри на мое тѣло, и обнаживши ноги, онъ показалъ духовнику пахи. Духовникъ

невольно содрогнулся, увидя ноги разорванными на два пальца, раны эти произошли еще въ то время, когда ноги его забивались въ колоды. Да и самое лице его и подошвы ногъ были изъязвлены отъ побоевъ палками. Духовникъ, видя раны и мужественное терпѣніе, удивился подвигу юнаго страдальца.

— Смотри, отче! сказалъ ему строго Мученикъ, не вздумайте золотомъ и подарками выкупить меня на свободу. Сохрани васъ Богъ отъ этого! Притомъ знай, что чрезъ нѣсколько дней я окончу свой подвигъ, какъ открыла мнѣ о семъ Пресвятая Богородица. А тебя прошу: сходи къ Патріарху Григорію *), который знаетъ меня и молится о мнѣ. Скажи ему, что ты видѣлъ меня и что увидишь еще впоследствии. Послѣ сего, духовникъ преподалъ Мученику благословеніе, и они разстались съ миромъ.

На другой день, снова потребовали святаго Мученика въ судилище, и судья, видя, что Святый, и послѣ жестокихъ пытокъ и обѣщаній всевозможныхъ благъ, остается твердъ въ своемъ исповѣданіи, осудилъ его повѣсить. И такимъ образомъ святый Страстотерпецъ Христовъ, Константинъ теченіе мученическаго подвига скончалъ 2 го іюня 1819 года, и святая его душа, какъ благоуханная роза, процвѣтшая изъ терна, отлетѣла въ небесныя обители, оставивъ многострадальное тѣло, которое терзали мучители цѣлыхъ 40 дней.

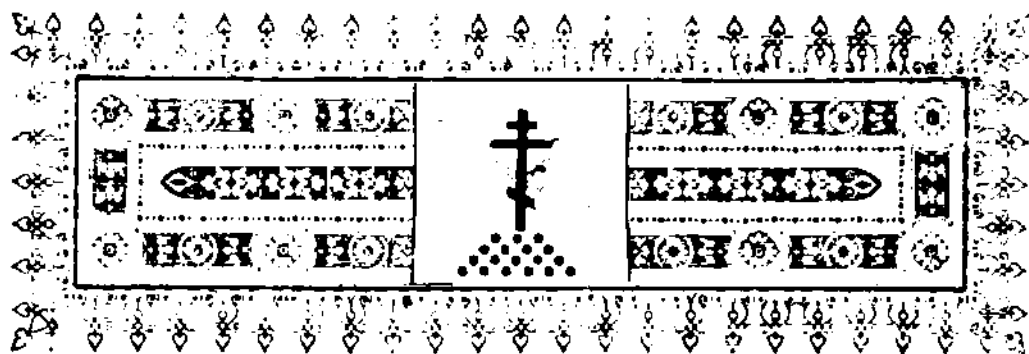
Во избѣжаніе ревнителѣй подвигамъ святаго Мученика, и чтобы примѣръ обращенія Константина въ христіанскую вѣру не подѣйствовалъ на другихъ, а также, чтобъ и христіане не стали хвастаться, что имѣютъ святыя мощи мученика, обратившагося изъ магометанъ, турки не позволили никому взять его тѣло, считая для себя стыдомъ, что бывшій ихъ единовѣрецъ будетъ почитаться христіанскою Цер-

*) Патріархъ Григорій V въ то время опять возвращенъ былъ на тронъ.

ковію, а потому похоронили его тайно на мусульманскомъ кладбищѣ. Вскорѣ послѣ этого, вѣсть о мученической кончинѣ дошла и до святой Аеонской горы, и благочестивый старецъ мученика, дикей Кавсокаливскаго скита Гавріиль, послалъ одного изъ своихъ учениковъ въ Кидонію, собрать свѣдѣнія о страданіяхъ святаго страсотерпца. Собравъ нужныя свѣдѣнія, посланный оттуда отправился въ Константинополь, гдѣ къ несчастью при всемъ стараніи не могъ найти святыхъ мощей мученика, а только пріобрѣлъ часть его одежды, съ которою, какъ съ драгоценнымъ сокровищемъ, прибылъ на Святую гору въ Кавсокаливскій скитъ, гдѣ святой Мученикъ подвизался.

Господь Богъ, прославляемый въ памяти святыхъ Своихъ, даровалъ и сему угоднику Своему даръ чудотворенія, отъ прикосновенія къ его одеждѣ, обогрѣнной кровію. Такъ, у одного послушника въ Кавсокаливскомъ скиту, въ то самое время, когда принесена была въ скитъ одежда Мученика, сильно разболѣлась голова. Когда узналъ братъ, принесшій одежду Святаго, о головной болѣзни послушника, пришелъ къ нему съ оною, и когда обложена была голова одеждою Мученика, и въ такомъ состояніи больной пробылъ всю ночь, то на утро головная боль совершенно прекратилась. Другой братъ, страдая зубною болѣзнію, съ вѣрою призвалъ въ молитвѣ имя святаго Мученика и, по вѣрѣ болящаго брата, тотчасъ послѣдовало исцѣленіе! А одинъ іеромонахъ, у котораго умственные способности такъ были разстроены, что онъ уже близокъ былъ къ совершенному помѣшательству, — едва только прикоснулся съ вѣрою къ одеждѣ святаго Константина, то совершенно выздоровѣлъ. — Молитвами святаго мученика Константина, да сподобить и насъ Господь Богъ получить царство небесное. Аминь *).

*) Святому новомученику сему есть отдѣльная служба на греческомъ языкѣ.

І Ю Н Я 11.

Память неизвѣстнаго по имени Инока, удостоивша- гося явленія Архангела Гавріила.

Въ похвальномъ словѣ просіявшемъ на Святой горѣ Отцамъ *) блаженной памяти Никодимъ святогорець упоминаетъ и того, неизвѣстнаго по имени блаженнаго *Инока*, который, живя въ подчиненіи у своего старца, сподобился странпопріять въ своей келліи самого Архангела Гавріила и услышать отъ него умилительный гимнъ Богоматери: „Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего...“ и проч... явленіе это совершилось въ царствованіе братьевъ-царей Василя и Константина, называемыхъ порфирородными, сыновей Романа младшаго, въ патриаршествованіе Николая Хрисоверга (984—995 гг.); а повѣсть о явленіи Архангела написана Протомъ Святой горы іеромонахомъ Серафимомъ Оуицоломъ въ 7056 году (1548) году **):

*) Ἀκολουθία τῶν ἁγιορειτῶν πατέρων.

**.) Изъ Νέου Μαρτυρολόγιου.

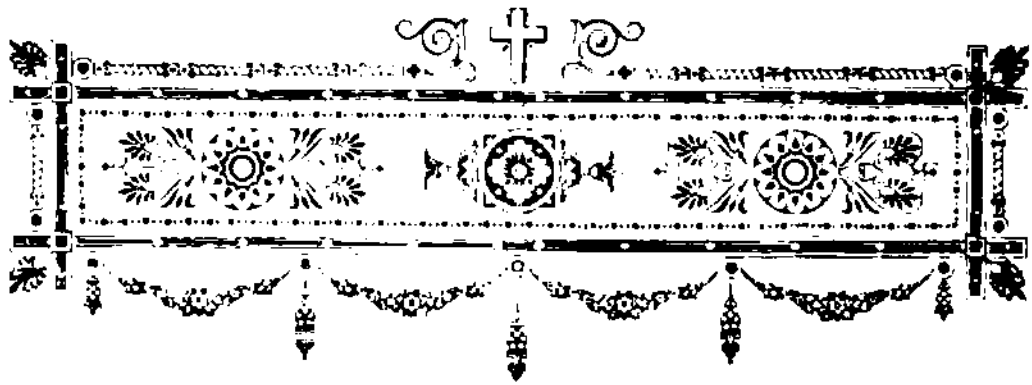
Недалеко отъ Карен, на отлогомъ мѣстѣ, между иноческими хижинами стоитъ одна келлія съ небольшою церковію Успенія Божіей Матери. Въ этой келліи жилъ нѣкій священноинокъ съ послушникомъ. Случилось такъ, что старецъ, пожелавъ выслушать всенощное бдѣніе на воскресный день въ Карейскомъ храмѣ, отправился туда; а благочестивый ученикъ, получивъ отъ него заповѣдь совершить службу дома, остался стеречь келлію. При наступленіи ночи онъ вдругъ услышалъ стукъ въ двери келліи и, отворивъ, увидѣлъ незнакомаго инока, котораго и принялъ съ привѣтливостію и почтительностію. Когда настало время совершенія службы, они оба начали со страхомъ и благоговѣніемъ возносить къ Господу Богу молитвенныя пѣспопѣнія: ночная служба текла своимъ порядкомъ. Оканчивая канонъ, ставъ предъ иконою Божіей Матери, они начали воспѣвать Честнѣйшую Херувимъ и Славнѣйшую Серафимъ. Домашній инокъ, полный сердечнаго благоговѣнія ко Всепѣтой, пѣлъ обычную древнюю пѣснь св. Космы, епископа Маіумскаго: „Честнѣйшую Херувимъ“ и проч. до конца; но дивный гость его, дѣлая умилительному гимну иное начало, ангельскимъ голосомъ пѣлъ такъ: „Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего,“ — и къ этому прибавлялъ: „Честнѣйшую Херувимъ“ и проч. „Чудно! — воскликнулъ домашній пѣвецъ, растроганный до слезъ новою пѣснію и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленный необычайностію слышаннаго въ первый разъ гимна, — чудно! Но мы поемъ только: Честнѣйшую, а такой пѣсни: Достойно есть, ни мы, ни предки наши не слышали до этого времени. Впрочемъ — говорилъ онъ дивному незнакомцу — прошу тебя, напиши мнѣ эту пѣснь, чтобы и я могъ такимъ же образомъ величать Богородицу.“ — Хорошо, отвѣчалъ незнакомецъ: дай мнѣ бумаги и чернилъ, — я напишу тебѣ для

памяти эту пѣснь.“ - „Прости, братъ!—говорилъ въ духѣ смиренія и простоты домашній инокъ. Мы, занимаясь молитвою и рукодѣліемъ, рѣдко нуждаемся въ бумагѣ и чернилахъ, а потому теперь нѣтъ ни того, ни другаго.“— Такъ принеси мнѣ, по крайней мѣрѣ, какую-нибудь каменную плиту.“ продолжалъ явившійся. Когда инокъ подаль ему плиту, то незнакомецъ перстомъ своимъ началъ писать на ней всю вышеупомянутую Богородичную пѣснь. Начертавъ на камнѣ четко и ясно всѣ слова пѣсни, онъ подаль его иноку и сказалъ: „отнынѣ навсегда такъ пойте и вы, и всѣ православные христіане;“ и мгновенно сталъ невидимъ. Это былъ Архангелъ Гавріиль. Радостный трепеть объялъ смиреннаго инока при видѣ чудесно исписанной каменной дски. Нѣсколько разъ перечитывая слова священной пѣсни, онъ вытверживалъ ихъ, и на разсвѣтѣ новая пѣснь звучала въ устахъ благочестиваго отшельника. Старецъ, возвратившійся домой, былъ пораженъ новостію пѣсни и спрашивалъ своего послушника: откуда онъ научился такъ пѣть? Тогда онъ разсказалъ старцу все случившееся, показалъ и самую дску съ чудеснымъ начертаніемъ. Старецъ внимательно выслушалъ необычайный разсказъ ученика своего о явленіи въ келлію незнакомаго посѣтителя, долго и съ изумленіемъ разсматривалъ исписанную Архангеломъ плиту и нѣсколько разъ перечитывалъ чудесныя письма. Потомъ оба они, взявъ камень, показали его собору старцевъ и извѣстили ихъ о подробностяхъ чуднаго событія. Тогда всѣ едиными устами и единымъ сердцемъ прославили Господа и Пречистую Матерь Его и воспѣли Ей новую пѣснь. Съ этой поры Ангельская пѣснь. „Достойно есть“ вошла въ православной Церкви въ общее употребленіе; а та икона, предъ которою она была воспѣта Архангеломъ, перенесена въ соборный Карейскій храмъ, гдѣ она и доселѣ видима въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ. Каменная плита,

на коей начертана была Ангельская пѣснь, доставлена была въ Константинополь патріарху и царю, при донесеніи о случившемся. Келлія, въ память этого чудеснаго событія, и понынѣ извѣстна на Святой горѣ подъ именемъ: „Достойно,“ а самое событіе воспоминается и празднуется на Аѳонѣ 11 іюня *).

*) См. о семъ подробно въ книгѣ «Вышній покровъ надъ Аѳономъ.» М. 1892 г.

І Ю Н Я 12.

Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего ПЕТРА *).

Святый Петръ былъ родомъ изъ Царьграда. О имени и званіи его родителей нѣтъ достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній, а самъ онъ былъ однимъ изъ схоластиковъ **) византійской столицы, и вмѣстѣ имѣлъ чинъ полководца. Такъ какъ онъ былъ искусенъ и опытенъ въ военскомъ дѣлѣ, то царь многократно посылалъ его на войну.

*) Изъ ἱεροῦ Ἐφραίμ. Подъ этимъ заглавіемъ извѣстна у грековъ книга, въ которой заключаются жизнь и нѣкоторыя творенія преподобнаго Ефрема Сирина и нѣсколько жизнеописаній разныхъ святыхъ. Составителемъ жизнеописанія святаго Петра признается въ немъ нѣкій монахъ Николай, жившій въ самое время обрѣтенія мощей св. Петра; ибо, сказавъ о себѣ, въ началѣ своей повѣсти, что чудо избавленія святаго Петра изъ темницы читано имъ еще прежде, по изложенію Меводія, епископа патарснаго, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдаетъ себя за очевидца чудесъ, бывшихъ отъ святыхъ мощей Петра и за слышателя изъ первыхъ устъ о всемъ, что самъ написалъ о немъ. Такимъ образомъ, полное житіе этого угодника Божія составлено на основаніи описанія Меводіева и на томъ, что самъ онъ видѣлъ и слышалъ о преподобномъ Петрѣ. Время жизни святаго Петра въ источникѣ не сказано. Блаженной памяти агіоритъ Никодимъ, не означая времени, когда онъ жилъ, называетъ его только первымъ безмятежнымъ Аеономъ, а другой агіоритъ, дидакалъ Инокъ, основываясь на разныхъ обстоятельствахъ, относитъ его въ девятому вѣву. Въ томъ же вѣлѣ видятъ жизнь его Кіевскій Мѣсяцесловъ и Библиейско-біографическій Словарь Ф. И. Яцѣвича. Полный мѣсяцесловъ архим. Сергія улазываетъ кончину св. Петра въ 734 году.

**) Схоластикъ—законоискусникъ, мудрый изъяснитель трудныхъ мѣстъ въ писаніяхъ. Такое значеніе имѣли они въ Церкви пятаго вѣва. См. «Начертаніе церковной исторіи» Иннокентія: вѣвъ пятый; училища.

Въ одинъ изъ таковыхъ походовъ на предѣлы великой Сиріи, лежащей на границѣ Вавилона и Финикіи, попущеніемъ Божиимъ случилось Петру потерпѣть совершенное пораженіе. Онъ, со многими другими воинами, взятъ былъ въ плѣнъ, и варвары отвели его въ одну изъ сильныхъ въ Аравіи крѣпостей, Самару, находящуюся на берегахъ Евфрата. Въ Самарѣ они обложили плѣнника тяжкими оковами и ввергли въ смрадную темницу, подъ крѣпкую стражу, запретивъ къ нему всякій входъ и такимъ образомъ лишивъ его всякаго утѣшенія *). Неся столь горькую участь, благоразумный схоластикъ, вмѣсто ропота, сталъ безпрестанно испытывать себя: не былъ ли онъ самъ причиною такого своего несчастія? — и вспомнилъ, что когда-то, не одинъ разъ, обѣщаль онъ Богу оставить міръ и вся яже въ мірѣ, и быть инокомъ, а между тѣмъ и донинѣ не исполнилъ своего обѣщанія. Поэтому, вполне сознавая себя достойнымъ своего злополучія, онъ много и жестоко обвинялъ себя и такимъ образомъ, съ благодареніемъ терпѣлъ ниспосланное ему отъ Бога наказаніе.

Много уже провелъ времени Петръ въ этомъ горькомъ своемъ заключеніи и, не чая никакихъ человѣческихъ средствъ для освобожденія себя, рѣшился просить помощи свыше, у всесильнаго Бога, могущаго освободить его отъ этихъ тяжелыхъ узъ невѣдомыми судьбами, какъ извелъ Онъ Апостола Петра изъ Иродовой темницы. Вспомнилъ тогда Петръ о великомъ чудотворцѣ Николаѣ, къ которому всегда питалъ великую вѣру и любовь и глубоко благоговѣлъ предъ его чудесами, какія творилъ святой для всѣхъ, съ вѣрою призывавшихъ его въ своихъ нуждахъ. Посему, со многими слезами, сталъ онъ воцѣпъ къ скорому помощнику всѣмъ

*) Все это случилось въ царствованіи Теофила, когда агаряне, завоевавъ Амморию фригійскую, многихъ отвели въ плѣнъ въ Сирію и доставили мученической вѣнецъ извѣстнымъ 42 мученикамъ въ Амморен (смотри марта 7-й день). Агіоритъ Іановъ. Рип. въ нашей бібліотекѣ.

сущимъ въ бѣдахъ, святителю Николаю. „Знаю хорошо, святой чудотворче,“ говорилъ онъ, „что я недостойнъ получить отъ Бога прощеніе и свободу отъ этого горькаго плѣна, ибо многажды оказывался предъ Нимъ лжецомъ, — знаю, что праведно нахожусь въ этой смрадной темницѣ, и потому не дерзаю молить Его Самого о своемъ освобожденіи, чтобы не прогнѣвать Его еще болѣе: но святость твою призываю, отче святой; ибо ты имѣешь святое обыкновеніе утѣшать тѣхъ, которые претерпѣваютъ великія нужды, и облегчать скорби и страданія ихъ, когда они приываютъ тебя отъ полноты души своей. Къ тебѣ, все-святой Николае, нынѣ прибѣгаю и я съ горькими слезами и мольбою о себѣ; тебя полагаю ходатаемъ о мнѣ и поручникомъ моимъ отъ нынѣшняго дня предъ благоутробнымъ Господомъ въ томъ, что если Онъ восхощетъ устроить мое освобожденіе посредствомъ твоего прошенія, я оставлю всѣ попеченія и заботы мірскія, даже не зайду и въ отечество свое, а отправлюсь прямо въ великій Римъ, и тамъ, въ церкви верховнаго Апостола Петра, принявъ иноческій образъ, въ иночествѣ проведу всю остальную мою жизнь, чтобы, по мѣрѣ моихъ силъ, служить Создателю моему и всещедрому Благодѣтелю Богу, и благоугождать Ему.“ Это говорилъ человекъ Божій со многою горестію и скорбію, въ молитвахъ своихъ къ святителю и чудотворцу Николаю. Къ симъ теплымъ своимъ мольбамъ святой Петръ приложилъ также и постъ, и бдѣніе, такъ что одинъ разъ въ продолженіе цѣлой седмицы не вкусилъ никакой пищи. По окончаніи столь напряженной молитвы узника, является ему во снѣ великій Николай, скорый помощникъ всѣмъ призывающимъ его, и говоритъ: „Братъ Петръ! прошенію твоему я внялъ, и скорбь сердца твоего знаю, и человеколюбиваго Бога о тебѣ молилъ: но за твою прошедшую медлительность, въ исполненіи твоихъ обѣтовъ, и Онъ медлитъ исполненіемъ

моего о тебѣ ходатайства, а можетъ быть и инымъ образомъ устрояетъ спасеніе души твоей. Но такъ какъ мы имѣемъ заповѣдь: *просите и дастся вамъ* (Мате. 7, 7), то будемъ терпѣливо толкать въ двери Его милосердія и человѣколюбія, въ той надеждѣ, что Онъ непременно исполнитъ наше прошеніе, если только служить оно къ нашей пользѣ.“ И такъ, великій Николай заповѣдалъ тогда святому Петру имѣть терпѣніе въ трудахъ и, приказавъ ему подкрѣпиться пищею, сталъ невидимъ. Послѣ сего, Петръ еще болѣе усилилъ подвиги поста и молитвы, и святой Николай вскорѣ вторично является ему, но теперь уже съ нѣкоторымъ видомъ печали. „Повѣрь мнѣ, братъ мой Петръ,“ говоритъ онъ, „что съ того времени не преставалъ я молить Бога и утруждать человѣколюбіе Его о тебѣ, но не знаю, по какимъ судьбамъ Онъ не соизволяетъ на освобожденіе твое отсюда. Иногда многоблагодутробный нашъ Господь, промышляя о нашей же пользѣ, благодворитъ намъ медленно, чтобъ мы долѣе не забывали благодати, съ трудомъ и чрезъ долгое время отъ Него принятой; а можетъ быть, Онъ хочетъ, чтобы умоляли Его другіе, болѣе достойные други, потому наше прошеніе оставляетъ безъ исполненія. Въ этомъ случаѣ, я укажу тебѣ на одного Его друга, достойнаго и сильнаго къ Нему молитвенника. Примемъ сего угодника въ помощь въ нашихъ молитвахъ къ Богу, и я увѣренъ, что Богъ исполнитъ совокупное наше съ нимъ прошеніе о тебѣ, если только ты дашь рѣшительное слово устоять въ томъ, что обѣщаешь.* Тогда Петръ, въ недоумѣніи, говоритъ святому Николаю: „Владыко мой пресвятой! Ужели есть кто нибудь, чье моленіе было бы скорѣе твоего услышано Богомъ, если въ твоихъ молитвахъ находить утѣшеніе и отраду весь міръ!“— „Знаешь ли ты, Петре,“ сказалъ ему тогда святой Николай, „праведнаго Симеона, названнаго Богопримцемъ, потому что онъ въ

іерусалимскомъ святилищѣ принялъ въ объятія свои Христа Бога нашего, насъ ради вочеловѣчившагося, когда Онъ былъ сорокодневнымъ младенцемъ? — „Какъ не знать, святче Божій, того, о которомъ написано во святомъ Евангеліи!“ сказалъ ему въ умиленіи души, Петръ. — „Такъ его-то оба мы съ тобою будемъ просить,“ прибавилъ великій Николай, „да походатайствуетъ онъ со мною о тебѣ предъ Христомъ Богомъ, и я уповаю, что всеблагій Человѣколюбецъ услышитъ тогда насъ; ибо святой Симеонъ, предстоя престолу Владычнему съ честнымъ Предтечею и Крестителемъ Іоанномъ и Пресвятою Божіею Матерію, имѣетъ великое дерзновение ко Господу Богу и силенъ у Него.“ Съ сими словами видѣніе кончилось и Петръ, пробудившись, отъ души благодарилъ святителя Христова Николая. Послѣ сего онъ сталъ еще болѣе поститься и усерднѣе просить Бога и Святыхъ Его угодниковъ, Николая и Симеона.

Наконецъ, какъ бы съ торжествующимъ видомъ, является блаженному Петру св. чудотворецъ Николай, уже на яву, и говоритъ: „Дерзай, братъ Петръ, и воздай славу Богу: наконецъ услышалъ Онъ наше о тебѣ моленіе, и вотъ великій Симеонъ, котораго я предлагалъ тебѣ въ помощники въ нашихъ къ Богу молитвахъ, пришелъ освободить тебя отъ узъ.“ Когда Петръ взглянулъ и увидѣлъ идущаго къ себѣ великаго подзаконнаго праведника, тогда, отъ чуднаго вида небеснаго посѣтителя, объялъ его невольный страхъ и трепетъ. Священнолѣпный старецъ Симеонъ имѣлъ въ рукѣ своей златый жезлъ и былъ облеченъ въ полное ветхозавѣтное архіерейское облаченіе. Дошедши до Петра, онъ сталъ возлѣ него и говоритъ ему: „Ты ли стужаешь брату нашему Николаю объ освобожденіи тебя отъ этого заключенія?“ — Петръ, отъ объявшаго его страха, едва могъ отвѣчать: „Да, святче Божій, я тотъ окаянный, который споручникомъ моимъ къ Богу положилъ сего великаго Ни-

колая, а ходатаемъ предъ Нимъ о мнѣ и молитвенникомъ— твою святыню.“— „Но если ты полагаешь насъ споручниками къ Богу,“ спросилъ св. Симеонъ, „то исполнишь ли, что обещаешь,—т.-е. будешь ли инокомъ и проведешь ли остальную твою жизнь въ постничествѣ, съ усердіемъ?“— „Я рабъ вашъ,“ отвѣчалъ блаженный Петръ съ глубокимъ смиреніемъ, „при помощи Божіей, исполню все это, и въ истинѣ моего обещаія васъ же самихъ полагаю достовѣрными свидѣтелями предъ Богомъ.“— „Если такъ,“ продолжалъ праведный Симеонъ, „то выходи изъ этой темницы безпрепятственно и иди, куда хочешь.“ Петръ показалъ ему ноги свои, которыя были забиты въ дерево. Но Богопріимецъ коснулся жезломъ своимъ оковъ, и онѣ во мгновение ока распались, какъ воскъ отъ огня. Освободивъ такимъ образомъ Петра отъ узъ, святой Симеонъ пошелъ вонъ изъ темницы и велѣлъ ему слѣдовать за собою, и тотчасъ же они всѣ трое, — святой Николай, Богопріимецъ Симеонъ и Петръ,—оказались идущими внѣ крѣпости самарской. Петръ, отъ удивленія и изумленія, это, совершившееся съ нимъ, преславное чудо почиталъ въ мысли своей сновидѣніемъ. „Не сновидѣніе видишь ты,“ замѣтилъ тогда праведный Симеонъ, „а истинное свое отъ узъ освобожденіе; что еще колеблешься въ своихъ мысляхъ?“ За тѣмъ, поручивъ святому Николаю имѣть о Петрѣ попеченіе, онъ удалился. Послѣ сего, великій чудотворецъ Николай велѣлъ блаженному Петру укрѣпиться пищею и взять оной съ собою на путь.

Увѣрившись, такимъ образомъ, въ истинѣ чуднаго своего избавленія, и воздавъ благодареніе Богу и небеснымъ своимъ ходатаямъ Симеону и Николаю, Петръ началъ въ точности исполнять свои обѣты, данные имъ Господу Богу во время своего злостраданія,—т.-е. изъ Аравіи, достигнувъ предѣловъ греческихъ, не отправился на свою от-

чизну, но направилъ стопы свои прямо въ древній Римъ. Святитель же Христовъ Николай, однажды взявъ его подъ свой покровъ, уже не оставлялъ своею помощію на всемъ пути, но, какъ сострадательный и чадолюбивый отецъ, или какъ благій дѣтководитель, руководилъ его видимо и невидимо и скоро привелъ въ Римъ, въ совершенной безопасности и благополучіи. Когда Петръ достигъ предѣловъ Рима, святой Николай замѣтилъ ему такъ: „Время, братъ Петръ, исполнить тебѣ безъ отлагательства свое обѣщаніе Богу; если же, по прежнему, замедлишь исполненіемъ, то знай, что поведутъ тебя связаннымъ въ самарскую темницу.“ Желая удостовѣрить святаго Николая въ непремѣнности своего намѣренія, Петръ сказалъ ему: „Святче Божій! я и теперь еще боюсь гнѣва Божія за прежнюю медлительность; нѣтъ, во второй разъ не буду измѣнникомъ Христу, Владыкѣ моему,—не будетъ сего, не будетъ во вѣки! Я и въ домъ мой никогда не пойду, и не явлю себя никому изъ своихъ, чтобы они не воспрепятствовали мнѣ во святомъ стремленіи моей воли.“ Затѣмъ вошелъ онъ въ Римъ, гдѣ рѣшительно никто не зналъ его. Предъ вшествіемъ Петра въ Римъ, святитель Христовъ Николай явился во снѣ папѣ, которому, держа Петра за руку и указывая на него, рассказалъ все подробно, причемъ объявилъ ему и самое его имя, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалъ ему представляемаго имъ немедленно облечь въ иноческій ангельскій образъ, при гробѣ святаго верховнаго Апостола Петра. Папа, вставъ отъ сна, долго размышлялъ о видѣнномъ имъ ночью. Когда же настало время литургіи, онъ отправился въ церковь. День былъ воскресный. Въ числѣ многихъ другихъ богомольцевъ, въ церковь верховнаго Апостола пришелъ и Петръ. Папа прилежно разсматривалъ собравшихся молитвенниковъ, желая узнать человѣка, видѣннаго имъ во снѣ, и лишь только, среди множества народа, распозналъ его, тотчасъ подалъ ему знакъ, чтобы

онъ подошелъ къ нему. Папою сдѣлано было это два или три раза, но Петръ не понималъ его. Замѣтивъ наконецъ, что Петръ невнимателенъ къ его помаваніямъ, папа началъ звать его по имени: „Тебѣ говорю, Петръ, пришедшій, теперь изъ Греціи, котораго изъялъ изъ темницы самарской великій чудотворецъ Николай! почему не хочешь ты придти ко мнѣ, когда я зову тебя?“ Петръ изумился, — какъ папа столь скоро могъ узнать его, никогда прежде не видавши, и со многими смиренномудріемъ отвѣчалъ: „Я рабъ твой, преблаженный владыко!“ — „Не дивись, братъ Петръ“, говоритъ ему тогда папа, „что я зову тебя по имени: великій отецъ нашъ Николай въ прошлую ночь явился мнѣ во снѣ, и подробно разсказалъ о твоихъ страданіяхъ въ темницѣ самарской и объ освобожденіи тебя изъ оной, и объявилъ мнѣ твое имя и твое желаніе принять на себя въ церкви верховнаго Апостола Петра иноческій ангельскій чинъ.“ Засимъ папа тотчасъ же, предъ всеѣмъ народомъ, облекъ Петра во иноческій чинъ. По принятіи этого святаго образа, Петръ пробылъ у папы нѣсколько времени, слушая душеполезныя и спасительныя его наставленія. А потомъ папа, слѣдуя открытой ему волѣ Божіей, отпустилъ его изъ Рима и напутствовалъ-святительскимъ своимъ благословеніемъ. Итакъ, святой Петръ, испросивъ себѣ у отца своего, преблаженнаго папы, святыхъ молитвъ и, съ своей стороны, пожелавъ ему вѣчнаго спасенія и привѣтствовавъ весь его клиръ, вышелъ изъ ветхаго Рима, съ усердною молитвою къ Богу, да сопровождаетъ Онъ его всюду все-святою Своею волею, и скоро явился на берегу моря. Строеніемъ Божіимъ, случился тогда корабль, идущій на востокъ, — и Петръ, предавая себя Промыслу Божію, вошелъ въ него. Скоро затѣмъ подулъ попутный вѣтеръ, и корабль понесся по своему направленію.

Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія, корабельщики при-

стали къ берегу, чтобы запастись свѣжимъ хлѣбомъ. Въ домѣ, въ который случилось имъ войти, они нашли и хозяина, и всѣхъ домашнихъ его страдавшими горячкою. Корабельщики, изготовивъ хлѣбы, остановились здѣсь покушать; заботясь же и объ оставшихся у нихъ на кораблѣ, то есть, о своемъ шкиперѣ и объ аввѣ, они поручили одному изъ своихъ товарищей снести имъ свѣжихъ хлѣбовъ. Услышавъ, что корабельщики, въ своихъ разговорахъ, упоминаютъ объ аввѣ, хозяинъ дома обратился къ нимъ съ вопросомъ: кто такой этотъ авва? Узнавъ же о св. Петрѣ, сталъ усиленно просить ихъ: „братія мои!“ говорилъ онъ, „прошу васъ ради любви Божіей, приведите сюда вашего авву, чтобы онъ благословилъ насъ прежде нашей смерти; ибо и я, и сынъ мой, и всѣ мои домашніе, отъ великой, обдержавшей насъ болѣзни, какъ это видите вы и сами, находимся уже при смерти.“ Корабельщики, умилившись слезною просьбою хозяина, пошли на корабль и рассказали святому Петру о бѣдствіи того дома и о прошеніи хозяина. Святой, по смиренію своему, не хотѣлъ-было идти: но когда сказали ему, что больные находятся при смерти,—онъ, помня будущее, на страшномъ судѣ, наказаніе жестокосердымъ (Матѣ. 25, 43) и движась чувствомъ челоуѣколюбія, склонился на просьбу корабельщиковъ, рѣшился посѣтить больныхъ и пошелъ къ нимъ вмѣстѣ съ корабельщиками. Лишь только святой вошелъ въ домъ и произнесъ: „миръ дому сему и живущимъ въ немъ!“ тотчасъ,— о чудо!—больной домохозяинъ какъ бы всталъ отъ сна—совершенно здоровымъ и, притекши къ святому, палъ къ ногамъ его и со слезами лобызалъ ихъ. Святой поднялъ домохозяина съ земли, а этотъ, взявъ его за руку, повелъ ко всѣмъ кроватямъ своихъ больныхъ, чтобы онъ благословилъ ихъ. Обходя больныхъ, святой надъ каждымъ изъ нихъ творилъ знаменіе честнаго креста, и всѣ, помощію

Божію и молитвою его, вставали здоровыми и прославляли Бога, опечалившаго ихъ на нѣкоторое время, но потомъ пославшаго имъ такого скорого цѣлителя. Послѣ сего корабельщики, вмѣстѣ съ Петромъ, возвратились на корабль, рассказали о чудѣ святаго Петра кораблеправителю, и всѣ, воздавъ славу Богу, пали къ ногамъ святаго и просили у него молитвъ и благословенія, въ чемъ онъ и не отказалъ имъ. А исцѣлѣвшій хозяинъ дома, взявъ съ собою хлѣбъ, вино и масло, со всѣми исцѣлившимися, вслѣдъ за Петромъ, пришелъ на корабль и просилъ святаго своего благодѣтеля взять отъ него малые сіи дары. Но человекъ Вожій похвалилъ доброе ихъ произволеніе, а даровъ брать не хотѣлъ, повелѣвая быть благодарными не ему, а Богу, и только уже послѣ усиленной просьбы какъ исцѣлившихся, такъ и корабельщиковъ, принялъ малую часть изъ принесеннаго ему, и это скудное, но усердное приношеніе отдалъ корабельщикамъ, чтобы они раздѣлили его между всѣми находившимися на кораблѣ. Дароносцы, отдавъ дары свои святому, возвратились съ неизреченною радостію домой, прославляли Бога и благодарили преподобнаго. Послѣ того корабль снова двинулся въ путь, и всѣ плывшіе въ немъ, полные радости, съ благоговѣніемъ рассказывали другъ другу о чудѣ, какое совершилъ святой Петръ, причемъ много дивились безмѣрному его воздержанію; ибо онъ, въ цѣлые сутки, вкушалъ хлѣба только по одной онгій *), а воды пилъ по одной малой чашѣ.

Въ продолженіе плаванія, корабельщики, для исправленія своихъ нуждъ, снова гдѣ-то пристали къ берегу. Святой Петръ восхотѣлъ здѣсь немного уснуть, и лишь только легкій сонъ смежилъ его очи, какъ явилась ему, осіяваемая небесною славою, Царица неба и земли, со святымъ Николаемъ, который, предстоя Ей со многими страхомъ и

*) Т.-в. унція—12-я часть фунта.

благоговѣніемъ, умолялъ Ее такъ: „Владычице, Богородице и Госпоже міра! если, предстательствомъ Своимъ предъ Сыномъ Твоимъ и Богомъ нашимъ, Ты освободила сего раба Твоего отъ горькаго того плѣна, то покажи ему и мѣсто, гдѣ бы онъ удобно могъ творить волю Божию во всю остальную его жизнь, какъ самъ то обѣщала.“—„Для свободнаго служенія Богу,“ сказала Пресвятая Богородица святому Николаю, „нѣтъ другаго, болѣе удобнаго мѣста, какъ гора Аѳонская, которую Я пріяла отъ Сына Моего и Бога въ наслѣдіе Себѣ, дабы тѣ, которые хотятъ удалиться мірскихъ заботъ и смущеній, приходили туда и служили тамъ Богу безпрепятственно и спокойно. Отнынѣ гора эта будетъ называться Моимъ вертоградомъ. Много люблю Я мѣсто сіе, и придетъ время, когда оно отъ края и до края, на сѣверъ и югъ, наполнится множествомъ иноковъ. И если иноки тѣ отъ всей души будутъ работать Богу и вѣрно сохранять заповѣди Его, то Я сподоблю ихъ, въ великій день Сына Моего, великихъ дарованій: еще здѣсь, на землѣ, будутъ они получать отъ Меня великую помощь; Я стану облегчать болѣзни и труды ихъ и дамъ имъ возможность, при малыхъ средствахъ, имѣть довольство въ жизни, даже ослаблю вражескую противъ нихъ брань, и имя ихъ сдѣлаю славнымъ во всей подсолнечной.“

Проснувшись, преподобный мнилъ еще зрѣть бывшее ему во снѣ Божественное видѣніе, а потомъ, успокоившись немного, отъ всей души славилъ и благодарилъ Бога, сподобившаго его видѣть Божественное сіе чудо. Было тогда около третьяго часа дня. Корабельщики, какъ только подулъ благопріятный вѣтеръ, подняли вѣтрила и благополучно поплыли. Когда же плыли они противъ св. Аѳонской горы, корабль ихъ, какимъ-то чудомъ, остановился близъ мѣста, такъ называемаго нынѣ Каравостаси, и сталъ тамъ какъ вкопанный. Корабельщики, видя это неожидан-

ное ими чудо, недоумѣвали о причинѣ остановки корабля, потому что и вѣтеръ былъ довольно силенъ, и глубина моря въ томъ мѣстѣ почти неизмѣрима. „Можетъ быть,“ говорили они со слезами, „мы въ чемъ-нибудь согрѣшили противъ Бога, и Онъ хочетъ погубить насъ здѣсь.“ Когда они, съ плачемъ и стенаніями, такимъ образомъ разсуждали, святой Петръ спросилъ ихъ: „Чада мои о Господѣ! скажите мнѣ, какъ называется эта гора, — и, можетъ быть, я утѣшу васъ и разрѣшу ваше недоумѣніе.“ — „Аѳономъ называется гора эта, честный отче,“ со слезами отвѣчали ему корабельщики. — „Такъ знайте, чада мои, что изъ-за меня сдѣлалось препятствіе въ плаваніи вашему кораблю, и если вы не высадите меня и не оставите въ этомъ мѣстѣ, то далѣе отсюда не двинетесь ни на шагъ.“ Нерадостны были корабельщикамъ сіи слова святаго: но дѣлать было нечего: волѣ Божіей противиться они не дерзали, — и нехотя высадили святаго на берегъ горы. „Горе намъ! великаго сокровища, сильнаго покрова и крѣпкой помощи лишаемся мы!“ съ плачемъ говорили корабельщики, высаживая святаго съ корабля своего. А святой утѣшалъ ихъ въ скорби молитвою о нихъ и, наконецъ, преподавъ имъ потребныя наставленія, благословилъ всѣхъ ихъ и, трижды ознаменовавъ знаменіемъ честнаго креста даже корабль, простился съ ними.

Оставшись одинъ на берегу горы, святой Петръ принесъ тамъ прилежную ко Господу Богу молитву, а потомъ, сотворивъ знаменіе честнаго креста на всемъ своемъ тѣлѣ, началъ восходить на гору по нѣкоей узкой, стремнистой тропинкѣ, слегка проложенной въ страшной густотѣ лѣса, не стопою человѣческою, а дикими звѣрями, — въ намѣреніи пайти мѣсто, совершенно соотвѣтствующее влеченіямъ души своей, то-есть, во всѣхъ отношеніяхъ удобное для глубокаго безмолвія. Съ великимъ трудомъ и со многимъ

потомъ восходилъ онъ на верхъ горы. Обозрѣвъ многія горы и юдоли, разсѣлины и пропасти аеонскія, святой нашель, наконецъ, одну глубокую и весьма темную пещеру, такъ какъ входъ въ нее загромождался сгустившимися деревьями, но очень удобную для помѣщенія. Въ этой пещерѣ гнѣздилося безчисленное множество змѣй и ядовитыхъ гадовъ, а еще больше демоновъ. Лишь только демоны увидѣли святаго, приближавшагося къ ихъ гнѣздилищу, какъ возстали противъ него со всею своею злобою; но онъ, презирая злобу ихъ, рѣшился водвориться въ этомъ бого-созданномъ убѣжищѣ, потому что находилъ его во всемъ соотвѣтствующимъ святой своей мысли. Итакъ, призвавъ многомощное имя Іисуса и Пречистой Его Матери и вооружившись всесильнымъ оружіемъ креста, онъ дерзновенно вошелъ въ эту пещеру, — и все множество бѣсовъ и гадовъ, какъ дымъ, исчезло. Однакожъ, много еще предстояло борьбы святому противъ изгнанныхъ имъ злыхъ духовъ изъ ихъ гнѣздилища: того, что потерпѣлъ онъ отъ нихъ, не можетъ ни языкъ человѣческой выскazać, ни ухо наше выслушать. Впрочемъ, коснемся нѣсколько этой жестокой брани своимъ рассказомъ.

Поселившись въ пещерѣ, бывшей обиталищемъ бѣсовъ, святой началъ съ горячею любовію и съ великимъ усердіемъ, день и ночь, возсылать свои молитвы и благодаренія Господу Богу; тѣлесная же пища ему и на мысль не приходила. Но къ такимъ ангельскимъ подвигамъ святаго могли долго быть равнодушнымъ уничижаемый имъ и низлагаемый врагъ всякаго добра, отецъ преисподней? Не прошло еще и двухъ недѣль отъ поселенія святаго въ пещерѣ, какъ древній завистникъ не могъ болѣе сносить пребыванія его тамъ. Для лучшаго же успѣха, въ своей злобѣ противъ святаго, поднялъ онъ на брань всю адскую свою силу. Толпы демоновъ въ видѣ многочисленнаго воинства

со всевозможнымъ оружіемъ явились къ пещерѣ добровольнаго мученика.

Окруживъ пещеру святаго, одни изъ демоновъ производили разнаго рода стрѣльбу, другіе устремлялись съ копьями или мечами, тѣ металы огромные камни, эти мечтательно потрясали самую горою, — и всѣ, производя неистовый шумъ, кричали страшными голосами: „уходи немедленно изъ нашего жилища, — иначе мы сейчасъ убьемъ тебя.“ Видя и слыша это демонское смятеніе и противъ себя возстаніе, святой уже отчаявался въ самой своей жизни, ибо видѣлъ ясно, какъ бросали въ него стрѣлы и камни. Но премилосердый Богъ сохранилъ вѣрнаго Своего раба невредимымъ отъ злодѣйства діавольскаго. „Впрочемъ, выйду,“ сказала самъ себѣ святой Петръ, „и посмотрю, кто востаетъ на меня, смиреннаго и безсильнаго, съ такимъ бѣшенствомъ.“ Вышелъ святой и увидѣлъ, что безчисленное множество бѣсовъ окружило его пещеру. Бѣсы же устремились на него съ дикими воплями, свирѣпо взирали на него и готовы были поглотить его живаго, а пещеру разрушить до основанія. Тогда святой, возведши на небо душевныя и тѣлесныя свои очи, громогласно возопилъ: „Пресвятая Богородице! помоги рабу Твоему!“ Демоны, услышавъ страшное для нихъ, вождельнѣйшее же намъ, имя Пресвятой Богородицы, тотчасъ сдѣлались невидимы, а святой, возблагодаривъ Пренепорочную, снова началъ подвизаться подвигомъ добрымъ, отъ глубины души прося Христа Господа не оставить его, грѣшнаго и недостойнаго раба, на поруганіе демону.

Прошло не болѣе пятидесяти дней, и демоны снова возстали противу святаго, вооружившись теперь уже другимъ образомъ. Они собрали всѣхъ звѣрей, обитавшихъ въ горѣ, змѣй и гадовъ, и сами, принявъ видъ гадовъ и змѣй, явились къ его пещерѣ и устремились на него съ

остервененіемъ. Одни изъ нихъ наводили страхъ ужаснымъ своимъ свистомъ и шипѣніемъ, другіе ползали при ногахъ его, тѣ старались уязвить его, устремляясь на самое лицо, а эти, зіяя своею пастью, покушались поглотить его живаго. Зрѣлище было ужасное! Но святой Петръ, знаменіемъ честнаго креста и именемъ Господа Іисуса и Пресвятой Владычицы Богородицы, уничтожилъ всю силу бѣсовскую, какъ паутину.

Впрочемъ, демонъ всегда злобенъ, лукавъ, хитръ и безстыденъ. Испытавъ пораженіе отъ святыхъ, онъ не оставляетъ своей злобы противъ нихъ и не прекращаетъ брани. Послѣ нѣсколькихъ пораженій, кромѣ сказанныхъ, онъ, чрезъ годъ послѣ поселенія святаго на Аеонѣ, изобрѣлъ новое средство къ низложенію великаго сего подвижника, и средство самое хитрое, — а потому тѣмъ горше посрамился въ своихъ злоухищреніяхъ. Окаянный демонъ, принявъ на себя видъ одного изъ слугъ святаго Петра, явился въ пещеру его и, съ крайнимъ безстыдствомъ, сталъ обнимать и лобзать своего господина, потомъ сѣлъ и началъ, прикрытую самою ловкою и безстыдною лестію, бесѣду, сопровождая ее даже слезами. „Отъ многихъ слышали мы, господинъ мой, честь моя и свѣтъ мой,“ говорилъ бѣсъ плачевнымъ тономъ, „что варвары и безбожники, схвативъ тебя на войнѣ, увели плѣннымъ въ крѣпость самарскую и, оковавъ тяжкими желѣзами, окаянные, заключили тамъ въ самой гнусной и смрадной темницѣ. Повѣрь, скорби нашей объ этомъ твоёмъ заключеніи я не могу и выразить. Но вотъ скоро Богъ благоволилъ и утѣшить насъ въ нашей скорби, и возвеселить сердца наши неизглаголанною радостію. Вдругъ мы слышимъ, что Онъ, Всеблагій, по молитвамъ и предстательству преблаженнаго Николая, извелъ тебя изъ той гнусной темницы и, подъ Своимъ руководствомъ, привелъ въ древній Римъ. Слыша такіа благія

вѣсти, мы отъ радости, кажется, не слышали въ себѣ и души, и всѣ, кто ни есть въ славномъ твоёмъ домѣ, а особенно я, вѣрный твой рабъ, возжигались пламеннымъ желаніемъ видѣть нашими глазами любезное, ангельское твое лицо и насладиться мудрѣйшею и сладчайшею твоею бесѣдою. Но Богу снова было угодно повергнуть насъ въ глубокую печаль и неутѣшный плачь о лишеніи тебя: намъ неизвѣстно было, куда ты скрылся изъ Рима. Посему, желая найти тебя, мы ходили по многимъ крѣпостямъ, селеніямъ и пустыннымъ мѣстамъ. Когда же не могли не только найти тебя, но даже и слышать, что съ тобою дѣлается, — начали усердно просить великаго чудотворца Николая, молясь ему такъ: „Пресвятой Николае! ты много уже благодѣній оказалъ міру, да и теперь не перестаешь оказывать ихъ; ты и возлюбленнаго нашего господина освободилъ отъ горькаго того плѣна: вонми же нашему моленію, — яви намъ его, — смиренно просимъ тебя.“ Святой Николай, теплый помощникъ всѣмъ, съ вѣрою призывающимъ имя его, не презрѣлъ насъ, недостойныхъ, и скоро открылъ намъ тебя, сокровенное и многоцѣнное наше сокровище, — и вотъ я, любящій тебя сильнѣе всѣхъ твоихъ рабовъ, предварилъ ихъ и пришелъ къ тебѣ, господину моему. Само собою ясно, что теперь тебѣ, господинъ мой, ничего другаго не остается дѣлать, какъ принять на себя трудъ отправиться со мною въ нашъ славный домъ и, явленіемъ своимъ въ кругу домашнихъ своихъ и друзей, неизреченно обрадовать ихъ. Послушавъ въ этомъ дѣлѣ меня, вѣрнаго твоего раба, ты не меня послушаешь, а великаго Николая, который открылъ намъ тебя. Симъ и приснославимый Богъ сугубо прославится. А о безмолвіи не заботься: ты знаешь, и въ нашемъ мѣстѣ есть много монастырей, и внутри и внѣ города, и даже немало мѣстъ отшельническихъ; можешь помѣститься, гдѣ тебѣ угодно, — и тамъ, уповаю на Бога,

проведешь всю свою жизнь совершенно безмолвно. Впрочемъ, и самъ ты посуди, и скажи мнѣ истину по чистой совѣсти: чѣмъ изъ двухъ болѣе благоугождается Богъ—принесеніемъ ли пользы многимъ душамъ человѣческимъ, или заботою всякаго изъ насъ о спасеніи одного себя? Если ты, чрезъ сладчайшее твое ученіе, спасешь и одну какую нибудь душу, обольщенную діаволомъ, то дѣло твое далеко превзойдетъ труды не одного, а многихъ пустынныхъ подвижниковъ. Богъ мнѣ въ томъ свидѣтель. Онъ Самъ говоритъ чрезъ Пророка: *аще изведешь честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будешь* (Іерем. 15, 19). А ты самъ знаешь, какъ много въ нашемъ мѣстѣ людей, преданныхъ страстямъ, которые, для обращенія своего къ истинному богопознанію отъ лести діавольской, послѣ Бога, имѣютъ нужду еще и въ другомъ какомъ-либо наставникѣ. Значить, великая тебѣ отъ Бога будетъ награда, если ты этихъ обольщенныхъ діаволомъ возвратишь отъ него къ законному Владыкѣ Богу. И насъ, твоихъ рабовъ, для чего столько презираешь, удаляясь отъ насъ и скрываясь въ этихъ каменныхъ разсѣлинахъ? Итакъ, о чемъ еще думаешь? въ чемъ недоумѣваешь? почему нейдешь съ искреннимъ и преданнѣйшимъ тебѣ рабомъ, который любитъ тебя отъ полвоты души, и есть благой твой совѣтникъ?“ Это и подобное сему говорилъ демонъ. Святый, не постигая самъ причины внутреннихъ своихъ волненій, во время безстыдной демонской бесѣды, началъ смущаться и невольно чувствовалъ непріятный трепеть сердца. Но иначе и быть не могло: при демонскихъ явленіяхъ человѣку, душа его всегда смущается; въ присутствіи же Ангела Божія, она радуется и чувствуетъ неизъяснимое удовольствіе *). Находясь въ этомъ принужденномъ состояніи, святый плакалъ и, омочая

*) Мысль эта хорошо раскрыта у преподобн. Макарія Егип., смотри его творенія, бесѣд. 7. Изд. 3. Москва, 1880.

лицо свое слезами, говорилъ демонѣ: „знай, человѣче, что въ это мѣсто привелъ меня не Ангелъ, не человѣкъ, а Самъ Богъ и Пресвятая Богородица, и потому, безъ воли Ихъ, я не могу выйти отсюда.“ Демонъ, лишь только услышалъ пресвятое имя Божіе и Пренепорочной вдругъ исчезъ, какъ призракъ. Святой Петръ не могъ надивиться злоумышленію, коварству и дерзости демона, и, отъ всей души возблагодаривъ Бога и Царицу небесную, началъ снова подвизаться со смиреніемъ и сокрушеніемъ сердца въ молитвѣ, воздержаніи и постѣ, такъ что достигъ въ мѣру истинной любви и чистоты ума. Разсѣдался демонъ отъ злобы, зависти и неудачъ, и не прекращалъ ухищреній своихъ противъ святаго, стараясь всевозможнымъ съ его стороны образомъ сокрушить крѣпость его добродѣтели и силу его преданности Богу.

Спустя, послѣ помянутаго искушенія, семь почти лѣтъ, сынъ тьмы, коварный и многокозненный демонъ, снова покусился низложить святаго, преобразившись уже въ Ангела свѣтла. Дерзко и нагло похитивъ не принадлежащій ему образъ, демонъ явился во образѣ Ангела съ обнаженнымъ въ рукѣ мечемъ и, ставъ близъ отверстія пещеры святаго, говоритъ ему: „Петръ, искренній служитель Христовъ! изыди вѣ, выслушай отъ меня нѣкія таинства Божія и душеполезныя наставленія.“ Святой сказалъ на это демонѣ: „а ты кто, и откуда пришелъ, и съ какими полезными для меня назиданіями явился сюда!“—„Я архистратигъ силы Божіей,“ отвѣчалъ демонъ: „Всемогущій послалъ меня возвѣстить тебѣ нѣкія пренебесныя тайны. Мужайся же, крѣпись и радуйся; ибо уготованъ тебѣ неувядаемый вѣнецъ и Божественная слава. Нынѣ ты долженъ оставить это мѣсто и идти въ міръ, чтобы отъ добродѣтельнаго твоего житія и высокаго ученія воспріяли пользу и другія души человѣческія. Въ намѣреніи переселить тебя отсюда, Господь из-

сушилъ и источникъ воды, изъ котораго ты пилъ.“ Для лучшаго обольщенія святаго, прехитрый изобрѣтатель зла, злокозненный врагъ спасенія человѣческаго, попущеніемъ Божиимъ, дѣйствительно тогда воспрепятствовалъ теченію воды. Но святой Петръ падшей гордынѣ на злую его лесть отвѣчалъ самымъ смиреннымъ образомъ: „ужели я, смердящій и нечистый, стою того, чтобъ пришелъ ко мнѣ Ангель Господень?“ А лжеавгелъ на это сказалъ ему: „Не удивляйся, святе! ты, въ нынѣшнія времена, своими подвигами превзошелъ древнихъ святыхъ и Пророковъ: Моисея, Ілію, Даниїла и Іова; великимъ ты признанъ на небесахъ за превеликое твое терпѣніе. Ілію и Моисея ты превзошелъ постомъ, Даниїла—вселеніемъ со смертоносными змїями, а Іова—совершенствомъ терпѣнія. Но выйди сюда, и собственными твоими очами увѣрься въ оскудѣніи воды, и потомъ, безъ всякаго сомнѣнія, иди въ монастыри мірскіе. Тамъ,—такъ глаголетъ тебѣ Господь Вседержитель,—тамъ я всегда буду съ тобою, и многихъ тобою спасу. Вотъ прямая о тебѣ воля Божія!“ Но святой явившемуся самозванцу отвѣчалъ: „знай, что если не придетъ сюда Госпожа моя Богородица, которая послала меня въ это мѣсто, и помощникъ въ нуждахъ моихъ, святой Николай, я не выйду отсюда.“ Діаволь, какъ только услышалъ имя Пренепорочной, тотчасъ исчезъ. Тогда блаженный Петръ увидѣлъ и крайнее злоумышленіе врага, и безпредѣльную вражду его противъ рабовъ Божіихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при державномъ защищеніи ихъ всемогущею десницею Божіею,—и все его противъ нихъ безсиліе. „Христе Іисусе, Боже и Господи мой!“ произнесъ святой Петръ изъ глубины души, по удаленіи отъ него діавола: „вотъ, врагъ мой діаволь, яко левъ рыкая, ходитъ, ища поглотить меня, грѣшнаго; но Ты, Господи, не оставь меня, во всѣ дни живота моего, всемогущею Твоею помощію.“

Въ ту ночь святой Петръ сподобился небснаго утѣшенія: во снѣ явились ему скорая Помощница всѣхъ христіанъ, Богородица и святой великій Николай. „Петръ!“ изрекла ему тогда Владычица: „отселѣ уже не бойся злоумышленій врага, ибо Богъ съ тобою: завтра посланъ будетъ къ тебѣ истинный Ангель Господень, съ небсною пищею, и, по повелѣнію Божию, всегда будетъ являться съ нею черезъ сорокъ дней; онъ покажетъ тебѣ и манну, которая будетъ твоею пищею во всю жизнь“ *). Такимъ образомъ, утѣшивъ Своего раба, Владычица міра отошла въ пренебсныя селенія. Святой же Петръ, возбуждись благоговѣнно палъ на то мѣсто, гдѣ стояли пречистыя ноги Пресвятыя Богородицы и великаго святаго отца Николая, и, лобызая ту землю, громогласно благодариль Бога, что Онъ удостоилъ его видѣть такія страшныя таинства. На утро, дѣйствительно, явился къ святому Петру Ангель Бога Всевышняго, съ небсною пищею, указаль ему и манну, какъ сказала Пренепорочная, и отлетѣлъ на небеса. Послѣ сего, святой, прославляя Христа Бога и Пренепорочную Его Матерь, спокойно подвизался въ ангельскихъ своихъ подвигахъ цѣлыхъ 53 года, и, по благодати Божій, уже не былъ стужаемъ никакими демонскими привидѣніями. Въ продолженіе столькихъ лѣтъ, онъ не видалъ даже и подобія человѣческаго. Во все это время, пищею служила ему манна, показанная Ангеломъ; она падала съ неба въ видѣ росы, потомъ сгущалась и дѣлалась подобною меду.

*) Небсная та пища, приносимая Ангеломъ святому Петру черезъ 40 дней, было приобщеніе пречистыхъ, животворящихъ Христовыхъ Таянъ,—то-есть, опредѣленный на послушеніе ему, святой Ангель явился къ нему въ назначенное Богомъ время и приобщаль Святыхъ Таянъ, какъ это было и съ тѣми преподобными отцами, которыхъ преподобный Пафнуцій обрѣлъ въ пустынѣ (см. Іюня 12 дня). А манна была пища тѣлесная. Посему-то святой Петръ и не просилъ (какъ увидимъ ниже) обрѣтшаго его, по устроенію Божию, ловца принести ему святаго хлѣба, подобно преподобной Маріи Египетской (см. апрѣля 1 и Θεοεισότης изъ Лезвы см. ноября 9), и многимъ другимъ святымъ, жившимъ отшельнически. Агіорить Іаковъ.

А объ одеждѣ, о постелѣ, о зданіяхъ и прочихъ требсваніяхъ природы человѣческой онъ не имѣлъ и мысли: одеждою для него служила первобытная невинность; о дѣйствіяхъ зноя, бурь и холода, одушевляясь пламенною любовію къ своему Творцу и Богу и мыслию о будущемъ воздаяніи за все свои страданія, онъ не безпокоился; ложемъ была для него земля, а покровомъ служило ему украшенное звѣздами небо. Однимъ словомъ, — онъ, какъ безплотный, жилъ на землѣ неземнымъ образомъ; до того же времени, какъ показана была ему манна, питался кореньями и пустынными зеліями.

Наконецъ Богъ восхотѣлъ явить ангельскую жизнь Своего угодника людямъ и устроилъ это такимъ образомъ. Одинъ охотникъ, для ловли звѣрей, пришедши на гору Аѳонскую, обошелъ уже много на ней мѣстъ, и наконецъ достигъ до того мѣста, гдѣ святой проводилъ равноангельскую свою жизнь. Недалеко отъ пещеры Петровой увидѣлъ онъ одну огромную и красивую лань и, при видѣ такой хорошей добычи, оставивъ преслѣдованіе за всеми другими животными, цѣлый день ухищрялся поймать только это прекрасное животное. Лань, какъ будто кѣмъ руководимая, долго избѣгала преслѣдованій ловца, и наконецъ остановилась у самой пещеры святаго. Ловець долго гнался по слѣдамъ ея и теперь, почти уже догнавъ ее, только было хотѣлъ бросить стрѣлу, какъ вдругъ, въ правой сторонѣ пещеры, увидѣлъ нѣкоего человѣка, съ предлинною сѣдою бородою, съ бѣлыми на главѣ волосами (покрывавшими до половины тѣло его) и не имѣвшаго на себѣ никакой другой одежды, кромѣ травныхъ листьевъ. Страхъ и ужасъ объялъ ловца. Принявъ это явленіе за демонское мечтаніе, онъ оставилъ добычу и пустился со всевозможною скоростію бѣжать оттуда. Святой, желая остановить бѣгущаго отъ себя ловца, сталъ громко кричать вслѣдъ ему: „Человѣче!

что боишься? братъ! что бѣжишь отъ меня!—я такой же человекъ, какъ и ты, а не мечтаніе бѣсовское, какъ думаешь. Приди сюда ко мнѣ, и я расскажу тебѣ все, ибо для того Богъ и послалъ тебя сюда.“ Испуганный ловець воротился. Тогда святой Петръ, сдѣлавъ ему о Христѣ привѣтствіе, началъ говорить: „держай, братъ! не бойся человека, окаяннаго и грѣшнаго, во всемъ тебѣ подобнаго.“ Успокоивъ его такимъ образомъ, святой рассказалъ ему, откуда онъ сюда пришелъ, сколько уже времени здѣсь живетъ, и чѣмъ питается, какія претерпѣлъ страданія ради небесныхъ утѣшеній, какія имѣетъ утѣшенія въ своихъ скорбяхъ и какіе получилъ залогомъ вѣчнаго блаженства: словомъ, описалъ ему подробно всю свою жизнь. Выслушавъ святаго, ловець, отъ удивленія, долго не могъ сказать ему ни слова. Наконецъ, нѣсколько успокоившись, отвѣчалъ ему: „Честный отче! теперь я узналъ, что и меня, грѣшнаго, любитъ Богъ, ибо удостоилъ увидѣть тебя, сокровеннаго Его служителя. Отъ нынѣшняго дня, рабъ Божій, я не удалюсь отъ тебя, — буду, по моимъ силамъ, работать Господу Богу, вмѣстѣ съ тобою, чтобы спасти мнѣ многогрѣшную свою душу. Вижу, для того Богъ и открылъ мнѣ тебя.“ Святой на это сказалъ: „Чадо мое! въ настоящее время этого быть не можетъ. Ты долженъ прежде испытать себя, — можешь ли переносить труды подвижническіе, чтобы не быть впоследствии посмѣяніемъ врагу нашему. Посему теперь иди въ домъ свой, и какое имѣешь состояніе отъ отца твоего, раздѣли бѣднымъ; затѣмъ, воздержись отъ вина, мяса, сыра и масла, а болѣе всего — отъ смѣшенія съ твоею женою; притомъ молись съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ, — и такимъ образомъ проведи весь слѣдующій годъ, а потомъ уже приходи сюда, и что откроетъ тебѣ Богъ, то и дѣлай.“ Добрый ловець принялъ къ сердцу благій совѣтъ святаго. Отпуская ловца

съ миромъ и молитвою въ его мѣсто, Петръ заповѣдалъ ему хрानить узнанную имъ тайну: „ибо, когда является сокровище,“ говорилъ онъ ловцу, „тогда удобно крадутъ его тати.“ Итакъ, славя и благодаря Бога, что сподобился видѣть такого Его угодника, ловець удалился домой и, живя тамъ, провелъ весь слѣдующій годъ по наставленію святаго.

По окончаніи этого года, ловець, взявъ съ собою двухъ иноковъ и своего брата, прибылъ на Святую гору. Вышедши на берегъ Аона, всѣ они отправились къ пещерѣ святаго Петра. Ловець, имѣя большую противъ своихъ спутниковъ любовь къ нему, предупредилъ своихъ спутниковъ, и достигъ пещеры его прежде другихъ: но, — какое горе! — онъ нашель святаго уже скончавшимся о Господѣ; руки его были крестообразно сложены на персяхъ, очи, какъ слѣдовало, закрыты, и все тѣло честно лежало на землѣ. Смертельно пораженный такимъ неожиданнымъ событіемъ, ловець сперва палъ, почти замертво, на землю, а потомъ, послѣ столь сильнаго удара, въ горести, билъ себя руками по лицу и со слезами вопіялъ: „горе мнѣ, несчастному! — не удостоился я получить того, чего желалъ! увы мнѣ, окаянному! — лишился я такого праведника, не успѣлъ сподобиться святой его молитвы!“

Между тѣмъ, какъ ловець съ горькимъ плачемъ рыдалъ при мощахъ святаго, пришли къ нему и его спутники, и, дивясь его сокрушенію, желали узнать причину его и спрашивали, кто такой этотъ неизвѣстный имъ мертвецъ, и отчего такое рыданіе о немъ. На этотъ вопросъ, ловець, заливаясь слезами, подробно разсказалъ имъ всю жизнь святаго, какъ онъ самъ передалъ ее, когда былъ еще въ живыхъ. Выслушавъ ловца, товарищи его умилились и пролили много слезъ о томъ, что не удостоились видѣть въ живыхъ столь великаго подвижника и святаго мужа, и не сподобились святыхъ его бесѣдъ и молитвъ.

Братъ ловца одержимъ былъ нечистымъ духомъ, который мучилъ его уже съ давняго времени. Но, лишь только приблизился страдалецъ этотъ къ мощамъ святаго, демонъ вдругъ бросилъ его на землю и, съ теченіемъ пѣны и скрежетомъ зубовъ, говорилъ громогласно: „Нагіи и босыи Петръ! развѣ не довольно тебѣ пятидесяти трехъ лѣтъ, въ которые, живя здѣсь, ты властвовалъ надъ нами? Тогда ты изгналъ меня изъ моего жилища и отлучилъ отъ товарищей: что же, не хочешь ли и теперь, будучи уже мертвецомъ, преслѣдовать меня?—Нѣтъ, мертваго то я не послушаю тебя.“ Ловецъ и его спутники, слыша это отъ діавола, дивились и трепетали. Черезъ нѣсколько времени, они замѣтили, что мощи святаго облистались какимъ-то небеснымъ свѣтомъ, и демонъ вдругъ вышелъ изъ устъ бѣсноватаго, въ видѣ чернаго дыма; при этомъ страдалецъ, сильно потрясенный демономъ, лежалъ на землѣ, какъ мертвый. Потомъ, черезъ нѣсколько времени, онъ опомнился, и просилъ своихъ товарищей, чтобъ они, вмѣстѣ съ нимъ, помолились челобѣтнику Божию о совершенномъ его исцѣленіи.

Слава Господу Богу, дарующему исцѣленіе всѣмъ намъ, грѣшнымъ, чрезъ святыхъ Его! Больной, при помощи Божіей, по молитвѣ святаго, скоро всталъ и, чувствуя себя совершенно здоровымъ, душевно и тѣлесно, громко славилъ Бога и Его угодника и, благодарно припадая къ цѣльбоподательнымъ святымъ мощамъ, умильно лобызалъ ихъ, а потомъ отъ всего сердца благодарилъ и брата своего, что онъ привелъ его къ сему небесному цѣлителю. Впрочемъ, благочестивымъ тѣмъ путникамъ медлить тамъ долѣе было нельзя. Посему, поднявъ на рамена свои мощи святаго, они съ радостію сошли съ горы, вошли съ ними на корабль и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, пустились было въ свое мѣсто. Но—о чудо!—корабль ихъ, плывя

противъ обители *) Климентовой, вдругъ сталъ тамъ, какъ вкопанный. Сколько ни силились они, не могли сдвинуть его съ мѣста, — и такимъ образомъ стояли отъ третьяго часа до девятаго. Монахи Климентовой **) обители дивились, видя такое чудо, и, чтобы лучше постигнуть эту тайну, послали нѣкоторыхъ изъ своей среды на корабль, чтобы они разспросили путниковъ о причинѣ стоянія ихъ на одномъ мѣстѣ. Связанные невидимою силою хотя и постигали дѣйствительную причину, которая столь дивно удерживала ихъ корабль, но желая утаить безцѣнное свое сокровище, не сказывали о немъ климентовцамъ. Климентовскіе иноки, однакожь, догадались, что имъ не говорятъ истины, и потому сами стали управлять кораблемъ, и только что направили его къ своей обители, тотчасъ же явились у своей пристани. Климентовскій игуменъ, подробно узнавъ отъ ловца о всемъ, что случилось съ нимъ и его товарищами, благоговѣнно дивился сему событію, и тотчасъ повелѣлъ іереямъ своего монастыря, въ полномъ священномъ облаченіи, со свѣчами и кадильнымъ оуміагомъ, перенести святыя мощи въ обитель. Здѣсь, по совершеніи съ ними крестнаго хода, онѣ, со многою честію и благоговѣніемъ, положены были въ церкви, гдѣ потомъ каждодневно со-

*) Не удивляйтесь, говорятъ Агіоритъ Іаковъ, слыша названіе *обители*, ибо, въ продолженіе пятидесяти трехъ лѣтъ соврѣннаго пребыванія святаго Петра на горѣ, начали создаваться на ней и обители. Притомъ нужно замѣтить, что гора никогда не была совершенно необитаема; только тогдашніе монахрїоны, во времена нашествія варваровъ и разбойниковъ, часто были разрушаемы, опустошаемы и уничтожаемы. Мы знаемъ, что обитель Зигъ существовала уже тогда, когда прибылъ на Афонъ преподобный Аванасій.

**) Климентовою пристанью назывался заливъ близъ существовавшего въ древности города — Клеоу. Здѣсь присталъ корабль Богоматери; здѣсь же остановился и чудотворный образъ Богородицы Портагитиссы. По этому-то названію пристани, устроившійся тамъ въ первый разъ монахрїонъ и получилъ названіе обители Климентовой. Во времена святаго Петра онъ носилъ то же названіе. Въ 960 году, явился изъ Грузіи Іоаннъ съ сыномъ своимъ Евхиміемъ, и создали тамъ пиргъ и храмъ, по имя Претечи, подъ названіемъ Пидо и Харзавъ. Потомъ, въ 1030 году, прибылъ туда же изъ Грузіи Георгій Торникій Спанарій, и тамъ, на мѣстѣ монахрїона, воздвигъ обширную обитель, которая донынѣ носитъ имя Иверской. Агіоритъ Іаковъ.

вершались отъ нихъ многія и дивныя чудеса. Слава о сихъ мощахъ скоро и быстро разнеслась по всеѣмъ окрестностямъ. Множество народа стало стекаться къ нимъ отсюда, и все приходившіе съ вѣрою получали исцѣленіе болѣзней тѣлесныхъ и утѣшеніе душевное. Черезъ нѣсколько времени, мощи святаго переложили въ другую раку, поставили ихъ въ притворѣ параклиса Богоматери, и тамъ семь дней совершали надъ ними бдѣніе. А потомъ, облагоухавъ ихъ ароматами, съ великою честію и благоговѣніемъ, погребли ихъ въ правой сторонѣ главнаго храма. Ловець и исцѣлѣвшій братъ его, по погребеніи мощей святаго, испросивъ молитвы и благословеніе отъ игумена и его братіи, отправились въ свое мѣсто, за все славя Бога и благодаря святаго Его угодника, а сопутствовавшіе имъ монахи рѣшились какимъ-нибудь образомъ похитить мощи святаго, и потому стали притворно просить игумена и его братію о принятіи ихъ въ обитель, выражая непремѣнное желаніе умереть тамъ, гдѣ обрѣли они, будто по откровенію Господню, многоцѣнное сіе сокровище. Игумень съ братією, не понявъ ихъ ухищренія, съ радостію приняли ихъ, а они, вскорѣ послѣ лицемѣрнаго своего вступленія въ монастырь, избрали одну удобную для своего намѣренія ночь и, взявъ тайно мощи святаго, бѣжали съ ними со Святой горы. Бѣглецы эти, съ похищенною ими святынею, достигли уже Фокиды (во Фракіи), и здѣсь, при нѣкоемъ колодезѣ, остановившись отдохнуть и укрѣпиться пищею, мѣшокъ (саххі), въ которомъ несли святая мощи, повѣсили на вѣтвяхъ одной маслины. Едва только расположились они на отдыхъ, вдругъ явилось къ нимъ изъ окрестныхъ мѣстъ множество мужей, женъ и дѣтей, которые громогласно вопрошали: „Гдѣ великій Петръ, пришедшій сюда съ горы Аео-на? — мы хотимъ встрѣтить его.“ Причина, по которой къ святымъ мощамъ собралось такое множество народа,

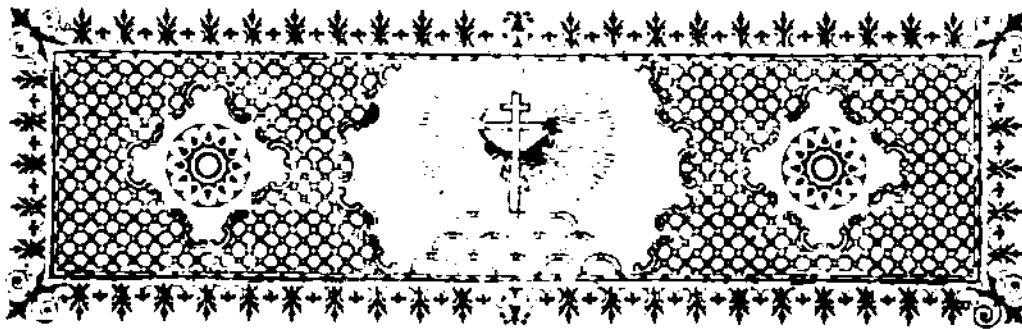
была слѣдующая. Близъ того колодезя, гдѣ со святынею остановились для отдыха бѣглецы-иноки, находилось одно водохранилище, обширное и глубокое, которое отъ времени, однакожь, засыпалось землею и сдѣлалось жилищемъ лукавыхъ духовъ. Эти духи, по злобѣ своей, производили въ томъ мѣстѣ много зла — и людямъ и животнымъ, и когда иноки со святынею приблизились ко гнѣздилищу ихъ, тотчасъ же вышли изъ своего обиталища и вошли въ тѣхъ, къ кому, по попущенію Божію, могли имѣть доступъ, стали мучить ихъ и, принуждаемые Богомъ, противъ воли своей, объявляли всѣмъ о прибытіи въ то мѣсто великаго угодника Божія. Эти-то несчастные, въ сопровожденіи народа, явились къ маслинѣ, на которой висѣли святыя мощи, и, съ громкими и дикими воплями, бросившись къ святымъ мощамъ, покушались низринуть вмѣщавшій ихъ мѣшокъ. Но злобные демоны, вмѣсто уничтоженія святыхъ мощей, сами, силою молитвъ святаго Петра, были изгнаны не только изъ мучимыхъ ими людей, но и изъ самаго того мѣста. Кромѣ сего, тогда совершились и другія многія и дивныя чудеса отъ святыхъ его мощей, ибо слава о чудесномъ исцѣленіи бѣснуемыхъ распространилась по всѣмъ окрестностямъ того мѣста и привлекла туда множество хромыхъ, прокаженныхъ, бѣснуемыхъ, разслабленныхъ и удручаемыхъ другими недугами, кои всѣ получали тѣлесное исцѣленіе и душевное утѣшеніе. Услышавъ о сихъ чудесахъ, епископъ города Авдора, взявъ свой клиръ, подвигся къ цѣльбоноснымъ мощамъ святаго Петра съ крестнымъ ходомъ. Приближаясь къ нимъ, онъ и клиръ его довольное пространство шли непокровенные и необутые; явившись же на самое мѣсто, они сотворили приличную ко Господу Богу молитву, послѣ которой епископъ и всѣ бывшіе съ нимъ стали благоговѣнно лобызать св. мощи. Николай, составитель жизнеописанія святаго Петра, говоритъ, что и онъ

лично былъ при этомъ. Между тѣмъ, какъ святыя мощи были лобызаемы, отъ нихъ совершались безчисленныя чудеса, и потому все со слезами восклицали: „Господи помилуй!“ и громогласно славили Бога, прославляющаго святыхъ Своихъ еще и здѣсь, на землѣ. Тогда епископъ сталъ убѣдительно просить тѣхъ иноковъ, чтобъ они сіе многоцѣнное сокровище даровали благочестивому и христолюбивому того мѣста народу, обѣщавшему создать великолѣпный храмъ, во отпущеніе своихъ грѣховъ и во спасеніе тѣхъ, которые принесли къ нимъ св. мощи, и за сей даръ предлагалъ имъ въ благословеніе сто златницъ и нѣкоторое другое вознагражденіе. „Мнѣ кажется неприличнымъ,“ говорилъ имъ епископъ, „что многоцѣнный сей маргаритъ не имѣетъ постояннаго мѣста, что сей свѣтильникъ скрывается подъ спудомъ, что лучи благодати не для всехъ явны.“ Иноки, владѣтели святыхъ мощей, весьма неохотно, и только послѣ многихъ убѣжденій, даже прещеній со стороны епископа и его клира, согласились разстаться съ ними, хотя, впрочемъ, взяли предложенные имъ дары. Скорбя о лишеніи святыхъ мощей, тѣ иноки удалились отсюда въ Анатолю. Въ то же время приблизился къ святымъ мощамъ одинъ бѣсноватый, и спрашивалъ: „Гдѣ здѣсь Петръ Схоларій? Ему мало было прогнать меня съ Аэона, — онъ и сюда пришелъ изгонять меня изъ моего жилища: но нѣтъ, теперь я сожгу его, чтобъ онъ уже впередъ не беспокоилъ меня.“ Бѣсноватый держалъ въ рукахъ своихъ два горящихъ факела, и только что устремился съ ними къ святымъ мощамъ, чтобъ сжечь ихъ, вдругъ раздался сильный ударъ грома и демонъ, въ видѣ молніи, вышедши изъ того человѣка, съ громкимъ воплемъ, плачемъ и стenanіемъ исчезъ въ воздухѣ. Множество людей, видѣвшихъ это чудо, громогласно прославили Бога.

Послѣ того, епископъ съ клиромъ своимъ, взявъ свя-

тыя мощи, со псалмами и духовными пѣснями перенесъ ихъ въ епископію своего города, и тамъ почтилъ угодника Божія славословіемъ въ три нощенствія. И здѣсь также, отъ святыхъ сихъ мощей, совершились безчисленныя чудеса, въ радость и утѣшеніе пришельцевъ и туземцевъ, во славу Единосущныя Троицы, въ честь и похвалу преподобнаго и богоноснаго отца нашего Петра, подвизавшагося на святоименной горѣ Аѳонской вышечеловѣчески. Молитвами сего угодника Божія да украсимся и мы добрыми дѣяніями, и тако да обрѣтемся благоугодны предъ Христомъ, Господомъ нашимъ Богомъ, Емуже слава и держава во вѣки. Аминь!

І Ю Н Я 12.

**Память преподобнаго отца нашего
АРСЕНІЯ КОНЕВСКАГО.**

Слаженный Арсеній происходилъ изъ великаго Новгорода. Сердце его, разгараясь Христовой любовію, побудило его оставить міръ, чтобы искать безмолвной жизни; сперва удалился онъ въ сосѣдную великому Новгороду обитель, на Лисьей горѣ, и тамъ, совершивъ иноческій искусь, постригъ власы свои и сдѣлался совершеннымъ инокомъ: вся братія смотрѣла на него, какъ на данный ей свыше образецъ житія монашескаго.

Давно уже возникло въ душѣ преподобнаго Арсенія желаніе посѣтить святую гору Аѳонскую, и онъ воспользовался пришествіемъ въ Новгородъ нѣсколькихъ аѳонскихъ иноковъ. Когда эти иноки прибыли, онъ со слезами припалъ къ ногамъ игумена и умолялъ отпустить его. Долго игумень не соглашался на его прошеніе, чувствуя, какое будетъ отъ того лишеніе для обители, но наконецъ не могъ не уступить слезному моленію ревностнаго инока. Радостно пошелъ Арсеній въ путь свой съ благословеніемъ отеческимъ, и благополучно достигъ Святой горы, гдѣ былъ съ

любовію принять игуменомъ Іоанномъ. Настоятель велѣлъ пришельцу подвизаться въ общихъ трудахъ съ братією. Посему прошелъ Арсеній по порядку все монастырскія службы, начиная съ дроводѣланія и печенія хлѣбовъ, и всякую службу исполнялъ съ чрезвычайнымъ смиреніемъ и послушаніемъ, считая себя за худшаго изъ братіи. Игумень, узнавъ искусство русскаго пришельца ковать мѣдные сосуды, занялъ его предпочтительно этимъ рукодѣліемъ, и въ глубокомъ безмолвіи ковалъ онъ сосуды для потребности монастырской, посвящая на то цѣлый день, а ночь проводилъ въ молитвѣ, едва позволяя себѣ мало отдыха, ибо былъ крѣпокъ и мужественъ. Безмездно трудился онъ не только для своей обители, но и для другихъ святогорскихъ монастырей; ибо отсюду приносили ему мѣдь для кованія сосудовъ, какъ только услышали о его искусствѣ. Неизвѣстно, въ какой собственно обители подвизался Арсеній, должно однако навѣрное полагать, что въ Русикѣ, ибо это было общее пристанище всехъ русскихъ пришельцевъ.

Опасаясь, чтобы множество приходившихъ къ нему не обременило братіи его обители, принялъ онъ благословеніе отъ своего игумена обойти все монастыри Святой горы, чтобы потрудиться на пользу каждаго изъ нихъ, не ради злата и сребра, но для душевнаго спасенія, и въ такомъ подвигѣ пробылъ еще три года. Тогда пришло ему желаніе возвратиться въ родную землю, чтобы тамъ поставить обитель во славу Матери Божіей, къ Которой имѣлъ теплую вѣру. Арсеній сталъ просить игумена объ отпускѣ на родину, и тотъ, исполненный духа прозорливости, пророчески сказалъ ему, что Господь воздвигнетъ черезъ него обитель въ странѣ сѣверной, которая спасется его молитвами отъ многихъ бѣсовскихъ прелестей и суевѣрій. Отчески благословилъ его настоятель двойною иконою Владычицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на одной сторонѣ,

и нерукотвореннаго образа Спасова на другой,—далъ ему притомъ и уставъ общежительный Святой горы и, отпуская, такъ молился надъ нимъ: Боже отецъ нашихъ, призи отъ престола славы Твоей на раба Твоего Арсенія, да почиетъ на немъ всегда благодать Духа Твоего Святаго и пребудетъ съ нимъ благословеніе Твое.

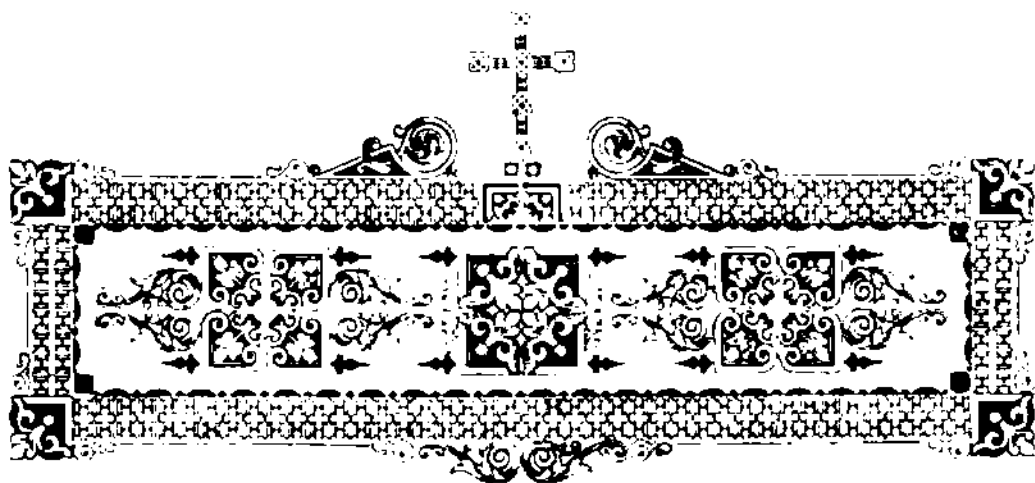
Въ 1393 году блаженный Арсеній возвратился въ Великій Новгородъ, неся съ собою чудную икону со Святой горы. Здѣсь предсталъ онъ архіепископу Іоанну, которому повѣдалъ все бывшее съ нимъ на Святой горѣ, и просилъ у него благословенія создать на сѣверѣ обитель во имя Рождества Богородицы. Съ миромъ отпустилъ его владыка,—и Арсеній, съ иконою Богоматери, отплылъ въ озеро Ладожское. Побывъ въ обители Валаамской, рѣшился онъ идти на безмолвіе въ болѣе уединенныя мѣста,—и Промысломъ Божиимъ достигши пустыннаго острова Коневского, основалъ обитель Коневскую, гдѣ прогналъ первоначально отъ древняго идольскаго требища лукавыхъ духовъ съ ихъ мечтами и страхованіями.

По устроеніи обители и умноженіи братіи, преподобный Арсеній опять пошелъ на святую гору Авонскую, — это было уже при новгородскомъ архіепископѣ Симеонѣ, — и замедлилъ въ своемъ странствованіи. Случилась тогда великая скудость въ его обители, такъ что братія, одолаваемые голодомъ, хотѣли разойтись. Но одинъ изъ старцевъ, по имени Іоакимъ, украшенный благочестіемъ и сѣдинами, взошелъ на сосѣдную къ обители гору, гдѣ сперва подвизался преподобный, и молилъ небесную питательницу Матерь Божию ниспослать имъ насущный хлѣбъ. Послѣ долгой молитвы, воздремалъ старецъ, и сквозь тонкій сонъ явилась ему Матерь Божія въ небесной славѣ. Не скорби, старче, сказала Она тихимъ голосомъ, скажи братіи, чтобы не расходились отъ этого мѣста, ибо вскорѣ прибудетъ къ

вамъ самъ Арсеній съ обиліемъ всего нужнаго для обители. На другой день Арсеній дѣйствительно приплылъ на двухъ большихъ судахъ и привезъ съ собою множество припасовъ. Послѣ многолѣтнихъ подвиговъ, въ глубокой старости предалъ онъ Господу чистую свою душу 1447 года іюня 12, на память преподобныхъ Онуфрія и Петра аѳонскаго, по примѣру коихъ уединялся на святой горѣ Аѳонской.

(Житія святыхъ Россійской Церкви).

І Ю Н Я 14.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
НИФОНТА *).**

Преподобный отецъ нашъ Нифонтъ родился въ области, называемой Аргирокастровъ, отъ священника селенія Лукови. Когда ему исполнилось десять лѣтъ, братъ отца его, бывшій въ монастырѣ святаго Николая епископомъ, взялъ его къ себѣ, для утвержденія въ правилахъ строгой христіанской нравственности. Монастырь святаго Николая былъ основанъ Константиномъ Мономахомъ, на мѣстѣ, называемомъ нынѣ Месопотамъ. По принятіи отрока въ монастырь, дядя прежде всего озаботился обученіемъ его грамотѣ, а потомъ облекъ его въ иноческій образъ. Начатки образованія въ Священномъ Писаніи были такъ успѣшны въ отрокѣ, а безусловное послушаніе и скромность его — такъ назидательны, что вскорѣ онъ былъ сдѣланъ чтецомъ; по достиженіи же совершеннаго возраста, удостоенъ и священства. При такомъ Божественномъ достоинствѣ, постоянно упражняясь въ чтеніи Священнаго Писа-

*) Изъ Νέου Ἑλλόγιου.

ніа и житій святыхъ, Нифонтъ до такой степени уязвился любовію къ Богу и желаніемъ непорочнаго храненія святыхъ Его заповѣдей, что рѣшился оставить все и погрузиться въ глубокую пустыню, гдѣ бы, при всѣхъ условіяхъ безмолвія, можно было ему вполне посвятить себя единому Богу. Вслѣдствіе сего, онъ удалился изъ монастыря святаго Николая на гору Геромеріонъ, гдѣ тогда уединенно подвизался одинъ старецъ, прибывшій съ горы Синайской. Тамъ, при руководствѣ и наставленіяхъ опытнаго синаита, юный Нифонтъ, восходя отъ силы въ силу, вполне почувствовалъ, что и горная пустыня Геромеріона неудовлетворительна для порывовъ пламенной его души, жаждавшей безмолвія совершеннѣйшаго и пустынныхъ подвиговъ. Поэтому, подавляя въ себѣ чувство привязанности къ родинѣ, къ сродникамъ, друзьямъ и ко всему, что удерживаетъ мысль въ связи съ міромъ, онъ отправился на святую Аѳонскую гору и, при тайномъ водительство Промысла, достигъ до пещеры *) святаго Петра аѳонскаго, гдѣ тогда безмолвствовалъ чудный отшельникъ Теогностъ, которому и поручилъ себя Нифонтъ, какъ чадо отцу и рабъ владыкъ скрывая предъ нимъ свое священство. Такимъ образомъ, Нифонтъ какъ бы новоначальный три года безусловно повиновался своему старцу. Наконецъ, по истеченіи этого времени, Теогностъ, узнавъ какъ-то случайно, что его послушникъ облеченъ савомъ пресвитерскимъ, ни подъ какимъ видомъ не захотѣлъ имѣть его послушникомъ, тѣмъ болѣе, что подвиги и труды его казались ему чудными и назидательными. Сколько, съ своей стороны, ни убѣждалъ Нифонтъ и ни умолялъ старца, чтобъ онъ былъ по прежнему руководителемъ его, объясняя, что это для него необходимо, какъ еще для несовершеннаго въ опытахъ отшельнической жизни, Теогностъ, ради крайняго своего сми-

*) Въ области лавры святаго Аѳанасія.

ренія, не согласился на то. Посему Божественный Нифонтъ удалился отъ него въ сосѣдственный скитъ великаго Василія *), и тамъ четырнадцать лѣтъ провелъ въ крайнемъ безмолвіи, разъ только въ недѣлю подкрѣпляя свои силы малымъ количествомъ сухаго хлѣба.

Между тѣмъ въ лаврѣ открылась моровая язва: множество братій сдѣлалось ея жертвою, — такъ что игуменьъ вынужденъ былъ пригласить святаго Нифонта въ лавру, для Божественнаго священнодѣйствія. Такимъ образомъ, три лѣта провелъ онъ въ дѣлѣ сего великаго служенія. Впрочемъ, это послушаніе какъ ни было само по себѣ важно, но влеченіе сердца къ совершенному безмолвію не давало ему покоя. Не въ силахъ будучи подавить въ себѣ это чувство и влеченіе, онъ ушелъ оттуда въ Вулвтиріе, — гдѣ нынѣ скитъ святыя Анны **), — и тамъ, въ пустынной тишинѣ, провелъ много лѣтъ скитальчески безъ куши и крова, питаясь только травою и кореньями.

Сколь ни высока, сколь ни безстрастна была жизнь Нифонта, сколь ни назидательна для всѣхъ, однакожъ, нашлись завистники, которые выставили его на видъ игумену священной лавры, какъ прельщеннаго. Доказательство своей клеветы усиливали они тѣмъ, что преподобный будто бы гнушается хлѣбомъ, какъ грѣховной и непозволительной снѣдію, и потому питается пустыннымъ зеліемъ. Чтобъ узнать справедливость обвиненія, игуменьъ призвалъ къ себѣ преподобнаго Нифонта и спросилъ, — къ чему онъ такъ строго велеть себя, гнушаясь даже свойственною человѣку пищею. „Древніе отцы,“ говорилъ онъ, „питались зеліемъ въ пустыняхъ, потому что не было тамъ хлѣба, а здѣсь есть и хлѣбъ и другія яства, которыя слѣдуетъ употреблять во славу Божию, съ умѣренностью, избѣгая, такимъ

*) Въ области лавры святаго Аванасія.

**) Тамъ же.

образомъ, сатанинскаго киченія отъ неумѣреннаго и строгаго поста.“ Какъ истинный послушникъ, преподобный принялъ смиренно совѣтъ старческой. Между тѣмъ, избѣгая новыхъ неприятностей, онъ уклонился изъ скита святыя Анны, и впослѣдствіи сблизился съ преподобнымъ Максимомъ Кавсокаливитомъ, такъ что сей послѣдній, послѣ многолѣтняго сопостничества съ дивнымъ Нифонтомъ, въ доказательство своей искренней къ нему привязанности и дружбы, уступилъ ему собственную свою кущу, или шалашъ, а себѣ устроилъ близъ него другую.

Но такъ какъ къ святому Максиму многіе стекались ради чудесъ, которыя совершала онъ, и ради пророчествъ о будущемъ, то святой Нифонтъ, не терпя молвы, съ соизволенія и по совѣту святаго Максима, удалился въ пещеру противу мѣстности „святаго Христофора,“ и тамъ безмолвствовалъ. Немного протекло времени, какъ пришелъ къ нему, съ его родины, инокъ Маркъ, у котораго былъ братъ, — чтобъ подчинить себя старческому его водительство. Святой принялъ его съ любовію и повелѣлъ ему построить каливу, какъ себѣ, такъ и брату. „Что ты, отче?“ возразилъ удивленный Маркъ: „братъ мой — мірянинъ, и живетъ въ кругу своихъ родныхъ.“ — „Прости,“ отвѣчалъ ему смиренный Нифонтъ: „я помѣшанный и не знаю самъ, что говорю. Не слушай меня, и дѣлай, что тебѣ угодно.“ Между тѣмъ настала праздникъ святаго Аѳанасія. Преподобный, посылая Марка въ лавру на этотъ праздникъ, сказалъ ему: „возвращаясь съ праздника, приведи съ собою и брата твоего.“ Маркъ на это возразилъ святому Нифонту то же, что и прежде. Но, приближаясь къ лаврѣ, онъ вдругъ видитъ брата своего у монастырскихъ воротъ. Пораженный пророчествомъ святаго, радостно обнялъ онъ пришедшаго и, по окончаніи лаврскаго праздника, возвратившись вмѣстѣ съ нимъ къ своему старцу, палъ къ но-

гамъ святаго, и просилъ у него прощенія въ своемъ маловѣрїи. Вскорѣ затѣмъ, Маркъ до крайности разболѣлся, и святой, упрекнувъ его за маловѣріе и сомнѣніе въ чудодѣйственной силѣ Божіей, помазалъ его елеемъ отъ неугасимой лампы, и Маркъ восталъ отъ болѣзненнаго одра. „Се здравъ еси; кому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ,“ сказалъ ему при этомъ святой Нифонтъ. Спустя нѣсколько времени послѣ сего, Маркъ сталъ просить у Нифонта позволенія половить рыбы въ морѣ и услышалъ отъ него слѣдующее: „научись прежде уловлять и замѣчать нечистые помыслы, а отъ моря и ловли рыбъ откажись, да не погрузишься въ море искушеній.“ Маркъ не обратилъ вниманія на старческій совѣтъ и, подъ предлогомъ измоченія загрязнившагося платья, спустился къ морю, закинулъ удочку и наслаждался совершеннымъ удовольствіемъ. Преслушаніе не прошло даромъ. Въ то самое время, какъ Маркъ весь былъ погруженъ въ свое занятіе, вдругъ изъ моря выпрыгнулъ и кинулся прямо на него огромной величины звѣрь. Маркъ ужаснулся и, молитвенно призвавъ на помощь своего старца, едва-едва кое-какъ избавился отъ звѣря. Находясь внѣ себя отъ страха и въ то же время держа въ рукахъ пойманную рыбу, онъ прибѣжалъ къ святому; по этому, съ отеческимъ участіемъ сказалъ: „Преслушниче! тотъ, кто преобразился въ змія, на прельщеніе праотцевъ, и нынѣ принялъ видъ морскаго пса, на твою погибель, и только Христось, пришедшій въ міръ для упраздненія вражеской силы, по неисчетной Своей благодати, помогъ тебѣ, въ ожиданіи твоего покаянія. Что же касается до пойманной тобою рыбы, какъ плода преслушанія, я ви подѣ какимъ видомъ не рѣшусь коснуться ея.“ Тронутый старческимъ выговоромъ, Маркъ палъ къ стопамъ его и плакалъ слезами раскаянія. Съ того времени онъ исправился и оказывалъ полное послушаніе святому до

самой своей смерти, которая не замедлила посѣтить его. По смерти Марка, въ услуженіи святому остался племянникъ его Гавріиль.

Еще до шести мѣсяцевъ, преподобный Нифонтъ предвидѣлъ, что святой Максимъ Кавсокаливить уже близокъ къ исходу въ вѣчность, и сказалъ ученикамъ своимъ: „пойдемъ къ святому Максиму, для принятія отъ него послѣдняго благословенія, — потому что болѣе не увидимся съ нимъ въ настоящей жизни.“ И вотъ они пришли. По взаимномъ привѣтствіи другъ друга святой Максимъ сказалъ: „радуйтесь, возлюбленная братія! — это привѣтствіе уже прощальное; съ этой поры мы болѣе не увидимся.“ Какъ предвидѣлъ преподобный Нифонтъ кончину преподобнаго Максима, такъ она и послѣдовала.

По прошествіи многихъ лѣтъ послѣ того, на Святой горѣ опять открылось моровое повѣтріе, и послушникъ Нифонта, Гавріиль, былъ пораженъ смертельно. Тогда у Гавріила живъ былъ еще отецъ его, Досиѳей, который плакалъ по немъ неутѣшно. Святой Нифонтъ утѣшалъ его и говорилъ: „не плачь, братъ, — сынъ твой, ради послушанія моему недостоинству, нынѣ не умретъ.“ Потомъ, обратившись къ востоку, помолился ко всещедрому Богу втайнѣ, — и больной всталъ съ смертнаго одра, слава Бога. Потомъ святой, бесѣдуя съ бывшими при немъ, сказалъ: вотъ братъ нашъ, помощію Божіею, выздоровѣлъ, а я во время Петрова поста долженъ умереть.“

Наконецъ настала постъ святыхъ Апостоловъ. Въ субботу первой недѣли вставши утромъ преподобный помолился, потомъ причастился Божественныхъ Таинъ и наконецъ сказалъ своимъ ученикамъ: „Чада возлюбленные о Господѣ! настало время моего отшествія ко Господу, Котораго, съ юности моей, любилъ я отъ всей души моей.“ Ученики смутились отъ старческихъ словъ. „Не смущаться

и плакать надобно вамъ," сказалъ онъ, замѣтивъ ихъ смущеніе, „а радоваться,—потому что во мнѣ вы будете имѣть молитвенника предъ Богомъ о спасеніи вашемъ, только бы и съ вашей стороны исполняемы были заповѣди Его.“ На другой день, т.-е. въ воскресенье, преподобный приказалъ имъ прежде укрѣпиться пищею, а потомъ выкопать ему могилу и приготовить все нужное для погребенія: „время идти мнѣ," сказалъ, „въ землю отъ неяже и взять быхъ.“ Когда все это было исполнено, онъ всталъ съ одра и долго молился, съ поднятыми къ небу очами и руками; наконецъ, по совершеніи молитвы, благословилъ всѣхъ, у всѣхъ просилъ прощенія, возлегъ на смертный свой одръ и, скрестивши на груди преподобныя свои руки, мирно испустилъ и предалъ духъ свой Богу. Тогда лицо праведника, въ знаменіе небесной его славы и дерзновенія предъ Богомъ, просвѣтилось, какъ солнце. Преподобный Нифонтъ почилъ 14-го дня іюня 1330 года. Всѣхъ лѣтъ его земнаго житія было 96. Много сотворилъ онъ и чудесъ въ теченіе своей жизни, изъ нихъ, кромѣ сказанныхъ, предлагаемъ здѣсь еще слѣдующія.

Духовный и добродѣтельный старецъ Θεодуль пожелалъ однажды видѣться съ преподобнымъ Нифонтомъ, ради душевной пользы: всталъ и пошелъ къ нему. Но дорогою, при одной стремнинѣ, онъ поскользнулся и такъ уязвилъ ногу о камень, что, отъ множества истекшей крови и отъ боли, пришелъ въ крайнее изнеможеніе и ожидалъ смерти. Наконецъ, въ духѣ вѣры, горько возстеналъ онъ предъ Господомъ и сказалъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Если Нифонтъ дѣйствительно имѣетъ дерзновеніе предъ Тобою и благодать, избавь меня, ради его молитвъ, отъ неминуемой смерти и страданій.“ Едва старецъ произнесъ это, — теченіе крови остановилось, болѣзнь совершенно утихла и старецъ, славя Бога и Его угодника, выздоровѣлъ.

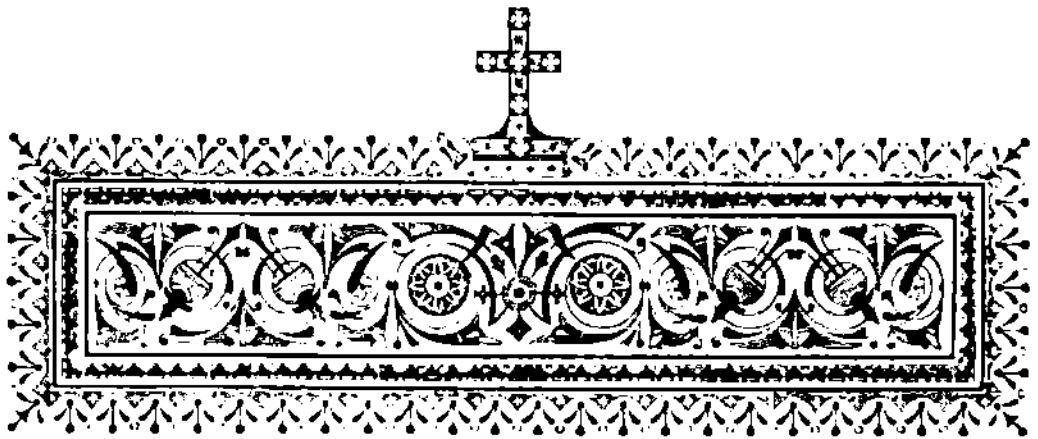
Одинъ изъ иноковъ лавры преподобнаго Аѳанасія, питая чувство любви къ святому, послалъ ему, чрезъ друга своего, сосудъ съ елеемъ. Случилось, что несшій Нифонтъ этотъ даръ споткнулся на пути, упалъ, — и бывшія при немъ другія вещи разбились, а сосудъ съ елеемъ остался цѣль. Когда братъ принесъ и отдалъ преподобному этотъ сосудъ, Нифонтъ съ улыбкою сказалъ: „Видишь, какъ сильна вѣра брата, пославшаго елей. Вѣра его и тебя избавила отъ бѣды, и сосудъ съ елеемъ сохранила въ цѣлости, хотя прочее все и разбилось.“ Прозорливость Нифонта поразила брата, которому онъ рассказалъ все, что случилось съ нимъ на пути, — и братъ прославилъ Бога.

Другой монахъ, страдавшій много лѣтъ головою болью, вмѣсто того, чтобъ искать помощи свыше, обратился къ врачамъ, — истратилъ на нихъ все, что имѣлъ, и не получилъ никакой пользы. Видя такую тщету человѣческихъ пособій, онъ наконецъ пришелъ къ преподобному и, припадая къ ногамъ его, умолялъ его о дарованіи исцѣленія. „Вѣрую, святче,“ говорилъ онъ, „чего ни попросишь ты у Бога, дастся тебѣ.“ — „Напротивъ, братъ,“ отвѣчалъ преподобный: „я—человѣкъ грѣшный, а грѣшнаго Богъ не послушаетъ.“ Между тѣмъ больной, заливаясь слезами, не преставалъ припадать къ стопамъ его и умолять объ исцѣленіи его отъ болѣзни. Тогда блаженный Нифонтъ тронутый страдальческимъ положеніемъ брата, прочелъ молитву надъ головою больнаго, и больной почувствовалъ, что будто шумъ или сильный вихрь вылеталъ изъ головы его. Вслѣдъ затѣмъ онъ исцѣлился и, славя Бога, возвратился въ свое жилище, полный удивленія и признательности къ своему врачу.

Часовой мастеръ священной лавры выгнанъ былъ изъ нея за какую-то погрѣшность. Когда онъ пришелъ къ святому и, жалуясь на несправедное изгнаніе свое изъ лавры,

просилъ позволенія остаться у него въ послушаніи, — свя-
тый отвѣчалъ: „Возвратись въ лавру, припади къ игумену,
сознайся смиренно въ своей винѣ, и ты будешь опять при-
нять. Если не послушаешься моего совѣта, повѣрь, — здѣсь
не вытерпѣть тебѣ тѣсноты пустынной, а что всего важ-
нѣе, ты лишишься части и жребія святыхъ отцевъ обители.
А когда возвратишься, — чрезъ нѣсколько времени возве-
денъ будешь на степень епископа, и потомъ — игумена
лавры. Всего же болѣе, смирайся.“ Затѣмъ Нифонтъ съ
улыбкою продолжалъ: „когда, по волѣ Божіей, сдѣлаешься
игуменомъ, помяни и насъ.“ Братъ поступилъ по совѣту
Божественнаго Нифонта, и дѣйствительно принять былъ
въ лавру; потомъ, чрезъ нѣсколько времени, по пророче-
ству преподобнаго, избранъ епископомъ и наконецъ игу-
меномъ. Признательный за совѣтъ преподобнаго Нифонта,
онъ посылалъ ему все необходимое для келейной жизни.
Богу же нашему, славно прославляющему святыхъ Своихъ,
слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

І Ю Н Я 15.

Память св. Ефрема патриарха сербскаго *).

Елаженный Ефремъ, бывшій третьимъ патриархомъ сербской Церкви, былъ сынъ священника, современнаго кралою Милютину; еще въ молодыхъ лѣтахъ почувствовалъ онъ влеченіе къ иноческой жизни. Родители желали видѣть его женатымъ: но онъ скрылся изъ ихъ дома и, найдя отшельника Василя, сталъ жить у него въ постѣ и молитвѣ, и у него же скоро далъ обѣтъ иночества. Родители, узнавъ о мѣстѣ пребыванія его, хотѣли отнять его у пустынника: но онъ убѣжалъ на Аѳонъ и тамъ скрылся въ одномъ изъ скитовъ. Во время военныхъ тревогъ Ефремъ съ учениками своими перешелъ въ Ибровскій монастырь въ Сербіи; здѣсь былъ онъ и игуменомъ, но недолго. Поклонившись святынямъ патриархіи, онъ поселился въ уединенномъ мѣстѣ вблизи Дечанскаго монастыря и здѣсь жилъ строгимъ отшельникомъ. По смерти царя Душана начались смуты безначалія и потомъ появились разбои. Отшельникъ Ефремъ

*) Филарета архісп. чернигов.: свв. южныхъ славянъ. Даниичъ: Животи кралева и архі-епископа српскихъ. Загребъ. 1866.

избитъ былъ до полусмерти дурными людьми, вынуждавшими подѣлиться съ ними деньгами. Патріархъ Савва, преемникъ св. Іоаннікія перваго патріарха сербскаго, взялъ старца въ патріархію и назначилъ для него пещерную келлію; великій постникъ ожилъ и выздоровѣлъ здѣсь. Благочестивый князь Лазарь отправилъ посольство къ патріарху константинопольскому съ просьбою объ окончаніи споровъ, происходившихъ относительно сербской патріархіи. Миръ съ греческою церковію восстановленъ. Надлежало спокойно избирать новаго патріарха на мѣсто почившаго Саввы. Тогда, къ сожалѣнію, въ Сербіи явилось довольно искателей патріаршей кафедры. Послѣ общей молитвы соборъ сербскихъ архіереевъ въ г. Печи избралъ въ патріарха „преподобнаго отшельника Ефрема“ — старца, украшеннаго не только сѣдинами, но и высокими добродѣтелями. Блаженный Ефремъ, вовсе не ожидавшій такого избранія и приведенный на соборъ для объясненія ему избранія, горько заплакалъ и молилъ уволить его отъ тяжелой для него доли. Соборъ отвѣчалъ: указанный Богомъ имѣеть быть посвященъ. Это было октября 3-го 1375 года, на память св. Діонисія Ареопагита. Вслѣдъ затѣмъ Ефремъ посвященъ былъ въ патріарха и потомъ вѣнчалъ князя Лазаря вѣнцемъ сербскихъ властителей. Не напрасно блаж. Ефремъ такъ плакалъ о томъ, что возлагаютъ на него высокій санъ. Время было тяжелое: столько безпорядковъ завелось въ Церкви при разстройствѣ гражданскаго правленія. Какъ не все областные правители охотно покорялись князю Лазарю: такъ не все архіереи и прочія духовныя лица оказывали повиновеніе патріарху Ефрему, не взирая на его высокую духовную жизнь. Привыкшій къ тихой уединенной жизни, отягощенный нестроеніемъ дѣлъ, св. Ефремъ отказался отъ многозаботливой должности правителя сербской Церкви. Въ 1382 году онъ

посвятилъ на свое мѣсто блаж. Спиридона, а самъ сталъ жить уединенно въ архангельской обители царя Душана. Люди духовной жизни высоко уважали блаженного Ефрема и въ его уединеніи, признавали его наставникомъ и учителемъ опытнымъ и охотно слѣдовали совѣтамъ его.

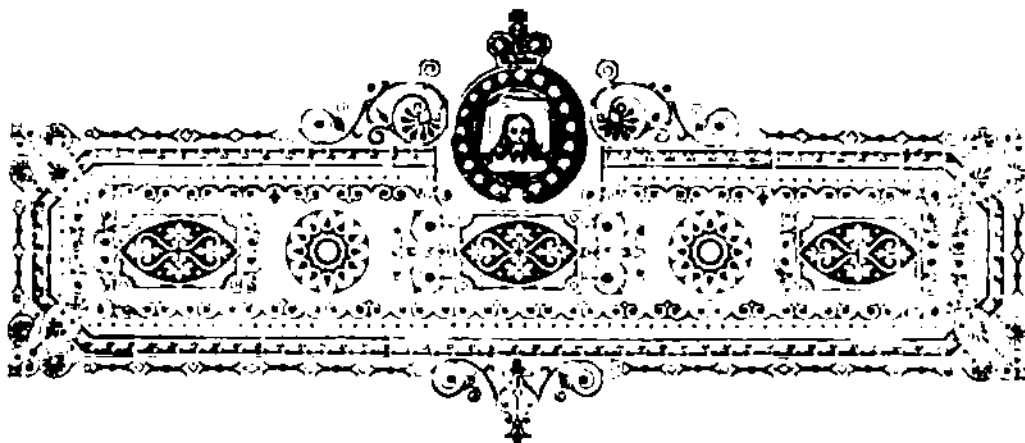
Блаженный Спиридонъ, заботливый о иноческихъ обителяхъ, скончался въ 1388 году почти въ одно время съ блаженнымъ княземъ Лазаремъ, павшимъ на Коссовомъ полѣ.

Такъ какъ по кончинѣ Спиридона и князя Лазаря время было крайне смутное, то упросили блаженного Ефрема снова управлять Церковію до избранія новаго патріарха. Такъ онъ довольное время снова управлялъ сербскою паствою къ утѣшенію лучшихъ людей.

Дивный подвижникъ, кроткій какъ Ангелъ, почилъ 15-го іюня 1400 г., 88 лѣтъ, при преемникѣ патріарха Даніила, Саввѣ. Мощи его почиваютъ въ великой патріаршей церкви *). (Память святителя вторично въ общей службѣ свв. сербскимъ святителямъ и учителямъ—августа 30).

*) Серблякъ л. 153. Въ древнемъ сербскомъ уставѣ: «іюня 5 прѣстависе нже во светыхъ патріархъ 3-й Ефремъ». Гласникъ XI, 194.

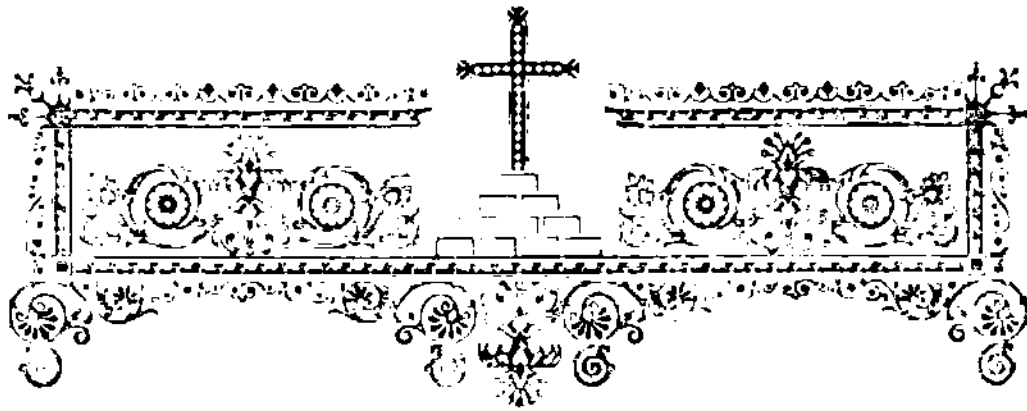

І Ю Н Я 18.

Память преподобнаго
ЛЕОНТІЯ ПРОЗОРЛИВАГО *).

Преподобный отецъ нашъ Леонтій былъ родомъ изъ Аргоса Пелопонесскаго, подвизался на св. Аѳонской горѣ, въ обители святаго Діонисія. Онъ въ теченіе 60-ти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ монастырѣ, однажды только вошелъ въ него, и однажды вышелъ изъ него, т.-е. извезенъ по преставленіи своемъ. За высоту своей жизни сподобился онъ дара прозорливости и пророчества, а по смерти источилъ миро отъ Божественныхъ своихъ моцей, какъ повѣствуетъ Малакса, протоіерей навплійскій. Преподобный Леонтій отшелъ ко Господу въ 1605 году, марта 16 дня, будучи 85 лѣтъ.

*) Изъ 'Ακολουθία τῶν ἁγιωρειτῶν κατέρων.

І Ю Н Я 20.

Память св. Каллиста 1-го, патриарха Константинопольскаго.

Святѣйшій патриархъ Каллисть полагалъ начало своимъ подвигамъ на Аѳонѣ въ находящемся близъ обители Филоѳейской скиту Магула (теперь онъ въ развалинахъ), подъ руководствомъ преподобнаго Григорія Синаита, котораго и жизнь пространно описалъ въ послѣдствіи. Въ этомъ жизнеописаніи (см. 6-го апрѣля) святѣйшій Каллисть приводитъ многіе случаи, гдѣ упоминаетъ о себѣ, какъ ближайшемъ ученикѣ преподобнаго: онъ не только жилъ при немъ на Аѳонѣ, но и сопутствовалъ ему во многихъ его странствіяхъ. Когда же препод. Григорій Синаить, около 1340 года, удалился въ царство болгарское, гдѣ и подвизался близъ Тырнова, то Каллисть остался въ скиту и пользовался великимъ уваженіемъ за свои добродѣтели. Въ скиту онъ прожилъ, какъ самъ говоритъ, цѣлыхъ 28 лѣтъ. Потомъ съ аскетическаго поприща, въ 1350 году, возшелъ, послѣ патриарха Исидора, на вселенскую константинопольскую патриаршескую кафедру, и занималъ оную при Іоаннѣ Кантакузинѣ и Іоаннѣ Палеологѣ. Славенъ

быль святитель своими добродѣтелями и на святительскомъ престолѣ—какъ поборникъ православія и справедливости. Послѣ четырехъ лѣтъ святительствованія, онъ оставилъ кафедру *) и удалился для безмолвія въ обитель св. Маманта. Мѣсто его занялъ Филоеѣй. Когда же Кантакузинъ перемѣнилъ царскую жизнь на иноческую, и царемъ единовластнымъ сдѣлался Іоаннъ Палеологъ, тогда Каллисть, возвратившись изъ Тенедоса, куда удалялся, возшелъ на патриаршескую кафедру во второй разъ въ 1355 году **) и управлялъ Церковію еще восемь лѣтъ. Императоръ, находя необходимымъ сблизиться съ сербами для отпора врагамъ, отправилъ посломъ къ сербской царицѣ Еленѣ (инокиня Елисаветѣ) патриарха Каллиста съ клиромъ ***), черезъ Солунь и Аѳонъ; здѣсь св. Максимъ Кавсокаливить предсказалъ патриарху скорую кончину, говоря: старецъ сей не увидитъ болѣе своей паствы, ибо позади его слышится уже надгробная пѣснь: *блаженни непорочни въ пути*. И дѣйствительно, патриархъ тяжело заболѣлъ въ городѣ Ферахъ ****), гдѣ и скончался. Кантакузинъ въ своей исторіи такъ говоритъ о его погребеніи: „Елисавета великолѣбно похоронила патриарха въ митрополіи Ферской. Когда же изъ аѳонскихъ монастырей, особенно изъ свящ. лавры прибыли къ ней достойнѣйшіе и добродѣтельнѣйшіе мужи и просили тѣло патриарха перенести на Аѳонъ и похоронить у нихъ, то она отказала, говоря, что сама нуждается въ его ходатайствѣ предъ Богомъ“ *****).

Патриархъ Каллисть извѣстенъ и какъ писатель и какъ проповѣдникъ. Изъ написанныхъ имъ житій, извѣстны—

*) Въ 1354 году. Гедешъ. Патриархикоі Писакес. 426.

**) Тамъ же, 426.

***) Въ половинѣ 1363 года. Тамъ же, 429.

****) Феры—древній городъ въ Фессаліи магнасійской, нынѣ называется Велестинъ (Βελεστίνος).

*****) Migne. Patrolog., t. CLIV, 368.

житіе преподобнаго Григорія Синаита *), и „жизнь преподобнаго Θεодосіа терновскаго († 1362 году) **). Помѣщаемыя же въ греческомъ Добротолюбіи 100 главъ въ наставленіе безмолвствующимъ и главы о молитвѣ ***) приписываются или сему блаженному патріарху и подвижнику, или же патріарху Каллисту 2-му († 1397 г.) ****). Немногія изъ его бесѣдъ и словъ извѣстны въ печати; онѣ встрѣчаются только въ рукописяхъ греческихъ и славянскихъ *****).

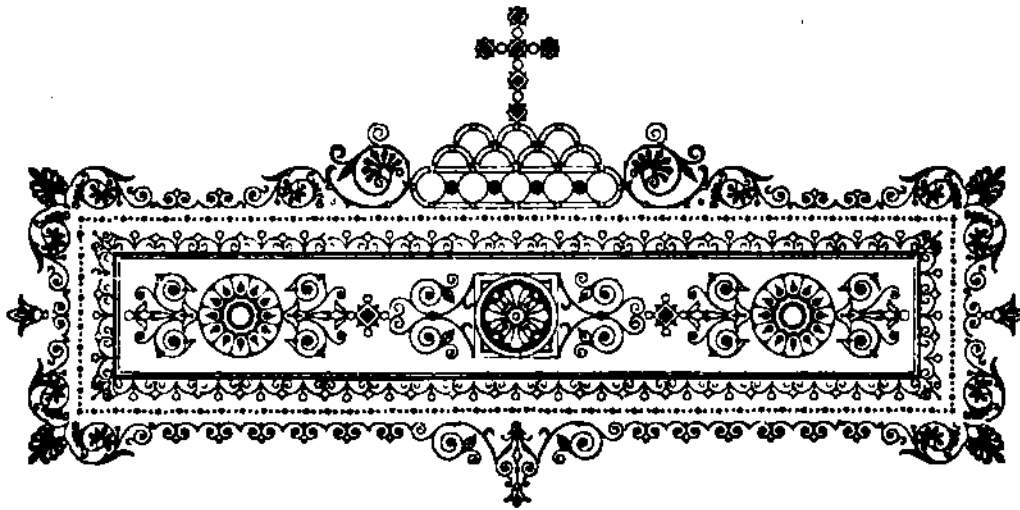
*) Помѣщаемое изданіе, въ пересказѣ, въ книгѣ Νέον Ἐκλόγιον, и только въ 1894 г. изданное въ подлинникѣ Г-номъ Помяловскимъ по рукописи московской синодальной бібліотеки.

**) Въ старомъ славянскомъ переводѣ помѣщено въ I-й книгѣ «Чтеній Общ. Исторіи и древностей» за 1860 годъ.

***) Migne. Patrolog t. CXLVII. Добротолюбіе въ русскомъ переводѣ т. 5., стр. 331—369, 474. М. 1890.

****) См. ноября 22-го.

*****) Въ бібліотекѣ нашей обители хранится греческая рукопись, содержащая 52 слова патріарха Каллиста на разные праздники и противъ Варлаамитовъ. Есть и славянская рукопись, содержащая слова сего свѣтильника, только слова эти по содержанию не сходны ни съ тѣми, которые находятся въ греческ. рукописи, ни съ тѣми, какіе прибавлены въ новомъ изданіи греческаго Добротолюбія (Φλοκαλία, ἐκδ. 2, Ἐρμούπολις. 1894).

І Ю Н Я 25.

**Ж и т і е п р е п о д о б н а г о
Д І О Н И С І Я,**

**к т и т о р а о б и т е л и в ъ ч е с т ь к р е с т и т е л я І о -
а н н а , ч т о н а с в я т о й г о р ѣ А е о н с к о й *).**

Преподобный Діонисій родился близъ горъ Касторійскихъ, въ селеніи Корисонъ. Родители его были незнатнаго рода и, при довольствѣ сельской жизни, вели себя благочестиво. Не смотря на столь обыкновенное свое происхожденіе, благородный Діонисій, при родительской попечительности, получилъ начатки классическаго образованія, и наконецъ, при содѣйствіи благодати Божіей, достигъ до такой степени разсудительности, что, подобно жаждущей животворныхъ водъ лави, восхотѣлъ оставить все чувственное и временное, чтобы пріобрѣсти духовное и вѣчное, и всего себя посвятилъ на служеніе Богу. И Богъ, видя пламенную его къ Нему любовь и желаніе спастись, устроилъ спасеніе его слѣдующимъ образомъ:

У Діонисія былъ старшій братъ, именемъ Θεодосій.

*) Изъ Νεον Παράδεισος.

Какъ братья по плоти, при одинаковыхъ сердечныхъ качествахъ и характерахъ, они въ образѣ жизни держались одинаковыхъ правилъ. Будучи 18-ти лѣтъ отъ роду, Θεодосій захотѣлъ видѣть Константинополь, чтобъ тамъ, между благочестивыми иноками, найти себѣ опытныхъ руководителей на жизненномъ пути и принять отъ нихъ необходимыя въ такомъ случаѣ наставленія. Оставивъ отчизну, родителей и брата своего Діонисія, бывшаго тогда еще дитятею, онъ отправился въ царственный градъ, и прежде всего явился въ патріархію, какъ въ исключительное мѣсто и пристанище иноковъ испытанной жизни, составляющихъ цвѣтъ и красоту Церкви. Испросивъ позволеніе поселиться тамъ, онъ сколько, съ одной стороны, усвоялъ себѣ начатки подвижнической жизни, столько, съ другой, и обучался всему, что необходимо знать, въ отношеніи вѣшняго образованія. При отличныхъ способностяхъ, Θεодосій въ удовлетворительной степени изучилъ Священное Писаніе и догматы вѣры, — вслѣдствіе чего и сдѣлался предметомъ всеобщаго уваженія и любви, тѣмъ болѣе, что былъ нрава кроткаго, въ обхожденіи и бесѣдахъ со всѣми ласковъ, въ жизни подвижнической удивителенъ, и сверхъ того самый видъ его былъ увлекателенъ и благороденъ. Такія свойства души Θεодосія не могли утаиться и отъ самого патріарха. Услышавъ о добродѣтельной жизни его, онъ обратилъ на него особенное вниманіе и рукоположилъ его сначала въ діакона, а потомъ, какъ сильнаго въ словѣ и дивнаго въ знаніи Священнаго Писанія, и во священника.

По принятіи священства, Θεодосій велъ жизнь гораздо строже и возвышеннѣе прежняго, а это самое и было впоследствии виною сердечнаго влеченія его къ пустынной тишинѣ и безмолвію, такъ какъ обращеніе съ міромъ, невольныя отношенія къ нему и дружескія связи не только не представляютъ средствъ къ развитію душевныхъ силъ,

но часто подавляютъ чувство долга и священныхъ обязанностей къ Богу. Въ такомъ стремленіи духа къ уединенію, мысль Θεодосія останавливалась на святой Аѳонской горѣ, куда и удалился онъ изъ Константинополя. По прибытіи сюда, посѣтивъ монастыри и нѣкоторыя изъ келлій, онъ вступилъ въ число братства обители Филоѳеевской. Здѣшніе братія, соотвѣтствуя во всѣхъ отношеніяхъ названію обители, — боголюбивые (φιλόθεοι), — сначала служили для Θεодосія образцомъ подражанія и соревнованія въ подвижнической жизни; а потомъ онъ превзошелъ всѣхъ, и самъ сдѣлался для другихъ примѣромъ и украшеніемъ своего боголюбиваго братства. Между тѣмъ какъ Θεодосій такимъ образомъ преуспѣвалъ въ подвигахъ иноческой жизни, скончался игумень Филоѳеевской обители: вся братія на его мѣсто просила Θεодосія, какъ опытнаго и достойнаго быть вождемъ духовнаго стада. Истинный послушникъ, помня священные свои обѣты, сложенные предъ алтаремъ въ присутствіи братій, которымъ предалъ себя въ безусловное повиновеніе, Θεодосій принялъ жезлъ настоятельскаго правленія и, при содѣйствіи благодати, такъ мудро руководилъ всѣхъ и cadaго порознь по стезямъ иноческаго житія, что славою имени его наполнилась Святая гора, и многіе стали приходить къ нему для душевной пользы.

Теперь скажемъ и о приходѣ брата его, Діонисія, на Аѳонскую гору, и то, какимъ образомъ онъ сдѣлался ктиторомъ чуднаго монастыря Предтечи, а потомъ уже договоримъ остальное и о мудромъ Θεодосіи.

По отбытіи Θεодосія въ Константинополь, малолѣтній Діонисій мало-по-малу мужалъ и, слѣдуя тайному влеченію мысли, особенно при извѣстіяхъ о братѣ Θεодосіи, проходившемъ со славою иноческую жизнь, пламенно желалъ посвятить себя также на служеніе Господу Богу. Слыша, что братъ его—на святой горѣ Аѳонской, и что тамъ на-

ходится много старцевъ высокой жизни, рѣшился онъ отправиться туда же. Но когда узналъ тамошнее положеніе, — не принимать въ монастыри слишкомъ юныхъ, и что за нарушеніе этого наказываются строго, по завѣту древнихъ отцевъ, рѣшился отложить свое намѣреніе до совершенныхъ лѣтъ, хотя это было слишкомъ тяжело его сердцу. Наконецъ кончивъ такой искусь терпѣнія, онъ, какъ орелъ, понесся на Святую гору, и, какъ жаждущая лань, устремился къ прохладѣ живительныхъ водъ: притомъ ему сильно хотѣлось не только пустынныхъ подвиговъ, но и свиданія съ братомъ, о которомъ уже зналъ, что онъ игуменствуетъ въ Филоѳеевской обители. Трудно выразить радость братскаго свиданія! Вся обитель была тронута, и все братство радовалось прибытію Діонисія, который, съ своей стороны, всматриваясь въ образъ жизни иноческой и видя взаимность общенія мира и любви въ братіи, восклицалъ съ Давидомъ: *се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ!* (Псал. 132, 1). Черезъ нѣсколько дней, игумень постригъ Діонисія, и онъ благодарилъ и прославлялъ Господа, совершившаго съ нимъ то, чего желалъ онъ отъ всего сердца. Подъ мудрымъ руководствомъ брата своего Θεодосія, началъ онъ преуспѣвать въ подвигахъ, подражая, по своимъ силамъ, благочестивымъ старцамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Θεодосій сталъ занимать Діонисія особенно чтеніемъ Священнаго Писанія и изученіемъ Божественныхъ догматовъ Церкви, и наконецъ, какъ свидѣтельствованнаго въ чистотѣ жизни, сдѣлалъ его сначала экклисіархомъ, — каковое послушаніе исполнялъ онъ весьма прилежно, — а потомъ, чрезъ эрискаго епископа, рукоположилъ его въ діакона, по достиженіи же 30-ти лѣтъ, и въ пресвитера. Тогда-то особенно Діонисій по мѣрѣ духовнаго своего возвышенія, началъ возвышаться чистотою мысли и сердца, смирялъ себя предъ Богомъ, въ чувствѣ недостойнства тѣхъ щедротъ благодати,

которыя удивилъ Онъ на немъ. — такъ что, по словамъ святаго Апостола Павла, *забывая задняя, въ предняя же простираясь* (Филип. 3, 13), при помощи Божіей, восходилъ отъ силы въ силу и царственно низлагалъ и сокрушалъ главу невидимаго врага — князя тьмы вѣка сего. Такимъ образомъ, эти два брата, среди отцевъ обители, просіяли, какъ двѣ яркія звѣзды, и славился ихъ ради Богъ, прославляющій славящихъ Его. Но Божественный Діонисій, въ преизбыткѣ сердечной любви къ Богу, стремясь къ болѣе высшимъ подвигамъ поста, молитвы и совершенной нестяжательности, какъ одинъ изъ древнихъ богоносныхъ отцевъ, чувствовалъ, что среди множества братій, съ коими нужно, по необходимости, имѣть общеніе, а иногда и непріязненныя столкновенія, трудно себя вести такъ, какъ бы желалъ. Вслѣдствіе сего и вознамѣрился онъ погрузиться въ глубокую пустыню, гдѣ бы, при совершенномъ безмолвіи и невозмутимой тишинѣ, можно было, безъ развлеченія, заниматься умною молитвою и бесѣдовать только съ однимъ возлюбленнымъ Спасителемъ и Богомъ. Впрочемъ, чтобъ и въ этомъ отношеніи не увлечься своеволіемъ, онъ обратился къ опытнымъ старцамъ, открылъ имъ свою мысль и требовалъ на нее совѣта. Получивъ же отъ нихъ благословеніе на такой подвигъ, онъ вышелъ изъ обители тайно, чтобы не останавливали его, и, поднявшись почти на самый верхъ малаго Аѳона, нашель, въ южной части его, пещеру и близъ ней источникъ прекрасной воды, такъ что все способствовало ему тамъ къ безмолвной жизни. Обрадованный этимъ, Діонисій благодарилъ Господа, и остался тамъ, не имѣя даже существенныхъ потребностей жизни, — хлѣба, и иной одежды, кромѣ той, которую носилъ, — и то изорванной. Какъ истинный подражатель безстрастной ангельской жизни, блаженный не обращалъ вниманія ни на немощь природы, ни на ея требо-

ванія, но, ставши выше всего чувственнаго, питался чтеніемъ Священнаго Писанія и молитвою, и оправдывалъ на себѣ сказанное Господомъ: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ* (Матѣ. 4, 4). Пищею же для плоти служили ему каштаны и дикія травы, а когда приходило желаніе вкусить хлѣба, онъ спускался для того или къ какой-нибудь келліи, или являлся въ монастырь, и потомъ опять погружался въ пустынную свою пещеру. Такъ протекло три года. Постоянно очищая молитвою и постомъ чувства душевныя и тѣлесныя, Діонисій наконецъ достигъ совершенства. Тогда, наставляемый Богомъ, явился къ нему одинъ изъ опытныхъ и благочестивыхъ подвижниковъ Святой горы и просилъ благословенія поселиться возлѣ его пещеры. Съ большимъ трудомъ упросилъ онъ строгаго въ этомъ отношеніи Діонисія. За симъ вскорѣ пришелъ другой братъ,—и оба они, построивъ себѣ каливы, подчинили себя Діонисію, съ безусловнымъ, съ своей стороны, послушаніемъ старческой его волѣ. Но какъ градъ не можетъ укрыться, стоя верху горы,—такъ и подвиги Діонисія огласились всюду, и славою его имени наполнилась Святая гора. Слѣдствіемъ сего было то, что многіе, приходя къ нему для наставленія и совѣтовъ, изъявляли желаніе остаться подъ старческимъ его водительствою и управленіемъ. Діонисій сначала не соглашался на это, но когда тѣ настоятельно просили и умоляли его, онъ отвѣчалъ имъ: „Братія возлюбленные! я уклоняю васъ отъ себя, и уклоняюсь отъ васъ не по чему-нибудь другому, а единственно потому, что мѣсто здѣшнее дико и строго. Если же непременно хотите быть при мнѣ, то поднимитесь на гору выше, и тамъ найдете мѣсто удобное: понравится,—живите, а я даю слово навѣщать васъ и, по силамъ моимъ, помогать вамъ, въ сердечныхъ вашихъ нуждахъ.“ Согласившись на это, они построили, въ сѣверной части горы, келліи, съ церковію во

имя крестителя Іоанна, которая называется и нынѣ древнимъ Предтечею. Такимъ образомъ вокругъ преподобнаго Діонисія составилось избранное общество пустынной братіи, и онъ являлся къ нимъ по субботамъ, для литургіи, при совершеніи которой, приобщая ихъ святыхъ Таинъ, оставался съ ними въ теченіе двухъ дней, для назиданія и утѣшенія ихъ, а вечеромъ въ воскресенье, взявъ у нихъ себѣ хлѣба и пустынныхъ растеній, уходилъ въ свою пещеру. Но такъ какъ на горѣ, въ теченіе зимы, особенно въ сѣверной части, слишкомъ холодно, и братія много страдали отъ холода, то, съ благословенія старца, они спустились внизъ, на западную сторону, и, построивъ себѣ каливы, развели тамъ виноградники, а между прочимъ построили себѣ небольшое судно, потому что, при умноженіи братства, стали имѣть нужду въ жизненномъ продовольствіи и въ общеніи съ другими мѣстами Святой горы. Если случалось имъ выгружать пшеницу, или другія какія-либо вещи, святой, какъ образецъ трудолюбія, самъ участвовалъ съ братіями въ послупаніяхъ,—тѣмъ болѣе, что отъ природы былъ силенъ и могучъ. Онъ говорилъ при этомъ, что начальствующій долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ примѣромъ для братіи. Часто преподобный проводилъ ночи въ набережной каливѣ, и тогда какъ братія, по обыкновенію, вставали въ полночь, для отправленія утрени на открытомъ воздухѣ, не имѣя на то храма, и онъ также, въ теченіе всей службы, стоялъ безъ развлеченія, какъ неподвижный столпъ, возносясь мыслию и сердцемъ къ Богу.

Однажды, во время утрени, Діонисій, на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии, по Божіей волѣ, устроенъ монастырь, вдругъ увидѣлъ дивный свѣтильникъ, ярко горѣвшій до самаго разсвѣта. Сначала, полагая, что это дѣйствіе неприявленной силы, святой никому не рассказывалъ о своемъ видѣніи, но такъ какъ оно продолжало повторяться многія

ночи сряду, то онъ передалъ о немъ одному прозорливому и богодухновенному старцу, — іеромонаху Дометію, жившему при храмѣ Пресвятыя Богородицы. Чтобъ повѣрить видѣніе, мудрый Дометій пошелъ самъ къ святому Діонисію: видѣніе трижды повторилось въ присутствіи Дометія. Убѣжденные, такимъ образомъ, въ дѣйствительности Божественнаго чуда, они открыли объ ономъ всѣмъ братіямъ. Всѣ собрались къ камню, гдѣ являлся необычайный свѣтъ, освидѣтельствовали, нѣтъ ли тутъ какого-нибудь свѣтящаго тѣла, подѣ влияніемъ физическаго дѣйствія, и, когда ничего не открыли, Дометій пророчески изрекъ Божественному Діонисію: „Богу угодно, чтобы здѣсь построена была святая обитель, куда соберутся иноки и прославится въ нихъ Богъ; поэтому не медли начать оную, не заботясь о потребностяхъ вещественныхъ; всемогущій Богъ пошлетъ тебѣ все нужное, и я, съ своей стороны, буду содѣйствовать, чѣмъ могу.“ То же сказали и братія общаясь помогать своему старцу въ устроеніи обители. Такимъ образомъ, помолившись, очистили они мѣсто и прежде всего постарались воздвигнуть башню, чтобъ оградить себя и— въ послѣдствіи обитель—отъ морскихъ разбойниковъ. Что же касается до продовольствія и денегъ, необходимыхъ въ подобномъ случаѣ на многосложныя нужды и расходы, — то слава имени Діонисія и высокая жизнь его влекли къ нему, не только отъ мѣстъ Святой горы, но и изъ отдаленнаго міра, людей, жаждущихъ его слова, утѣшеній и старческихъ совѣтовъ, — и эти-то духовныя чада его щедрою рукою сыпали ему деньги и все необходимое для возникающей его обители. Между тѣмъ какъ Діонисій трудился надъ основаніемъ своей обители, братъ его Θεодосій, игуменъ филоѳеевскій, однажды, предъ праздникомъ Благовѣщенія, вышелъ съ другими братіями ловить рыбу. Во время ловли, ночью напали на нихъ разбойники и, схвативши въ плѣнъ,

отвезли въ Бруссу, гдѣ продали (въ неволю) тамошнимъ христіанамъ, которые, купивъ ихъ, даровали имъ полную свободу, представляя имъ идти, кто куда хочетъ. Тогда какъ иные возвращались на Святую гору, Божественный Θεодосій, по Божію устроенію, прибылъ въ Константинополь. Патріархъ и прочіе, знавшіе его прежде, весьма обрадовались его прибытію,—тѣмъ болѣе, что одна изъ византійскихъ обителей не имѣла игумена. Впрочемъ, Θεодосій оставался тамъ недолго. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ прибылъ онъ въ Константинополь, въ Трапезунтѣ скончался митрополитъ. На ту пору, въ этомъ городѣ находился императоръ Алексѣй Комнинъ, повелѣніемъ коего было предписано патріарху избрать на осиротѣвшую кафедру трапезунтской Церкви достойнаго понести жезлъ и бремя іерархическаго служенія. Жребій сего высокаго служенія, волею Божіею и избраніемъ какъ патріарха, такъ и клира его, палъ на смиреннаго Θεодосія, который, кромѣ чистоты сердечной и святости жизни, и въ другихъ отношеніяхъ.—какъ-то, въ отношеніи внѣшняго вида,—былъ привлекателенъ, украшался патріархальною бородою до самыхъ чреслъ, и притомъ славился силою и сладостію слова и привѣтливостію въ обхожденіи. Но что всего важнѣе,—онъ имѣлъ обширныя и глубокія свѣдѣнія о Церкви, въ догматическомъ и каноническомъ отношеніяхъ. Итакъ, не внимая извиненіямъ Θεодосія, отрицавшагося отъ столь высокаго званія, подъ предлогомъ собственнаго недостойнства и трудности церковнаго правленія, патріархъ рукоположилъ его и возвелъ на степень митрополита. Такимъ образомъ, Θεодосій долженъ былъ отправиться по назначенію, — къ своей паствѣ, въ Трапезунтѣ, гдѣ и былъ принятъ торжественно и съ радостію императоромъ и всею Церковію. Услышавъ объ этомъ, радовался и Божественный Діонисій, что братъ его возведенъ на степень митрополита, славя Бога, такъ

дивно и вопреки нашимъ предначертаніямъ и волѣ располагающаго судьбами нашей жизни. Зная также, по слухамъ, что Θεодосій пользуется особенною внимательностію и расположеніемъ императора, Діонисій впоследствии предпринималъ путешествіе въ Трапезунтъ, къ брату, чрезъ ходатайство котораго ожидалъ для своей, только что возникавшей, обители царственныхъ пособій и обезпеченія. Впрочемъ, не полагаясь въ этомъ случаѣ на свое собственное сужденіе, онъ обратился къ преподобному Дометію и требовалъ отъ него совѣта на свое предложеніе. Дометій, съ своей стороны, благословилъ его намѣреніе, — и Діонисій, въ соупутствіи учениковъ своихъ, отправился въ Трапезунтъ. Свиданіе братьевъ было трогательно. Діонисій разсказалъ Θεодосію о начавшемся строеніи обители, объяснилъ ему побужденія къ столь важному дѣлу, и наконецъ просилъ братскихъ его пособій, а особенно — ходатайства его предъ императоромъ. Θεодосій съ участіемъ выслушалъ его и представилъ объ этомъ лично государю. Послѣ милостивыхъ разспросовъ со стороны императора о положеніи Святой горы, Діонисій, ободренный внимательностію его и снисхожденіемъ, рѣшился изложить предъ нимъ собственные свои нужды, и наконецъ предложилъ ему быть ктиторомъ возникающей его обители, въ подражаніе державнымъ его предкамъ, основавшимъ на Святой горѣ обители, — чрезъ что и хранится память ихъ и переходитъ изъ рода въ родъ, и изъ вѣка въ вѣкъ, съ молитвою о спасеніи душъ ихъ. Императоръ, тронутый слезами старца, съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе и, обезпечивши обитель изъ царскихъ своихъ сокровищъ, данною ей грамотою, обязалъ и преемниковъ своего престола имѣть о ней попеченіе. И притомъ, кромѣ отпущенныхъ суммъ Діонисію, императоръ, тою же грамотою *), предписалъ вы-

*) Хрисовулы, данныя императоромъ Алексѣемъ Комниномъ обители Діонисіевской, хранятся въ архивѣ обители.

давать монастырю ежегодно по тысячѣ серебряныхъ монетъ изъ царскихъ сокровищъ, — что и было исполняемо долгое время. Такимъ образомъ, Діонисій, пробывъ нѣсколько времени у брата своего и обласканный императоромъ, весело отправился отъ нихъ, прославляя Промыслъ Божій, такъ дивно устроившій дѣла его. Но, находясь въ Черномъ морѣ, вдругъ и онъ и прочіе замѣтили нѣсколько турецкихъ суденъ, несшихся къ нимъ на встрѣчу. При видѣ варваровъ, на всѣхъ напалъ страхъ; но Діонисій, твердо уповая на Бога, сказалъ спутникамъ: „не бойтесь ничего: — подождите немного, и вы увидите силу Божию; — возложимъ всю надежду на Господа, и Онъ отклонитъ отъ насъ опасность.“ Между тѣмъ варвары, приближаясь къ нимъ, стали стрѣлять. Тогда преподобный, воздѣвъ длани свои къ небу, со слезами помолился такъ: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, прославляемый присно со Отцемъ и Духомъ! услыши меня, недостойнаго раба Твоего, и ради предстательства Пречистыя Твоея Матери и Предтечи и Крестителя Твоего, избавь насъ отъ враговъ нашихъ.“ Во время молитвы (сколь велико дерзновеніе преподобнаго предъ Богомъ!), вдругъ предсталъ великій Предтеча, съ жезломъ въ правой рукѣ, и успокоилъ всѣхъ бывшихъ съ Діонисіемъ; варварамъ же грозилъ смертію, если они осмѣлятся приблизиться и не уйдутъ назадъ. И угрозы Предтечи сопровождались дѣйствительною казнію варварамъ: руки у нихъ внезапно потеряли силу и оцѣпѣли. Видя столь славное чудо и скорую помощь свыше, всѣ, находившіеся съ преподобнымъ, благодарили Господа, — вопія: „слава Тебѣ, всемогущій Царю, чрезъ Крестителя и Предтечу Своего избавившему насъ отъ смертной опасности!“ Спасенные такимъ образомъ, Діонисій и ученики его благополучно прибыли къ Святой горѣ, въ свою обитель. Когда братія узнали, какъ Господь помогъ имъ, всѣ ра-

достно прославили Божественный Его Промысль. А Дометій замѣтилъ при этомъ преподобному, что всякому благому дѣлу нужно только начало, равно какъ и основанію обители; въ остальномъ же — Господь помощникъ. „Итакъ, начинай теперь строеніе съ усердіемъ,“ продолжалъ онъ. Тогда преподобный приступилъ къ зданію обители и воздвигъ, въ честь святаго Предтечи, великолѣпный храмъ, устроилъ водопроводы и все, что входитъ въ составъ монастырскихъ зданій. Такимъ образомъ возникла обитель Предтечи Господня, въ 6888 году отъ сотворенія міра или въ 1380 году отъ Рождества Христова.

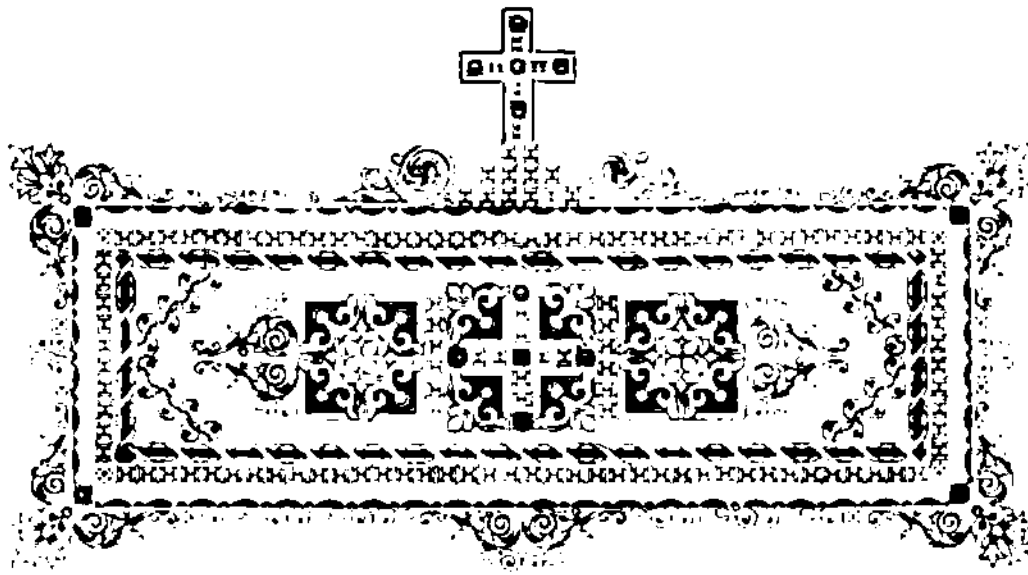
Впрочемъ, отпущенными изъ царскихъ сокровищъ суммами зданія обители исправлены не во всѣхъ отношеніяхъ: святой Діонисій, съ своей стороны, считалъ необходимою потребностію стѣнную живопись въ соборномъ храмѣ, что и вызвало его снова въ Трапезунтъ, для личныхъ объясненій съ императоромъ объ остальныхъ нуждахъ священной его обители. Императоръ, какъ и прежде, благосклонно выслушалъ уважительныя просьбы старца и исполнилъ ихъ съ сердечною радостію и удовольствіемъ. Но, тогда какъ, радуясь о новыхъ пособіяхъ своей обители, преподобный славилъ Бога и весело спѣшилъ къ своему братству, всегдашній врагъ человѣческаго спасенія, завистливый сатана, попущеніемъ Божиимъ, готовилъ жестокой и чувствительный ударъ для его сердца. По прибытіи къ Святой горѣ, святой никого не нашелъ въ монастырѣ, потому что набѣжали туда турки и взяли всѣхъ братій въ плѣнъ, забравъ съ ними и церковныя драгоценности. Увидѣвъ это, онъ предался великой скорби и плачу; но ни одного оскорбительнаго и ропотнаго слова не произнесъ на Господа, зная, что это наведено на него отъ ненавистника добра — діавола. Черезъ нѣсколько времени, какъ истинный пастырь расхищеннаго стада, сердечно сокрушаясь о страдальческомъ

его положеніи въ плѣну невѣрныхъ, онъ всѣхъ своихъ пасомыхъ выкупилъ, и они снова собрались воедино. Но такой чадолюбивый подвигъ дорого стоилъ Діонисію: истративъ давныя отъ царскихъ щедротъ суммы на искупленіе чадъ своихъ и на окончательное устройство обители, онъ остался попрежнему безъ средствъ, какъ въ отношеніи жизненныхъ продовольствій, такъ касательно и прочихъ церковныхъ нуждъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, снова обратился онъ къ божественному Дометію и требовалъ его совѣта, — что дѣлать въ такой крайности: идти ли опять къ императору, или оставить дѣло на произволь неисповѣдимыхъ судебъ Божіихъ. Когда же Дометій положительно изрекъ, чтобъ отправиться еще разъ къ императору, Діонисій, не смотря на множество путевыхъ неприятностей и трудовъ, принялъ совѣтъ его съ безусловною покорностію и, оставляя монастырь, поручилъ его старческому надзору и попечительности Дометія. „Тебѣ, отецъ мой,“ сказалъ онъ прощальнымъ голосомъ, „по Господѣ Богѣ и послѣ великаго Предтечи, — тебѣ поручаю обитель сію: предчувствую, что мнѣ не видѣть ни ея, ни тебя, отецъ мой!“ „Да,“ отвѣчалъ вдохновенный старецъ: „мы уже не узримъ другъ друга на землѣ; за то тамъ, — въ небесахъ, — предъ лицемъ Божіимъ, блаженствуя безконечно, не разстанемся во вѣки.“ — Такъ и сбылось.

По прибытіи въ Трапезунтъ, преподобный разсказалъ брату своему, а потомъ, представленный къ императору, передалъ и ему о случившемся несчастіи, и смиренно испрашивалъ царственныхъ пособій для своей обители. Императоръ съ участіемъ выслушалъ старца и утѣшилъ его надеждою на возможную помощь съ царской его стороны. Но святой Діонисій не дожидъ до того дня, когда императоръ предположилъ исполнить свое слово; потому что, чрезъ нѣсколько послѣ сего дней, наступилъ преподобному

послѣдній день жизни на землѣ. Призвавъ брата своего и попросивъ императора, онъ поручилъ заботливости ихъ обитель свою, и при нихъ же, обратившись съ молитвою о нихъ къ Богу, тихо испустилъ послѣдній вздохъ жизни, — отошелъ ко Господу, на 72-мъ году отъ роду. Это было 25-го іюня. Братъ его, митрополитъ трапезунтскій, торжественно отдалъ послѣдній долгъ преподобному, съ должною честію и благоговѣніемъ совершилъ погребеніе тѣла его, отъ коего впоследствии истекло множество чудесъ — для призывавшихъ молитвенно преподобнаго въ помощь себѣ. Между тѣмъ братія, сопутствовавшіе преподобному, были облагодѣтельствованы богатою милостынею, какъ отъ императора, такъ и отъ митрополита, и потомъ отправились на Аѳонскую гору. Когда вѣсть о кончинѣ преподобнаго была передана ими монастырю, — всѣ рыдали о лишеніи такого отца *). А святой Дометій, утѣшавшій ихъ поначалу, хотѣлъ было уйти отъ нихъ на безмолвіе; но все братство, со слезами, пало къ ногамъ его и просило не оставлять ихъ совершенными сиротами, но заступитъ мѣсто преподобнаго Діонисія. Послушливый Дометій тронулся слезами ихъ, и не хотя принялъ на себя правленіе обители — до тѣхъ поръ, пока не отошелъ ко Господу, въ глубокой старости. Богу нашему слава во вѣки. Аминь.

*) Препод. Діонисію въ монастырѣ его есть особая служба.

ЮНЯ ТОГО-ЖЕ ДНЯ.

Память преподобнаго
ДОМЕТІЯ,

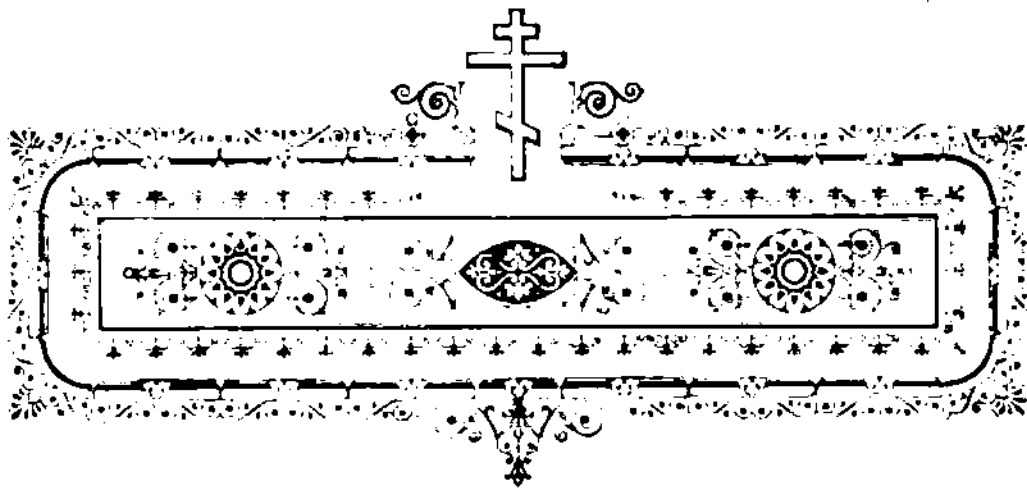
игумена діонисіатскаго *).

Духоносный и богоносный отецъ нашъ Дометій былъ сподвижникомъ и другомъ святаго Діонисія, ктитора обители честнаго Предтечи, а послѣ кончины его, пастыремъ и игуменомъ сей обители.

(Смотри житіе препод. Діонисія, іюня 25).

*) Изъ 'Ακολουθία τῶν ἀγιορειτῶν πατέρων.

ЮНЯ ТОГО-ЖЕ ДНЯ.

**Страданіе святаго преподобномученика
ПРОКОПІЯ *).**

Родина святаго преподобномученика Прокопія была мѣстность близъ Варны. Родители его были благочестивые христіане. По достиженіи двадцатилѣтняго возраста, у него явилось желаніе посвятить себя иноческому житію, а потому, оставивъ родителей и сродниковъ, онъ удалился на святую Аѳонскую гору.

Прибывъ на Святую гору, онъ сначала не опредѣлялся ни въ одинъ монастырь, а жилъ какъ странникъ, переходя изъ одного мѣста въ другое по всей Аѳонской горѣ, присматривался къ различнымъ родамъ иноческой жизни и, наконецъ избравши самую суровую отшельническую жизнь, подчинилъ себя подъ руководство старцу Предтеченскаго скита Діонисію.

Проводя строгую отшельническую жизнь, онъ, для утвержденія себя еще въ болѣе высокихъ подвигахъ, пожелалъ принять ангельскій образъ, въ чемъ старецъ не только не возбранилъ ему, но даже самъ постригъ его въ монашество.

*) Изъ Νέον Λεζμονάριον.

По принятіи ангельскаго образа, Прокопій еще болѣе началъ подвизаться въ постѣ, бдѣніи и молитвѣ; кромѣ того имѣлъ совершенное послушаніе и великое терпѣніе въ подъятіи трудовъ отшельнической жизни и, какъ бы вѣнцемъ всѣхъ его подвиговъ, украшался кроткимъ и незлобивымъ нравомъ, приводивши всѣхъ отцевъ въ удивленіе своею добротою и простосердечіемъ. Но однако и врагъ нашего спасенія діаволь, видя Прокопія, преуспѣвающаго въ добродѣтеляхъ, и самъ не дремалъ, но зорко слѣдилъ за подвижникомъ, изыскивая лишь удобное время неожиданно напасть на него, раграбить душевное сокровище и, нанеши сердцу смертельный ударъ, ждаты окончательнаго паденія.

Всезлобный врагъ началъ свой лукавый приступъ съ того, что каждодневно сталъ навѣвать въ его душу помыслы уйти въ міръ. Брань, воздвигнутая душегубцемъ, день ото дня становилась сильнѣе и, наконецъ, возобладавшая чувствами Прокопія, съ ожесточеніемъ обратилась въ бурю, вырвавши несчастнаго съ корнемъ добрыхъ начинаній изъ вертограда Христова и сообщества труждающихся въ немъ дѣлателей. Противъ вражеской бури, Прокопій не устоялъ, а потому рѣшился оставить Святую гору и уйти въ міръ, что онъ и сдѣлалъ, и никому не сказавшись, отправился въ Смирну.

Какъ только Прокопій высадился на берегъ, не дремлющій діаволь, уже овладѣвшій его сердцемъ и умомъ, началъ смущать и приводить Прокопія въ отчаяніе, подсаживая: такъ какъ онъ безъ всякой причины оставилъ Святую гору и подвиги, въ которыхъ не захотѣлъ пребывать долѣе, не терпя иноческихъ трудовъ, и возвратился опять въ міръ, то непременно долженъ подвергнуться мученіямъ.

Смущеніе, овладѣвшее его душею, сдѣлалось еще сильнѣе, когда онъ вспомнилъ, что своимъ удаленіемъ изъ

Аѳонской горы, причинилъ плачь добродѣтельнымъ мужамъ, и что все отцы Предтеченскаго скита считаютъ его какъ бы уже умершимъ для добродѣтельной жизни, такъ какъ онъ ушелъ изъ Святой горы подобно татю, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись и ни у кого не взявши благословенія, не находя оное нужнымъ. Такъ точно и здѣсь, онъ не хотѣлъ, или, быть можетъ, врагъ не допускалъ его открыть свои помыслы духовнику, и въ этомъ случаѣ поступить по его совѣту *).

Несчастный, погубивши свѣтильникъ, просвѣщающій его сердце, промѣнялъ оный на мрачную и безлунную ночь, въ которую грабители и вовлекли его въ бездну погибели. Считая уже себя потеряннымъ, жалкій Прокопій рѣшился на весьма отчаянный и ужасный шагъ: оставить христіанскую и принять мусульманскую вѣру.

Воображая положеніе несчастнаго Прокопія, душа всякаго христіанина должна содрогнуться, видя, какъ бывший подвижникъ Христовъ вдругъ сдѣлался отступникомъ; причина этому безсовѣтіе и скрытность, которыя и довели его до глубокаго паденія. Конечно, при этомъ душа его страдала и боролась до тѣхъ поръ, пока адская сила не взяла верхъ и, взнуздавъ несчастнаго, не повлекла къ погибели.

Такъ, въ одинъ день, онъ въ намѣреніи положить конецъ всемъ своимъ страданіямъ, пошелъ къ городскому судѣ заявить свое отверженіе отъ Христа, гдѣ предварительно былъ остановленъ сторожами, которые спросили его:

— Зачѣмъ тебѣ понадобился судья, жалобу ли какую хочешь подать ему, или принять мусульманскую вѣру.

— Принять мусульманскую вѣру, робко отвѣтилъ Прокопій. Сторожа тотчасъ ввели его къ судѣ, заявивъ, что Прокопій желаетъ увѣровать въ Магомета. Тогда судья ласково обратился къ отверженному:

*) Нѣчто подобное смотри въ Четьи-минея святаго Дмитрія Ростовскаго, марта 26 дня, о презрѣніи старческаго благословенія преподобнымъ Малхомъ.

— Дѣйствительно ли ты хочешь принять нашу вѣру?

— Да, дѣйствительно, отвѣчалъ несчастный, забывъ давныя имъ при постриженіи обѣты, обѣщаніе вѣчныхъ благъ и угрозы вѣчныхъ мукъ.

Видя согласіе, судья приказалъ Прокопію произнести нѣкоторыя хульныя слова, а чрезъ 15 дней было совершено надъ нимъ и обрѣзаніе. Но дивны судьбы Твои, Боже! Лишь только отступника обрѣзали, мысль его вдругъ перемѣнилась, совѣсть заговорила, обличая его въ вѣроломномъ отреченіи отъ Іисуса Христа, и онъ, какъ бы отъ бывшаго опьяненія, пришелъ въ полное сознаніе и сейчасъ же рѣшился искать помощи въ своемъ заблужденіи.

Выбравъ удобное время, онъ тайными путями пришелъ къ другу своему духовнику, съ которымъ былъ знакомъ, когда онъ жилъ на Аѳонѣ, но духовникъ, видя его въ турецкой одеждѣ, удивился столь странному превращенію.

— Ты, конечно, отче, удивляешься, видя меня въ турецкой, а не въ монашеской одеждѣ? но за тѣмъ-то я къ тебѣ и пришелъ, чтобы ты смылъ съ меня то пятно, которое я несчастный, будучи прельщенъ діаволомъ, самъ себя сдѣлалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ облекъ бы меня въ первую мою одежду. Далѣе, Прокопій сталъ рассказывать, какъ онъ оставилъ Святую гору и какъ отрекся отъ Христа, присовокупивъ, что, для очищенія себя отъ своего паденія, желаетъ принять мученическую кончину, за исповѣданіе имени Іисуса Христа.

Духовникъ, видя благую мысль Прокопія, поразился объ его обращеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ ему: обдумалъ ли ты, какъ должно, то, на что рѣшаешься? Ты знаешь, что враги вѣры Христовой будутъ тебя жестоко мучить, а потому, какъ бы, вмѣсто побѣдителя, не сдѣлаться вторично побѣжденнымъ и, вмѣсто полученія вѣнца, не явиться достойнымъ слезъ! Если ты дѣйствительно при-

шелъ посовѣтоваться со мною, какъ съ духовникомъ, то говорю тебѣ, какъ другъ и отецъ, что милость Божія къ намъ грѣшнымъ безпредѣльна, и что нѣтъ грѣха, побѣждающаго человѣколюбіе Божіе, а потому совѣтую тебѣ возвратиться опять на святую Аѳонскую гору, и тамъ въ покаяніи и слезахъ оплакивать свой грѣхъ, и я увѣренъ, что Господь, видя твое покаяніе, проститъ тебѣ твое глубокое паденіе, подобно тому, какъ Онъ простилъ Апостола Петра, отрекшагося Его предъ слугами первосвященника іудейскаго.

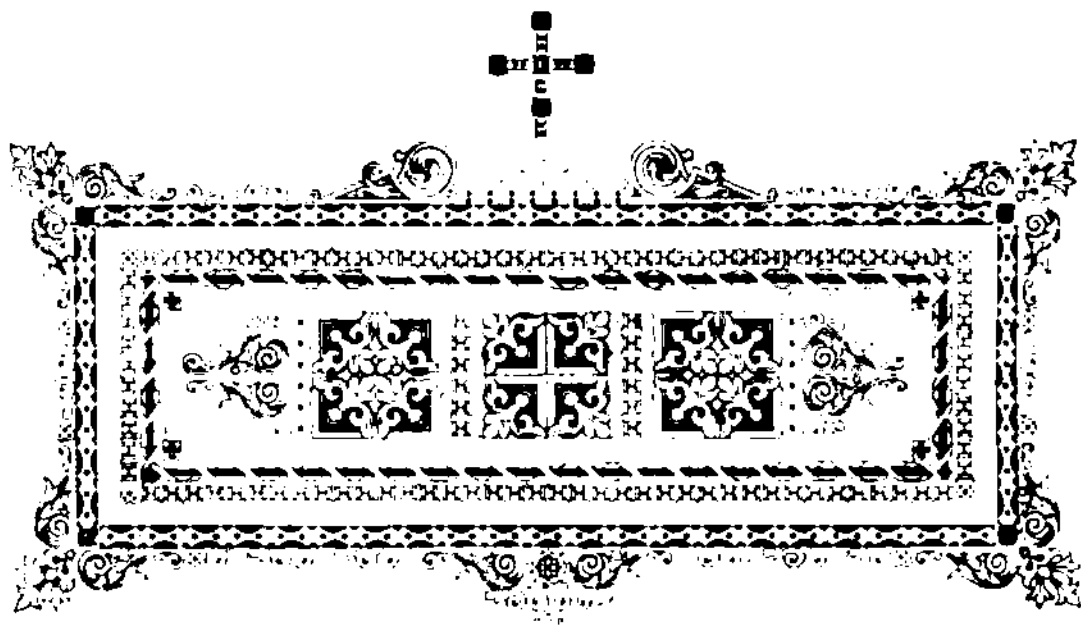
Но кающійся отверженникъ отвѣчалъ ему: знаю и я, отче, что придется мнѣ много претерпѣть мукъ отъ враговъ Креста, но я вѣрю, что Богъ, укрѣпившій всѣхъ святыхъ мучениковъ въ страданіяхъ, всеиленъ и меня укрѣпитъ на исповѣданіе Его имени.

Духовникъ, видя твердость его мысли, не сталъ болѣе отклонять его отъ желанія мученичества и, съ этого времени, Прокопій сталъ готовиться къ подвигу, при томъ и чаще началъ приходитъ къ духовнику для подкрѣпленія своихъ мыслей, а чрезъ 15-ть дней, Прокопій объявилъ ему, что этотъ день есть послѣдній нашего съ тобою свиданія, такъ какъ я рѣшился сегодня же предстать на судъ предъ турками. Тогда оба они пропѣли молебенъ Богоматери и, поцѣловавъ другъ друга послѣднимъ цѣлованіемъ, вышли вмѣстѣ изъ дома духовника, который, издали слѣдуя за мученикомъ, напутствовалъ его своими тайными молитвами до самаго судилища. Когда мученикъ предсталъ предъ судьейю, сбросилъ съ своей головы зеленую повязку и дерзновенно началъ исповѣдывать христіанскую вѣру, а мусульманскую проклинать съ ихъ ложнымъ пророкомъ. Судья, слыша посрамленіе своей вѣры сначала приказалъ его бить, и потомъ заключить въ темницу, думая этимъ заставить его перемѣнить свои мысли, но не видя съ этой

стороны успѣха, обратился къ нему съ ласками и общаніями высокихъ должностей и чиновъ. Слыша льстивыя общанія, святой мученикъ благодушно отвѣчалъ: если бы вы дали мнѣ и весь міръ, то и тогда бы не возмogli перемѣнить моего твердаго намѣренія.

Твердость мученика ускорила приговоръ судей, которые, слѣдуя въ формальности вновь полученному тогда царскому указу, извѣщавшему ихъ, что государство находится въ опасности отъ нападающихъ на него враговъ, и повелѣвавшему имъ, какъ можно скорѣе, рѣшить великія и малыя дѣла, чтобы подготовиться силами къ отраженію непріятелей, сочли излишнимъ терять время и заниматься муками, и приказали немедленно отрубить Прокопію голову.

Когда святой мученикъ былъ приведенъ на мѣсто казни и безъ смущенія преклонилъ главу свою къ усѣченію, то мусульмане, видя его мужество, удивлялись, и никто изъ нихъ не рѣшился совершить казнь. Въ то время былъ въ Смирнѣ одинъ отверженникъ отъ Христа, отличавшійся свирѣдностью нрава, котораго привели на мѣсто казни, и онъ, безъ колебанія, исполнилъ то, что не могли сдѣлать самые варвары отъ природы, и такимъ образомъ разлучилась отъ тѣла, очищенная своею кровію, душа святаго преподобномученика Прокопія 25-го іюня 1810-го года, въ субботу. Слава и благодареніе Христу Богу, укрѣпляющему святыхъ Своихъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Память преподобнаго отца нашего Θεолипта, епископа филadelphійскаго.

память его совершается въ первую недѣлю по недѣлѣ всѣхъ святыхъ.

Богомудрый отецъ нашъ Θεолиптъ родился въ г. Никеѣ въ малой Азій, около 1252 г. Императоръ Византійскій Михаилъ Палеологъ, овладѣвшій Царскимъ престоломъ въ 1260 г., видя, что расшатавшаяся его имперія готова пасть подъ напоромъ враговъ, боровшихъ Византію со всѣхъ сторонъ, искалъ поддержки себѣ въ благоволеніи римскаго папы, заслужить которое думалъ единственно введеніемъ уніи, т.-е. соединенія восточной православной Церкви съ западною. Признавая папу главою всѣхъ прочихъ церквей, Палеологъ, при пособіи тогдашняго патріарха константинопольскаго Іоанна Векка, отличавшагося также особеннымъ рвеніемъ къ единенію съ Римомъ, старался всѣми силами принудить къ уніи своихъ подданныхъ и особенно клиръ

и инокѣвъ. Жестоко ратовалъ императоръ противъ не соглашавшихся на унію, заключалъ въ тюрьмы, рѣзалъ имъ носы и предавалъ публичному посмѣянію. Наконецъ 6-го іюля 1277 г. былъ обнародованъ указъ императора, которымъ торжественно объявлялось о признаніи главенства римскаго папы, у противниковъ же уніи повелѣно было конфисковать имѣнія и продавать ихъ съ публичнаго торгу.

Въ то время блаженный отецъ нашъ Теолиптъ достигъ 25-ти лѣтняго возраста и, имѣя санъ діакона, сіялъ уже ревностію своею о чистотѣ православія, а потому лишился своего дома и, спасаясь отъ гоненій, укрылся на святую Аѳонскую гору. Здѣсь онъ, принявъ иноческій образъ, подвижался въ предѣлахъ Карей. Вскорѣ онъ такъ возвысился въ добродѣтельной жизни и преуспѣлъ въ иноческомъ любомудріи, что былъ наставникомъ въ этомъ божественному Григорію Паламѣ, какъ свидѣтельствуется о томъ самъ святой Григорій (см. *Филокалія*, стр. 361).

Богомудрый Теолиптъ свою ревность по Бозѣ засвидѣтельствовалъ и исповѣдническимъ подвигомъ, ибо розысканный латино мудрствующими еретиками, особенно вооружавшимися тогда на Святую гору, какъ на оплотъ православія, святой Теолиптъ былъ представленъ императору; безбоязненно обличилъ онъ свирѣпость Палеолога противъ святой Церкви, за что былъ страшно избитъ и заключенъ въ тюрьму, гдѣ провелъ немалое время. Выпущенный впоследствии изъ темницы съ позволеніемъ идти, куда хочетъ, блаженный возвратился въ Nikeю, убѣдилъ оставшуюся тамъ свою супругу послѣдовать его примѣру и посвятить жизнь Христу. Потомъ онъ проводилъ уединенную жизнь въ поставленной имъ же кущѣ въ сокровенномъ мѣстѣ близъ Nikeи. Но не долженъ, по слову Священнаго Писанія, свѣтильникъ скрыватья подъ сѣдомъ: и вотъ, въ 1283 г. поручаетъ ему Господь пасти своихъ овецъ. Святой Тео-

липть былъ возведенъ на святительскую кафедру филаделфійской митрополи.

Блаженный Теолиптъ скончался около 1325 года *). Назидательныя и превосходныя бесѣды благословеннаго Теолипта находятся въ „Добротолуби“ въ русскомъ переводѣ, томъ 5-й, стр. 175—189. М. 1890 г.

*) «Лѣтопись» архим. Арсенія, изд. 2, стр. 497.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ АФОНСКАГО ПАТЕРИКА.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	III.

МѢСЯЦЪ ЯНВАРЬ.

Числа.

4. Житіе и страданіе святаго новаго преподобномученика Онуфрія	13
— Память св. преподобномучениковъ Ватопедскихъ—игу- мена Евѣимія и двѣнадцати иноковъ, пострадавшихъ отъ латинянъ	25
— Житіе св. Евстаѣя I, архіепископа сербскаго (вто- рично—августа 30)	26
5. Страданіе св. преподобномученика Романа (вторично па- мять его февраля 16)	30
11. Память преподобнаго и богоноснаго отца нашего Феодо- сія, митрополита трапезунтскаго	31
13. Житіе, подвиги и чудеса преподобнаго и богоноснаго отца нашего Максима Кавсокаливита	32
14. Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Саввы I, архіепископа сербскаго (вторично—августа 30)	53
16. Память преподобнаго Ромила, ученика св. Григорія Синаита.	163
— Страданіе св. священномученика Дамаскина	165
21. Память преподобнаго Неофита, просмонарія ватопедскаго.	168
— Житіе преподобнаго отца нашего Максима Грека	169

<i>Числа.</i>	<i>Стран.</i>
24. Житіє преподобнаго Діонисія олимпійскаго	201
30. Страданіє св. мученика Феодора	220
31. Страданіє св. преподобномученика Іліи Ардуниса	223

МѢСЯЦЪ ФЕВРАЛЬ.

1. Память преподобнаго отца нашего Василя, архієпископа солунскаго	227
8. Память преподобнаго отца нашего Саввы II-го, архієпископа сербскаго (вторично—августа 30)	228
13. Память преподобнаго Симеона муроточиваго, втритора Хиландаря (бывш. вряя сербскаго Стефана Немани).	230
— Слово св. Саввы архієпископа сербскаго о жизни преп. Симеона	—
16. Страданіє св. преподобномученика Романа	250
23. Память преподобнаго Даміана есфигменскаго	254
— Страданіє св. преподобномученика Даміана	256

МѢСЯЦЪ МАРТЬ.

1. Память преподобнаго отца нашего Агапія	259
5. Страданіє св. мученика Іоанна болгарина	261
19. Память преподобнаго Інноцентія вологодскаго	263
22. Житіє и страданіє св. новаго преподобномученика Евѳимія (вспоминается вторично мая 1)	265
23. Страданіє св. преподобномученика Луки	293

МѢСЯЦЪ АПРѢЛЬ.

4. Страданіє св. священномученика Нивиты	306
— Память преподобнаго отца нашего Феоды митрополита солунскаго	317

<i>Числа.</i>	<i>Стран.</i>
6. Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего Григорія Синаита	318
— Память преподобнаго Григорія византійскаго	341
7. Память преподобнаго и богоноснаго отца нашего Нила Сорскаго	342
12. Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего Акавія новаго	351
19. Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего Симеона Босаго, новаго чудотворца	363
— Житіє и страданія св. преподобномученика Агаѳангела есфигменскаго	371

МЪСЯЦЪ МАЙ.

1. Житіє и страданія св. новаго преподобномученика Акавія	393
— Память св. преподобномученика Евѳимія (житіє и страданіє его марта 21)	396
— Память св. преподобномученика Игнатія (житіє и страданіє его октябрия 20)	—
4. Память преподобнаго отца нашего Нивифора (историческое свѣдѣніє о немъ)	402
11. Память преподобнаго отца нашего Никодима, архієпископа сербскаго (вторично—августа 30)	405
13. Память преподобнаго отца нашего Іоанна иверскаго	408
— Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего Евѳимія новаго иверскаго	410
— Житіє преподобнаго отца нашего Георгія иверскаго	421
— Память преподобнаго Гавріила иверскаго	452
— Память свв. преподобномучениковъ Иверскихъ, пострадавшихъ отъ латинянъ	453
21. Страданіє св. преподобномученика Пахомія	454
28. Память преподобнаго отца нашего Іоанникія, архієпископа сербскаго (вторично—августа 30)	460

МВСЯЦЬ ЮНЬ.

Число.	Стран.
2. Житіє и страданіє св. новомученика Константина . . .	464
11. Память неизвѣстнаго по имени <i>Июка</i> , удостоившагося явленія архангела Гаврііла	482
12. Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего Петра	486
— Память преподобнаго отца нашего Арсенія Коневскаго	515
14. Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего Нифонта	519
15. Память св. Ефрема, патріарха сербскаго (вторично — августа 30)	528
18. Память преподобнаго Леонтія прозорливаго	531
20. Память св. Каллиста I, патріарха константинопольскаго.	532
25. Житіє преподобнаго Діонисія, ктитора обители въ честь Крестителя Іоанна (Діонисіата)	535
— Память преподобнаго Дометія, игумена діонисіатскаго .	549
— Страданіє св. преподобномученика Провопія	550
— Препод. отца нашего Теолипта, епископа філадельфій- скаго (память его въ 1-ю недѣлю по недѣлѣ Всѣхъ Святыхъ)	556

Азатій, мѣ

АѦОНСКІЙ ПАТЕРИКЪ

ИЛИ

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ СВЯТЫХЪ,
НА СВЯТОЙ АѦОНСКОЙ ГОРѢ ПРОСІЯВШИХЪ.

Твое глаголетъ Господь: будетъ въ послѣднія дни явлена гора Господня, и домъ Божій на вершѣ горы, и превознесется превыше холмовъ, и придуть къ ней вси языцы. И пойдутъ языцы мнози, и рекутъ: приндите, и выидемъ на гору Господню, и въ домъ Бога Іавова, и возвѣстимъ намъ путь свой, и поидемъ по нему.

Исаія гл. 2, ст. 1—4.

Часть II-я.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

ИСПРАВЛЕННОЕ И ПЕРЕРАБОТАННОЕ.

Изданіе въ Русскаго Пантелеимонова монастыря на АѦонѣ.

COUVENT ST. PANTELEIMON
(MONT ATHOS)

МОСКВА.

Типо-Литографія Н. Ефимова. Большая Никитская, собствен. дѣль.
1897.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. 14 іюня 1897 года.

Цензоръ Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій*.

ВХ 393

А9

1897

v.2

Иже (святые ест) вторю побѣдиша царствѣя, содѣяша правду, получиша обѣтованія, заградѣша уста львовъ, угасѣша силу огненную, избѣгоша острел меча, возмогоша отъ немощи, быша крѣпцы во бранехъ, обратѣша въ бѣгство полки чуждыхъ: инии же избѣени быша, не пріемше избавленія, да лучшее воскресеніе улуччатъ: друзіи же руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узами и темницею, каменіемъ побіени быша, претрени быша, покумени быша, убійствомъ меча умроша: проидоша въ милотехъ, и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбляще, озлоблени: иже не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитающесе и въ горихъ и въ вертепахъ и въ пропастьехъ земныхъ (Евр. 11, 33--38).

Поминайте юзники, акы съ ними связаны. Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе: иже взирающе на скончаніе жителства, подражайте вѣрѣ ихъ (Евр. 13, 3. 7).

Ежелѣтну память днесъ суущихъ на Авонѣ отцевъ ублажимъ иноцы—насельницы Авона. Они бо во истину вѣсть блаженства Господа имѣяху: нищии духомъ — обогатишася, кротцыи—землю кроткихъ наслѣдоваши, плачуции—утѣшишася, алчуции правды — насытишася, милостивыи—помилваны, чистии сердцемъ — Бога, елико мощно, зрѣша, миротворицы — божественнаго сподобишася усыновленія, гонимии и мучимии за правду и благочестіе— на небеси нынѣ радуются и веселятся, и прилежно молятъ Господи спасти души наша.

(Изъ службы преподобн. отцамъ на Авонѣ просіявшимъ, стихира на литіи, гласъ ̑).

І Ю Л Я 5.

Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего
А В А Н А С І Я *).

Этого небснаго чловѣка, земнаго ангела, безсмертныхъ похвалъ достойнаго мужа, въ смертную жизнь ввелъ великій городъ Трапезунтъ, въ наукахъ возрастилъ Константинополь, а представили въ немъ жертву Богу Кимивъ и Аевонъ. Родители его славились благородствомъ и богатствомъ и всѣмъ извѣстны были своею знатностью и благочестіемъ. Отецъ его происходилъ изъ великой Антіохіи, а мать—изъ Колхиды; въ Трапезунтъ же они имѣли только жительство. Отецъ его умеръ еще до рожденія святаго, а мать, родивъ его и освятивъ крещеніемъ, едва успѣла воздонть его своимъ молокомъ, какъ перешла, вслѣдъ за мужемъ, изъ временной жизни въ вѣчную. Этому, еще въ пеленахъ осиротѣвшему, младенцу дано было, при святой купели, имя Авраамій. Впрочемъ, лишившись земныхъ сво-

*) Изъ вл. Καλοκαρηνή.

ихъ родителей, онъ не остался безъ попеченія и промысла о себѣ небеснаго Отца сиротъ. Господь, вседѣтельнымъ Своимъ маніемъ, возбудилъ къ милосердію сердце одной монахини, — благородной и богатой дѣвы, знакомой и подруги Аврааміевой матери: она взяла его къ себѣ и стала заботиться о немъ, какъ о своемъ дитяти. Авраамій съ самаго своего малолѣтства показывалъ уже, каковъ онъ будетъ со временемъ. Скромность во всемъ его поведеніи, благочиніе, повятливость, старческая разумность, великое воздержаніе — были отличительными чертами дѣтскаго его возраста. Когда онъ игралъ съ другими дѣтьми, эти своими играми пророчествовали ему будущее: собираясь въ пещеру, они избирали его не царемъ, или воеводою, а игуменомъ, и подчинялись ему, — что впоследствии и исполнилось, — и многія изъ тѣхъ дѣтей, съ возрастомъ, сами сдѣлались иноками. Видя, что монахиня, его воспитательница, постоянно упражняется въ молитвахъ и пребываетъ въ частыхъ постахъ, Авраамій удивлялся ей и спрашивалъ ее о причинѣ такого ея поведенія. Она, замѣтивъ въ немъ удобопріемлемость для благихъ назиданій, усердно и всячески старалась на этой благой и плодоносной почвѣ посѣвать возможно болѣе сѣмянъ благочестія. И не напрасно было святое ея стараніе. Авраамій съ душевною радостію внималъ наставленіямъ своей воспитательницы и съ того времени, оставляя дѣтскія игры, сталъ вкоренять въ сердцѣ своемъ страхъ Божій, который есть начало премудрости, а со страхомъ и любовью къ Богу, и, по степени развитія дѣтскихъ своихъ силъ, укрѣпляемый благодатію Святаго Духа, началъ упражняться въ подвигахъ добродѣтели. Воспитательница Авраамія, питая сердце его благочестивыми назиданіями, не пренебрегала и образованіемъ его ума. Отрокъ отданъ былъ ею въ наученіе книжное. Обладая счастливыми отъ природы умственными способностями, онъ понималъ урокъ

столь легко, что былъ дивомъ и для учителя, и для своихъ товарищей.

Но, когда минуло Авраамію семь лѣтъ его возраста, онъ снова осиротѣлъ: духовная мать его, монахиня, изъ сей юдоли нашего пришельствія переселилась въ небесную отчизну. Послѣ сего, онъ возымѣлъ сильное желаніе отправиться въ Византію, чтобы посвятить себя тамъ высшимъ наукамъ. Господь, пекущійся о сиротахъ и видящій направленіе нашихъ желаній, призрѣлъ на чистоту сердечнаго его стремленія, и потому премудро устроилъ дѣло по желанію его сердца. По устроенію Божію, съ Аврааміемъ познакомился одинъ евнухъ тогдашняго царя Греціи Романа старшаго, бывшій въ то время въ Трапезунтѣ таможеннымъ чиновникомъ. Видя цѣломудріе и умъ отрока, онъ полюбилъ его, взялъ съ собою въ столицу и отдалъ тамъ въ наученіе одному славному наставнику, именемъ Анастасію. Учасъ у Анастасія, юный Авраамій, при счастливыхъ умственныхъ способностяхъ, быстро шелъ впередъ въ своемъ образованіи и въ короткое время обладалъ уже многими свѣдѣніями по всеѣмъ частямъ преподаваемыхъ ему наукъ. Но, при своемъ стараніи объ образованіи ума, Авраамій не оставлялъ въ небреженіи и образованія нравственнаго. Сколько питалъ онъ свой умъ уроками философіи, столько же умерщвлялъ плоть свою строгою жизнію и воздержаніемъ, — и вскорѣ сдѣлался почти тѣмъ же, что былъ и Анастасій.

Въ то время въ Византіи былъ одинъ военачальникъ, по имени Зефиназеръ. Онъ женилъ своего сына на одной сродницѣ Авраамія, которая посоветовала своему мужу взять юношу въ домъ свой. Сынъ вельможи тотчасъ согласился на предложеніе юной своей супруги. Но Авраамій не вдругъ рѣшился исполнить волю своей сродницы. Только послѣ многократной повторенной просьбы юныхъ супруговъ, явился онъ въ ихъ домъ, да и явившись, не хотѣлъ пользоваться

однимъ съ ними столомъ, ибо желалъ скрыть воздержную свою жизнь, которой научился почти съ пеленокъ. Поэтому въ услуженіе ему дали двухъ человекъ, которые отъ господъ и доставляли все для него нужное. Но блаженный Авраамій, не желая баловать свой вкусъ роскошными вельможескими блюдами, уговаривалъ прислужниковъ, чтобъ они тѣ снѣди продавали и покупали для него только ячменный хлѣбъ; да и ячменный хлѣбъ вкушалъ онъ чрезъ два дня, съ сырыми зеліями, питіемъ же его была одна вода; рѣдко когда, къ малому утѣшенію своей природы, вкушалъ онъ нѣкоторые изъ плодовъ. Чтобы умерщвлять такимъ образомъ плоть свою, онъ никогда не насыщалъ чрева, и считалъ истиннымъ питаніемъ воздержаніе, находя невыразимое наслажденіе въ частыхъ и долгихъ постахъ. Не болѣе этого былъ онъ снисходителенъ къ себѣ и въ отношеніи сна, считая истинною для себя жизнью бодрствованіе. Для борьбы со сномъ, онъ наполнялъ тазъ водою, полагалъ въ нее снѣгу (если онъ былъ), и когда одолѣвала его дремота, мылъ свое лицо этою холодною водою. Малый же сонъ, допускаемый по необходимому требованію природы, принималъ онъ, успокоиваясь не на одрѣ, а сидя на стулѣ. Будучи такимъ немилосерднымъ врагомъ своей плоти, Авраамій, напротивъ, къ нищимъ своимъ братіямъ былъ необыкновенно милостивъ и сострадателенъ, такъ что все, получаемое отъ сродниковъ и друзей, передавалъ въ руки нищихъ и бѣдныхъ; если же не имѣлъ ничего, что могъ бы дать имъ, то снималъ съ себя нижнее платье и отдавалъ оное въ милостыню, а самъ оставался въ одномъ верхнемъ одѣяніи, лишь бы только прикрыть свое тѣло. Слуги, видя это, докладывали своей госпожѣ, и она присылала ему новую одежду: но и съ этою поступалъ онъ также, считая наготу своего тѣла царскимъ одѣяніемъ, а холодъ—пріятною теплотою. Такъ, державно подчиняя плоть и душу свою уро-

камъ мудрости и свѣтло просвѣщаясь ими, онъ, еще прежде облеченія въ иноческій образъ, оказывался уже истиннымъ инокомъ и прежде пастырскаго совершенства—совершеннымъ пастыремъ. За такую дивную свою жизнь, за сладость и утѣшеніе въ бесѣдахъ, за богатство мудрости онъ пользовался любовію и уваженіемъ всѣхъ. Поэтому самые товарищи Аврааміевы, питая неподдѣльное къ нему расположеніе, желали видѣть и имѣть его своимъ наставникомъ и просили о томъ царя. Царь, узнавъ и самъ высокую жизнь Авраамія и глубокую его мудрость, съ удовольствіемъ согласился исполнить ихъ просьбу и сдѣлалъ его, по должности наставнической, равнымъ учителю его АѦанасію. Но недолго сидѣлъ Авраамій на каедрѣ наставнической. Такъ какъ ученіе его стало славиться больше, чѣмъ ученіе АѦанасія, его наставника, отчего къ нему собиралось больше учениковъ, чѣмъ къ послѣднему, то АѦанасій, по слабости человѣческой, сталъ завидовать бывшему своему ученику Авраамію и даже ненавидѣть его. Узнавъ объ этомъ и не желая служить камнемъ претыканія своему наставнику, Авраамій оставилъ должность учителя и проводилъ въ домѣ воеводы жизнь частную, упражняясь въ обычныхъ подвигахъ добродѣтели. Скоро воевода, по повелѣнію царя, долженъ былъ, въ видахъ нѣкоторыхъ государственныхъ нуждъ, отправиться на острова Эгейскаго моря. Питая великое расположеніе къ Авраамію, онъ взялъ и его съ собою. Когда они, посѣтивъ Авиду, были на островѣ Лемносѣ, Авраамій увидѣлъ оттуда АѦонскую гору, — возлюбилъ ее и положилъ въ своей мысли намѣреніе вселиться въ ней. По совершеніи царскаго порученія, возвратились они въ столицу.

Наставничество въ своей столицѣ устраивалъ Авраамію царь земной, самодержецъ; а Богъ Вседержитель иное промышлялъ объ ученикѣ Своемъ.

Въ тѣ дни, по устроенію Божію, прибылъ въ Византію

святѣйшій Михаилъ Маленя, славный игуменъ монастыря Киминскаго, что въ Малой Азїи. Слыша о добродѣтеляхъ его (ибо онъ былъ славенъ и всѣмъ извѣстенъ), Авраамій явился къ нему и, рассказавъ ему подробно всю свою жизнь, открылся и въ томъ, что имѣеть давнее, сильное и постоянное желаніе сдѣлаться инокомъ. Божественный старецъ тотчасъ провидѣлъ, что онъ имѣеть быть избраннымъ сосудомъ Святаго Духа. Во время духовной ихъ бесѣды, строеніемъ Божиимъ, пришелъ посѣтить святаго старца племянникъ его, славный Никифоръ, который былъ тогда военачальникомъ всего Востока, а потомъ сдѣлался самодержцемъ Греціи. Никифоръ имѣлъ взглядъ весьма пронцательный: посмотрѣвъ на Авраамія и его сложеніе, нравъ и поведеніе, онъ тотчасъ понялъ его, какъ человѣка дивнаго. Когда Авраамій вышелъ отъ старца, Никифоръ спросилъ своего дядю, кто это такой и зачѣмъ онъ; преподобный рассказалъ ему все, и съ того времени этотъ военачальникъ помнилъ его до гроба. Лишь только преподобный Маленя возвратился въ Киминъ, тотчасъ явился къ нему и Авраамій, сгоравшій желаніемъ скорѣе сдѣлаться инокомъ. Припавъ къ ногамъ преподобнаго, онъ усердно и смиренно просилъ у него святой иноческой одежды. Старецъ, зная его прошедшее и провидя будущее, не медлилъ исполнить его просьбу и тотчасъ же, безъ обыкновеннаго искуса, удостоилъ его ангельскаго образа, переименовавъ изъ Авраамія Аѳанасіемъ; даже облекъ его во власяницу, чего у нихъ тамъ въ обыкновеніи не было, и такимъ образомъ вооружилъ его какъ бы броню противъ всѣхъ враговъ нашего спасенія. Сдѣлавшись Аѳанасіемъ, Авраамій, по ревности своей къ подвижнической жизни, хотѣлъ вкушать пищу только разъ въ седмицу, но старецъ, чтобы отсѣчь волю его, велѣлъ ему принимать пищу однажды въ три дня и спать на рогожѣ, а не на стулѣ, какъ спалъ онъ прежде.

Зная истинную цѣну послушанія, АѦанасій безпрекословно исполнялъ все ему повелѣваемое, — не только игуменомъ, но и другими начальственными въ обители лицами. Въ остающееся же отъ монастырскихъ послушаній время, онъ, по волѣ старца, занимался каллиграфіей. Такимъ образомъ, вся киминская братія называла его сыномъ послушанія, любила его и дивилась ему.

Въ четыре года, этотъ новый достохвальный подвижникъ, частыми своими постами, бдѣніями, колѣнопреклоненіями, всеощными стояніями и другими дневными и ночными трудами и потомъ восшелъ на верхъ подвижнической жизни. Посему святой старецъ, сознавая его приготовленнымъ и способнымъ для божественныхъ созерцаній, позволилъ ему вступить на поприще безмолвія и для того назначилъ ему одно уединенное мѣсто, за милою отъ лавры. Въ этомъ безмолвіи, старецъ заповѣдалъ ему вкушать хлѣба, и то сухаго, не въ три, а въ два дня, и немного воды, а во время четырехдесятницы принимать пищу чрезъ пять дней, спать — на сѣдалищѣ, какъ прежде, а во всѣ воскресные дни и господскіе праздники бдѣть въ молитвахъ и славословіяхъ отъ вечера до третьяго часа дня. Блаженный сынъ послушанія свято исполнялъ волю духовнаго своего отца.

Упомянутый воевода Востока, Никифоръ однажды явился въ Киминъ посѣтить своего дядю, что дѣлалъ онъ часто. Бесѣдуя съ нимъ, вельможа спросилъ его о юношѣ Аврааміи, котораго видѣлъ онъ у него въ Царьградѣ. Преподобный сказалъ ему, что этотъ юноша изъ Авраамія переименованъ уже АѦанасіемъ, и рассказалъ подробно о дивныхъ его подвигахъ. Въ это время случился тамъ и братъ Никифора, Левъ Патрикій, domestikъ Запада. Вельможи захотѣли непременно видѣть АѦанасія. Удовлетворяя желанію своихъ племянниковъ, преподобный согласился

показать имъ дивное свое сокровище, — чуднаго Аѳанасія, и они всѣ трое отправились къ нему въ безмолвіе. Слушая мудрыя и пріятныя бесѣды его, вельможи столько утѣшались, столько радовались въ душѣ своей и такую привязались къ нему любовію, что едва разстались съ нимъ. Эта любовь и впоследствии была источникомъ искренняго ихъ расположенія, почтенія и даже благоговѣнія. По возвращеніи въ обитель, Никифоръ и Левъ, вполне растроганные свиданіемъ съ Аѳанасіемъ и пораженные мудростію духовныхъ его бесѣдъ, говорили своему дядѣ; „ты обогатился по истинѣ великимъ сокровищемъ; очень благодаримъ тебя, что показалъ намъ его.“ А старецъ, видя такое расположеніе своихъ племянниковъ къ Аѳанасію, призвалъ его и, ввѣривъ ему души и тѣла ихъ, заповѣдалъ имъ впередъ обращаться къ нему, какъ къ духовному своему отцу, и во всемъ повиноваться ему. Племянники отъ всей души благодарили своего дядю за такое устройство духовнаго ихъ отношенія и за попеченіе о нихъ. Послѣ сего вельможи снова имѣли бесѣду съ Аѳанасіемъ и не переставали дивиться его мудрости. Да и самъ старецъ удивлялся благодати, исходившей изъ устъ духовнаго своего сына. Между тѣмъ, Никифоръ объявилъ Аѳанасію наединѣ богоугодное свое намѣреніе непременно сдѣлаться инокомъ. „Имѣй надежду на Бога,“ сказалъ ему на то Аѳанасій, „и Онъ устроитъ, что тебѣ полезно.“ Послѣ этого, Никифоръ и Левъ, съ молитвою, съ миромъ и великою для своихъ душъ пользою, удалились изъ Кимица. Съ того времени питали они къ Аѳанасію большее благоговѣніе и почтеніе, чѣмъ къ своему дядѣ. Послѣ сего не только они, но и всѣ другіе изъ синклита и знатныхъ вельможъ, приходившіе къ преподобному Михаилу для молитвы и благословенія, посылаемы были имъ для этой цѣли къ Аѳанасію. Но, любя смиренномудріе и ненавидя славу человѣческую,

АѦанасій рѣшился удалиться изъ Кимина, — особенно, когда услышалъ, что святой старецъ Михаилъ хочетъ сдѣлать его вмѣсто себя игуменомъ. Разъ, говоря объ АѦанасіи съ однимъ своимъ знакомымъ, преподобный дѣйствительно сказалъ: „вотъ мой преемникъ!“ Но святой Михаилъ имѣлъ здѣсь въ виду не преемничество въ игуменствѣ своемъ: зная отъ Духа Святаго, что АѦанасій много успѣетъ въ добродѣтели, взойдетъ на высоту созерцаній и будетъ жилищемъ благодати Божіей, онъ пророчествовалъ, что духовный его сынъ сподобится подобныхъ ему дарованій, будетъ и пастыремъ многихъ словесныхъ овецъ, только въ другомъ мѣстѣ, и люди будутъ благоговѣть къ нему.

Съ теченіемъ времени божественный Михаилъ больше и больше старѣлъ и дрихлѣлъ, а потому часто и болѣлъ. Начальнѣйшіе въ обители иноки, надѣясь, что, по смерти его, будетъ начальствовать въ ней АѦанасій, часто посѣщали его въ келліи и, выхваляя его, оказывали ему разныя ласки и услуги, чего прежде не дѣлали. Удивляясь такому ихъ поведенію, АѦанасій сначала не постигалъ причины измѣнившагося ихъ обращенія: но вскорѣ потомъ узналъ отъ одного монаха, что преподобный Михаилъ наименовалъ его себѣ преемникомъ. Получивъ такое извѣстіе, АѦанасій хотя и жалѣлъ о разлукѣ съ возлюбленнымъ своимъ отцомъ, но, избѣгая начальствованія и соединенныхъ съ нимъ заботъ, а болѣе всего — считая себя недостойнымъ этого сана, оставилъ Киминъ и не взялъ съ собою ничего, кромѣ двухъ книгъ, имъ же самимъ написанныхъ, — четвероевангеліе съ дѣяніями святыхъ Апостолъ и священнаго кукуля преподобнаго отца своего, который онъ всегда имѣлъ, какъ священное нѣкое сокровище. Оставивъ Киминъ, онъ удалился на АѦонъ, который, какъ мы сказали выше, видѣлъ и полюбилъ уже давно.

Желая лучше ознакомиться съ пустынною жизнію здѣ-

шнихъ подвижниковъ, онъ посѣтилъ многихъ отшельниковъ и, при посѣщеніи ихъ, видя чрезвычайно строгое ихъ житіе, дивился имъ и вмѣстѣ веселился духовно, что нашель такое мѣсто, какого желалъ съ давняго времени. Чудные аѳонскіе отцы проводили жизнь безъ всякихъ развлеченій: не воздѣлывали земли, не торговали, не имѣли никакого тѣлеснаго попеченія, не держали рабочаго скота, не строили для себя даже и келлій, а только сплетали изъ травъ малыя каливы и жили въ нихъ со многими злостраданіемъ,— во время лѣта отъ солнечнаго жара, а во время зимы— отъ холода. Пищею для нихъ были только каштаны и другіе подобныя плоды. А кто доставлялъ имъ пшеницу или огородныя овощи, тому платили они за то дикими плодами. Но это случалось весьма рѣдко, потому что Аѳонъ былъ пристанищемъ безбожнѣйшихъ критскихъ варваровъ, которые являлись сюда часто и либо немилосердно убивали, либо отводили въ плѣнъ святыкъ подвижниковъ *). Посѣщая пустынныхъ безмолвныхъ подвижниковъ, Аѳанасій узналъ, что преподобный Михаилъ Маленій отшелъ ко Господу, и пролилъ о немъ слезы скорби и сожалѣнія, какъ сынъ объ отцѣ.

Обозрѣвая такимъ образомъ Аѳонъ, преподобный Аѳанасій достигъ обители Зигъ **). Здѣсь, видѣ обители, нашель онъ одного простаго, но опытнаго въ духовной жизни

*) Нужно замѣтить, что, со времени Льва Исавра, а по другимъ, со времени Константа, внука Иракліева, агаряне такъ усилились, что простирали власть свою не только на Египеть и на всю почти Лавію, но и на Италію, Сицилію и Испанію: Критъ держали они до воцаренія Никифора Фоки; тогда и самій Константинополь, если бы не было ему помощи свыше, близокъ былъ къ паденію,—вѣдь это видно изъ синаксаря субботы аѳанастной. Опасность грозила ему сперва при Иракліи, а потомъ, отъ агарянъ, при Константинѣ Погонатѣ и Львѣ Исаврѣ. Эмиръ Ниссаръ, во времена Льва Философа, изъ Крита нападалъ съ своимъ флотомъ на острова, лежащіе на Эгейскомъ морѣ, и опустошалъ Дебосъ.

**) Смотрите, — обитель внутри горы, а видѣ обители—безмолвныя; и тѣ и другіе,—к безмолвныя и многи обители,—всѣ собираются на Кирею, въ Протать, трижды въ годъ (вѣдь это увидимъ нечмого ниже).—Агіор. Іаковъ, риз. нашей бібліотеки.

старца безмолвника, и остался у него въ послушаніи, назвавъ ему себя Варнавою и сказавшись потерпѣвшимъ кораблекрушеніе карабельщикомъ, — совершеннымъ невѣждою. Такъ поступилъ онъ съ тою цѣлью, чтобы оставаться никому неизвѣстнымъ и чтобы не могли отыскать его вельможи — Никифоръ и Левъ, почитавшіе его духовнымъ своимъ отцомъ и питавшіе къ нему глубокое благоговѣніе. Старецъ Ананасіевъ, по преклонности лѣтъ и дряхлости, не могъ много трудиться: поэтому онъ, будучи молодъ и смиренномудръ, старался восполнять недостатокъ трудовъ своего старца и исполнялъ всякое дѣло — высокое и низкое. Спустя немного времени, сталъ онъ просить своего старца, чтобы тотъ поучилъ его грамотѣ. Старецъ, искренно желая научить его книжной мудрости, написалъ ему азбуку и приступилъ къ объясненію буквъ: но славный византійскій учитель, когда преподаваема была ему азбука, къ крайнему испушенію терпѣнія мнимаго своего наставника, показывалъ видъ, что онъ не только не знаетъ грамоты, но даже и не можетъ научиться ей. Поэтому протецъ нерѣдко бранилъ мудрѣйшаго и даже выгонялъ отъ себя. Мудрый Ананасіи все это терпѣлъ и даже радовался порицаніямъ своего отца.

Благочестивый Никифоръ, услышавъ объ удаленіи Ананасія изъ Кимина, чрезвычайно опечалился и рѣшился употребить всѣ возможныя съ своей стороны средства къ отысканію его. Онъ не зналъ мысли Ананасія объ Аѳонѣ и желаніи его удалиться туда; однакожь, вѣроятно по предположенію, написалъ солунскому судѣ убѣдительное письмо, прося его, чтобы онъ принялъ на себя трудъ отправиться на Аѳонъ, для отысканія тамъ сердечнаго его друга, монаха Ананасія, ставя обрѣтеніе его верхомъ своихъ желаній, и за то обѣщалъ судѣ искреннее свое расположеніе и всегдашнее вниманіе. Въ письмѣ своемъ, Никифоръ очертилъ судѣ вѣшнія Ананасіевы примѣ-

ты, нравственнымъ же отличіемъ выставилъ высокую ученость Аѳанасія и глубокую его мудрость. Получивъ письмо Никифора, судья тотчасъ отправился на Аѳонъ, но поиски его были тщетны, и онъ возвратился безъ всякаго успѣха, потому что объ ученомъ и мудромъ Аѳанасіи ни Протъ горы, ни другой кто никогда и не слыхалъ. Впрочемъ, разставаясь съ судьей и желая утѣшить его, Протъ сказалъ ему, что на предстоящемъ праздникѣ Рождества Христова онъ будетъ высматривать искомаго имъ монаха и, можетъ быть, встрѣтитъ его. По обычаю того времени, всѣ святогорцы собирались въ Карейскую лавру трижды въ годъ (въ Рождество Христово, Пасху и Успеніе Пресвятой Богородицы), составляли тамъ совокупный праздникъ, утѣшали себя приобщеніемъ пречистыхъ, животворящихъ Христовыхъ Таинвъ, подкрѣпляли постническія свои силы общею трапезою и потомъ расходились по своимъ обителямъ. Итакъ, когда всѣ святогорцы собрались въ Протатъ, Протъ въ вѣкоемъ инокѣ Варнавѣ дѣйствительно призналъ внѣшнія примѣты друга воеводы Никифора; но Варнава былъ простецъ, а другъ Никифора — мужъ ученый. Для лучшаго дознанія истины, Протъ рѣшился сдѣлать Варнавѣ испытаніе. Онъ приказалъ канонарху, чтобъ Варнавѣ, послѣ 3-ей пѣсни, назначено было чтеніе для братіи *). Варнава извинился, что не знаетъ грамоты, и тоже утверждалъ старецъ его, говоря, что онъ едва выучилъ начало перваго псалма и просилъ Прота, чтобъ онъ назначилъ другаго чтеца. Но Протъ велѣлъ Варнавѣ читать, какъ онъ можетъ. Преподобный началъ читать, складывая по слогамъ, какъ дитя. Тогда Протъ сталъ угрожать ему епитиміею, если онъ не будетъ читать, какъ дѣйствительно можетъ. Тутъ

*) Послѣ первой канисмы, иногда и послѣ второй, потомъ послѣ 6-й пѣсни; иногда же и послѣ 3-й, назидательныя чтенія не только въ праздники, но даже и въ будни бывають и по сю пору на Святой горѣ.

АѦанасій, связуемый страхомъ запрещенія, не могъ болѣе скрываться, повиновался постановленной отъ Бога власти, разрѣшилъ благоглаголивый свой языкъ и сталъ читать съ такою мудростію, такъ сладко и витіевато, что весь ликъ старцевъ, смотря на него и слушая его, изумлялся; а мнимый преподаватель, старецъ его, сначала удивился слышному отъ мнимаго ученика своего и ужаснулся, — потомъ заплакалъ отъ умиленія, стыдился своего учительства, и съ тѣмъ вмѣстѣ славилъ и благодарилъ Господа Бога, сподобившаго его быть учителемъ такого мудрѣйшаго мужа. Когда АѦанасій окончилъ чтеніе и, по обычаю, положилъ на оба клироса поклоны, — встали всѣ отцы и сами поклонились ему. А одинъ изъ почетнѣйшихъ отцевъ святогорскихъ—Павель Ксиропотамскій *) ко всему собору отцевъ сталъ, въ духѣ пророческомъ, говорить объ АѦанасіи такъ: „братіе! этотъ братъ, пришедшій въ гору сію послѣ насъ, по добродѣтели—впереди насъ, и въ самомъ царствіи не-

*) По житію Агіорита Іакова, этотъ Павель—не сынъ Мизава Равлава, по Кедрву, сосланнаго Львомъ Армяниномъ въ монастырь, на островъ Протѣ, въ 813 году, а внукъ Романа старшаго, именовавшійся до иночества Петромъ и скончавшійся между 1020 и 27 годами. Въ самомъ дѣлѣ, первый типикъ аѦонскій составлялся при Іоаннѣ Цинискіи, въ 972 году, вслѣдствіе жалобы святогорцевъ на АѦанасія. Для принесенія этой жалобы царю, какъ показываетъ типикъ, представлялся къ нему, съ Протомъ горы, и Павель Ксиропотамскій. Подъ типикомъ онъ подписывается просто: „Павель, монахъ и пресвитеръ.“ Но видно, что онъ былъ мужъ важный, игумень если не обители, то монархіона, и шѣвшій на горѣ вторую степень по АѦанасіи: ибо правили сего типика поставлено было являться ему въ общее собраніе святогорцевъ съ однимъ послушникомъ, АѦанасію—съ двумя, Проту—съ тремя, а прочимъ игуменамъ 1), веліотимъ и безмоливимъ — всегда безъ послушниковъ. Слѣдовательно, если, во время составленія перваго аѦонскаго типика, подъ Павломъ Ксиропотамскимъ разумѣть сына Равлава, то ему тогда было болѣе 160-ти лѣтъ: между тѣмъ какъ Павель Ксиропотамскій является потомъ еще въ двухъ аѦонскихъ актѣхъ—1011 и 1016 годовъ.

1) Древнее названіе „игумень“—то же, что старецъ. Т. е. старшій инокъ, у котораго были подъ духовнымъ руководствомъ два или три послушника. назывался просто игуменомъ: ибо подъ первымъ типикомъ только АѦанасій подписался опредѣленно, назвавъ себя игуменомъ великой лавры, прочіе же подписались (всѣхъ подписавшихся подъ типикомъ—до 60-ти лицъ) хотя тоже игуменами, но безъ означенія своего мѣстопребыванія, а это показываетъ, что они управляли только какими-нибудь разсѣянными по горѣ скитами или даже веліями.

бесномъ будетъ выше насъ славою; ибо станетъ начальникомъ этой горы, многихъ направить ко спасенію и всѣ будутъ повиноваться ему.“ Тогда для Прота ясно открылось, кто былъ протеецъ Варнава, и онъ, отведши Аванасія въ сторону, объявилъ ему, что его ищутъ византійскіе вельможи Никифоръ и Левъ. Преподобный смиренно и убѣдительно просилъ, чтобы Протъ никому не объявлялъ о немъ. Не желая и самъ лишиться такого для горы сокровища, Протъ обѣщалъ ему хранить его тайну и назначилъ ему для житія одну отшельническую келлію, разстояніемъ отъ Кареи на три мили. Безмолвствуя тамъ, Аванасій получалъ себѣ пищу отъ рукодѣлія, или занятія каллиграфіей. А писалъ онъ такъ скоро, что въ шесть дней кончалъ всю псалтырь, и такъ искусно и красиво, что не было другаго, подобнаго ему. Деньги же, получаемыя имъ отъ этого труда, онъ раздавалъ въ милостыню, удерживая самое малое количество только на то, чтобы какъ-нибудь содержаться со своимъ товарищемъ, который содѣйствовалъ ему въ трудахъ его жизни.

Въ то время, братъ Никифора, магистръ Левъ, начальникъ цадъ всѣми полками на Западъ, побѣдивъ Скиѳовъ, на возвратномъ пути, прибылъ на Афонъ,—съ одной стороны, для того, чтобъ благодарить Пресвятую Богородицу, даровавшую ему славную надъ варварами побѣду*), а съ другой—и за тѣмъ, чтобъ самому удостовѣриться, не живетъ ли здѣсь Аванасій. Такъ какъ, по Писанію, не можетъ укрыться градъ, верху горы стояй, то скоро явился міру и этотъ мудрый отшельникъ. Левъ, по тщательномъ испытаніи, узнавъ о немъ, пришелъ въ безмолвную его келлію и, обрѣтши своего отца и досточтимаго наставника, отъ сильной радости плакалъ, обнималъ его и лобызалъ.

*) Изъ этого видно, что Афонъ издревле былъ извѣстенъ, какъ шребій Богоматери. Почему и Левъ приходитъ сюда съ благодарностію къ Всенепорочной.—Агіоритъ Іановъ.

Отцы АѦона, видя столь великое расположеніе могущественнаго вельможи къ преподобному, предложили ему, чтобъ онъ попросилъ воеводу о деньгахъ на устроеніе храма въ Кареѣ (то есть Протата), большаго, чѣмъ прежній; ибо старый былъ малъ и не вмѣщалъ всей святогорской братіи, когда у нихъ бывали собранія, — чѣмъ братія очень стѣснялись и затруднялись. Преподобный предложилъ объ этомъ Льву; Левъ съ радостію далъ имъ тогда же столько денегъ, сколько имъ было нужно, и на мѣстѣ иноческихъ ихъ собраній скоро сталъ красоваться храмъ превосходный.

Проведши нѣсколько дней въ мудрыхъ и богодухновенныхъ бесѣдахъ съ АѦанасіемъ, Левъ удалился съ АѦона. Вслѣдъ затѣмъ, по всей Святой горѣ разнеслась слава объ АѦанасіи, и многіе стали каждый день приходить къ нему для душевной пользы. Но онъ, любя безмолвіе и избѣгая поводовъ къ тщеславію, удалился во внутреннія части горы, чтобы найти тамъ мѣсто по своей мысли. Богъ же, промысля не о его только пользѣ, но и пользѣ будущей его паствы, привелъ его на самый конецъ АѦона, — на мысъ его. Тамъ преподобный устроилъ себѣ небольшую каливу и въ подвигахъ восходилъ отъ силы въ силу. Мѣсто это, долженствовавшее послужить утвержденіемъ всему АѦону, называлось Меланá (черныя). Между тѣмъ, сынъ тьмы и доброненавистникъ — діаволь, видя великіе подвиги преподобнаго, не могъ быть равнодушнымъ и готовилъ войну на своего противоборца. Сначала онъ уязвлялъ святаго стрѣлами верадѣнія и всячески старался возбудить въ немъ ненависть къ избранному имъ мѣсту, чтобы, такимъ образомъ, удалить его оттуда. Но это все было по строенію и поущенію Божию, чтобы святой, опытомъ собственной брани, научился распознавать вражескую хитрую брань съ человѣкомъ и умѣлъ потомъ помогать въ искушеніяхъ бу-

душимъ своимъ чадамъ. Такъ какъ тамъ не было никого, съ кѣмъ бы могъ онъ посовѣтоваться, что ему дѣлать, то утвердился въ слѣдующей мысли: „буду терпѣть годъ,—и тогда уже, что Господь устроить со мною, то и сдѣлаю.“ Рѣшивъ такимъ образомъ свою судьбу, святой остался тамъ и весь тотъ годъ терпѣлъ непрерывную брань. Въ послѣдній день, когда онъ за утро намѣревался идти на Карею, чтобъ тамошнимъ отцамъ исповѣдать обстоятельства своей жизни, внезапно, по прочтеніи имъ третьяго часа, облисталь его небесный свѣтъ и окружилъ его всего. Супостать-дѣволъ, не вынося этого небеснаго сіянія, удалился отъ Аванасія, съ темными своими навожденіями,—и сердце преподобнаго исполнилось неизреченнаго веселія, которое источало обильныя и сладкія слезы. Съ этого времени, святой получилъ даръ умиленія и плакалъ безъ труда, когда только хотѣлъ, и столько полюбилъ то мѣсто Мелана, сколько прежде ненавидѣлъ его.

Въ то время, славный и благочестивый Никифоръ, назначенный отъ царя верховнымъ вождемъ всей римской арміи, отправился съ воинствомъ на островъ Критъ, гдѣ гнѣздились тогда нечестивые агаряне и много беспокоили римлянъ. Узнавъ же отъ брата своего Льва, что Аванасій находится на Афонѣ, онъ послалъ туда царскій корабль, съ письмомъ къ преподобнымъ отцамъ Святой горы, и, прося святыхъ молитвъ ихъ ко Господу Богу о всеильной Его помощи къ побѣжденію и посрамленію нечестивыхъ, убѣждалъ ихъ послать къ нему Аванасія съ другими двумя добродѣтельными старцами. Свягорцы, прочитавъ письмо полководца, дивились, что онъ питаетъ такую пріязнь къ преподобному. Съ охотою согласились они исполнить просьбу и моленіе воеводы; но на волю и желаніе ихъ по вдругъ согласился Аванасій, такъ что они, въ этомъ случаѣ, принуждены были прибѣгнуть къ сильной противъ

него мѣрѣ заурешенія. Тогда онъ уже и противъ воли повиновался имъ. Святогорцы дали ему и одного старца, въ сопутники, — но АѦанасій началъ повиноваться ему, какъ ученикъ своему учителю. Отпустивъ отъ себя АѦанасія, всѣ насельники Святой горы стали какъ о немъ, такъ и о Никифорѣ возносить прилежную ко Господу Богу молитву, — и храбрый Никифоръ славно побѣдилъ критскихъ агарянъ. Скоро и благополучно прибылъ туда и искренній другъ его АѦанасій. Съ неизреченнымъ веселіемъ встрѣтилъ его здѣсь счастливый воевода и много дивился великому его смиренію, что онъ съ удовольствіемъ несъ долгъ послушанія простому старцу. Побѣдоносный Никифоръ, прежде чѣмъ сталъ рассказывать другу своему о мужественныхъ подвигахъ, совершенныхъ имъ въ настоящей славной войнѣ, напомнюль ему о прежнихъ своихъ обѣщаніяхъ быть инокомъ, и говорилъ: „Страхъ, отче, который вы имѣли прежде во всей горѣ отъ нечестивыхъ агарянъ, нынѣ по святымъ молитвамъ вашимъ, кончился. И я, уже неоднократно обѣщавъ святынѣ твоей удалиться отъ міра, теперь къ исполненію этого моего обѣщанія не имѣю никакого препятствія. Только усердно прошу тебя, отче: прежде создай для насъ безмолвное уѣжище, гдѣ бы мы могли уединяться съ другими братіями, — потомъ устрой особо великую церковь для киновіи, куда бы можно было намъ ходить всякое воскресенье, для пріобщенія божественныхъ Христовыхъ Таинъ.“ Говоря это, Никифоръ тогда же давалъ преподобному и довольно количество денегъ, на нужды и расходы по предполагаемымъ постройкамъ. Но АѦанасій, избѣгая заботъ и попеченій житейскихъ, не принялъ отъ своего друга ненавистнаго злата, а заповѣдалъ ему всегда хранить страхъ Божій и внимать своей жизни, — такъ какъ онъ находится среди сѣтей міра, и только сказалъ: „если есть воля Божія, исполнится и то,

чего ты желаешь.“ Выслушавъ этотъ отказъ Аѳанасія, Никифоръ впалъ въ великую печаль, но не отлагалъ желанія и надежды устроить на Аѳонѣ монастырь для себя и своего друга. Наконецъ, проведши нѣсколько дней во взаимныхъ и пріятныхъ бесѣдахъ на завоеванномъ Критѣ, друзья разлучились: преподобный возвратился на Аѳонъ, а стратигъ, побѣдившій полчища агарянскія, отправился въ столицу. Воспламенившись сильнымъ и непремѣннымъ желаніемъ построить монастырь, Никифоръ скоро послалъ къ Аѳанасію одного духовнаго своего друга, именемъ Меѳодія, сдѣлавшагося потомъ въ горѣ Киминской игуменомъ,—съ письмомъ и шестью литрами золота, и убѣдительно просилъ его начинать постройку монастыря. Преподобный, размышляя о горячемъ желаніи и добромъ намѣреніи благочестиваго воеводы, увидѣлъ, что есть воля Божія создаться монастырю, и потому, принявъ посланное ему золото, въ 6469 г. (961 г.), въ мѣсяцъ мартъ, 4-го индиктіона, усердно приступилъ къ построенію—сперва, какъ желалъ Никифоръ, безмолвнаго убѣжища, гдѣ и создалъ храмъ *) во имя всеславнаго Предтечи, а потомъ, ниже старой своей въ Мелавлахъ каливы, началъ строить превосходную церковь во имя и честь Пресвятыя Богородицы, для предполагаемой киновіи,—чего также хотѣлъ Никифоръ. Видя сіи дѣла преподобнаго, раздирался отъ злобы немощный супостатъ-дѣволъ и рѣшился препятствовать ему въ строеніи. Когда строители начали рыть землю для основаній храма, безсильный доброненавистникъ, демонскими своими дѣйствіями, ослабилъ руки ихъ такъ, что они не могли ими коснуться даже устъ своихъ. Святой Аѳанасій, сотворивъ о нихъ прилежную къ Богу молитву, разрѣшилъ руки ихъ, и такимъ образомъ посрамилъ лукаваго. Это было первое его чудо. Послѣ того,

*) Онъ и теперь существуетъ,—только въ зауствнѣи.

онъ взялъ орудіе для копанія и, къ большой досадѣ демона, началъ самъ копать землю: вслѣдъ за нимъ стали безпрепятственно работать и мастера. Видя, какое надъ ними совершено Ананасіемъ чудо, они восчувствовали великое къ чудотворцу своему благоговѣніе и, припавъ къ ногамъ его, усердно просили, чтобъ онъ удостоилъ ихъ иноческаго ангельскаго образа. Ананасій исполнилъ святое ихъ желаніе и благодарилъ Господа Бога за то, что Онъ еще прежде, чѣмъ построенъ монастырь, посылаетъ ему уже обитателей. Тогда зиждущіе стали строить для себя убѣжище не какъ наемники, а какъ хозяева. И потому дѣло шло скоро, и росло успѣшно.

Но такъ какъ слава о великихъ добродѣтеляхъ преподобнаго и слухъ о божественномъ его дѣлѣ проносились вездѣ, то отсюду собирались къ нему многіе, желавшіе сожителствовать съ такимъ святымъ человѣкомъ и, по своимъ силамъ, подражать высокой подвижнической его жизни. При содѣйствіи помощи Божіей, по молитвамъ преподобнаго, тотъ божественный, изящный и чудный, крестовидной формы храмъ, во имя Пресвятыя Богородицы, былъ конченъ. Потомъ святой создалъ еще два малые храма, на правой и лѣвой сторонѣ великаго,—одинъ во имя чудотворца Николая, а другой - во имя святыхъ сорока мучениковъ. Тогда только преподобный принялъ великую схиму,—отъ нѣкоего добродѣтельнаго отшельника, именемъ Исаи; ибо до того времени не былъ еще совершеннымъ ипокомъ, хотя своими добродѣтелями давно уже былъ высокъ и предъ Богомъ и людьми и, какъ свѣтло солнце, сіялъ предъ всѣмъ міромъ. Послѣ сего, построилъ онъ келліи для братіи, трапезу, вмѣщавшую въ себѣ двадцать одинъ столъ—изъ бѣлаго мрамора, изъ которыхъ за каждымъ могли сидѣть по 12-ти человѣкъ, потомъ — больницу страннопріемницу, баню для больныхъ и странныхъ и другія необходимыя

принадлежности богоугоднаго своего заведенія. Такъ какъ вблизи созидающейся лавры не было достаточнаго количества воды, то святой искалъ ея въ различныхъ мѣстахъ горы, и наконецъ, въ одномъ высокомъ, неудобопроходимомъ мѣстѣ, разстояніемъ отъ обители на 70 стадій, нашель онъ нѣсколько родниковъ, источающихъ превосходную воду. Не смотря на неодолимая и неисчислимыя трудности, онъ или разрылъ, или сокрушилъ гигантскіе утесы, положилъ межъ ними водоточныя трубы, собралъ и соединилъ въ нихъ нѣсколько водяныхъ ключей и привелъ въ лавру столько воды, что тамъ могъ раздѣлить ея на нѣсколько водоемовъ, устроенныхъ отдѣльно для всѣхъ служебныхъ заведеній, — какъ-то: хлѣбни, поварни, и проч. и проч., — что всякій можетъ видѣть и по нынѣ.

Повѣствовать о прочихъ зданіяхъ и заведеніяхъ преподобнаго, — какъ-то: о параклисахъ внутри и внѣ монастыря, о мельницахъ, огородахъ и виноградникахъ, о различныхъ, имъ насажденныхъ, деревьяхъ, о приобрѣтенныхъ имъ метохахъ и другихъ угодыахъ, которыя онъ устроилъ для доставленія братіи выгодъ, также о живописи въ храмѣ и о всѣхъ чиноположеніяхъ и законоположеніяхъ въ церкви и внѣ ея, — я, говоритъ жизнеописатель, считаю излишнимъ, такъ какъ это дѣло исторіи, а не повѣсти о его жизни. Скажу только, пишетъ онъ, что во всѣхъ сказанныхъ выше трудахъ всегда принималъ участіе и самъ преподобный. Онъ былъ такъ крѣпокъ и силенъ, что много разъ одинъ съ одной стороны волокъ какой-нибудь грузъ, тогда какъ съ другой волокли его три человека и едва успѣвали за нимъ слѣдовать. Къ нему отовсюду собиралось множество народа: одни — принять отъ него благословеніе, другіе — спросить его о предметахъ сомнительныхъ или неизвѣстныхъ; и онъ всѣхъ принималъ ласково и назидалъ спасительными бесѣдами, такъ что

никто не возвращался отъ него безъ душевной пользы. Къ церковнымъ службамъ прилагалъ онъ все свое стараніе и заботился, чтобъ онѣ совершались богоприлично и со всею точностію. Посему во время службъ никто у него не дерзалъ разглагольствовать, или выходить изъ церкви безъ крайней нужды. Внѣ церкви постоянно держалъ онъ двухъ братьевъ, которые испытывали выходящихъ изъ ней, и кто изъ нихъ не имѣлъ благословной причины къ выходу, тому выходить не дозволяли. Кромѣ того, одинъ братъ ходилъ по церкви, когда происходило чтеніе, во время котораго, по обычаю, сидятъ, и будилъ тѣхъ, которые спали, или останавливалъ разговаривающихъ; другому брату повелѣвалось замѣчать, когда кто приходитъ въ церковь, и доносить о томъ подробно и точно, а послѣ онъ уже самъ испытывалъ всѣхъ, и съ тѣхъ, которые приходили къ службѣ поздно, — именно по причинѣ безопасности и нерадѣнія, — взыскивалъ строго. Кратко сказать: преподобный былъ управитель мудрѣйшій и пастырь неусыпный, тщательно заботившійся, чтобъ хищный волкъ не пожралъ ни одной овцы изъ словеснаго его стада. За эту-то душеполезную его точность въ управленіи ввѣренною ему паствою, за премоное усердіе въ церкви, за богоугдную его собственную, сокровенную жизнь и за великое его благоговѣніе къ Приснодѣвѣ и Препоблагословенной Богородицѣ, онъ много разъ удостоивался видѣть Ее, многомилостивую къ роду человѣческому, даже чувственными очами; — какъ умными видѣлъ Ее всегда. Изъ многихъ таковыхъ случаевъ расскажемъ объ одномъ.

Тогда какъ святой АѦанасій строилъ свою лавру, попущеніемъ Божіимъ, случилось, что въ одинъ годъ сдѣлался въ ней такой неурожай и голодь, что во множествѣ стекшіеся къ нему братіи, не вынося строгихъ подвиговъ и постигшаго лавру искушенія, одинъ по одному разошлись,

такъ что наконецъ остался одинъ только святой Аѳанасій, и притомъ—безъ куска хлѣба. Какъ ни былъ силенъ въ подвигахъ и твердъ въ духѣ терпѣнія святой Аѳанасій, но голодъ превозмогъ его,—твердость духа поколебалась, и онъ рѣшился оставить лавру и идти куда-нибудь въ другое мѣсто. Наутро, святой Аѳанасій, съ желѣзнымъ своимъ жезломъ, въ смутномъ расположеніи духа, уныло шелъ по дорогѣ къ Кареи и въ пути провелъ уже два часа: наконецъ силы его истощились, и онъ хотѣлъ было присѣсть, чтобы отдохнуть, какъ вдругъ нѣкая жена, подъ голубымъ воздушнымъ покрываломъ, показалась идущею къ нему навстрѣчу. Святой Аѳанасій пришелъ въ смущеніе и, не вѣря собственнымъ глазамъ, перекрестился. „Откуда взялась здѣсь жевщинѣ,“ спросилъ онъ самъ себя, „когда входъ женщинамъ сюда невозможенъ?“ Удивляясь видѣнію, пошелъ онъ навстрѣчу незнакомкѣ. „Куда ты, старецъ?“ скромно спросила незнакомка святаго Аѳанасія, повстрѣчавшись съ нимъ. Святой Аѳанасій осмотрѣлъ незнакомку съ ногъ до головы, взглянулъ ей въ глаза и, въ невольномъ чувствѣ почтительности, потупился. Скромность одежды, тихій дѣвственный взоръ ея, трогательный голосъ, — все показывало въ ней женщину не случайную. „Ты кто? какъ зашла сюда?“ сказалъ старецъ незнакомкѣ, „и къ чему тебѣ знать, куда я? Ты видишь,—я здѣшній инокъ. Чего же болѣе?“ — „Если ты инокъ,“ отвѣчала незнакомка, „то иначе, нежели обыкновенные люди, долженъ и отвѣчать,—быть простодушнымъ, довѣрчивымъ и скромнымъ. Я желаю знать, куда ты идешь; знаю твое горе и все, что съ тобою дѣлается, могу тебѣ помочь,—но прежде желаю услышать, куда ты?“ Удивленный бесѣдою таинственной незнакомки, святой Аѳанасій рассказалъ ей бѣду свою. „И этого-то не вынесъ ты?“ возразила незнакомка: „ради насущнаго куска хлѣба, бросаешь обитель, которая должна быть

славною въ роды родовъ? Въ духѣ ли это иночества? Гдѣ же твоя вѣра? Воротись," продолжала она, — „я тебѣ помогу: все будетъ съ избыткомъ даровано, только не оставляй твоего уединенія, которое прославится и займетъ первое мѣсто между всѣми возникшими здѣсь обителями.“ — „Кто жь ты?“ спросилъ Анастасій. — „Та, имени Которой ты посвящаешь твою обитель, Которой ввѣряешь судьбы ея и твоего собственнаго спасенія. Я Матерь Господа твоего,“ отвѣчала незнакомка. Святой Анастасій недоувѣрчиво и сомнительно посмотрѣлъ на нее, и потомъ началъ говорить: „Воюсь вѣрить, потому что и врагъ преобразуется въ ангела свѣта. Чѣмъ Ты убѣдишь меня въ справедливости словъ Твоихъ?“ прибавилъ старецъ. — „Видишь этотъ камень?“ отвѣчала незнакомка: „ударь въ него железомъ, — и тогда узнаешь, Кто говоритъ съ тобою. Знай притомъ, что съ этой поры Я навсегда остаюсь домо-строительницею (экономиссою) *) твоей лавры.“ Анастасій ударилъ въ камень, и онъ разразился какъ бы молніею: изъ трещины его тотчасъ выбѣжалъ шумный ключъ воды и запрыгалъ по скату холма, несясь внизъ, до самаго моря.

Пораженный такимъ чудомъ, святой Анастасій обернулся, чтобъ броситься къ ногамъ Божественной Незнакомки, — но Ея уже не было; Она, какъ молнія, скрылась отъ удивленныхъ его взоровъ. Съ той поры ключъ этотъ цѣлительно струится даже донынѣ, въ разстояніи двухъ часовъ ходу отъ лавры **). Таковой благодати, въ утѣшеніе свое и на

*) Поэтому въ лаврѣ не бываетъ эконома, а только подэкономъ. Вносѣдствіи въ лаврѣ была устроена икона Пресвятыя Богородицы Экономиссы. Икона эта изображаетъ Ее, сѣдящую на престолѣ; на Ея лѣвѣ Предѣльный Младенецъ. Съ правой стороны престола святой Михаилъ Синадскій, съ лѣвой—святой Анастасій: оба въ молитвенномъ положеніи; послѣдній держитъ на своихъ рукахъ видъ своей лавры, образуя тѣмъ особенное свое храненіе, покровительство и заботливость о ней. Эта икона—въ саркофонѣ кивотѣ и устроена среди монастыря, раздѣленнаго на двѣ части. Слѣтъ наугасной лампады тѣло разливается предъ изображеніемъ Божественной Экономиссы.

***) Рассказъ объ этомъ заимствованъ изъ другой греческой книги: 'Αμάρτολιον σωτηρία. Въ память явленія на этомъ мѣстѣ святому Анастасію Божіей Матери воздвигнута, въ честь

зиданіе, сподоблялись не только Аѳанасій, но и нѣкоторые изъ пасомыхъ имъ. Въ числѣ ихъ, таковъ былъ нѣкто Матѳей. Разъ, во время утрени, вдругъ открылись очи души его, и онъ видитъ, что въ церковь вошла нѣкая жена, облеченная небесною славою и честію, съ двумя въ бѣлыхъ, какъ свѣтъ, одеждахъ юношами, изъ которыхъ одинъ держалъ горящую свѣчу и освѣщалъ ей путь, идя предъ нею какъ рабъ, а другой слѣдовалъ за нею, и оба относились къ ней съ великимъ благоговѣніемъ. Когда эти необыкновенные посѣтители стали осматривать всѣхъ присутствующихъ въ церкви, чудная та жена раздѣляла всей братіи дары: — тѣмъ, которые были на клиросахъ, она давала каждому по золотой монетѣ, стоящимъ внутри храма — по 12-ти серебряныхъ монетъ*), а находившимся въ притворѣ — по 6-ти серебрянниковъ всякому; нѣкоторымъ же изъ братій дала даже по 6-ти золотыхъ монетъ. Самъ же благоговѣйный Матѳей получилъ лишь 6 серебряныхъ монетъ, ибо и онъ стоялъ въ притворѣ. Лишь только кончилось это видѣніе, онъ тотчасъ пошелъ на клиросъ, возвѣстивъ о немъ отцу своему и просилъ у него позволенія помѣститься въ ликѣ поющихъ. Преподобный призналъ это видѣніе истиннымъ, объяснивъ притомъ, что получившіе по 6 ти миліарисіевъ благоговѣйнѣе прочихъ, и за то, по святымъ и богатымъ своимъ помысламъ, которыми занимались во время службы, они получили и богатое вознагражденіе. А что касается до того, что благоговѣйный и добродѣтельный Матѳей получилъ даръ наравнѣ съ нерадивыми, то это сдѣлано съ цѣлю, чтобы онъ, получивъ награжденіе высшее, не

Ея, небольшая церковь, съ неугасною лампадою предъ иконою, изображающею совершившееся здѣсь чудо. При пути устроена открытая галлерей, для отдыха пришельцевъ и поклонниковъ, — особенно въ лѣтнюю пору, когда жары бываютъ утомительны и едва выносимы. Иконы соседственной иконостаса, живописно отсюда рисующейся на значительной высотѣ прибрежнаго холма, теплятъ здѣсь неугасную лампаду.

*) Монеты эти у святителя Ростовскаго называются «латинцы» и «цата».

возгордился и не вознерадѣлъ, но, принявъ маленькій даръ, пребывалъ въ смиренномудріи и старался еще болѣе возрастать въ добродѣтеляхъ.

Преподобный АѦанасій, строгій и точный въ своихъ правилахъ относительно церкви, таковъ же былъ и внѣ ея. Въ трапезѣ бесѣды были совершенно запрещены; во время стола никто не долженъ былъ удѣлять другому брату изъ своей части пищи или питія; а кто разбивалъ даже самый ничтожный сосудъ, тотъ у всѣхъ публично просилъ прощенія. Послѣ повечерія не дозволялось никакихъ бесѣдъ и запрещалось посѣщать келлію другаго. Празднословіе было забыто, общежитіе сохранялось строго, никто не дерзалъ даже произнести холоднаго слова *мое* или *твое*, ибо это отдѣляетъ насъ отъ блаженной любви; тогда у всѣхъ было все общее, какъ повелѣваетъ Василій Великій. А кто какую бы то ни было вещь находилъ, тотъ полагалъ ее на открытомъ для всѣхъ мѣстѣ, чтобы удобно нашелъ ее всякій, кому она дана для употребленія; — кратко: руководствуемые имъ иноки проводили нѣкую жизнь блаженную и предивную.

Тогда какъ святой АѦанасій столь богоугодно правилъ своею паствою, является къ нему одинъ человѣкъ, съ пріятною, по его мнѣнію, для святаго вѣстію, что великоименитый другъ его Никифоръ сдѣлался царемъ. АѦанасій, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, крайне опечалился этимъ; ибо онъ потому только и устроилъ монастырь, что Никифоръ обѣщалъ ему принять иночество и потомъ пребывать съ нимъ всегда неразлучно, раздѣляя труды уединенія. Итакъ, преподобный обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: всѣ заботы его остались тщетными, и цѣль, для которой отступилъ онъ отъ житія безмолвнаго, утрачена. Какъ скоро Никифоръ, причинившій АѦанасію столько безпокойствъ, не соблюлъ своего обѣщанія и вѣнчался на царство, АѦа-

насій рѣшился оставить свой монастырь. Не объявляя никому своей мысли, онъ взялъ съ собою трехъ иноковъ и удалился съ ними изъ лавры, сказавъ, что отправляется къ новому царю, по нуждамъ монастыря. Достигши острова Лемноса, старецъ послалъ одного изъ иноковъ къ царю съ письмомъ, въ которомъ сильно, но пристойно, замѣчалъ ему, что онъ презрѣлъ обѣщанія свои Богу и предпочелъ царство временное небесному, всегда пребывающему; въ концѣ же этого письма выразился такъ: „Царь! ты видишь, что не другимъ кѣмъ, а тобою вовлеченъ былъ я во многіе тщетныя и бесполезныя труды. Посему теперь я иду въ какое-нибудь безмолвное мѣсто, чего постоянно желалъ и желаю; монастырь же предаю, вопервыхъ, Богу, а потомъ — въ твои руки. Въ лаврѣ есть добродѣтельный, достойный уваженія, инокъ, именемъ Евѣимій,—онъ можетъ быть игуменомъ.“ Монахъ съ этимъ письмомъ представился царю. Царь, даже не прочитавъ его, обрадовался, когда узналъ, что оно — отъ Аѳанасія. Сколь же велика была его скорбь по прочтеніи этого воодушевленнаго письма! — горько тогда плакалъ онъ и жестоко порицалъ себя. Не менѣе царя плакалъ и письмоводецъ монахъ, когда узналъ у него о безвѣстномъ удаленіи отца своего. А другаго инока, именемъ Θεодота, преподобный Аѳанасій отослалъ тогда въ монастырь, какъ бы для посѣщенія братіи и осведомленія о состояніи монастыря. Третьяго же инока, Антонія, святой удержалъ при себѣ и бѣжалъ съ нимъ въ Кипръ. Тамъ остановились они въ одной обители, называемой обителью Священныхъ, пока не услышатъ, что произойдетъ изъ всего этого. Между тѣмъ, царь послалъ во всѣ мѣста своей державы строгія повелѣнія, чтобъ непременно отысканъ былъ Аѳанасій. Когда пришло такое повелѣніе и въ Кипръ, и вѣсть объ этомъ дошла до Аѳанасія, онъ удалился изъ Кипра. Оставивъ Кипръ, хотѣлъ

было онъ идти во Іерусалимъ, но услышавъ, что въ Палестинѣ всѣ подѣ страхомъ, по причинѣ нашествія безбожныхъ агаринъ, отложилъ свое путешествіе. Тогда святому стало тѣсно съ той и другой стороны: въ Палестинѣ—агаряне, а въ Греціи—поискъ. Въ такой своей скорби, Ананасіи обратился съ усердною молитвою къ Богу, да откроетъ Онъ, что ему теперь дѣлать. Ночью преподобный сподобился видѣть Господа, Который повелѣвалъ ему возвратиться въ созданную имъ обитель, обѣщая ему съ избыткомъ возрастить ее и многихъ спасти тамъ чрезъ него. Ананасіи безпрекословно повиновался волѣ Господней и тотчасъ же отправился, съ своимъ ученикомъ въ прежнее мѣсто, сухимъ путемъ. Нѣсколько уже дней были они въ пути. Отъ долготы и трудности дороги, у Антонія опухла нога; къ этой болѣзни присоединилась еще горячка, столь сильная, что онъ лежалъ неподвижно, какъ мертвый. Но преподобный, вознесши о немъ ко Господу Богу молитву, исцѣлилъ его отъ всѣхъ этихъ недуговъ. Не желая, однакожь, вполне явить свою чудодѣйственность, святой Ананасіи предъ симъ набралъ разныхъ травъ и обвязалъ ими больныя части тѣла у Антонія. Поэтому и казалось, что больной исцѣлился не силою молитвы, а дѣйствіемъ травъ. Между тѣмъ, упомянутый выше Θεодотъ, явившись въ лавру, нашель тамъ всю братію въ великомъ смущеніи и скорби о томъ, что они лишились своего отца, а Евенмій не принималъ предстоятельства. Посему, пробывъ въ лаврѣ нѣсколько дней, онъ оставилъ ее и пошелъ отыскивать преподобнаго отца своего, котораго, къ несказанной своей радости, и нашель въ Атталіи. Услышавъ отъ Θεодота о смущеніи въ лаврѣ, Ананасіи тотчасъ же послалъ его обратно—утѣшить братію и сказать, что онъ возвращается къ нимъ; а вслѣдъ за Θεодотомъ не замедлилъ явиться въ лавру и самъ. Иноки, увидѣвъ своего отца и пастыря,

возрадовались болѣе, нежели сколько веселится слѣпой, когда увидитъ солнце: одинъ лобызаль руки его, другой—ноги, иной—самыя его рубища. Почти молвіею разнесся слухъ по Святой горѣ, что Аѳанасій возвратился на Аѳонъ, а потому каждый день собиралось множество иноковъ видѣть его; и всякій непременно что-нибудь несъ съ собою: одинъ—пшеницу, другой—масло, тотъ—иное что-нибудь изъ съѣстнаго; ибо лавра, по удаленіи изъ нея Аѳанасія, пришла въ такую скудость, что, при возвращеніи его, не имѣла уже и муки даже на одни хлѣбы. Но, съ явленіемъ пастыря, всѣ дѣла въ священной его оградѣ тотчасъ же приняли иной оборотъ.

Черезъ нѣсколько времени, по нѣкоторымъ нуждамъ монастыря, надобно было самому Аѳанасію отправиться въ столицу. Царь услышалъ, что явился къ нему другъ его, и много тому обрадовался, но вмѣстѣ стыдился видѣться съ нимъ въ достоинствѣ царя, а не въ образѣ инока. Посему, вставъ съ царскаго своего трона, онъ пошелъ къ нему навстрѣчу не какъ царь, а какъ частный человекъ, и встрѣтилъ его съ великимъ смиреніемъ. Выказавъ Аѳанасію дружеское привѣтствіе, онъ взялъ его за руку и повелъ его во внутренніе свои чертоги. Здѣсь много и смиренно извинялся предъ нимъ и говорилъ: „Знаю, отче, знаю, что я, а не другой кто, виновникъ всѣхъ трудовъ и скорбей твоихъ: я, забывъ страхъ Божій, попралъ святыя свои обѣты. Но прошу тебя, долготерпи мнѣ, ожидая моего обращенія, пока удостоитъ меня Господь воздать Ему по обѣщаніямъ.“ Преподобный радовался, видя богобоязливость царя и великое его смиреніе. Святой, хотя тогда же предузналъ духомъ, что Никифоръ имѣетъ кончить жизнь свою на престолѣ, но не объявилъ ему о томъ, а только напоминалъ ему, чтобы онъ имѣлъ смиреніе, оплакивалъ свои грѣхи, сокрушался о нарушеніи обѣта—

принять иноческій образъ,—ибо солгалъ Богу, не исполнивъ сего обѣщанія,—чтобъ онъ прощаль согрѣшившимъ притиву себя и былъ милостивъ къ бѣднымъ. Проведши нѣсколько дней въ душеполезныхъ съ царемъ бесѣдахъ и исправивъ всѣ нужды монастырскія, АѦанасій оставилъ столицу и, при отбытіи своемъ, предсказалъ приближеннымъ Никифора, что царь ихъ скоро умретъ. Разставаясь и прощаясь съ другомъ своимъ, царь далъ ему хрисовуль на каждагодное полученіе съ острова Лемноса дани—двухсотъ сорока четырехъ золотыхъ монетъ; тогда же даровалъ онъ лаврѣ АѦанасія и большій монастырь въ Ѧессалоникѣ, назначивъ его метохомъ лавры. Такъ какъ иноки Святой горы просили АѦанасія, при отправленіи его въ столицу, чтобъ онъ испросилъ у царя даръ и для церкви карейской, то христілюбивый Никифоръ и карейскому храму назначилъ каждагодно выдавать изъ царскихъ суммъ, сверхъ трехъ, получавшихся прежде, еще четыре литры золота.

АѦанасіева паства умножалась со дня на день, но щедрый Дародатель, даже въ избыткѣ, посылалъ вѣрнымъ Своимъ служителямъ все нужное. Поэтому ласковое и щедрое страннопріимство считали они непремѣнною своею обязанностію. А такъ какъ лавра не имѣла еще хорошей пристани для кораблей, что было бы полезно для монаховъ не только лавры, но и всей Святой горы, и даже для страннхъ, то преблаженный и страннолюбивый АѦанасій, много сокрушаясь о томъ, наконецъ рѣшился устроить, какую могъ, пристань. Доброненавистникъ же діаволь, позавидовавъ и сему доброму его дѣлу, успѣлъ, по демонской своей злобѣ, причинить преподобному, попущеніемъ Божиимъ, значительную скорбь. Когда въ пристань спускали одно огромное дерево, спускавшимъ оное, по своему обыкновенію, помогаль и святой: онъ влекъ дерево съ нижней части, а мастера были сверху и осторожно спускали оное по скату

горы. Въ это время, дѣйствиємъ демона, дерево стремительно двинулось книзу и, сдавивъ ногу святаго, сокрушило ее въ голени и лодыжкѣ. Отъ этого преподобный три года пролежалъ въ постели и едва выносилъ страданія. Прежде чѣмъ приключилось это со святымъ, одинъ старецъ, имѣвшій просвѣтленныя очи души, видѣлъ цѣлый полкъ бѣсовъ, пришедшій съ великимъ негодованіемъ на Святую гору. Начальникъ ихъ послалъ сотню по всей Святой горѣ—искушать иноковъ, а съ девятью стами, разъяренный злобою, отправился самъ—въ лавру Аѳанасіеву. Святой, къ досадѣ демона, и во время болѣзни своей не хотѣлъ быть празднымъ. Онъ и тогда, по обычаю, занимался каллиграфіею,—въ шесть дней написалъ псалтирь, а въ сорокъ—патерикъ, и не преставалъ побѣждать злобу отца преисподней, расторгать коварныя его сѣти, устрояемыя имъ противъ его паствы.

Въ это время, благочестивый царь Никифоръ земную жизнь перемѣнилъ на вѣчную. Въ царствованіе преемника его (Іоанна Цимисхія), лукавый нашелъ благопріятный для себя случай снова искусить преподобнаго. Онъ возбудилъ простеповъ монаховъ, жившихъ въ другихъ частяхъ горы, жаловаться на святаго новому царю, что онъ уничтожилъ прежніе аѳонскіе обычаи, совершенно извратилъ древнія постановленія, сдѣлалъ произвольно разныя нововведенія, завелъ множество скота, насадилъ виноградники, построилъ множество изящнѣйшихъ зданій,—словомъ, сдѣлалъ Святую гору мірскимъ селеніемъ, отъ чего въ горѣ происходитъ много соблазновъ. Поэтому и просили они царя, чтобъ онъ изгналъ Аѳанасія изъ Святой горы и разрушилъ горделивыя его зданія. Царь, слышавъ о высокой добродѣтели святаго, не вдругъ повѣрилъ клеветѣ, а написалъ къ обвиняемому, чтобъ онъ самъ явился къ нему, для личнаго объясненія. Аѳанасій, исцѣлившись отъ бо-

лѣзни, явился. Увидѣвъ его и убѣдившись въ личныхъ его достоинствахъ, царь выразилъ глубокое къ нему уваженіе и, вмѣсто того, чтобъ сдѣлать ему какое-нибудь зло, облагодѣтельствовалъ его, подобно своему предшественнику Никифору, принявъ участіе въ устроеніи монастыря, назначилъ его лаврѣ ежегодную выдачу изъ царскихъ суммъ 244 золотыхъ монеть и далъ ему на то свой хрисовулъ. Святогорцы, видя, что они, неправедною своею жалобою на АѦанасія, принесли ему не вредъ, а сущую пользу, познали, что діаволь обольстилъ ихъ строить козни праведнику, на ихъ же погибель, и потому, раскаявшись, смиренно просили у святаго прощенія. Между тѣмъ, полный ненависти и злобы, супостатъ, видя, что этимъ способомъ нисколько нельзя повредить преподобному, скрежеталъ на него зубами и готовился къ новой и сильнѣйшей брани. Это его приготовленіе видѣлъ одинъ изъ имѣвшихъ чистыя душевныя очи, — старецъ Ѳома. Въ третій часъ дня пришелъ онъ какъ бы въ изступленіе и видитъ: всѣ горы и юдоли АѦона полны были пиеиковъ, мрачныхъ какъ эѡіопы, которые съ великимъ гнѣвомъ и яростію говорили другъ другу: „Други! что мы терпимъ здѣшнихъ всельниковъ? почему не истребимъ ихъ? почему не растерзаемъ ихъ зубами нашими? Долго ли еще терпѣть и начальника ихъ, — этого жестокаго нашего сокрушителя? отчего до сихъ поръ не уничтожимъ его? Не видите ли, что онъ самымъ жестокимъ образомъ изгналъ насъ изъ мѣста нашего?“ Тогда какъ это и подобное со всею бѣсовскою злостію говорили демоны, Ѳома видитъ, что преподобный вышелъ изъ своей келліи, съ жезломъ въ рукѣ, и началъ жестоко бить злившихся эѡіоповъ: мурины, не терпя ударовъ святаго, исчезли какъ дымъ и удалились не только отъ Меланъ, но и со всей Святой горы. Видѣніе это скоро пришло въ исполненіе. Исконный человѣубійца въ од-

номъ несчастномъ инокъ лавры возбудилъ такую ненависть къ Аѳанасію, что тотъ рѣшился непременно убить незлобиваго своего отца; и потому, выточивъ ножъ, онъ тихо пришелъ ночью къ его келліи, когда святой возносилъ прилежную къ Господу Богу молитву за него же неблагодарнаго, — и говоритъ: „отче, благослови!“ — Гласъ Іаковль, но руки Исавли. — Аѳанасій, праведный какъ Авель, не зналъ, что внѣ стоитъ Каинъ и зоветъ его на убіеніе. Спросивъ извнутри келліи: „кто тамъ?“ преподобный отворилъ дверь. Но лишь только дерзкій и коварный сынъ увидѣлъ кроткаго своего отца, — руки его невольно оцѣпенѣли, и гибельное его оружіе упало на землю: вслѣдъ затѣмъ онъ палъ къ ногамъ невиннаго своего отца и съ горькимъ плачемъ говорилъ: „помилуй, отче, своего убійцу! прости беззаконіе мое и оставь нечестіе сердца моего!“ Преподобный, зажегши огонь, увидѣлъ на землѣ изощреный на закланіе его ножъ, позналъ адское противъ себя намѣреніе своего сына-измѣнника и, удивившись этому, говоритъ: „На разбойника ли ты пришелъ на меня, чадо мое? Впрочемъ, Богъ да проститъ тебѣ беззаконіе твое! Оставь же свои слезы и не объявляй никому объ этомъ несчастномъ своемъ дѣлѣ.“ Говоря такъ, святой лобызалъ его, какъ своего друга и, во увѣреніе своего забвенія нанесенной ему обиды, далъ ему нѣкія дары о Господѣ, а впоследствии всегда любилъ его — не только живаго, но и послѣ смерти, и оплакивалъ его болѣе всѣхъ другихъ братьевъ. Такъ-то блаженный былъ непамятозлюбивъ! Между тѣмъ, этотъ отцеубійца, тронутый до глубины души незлобіемъ своего отца, рыдая и сокрушаясь о своемъ беззаконіи, никакъ не могъ удержаться, чтобъ не проповѣдывать о высотѣ отчей къ себѣ любви и о своемъ великомъ преступленіи, и умеръ съ чувствомъ глубокаго покаянія. И другой братъ, подвигнутый тоже дѣйствіемъ исконной злобы на ненависть къ

преподобному, непременно хотѣлъ потребить его отъ земли живыхъ: но, не зная, какъ успѣть въ этомъ преступнѣйшемъ своемъ замыслѣ, онъ предался волхвованію и чарованіямъ, и однакожь, къ удивленію, увидѣлъ, что всѣ чары его противъ незлобиваго отца не имѣютъ никакого успѣха. Этотъ жалкій инокъ случайно спросилъ другаго своего брата: „могутъ ли имѣть какое-нибудь дѣйствіе на человѣка чарованія?“ Братъ отвѣчалъ: „на человѣка благочестиваго и живущаго по Богѣ волхвованія не имѣютъ никакого дѣйствія.“ Слыша это, омрачившійся злобою братъ пришелъ въ себя; зная же о незлобii своего отца къ подобному себѣ отцеубійцѣ, явился онъ къ нему и, припадши къ ногамъ его, съ великимъ рыданіемъ исповѣдалъ ему грѣхъ свой и просилъ у него прощенія,—что и получилъ отъ того, который подражалъ Возлюбившему грѣшный міръ даже до крестной смерти. Таковъ былъ Анастасій къ согрѣшающимъ противъ него!

Святой подавалъ скорую помощь больнымъ и слабымъ и былъ сострадательнѣйшимъ о нихъ попечителемъ. Онъ всегда говорилъ своимъ инокамъ въ назиданіе: „знайте, чада,—отъ каждаго человѣка Богъ хочетъ того, чтобъ мы, сколько можемъ, помогали своимъ братіямъ,—прежде въ отношеніи къ тѣлу, а потомъ и въ отношеніи къ душѣ, и словами назиданія приводили ихъ къ покаянію, да и недостойные у Владыки нашего содѣлаются достойными и честными.“ Когда случались тяжело больные, покрытые ранами и струпами,—монахи ли то были, или и страные, и когда приставники къ больнымъ, не вынося смрада и зловонія отъ ранъ, нерадѣли о нихъ, онъ самъ, своими руками, очищалъ согнившіе члены ихъ. Кромѣ того, онъ занимался и другими низкими дѣлами и всегда старался совершать ихъ, по возможности, тайно. Почему и Господь, видя великое его смиреніе и трудъ, часто чудомъ исцѣлялъ больныхъ,—и такимъ образомъ исцѣлились многіе. Но препо-

добный не объявлялъ объ этомъ, утверждая, что они выздоровѣли отъ травъ. Если же узнавалъ онъ духомъ, что какому нибудь больному исцѣлиться не было воли Божіей, то, со всѣми братіями, совершалъ всеобщное бдѣніе и просилъ Бога, чтобы Онъ, какъ благоутробный, упокоилъ его, избавляя такимъ образомъ и больнаго отъ мученія, и приставниковъ отъ напрасной тягости. И къ утру, когда они кончали свои молитвы, кончалъ, бывало, свою жизнь и больной. По великому своему смиренномудрію, преподобный всегда говорилъ, что причиною этого чуда была молитва всѣхъ братій. Нерадѣнія, лѣности, праздности въ паствѣ его не существовало. Самые немощные и старые имѣли соразмѣрное съ своими силами дѣло. Притомъ всякое дѣло непременно сопровождалось у нихъ молитвою и псалмопѣніемъ, а не празднословіемъ, чтобы, такимъ образомъ, и самое дѣло благословлялось, и душа освящалась.

Свѣтомъ великихъ своихъ подвиговъ Аѳанасій свѣтилъ всему почти міру и, такимъ образомъ, своими добродѣтелями прославлялъ Отца небеснаго, за что и Богъ возвеличилъ его еще въ земной его жизни. Святой былъ общій отецъ и наставникъ, предстатель о всѣхъ предъ престоломъ Всевышняго, ангель утѣшитель, посланный свыше. Слава добродѣтелей его пронеслась звучнымъ эхомъ не только по всей Святой горѣ, но и далеко внѣ ея предѣловъ. Поэтому не одни афонскіе отшельники оставляли свое безмолвіе и приходили къ нему, чтобы подчиниться его руководству, считая это полезнѣе своего безмолвія;—къ нему являлись странники изъ Греціи и изъ другихъ различныхъ странъ, какъ-то: изъ древняго Рима, Италіи, Калабріи, Амальфіи, Грузіи и Арменіи,—являлись иноки и люди мірскіе, простые и благородные, бѣдные и богатые, и искали его водительства на пути къ небу; являлись даже игумены киновій и епископы, оставляя свои престолы и начальственные жезлы, и подчинялись

мудрому его управленію. Древность передала намъ имена—патріарха Николая, славнаго Харовита *), Андрея Хрисополита, знаменитаго подвижника и великаго мудреца, дивнаго аскета Акакія и многихъ другихъ пустынниковъ, веригоносцевъ, состарѣвшихся въ подвижничествѣ: всѣ они, то по Божественному строенію, то по прямому свыше откровенію, приходили къ преподобному и поступали подѣ его начальство. Однимъ изъ такихъ былъ и блаженный Никифоръ, подвизавшійся въ Балабріи со святымъ Фантиномъ. Имъ было Божественное видѣніе, повелѣвавшее Фантину идти въ Солунь, а Никифору отправиться на АѦонъ и подчиниться тамъ начальнику горы АѦанасію. Никифоръ такъ и поступилъ,—явился къ преподобному, который съ удовольствіемъ принялъ его и, на малое время, предоставилъ ему жить по прежнему его обычаю. Онъ былъ одѣтъ одною только власяницею, а ѣлъ разъ въ день, по захожденіи солнца, и то отруби съ теплою водою, и болѣе ничего. Преподобный же одѣлъ его въ одежды киновіатскія и повелѣлъ ему ѣсть то, что ѣли и прочіе. Состарѣвшійся подвижникъ не пререкалъ новому своему руководителю, но усердно повиновался всѣмъ его велѣніямъ, и посему

*) У святителя Ростовскаго объ этомъ патріархѣ Николай сказано: онъ же назывался и Харитонъ. Но этого нѣтъ ни въ Эллинской рукописи житія святаго АѦанасія, ни въ нашемъ источникѣ. Еп. Порфирій Успенскій считаетъ «Харонитъ» свитетомъ патріарха (Истор. АѦона ч. III, 93) и думаетъ, что это былъ Николай Мѣсталь (901—925); но это будетъ анахронизмъ. Вѣриѣе, какъ утверждаетъ г. И. Солодовъ (рец. на книгу Н. В. Помяловскаго: Житіе преп. АѦанасія АѦ. Слб. 1895.—Визант. Врем. т. III, 658), что былъ Николай Хрисовергъ (983—996). Харонитъ же (κρηφόριτος Харовітис) означало отдѣльное лицо. И, очень можетъ быть (по догадкѣ г. Солодова, см. тамже), здѣсь разумѣется основатель аѦонскаго монастыря Харонита или Харона (Μονή Χάρωντος, Χάρωνος), извѣстіе о которомъ есть въ лѣткахъ Русскаго монастыря подѣ 1048 г. (см. „Алты“. Кіевъ. 1873, 26, 36). Что Харонитъ отдѣльное лицо, видно и изъ печатнаго греческаго текста житія св. АѦанасія, а тамже и по славянскому переводу сего житія въ сербск. редакціи полов. XV в. (рпц. нашей бібліотеки)—гдѣ говорится: «отъ нихже бѣше и сіи великии въ патріарсѣхъ николѣе, слови харонити и прѣмудри и въ въздръжаніи многи андреа хрисополитѣ»....

достигъ такой высоты добродѣтели, что когда онъ представился, изъ костей его текло чудное муро, благовоннѣ всѣхъ земныхъ ароматовъ. Такіе то великіе мужи посылаемы были Богомъ подь управленіе Аѳанасія! И такъ, если плодъ показываетъ достоинство дерева, а дерево—силу и качество корня: то изъ плода наставляемыхъ Аѳанасіемъ видно, каковъ былъ самъ онъ. Но время уже, хотя кратко, коснуться и нѣкоторыхъ чудесъ, которыми Богъ прославилъ этого великаго Своего угодника.

Сподобившись за необыкновенныя свои добродѣтели, дара чудесъ, святой совершалъ ихъ въ неисчислимомъ множествѣ. Часто однимъ прикосновеніемъ своей руки, или даже своего жезла, либо однимъ своимъ словомъ, или знаменіемъ креста, исцѣлялъ онъ различныя недуги — душевные и тѣлесныя. Но надобно замѣтить, что при этомъ, столь легкомъ цѣленіи человѣческихъ недуговъ, онъ всегда соображался съ истинною пользою страждущихъ, которую просвѣтлѣнными очами своей души видѣлъ ясно. Поэтому однихъ исцѣлялъ онъ не вдругъ, страданія другихъ облегчалъ лишь нѣсколько, или исцѣлялъ ненадолго, а у нѣкоторыхъ только пресѣкалъ дѣйствіе болѣзни, оставляя въ душѣ ихъ противныя помыслы, давая имъ случай къ подвигамъ. Начнемъ описаніе чудесъ его съ дара прозорливости.—Разъ, во время тяжелой и суровой зимы, онъ вдругъ призвалъ къ себѣ одного брата, именемъ Теодора, занимавшагося рыболовствомъ, и говоритъ ему: „возьми, братъ, пищи и иди скоро, направляясь отъ Керасія *) внизъ къ морю;—тамъ находятся въ опасности умереть отъ голода и холода одинъ инокъ и два мірянина, выброшенные на берегъ бурею: укрѣпи ихъ пищею, а потомъ приведи сюда

*) Керасіа—черешня. Въ области лавры, такъ называется одно мѣсто, отстоящее отъ ней на два часа ходу, и носитъ это имя отъ обилія тамъ черешень. У сянгаго Ростовскаго оно по ошибкѣ названо Кесаріискимъ.

съ собою.“ Братъ отправился къ морю и дѣйствительно нашелъ тамъ тѣхъ, о комъ предсказалъ ему отецъ его. Несчастные, укрѣпившись пищею, пришли въ лавру съ радостію и громко благодарили Бога и святаго раба Его.

Въ другое время, святой, по какой-то нуждѣ, рѣшился съ нѣсколькими братіями отправиться моремъ въ одно мѣсто. Вошли въ лодку и уже отплыли отъ берега на довольное разстояніе, какъ злобный демонъ злоумыслилъ потопить ихъ: онъ возмутилъ и взволновалъ море сильнымъ вѣтромъ, опрокинулъ лодку вверхъ дномъ,—и вода, въ одно почти мгновеніе, покрыла всѣхъ плившихъ. Но едва только лодка перевернулась,—какое чудо, Господи!—святой тотчасъ же оказался сидѣвшимъ на верху ея, а прочіе ходили по водамъ, и всѣ они, извлекаемые изъ воды отцемъ своимъ, одинъ по одному, безъ всякаго вреда, взошли на хребетъ лодки. Не видно было только кипрянина, именемъ Петра, который, какъ древній Петръ, за свое невѣріе, погрязъ въ водахъ. Не видя его, преподобный возгласилъ: „гдѣ ты, Петръ, чадо мое?“—и море немедленно выкинуло его наверхъ. Между тѣмъ монахи лавры, приходившіе въ пристань проститься съ преподобнымъ, видѣли оттуда все происходившее тогда на морѣ и тотчасъ же, вошедши въ другую лодку, явились къ утопавшимъ своимъ братіямъ, пересаживали ихъ на свою, а опрокинутую демономъ снова обернули. Къ большому еще удивленію ивоковъ, въ море не упало ни одного сосуда, и ничего даже изъ самыхъ мелкихъ, находившихся въ лодкѣ, вещей. Съ того времени, братія лавры усугубили свою вѣру и благоговѣніе къ преподобному.

Одинъ монахъ, именемъ Матѳей, мучимый лютымъ демономъ, былъ принятъ преподобнымъ въ лавру, и только словомъ его избавленъ былъ отъ этого жестокаго и несправеднаго мучителя чловѣковъ.

Другой изъ иноковъ лавры имѣлъ такую слабость, что во время сна вытекала у него урипа, отчего одежды его, естественно, отзывались зловоніемъ. Впрочемъ, онъ былъ весьма усердный подвижникъ. Много и сильно скорбѣлъ бѣдный инокъ о своей слабости, но никому не открывалъ причины своей скорби. Лукавый всегда скоръ съ своею, пагубною для насъ, помощію въ бѣдахъ нашихъ, если мы сами благовременно не ищемъ помощи свыше. Онъ, окаянный, въ скорби находившемуся иноку присовѣтовалъ повѣситься, чтобъ скорѣе избавиться отъ поношенія. Несчастный уже рѣшился было исполнить этотъ адскій совѣтъ: но всеблагій Богъ не допустилъ, чтобы погибли усердные его труды и подвиги. Онъ вдохнулъ въ сердце несчастнаго самоубійцы исповѣдать преподобному страшный свой грѣхъ. Исповѣдуясь святому, онъ показывалъ ему гибельную свою петлю, которою намѣревался удавиться, но стыдился открыть причину такого преступленія, и едва-едва объявилъ ее, когда уже самъ святой ласково склонилъ его къ тому. „Омраченный!“ (это слово святой употреблялъ, когда кого-нибудь бранилъ), съ гнѣвомъ тогда сказалъ ему преподобный: „почему же ты не говорилъ мнѣ объ этомъ прежде? иди, и не дѣлай болѣе.“ И—о чудо!—слово его было дѣломъ: инокъ навсегда избавился отъ своей немощи.

Еще одного монаха, именемъ Θεодора, свѣдаемаго страшною и не исцѣлимою болѣзнію—ракомъ, святой исцѣлилъ только изображеніемъ на немъ знаменія честнаго креста. Чтобы испытать терпѣніе и послушаніе Θεодора, святой сначала поручалъ его пользоваться врачу лавры—Тимоеею. Этотъ, хотя и зналъ, что ракъ неизлѣчимъ, но, чтобы не явиться ослушникомъ, взялъ больнаго подъ свое смотрѣніе. Такъ часто дѣлалъ преподобный.

Въ одинъ годъ, на островъ, называемый Юныхъ *), гдѣ

*) Надобно замѣтить, что здѣсь, на этомъ островѣ, по распоряженію святаго, шло колоды

лавра имѣла свой метохъ, напало столько саранчи, что она истребила тамъ почти всякую растительность, отъ чего произошелъ голодъ и моръ скота. Святой самъ отправился на этотъ островъ, сотворилъ тамъ прилежную ко Господу Богу молитву, и, по молитвѣ его, тотчасъ же налетѣло туда столько птицъ, что онѣ въ одинъ день истребили всю саранчу.

Не разъ также святой услаждалъ морскую воду и дѣлалъ ее годною для питья.

Одного брата лавры, именемъ Герасима, жестоко страдавшаго грыжею и ревматизмомъ, святой исцѣлилъ молитвою и назнаменованіемъ на немъ спасительнаго креста. Послѣ праведной кончины преподобнаго, этотъ Герасимъ, свидѣтельствуясь Богомъ, исповѣдалъ слѣдующее: „Въ одинъ день, когда святой находился въ храмѣ святыхъ Апостолъ, мнѣ нужно было съ нимъ бесѣдовать;—я пошелъ къ нему, смотрю въ дверную щель и вижу—лицо его подобно пламени огня; я отступилъ немного, потомъ снова возвратился, и опять вижу—лицо его блещетъ еще большимъ свѣтомъ, даже самъ онъ окруженъ какимъ-то ангельскимъ сіяніемъ. Тогда я затрепеталъ отъ страха и невольно возгласилъ: „отче!“ Святой, утѣшая меня, сказалъ: „не бойся, чадо! впрочемъ, даю тебѣ заповѣдь: не объявляй никому того, что ты теперь видѣлъ, пока я живъ.“ И, сохраняя заповѣдь отца моего, я не сказывалъ вамъ этого даже до сего дня.“

Одинъ братъ, по вѣской монастырской нуждѣ, послан-

лаврскіе иноки и, до известнаго времени, упражнялись въ дѣлѣ иночества подъ надзоромъ одного благоговѣйнаго и опытнаго старца. Тамъ были искушенья и разсудителии преподобнии въ дѣлѣ руководства всѣхъ и каждого по спасенію. На пути къ небу, онъ не отказывалъ въ своей помощи и юнымъ, но для избѣжанія соблазна, не держалъ ихъ не только въ лаврѣ, но даже и на горѣ. Островъ этотъ: ἡ τῶν νέων ὑφορῶς, потому такъ названъ, какъ говорить вѣликогреческая рукопись житія святаго Анастасія, что онъ былъ мѣстою повеченія о юныхъ, что такъ, изъ монаховъ лавры, предупреждалась ои ѱεῖτες.

ный преподобнымъ въ мѣръ, вознерадѣлъ о своемъ спасеніи и впалъ тамъ въ плотской грѣхъ. Возвратившись въ лавру, съ отчаяніемъ о своемъ спасеніи, онъ исповѣдалъ преподобному свой грѣхъ. Святой, какъ опытный врачъ, утѣшая его и убѣждая не отчаяваться, но имѣть надежду на Бога, оставилъ его при прежнемъ монастырскомъ послушаніи. Узнавъ объ этомъ, другой монахъ, именемъ Павелъ, соблазнился и сталъ открыто осуждать какъ павшаго брата, такъ и преподобнаго,—что святой не изгналъ изъ обители преступника, за совершеніе такого беззаконнаго и постыднаго дѣла. Преподобный, строго посмотрѣвъ на него, сказалъ: „Павелъ, что ты дѣлаешь?—себѣ внимай, а не братніе грѣхи разсматривай. Писано: *мняйся стояти, да блюдется, да не падеть* (1 Кор. 10, 12).“ Съ того времени, попущеніемъ Божиимъ, и самъ Павелъ ощутилъ въ себѣ сильную блудную брань и жестоко страдалъ уже трое сутокъ, такъ что началъ отчаяваться во спасеніи; но, что всего хуже, стыдился открыться отцу своему объ этой гнусной брани и просить его помощи. Преподобный зналъ духомъ все это и приличнымъ образомъ самъ внушалъ ему смѣлость исповѣдаться. Тогда-то уже Павелъ открылъ ему свой грѣхъ и просилъ у него прощенія, какъ у отца, къ согрѣшающимъ сострадательнаго. Послѣ сего, преподобный прежде вразумилъ его, чтобъ онъ не осуждалъ падающихъ, но болѣе бы сострадалъ имъ и молился за нихъ, а потомъ уже, видя его смиреніе и сокрушеніе, помолился о немъ Богу и освободилъ его отъ этой скверной брани: Павелъ ощутилъ какой то хладъ, на главу его пролившійся и распространившійся по всему его тѣлу, отъ чего похотное разженіе тотчасъ же въ немъ погасло.

А братъ лавры Аѳанасій исцѣлился отъ водяной болѣзни чрезъ одно только прикосновеніе Аѳанасія къ животу его и произнесеніе сихъ словъ: „иди, чадо,—у тебя нѣтъ

никакого недуга.“ Кромѣ описанныхъ нами, святой, до своей кончины, сотворилъ много и другихъ чудесъ, но, для сокращенія своего повѣствованія, мы оставляемъ ихъ. Теперь время намъ сказать о кончинѣ его и о чудесахъ, которыя сотворилъ онъ послѣ своего преставленія, и привести повѣсть его къ концу.

Такъ какъ къ преподобному собиралось, почти со всего міра, много братій, которые, для душевнаго своего спасенія, подчинялись ему, то братія его скоро не могли помѣщаться въ прежней церкви. Это заставило святаго приступить къ расширенію соборнаго храма. Постройка шла, и только своды алтаря не были еще приведены къ окончанію. Тогда преподобный АѢанасій, провидя, что пришло ему время отойти къ желаемому имъ всегда Христу, призвалъ къ себѣ всю братію и, предложивъ имъ сначала поученіе изъ Θεодора Студита, простеръ къ нимъ такую бесѣду: „Братія и чада мои! да блюдетъ каждый изъ васъ языкъ свой, ибо лучше упасть съ возможно большей высоты, чѣмъ испытать паденіе отъ языка: всякій изъ васъ да ожидаетъ себѣ искушенія, ибо мы идемъ въ царствіе небесное путемъ скорбей и искушеній. Почему не печальтесь о бѣдствіи, какое имѣетъ произойти со мною, и не соблазняйте имъ, но полагайте, что совершающееся устроеніемъ Божиимъ направляется къ вашей пользѣ; ибо иначе судятъ люди, и иначе устрояетъ Премудрый.“ Слушая это, братія недоумѣвали, о чемъ говоритъ имъ отецъ ихъ, и много о томъ размышляли. Потомъ преподобный вошелъ въ свою келлію и надѣлъ на себя свою рясу, мантию и священный кукуль блаженнѣйшаго отца своего Малеина, который обыкновенно возлагалъ на себя только въ дни великихъ господскихъ праздниковъ, или когда пріобщался святыхъ Христовыхъ Тайнъ. Промедливъ довольно времени одинъ въ своей келліи, онъ вышелъ изъ ней. Состояніе духа его было весьма

радостное, что выражалось и на самомъ лицѣ его. Братія, видя его такъ украсившимся и лицо его столь свѣтлымъ и веселымъ, дивились этому необыкновенному зрѣлищу. Послѣ того святой, съ шестью человекѣми изъ братій, возшелъ на верхъ храма видѣть строеніе и помочь зиждущимъ. Какъ скоро вошли они туда, подъ ногами ихъ, недовѣдомыми судьбами Божиими, разсѣлся верхъ храма, и всѣ они ринулись книзу. Пятеро тотчасъ же предали души свои въ руки Божіи. Преподобный же Аванасій и зодчій Даниилъ, хотя и были завалены камнями, но оставались живы. Всѣ слышали, что преподобный, лежа подъ камнями, до трехъ часовъ говорилъ: „слава Тебѣ, Воже! Господи Іисусе Христе, помоги мнѣ!“ Братія, съ великимъ плачемъ и обильными слезами, кто чѣмъ могъ, откапывали своего отца, но откопавъ, нашли его уже скончавшимся о Господѣ. Положеніе тѣла его было таково: голова его была обращена къ святому сопрестолію, руки сложены крестовидно, ноги же, находясь въ прямомъ положеніи, были простерты вверхъ, какъ бы шествовалъ онъ на небо; святая мощи его не имѣли никакой раны, только правая нога была немного расцарапана деревомъ. Поднявъ святаго изъ груды камней, братія положили его на одрѣ и, называя самихъ себя окаянными, всѣ плакали о немъ неутѣшно, такъ какъ потеряли въ немъ искуснаго управителя, скоропомощнаго и мудраго врача и благаго отца. Тѣло его оставалось непогребеннымъ три дня, чтобы, для совершенія надъ нимъ подобающаго надгробнаго псалмопѣнія, успѣли собраться иноки со всей Святой горы. Въ эти три дня, оно, къ общему изумленію, и не опухло, и не почернѣло, и не издавало обычнаго смрада, —нисколько не перемѣнилось. Когда со Святой горы всѣ собрались и совершали надъ нимъ пѣніе, замѣчено было поразительное явленіе, что изъ уязвленной ноги его выходила свѣжая кровь. И не одно

только это совершилось тогда чудо, что тридневный мертвецъ испускалъ свѣжую кровь,—въ тотъ же самый часъ прославилось и лицо его, сдѣлавшись необыкновенно благообразнымъ и бѣлымъ, какъ снѣгъ. Одинъ старецъ убрусецемъ своимъ обтеръ эту кровь, и она потекла еще болѣе: почему всѣ стали брать ее и мазаться ею, въ освященіе души и тѣла. Наконецъ многопобѣдное святое тѣло сіе, сосудъ Всесвятаго Духа, было благоговѣнно и честно погребено. Когда вынули изъ-подъ камней другихъ шесть братій, тѣла пяти изъ нихъ оказались совершенно раздавленными, и честно погребены еще прежде погребенія святаго; строитель же Данииль, человекъ духовный и добродѣтельный,—не смотря на то, что былъ весьма изъязвленъ,—оставался въ живыхъ еще нѣсколько дней. Въ это время онъ всѣмъ говорилъ, что, въ ночь предъ кончиною святаго, видѣлъ дивное видѣніе.—будто царь. посылалъ человека за Аеанасіемъ: Аеанасій взялъ съ собою еще шестерыхъ, въ числѣ которыхъ былъ и я,—говорилъ Данииль. Когда мы дошли до царскихъ палатъ, преподобный съ другими пятью, вошелъ въ палату, а я оставался за дверьми и плакалъ. Тогда кто то сказалъ мнѣ извнутри: „напрасно и бесполезно плачешь; тебѣ невозможно войти сюда, пока не возьметъ тебя Аеанасій.“ Послѣ того я горько зарыдалъ, и вижу идущаго ко мнѣ сладчайшаго моего отца, который, взявъ меня за руку, пошелъ со мною къ царю, и я сподобился тамъ благоговѣнно поклониться ему.—Согласно съ этимъ видѣніемъ совершилось и дѣло: преподобный отшелъ къ небесному царю сначала съ пятью братіями, а потомъ слѣдовалъ за нимъ и благоговѣнный здатель Данииль. Вотъ какимъ образомъ паства святаго Аеанасія осталась сиротствующею! Да не подумаетъ кто-либо, что такая кончина его несчастна; напротивъ, *смерть преподобныхъ*, по Писанію, всегда *честна предъ Господемъ* (Псал. 115, 6). Она сему угоднику Божию ис-

ходатайствовала у Бога, сверхъ преподобническаго, вѣнецъ и мученической. Объ ней не безъизвѣстно было и самому святому, какъ мы можемъ видѣть это изъ вышесказанныхъ его дѣйствій предъ кончиною. Да и кромѣ сего, ясно провидя ее духомъ, онъ, за нѣсколько времени до святаго своего представленія, говорилъ ученику своему Антонію: „путь, лежащій намъ въ Царьградъ, прошу, соверши ты одинъ, ибо мнѣ, по изволенію Царя небеснаго, не придется уже видѣть царя земнаго.“ Аванасій, предъ кончиною своею, имѣя въ виду нѣкоторыя монастырскія нужды, дѣйствительно собирался къ царю. Кончина преподобнаго произошла въ 980 г.

Разскажемъ теперь сокращенно о нѣкоторыхъ чудесахъ святаго, которыя совершилъ онъ и послѣ своего преставленія. По кончинѣ преподобнаго, игуменомъ лавры былъ одинъ добродѣтельный инокъ, по имени Евстратій. Онъ имѣлъ невыносимую болѣзнь въ своихъ почкахъ, ибо мочился кровію, съ трудомъ и невыразимою болью. Семь лѣтъ страдалъ онъ и, испытавъ безъ пользы средства многихъ, даже столичныхъ врачей, наконецъ отрекся отъ всякаго человѣческаго врачеванія, возложилъ все свое упованіе на Бога и молился о своемъ исцѣленіи преподобному своему отцу. Молитва его услышана Богомъ: прибѣгши къ сему мощному, безмездному и скорому на помощь врачу, тотчасъ же получилъ онъ исцѣленіе. Въ одну ночь, явился ему во снѣ преподобный и, подавая сосудецъ съ какимъ-то питьемъ, велѣлъ выпить его весь. Евстратій, отказавшись отъ всякаго врачеванія и подаваемый ему сосудецъ считая за обыкновенное лѣкарство, не хотѣлъ было принять его и пить; но, услышавъ сладкій отеческій голосъ: „не бойся, чадо,—пей: это послужитъ тебѣ во здравіе,“—повиновался. Пробудившись и видя у себя естественное теченіе урины, онъ прославилъ Бога и возблагодарилъ святаго, и всѣмъ разсказывалъ о великомъ этомъ чудѣ.

Одинъ монахъ былъ мучимъ лютымъ демономъ. Несчастнѣй, пришедши ко гробу святаго, помазался масломъ изъ горячей тамъ лампы: послѣ сего, внутренность бѣснующаго тотчасъ же возмутилась, и онъ, изbleвавши кровь съ какими-то мелкими животными, освободился чрезъ это отъ демона и пошелъ домой, радуясь и славя Господа. Подобно этому, и слѣпой сынъ нѣкоего АѦанасія, помазанный елеемъ изъ лампы святаго, получилъ прозрѣніе, а одинъ юноша, съ вѣрою помазавшись елеемъ изъ той же лампы, исцѣлился отъ проказы.

Кромѣ того, въ Смирнѣ, одна кровоточивая жена, съ вѣрою и призываніемъ имени святаго АѦанасія, выпивъ крови его, которую далъ ей случившійся тамъ въ то время ивскъ лавры, совершенно исцѣлилась отъ этой трудной болѣзни. А въ пристани Певкійской, одинъ матросъ, помазанный кровію святаго, которую привесли туда съ собою иноки лавры—Георгій и Симеонъ, возсталъ съ смертнаго одра, на которомъ 8 дней уже лежалъ какъ мертвый, безъ всякаго движенія и голоса.

Какое имѣеть преподобный дерзновеніе у Владыки Христа и Царя всей твари, совершенно достаточно показываетъ и то, что мы написали,—говоритъ жизнеописатель святаго АѦанасія. Кто можетъ исчислить звѣзды небесныя, или песокъ морской, тотъ лишь могъ бы пересказать и безчисленныя чудеса преподобнаго. Посему, воздавъ славу и честь премудрому и всесильному Богу, дивному какъ во всѣхъ святыхъ, такъ и въ преподобномъ АѦанасіи, окончимъ свою повѣсть. Молитвами же преподобнаго отца нашего АѦанасія и всѣхъ святыхъ, да сохранимся и мы всѣ безпорочными, да тако избавимся вѣчнаго мученія и получимъ вѣчное блаженство о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Аминь.

Въ дополненіе къ жизнеописанію преподобнаго отца нашего Аѳанасія предлагаемъ здѣсь и предсмертный завѣтъ, или духовное завѣщаніе, писанное имъ собственноручно въ 969 году, въ наставленіе собранному имъ духовному стаду *).

Завѣщаніе преподобнаго Аѳанасія.

„Аѳанасій монахъ и игумень.“

„Отцы и братія возлюбленные и честные, чада духовныя возделѣнные! Такъ какъ я, смиренный монахъ Аѳанасій, исполненный всякаго грѣха, попущеніемъ же Божиимъ наставникъ Лавры вашей, водруженной на горѣ и называемой Мелана, ежедневно и ежечасно помышляю безвѣстный часъ смерти, подстерегаемый ею повсюду, преимущественно же въ путешествіи моремъ, ради бывающихъ часто временно, по непостижимымъ судьбамъ Божиимъ, кораблекрушеній, то и счель справедливымъ оставить Лаврѣ настоящее письменное припамятованіе, имѣющее видъ завѣщанія, или лучше,—тайное наставленіе, мною писанное и подписанное,—съ тѣмъ, чтобы оно хранилось монахомъ и епископомъ Михаиломъ на хорахъ церкви и чтобы, по моей кончинѣ, его содержаніе объявлено было всѣмъ.

*) Переводъ завѣщанія препод. Аѳанасія заимствуемъ изъ книги покойн. архимандрита Антонова: «Завѣты подвижника Святой горы». (Кіевъ. 1864 г.), отдавая должную справедливость высказаннымъ о семъ предметѣ мыслямъ достопочтеннаго автора ея. «Ничто такъ незнакомитъ насъ съ человѣкомъ, какъ его собственная рѣчь, и въ особенности рѣчь предсмертная. Прочитавши завѣщаніе св. Аѳанасія, мы видѣли какъ бы его самого прошедшимъ мимо насъ, хотя и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ. Очеркъ его отпечатался рѣзко въ воображеніи нашемъ. Даже черты лица въ общности уловлены нами. Конечно въ его завѣщаніи виденъ прежде всего игумень монастыря, но въ складѣ рѣчи многократно отобразился и человѣкъ—Аѳанасій». Подлинный текстъ завѣщанія напечатанъ у Meyer: Die haupturkunden für die geschichte der Athos klöster. Leipzig. 1894. 123—130.

„Желаю, какъ живымъ голосомъ, и настоящимъ писаніемъ, открыть всѣмъ свою мысль и свою заботу, которую печась постоянно, въ скорби чрезмѣрной провелъ всѣ дни моей жизни. Ибо въ точности зная непригодность своей немощной души для настоятельства надъ другими (до того,—что даже о собственной душѣ не могъ надлежащимъ образомъ позаботиться), я непрестанно молилъ Бога указать мнѣ человѣка, который бы, по Его Божественному хотѣнію, могъ достойно настоятельствовать, водить и пасти хорошо словесныхъ овецъ своей паствы—еще при жизни моей, а я бы самъ удалился на особь и попекся, и позаботился о своихъ многихъ грѣхахъ. Но я не достигъ предположенной цѣли, по безумію ли моему и по собственной мнѣ глупости судить по собственной худости и другихъ, или уже такъ устроилъ, а лучше сказать: такъ попустилъ это Богъ за множество моихъ многихъ золь.

„Хочу и желаю, по кончинѣ моей, оставить игуменомъ одного изъ нашего во Христѣ сообщества и братства, отличающагося между всѣми и словомъ, и жизнію, и дѣломъ, какъ заповѣдуетъ и грамота блаженнѣйшаго и приснопамятнаго царя господина Никифора *),—чтобы т. е. игумень Лавры поставлялся не отъивуды, а изъ живущихъ въ ней братій, отличающихся благоразуміемъ и добродѣтелію.

„При семъ завѣщаваю всѣмъ отцамъ и братіямъ, и моимъ духовнымъ чадамъ, всѣхъ прошу ради любви во Христѣ, и всѣхъ заклинаю именемъ Бога и Пресвятыя нашея Богородицы повиноваться и покоряться игумену, моему преемнику, какъ и моему смиренію, и жить другъ съ другомъ въ любви и единомысліи,—сильнымъ носить тяготы немощныхъ, всѣми силами и всѣмъ расположеніемъ подвизаясь каждый, кто получилъ Божественную благодать,

*) Никифоръ II Фона, славный въ византійской исторіи полководецъ, родившійся въ 912 году, возведенный на престолъ въ 963 г. и убитый 10/21 декабря 969 г.

и дѣломъ и словомъ править душами, утверждая братій и увѣщаніями, и просьбами, и наставленіями,—соблюдать же и въ св. церкви Вожіей, и въ трапезѣ, и во всѣхъ другихъ службахъ уставы, какъ письменно изложенные, такъ и неписанно переданные, которые уложили святые и богоносные отцы, а мы, недостойные, изъ ихъ писанія и преданія по частямъ заимствовали и передали въ правило и образецъ нашей Лавры.

„Кромѣ того, я оставляю послѣ себя блюстителемъ (епитропомъ) Лавры господина Іоанна, который много лѣтъ трудился, служа мнѣ со всякимъ снисхожденіемъ и смиреніемъ. Хочу, чтобы, по кончинѣ моей, онъ, какъ человекъ духовный и поистинѣ благоразумный, чрезвычайную любовь и вѣру имѣющій ко мнѣ недостойному и ко всѣму братству, здѣсь же на Горѣ обитающій, съ нами проведенный дни жизни своей и состарѣвшійся, пришелъ въ Лавру я, если возможно, окончательно водворился между братьями,—съ тѣмъ, чтобы внушать имъ и напоминать о повиновеніи игумену. Если же это невозможно, то чтобы хотя почаще имѣлъ обращеніе съ братіями и заправлялъ ихъ. При кончинѣ же своей, чтобы оставилъ вмѣсто себя блюстителемъ господина Евѣмнія, моего сына по духу, а его по плоти и духу. Сей же въ свою очередь, при кончинѣ оставилъ бы преемникомъ своимъ кого—нибудь изъ своей Лавры, или вообще съ Горы, если найдется человекъ словесный и духовный. Подобнымъ же образомъ поступали бы и слѣдующіе за симъ.

„Я думалъ было святаго царя оставить блюстителемъ священной Лавры нашей, но убоился, нашедши это дерзкимъ. Ибо онъ есть царь и владыка, и господинъ и отецъ, и питатель не насъ однихъ послѣднѣйшихъ и нашихъ отцевъ, и братій, а и всѣхъ христіанъ. Онъ болѣе всѣхъ, и мірскихъ и монаховъ, показаль къ намъ, недостойнымъ

и бѣдныиъ, и къ нашей Лаврѣ свою благосклонность. Онъ сдѣлалъ ее многочисленною, расширивъ ее и увеличивъ своими благочестивыми грамотами, коими подтвердилъ грамоты другихъ царей: господина Никифора и господина Іоанна *). Да и кромѣ ихъ далъ свои другія грамоты. Почему, какъ сказано, его-то, благаго царя, я не смѣлъ оставить въ чинѣ блюстителя. А оставилъ блюстителемъ и покровителемъ, и заступникомъ нашего во Христѣ общества и нашей Лавры благочестивѣйшаго господина моего, истиннаго Христолюбца и монахолюбца, Никифора, славнѣйшаго патриція и приставника Каниклія **), дабы ради награды отъ Бога и ради своей души освященной, онъ оказывалъ защиту, помогалъ и содѣйствовалъ господину Іоанну Грузинцу, нашему въ духѣ брату и отцу, и всему во Христѣ братству во всѣхъ, приключающихся имъ въ жизни, скорбяхъ. Чтобы онъ, такимъ образомъ, заботился помогать имъ относительно привременной и тлѣнной стороны жизни, а господинъ Іоаннъ Грузинецъ, и всѣ братія подвизались бы о нетлѣнныхъ и вѣчныхъ благахъ будущаго вѣка со всякою готовностію, любовію и ревностію, молясь о немъ непрестанно. Когда же придетъ время кончины его, да оставитъ онъ вмѣсто себя другаго блюстителя сказанной св. Лавры ***). Такъ да поступаетъ и всякій другой потомъ

*) Т. е. Никифора Фоки и Іоанна Цинскія. Изъ сего видно, что св. Анастасій «святыхъ и благихъ» царемъ называетъ имп. Василія Багрянороднаго, прозваннаго «болгаробойцемъ». Видно также, что завѣщаніе писано послѣ 975 года, въ которомъ умеръ Цинскій. Императоромъ тогда было двое: Василій и Константинъ — братья. Образъ времени св. Анастасія подтверждаетъ слѣдъ историковъ о томъ, что Константинъ хотя носилъ титулъ императора, но не царствовалъ, пока живъ былъ братъ его. Фактъ замѣчательный: всѣ три императора, столько непохожіе другъ на друга и столько причинъ имѣвшие дѣйствовать вопреки одинъ другому, равновѣрно покровительствовали св. Анастасію.

***) О «κὶ Κανικλίου» — придворная должность значакинъ, не совсѣмъ теперь неслыхано. Дю-Кантъ не различаетъ ее отъ должности Логовета.

***) Кто именно былъ сей патрицій Никифоръ? Съ вѣроятностію можно сказать, что это былъ кто нибудь изъ той же фамиліи Фоки, и именно братній свужъ императора Никифора

при своей кончинѣ. Такимъ образомъ тѣ да будутъ покровителями и заступниками Лавры какъ въ богохранимомъ городѣ, такъ и во всѣхъ другихъ прилучающихся дѣлахъ и службахъ, ради мзды отъ Бога и своихъ честныхъ душъ. А эти (блюстители—монахи), какъ принадлежащіе къ чину монашескому, живущіе на Горѣ, сосѣдствующіе (а еще бы лучше обитающіе вмѣстѣ) съ братіями, да тщатся всѣми силами, съ свойственнымъ имъ благоговѣніемъ и добродѣтелию, заботиться о нихъ, какъ о различныхъ членахъ одного и того же тѣла, да получаютъ мзду отъ великодаровитаго Бога въ день суда,—за то, что сохранили вѣру и любовь ко мнѣ смиренному и недостойному, и всякому грѣху повинному, не только при жизни моей, но и по смерти.—Кончаю о блюстителяхъ.

„Вы же, отцы и братія, и чада духовныя! Если потщитесь со всякимъ усердіемъ и благимъ расположеніемъ хранить другъ съ другомъ миръ и единомысліе неразрывное, если не будетъ между вами ни расколовъ, ни раздвоеній, ни ссоръ, ни дружбъ, ни обществъ, но будутъ вѣра и любовь, и родственное расположеніе одного къ другому и всѣхъ къ игумну, и тщательное храненіе моихъ заповѣдей, уставовъ и правилъ, переданныхъ вамъ, вѣрю Богу, что Его благость отверзетъ сердце не только блюстителей, но и всякаго другаго сильнаго лица къ сочувствію съ вами, къ содѣйствію и къ вспомоствованію волѣ на пользу душъ вашихъ.

„И внимайте тщательно, братія, если найдется между вами (чего я не желаю), кто—нибудь, пытающійся рассѣчь тѣло братства ухищреніемъ, коварствомъ и лукавствомъ, чтобы не мѣшался съ нимъ никто изъ васъ, но поскорѣе

(сынъ Варды († 989), сына Льва, младшаго брата Никифора, убитый въ походѣ противъ Абхазцевъ въ 1019 или 1020 г.—Отъ чего сынъ, а не отецъ, избирается св. Анастасіемъ въ блюстительство Лавры, причиною этому могло быть то, что въ 987 г. Варда возмущался противъ Василія и объявлялъ себя императоромъ.

отдалите его и отгоните его отъ общества своего, какъ заразу, какъ старую закваску,—его самого отселите отъ части спасаемыхъ. Ибо покушающемуся на такія вещи умѣстно пожелать, да истребится память его съ земли, и да изгладится имя его изъ книги живыхъ, и съ праведными да не пишется. Если бы нашелся кто—нибудь, заступающійся за таковаго, то и онъ да будетъ его же части и наслѣдія. Заповѣдую господину Іоанну моему блюстителю и всему братству выгонять такихъ немедленно изъ Лавры.

„Къ Лаврѣ же господина Іоанна *) и къ его братіямъ заповѣдую имѣть то же самое расположеніе и ту же самую любовь духовную, какія, видите, имѣю и храню я, смиренный и грѣшный, и какія и вамъ внушала часто и въ общихъ наставленіяхъ и каждому порознь,—и не къ одному только господину Іоанну и его братству, но и ко всякому другому,—не только любящему и почитающему васъ, но и враждующему противъ васъ и оскорбляющему иногда васъ,—причиняющему вамъ искушенія и озлобленія. По повелѣнію Божию, любить и миловать слѣдуетъ того, кто нападаетъ на васъ и дѣлаетъ вамъ зло, потому что онъ болѣе самого себя обижаетъ тѣмъ, вамъ же доставляетъ величайшую пользу. Я знаю, что изъ многихъ, бывшихъ съ нами, случаевъ, вы опытно познали и убѣдились, что желавшіе озлобить насъ помогли намъ весьма и душевно и тѣлесно. Но и къ Проту, и къ игуменамъ, и къ братіямъ Св. горы нашей сохраните любовь, миръ, смиреніе и подобающую честь, какъ, видите, храпите ихъ мое смиреніе.

„Кто служитъ хорошо, благочестиво и духовно, на пользу души своей, какъ въ самой Лаврѣ, такъ и въ метохахъ ея, виѣшнихъ и внутреннихъ, и на островахъ, пусть остается на должности своей до глубокой старости,

*) Лавра сіа есть нынѣшній Иверскій монастырь вѣонскій. Многократно упоминаемый св. Аѣнасіемъ, Іоаннъ есть, чествуемый обитателю, одинъ изъ трехъ игуменовъ ея.

особенно же кто съ ревностію къ Богу старается хравить непрекословное повиповеніе къ игумену, преемнику моего смиренія, — имѣть всю охоту и желаніе съ любовію доставлять Лаврѣ все потребное, для своихъ духовныхъ братій, считая дѣломъ спасенія души своей такую службу. Пусть таковой служитъ всю жизнь, дѣйствуя всегда съ воли игумена и блюстителя, а не по самовластію.

„Блюстителю моему, монаху Іоанну Грузинцу, заповѣдую и внушаю отъ имени Господа Бога и Пресвятой нашей Богородицы, чтобы, по кончинѣ моей во всемъ, что касается братства во Христѣ, и Лавры, и ея принадлежностей, какъ внутри горы, такъ и внѣ, онъ распорядился такъ, какъ требуетъ того заповѣдь Божія и ученіе Божественныхъ отцевъ. Пусть онъ пробудетъ съ братіями въ Лаврѣ довольно дней, обращаясь съ ними со всеми вмѣстѣ и съ каждымъ порознь, совершая молитвы и эктевіи и нелицеприятно, и безстрастно, со всякою свободою какъ бы предъ лицомъ Самого Бога, назирающаго и вѣдущаго сердечныя тайны каждаго, совѣтуясь съ старѣйшими, умнѣйшими и духовнѣйшими изъ братій, по долговременпомъ испытаніи мнѣній и сужденій какъ ихъ, такъ и всѣхъ прочихъ, пусть поставитъ имъ игумена, кого укажетъ Богъ, и выберетъ онъ— вмѣстѣ съ старѣйшими изъ братій. Участвующихъ въ совѣтѣ блюстителя, для выбора игумена, братій должно быть не болѣе 15 человекъ. А лучше и менѣе того. Не потому мы удаляемъ отъ совѣта другихъ, что они недуховны или неумны (благодатію Божіею всѣ суть и духовны, и полезны, и благоразумны). Но такъ какъ въ большемъ количествѣ, по различію свойствъ и мнѣній каждаго, одни стали бы выбирать одного, другіе другаго, то я и счелъ справедливымъ, какъ выше сказано, чтобы немного было избирателей. Поставленіе же да бываетъ слѣдующимъ образомъ. Пусть будетъ отправлено всеобщее бдѣніе съ вечера въ собор-

номъ храмъ Пресвятыя Богородицы. Послѣ заутрени, когда окончена будетъ Божественная литургія, преподано Божественное освященіе и прочтена заамвонная молитва, да будетъ возглашена эктенья, на коей сказано: Господи помилуй 50 разъ. Потомъ поставляемый пусть положить предъ алтаремъ поклонъ предстоятелю и обратится къ собранію монаховъ. Тогда пусть первый поклонится ему блюститель, а за нимъ и прочіе всѣ. И, какъ сказано выше, пусть блюститель помогаетъ и пособляетъ ему всѣми силами, братія же да оказываютъ чистое и неложное повиновеніе. Съ теченіемъ же времени, господинъ Іоаннъ Грузинецъ, посѣщая и видя чинъ и поведеніе игумена и братій, конечно замѣтитъ либо тѣніе, прилежаніе, любовь, расположеніе и дружество души его къ братіямъ, братій же послушаніе, и вѣру, и любовь душевную къ игумену, либо все противное тому. Вслѣдствіе чего, то, что прилично духовному состоянію, онъ утвердитъ, а неприлично исправитъ и наставитъ на истинный путь, да получить за то мзду отъ челоуколюбца Бога въ царствіи небесномъ. По избраніи же и утвержденіи игумена, хочу и желаю, чтобы онъ имѣлъ всякую власть и господство во всѣхъ дѣлахъ духовныхъ и тѣлесныхъ, не остававливаемый и не препятствуемый никѣмъ, хорошо и боголюбезно пасъ Духомъ Божиимъ свое во Христѣ сотоварищество. Если же, по грѣхамъ моимъ, время покажетъ его потомъ дѣйствующимъ на развращеніе, заразу и погибель душъ братства (чего даже и во снѣ не желаю увидѣть игумену), и обличенный въ томъ, онъ останется неисправимымъ, тогда блюститель, съ совѣта старѣйшихъ братій, и по собственному усмотрѣнію и благо разумію, пусть возьметъ попеченіе о братствѣ, и изберетъ другаго способнаго управлять Лаврою и всѣми братіями, который бы оставался уже въ своемъ званіи до конца жизни.

„Хочу и заповѣдую игумену и блюстителю, и всѣмъ

моимъ духовнымъ братіямъ, чтобы господина Антонія *) моего покоили до конца жизни его, и воздавали ему личную честь, и братій его призирали, какъ собственные члены. Тоже и относительно монаха Іоанна доброписца, какой уставъ, чинъ и обычай наблюдали при моемъ смиреніи служащіе ему, такой же да сохранять и по смерти моей игумень и служащіе, и всѣ братія, а лучше, если и болѣе того,—самымъ дѣломъ пусть покажутъ ему должную почесть и любовь. Тоже и относительно монаха Георгія Грузинца, и монаха Григорія мастера, и монаха Дороея, и монаха Антонія Киминійца, и аввы Сергія. Господину же Теофану пресвитеру **) послужите и воздайте честь, услугу и покой большія, чѣмъ какихъ былъ удостоенъ при моемъ смиреніи, поелику уже къ старости и немощи склоняется тѣло его. Тоже и прочимъ старцамъ, какъ-то: господину Софронію и вообще всѣмъ. Потщитесь въ изобиліи доставлять имъ всѣ обычныя потребности, безропотно и усердно, съ духовнымъ расположеніемъ, да получите ради ихъ мзду богатую отъ Бога въ день суда.

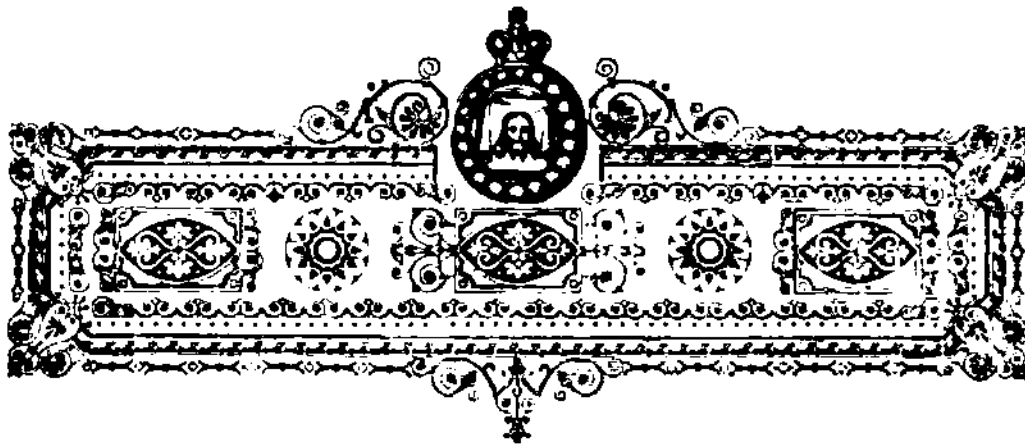
„Болѣе всего прилежите о страннопримствѣ и не нарушайте устава, который я предалъ вамъ, относительно странниковъ, приходящихъ къ вамъ сушею и моремъ. Всѣ же вмѣстѣ, и молодые и старые, и первые и послѣдніе, старайтесь сохранять неложное повиновеніе игумену***), покоряясь слову его во всякомъ дѣлѣ. Кто противится его повелѣнію, противится повелѣнію Бога и меня смиреннаго и грѣшнаго.

„Во всѣхъ вашихъ молитвахъ поминайте меня, да обрящу милость и оставленіе моихъ многихъ грѣховъ въ день судный.“

*) Антоній сей упоминается нѣрѣдко въ житіи преподобнаго. Онъ былъ наиболѣе приближеннымъ ученикомъ его. Св. Аванасій называетъ его своимъ.

***) Подъ этимъ подписался два Теофана,—оба пресвитера.

***) Игуменомъ послѣ св. Аванасія избранъ ѿкто Евстратій, какъ свидѣтельствуется о томъ греческое жизнеописаніе преподобнаго.

ЮЛЯ ТОГО-ЖЕ ДНЯ.

**Страданіе святаго преподобномученика
КИПРІАНА НОВАГО *).**

Вѣстечко Клицось, въ Епирѣ, было родиною святаго преподобномученика Кипріана. Исторія не оставила намъ никакихъ данныхъ, кто были родители сего преподобномученика, но судя по его воспитанію и другимъ качествамъ, онъ принадлежалъ къ христіанскому семейству съ высоко-нравственнымъ настроеніемъ и крѣпкою вѣрою въ Бога. А потому и его, кромѣ наученія грамотности, воспитали въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, и храненіи себя отъ соблазновъ міра. Послѣ смерти родителей благоразумный юноша, для сохраненія себя отъ соблазна міра, оставилъ міръ, принялъ монашескій образъ и удостоенъ священства. Затѣмъ онъ удалился на святую Аеонскую гору, гдѣ приобрѣлъ себѣ въ предѣлахъ Котломушской обители келлію съ церковію св. великомученика Георгія, въ которую принялъ въ сожителство двухъ иноковъ, и вмѣстѣ съ ними началъ подвизаться въ постѣ, бдѣніи и молитвѣ. Съ теченіемъ времени его подвижническая жизнь, подобно сладкоуханному аромату,

*) Изъ Нов. Матирологіев.

сдѣлалась извѣстною по всей Аеонской горѣ, и блаженнаго подвижника, Кипріяна, стали считать великимъ старцемъ, и многіе старались подражать его богоугодной жизни.

Хотя проводилъ онъ самую суровую жизнь въ продолжительномъ постѣ, всенощныхъ бдѣніяхъ съ многочисленными поклонами и въ непрестанныхъ молитвахъ, но душа его не ощущала покоя, такъ какъ тайная мысль смущала его, будто всѣ тѣ подвиги, которые онъ проходилъ, недостаточны для того, чтобы получить милость Божию и удостоиться быть наслѣдникомъ царства небеснаго. Запавшая мысль, подобно искрѣ, день ото дня все болѣе и болѣе усиливалась, понуждала Кипріяна на мученичeskій подвигъ и подсказывала ему, что только этимъ путемъ возможно засвидѣтельствовать свою любовь къ Іисусу Христу и, послѣ подъятыхъ за исповѣданіе имени Его мукъ, получить вѣчное блаженство.

Вслѣдствіе этой мысли, онъ для укрѣпленія себя началъ часто произносить во всеуслышаніе слова св. Апостола Павла: *кто ны разлучитъ отъ любви Божіа; скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладь, или нагота, или бѣда, или мечь* (Рим. 8, 35)? Желаніе свое онъ между прочимъ открылъ опытнымъ старцамъ, а также и то, что къ мученическому подвигу уже нѣсколько времени понуждаетъ его тайная мысль и отнюдь не даетъ ему покоя.

Старцы выслушавъ его и не находя никакого повода вдавать себя на мученичeskій подвигъ, начали совѣтовать ему не поддаваться смущающему его помыслу; при томъ поставили ему на видъ и то, чтобы, вмѣсто принятія вѣнца мученическаго, убоявшись мукъ, онъ не сдѣлался отступникомъ отъ Христа. Но преподобный Кипріянь, снѣдаемый пламенемъ любви Христовой, желая какъ можно скорѣе исполнить свое намѣреніе, вскорѣ оставилъ Святую гору и отправился въ Фессалонику.

Проживши нѣсколько дней въ Фессалоникѣ и узнавши, когда паша бываетъ въ судилищѣ, онъ въ тотъ день, укрѣпивши себя причащеніемъ животворящихъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ и помолившись Господу Богу, прося укрѣпить его въ мукахъ, безбоязненно вошелъ въ судилище и, подошедши къ пашѣ, сказалъ:— Паша! я, который предстою предъ тобою, провелъ нѣсколько лѣтъ въ св. Афонской горѣ, спасая свою душу. Но, однажды читая Св. Писаніе, обрѣлъ въ одномъ мѣстѣ слова, реченныя Богомъ чрезъ Своего Пророка: аще изведеша честное отъ недостойнаго, будешь яко Мои уста. Итакъ, разжегшись любовію къ ближнимъ, я возжелалъ прельщенному діаволомъ созданію Божію показать, какъ оно глубоко упало по своему невѣдѣнію, будучи увлечено врагомъ человѣческаго рода, который, какъ левъ рыкалъ, ищетъ погибели людей: онъ прельстилъ многіе народы и научилъ ихъ, вмѣсто почитанія истиннаго Бога, почитать и поклоняться идоламъ, а другихъ чрезъ ложныхъ пророковъ привелъ въ глубокое заблужденіе. Точно также все тотъ же діаволь, чрезъ вѣру въ ложнаго вашего пророка Магомета, на котораго вы уповаете, держитъ васъ въ своихъ оковахъ и, возобладавши вашимъ ожесточеннымъ сердцемъ, не допускаетъ увѣровать въ Господа нашего Іисуса Христа, Который есть истинный свѣтъ, пришедшій въ міръ спасти человѣка. Онъ крестною Своею смертію разорвалъ тѣ узы и оковы, въ которыхъ нѣсколько тысячелѣтій держалъ діаволь весь родъ человѣческій, и, исхитивши Свое созданіе отъ власти его, удостоилъ ихъ наслѣдія райскихъ добротъ. - А потому я, слышавъ объ тебѣ, какъ о благоразумномъ человѣкѣ, рѣшился высказать истину. Итакъ, оставь твое заблужденіе и вѣру въ лживаго пророка Магомета и увѣруй въ Іисуса Христа, чрезъ Котораго получишь спасеніе и жизнь вѣчную, ибо вѣра христіанская есть истинная, ваша же

ложная.—При томъ вникни и разсмотри хорошенько: кто былъ Христосъ и кто былъ Магометъ, и тогда ты ясно увидишь, что вашъ пророкъ Магометъ самозванецъ, который проповѣдывалъ вамъ собственное свое ученіе, Иисусъ же Христосъ есть истинный Богъ въ двухъ естествахъ, Который, разоблачая всякое ложное ученіе въ Божественномъ Своемъ Евангеліи, говоритъ такъ: *Азъ придохъ во имя Отца Моего, и не приемлете Мене: аще инъ придетъ во имя свое, того приемлете* (Іоан. 5, 43). Итакъ, всѣ вы, увлекшись ученіемъ Магомета, почитаете его пророкомъ, на самомъ же дѣлѣ онъ врагъ Божій и обманщикъ. Паша, слыша обличеніе и хулу на своего пророка отъ незнакомаго человѣка, счелъ его помѣшаннымъ въ умѣ, а потому приказалъ кавасамъ бить его и выгнать вонъ.

Не получивъ желаемого, выгнанный Кипріанъ, не разчитывая и на будущее время получить здѣсь отъ невѣрныхъ турокъ мученическую кончину, оставилъ Фессалоники и отправился въ Константинополь, въ надеждѣ тамъ пострадать за Христа.

По прибытіи въ Константинополь, онъ, опасаясь, чтобы и здѣсь не ограничиться одними лишь побоями, рѣшился изложить свою обличительную рѣчь на бумагѣ и подать оную великому визирю, которую составилъ на греческомъ языкѣ, въ такомъ видѣ: „Несчастные мусульмане! долго ли вы еще будете ходить въ заблужденіи и не увѣруете въ Господа нашего Иисуса Христа, спедшаго съ небесъ человѣческаго ради спасенія, Который по великой любви къ падшему человечеству готовъ всегда принимать истинно кающихся? Итакъ, покайтесь и увѣруйте въ Христа истиннаго Бога, и, возродившись св. крещеніемъ, получите жизнь вѣчную, вашего же ложнаго пророка прокляните, какъ прелестника и обманщика.“ Съ этимъ обличеніемъ преподобный Кипріанъ пошелъ во дворецъ великаго визиря

и, явившись въ присутствіе, просилъ писцовъ перевести оное на турецкій языкъ. Въ то время между писцами былъ одинъ грекъ, который отрекся отъ Христа и принялъ магометанскую вѣру; онъ взялъ отъ преподобнаго бумагу и сталъ переводить ее по-турецки. Въ какой же ужасъ и негодованіе пришли турки, когда услышали хулу на своего пророка! Они бросились на святаго Кипріана, какъ лютые звѣри, и, избивъ его, выгнали изъ присутствія. Но въ то самое время, когда выгоняли святаго, случилось быть въ присутствіи по своимъ дѣламъ одному христіанину, которому турецкій кавасъ, изъ состраданія отдавая поданную святымъ Кипріаномъ бумагу, сказалъ, чтобы онъ посоветовалъ ему скорѣе уйти обратно изъ Константинополя, иначе доведутъ на него визирю, тогда не миновать ему лишиться головы или же каторги.

Получивъ свою бумагу, святой Кипріанъ не удалился изъ дворца, а напротивъ выжидалъ случая, когда визирь придетъ въ присутствіе и будетъ принимать просителей. Между прочимъ ему недолго пришлось ожидать его. Увидя вошедшаго визиря, святой Кипріанъ бросился къ нему, но однако опять не пришлось ему выполнить свое намѣреніе, такъ какъ кавасы не допускали его до визиря и гнали вонъ. Проходившій въ то время начальникъ кавасовъ спросилъ о причинѣ, заставившей ихъ выталкивать инока, и когда узналъ, что онъ хулитъ Магомета, то приказалъ немедленно представить его визирю. Послѣдній спросилъ его:—что тебѣ старецъ нужно отъ меня?—Твоего спасенія, безбоязненно отвѣчалъ святой Кипріанъ. Обратись отъ ложнаго вѣрованія въ обманщика Магомета, котораго вы, мусульмане, называете пророкомъ. Какой онъ пророкъ, и что за ученіе его, которое онъ составилъ на вымыслахъ человѣческихъ? Итакъ, верховный визирь, оставъ заблужденіе, отрекись отъ обманщика — Магомета, увѣруй въ

Искупителя рода человѣческаго Іисуса Христа и, крестившись св. крещеніемъ, получишь жизнь вѣчную!

Визирь удивился смѣлости святаго Кипріана, спросилъ его: откуда ты и въ какомъ жилъ монастырѣ.— Всѣ церкви и монастыри, какіе только есть на землѣ, принадлежатъ Господу моему Іисусу Христу, а потому я до сего времени проживалъ въ Его обители.

— Не Патріархъ ли Константинопольскій подослалъ тебя ко мнѣ, дабы ты нанесъ мнѣ такое оскорбленіе и грубости? спросилъ его визирь.

— Нѣтъ, отвѣчалъ св. мученикъ.

— Въ такомъ случаѣ ты пьянъ?

— Напрасно клеветашь на меня, верховный визирь, я не только не пьянъ, но еще до сихъ поръ не пилъ воды и не вкушалъ хлѣба!

— Ну, если не пьянъ, то сумасшедшій?

— И это неправда! Если бы я былъ на самомъ дѣлѣ тѣмъ, въ чемъ ты меня подозрѣваешь, то невозможно бы было сумасшедшему пожелать того, чего я тебѣ желаю, т. е. увѣровать въ Іисуса Христа истиннаго Бога и быть наслѣдникомъ Царства небеснаго. Пренебрегая собственною опасностью со стороны враговъ креста Христова, мусульманъ, я рѣшился, во что бы то ни стало, представиться тебѣ и обличить твое заблужденіе, чего сумасшедшій никогда бы не сдѣлалъ.

Слыша удовлетворительный отвѣтъ святаго Кипріана, визирь пришелъ въ недоумѣніе и началъ думать, какимъ бы образомъ отвлечь святаго отъ Христа и привести въ магометанскую вѣру, а потому сперва началъ говорить ему ласково: изъ твоихъ отвѣтовъ вижу я, что ты не пьянъ и не сумасшедшій. Итакъ, предлагаю тебѣ увѣровать въ великаго пророка Магомета, и если увѣруешь, то я сдѣлаю тебя счастливѣйшимъ человѣкомъ: удостою великихъ почестей и поставлю первымъ въ моемъ дворцѣ.

— Напрасно думаешь прельстить меня твоею ласкою и почестями! Знай, что я никогда не отвергнусь отъ Господа моего Иисуса Христа, въ Котораго совѣтую и тебѣ увѣрять и удостоиться получить отъ Него милость въ день страшнаго суда.

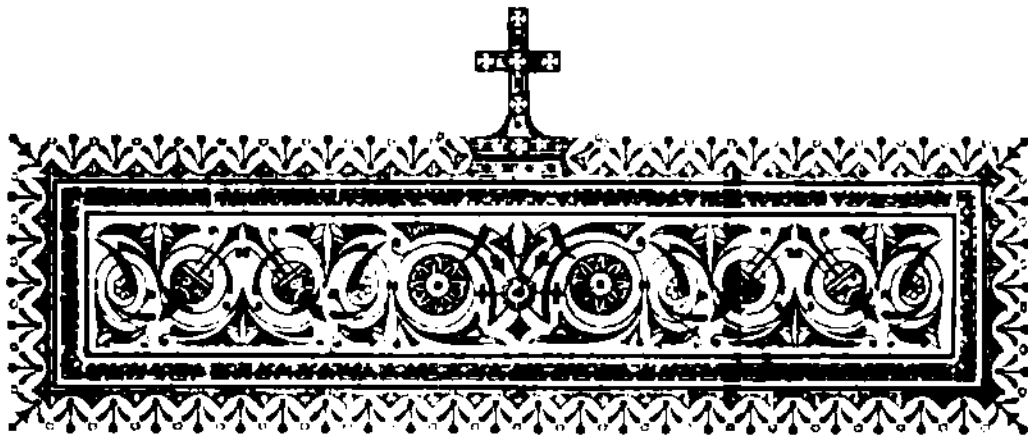
Визирь, видя непоколебимость святаго исповѣдника Христова, и такъ какъ вопросъ касался вѣры, отослалъ его къ шейхъ-уль-исламу (высшая духовная особа). Когда святой Киприанъ предсталъ предъ шейхъ уль-исламомъ, тотъ гнѣвно спросилъ его: кто ты такой, и что за новое ученіе процовѣдуешь намъ? — Мужественный исповѣдникъ Христовъ началъ ему говорить то же самое, что говорилъ и визирю. Шейхъ-уль-исламъ, слыша хулу на своего пророка и не давши ему окончить начатаго имъ обличенія, приказалъ кавасамъ отвезти его въ Фанари (мѣстность, населенную христіанами, гдѣ находится и патріархія), и тамъ, въ виду знатнѣйшихъ христіанъ, какъ бы въ поруганіе, отрубить ему голову. Услыша смертный приговоръ, св. преподобномученикъ Киприанъ возрадовался и изъ глубины сердечныя воскликнулъ: благодарю Тебя, Господи, Иисусе Христе, укрѣпившаго меня во исповѣданіи имени святаго Твоего! Молю Тебя человѣколюбче: удостой меня быть и причастникомъ вѣчныя Твоея славы, аминь!

Въ то время, когда вели св. преподобномученика Киприана по Константинопольскимъ улицамъ на мѣсто казни, лицо его сіяло радостію, и онъ какъ бы спѣшилъ не на смерть, а на брачный пиръ.

Когда достигли двери, вводящей въ патріаршій дворъ, св. мученикъ преклонилъ колѣна и, оградившись знаменіемъ честнаго креста, благодарилъ Бога, удостоившаго его кончить жизнь путемъ мученическимъ. Здѣсь еще турки убѣждали его признать Магомета великимъ пророкомъ и не дѣлаться виновникомъ собственной смерти; но доблестный

страдалецъ не отвѣчалъ на ихъ безумныя слова. Турки, видя, что и въ виду самой смерти мужественный исповѣдникъ Христовъ остается непоколебимымъ въ своемъ вѣрованіи, приказали палачу отрубить ему голову. И такимъ образомъ чистая и блаженная душа св. преподобномученика Кипріана отлетѣла изъ страдальческаго его тѣла въ небо, въ субботу, мѣсяца іюля 5 дня 1679 года, получить отъ Христа Бога мученическій вѣнецъ. Аминь.

І Ю Л Я 8.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
ВЕОФИЛА МУРОТОЧИВАГО *).**

Преподобный отецъ нашъ Теофилъ, по значенію имени своего, другъ Божій (φίλος Θεοῦ) родился въ мѣстечкѣ Зики (Ζύχρας), находящемся въ Македоніи, отъ родителей благочестивыхъ и добродѣтельныхъ, и потому воспитаніе получилъ истинно христіанское. Когда пришелъ онъ въ возрастъ, отдали его для начальнаго образованія въ училище, а потомъ онъ посвятилъ себя и высшимъ наукамъ. При врожденныхъ способностяхъ ума, онъ въ короткое время кончилъ внѣшнее свое образованіе; но при успѣхахъ внѣшняго любомудрія, старался особенно объ образованіи сердца въ правилахъ строгой христіанской нравственности: любимымъ его занятіемъ было, избѣгая бесѣдъ юношескихъ, чаще всего безчинныхъ, входить въ общеніе съ старцами и добродѣтельными мужами. Къ тому же большую часть времени посвящалъ онъ чтенію Божественныхъ Писаній, по заповѣди премудраго Сираха, который говоритъ: *съ разумъ*.

*) Изъ рукописа Паптовреторской псалмъ святаго Василія.

ливыми буди размышленіе твое и вся повесть твоа въ законъ Вышняго (9, 20). Слѣдствіемъ этого было то, что благочестивый юноша, преуспѣвая въ различныхъ подвигахъ добродѣтели, былъ, по слову святаго Давида, какъ древо при источникахъ водъ, дающее во время плодъ свой (Псал. 1, 3). Чтеніе Божественнаго Писанія и житій святыхъ и благочестивыхъ мужей, невольнымъ образомъ, располагало его къ усиленному подражанію имъ: такъ Аврааму подражалъ онъ въ страннопріимствѣ, прекрасному Іосифу въ цѣломудрїи, Іову въ терпѣнїи и мужествѣ, Моисею и Давиду въ кротости, и прочимъ праведникамъ въ различныхъ подвигахъ. А это самое обратило на него общее вниманіе, такъ что наконецъ, какъ образецъ добродѣтельной жизни, былъ онъ возведенъ на степень священства. Съ того времени обходилъ онъ разныя мѣста, назидая христіанъ словомъ и примѣромъ своей жизни; впослѣдствїи же и самъ, для пазианія душевнаго, прилѣпился къ епископу рандинійскому Акакїю и остался при немъ. Этотъ епископъ рукоположенъ былъ въ сей савъ патріархомъ константинопольскимъ Нифонтомъ, и былъ самымъ искреннимъ его другомъ. Въ то время святѣйшимъ патріархомъ Нифонтомъ получены были изъ Египта письма, въ коихъ извѣщали его о великихъ преславныхъ чудесахъ, явленныхъ Богомъ чрезъ тогдашняго святаго патріарха александрійскаго Іоакима въ постыжденіе и посрамленіе богоубійственнаго еврейскаго рода, въ похвалу же и утвержденіе православной и истинной нашей вѣры и всѣхъ насъ христіанъ. Чудеса были слѣдующія:

Во всемъ Египтѣ свирѣпствовала ужасная чума. Одинъ изъ еврейскихъ врачей, отъявленный врагъ христіанъ, распустилъ всюду между турками молву, что виною постигнаго ихъ несчастія — христіане; ибо христіане, объясняли имъ еврей, пускаютъ въ воду крестъ, что и сдѣлалось причиною настоящей смертной болѣзни. Эта клевета на христіанъ

распространилась всюду, такъ что наконецъ сдѣлалась вѣдомою и египетскому султану. Хотя султанъ былъ и мусульманинъ, но весьма любилъ и почиталъ святаго патріарха, сколько за добродѣтель его, столько за мудрость и благоуміе, а потому донесеніе враговъ креста Христова на христіанъ оставилъ безъ вниманія. Окаянный еврей, видя, что не достигъ цѣли такою клеветою, измыслилъ на христіанъ новый ковъ. Верховный визирь былъ природный еврей. Этого-то любимца царева еврей-врачъ избралъ орудіемъ своей злобы противъ христіанъ. Визирь успѣлъ довести султана до того, что тотъ, не смотря на свое уваженіе къ патріарху, потребовалъ его въ Диванъ для личныхъ объясненій въ взводимой на христіанъ клеветѣ. Патріархъ явился на судъ. Султанъ сначала велъ съ нимъ длинную бесѣду о вѣрѣ, и наконецъ видя, что онъ съ сильнымъ убѣжденіемъ и ясными доказательствами оправдалъ вѣру христіанскую и уничижилъ исламизмъ, приказалъ ему, въ оправданіе Евангельскихъ словъ, переставить съ мѣста гору, сосѣдственную Каиру. Святѣйшій патріархъ не поколебался въ духѣ вѣры. Испросивъ нѣсколько дней для молитвы, онъ съ вѣрными христіанами постомъ, бдѣніемъ и молитвами умилоствлялъ Господа и просилъ, да не посрамить ихъ въ виду невѣрныхъ и да не похулится ими святое имя Его. Въ назначенное время, при стеченіи множества народа, патріархъ во имя Христова сказалъ горѣ, чтобъ она двинулась съ своего мѣста и перешла на другое: гора сотряслась въ основаніи и оставила свое мѣсто. Остановленная наконецъ тѣмъ же именемъ Христовымъ, она и понынѣ называется по-турецки: дуръ-даго, станъ гора. Это чудо поразило нечестивыхъ. Не зная, чѣмъ поколебать силу Христовой вѣры, враги ея приготовили смертоносный ядъ и убѣдили царя, чтобы повелѣлъ онъ патріарху вышить его, ибо Христосъ, говорили они, сказалъ въ Евангеліи: *аще*

и что смертно испіють, не вредитъ имъ (Марк. 16, 18). Султанъ и это принялъ, и приказалъ подать патріарху ядь. Полный вѣры въ силу креста Христова, патріархъ оѣнилъ смертную чашу крестомъ и выпилъ поданное. Напрасно ожидали, что онъ тотчасъ умретъ: патріархъ остался совершенно невредимъ. Послѣ сего, ополоскавши стаканъ водою, онъ просилъ, чтобъ выпилъ ее еврей: отказаться было нельзя, потому что самъ султанъ того требовалъ. Итакъ, онъ выпилъ воду и въ тожъ мгновеніе умеръ. Пораженный такими чудесами, султанъ приказалъ обезглавить визиря, а на прочихъ евреевъ наложилъ пеню, чтобы на ихъ иждивеніе были сдѣланы водопроводы отъ Нила внутрь Каира, а святаго патріарха превознесъ почестями *). Когда о сихъ дивныхъ событіяхъ узналъ изъ писемъ патріархъ Нифонтъ въ Константинополѣ, тотчасъ послалъ въ Александрію епископа рандинійскаго Акакія, о которомъ говорено было выше, съ преподобнымъ Теофиломъ и другими, чтобъ они узнали подробно и удостовѣрились собственными очами въ томъ, что случилось. При этомъ святой Нифонтъ писалъ александрійскому патріарху Іоакиму, благодаря Господа, что Онъ услышалъ молитву его и совершилъ чрезъ него такія чудеса на славу и величіе рода христіанскаго, и потомъ просилъ благосклонно принять посланныхъ отъ него людей. Итакъ, они немедленно отправились въ Александрію и были приняты съ великою радостію и благосклонностію святѣйшимъ патріархомъ, который удержалъ ихъ у себя довольное время. Преподобный Теофилъ, своею добродѣтелію и образованіемъ, обратилъ на себя особенное его вниманіе. Изъ Александрии съ епископомъ Акакіемъ и прочими отправился онъ на Синайскую гору, а оттуда чрезъ пустыни во святой градъ Іерусалимъ. Тамъ поклонились

*) Объ этомъ событіи упоминаетъ и нашъ путешественникъ Трифонъ Коробейниковъ, бывшій на Востока въ 1583 году. См. его Путешествіе. Спб. 1841 г., стр. 44—48.

они живоцрїемному гробу Господа нашего Іисуса Христа и прочимъ святымъ мѣстамъ, посѣтили Фаворскую гору, Дамаскъ. Здѣсь встрѣтили они патріарха антїохійскаго, отъ котораго вручены были имъ письма къ патріарху константинопольскому. Изъ Дамаска возвратились они опять въ Іерусалимъ, гдѣ епископъ Акакїй заболѣлъ и скончался. По смерти Акакїя, напутствуемые благословенїемъ патріарха іерусалимскаго, съ письмами для доставленїя патріарху константинопольскому, возвратились они въ Константинополь и представились тогдашнему святѣйшему патріарху Пахомію, бывшему митрополиту сихнїйскому, потому что святой патріархъ Нифонтъ, пославшїй ихъ съ этими порученїями, въ продолженїе ихъ странствованїя оставилъ каеэдру. Патріархъ Пахомїй принялъ ихъ честно и благословилъ труды, подъятыя ими въ путешествїи; въ святомъ же Теофилѣ усмотрѣвъ мужа добродѣтельнаго и ученаго, удержалъ его при себѣ и поручилъ ему письменныя дѣла патріархїи, съ должностїю нотарїя и экзарха великой Церкви. Теофилъ несъ эти обязанности довольно долго и уважаемъ былъ всѣми за его добродѣтели. Но видя и чувствуя, что, при довольствѣ внѣшней жизни и при оказываемомъ ему уваженїи, нѣтъ, или мало существенной пищи для духа, онъ оставилъ свою должность и удалился на Святую гору, въ монастырь Ватопедскїй.

Чтобы безъ старческаго руководства въ жизни иноческой, при мудрованїяхъ собственнаго сердца, не впасть въ заблужденїе и прелесть, онъ ввѣрилъ себя находившемуся въ то время на покоѣ въ Ватопедской обители епископу, и безусловно подчинилъ ему свою волю, исполняя всякаго рода послушанїя и каждодневно принося Господу Богу безкровную жертву. А когда отшелъ ко Господу старецъ-епископъ, преподобный Теофилъ удалился въ обитель Иверскую, съ цѣлю и тамъ найти образцы подражанїя. Такъ

онъ учился у одного совершенному послушавію, у другаго смиренію, отъ инога любви къ Богу и ближнему, кротости и долготерпѣнію. Вслѣдствіе сего Теофиль сдѣлался сосудомъ избраннымъ Святаго Духа и образомъ инокескихъ добродѣтелей. Между тѣмъ, по порученію обителя, какъ краснописецъ, онъ келейнымъ занятіемъ имѣлъ для себя переписку книгъ, обветшавшихъ отъ долговременности. Изъ числа сихъ книгъ многія въ бібліотекѣ монастыря Иверскаго хранятся и до нынѣ. И такъ какъ, по слову Господню, *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Мате. 5, 14), то и преподобный Теофиль сдѣлался славенъ своею добродѣтельною жизнію не только во Святой горѣ, но и въ окрестныхъ дальнихъ мѣстахъ; такъ что Солунь, лишившійся въ то время архипастыря, усиленно старался убѣдить святаго Теофила къ принятію архіерейскаго достоинства. Но смиренномудрый Теофиль и слышать не хотѣлъ о томъ. Между тѣмъ, случилось тогда быть въ Фессалоникѣ патриарху константинопольскому Теолипу: фессалоникійцы обратились къ нему съ прошеніемъ о дарованіи имъ въ архипастыря аеонскаго отшельника Теофила. Святѣйшій патриархъ, съ своей стороны, принялъ въ нихъ участіе и писалъ собственноручное письмо Теофилу (ибо прежде былъ очень друженъ съ святымъ Теофиломъ, какъ его соотечественникъ), прося его идти въ Фессалоники для свиданія и ни слова не упоминая о прошеніи Солунянъ.

Преподобный понялъ, съ какою цѣлію приглашаетъ его святой патриархъ въ Фессалоники, и потому, чтобъ уклониться отъ столь высокаго достоинства и избѣжать чрезъ то временной славы и почитанія, немедленно принялъ великую схиму; святому же патриарху отвѣчалъ, что тяжкая болѣзнь заставила его принять великую схиму и отказаться отъ служенія священническаго, — и что, по причинѣ болѣзни, онъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ прибыть,

по требованію его, въ Солунь. Такимъ образомъ, извиняясь въ невозможности свиданія съ святымъ патріархомъ здѣсь, онъ просилъ у него прощенія и молитвъ и присовокупилъ, что, по благодати Господней, увидится съ нимъ въ царствіи небесномъ. Такой отвѣтъ, съ одной стороны, опечалилъ святаго патріарха, а съ другой обрадовалъ, что Теофилъ такъ преуслѣваеъ въ истинномъ смиреніи и иноческихъ подвигахъ.

Близъ обители Иверской уединенно подвизался тогда игумень, именемъ Діонисій. Любя безмолвіе, и преподобный Теофилъ, съ позволенія игумена и братіи, построилъ малую калиту вблизи игумена Діонисія и дѣлилъ съ нимъ труды глубокаго отшельничества, назидаясь примѣромъ высокой его жизни и мудрыми его бесѣдами. Взаимность любви ихъ была такъ тѣсна, что, казалось, жила въ нихъ одна душа. Въ это время прославился подвижничествою жизнію нѣкто, жившій на Кареѣ, Кириллъ. Чтобъ получить и отъ него душевную пользу и подражать его жизни, святой Теофилъ оставилъ свое безмолвіе и перешелъ на Карею, къ Кириллу. Когда находился у него преподобный, часто приходилъ къ нимъ для служенія Протъ Святой горы, старецъ Серафимъ, бывшій духовникомъ Кирилла. Протъ обратилъ вниманіе на Теофила, возлюбилъ его за святую жизнь, и съ той поры, даже до смерти, Теофилъ и Протъ остались искренними между собою друзьями. Но недолго оставался божественный Теофилъ на Кареѣ. Сильное желаніе безмолвія увлекло его въ предѣлы Пантократора, въ келлію святаго Василія, имѣвшую всѣ условія глубокаго уединенія и невозмутимой тишины безмолвія. Келлія требовала поправокъ, а святой Теофилъ, не имѣя у себя ни лепты, не могъ ни внести за нее монастырю условленную цѣну, ни обновить ее: въ такой степени онъ усвоилъ себѣ иноческую нестяжательность. Протъ, старецъ Серафимъ, по-

могъ ему въ этой крайности. Такимъ образомъ святой Теофилъ погрузился въ пустыню на безмолвіе, имѣя сподвижникомъ одного брата Исаака. Такое удаленіе святаго Теофила отъ всѣхъ сильно подѣйствовало на Прота. Устроивъ вокругъ протатскаго собора галерею, воздвигнувъ колокольню и расписавъ внутренность собора, онъ испросилъ себѣ у старцевъ Святой горы увольненіе отъ должности Прота и удалился на пустынный покой, гдѣ вмѣстѣ съ святымъ Теофиломъ постоянно упражнялся въ чтеніи Священнаго Писанія и святыхъ отцевъ, извлекая оттуда существенную и безсмертную пищу для безсмертнаго духа. Исключительнымъ же подвигомъ преподобнаго Теофила было такъ называемое святыми отцами умное дѣланіе или храненіе ума непрестанною сердечною молитвою Іисусовою, то есть, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя. По слову святаго Каллиста, есть два рода ивоческаго дѣланія: одно—для укрощенія страстей—и состоитъ въ постѣ, бдѣніи, колѣнопреклоненіяхъ и прочихъ подвигахъ внѣшнихъ; а другое—для очищенія ума и сердца отъ нечистыхъ мыслей, что совершается строгимъ вниманіемъ, съ непрестанною молитвою сердечною къ Господу Іисусу, творимую втайнѣ и съ болѣзненнымъ чувствомъ, и страдательнымъ воплемъ души, какъ учатъ божественные отцы. Умнымъ симъ дѣланіемъ и священною молитвою, плачемъ и слезами, рождающимися отъ сей молитвы, онъ очистилъ сердце свое отъ страстей и нечистыхъ помысловъ и, низложивши демоновъ въ-конецъ, сдѣлался чистымъ избраннымъ жилищемъ Святаго Духа. И такъ какъ, по словамъ святаго Діонисія Ареопагита, божественная любовь не видитъ и не знаетъ ничего, кромѣ своего предмета,—преподобный Теофилъ, пламенная любовію къ Богу, ни о чемъ иномъ не думалъ, кромѣ Іисуса: Іисусъ былъ дыханіемъ его, Іисусъ былъ жизнію его, Іисусъ былъ всегда въ сердцѣ его. Теофилъ, подобно свя-

тому Павлу Апостолу, не жилъ болѣе, но Христосъ жилъ въ немъ; а потому, подобно святому Павлу, удостоился онъ божественныхъ даровъ Святаго Духа, предвидѣлъ будущее, зналъ тайны сердечныя и помышленія человѣческія, *достигъ въ мужа совершенна и въ мѣру возраста исполненіи Христова*, какъ говоритъ святой Апостоль (Ефес. 4, 24).

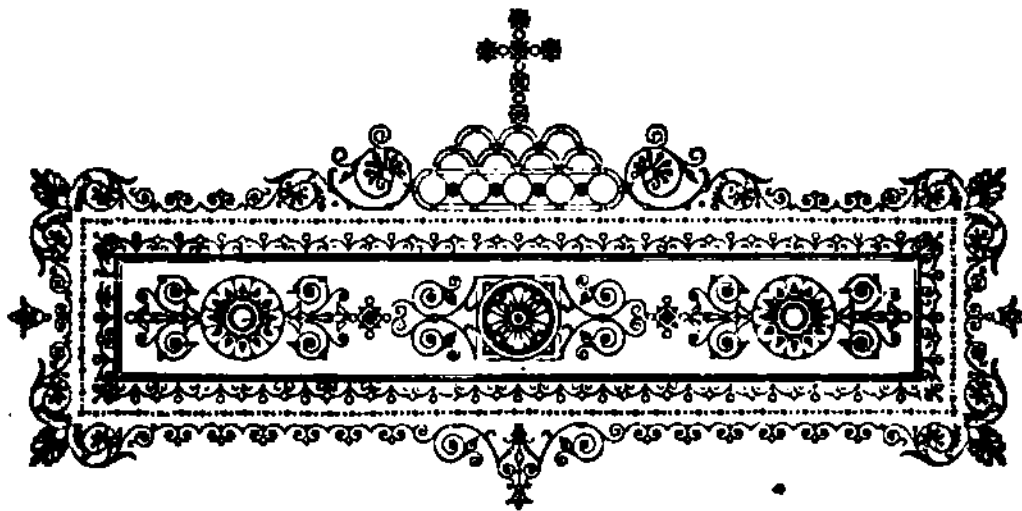
Наконецъ, будучи исполненъ дней, святой предузналъ смерть свою и началъ готовиться къ исходу въ вѣчность. Между прочимъ, написалъ онъ исповѣданіе вѣры и завѣщаніе духовное, а предъ смертію пожелалъ, чтобъ совершили надъ нимъ таинство елеосвященія. Это было въ пятокъ. Простившись со всѣми, въ субботу пріобщился онъ въ храмъ пречистыхъ Таинъ Христовыхъ въ чувствѣ благодаренія Богу о всемъ и наконецъ призвалъ ученика своего Исаака для объявленія ему послѣдней воли своей. Смиранный въ теченіе всей своей жизни, святой Теофилъ и по смерти не хотѣлъ почитанія человѣческаго: онъ далъ Исааку заповѣдь, чтобъ не было объявляемо о смерти его, когда предасть онъ духъ свой Богу, чтобъ не призывались іереи для совершенія надъ нимъ обычнаго погребенія, но чтобы Исаакъ оцѣпилъ ноги его вервю и выбросилъ тѣло по возможности. Объявивъ такимъ образомъ послѣднюю волю ученику своему, преподобный Теофилъ распростерся на одрѣ; Господи Іисусе Христе! прими духъ мой, — произнесъ онъ, и почилъ сномъ преподобнической смерти, въ лѣто отъ Рождества Христова 1548-е, іюля 8, въ воскресный день, прежде восхожденія солнца.

Послушный ученикъ его Исаакъ въ точности выполнилъ заповѣди святаго: привязавши къ ногамъ его вервь, онъ увлекъ мощи его въ лѣсъ. По всей Святой горѣ разнесся слухъ о смерти преподобнаго; стеченіе монаховъ, особенно знакомыхъ друзей преподобнаго, было большое: всѣ желали видѣть и поклониться могилѣ его, и при ней принять благословеніе усопшаго. Чобъ не лишить сего приходящихъ,

ученикъ его показаль имъ взрытое мѣсто, гдѣ будто бы погребень преподобный. Но монахи Иворской обители и Пантократора сомнѣвались въ мѣстѣ погребенія святаго по какому-то тайному чувству, которое и не обмануло ихъ; потомъ иноки обрѣли въ лѣсу святаыя мощи Теофила, взяли ихъ и хранили у себя въ глубокой отъ другихъ тайнѣ.

По истеченіи 40 дней приходитъ Исаакъ въ лощину видѣть мощи и, къ изумленію, не находитъ ихъ. По долгомъ испытаніи, наконецъ онъ узналъ, что мощи находятся въ Пантократорской обители. Является туда и проситъ старцевъ, чтобъ они отдали ему останки его отца, какъ его собственность, но пантократорцы и слышать не хотѣли объ этомъ. Такимъ образомъ протекло довольно времени. Къ утѣшенію Исаака, посѣтилъ тогда Святую гору Макарій, епископъ Ериссы. Исаакъ обратился къ нему съ жалобою на обитель Пантократорскую и просилъ принять съ своей стороны участіе въ этомъ дѣлѣ. Макарій не замедлилъ. Пригласивъ аеонскихъ игуменовъ, прибылъ онъ въ Пантократоръ, отдѣлилъ для сей обители отъ мощей святаго Теофила руку, а прочія части предоставилъ ученику. Тогда перенесли ихъ торжественно изъ Пантократора въ келейную церковь святаго Василія, гдѣ безмолвствовалъ преподобный, и съ того времени начали они источать благовонное миро во свидѣтельство богоугодной его жизни.

Такова жизнь преподобнаго отца нашего Теофила муроточиваго; такъ онъ подвизался и такъ прославленъ отъ Бога на земли и на небѣ, при жизни и по смерти. Да подражаемъ и мы преподобному въ нестяжательности, кротости, смиреніи, чистотѣ, безмолвіи и любви къ Богу и ближнему, дабы и намъ наследовать съ нимъ царствіе небесное во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

І Ю Л Я 10.

Память преподобнаго и богоноснаго отца нашего АНТОНІЯ ПЕЧЕРСКАГО.

Извѣстно уже всѣмъ русскимъ житіе сего угодника Божія, оспователя нашего русскаго иночества. А такъ какъ здѣсь, на Святой горѣ, мы не могли отыскать вѣрныхъ свѣдѣній, которыя указывали бы мѣсто подвиговъ сего богоноснаго отца, или обитель, гдѣ онъ принялъ постриженіе *), кромѣ показанныхъ подъ 10 числомъ іюля въ Минеяхъ-четіяхъ св. Димитрія святителя Ростовскаго и въ Патерикѣ Печерскомъ, то излишнимъ сочли перене-

*) Въ сороковыхъ годахъ на Афонѣ появилось преданіе, что препод. Антоній подвизался въ пещерѣ, выѣченной въ скалѣ, надъ самымъ моремъ, въ разстояніи получаса ходьбы отъ монастыря Есфигмена, и что нѣмъ игумена, который постригъ препод. Антоніа, — было Θεοκτιστής. Тогда же появилась въ Есфигменѣ и служба препод. Антонію, и жизнеописаніе его на греческомъ языкѣ (въ рукописи). Авторъ «Писемъ съ Востока» говоритъ, что по житію этому, списанному для него въ Есфигменѣ, видно, что св. Антоній пришелъ въ Есфигменъ, въ игумену сего монастыря Θεοκτισту, въ 973 г. (см. стр. 213, ч. I, Спб. 1851). Въ такомъ же видѣ это сказаніе о препод. Антоніа было повторено въ «Описаніи монастырей и святыхъ, находящихся на св. горѣ Афонской» (см. стр. 104, 105. Спб. 1859). Этого житія намъ видѣть не пришлось, и теперь существуетъ оно въ другихъ редакціяхъ; но и въ новыхъ видѣ сообщенныхъ въ немъ свѣдѣній мало — удовлетворительно показываютъ, что препод. Антоній подвизался действительно въ Есфигменѣ. Не входя здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, мы укажемъ на то, что онъ былъ

силь оттуда въ свой Патерикъ его житіе; помѣщаемъ же здѣсь краткія свѣдѣнія только о началѣ подвиговъ богоноснаго сего отца.

Преподобный Антоній, отецъ русскаго иночества, родился въ мѣстечкѣ Любечѣ, въ 50 верстахъ отъ Чернигова, и въ крещеніи получилъ имя Антипы. Съ юныхъ лѣтъ исполненный страха Божія, Антипа почувствовалъ въ себѣ желаніе уединенной жизни. Тамъ, на родинѣ его, понынѣ показывается пещера, въ которой юный Антипа испытывалъ силы свои для великихъ подвиговъ иночества *). „Богъ положилъ ему на умъ, говорить преподобн. Несторъ лѣтописецъ, желаніе странствовать, и, странствуя, достигъ онъ святыхъ горы (Аѳонской). Здѣсь онъ осмотрѣлъ многія обители чудныя и, возжелавъ облещись въ чернеческія ризы, молилъ игумена одной изъ обителей постричь его; тотъ возложилъ на него монашескій образъ, назвавъ его Антоніемъ, и училъ его монашескому чину.“

Аѳонъ, лежащій на границахъ міра греческаго и славянскаго, сдѣлался во второй половинѣ тысячелѣтія жилищемъ высокихъ подвижниковъ иночества, вмѣсто пустынь Египта и Палестины, находившихся уже тогда во власти аравитянъ. Императоръ Василій Македонянинъ грамотою,

рассматриваемъ серьезно и заслѣдываетъ людямъ болѣе насъ свѣдущимъ, чтобы судить объ его исторической достовѣрности (См. „Исторія Русской церкви“, Макарія М. М. т. 2, стр. 31, 32, 279. Спб. 1857; „Исторія русскаго монашества“, Петра Казанскаго, стр. 197. М. 1855;— «Замѣтки полковника Святой горы», архим. Антонина, стр. 293—296. Кіевъ 1864;— «Паломничество, или путешественникъ честнаго іеромонаха Иполита Вишенскаго» изд. архим. Леонавдоу, стр. 118 (— и особенно въ концѣ книги: *Общее примѣчаніе къ описанію св. Аѳонской горы*) М. 1877;— «Первое путешествіе въ аѳонскіе монастыри и скиты въ 1846 году, св. Порфирія Успенскаго», Кіевъ. 1877 г., ч. 2-я, отд. 1-е, стр. 244. Кстати упомянемъ, что и Барскій не слышалъ на Аѳонѣ Есфигменскаго преданія. (См. наше изд. «Второе посѣщеніе святой Аѳонской горы Вас. Григ. Барскаго» Спб. 1887, стр. 224, 225).

*) Мѣстечко Любеч нынѣ принадлежитъ графу Г. А. Милорадовичу. Пещера преп. Антонія находится въ саду владѣльца; въ 1870 г. у входа въ пещеру устроены памятники съ изображеніемъ преподобнаго; въ этой пещерѣ—мѣсту его подвиговъ—установленъ съ 1874 г. ежегодный крестный ходъ 30 іюля.

данною препод. Іоанну Колову, основавшему монастырь близъ аѳонскаго перешейка, опредѣлилъ Аѳонскій полуостровъ исключительно для пребыванія отшельниковъ. Поселившіеся отшельники жили отдѣльно и независимо въ скитахъ и малыхъ обителяхъ—(Монидріонахъ). Соборный храмъ всѣхъ ихъ и тогда находился на Кареѣ, куда три раза въ году собирались иноки Святой горы для совѣщаній объ общихъ дѣлахъ. Въ X вѣкѣ Аѳонъ славился уже на всемъ Востокѣ святостію своихъ отшельниковъ и служилъ средоточіемъ православнаго монашества. Особенно слава дивныхъ подвиговъ препод. Аѳанасія аѳонскаго, устроившаго въ 961 году свой знаменитый монастырь—Лавру, влекла къ нему отовсюду учениковъ—изъ Рима, Италіи, Грузіи, Арменіи. Многіе пустынники, настоятели монастырей, даже епископы, приходили въ его обитель и предавали себя руководству святаго старца. Около того же времени препод. Павелъ основалъ здѣсь два монастыря: Ксиропотамъ и св. Павла. Въ X вѣкѣ также возникли на Аѳонѣ монастыри: Есфигменъ, Ватопедъ и Иверскій. Насколько было значительно уже тогда населеніе Аѳона, видно изъ того, что подъ древнѣйшимъ типикомъ Аѳонскимъ, составленнымъ при императорѣ Іоаннѣ Цимисхїи, находятся подписи 50 игуменовъ. По особому строенію Промысла Божія, жизнь иноческая на Святой горѣ процвѣла тогда, когда обращеннымъ племенамъ славянскимъ нужно было запасаться примѣрами иноческой жизни. Вслѣдствіе частыхъ вторженій славянъ, не только Македонія, но и Пелопонесъ сдѣлались славянскими. Въ самомъ преддверіи Аѳона—Ериссъ были въ то время болгарскія населенія. Поэтому Святая гора сдѣлалась пріютомъ и разсадникомъ иночества для племенъ славянскихъ. Въ XI вѣкѣ были уже на Аѳонской горѣ славянскіе монастыри—болгарскій Зографъ и русскій Кеилургу. Эта близость Аѳона къ славянскимъ

племенамъ объясняетъ, почему Аѳонъ сдѣлался рапо извѣстнымъ русскимъ, и почему иноки аѳонскіе приходили въ Россію. Неудивительно поэтому, что слухъ о святой жизни аѳонскихъ иноковъ достигъ и до Антипы, и онъ, наставляемый Богомъ, пошелъ на Аѳонъ.

Преподобный Аѳанасій ввелъ въ своей лаврѣ общежитіе, но въ началѣ XI вѣка примѣръ его имѣлъ еще немногихъ ревнителей на Аѳонѣ; большая часть аѳонскихъ подвижниковъ жили отшельнически: то по два, то по три вмѣстѣ, то совершенно наединѣ.

Любитель безмолвной тишины, обходя монастыри и другія обиталища Святой горы и видя равноавгельскій образъ жизни подвижниковъ, Антипа, еще болѣе воспламенялся желаніемъ поревновать этому чудному житію и въ одной изъ тамошнихъ обителей молилъ игумена возложить на него иноческій образъ. Игумень, духовнымъ окомъ провидя будущія добродѣтели и назначеніе просителя, согласился постричь его, далъ ему имя Антонія — отца иночествующихъ и научилъ его совершенству иноческому.

Немалое время пробылъ преподобный Антоній на Святой горѣ и уже возмужалъ въ подвигѣ, когда игумену его было извѣщеніе свыше — отпустить преподобнаго на родину. Призвавъ Антонія, игумень сказалъ ему: „Антоній, иди въ Россію, да будешь тамъ и другимъ на пользу, благословеніемъ Святой горы.“ Антоній повиновался. Прибывъ въ Кіевъ, искалъ онъ себѣ мѣста, гдѣ могъ бы жить, какъ жилъ на Аѳонѣ. Варяжская пещера показалась удобною для безмолвія. Гора Берестовая по своей высотѣ со стороны рѣки казалась неприступною. На ней въ пещерахъ имѣли свой притонъ варяги, разбойничавшіе по Днѣпру. Антоній избралъ пещеру злодѣевъ для подвиговъ святыхъ. (По лѣтописямъ это было въ 1012 — 1013 г.). Но кровопролитія и волненія, наставшія послѣ кончины Владиміра,

заставили Антонія удалиться опять на святую Аѳонскую гору и онъ подвизался здѣсь еще нѣсколько лѣтъ.

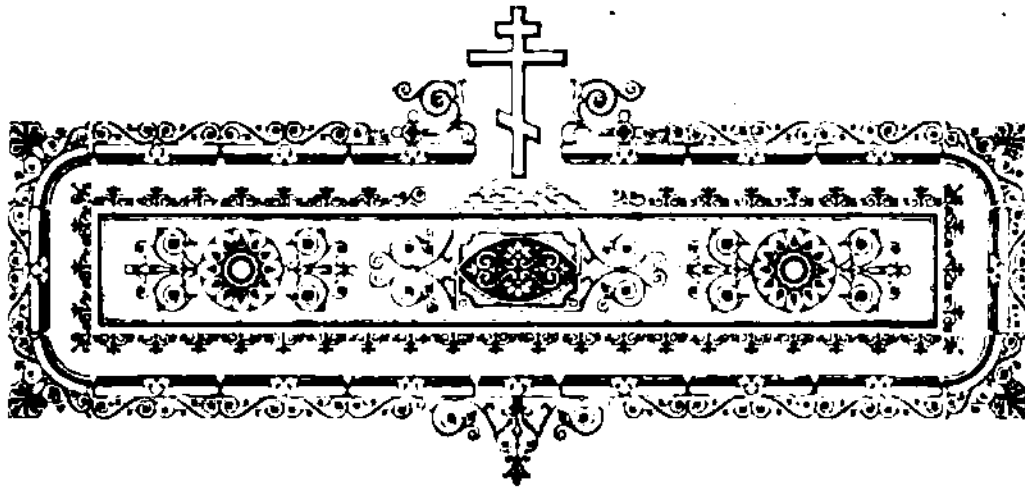
По умиротвореніи земли русской, было вторичное извѣщеніе постригшему его — игумену на Святой горѣ. Гласъ Божій таинственно провѣщалъ ему: пошли Антонія опять на Русь, ибо тамъ онъ нуженъ Мнѣ. Повиновался игумень небесному гласу и, призвавъ Антонія, сказалъ ему: „Богу угодно, чтобы ты опять шелъ въ Россію, ибо отъ тебя возникнетъ тамъ много черноризцевъ: будь же надъ тобою благословеніе Святой горы, иди съ миромъ.“ Блаженный Антоній, принявъ это вторичное благословеніе, какъ бы изъ устъ Божіихъ, пришелъ опять въ Кіевъ, въ дремучій лѣсъ на Берестово, и обрѣтши готовую уже пещеру Иларіонову, на томъ холмѣ, гдѣ любилъ молитвенно уединяться, предпочелъ ее дикимъ пещерамъ варяжскимъ. Господи! со слезами воззвалъ онъ къ Богу, да будетъ на мѣстѣ семъ благословеніе святой горы Аѳонской: молитвою отца моего духовнаго, который постригъ меня, утверди меня здѣсь. (По древнему лѣтописцу препод. Антоній во второй разъ пошелъ на Аѳонъ въ 1017 г. и возвратился въ 1027 году). И тутъ онъ водворился, продолжая аѳонскій подвигъ строгой жизни, вкушая только хлѣбъ и воду, а иногда ничего во всю недѣлю; во бдѣніи же пребывалъ день и ночь и руками своими прилежно копалъ землю, распространяя пещеру. Мало-по-малу начали къ нему собираться благочестивые молитвенники, прося духовнаго его совѣта, а нѣкоторые желали и сожителствовать съ нимъ, и такимъ образомъ, скажемъ словами Святогорца, съ кіевскихъ горъ, какъ свѣтильникъ съ высокаго свѣщника, преподобный Антоній началъ разливать на всѣ стороны Россіи немерцающій свѣтъ святой иноческой жизни русскаго ипочества. Скончался онъ въ 1073 году, 7-го мая.

Память преподобнаго Антонія празднуется здѣсь въ

монастырѣ Есфигменскомъ торжественно. Надъ пещерою, въ которой по преданію онъ отшельнически подвизался, въ новѣйшее время воздвигнута во имя его церковь и при ней нѣсколько келлій для житія безмолвнаго.

Кромѣ преподобнаго Антонія Печерскаго на Святой горѣ Аѳонской подвизались еще слѣдующіе святыя отцы Россійской церкви: Препод. Арсеній Коневскій, препод. Нилъ Сорскій, препод. Кипріанъ митрополитъ Московскій, препод. Максимъ Грекъ, препод. Сергій Муромскій, препод. Иннокентій Вологодскій, препод. Аѳанасій настоятель Лазарева Муромскаго, или Мурманскаго монастыря (Церк. Вѣд. 1896 г. № 33).

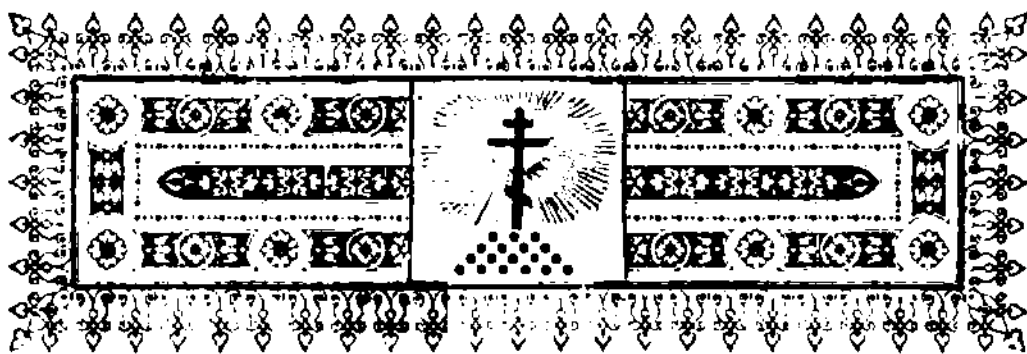
І Ю Л Я 11.

Память преподобнаго отца нашего

НИКОДИМА *).

З тотъ богоносный отецъ дивнымъ своимъ житіемъ просіялъ въ предѣлахъ ватопедскихъ. О немъ извѣстно, что онъ былъ старцемъ и по Христѣ наставникомъ въ любомудріи божественнаго Григорія Паламы.

*) Изъ 'Ακολουθία ἀγιορειτῶν πατέρων.

ПОЛЯ ТОГО ЖЕ ДНЯ.

Страданіе преподобномученика

НИКОДИМА *).

Святой преподобномученикъ Никодимъ родился въ Албани, въ мѣстечкѣ Эльбасанъ. Родители его были благочестивы и, когда достигъ онъ совершеннолѣтія, сочетали его бракомъ, отъ котораго имѣлъ онъ дѣтей. Между тѣмъ, входя въ постоянныя связи и знакомства съ агарянами, Никодимъ увлекся чувственными обѣщаніями корана ихъ: въ угодность имъ отрекся отъ вѣры Христовой и наконецъ дошелъ до такой степени безнравственности, что, не смотря на убѣжденія и слезы домашнихъ, насильно потурчилъ и дѣтей своихъ, кромѣ одного, котораго христіане успѣли похитить и тайнымъ образомъ отправить на Святую гору. Впрочемъ, такой поступокъ въ разсужденіи сына его не скрылся отъ него. Узнавъ, что сынъ находится на Святой горѣ, онъ пошелъ туда съ цѣлю непременно отыскать свое дитя и отыскать всей Святой горѣ, какъ только можно, по собственнымъ его силамъ и средствамъ. Онъ такъ предположилъ: но человеколюбивый Богъ, желающій всякому спасенія, судьбами его жизни расположилъ иначе, —

*) Изъ *Nicov Martirologion*.

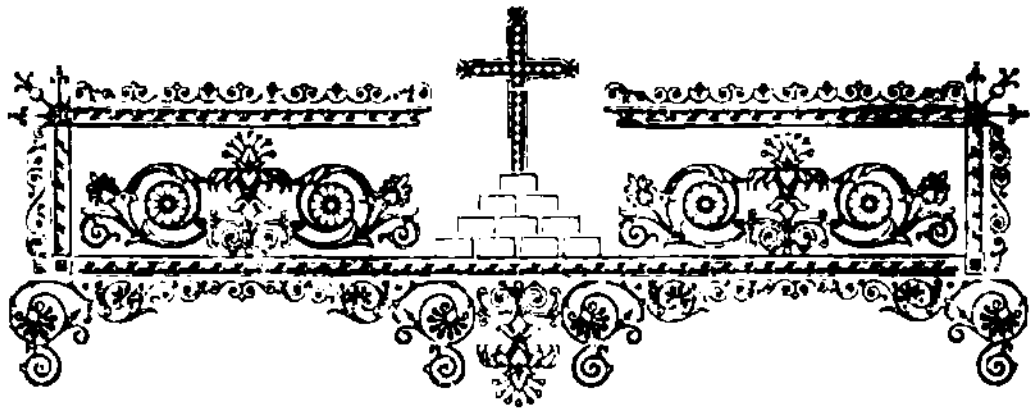
вмѣсто того, чтобъ допустить преступнаго отца до увлеченія сына въ ислаизмъ, Онъ и самого его, несчастнаго отверженника, привлекъ къ Себѣ чрезъ покаянiе, такъ что Святая гора сдѣлалась для него въ нѣкоторой степени виновницею спасенiя. Безмолвiе, постническiе труды, лишенiя всякаго рода и удаленiе отъ всего чувственнаго, даже отъ связей родственныхъ, — все это, видѣнное имъ на Святой горѣ, въ инокахъ, по прибытiи туда, поразило его до крайности: онъ вспомнилъ минувшее, когда и для его сердца не были чужды надежды загробнаго мiра и райскiя красоты и тѣ обѣтованiя Христовы, которыя отъ магометовыхъ такъ далеки, какъ далеки, или еще дальше, чѣмъ небо отъ земли, или свѣтъ отъ мрака; онъ вспомнилъ, что и самъ принадлежалъ когда-то Христу, и горько, неутѣшно заплакалъ о гибельномъ своемъ состоянiи. Мысли его переродились: онъ обратился опять къ Богу съ раскаянiемъ и, не выходя со Святой горы, принялъ на себя ангельскiй образъ, съ именемъ Никодима. Три года день и ночь оплакивалъ онъ свое богоотступство, изнуряя плоть постомъ и многоразличными лишенiями и подвигами. Наконецъ, услышавъ отъ нѣкоторыхъ отцевъ такiя рѣчи, что кто отрекся Христа предъ людьми, тому очень полезно исповѣдать Его снова предъ ними, рѣшился непременно искупить грѣхъ свой страдальческою кровiю. Чтобъ узнать, прiятно ли это будетъ Богу, и есть ли на то Его воля, онъ обратился за совѣтомъ къ преподобному Акакiю, подвизавшемуся въ Кавсокаливскомъ скитѣ. Долго плакалъ онъ у ногъ старца Акакiя, прося его молитвъ и рѣшенiя — что ему дѣлать въ стѣснительномъ положенiи духа, требующаго страдальческаго подвига. Преподобный, пользовавшiйся на Святой горѣ общею славою и довѣрiемъ, какъ подвижникъ дѣйствительно святой, ласково поднялъ Никодима, и—потомъ немного отступивъ отъ него, обратился

съ молитвою къ Богу. Кончивъ свою молитву, онъ тихо что-то сказалъ Никодиму и потомъ, когда тотъ долго и горько плакалъ, вручилъ ему старческій жезлъ, съ словами: иди съ Богомъ, Богъ тебѣ въ помощь: подвигъ совершишь, и мученическій вѣнецъ за него готовится въ небесахъ. Такимъ образомъ, напутствованный отъ преподобнаго старческими молитвами и благословеніемъ, Никодимъ, едва движущійся отъ постнаго изнуренія, отправился въ путь. Между тѣмъ, предъ исходомъ его со Святой горы, удостоилъ его Господь божественнаго Своего явленія, укрѣпилъ его и открылъ ясно всѣ мученія, которыя онъ долженъ претерпѣть за имя Его и даже показалъ ему самое мѣсто, гдѣ будетъ устѣчена его глава. Утѣшенный и утвержденный такимъ благоволеніемъ Господа, Никодимъ весело потекъ на поприще страдальчества. Со Святой горы онъ прямо прибылъ въ Албанію, на свою родину, и тамъ торжественно предъ знавшими его турками исповѣдалъ Христа истиннымъ Богомъ, а Магомета уничижилъ, какъ лъстеца и обманщика. Турки представили его къ пашѣ. И здѣсь блаженный Никодимъ повторилъ свое исповѣданіе, уничижая исламизмъ. Возбѣшенный этимъ паша приказалъ ринуть его съ высокой террасы своего дома внизъ, въ чайніи раздробить его тѣло на части: однакожь вышло напротивъ. Страдалецъ, по благодати Божіей, остался невредимъ и тогда же снова явился къ пашѣ. Паша затрепеталъ, видя предъ собою того, котораго считалъ убитымъ до смерти. Чтобъ удовлетворить неистовству толпы, требовавшей казни уничижителя великаго пророка, паша отдалъ страдальца на волю ихъ. Трое сутокъ истощались неистовые турки во всевозможныхъ родахъ мучительства надъ Никодимомъ, и наконецъ видя, что нѣтъ возможности и силъ поколебать его твердость, на показанномъ ему отъ Господа мѣстѣ, обезглавили его. Такимъ образомъ, совершивъ страдальческій подвигъ, блаженный

Никодимъ удостоился вѣнца райской славы. Святыя мощи его и понынѣ остаются цѣлы, разливая благоуханіе и источая цѣльбы для приходящихъ къ нимъ съ молитвою и вѣрою. Молитвами его да удостоимся и мы царствія небеснаго. Аминь.

Преподобный Никодимъ пострадалъ 1722 года, іюля 11 дня.

ЮЛЯ ТОГО ЖЕ ДНЯ.

**Страданіе святаго преподобномученика
НЕКТАРІЯ *).**

**Память празднуется мѣстно — въ скитѣ
свѣтыя Анны.**

Свѣтый преподобномученикъ Нектарій происходилъ изъ селенія Вріулла (или Вурла, какъ оное называется въ просторѣчїи), находящагося въ Малой Азїи, Ефесской епархїи, отъ простыхъ, но благочестивыхъ родителей, и во святомъ крещенїи названъ былъ Николаемъ. Оставшись послѣ смерти отца сиротою въ 17-ти лѣтнемъ возрастѣ, и находясь въ крайней бѣдности, онъ для пропитанія себя и своей матери, поступилъ въ пастухи къ одному богатому Хусейнъ-агѣ, пасти верблюдовъ. Въ то время свирѣпствовала опустошительная чума, отъ которой вымирали люди цѣлыми селенїями, но для предохраненія отъ заразы, въ этомъ случаѣ, жители селеній выбирались изъ домовъ въ поля и тамъ проводили кочующую жизнь. Такимъ образомъ и господинъ Николая выбрался въ поле со всѣми своими

*) Изъ рукописи свѣтыя Анны.

слугами, у котораго кромѣ Николая, было еще шесть мальчиковъ грековъ, и всѣ они совершенно удалены были отъ всякаго сообщенія съ кѣмъ бы то ни было, какъ бываетъ въ подобныя времена. Господинъ сихъ несчастныхъ, желая совратить ихъ съ истиннаго пути, началъ имъ говорить, что всѣ христіане померли отъ чумы, и что только остались мусульмане и они; при этомъ, какъ бы принимая въ нихъ участіе, онъ сказалъ: если вы не хотите умирать голодною смертію, и притомъ на будущее время обезпечить себя къ дальнѣйшей жизни, то вамъ необходимо принять мусульманскую вѣру.

Несчастные, видя свое безвыходное положеніе, по своему дѣтскому неразумію, согласились отречься отъ христіанской и принять мусульманскую вѣру.

Когда же прекратилась чума, то всѣ жители, кочующіе по полямъ, начали возвращаться въ селеніе въ свои дома. Возвратился и господинъ Николай съ своимъ семействомъ и слугами. Между тѣмъ Николай узналъ, что мать его не умерла, но жива и находится въ этомъ же самомъ селеніи. Обрадовавшись, онъ тотчасъ пошелъ къ ней, но благочестивая мать, какъ только увидѣла Николая, одѣтаго въ турецкое платье, съ укоризною и гнѣвомъ сказала ему: отойди прочь отъ меня! я тебя не знаю, кто ты такой! Юноша, видя себя отринутымъ своею родною матерью, съ болѣзнію сердца началъ рассказывать ей, какъ онъ сдѣлался мусульманиномъ, и какъ его обманули. Но истинно благочестивая христіанка, мать его все-таки не признала его своимъ сыномъ, и еще съ большимъ гнѣвомъ сказала ему: прочь отсюда! я не родила тебя туркомъ, а родила христіаниномъ; удались отсюда сейчасъ же, чтобы не видѣли тебя глаза мои! Эти грозныя слова доброй матери до глубины потрясли душу несчастнаго отверженника, и какъ бы раскаленные стрѣлы пронзили его сердце. Стыдъ, раская-

ніе и сознаніе своего паденія обнаружились во всей своей полнотѣ: онъ отъ угрызенія совѣсти не могъ долѣе смотрѣть на лице своей матери и съ глубокою скорбію удалился отъ нея.

Какъ только онъ вышелъ отъ матери, то не возвратился уже къ Хусейнъ-агѣ, а отправился въ Смирну. Здѣсь онъ отыскалъ своего дядю, которому рассказалъ свое несчастье. Дядя, переодѣвъ его въ европейское платье, отослалъ въ Константинополь, а оттуда посовѣтывалъ ему ѣхать въ Россію, гдѣ и покаяться въ великомъ своемъ грѣхѣ.

Николай послушался совѣта своего дяди, отправился въ Константинополь, а оттуда въ Валахію, но почему-то далѣе не захотѣлъ ѣхать, а возвратился обратно въ Смирну, гдѣ онъ опять пришелъ къ своему дядѣ, который на этотъ разъ не принялъ его, а прогналъ отъ себя собственно за то, что онъ не послушался его совѣта. Всѣ эти неудачи, какъ видно, происходили, по смотрѣнію Божію, для того, чтобы Николай, для очищенія себя въ грѣхѣ, подвизался не среди міра, а въ пустынѣ и среди опытныхъ и святыхъ мужей.

Въ то время случилось быть въ Смирнѣ одному духовнику съ святой Аѳонской горы, мужу благочестивому и опытному, которому нѣкоторые добродѣтельные смиренскіе христіане представили Николая, прося преподать ему духовное врачевство. Духовникъ, выслушавъ исповѣдь отверженника, довольно поучилъ его, потомъ посовѣтовалъ ему отправиться на Святую гору, и тамъ устроить свое спасеніе, что онъ съ радостію исполнилъ, и вскорѣ отправившись изъ Смирны, прибылъ туда благополучно.

По прибытіи на Святую гору, онъ нашель тамъ одного соотечественника, подвизающагося въ отдѣльной келліи. Этотъ благочестивый инокъ съ братскою любовію далъ ему у себя пріютъ и уютокъ. Потомъ представилъ его опыт-

ному духовнику, который, огласивши его, приобщилъ къ Православной церкви. Такъ прожилъ блаженный Николай нѣсколько времени въ келліи пріютившаго его соотечественника, проводя подвижническую жизнь, и сердце его вскорѣ вмѣсто смущенія согрѣлось божественною любовію, которая мало-по-малу все болѣе и болѣе воспламеняла юное сердце, такъ что Николай рѣшился за любовь Іисуса Христа и за свое отъ Него бывшее отреченіе, излить кровь и принять мученическую кончину. Но однако духовникъ не совѣтовалъ ему рѣшаться на такой великій подвигъ, поставляя ему на видъ ужасныя муки и могущую быть опасность, какъ бы страха ради не отпасть опять отъ христіанской вѣры. Совѣтъ духовника хотя и былъ принять, но все-таки сердце его не успокоилось. А потому, для испытанія себя еще болѣе въ духовныхъ подвигахъ, онъ пожелалъ проходить безмолвную жизнь, для чего отсюда перешелъ въ скитъ святыхъ Анны, въ которомъ подвизался также его соотечественникъ Стефанъ на келліи Св. Троицы. Онъ принялъ съ охотою юнаго подвижника въ среду своихъ учениковъ и вскорѣ постригъ его въ монашество съ именемъ Нектарія. По принятіи монашества, Нектарій сталъ прилагать труды къ трудамъ, проводя ночи въ бдѣніи, молитвѣ и колѣнопреклоненіи; пища же его была хлѣбъ съ водою. Діаволь, видя юнаго подвижника, преуспѣвающаго въ добродѣтели и желая его ослабить, сталъ смущать сожителствовавшихъ съ нимъ братій, которые, поддавшись внушеніямъ лукаваго, до того возненавидѣли Нектарія, что стали просить Стефана, чтобы онъ изгналъ его изъ ихъ общества. Но благоразумный Стефанъ, видя въ этомъ немиролюбіи козни древней злобы, не соизволялъ просьбамъ братіи и, между прочимъ, увѣщавалъ ихъ оставить гнѣвъ, несвойственный рабамъ Божиимъ, и притомъ высказалъ, что они должны считать себя счастливыми и благодарить Бога, что

Онъ удостоилъ ихъ жить вмѣстѣ съ будущимъ мученикомъ Христовымъ. Эти слова развѣяли всю тьму и коварство вражіе, и съ тѣхъ поръ братія перемѣнили свое мнѣніе о Нектаріи и стали относиться къ нему съ любовію.

Наконецъ, время уже близило Нектарія къ совершенію мученическаго подвига, ибо сердце его, горя божественною любовію, не въ состояніи было болѣе выносить жгучаго пламени, и онъ сталъ просить старца Стефана, благословить его на страдальческій подвигъ. Опытный старецъ не соизволялъ его намѣренію, такъ какъ видѣлъ его еще весьма юнымъ, на подъятіе мученическихъ подвиговъ. Но Нектарій не отступалъ отъ своего намѣренія, и еще усиленнѣе сталъ просить Стефана, отпустить его на страданіе. Стефанъ, не желая одинъ рѣшить такое важное дѣло, посоветовался съ другими духовниками, которые тоже старались отклонить Нектарія, — видя его юность и боясь неизвѣстнаго конца, не советовали ему подвергать себя мученію. Но однако отклоненія были напрасны, и Нектарій благодушно отвѣчалъ старцамъ: что съ его стороны требуется только начало, а божественная сила довершитъ конецъ, и что онъ имѣетъ твердую надежду на помощь Іисуса Христа, за Котораго намѣренъ излить свою кровь, а также и на покровительницу свою Препоблагословенную Богородицу Дѣву Марію, къ которой питаетъ несомнѣнную вѣру и любовь. Святые отцы, видя твердую мысль Нектарія, благословили его на страдальческій подвигъ, а старецъ Стефанъ пожелалъ сопутствовать ему, для духовнаго утѣшенія.

Итакъ, приготовившись въ путь и получивши въ напутствіе благословеніе святыхъ отцевъ, они вскорѣ отправились и благополучно достигли отечества Нектарія, такъ какъ было желаніе блаженнаго пострадать за Христа тамъ, гдѣ по своему неразумію отрекся Его. По прибытіи во

Вріуллу, Нектарій снялъ съ себя иноческое одѣяніе и одѣлся въ турецкое, и такимъ образомъ жилъ тамъ до мусульманскаго праздника байрама, и во все это время показывалъ видъ, что онъ истый мусульманинъ. Но послѣ трехъ дней, онъ дерзновенно предсталъ предъ судьейю и, послѣ обычныхъ привѣтствій, сказалъ ему: — Господинъ судья! Конечно, ты, видя меня въ турецкой одеждѣ, думаешь, что я мусульманинъ. Но нѣтъ: я рожденъ христіаниномъ, и теперь истинный христіанинъ, вѣрующій въ Искушителя моего Іисуса Христа; но въ малолѣтствѣ, когда я еще не могъ отличать правое отъ лѣваго, здѣшній Хусейнъ-ага прельстилъ меня, наобѣщавъ разныхъ благъ, лишь бы только я отрекся отъ христіанской вѣры, что я и сдѣлалъ. Но когда я пришелъ въ совершенный возрастъ и увидѣлъ, что онъ свои обѣщанія употребилъ для обмана, чтобы соблазнить меня; а потому, познавъ какъ обманъ, такъ и ложную мусульманскую вѣру, я ушелъ отъ него и удалился въ Алжиръ (это мѣсто мученикъ назвалъ собственно для того, чтобы не открылось, гдѣ онъ жилъ). Теперь же пришелъ сюда для того, чтобы здѣсь публично исповѣдать Того, Котораго я отрекся, и за свое горькое паденіе принять отъ васъ, враговъ Христа моего, мученія и проливши свою кровь, чистымъ явиться въ небесныя обители. Говоря это, онъ снялъ съ головы фесъ *) и зеленую повязку и бросилъ ихъ съ презрѣніемъ.

Мужество, съ какимъ говорилъ Нектарій, удивило судью, и онъ, видя его юность и тѣлесную красоту, началъ ласкать и уговаривать его оставить свое заблужденіе. Послѣ многихъ льстивыхъ обѣщаній, онъ наконецъ тихо сказалъ мученику: сынъ мой, вижу, что ты еще такъ юнъ и въ несовершенномъ разумѣ, а потому полагаю, что ты все это

*) Турецкая шапочка.

говоришь не отъ себя, а кто нибудь научилъ тебя; итакъ, поди, обдумай хорошенько, ибо отпаденіе твое отъ мусульманской вѣры навлечетъ горькія муки.

Напрасно, судья, ты такъ думаешь обо мнѣ и объ моей юности, съ кроткою улыбкою сказалъ мученикъ. Ты только прикажи меня мучить и увидишь, какъ я буду переносить всѣ твои мученія, будучи укрѣпляемъ силою Бога моего, Котораго сила не въ крѣпости, а въ немощи совершается. Итакъ, я уже давно размыслилъ о всѣхъ мученіяхъ, иначе бы и не пришелъ сюда, исповѣдать Господа моего Исуса Христа, а вашего пророка Магомета проклиною, какъ ложнаго и сына діавола.

Но судья все щадилъ святаго мученика и, не причинивъ ему никакого вреда, велѣлъ ему размыслить и удалиться.

На другой день Христовъ мученикъ опять пришелъ къ судѣ и съ веселымъ лицомъ сказалъ:—Господинъ судья! ты вчера сказалъ мнѣ, чтобы я хорошенько размыслилъ свое положеніе, и вотъ, я всю ночь объ этомъ размышлялъ, но какъ вчера, такъ и сегодня, остаюсь въ своемъ убѣжденіи, притомъ еще больше пришелъ въ сокрушеніе и оплакиваю грѣхъ мой, вашу же мусульманскую вѣру попираю, какъ Богопротивную и ведущую къ гибели.

Наконецъ судья, вышедши изъ терпѣнія, приказалъ его отвести къ князю той мѣстности. Это показывало, что судья передаетъ его высшей власти, которая имѣетъ право мучить и казнить. Но такъ какъ въ то время князя не было дома, то святаго мученика заключили въ темницу, забивши ему ноги въ колоды, а на шею наложивши тяжелую цѣпь. Въ это время къ нему въ темницу приходили многіе знатные и богатые мусульмане, которые, желая совратить мученика, уговаривали его и обѣщали разныя почести и богатства съ тѣмъ, чтобы только онъ согласился отстать отъ вѣры въ Исуса Христа. Но святой страдалецъ, твердо стоялъ

противъ искушенія, всё ихъ обѣщанія и богатства вмѣняя ни во что. Божественная любовь, царившая въ его сердцѣ, пренебрегала всёмъ, и ему желательно было не богатство и слава міра суетнаго, а скорѣйшее разрѣшеніе отъ тѣла и явленіе къ лицу Бога живаго.

Прошло пять дней; князь пріѣхалъ и велѣлъ привести къ себѣ на судъ святаго мученика. Какъ только приведенъ былъ мученикъ, князь спросилъ его:

— Ты ли тотъ, который содержится въ темницѣ за отреченіе отъ нашей вѣры, которую принялъ добровольно?

— Да, это я, благодушно отвѣчалъ святой.

— Кто это тебѣ наговорилъ такого вздору, что будто бы ты за твою дерзость сдѣлаешься святымъ?

— Не вздоръ, а истина, которую обѣщаль Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и Который помилуетъ меня за исповѣданіе Его святаго имени, а чрезъ изліянную мою кровь очиститъ меня отъ мерзкаго обрѣзанія, которое совершено надо мною вами мусульманами.

— Что же, неужели къ тебѣ нечистому сошелъ Самъ Богъ и увѣрилъ тебя въ этомъ?

— Да, Самъ Богъ, Который открываетъ Себя вѣрующимъ въ Него чрезъ Священное Писаніе.

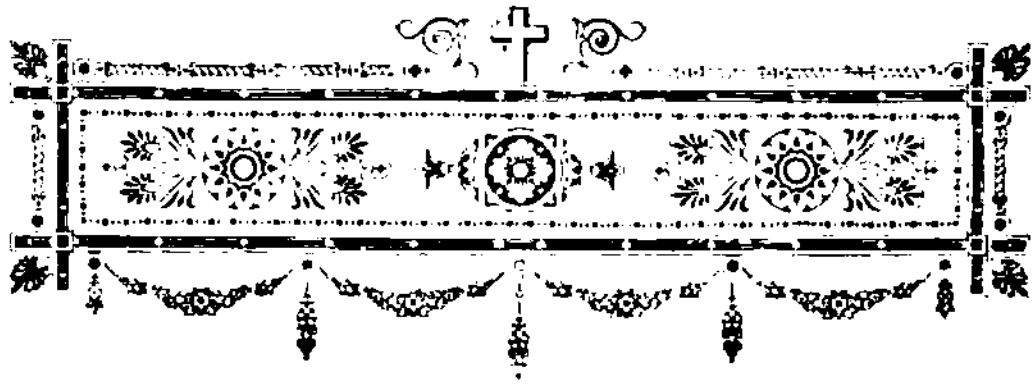
Князь, видя дерзновеніе мученика, началъ ласкать его, говоря: другъ мой! приди въ себя, пожалѣй юность и благообразіе твое, сохраняй нашу вѣру и я сдѣлаю тебя своимъ сыномъ, обстановлю тебя всёми благами и поставлю тебя выше всёхъ моихъ приближенныхъ; въ противномъ же случаѣ, прикажу мучить тебя и потомъ убить какъ самаго негоднаго изъ людей.

— Богатство твое, честь и слава да будутъ тебѣ въ погибель, отвѣчалъ ему мученикъ; о мукахъ же и безчестной смерти небрегу, такъ какъ я для этого и выдалъ себя. Итакъ дѣлай со мной, что хочешь, но я ни за что въ мірѣ

не отрекусь отъ Іисуса Христа. Князь, видя себя посрамленнымъ, приказалъ опять ввергнуть его въ темницу, наложивши на шею цѣпь еще тяжелѣе первой, а ноги заковать въ кандалы. Но блаженный благодушно переносилъ страданіе, ибо любовь къ Іисусу Христу заглушала тѣлесныя боли. Въ это время, старцемъ Стефаномъ и другими благочестивыми христіанами были возносимы молитвы ко Всевышнему Богу, дабы Онъ укрѣпилъ въ подвигахъ святаго мученика; нѣкоторые же изъ болѣе мужественныхъ проникли къ нему въ темницу и передали Святыя Тайны, присланныя ему Стефаномъ, по причащеніи которыхъ святой еще больше укрѣпился духомъ. Между тѣмъ и князь, по внушенію исконнаго врага діавола, не желалъ выпустить изъ рукъ жертву и всѣми способами прельщалъ его чрезъ своихъ посланныхъ, именитыхъ гражданъ, желая отклонить его отъ Христа, но когда увидѣлъ, что мученикъ остается въ своемъ твердомъ намѣреніи, приказалъ его мучить, и палачи начали мучить святаго съ ожесточеніемъ: били его палками, голову покрывали мѣдными раскаленными чашками. Послѣ этихъ жестокихъ мукъ, которыя повторялись неоднократно, святой лишался чувствъ, и тогда бросали его въ темницу. Но на другой день мученика находили здороваго и невредимаго; невидимая сила Божія излѣчивала святаго, что видя, мусульмане приходили въ недоумѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавали свое безсиліе. А потому, князь приказалъ отрубить ему голову, что и совершилось въ тотъ же день на площади Малказа, и чистая душа святаго мученика отлетѣла въ небесныя обители, іюля 11-го дня, 1820 года, на 21-мъ году отъ рожденія. Тѣло же святаго безумный мучитель приказалъ бросить въ сухой колодезь и завалить его землею и камнями, что и было въ точности исполнено усердными его слугами. Но чрезъ нѣсколько дней, благочестивые христіане успѣли тайно взять изъ ко-

лодца святыя мощи и раздѣлили ихъ между собою въ освященіе: одну часть взялъ старецъ преподобномученика Нектарія, Стефанъ, и перенесъ оную на святую Аѳонскую гору, другую взяла мать мученика, а третью—мѣстные христіане. Молитвами святаго преподобномученика Нектарія, Христе Боже, сподоби и намъ скончать жизнь нашу въ мирѣ и получить царство небесное. Аминь.

І Ю Л Я 28.

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего

П А В Л А

Ксиропотамскаго *).

Преподобный отецъ нашъ Павелъ родился въ Константинополѣ. Отецъ его, императоръ Михаилъ Куропалать, прозванный Ранкавей**), человекъ миролюбивый и богобоязненный, не перенося ежедневныхъ, происходившихъ при немъ, замѣшательствъ и безпорядковъ, сложилъ съ себя царское достоинство и поступилъ въ монастырь, выстроенный имъ самимъ и названный Мурелеонъ, гдѣ и скончался въ иночествѣ. Мать Павла, Прокопія, жизни также весьма благочестивой, была дочь царя Никифора Геника и сестра царя Ставракія. Нося во чревѣ своемъ плодъ брачнаго союза, она, въ одну ночь, видѣла сонъ, — будто разрѣшилась отъ бремени на хлѣбной нивѣ и родила агнца, и будто на этого агнца, когда онъ оправился, вдругъ бросились два льва и хотѣли растерзать его, но онъ сталъ въ оборонительное положеніе. При видѣ опасности непорочнаго агнца, царица кинулась защитить его отъ напа-

*) Изъ Νέον ἐκλόγιον.

**) Царствовалъ въ 811—812 гг.

денія львовъ: приближается къ нему,—и видитъ, что это не агнецъ, а дитя мужескаго пола, державшее въ рукахъ своихъ крестъ, силою котораго и пизложены были львы. Вслѣдъ затѣмъ Прокопія проснулась и родила Прокопія, такъ нареченнаго во святомъ крещеніи. Впослѣдствіи она толковала свой сонъ слѣдующимъ образомъ: агнецъ означалъ кротость и незлобіе отрока; умерщвленіе двухъ львовъ силою креста было предзнаменованіемъ иночества, въ образѣ котораго Прокопій возьметъ на рамо свое крестъ Христовъ, — орудіе противъ страстей, и побѣдитъ имъ двухъ страшныхъ, непріязненныхъ иноческой жизни, львовъ, — именно: міръ, со всею славою его и удовольствіями, и діавола, со всею его силою и полчищами; грудa хлѣба означала, что ученіемъ и примѣромъ ангельской своей жизни Прокопій напитаетъ души, алчущія божественнаго утѣшенія и, очистивъ многихъ отъ плевеловъ плотскихъ страстей, содѣлаетъ ихъ достойными небесной житницы.

Рожденіе Прокопія торжествовалъ весь Константинополь и радовался о немъ. Между тѣмъ, едва только дитя было отнято отъ груди, отецъ его, Михаилъ Куропалатъ, какъ мы сказали, отказался отъ царственнаго вѣнца. Праздный престоль греческой имперіи, вмѣсто него, былъ занятъ Львомъ Армяниномъ. Хотя Левъ и принялъ бразды правленія съ совершеннымъ полномочіемъ самодержавія, однако, зная, что Прокопій имѣетъ полное право царственнаго наслѣдія и впослѣдствіи можетъ воспользоваться имъ, рѣшился оскопить этого опаснаго совмѣстника державной своей славы и величія. Впрочемъ, и при такомъ варварскомъ поступкѣ со стороны императора, Прокопію дано было блестящее воспитаніе и образованіе. При необыкновенныхъ природныхъ дарованіяхъ, соединенныхъ съ прилежаніемъ и трудами, онъ достигъ до такой степени образованія, что всѣ мудрецы того вѣка уступали ему право на славу и

удивленіе современнаго свѣта. Памятниками высокаго его образованія остались для насъ слово на Введеніе Пресвятыя Богородицы, канонъ сорока мученикамъ и канонъ (писанный ямбическими стихами) честному кресту. Императоръ Романъ старшій, въ царской своей грамотѣ (хрисовулѣ), данной впослѣдствіи Павлу на устроеніе обители на святой горѣ Аѳонской, называетъ его величайшимъ изъ философовъ.

При высококомъ образованіи и при такомъ блестящемъ положеніи въ свѣтѣ, Прокопій, однакожь, вполне постигъ суету міра и понялъ во всей силѣ изреченіе Макарія: „душа, не освободившаяся отъ мірскихъ попеченій, и Бога не возлюбила истинно, и діавола не отверглась должнымъ образомъ,“—понялъ это и рѣшился, отказавшись отъ всего, удалиться въ пустыню — Особеннымъ побужденіемъ къ этому послужило то обстоятельство, что имя Прокопія было на устахъ всѣхъ: одинъ хвалилъ его любовь и привѣтливость, другой — смиреніе, тотъ — мудрость, воздержаніе и цѣломудріе, а иной — милосердіе, презрѣніе мірской славы и проч.;—однимъ словомъ, кромѣ похвалъ, Прокопій въ свѣтѣ ничего не слышалъ: данъ съ одной стороны, конечно, справедливая, но съ другой—опасная. Чтобъ, ради славы человѣческой, не подавить въ себѣ чувства смиренія и не увлечься превозношеніемъ и гордостью, онъ перемѣнилъ одежду на разодранную и старую, принялъ видъ нищаго и, вышедши изъ Константинополя, какъ птица отъ сѣти, понесся изъ міра на Аѳонскую гору. Тамъ, прежде всего, обзрѣлъ онъ обители, всмотрѣлся въ образъ подвижнической жизни и, чувствуя невыразимое спокойствіе духа въ кругу спасающихся иноковъ, поступилъ въ такъ называемую обитель Ксиропотамъ, которая основана была царицею Пульхеріею и незадолго предъ тѣмъ опустошена набѣгами пиратовъ, въ неистовствѣ своемъ расхитившихъ монастыри, а иноковъ предавшихъ мечу и разнаго рода насильствен-

ной смерти. Живописное мѣстоположеніе, невозмутимая тишина пустыни и безмолвіе восхитили Прокопія: онъ сначала построилъ себѣ на развалинахъ обители небольшую келлію и поселился въ ней для молитвенныхъ подвиговъ. Въ то время, тамъ же, въ сосѣдствѣ, жилъ благочестивый пустынникъ Косма, съ которымъ Прокопій скоро сблизился и принялъ отъ него ангельскій образъ, подъ именемъ Павла. Съ принятіемъ постриженія, Павелъ къ прежнимъ постнымъ и молитвеннымъ трудамъ приложилъ новые, — такъ что постелью для него была земля, а возглавіемъ — камень. Слѣдствіемъ такихъ лишеній и крестнаго самоотверженія были для него слезы и плоды Святаго Духа, которые перечисляетъ Апостоль Павелъ, — т. е. духовная любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость и воздержаніе (Гал. 5, 22. 23). Слава о высокой его жизни пронеслась по всей Святой горѣ и была для многихъ побужденіемъ и назидательнымъ образцомъ подражанія. Хотя Павелъ, въ чувствѣ смиренномудрія, и старался, съ своей стороны, представлять себя въ виду всѣхъ неученымъ и простымъ, но, по выраженію Евангелія, какъ градъ, стоя верху горы, не можетъ укрыться (Матѣ. 5, 14), такъ и онъ не въ силахъ былъ утаить себя; слава о немъ скоро дошла и до Прота. Разъ, когда онъ былъ на Кареѣ, Протъ узналъ о немъ, призвалъ его къ себѣ и спрашивалъ, кто онъ и откуда; Павелъ отвѣчалъ на это: „я нищій инокъ, какъ ты самъ видишь, святой отецъ, — уединяюсь въ развалинахъ ксиропотамскаго монастыря.“ Тронутый смиреніемъ Павла, Протъ оставилъ его въ покоѣ, а иноки съ той поры начали называть его Павломъ ксиропотамскимъ, да и самая обитель Пульхеріи впоследствии усвоила и сохранила донныѣ названіе Ксиропотама, что значитъ, въ русскомъ переводѣ, „сухой потокъ“.

Между тѣмъ, Господь восхотѣлъ возстановить изъ раз-

валинъ ту обитель, гдѣ подвизался смиренный Его рабъ, и предоставить самому ему славу и честь ея возобновленія, слѣдующимъ образомъ. Императоръ Романъ, по чувству родственной любви къ Павлу, какъ скоро вступилъ на престоль, тотчасъ сдѣлалъ повсемѣстное о немъ розысканіе. Посланные для этой цѣли нашли преподобнаго на Святой горѣ и едва упросили его, и то чрезъ Прота, идти въ Константинополь, для свиданія съ державнымъ сродникомъ и со всѣми близкими его сердцу въ родственныхъ отношеніяхъ. Встрѣча преподобнаго въ Константинополѣ была достойна подвижнической его славы и царственнаго происхожденія: весь городъ принялъ его какъ ангела, — торжественно и съ необычайною радостію. Не смотря на то, что смиренный Павелъ, не измѣняя долгу иноческому, явился, среди придворнаго блеска и великолѣпія, какъ нищій, — въ разодранной ряскѣ и съ крестомъ, вельможи, съ почтительнымъ видомъ и раболѣпнымъ уваженіемъ, припадали къ нему и желали принять его благословеніе. Такъ изумительна сила добродѣтели, не смотря на внѣшнее ея смиреніе и простоту! Между тѣмъ какъ царствующій градъ ликовалъ такимъ образомъ и радовался о святомъ Павлѣ, самъ императоръ Романъ находился въ тяжелой болѣзни: Павелъ, видя это и тронувшись страдальческимъ его положеніемъ, только что возложилъ на него свои руки, и больной выздоровѣлъ. Это чудо еще болѣе прославило преподобнаго. Признательный царь, въ продолженіе пребыванія его въ Константинополѣ, оказывалъ ему постоянное благоволеніе и родственную пріязнь, давая ему полную свободу вести себя при дворѣ согласно аскетическимъ правиламъ и обѣтамъ отшельнической жизни. А чтобъ всегда пользоваться сладкими его бесѣдами, императоръ поручилъ ему воспитаніе и образованіе въ правилахъ христіанской нравственности собственныхъ своихъ дѣтей. Такимъ обра-

зомъ время текло. Романъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ доволенъ Павломъ. Но Павелъ, съ своей стороны, начиналъ грустить по оставленной имъ пустынѣ, тѣмъ болѣе, что всюду видѣлъ мятежъ и смуты и не находилъ ни удовольствія, ни утѣшеній во всѣхъ видахъ царственнаго великолѣпія и придворныхъ торжествъ. Наконецъ, не въ силахъ будучи выносить томительное свое положеніе, онъ рѣшился просить у императора увольненія на святую гору Аеонскую. Кратко, но трогательно выразилъ предъ нимъ Павелъ душевныя свои чувства: „Государы!“ говорилъ онъ, „какъ рыба безъ воды, такъ и инокъ безъ условій келейной жизни и пустыннаго безмолвія жить не можетъ: онъ мертвъ для Бога и безжизненъ для того, чтобъ въ точности исполнять свой долгъ и обязательства въ отношеніи къ Богу. Міръ не иноческая стихія! Поэтому позволь мнѣ удалиться въ мою пустыню, гдѣ бесѣда съ Богомъ составляетъ верховное благо моей души.“ Грустно было императору разстаться съ божественнымъ Павломъ, къ которому питалъ онъ самое глубокое уваженіе и родственную любовь; но Романъ не рѣшился удерживать его при себѣ, противъ собственной его воли и желанія. Онъ сказалъ только: „Не хотѣлось бы мнѣ, святой отецъ, разлучаться съ тобою, доколѣ я живъ, потому что ты много доставилъ мнѣ утѣшенія и былъ руководителемъ въ путяхъ спасенія; но насильно удерживать тебя не смѣю. Прошу только объ одномъ: возьми сколько угодно моихъ сокровищъ и расточи ихъ по бѣднымъ, въ поминовеніе души моей.“ — „Государы!“ отвѣчалъ на это Павелъ: „не нуждаюсь я въ твоихъ сокровищахъ и не могу раздавать ихъ: есть множество нищихъ и здѣсь, — призирай ихъ самъ. Впрочемъ, если желаешь оставить вѣчную по себѣ память, благословеніе и молитвенную помощь душѣ твоей за гробомъ, — возобнови на Святой горѣ монастырь, основанный царицею Пульхеріею и нынѣ пиратами

превращенный въ развалины. Предложеніе преподобнаго было принято съ удовольствіемъ и радостію. Императоръ изъ собственныхъ сокровищъ отпустилъ суммы на возобновленіе монастыря, поручилъ это дѣло своимъ повѣреннымъ, и Ксиропотамъ съ тѣхъ поръ—въ достойной царственнаго ктиторства красотѣ и великолѣпіи. Не довольствуясь этимъ, Романъ, для освященія храма въ новой обители, назначилъ сына своего Теофила, занимавшаго тогда катедру Константинопольской церкви. И этого мало: въ изъявленіе особеннаго своего благоволенія и внимательности къ святому Павлу, царь, при отбытіи его изъ Константинополя, ввелъ его въ свою сокровищницу и предложилъ ему, въ напутствіе, безцѣнный и божественный даръ—значительнаго размѣра часть животворящаго древа Креста Господня. Самъ императоръ, въ своей грамотѣ, данной на имя святаго Павла, говоритъ объ этомъ такъ: „Съ нѣкоторыми изъ вельможъ моихъ, вошедши въ царскую мою сокровищницу, я, между частицами древа животворящаго Креста, нашель болѣе другихъ значительную, достойную удивленія, — особенно тѣмъ, что на ней и доннѣ виденъ незабвенный памятникъ Владычней страсти — дыра, гдѣ была пригвождена божественная плоть Господа моего, въ очищеніе грѣховъ нашихъ, и гдѣ струилась пресвятая Его кровь. Длина и поперечникъ этой частицы въ локоть слишкомъ, а ширина — въ мѣру двухъ сложенныхъ перстовъ, толщины же — въ одинъ перстъ; вѣсу въ ней сто драхмъ. Это святое сокровище, это страшное знаменіе небснаго Царя, долженствующее явиться на небѣ предъ пришествіемъ Сына человѣческаго на судъ живыхъ и мертвыхъ, это божественное орудіе спасенія нашего я съ любовію пожертвовалъ преподобнѣйшему Павлу ксиропотамскому, въ неотъемлемую собственность обители, на мое царское иждивеніе возобновляющейся, — пожертвовалъ до того времени, когда

придетъ Господь. Требую, чтобы этотъ даръ отпущенъ былъ съ церковными и военными почестями; а положить его пусть во святомъ алтарѣ, въ освященіе и утвержденіе царской нашей обители.“

Получивъ честное древо, блаженный Павелъ благополучно прибылъ на Святую гору и, по возобновленіи обители и освященіи соборнаго храма, честное древо, согласно царскому повелѣнію, положилъ въ алтарь, на святомъ престолѣ. А такъ какъ слава святаго пронеслась всюду, предпочтительно же по Святой горѣ, то скоро собралось къ нему множество монаховъ, чтобы, подъ мудрымъ и опытнымъ руководствомъ его, проходить крестный путь жизни, достойно иноческаго ихъ назначенія. Избѣгая, однакожь, молвы и многолюдства, преподобный Павелъ уклонился отъ всѣхъ и, поручивъ правленіе обителью одному изъ благочестивыхъ братій, удалился въ подгоріе Аэона, гдѣ и посвятилъ себя совершенному безмолвію и строгому уединенію. Но искренно преданные Павлу, питая чувство дѣтской привязанности къ нему и нуждаясь въ личномъ его руководствѣ на жизненной стези, и тамъ нашли его, и поселились съ нимъ вмѣстѣ. Поэтому и здѣсь пустыня святаго Павла, въ короткое время, приняла видъ иноческой обители, ибо число собравшихся къ нему учениковъ простиралось до 60-ти человекъ. Такое общество, по необходимости, требовало положительныхъ правилъ и условій пустынной жизни; а съ тѣмъ вмѣстѣ и внѣшнее положеніе ихъ, открытое съ моря, было небезопасно — тѣмъ болѣе, что въ то время нерѣдко случались нападенія, хищничества и разбой отъ сарацинъ. Въ крайности подобнаго рода, преподобный Павелъ снова обратился къ константинопольскому двору, съ испрошеніемъ милостыннаго пособія на основаніе новой обители, въ чемъ ему и не было отказано. Эта обитель была посвящена святому великомуче-

нику и побѣдоносцу Георгію и, отъ имени своего основателя, донныѣ носить названіе Святопавловской. Первымъ ея настоятелемъ былъ самъ преподобный Павелъ, — впрочемъ, ненадолго: потому что вскорѣ, по основаніи ся, наступилъ день и часъ блаженной его кончины, которая заблаговременно была открыта ему отъ Бога. За два дня до кончины, созвалъ онъ братство кеиропотамской и новой своей обители, и, когда братія окружили болѣзненный одръ его, преподобный Павелъ отверзъ старческія свои уста и, прощальнымъ голосомъ, произнесъ: „Дѣти! еще два дня, — и меня не будетъ между вами. Вы знаете и видѣли, какъ я жилъ въ этомъ святомъ мѣстѣ, какъ, отъ юности своей, хранилъ заповѣди отцевъ моихъ: умоляю и васъ твердо хранить ихъ, возлюбленные! Въ юности моей, когда усиливалась ересь иконоборства, я такъ ратовалъ противу нея, защищая православіе, что, изъ любви ко Христу, готовъ былъ пролить кровь мою до послѣдней капли. Обличеніе и уничтоженіе этой богоненавистой ереси, на основаніи преданій и свидѣтельствъ святыхъ отцевъ, которыя я излагалъ и письменно и устно, стоили мнѣ многихъ палочныхъ побоевъ. Говорю объ этомъ не по тщеславію, а для того, чтобъ и вы переносили великодушно всякое искушеніе и скорбь, въ чаяніи за то райскихъ вѣнцовъ отъ Бога.“ Горькій плачь и слезы братства заглушали предсмертныя слова божественнаго Павла. — „Отче,“ говорили ему братія: „не оставляй насъ въ сиротствѣ и не лишай духовныхъ твоихъ наставленій; — видя дивные твои подвиги, мы полагали, что ты никогда не долженъ умереть, а между тѣмъ ты отходишь отъ насъ, — утѣшеніе наше, отецъ нашъ и наставникъ!“ Тронутый слезами и плачемъ братіи, заплакалъ и самъ умирающій и, сквозь слезы, продолжалъ: „Перестаньте, братія, плакать! — не смущайте своимъ плачемъ моего сердца. Что дѣлать! — настало время, котораго

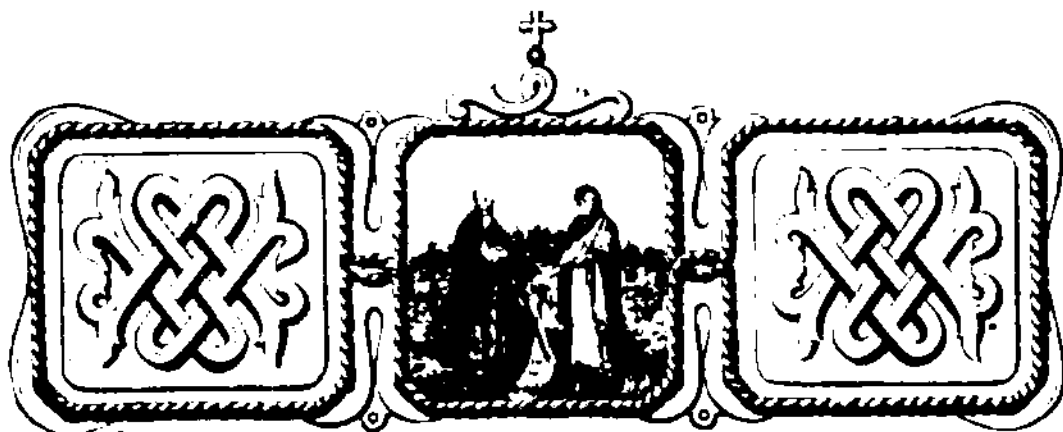
постоянно желала душа моя и страшилась плоть моя.* При этихъ словахъ, онъ всталъ, надѣлъ на себя мантию и, довольно помолившись, приобщился пречистыхъ Таинъ. Вдругъ на лицѣ его заигралъ божественный свѣтъ, такъ что окружавшая его братія, бывъ поражена такою славою лица его, преклонилась ницъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сѣлъ и, проговоривъ всегдашнюю свою молитву: „упованіе мое Отець, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святой, — Троице Святая, слава Тебѣ!“ — обратился къ братіи и сказалъ: „болѣе всего, чада мои и братія, любите другъ друга, молитесь, смиряйтесь и имѣйте божественное послушаніе: монахъ, чуждый этихъ сердечныхъ качествъ и свойствъ ангельскаго образа, недостойнъ вазываться монахомъ, — онъ не лучше мірянина.“ Потомъ присовокупилъ: „горе монаху, если онъ увлекается обращеніемъ и дружествомъ съ отроками! — трудно такому уберечься сѣтей демонскихъ и знаменаться свѣтомъ лица Божія.“ На вопросъ же одного брата: „какъ приобрѣсть слезы умиленія?“ — святой сказалъ: „имѣй всегда въ умѣ твоёмъ страшный судъ и грѣхи твои, — тогда не хотя потекутъ у тебя слезы.“ Наконецъ, преподобный склонился на смертный одръ и, скрестивши на груди руки, возвелъ молитвенныя очи на небо, вздохнулъ — и душа его тихо и мирно отошла къ Богу. Это было іюля 28-го дня.

Согласно волѣ и завѣщанію преподобнаго, братія не похоронили смертныхъ его останковъ на Святой горѣ, а думали отдать ему послѣдній долгъ на полуостровѣ Лонгосъ (противолежащемъ Святой горѣ). Но Богъ устроилъ иначе. Отправившись на корабль со Святой горы вечеромъ и проѣхавъ ночью возлѣ полуострова Лонгосъ, поутру, сверхъ всякаго чаянія, очутились они въ виду Константинополя. Вѣсть о прибытіи аѳонскихъ монаховъ съ смертными останками преподобнаго Павла быстро разнеслась

по Константинополю и наконецъ проникла въ чертоги царскіе. Обрадованный такимъ неожиданнымъ событіемъ, императоръ и дворъ его торжественно вышли навстрѣчу преподобному Павлу, въ соупутствіи патріарха и всего клира. Стеченіе народа было чрезвычайное. При блескѣ безчисленныхъ свѣчей, съ кадилльнымъ оміамомъ, мощи были положены въ великой церкви *), во славу Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. Да воздастся Ему и отъ насъ честь, слава и благодареніе во вѣки. Аминь.

*) Некоторые говорятъ, что святая мощь его была погребена въ обители Перивалетось, что нынѣ армянскій *Сулу*—монастырь (см. «Письма съ Востока», ч. 1, стр. 300).

А В Г У С Т А 4.

Подвиги и страданія священномученика КОСМЫ РАВНОАПОСТОЛЬНАГО *).

Сей воистину Божій человекъ, учитель и проповѣдникъ, Косма, родомъ изъ Этоліи, изъ одного небольшого селенія, именуемаго Мегадендронъ, былъ сынъ благородныхъ родителей. Воспитанный и наставленный ими, по Апостольскому слову, *въ наказаніи и ученіи Господни* (Ефес. 6, 4), этотъ юный христіанецъ, почти въ двадцати-лѣтнемъ возрастѣ, началъ обучаться грамматикѣ подъ руководствомъ архидіакона Ананіи Дервишана. Но такъ какъ въ то время было въ великой славѣ ватопедское на Святой горѣ училище, то Косма, со многими другими своими соучениками, перешелъ въ Ватопедъ. Тамъ окончилъ онъ изученіе грамматики подъ руководствомъ учителя Панагіота Паламы, а потомъ выслушалъ и логику отъ учителя Николая Царцулія изъ Медовы, который съ ученѣйшимъ Евгеніемъ **)

*) Изъ *Ліон Мартирологіон*.

**) Булгарисомъ, который впоследствии былъ архіепископомъ екатеринославскимъ и херсонскимъ (съ 1775 по 1779 годъ).

управлялъ тамошнимъ училищемъ. Косма носилъ тогда еще мірское имя Константа, но и въ мірской одеждѣ украшался уже благолѣпіемъ монашескаго образа, не щадилъ трудовъ и приучалъ себя къ совершенному подвижничеству. Но вотъ славное то училище, по удаленіи изъ него учителей, къ несчастію, снова опустѣло; тогда добрый Константъ, удалившись оттуда, пошелъ въ святую обитель Филошееву. Тамъ сперва постриженъ былъ онъ въ монахи и со всѣмъ усердіемъ преуспѣвалъ въ трудахъ монашеской жизни, а потомъ, когда для обители понадобился священникъ, по сильному убѣжденію и прошенію отцевъ, рукоположенъ въ іеромонаха.

Будучи еще міряниномъ, блаженный издавна имѣлъ въ сердцѣ своемъ сильное желаніе, всѣмъ тѣмъ, чему учился, послужить на пользу братій своихъ христіанъ, и часто говорилъ: какую великую нужду въ Божіемъ словѣ имѣютъ братія мои, христіане! Поэтому, ученые должны стремиться не въ господскіе дома, не ко двору вельможъ и не для богатства и знаменитости расточать свою ученость, но, чтобы приобрѣсти небесную награду и неувядающую славу, всего болѣе обязаны учить простой народъ, живущій въ великомъ невѣжествѣ и грубости. Но при всемъ такомъ желаніи, при всей пламенной ревности, горѣвшей въ его сердцѣ, о пользѣ многихъ, онъ съ другой стороны представлялъ и всю трудность дѣла Апостольской проповѣди и, какъ мужъ смиренномудрый и скромный, не отваживался самъ собою на это предпріятіе, не уразумѣвъ прежде Божія на то изволенія. Почему, желая извѣдать, угодно ли намѣреніе его Богу, онъ открылъ Божественное Писаніе и тотчасъ встрѣтилъ Апостольское изреченіе: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. 10, 24), то есть, пусть каждый ищетъ не того, что полезно для него самого, но что принесло бы пользу брату его.

Основавшись на этомъ, открылъ онъ свое намѣреніе духовнымъ отцамъ и, получивъ отъ нихъ позволеніе, отправился въ Константинополь для свиданія съ роднымъ своимъ братомъ, учителемъ Хрисанѳомъ, у котораго сталъ учиться особенному риторскому искусству правильнаго собесѣдованія. Здѣсь объявилъ онъ мысль свою благоговѣйнымъ архіереямъ и дидаскаламъ и, слыша, что всѣ единогласно побуждаютъ его приступить къ этому дѣлу Божию, онъ взялъ письменное дозволеніе у патріарха Серафима II. Блаженный началъ проповѣдывать Евангеліе царствія небснаго сперва въ церквахъ и селеніяхъ константинопольскихъ, потомъ отправился въ Навпактъ, въ Врахори, въ Мисолонги и въ другія мѣста, а оттуда снова пришелъ въ Константинополь. Затѣмъ, испросивъ совѣта у тогдашняго патріарха Софронія и, получивъ отъ него снова дозволеніе и благословеніе, началъ еще съ большею горячностію и ревностію проповѣдывать слово Евангелія. Обошелъ почти всѣ придунайскія княжества и, научивъ христіанъ приносить покаяніе и творить дѣла достойныя покаянія, возвратился на Святую гору въ лѣто 1775-е. Посѣщая тамошніе монастыри и скиты, онъ говорилъ поученія отцамъ и провелъ нѣсколько времени въ чтеніи божественныхъ отеческихъ книгъ. Но такъ какъ отъ любви, какою сердце его (какъ самъ онъ неоднократно говорилъ о томъ многимъ отцамъ) пламенѣло къ пользѣ христіанъ, не могъ онъ медлить долѣе; то удалился со Святой горы и, начавъ съ селеній въ окрестностяхъ ея, продолжалъ проповѣдывать въ Фессалоникѣ, въ Верріи и во всей почти Македоніи, прошелъ области Химару, Акарнанію, Этолію до самой Арты и Привезы, а оттуда отплылъ на острова: святую Мавру и Кефалонію. И гдѣ ни проходилъ блаженный, вездѣ было великое стеченіе христіанъ, которые съ умиленіемъ и благоговѣніемъ внимали благодати и сладо-

сти словесъ его, а это сопровождалось исправленіемъ нравовъ и духовною пользою. Ученіе его, подобно ученію рыбаей, было весьма просто, спокойно и кротко, чѣмъ и доказывалось несомнѣнно, что оно исполнено благодати кроткаго Утѣшителя Святаго Духа. Особливо же на островѣ Кефалоніи священный этотъ учитель сѣяніемъ божественнаго ученія произвелъ великій душеполезный плодъ.

Между тѣмъ и Богъ свыше споспѣшествовалъ ему и утверждалъ слово его знаменіями и чудесами, какими утверждалъ нѣкогда проповѣдь и святыхъ Своихъ Апостоловъ. На островѣ томъ былъ одинъ бѣдный портной, у котораго съ давнихъ лѣтъ правая рука была суха и не дѣйствовала. Притекши къ святому, этотъ мастеровой просилъ исцѣлить его. Блаженный далъ ему такой совѣтъ, чтобы онъ приходилъ и съ благоговѣніемъ слушалъ проповѣдь, и тогда Богъ умилосердится надъ нимъ. Сухорукій послушался сего совѣта и едва выслушалъ проповѣдь святаго, на другой же день совершенно исцѣлился. Другой разслабленный, услышавъ о такомъ необычайномъ происшествіи, велѣлъ, чтобы во время проповѣди блаженнаго приносили его туда на одрѣ, и чрезъ нѣсколько дней сталъ совершенно здоровъ, слава Бога и благодаря святаго. И въ крѣпости Ассѣ былъ одинъ благородный человѣкъ, страдавшій жестокимъ недугомъ въ ушахъ, такъ что съ давнихъ лѣтъ почти лишенъ былъ слуха. Съ благоговѣніемъ и вѣрою пришедши туда, гдѣ училъ святой, онъ скоро сталъ ясно слышать и съ того времени не чувствовалъ уже болѣзни. Въ Кефалоніи есть селеніе, называемое Куруни. Проходя этимъ селеніемъ въ лѣтнее время, святой ощутилъ на пути жажду и попросилъ воды изъ находившагося тамъ по близости безводнаго колодезя; жители говорили, что въ колодезѣ воды нѣтъ, но ради послушанія пошли, до-

стали со дна колодезя нѣсколько грязи и земли съ водою и принесли ее. Святой, взявъ ее въ уста свои, испиль немного и съ того времени колодезь тотъ, къ удивленію, сталъ источать чистую воду и всегда былъ полонъ зимою и лѣтомъ, даже содѣлался цѣлебнымъ отъ многихъ недуговъ.

По причинѣ множества народа, не вмѣщавшагося ни въ какой церкви, Косма по необходимости проповѣдывалъ внѣ селеній въ полѣ. Посему имѣлъ онъ обычай напередъ объявлять, гдѣ хотѣлъ остановиться и говорить проповѣдь: въ томъ мѣстѣ приготавливали и ставили большой деревянный крестъ; потомъ, при древѣ креста утвердивъ каедрю, Косма восходилъ на нее и училъ; по окончаніи же проповѣди, каедрю бралъ онъ съ собою, куда шелъ далѣе, а крестъ оставался на мѣстѣ во всегдашнее напоминаніе о его проповѣди. И гдѣ были поставлены эти кресты, тамъ Богъ являлъ въ послѣдствіи много чудесъ. Такъ, среди аргостольскаго торжища, на томъ же островѣ Кефалоніи, у одного креста, оставленнаго святымъ, открылся чудесный источникъ, никогда не оскудѣвающій водою.

Съ Кефалоніи блаженный переправился на островъ Закинѣ, въ сопровожденіи болѣе нежели десяти судовъ, наполненныхъ благоговѣйными кефалонянами. Но здѣсь благословенный сей проповѣдникъ не умѣлъ успѣха и потому преподавалъ ученіе недолго. Отсюда возвратился онъ опять на Кефалонію и пошелъ въ Корифы, гдѣ съ честію былъ принятъ всѣми, особенно же тамошнимъ княземъ. А такъ какъ собралось туда великое множество и изъ прочихъ селеній слушать проповѣдь святаго, то начальники города, боясь, какъ бы въ иныхъ не возбудилась зависть къ нему, стали просить его скорѣе удалиться. Поэтому, чтобы не быть причиною соблазновъ и смятеній въ народѣ, Косма перешелъ оттуда на материкъ въ Албанію, въ се-

леніе, называемое „Сорокъ святыхъ,“ и тамъ сталъ учить христіанъ, посѣщая мѣста, гдѣ было болѣе грубаго невѣжества, гдѣ благочестіе и жизнь христіанская подвергались опасности совершенно утратиться, гдѣ люди предавались множеству худыхъ дѣлъ: убійствамъ, татьбѣ и тысячамъ другихъ беззаконій, и своими пороками постепенно дѣлались иногда хуже нечестивыхъ. Въ такихъ одичавшихъ и огрубѣвшихъ сердцахъ христіанскихъ священныи Косма посѣвалъ сѣмя слова Божія и, при содѣйствіи Божіей благодати, стяжалъ много великихъ плодовъ: свирѣпыхъ сдѣлалъ кроткими, разбойниковъ добрыми, безжалостныхъ и немилосердыхъ милосердыми, неблагоговѣйныхъ благоговѣйными, невѣжественныхъ и непонимавшихъ ничего божественнаго обучилъ и побудилъ ходить къ святымъ службамъ, однимъ словомъ, закоснѣвавшихъ въ грѣхахъ привелъ къ искреннему покаянiю и исправленію. Потому всѣ стали говорить, что въ ихъ время явился новый Апостоль.

По наставленію его, вездѣ, и въ большихъ и въ малыхъ селеніяхъ, заводимы были училища, въ которыхъ дѣти даромъ обучались священнымъ письменамъ, чрезъ что утверждались въ вѣрѣ и благочестіи и руководились къ добродѣтельной жизни. По его же убѣжденію, богатые купили болѣе четырехъ тысячъ большихъ мѣдныхъ купелей, и во всегдашнее по себѣ поминовленіе роздали ихъ по церквамъ, для благоприличнаго крещенія въ нихъ христіанскихъ дѣтей. Подобно сему Косма и всѣхъ, кто имѣлъ способы, убѣждалъ покупать отеческія книги, христіанскія поученія, четки, малые кресты, головныя покрывала, гребни. Книги раздавалъ онъ въ подарокъ тѣмъ, которые знали грамоту, или обѣщались учиться; покрывалами (которыхъ было куплено свыше сорока тысячъ) надѣлялъ женщинъ, чтобы они ходили съ покрытыми головами; гребни давалъ людямъ,

обѣщавшимся не брить волосъ на головѣ *) и жить добродѣтельно, по-христіански; четками и крестами (которыхъ куплено болѣе пятидесяти тысячъ) обдѣлялъ простой народъ, приказывая всякому молиться за вкладчиковъ.

Блаженнаго Косму сопровождали до сорока или пятидесяти іереевъ. Когда намѣревался онъ изъ одной области перейти въ другую, тогда приказывалъ христіанамъ прежде исповѣдываться, поститься, совершать бдѣніе при множествѣ горящихъ свѣтильниковъ. Для сего были у него устроены деревянные подсвѣчники, изъ которыхъ на каждомъ можно было поставить до ста свѣчъ; подсвѣчники эти разбирались, и онъ переносилъ ихъ съ собою съ одного мѣста на другое. Свѣчи всеѣмъ раздавались даромъ; іереи совершали освященіе елея; все христіане были помазуемы; въ заключеніе же Косма говорилъ проповѣдь. А такъ какъ народъ слѣдовалъ за нимъ во множествѣ, по двѣ и по три тысячи человекъ, то съ вечера приказывалъ онъ готовить по нѣскольку мѣшковъ съ хлѣбомъ и котловъ съ вареною пшеницею тамъ, гдѣ надлежало собраться народу; потомъ отправлялись туда въ путь, и такимъ образомъ все пользовались приготовленною пищею, и молились за живыхъ и за умершихъ.

Богъ и въ Албаніи, какъ въ другихъ мѣстахъ, совершилъ чрезъ блаженнаго много чудесъ. Одинъ чиновный турокъ, побуждаемый или евреями, или бѣсомъ, возымѣлъ такую ненависть къ святому, что однажды, сѣвъ на коня, пустился за нимъ вслѣдъ, съ намѣреніемъ догнать и сдѣлать ему зло, но конь на бѣгу сбросилъ турка на землю, и онъ расшибъ себѣ правую ногу; воротившись же домой, нашель онъ умершимъ своего сына: поэтому, раскаялся, послалъ къ святому письмо и просилъ у него прощенія.

*) Какъ это дѣлаютъ мусульмане.

Первые аги изъ филиатовъ отправились видѣть святаго и слышать его проповѣдь: тогда было лѣто, и они остановились на ночлегъ среди поля; вотъ, около пяти часовъ ночи видятъ, что небесный свѣтъ, подобно облаку, покрываетъ то мѣсто, гдѣ пребывалъ святой, о чемъ сами рассказывали христіанамъ. Поэтому утромъ, пришедши къ святому, аги не устами только, но отъ всего сердца просили его помолиться о нихъ. Еще одинъ чиновный турокъ страдалъ жестокою каменною болѣзнію. Услышавъ о святомъ, послалъ онъ раба своего пригласить Косму, чтобы пришелъ онъ и помолился о немъ, ибо надѣялся, что по молитвѣ святаго Богъ исцѣлитъ его. Святой не соглашался идти, отзываясь, что онъ человекъ грѣшный. Турокъ въ другой разъ прислалъ раба съ сосудомъ воды и велѣлъ просить святаго, чтобы благословилъ воду. Тогда святой, видя великое благоговѣніе турка, далъ ему двѣ заповѣди: не пить водки и раздать бѣднымъ десятую часть своего богатства; турокъ обѣщалъ исполнить это. Косма благословилъ воду, больной сталъ пить ее и въ сорокъ дней совершенно исцѣлился, а послѣ того подавалъ великія милостыни.

Противъ Фанари, на мѣстѣ называемомъ Лукуриси, владѣвшій тѣмъ мѣстомъ, турокъ, видя крестъ, поставленный святымъ по сказанному выше обычаю, что, то есть, онъ говорилъ тамъ проповѣдь, взялъ его и понесъ къ себѣ въ домъ съ намѣреніемъ въ сторожкѣ своего виноградника сдѣлать изъ него двѣ ножки къ кровати. Вдругъ, о чудо! съ туркомъ дѣлается страшное какое-то потрясеніе: не въ силахъ онъ устоять на ногахъ, падаетъ на землю, долгое время бьется, точить пѣну, скрежещетъ зубами, какъ бѣснующійся. Наконецъ, подняли его двое проходившихъ мимо турокъ и, когда пришелъ онъ въ себя, тотчасъ понялъ, что пострадалъ отъ Божія гнѣва за дерзкое покушеніе

взять и унести честный крестъ. Поэтому онъ пошелъ и поставилъ его опять на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде, и каждый день приходилъ лобызать его съ великимъ благоговѣніемъ. Впослѣдствіи же, когда священный учитель Косма проходилъ тѣмъ мѣстомъ въ другой разъ, турокъ пришелъ къ нему на поклоненіе, въ присутствіи всѣхъ разсказалъ чудо и смиренно просилъ прощенія.

Такъ какъ святой обличалъ женщинъ, носившихъ на себѣ наряды, и убѣждалъ въ своихъ поученіяхъ отложить всѣ убранства, то нѣкоторыя изъ нихъ стали носить черное платье. Одна богатая женщина въ Корицѣ имѣла у себя сына и убирала ему голову множествомъ серебряныхъ монетъ и другими излишними нарядами. Святой неоднократно совѣтовалъ этой женщинѣ раздѣлить всѣ эти уборы бѣднымъ дѣтямъ, ежели хочетъ, чтобы сынъ ея былъ живъ, но женщина не послушалась. Наконецъ, Косма говоритъ ей: если не снимешь съ ребенка нарядовъ, то вскорѣ лишишься его. Но какъ она и въ этотъ разъ не повиновалась святому, то на слѣдующій день нашла сына своего въ постели и тогда только поняла, что Богъ наказалъ ее за непослушаніе.

Святой, куда ни приходилъ, вездѣ училъ христіанъ — по воскреснымъ днямъ не дѣлать торговъ, не заниматься работами, но ходить въ церковь и слушать тамъ святую службу и Божіе слово, и тѣхъ, которые не слушались въ этомъ святаго, Богъ вразумлялъ различными наказаніями. Такъ, въ мѣстечкѣ, называемомъ Халкіада, на часъ пути отъ Арты, одинъ купецъ осмѣлился торговать въ воскресный день, и вдругъ отнялась у него рука. Пришедши же къ святому и испросивъ у него прощенія въ грѣхѣ своемъ, онъ чрезъ нѣсколько дней исцѣлился. Подобнымъ образомъ, въ Паргѣ, одинъ рабочій захотѣлъ въ воскресный день продать свою работу и лишился за то употребленія

руки. Но, исповѣдавъ грѣхъ свой святому и выслушавъ отъ него наставленіе, онъ вмѣстѣ съ прощеніемъ получилъ и исцѣленіе руки.

Блаженный Косма въ поученіяхъ своихъ много разъ говорилъ ясно, что на Евангельскую проповѣдь призванъ онъ Самимъ Іисусомъ Христомъ и что изъ любви къ Господу прольетъ кровь свою. Наконецъ, предсказаніе его приблизилось къ исполненію. И это было слѣдующимъ образомъ: Апостольскій сей учитель ни въ Фессаліи, ни въ Кастореи, ни въ Янинѣ, ни въ другихъ странахъ, гдѣ были евреи, никогда не отверзалъ устъ своихъ противъ нихъ, но училъ только христіанъ хранить правду и покорность тѣмъ властямъ, какія далъ Богъ. Сами албанцы, приходя туда, гдѣ святой училъ на открытыхъ поляхъ, слышали это изъ устъ его и провозглашали его человѣкомъ Божиимъ. Посему и Куртъ-паша, когда дошла до него добрая эта молва, потребовалъ Косму къ себѣ, и бесѣда святаго столько понравилась пашѣ, что самую каеэдру, которую, по сказанному выше, устроилъ себѣ святой, чтобы учить съ нея народъ, велѣлъ обить бархатомъ. Но какъ въ предшествовавшіе вѣка лукавый родъ христоненавистниковъ евреевъ обнаруживалъ всегда крайнюю злобу на христіанъ, такъ и теперь жившіе въ Янинѣ богоненавистные евреи, не терпя, что проповѣдуется вѣра и Евангеліе Іисуса Христа, наговорили пашѣ, будто бы священный Косма подосланъ и обольщаетъ турецкихъ подданныхъ, приглашеніемъ ихъ въ Россію. Но Божій Промыслъ на этотъ разъ сохранилъ Косму отъ такого смертоноснаго навѣта, и христіане, по сему случаю, потерпѣли только значительный ущербъ въ имѣніи. Однакожъ, священный Косма съ сего времени началъ обличать лукавство и непримиримую ненависть евреевъ къ христіанамъ. И какъ ясно было доказано, что все, въ чемъ евреи обвиняли предъ пашею

святаго, была чистая выдумка и явная клевета, то онъ снова пришелъ въ Янину. Здѣсь, во первыхъ, убѣдилъ онъ христіанъ, чтобы день общаго торга перенесли они съ воскресенья на субботу; а это евреямъ причинило великій убытокъ. Во вторыхъ, провозглашалъ евреевъ явными врагами, готовыми дѣлать христіанамъ всякое зло и во всякое время. Въ третьихъ, запрещалъ христіанамъ носить на головахъ своихъ длинныя кисти и все тому подобное, что покупали они у евреевъ, и внушалъ, что богоубійцы оскверняютъ все, что продаютъ христіанамъ, и потому ничего не должно покупать у евреевъ. Раздраженные этимъ, евреи пошли къ Куртъ-пашѣ, дали ему много денегъ и просили, чтобы лишилъ святаго жизни. Паша, посоветовавшись съ своимъ хѳджою*), положилъ въ мысляхъ умертвить Косму при его посредствѣ, что и сдѣлано такимъ образомъ. Святыи имѣлъ обычай, какъ скоро приходилъ куда, брать сперва дозволеніе у мѣстнаго архіерея и намѣстниковъ его, а также кого-либо изъ христіанъ посылалъ за дозволеніемъ и къ гражданскимъ начальникамъ, и послѣ сего проповѣдывалъ уже безпрепятственно. Такъ, пришедши въ одно албанское селеніе, называемое Коликонтаси, взялъ онъ дозволеніе у мѣстнаго архіерея; развѣдавъ же о мѣстопребываніи гражданскихъ начальниковъ и узнавъ, что главный мѣстный правитель Куртъ-паша находится въ селеніи, называемомъ Верати, отстоящемъ на двѣнадцать часовъ пути, а хѳджа этого паша живетъ близко, послалъ къ послѣднему испросить у него дозволеніе и началъ учить. Однако же, не удовольствовавшись этимъ, искалъ онъ случая самому увидѣть хѳжду и удостовѣриться въ его расположеніи. Христіане долго удерживали отъ сего Косму, говоря: ты никогда не дѣлалъ этого прежде и не ходилъ

*) Домашній учитель вѣры.

самъ къ агарянскимъ начальникамъ просить у нихъ дозволенія; но не могли удержать его. Сказавъ, что не измѣнить своего намѣренія, святой взялъ съ собою четырехъ иноковъ и одного іерея, который могъ бы служить переводчикомъ, и отправился къ ходжѣ. Ходжа притворно сказалъ, что есть у него письмо отъ Куртъ-паши, по которому приказано послать Косму къ пашѣ для собесѣдованія, а между тѣмъ далъ приказъ своимъ держать святаго подъ стражею, и пока не будетъ отосланъ къ пашѣ, не позволять ему сходить со двора. Тогда благословенный этотъ учитель понялъ, что намѣреваются умертвить его, и за то прославилъ и возблагодарилъ Владыку Христа, дарующаго возможность теченіе Апостольской своей проповѣди увѣнчать мученичествомъ. Обращаясь къ спутникамъ своимъ инокамъ, онъ говорилъ словами Псалма: *проидохомъ сквозь огонь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Псал. 65, 12), и всю ночь славословя Господа во Псалмахъ, безъ признака скорби о томъ, что долженъ лишиться жизни, онъ показывалъ радостное лице, какъ будто шелъ на веселіе и ликованіе. Какъ скоро наступилъ день, семь чловѣкъ агарянъ взяли и посадили его на коня, подъ предлогомъ представить Куртъ-пашѣ. Но когда чрезъ два часа пути подѣхали къ большой рѣкѣ, то объявили ему приказъ Куртъ-паши предать его смерти. Святой съ радостію выслушалъ такое опредѣленіе и, преклонивъ колѣна, началъ молиться Богу, благодарилъ и прославлялъ Его за то, что Онъ даруетъ ему милость изъ любви ко Господу принести теперь въ жертву Ему жизнь свою, чего всегда желала душа его. Совершивъ молитву, онъ всталъ, крестовидно благословилъ всѣ четыре страны міра и помолился о всѣхъ христіанахъ. Затѣмъ мучители, посадивъ его у одного дерева, хотѣли связать ему руки; но святой не допустилъ ихъ, говоря, что противиться не будетъ, и самъ сложилъ руки крестъ на

крестъ, какъ бы связанная. Потомъ приложилъ онъ священную главу свою въ дереву: мучители обвязали веревкою шею его и удавили, а святая душа его воспарила на небеса. Такъ, блаженный Косма, это достоѣльное украшеніе міра, и какъ равноапостольный, и какъ священномученикъ, сподобился пріять отъ Господа сугубый вѣнецъ на шестьдесятъ пятомъ году жизни, августа 4-го дня, 1779 года.

Обнаживъ честное тѣло его, агаряне повлекли его и съ большимъ камнемъ на шеѣ бросили въ рѣку. Узнавъ объ этомъ, христіане вскорѣ пришли искать мощей святаго, опускали въ рѣку сѣти, употребляли и другіе способы, но найти ихъ не могли. Черезъ три уже дня одинъ благоговѣйный іерей, по имени Маркъ, изъ находящагося близъ селенія Коликонтаси Ардевузскаго монастыря Введенія Пресвятыя Богородицы, оградившись крестнымъ знаменіемъ, отправился на поиски на маленькой ладѣ, и вскорѣ — о чудо! видитъ, что святая мощи плаваютъ поверхъ воды, и преподобный, какъ живой, стоитъ въ прямомъ положеніи. Маркъ немедленно приблизился къ мощамъ, обнялъ и извлекъ ихъ изъ воды. Когда поднялъ онъ мощи, — изъ медоточивыхъ устъ святаго истекло въ рѣку много крови. Прикрывъ мощи своею рясою, іерей перенесъ ихъ въ упомянутый выше Богородичный монастырь и честно предалъ погребенію позади святаго алтаря.

По кончинѣ святаго происходило слѣдующее: Куртъ-паша, раскаявшись глубоко въ томъ, что введенъ былъ въ обманъ и ради суетной корысти умертвилъ человѣка невиннаго и миролюбиваго, велѣлъ отпустить монаховъ, сопровождавшихъ святаго, въ упомянутый выше Богородичный монастырь, гдѣ и назначилъ имъ пребываніе. Монахи, пришедши туда, мощи святаго нашли погребенными, и чтобы болѣе удостовѣриться въ страдальческой его кончинѣ, вмѣстѣ съ другими іереями и христіанами откопали

гробъ и нашли, что хотя онъ три дня были въ рѣкѣ, какъ Іона въ китовомъ чревѣ, однако же не имѣли на себѣ никакихъ признаковъ тлѣнія, но благоухали, и святой казался будто почивающимъ. Облобызавъ благоговѣнно святыя останки сіи, иноки снова предали ихъ погребенію.

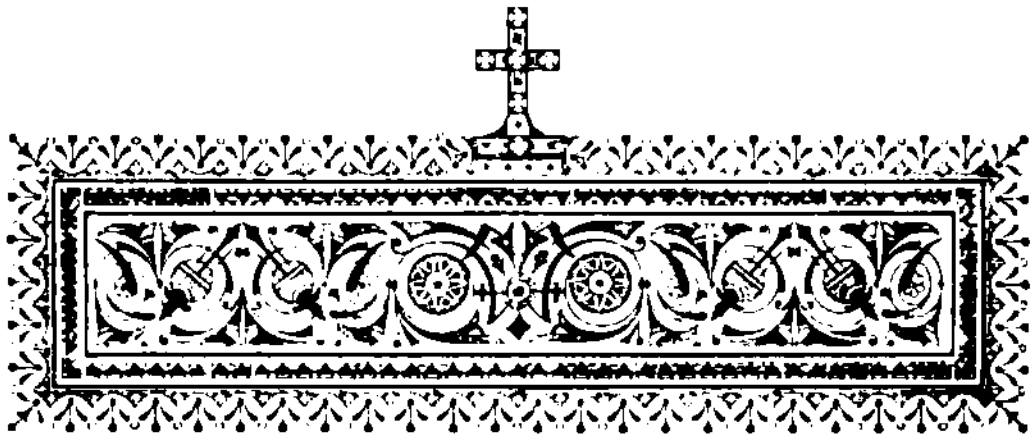
Въ это время прилучилось находиться тамъ одной бѣсноватой женщиной, изъ дальнихъ мѣстъ слѣдовавшей за святымъ при жизни его и желавшей себѣ исцѣленія. Какъ скоро увидѣла она, что гробъ святаго открытъ, — сильно потрясъ ее бѣсъ, и вскорѣ потомъ она совершенно исцѣлилась, славя Бога и святаго. Одинъ изъ тѣхъ агарянъ, кои умертвили святаго, взявъ камилавку его и, возвращаясь къ ходжѣ, надѣлъ ее себѣ на голову, въ насмѣшку надъ святымъ. Въ ту же минуту сталъ онъ бѣсноватымъ, сбросилъ съ себя одежды свои, бѣгалъ и кричалъ, что онъ убилъ подвижника. Узнавъ объ этомъ, паша велѣлъ ввергнуть его въ узы, и тамъ въ мученіи испустилъ онъ духъ.

Въ упомянутомъ выше селеніи Коликонтаси, сказавъ послѣднюю проповѣдь, святой оставилъ тамъ по обычаю, водруженный въ землю крестъ. По кончинѣ его, христіане каждую ночь видѣли сіявшій надъ симъ крестомъ небесный свѣтъ; почему, въ день воздвиженія честнаго креста, іерей и народъ съ крестнымъ ходомъ пришли туда и, взявъ тотъ крестъ, поставили его позади алтаря, близъ гроба святаго, во всегдашнее напоминаніе о чудѣ.

Когда ученики святаго, получивъ совершенную свободу отъ паши, открыли мощи святаго, тогда нѣкоторые изъ нихъ взяли съ собою части сихъ мощей и разнесли ихъ по разнымъ мѣстамъ, и отъ тѣхъ святыхъ мощей многіе недужные получали исцѣленіе. Особливо поразительно это было на островѣ Наксіи, куда два ученика святаго, пришедши съ

извѣстіемъ о страданіи его и явившись къ начальнику тамошняго училища священноучителю Хрисанѳу, брату священномученика, принесли съ собою нѣсколько волосъ изъ брады святаго. Въ это время одна женщина, въ такъ называемомъ Новомъ селеніи (Неохори), бывшая въ самомъ тяжкомъ и смертельномъ недугѣ, принявъ съ благоговѣніемъ сіи волосы, вдругъ ощутила въ себѣ сверхъ-естественную силу и вскорѣ, по молитвамъ священномученика Космы, получила совершенное здравіе. Его молитвами да сподобимся и мы небеснаго царствія! Аминь.

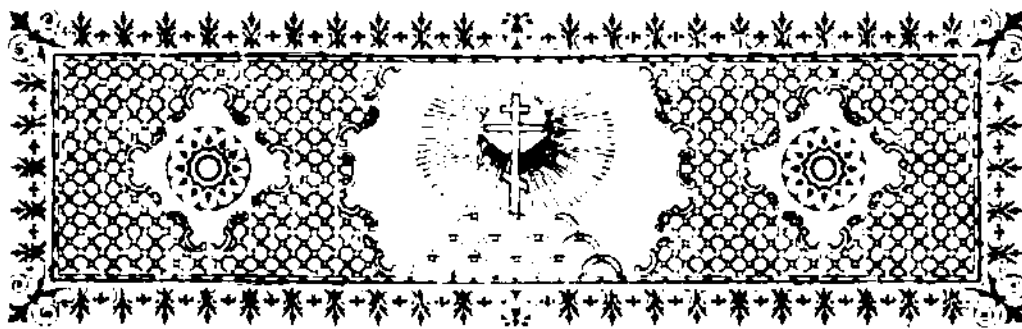
А В Г У С Т А 7.

Память преподобнаго отца нашего
ДОМЕТІЯ ФИЛОФЕЕВСКАГО *).

Знаменоносный этотъ безмолвникъ Дометій ангельски подвижался въ предѣлахъ обители Филофеевской. 3 года безмолвствоваль съ нимъ и преподобномученикъ Даміанъ Филофеевскій (смотри его житіе февраля 23).

*) Изъ 'Ακολουθία τῶν ἀγιορειτῶν πατέρων.

А В Г У С Т А 11.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
НИФОНТА 2-го,
патріарха константинопольскаго *).**

Отечество божественнаго Нифонта — Морея, или нынѣшняя Греція: онъ происходилъ отъ родителей, славныхъ благородствомъ и значеніемъ въ міръ, но еще болѣе славившихся благочестіемъ и добродѣтелию, которыя возвышаютъ человѣка и предъ Богомъ и предъ людьми. Имя отца Нифонта Мануиль, а матери Марія. При св. крещеніи онъ былъ наименованъ Николаемъ. По достиженіи лѣтъ отроческихъ, отданъ былъ онъ въ училище, гдѣ и обратилъ на себя особенное вниманіе всѣхъ какъ скромностію поведенія, такъ и устраненіемъ себя отъ дѣтскихъ игръ, всегда свойственныхъ первому возрасту. Между тѣмъ, вмѣсто занятія дѣтскими увеселеніями, онъ, какъ мудрая пчела, носился къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ могъ быть слушателемъ старческихъ разсужденій и подражателемъ жизни добродѣтельной. При такихъ прекрасныхъ сердечныхъ свойствахъ, имѣя быстрыя дарованія, Николай въ короткое время превзошелъ всѣхъ своихъ сверстниковъ въ наукахъ. Исклю-

*) Изъ Νέων Ἐκλόγιον.

чительнымъ и любимымъ его занятіемъ, въ свободное время, было чтеніе жизнеописаній святыхъ, которымъ и старался онъ по силамъ подражать въ подвижничествѣ, такъ что, для храненія цѣломудрія, обыкновенною его пищею былъ хлѣбъ съ водою. Къ поддержанію Николая и къ утвержденію его въ начаткахъ подвижнической жизни много способствовалъ въ то время іеромонахъ, именемъ Іосифъ, всѣми уважаемый за добродѣтельную жизнь. При частыхъ съ нимъ бесѣдахъ о столь возжелѣнномъ для Николая предметѣ, какъ пустынное безмолвіе, Николай упросилъ старца Іосифа, чтобъ тотъ тайнымъ образомъ увелъ его въ какой-нибудь монастырь, зная, что явное удаленіе могло имѣть много препятствій и несприятныхъ слѣдствій. Старецъ съ удовольствіемъ выслушалъ юнаго Николая и скрылся съ нимъ изъ училища. Прежде всего обратились они въ Епидавріонъ, такъ какъ тамъ славился въ то время святостію жизни отшельникъ Антоній. Когда странники явились къ сему св. старцу, онъ съ радостію принялъ ихъ, и какъ скоро отверзъ старческія свои уста, и сладкія рѣчи его потекли, Николай не могъ безъ увлеченія слушать ихъ, такъ что наконецъ падши къ ногамъ Антонія, залился слезами и просилъ, чтобъ Антоній позволилъ ему остаться при немъ. Напрасно выставлялъ онъ труды подвижничества и жестокость иноческаго житія, особенно юность возраста Николая, желая отклонить отъ себя юношу: чѣмъ болѣе утрашалъ онъ Николая не для всѣхъ выносимыми трудами пустынной жизни, тѣмъ усильнѣе Николай стоялъ въ своемъ намѣреніи, изъявляя готовность на все, чего требуютъ долгъ и обязанности иночества. Старецъ удивился такой теплотѣ усердія и непреклонности желаній Николая и принялъ его, далъ ему келлію и наставленіе, какъ вести себя и ратовать противъ плоти и ловительства сатаны. Недолго однакожь добрый Николай оставался подъ старческимъ искусомъ:

какъ истинное чадо послушанія, онъ подражалъ во всемъ старцу своему и, спустя немного времени, просилъ себѣ ангельскаго образа. Если такъ, сказалъ ему божественный Антоній, то знай, что, по принятіи сего образа, ты долженъ совершать большіе подвиги и труды, чтобъ врагъ, какъ навѣтникъ и завистникъ иноческаго смиренія, не могъ сокрушить и низложить тебя. Ктому же кромѣ крестнаго и скорбнаго пути нѣтъ инаго къ небу. Послѣ такихъ и подобныхъ тому наставленій, старецъ Антоній постригъ Николая и нарекъ его Нифонтомъ.

Съ того времени блаженный Нифонтъ совершенно посвятилъ себя Богу и восходилъ отъ силы въ силу духовнаго совершенства. Но и врагъ не дремалъ. То мыслію объ оставленномъ богатствѣ, то памятію о родителяхъ, не переставалъ онъ возмущать спокойствіе и миръ души, чтобы увлечь его вспять: въ такихъ случаяхъ Нифонтъ тотчасъ являлся къ старцу и, припадая со слезами къ ногамъ его, открывался ему въ помыслахъ, которыми ратовалъ его сатана, и, благодатію Божіею, молитвы и утѣшенія старческаго были для него тогда оплотомъ и цѣльбою. Между тѣмъ, Нифонтъ занимался рукодѣльемъ: прекрасный краснописецъ, — онъ отъ этого занятія пріобрѣталъ себѣ пропитаніе. Что же касается до прочихъ особенностей уединенной его жизни, — то онъ болѣе всего украшался молчаливостію: строго хранилъ уста свои отъ празднословія и даже въ обыкновенныхъ трудахъ бесѣдовалъ не иначе, какъ по благословенію старца; любимымъ же занятіемъ было для него чтеніе святаго Писанія, которое такъ трогало его, что, при чтеніи божественныхъ истинъ, онъ никогда не обходился безъ слезъ. Вслѣдствіе всего этого Нифонтъ и былъ во всѣхъ отношеніяхъ иноческой жизни совершенъ и оставался свѣтлымъ образцомъ подражанія. Недолго, впрочемъ, пользовался онъ опытнымъ водителемъ.

ствомъ и наставленіями своего старца Антонія: преисполненный дней, лѣтъ и славы подвижнической, онъ мирно отшелъ ко Господу. Горько и неутѣшно оплакиваль Нифонтъ незамѣнимую для себя потерю и послѣ кончины старца, пробывъ еще довольное время въ безмолвіи, удалился оттуда въ крѣпость, такъ называемую Нарда, гдѣ прославился тогда добродѣтельною жизнію старецъ Захарія, выходецъ со Святой горы. Чтобъ изучить правила и чинъ иночества аеонскаго, Нифонтъ остался при Захаріи.

Въ то самое время Восточная Церковь, по случаю флорентійскаго собора, была въ волненіи; ибо на этомъ соборѣ, изъ видовъ политическихъ, Іоаннъ Палеологъ, предательски уклонился на сторону римской кафедры. Востокъ рѣшительно отвергъ унію, а мудрый Захарія съ божественнымъ Нифонтомъ, желая оказать содѣйствіе въ пользу волнуемой Церкви, удалились въ Аскалонъ, гдѣ силою слова и убѣжденій утверждали и умоляли христіанъ оставаться вѣрными православію, постановленіямъ святыхъ Апостоловъ и вселенскихъ Соборовъ, основаннымъ на незыблемомъ Камени, Иже есть глава Церкви — Христосъ. Наконецъ померъ Іоаннъ Палеологъ; ему наслѣдовалъ Контантинъ, братъ его, который объявилъ торжественно флорентійскій соборъ недѣйствительнымъ, предательскимъ для Восточной Церкви, и уничтожилъ все его постановленія.

Между тѣмъ, наступила страшная година. Востокъ и столицу его Константинополь турки, въ 1453 году, покорили своему владычеству. Смутамъ и неистовству, кровопролитію и насиліямъ со стороны турокъ не было предѣловъ и границъ. Несчастные христіане влачились съ мѣста на мѣсто, въ надеждѣ скрыться отъ непріязни на нѣкоторое время, пока водворится спокойствіе; а блаженный Захарія съ Нифонтомъ удалились на одну изъ пустынныхъ горъ, откуда потомъ перешли въ Ахриду — въ монастырь

Пресвятая Богородицы, и въ немъ остались въ числѣ прочей братіи.

Въ то самое время скончался митрополитъ ахридскій Николай: собрались епископы, клиръ и народъ, и просили убѣдительно Захарію занять святительскую кафедру ахридской церкви, какъ достойнаго по добродѣтельной своей жизни и благодатному образованію. Долго смиренный старецъ отрекался отъ іерархическаго достоинства, извиняясь собственными немощами и тяжестію Апостольскаго служенія Церкви Христовой. Однакожь, общія моленія народа и клира превозмогли: Захарія былъ рукоположенъ въ архіерея. Тогда блаженный Нифонтъ, чувствуя стѣснительнымъ для себя оставаться при немъ, смиренно просилъ у него благословенія удалиться, для безмолвія на Святую гору.— Когда я болѣе всего требую твоего присутствія и нуждаюсь въ тебѣ, при многосложномъ и тяжкомъ, возложенномъ на меня, званіи, отвѣчалъ на это Захарія, — въ то время ты хочешь оставить меня: въ пуждахъ познаются истинные друзья и чада, — зачѣмъ же отрекаешься отъ меня, чадо мое, Нифонте? продолжалъ архіерей, заливаясь слезами. Слезы старца поразили и тронули божественнаго Нифонта, и онъ, не имѣя силы противиться волѣ своего владыки, тоже заплакалъ. Слѣдующую ночь провели они въ молитвѣ и бдѣніи; потомъ, къ разсвѣту, архіерей, погрузившись въ дремоту, видитъ Ангела Господня, который приказываетъ дать Нифонту свободу и не удерживать его отъ пути. Такимъ образомъ Захарія и божественный Нифонтъ разстались, безусловно слѣдуя волѣ Господней, въ чаяніи, если восхоцетъ Господь, еще увидѣть другъ друга въ настоящей жизни. По прибытіи на Святую гору, Нифонтъ прежде всего остановился въ обители Ватопедской, которая посвящена имени Пресвятая Богородицы: тамъ нашель онъ много опытныхъ подвижниковъ, которымъ и подра-

жалъ. Потомъ удалился на Карею, гдѣ тогда Протомъ Святой горы былъ Даниль, старецъ отличной строгой жизни, славившійся даромъ разсудительности. Обрадованный прибытіемъ Нифонта, Проть ласково принялъ его и сказалъ: давно и отъ многихъ слышалъ я о тебѣ, а потому и просилъ Бога, чтобъ удостоилъ меня видѣться съ тобою въ настоящей жизни, — и вотъ всеблагій Богъ исполнилъ смиренное мое моленіе, зная, какъ ты необходимъ для здѣшней братіи, требующей и образца подражанія, и мудрыхъ назиданій.— Не требуютъ здравіи врача, отвѣчалъ на это смиренный Нифонтъ. Не для того я прибылъ сюда, чтобы пользоваться, а пользоваться отъ другихъ. — Не для тебя, возразилъ божественный Даниль, дана тебѣ отъ Бога благодать и даръ слова, но болѣе для пользы другихъ. Значить, когда просятъ отъ тебя слова утѣшенія и совѣтовъ, — грѣхъ отказывать. Съ этого времени божественный Нифонтъ остался на Святой горѣ, подобно пчелѣ, носясь по пустыннымъ обителямъ и скитамъ сколько для собственной пользы, столько жъ и для пользы другихъ, и силою своего слова утѣшалъ всѣхъ. Келейнымъ же его занятіемъ было, какъ и прежде, переписываніе книгъ, отъ чего онъ приобрѣталъ себѣ насущный хлѣбъ.

Какъ впрочемъ ни восхищался божественный Нифонтъ безмятежіемъ всей Святой горы и каждой ея обители порознь: но обитель Предтечи — такъ называемая Діонисіать — казалась для него во всѣхъ отношеніяхъ единственною. Вслѣдствіе сего, посѣтивъ Пантократоръ и лавру святаго Аеанасія, онъ избралъ себѣ постояннымъ жилищемъ Діонисіать. Игумень и братія радовались о водвореніи у нихъ святаго Нифонта, и согласно собственному его желанію былъ онъ здѣсь облеченъ въ ангельскій образъ. Между тѣмъ, братія просили его о принятіи священства; но Нифонтъ, сознавая себя недостойнымъ столь высокаго званія, по началу отка-

зался, а потомъ, когда просьбы усилились, — не могъ устоять противъ убѣжденій братской любви. Такимъ образомъ, онъ былъ возведенъ на степень священства. Впрочемъ, такое отличіе не только не возвысило его мысли о себѣ и не произвело непріязненныхъ движеній въ сердцѣ, измѣняющемся въ чувствахъ смиренія при перемѣнѣ состоянія: но еще болѣе располагало его къ смиренію, къ строгимъ подвигамъ и терпѣнію. По свидѣтельству современнаго великаго старца Петронія, Нифонтъ былъ не только свѣтиломъ для своей обители, но и для всей Святой горы. Однажды этотъ Петроній, по встрѣтившейся надобности, остался съ божественнымъ Нифонтомъ внѣ обители. Когда наступила полночь, Петроній всталъ на молитву и видитъ, что Нифонтъ уже совершаетъ свое обычное молитвословіе съ поднятыми вверхъ руками: дивный свѣтъ окружалъ Нифонта, и этотъ свѣтъ, озаряя самую гору, досягалъ небесъ. Полный страха, Петроній безъ чувствъ палъ на землю. Напрасно смиренный Нифонтъ впоследствии умолялъ старца никому не открывать видѣнія. Петроній, возвратившись въ обитель, тайно передалъ о томъ игумену, который строго воспретилъ — никому другому не объявлять сего до времени, зная, что это одно можетъ удалить отъ нихъ Нифонта, составляющаго красоту обители своимъ смиреніемъ и чистою жизнью.

Въ тѣ дни скончался солунскій митрополитъ Пареевій. Слава добродѣтельной жизни Нифонта, образованія его и сладкихъ бесѣдъ, которыми увлекалъ и трогалъ онъ слушателей — были уже вѣдомы въ Солуни давно. Вслѣдствіе сего, общій голосъ со стороны клира и народа, при избраніи новаго митрополита осиротѣвшей солунской кафедрѣ, вызывалъ на нее божественнаго Нифонта. Двумъ изъ епископовъ, подвѣдомыхъ солунской Церкви, было дано порученіе отъ клира и народа пойти и вызвать изъ аеонской пустыни

на святительскую кафедру желаемого Нифонта. Зная смирение его и любовь къ жизни пустынной, епископы, по прибытіи на Святую гору и въ обитель Предтечи, не вдругъ объявили ему желаніе и просьбы солунскихъ гражданъ: это прежде тайнымъ образомъ передано было игумену и нѣкоторымъ изъ старшихъ братій. Тяжко было слышать имъ о вызовѣ отъ нихъ смиреннаго Нифонта и о всегдашней съ нимъ разлукѣ. Послѣ многихъ, со стороны игумена, возраженій на убѣжденія епископовъ — отпустить съ ними Нифонта, епископы и бывшіе при нихъ изъ клира, видя, что ничего не успѣтъ имъ собственными силами, обратились съ теплыми слезами къ Богу и Предтечѣ, испрашивая свыше содѣйствія къ успѣшному окончанію возложеннаго на нихъ порученія солунской Церкви. Между тѣмъ, блаженный Нифонтъ, замѣтивъ прибытіе епископовъ, спросилъ игумена о цѣли ихъ прибытія. Ни слова не отвѣчалъ на это старецъ. — Не печалься, сказалъ тогда Нифонтъ игумену: я знаю зачѣмъ прибыли епископы и надѣюсь, что никто не разлучитъ меня съ вами и съ обителью; я здѣсь кончу жизнь мою, по обѣщанію божественнаго Предтечи. Я молилъ его объ этомъ, и молитва моя услышана. — Буди тебѣ, возлюбленный, по глаголу твоему. Но видишь ли ты епископовъ, о которыхъ меня спрашивалъ? это посланные отъ всего клира и народа солунскаго для того, чтобъ взять тебя и возвести на святительскую кафедру солунской митрополіи. Хотя ты и надѣешься еще сюда возвратиться, продолжалъ игумень, заливаясь слезами, но я уже не увижу тебя болѣе. Такъ и случилось. Впослѣдствіи, когда пришелъ во второй разъ блаженный Нифонтъ на Святую гору въ обитель Предтечи, игумена сего уже не засталъ въ живыхъ. Горько заплакалъ смиренный Нифонтъ при словахъ игумена, — палъ на помость храма, гдѣ такъ бесѣдовалъ съ своимъ старцемъ, и воскликнулъ: значу ли я что-нибудь?

мнѣ ли грѣшному принять на слабыя рамена мои бремя Апостольскаго служенія? Пока такимъ образомъ горько плакалъ и стоналъ онъ, братія стеклись въ церковь на плачь его, и никто не звалъ причины печали его и слезъ. Тогда игумень возвѣстилъ собравшемуся братству о цѣли прибытія къ нимъ епископовъ и солунскихъ клириковъ. Плачь и слезы сдѣлались общими. Нифонта окружили, обнимали, рыдали и плакали все братія, прощаясь съ нимъ. Смятеніе было такъ сильно во всей обители, что епископы и клирики воспользовались этимъ, и тогда же, явившись въ храмъ, предъ лицомъ Бога и братіи вручили Нифонту пригласительныя грамоты клира и народа солунскаго. Напрасно смиренный Нифонтъ отрекался своимъ недостойнствомъ и желаніемъ—въ пустыни кончить свою жизнь. Самъ игумень, дотолѣ нехотѣвшій разлуки съ нимъ, принялъ сторону епископовъ и, вмѣстѣ съ ними, убѣждалъ его не противиться званію и волѣ Божіей. Въ эту ночь мнѣ повелѣно отъ Самого Господа не удерживать тебя, продолжалъ игумень: итакъ, иди, куда зоветъ тебя Богъ, и не забывай насъ. Съ нашей стороны ты былъ и будешь навсегда, гдѣ бы ты ни былъ, чадомъ нашей обители. Сказавъ это, игумень и потомъ братія со слезами обняли блаженнаго Нифонта и простились съ нимъ. — Да будетъ, отцы мои и братія, воля Господня и ваша, сказалъ наконецъ имъ Нифонтъ: иду въ путь, назначенный мнѣ Богомъ, но и великая бѣда идетъ за мною; молитесь о мнѣ!

Такимъ образомъ блаженный Нифонтъ, по прибытіи въ Солунь, былъ возведенъ на степень святительскаго достоинства, къ неописанной радости вѣрныхъ и на бѣду западныхъ миссіонеровъ, разсѣвавшихъ всюду нововведенія флорентійскаго собора или лжесобора. Чтобъ уничтожить и нанести рѣшительный ударъ имъ, Нифонтъ тотчасъ, по вступленіи на кафедру, на основаніи божественныхъ догма-

товъ, переданныхъ Церкви Апостолами и святыми вселенскими Соборами, сталъ каждодневно трудиться въ проповѣди, побуждалъ вѣрныхъ и убѣждалъ не увлекаться мудрваніями Запада, но твердо и нерушимо хранить православіе отцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать духъ терпѣнія къ безропотному несенію иновѣрнаго рабства и ига магометанской власти, въ чаяніи за то небесныхъ наградъ. При семъ Нифонтъ, какъ истинный отецъ и пастырь, не забывалъ также бѣдныхъ и нищихъ, умоляя и прося богатыхъ дѣлиться съ ближними всѣмъ, чѣмъ только возможно съ ихъ стороны, подавая имъ собою трогательный образецъ и примѣръ состраданія; ибо много разъ хаживалъ онъ одинъ среди ночи къ бѣднымъ и больнымъ, утѣшалъ ихъ и доставлялъ имъ успокоеніе, убѣждая къ благодарному терпѣнію предъ Богомъ. Премудрый Нифонтъ обращалъ къ Христовой Церкви много и невѣрныхъ отъ заблужденія ихъ. Поэтому, какъ тѣнь за тѣломъ, такъ носилась вслѣдъ за нимъ слава о святой его жизни. А наконецъ, по своимъ подвигамъ и по ревности къ православію, сдѣлался онъ извѣстнымъ и великой Церкви.

Черезъ два года, по встрѣтившейся надобности въ сужденіи о дѣлахъ церковныхъ, вызвали его въ Константинополь. Это было, конечно, и не безъ особеннаго устроенія Промысла, какъ увидимъ впоследствии. Въ Константинополѣ онъ принятъ былъ съ уваженіемъ патриархомъ и его синодомъ, равно какъ клиромъ и вѣрными. Здѣсь утѣшилъ его Господь свиданіемъ и съ Захаріею, бывшимъ его наставникомъ. Радость при такой нечаянной встрѣчѣ для обоихъ была невыразима, но и непродолжительна. Не по многихъ послѣ сего дняхъ святѣйшій Захарія заболѣлъ и отошелъ ко Господу. Вслѣдъ затѣмъ скончался патриархъ константинопольскій (блаж. Максимъ III)*, и жребій об-

*) Максимъ 3-й скончался въ 1482 году, послѣ него правилъ патриаршимъ престоломъ Симеонъ 1-й — вторично: 1482—1486 г. См. Гедесѡу. Патриарх. Пивакес, 485—487.

шаго избранія на кафедру вселенской Церкви палъ на блаженнаго и смиреннаго Нифонта, вопреки собственной его волѣ и желанію. Итакъ, Богу угодно было поставить его на свойственной ему степени іерархическаго служенія вселенской Церкви, и онъ, въ духѣ Апостольской ревности и неусыпнаго вниманія къ высокому своему званію, оправдалъ надежды православнаго стада Христова, смущаемаго западнымъ фанатизмомъ. Не менѣе благотворно дѣйствовалъ онъ и на собратій, страждущихъ подъ тяжкимъ игомъ рабства магометанскаго, равно какъ и на самыхъ агарянъ, привлекая ихъ силою слова и святостію жизни отъ тьмы заблужденія къ свѣту Евангельской истины. Радовалась Церковь Христова и украшалась такимъ своимъ свѣтильникомъ, но, къ сожалѣнію, недолго *). Изъ числа собственныхъ ся чадъ, принадлежавшихъ къ клиру, нашлись враги, которымъ божественный Нифонтъ казался несносенъ. Дѣйствуя подъ вліяніемъ доброненавистника-діавола и власти султанской, они успѣли въ своемъ замыслѣ противъ св. патріарха: онъ былъ низложенъ и изгнанъ изъ патріаршаго дома. Не столько трогало невиннаго страдальца изгнаніе съ патріаршей кафедры, потому что онъ зналъ, что клирики были не иное что, какъ орудіе тайныхъ козней сатаны: для блаженнаго Нифонта гораздо большіе была разлука съ любимой паствой, которой онъ ничего не желалъ, кромѣ мира и спасенія. Впрочемъ, поручая себя волѣ Божіей, радостно сложилъ онъ съ себя достоинство патріаршее, молясь Господу о прощеніи враговъ его и о покаяніи ихъ, и удалился въ Созополь, въ монастырь честнаго Предтечи, въ чаяніи найти тамъ сладкую тишину безмолвія. Но, по словамъ Господа, *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Матѣ. 5, 14): и здѣсь слава дивной жизни не

*) Св. Нифонтъ патріаршествовалъ въ первый разъ съ небольшимъ два года: 1486—1489. Гедесѳ. Патріарх. Шивахес. 488.

дала блаженному Нифонту покоя и желаемой тишины; множество народа начало стекаться, чтобъ слышать, или по крайней мѣрѣ видѣть святѣйшаго изгнанника. По истеченіи нѣкотораго времени, проведеннаго св. Нифонтомъ въ изгнаніи, Богу угодно было опять воззвать его на патріаршій престоль константинопольскій*). Но ненавистникъ церковнаго мира и опять не оставилъ его въ покоѣ. Однажды, возвращаясь въ патріаршую изъ приходской церкви послѣ литургіи, онъ встрѣтилъ нечаянно на пути султана. — и по приличію отдалъ ему честь. Гордый повелитель, усвоивъ себѣ богоподобное владычество, въ неистовствѣ своего киченія, остался недоволенъ почительностію патріарха, и въ виду всего народа укорилъ и обезчестилъ его, упрекая въ невѣжествѣ противу царской власти, и тотчасъ, по прибытіи во дворецъ, отдалъ приказъ, сослать патріарха въ заточеніе въ Адрианополь, подъ строгимъ надзоромъ янычаръ. Только Богъ свидѣтель, — что потерпѣлъ въ пути невинный страдалецъ отъ мусульманъ! А въ Адрианополь хотя и оставался онъ подъ особеннымъ наблюдениемъ турецкаго правительства, но Богъ даровалъ ему въ утѣшеніе то, что мѣсто пребыванія его назначено было при церкви первомученика Стефана, гдѣ онъ немолчно славилъ Господа и свободно служилъ Ему единому, не имѣя въ виду никакой человѣческой помощи и утѣшенія.

Между тѣмъ слава добродѣтельной и святой жизни Нифонта донеслась до Валахій. Тогдашній господарь Радуль пламенно желалъ видѣть его, и Богъ исполнилъ его желаніе слѣдующимъ образомъ. Оставаясь въ зависимости отъ Порты, господарь долженъ былъ по обязанности явиться лично въ Константинополь: путь его лежалъ чрезъ Адрианополь, и господарь не шадилъ ничего съ своей стороны, ходатайствуя предъ турецкими властями Адрианополя о

*) Во второй разъ: 1497—1498 г. См. тамъ же, 492.

дозволеніи видѣть блаженнаго Нифонта, что ему и было дозволено. Свиданіе господаря съ патриархомъ утѣшило обоихъ до такой степени, что господарь, въ преизбыткѣ сердечной радости и привязанности къ святѣйшему изгнаннику, тронутый сладкими его бесѣдами, увлекательнымъ смиренномудріемъ и безусловною преданностію волѣ Божіей, убѣдительно сталъ просить, чтобъ онъ изъявилъ желаніе посѣтить Валахію и быть для нея архипастыремъ, а ходатайство предъ Портою, объ увольненіи Нифонта изъ Адрианополя на святительскую кафедру Валахіи, господарь принималъ на себя. Блаженный Нифонтъ, съ своей стороны, изъявилъ готовность вступитъ на поприще новыхъ подвиговъ Апостольскаго служенія, а Радулъ, по окончаніи своихъ дѣлъ въ Константинополь, къ невыразимой радости собственнаго сердца и къ благу своей Церкви, имѣлъ желаемый успѣхъ въ ходатайствѣ предъ Портою относительно Нифонта. Радулъ и блаженный Нифонтъ прибыли вмѣстѣ въ Валахію, и отъ всего народа приняты были съ восторгомъ и искреннею радостію.—Отнынѣ ты намъ наставникъ и пастырь, говорилъ Радулъ св. Нифонту, представляя его своему народу; твои слова для насъ—законъ!—Благословенно твое желаніе, отвѣчалъ на это св. Нифонтъ. Дай Богъ, чтобъ ты сдержалъ свое слово и обѣтъ до твоей кончины! Впрочемъ, прошу и умоляю тебя, господарь, если погрѣшишь въ чемъ-либо, какъ человекъ, не уклоняйся отъ отеческаго моего и духовнаго назиданія; потому что для всего народа ты примѣръ какъ въ отношеніи къ добродѣтели и благочестію, такъ и въ уклоненіи отъ путей Господнихъ.—Ты нашъ отецъ, возразилъ господарь; что полезно для душъ нашихъ,—твори не обвиняясь: мы съ радостію и безусловнымъ повиновеніемъ готовы слушать и исполнять твои наставленія и совѣты!

Чтобъ дѣйствовать на исправленіе народной нравствен-

ности удовлетворительнѣе, блаженный Нифонтъ, по занятіи кафедръ, прежде всего созвалъ помѣстный Соборъ, подъ предсѣдательствомъ самого господаря и верховныхъ его сановниковъ, и изложилъ на немъ правила нравственности христіанской и догматы Церкви, какъ основаніе общественнаго мира и залогъ благословія свыше, убѣждая строго содержать ихъ и слѣдовать имъ неуклонно. Для лучшаго въ этомъ случаѣ успѣха, открылъ онъ двѣ новыя епархіи, рукоположилъ епископовъ и далъ имъ въ руководство правила, — какъ достойно править ввѣренною имъ паствою. Въ заключеніе, обратившись къ государю, просилъ его какъ властителя, наказывать безчинныхъ, не зрѣть на лице ни великаго, ни малаго, и творить праведный судъ, вѣдая, что есть Богъ и страшный судъ, гдѣ должно будетъ каждому отвѣчать за исполненіе священныя своихъ обязанностей.

Также точно внушалъ онъ неукоризненно проходить званія какъ іереямъ, такъ и инокамъ, убѣждая ихъ духомъ кротости и любви и грозя имъ судомъ Божиимъ. Народъ, видѣвшій такія распоряженія новаго своего владыки, слыша при частыхъ священнодѣйствіяхъ его сладкія бесѣды, полныя убѣжденія и любви, увлекательныя силою слова, нарекъ св. Нифонта Златоустомъ своего времени, и съ особеннымъ усердіемъ и жаждою стекался въ церковь для видѣнія своего пастыря и для слышанія отъ него назидательныхъ поученій. Но по мѣрѣ того, какъ Нифонтъ старался отвлечь свою паству отъ безнравственности, которая тогда усилилась особенно отъ пьянства, какъ источника всѣхъ плотскихъ паденій, — и врагъ всякой истины и добра — діаволь старался ратовать противъ блаженнаго и никакъ не терпѣлъ златословесныхъ его ученій.

Одинъ изъ вельможъ Молдавіи — Богданъ, человекъ безнравственной жизни и дурнаго характера, за свои пре-

ступленія подпалъ въ своемъ отечествѣ подъ судъ высшей власти. Чтобъ избѣгнуть заслуженной казни, онъ скрылся, и, оставивъ домъ, жену и дѣтей, пришелъ въ Валахію, имѣлъ случай воспользоваться вниманіемъ государя Радула и такъ расположилъ его въ свою пользу, что тотъ, оставивъ его при себѣ, вопреки каноновъ церковныхъ и закона гражданскаго, рѣшился выдать за него собственную свою сестру, хотя и зналъ, что Богданъ женатъ и имѣетъ семейство. Когда совершился противузаконный бракъ, дѣйствительная жена, узнавъ о томъ, написала письмо св. Нифонту, жалуясь и доказывая, что Богданъ женатъ и имѣетъ дѣтей. Это дѣло огорчило кроткаго Нифонта. Пригласивъ къ себѣ Богдана, онъ передалъ ему жалобу жены его и убѣждалъ съ своей стороны не расторгать узъ законнаго брака. Безнравственный Богданъ наговорилъ святителю много грубостей и удалился отъ него съ угрозами отмстить за себя и за свою честь, которую такъ чернить Нифонтъ, въ угоду брошенной имъ женѣ. Чтобъ достигнуть своей цѣли, онъ обратился къ Радулу, горько жалуясь на блаженнаго Нифонта. Самъ Нифонтъ явился къ господарю и, предъявляя письмо, которое писала къ нему Богданова жена, просилъ не нарушать божественныхъ правилъ Церкви. вмѣсто того, чтобы принять въ уваженіе законныя оправданія святителя, Радуль возражалъ, что люди мірскіе не могутъ безусловно слѣдовать требованіямъ церковнымъ. Мое дѣло, отвѣчалъ Нифонтъ, строго слѣдить за нравственностью паствы, и я свято исполняю мою обязанность. Для чего жъ иначе, твоя свѣтлость, и вызывалъ меня сюда, если не для того, чтобъ, не смотря на лица, обличать неправду и беззаконіе и требовать отъ всѣхъ строгаго храненія законоположеній Церкви! Не свои собственные я проповѣдую вамъ законы, а законы божественныя, за которые готовъ положить мою душу. Если же вы

не хотите слушать меня, я чисть предъ Богомъ! Вслѣдъ затѣмъ онъ оставилъ дворецъ и, пришедши въ церковь, приказалъ созвать народъ, преподалъ ему назидательное слово, потомъ, облачившись въ святительскія одежды, торжественно отлучилъ отъ Церкви беззаконнаго Богдана, съ новою незаконною его женою, и всѣхъ участниковъ преступнаго брака его. Наконецъ, въ пророческомъ духѣ изложилъ грядущія на Валахию смуты, предсказалъ Радулу и Богдану несчастную смерть за беззаконіе ихъ и, сложивъ съ себя знаки первосвященническаго достоинства на св. престолѣ, облобызалъ св. иконы и удалился изъ церкви.

Узнавъ все это, Радуль, вмѣсто раскаянія въ виновности своей, предписалъ всюду не имѣть никакого сношенія, никакой связи съ Нифонтомъ, въ противномъ же случаѣ угрожалъ читателямъ святителя смертною казнію и отнятіемъ всякой ихъ собственности въ пользу общественную. Между тѣмъ блаженный Нифонтъ, уступая мѣсто гнѣву, тайно поселился въ домѣ одного дворянина изъ рода бессарабовъ, по имени Неанка, духовнаго своего сына.

Между тѣмъ Радуль, размышляя объ отлученіи своемъ отъ Церкви, невольно трепеталъ гнѣва Божія; потому что хотя и гнѣвался на святаго, однакожь зналъ, что онъ истинно праведенъ и благочестивъ. Чтобы смягчить сердце блаженнаго Нифонта, онъ почтительно пригласилъ его къ себѣ и ласково началъ просить извиненія, оправдывая бракъ Богдана соизволеніемъ на то великой константинопольской Церкви. Вслѣдъ за тѣмъ началъ онъ просить, чтобъ съ своей стороны и Нифонтъ благословилъ Богдана и новую его супругу.—Радуль. Радуль! отвѣчалъ на это съ тяжелымъ вздохомъ св. Нифонтъ, что бы ты ни обѣщалъ мнѣ, какъ бы ты ни умолялъ меня о соизволеніи на преступный бракъ Богдана,—все напрасно. Вспомни, не ты ли вызвалъ меня сюда: за что же гонишь меня? Если я

сдѣлалъ какую неправду, свидѣтельствуй о ней. Мой долгъ—обличать беззаконіе, въ устраненіе соблазна для другихъ, и я исполняю это. Вспомни, ты вызвалъ меня сюда, ты же и гонишь меня отсюда. Я удалюсь, куда Господь укажетъ мнѣ путь; но знай, что великое зло и безчисленныя скорби постигнутъ твою область: самъ ты умрешь несчастнымъ и ужаснымъ образомъ. Будетъ время, поищете меня и не обрящете!

При этихъ словахъ блаженный Нифонтъ удалился и, при свиданіи съ Неанкомъ, сказалъ ему: чадо! великое бѣдствіе постигнетъ здѣшнее мѣсто. Впрочемъ, премилосердый Богъ сохранить тебя, если исполнишь мой отеческій завѣтъ; даже ты будешь возвеличенъ, славно будетъ имя твое,—и тогда вспомни меня, духовнаго твоего отца! Между тѣмъ я, съ своей стороны, не престану ходатайствовать о тебѣ предъ Богомъ. Они разстались. Неанкъ залился слезами и рыдалъ горько о разлукѣ съ божественнымъ своимъ пастыремъ. Въ сопутствіи Макарія и Іоасафа, учениковъ своихъ, св. Нифонтъ прибылъ въ Македонію, а оттуда удалился на Святую гору и поселился въ обители Ватопедской. Съ искреннею радостію и уваженіемъ приняди его святогорцы, прославляя Бога, удостоившаго ихъ видѣть вселенскаго владыку. Изъ самыхъ сокровенныхъ пустынь стекались къ нему подвижники сколько для принятія благословенія, столько же съ другой стороны и для назидательныхъ бесѣдъ его.

Одинъ изъ учениковъ его, Макарій, чрезвычайно строгій подвижникъ и ревностный въ исполненіи иноческихъ обязанностей, до такой степени воспламенился божественною любовію ко Господу, что, наконецъ, сталъ искать и желать мученическаго подвига и смерти. Впрочемъ, не довѣряя влеченію и тайнымъ побужденіямъ собственнаго сердца, онъ открылся блаженному Нифонту и просилъ отече-

скаго его совѣта, и въ случаѣ соизволенія—благословенія на страдальческій подвигъ за имя Христово. Святый Нифонтъ, съ своей стороны, оградивъ Макарія знаменіемъ честнаго и животворящаго креста, молился о немъ и отпустилъ съ миромъ на желанный подвигъ. Недолго, блаженный по самому имени, Макарій оставался на землѣ: въ Солунѣ онъ торжественно исповѣдалъ Христа и проклялъ Магомета, за что, послѣ многихъ пытокъ и истязаній, турки отсѣкли ему голову. Такимъ образомъ принялъ онъ вѣнецъ мученическій. Божественный Нифонтъ провидѣлъ это духомъ. Знаешь ли, чадо, сказалъ онъ другому своему ученику Іоасафу: сегодня страдальчески скончался братъ твой Макарій и радостно душою несется въ небеса *).— Вскорѣ послѣ сего, взявъ съ собою Іоасафа, Нифонтъ, тайнымъ образомъ, удалился изъ обители Ватопедской и въ видѣ поселянина пришелъ въ монастырь Діонисія, въ которомъ былъ, какъ говорятъ, такой уставъ, переданный ктиторомъ обители: приходящаго въ монастырь для монашества прежде всего опредѣлять въ черные труды, а именно—ходить за рабочимъ скотомъ, возить дрова и исполнять всѣ низшія послушанія на неопредѣленное время. Впослѣдствіи, когда оканчивался такой искусь, послушника, по усмотрѣнію настоятеля, принимали въ монастырь и причисляли къ братіи. Такимъ образомъ и святый Нифонтъ, какъ невѣдомый пришлецъ, былъ сдѣланъ муларщикомъ для ухаживанія за рабочимъ скотомъ. Пока трудился онъ такимъ образомъ, покрываемый отъ всѣхъ Богомъ, по распоряженію константинопольской великой Церкви, искали его всюду, для возведенія вновь на вселенскую кафедру по силѣ султанскаго фирмана. Посланные были и на Святой горѣ: но блаженный Нифонтъ остался невѣдомъ никому, пока было на то соизволеніе свыше. Однажды, въ

*) См. житіе его сентября 14.

числѣ прочихъ, онъ назначенъ былъ караульнымъ на соседственномъ холмѣ, по причинѣ морскихъ разбойниковъ, нечаянно напавшихъ на Святую гору, расхищавшихъ все и плѣнявшихъ. Когда наступила ночь, божественный Нифонтъ сталъ на молитву. Вдругъ надъ молившимся поднялся пламень огненный, въ видѣ столпа отъ земли до самаго неба: самъ блаженный Нифонтъ сдѣлался какъ бы свѣтымъ, огненнымъ, что замѣтили находившіеся въ окрестности на стражѣ иноки, и одинъ бывший при Нифонтѣ. — Трепетень и въ страхѣ отъ видѣннаго чуда, послѣдній явился въ монастырь и разказалъ всѣмъ о славѣ молившагося собрата. То же подтвердили и другіе монахи.

Ужаснулись старцы и вся братія обители, недоумѣвая, что за чудный появился между ними подвижникъ. Съ общими мольбами обратились они къ Господу, прося явить, — кто такой угодникъ, такъ прославляемый свыше и для всѣхъ невѣдомый въ обители. Богъ открылъ имъ тайну: игумену монастыря представилось въ видѣніи, что онъ находится въ храмѣ. Тамъ является божественный Предтеча и говоритъ ему: собери братство, и выйдите на встрѣчу патриарху Нифонту; высота смиренія его да будетъ образцомъ для васъ: онъ патриархъ, а снизошелъ до состоянія одного изъ вашихъ рабочихъ. Пораженный симъ, игумень долго не могъ придти въ себя. Потомъ, когда успокоилась его мысль, приказалъ ударить въ доску, собрались братія, и онъ разказалъ имъ о видѣніи Предтечи Господня. Тогда всѣ узнали въ своемъ мулальщикѣ патриарха Нифонта. Пока это происходило, святѣйшій работникъ отправился за дровами въ лѣсъ. Когда же замѣтили, что онъ возвращается съ своего послушанія, всѣ вышли къ кладбищенской церкви на встрѣчу ему и, какъ патриарху, почтительно поклонились. Тронутый до слезъ неожиданнымъ торжествомъ собственнаго своего смиренія, Нифонтъ по-

вергся предъ всѣми и плакалъ.—Кончился искусь терпѣнія твоего, вселенная свѣтильниче, говоритъ ему настоятель, цѣлуя святительскую его десницу: довольно смиренія твоего для смиренія собственной нашей немощи. Плакалъ блаженный Нифонтъ, глубоко потрясенный событіемъ; плакали братія и наипаче тѣ, которые, по невѣдѣнію, огорчали его, и прося прощенія, лежали у ногъ его.—Для того, отцы и братія мои, скрылъ меня Господь отъ вашей любви, сказалъ, наконецъ, св. Нифонтъ, что самъ я просилъ Его о томъ, чтобы во смиреніи моемъ помянулъ меня Господь. Вы знаете, что человѣческая слава и любовь міра сего отчуждаютъ насъ отъ царствія Божія, — *еще приобретаемъ міръ весь и отщедимъ душу нашу, что пользы* (Марк. 8, 36), сказалъ Господь.

Потомъ онъ торжественно вошелъ въ монастырь, окружаемый братствомъ, и посвятилъ себя всей строгости иноческой жизни, не переставая раздѣлять съ братією всякаго рода труды, хотя отъ старости, бѣдствій и изгнаній былъ уже немощенъ и слабъ въ тѣлесныхъ силахъ. Кромѣ прочихъ занятій, онъ посѣщалъ немощныхъ, утѣшалъ печальныхъ, и я, говоритъ составитель жизни св. Нифонта, іеромонахъ Гавріиль, тогдашній Протъ Святой горы, много разъ приходя и оставаясь тамъ для слушанія назидательныхъ бесѣдъ его, видалъ, что онъ то копалъ въ огородѣ, то помогалъ на мельницѣ, то спускался къ пристани для разгрузки и нагрузки кораблей, и трудился такимъ образомъ неутомимо, чтобы другіе на него не роптали и не теряли чрезъ то награды за трудъ свой. При всемъ томъ сатана не переставалъ ратовать противу него. Нашлись люди, которые всѣ труды и подвиги смиреннаго Нифонта порочили, приписывая ихъ лицемѣрною, а сладкія его бесѣды называли пустословіемъ. Впрочемъ, зная, что все это — дѣйствіе сатаны, онъ просилъ Бога о помощи и силѣ

къ перенесенію искушеній до кончины, а потому и враговъ своихъ прощалъ, молясь о ихъ спасеніи и забывая высокость своего достоинства.

Однажды братія везли на корабль монастырскую пшеницу съ метоховъ; возстала буря, и корабль, носясь въ виду обители, находился въ крайности. Замѣтивъ это, святой Нифонтъ пренебрегъ бурю и отправился на корабль. Лишь только ступилъ онъ на палубу, — буря утихла, и настала невозмутимая тишина. Тогда братія пали къ стопамъ святителя, умоляли его умилоствовать Бога и испросить у Него благодать, чтобъ когда ни случится имъ быть въ морѣ, никакая опасность, никакая бѣда и бѣдствіе не постигали ихъ. Богъ дастъ вамъ по желанію, отвѣчалъ блаженный, съ условіемъ, — если будете свято исполнять положенное правило и службы церковныя, если не будете празднословить. Потомъ, преклонивъ колѣна на якорь, простеръ вверхъ длани и очи свои и молился довольно долго, благословилъ якорь и сказалъ: слушайте, братія, храните этотъ якорь въ приличномъ мѣстѣ; когда же наступитъ буря, спускайте его въ море, и — будьте покойны. Съ того времени дѣйствительно каждый разъ, когда бывали братія на морѣ, и возставала буря, опускали они якорь въ волны съ призываніемъ имени святаго Нифонта, и дѣлалась тишина. Знаменія такого рода, отъ безчувственнаго металла, такъ поражали иноковъ, что во время кажденія еуміамомъ иконъ при совершеніи правила, кадили они и якорь, отдавая такимъ образомъ честь святому Нифонту. Самый якорь наименовали „Патріархомъ,* — и когда наступала въ морѣ буря, обыкновенно восклицали: пустите въ море Патріарха. Этотъ якорь, какъ драгоценность и святыню, хранили въ Діонисіатѣ болѣе 150 лѣтъ.

Наконецъ наступило для блаженнаго Нифонта время отхода изъ времени въ вѣчность къ желаемому Господу:

кромѣ глубокой старости, онъ зналъ и по божественному откровенію, что время это близко, а потому призвалъ къ себѣ братство и объявилъ о наступающей своей кончинѣ. При этомъ случаѣ отечески убѣждалъ онъ всѣхъ строго хранить обѣты монашеской жизни, и всѣми силами стараться достигать наслѣдія царствія небеснаго. Горько плакали братія, внимая прощальной бесѣдѣ своего отца. Теперь, продолжалъ святой Нифонтъ, скажите, братія мои, что вамъ необходимо, и чего бы я испросилъ вамъ у Господа прежде, чѣмъ предамъ Ему духъ мой. Святѣйшіи владыко, отвѣтили рыдающіе братія, оставь намъ, какъ безцѣнную святыню, разрѣшительныя молитвы, которыя бы читались надъ каждымъ изъ умирающихъ братій въ напутствіе въ вѣчность, съ полною увѣренностію ради твоихъ святыхъ молитвъ получить на страшномъ судѣ помилованіе и прощеніе.

Тронутый такимъ спасительнымъ прошеніемъ окружающей братіи, Нифонтъ заплакалъ, помолился Богу, чтобъ Онъ исполнилъ желаніе отцевъ и, обратившись къ ученику своему Іоасафу, сказалъ: пиши, что я буду говорить, и это будетъ послѣдній даръ обители. Такимъ образомъ святой Нифонтъ составилъ разрѣшительныя молитвы умирающимъ, а потомъ, обращаясь къ Іоасафу, сказалъ: я отхожу ко Господу, а ты, чадо, поди въ Константинополь. Тамъ ожидаетъ тебя страдальческій подвигъ и вѣнецъ райской славы *). Потомъ, простившись съ братіею, онъ приобщился Божественныхъ Таинъ и тихо предалъ Господу духъ свой 11-го августа, будучи 90 лѣтъ **).

*) См. житіе его октября 26.

***) Годъ кончины святаго Нифонта въ своемъ Синаксаріи указываетъ совершенно неверно—1460-й. А Гедеѳонъ (Патріархъ Пѣвагес, 495) гадательно полагаетъ кончину св. Нифонта между 1504—1508 годомъ. Между тѣмъ извѣстно, что св. Нифонтъ, находившемуся въ Молдавіи въ 1511 году, предлагала въ третій разъ занять патріаршій престолъ (см. 'Α. Κ. Ἱερατικῶν. Τὰ μετὰ τὴν ἀλώσειν. Κ. πολίτ. 1870, стр. 36). Принимая во вниманіе показанія его жизнеописа-

неслось по Святой горѣ извѣстiе о кончинѣ святаго Нифонта: множество иноковъ стеклоь для отданiя послѣдняго долга почившему патриарху, провождавшему всю жизнь въ постоянныхъ бѣдствiяхъ и гоненiяхъ и искушенному въ терпѣнii, какъ злато въ горнилѣ. Такимъ образомъ при многочисленномъ стеченii святогорскихъ отцевъ, торжественно и при общемъ плачѣ и слезахъ, скоронили священные останки Нифонта.

По кончинѣ блаженнаго Нифонта, ученикъ его Иоасафъ не замедлилъ исполнить предсмертный завѣтъ его: онъ отправился въ Константинополь, исповѣдалъ тамъ имя Христово предъ агарянами, проклиная ложнаго ихъ Магомета, за что и вынесъ отъ нихъ множество разныхъ мукъ, а наконецъ былъ обезглавленъ, и такимъ образомъ совершилъ страсотерпческiй свой подвигъ.

Теперь скажемъ и о послѣдствiяхъ изгнанiя изъ Валахиi божественнаго Нифонта. Когда онъ удалился оттуда, прежде всего произошли въ церкви валахiйской многiя смуты и нестроенiя отъ собственнаго ея клира, а затѣмъ открылась чрезвычайная засуха, наступилъ жестокий голодъ, и тогда сознались всѣ, что это—слѣдствiя преступнаго изгнанiя святѣйшаго Нифонта. Въ сознании виновности своей, господарь Радуль старался развѣдать и узнать, гдѣ находится блаженный изгнанникъ, но, какъ прорекъ Нифонтъ, оставляя Радула,—искали его и не обрѣли.

Вслѣдъ за кончиною божественнаго Нифонта, Радула постигла неизлѣчимая болѣзнь: тѣло его закипѣло ранами, и заразительный смрадъ ихъ до того былъ невыносимъ, что никто не могъ приблизиться къ несчастному страдаль-

тея, что одинъ изъ учениковъ его—Маларiй пострадалъ въ Солунѣ еще при жизни святители въ 1527 году (сент. 14), а второй его ученикъ—Иоасафъ увѣнчался мученическимъ вѣнцемъ *вскорѣ* послѣ кончины святители въ 1536 году въ Константинополѣ (октябр. 26),—годъ кончины св. Нифонта надо полагать около 1530—1535 года.

цу. Въ этомъ мучительномъ положеніи онъ скончался и погребенъ былъ въ обители святаго Николая, такъ называемой *Δαλίσ*, самимъ Радуломъ построенной. Но и по смерти гнѣвъ Божій не пересталъ поражать жестокаго гонителя новаго Златоуста: къ ужасу народа, могила Радула въ теченіи трехъ дней, какъ могила царицы Евдоксіи, гонительницы Златоуста, тряслась. Между тѣмъ бѣдствовали и добрый Неанкъ—любимецъ блаженнаго Нифонта: заступившій мѣсто господаря Радула—Михна, а послѣ него Владуль жестоко тѣснили невиннаго Неанка. Впрочемъ, по прореченію святаго, молитвами его, не только не былъ онъ въ конецъ утѣсненъ и сокрушенъ, но въ послѣдствіи, избраніемъ всего народа еще возведенъ въ достоинство господаря всей Угро-Влахіи.

При такомъ счастливомъ переворотѣ обстоятельствъ, видя, какъ предсказанія божественнаго Нифонта исполнились вѣрно и точно, Неанкъ положилъ непремѣнно перенести святаго его мощи въ Валахію—сколько для славы страны и въ залогъ благословенія свыше, столько же съ другой стороны и для того, чтобъ несчастный Радуль, чрезъ присутствіе Нифонта, получилъ себѣ какую-нибудь пользу и милость за гробомъ. Дѣйствуя такимъ образомъ въ духѣ Θεодосія, который перенесеніемъ изъ Кукузь святыхъ мощей Златоустаго доставилъ матери своей Евдоксіи утѣшеніе и миръ, и благочестивый Неанкъ отправилъ игуменовъ двухъ монастырей и двухъ знатныхъ сановниковъ на Святую гору, въ обитель Діонисія, съ грамотами и многими дарами, прося отпустить къ нему въ Валахію святаго мощи божественнаго Нифонта. Такое желаніе Неанка поразило скорбію обитель святаго Діонисія. Впрочемъ, не смѣя противиться волѣ господаря и вмѣстѣ не дерзая съ своей стороны коснуться святыхъ мощей Нифонта, старцы и братія обители святаго Діонисія предо-

ставили самимъ посланнымъ раскопать могилу и взять оттуда святыя мощи. Тогда одинъ изъ сановниковъ, великій логоетъ, взявъ заступъ, перекрестился и сказалъ: по вѣрѣ господаря моего, принимаю на себя это дѣло въ полномъ упованіи, что усердіемъ и любовію нашею не огорчится нашъ архипастырь, учитель и отецъ. Едва только разрылъ логоетъ могилу, и открылись мощи святаго Нифонта, неизъяснимое благоуханіе разлилось кругомъ и наполнило воздухъ. Такимъ образомъ онѣ были вынуты изъ могилы, вложены въ драгоценный ковчегъ и внесены въ церковь. И по церкви разлился чудный ароматъ и благовоніе. На открытіе мощей блаженнаго Нифонта изъ келлій, изъ скитовъ и монастырей стеклось множество иноковъ, и когда совершалось по сему случаю бдѣніе, Богъ прославилъ святаго даромъ чудотворенія. Одинъ монахъ, будучи нѣмъ, пришелъ поклониться и облобызать мощи святаго Нифонта, и въ то самое время, какъ лобызалъ ихъ, развязался у него языкъ, и исчезла его нѣмота. Такимъ же точно образомъ и слѣпецъ, будучи приведенъ къ мощамъ, лишь только коснулся ихъ, прозрѣлъ. Много и другихъ чудесъ совершилось отъ мощей святаго, которыя не ввожу въ составъ его жизнеописанія, говоритъ біографъ, чтобъ не утомить вниманія читателей и слушателей, въ полной увѣренности, что и приведенныхъ выше двухъ чудныхъ событій довольно для убѣжденія въ святости и великомъ дерзновеніи Нифонта предъ Богомъ. Черезъ три дня послѣ сего посланные Неанка и нѣкоторые изъ братіи обители отправились въ Валахію. Переправившись черезъ Дунай, они послали извѣстіе господарю о своемъ приближеніи. Тогда на встрѣчу святыхъ мощей блаженнаго Нифонта отправился соборъ архіереевъ, іереевъ, діаконовъ и монаховъ; а какъ скоро приблизились они къ Бухаресту, самъ благочестивый господарь со множествомъ народа, съ

свѣтильниками и еуміагомъ встрѣтилъ Нифонта, какъ бы живаго, и, заливаясь слезами, палъ на гробницу, а потомъ поднявъ на свои рамена, при пособіи сановниковъ, внесъ мощи въ монастырь *Δαλίς* и поставилъ на могилу Радула. Цѣлую ночь совершалось бдѣніе: Неанкъ и весь народъ умоляли святаго Нифонта о прощеніи Радула.

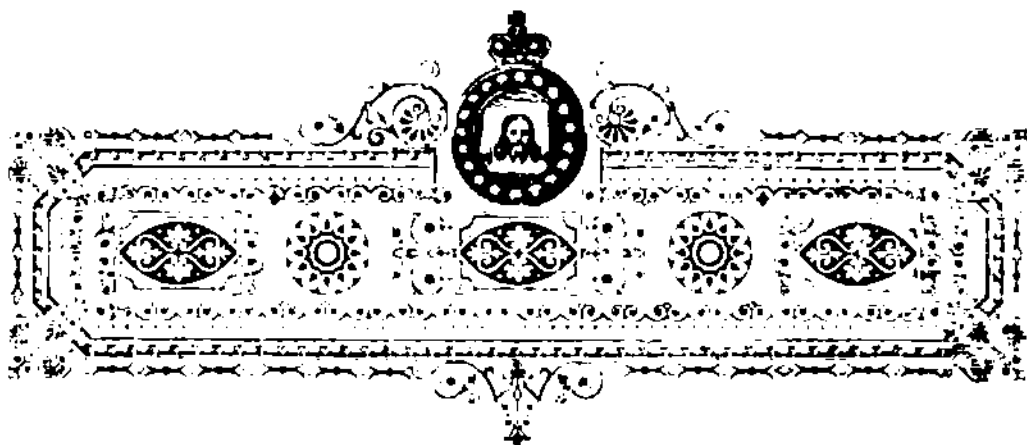
Наконецъ, утомившійся бдѣніемъ, господарь Неанкъ погрузился въ тихій сонъ, и ему видится: могила Радула раскрылась, тѣло его казалось черно, какъ уголь, и отъ него исходилъ невыносимый смрадъ. Неанкъ понималъ ужасное положеніе Радула, скорбѣлъ и усердно ходатайствовалъ предъ святымъ Нифонтомъ за несчастнаго. Вдругъ представляется Неанку, что св. Нифонтъ всталъ изъ своей гробницы, приблизился къ Радулову труну и омылъ его свящ. водою; тогда зловоніе и смрадъ исчезли: Радулово тѣло сдѣлалось чистымъ и свѣтъ заигралъ въ лицѣ его. Могила Радула закрылась, а св. Нифонтъ, приблизившись къ Неанку, сказалъ: видишь, чадо, какъ я исполнилъ твою молитву. Исполни же и ты мой завѣтъ: мирно управляй ввѣреннымъ тебѣ народомъ и отправь въ монастырь мой часть мощей моихъ, въ утѣшеніе подвизающихся тамъ братьевъ. Видѣніе кончилось. Сильно потрясенный чувствомъ радости, Неанкъ пришелъ въ себя и торжественно воззвалъ: слава Богу, прославившему раба Своего возлюбленнаго Нифонта! Тогда же рассказалъ онъ всѣмъ видѣнное, и народъ прославилъ Бога. На слѣдующій день къ божественной литургіи со всѣхъ странъ Валахіи стеклось множество народа. Безчисленное множество всякаго рода больныхъ, приближавшихся со слезами и вѣрою къ св. мощамъ блаженнаго Нифонта, отъ одного прикосновенія, получали молитвами его исцѣленіе.

Господарь, видя, что чудодѣйственныя силы святаго каждый день умножаются, собралъ мѣстный соборъ, кото-

рымъ и положено праздновать святому Нифонту 11-го августа, въ день его кончины. Для сего была составлена ему и служба. Между тѣмъ, благочестивый Неанкъ устроилъ золотую раку, въ видѣ многоглавой церкви, украшенную драгоценными камнями и эмалью; на крышкѣ ея съ внутренней стороны былъ изображенъ блаженный Нифонтъ, а предъ нимъ въ молитвенномъ положеніи на колѣнахъ — смиренный Неанкъ. Устроивши такимъ образомъ раку, онъ вложилъ въ нее св. мощи и отправилъ ихъ въ аѳонскую Діонисіатскую обитель, отдѣливъ отъ нихъ для себя главу и руку. Тогда же въ замѣнъ оставляемой имъ у себя святыни, въ даръ сей обители принесъ онъ св. главу Предтечи и Крестителя Господня Іоанна въ златомъ ковчегѣ, украшенномъ драгоценными камнями, и воздвигъ много зданій въ монастырѣ, на собственное иждивеніе, почему и поставляется въ ряду прочихъ ктиторовъ обители. — Святую главу и руку божественнаго Нифонта, доколѣ живъ былъ, Неанкъ имѣлъ при себѣ, въ освященіе и оплотъ противу непріязни и навѣтовъ, а умирая, завѣщаль эту святыню прекрасному, построенному имъ, монастырю Арджесъ, гдѣ она и понынѣ находится. О всемъ да будетъ слава Отцу и Сыну и Св. Духу. Аминь.

Житіе св. Нифонта написалъ ученикъ сего блаженнаго патріарха іеромонахъ Гавріилъ, бывший въ послѣдствіи Протомъ Святой горы. А служба ему составлена Іоанномъ Комниномъ, впоследствии митрополитомъ Силистрійскимъ съ именемъ Іероея.

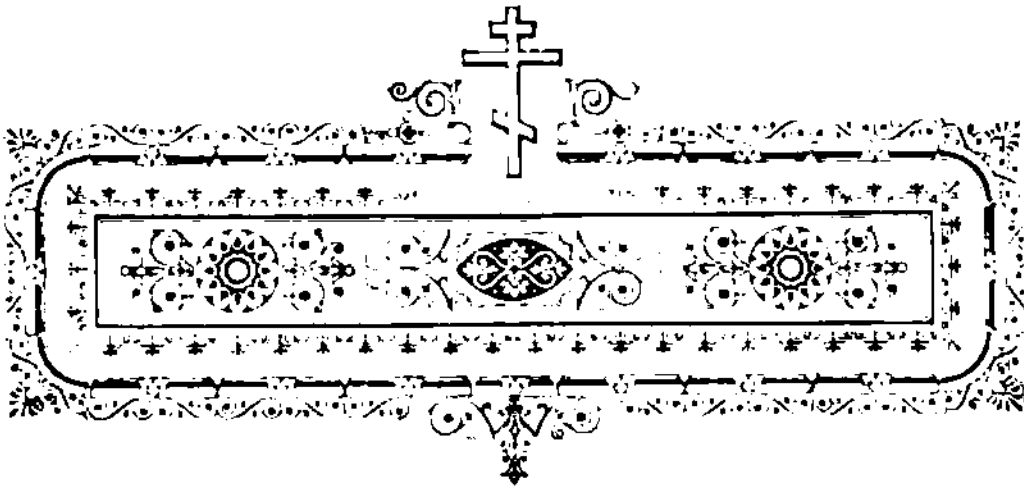

А В Г У С Т А 15.

**Преподобнаго отца нашего ГЕРАСИМА новаго
Ватопедскаго
(НОТАРАСЪ).**

Преставился 15 августа 1579 года. Ради праздника Успенія Пресвятыя Богородицы память его перенесена на 20-е октября—день перенесенія мощей его. Подъ тѣмъ числомъ помѣщено и житіе его.

А В Г У С Т А 19.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
Т Е О Ф А Н А *).**

Преподобный отецъ нашъ Теофанъ происходилъ изъ славнаго города Янины. Отъ младенческихъ почти пеленъ возлюбивъ чистоту и непорочность души и тѣла, преподобный сохранялъ и сохранилъ ихъ во всю свою жизнь. Пришедши въ возрастъ, онъ ради любви къ Богу оставилъ родъ, отечество, сродниковъ, друзей, словомъ — все, что такъ или иначе, много или мало препятствуетъ душѣ въ стремленіи ея къ горнему отечеству. Оставивъ міръ и яже въ мірѣ, онъ удалился изъ отечества своего на Святую гору и поступилъ тамъ въ братство обители Дохиарской. Здѣсь онъ скоро принялъ на себя и иноческій образъ и сталъ подвизаться ангельски. Постъ его, молитва, бдѣніе, пренебреженіе мнимыхъ благъ земныхъ, забота о сохраненіи въ чистотѣ всѣхъ внѣшнихъ чувствъ своихъ, умерщвленіе плоти, попеченіе о чистотѣ души, о соблю-

*) Изъ книги, заключающей въ себѣ службу сему святому и жизнь его и отпечатанной въ Венеціи 1654 года.

деніи ума отъ нечистыхъ помысловъ, противодѣйствіе нападениамъ нечистыхъ духовъ, усиливавшихся поколебать святія его стремленія къ ангельскому совершенству, были истинно дивны. За такое совершенство въ добродѣтели онъ единогласно и единодушно всею братіею былъ избранъ игуменомъ обители. Сдѣлавшись вождемъ и пастыремъ словесныхъ овецъ Христовыхъ, онъ еще болѣе увеличилъ свои подвиги,—постъ приложилъ къ посту, воздержаніе къ воздержанію, бдѣніе ко бдѣнію, молитву къ молитвѣ, лишеніе къ лишенію, кратко: онъ проводилъ жизнь на землѣ какъ бы неземную, во плоти какъ бы — безплотную, вообще, жилъ какъ будто бы въ чужомъ тѣлѣ.

Вожественный Теофанъ, такъ подвизаясь и свято управляя ввѣренною ему отъ Бога словесною паствою, долженъ былъ однако, по судьбамъ и цѣлямъ, вѣдомымъ только Верховному Распорядителю нашихъ судебъ, испытать посѣщеніе его однимъ злключеніемъ. Онъ имѣлъ племянника — сына сестры своей. Племянника этого нечестивые агаряне плѣнили, отвезли въ Константинополь и тамъ обратили въ исламизмъ. Горько было святой душѣ Теофана переносить это бѣдствіе; потому онъ немедленно отправился въ Константинополь и, при помощи Божіей, успѣлъ исхитить изъ рукъ нечестивцевъ несчастную жертву изувѣрства ихъ. Счастливо совершивъ это святое дѣло, онъ возвратился въ свой монастырь вмѣстѣ съ юнымъ своимъ племянникомъ, скоро послѣ того удостоилъ его иноческаго образа и сопричислилъ къ братству обители. Но отцы монастыря, боясь, чтобы не огласилось это дѣло и чтобы имъ не потерпѣть какихъ-нибудь бѣдствій отъ лютыхъ варваровъ — сыновъ погибели, за обращеніе людей изъ ихъ вѣры въ христіанскую, стали роптать на своего пастыря и питать негодованіе какъ на него, такъ и на племянника его. Святой, видя происходящее изъ-за него въ обители

нестроение и подражая подвигоположнику — Христу, даль мѣсто правосудному гнѣву, и вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ, бывшимъ для неразумныхъ камнемъ претыканія, удалился не только изъ обители Дохіарской, но даже со Святой горы, и прибыль въ Веррію. Здѣсь, въ скитѣ Предтечи, онъ создалъ храмъ въ честь Богоматери, собралъ довольное число иноковъ, даль имъ правила жизни, утвердилъ ихъ въ чинъ и ввелъ у нихъ прекрасный порядокъ. Послѣ сего божественный Теофанъ, оставивъ здѣсь своего племянника, удалился одинъ въ Наусу. Тоже и въ Наусѣ, обрѣтши благоприличное мѣсто, воздвигъ онъ превосходный храмъ во имя и честь Архангеловъ и, построивъ монастырь, собралъ довольное число иноковъ, сдѣлался ихъ пастыремъ и отцомъ и, мудро руководя ихъ по труднымъ стезямъ подвижничества, велъ къ небесной нашей отчизнѣ. Проживъ здѣсь довольно времени, онъ возвратился въ созданную имъ въ Верріи первую обитель; ибо эти, созданныя имъ обители, считали его однимъ общимъ своимъ отцомъ. Достигши же наконецъ глубокой старости, долженъ былъ онъ, подобно всѣмъ смертнымъ, отдать необходимую дань природѣ. Предузнавъ по откровенію о своей кончинѣ, онъ созвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ иноковъ, объявилъ имъ объ этомъ и вмѣстѣ утѣшалъ много плакавшихъ братій, общая имъ никогда не разлучаться съ ними духомъ своимъ, и наконецъ мирно и покойно предалъ въ руцѣ Божіи мирный духъ свой.

Создатель и Промыслитель нашъ, Господь Богъ обѣщаль прославлять прославляющихъ Его (1 Цар 2, 30): по неложному сему обѣщанію, Онъ благоволилъ прославить и сего, прославившаго Его своими ангельскими подвигами, богоносца нашего Теофана, многими знаменіями и чудесами, какъ въ жизни его, такъ особенно по смерти. Скажемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ хотя кратко. Когда святой

возвращался изъ Константинополя на Святую гору, случилось всѣмъ находившимся съ нимъ въ корабль, за недостаткомъ прѣсной воды, терпѣть жажду; тогда онъ молитвою своею къ Богу соленую морскую воду превратилъ въ сладкую и сдѣлалъ ее годною для питья,—чѣмъ спасъ всѣхъ, бывшихъ на корабль, отъ неминуемой смерти. Во время этого же плаванія онъ молитвою своею укротилъ разсвирѣпѣвшее и угрожавшее кораблю потопленіемъ море,—и вмѣсто разъяренной бури наступила тогда на морѣ невозмутимая тишина.

А по смерти святаго, силою молитвъ его совершались и теперь совершаются безчисленные чудеса для всѣхъ, которые съ вѣрою приходятъ къ мощамъ его (и донныѣ находящимся въ Наусѣ) и съ любовію призываютъ его на помощь. Одинъ, мучимый бѣсомъ, бывъ при погребеніи святаго, отъ одного только благоговѣйнаго и съ вѣрою лобзанія честныхъ ногъ его избавился отъ этого лютаго мучителя. И потомъ не разъ лукавые эти мучители чело-вѣка выходили изъ мучимыхъ ими отъ одного лишь благоговѣйнаго прикосновенія страдальцевъ къ мощамъ сего святаго.

Притомъ удивительно, что святой благоволилъ оказывать благодатную свою помощь не только вѣрнымъ, но и невѣрнымъ. Одинъ агарянинъ страдалъ проказою на головѣ. Много истратилъ онъ уже денегъ на врачей, въ надеждѣ исцѣленія, но не видѣлъ отъ нихъ никакой помощи: почему, оставивъ ихъ, пришелъ въ монастырь безплотныхъ (т. е. Теофановъ) и попросилъ тамъ воды съ мощей святаго, и, — о чудо! — лишь только сею водою вымылъ свою голову,—проказа, какъ чешуя, спала съ головы его. И еще: одинъ изъ Битоліи, имѣя сухую правую руку, почти все свое имѣніе истощилъ на врачей для уврачеванія ея, но не получилъ отъ нихъ никакой пользы. Между тѣмъ

одно только благоговѣнное его прикосновеніе къ мощамъ безмезднаго врача, преподобнаго отца Теофана, сдѣлало больную его руку здоровою, какъ и другая.

Нѣсколько разъ Науса спасалась отъ моровой язвы, а однажды отъ бездождія, благоговѣннымъ призываніемъ на помощь святаго Теофана. Избавленіе отъ моровой язвы получали и другія селенія чрезъ принесеніе туда мощей святаго.

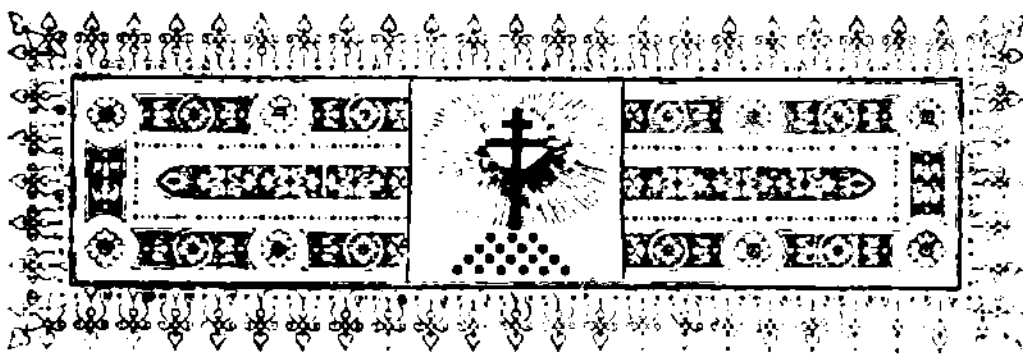
Одна кровоточивая жена, много лѣтъ страдавшая этою лютою болѣзнію, безъ пользы истощивъ на врачей все свое состояніе, пришла въ монастырь святаго, — и лишь только выпила немного воды съ мощей его, тотчасъ же освободилась отъ несносной своей болѣзни.

Одинъ іеромонахъ въ обители безплотныхъ, видя великое множество притекающихъ къ мощамъ святаго Теофана и досадуя на это, хотѣлъ скрыть мощи нѣгдѣ въ тайномъ мѣстѣ. Но, — о чудо! — за такое его намѣреніе тотчасъ же разслабѣли у него и лишились движенія руки и ноги. Ясно видя неблаговоленіе святаго быть мощамъ его отъ людей сокровенными, онъ раскаялся въ своемъ замыслѣ и тогда же получилъ исцѣленіе. А другой монахъ той же обители хотѣлъ было изъ честной главы святаго вынуть зубъ и имѣть его при себѣ изъ благоговѣнія; но и это было негодно святому; ибо монахъ наказанъ былъ за то слѣпотою, — почему, раскаявшись въ своемъ замыслѣ, онъ оставилъ его, за что и получилъ отъ святаго исцѣленіе. Въ 1451 году въ крѣпости Веррійской одинъ христіанинъ принявъ вѣру агарянскую и бывъ облеченъ за то отъ нечестивцевъ саномъ властительскимъ, сдѣлался неукротимымъ звѣремъ для чадъ Христовой Церкви. Христіане и особенно монастыри христіанскіе много претерпѣли отъ него бѣдъ. Всюду распространяя страхъ и трепеть и злодѣянιάмъ своимъ нигдѣ не встрѣчая препоны, преступный

отверженникъ грозилъ напасть и на Наусу, преимущественно же разрушить монастырь Теофана, а монаховъ въ немъ погубить. Въ самомъ дѣлѣ, онъ, окаянный, въ безумной своей злобѣ, дѣйствительно разграбилъ обитель его и многое въ ней разрушилъ; но тогда же насталь и конецъ его звѣрству:—по молитвамъ оскорбленнаго имъ святаго, злой злѣ извергъ отступническую свою душу.

Безчисленное множество и другихъ преславныхъ чудесъ совершилось и теперь совершается святыми мощами преподобнаго этого отца для всѣхъ, съ вѣрою и благоговѣніемъ къ нимъ притекающихъ, во славу Бога и въ доказательство богоугодной жизни преподобнаго.—Посильнымъ подражаніемъ равноапостольному житію богоноснаго отца нашего Теофана да сподобимся и мы всѣ вселиться и веселиться въ царствѣ неизреченной славы и вѣчнаго блаженства. Аминь.

А В Г У С Т А 30.

**Общая память святыхъ сербскихъ святителей и
учителей *).**

Изъ числа сихъ святителей на святой Аѳонской горѣ
подвизались слѣдующіе архіепископы: Савва 1-й, Сав-
ва 2-й, Евстаѳій 1-й, Никодимъ, Даніиль, Іоанникій и
патріархъ Ефремъ 2-й. Отдѣльно память ихъ совершается:

- Св. Саввы 1-го января 14.
- Св. Саввы 2-го февраля 8.
- Св. Евстаѳія 1-го января 4.
- Св. Никодима мая 11.
- Св. Даніила декабря 20.
- Св. Іоанникія мая 28.
- Св. Ефрема 2-го іюня 15.

*) Филаретъ архіеп. черниг.: свв. южн. славянъ.

С Е Н Т Я Б Р Я 13.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
І Е Р О Ф Е Я *).**

Преподобный и богоносный отецъ нашъ Іерофей родился въ 1686 году въ Морѣѣ, въ деревнѣ Каламата, отъ родителей благочестивыхъ и богатыхъ: Дима и Асиminy. На 8-мъ году Іерофея отдали въ училище, гдѣ онъ при своемъ природномъ дарованіи и прилежаніи оказывалъ быстрые успѣхи въ преподаваемыхъ наукахъ; въ свободное же отъ ученія время, онъ не увлекался въ обычныя дѣтскія игры и забавы, но, какъ бы совершенный мужъ, избѣгалъ всего этого и, подобно трудолюбивой пчелѣ, упражнялся въ изученіи латинскаго и греческаго языковъ, притомъ съ наслажденіемъ читалъ Священное Писаніе, которое служило ему какъ бы пищею, а Господь Богъ, видя

*) Изъ Νέων Ἐκλόγων.

его благоправіе и прилежаніе, ниспослалъ ему премудрость присѣдѣющую престолу Его, такъ что онъ, впослѣдствіи, въ совершенствѣ изучилъ философскія науки, латинскій и греческій языки.

Когда Іерофей достигъ совершеннаго возраста, тогда родители пожелали сочетать его законнымъ бракомъ, для чего прискана была достойная невѣста, но у Іерофея не было намѣренія сочетаться бракомъ, а напротивъ, душа его горѣла желаніемъ посвятить себя иноческой жизни; высказать же родителямъ свое намѣреніе онъ не рѣшился потому, что не хотѣлъ оскорбить ихъ своимъ отказомъ; его доброе и цѣломудренное сердце страдало; онъ видѣлъ, съ какой заботливостью родители старались доставить ему земное счастье. И такъ, не находя въ своемъ горѣ никакого исхода, онъ съ молитвою обратился къ сердцевѣдцу Богу, прося Его отклонить намѣреніе родителей сочетать его бракомъ, вмѣсто же онаго удостоить его иноческой пустынной жизни.

Небесный Творецъ услышалъ молитву и, по премудрому Своему Промыслу, устроилъ спасеніе его такимъ образомъ: въ то время, когда уже все было готово къ браку, до котораго оставалось не болѣе двухъ недѣль, родители Іерофея скончались мирною христіанскою кончиною и отошли на вѣчный покой.

Похоронивъ родителей, Іерофей тайно оставилъ родину и поселился въ Закинеѣ, гдѣ проживали нѣкоторые изъ его родственниковъ, которые посоветовали ему отправиться въ западную Европу для дальнѣйшаго своего образованія; но онъ пожелалъ сперва побывать на св. Аѳонской горѣ, которая въ то время славилась многими учеными мужами, а потомъ уже ѣхать и въ Европу. И такимъ образомъ, простившись съ родственниками, отправился на Святую гору, гдѣ и поступилъ въ ученики къ одному от-

шельнику при келліи св. Артемія. Здѣсь юный подвижникъ со всею пылкостью принялся за чтеніе душеполезныхъ книгъ, особенно тѣхъ, въ которыхъ описывались подвиги и равноангельская жизнь пустынниковъ, по 40 и по 60 лѣтъ подвизавшихся въ уединеніи и въ совершенномъ удаленіи отъ сообщеній человѣческихъ, — съ другой стороны несчастныя послѣдствія тѣхъ подвижниковъ, которые, возмечтавши о себѣ и свое исправленіе приписывая не благодати Божіей, а самимъ себѣ, впадали въ руки искушителя.

Итакъ, рассматривая различныя пути иноческаго житія, онъ пожелалъ избрать болѣе безопасный, т. е. средній или царскій путь. Поэтому оставивши отшельническую жизнь, онъ поступилъ въ братство Иверскаго монастыря, гдѣ вскорѣ былъ постриженъ въ иноческій образъ. Здѣсь у него родилась мысль: избрать мученическій подвигъ, и этимъ путемъ получить мученическій вѣнецъ, но въ то же время другая мысль отклоняла его намѣреніе и приводила въ робость. Какъ бы для осуществленія его желанія представился и случай, ибо, вскорѣ послѣ постриженія, онъ по какому-то дѣлу отправился съ однимъ старцемъ изъ Иверской обители въ Константинополь. Здѣсь его юное и неопытное сердце, подъ вліяніемъ одной лишь начитанности о томъ, какъ страдали св. Христовы мученики и какую они получили славу послѣ страдальческой своей кончины, сильно возгоралось ревностью пострадать за Христа, почему онъ и началъ ходить по многолюднымъ константинопольскимъ улицамъ съ цѣлю, чтобы его турки схватили и потомъ замучили, о чемъ въ тайнѣ своего сердца просилъ Бога — сподобить его сей благодати. Но Промыслитель не внималъ его дѣтскому прошенію, несообразному Его святой волѣ, хранилъ его для пользы другихъ, ибо, по премудрому строенію судебъ Божіихъ, ему назначенъ былъ другой путь.

Изъ Константинополя Іерофеей отправился въ Валахію; здѣсь онъ началъ продолжать прерванное свое образованіе, у одного ученаго мужа Марка кипрянина, который былъ наставникомъ тамошняго училища. Проживая у своего наставника, онъ своею скромностью и добронравіемъ обратилъ на себя вниманіе софійскаго митрополита Авксентія, который, за его благочестіе, рукоположилъ его въ діакона.

По окончаніи у Марка своего образованія, онъ изъ Валахіи отправился въ Венецію, а отсюда, по окончаніи образованія, какъ обремененный корабль драгоценными сокровищами, возвратился обратно на Святую гору съ обширными философскими познаніями и въ совершенномъ владѣніи латинскимъ и греческимъ языками.

По прибытіи на Аѳонъ, онъ поселился близъ Иверскаго монастыря въ пустынь Хаги. Здѣсь онъ началъ проводить жизнь самую суровую, изнуряя свое тѣло постомъ, бдѣніемъ и молитвою. Добродѣтельная жизнь подвижника Христова привлекала къ нему посѣтителей, которые съ душевною пользою возвращались отъ него, будучи улажены высокимъ даромъ его мудрой и назидательной бесѣды. А игумень Иверскаго монастыря съ братією, желая поставить на видъ скрывающійся подъ спудомъ свѣтильникъ, представилъ его неокесарійскому митрополиту Іакову, жившему въ Иверской обители на покоѣ, и просилъ рукоположить Іерофеея въ санъ іеромонаха, какъ достойнаго предстоять престолу Божию и совершать безкровную жертву.

По принятіи священства, Іерофеей усугубилъ и труды подвижнической жизни, притомъ наложилъ на себя усиленный постъ, такъ что по три, а иногда и по четыре дня не вкушалъ пищи, а если и случалось когда либо вкушать, то вмѣсто хлѣба ѣлъ чечевицу. Во св. же четырехдесятницу, онъ вкушалъ пищу однажды въ недѣлю, а иногда и черезъ двѣ. Между прочимъ постящагося его, кромѣ его

ученика, другой никто не видѣлъ, ибо онъ при своемъ постѣ строго соблюдалъ заповѣдь Спасителя, Который въ священномъ Своемъ Евангеліи сказалъ: „*Когда постишься помажь голову твою и умой лице твое; чтобы явиться постящимся не предъ людьми, но предъ Отцемъ твоимъ, который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явлено*“ (Мѡ. 6, 17—18). Поэтому, когда случалось ему раздѣлять трапезу съ другими, то онъ вкушалъ всѣ предлагаемая брашна, не подавая никакого вида выдѣлиться чѣмъ либо отъ прочихъ; въ келліи же строго хранилъ свой постъ, имѣя въ умѣ непрестанную Иисусову молитву. Строгъ былъ онъ и въ отношеніи сна. Основываясь на словахъ великаго Арсенія, что „подвижнику довольно для сна въ теченіе сутокъ и одного часа,“ — старался слѣдовать сему правилу. Вслѣдствіе этихъ великихъ подвиговъ, тѣло его изсушилось и ослабло на столько, что онъ едва передвигалъ ногами и съ большимъ трудомъ могъ пройти нѣсколько десятковъ саженой. Но за то, по слову Апостола Павла: „*аще внѣшній человекъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни*“ (2 Кор. 4, 16), духъ его былъ бодръ и простирался еще къ большому подвигу, а Господь, видя труды Своего угодника, даровалъ ему высокую любовь къ ближнимъ и радостотворный плачь.

Любовь его къ ближнимъ была такъ велика, что онъ дѣлился съ нищими иногда даже тѣмъ, что самому было необходимо. Такъ, иногда случалось, когда какой-нибудь нищій просилъ у него милостыни, между тѣмъ у старца ничего не было такого, что бы подать ему, тогда онъ снималъ съ себя рясу и отдавалъ ее нищему, самъ же вмѣсто рясы окутывалъ себя одѣяломъ и такимъ образомъ оставался до тѣхъ поръ, пока въ Иверской обители узнавши о поступкѣ блаженнаго, присылали ему другую рясу, которая при первомъ же случаѣ переходила въ руки нищимъ.

Онъ по любви къ ближнимъ согласился по просьбѣ жителей острова Скопело оставить уединеніе и отправиться на ихъ островъ, гдѣ, по случаю великой смертности и неимѣнію священнослужителей при тамошней церкви, управлялъ 8 лѣтъ церковное богослуженіе, постоянно бесѣдуя съ народомъ разными духовными поученіями; притомъ съ отеческою заботою занимался образованіемъ тамошняго юношества. Эти великіе труды раздѣляли съ нимъ его ученики: іеромонахъ Мелетій и монахи Іоасафъ и Симеонъ, которые вмѣстѣ съ нимъ прибыли сюда изъ Афона.

Накоонецъ всеблагій Богъ, видя блаженнаго Іероеея уже преуспѣвшимъ во всѣхъ добродѣтеляхъ, и какъ зрѣлый пшеничный плодъ, восхотѣлъ переселить его въ небесную Свою житницу, почему и открылъ ему скорую его кончину.

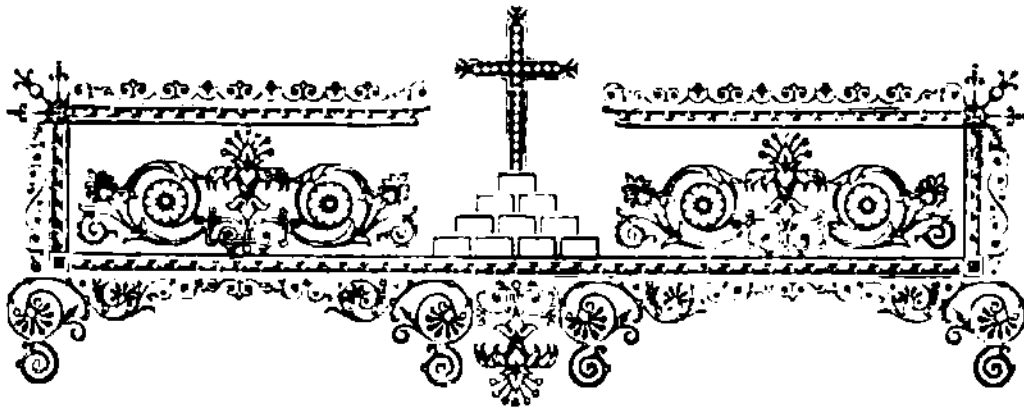
Влаженный Іероеей, послѣ сего божественнаго откровенія, ожиданіе смертнаго часа пожелалъ встрѣтить въ ничѣмъ невозмутимой тишинѣ, а потому, взявъ съ собою вышепомянутыхъ трехъ своихъ учениковъ, удалился съ ними на необитаемый островъ Юра, куда обыкновенно ссылались на вѣчное заточеніе преступники. Здѣсь блаженный вскорѣ заболѣлъ и тихо отошелъ ко Господу, 13-го сентября, 1745 года, на 59 году отъ рожденія.

Іеромонахъ Мелетій съ другими учениками блаженнаго Іероеея, погребши честно тѣло его, возвратились на Святую гору, а по прошествіи трехъ лѣтъ, по восточному обычаю, Мелетій отправился опять на островъ Юру за останками блаженнаго, изъ коихъ честную главу съ челюстями принесъ въ Иверскій монастырь, которая и понынѣ хранятся и съ любовію почитаются въ сей обители.

Черезъ нѣсколько времени, всесильный Богъ восхотѣлъ прославить чудесами Своего угодника, который отъ юности своей служилъ Ему въ преподобіи и правдѣ. Такъ, одинъ инокъ Иверской обители, именемъ Каллиникъ, въ

бытность свою въ Константинополѣ, имѣлъ съ собою часть св. мощей преподобнаго Іеродея. Въ томъ домѣ, въ которомъ остановился Каллиникъ, была больная женщина, которая, вслѣдствіе сильнаго воспаленія глазъ, лишилась совершенно зрѣнія, между тѣмъ боль продолжалась, и несчастная женщина отъ сильной боли приходила въ отчаяніе, но лишь только она больными глазами прикоснулась св. мощамъ, тотчасъ получила исцѣленіе. А другая женщина одержима была разслабленіемъ всего тѣла и три года лежала въ постелѣ, когда же поднесены были къ ней св. мощи преподобнаго и она съ вѣрою ихъ облобызала, немедленно получила совершенное здравіе. На самой же Святой горѣ многіе, страдавшіе различными болѣзнями, особенно зубною болью, и боримые плотскою страстію, чрезъ прикосновеніе къ св. мощамъ получали исцѣленіе, славяще Отца и Сына и Святаго Духа, единаго въ Троицѣ Бога, Емуже и отъ насъ грѣшныхъ буди честь, слава, поклоненіе и благодареніе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, амиѣнь.

С Е Н Т Я Б Р Я 14.

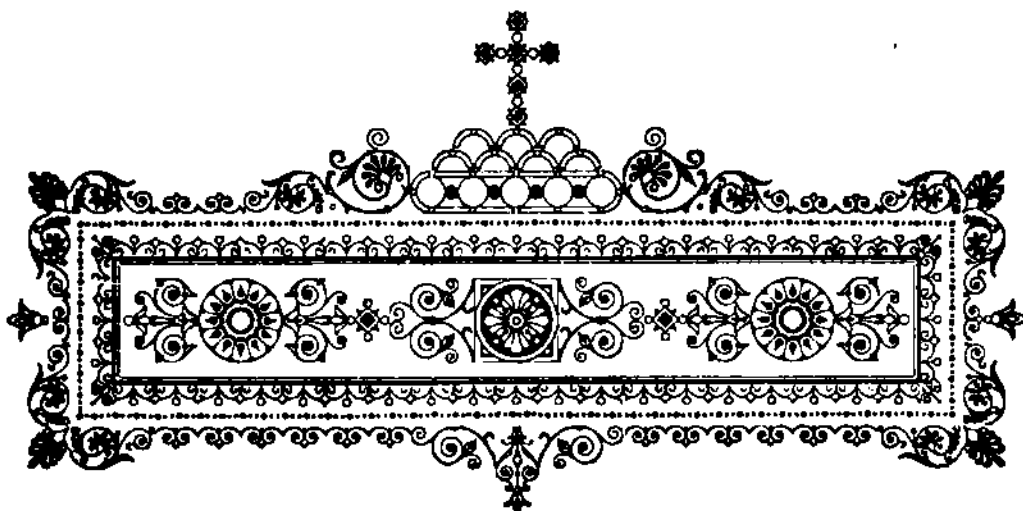
**Страданіе святаго преподобномученика
МАКАРІЯ *).**

Откуда родомъ и отъ какихъ родителей происходилъ преподобный Макарій, исторія намъ не передала. Известно только, что онъ былъ ученикомъ святѣйшаго патріарха константинопольскаго. Нифонта, въ жизни коего и упоминается, что онъ скончался мученически. Находясь при святомъ Нифонтѣ, онъ былъ подражателемъ его подвиговъ и высокой ангельской жизни. Между тѣмъ у него родилось пламенное желаніе окончить жизнь свою страдальчески за Господа. Не въ силахъ будучи преодолѣть тайныхъ и постоянныхъ къ тому побужденій, онъ открылся во всемъ божественному Нифонту, безмолвствовавшему тогда въ обители Ватопедской, по вторичномъ удаленіи съ престола константинопольскаго. Выслушавъ Макаріа и провидя духомъ дѣйствіе въ этомъ воли Божіей, святой Нифонтъ кротко сказалъ: съ Богомъ, чадо, въ путь святыхъ страдальцевъ; желаніе твое Господь исполнить и, по Своей неизреченной милости, даруетъ тебѣ вѣнецъ мученичества.

*) Изъ Новъ Мартирологіюв.

Напутствовавъ его молитвою и осѣнивъ знаменіемъ честнаго креста, патріархъ облобызаль его и отпустиль отъ себя съ миромъ. Благословенный же Макарій, напутствованный молитвами святаго Нифонта, удалился со Святой горы въ Солунь. Тамъ уллучиль онъ время, когда мусульмане, по своей привычкѣ къ праздности, собрались во множествѣ, сталъ посреди ихъ и торжественно началъ исповѣдывать, что Христось есть Сынъ Вожій, совершенный Богъ и человекъ, ради спасенія нашего спешій съ небесъ; потомъ началъ объяснять имъ правоту вѣры христіанской. Изступленные турки, видя такое дерзновеніе инока, бросились на него, били палками, пронзали кинжалами до того, что кровь потоками струилась изъ ранъ его, наконецъ ввергли его въ темницу. Утромъ собрались они, привели мученика въ судилище свое и начали ласкать его, стараясь обѣщаніями даровъ увлечь его отъ вѣры Христовой въ исламизмъ.—О, если бы вы познали истину и правоту вѣры нашей христіанской, крестились во имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ Святую Троицу, и оставили свое заблужденіе! воскликнулъ святой Макарій. Но едва это произнесъ онъ, какъ турки схватили его, начали бить, поражать кинжалами, и наконецъ отсѣкли честную главу его. Такимъ образомъ пресподобный предалъ Господу въ мукахъ духъ свой. Между тѣмъ святой Нифонтъ, уединяясь въ Ватопедѣ, провидѣлъ Духомъ Святымъ мученическую кончину блаженнаго Макарія и сказалъ другому ученику своему Іоасафу: знай, чадо, что собратъ твой Макарій скончался сегодня мученически и возносится на небеса, торжествуя и радуясь о Господѣ. Его молитвами да удостоимся и мы небеснаго блаженства. Аминь.

Преподобный Макарій пострадалъ въ 1527 году, 14 сентября.

С Е Н Т Я Б Р Я 16.

Память преподобнаго отца нашего Кипріяна, митрополита кievскаго и всея Россiи.

Святитель Божій Кипріянь, почивающій своими нетлѣнными мощами подъ спудомъ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, рукоположенъ былъ патриархомъ константинопольскимъ Филоеємъ въ митрополита Кіева и Литвы въ январѣ 1376 года, и въ слѣдующемъ 1377 году, въ санѣ святителя, прибылъ въ наше отечество. Иноческіе же подвиги проходилъ онъ на святой Аѳонской горѣ. Предлагаемъ здѣсь нѣсколько свѣдѣній о пребываніи его на Аѳонѣ.

Преподобный отецъ нашъ Кипріянь родился около 1330 года въ Болгаріи, въ г. Тырновѣ, который въ то время былъ столицею болгарскаго царства. По окончаніи своего школьнаго воспитанія въ родномъ городѣ, Кипріянь, чувствуя влеченіе къ иноческой жизни, направился, по совѣту своего духовнаго наставника и родственника *) блажен-

*) См. слово похвальное Кипріяну, произнесенное въ 1409 году племянникомъ Кипріяна и согражданиномъ, Григоріємъ Цамбланомъ (см. Собран. Лѣтоп. III, 106, V, 259), который былъ также монахомъ на Аѳонѣ, откуда взятъ на игуменство въ Дечанскую обитель (въ старой Сербіи),

наго Евѳимія (впослѣдствіи патріарха болгарскаго), на святую гору Аѳонскую, какъ въ высшую школу духовнаго подвижничества. Онъ прибылъ на Аѳонскую гору въ то именно время, когда она обратила на себя вниманіе всего православнаго иночества послѣ выдержанной съ успѣхомъ борьбы съ Варлаамомъ и Акиндиномъ и ихъ послѣдователями за дѣло высшей важности для жизни иночества. Споръ, какъ извѣстно, былъ о плодахъ умнаго дѣланія, которое было постояннымъ упражненіемъ безмолвствующихъ иноковъ на Аѳонѣ. Многіе изъ нихъ по сему поводу раскрыли свои опыты въ духовной жизни писаніями *). Общее уваженіе православной церкви къ подвижникамъ Аѳона свидѣтельствовалось ясно тѣмъ, что многіе изъ его иноковъ были возведены на престолы святительскіе; оттуда свѣтъ ихъ разливался еще обильнѣе **). О житіи своемъ на Святой горѣ говоритъ самъ Кипріанъ въ своемъ посланіи къ игумену Аѳанасію ***). Но въ какомъ именно изъ святогорскихъ монастырей подвизался блаженный Кипріанъ, положительныхъ указаній на это нѣтъ; очень вѣроятно, что въ одномъ изъ славянскихъ монастырей, ибо со времени посѣщенія Аѳона сербскимъ царемъ Стефаномъ Душаномъ (въ 1347—48 гг.) ****), нѣкоторыя изъ аѳонскихъ обителей, его царственною щедростію, были усвоены

потомъ перешель въ Молдавію и около 1409 года въ западную Россію, гдѣ въ 1414 г. въ Новгородѣ, соборомъ южно-русскихъ епископовъ, избранъ и посвященъ митрополитомъ Кіеву и Бѣлой Руси,—умеръ въ 1419 г.

*) Извѣстны по своимъ писаніямъ въ этомъ духѣ: Св. Григорій Палама, архіеп. Солунскій; Григорій Синаитъ, распространившій на Аѳонѣ правила безмолвной, внутренней, или умной молитвы; Максимъ Кавсокаливитъ,—другъ Григоріевъ; патріархъ Каллистъ и Игнатій Ксанопулы; патріархъ Филофей. Нѣкоторыя творенія ихъ собраны въ «Добротолюбіи».

**) Изъ нихъ патріархи вселенскіе: Аѳанасій 1-й (1289—1293 г. и 1303—1311), Нифонтъ 1-й (1311—1314), Исаія (1323—1341), Исидоръ (1347—1350), Каллистъ 1-й (1350—1362 и 1365—1369), Филофей (1362—1365 и 1369—1376), Каллистъ 2-й (1397), Нифонтъ 2-й (1486—1489 и 1497—1498), Максимъ 4-й (1491—1497), и другіе.

***) См. Р. Исторія. Библіотек. т. VI.

****) Флоринскій Т. Памятники законодательной дѣятельности Душана. Кіевъ. 1888, 40.

славянскому иночеству *). Впрочемъ, судя по характеру посланія къ преподобному Киприану Евѣимія, патриарха болгарскаго, можно предполагать, что онъ подвизался внѣ монастыря въ пустынь **). Преподобный Киприанъ, принявъ на Святой горѣ иноческое постриженіе, не прерывалъ своихъ сношеній съ отечествомъ; онъ велъ переписку съ своимъ духовнымъ наставникомъ и воспитателемъ, блаженнымъ Евѣиміемъ, который въ то время (послѣ 1360 г.) уже занималъ патриаршій престолъ въ родномъ имъ обоимъ Тырновѣ. Переписка эта ясно свидѣтельствуетъ о близкихъ родственныхъ не только по духу, но, вѣроятно, и по плоти отношеніяхъ. Дошедшее до насъ, посланіе носитъ такое заглавіе: „Евѣимія патриарха Терновскаго посланіе къ Киприану монаху, живущему на святѣй горѣ оонстѣй и просившу написатисе ему о нѣкихъ церковныхъ винахъ нужныхъ и послатисе ему тамо ***).“ Вопросы „о церковныхъ винахъ“ заключались въ слѣдующемъ: 1) о поклонахъ въ дни Пятидесятницы и въ 12 дней между Рождествомъ Христовымъ и Богоявленіемъ. 2) О причащеніи Св. Таинъ въ отсутствіе священника въ пустыняхъ.

Во время пребыванія на Аѳонской горѣ занятія преподобнаго Киприана были посвящены преимущественно списыванію и переводу книгъ, къ чему онъ былъ достаточно приготовленъ своимъ воспитаніемъ въ Тырновѣ, подъ руководствомъ блаженнаго Евѣимія, извѣстнаго своимъ классическимъ образованіемъ и трудолюбіемъ. Изучая прилежно

*) Кромѣ Русина, Зографа и Хиландара, славяне пребывали тогда и въ монастыряхъ: Св. Павла, Григоріатъ, Ксенофъ, Филофъ, Ксиропотамъ и Симонетръ.

***) Митрополитъ Киприанъ въ своей псалтири постоянно имѣетъ въ виду одиночное отправленіе суточныхъ службъ въ келліи (см. Мансветовъ, Типикъ. М. 1885 г., 225).

***) Посланіе это въ полномъ видѣ доселѣ не напечатано. Отрывки изъ него напечатаны архимандритомъ Леонидомъ въ его изслѣдованіи о Киприанѣ (см. «Чтенія Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при М. Университ.» кн. 2-я 1867 г.) по списку славянскаго сборника XVIII в. Хиландарской бібліотеки. Посланіе это находится и между славянскими рукописями Московск. Синод. бібліотеки.

произведенія церковно славянской письменности, состоявшія изъ переводовъ свято-отеческихъ писаній, преподобный Киприанъ, обогатилъ свой умъ и сердце тѣми свѣдѣніями, которыя доставили ему впоследствии возможность сдѣлаться „возстановителемъ упавшаго въ Россіи (въ монгольскій періодъ) духовнаго просвѣщенія *).“ Онъ перенесъ въ отечество наше съ Аѳонской горы плоды современной ему славяно-сербской письменности, широко и правильно развившейся на Аѳонѣ, подъ сѣнію славяно-сербскихъ обителей, благодаря щедрому и могущественному покровительству имъ Стефана Душана. Подъ сѣнію этихъ обителей укрылось сербское просвѣщеніе отъ военныхъ бурь, колебавшихъ сербское царство по смерти царя Стефана (1356 г.). Киприанъ, прибывъ на Аѳонъ въ самое цвѣтущее время развитія на Святой горѣ славяно-сербской письменности **), ознакомился со всѣми произведеніями ея, снялъ вѣрные списки съ переводовъ, сдѣланныхъ другими, трудился надъ этимъ дѣломъ и самъ; когда же впоследствии былъ посвященъ въ митрополиты соплеменнаго ему народа русскаго, усвоилъ ему плоды своихъ знаній и трудовъ. Большая часть привезенныхъ имъ и выписанныхъ впоследствии со Святой горы и изъ Константинополя славянскихъ рукописей принадлежать къ трудамъ сербскихъ иноковъ XIV столѣтія, были извода сербскаго, а потому естественно было позднѣйшимъ писателямъ, оцѣнивавшимъ заслуги митрополита Киприана для просвѣщенія и письменности нашего отечества, усвоить ему сербское происхожденіе. За мѣчательно, что славянскими переводами на Святой горѣ

*) Какъ справедливо замѣчаетъ о немъ митрополитъ Евгений (см. Словарь Историч. изд. 1818 г. част. 2-я, стр. 348).

**) Извѣстно, что большая часть славянскихъ переводовъ свято-отеческихъ писаній и духовно нравственныхъ сочиненій догматическаго и полемическаго содержанія переведены именно на Аѳонѣ между 1350—1450 годами, что доказываетъ достаточно разборъ славянскихъ рукописей Моск. Синод. Библіотеки. Отд. II, М. 1857 г.

занимались не только иноки славянскихъ обителей ея: Русика, Хиландаря, Св. Павла, Филоея и Ксенофа, но что нѣкоторые собственно для этого поселялись и въ знатныхъ греческихъ монастыряхъ. Подобно тому какъ въ Царьградѣ привлекалъ трудолюбцевъ своимъ удобствомъ къ списыванію и преложенію книгъ монастырь Студійскій (Св. Іоанна Предтечи), такъ и на Аѳонѣ, древнѣйшая изъ святогорскихъ обителей, Лавра св. Аѳанасія. Изъ сохранившихся до нашего времени славянскихъ рукописей той эпохи видно, что многія славянскія книги были переведены съ греческаго и написаны въ Лаврѣ св. Аѳанасія*). Лаврою въ то время управлялъ игумень Филоей, мужъ просвѣщенный, извѣстный какъ разносторонній духовный писатель, возведенный въ 1354 году, на патріаршій престолъ Константинопольской церкви. Филоей и опять временно пребывалъ на Аѳонѣ, по оставленіи патріаршаго престола въ первый разъ (съ 1355 по 1364 годъ). Ученый инокъ Кипріанъ, занимавшійся переводами съ греческаго, сдѣлался извѣстнымъ благочестивому Филоею; отсюда идетъ ихъ духовная связь, обратившаяся въ сыновнюю любовь и преданность со стороны перваго и отеческое расположеніе и покровительство со стороны втораго. И такимъ образомъ, въ 1364 году, со вторичнымъ восшествіемъ Филоея на патріаршій престолъ по смерти Каллиста († 1363 г.), Кипріанъ уже состоялъ при особѣ патріарха „ближнимъ его монахомъ.“ Очевидно, что онъ прибылъ вмѣстѣ съ нимъ съ Аѳона.

При вторичномъ вступленіи на патріаршій престолъ, Филоей засталъ дѣла церковныя въ весьма разстроенномъ видѣ. Нарушенъ былъ и союзъ любви и мира съ сосѣдними славянскими самостоятельными церквами. Въ 1350

*) См. Первое путешествіе въ славянскіе монастыри архимандр. Порфирія Успенскаго. Спб. 1856. стр. 215—216.

году патріархъ Каллисть наложилъ на Сербію, ея царей, духовенство и народъ церковное отлученіе за то, что въ 1346 году Стефанъ Душанъ на соборѣ въ Скоплѣ, подъ председательствомъ Охридскаго патріарха и при участіи патріарха Тырновскаго, провозгласилъ сербскаго архіепископа Іоанникія 2-го (бывшаго своего логовета) патріархомъ, а самъ вѣнчался отъ него царскимъ вѣнцемъ безъ соизволенія византійскаго императора и патріарха *). Не болѣе мирны были отношенія вселенской патріархіи и къ болгарскимъ патріархіямъ Охридской и Тырновской. Одна только русская церковь продолжала еще строго хранить свои подчиненныя отношенія къ Константинопольской церкви, хотя и тамъ уже давно начали тяготиться присылкою къ ней митрополитовъ, незнакомыхъ ни съ обычаями страны, ни съ языкомъ ея народа. Желаніе имѣть посредника въ примиреніи съ сосѣдними славянскими самостоятельными церквами и пособника въ продленіи своего вліянія на зависимую, но отдаленную митрополию русскую, достаточно объясняетъ намъ причину, по которой просвѣщенный и дальновидный Филоеѣй приблизилъ къ себѣ ученаго инока, котораго узналъ и оцѣнилъ еще на Аеовѣ. Выборъ Филоея удался вполнѣ: въ свое вторичное управленіе Константинопольскою церковью (1364—1378) онъ примирился съ церквами сербскою и болгарскою и укрѣпилъ свое вліяніе на церковь русскую, и достигъ всего этого при содѣйствіи Кипріана. Примиреніе съ болгарскою Тырновскою церковію, во главѣ которой стоялъ, до самаго паденія Тырнова (1389 г.), блаженный Евѣимій, учитель и наставникъ Кипріана, не могло представлять особенныхъ затрудненій. Труднѣе было уладить примиреніе съ церковію сербскою, съ которою было прервано всякое общеніе.

*) Голубинскій. Истор. правосл. церкви болгарской, сербской и румынской. М. 1871. стр. 462.

Но и здѣсь дѣло устроилось, безъ всякаго сомнѣнія, стараніемъ того же инока Кипріана, черезъ посредство аеонцевъ. Миститый аеонскій инокъ Исаія (котораго въ 1348 году Стефанъ Душанъ едва умолилъ принять на себя настоятельство въ обновленной имъ русской аеонской обители, запустѣвшей было по причинѣ „крайняго отъ Руси оставленія“) *), давно уже скорбя о печальномъ разрывѣ мира и любви между церквами греческою и сербскою, по причинамъ не столько духовнымъ, сколько политическимъ, съ любовію принялъ на себя ходатайство по дѣлу примиренія. Для этого онъ отправился сначала въ Сербію, гдѣ склонилъ къ миру благочестиваго князя Лазаря и патріарха Савву 4-го, и затѣмъ, какъ уже повѣренный отъ лица всего освященнаго сербскаго собора, отправился посломъ въ Константинополь; на пути туда онъ заѣхалъ на Святую гору, взялъ въ помощь себѣ пречестнаго мужа, бывшаго Прота Святой горы, киръ Теофана, двухъ своихъ учениковъ, Сильвестра и Нифонта, и съ ними переводчика Никодима. Старанія старца Исаіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ, въ чемъ принималъ искреннее участіе боголюбивый Кипріанъ, какъ человѣкъ близкій равно къ патріарху и къ старцу, притомъ же и самъ патріархъ Филоеѣй, зная Исаію по Аѣону, весьма уважалъ его **). Событіе это произошло въ началѣ 1375 года.

Особенно широкое участіе принималъ Кипріанъ, по волѣ патріарха Филоеѣя, въ дѣлахъ русской церкви, на митрополию которой, какъ оказалось впоследствии, подготавливалъ его покровитель, испытывая сначала вѣрность и способ-

*) Объ этомъ преподобномъ отцѣ, прославившемся на Святой горѣ святостію жизни и оказавшемъ столько благодѣтельнаго участія въ судьбахъ нашей русской на Аѣонѣ обители. См. въ концѣ настоящаго тома. См. о немъ же: *Голубинскій* «Истор. правосл. церкви болгарской, сербской и румынской». М. 1871. 472, 476, 507, и наше изд.: «Русскій монастырь св. Великомуч. и Цѣлителя Пантелеимона на св. горѣ Аѣонской». Изд. 7. М. 1886. 27, 30.

**.) См. Гласникъ. Кв. XI, стр. 160—266.

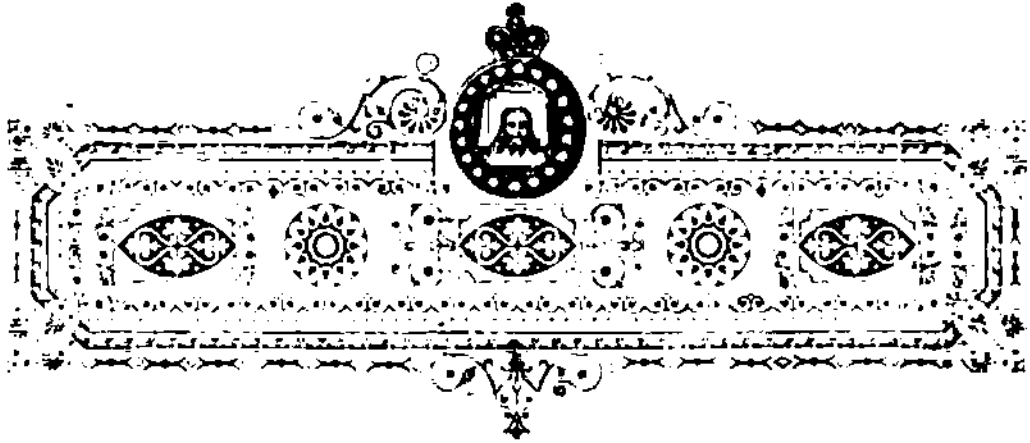
ность его разнообразными порученіями. Когда князья западной Россіи (Литвы), русскаго великаго княжества, обратились къ патріарху съ извѣтомъ на митрополита Алексія, „патріархъ послалъ, говорить Соборъ, Кипріана, собственнаго монаха, челоуѣка миролюбиваго и богобоязненнаго, умѣющаго благоразумно пользоваться обстоятельствами и управлять дѣлами (замѣчательны эти похвалы Собора, заслуженныя Кипріаномъ предшествующею дѣятельностію), послалъ его, чтобы примирить князей другъ съ другомъ и съ митрополитомъ.“ Кипріанъ успѣлъ на время успокоить волненіе, но потомъ „недовольные князья послали большое посольство съ грамотою къ патріарху, умоляя дать имъ“ особаго митрополита (для западной Россіи), говоря, что иначе они „готовы будутъ приступить къ другой церкви.“ Послѣ соборнаго разсужденія о семъ, патріархъ Филоѳей, руководясь желаніемъ сохранить миръ, рѣшился сдѣлать уступку ихъ просьбѣ, и въ 1376 году рукоположилъ „киръ Кипріана въ митрополиты Кіева и Литвы.“ А чтобы сохранился древній порядокъ и чтобы Россія впредь была подъ однимъ митрополитомъ, „тогда же положено на Соборѣ, по смерти св. Алексія, быть Кипріану митрополитомъ всея Россіи“ *). Но неблагопріятно былъ встрѣченъ Кипріанъ въ Россіи. Здѣсь для него начался тотъ крестный путь скорбей, которымъ Небесный Архипастырь возводитъ къ Себѣ Своихъ избранниковъ. Только чрезъ нѣсколько лѣтъ митрополитъ Кипріанъ (пробывавшій въ Кіевѣ) получилъ приглашеніе великаго князя прибыть въ Москву, куда святитель и прибылъ 23 мая 1381 года **). Съ этого событія начинается второй, не

*) Соборное дѣяніе 1389 года въ Архивѣ Калачова. Спб. 1861 г. кн. 3. Acta Patriarch. Constant. III, 118.

**) Или 3 мая 1380 г., какъ указано въ очень интересной статьѣ г. Н. Шлякова (см. «Церк. Вѣдомости» 1892 г. стр. 1411—1414).

менѣе многоплодный, но и не менѣе обильный скорбями, періодъ жизни и дѣятельности митрополита Кипріана, который въ Россіи вполне извѣстенъ и подробно описанъ многими. Блаженному Кипріану съ первыхъ дней святительства и почти до гроба пришлось терпѣть скорби изумительныя. Почти тридцать лѣтъ онъ носилъ на себѣ бремя управленія Церковію русскою, но изъ нихъ не болѣе 18 лѣтъ былъ дѣйствительно митрополитомъ всея Руси: около полутора года при великомъ князѣ Димитріи Іоанновичѣ и 16 съ половиною при сынѣ его Василии Дмитріевичѣ. Св. Кипріанъ преставился 16 сентября 1406 г. Св. мощи его обрѣтены при разобраніи Успенскаго собора, въ 1472 году, мая 27.

С Е Н Т Я Б Р Я 20.

**Страданіе святаго преподобномученика
ИЛАРІОНА *).**

Родина святаго преподобномученика Иларіона былъ островъ Критъ. Онъ происходилъ отъ христіанскихъ родителей—отца именемъ Франческо и матери Екатерины, а онъ во святомъ крещеніи назывался Іоанномъ. Отецъ Іоанна имѣлъ еще двухъ сыновей и двухъ дочерей. Воспитанный родителями своими въ благочестіи и обученіи грамотѣ, Іоаннъ отъ юности сохранилъ доброе настроеніе души. Въ одно время дядя Іоанна, который въ Критѣ занимался врачевствомъ, для болѣе обширныхъ занятій отправился въ Константинополь, куда взялъ съ собою и Іоанна. Проживъ у дяди болѣе 10 лѣтъ и будучи ничему не обученнымъ, Іоаннъ горько раскаявался въ томъ, что бесполезно прожилъ у него столько времени, а потому оставилъ дядю и поступилъ въ услуженіе къ одному хіосскому купцу Франческо. Однажды Франческо, по коммерческимъ дѣламъ отправляясь на островъ Хіосъ, поручилъ

*) Съ рукописи святаго Анны.

торговлю въ своей лавкѣ Іоанну и еще другому его товарищу, который тоже находился въ услуженіи у того же купца. Возвратившись съ острова, Франческо при повѣркѣ вырученныхъ за товаръ денегъ не досчитался 300 піастровъ, въ похищеніи которыхъ заподозрилъ Іоанна. Требуя отъ Іоанна 300 піастровъ, купецъ грозилъ, что подвергнетъ его суду, если онъ не выплатитъ означенной суммы. Іоаннъ, видя стѣсненное свое положеніе, обратился къ своему дядѣ, но дядя настолько былъ немилостивъ, что на отрѣзъ отказалъ ему въ помощи.

Не находя своему горю никакого исхода и притомъ будучи не въ состояніи переносить клевету, Іоаннъ впалъ въ отчаяніе. Во время такого мрачнаго состоянія его души, злокозвенный врагъ — діаволъ внушилъ ему обратиться за помощью къ матери султана. Послушавшись внушенія діавола, Іоаннъ отправился во дворецъ, въ которомъ жила мать султана. Тамъ его представили къ Башъ-агѣ *), которому Іоаннъ объявилъ свое горе, прося у него помощи. Башъ-ага обласкалъ Іоанна и между прочимъ сказалъ: великое я доставлю тебѣ счастье и на будущее время во всемъ буду помогать тебѣ, если ты увѣруешь въ Магомета. Несчастный юноша безъ всякаго разсужденія, увлекаемый обѣщаніями аги и мыслію, что наконецъ онъ расплатится съ хозяиномъ, подъ дѣйствіемъ діавольскаго внушенія, изъявилъ согласіе принять магометанскую вѣру. Услыша согласіе, Башъ-ага тотчасъ доложилъ султаншѣ, а та въ свою очередь извѣстила царя и несчастнаго отверженца немедленно приобщила къ мусульманской вѣрѣ, совершивъ надъ нимъ гнусное обрѣзаніе; потомъ одѣвши въ придворное платье, приставила къ нему учителя, для обученія турецкой грамотѣ. По случаю этого событія, во дворецѣ въ этотъ день было великое торжество, а Башъ-ага, въ до-

*) Начальникъ надъ агами.

вершеніе общей радости, усыновилъ его и помѣстилъ въ число придворныхъ служителей.

Но однако это веселье недолго продолжалось: злобный и дерзкій похититель недолго держалъ въ когтяхъ словесную овцу Христову, которую обольстительнымъ образомъ исторгъ изъ стада. Человѣколюбецъ Богъ, близкій всѣмъ ищущимъ и обращающимся къ Нему и всегда готовый подать руку помощи Его призывающимъ, и сему отверженнику явилъ Свою милость. Черезъ три дня, когда онъ пришелъ въ себя, тьма и обаяніе начали исчезать отъ возсіявшаго въ его сердцѣ луча благодати Божіей, и онъ, познавъ свое заблужденіе, сталъ раскаяваться и положилъ твердое намѣреніе бѣжать изъ дворца, который отселѣ сталъ его тюрьмою.—Черезъ 12 дней, Іоаннъ навсегда оставилъ дворецъ и, пришедши къ прежнему своему духовнику іеромонаху Симеону, жившему въ Бебеки (мѣстность въ Константинополѣ), вошелъ въ его комнату и радостно его привѣтствовалъ. Но духовникъ, не узнавая его, спросилъ: кто онъ и что ему надобно?—Я твой духовный сынъ, отвѣчалъ Іоаннъ.

— Почему же на тебѣ турецкая, а не христіанская одежда?

— О отче! за этимъ-то я и пришелъ къ тебѣ, чтобы очистить себя отъ этой скверной одежды. Потомъ началъ рассказывать ему все, съ нимъ случившееся, прося его мудраго совѣта и помощи, для спасенія себя отъ могущихъ быть за нимъ поисковъ.

Слыша искреннее раскаяніе Іоанна, духовникъ поскорбѣлъ вмѣстѣ съ нимъ о его паденіи, потомъ оставилъ его въ своемъ домѣ, а самъ пошелъ къ сосѣду русскому купцу, духовному своему сыну, посоветоваться съ нимъ объ дальнейшей участи Іоанна. Купецъ, какъ истинный христіанинъ, порадовался обращенію отверженника и сказалъ ду-

ховнику, чтобы онъ привелъ его къ нему, такъ какъ онъ намѣренъ отправить Іоанна въ Россію. И дѣйствительно, чрезъ два дня, Іоанна переодѣли въ русское платье и отправили въ Крымъ.

Пробывъ въ Крыму 10 мѣсяцевъ, Іоаннъ во все это время не обрѣлъ душевнаго покоя, его сердце тосковало и приходило въ трепетъ при мысли объ отреченіи отъ Христа, а потому для примиренія съ своею совѣстію и Богомъ, онъ рѣшился возвратиться въ Константинополь и тамъ вступить въ мученическій подвигъ.

Прибывши въ Константинополь, Іоаннъ пришелъ къ духовнику іеромонаху Симеону, рассказалъ ему, что во все время пребыванія въ Крыму, онъ не могъ примирить себя съ Богомъ и что тайная мысль подсказываетъ и преслѣдуетъ его, исповѣдать предъ турками христіанскую вѣру и очистить свое паденіе своею кровію, принявъ мученическую кончину. Но благоразсудительный духовникъ посоветовалъ ему не вдругъ вступать въ такой страшный подвигъ, а сперва отправиться на святую Аѳонскую гору и тамъ среди великихъ старцевъ приготовить себя къ страданію за Христа. Іоаннъ послушался добраго совѣта и вскорѣ отправился на Святую гору, и поселился въ Иверскомъ монастырѣ, гдѣ открылъ иверскимъ старцамъ какъ о себѣ, такъ и своемъ паденіи. Старцы, съ соболѣзнованіемъ выслушавъ Іоанна, посоветовали ему поступить въ Предтечевскій скитъ подъ руководство духовника Сергія; но Сергій не принялъ его къ себѣ, а послалъ въ скитъ святая Анна къ іеромонаху Виссаріону, который, назадъ тому годъ, сопутствовалъ въ Митилинѣ на подвигъ мученія преподобномученику Лукѣ.

Пришедши въ скитъ святая Анна, Іоаннъ сперва обратился къ духовнику Меодію, которому рассказавши все съ нимъ случившееся несчастіе, просилъ его походатай-

ствовать, чтобы іеромонахъ Виссаріонъ принялъ его въ число своей святой братіи.

Виссаріонъ, быть можетъ, желая испытать Іоанна: съ благимъ ли намѣреніемъ онъ желаетъ поступить къ нему въ ученики, сначала отказалъ ему, такъ что и просьбы духовника Меѳодія не подѣйствовали на старца. Іоаннъ же, во все это время стоя предъ нимъ, какъ осужденный, горькія проливалъ слезы, которыя наконецъ смягчили Виссаріона, и онъ согласился приять его къ себѣ, но только съ тѣмъ, чтобы объ этомъ никто не звалъ изъ постороннихъ.

Принявши подъ свое руководство Іоанна, Виссаріонъ повелъ его къ подвижничеству трудными и скорбными путями, а чрезъ нѣсколько времени для большаго безмолвія, заключилъ его на 40 дней въ одной келліи запустѣлаго скита святаго Василія Великаго, назначивъ ему правило для псалмопѣнія и молитвы. Но ненавистникъ добра дьяволъ, желая воспрепятствовать начатой добродѣтельной жизни подвижника Христова, началъ наводить на него страхованія, особенно ночью; мечтанія вражескія увеличились настолько, что Іоаннъ не въ состояніи былъ болѣе переносить ихъ, и на 12-й день ночью бѣжалъ изъ своего затвора, и возвратился къ старцу, смиренно прося у него прощенія въ неисполненіи его воли, и умолялъ, чтобы Виссаріонъ далъ ему келлію подлѣ себя, на что старецъ согласился. Помѣстивши его въ келліи близъ себя, онъ назначилъ ему продолжать то же самое правило, которое онъ проходилъ въ келліи скита Василія Великаго, а въ пищу употреблять хлѣбъ и воду.

Спустя нѣсколько времени, Іоаннъ сталъ просить Виссаріона постричь его въ ангельскій образъ, на что старецъ согласился и постригъ его въ монашество съ именемъ Иларіона. По принятіи иноческаго образа, Иларіонъ усугубилъ и подвиги, ревнуя во всемъ подвижникамъ Христовымъ,

прежде до него бывшимъ, и приходилъ отъ силы въ силу, укрѣпляя свою душу постомъ, бдѣніемъ и молитвою.

Однажды читая новый мартирологій, Иларіонъ сильно воспламенился духомъ, и у него родилось непреодолимое желаніе пострадать за Христа, на что и просилъ благословенія у Виссаріона. Но старецъ возбранилъ ему, а совѣтовалъ хорошенько испытать себя, сказавъ, что, быть можетъ, родившееся у тебя желаніе произошло по внушенію діавола, желающаго смутить твою душу и, отторгши отъ руководства духовнаго отца, ввергнуть въ своеволіе. Но Иларіонъ еще убѣдительно сталъ просить и умолять старца благословить его на мученическій подвигъ, и оставался въ своемъ намѣреніи и рѣшительности непоколебимымъ. Старецъ хотя и видѣлъ, что это желаніе произошло у него отъ благодати Божіей, во не довѣряя себѣ, посоветовался съ духовникомъ Меодіемъ и со своимъ старцемъ Іоасафомъ, которые всѣ вмѣстѣ начали убѣждать Иларіона оставить свое намѣреніе и въ безмолвіи устроить свое спасеніе; но Иларіонъ со слезами началъ ихъ просить отпустить его на страдальческій подвигъ. Видя твердость мысли, старцы рѣшились преподавать Иларіону благословеніе на великій и страшный подвигъ, пострадать за исповѣданіе имени Іисуса Христа.

Слыша согласіе опытныхъ мужей, Иларіонъ обрадовался и, падши къ ногамъ Виссаріона, сталъ просить его, чтобы онъ сопутствовалъ ему на мученіе, подобно тому, какъ онъ сопутствовалъ преподобномученику Лукѣ. Но Виссаріонъ началъ отклонять отъ себя его просьбу, ссылаясь на то, что Лука былъ настолько юнъ (16 лѣтъ), что имѣлъ нужду въ сопутствіи и подкрѣпленіи, а тебѣ, говорилъ онъ, 26 лѣтъ, и ты въ совершенномъ возрастѣ, а потому мое сопутствіе будетъ излишнее, духъ же мой и моя грѣшная о тебѣ молитва неразлучны будутъ съ тобою.

Иларіонъ, слыша несоизволеніе старца быть ему спутникомъ и утѣшителемъ на пути мученичества, горько залился слезами, которыя привели всѣхъ въ умиленіе, такъ что старцы, Меѳодій и Іоасафъ стали просить Виссаріона исполнить желаніе Іоанна. Тронутый просьбою старцевъ, Виссаріонъ согласился и вскорѣ сталъ приготовляться въ путь. Въ это время на Аѳонѣ былъ бывший вселенскій патріархъ Григорій, которому Виссаріонъ объявилъ тайно о своемъ дѣлѣ. Святитель порадовался его доброму произволенію, вознесъ о мученикѣ святительскую молитву и, снабдивши Виссаріона рекомендательными письмами къ одному своему другу, преподаль ему благословеніе въ путь.

10-го сентября, Виссаріонъ съ Иларіономъ оставили Святую гору и, будучи управляемы рукою Вседержителя, 16-го дня того же мѣсяца, въ пятницу, прибыли благополучно въ Константинополь. На другой день старецъ приобщилъ Иларіона запасными святыми Христовыми Тайнами, которыя взялъ съ собою и хранилъ при себѣ въ дароносицѣ. Ночь съ субботы на воскресенье провели они въ бдѣнїи и молитвѣ. Въ ночь сію совершаемо было бдѣніе за старца Виссаріона и за святаго мученика и въ скиту св. Анны, такъ какъ Иларіонъ, отправляясь въ Константинополь, просилъ, чтобы въ слѣдующее воскресенье совершили о нихъ бдѣніе, а потомъ во всю седмицу каждодневно отправлялось бы въ храмъ Божіемъ молебствіе, дабы Господь помогъ благополучно подвигомъ добрымъ подвижаться, вѣру соблюсти и теченіе совершить съ благимъ концемъ.

Для укрѣпленія мученика, Господь открылъ ему во снѣ все то, что съ нимъ должно случиться. По утру Иларіонъ разсказалъ старцу о снѣ и указалъ мѣсто, гдѣ ему отрубятъ голову, потомъ предсказалъ, что тѣло его, имѣющее быть во власти турокъ, христіане выкупятъ и что старецъ

самъ своими руками погребеть его, — все это въ дѣйствительности и исполнилось, какъ увидимъ о семъ ниже.

Въ воскресенье старецъ еще разъ пріобщилъ Иларіона святыхъ Таинъ, потомъ одѣлъ его въ турецкую одежду и проводилъ до дворца, въ которомъ Иларіонъ отвергся Христа.

Пришедши во дворецъ, мученикъ явился къ Башъ-агѣ и, показывая видъ какъ будто бы онъ обрадовался, видя усыновившаго его отца, поцѣловалъ его руку. Башъ-ага, увидя Иларіона, началъ спрашивать, гдѣ онъ столько времени пропадалъ (16 мѣсяцевъ), и почему онъ теперь не въ придворной одеждѣ, въ которой былъ до этого?

Я ѣздилъ въ Россію, отвѣчалъ мученикъ, а такъ какъ на путевые расходы не хватило у меня денегъ, то я оную продалъ и купилъ себѣ попроще. Потомъ вдругъ перемѣнилъ разговоръ и тихимъ голосомъ началъ говорить агѣ: не скрою отъ тебя, господинъ мой, за чѣмъ я пришелъ сюда, дѣло вотъ въ чемъ: сдѣлавшись туркомъ, я только и наслаждался покоемъ три дня, но послѣ этого, когда обманъ обнаружился предо мною во всей своей наготѣ и я пришелъ въ сознаніе, то сильно началъ раскаяваться въ моемъ заблужденіи, а чрезъ 12 дней убѣжалъ изъ этого дворца и уѣхалъ на кораблѣ въ Россію. Много пролилъ я слезъ, много тосковала моя душа, не находя мира и той святости, которыя были прежде, а такъ какъ я убѣдился, что ваша вѣра есть не что иное, какъ прелесть и обманъ, а христіанская—истинная и спасительная, поэтому, оставивши заблужденіе и опять сдѣлавшись христіаниномъ, я проклиная вашу вѣру со всею вашею мнимою святынею и обрядами.

Слыша столь оскорбительныя слова, ага хотѣлъ остановить мученика отъ дальнѣйшаго разговора, но Иларіонъ просилъ его благодушно выслушать до конца и между про-

чимъ продолжалъ: много получилъ я отъ тебя благодѣяній, не исключая и того, что ты сдѣлалъ меня своимъ сыномъ и приблизилъ къ царю. Не желая остаться неблагодарнымъ за твои милости и вниманіе, умоляю тебя, послушай моего совѣта: пойдѣмъ въ Россію, гдѣ ты примешь христіанскую вѣру и спасешь свою душу для жизни вѣчной, а я неотлучно буду пребывать съ тобою и служить тебѣ, какъ отцу, до самой моей смерти. Лучше этой благодарности я не нахожу другой, которая бы ее превосходила.

Выслушавъ Иларіона, Башъ-ага пришелъ въ ярость и началъ бить его чубукомъ до дѣхъ поръ, пока оный не изломался въ куски; при этой тревогѣ на шумъ собрались многіе изъ придворныхъ служителей. Но мученикъ, благодушно вытерпѣвъ побои, съ кротостію отвѣчалъ своему мучителю: такую ли ты воздаешь мнѣ благодарность за то, что я тебѣ посовѣтовалъ оставить тьму и прійти къ истинному свѣту, вмѣсто того, чтобы воздать мнѣ справедливую благодарность, ты немилостиво началъ бить меня?

Башъ-ага, отъ ярости и почти не вѣря своимъ глазамъ, что на самомъ дѣлѣ все это происходитъ въ дѣйствительности, спросилъ мученика:

— Что это, несчастный, сдѣлалось съ тобой?

— Да, дѣйствительно со мною сдѣлалось чудо, что Тотъ, Котораго я предъ тобою отвергся, по челоуѣколюбію Своему опять привялъ меня въ Свое наслѣдіе. Божественная Его благодать коснулась моего сердца и я теперь проклиная вашу вѣру со всеми вашими обрядами; говоря это, онъ сбросилъ съ головы повязку, началъ попирать ее ногами, а на голову надѣлъ иноческую скуфью, которую имѣлъ за пазухой.

Видя все это, ага кипѣлъ яростію; при этомъ желая, во что бы то ни стало, уговорить мученика отвергнуться Христа, началъ ласкать, уговаривать и обѣщалъ исхода-

тайствовать великія почести, но страдалецъ остался непоколебимъ на всѣ лестныя его обѣщанія. Не получивъ отъ мученика согласія и видя его непреклоннымъ на всѣ обѣщанія, ага отослалъ его къ адъютанту султанши, предъ которымъ святой мученикъ не только не отвергся Христа, но еще сталъ уговаривать и его принять христіанскую вѣру.

Послѣ этого отослали мученика къ Востанжи-пашѣ, начальнику дворцовой стражи, который началъ склонять страстотерпца Христова къ отреченію отъ христіанской вѣры сперва ласками и разными обѣщаніями, но видя во всемъ себя побѣжденнымъ, приказалъ его мучить. Мученіе состояло въ растяженіи составовъ и ломаніи членовъ, но мученикъ, имѣя въ своихъ страшныхъ мукахъ помощника, укрѣпляющаго его, Христа, мужественно и терпѣливо переносилъ всѣ эти страданія. Послѣ этого тяжкаго мученія отправили его въ Капти пашѣ, который страдальца Христова подвергъ три раза наказанію, такъ называемой *фалангъ* *), а послѣ онаго, забивши ноги въ колоды, бросили въ мрачную темницу. Находясь въ темницѣ, Христовъ мученикъ сподобился причаститься святыхъ Таинъ, которыя были переданы наблюдавшимъ за нимъ старцемъ, чрезъ одного благочестиваго христіанина.

На третій день во вторникъ, когда въ Портѣ былъ государственный совѣтъ, тогда въ оный представили и мученика, какъ подсудимаго, требующаго строгаго наказанія.

Какъ только святой Мученикъ вошелъ въ присутствіе, то не выжидая, пока его спросятъ, обратился къ судьямъ и сказалъ:

— Прошу, господа судьи, выслушать меня: всего только

*) Для наказанія, такъ называемой *фалангой*, употреблялся слѣдующій приборъ: къ круглому дереву, известной длины, привѣшаются веревки, которыми туго притягиваются къ дереву обнаженныя ноги наказываемаго и поднимаются вверхъ, послѣ чего по подошвамъ бьютъ гибкими прутьями.

третій день, какъ я пріѣхалъ въ Константинополь, чтобы достойнымъ образомъ отблагодарить своего благодѣтеля, Башъ-агу, за его обо мнѣ покровительство, и предложилъ ему вмѣстѣ со мною ѣхать въ Россію, чтобы тамъ онъ принялъ христіанскую вѣру, но онъ оказался на столько неблагодарнымъ, что за все это не только самъ избилъ меня, но даже выдалъ меня немилосерднымъ мучителямъ, отъ которыхъ я принялъ столько мученій.

— Кто ты? спросилъ его предсѣдатель.

— Христіанинъ, отвѣчалъ мученикъ.

Читай салавати (т. е. исповѣданіе вѣры мусульманской), грозно замѣтили ему другіе.

— Да будетъ проклята ваша мусульманская вѣра, громко и безбоязненно сказалъ святой Иларіонъ, дѣлайте со мною, что хотите, рѣжьте, стружите мое тѣло, но ничто не можетъ меня отвратить отъ любви и вѣры въ Господа моего Иисуса Христа.

— Несчастный! давно ли ты самъ добровольно исповѣдывалъ нашу вѣру; тебя никто къ оной не принуждалъ; ты самъ добровольно принялъ ее, а теперь отрекаешься.

— Да, дѣйствительно, я это сдѣлалъ, но сдѣлалъ по своему неразумію, по стѣсненнымъ обстоятельствамъ; главный же виновникъ всему тому злу діаволь, который обольстилъ меня чрезъ своихъ служителей, но когда я увидѣлъ и позналъ истину, и свое заблужденіе, оставилъ тьму и пришелъ къ свѣту. А потому совѣтую и вамъ оставить ваше заблужденіе и ложнаго пророка Магомета, увѣровать въ Икупителя нашего Иисуса Христа, и наслѣдовать царство небесное и жизнь вѣчную.

Судьи, видя непоколебимость мученика, осудили отрубить ему голову, что въ тотъ же день было и исполнено.

Когда привели святаго мученика на мѣсто казни, на то самое, о которомъ предсказалъ онъ своему старцу, стра-

далецъ Христовъ преклонилъ колѣна и простеръ шею къ усѣченію. Тяжелый мечъ палача опустился и мученическая глава отдѣлилась отъ тѣла, изъязвленнаго тяжкими побоями, а святыя уста шевелились, читая символъ православныя вѣры, — такъ, какъ было ему заповѣдано іеромонахомъ Виссаріономъ, чтобы онъ въ то самое время, когда преклонить подъ мечъ голову, читалъ исповѣданіе вѣры. Такимъ образомъ совершилась мученическая кончина святаго Иларіона, сентября 20-го дня, 1804 года, во вторникъ въ 6-мъ часу пополудни, а святая его душа нынѣ радуется въ ликѣ пострадавшихъ за исповѣданіе имени Іисуса Христа.

Какъ только обезглавленъ былъ преподобномученикъ Иларіонъ, тотчасъ дано было извѣстіе однимъ христіаниномъ Николаемъ, тщательно наблюдавшимъ за ходомъ всего дѣла, іеромонаху Виссаріону, который немедленно и съ великою радостію пошелъ на мѣсто казни видѣть мощи святаго мученика, ученика своего. Отсюда онъ отправился въ патріархію и обратился къ протосинкелу Іоаннію съ просьбою, чтобы онъ своимъ убѣдительнымъ словомъ подвигнулъ христіанъ выкупить у турецкой стражи святыя мощи мученика, такъ какъ уже носились слухи, что турки, по истеченіи узаконеннаго срока (3-хъ дней), рѣшили мощи мученика сжечь или бросить въ море. Протосинкель, выслушавъ старца, прославилъ Бога, укрѣпившаго святаго страстотерца, охотно согласился исполнить его желаніе и немедленно извѣстилъ о семъ нѣкоторыхъ благоговѣйныхъ христіанъ, которые и выкупили святое тѣло изъ рукъ алчной стражи.

Получивъ многострадальное тѣло преподобномученика Иларіона, старецъ Виссаріонъ честно и съ псалмопѣніемъ совершилъ погребеніе онаго на островѣ Протѣ, въ церкви Преображенія Господня, подлѣ мученика Димитрія Хиос-

скаго, который, назадъ тому три года, пострадалъ за имя Христово. Исподнее же платье и часть волосъ съ головы преподобномученика Иларіона благочестивые христіане раздѣлили между собою въ освященіе.

Но судьбамъ Божиимъ благоугодно было тотчасъ же прославить мощи мученика чудесами, такъ какъ Господь говоритъ въ Священномъ Писаніи: *прославляющій Мя прослаблю* (1 Царств. 2, 30); посему и Своего угодника началъ прославлять чудесами.

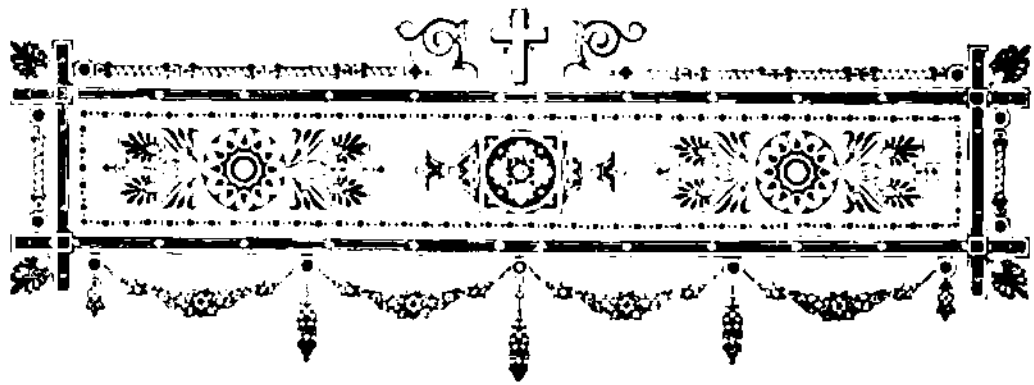
Такъ во все время (3 дня), въ которое тѣло мученика оставалось на поверхности земли непогребеннымъ, не только не потерпѣло разрушенія отъ дѣйствія воздуха, но оставалось невредимо, бѣло и не издавало смертнаго запаха. Одинъ христіанинъ, прибывшій по усердію изъ Константинополя на о. Проти на погребеніе тѣла мученика Христова, издавна страдалъ хроническою болѣзнію, но движимый чувствомъ благоговѣнія и усердія къ святому, хотя и съ большимъ трудомъ, пришелъ поклониться угоднику Вожію, за что и не остался безъ награжденія, ибо какъ только облобызалъ святые мощи, тотчасъ сдѣлался здоровымъ, какъ будто бы никогда и не былъ больнымъ.

Одинъ благочестивый константинопольскій христіанинъ Константинъ, питая глубокое уваженіе къ старцу Виссаріону, попросилъ его къ себѣ въ домъ для благословенія его семейства. Старецъ исполнилъ просьбу, пришелъ въ его домъ и, когда подошла подъ благословеніе младшая его дочь Александра, 8-ми лѣтъ, имѣвшая въ себѣ сокровеннаго бѣса, Виссаріонъ поднялъ руку для благословенія. Въ этотъ моментъ бѣсъ сотрясъ несчастную, бросилъ о землю, потомъ изо рта начала точиться пѣна и она сдѣлалась, какъ мертвая. Жалкое было зрѣлище! Юное существо, лишь только еще вступило въ жизнь, уже было похищено душегубцемъ, который основалъ въ ней себѣ жи-

лице. Подошедши къ несчастной, Виссаріонъ перекрестилъ больную одеждою съ власами святаго мученика Иларіона, и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ: „святый Иларіоне, помози мнѣ въ часъ сей!“ и еще старецъ не успѣлъ кончить изображенія на ней крестнаго знаменія, дѣвица изблевала часть крови и востала съ земли совершенно здоровою. Отецъ, видя дочь свою здоровою, прославилъ святаго мученика, и съ тѣхъ поръ ежегодно праздновалъ съ вѣрою и благоговѣніемъ память преподобномученика Иларіона. Вскорѣ послѣ этого чуда, іеромонахъ Виссаріонъ отправился на Святую гору, куда при помощи Божіей чрезъ два дня прибылъ благополучно.

По прошествіи болѣе года, Господь Богъ, прославляемый чрезъ святыхъ Своихъ, благоволилъ еще совершить чудо чрезъ святаго Иларіона. Такъ у помянутаго Константина былъ другъ, у котораго заболѣло дитя; болѣзнь приняла быстрое теченіе, такъ что врачи приговорили его къ смерти, не находя никакихъ вещественныхъ средствъ къ уврачеванію лютой болѣзни. Узналъ объ этомъ Константинъ и, взявъ хранимыя у него частицы крови и власовъ преподобномученика Иларіона, пришелъ въ домъ своего друга, возложилъ на дитя эту святыню, и умирающее дитя тотчасъ зашевелилось, обнаруживая этимъ признакъ жизни, а потомъ вскорѣ совершенно выздоровѣло. Молитвами и предстательствомъ святаго преподобномученика Иларіона, да сподобимся и мы получить царство небесное отъ Христа и Бога, Которому подобаеъ честь и слава, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Е Н Т Я Б Р Я 22.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
КОСМЫ,
отшельника зографскаго *).**

Преподобный Косма былъ болгаринъ, благороднаго происхождения, и родился по извѣщенію свыше. По достиженіи совершенныхъ лѣтъ возраста, когда, при благочестивомъ воспитаніи, онъ хорошо изучилъ греческій и болгарскій языки, родители хотѣли женить его; но Косма, въ пламенномъ желаніи иноческаго образа, тайно удалился отъ нихъ на святую Аеонскую гору. Чтобъ въ самоотверженіи положить благочестивому юношѣ преграду и уничтожить прекрасныя его намѣренія, діаволь мечтательно представилъ ему обширный проливъ, отдѣлявшій со всѣхъ сторонъ Святую гору отъ материка, въ то время, какъ святой Косма уже достигъ аеонской границы. Не понимая, какимъ образомъ иноки могутъ имѣть сообщеніе съ міромъ, въ отношеніи жизненныхъ продовольствій, и какъ отъ одного берега переплываютъ на другой, безъ необходимой для того ладіи или судна общественнаго, святой

*) Изъ Νέων Ἐκλόγων.

Косма, безъ пособій со стороны человѣческой, для достиженія Святой горы, обратился къ Богу и началъ молиться такъ: „Господи Іисусе Христе! ради Всенепорочныя Твоея Матери, открой мнѣ путь, по которому желающе пустынной жизни на Святой горѣ проходятъ къ ней.“ Едва только онъ, такимъ образомъ, помолился, мечтаніе демонское тотчасъ исчезло, и вмѣсто моря открылся ему сухой путь. Святой Косма, узнавъ изъ этого козни сатанинскія, благодарилъ Бога и Пречистую Его Матерь. Послѣ сего, онъ весело ступилъ на Святую гору и съ перваго же раза прибылъ въ Зографскую обитель. Здѣсь, тронутый привѣтливостію иночествующей братіи и строгостію ихъ жизни, онъ рѣшился остаться и былъ принятъ съ любовью. Съ тѣхъ поръ протекло довольно времени; послушный во всемъ Косма ревностно проходилъ возлагаемыя на него обязанности, и наконецъ, удостоенный ангельскаго образа, былъ опредѣленъ въ число экклісарховъ. Первыя лѣта аеонской его жизни замѣчательны тѣмъ, что Божія Матерь благоволила видимо открыть ему Свою заботливость о Святой горѣ. Это было на праздникъ Благовѣщенія, который совершается въ Ватопедѣ. Въ числѣ прочей зографской братіи, на праздникъ былъ и Косма, и видѣлъ въ церкви жену, царственной красоты и величія, которая сама распорядилась всѣмъ — и въ церкви за службою, и въ трапезѣ. Видя жену среди множества иноковъ и замѣчая притомъ, что все находилось въ самовластномъ ея распоряженіи, юный пришлецъ крайне огорчился. Въ смущеніи возвратился онъ къ старцу своему, въ Зографъ и, на вопросъ, — отчего онъ такъ грустенъ? — рассказалъ ему свое видѣніе въ Ватопедѣ. „Какого вида эта жена? Какое одѣяніе на ней?“ спросилъ старецъ; и когда Косма описалъ незнакомку, тотъ со вздохомъ замѣтилъ: „и ты не узналъ, что за жена являлась тебѣ въ обители, которая посвящена

Божественной Маріи? — ты видѣлъ Царицу нашей горы и всея твари!“ Услышавъ это, Косма благодарилъ небесную Владычицу, удостоившую его такового Своего явленія.

Послѣ того, по прошествіи нѣкотораго времени, онъ рукоположенъ былъ въ діакона, а потомъ удостоенъ и пресвитерства, что было для него новымъ побужденіемъ къ большимъ подвигамъ и къ безусловному исполненію священнаго своего долга и прочихъ послушаній монастырскихъ.

Какъ-то разъ, оставшись одинъ въ церкви, святой Косма молитвенно обратился къ святой иконѣ Пресвятыя Богородицы и возопилъ: „Пресвятая Богородице! помолись къ Твоему Сыну и Богу, да наставитъ меня на путь спасенія!“ Едва произнесъ онъ это, какъ услышалъ голосъ Богоматери: „Сыне и Боже мой! научи раба Твоего, какъ спастись ему.“ И былъ на это отвѣтъ: „пускай удалится изъ монастыря на безмолвіе.“ Вслѣдствіе такой воли Божіей, по благословенію настоятеля, святой Косма удалился въ одну изъ сосѣдственныхъ пустынь и изсѣкъ себѣ пещеру въ скалѣ, которая видна изъ оконъ монастыря на западъ. Какъ тамъ подвизался святой Косма, видѣлъ только Богъ, — однако могли заключать отчасти и люди, потому что дивный отшельникъ, конечно за чистоту жизни и строгіе подвиги, наконецъ получилъ даръ предвѣдѣнія и прозорливости.

Разъ къ святому Космѣ пришли два священника Хиландарскаго монастыря, изъ любопытства — взглянуть и на него самого, и на самый образъ его жизни. Между тѣмъ, на пути скрыли они въ лѣсу тыквицу съ лознымъ виномъ, въ намѣреніи взять ее на обратномъ пути своемъ къ дому: но это не утаилось отъ отшельника. При разставаніи съ гостями, святой Косма замѣтилъ имъ: „тыквицу съ виномъ, скрытую вами на пути, разбейте, потому что въ вино тайно вползла змія и пустила въ него свой ядъ.“

Удивленные такимъ предвѣдѣніемъ, хиландарцы сокрушили тыквицу и дѣйствительно нашли тамъ гнѣздившуюся змію. Прославляя Бога за избавленіе ихъ отъ смертельнаго яда, они благодарили и столь дивнаго своею прозорливостію святаго Косму.

Такъ же точно, просвѣтленными, въ опытахъ созерцательной жизни, очами души своей, видѣлъ онъ и дѣйствія демоновъ на пространствѣ воздушныхъ мытарствъ, которыми проносились души на небо. Нѣкогда, въ великій четвертокъ, рано утромъ, онъ увидѣлъ въ воздухѣ борющуюся съ демонами душу хиландарскаго игумена, и послалъ въ тотъ монастырь ученика своего, съ извѣстіемъ и просьбою, чтобъ помолились Богу за почившаго. Когда посланный объявилъ въ Хиландарѣ слова Космы и его видѣніе, старцы того монастыря съ недовѣрчивостію отвѣчали: „Мы только что, по отходѣ утрени, видѣли нашего игумена, который сейчасъ хочетъ служить литургію, съ чего же взялъ твой старецъ такую нелѣпость? Помѣшанный! выдаетъ себя за святаго!“ Впрочемъ, изъ любопытства, пошли они въ келлію къ игумену, чтобъ передать ему слова прельщеннаго пустынника, и дѣйствительно увидѣли, что игумень ихъ скоростижно скончался.

Близъ Есфигменскаго монастыря, съ сѣверозапада, возвышается гора, такъ называемая Самарія. Тамъ уединялся инокъ Даміанъ, между прочимъ имѣвшій заповѣдь отъ своего духовнаго старца—„никогда не оставаться на ночь и не спать въ чужой келліи.“ Случилось, что, по собственной какой-то надобности, онъ отправился къ сосѣднему брату, и такъ какъ тотъ былъ въ отсутствіи, то Даміанъ долженъ былъ дожидаться его до самаго вечера. Наконецъ является братъ, и Даміанъ, исполнивъ свою надобность, торопился на ночь въ свою пустынную келлію. Напрасно другъ его просилъ остаться у него на ночь, представляя

ему опасность ночнаго пути и начинавшагося дождя. Даміанъ, вѣрный старческой заповѣди, остался непреклоненъ. Опасенія его друга не прошли даромъ. Даміанъ, по причинѣ чрезвычайной темноты и проливнаго дождя, дѣйствительно сбился съ дороги и не зналъ, гдѣ онъ находится, куда идти. Въ этой крайности, воззвалъ онъ къ Господу: „Господи! спаси меня, я погибаю!“—и вдругъ видитъ, что онъ стоитъ у своей келліи. Пораженный такимъ чудомъ, онъ немедленно отправился къ преподобному и рассказалъ о случившемся съ нимъ. „Братъ, храни заповѣдь старческую,“ замѣтилъ тогда святой Косма, „и Богъ сохранитъ тебя отъ смерти.“

Однажды преподобный сильно заболѣлъ, и въ болѣзни, по человѣческой немощи, ему крайне захотѣлось рыбы. Что же? Богъ, питавшій Илію чрезъ врановъ, утѣшилъ и святаго Косму отеческимъ Своимъ промысленіемъ. Святой Косма вдругъ видитъ пустыннаго орла, который, спустившись съ высоты, положилъ у его пещеры свѣжую рыбу. А надобно сказать, что въ сосѣдственной пустынѣ, близъ святаго Космы, подвизался духовный старецъ Христофоръ, который, для собственной трапезы, приготовляя доставленную ему рыбу, мылъ ее въ водѣ; но, во время самаго мытья, налетѣлъ орелъ, восхитилъ изъ рукъ его рыбу и скрылся съ нею изъ виду. Тогда какъ святой Косма, поблагодаривши Бога за чудесное о немъ попеченіе, изготовилъ для себя рыбу, и только что хотѣлъ было ѣсть, вдругъ доносится до него таинственный голосъ: „оставь часть изготовленной рыбы для Христофора, потому что это—его собственность.“ На слѣдующій день Христофоръ дѣйствительно является къ святому, и едва только сотворилъ молитву предъ его пещерною дверью, преподобный сказалъ ему: „добро пожаловать, отецъ,—я ожидалъ тебя, и часть рыбы, тобою изготовленной, оставлена для под-

крѣпленія постническихъ твоихъ силъ.“ Когда Косма разсказалъ Христофору, какимъ образомъ Богъ даровалъ ему рыбу, и когда взаимно Христофоръ передалъ ему о хищничествѣ орла, они возвеселились духовно и прославили Бога, такъ дивно пекушагося о нихъ.

Предсмертные дни святаго Космы были для него послѣднимъ и самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ земныхъ искусовъ, потому что сатана, попущеніемъ Божиимъ, окружилъ его своимъ полчищемъ и до такой степени избилъ и изранилъ, что страдалецъ едва могъ прійти въ себя. Впрочемъ, и въ самомъ страдальческомъ своемъ положеніи отшельникъ имѣлъ утѣшеніе и залогомъ будущаго блаженства: незадолго предъ тѣмъ являлся ему Самъ Господь, предсказавъ то, что съ нимъ сдѣлаетъ сатана и, между прочимъ, обѣщалъ ему за то вѣнецъ Своего царствія. И это явленіе ему Господа онъ передалъ своему другу, сосѣдственному пустыннику Христофору. Христофоръ, пришедши разъ къ его пещерѣ, слышитъ, что кто-то бесѣдуетъ съ нимъ. Когда кончилась бесѣда святаго Космы съ таинственнымъ посѣтителемъ, Христофоръ, съ обычною молитвою, постучалъ въ дверь. Отворилась пещерная дверь, и друзья взаимно привѣтствовали другъ друга, вошли въ пещеру и, помолившись, сѣли. Христофоръ, не видя никого у преподобнаго, спросилъ его, съ кѣмъ онъ разговаривалъ. По нѣкоторомъ раздумьѣ, святой Косма, возбуждаясь чувствомъ дружескаго расположенія къ старцу и не имѣя возможности скрыть отъ него посѣщеніе Господне, смиренно отвѣчалъ: „Меня посѣтилъ Христосъ, Богъ нашъ, и между прочимъ, подкрѣпляя немощь мою, извѣстилъ, что, по Его попущенію и по тайнымъ судьбамъ спасенія, вѣдомымъ Ему единому, нападетъ на меня сатана съ своими полчищами, измучитъ мою грѣшную плоть, и это будетъ предвѣстіемъ и залогомъ скорого моего отшествія въ на-

слѣдіе царствія Его. Для этого собственно ты и посланъ ко мнѣ. Итакъ, мы теперь разстанемся, потому что я чувствую необходимость въ уединеніи и тишинѣ, а въ такой-то день ты навѣсти меня.“ Тронутый этимъ извѣщеніемъ, Христофоръ печально удалился отъ преподобнаго Космы, въ ожиданіи назначеннаго дня, когда ему будетъ можно посѣтить его. Когда же наступило то время, старецъ Христофоръ приходитъ къ святому Космѣ и находитъ его полумертвымъ. На вопросъ: „что это значитъ?“ святой Косма отвѣчалъ: „Съ вѣчера, на нынѣшній день, явился сюда сатана со множествомъ демоновъ и, дыша злобою и неистовствомъ, рыкая отъ зависти и неудачъ, грозно вопіялъ къ полчищамъ своимъ: безопасные и немощные! и до сего времени никто изъ васъ не могъ низложить и сокрушить этого врага моей державы и силы! такъ ли поступаютъ съ низложителемъ нашимъ, столь многократно и постоянно побѣждавшимъ и посрамлявшимъ насъ? Неистовствуя такимъ образомъ, сатана напалъ на меня и избилъ меня чрезвычайно, какъ видишь по оставшимся на тѣлѣ моемъ ранамъ.“ Но недолго страдалъ божественный Косма. На третій день послѣ сатанинскихъ побой, приобщившись пречистыхъ Таинъ, онъ, въ славословіи и съ молитвою на устахъ, мирно предалъ Господу духъ свой, — мѣсяца сентября 22 дня, 1323 года отъ Рождества Христова.

Когда по окрестнымъ пустынямъ и по обителямъ соѣдственнымъ разнеслась вѣсть о кончинѣ Космы, для погребенія священныхъ останковъ его собралось множество отцевъ и братій. Въ то же время Богъ, прославляющій славящихъ Его, чуднымъ образомъ прославилъ по смерти и преподобнаго Косму. Когда совершалось погребеніе преподобнаго, къ пещерѣ его стеклись пустынные звѣри, со всѣхъ сторонъ слетѣлись пернатые птицы, — и всѣ эти безсловесныя творенія, какъ будто бы понимавшія общую по-

теру Святой горы, молча окружали отпѣваемаго праведника, не сводя съ него очей своихъ; а когда тѣло опустили въ могилу и стали засыпать землею, каждое изъ животныхъ издало печальный свой голосъ, и, по отданіи столь дивной почести угоднику Божію, разсыпались они по пустыннымъ мѣстамъ своимъ. Потомъ, когда протекло сорокодневное поминовеніе по усопшемъ праведникѣ, зографскіе братія собрались въ его пещеру, совершили тамъ всенощное бдѣніе и рѣшились открыть святыя останки, чтобъ перенести ихъ съ честью въ обитель: но останковъ не нашлось. Что сдѣлалось съ ними, никто не знаетъ донынѣ; это вѣдаетъ только Богъ, царствующій надъ всѣми и во всѣхъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

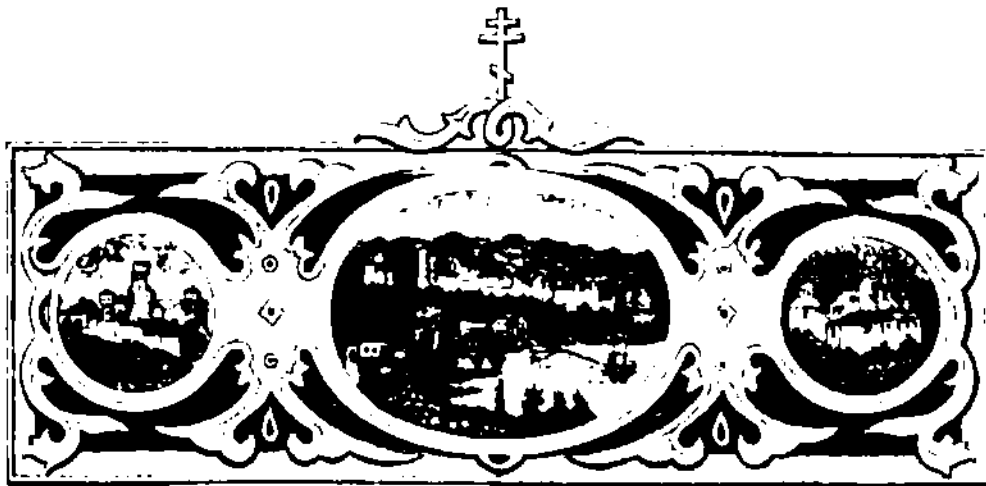

СЕНТЯБРЯ ТОГО ЖЕ ДНЯ.

**Память святыхъ преподобномучениковъ Зографскихъ
двадцати шести.**

Святые преподобномученики зографскіе: игумень **Θομα** и съ нимъ иноки: Варсонофій, Кирилль, Михей, Симонъ, Иларіонъ, Іаковъ, Іовъ, Кипріанъ, Савва, Іаковъ, Мартиніанъ, Косма, Сергій, Мина, Іосифъ, Іоанникій, Павелъ, Антоній, Евѣимій, Дометіанъ, Пареній и четыре мірскихъ, имена которыхъ неизвѣстны, — пострадали отъ папистовъ, разорявшихъ святую Аѳонскую гору въ царствованіе Михаила Палеолога (1260—1282 г.). За дерзновенное обличеніе латинумудрствующихъ въ ереси святые были сожжены въ пиргѣ (башнѣ). Память ихъ совершается 22 сентября *). Но въ Зографѣ празднуютъ имъ октября 10-го, въ день ихъ мученичества. Подробное сказаніе о подвигѣ святыхъ преподобномучениковъ помѣщено нами далѣе, подъ 10-мъ октября, въ „Повѣсти о нашествіи папистовъ на Святую гору.“ Кромѣ того общая память св. новомучениковъ празднуется на Святой горѣ въ недѣлю 2-ю по недѣлѣ Всѣхъ Святыхъ.

*) См. Συναξαριστής Ηieroδωμου η 'Ακολουθία τῶν ἀγιορειτῶν πατέρων.

О К Т Я Б Р Я 1.

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
ІОАННА КУКУЗЕЛЯ *).

Іоаннъ Кукузель **) родился въ Диррахіи. Въ дѣтствѣ, оставшись сиротою, онъ поступилъ въ придворную константинопольскую школу, гдѣ, по чрезвычайно нѣжному голосу, по миловидности и отличнымъ дарованіямъ, обратилъ на себя вниманіе императора (Комнина) и двора его и скоро опередилъ всѣхъ школьныхъ своихъ товарищей, — такъ что наконецъ сдѣлался единственнымъ придворнымъ пѣвцомъ. Юнаго Іоанна осыпали ласками, лелѣяли за трогательное его пѣніе и скромность; но сердце его, при всемъ этомъ, томилось неизъяснимымъ для него чувствомъ тайной скорби и пренебреженія ко всѣмъ удовольствіямъ жизни. Среди всѣхъ очарованій двора, среди живитель-

*) Изъ книги 'Αμάρτολόν Σωτηρία.

**) Кукузель — дѣтское шуточное названіе. Іоаннъ, какъ болгаринъ родомъ, находился при дворѣ греческомъ, сначала не зналъ хорошо греческаго языка. Когда спрашивали его сверстники: что онъ сегодня кушалъ? — тотъ простодушно отвѣчалъ имъ: *куку и зелія* (*κοκκία* — бобы, зелень). Отъ этого дѣти, шути, и прозвали его Кукузелемъ (бобы и зелія). И вотъ дѣтскій этотъ шуточный эпитеъ и переходитъ теперь изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

ныхъ и сладкихъ надеждъ въ будущемъ, Іоаннъ страдалъ — тѣмъ еще болѣе, что не было сердца, которому бы могъ онъ открыть свои томленія, которое бы подѣлилось съ нимъ сочувствіемъ и усладило страдальческую тоску его. Страданія его умножились, когда провѣдалъ онъ, что императоръ думаетъ принудить его ко вступленію въ бракъ. Мысль, что ради временныхъ наслажденій жизни можно потерять радости царствія Божія, до того тревожила юнаго Іоанна, что онъ рѣшился непремѣнно убѣжать изъ столицы и скрыться въ какой-нибудь отдаленной пустыни. Богъ видѣлъ чистоту намѣреній его и Самъ благопоспѣшилъ исполненію ихъ.

Когда юный дѣвственникъ сталъ тяготиться придворною жизнію и придумывалъ средства избавиться отъ ней, со святой горы Аѳонской прибылъ въ Константинополь лаврскій игумень, по монастырскимъ своимъ дѣламъ. Іоаннъ случайно увидѣлъ старца, и юное его сердце затрепетало отъ радости. Онъ вѣжно и дѣтски полюбилъ святогорскаго пришельца, сблизился съ нимъ, открылъ ему свои мысли и намѣренія и требовалъ на нихъ приговора. Когда старецъ не только одобрилъ, но и благословилъ ихъ, Іоаннъ, велѣдъ почти за нимъ, скрылся изъ столицы и, въ видѣ странника, явился на Святую гору, у лаврской порты. На вопросъ привратника: кто онъ, откуда и чего требуетъ? — Іоаннъ отвѣчалъ, что онъ простолудинъ, пастухъ и хочетъ быть монахомъ. „Молодъ еще,“ замѣтилъ привратникъ. — „Благо — въ юности взять яремъ Господень на ся,“ отвѣчалъ скромно Іоаннъ и убѣдительно просилъ доложить о немъ игумену. Привратникъ доложилъ про незнакомаго пришельца игумену и братіи, которые рады были ему, потому что нуждались въ пастухѣ для пустынскихъ козлицъ. Іоаннъ былъ принятъ и сопричисленъ къ братству: его постригли и поручили ему пастушить, на гор-

ныхъ пажитяхъ, монастырское стадо. Эта должность, сама по себѣ новая, чрезвычайно обрадовала набожнаго пѣвца: онъ погрузился со стадомъ своимъ въ глубь святогорскихъ пустынь, и любимымъ его занятіемъ тамъ было богомысліе и молитва.

Между тѣмъ, императоръ, узнавши о бѣгствѣ любимца своего, крайне огорчился и послалъ въ нѣкоторыя изъ отдаленныхъ мѣстъ нарочныхъ, для отысканія пѣвца: но покрываемый Богомъ, Іоаннъ остался въ совершенной неизвѣстности, не смотря на то, что посланные императора были и на Святой горѣ, и даже въ лаврѣ святаго Аонасія. Тихо и спокойно текли дни и годы Іоанна, въ строгой пустынноческой жизни: онъ не могъ нарадоваться новому своему положенію. Однажды, въ трогательномъ и глубокомъ раздумьѣ, сидѣлъ онъ при своемъ мирно пасшемся стадѣ: мысль его переносилась чрезъ пространство всего минувшаго, и сердце трепетало чувствомъ живой признательности къ Богу и всепѣтой Его Матери, за Ихъ промысль о немъ. Думая, что никого нѣтъ въ пустынѣ и никто не слышитъ его, Іоаннъ началъ пѣть, какъ бывало, божественные свои гимны, и ангельскій его голосъ далекимъ эхомъ переливался и замиралъ на пустынныхъ высотахъ Аона мелодическими своими звуками. Долго и въ сладость пѣлъ умилившійся Іоаннъ, не видя и не зная, что одинъ пустытникъ, таившійся близъ него въ дикой трещинѣ скалы, подслушивалъ его. Звуки пастушескаго пѣнія потрясли сердце строгаго пустытника, растрогали до слезъ и произвели благодатное впечатлѣніе на растеплившуюся его душу. Пока пѣлъ Іоаннъ, пустытникъ не сводилъ съ него глазъ своихъ, не понимая, — откуда взялся въ пустыни такой ангельскій голосъ, такой неподобный пѣвецъ. Изумленіе пустытника достигло высшей степени, когда онъ замѣтилъ, что самыя козлища не паслись подь

гармоническими звуками пастушескихъ пѣсень, — что самая животная, притаивъ дыханіе и окруживши своего пастуха, неподвижно стояли предъ нимъ и не сводили съ него неразумныхъ глазъ своихъ, какъ будто усыпленные, какъ будто очарованныя ангельскимъ его голосомъ. Въ то же время пустынный отправился въ лавру и извѣстилъ игумена о дивномъ пастухѣ и трогательномъ его пѣніи. Іоаннъ былъ вызванъ изъ сокровенной пустыни и, не хотя, заклинаемый Богомъ, открылся игумену, что онъ придворный сладкопѣвецъ Іоаннъ. Игумень едва могъ узнать въ потухающемъ его взорѣ и въ безжизненныхъ ланитахъ любимца царева, съ которымъ онъ сблизился въ Константинополѣ, и который тогда былъ въ полномъ развитіи жизни, съ плѣнительнымъ взоромъ и съ играющимъ на щекахъ румянцемъ. По слезной просьбѣ скромнаго Іоанна, настоятель оставилъ его при прежнемъ пастушескомъ послушаніи; впрочемъ, боясь императора, на случай — если бѣ донесся до него слухъ объ открытіи его любимца, игумень отправился въ Константинополь и лично представился государю. „Помилуй, государь, раба твоего!“ воскликнулъ старецъ, цѣлуя ноги своего Царя: „во имя Бога, желающаго всѣмъ и каждому изъ насъ спасенія, умоляю тебя, выслушай отечески мою просьбу, исполни ее, да и Богъ исполнить во благихъ желанія твои!“ Тронутый глубокимъ вѣрноподданническимъ смиреніемъ старца, императоръ подвѣлъ его и ласково спросилъ: „чего ты, отецъ, хочешь отъ меня?“ „Прости меня, государь, если я буду дерзокъ предъ твоимъ величествомъ! Просьба моя ничтожна для того, чтобы ее исполнить. Тебѣ это легко, и ничего не стоитъ съ твоей стороны, кромѣ одного твоего слова; между тѣмъ, исполненіе ея составитъ утѣшеніе и радость самыхъ ангеловъ и благо моей лавры.“ — „Чего же ты хочешь? — говори, я все исполню,“ ласково промолвилъ импе-

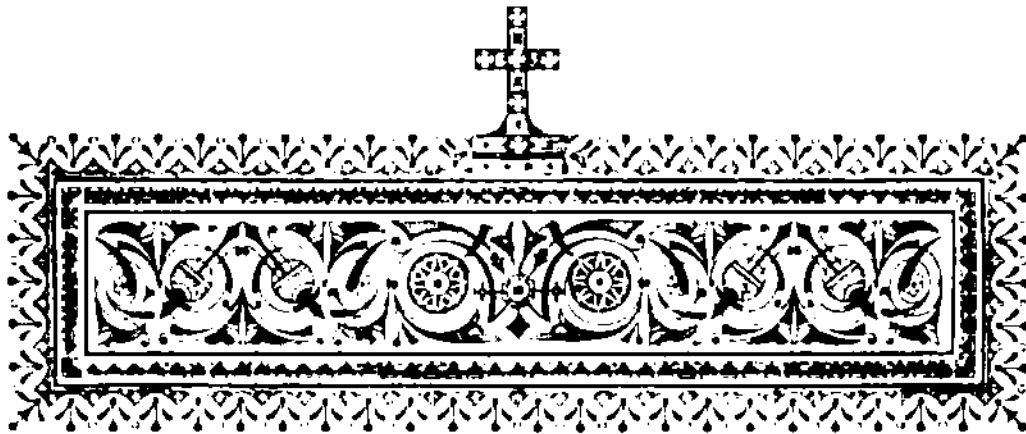
раторъ. — „Царское слово свято,“ почтительно замѣтилъ игумень: „оно неизмѣнно!“ — „Такъ, такъ, отецъ!“ сказалъ императоръ, растроганный простотою старца: „чего жъ ты хочешь?“ — „Подари намъ одного изъ твоихъ подданныхъ, который ищетъ вѣчнаго своего спасенія и молится о державѣ твоей; — болѣе ничего,“ сказалъ игумень и замолчалъ. — „Изволь, весело отвѣчалъ императоръ: кто жъ онъ и гдѣ?“ — „У насъ уже, и даже въ ангельскомъ образѣ,“ боязненно произнесъ старецъ: „имя его — Іоаннъ Кукузель“... — „Кукузель?“ съ поспѣшностію сказалъ императоръ, — и слезы невольно выступили изъ глазъ его и скатились на царственную грудь.

Тогда игумень разсказалъ подробно объ Іоаннѣ. Императоръ внимательно слушалъ и наконецъ съ чувствомъ воскликнулъ: „Жаль мнѣ единственнаго пѣвца! Жаль мнѣ моего Іоанна! Но если онъ уже постригся, — нечего дѣлать! Спасеніе души дороже всего: пусть молится о спасеніи моемъ и царства моего.“

Старецъ благословилъ Господа и милостиваго своего государя и весело воротился въ свою лавру. Съ той поры Іоаннъ остался спокоенъ, — выстроилъ себѣ келлію съ церковію по имя Архангеловъ и, уединяясь тамъ шесть дней, въ воскресенье и другіе праздники приходилъ въ соборъ, становился на правый клиросъ и умиленно пѣлъ, въ числѣ другихъ пѣвцовъ. Разъ, такимъ образомъ, пропѣвши въ субботу акаѳистъ, послѣ бдѣнія, онъ сѣлъ въ форму, — такъ называются братскія сѣдалища, — напротивъ иконы Богоматери, предъ которою читался акаѳистъ, и тонкій сонъ упокоилъ утомившіяся его чувства. „Радуйся Іоаннъ!“ вдругъ произнесъ кроткій голосъ. Іоаннъ смотритъ... Въ сіяніи небснаго свѣта стояла предъ нимъ Богоматерь. — „Пой и не переставай пѣть,“ продолжала она, „Я за это не оставлю тебя.“

При этихъ словахъ, Богоматерь положила въ руку Іоанна червонецъ и стала невидима. Потрясенный чувствомъ невыразимой радости, Іоаннъ проснулся и видитъ, что дѣйствительно въ правой его рукѣ лежитъ червонецъ (златница). Слезы искренней признательности потекли изъ очей пѣвца: онъ заплакалъ и благословилъ неизреченную милость и благословеніе къ нему Царицы небесной. Червонецъ былъ привѣшенъ къ Богоматерней иконѣ, предъ которою пѣлъ Іоаннъ и удостоился явленія небеснаго, и поразительныя чудеса совершались отъ иконы и отъ самой златницы. Съ тѣхъ поръ Іоаннъ усердиѣе прежняго началъ проходить клиросное свое послушаніе, но, сколько отъ тайныхъ келейныхъ подвиговъ, столько же и отъ долгихъ стояній въ церкви, ноги его отекали, открылись на нихъ раны и закипѣли червями. Недолго, впрочемъ, страдалъ Іоаннъ. Ему, какъ и прежде, въ тонкомъ снѣ, явилась Богоматерь и тихо произнесла: „будь отнынѣ здоровъ!“ Раны исчезли, и признательный Іоаннъ остатокъ дней своихъ провелъ въ изумительныхъ подвигахъ созерцательной жизни и до такой степени просвѣтился духомъ, что удостоился провидѣть часъ и день своей кончины. Умиленно простился онъ съ собравшеюся къ нему братією и, заловѣдавши похоронить свое тѣло въ Архангельской, созданной имъ, церкви, съ райской улыбкой на молитвенныхъ устахъ, отшелъ ко Господу, и теперь на небесахъ, купно съ ликами ангельскими, устами уже не земными и тлѣнными, немолчно славить Приснославимаго, — Емуже и отъ насъ да будетъ честь и слава и благодареніе, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Примѣчаніе. Времени жизни святаго Іоанна Кукузеля въ источникѣ не показано; основываясь на указаніи Свитогорца (см. его «Письма», часть 1, письмо 12-е), мы отнесли его къ 12-му вѣку.

ОКТАВРЯ ТОГО ЖЕ ДНЯ.

Память преподобнаго
ГРИГОРІЯ,

доместика великой церкви *).

Грѣ лаврѣ святаго Аѳанасія просіялъ также высокимъ своимъ житіемъ и благоговѣнвѣйшій пѣвецъ и доместикъ, преподобный Григорій. Онъ особенно извѣстенъ по слѣдующему славному, чудесному событію, которому удостоился быть причастнымъ. — Святѣйшій вселенскій патріархъ Каллистъ 1-й (см. о немъ іюня 20), во дни игуменства въ лаврѣ преподобнѣйшаго Іакова Прикана **), опредѣлилъ на литургіяхъ Василя Великаго, во время диптиховъ (на задостойникѣ), пѣть: „о Тебѣ радуется;“ но преемникъ его, святѣйшій Филоеѣй, отмѣнилъ постановленіе своего предшественника, повелѣвъ пѣть: „Достойно есть,“ какъ кратчайшее. Отъ этого въ церкви родилось нѣкоторое недоумѣніе. Разъ, наканунѣ Свѣтовъ (Богоявленія), Григорій александрійскій ***) повелѣлъ сему доместику

*) Изъ *Ἱερά κειμήλια. Κωνσταντινουπόλεως*. 1861 г.

**) Въ лаврѣ хранится его завѣщаніе — *Διαβήκη*. 1363 г.

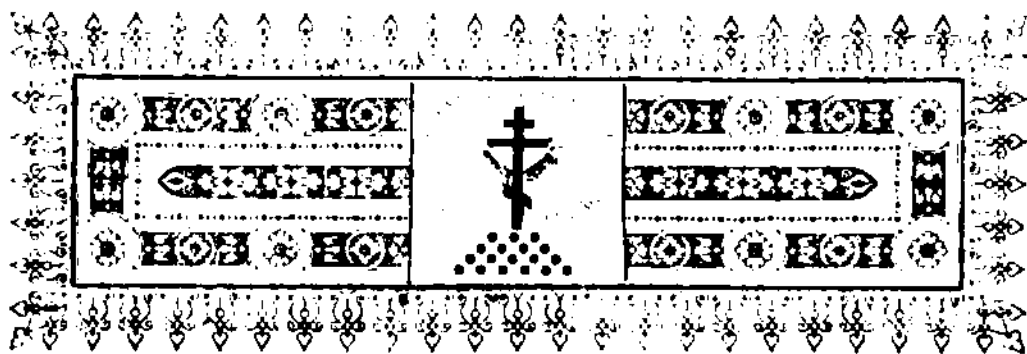
***) Патріархъ 3-й сего имени патріарествовалъ съ 1354 г., а тогда находился въ лаврѣ.

Григорію пѣтъ: „о Тебѣ радуется,“—но державшіеся стороны Филоея *) противились сему: однакожь, Григорій александрійскій настояль, и domestikъ пропѣлъ: „о Тебѣ радуется“... Послѣ бдѣнія, совершавшагося на сей великій праздникъ, легкій сонъ, на нѣсколько времени, смежилъ очи утомившагося пѣвца Григорія, и—о чудо!—онъ видитъ предъ собою Владычицу міра, которая говоритъ ему: „прими воздаяніе за твое пѣніе, domestikче!—много благодарю тебя за твою пѣснь въ честь Мою.“ Сказавъ это, Она дала ему златницу, которая тогда же была повѣшена на святой иконѣ Богородицы, въ сей святой лаврѣ. Съ этого времени, Церковь опредѣлила—на литургіяхъ Василя Великаго и на навечеріяхъ пѣтъ: „о Тебѣ радуется“ **).

*) Патриархъ Филоей, саяъ бывшій игуменомъ Лавры св. Аванасія до 1347 года, особенно благоволялъ въ этой Лаврѣ, понятно по тому, что и распоряженія сего патриарха были съ уваженіемъ исполняемы въ Лаврѣ.

***) И Каллистъ и Филоей восходили на престолъ по дважды: въ которое изъ ихъ патриаршествованій (1350—1376 гг.) случилось это,—въ источникѣ не показано. Судя однако по обстоятельствамъ, событіе произошло при первомъ патриаршествованіи Святѣйш. Филоея (1354—1355 гг.).

О К Т Я В Р Я 2.

Страданіе святаго мученика ГЕОРГІЯ *).

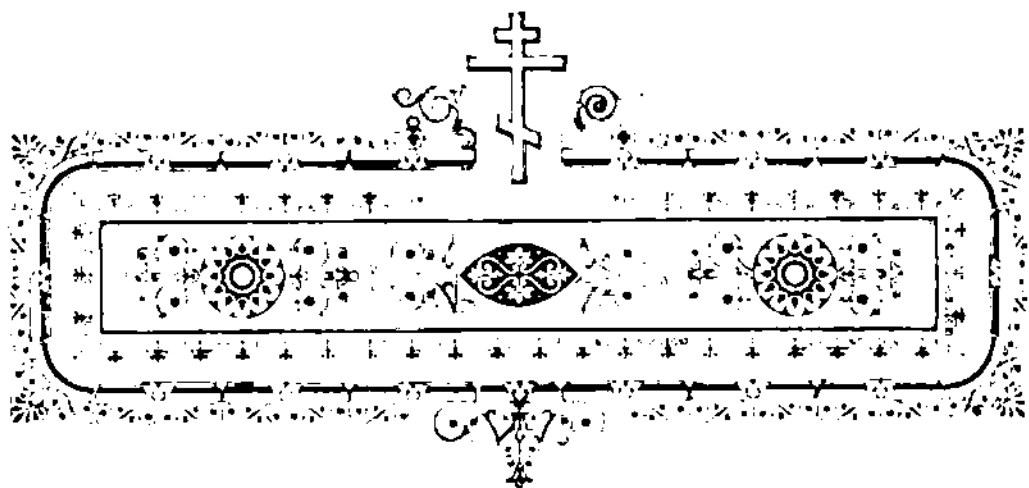
Слаженный Георгій былъ родомъ изъ Филадельфіи, сынъ христіанскихъ родителей. Пришедши въ возрастъ, онъ удалился изъ своего отечества и поселился въ Карачасу—одномъ мѣстечкѣ епархіи Иліопольской. Здѣсь, ослѣпившись вихремъ мірской суеты, принялъ онъ исламизмъ, но спустя немного дней послѣ несчастнаго признанія лжи истинною, тьмы свѣтомъ, отрезвился отъ умнаго ослѣпленія, живо почувствовалъ тяжесть своего преступленія, горько о немъ плакалъ и искалъ средствъ къ своему исправленію. Почему, улучивъ удобное время, онъ удалился оттуда, прибылъ на Святую гору, исповѣдалъ тамъ одному духовнику свой грѣхъ, исполнилъ назначенный имъ канонъ и, по исполненіи его, былъ помазанъ священнымъ муромъ. Привившись такимъ образомъ къ духовной маслинѣ—Христу, онъ довольно лѣтъ всячески подвизался для умиловленія Бога, прогнѣваннаго великимъ его преступленіемъ отреченія; однако душа его никогда не имѣла въ себѣ полнаго мира. Размышляя о словахъ Господа: *уже отвержется*

*) Изъ Νέον Μαρτυρολόγιον.

Мене предъ чловѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесахъ (Матѣ. 10, 33), блаженный не находилъ никакого другаго средства загладить свое отреченіе отъ Христа, кромѣ исповѣданія Его предъ тѣми, предъ которыми отрекся Его, и кромѣ проліянія за Него крови своей; размышляя же о семъ, воспламенился наконецъ непремѣннымъ желаніемъ мученичества. Объявивъ объ этомъ намѣреніи своему духовнику и нѣкоторымъ другимъ духовнымъ отцамъ и нашедши ихъ согласными съ своимъ желаніемъ, онъ роздалъ все, какое было у него имѣніе, отцамъ въ милостыню, прося ихъ молитвъ, столь нужныхъ ему для предстоящаго великаго подвига, и, оставивъ Святую гору, прибылъ въ Карачасу. Турки, увидѣвъ его здѣсь, узнали и, тотчасъ же схвативъ его, привели къ судѣ и свидѣтельствовали, что этотъ чловѣкъ въ такое-то время отрекся Христа и сдѣлался туркомъ, а теперь, явившись сюда, ходитъ въ христіанскихъ одеждахъ. — Правда ли это? спросилъ судья Георгія. — Совершенная правда, съ великимъ дерзновеніемъ отвѣчалъ мученикъ Христовъ: я дѣйствительно тотъ хаджи Георгій, который въ такое-то время по безумію своему отрекся своей вѣры и принялъ вашу; но сходявъ въ разныя мѣста, я хорошо понялъ, что вѣра ваша ложная, и потому теперь пришелъ сюда за тѣмъ, чтобы отдать вамъ ее назадъ. Великъ мой грѣхъ, что я оставилъ первую мою вѣру, которая есть чистое неподдѣльное золото, и принялъ вашу — этотъ ничтожный металлъ. Итакъ, исповѣдую предъ вами, что я снова христіанинъ, именуясь Георгіемъ и, за любовь ко Христу, готовъ излить всю мою кровь. — Теперь дѣлай со мною, что хочешь. Судья, чтобы переменить мысль его, употребилъ всѣ средства; но мученикъ стоялъ въ вѣрѣ Христовой твердо и непоколебимо. Видя эту непреклонность его мысли, судья велѣлъ слугамъ своимъ ввергнуть страсто-

терпца въ темницу и мучить его тамъ до тѣхъ поръ, пока отвратятъ его отъ христіанства. Получивъ такое нечестивое повелѣніе, слуги устремились на страдальца Христова, какъ неукротимые звѣри и, ввергнувъ его въ темницу, 8 дней мучили лютейшими муками: они—дѣвольскіе слуги растянули его ноги въ деревѣ до того, что такъ-называемые пахи едва не разрывались, затѣмъ принесли металлическую, сильно раскаленную чашку и надѣли ее на голову ему, какъ скуфью; потомъ обвили веревкою голову его и стянули ее такъ сильно, что бѣлки глазъ его выступили изъ своихъ мѣстъ. Но мужественный воинъ Христовъ, отъ таковыхъ безчеловѣчныхъ мукъ полумертвый, взывалъ: если и еще что сдѣлаете мнѣ, не отрекусь вѣры своей: христіаниномъ родился, христіаниномъ живу, христіаниномъ и умру. Итакъ, нечестивцы, не могли привести его къ своему нечестію, возвѣстили о томъ судѣ, и онъ тогда же подписалъ мученику смертный приговоръ, по которому палачи, взявши его изъ темницы, привели на мѣсто казни и тамъ обезглавили. Это совершилось въ 1794 году, октября 2-го дня. Такъ пріялъ блаженный Георгій вѣнецъ мученическій отъ подвигоположника Христа Бога нашего, Которому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе со безначальнымъ Его Отцемъ и пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Его Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

О К Т Я Б Р Я 5.

**Обрѣтеніе святыхъ мощей преподобнаго отца нашего
ЕВДОКИМА ВАТОПЕДСКАГО *).**

Вранить Господь вся кости святыхъ Своихъ (Псал. 33, 21), такъ вѣщаетъ божественный пророкъ Давидъ. А сколько чудесъ творить Всемогущій Богъ чрезъ избранныхъ Своихъ! Но есть люди, которые не только отвергаютъ всякое чудо, но даже съ презрѣніемъ относятся и къ тѣмъ, которые имѣютъ чистую вѣру въ Бога и въ ходатайство святыхъ угодниковъ Его. Эти люди, по словамъ пророка Исаи, „ослѣпили глаза свои и окаменили сердце свое, да не видятъ глазами и не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся, чтобъ Я исцѣлилъ ихъ“ (Исаи 6, 10). Между тѣмъ сердце вѣрующаго и горящаго любовію къ памяти святыхъ всегда получаетъ благодатное утѣшеніе.

Изъ нижеприведеннаго событія, бывшаго въ Ватопедскомъ монастырѣ, каждый долженъ убѣдиться, что дѣйствительно Богъ чудодѣйствовалъ и чудодѣйствуетъ чрезъ святыхъ Своихъ.

*) Съ рукописи Ватопедскаго монастыря.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1841 года, при епитропѣ архимандритѣ Филаретѣ въ Ватопедскомъ монастырѣ производилась поправка обветшавшей братской усыпальницы, въ которой хранились кости отшедшихъ на вѣчный покой отцовъ и братій. Когда стали разбирать кровлю усыпальницы, то, по неосторожности рабочихъ, кровля обрушилась и завалило мусоромъ одинъ уголь усыпальницы. Когда стали очищать усыпальницу, то вдругъ изъ мусора разнеслось необыкновенное благоуханіе, и чѣмъ болѣе разрывали мусоръ, тѣмъ сильнѣе разливалось благоуханіе. Вслѣдъ затѣмъ глазамъ работниковъ представился человѣческій остовъ, у котораго черепъ былъ обнаженъ и ничѣмъ не покрытъ, прочее же тѣло обвито хитономъ изъ бумажной матеріи. При дальнѣйшемъ разрытіи оказалось, что этотъ остовъ находился въ колѣнопреклоненномъ положеніи и лѣвымъ бокомъ прислоненъ къ стѣнѣ усыпальницы, руки были крестообразно сложены на груди, и подъ правую находилась небольшая икона Пресвятыя Богородицы. Всѣ кости остова плотно соединялись между собою сухими жилами и надкожною плевою. Это произошло въ среду, 1-го октября.

Объ этомъ открытіи тотчасъ дано было знать архимандриту Филарету и двумъ іерархамъ: митрополиту адрианопольскому Григорію и архіепископу смирнскому Хрисанфу, которые въ то время находились въ Ватопедскомъ монастырѣ на покоѣ. При видѣ остова, отъ котораго исходило благоуханіе, всѣ пришли въ удивленіе и хранили глубокое молчаніе. Наконецъ архіепископъ Хрисанфъ, обращаясь къ митрополиту Григорію и прочимъ братіямъ, собравшимся въ усыпальницѣ, сказалъ: „отцы святыя и братія, что мы стоимъ и удивляемся тому, что видимъ и что обоняемъ! Внимайте, други, и благоговѣйте предъ десницею Всевышняго, который и изъ сухихъ костей угодника Своего исто-

часть неоскудное райское благоуханіе! Кто другой кромѣ Бога нашего такъ помазалъ ихъ?! Отъ кого другаго это божественное благоуханіе?! Какъ могутъ кости и сгвившее тѣло сами по себѣ источать его?! Изъ Евангелія мы знаемъ, что Лазарь, пробывъ только четыре дня во гробѣ, издавалъ зловонія: *смердитъ*, сказано, *четверодневенъ бо есть* (Іоан. 11, 39). Такъ и быть должно, ибо самыя кости наши, по разрѣшеніи отъ плоти, отдають землѣ нѣкую дань зловоніемъ, а сіи мощи неизвѣстнаго намъ угодника Божія источають райское благоуханіе. Изъ этого не слѣдуетъ ли заключить то, что Духъ Божій, какъ при жизни обиталъ въ семъ угодникѣ, такъ точно и по смерти не оставилъ его. Итакъ, прославимъ Бога дивнаго во святыхъ Своихъ и почтимъ святаго Его угодника.“ Послѣ этого мощи святаго перенесли въ церковь святыхъ Апостоловъ, находящуюся при усыпальницѣ, и на другой день архимандритъ Филаретъ собралъ старшую братію и съ ними сталъ разсуждать о имени святаго, также и о томъ, какъ святая сіи мощи обрѣлись въ усыпальницѣ среди множества другихъ костей.

Изыскивая имя святаго, всѣ желали наименовать его какъ нибудь сообразно съ обстоятельствами. Итакъ, общимъ мнѣніемъ рѣшили назвать святаго *Евдокимомъ* *). Если же святой угодникъ Божій считаетъ неприличнымъ прославиться подъ именемъ Евдокима, то да благоволитъ самъ объявить свое имя. И такимъ образомъ подъ символическимъ именемъ Евдокима и понынѣ чествуется и ублажается сей угодникъ Божій.—Касательно же того, какимъ образомъ обрѣлись въ усыпальницѣ мощи святаго, были разныя мнѣнія, изъ коихъ мнѣніе одного изъ братій, уче-

*) Евдокимъ слово греческое, оно означаетъ «прославленный», или «данный по благоволенію», что ближе всего подходитъ къ этому событію, въ которомъ Богъ благоволилъ прославить славнаго Своего угодника.

наго мужа Никифора, было одобрено всѣми. Онъ говорилъ такъ: „Святый угодникъ Божій предвидѣлъ часъ своей кончины и, никому ничего въ монастырѣ о томъ не сказавши, взялъ въ свои объятія икону Богоматери, и тайно ишедши изъ обители, вошелъ въ темное мѣсто усыпальницы, гдѣ думалъ лучше скрыться. Тамъ онъ, преклонивши колѣна, сказалъ: Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой, и—отшелъ въ вѣчный покой.“ Это мнѣніе совершенно сообразно съ обстоятельствами: они убѣждаютъ, что дѣйствительно угодникъ Божій скончался такъ, какъ говоритъ Никифоръ. Ибо, если бы святый погребенъ былъ сначала внѣ усыпальницы, то неужели въ то время, когда его выкапывали изъ земли и переносили въ усыпальницу никто не ощущалъ отъ мощей благоуханія! Наконецъ, если видѣли его одѣтымъ и притомъ съ иконою, неужели бы умолчали о столь необыкновенномъ обстоятельстве?

Если же допустить, что святый былъ положенъ въ темномъ мѣстѣ усыпальницы, то для чего съ иконою, и почему онъ одинъ положенъ тамъ, тогда какъ всѣ усопшіе зарываются въ землю? Въ усыпальницу же складываются только однѣ кости почившихъ отцовъ, которыя вырываются изъ земли по прошествіи трехъ лѣтъ со дня погребенія усопшихъ *). Но изъ всего этого видно глубокое смиреніе святаго, который скрытно проводилъ добродѣтельную жизнь, не показывая своихъ добродѣтелей предъ людьми, а потому пожелалъ скрыть и свою праведническую кончину. Мало того, онъ и по смерти не захотѣлъ быть почитаемымъ отъ людей. Но Всемогущій Богъ, предъ Которымъ безъ награды не остается и чаша холодной воды, подне-

*) На Афонѣ, какъ извѣстно, каждое тѣло, по истеченіи трехъ лѣтъ, вырывается изъ земли; оставшіяся кости отъ сгнившаго трупа омываются и потомъ складываются въ особо устроенное зданіе, которое и называется усыпальницею или гробницею. При усыпальницѣ всегда бываетъ церковь.

сенная жаждущему, не восхотѣлъ оставить въ совершенной неизвѣстности Своего раба, всю жизнь работавшаго Ему со страхомъ и трепетомъ, но прославилъ его и противъ его воли, и явилъ его добродѣтельную жизнь на пользу многимъ. Что же касается до времени, когда именно святой скончался, то съ точностію опредѣлить весьма трудно; но если взять во вниманіе количество костей, лежащихъ около святыхъ мощей, то надобно предполагать, что не много времени почивали тутъ мощи святаго, такъ какъ костей было не слишкомъ много. Между тѣмъ и зданіе усыпальницы, а равно и одежда святаго, судя по матеріалу и работѣ, относятся не далѣе, какъ къ первой половинѣ XVII столѣтія.

Общимъ также совѣтомъ положено совершить и бдѣніе, по случаю обрѣтенія сихъ святыхъ мощей, и тѣмъ воздать славу Богу, явившему Себя намъ въ этомъ чудѣ. Итакъ, въ вечеръ субботы, 4-го октября, мощи святаго Евдокима съ подобающею честію, благоговѣніемъ и приличнымъ псалмопѣніемъ были перенесены въ соборную церковь и, послѣ всенощнаго богослуженія и литургіи, съ честью положены въ святомъ алтарѣ 5-го октября въ день недѣльный *).

Кратко описавъ обрѣтеніе святыхъ мощей преподобнаго Евдокима, мы не должны умолчать и о чудесахъ его. Изъ числа многихъ расскажемъ здѣсь только о двухъ, которыя совершились въ Ватопедѣ, и которыхъ мы были очевидцами (говоритъ составитель сказанія): У одного монаха, страдавшаго чахоткою, болѣзнь развилась на столько, что врачебныя средства уже не имѣли никакого дѣйствія. Вслѣдствіе безнадежнаго своего положенія больной обратился съ усердною молитвою къ преподобному Евдокиму. Когда

*) Въ Ватопедѣ тогда же составлена и отдѣльная служба сему святому угоднику Божию, которая и совершается ежегодно 5-го октября.

онъ окончилъ молитву и немного забылся сномъ, вдругъ видитъ подошедшаго къ нему боголѣпнаго и сѣдинами украшеннаго монаха, который, давши ему малый сосудецъ, наполненный какою-то врачбною жидкостію, приказывалъ оную выпить. Когда больной выпилъ жидкость, явившійся налилъ ему во второй разъ той же самой жидкости. Послѣ этого больной обратился къ небесному посѣтителю и сказалъ: благодарю тебя, отче, за твое усердіе и любовь, которую ты оказалъ мнѣ и напоилъ жаждущаго. Въ это время онъ пробудился отъ сна и на самомъ дѣлѣ почувствовалъ себя, какъ бы только что сейчасъ пившимъ прохладительный напитокъ, отъ котораго получилъ совершенное исцѣленіе. Между тѣмъ онъ вспомнилъ и о своей молитвѣ къ святому и, приписывая свое исцѣленіе преподобному Евдокиму, бывшій больной принесъ ему достойное благодареніе и тотчасъ разсказалъ всей ватопедской братіи о бывшемъ чудѣ. Братія, видя предъ своими глазами здоровымъ того, котораго назадъ тому нѣсколько часовъ обрekli на смерть, прославили Бога и Его святаго угодника.

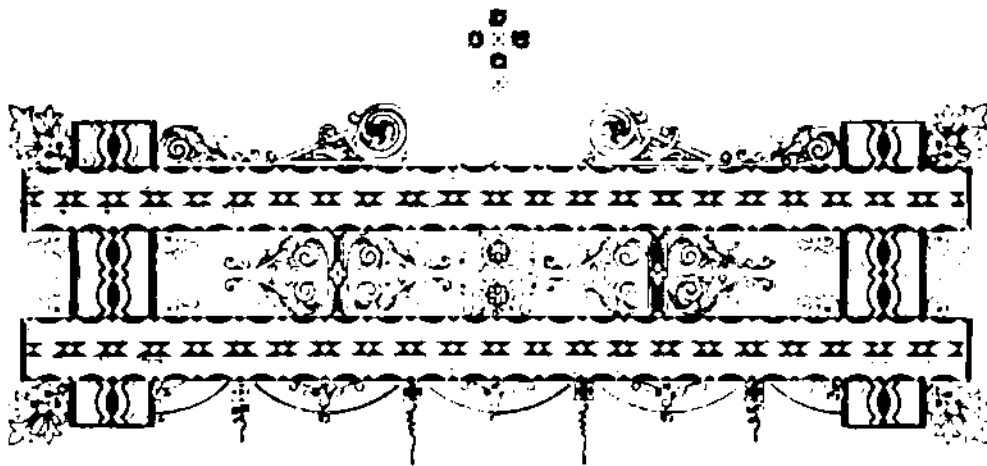
Другое чудо было надъ ватопедскимъ же монахомъ Гавріиломъ, весьма искуснымъ врачомъ, у котораго случилось страданіе сѣдалищнаго нерва. Воль до того была нестерпима, что онъ не могъ ни сидѣть, ни повернуться на другой бокъ, а лежалъ въ постели безъ всякаго движенія; при этомъ были испытаны всѣ врачбныя средства, отъ которыхъ больной не получилъ облегченія. Видя жестокое страданіе больнаго, братія посовѣтовали ему обратиться съ молитвою къ преподобному Евдокиму и попросить его помощи. Больной согласился и сказалъ: если истинно, что святой Евдокимъ чудотворецъ и исцѣлитъ меня отъ жестокой болѣзни, — я для священной его главы устрою серебряную раку. Послѣ этого онъ погрузился въ тонкій сонъ и видитъ подошедшаго къ нему боголѣпнаго старца,

походившаго на образъ св. Евѣимія Великаго, который, коснувшись рукою его бедра, сказалъ: „твоя болѣзнь несколько не опасна, а потому будь покоенъ, она скоро пройдетъ.“ — Что ты, старче, шутишь надо мною, отвѣчалъ Гавріиль, развѣ не видишь, какъ я страдаю, и нахожусь въ безнадежномъ положеніи?

„Ну, будь же отъ сего часа здоровъ,“ сказалъ явившійся, и пошелъ отъ больнаго.

По пробужденіи, Гавріиль увидѣлъ себя исцѣленнымъ отъ тяжкой болѣзни, но не могъ понять: во снѣ ли все то было или наяву, а потому спросилъ прислуживающаго ему брата: откуда тотъ старецъ, который сей часъ разговаривалъ со мною? Когда же прислужникъ сказалъ: что онъ никого не видѣлъ и никто въ келлію не приходилъ, тогда Гавріиль вспомнилъ, какъ онъ обращался съ молитвою къ преподобному Евдокиму, а равно и о своемъ обѣтѣ. А потому немедленно пожелалъ въ знакъ благодарности святому исполнить данный имъ обѣтъ; для этого вызванъ былъ мастеръ, которому и заказана серебряная рака на главу преподобнаго. А чтобы не утратилась память сего чудеснаго исцѣленія, то на ракъ вырѣзали слѣдующія слова: „устроена сія рака для честной главы преподобнаго Евдокима монахомъ Гавріиломъ, котораго сей преподобный исцѣлилъ отъ тяжкой болѣзни.“ Молитвами преподобнаго отца нашего Евдокима, да избавимся и мы всѣ отъ встрѣчающихся съ нами недуговъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, и да наслѣдуемъ царствіе небесное. Аминь.

О К Т Я Б Р Я 6.

**Страданіе святаго преподобномученика
МАКАРІЯ НОВАГО *).**

Святый преподобномученикъ Макарій происходилъ отъ бѣдныхъ родителей поселянъ, жившихъ въ селеніи Кіонъ, въ Виѣинской области, отца именемъ Петра и матери Анаусы. Во святомъ крещеніи онъ названъ былъ Мануиломъ; когда онъ достигъ отроческихъ лѣтъ, тогда родители его отдали одному ремесленнику-портному, отъ котораго онъ научился не только этому мастерству, но и христіанскому благочестію, такъ какъ ремесленникъ отличался примѣрною благочестивою жизнію. Такимъ образомъ Мануиль прожилъ у своего хозяина ремесленника до 18-ти лѣтняго возраста. Въ это время, отецъ его, изъ-за временнаго благосостоянія и довольства къ жизни, самовольно отрекся отъ христіанской и принялъ магометанскую вѣру и, для снисканія себѣ большей чести, оставилъ свое родное селеніе Кіонъ, и поселился въ многолюдномъ мусульманскомъ городкѣ Бруссѣ.

Однажды Мануиль, по порученію своего хозяина, пришелъ въ Бруссу за покупкою вещей, относящихся къ его

*) Изъ Νέον Λεζωνάρτων.

ремеслу. Въ это время онъ встрѣтился на рынкѣ случайно съ отцемъ своимъ, который, схвативъ его насильно, повлекъ въ судилище, гдѣ заявилъ, что въ то время, когда онъ принималъ магометанскую вѣру, то и сей сынъ его общался будто бы послѣдовать его примѣру; почему онъ и просилъ судью теперь присоединить сына его къ магометанской вѣрѣ. Мануиль, слыша столь дерзостную клевету своего отца, утверждалъ, что онъ не только не давалъ своему отцу такого общанія, но и въ помыслѣ никогда не имѣлъ намѣренія отречься отъ истинной христіанской вѣры и принять ложную магометанскую. Но, однако, сколько несчастный юноша ни силился доказать свою правоту и нежеланіе принять мусульманскую вѣру, усердные слуги Магомета избили его и насильственнымъ образомъ совершили надъ нимъ обрѣзаніе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ обрѣзанія, Мануиль скрылся изъ Бруссы и удалился на св. Аеонскую гору, гдѣ, обшевши всѣ монастыри и скиты, онъ возлюбилъ скитъ св. Анны и здѣсь, подчинившись одному добродѣтельному и искусному въ иноческихъ подвигахъ старцу, началъ проводить жизнь въ постѣ, бдѣніи и молитвахъ, ревнуя во всемъ своему наставнику.

Проживши нѣсколько времени подъ руководствомъ старца, Мануиль сталъ просить его постричь въ ангельскій образъ, на что старецъ охотно согласился и постригъ его съ именемъ Макарія. По принятіи ангельскаго образа, Макарій усугубилъ и иноческіе свои подвиги. Но сколько онъ ни удручалъ себя подвигами, душа его не была покойна: она страдала и приходила въ содроганіе отъ совершеннаго надъ нимъ турками гнуснаго обряда. Вслѣдствіе этой душевной скорби онъ проливалъ горькія слезы и невольное свое паденіе считалъ какъ бы происшедшимъ отъ собственнаго произволенія, а потому, при крайнемъ

своемъ послушаніи старцу, онъ прилагалъ труды къ трудамъ и сокрушеннымъ сердцемъ въ смиренной молитвѣ просилъ милосердаго Бога простить ему невольное его паденіе.

И такимъ образомъ Макарій прожилъ въ скиту 12-ть лѣтъ, но сердце его все-таки не было покойно, ибо въ тайникахъ онаго гнѣздилося смущеніе, вслѣдствіе котораго не царилъ въ немъ вождельный миръ и радость, которые посылаются отъ Бога истиннымъ подвижникамъ. Смущеніе, какъ бы густая туча, тяжелымъ слоємъ лежала въ его сердцѣ, чрезъ который не могъ проникнуть радостный лучъ примиренія его съ небеснымъ Творцемъ. Какъ видно, Промысль Божій благоволилъ даровать блаженному миръ совѣсти и радость чрезъ мученичeskій вѣнецъ, почему и вложилъ ему мысль вдать себя на мученіе, и мученическою кончиною примирить себя съ Нимъ.

Вслѣдствіе этого онъ сталъ просить у своего старца благословенія отпустить его въ Бруссу, гдѣ онъ невольно принялъ обрѣзаніе, и тамъ всенародно исповѣдать себя христіаниномъ, а Іисуса Христа истиннымъ Богомъ, и потомъ мученическою кончиною смыть мрачное пятно съ души своей. Но старецъ и слышать не хотѣлъ о его намѣреніи, выставляя ему на видъ то, что, не вдавая себя въ мученичeskій подвигъ, онъ можетъ и здѣсь, въ уединеніи, измыть всѣ свои нечистоты покаянiемъ, которое имѣетъ силу божественнаго крещенія.

— Нѣтъ, честный отче, смиренно отвѣчалъ Макарій старцу, все то, что ты говоришь, истинно, и я вѣрю, что покаянiемъ заглаждаются грѣхи, но мой грѣхъ несравненно больше всѣхъ тѣхъ грѣховъ, для которыхъ положено долготерпѣливымъ Богомъ покаянiе. Мой грѣхъ такой, который только и возможно загладить мученiемъ. Притомъ меня устрашаютъ слова, сказанныя Спасителемъ въ божествен-

номъ Его Евангеліи: „кто отречется Меня предъ людьми, отрекусь отъ того и Я предъ Отцемъ Моимъ небеснымъ“ (Мѣ. 10, 33). Итакъ, съ какимъ стыдомъ, я, несчастный, предстану на всемірномъ судѣ Христовомъ, имѣя на себѣ печать (обрѣзаніе) отреченія моего отъ вѣры въ Него? О, отче! трепещеть во мнѣ сердце при мысли, съ какимъ безчестіемъ я буду отринуть отъ лица Божія?!.. Да наконецъ, могу ли я, окаянный, быть увѣреннымъ, что я съ этой скверною печатью сопричтень буду съ избранниками Божиими! Нѣтъ, отче, увѣряю тебя, что я не буду покоенъ во всю мою жизнь, если не совершу моего намѣренія. Итакъ, умоляю тебя, окажи твою любовь: благослови меня на мученическій подвигъ и пролей твою теплую молитву ко Господу, дабы Онъ укрѣпилъ меня среди различныхъ мученій отъ враговъ Христовой церкви, и сподобилъ бы мужественно скончать теченіе въ прославленіе христіанской вѣры, въ посрамленіе же лживаго пророка Магомета съ его послѣдователями.

Старецъ, видя непреклонность мысли святаго, и что въ душѣ его возжегся божественный пламень, посоветовался съ другими опытными отцами, которые послѣ общаго совѣта рѣшили, отпустить Макарія на мученическій подвигъ. А потому, сотворивши объ немъ усердную молитву и напутствовавъ благословеніями, отпустили его въ путь.

Когда святой Макарій пришелъ въ Бруссу, въ это время встрѣтились тамъ съ нимъ турки, когда-то его знавшіе, которые, не смотря на то, что онъ былъ одѣтъ въ иноческую одежду, все-таки его узнали и, смотря на него, начали переговариваться между собою: кажется, этотъ монахъ тотъ самый человѣкъ, который назадъ тому нѣсколько лѣтъ отрекся христіанской вѣры и принялъ нашу, а теперь, какъ видно, обратился въ первую свою вѣру и сдѣлался монахомъ? Подозрѣніе ихъ вполне оправдалось, когда

они, подошедши къ нему, спросили его объ этомъ само-го. — Да, отвѣчалъ святой, вы не ошиблись въ вашемъ предположеніи: я тотъ самый, который назадъ тому 12 лѣтъ вѣроломнымъ и насильственнымъ образомъ приобщенъ въ вашу магометанскую вѣру, но такъ какъ я понялъ, что вѣра ваша ложная и скверная, то оставилъ ее и принялъ снова мою прежнюю истинную. Вѣрую всею сердцемъ моимъ въ Спасителя моего Іисуса Христа, вашего же пророка Магомета, обольстителя и обманщика, проклиная, какъ виновника гибели многихъ народовъ, которые, по слѣпотѣ своей, увѣровали въ него и вмѣсто свѣта ринулись во тьму. Поэтому совѣтую и вамъ выйти изъ той непроницаемой тьмы вашей ложной вѣры въ Магомета и увѣровать въ истинный свѣтъ Іисуса Христа, дабы избѣгнуть вѣчныхъ мукъ и наследовать вѣчную жизнь.

Нечестивцы, слыша хулу своей вѣры, схватили святаго Макарія и, нанося ему побои, повлекли въ судилище, гдѣ, представивши его предъ судьей, начали съ шумомъ и крикомъ обвинять его въ томъ, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ добровольно принялъ мусульманскую вѣру, найдя оную лучшею христіанскою, но теперь опять увѣровалъ въ Распятаго, а великаго пророка нашего Магомета клянетъ и всячески поноситъ. Судья, выслушавши обвинителей, ласково спросилъ святаго: другъ мой! вѣдь ты позналъ, что наша вѣра есть самая лучшая и принялъ ее добровольно, а теперь вдругъ отрекся отъ нея и сдѣлался монахомъ? Что это заставило тебя оставить нашу вѣру? Если тебя къ этому привела бѣдность, то увѣряю, что мы обогатимъ и предоставимъ тебѣ великія почести, только ты опять увѣруй въ великаго пророка Магомета; въ противномъ случаѣ предамъ тебя тяжкимъ мукамъ и на части раздроблю плоть твою.

Святой Макарій безбоязненно отвѣчалъ судѣ: вѣры

вашей я всегда гнушался, и теперь гнушаюсь и проклинаю; добровольно же оную я никогда не принималъ, а что вы насильственнымъ образомъ обрѣзали меня, то это знаютъ всѣ турки, бывшіе причастные этому дѣлу, и если ихъ заставить, чтобы они сказали истину, то увѣряю тебя, что они засвидѣтельствовали бы предъ всѣмъ міромъ, что меня насильно обрѣзали и что я не отрекался отъ вѣры въ Искуителя моего Господа Иисуса Христа и никогда не отрекись отъ Источника жизни, чрезъ Котораго все живетъ и движется.

Судья видѣлъ, что къ обвиненію святаго Макарія нѣтъ ясныхъ доказательствъ, притомъ и самый внѣшній видъ его показывалъ, что онъ говоритъ истинно, а потому, посоветовавшись съ муллою, хотѣлъ отпустить его. Но приведшіе его турки никоимъ образомъ не соглашались выпустить его изъ своихъ рукъ, а потому съ безчинными криками и угрозами приступили къ судѣ и сказали: куда же дѣвалось правосудіе? и какой же ты послѣ этого судья и послѣдователь великаго пророка Магомета? Ты долженъ распространять магометанскую вѣру и строго преслѣдовать тѣхъ, которые, принявши оную, опять обращаются къ бывшей своей вѣрѣ; а ты этимъ всѣмъ пренебрегаешь и отпускаешь этого отступника безъ всякаго наказанія. Итакъ, за твое нерадѣніе и бездѣятельность мы вынуждены будемъ донести на тебя царю.

Судья, убоявшись на себя доноса, сробѣлъ и, перемѣнивши милосердіе на свирѣпость, приказалъ святаго мученика повѣсить на висѣлицѣхъ подъ мышки такъ, чтобы одни только концы пальцевъ ногъ его могли касаться земли, и потомъ однажды въ день снимать его съ висѣлицы и бить палками. И такимъ образомъ страдалецъ Христовъ провелъ въ мукахъ 40 дней. Послѣ этого онъ позванъ былъ къ судѣ, который, обратившись къ мученику, сказалъ:

одумался ли ты послѣ столь жестокаго наказанія или продолжаешь стоять въ своемъ упорствѣ? Совѣтую тебѣ послушаться меня и увѣровать въ великаго пророка Магомета, за что получишь отъ насъ великія почести, иначе я вынужденъ буду предать тебя тягчайшимъ мукамъ.

— Одного только и прошу у тебя, нечестивый судья, отвѣчалъ святой мученикъ, собери всѣ твои мучилищныя орудія, какія только тебѣ внушитъ навѣтникъ злобы—дьяволъ, и прикажи меня мучить ими, но и тогда знай, что помысль мой будетъ твердъ и непоколебимъ въ моемъ вѣрованіи въ Іисуса Христа. Между тѣмъ увидишь, какое мужество и терпѣніе подаютъ Онъ рабамъ Своимъ, которые за исповѣданіе имени Его предъ вами, обольщенными, вступили въ борьбу съ отцемъ вашимъ дьяволомъ!

Мучитель послѣ этихъ словъ пришелъ въ ярость и приказалъ св. мученика, связавши у него ноги, опустить внизъ головою въ сухой и мрачный колодезь и однажды въ день вытаскивать его, и послѣ наложенія довольныхъ ударовъ опять опускать въ оный. Въ такомъ мученіи доблестный воинъ Христовъ пробылъ 90 дней.

Господь, видя терпѣніе св. мученика Макарія, восхотѣлъ его утѣшить въ его страданіяхъ Своею благодатію. Такъ, въ одну ночь внезапно явился въ колодезь необычайный свѣтъ и затѣмъ разлилось райское благоуханіе и ангельское невидимое пѣніе. Въ то самое время при устьѣ колодца находился его отецъ отверженникъ, который наклонился посмотрѣть на столь необычайное чудо, видѣнное и слышанное имъ въ колодезь; но въ то самое мгновеніе, когда онъ наклонился, у несчастнаго выпали глаза изъ своихъ орбитъ, и онъ за свое вѣроломство получилъ достойное наказаніе, оставшись слѣпымъ на всю свою жизнь. Видя это чудо, находившійся вмѣстѣ съ св. мученикомъ Макаріемъ, одинъ турокъ, томившійся въ томъ же колодезь за

какую-то вину, увѣровалъ во Христа, который въ послѣдствіи за свое исповѣданіе былъ замученъ въ мѣстечкѣ Кютагіяхъ или Котіяхи.

Мучитель судья, узнавъ о чудѣ, случившемся въ колодецѣ, велѣлъ привести къ себѣ святаго. Когда приведенъ былъ узникъ Христовъ къ жестокому мучителю, тогда онъ спросилъ его:

— Правду ли говорятъ, что въ нынѣшнюю ночь въ колодезь сходилъ свѣтъ, слышалось въ немъ пѣніе и исходило оттуда благоуханіе?

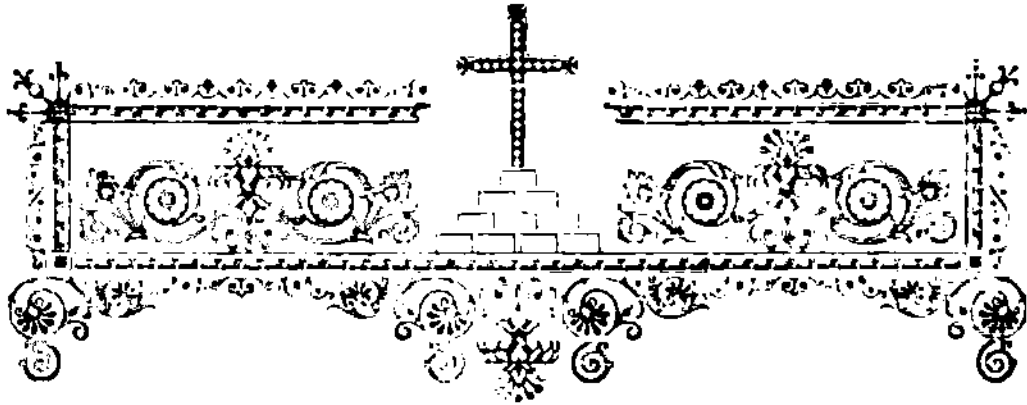
— Да, правда, отвѣчалъ святой мученикъ. Кто вѣруетъ во Христа, тотъ не только можетъ увидѣть то, что случилось въ колодецѣ, но и другое гораздо большее сего,—и началъ было приводить ему примѣры отъ Св. Писанія, которому научился онъ на Святой горѣ, — что съ большимъ вниманіемъ слушали находившіеся въ судилищѣ магометане. Коварный мучитель, замѣтя общее вниманіе къ повѣствованію святаго, убоился, чтобы и они не увѣровали во Христа, а потому приказалъ немедленно его обезглавить, что и было исполнено палачами, которые вывели мученика изъ Бруссы въ оврагъ, предварительно побили его камнями и затѣмъ отсѣкли ему голову. И такимъ образомъ мученикъ Христовъ Макарій чрезъ мечное посѣченіе получилъ вѣнецъ побѣдный отъ десницы Христа Бога, Ему же слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки, аминь.

Мощи св. преподобно-мученика Макарія оставались въ оврагѣ непогребенными нѣсколько дней. Во все это время по ночамъ сходилъ на св. мощи божественный свѣтъ, который удостоились видѣть многіе благочестивые христіане, жившіе въ Бруссѣ. Нѣкоторые же изъ нихъ, движимые ревностію, пренебрегши страхомъ и опасностью, рѣшились въ одну ночь взять оныя изъ рва и тайно погребли, а по-

томъ раздѣлили: честную главу мученика послали на св. Аѳонскую гору, въ скитъ св. Анны, гдѣ онъ приготавливалъ себя къ страдальческому подвигу; часть св. мощей взяла его родная мать и унесла на свою родину, гдѣ и положена она въ церкви св. Троицы; остальную часть св. мощей оставили Брусскіе христіане, въ освященіе и храненіе себя ходатайственными его молитвами предъ престоломъ Божиимъ отъ нападеній враговъ Креста Христова, которая честно и съ благоговѣніемъ была положена въ церкви, въ особомъ ковчегѣ.

Святой преподобно-мученикъ Макарій пострадалъ 1590 года, октября 6 дня.

О К Т Я Б Р Я 7.

Память преподобнаго отца нашего Сергія Вологодскаго или Нуромскаго *).

Ученикъ и постриженникъ преподобнаго Сергія Нуромскаго Алексій, подвизавшійся потомъ въ Обнорской обители св. Павла, сохранилъ описаніе подвиговъ великаго своего учителя. Изъ житія сего однако не видно, откуда былъ родомъ сей преподобный отецъ. Въ другихъ источникахъ его житія говорится, что онъ былъ родомъ грекъ **). Несомнѣнно извѣстно только, что сей любитель безмолвія полагалъ начало иноческой жизни на святой Аѳонской горѣ, гдѣ подвизался довольное время и былъ облеченъ и въ санъ пресвитерскій. Потомъ, пришедши съ Востока въ предѣлы Московскіе, искалъ себѣ также просвѣщенія духовнаго отъ соименнаго ему Радонежскаго свѣтила и провелъ немало времени подъ его руководствомъ. Но Аѳонскій безмолвникъ помышлялъ удалиться псаломски и водвориться въ глубочайшей пустынѣ и, по благословенію великаго Сергія, удалился въ вологодскіе

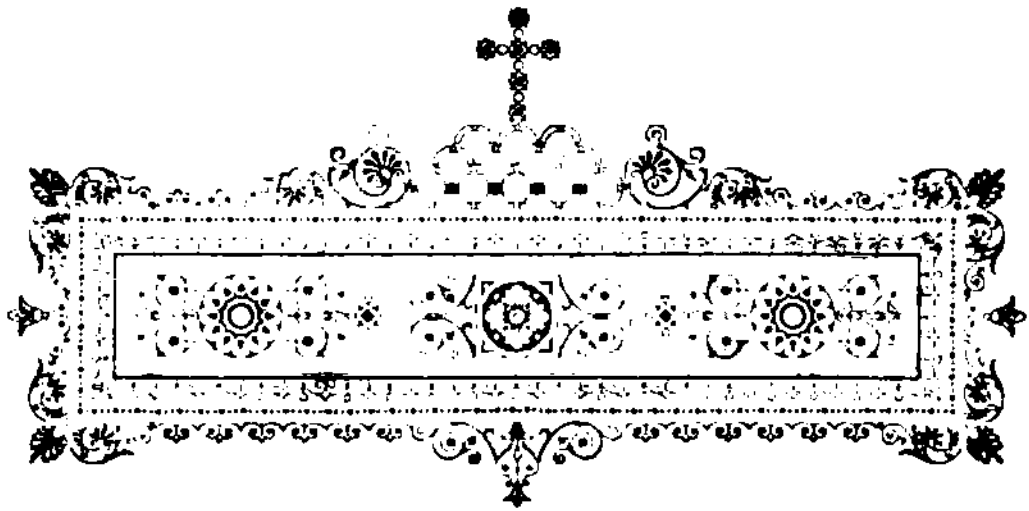
*) Житія свв. рос. ц. октябрь.

***) Смирновъ, прот. «Ученики препод. Сергія Радонежскаго». Душесп. чт. 1885, ч. 2.

лѣса. Здѣсь на утесистомъ берегу рѣки Нурмы поселился онъ въ то время, когда преподобный Павелъ Обнорскій подвизался не вдалекѣ отсюда, во внутренней пустынѣ, въ душлѣ липы. Водрузивъ крестъ и построивъ часовню съ келлію, преподобный Сергій подвизался въ глубокомъ безмолвіи, доколѣ не собрались къ нему ученики. Много потерпѣлъ преподобный нападеній отъ духовъ злобы и недобрыхъ людей разбойниковъ. О строгомъ подвижникѣ прошла молва, и отовсюду стали приходять къ нему жаждущіе спасенія душевнаго, и селились около него въ куцахъ. Мало-по-малу братіи собралось до 40-ка человѣкъ. Тогда преподобный построилъ храмъ Преображенія Господня и обитель общежитія. Великую духовную любовь имѣли между собою преподобный Сергій и преподобный Павелъ Обнорскій, избравшій Сергія своимъ духовнымъ отцемъ. Преподобный Сергій, чувствуя близость своей кончины, собралъ свою братію и утвердилъ ихъ наставленіями, среди общаго плача приобщился Св. Таинъ и предалъ чистую душу свою Богу, 7 октября въ 1412 году.

По внѣшнему виду преподобный Сергій былъ сѣдой, съ бородою рѣдкою, съ волосами на головѣ густыми. Много лѣтъ спустя послѣ кончины преподобнаго, братія, по явленію святаго, открыли гробъ его и потекли исцѣленія для богомольцевъ. Обитель преподобнаго Сергія, закрытая въ 1764 г., находилась въ четырехъ верстахъ отъ обители Павла Обнорскаго, ниже по теченію р. Нурмы, въ Грязовецкомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи. Нынѣ мощи преподобнаго почиваютъ въ храмѣ подъ ракою и балдахиномъ.

О К Т Я Б Р Я 10.

**Страданіе двадцати шести святыхъ преподобному-
чениковъ Зографскихъ—игумена Ѳомы и съ нимъ
21-го инока и 4 мірянъ.**

Византійскій Императоръ Михаилъ Палеологъ въ 1261 году успѣлъ неожиданно отнять у латинянъ Константинополь, завоеванный ими, но, какъ бы по роковой неизбежности, отъ нихъ же чаялъ спасенія уже небольшого слабаго государства своего, которое громили турки, сербы и болгары; въ этомъ чаяніи рѣшился онъ соединить церкви восточную и западную такъ, чтобы первая подчинилась второй въ лицѣ папы, какъ главы всего христіанскаго міра. Ошибочно полагая, что только въ этомъ соединеніи онъ найдетъ спасеніе, Палеологъ съ ревностію старался привлечь къ своему безумному плану своихъ подданныхъ и убѣжденіями и крутыми насильственными мѣрами, но онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны своего народа и клира, а наипаче монастырей св. горы Аѳонской, въ которыхъ въ это время спасались, кромѣ грековъ, иноки грузинскіе, сербскіе, болгарскіе и русскіе.

Святогорскіе отцы всё сообща отравили къ нему свое посланіе, въ которомъ основательно доказали, что ни первенство и главенство папы, ни поминовеніе его въ церквахъ, ни служеніе Евхаристіи на опръснокахъ, ни прибавленіе къ символу вѣры „и отъ Сына,“ не могутъ быть терпимы и, назвавъ Михаила еретикомъ, умоляли его оставить многотревожное и опасное предпріятіе. Они, между прочимъ, писали: „мы ясно видимъ, что ты еретикъ, но умоляемъ тебя: оставь все это и пребывай въ томъ ученіи, которое ты принялъ и которое ввѣрено тебѣ, зная, къмъ ты наученъ. Храни добрый залогъ и отринь не святая ново-ученія ложнаго вѣдѣнія, прибавляющаго къ вѣрѣ догадки, да чрезъ тебя, съ тобою и съ Совѣтомъ твоимъ и мы со всѣми христіанами явимся въ день пришествія Господня, какъ православные и Богу любезные, и сподобимся вѣчнаго наслѣдія царствія небеснаго“ *).

Михаилъ Палеологъ, какъ извѣстно, не слушался Аеонскихъ отцевъ. Напротивъ, не отступая ни передъ какими мѣрами къ утвержденію уніи, онъ особенно свирѣпствовалъ противъ монаховъ. Послѣ объявленія Ліонской уніи въ 1274 году послѣдовали казни на осуждавшихъ оную, а въ 1278 году былъ изданъ указъ вводить унію всѣми мѣрами насилія.

Римъ не довѣрялъ Михаилу, ибо и тамъ хорошо знали его двуличность и неискренность. Папы предъявляли ему требованія за требованіями съ цѣлію совершенно подчинить себѣ восточное православіе и, наконецъ, объявили Михаила отлученнымъ отъ церкви. Желая убѣдить пал-

*) Посланіе неонцевъ къ Императору Михаилу Палеологу находится въ рукописяхъ во многихъ бібліотекахъ святогорскихъ обителей. Оно напечатано въ изд. И. Ав. Наувъ «Исторія Аеона» оп. Порфирія (см. ч. III, отд. 2, № 5, стр. 622—633), Спб. 1892.—Еп. Порфирій относитъ это посланіе къ 1272 году. Съ болѣе исправнымъ текстомъ помѣщено оно въ книгѣ: Δοχίμιον ιστορικών περί του σχίσματος της Δοτικής Ἐκκλησίας ἀπὸ τῆς Ὀρθόδοξου Ἀνατολικῆς, Καλλίστου Βλαστοῦ ἀγιορείτου. Ἀθήναι. 1896, стр. 97—111.

скихъ посланцевъ въ своей приверженности къ римской церкви, Михаилъ показывалъ имъ заключенныхъ въ темницу и содержимыхъ въ оковахъ за твердость въ православіи, своихъ родственниковъ, Андроника и Іоанна Палеологовъ, Мануила и Исаака Раулей. Послѣднихъ онъ даже ослѣпилъ вмѣстѣ съ другими подвижниками благочестія. Жестокость Михаила усиливалась подозрѣніемъ, что всѣ противники уніи готовы покуситься на низложеніе его съ престола, на который онъ восшелъ чрезъ преступленіе. Но всѣ его старанія и звѣрства были напрасны: онъ ни въ чемъ не успѣлъ.

Во время похода противъ Іоанна Дуки, князя Епирскаго, Михаилъ заболѣлъ и умеръ (въ декабрѣ 1282 г.) въ лагерь близъ города Верріи, не присоединенный къ церкви западной и отлученный отъ церкви восточной. Общее негодованіе за его жестокости и отвращеніе были такъ велики, что находившійся при немъ сынъ его Андроникъ не посмѣлъ совершить надъ нимъ царскаго погребенія, а велѣлъ ночью похоронить его въ близъ лежащемъ монастырѣ. А вдовствующая Царица Θεодора принуждена была обнародовать *исповѣданіе*, которымъ обѣщалась предъ церковію никогда не поминать усопшаго супруга своего Михаила *).

Такъ закончились старанія императора Михаила Палеолога. Къ этому времени относится и помѣщаемая ниже повѣсть о нашествіи на Аѳонъ папистовъ.

*) Исповѣданіе это напечатано еп. Порфиріемъ въ его книгѣ: «Исторія Аѳона», изд. И. А. Наука (см. ч. III, отд. 2, стр. 644—645), Спб. 1892. А русскій переводъ его см. тамже, ч. III, отд. 1, стр. 113—114. См. также въ упомянутой книгѣ—*Δοχίμιον ἱστορικόν... Καλλιέτου*. Ἀθῆναι, 1896, стр. 113—114. О смерти Михаила см. «Страницы» 1889 г., т. 2, стр. 179—181.

Повѣсть о нашествіи папистовъ на святую гору аеонскую *).

Въ царствованіе греческаго царя Михаила Палеолога, латиняне, имѣя большое войско, завоевали у грековъ много городовъ и сель. Въ то же время болгары вѣзали дань съ греческой имперіи, и не жили въ мирѣ съ греками изъ за разныхъ спорныхъ вопросовъ. Находясь въ критическомъ положеніи, греки обѣщали удовлетворить всѣмъ требованіямъ болгаръ, только бы тѣ имъ помогли противъ латинянъ. Царь болгарскій Кало-Іоаннъ пришелъ на по-

*) Изъ рукописи зографской на славянскомъ языкѣ. Повѣсть эта была напечатана въ книгѣ: «Рай мысленный». Изданіе Валдайскаго Іверскаго монастыря (7167 г. окт. 28). И здѣсь событіе это обозначено 1276-мъ годомъ (см. стр. 19—34), т. е. согласно съ зографскою рукописью. Въ этомъ же видѣ повѣсть сія извѣстна была и Барскому (см. наше изд.: «Второе посѣщеніе святой Аеонской горы Вас. Григ. Барскаго». Спб. 1887. 317—319), однако хронологія этого событія у него показывается неправильно. На русскомъ языкѣ повѣсть эта напечатана въ «Холмскомъ календарѣ» на 1886 г. (Кіевъ). О подвигахъ страдальцевъ есть извѣстіе и въ посланіи Прота къ великому князю Василію Васильевичу, писанномъ около 1441 года. О зографскихъ мученикахъ здѣсь сказано, что они за твердость въ вѣрѣ задушены огнемъ въ башнѣ «и выѣвъ мощи тѣхъ во освященіе шпаны». Посланіе это напечатано въ 3-мъ т. «Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи» (Спб. 1865). Зналъ о семъ предметѣ и говорилъ въ своей знаменитой «Палинодіи» и Захарія Копыстенскій и многіе другіе писатели (см.: «Изученіе Византійской исторіи въ древней Руси»—Фл. Терновскаго, вып. 2-й. Кіевъ, 1876, стр. 221 и дал., «Пахомій Сербъ»—Ив. Некрасова, въ Записк. Новороссійскаго Университета, 1871 г., т. VI, стр. 4, «Апокрисисъ» Христофора Филалета, Кіевъ, 1870, стр. 396—399, «Святые южныхъ Славянъ»—Филарета архіеп. Черниговскаго, Черняговъ, 1865, отд. 2, стр. 136—286). О нашествіи на Святую гору еретиковъ—латинъ есть на Аеонѣ сказаніе въ рукописяхъ и на греческомъ языкѣ. Последнее, заимствованное изъ рукописей Московскои Синодальной бібліотеки было напечатано архимандритомъ Дмитралопулумъ въ его книгѣ: «*Ἡ ὁρθόδοξος Ἑλλάς*» (Leipzig, 1872). Такое же сказаніе на греческомъ языкѣ изъ рукописи XVI вѣка, принадлеж. Синайскому монастырю, напечатано еп. Порфиріемъ въ его «Исторіи Аеона» (ч. III, отд. 2, № 6, стр. 634—637). Кромѣ того, объ этомъ событіи говорится и въ книгѣ: «*Σύνοψις τῶν διαφόρων ἱστορίων*» ('Ενετίσιμ, 1806), что будто бы на Святую гору явился со своимъ насліемъ самъ папа Николай, преемникъ папы Евгенія, при которомъ состоялся извѣстный Флорентійскій соборъ. Здѣсь передается и самый актъ соединенія церквей, совершившагося на этомъ соборѣ. Въ числѣ подписей подъ сѣмъ актомъ, есть подпись и какого-то епископа іеромонаха и мѣстоблюстителя великой Лавры Святой горы. А о Михаилѣ Палеологѣ говорится только то, что онъ принялъ латинство (олатинился), и болѣе ничего (см. стр. 399, 484, 534, 535 и 538). Что на Флорентійскомъ соборѣ были дѣйствительно депутаты и отъ святой горы Аеонской—см. «Исторія Флорентійскаго собора» (стр. 34, М. 1847).

мощь грекамъ, овладѣлъ Фригіей и освободилъ грековъ отъ латинянъ. Эту побѣду оба царя отпраздновали съ великимъ торжествомъ. Послѣ этого греческій императоръ, не желая удовлетворить требованіямъ болгарскаго царя, посягнувъ на его жизнь, но Кало-Іоаннъ избѣгнувъ отъ всѣхъ козней Палеолога и ушелъ въ свою землю. Усмиривъ случившееся тогда въ его царствѣ возстаніе, Іоаннъ ожидалъ благопріятнаго случая отмстить коварному и беззаконному царю Палеологу. Улучивъ время, онъ вторгнулся съ большимъ войскомъ въ предѣлы греческой имперіи, разорилъ немало городовъ, жителей увелъ въ плѣнъ и опустошилъ области: Пропонтиду, Фракію, Македонію, Фессалію, Елладу даже до Пелопонеса. Греческая имперія находилась тогда въ жалкомъ состояніи. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, Михаилъ Палеологъ отправилъ пословъ въ Италію (къ папѣ) съ замѣчательными письмами, которыя, между прочимъ, гласили: „во всемъ, сдѣланномъ вамъ болгарами, мы невиновны, поелику все это было сдѣлано ими произвольно; да и мы находимся въ страхѣ отъ нихъ. Слѣдуя римской церкви, мы и прежде не отказывались вѣровать, исповѣдывать и мыслить такъ, какъ и вы. Просимъ васъ, приидите на помощь къ намъ, единомыслящимъ съ вами, такъ какъ мы погибасмъ отъ этихъ мерзкихъ варваровъ — болгаръ. Если не поспѣшите къ намъ на помощь и не заступитесь, то имя наше истребится на землѣ, вы же будете наказаны отъ Вседержителя Бога за нашу гибель.“ Когда послы достигли Италіи, всѣ западные государи-католики ополчились и рѣшились идти въ Константинополь не столько на помощь, сколько на гибель „единомыслящему съ ними“ Михаилу Палеологу. На пути въ Константинополь они устремились на Аѳонскую гору, названную Святой, и стали преслѣдовать находящихся на ней. Прежде всего они пришли въ Лавру св. Аѳанасія и предложили

находящимся въ обители инокамъ присоединиться къ ихъ вѣрѣ и войти въ общеніе съ ними. Монахи, испугавшись и ложно толкуя Апостольское изреченіе: „дадите мѣсто гиѣву,“ согласились чрезъ одного изъ отлученныхъ священниковъ присоединиться къ нимъ, чѣмъ и освободили обитель. Впослѣдствіи они были обличены Богомъ и наказаны. Но мы, не желая укорять обители, умолчимъ объ этомъ. Латиняне же пошли въ Иверскую Лавру и просили находящихся въ ней иноковъ соединиться съ ними. Но иноки этой обители не соизволили на это и, обличивши нечестивцевъ, предали ихъ проклятію, по Апостолу, за нововведенія. Беззаконные же, услышавъ это, пришли въ ярость, вывели всѣхъ съ безчестіемъ изъ обители и, посадивъ старѣйшихъ на монастырскій корабль, вмѣстѣ съ нимъ потопили ихъ. Такъ эти блаженные иноки, за неповиновеніе беззаконникамъ, приняли вѣнецъ исповѣданія и мученичества. Болѣе же молодыхъ иноковъ, родомъ иверянъ (т. е. грузинъ), вмѣстѣ съ монастырскимъ имуществомъ они, достойные іудовой участи и подобные ему нравомъ,—отослали въ плѣнъ въ Италію, гдѣ совлекли съ нихъ иноческую одежду и продали іудеямъ. Уйдя изъ Иверской лавры, латиняне пришли къ Ватопедской обители. Въ ней они нашли только больныхъ и престарѣлыхъ, которые, будучи спрошены ими о прочихъ инокахъ, отвѣчали: „въ дебрѣхъ и чашахъ укрываются, чтобы сохранить вѣру и не оскверниться съ богомерзкими.“ Умертвивъ этихъ святыхъ исповѣдниковъ, латиняне тотчасъ устремились въ окрестности монастыря и, найдя пастоятеля и остальныхъ иноковъ, ласково убѣждали сдѣлаться единомысленными съ ними. Но пастоятель сказалъ имъ: „лучше Христу угодить, чѣмъ антихристу;“ они же спросили: „развѣ мы не Христовы, а антихристовы?“ Святой отвѣчалъ: „да, потому что всякій, сопротивляющійся Евангелію Христову,

есть антихристъ, и нынѣ онъ-то и помогаетъ вамъ. Какое можетъ быть отношеніе свѣта къ тьмѣ? во вѣкъ мы не присоединимся къ ней.“ Духоборцы, слыша все это, затыкали свои уши и не только не убѣдились въ истинѣ православной вѣры, но даже простерли свои незаконныя руки на хранителей закона и повѣсили всѣхъ ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нашли. Съ тѣхъ поръ и понынѣ это мѣсто называется „Фурковуни,“ т. е. висѣличная гора. Затѣмъ латиняне перешли на другую сторону горы и достигли обители св. Великомученика Георгія, именуемой Зографъ. Иноки этой обители были наставляемы въ это время преподавѣйшимъ игуменомъ Ѳомою, который нѣсколькими днями раньше узналъ, какъ о нашествіи на Святую гору мерзкихъ еретиковъ, такъ и объ имѣющихъ быть отъ этого нашествія несчастіяхъ, изъ слѣдующаго чудеснаго происшествія. — Одинъ добродѣтельный старецъ жилъ въ виноградникѣ выше сказанной обители на разстояніи получаса ходу отъ нея, по направленію къ юго-западу. Этотъ старецъ имѣлъ у себя для келейныхъ молитвъ икону Пресвятыя Богородицы, предъ которою, совершая ежедневное кажденіе, читалъ акаѳистъ (называемый греками „херетизмы,“ отъ чего и мѣсто это называется „Херово“). И вотъ, когда богомерзкіе римляне напали на Святую гору съ злодѣйскою цѣлю и уже вышли изъ кораблей на берегъ, — этотъ богоугодный старецъ, стоя на обычной молитвѣ предъ иконою Пресвятыя Богородицы и произнося: „радуйся,“ услышалъ отъ святой иконы слѣдующее: „радуйся и ты, старче! поскорѣ бѣги отсюда, чтобы не постигло тебя несчастіе. Возвѣсти братіямъ обители, чтобы заперлись, потому что богопротивные римляне напали на это Мною избранное мѣсто и уже находятся близко.“ Старецъ же, упавъ предъ иконою Богоматери на землю, сказалъ Ей: „какъ я могу, Владычице, оставить здѣсь Тебя мою За-

ступниду?“ На это голосъ отъ иконы отвѣчалъ ему: „не заботься обо Мнѣ, но иди поскорѣй.“ Когда онъ пошелъ къ монастырю возвѣстить слышанное имъ, тотчасъ двинулась съ своего мѣста неисповѣдимою силою и неизвѣстнымъ образомъ св. икона и, обогнавъ старца, прежде пришла въ монастырь и стала надъ монастырскими воротами. Старецъ, пришедши въ монастырь и увидѣвъ св. икону надъ монастырскими воротами, ужаснулся и разсказалъ всѣмъ о бывшемъ ему откровеніи. Иноки, увидя икону Пресвятыя Богородицы и услышавъ о такомъ преславномъ чудѣ, прославили Бога и Его Пресвятую Матерь.

Игумень, узнавъ изъ этого откровенія объ ожидающемъ ихъ несчастіи, началъ учить своихъ иноковъ, чтобы они были тверды и не боялись, говоря: „отцы и братія! которые Духомъ Божиимъ водятся, тѣ сыны Божіи. Поелику вы не приняли духа рабства въ боязнь, но приняли Духа сыноположенія. Если мы чада, то и наслѣдники, наслѣдники Бога, сонаслѣдники Христа; если за Него страдаемъ, то и прославимся съ Нимъ, ибо уповаю, что нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ.—Это же, согласно съ Апостоломъ, и я говорю вамъ: которые изъ васъ неустрашимы и готовы къ мученичеству, тѣ пусть остаются со мною въ обители; тѣ же изъ васъ, которые боятся мученія, пусть возьмутъ церковные сосуды и удалятся съ ними, пока не пройдетъ гнѣвъ еретиковъ, чтобы не впасть въ грѣхъ хулы чрезъ отреченіе отъ своей вѣры.“ Итакъ, тѣ, которые боялись мукъ, скрылись въ дебряхъ, пещерахъ и ущельяхъ горъ. Святой же игумень съ прочими иноками вошелъ въ „пиргъ“ (башню) не изъ боязни, но чтобы воспользоваться временемъ для обличенія беззаконной ереси. Мучители, окруживъ со всѣхъ сторонъ обитель, стали кричать находящимся въ пиргѣ: „отворите

намъ, отворите!“ Но преподобный сказалъ имъ: „мы не знаемъ васъ—откуда вы.“ Мучители отвѣтили: „мы—Христовы рабы и пришли обратить соблазненныхъ на путь истинный.“ Святой же опять сказалъ: „отступите отъ насъ дѣлающіе беззаконія, потому что Апостоль говоритъ: если бы и Ангель съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣстили вамъ, да будетъ анаеема. Кто другаго учителя ищеть?—никто, кромѣ тѣхъ, которые явно безумствуютъ. Вы скажите намъ о своемъ ученіи и, если оно будетъ отъ Бога, мы присоединимся къ вамъ и примемъ васъ, какъ братію; если же не отъ Бога,—то уходите отъ насъ.“ Тогда еретики отвѣчали: „Мы отъ Бога, и въ Господа Іисуса Христа вѣруемъ и святое Евангеліе Его учимъ; посланы же мы отъ блаженнѣйшаго папы римскаго, который есть глава церкви, сказать вамъ безумнымъ непонятное для васъ, чтобы вы поумнѣли и поняли уставы церковные и вѣрно читали въ св. Символѣ, т. е. въ „Вѣрую во единого Бога Отца“..., что Пресвятый Духъ исходить отъ Отца и Сына, и на св. проскомидіи приносили прѣсный, а не квасный хлѣбъ, чтобы священники ваши брили бороды, дабы и этимъ не согрѣшали въ службѣ Божіей, такъ какъ они — женихи церкви *). Если все это исполните, то получите отъ Вседержителя очищеніе, и мы ради вашего покаянія умилосердимся, если же нѣтъ, то беспощадно погубимъ васъ, чтобы вы не занимали напрасно мѣста на землѣ.“ Это и многое другое въ этомъ родѣ говорили еретики. Преподобные же отвѣтили имъ слѣдующее: „Мы хотимъ найти истину и не обращаемъ вниманія на ваши соблазны и безуміе, поелику не боимся и не страшимся вашихъ угрозъ, потому что написано, что бояться нужно одного Бога, а человѣка нечего страшиться, и смѣло говоримъ: никого нѣтъ противъ насъ, если съ нами Богъ,

*) Снеса: Парвовъ. Папскія буллы по грехо-уніатскому вопросу. Сиб. 1888. 6, 7 и др.

Который праведенъ и правду возлюбилъ. Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ въ св. Евангеліи говоритъ: „когда придетъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, тотъ будетъ свидѣтельствовать о Мнѣ“ (Іоан. гл. 15, ст. 26); и опять: „и Я упрошу Отца и другаго Утѣшителя дать вамъ, чтобы былъ съ вами во вѣки Духъ истины; и еще: „это сказалъ Я вамъ, находясь съ вами; Утѣшитель же Духъ Святой, Котораго пошлетъ Отецъ во имя Мое, научить васъ всему и напомнить вамъ, о чемъ Я говорилъ“ (Іоан. 14 г. 25 и 26 ст.).

Эти слова преподобные повторяли нѣсколько разъ для доказательства истины и чтобы заградить уста тѣмъ, которые говорятъ, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына. Ко всему этому преподобные присоединили еще и слѣдующее: „Если же и этому не вѣрите, духоборцы, то научитесь у Крестителя и Предтечи Іоанна, который видѣлъ Св. Духа, сходящаго въ видѣ голубя съ неба и пребывающаго на Сынѣ; видите, что отъ Отца только Духъ исходитъ. Это ученіе содержитъ наша мать—св. вселенская и апостольская Церковь и напалетъ всѣхъ своихъ чадъ тѣмъ, что истекаетъ не изъ Эдема, а изъ Божественныхъ устъ Христа, сказавшаго слѣдующее: „возвѣстите Евангеліе всякой твари; и кто имѣетъ вѣру и крестится, будетъ спасенъ, а кто не имѣетъ вѣры, будетъ осужденъ,“ и еще: „ради этого говорю вамъ, всякій грѣхъ и хула простятся людямъ, а хула на Духа не простится; и если кто скажетъ слово на Сына человѣческаго, простится ему, а кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.“ Поелику Св. Духомъ всѣ Пророки, Апостолы и Учители, будучи научены проповѣди, крестили и научили православной вѣрѣ въ разныхъ концахъ вселенной и передали правовѣрнымъ признавать че-

тырехъ Евангелистовъ: Матѣя, Марка, Луку и Іоанна. Кто же присоединяетъ 5-го евангелиста, тотъ да будетъ проклятъ. „Кто соблазняетъ одного изъ братій, говорить Спаситель, достоинъ мученія,“ а кто всю вселенную соблазняетъ, какъ вы, какое оправданіе тотъ найдетъ, чтобы избѣжать достойнаго мученія? Который изъ 7-ми богоизбранныхъ соборовъ *) говорить, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына, или который изъ нихъ постановилъ правиломъ, чтобы мы приносили опрѣсноки и стригли волосы на бородѣ, какъ вы утверждаете? Будучи исполненъ 7 лукавыхъ духовъ другихъ (въ противоположность 7-ми соборамъ), въ какого Христа ты учишь вѣровать, духоборецъ, и преподаешь не Евангельское, а антихристово ученіе. Но 5-го Евангелиста мы не находимъ, кромѣ Магомета Сарацинскаго, предтечи антихриста, который раньше вашей гибельной ереси произвелъ плевелы. А что касается вашихъ опрѣсночныхъ мертвыхъ жертвъ, то это іудейскій обычай. Но вы скажете: развѣ Христосъ не ѣлъ пасхи, будучи опоясанъ и держа посохъ въ рукахъ по писанію **)? Да, скажемъ мы, Онъ ѣлъ пасху, но упразднилъ ее, какъ обрѣзаніе и многое другое, и потомъ, сидя съ 12-ю учениками, установилъ Свою пасху. Во время вечери Онъ, взявши хлѣбъ и благословивъ, преломилъ и далъ Своимъ ученикамъ, говоря: „примите, ядите, сіе есть тѣло Мое“ и проч. Вотъ истинное таинство. Сказано: взялъ хлѣбъ, т. е. квасный, а не прѣсный, какъ вы противозаконно дѣлаете и служите, и держитесь Аполинаріевой ереси. Брить же волосы на бородѣ мы не научились ни изъ Ветхаго Завѣта, ни изъ Новаго, потому что въ Ветхомъ Завѣтѣ

*) Семь соборовъ—это вселенскіе, на которыхъ была раскрыта въ главныхъ чертахъ вся суть христіанскаго ученія. Вопросомъ о Св. Духѣ главнымъ образомъ занимался 2-й вселенскій соборъ, хотя и раньше это ученіе было довольно полно раскрыто въ сочиненіяхъ св. отцовъ: Афанасія Александрійскаго, Василія Великаго и др.

**) Т. е. по іудейскому обычаю, по которому употреблялся только прѣсный хлѣбъ.

отъ первосозданнаго человѣка, праведниковъ и пророковъ и до Самаго Господа нашего Іисуса Христа нѣтъ объ этомъ никакого постановленія: въ Новомъ же ни Самъ Христосъ, ни Апостолы объ этомъ ничего не говорили, а также ни однимъ изъ св. соборовъ не было постановлено, ни правилами указано, что можно видѣть и слѣпому. Тебѣ же, окаянный духоборецъ, лучше бы не браду, а языкъ отрѣзать, чтобы онъ не изрекалъ хулы и соблазна и не приводилъ бы другихъ вмѣстѣ съ тобою къ гибели; лучше пусть сгниетъ худой членъ, дабы не повредилъ хорошихъ. Не вредятъ волосы на бородѣ, но то, что исходитъ извнутри и изъ лукаваго сердца, а именно: злые помыслы, убійства, прелюбодѣянія, воровство, лжесвидѣтельство и хулы, находящіяся въ вашемъ помраченномъ умѣ, — это, а не волосы на бородѣ, оскверняетъ всякаго человѣка, а тѣмъ болѣе священника.

Жениховъ церкви не много, а Единъ, Который придетъ въ полуночи судить живыхъ и мертвыхъ: живыхъ—православныхъ, мертвыхъ—еретиковъ, каждыаго по его дѣламъ. Просимъ однако васъ, други, познайте истинную православную вѣру, которая есть жизнь и просвѣщеніе нашихъ душъ и слѣдуйте ей такъ, какъ св. Отцы и священные Соборы, принявъ эту вѣру отъ св. Апостоловъ, намъ передали и узаконили въ св. Символѣ, присовокупивъ: „если кто отниметъ или приложитъ къ нему, да будетъ проклятъ.“ А отъ этого грѣха (нарушенія Символа) никто не можетъ разрѣшить преступниковъ и освободить отъ приготовленныхъ имъ мученій. Послушайте, возлюбленные, и перейдите отъ зла къ добру, дабы не подвергнуть своихъ душъ мукамъ вѣчнымъ.

Но для беззаконныхъ католиковъ эти слова блаженныхъ мужей были такъ же непріятны, какъ для волковъ камни изъ пращи; они бросились къ нимъ и зажгли со

всѣхъ сторонъ св. обитель. Причиной всѣхъ этихъ несчастій былъ нарушитель закона нечестивый Палеологъ, но-
вый этотъ Навуходносоръ. Преподобные и Богоносные
Отцы наши, подобно тремъ отрокамъ окруженные пламе-
немъ, стоя на башнѣ (пиргѣ), возсылали молитвы ко Хри-
сту, говоря: „Владыко, Господи Иисусе Христе Боже нашъ,
Единородный Сыне и Слове Божій, давай Себе яко Агнца
непорочнаго на закланіе за родъ человѣческій! Ты, Гос-
поди, изліявый пречестную кровь Свою ради церкви Твоея
и рекій, яко врата ада не одолѣютъ ей, сохрани цер-
ковь Твою отъ волковъ губящихъ ю. Умножи, Господи,
достояніе Твое по всей вселеннѣй отъ конецъ и до по-
слѣднихъ земли; ересь сію низложи силою Пресвятаго Тво-
его Духа; Жребій Пречистыя Твоея Матери соблюди не-
преклоненъ и нерушимъ во вѣки; пребывающія же въ немъ
освяти и прослави съ Тобою, милующія ихъ помилуй;
кровы святыхъ Твоихъ воздвигни во славу Твою и въ па-
мять нашу; и сію молитву отъ устъ нашихъ пріими, яко
кадило благоуханія, и призри на ны, якоже прирѣлъ еси
на жертву Авраамову и на всеожженіе Іефѳаево, и вос-
пріими ны, яко благъ и человѣколюбецъ.“ По окончаніи
молитвы былъ свыше голосъ: „Радуйтесь и веселитесь,
яко мзда ваша многа на небеси.“

Мучители, услышавъ этотъ внезапный голосъ, ужае-
нулись, но мракъ, лежащій на ихъ умственныхъ очахъ, по-
мѣшалъ имъ понять случившееся, такъ какъ Духъ Святой,
Котораго они хулили, не пришелъ разогнать этотъ мракъ.

Блаженные отцы предали души свои въ руки Божіи,
умерли отъ огня въ 1276 году по Рождествѣ Христовѣ, а
по греческой рукописи, находящейся въ Протатѣ *), въ
Иверской и Ватопедской обителяхъ 10 октября 1280 года.
Всѣхъ святыхъ числомъ было 26, изъ нихъ монаховъ было

*) Соборный храмъ всей Святой горы—на Карѣѣ.

22 и 4 мірянина. Имена послѣднихъ нигдѣ не записаны, имена же монаховъ слѣдующія: Ѳома, Варсанофій, Кирилль, Михей, Симонъ, Иларіонъ, Іаковъ, Іовъ, Кипріанъ, Савва, Іаковъ, Мартиніанъ, Косма, Сергій, Мина, Іосифъ, Іоанникій, Навель, Антоній, Евѳимій, Дометіанъ и Пареевій. Изъ нихъ первый, т. е. Ѳома, былъ, какъ сказано выше, игуменомъ и велъ главнымъ образомъ споръ съ богомерзкими латинянами, послѣдній же, т. е. Пареевій — экклессіархомъ, который былъ снесенъ огненнымъ пламенемъ съ башни на землю и не тотчасъ умеръ, но проживши еще 30 дней и рассказавши о всемъ происшедшемъ скрывшимся на время и теперь возвратившимся братіямъ. Онъ предалъ душу свою въ руки Божіи въ 10 день ноября, получивъ вѣнецъ мученической съ прежде пострадавшими братіями.

Послѣ этого незаконные латиняне разсѣялись по всей Святой горѣ, и не скрылись отъ нихъ ни обитель, ни башня, ни келлія и никакое другое монашеское жилище, но все было разрушено, или предано огню, а имущество разграблено. Протатомъ они не въ состояніи были тотчасъ овладѣть и, сдѣлавъ нѣсколько попытокъ, должны были съ большимъ ущербомъ для себя отступить на время. Послѣ же, нечаянно напавъ на стражу, взяли и Протать, при чемъ было ужасное кровопролитіе. Но враги побѣдили многочисленностію и все разрушили и сожгли, не оставивъ никого въ живыхъ. Всепреподобнѣйшаго же Прота, послѣ многихъ истязаній, повѣсили предъ Протатомъ по направленію къ морю, на мѣстѣ называемомъ „Халкосъ.“

Отсюда незаконные латиняне перешли на другую сторону горы — на югъ, гдѣ встрѣтили ихъ иноки изъ Ксиропотамской обители съ вѣтвями въ рукахъ и привѣтствовали ихъ слѣдующими словами: „да будетъ миръ Христовъ съ вами! — Тѣ отвѣчали: „есть и будетъ!“ И тотчасъ вмѣстѣ

съ иноками вошли въ обитель и подарили монастырю часть награбленныхъ богатствъ, назвавши себя ктиторами этой обители. Монахи (о какой соблазнъ!) соединяются съ еретиками, но Богъ призираетъ съ неба на преступниковъ и, во время молитвы при возгласѣ „о архіепископѣ нашемъ, иже въ Римѣ и о благочестивомъ царѣ,“ потрясаетъ землю и то мѣсто, гдѣ стояли недостойные, такъ что стѣны монастырскія съ находящимися въ нихъ зданіями распались на подобіе іерихонскихъ стѣнъ при Іисусѣ Навивѣ. Только одна часть стѣны, и та наклоненная, осталась для доказательства совершившагося послѣдующимъ поколѣніямъ. Жертвой этого землетрясенія были многіе изъ латинянь, которые были убиты павшими стѣнами. Изъ оставшихся же въ живыхъ одни, видя такое знаменательное чудо, со страхомъ и стыдомъ удалились на свои суда, а другіе изъ нихъ покаялись, остались въ горахъ и сдѣлались хорошими иноками. Пристыженные Богомъ, иноки выше сказанной обители, сознавъ свое преступленіе, горько рыдали и, какъ птицы безъ гнѣздъ, бродили по горамъ, не имѣя, гдѣ и голову склонить, поелику обитель была разрушена за ихъ преступленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось, прежде бывшее въ этой обители, чудо въ честь и славу 40 мучениковъ. Чудо это слѣдующее:

Когда былъ устроенъ и прилично украшенъ храмъ принопоминаемымъ и блаженнымъ царемъ Романомъ, призванъ былъ святитель для освященія его. Во время освященія, когда архіерей произнесъ: „во имя св. 40 мучениковъ,“ тогда, о чудо! у подножія св. жертвенника выросло большое растеніе „губа“ съ стеблями и головами, въ видѣ яблокъ числомъ 40, соотвѣтственно 40 мученикамъ. Эта губа, поднявшись въ гору, обвилась вокругъ престола. За такое преславное чудо всѣ возсылали славу Богу и Его св. 40 мученикамъ. Всѣ больные, находящіеся тогда въ

обитатели, исцѣлились, вкушая отъ этого растенія. Извѣстіе объ этомъ чудѣ распространилось по всей вселенной. Больные, приходящіе за исцѣленіемъ, получали его, а тѣ изъ нихъ, которые не могли придти, присылали дары въ обитель, и имъ отсылалась частица отъ этого Богомъ дарованнаго растенія, съѣдая которое, они получали исцѣленіе. Отъ множества народа это растеніе все было истребляемо въ теченіе года, но въ честь и славу 40 мучениковъ, оно опять выросло въ 9-й день марта, когда св. Церковь празднуетъ память ихъ. Чудо этого благодатнаго растенія превосходило чудо овчей купели. Та (купель) исцѣляла одного только входящаго въ нее, а это растеніе исцѣляло всѣхъ и вездѣ, кто только вкушалъ отъ него. Таково и столь благодѣтельно было это чудо. Но издревле ненавидящему добро и врагу христіанскаго православнаго рода—дѣволу прискорбно было видѣть это чудо, и онъ сталъ злоумышлять, пока не привелъ въ исполненіе свое злое намѣреніе. Онъ увлекъ окаянныхъ иноковъ соединиться съ духоборцами, изъ-за которыхъ и чудо прекратилось. Такъ Богъ наказываетъ тѣхъ, кто ненавидитъ истину. Этимъ-то незаконные духоборцы и опрѣсночники воздали богомерзкимъ инокамъ за соединеніе ихъ съ ними, потому что всякая жертва нечестивыхъ непріятна Богу. Если они думаютъ, что будутъ въ числѣ избранныхъ, то Богъ доказываетъ имъ противное, чтобы эти незаконники не превозносились, но посрамились нынѣ, какъ и во второе пришествіе Христова. Православные же, если и страдаютъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, то надѣются воспріять отъ Мздовоздаятеля Христа уготованныя блага, что дѣйствительно и будетъ.

Беззаконный царь Палеологъ, хотя и намѣревался придти на Святую гору и уничтожить на ней православіе, но не успѣлъ ничего въ этомъ, потому что царствованіе его скоро

прекратилось. Иноки, скрывшіеся отъ страха предъ духовборцами, выходили изъ своихъ убѣжищъ, и всякій приходилъ на свое прежнее мѣсто, но, находя свои жилища сожженными и разрушенными, а сожителей убитыми, горько плакали. Тогда Аѳонская гора, подобно Рахили, рыдала о дѣтяхъ своихъ. Да и кто бы, смотря на все тогда бывшее, не заплакалъ? До небесъ доходилъ вопль и рыданіе плачущихъ, которые вмѣстѣ съ Давидомъ произносили слѣдующее: „Боже, пришли иноплеменники (иновѣрцы) на мѣсто, принадлежащее Пречистой Твоей Матери и осквернили Твои святые храмы, положили трупы рабовъ Твоихъ на пищу птицамъ и звѣрямъ, пролили кровь ихъ, какъ воду, вокругъ жилищъ ихъ, и не было кому погребать. Пролей гнѣвъ Твой на людей, хулящихъ Тебя, и на государства, отступившія отъ православной вѣры. Пусть скоро посѣтятъ насъ щедроты Твои, Господи, поелику мы очень обнищали; помоги намъ, Боже, Спасителю нашъ, ради славы Твоего имени, Господи, избави насъ и ради Своего имени очисти грѣхи наши, чтобы не сказали когда нибудь иновѣрцы: гдѣ Богъ ихъ? и чтобы предъ нашими глазами постигла иновѣрцевъ кара за пролитую ими кровь рабовъ Твоихъ. Мы же, Твои рабы, будемъ исповѣдывать Тебя, Боже, во вѣкъ и передавать изъ рода въ родъ славныя исповѣданія и преданія нашихъ отцевъ.“ Такъ плача и горько рыдая, погребали по всей Св. горѣ святыхъ, гдѣ кого находили.

Память пострадавшихъ тогда преподобномучениковъ празднуется вмѣстѣ со всеми святыми, подвизавшимися на Святой горѣ,—въ недѣлю, слѣдующую по недѣлѣ Всѣхъ Святыхъ. Но празднуется и отдѣльно память преподобномучениковъ иверскихъ — въ Иверѣ *), ватопедскихъ — въ Ватопедѣ **), посему справедливо и прилично, чтобы па-

*) См. Маія 13. **) См. Января 4.

мять и нашихъ преподобномучениковъ была празднуема въ нашей обители отдѣльно (говоритъ авторъ этой повѣсти—иннокъ Зографской обители). Ибо, если память одного преподобнаго отца нашего Космы, и жившаго послѣ нихъ,—празднуется надлежащимъ образомъ, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ праздновать память многихъ и жившихъ раньше его. И если на Синаѣ и въ Лаврѣ св. Саввы Церковь празднуетъ память св. отцевъ, пострадавшихъ не по собственной волѣ и не за православіе, а отъ сарацинъ, то тѣмъ болѣе прилично особо праздновать въ нашей обители память нашихъ св. отцевъ, пострадавшихъ отъ еретиковъ латинянъ по собственному изволенію и за православіе. Это и сами братія обители нашей издавна чувствовали и этого желали, да и не могли не желать этого, умильно смотря на оставшіяся частицы сожженныхъ костей ихъ, цѣлуя эти останки, ежедневно проходя мимо пирга, на которомъ эти св. отцы наши, какъ на жертвенникѣ, принесли себя на всесожженіе ради исповѣданія и защиты православныхъ догматовъ св. восточной Церкви нашей и, наконецъ, по временамъ обоняя неизреченное благоуханіе, исходящее отъ мѣста, гдѣ они были сожжены. Ради всего этого всѣ братія, говорю, издревле желали, чтобы память этихъ святыхъ была празднуема въ нашей обители, и желаніе ихъ исполнилось. Когда волею Божіею, сверхъ всякаго ожиданія, наша обитель преобразовалась изъ идиоріема въ общежительную, тогда началось празднованіе памяти этихъ святыхъ, сообразно съ желаніемъ ихъ, которое они высказали въ молитвѣ ко Господу, при послѣднемъ издыханіи въ пламени: „воздвигни, Господи, жилища святыхъ Твоихъ въ славу Твою и нашу память.“

Припадемъ съ сокрушеннымъ сердцемъ къ теплымъ предстателямъ и заступникамъ нашимъ, сего дня празднуемымъ нами, 26 преподобномученикамъ и обратимся умильно къ

нимъ съ слѣдующею молитвою: „О св. и блаженные отцы наши, вы, иже отъ великія любви къ намъ недостойнымъ чадамъ вашимъ, и въ пламени сгораемы, не забываете насъ, но теплыя молитвы возсылаете къ Богу о нашемъ и милующихъ насъ спасеніи, освященіи, прославленіи и о благосостояніи сея св. обители вашей; вы и нынѣ, — предстояще престолу Творца всея твари, Господа и Бога нашего Иисуса Христа, и наслаждающесе неизреченныя Его славы, красоты и лицезрѣнія, — помяните насъ чадъ вашихъ, память вашу творящихъ, и умолите неизреченную Его благодать, да умилосердится надъ слабостью и окаянствомъ нашимъ, да презритъ вся вольныя и невольныя грѣхи наши, да вселитъ въ насъ божественный страхъ Свой, и укрѣпитъ насъ Своею благодатію въ исполненіи иноческихъ нашихъ обѣтовъ и въ твореніи святыхъ и животворящихъ Его заповѣдей и повелѣній, да утолитъ праведный Свой гнѣвъ, на ны движимый; да разсѣетъ покрывающій обитель нашу темный и мрачный облакъ скорбей; да покрываетъ, заступитъ и избавитъ насъ, въ ней живущихъ, и вся повсюду православныя христіаны отъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, отъ всякихъ золь, бѣдъ и напастей нашедшихъ, чаемыхъ и нечаемыхъ; да сохранитъ ны въ мирѣ и тишинѣ и безмятежїи; да даруетъ намъ всякое довольство и изобиліе, яко да теплыми молитвами вашими и сильнымъ предстательствомъ вашимъ и заступленіемъ покрываемы и избавляемы отъ всякихъ бѣдъ и искушеній, въ мирѣ и тишинѣ и довольствѣ, преизобилующе во всякомъ дѣлѣ блазѣ, свѣтло празднуемъ лѣтнюю память вашу, славяще прославившаго васъ Господа вѣчною славою, еяже и мы, смиренныя чада ваша, — молимъ, васъ о достоблаженнѣйшіе отцы наши, — да сподобимся съ вами, въ добромъ покаянїи и благоугожденїи предѣлъ жизни дошедше. Аще и велико есть прошеніе наше, но надѣемся

на благость и неизреченное человеколюбіе Того Самаго Господа, Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, Ему же буди честь, слава и поклоненіе со безначальнымъ Его Отцемъ и Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.“

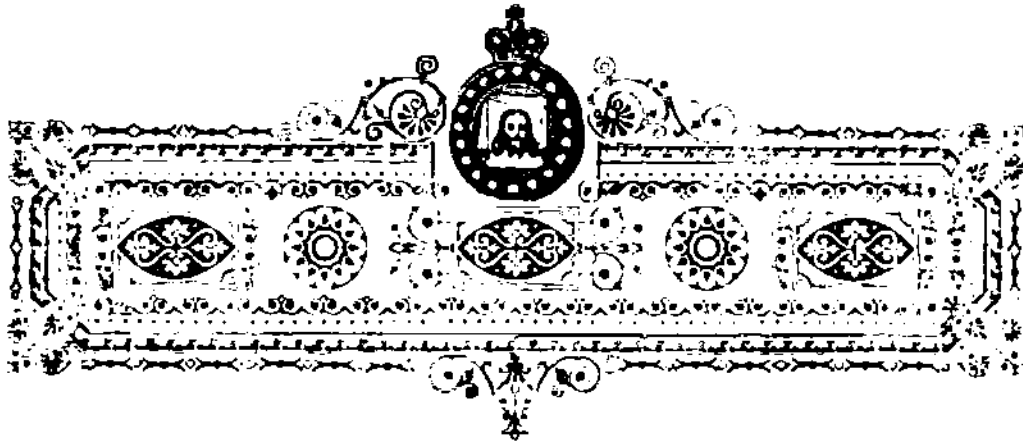
О чудесномъ знаменіи, явившемся надъ соборною церковью Зографскаго аеонскаго монастыря и памятникомъ 26 святыхъ преподобномучениковъ въ день ихъ памяти, 10 октября 1873 года.

Часть башни, въ которой пострадали святые преподобномученики, стояла на своемъ мѣстѣ до 1873 года; но такъ какъ она закрывала собою вновь построенное сѣверное зданіе обители, а также отъ ветхости была близка къ паденію, то необходимо было ее разрушить. Для того же, чтобы не забыть мѣста, на которомъ святые совершили свой мученическій подвигъ и для лучшаго храненія памяти о нихъ, вся братія Зографской обители единодушно выразила желаніе поставить на этомъ мѣстѣ памятникъ. При усердіи братіи, началъ быстро воздвигаться памятникъ, который и былъ оконченъ въ томъ же 1873 году, и всѣ съ радостью ожидали наступленія дня памяти святыхъ, когда намѣрены были освятить этотъ памятникъ. Наконецъ, насталъ канунъ ожидаемаго праздника, и въ соборной монастырской церкви началось всеобщее бдѣніе, по обычаю, въ первомъ часу послѣ захода солнца *). Ночь была тихая и безлунная и освѣщалась только слабымъ свѣтомъ звѣздъ. Въ 6¹/₂ часовъ, въ полночь, когда послѣ

*) На востокѣ 1-й часъ послѣ захода солнца соответствуетъ 7-му часу вечера по европейскому счету времени.

первой каѳизмы на утрени читалось „житіе и страданіе Святыхъ,“ внезапно послышался въ церкви легкій шумъ, и одновременно явился надъ церковью огненный столбъ, освѣтившій обитель и ближайшія мѣста такимъ сильнымъ свѣтомъ, что можно было разглядѣть не только близкіе, но и отдаленные предметы. Этотъ дивный столбъ, постоявъ надъ церковью нѣсколько минутъ, пошелъ къ памятнику и остановился надъ нимъ, а затѣмъ началъ возноситься вверхъ и, наконецъ, превратился въ кругъ, какъ бы вѣнчая собою памятникъ и мѣсто, на которомъ святые преподобномученики совершили свой мученическій подвигъ. Такъ совершилось дивное знаменіе, продолжавшееся до 15 минутъ, очевидцами котораго были многіе изъ братіи и пришедшіе на праздникъ. Видѣвшіе это чудо славили Бога, прославляющаго Своихъ святыхъ, Ему же и отъ насъ да будетъ честь и слава во вѣки. Аминь.

О К Т Я Б Р Я 14.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
ЕВѢИМІЯ,
новаго ессалоникскаго *).**

Приснославный и блаженный отецъ нашъ Евѣимій, во плоти ангелъ и, по исшествіи изъ тѣла своего, съ горными силами о Богѣ ликующій, земнымъ и временнымъ отечествомъ имѣлъ страну Галатійскую, а по высотѣ дѣятельныхъ и созерцательныхъ совершенствъ, справедливо былъ гражданиномъ вышняго Сіона. Нѣкогда божественный Апостоль Павелъ, осуждая галатовъ за удобопремѣняемость мысли и непостоянство нрава, назвалъ ихъ безумными (Гал. 3, 1), но, ради сего блаженнаго, поистинѣ

*) Съ рукопися. По нашимъ мѣсяцесловамъ, память его—октября 15-го, въ четинхъ же мнѣнхъ святителя ростовскаго св. Дмитрія вратниа о немъ замѣчанія находятся подъ 14-мъ числомъ сего мѣсяца. Подъ снмъ же числомъ и въ синаксарѣ Никодима св. Евѣимій показанъ подвижавшимся за св. иконы (ὁ ἅγιος Εὐθὺμιος ὁ νέος, ὁ ἐν Θεσσαλονίκῃ, ὁ ὑπὲρ τῶν ἁγίων εἰκότων ἀγωνισάμενος, τελεῖται): но изъ житія его не видно такихъ подвиговъ. Житіе св. Евѣимія написано ученикомъ его архіепископомъ солунскимъ Василиемъ, причтеннымъ Церковію томе къ лику святыхъ: память его, по греческому синаксарю, февраля 1-го; скончался онъ въ концѣ IX в.; указанный годъ его кончины въ П. Мѣе арх. Сергія—830 г.—невѣренъ, такъ какъ онъ описываетъ въ сказанномъ житіи происшествія 867 г. и далѣе. Полагаютъ, что онъ святительствовалъ въ Солунѣ въ 895—900 гг. (см. „Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια.“ 1897, № 46).

восхвалилъ бы ихъ, какъ постоянныхъ и разумныхъ. Воспитавшее святаго Евѳимія и стяжавшее честь произведе- нія его въ міръ селеніе называется Опсо; оно принадле- житъ галатійскому городу Анкирѣ, пользуется благообразо- ваннымъ воздухомъ, отличается богатствомъ и многолюд- ствомъ и, ради восхваляемаго нами святаго, можетъ называ- ться жилищемъ святыхъ, отечествомъ спасаемыхъ, училищемъ добродѣтели и благочестія. Родители святаго Евѳимія были богаты и праведны, и столько преуспѣвали въ добродѣтели, что не только сограждане, но и далеко жившіе имѣли благую и достолюбезную ревность подражать имъ. Кто видѣлъ ихъ и слышалъ о нихъ, для тѣхъ поистинѣ казалось чудомъ, что они, люди мірскіе, подлежащіе всѣмъ народнымъ по- винностямъ, и потому, конечно, окружаемые многими жи- тейскими заботами и удручаемые иногда горестями, утѣ- шали однакожь, и поощряли другъ друга, и, всецѣло по- свящая себя Богу, никогда не хотѣли сдѣлать даже ма- лѣйшаго уклоненія отъ пути праваго. Они были сострада- тельны, умѣренны, благопокорны, кротки, страннолюбивы, нищелюбивы, а оттого и боголюбивы, и тихи, и милости- вы, и исполнены нелицемѣрной любви, и по этой любви— были всѣмъ вся. Отецъ блаженнаго Евѳимія назывался Епифаніемъ,—тезоименитый божественнаго явленія, свѣт- лый добродѣтели свѣтильникъ, сіявшій нѣкогда ближнему самимъ собою, а нынѣ намъ, далекимъ отъ него жителямъ, сіяющій сіяніемъ сына, котораго онъ возжегъ и явилъ все- ленной, какъ бы нѣкій факель. Мать же его именовалась Анною, которая, бывъ сама пріятелищемъ божествен- ной благодати, исполняетъ и насъ, чрезъ славу сына сво- его, божественныхъ благодатей. Родившись отъ такихъ-то родителей, священный сей и поистинѣ Божій человекъ, славный Евѳимій, отъ самаго рожденія исполнился благо- дати Святаго Духа, и потому, еще прежде совершеннаго

возраста, былъ кротокъ, честенъ, сладокъ въ бесѣдѣ, благочиненъ, благопослушливъ, покоренъ родителямъ, удалялся отъ обычныхъ дѣтскихъ игръ, любилъ часто посѣщать святыя церкви и почиталъ благочестивыхъ сродниковъ своихъ, какъ отцовъ. Великій отецъ нашъ Евѣимій родился въ 6332 г. отъ созданія міра (то есть, въ 824 г. отъ Р. Х.).

Когда святому Евѣимию былъ седьмой годъ отъ рожденія, — великій отецъ его по плоти перешелъ въ нестарѣющую, блаженную жизнь. По смерти остались у него, кромѣ Евѣимія, еще двѣ дочери — Марія и, соименная ему, Елифанія. Мать святаго Евѣимія, какъ жена благоразумная, не сочла приличнымъ ввести въ домъ свой втораго мужа; но, съ другой стороны, такъ какъ ей одной, съ слабыми женскими силами, тяжело было имѣть попеченіе о домѣ и семействѣ, а другаго дитяти мужескаго пола у ней не было, то всю заботу о себѣ и семействѣ своемъ она и возложила на юнаго Евѣимія, который отъ самаго дѣтства показывалъ разумъ не по лѣтамъ. Подчиняясь, однако, постановленіямъ о военной службѣ, она должна была вписать въ воинскіе списки этого возлюбленнаго и единороднаго своего сына, именуемаго тогда Никитою. Имя это, какъ я думаю, дано было ему при рожденіи не безъ Божіаго мановенія: впоследствии онъ имѣлъ получить побѣду надъ врагами видимыми и невидимыми. Итакъ, служба воиномъ, Никита вмѣстѣ съ тѣмъ и для матери своей былъ подпорою во всѣхъ отношеніяхъ: — сыномъ, помощникомъ, попечителемъ, покровителемъ, въ печаляхъ облегчителемъ, въ радостяхъ привѣтствователемъ, заступникомъ, отцомъ, защитникомъ и по преимуществу — мужемъ, такъ какъ онъ воспріялъ на себя всякую заботу о внутреннемъ и внѣшнемъ благосостояніи своего дома. Нашедши, такимъ образомъ, полное въ немъ утѣшеніе, мать его стала заботиться о пріисканіи столь любезному ей сыну достой-

ной невѣсты, чтобы, чрезъ чадорожденіе, продолжить родъ свой и чтобы супруга его помогала ему въ его заботахъ. По строенію Вожію, скоро нашла она дѣвицу, такую же разумную, происходившую отъ родителей богатыхъ и славныхъ, по имени Евфросинію, могшую угодить во всемъ достойному своему супругу, и съ нею сочетала его. Чрезъ нѣсколько времени, родилась у нихъ дочь, которую, въ чаяніи возстановленія своего рода, назвали они Анастасією. Послѣ сего, преподобный, считая родившееся дитя достаточнымъ утѣшеніемъ и матери и супруги своей, рѣшается посвятить себя исключительно на служеніе Богу, то есть, избрать иноческую жизнь,—рѣшается тѣмъ болѣе, что и сестра его Марія, бывшая тогда уже замужемъ, жила въ собственномъ ихъ отеческомъ домѣ. Итакъ, съ большимъ, чѣмъ когда-нибудь, духовнымъ веселіемъ отпраздновавъ праздникъ Воздвиженія честнаго и животворящаго креста, онъ, на другой день, въ память тезоименнаго ему святаго мученика Никиты, положилъ начало добраго своего намѣренія. Притворившись, будто идетъ видѣть пасшагося въ долину своего коня, Никита совершенно оставилъ свою родину и обрѣлъ царствіе небесное, какъ нѣкогда Саулъ, вмѣсто ословъ,—царство израилево. Въ то время Никитѣ было 18 лѣтъ отъ роду, а случилось это въ 842 г. отъ Р. Х. Обшедши многія мѣста, блаженный достигъ наконецъ неприступныхъ высотъ Олимпа, гдѣ посѣтилъ многихъ святыхъ отцевъ, и затѣмъ пришелъ къ великому Іоанникію, просіявшему тамъ ангельскими своими подвигами болѣе всѣхъ другихъ. Въ одинъ день, когда къ сему великому святому, пользы ради, пришли многіе отцы, былъ среди ихъ и этотъ юный его ученикъ. Богоносный отецъ нашъ Іоанникій, прозрѣвая горячее его желаніе монашеской жизни, будущую его славу и преуспѣяніе въ добродѣтели, и то, что, когда онъ сдѣлается инокомъ, по слѣ-

дамъ его пойдутъ многіе иноки, а вмѣстѣ съ тѣмъ, желая обнаружить и другимъ скрывавшуюся въ немъ до того времени добродѣтель, притворно спросилъ сошедшихся къ нему иноковъ,—кто это между ними такой, что, въ образѣ мірекомъ, такъ смѣло обходится съ другими. Когда же всѣ отцы отвѣчали, что не знаютъ,—чудный Іоанникій, съ притворнымъ гнѣвомъ, закричалъ: „этотъ юноша—дурной человекъ и человекоубійца,—возьмите его и свяжите.“ Тутъ отцы стали спрашивать Никиту, подлинно ли онъ убійца. Святой, еще прежде иночества стяжавшій послушаніе и смиреніе, объявилъ себя дѣйствительнымъ убійцею, достойнымъ всякаго наказанія, и потому съ усердіемъ готовъ былъ принять узы. Старцы съ удивленіемъ смотрѣли на юношу. Но великій Іоанникій вдругъ говоритъ: „Оставьте; я обвинилъ его предъ вами, какъ убійцу, только для испытанія. Если и въ юности, и въ мірѣ, не испытывъ еще нашего житія, онъ, ради послушанія, призвалъ себя виновнымъ въ такомъ преступленіи, то какого вида добродѣтели не совершитъ, когда сдѣлается инокомъ!“ Выслушавъ это и ненавидя славу, блаженный удалился оттуда и подчинилъ себя другому старцу, по имени Іоанну, который жилъ далеко отъ того мѣста и тоже былъ славенъ у всѣхъ за добродѣтельную свою жизнь. Этотъ старецъ, съ радостію принявъ его и преподавъ ему уроки о подвигахъ иноческаго житія, скоро облекъ его въ ангельскій образъ и переименовалъ изъ Никиты въ Евѣимія. Потомъ, разумный ученикъ, пробывъ довольно долго у прекраснаго своего наставника и хорошо научившись отъ него безмолвію и подвижничеству, по повелѣнію его, отходить въ киновію, именуемую Писсадинонъ, чтобы, упражняясь въ послушаніяхъ киновіи, еще болѣе научиться ему иночеству отъ старцевъ ея,—такъ какъ жизнь киновійная новоначальнымъ весьма полезна. Игумень обители той, Николай, управлялъ

своимъ стадомъ съ великимъ благоразуміемъ, поручая всякому приличное послушаніе и постепенно возводя учениковъ своихъ къ созерцанію. Принявъ блаженнаго въ свою киновію, разумный этотъ предстоятель сперва назначалъ ему разныя послушанія низкія;—и кто не удивится здѣсь смиренію и терпѣнію святаго Евѳимія? Проходя сіи послушанія, онъ ни разу не возропталъ на сопряженные съ ними великіе труды, ибо считалъ ихъ истиннымъ врачевствомъ для юнаго своего тѣла. Если же когда и приходили ему помыслы объ оставленномъ имъ богатствѣ, о женѣ, о сродникахъ, то онъ противопоставлялъ имъ неложныя слова Спасителя: *иже любитъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Матѣ. 10 и 36), и еще: *всякъ, иже оставитъ отца, или мать, или братію, или жену, или чада Мене ради, сторицею приметъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Матѣ. 19, 29). Случавшіяся же безчестія и поруганія, считая себя достойнымъ всякаго наказанія, онъ принималъ съ великимъ удовольствіемъ, а отсюда, чрезъ безчестіе и христоподражательное смиреніе, сдѣлался выше страстей, изгналъ изъ души своей уныніе, покорилъ себѣ чрево, обуздалъ языкъ, очистилъ слухъ и руки, такъ что преподобно воздѣвалъ ихъ на молитву, и приготовилъ ноги свои, да течетъ невозбранно во дворы Бога нашего. Къ тому же стяжалъ онъ еще и нравъ смиренный, привычку къ продолжительному псалмопѣнію, къ всенощному стоянію, къ непрестанной молитвѣ, къ слезамъ, къ чтенію божественныхъ писаній и частымъ колѣнопреклоненіямъ, къ строгому посту, къ постоянству и твердости мыслей, къ очищенію ума и къ возвышенію его горѣ,—за что и удостоился божественнаго осіянія и просвѣщенія.

Таковы были въ киновіи подвиги божественнаго Евѳимія! Затѣмъ, получивъ отъ Христа Бога милость, обратилъ онъ взоръ свой къ жизни пустынной, не потому, чтобы

избѣгаль послушанія и трудовъ, а потому, что въ безмолвіи желалъ болѣе приблизиться къ Богу и по случаю тогдашняго удаленія изъ обители игумена Николая, уклонившагося отъ соблазновъ, воздвигнутыхъ въ Церкви лукавымъ діаволомъ. По кончинѣ блаженнаго Меодія, при коемъ проклята была гнусная ересь иконоборцевъ, патріархомъ Константинополя сдѣлался священный Игнатій. Такъ какъ онъ терпѣлъ много притѣсненій отъ царскихъ вельможъ, то, утомившись бесполезною борьбою съ неизлѣчимо болящими, добровольно отрекся отъ престола и захотѣлъ лучше бесѣдовать съ Богомъ, безмолвствуя въ своей обители. Блаженный Игнатій управлялъ Церковію только десять лѣтъ. Въ то время разнесся слухъ, что этотъ іерархъ изгнанъ изъ Церкви противъ его воли. Посему многіе отдѣлились отъ его преемника, и между ними былъ упомянутый Николай, по этой причинѣ удалившійся изъ своей обители. Въ Церкви происходило тогда много соблазновъ, не смотря на то, что новый патріархъ былъ православный и сіялъ всеми добродѣтелями. Говорю о блаженномъ Фотіи, который своимъ ученіемъ просвѣтилъ концы вселенной и въ юности много пострадалъ за поклоненіе святымъ иконамъ, котораго жизнь была дивна, а кончина засвидѣтельствована отъ Бога чудесами. Итакъ, да не соблазняется никто происходившими тогда явленіями; ибо какъ божественная благодать заранѣе предустраиваетъ причины великихъ дѣлъ, такъ и отступникъ-діаволъ усиливается или совершенно воспрепятствовать будущему нашему благу, или, по крайней мѣрѣ, омрачить оное. Посему и въ то время старался онъ устранить могущую произойти отъ священнаго Фотія великую для Церкви пользу, но былъ постыженъ, ибо Господь даровалъ Своей Церкви миръ. Итакъ, святой Евѣимій, видя, какъ мы сказали, отсутствіе въ обители пастыря ея, да и самъ притомъ желая безмолвія, рѣ-

шился удалиться на Аѳонскую гору, слава которой достигла и его слуха. Но такъ какъ тогда не дано еще было ему великой схимы, а старецъ его Іоаннъ, облекшій его въ малую схиму, или мантию, уже скончался, то онъ пошелъ къ одному, тоже славному въ Олимпѣ, подвижнику, именемъ Θεодору, и, открывъ ему о своемъ желаніи отправиться на Аѳонъ, принялъ отъ него великій ангельскій образъ. Черезъ восемь дней, взявъ отъ старца своего молитву, святой Евѳимій, послѣ пятнадцатилѣтняго пребыванія въ Олимпѣ, удалился оттуда съ другимъ братомъ, по имени Θεостириктомъ. Движимый чистою родственною любовію, пришелъ отъ сначала въ Никомидію, чтобы узнать тамъ о своихъ родственникахъ: его извѣстили, что они живы, но, по причинѣ удаленія его, скорбны. Получивъ такое извѣстіе, Евѳимій ввѣрилъ одному человѣку св. крестъ, чтобы онъ передалъ его матери, супругѣ и сестрамъ, и объявилъ имъ, что кровный ихъ родственникъ, благодатію Божіею, уже инокъ, именуемый, вмѣсто Никиты, Евѳиміемъ, и что, если хотятъ, пусть и онѣ послѣдуютъ его примѣру. Сначала онѣ удивились таковому его предложенію и плакали, но потомъ, укрѣпленные помощію свыше, сдѣлались инокинями, а имѣніе свое оставили дочери преподобнаго—Анастасіи, выдавъ ее въ замужество. Но обратимся къ подвижничеству преподобнаго на Аѳонѣ; — оно было такъ высоко, что превышало силы человѣка.

Прибывъ на Аѳонъ, божественный Евѳимій съ усердіемъ и радостію вступилъ на узкій и прискорбный путь давно желаннаго имъ безмолвія, и презиралъ необходимо соединенныя съ нимъ тѣлесныя скорби. Такъ какъ Θεостириктъ, не перенося тѣсноты и злостраданія строгой безмолвной жизни, возвратился въ Олимпъ, то святой Евѳимій, на подвижническомъ своемъ поприщѣ, соединился съ нѣкимъ

Иосифомъ, древнимъ аеонскимъ подвижникомъ. Этому Иосифу преподобный сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: „братъ! такъ какъ мы, будучи въ чести, по словамъ Давида, преступленіемъ заповѣдей уподобились несмысленнымъ скотамъ (Псал. 48, 13) и лишились своего благородства, то сочтемъ самихъ себя за скотовъ и, въ теченіе сорока дней, будемъ питаться одною травою, поникши къ землѣ, какъ животныя: можетъ быть, очистившись чрезъ это, мы опять получимъ свою, по образу Божію и по подобію, красоту. Иосифъ привялъ предложеніе преподобнаго, и они сорокъ дней провели въ великомъ злостраданіи отъ жажды и голода, холода и жара. Отъ совершенія сего подвига получивъ, однакожь, немалую пользу, рѣшились они на другой высшій подвигъ, чтобы такимъ образомъ, какъ бы по лѣствицѣ, взойти на верхъ добродѣтели. Святой Евфимій снова предложилъ своему подвижнику: „оставимъ теперь, добрый Иосифъ, злостраданіе житія безпокровнаго, заключимся въ какойнибудь пещерѣ и будемъ оставаться въ ней невѣдомыми отъ всѣхъ другихъ, находящихся здѣсь иноковъ *); положимъ самимъ себѣ въ законъ, какъ бы онъ нисшелъ къ намъ отъ Бога, и опредѣлимъ, чтобъ ни тотъ, ни другой изъ насъ не выходилъ изъ пещеры прежде окончанія трехъ лѣтъ. Если кто изъ насъ въ теченіи этихъ трехъ лѣтъ умретъ, то будетъ воистину блаженъ, какъ человекъ, до конца жизни сохранившій размышленіе о смерти, и гробомъ для него будетъ эта самая пещера. А когда, по изволенію Божію, оба мы пребудемъ живы, — умрутъ, по крайней мѣрѣ, сколько это можно, наши страсти и плотскія пожеланія, и мы измѣнимся добрымъ измѣ-

*) Какъ изъ этого, такъ и изъ другихъ мѣстъ жизнеописанія Евфиміева ясно видно, что святой Евфимій, прішедши съ Олимпа на Святую гору, нашелъ ее не пустынею, какъ думаютъ нѣкоторые; только не видно, какъ въ то время жили на Аеонѣ иноки: въ монастыряхъ ли, или въ слатахъ, или въ пещерахъ.

неніемъ.“ Добрый Іосифъ принялъ и это предложеніе, ибо былъ простъ, нелукавъ, хотя и происходилъ изъ области Армянской *).

Послѣ сего, руководимые Богомъ, они обрѣли одну пещеру и съ усердіемъ заключились въ ней; для необходимой же себѣ пищи, собирали близъ пещеры плоды, — какъ-то: желуди, каштаны, камарню, и этимъ едва поддерживали свою жизнь. Кто достойно опишетъ духовные ихъ тамъ подвиги, — всенощныя ихъ стоянія, непрестанную молитву и непрерывный постъ, по которому можно бы называть ихъ почти безплотными, — строгое, достойное удивленія молчаніе, ибо если о чемъ и бесѣдовали они, то развѣ о молитвѣ и о другихъ какихъ-нибудь душеполезныхъ предметахъ, — постоянныя колѣнопреклоненія, снание на голой землѣ, житіе безъ возженія огня, умерщвленіе плоти, или, такъ сказать, оставленіе и презрѣніе ея, какъ врага, — тѣлесную наготу, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ только по одной обветшавшей одеждѣ, да и та, отъ ветхости и непрерывныхъ подвиговъ, распалась еще въ концѣ перваго года непримѣрнаго такого ихъ подвижничества; — къ этому присоединимъ и безпокойство ихъ отъ множества разнаго рода насѣкомыхъ. Кто же, видя столь великое терпѣніе, поставитъ ихъ ниже мучениковъ? Впрочемъ, Іосифъ, послѣ перваго года, ослабѣлъ и, вышедши изъ пещеры, удалился къ другимъ монахамъ; а святой Евѣимій, оставшись одинъ, вдался еще въ большіе подвиги и непрестанно бесѣдовалъ съ Богомъ. Разсѣдался отъ злобы діаволь, видя такіе подвиги преподобнаго, и сталъ всячески ухищряться, чтобы вытѣснить его изъ пещеры. Сначала онъ наводитъ на святаго уныніе и скорбь объ удаленіи брата, потомъ — боязнь уединенія. Но не получивъ успѣха съ этой стороны, онъ возмущаетъ миръ души пре-

*) Замѣчательная черта области Армянской въ девятомъ вѣкѣ.

подобнаго помыслами гордости: побѣжденный же смиреніемъ святаго и упованіемъ его на Бога и, отчаявшись изгнать его помыслами, исконный этотъ челоуѣкоубійца нападаетъ на него явно, какъ нѣкогда на великаго Антонія, — преобразившись въ варваровъ арабовъ. Эти варвары, въ самый полдень, являются къ преподобному, совершавшему тогда молитву, и повелѣваютъ ему выйти изъ пещеры. А такъ какъ преподобный не хотѣлъ слушать ихъ, то они, связавъ ему ноги, потащили его къ безднѣ, гдѣ, однакожь, благодатию Божіею, прогнаны были съ посрамленіемъ. Потомъ древняя эта злоба преобразуется въ великаго дракона и, устрашая его своимъ свистомъ, думаетъ такимъ образомъ выгнать его изъ пещеры. „Если ты звѣрь,“ сказалъ святой мнимому сему дракону, „то твори, что повелѣлъ тебѣ Богъ; а когда лукавый діаволь, — иди за мною,“ — и демонъ сдѣлался невидимъ. Потомъ злой духъ преобразуется во множество скорпионовъ, которые, наполнивъ пещеру преподобнаго и уязвляя его, причиняли ему лютую боль: но святой, запретивъ имъ, прогналъ ихъ честнымъ крестомъ и молитвою. Побѣжденный такимъ образомъ врагъ болѣе не являлся; священный же Евфемій, оставшись въ пещерѣ безъ искушеній, сталъ подвизаться еще усердиѣ. Такъ кончилъ онъ весь трехгодичный срокъ пребыванія своего въ пещерѣ и, исполнивъ это свое желаніе, исшелъ изъ ней, какъ бы съ неба. Между тѣмъ, въ пещеры давно уже ожидали его подвижники, узнавшіе о немъ отъ Іосифа и горѣвшіе желаніемъ подражать ему. Довольно времени назидавъ ихъ добродѣтельною своею жизнію, святой удался въ Олимпъ, куда призывалъ его честный старецъ Феодоръ, облекшій его въ великую схиму, — чтобы онъ пришелъ туда и взялъ старца съ собою на Афонъ. Съ этою цѣлію, Феодоръ нарочно послалъ къ нему съ письмомъ упомянутаго выше Феостирикта. Съ усердіемъ исполнилъ

преподобный просьбу своего старца, — отправился въ Олимпъ, и оттуда возвратился съ нимъ на Аѳонъ. А такъ какъ Ѳеодоръ, отъ многаго подвижничества слабый и безсильный, имѣлъ нужду въ нѣкоторомъ утѣшеніи, населеніе же Святой горы того не представляло, потому что жилища мірскихъ людей лежали далеко отъ ней, то признательный послушникъ его, святой Евѳимій, отыскалъ ему близъ селеній мѣсто, удобное и для безмолвія и для покоя тѣлеснаго, гдѣ построилъ келлію и съ великимъ усердіемъ служилъ ему въ оной. Это мѣсто называлось Макросина и находилось близъ Провлака. Но и здѣсь Ѳеодоръ, не смотря на усердную о немъ заботливость святаго Евѳимія, впалъ въ жестокою болѣзнь: онъ сталъ страдать задержаніемъ мочи и рѣзомъ въ почкахъ, такъ что, для облегченія своей болѣзни, долженъ былъ обратиться къ врачевнымъ пособіямъ и отправился къ христіанамъ и монахолюбивымъ христіанамъ въ Солунь, гдѣ скоро и почилъ о Господѣ, и погребенъ въ церкви святаго мученика Созонта. Отпустивъ старца своего въ Солунь, святой Евѳимій остался на Аѳонѣ и, въ своихъ подвигахъ, восходилъ отъ силы въ силу. Хотя, привыкши къ уединенію, святой отнюдь не хотѣлъ являться въ міръ, однако, услышавъ объ успеніи своего старца и зная, что надобно почитать отцевъ своихъ и по смерти ихъ, онъ волею-неволею прибылъ въ христіанскій и монахолюбивый городъ Солунь — поклониться на гробъ своему старцу, чтобы, на путяхъ своей жизни, охраняться молитвами его къ Богу. Между тѣмъ, солунскій народъ, давно уже слыша о добродѣтеляхъ святаго и узнавъ теперь о приходѣ его, во множествѣ вышелъ къ нему навстрѣчу, чтобы привѣтствовать его и получить отъ него благословеніе. Такъ какъ и вслѣдъ затѣмъ христіане стекались къ нему толпами, то онъ сталъ скучать, что нарушаютъ его безмолвіе: посему, чтобы и народъ назидать, и самому назидаться въ

безмолвіи, преподобный, облобызавши гробъ Θεодора, вышелъ изъ Солуня и, подобно Симеону Столпнику, взошелъ на столпъ, стоявшій недалеко отъ города. Съ этого столпа училъ онъ всѣхъ къ нему приходившихъ. Пробывъ на столпѣ довольно долгое время, святой многихъ обратилъ къ добродѣтели и жизни монашеской и уврачевалъ отъ долговременныхъ, неизлѣчимыхъ болѣзней, но потомъ снова возжелалъ прежняго безмолвія, потому что умножавшееся стеченіе къ нему благочестиваго народа болѣе и болѣе беспокоило его. Возымѣвъ этотъ помысль, онъ сообщилъ его солунскому архіерею Θεодору, тоже славному подвижнику, и собирався снова удалиться на Аѳонъ. Въ этотъ разъ, убѣжденный блаженнымъ іерархомъ, онъ принялъ рукоположеніе въ діакона, не ради гордости, — ибо и эта гнусная страсть, вмѣстѣ съ другими, поправа была преподобнымъ, — а для того, чтобы удобнѣе приобщаться въ пустыи Пречистыхъ Христовыхъ Таинъ *).

Но и на Аѳонѣ святой Евѣимій пробылъ недолго, потому что тамъ поселилось теперь много монаховъ, которые намѣревались подражать ему; множество ихъ было причиною шума, уподоблявшагося городскому, и беспокоило Евѣимія, — тѣмъ болѣе, что многіе монахи, почитая его, какъ первенствующаго и притомъ священнаго, стали часто дѣлать ему свои посѣщенія. Итакъ, желая избѣжать сего безпокойства, преподобный, съ двумя единомудренными и единомысленными подвижниками — Іоанномъ Коловомъ и Симеономъ, удалился на островъ, называемый Новыхъ (нынѣ святаго Евстратія), тогда еще необитаемый, и тамъ, найдши желаемое безмолвіе, думалъ, что наконецъ обрѣлъ пристанище невозмутимое. Но завистливый діаволъ не могъ

*) Т. е., такъ какъ не посвященнымъ не позволено брать Христовы Таины своими руками, то святой Евѣимій принялъ діаконское рукоположеніе, чтобы ему можно было самому приобщаться въ пустыи запасными Дарами. Агіоритъ Іаковъ.

переносить брани противъ него этихъ трехъ ратоборцевъ и, попущеніемъ Божиимъ, подвигъ на нихъ сарациновъ, которые, приплывъ на двухъ корабляхъ, плѣнили ихъ и хотѣли было увести съ собою. Но Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ чудомъ спасъ преподобныхъ Своихъ. Когда варвары, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, съ веселіемъ и радостію подняли паруса и пустились въ путь, и отплыли отъ острова съ милю, корабль, въ которомъ находились преподобные, вдругъ сталъ какъ вкопанный, никакъ не двигался съ мѣста, тогда какъ другой, въ которомъ находились ничтожныя вещи и нѣсколько книгъ, принадлежащихъ святымъ, плылъ хорошо. Это чудо изумило варваровъ, и одинъ изъ нихъ, понявъ причину такого явленія, говоритъ своимъ товарищамъ: „Ужели мы, глупые, не можемъ понять, что это случилось съ нами за сдѣланное насиліе рабамъ Божиимъ? Если не хотимъ погрузиться въ море, давайте скорѣе освободимъ ихъ.“ Товарищи согласились съ нимъ безъ противорѣчія, и всѣ они, падши къ ногамъ святымъ, просили у нихъ прощенія, которое тогда же и получили; послѣ сего корабль подвигся самъ собою, и они, возвратившись на островъ, дали святымъ полную свободу. Потомъ преподобные стали просить у нихъ и ничтожныя свои вещи, какъ для нихъ необходимыя, но варвары презрѣли ихъ прошеніе и отправились въ свой путь. Но когда отплыли они отъ острова на довольное уже разстояніе, внезапно подулъ противный вѣтеръ и пригналъ ихъ опять къ тому же острову. Изумившись этому чуду, варвары тотчасъ же отдали святымъ все у нихъ похищенное: только одинъ изъ нихъ, взбѣшенный отъ этого возвращенія корабля, схватилъ Іоанна Колова и билъ его, пока не былъ остановленъ товарищами. Тогда святой Евѣимій сказалъ имъ: „Арабы! если бы вы освободили насъ безъ обиды, то мирно достигли бы отечества; а теперь,

нанеши обиду брату, вы обидѣли Бога и скоро узнаете, какъ велико это зло.“ Не солгалось прореченіе святаго. На пути оттуда, встрѣтились они съ военными римскими кораблями, которые отвели въ плѣнъ тотъ самый корабль, гдѣ находился обидчикъ святыхъ, а другой, сверхъ чаянія, спасся. Такъ сохранены были святые, и прославился прославляющій ихъ Богъ; врагъ же діаволь остался посрамленнымъ.

Но такъ какъ есть заповѣдь не искушать Господа Бога и бѣгать опасныхъ мѣстъ (Мате. 10, 23), то преподобные опять перешли на Аеонъ. Впрочемъ, нападеніе варваровъ угрожало имъ и здѣсь, ибо нѣкоторые изъ братій были уже плѣнены ими; оттого каждый изъ оставшихся тамъ, опасаясь подобной участи, избиралъ мѣста безопаснѣйшія. По этой причинѣ преподобный Іоаннъ перешелъ въ такъ называемыя Сидирокавсіи; Симеонъ удалился въ Элладу, а священный Евеимій, съ своими учениками, перешелъ въ Вростаму. Тамъ же, въ Вростамѣ, жилъ тогда и прежній сподвижникъ преподобнаго — Іосифъ, о которомъ мы многократно упоминали, и который потомъ, уже состарѣвшись, почилъ о Господѣ. Многопобѣдное тѣло его видѣли и мы (говоритъ Василій) въ пещерѣ, гдѣ онъ скончался, и поклонились ему; касаясь же его своими руками, весьма дивились, что оно не только оставалось нетлѣннымъ, но, по благодати Божіей, даже источало изъ себя благовонное миро, которымъ помазавшись, мы благоухали до трехъ дней. Это явленіе какъ ни чудесно, но оно весьма истинно, ибо есть много примѣровъ, что, по благодати всеблагаго Бога, потъ подвижающихся ради Его, по смерти ихъ, превращается въ миро. Вожественный Евеимій братіямъ своимъ построилъ келліи, а самъ безмолвствовалъ далеко отъ нихъ, въ глубокомъ рву, — впрочемъ, принималъ всѣхъ къ нему приходившихъ и помѣщалъ ихъ въ келліяхъ бра-

тій; въ числѣ другихъ, принялъ онъ и Онуфрія, славнаго тогда подвижника, и поселилъ его одного, въ особой келліи. Смотри на соборъ этихъ, жившихъ тамъ, блаженныхъ отцовъ, всякій сказалъ бы, что онъ видитъ въ томъ мѣстѣ воплощенныхъ ангеловъ, или людей, ставшихъ ангелами. Между тѣмъ, преподобный иногда посѣщалъ братію и общалъ имъ многое отъ своихъ дарованій, а иногда, горя безмолвіемъ, ходилъ изъ своего рва на Аѳонъ, гдѣ, бесѣдуя одинъ съ однимъ Богомъ, до того очистилъ умъ и сердце свое, что сподобился божественныхъ видѣній и получилъ божественное откровеніе, говорившее ему такъ: „Евѳимій! иди въ Солунь: тамъ, въ горахъ, къ востоку отъ города, найдешь ты вершину, называемую Перистеря, съ источникомъ воды, и увидишь храмъ святаго Апостола Андрея Первозваннаго, древле благолѣпно созданный, а теперь превращенный въ овчарню; — очисти это мѣсто и, для спасенія дѣшъ, преврати въ монастырь: Я помогу тебѣ во всемъ. Не хорошо тебѣ долѣе оставаться въ пустынѣ, въ борьбѣ съ демонами, которые давно побѣжденные твоею добродѣтелью, удалились отъ тебя.“ Услышавъ это, преподобный оставляетъ вершины Аѳона, приходитъ къ братіямъ, жившимъ въ келліяхъ Вростама, и, взявъ изъ нихъ двухъ, — Игнатія и Ефрема, отправляется съ ними изъ Аѳона въ Солунь, гдѣ былъ принятъ христіанами, какъ спешій съ небеси ангель. Прибывъ туда, онъ спрашивалъ о мѣстѣ, называемомъ Перистеря, и о томъ, кто владѣтель его. Нашедши знающихъ то мѣсто, взялъ онъ проводниковъ и, восшедши съ ними на указанную гору, увидѣлъ, сообщенные ему въ откровеніи, ея признаки, открылъ также, на мѣстѣ храма, и овчарню, и возстеналъ, что даже христіанами уничижается священное. Потомъ началъ онъ, съ бывшими при немъ, тщательно разрывать мѣсто и, немного спустя, замѣтилъ все основаніе храма. Находившіеся тамъ

удивились, какъ оправдалось прореченіе преподобнаго, и, убѣдившись этимъ, что есть воля Божія быть тамъ училищу душъ, приняли созиданіе его на свои расходы; такъ воздвигнуть былъ храмъ святаго Апостола Андрея, съ придѣлами,—съ правой стороны—въ честь св. Іоанна Предтечи, а съ лѣвой—во имя Евѣимія Великаго. Но, прежде чѣмъ окончены были священныя эти работы, святой испыталь много трудовъ и вреда отъ завистливыхъ демоновъ, которые не только скрытно злоумышляли противъ работавшихъ, но и явно кричали и, бросая въ нихъ камни, старались отклонить ихъ отъ сего дѣла. Въ одинъ день, они опрокинули лѣса зданія и низринули сверху зодчаго; но такъ какъ онъ, Божіею помощію, остался невредимъ, то всѣ прочіе работавшіе, видя безуспѣшность коварства демоновъ, воодушевились еще большимъ дерзновеніемъ и усердіемъ. Впослѣдствіи, когда зданіе приближалось уже къ концу, демоны, въ одну ночь, поколебавъ лѣвую его сторону, ниспровергли ее всю и надѣялись чрезъ это принудить мастеровъ оставить строеніе. Но такъ какъ, по увѣщанію святаго, павшее снова было тцаніемъ народа благоговѣнно воздвигнуто, то демоны, утомившись, стали строить козни уже самому святому,—старались устрашить его и грозили прогнать оттуда, противъ его воли. Разъ ночью, покушались они умертвить преподобнаго, но онъ, знаменіемъ честнаго креста и молитвою, уничтожилъ ихъ покушеніе. Въ другой разъ, когда преподобный поливалъ огородъ, демоны устремились на него во множествѣ,—но онъ съ дерзновеніемъ сказалъ имъ: „Для чего вы, когда уже вторично умертвилъ васъ Христосъ, дѣлаете зло Его служителямъ? Если дана вамъ отъ Него власть, употребите ее: вотъ, я одинъ среди васъ; а когда никакой власти не дано, удалитесь отъ меня, ибо я до смерти не оставлю этого мѣста.“ Тогда демоны, съ громкими криками, уда-

лились отъ святаго. Такъ, по молитвамъ преподобнаго отца Евѳимія, воздвигнуть былъ и храмъ, и монастырь: это совершилось въ лѣто отъ сотворенія міра 6376, отъ рождества же Христова 868-е, въ первый годъ царствованія Василія Македонянина, индикта 1-го. Нельзя оставить безъ вниманія и тѣлесныхъ трудовъ святаго, какіе предпринималъ онъ при строеніи,—да будутъ и они предметомъ подражанія для людей, удивляющихся его подвигамъ. Ночи проводилъ онъ въ молитвахъ, а дни въ трудахъ, участвуя лично во всѣхъ работахъ. Блаженный уподоблялся мудрому Веселеилу, который, воздвигнувъ скинію Господу, спасъ въ ней множество народа, испедшаго съ Моисеемъ изъ Египта, отъ грѣха и демонской мамоны, и достигшаго небесной земли обѣтованія. Сюда къ преподобному собралось множество, движимыхъ ревностію къ добродѣтели, иноковъ. Пустыня сдѣлалась градомъ: люди всякаго возраста, рода и состоянія, отрекаясь сродниковъ, друзей, міра и предпочитая небесныя блага земнымъ, охотно поручали себя духовному руководству святаго и отеческому его о нихъ попеченію. Такимъ образомъ, вокругъ его — если не совсѣмъ уничтожилось зло, то уменьшилось и замѣнялось процвѣтаніемъ всякаго добра. Какъ древле народъ израильскій, для устройства скиніи, давалъ Моисею все,—такъ и теперь христіане приносили къ преподобному и золото, и серебро, и священные сосуды, — приводили разнаго рода скотъ, дарили плодоносныя земли и вообще все, что требовалось къ созиданію обители и пропитанію подвижающихся въ ней, чтобы они молились о принесшихъ. Видя, что многіе, отрицающіеся міра и приходящіе въ его обитель, были новоначальные и неискусные въ подвижничествѣ, и зная различныя коварства хитраго врага, святыи какъ пастырь добрый, опасался за свою паству, и потому непрестанными и усердными молитвами просилъ Гос-

пода о спасеніи ихъ. И Господь, внимающій молитвамъ Своихъ праведныхъ и творящій волю боящихся Его, соблюдалъ его стадо невредимымъ. Впрочемъ, всегда ожидая нападенія отъ врага, святой, тѣмъ не менѣе, утверждалъ ихъ продолжительными поученіями и говорилъ: „Братіе! врагъ нашъ діаволь, по Писанію, яко левъ рыкая, ходитъ, чтобы, нашедши кого изъ насъ нерадящимъ о спасеніи своемъ, поглотить его: да хранимся же и подвизаемся. Если мы отреклись міра, то отсѣчемъ пожеланія плоти; если мы распяли плоть свою и облеклись въ смерть Господню, то да не увлекаемся удовольствіями плотскими и да ходимъ духомъ; если, для царствія небснаго, облеклись мы въ ангельскій образъ, то да жительствуемъ, какъ Ангелы; если мы дѣйствительно любимъ Господа, то должны хранить Его заповѣди; если мы не хотимъ стяжать славы Его по любви къ небу, то, по крайней мѣрѣ, да убоимся вѣчныхъ мученій. Да работаемъ своими руками, ибо отъ праздности и лѣности мы изнемогаемъ и разслабѣваемъ для творенія добрыхъ дѣлъ, и тогда безплодіе и оскудѣніе бываетъ необходимымъ нашимъ удѣломъ: *не смотряй своего дому, наследитъ вѣтры*, говоритъ премудрый (Притч. 11, 29); а Апостоль Павелъ говоритъ: *аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Сол. 3, 10). Храните смиреніе, любовь, послушаніе къ предстоятелю, имѣйте къ нему вѣру и ничего не скрывайте отъ него: исповѣдуйте сму ваши помыслы, и такимъ образомъ очищайте ваше сердце и умъ, ибо это есть путь спасенія.“ Преподобный напоминатель имъ и о киновіи, какъ свѣтло представилъ ее святой Іоаннъ Лѣствичникъ, и съ такою духовною мудростію училъ ихъ всему полезному. Слѣдующіе говорили, что божественная благодать вдохнута ему Святымъ Духомъ, какъ вдохнута она была святымъ Апостоламъ. Плѣненные богодуховеннымъ его ученіемъ, подчинились ему и мы (то есть,

Василій), постригнись отъ него въ Ормилии, въ храмъ муровожденнаго великомученика Димитрія, и, по назначенію его, сидѣли немного времени въ отшельническихъ его келліяхъ, ибо весьма любили безмолвіе, хотя послѣ, побѣжденные славолюбіемъ, предпочли многомятежную жизнь городскую. Тогда-то, движимые божественною ревностію и поощряемые желаніемъ святаго пастыря, сожгли мы и еретическую книгу Антонія манихея, прельщеннаго монаха, обитавшаго въ Краняхъ.

Здѣсь, изъ многихъ прореченій святаго, я упомяну только о прореченіи его мнѣ, дабы вы узнали, что онъ достигъ высокаго созерцанія, чрезъ которое, получивъ даръ пророчества, предузнавалъ будущее. Когда я былъ постриженъ имъ и пробылъ въ церкви уже три дня,—какъ есть обычай у монаховъ, по постриженіи, оставаться внутри храма до семи дней,—Божій сей человекъ, поистинѣ восшедшій отъ дѣянія къ видѣнію и чрезъ то стяжавшій предвидѣніе будущаго, получивъ вдохновеніе отъ благодати Святаго Духа касательно моей будущности, въ полдень приходитъ въ храмъ и, отведши меня въ сторону, говоритъ: „Василій! хотя я и недостойнъ свѣтосіянія или дара прозорливости, но такъ какъ вы притекли подъ руководство моего достоинства для пользы вашей, то всеблагій Богъ благоволилъ кануть и мнѣ нѣкую каплю благодати, чтобы, провидѣвъ имѣющее случиться съ вами, сказалъ я вамъ полезное ко спасенію. Итакъ, знай, что ты, по любви къ наукамъ, скоро удалишься изъ монастыря, и сдѣлаешься архіереемъ, гдѣ Господь тебя предназначилъ: но тогда поминай и меня, какъ отца твоего, и обитель нашу, и братій.“ Слѣдуетъ здѣсь сказать и о нѣкоторыхъ чудесахъ преподобнаго, чтобы вы знали, какое онъ имѣлъ дерзновеніе къ Богу. Ходя нѣкогда по пустынному мѣсту, я и другой братъ — Іоаннъ, именуемый без-

молвникъ, — были мы въ опасности умереть отъ голода и утомленія: но святойъ внезапно доставилъ намъ пищу, и мы, укрѣпившись, пошли въ свой путь. Въ другой разъ, я и преподобный были далеко отъ обители, — въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Коронія: тамъ объявилъ онъ мнѣ объ удаленіи изъ обители двухъ братій — Іоанна и Антонія, вслѣдствіе ссоры съ братією. Въ Солунѣ, подвизаясь на столпѣ, изгналъ онъ бѣса изъ нѣкоего человѣка, и средствомъ къ тому употребилъ молитву и помазаніе отъ священнаго елея. Выгналъ онъ также бѣса и въ Перистерѣ, изъ монаха Иларіона, который, однакожь, начавъ осуждать святаго, снова подпалъ подъ власть демона. Эти два чуда видѣли мы своими очами. Еще одно чудо совершилъ преподобный на Аѳонѣ: однажды ученики его рѣшились взойти на вершину горы; долго удерживалъ ихъ святой отъ этого дѣла, какъ не имѣющаго для нихъ никакой пользы, но они не послушали его, — пошли; во время пути, вдругъ выпалъ снѣгъ, и они подвергались опасности быть застигнутыми смертію: но чадолюбивый отецъ ихъ, провидя духомъ опасность, поспѣшилъ къ нимъ на помощь, и такимъ образомъ непослушныхъ своихъ учениковъ спасъ отъ холода и голода. Много и другихъ чудесъ сотворилъ святой, но мы для краткости оставляемъ ихъ.

Пасши стадо свое богоугодно 14 лѣтъ и оставаясь неизвѣстнымъ для своихъ родственниковъ 42 года, святой наконецъ дознавъ былъ ими, — какъ Іосифъ своими братіями. Призвавъ ихъ къ себѣ, мужей опредѣлилъ онъ въ свою обитель, а женъ — въ женскій монастырь, который тогда создалъ на купленномъ нарочно для того мѣстѣ, и сдѣлалъ начальницею надъ нимъ сестру свою, названную во святой схимѣ ЕвѢимією. Послѣ сего, оба эти монастыря поручивъ главному смотрѣнію и попеченію солунскаго митрополита Меѳодія и такимъ образомъ освободившись отъ

всѣхъ заботъ, святой Евѳимій опять взошелъ для безмолвія на древній свой столпъ. Но, не нашедши тамъ желаемаго безмолвія, по причинѣ множества приходившихъ къ нему, святой снова удалился на высоты Аэона, гдѣ, однакожь, тоже обезпокоиваемъ былъ приходившими. Предузнавъ наконецъ день своего успенія и желая, по крайней мѣрѣ, провести его въ покоѣ и наединѣ, преподобный, 7-го мая, въ память перенесенія мощей святаго Евѳимія, призвалъ къ себѣ на трапезу бывшихъ съ нимъ братій и, въ обществѣ ихъ отпраздновавъ этотъ день, простился съ ними; а на другой день, никому ничего не объявляя, взялъ, для служенія себѣ, только нѣкоего Георгія монаха, и удалился съ Аэона на островъ, такъ называемый Священный. Тамъ нашелъ онъ одну пещеру, поселился въ ней и, подвизаясь до 5-ти мѣсяцевъ, наконецъ, какъ человѣкъ, послѣ краткой и легкой болѣзни, 15 октября *), почилъ о Господѣ, — и приложился ко всѣмъ святымъ, которыхъ добродѣтелями постоянно украшался. Спустя два мѣсяца послѣ отшествія святаго ко Господу, узнали о томъ иноки обители его Перистеры и, желая имѣть въ немъ своего стража и заступника даже по смерти, послали на островъ тотъ монаха Павла и іеромонаха Власія, чтобы они священныя его мощи перенесли въ обитель. Прибывъ туда, они нашли тѣло святаго въ пещерѣ, гдѣ онъ почилъ, цѣлымъ и безъ всякаго признака тлѣнія, хотя оно лежало тамъ очень долго, и 13-го января перенесли его въ богатый мученическими мощами городъ Солунь **), къ ученикамъ его. Находясь здѣсь, святой, священными своими мощами, чудесно исцѣ-

*) Слѣдовательно, въ нашихъ мѣсяцесловахъ память его обозначена кѣрѣе, чѣмъ въ греческомъ синодаль. Впрочемъ Никодимъ упоминаетъ, что память святаго въ нѣкоторыхъ греческихъ источникахъ указывается и 15 ноября. Годъ кончины препод. Евѳимія — по вычисленіямъ еп. Порфирія — 889-й.

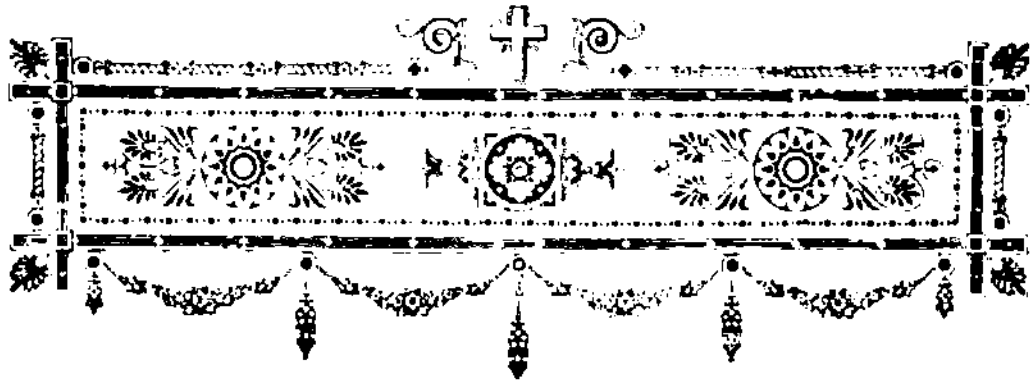
**) По этой причинѣ, святой Евѳимій и называется Фессалоникскимъ, хотя отечествомъ его было совсѣмъ другое мѣсто. — Іановъ.

ляетъ тѣлесныя наши болѣзни, а, святою душою предстоитъ престолу Всевышняго, молить Его о душевномъ нашемъ спасеніи и улучшеніи *).

Молитвами преподобнаго и богоноснаго отца нашего Евѣимія, да избавимся и мы всѣ отъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и да сподобимся царствія небеснаго о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому подобаесть всякая честь и слава, купно со безначальнымъ Его Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

*) Послѣ сего слѣдуетъ обширное обращеніе признательнаго ученика—архіепископа Василія, къ учителю своему, святому Евѣимію, но мы для краткости оставляемъ его.

О К Т Я Б Р Я 20.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
ГЕРАСИМА НОВАГО *).**

Герасимъ, родомъ былъ изъ селенія Трикала, находящагося въ Пелопонесѣ. Онъ происходилъ отъ благочестивыхъ, благородныхъ и богатыхъ родителей, отца Димитрія и матери Кали, по фамилии Нотара. Родъ ихъ существуетъ доселѣ. Когда Герасимъ достигъ возраста, въ который обычно отроковъ обучать грамотѣ, тогда родители отдали его въ училище, гдѣ благонравный и прилежный отрокъ Герасимъ съ большимъ успѣхомъ проходилъ ученіе. По достиженіи совершеннолѣтія, у Герасима явилось желаніе посвятить себя иноческой жизни, а потому, не заглушая въ себѣ гласа, призывающаго его къ тихой и безмятежной жизни, и не откладывая день за день своего призванія, онъ въ то же время отрѣшился отъ міра со всеми его удовольствіями и, оставивши отечество и сродниковъ, удалился на островъ Закинеъ, гдѣ проживши нѣсколько времени и не обрѣвши того, къ чему стремилась и желала

*.) Изъ Νέον Λετρονάριον.

его душа, онъ отсюда отправился въ Елладу. Для пользы душевной обошедши всю ее, онъ удалился въ Фессалію, потомъ въ предѣлы Эвксинскаго Понта и наконецъ посѣтилъ Константинополь, и, осмотрѣвши оный со всѣми его окрестностями, прибылъ въ невозмутимое пристанище—св. Аеонскую гору. Проживши нѣсколько времени на Св. горѣ, онъ принялъ на себя великій ангельскій образъ и въ то же самое время, желая подражать подвижникамъ, сіявшимъ въ то время на Аеонѣ, въ добродѣтельной жизни, онъ, подобно мудрой пчелѣ, обходилъ ихъ келліи, почерпая у нихъ духовное любомудріе и великую душевную пользу. Изучивши дѣломъ добродѣтельную жизнь и укрѣпившись мужествомъ и терпѣніемъ, онъ пожелалъ побывать въ Іерусалимѣ и поклониться святымъ мѣстамъ, по которымъ во дни земной своей жизни шествовалъ божественными стопами Искупитель нашъ Іисусъ Христосъ. Итакъ, взявши у старцевъ напутственное благословеніе, онъ отправился въ Іерусалимъ, гдѣ поклонившись живоносному Гробу Спасителя и другимъ св. мѣстамъ, онъ пожелалъ побывать и на Синайской горѣ; отсюда отправился въ Антиохію, Дамаскъ, Александрію; пройдя весь Египетъ и Варварію, онъ опять возвратился въ Іерусалимъ, гдѣ, по великому своему усердію къ святынь живоноснаго Гроба Господня, сдѣлался здѣсь кандиловжигателемъ *). Блаженный патріархъ Германъ, видя добродѣтельную жизнь Герасима и

*) Да не покажется кому-нибудь страннымъ, что преподобный отецъ нашъ Герасимъ обошелъ столько мѣстъ. Богоносный этотъ человекъ, говорившій съ Давидомъ къ Богу: *свѣтильникъ закона моего законъ Твой, и свѣтъ стеземъ моимъ* (Псал. 118, 105), переходилъ изъ мѣста въ мѣсто отнюдь не вслѣдствіе какого-либо непостоянства, или будто какой нибудь заблудшій: онъ ходилъ по волѣ и манію божественному, — отъ однихъ пользовался, а другихъ самъ пользовалъ. Читай повѣствованіе о преподобныхъ Варнавѣ и Софроніи, которымъ Пресвятая Богородица повѣляла путешествовать три года, чтобы они пересмотрѣли многіе монастыри и въ различныхъ мѣстахъ видѣли монашеское житіе для лучшаго и большаго изученія иноческаго житія. (Состав. сего жизнеописанія). О Варнавѣ и Софроніи повѣсть положена въ *Нѣонъ Асиріотъ*; память ихъ августа 18. Смотри и въ нашей Четьи-Миней житіе святаго Мартиніана февраля 13-го числа.

желая, чтобы она была видима всеми и приносила бы видѣвшимъ пользу, рукоположилъ его въ діакона и потомъ въ пресвитера, и оставилъ при патриаршемъ домѣ.

Съ принятіемъ пресвитерекаго сана блаженный Герасимъ не только не ослабилъ своихъ подвиговъ, но еще болѣе усугубилъ ихъ. Отсюда иногда удалялся онъ для безмолвія на Іорданъ, и здѣсь, къ удивленію, укрѣпляемый Божіею благодатію, возмогъ совершить то, что мы слышимъ о великихъ пророкахъ боговидцѣ Моисеѣ и ревнителѣ Іліи:—онъ, при помощи Божіей, подобно имъ, и по подражанію Спасителю нашему, возмогъ пропоститься непрерывно 40 дней. Этимъ постомъ своимъ преподобный Герасимъ заградилъ уста тѣхъ легкомысленныхъ и малодушныхъ, которые говорятъ, будто были когда то такія чудныя дѣла, но теперь нельзя быть имъ, ибо человѣческое естество изнемогло. Онъ заградилъ уста подобныхъ людей и показалъ великимъ своимъ дѣломъ, что не естество, а произволеніе христіанъ изнемогло, и добродѣтель оскудѣла, для которой укрѣпляется свыше немощная плоть,—такъ что эти паче человѣка подвиги совершаются при помощи Божіей: естество же человѣческое, ни въ какое время само по себѣ, безъ помощи свыше, не было способно совершать ихъ. Но возвратимся къ своему предмету.

Послѣ чудныхъ своихъ на Іорданѣ подвиговъ, божественный Герасимъ возвратился въ Іерусалимскую патриархію, но не могши уже безмолвствовать тамъ по своему желанію, ибо сорокодневный тотъ постъ, кажется, совершенно окрылилъ его божественною любовію, и потому душа его стала искать совершеннаго безмолвія,—выпросилъ у патриарха позволеніе идти, куда наставитъ его Господь. Патриархъ, видя его преуспѣващаго въ высокой иноческой жизни, съ любовію далъ ему благословеніе и отпустилъ его съ миромъ.

Получивъ благословеніе, блаженный Герасимъ отплылъ въ Критъ, но не нашедши здѣсь мѣста сообразно своему желанію, удалился въ Закинеъ. Здѣсь онъ въ одномъ непроходимомъ мѣстѣ, на верху горы нашель пещеру, которую избралъ себѣ жилищемъ. Притомъ, желая подражать древнимъ подвижникамъ, и сей блаженный Герасимъ, какъ достойный ученикъ тѣхъ великихъ мужей, подобно имъ, началъ проводить равноангельную жизнь, не заботясь ни о нищѣ, ни о питіи, ибо, укрѣпляемый подвигоположникомъ Іисусомъ Христомъ, онъ питался только одними зельями, которыя росли на горѣ. И такимъ образомъ одинъ наединѣ съ однимъ Богомъ пробылъ онъ въ этомъ уединеніи 5 лѣтъ. Но Господу Богу угодно было, чтобы сей свѣтильникъ долѣе не скрывался подъ снудомъ, а чтобы горѣлъ въ виду всѣхъ, и видѣвшіе его получали просвѣщеніе своихъ сердець, и чрезъ это прославляли бы Отца Небеснаго. А потому блаженный Герасимъ, по внушенію свыше, оставилъ Закинеъ и, перешедши на островъ Кефалонійскій, поселился на одномъ излюбленномъ имъ мѣстѣ, называемомъ Пещеры.

Кефалонійскіе жители, узнавши о поселившемся на ихъ островѣ подвижникѣ Христовомъ, начали приходить къ нему за благословеніемъ и за совѣтами; число приходящихъ день ото дня увеличивалось все болѣе и болѣе, чрезъ что нарушалось любимое его безмолвіе. А потому онъ, послѣ 11-ти мѣсячнаго пребыванія, удалился въ другое болѣе безмолвное мѣсто, именуемое Омала. Здѣсь блаженный Герасимъ нашель ветхую заустѣлую церковь, которую при помощи островитянъ возобновилъ и назвалъ ее Новымъ Іерусалимомъ. При возобновленной имъ церкви, онъ построилъ себѣ малую келлію и здѣсь пожелалъ остаться навсегда, такъ какъ это мѣсто вполне соответствовало его сердечному желанію. Однако и здѣсь жители

острова не оставляли его въ покоѣ, часто приходя къ нему за совѣтами. А такъ какъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ были дочери, которыя, по любви къ жениху Христу, не пожелали сочетаться бракомъ и жили въ домахъ своихъ родителей, проводя жизнь подобно иноческой, — удаляясь отъ мірскихъ увеселеній и прочаго, то родители таковыхъ дочерей, видя блаженнаго Герасима, сіяющаго добродѣтельною и опытною жизнію, стали убѣдительно просить его, какъ Самимъ Богомъ посланнаго къ нимъ, устроить при церкви для ихъ дочерей монастырь и руководить ихъ въ духовной жизни, бывши имъ и духовникомъ и наставникомъ.

Блаженный Герасимъ, видя усердную просьбу островитянъ, склонился на ихъ желаніе и, будучи движимый божественною любовію и имѣя на это понуждающаго его св. Апостола Павла, который въ посланіяхъ своихъ говоритъ: „никто не ищи своего, но каждый пользы другаго“ (1 Кор. 10, 24), съ особенною ревностію сталъ заботиться о созданіи келлій и всего необходимаго для невѣстъ Христовыхъ. По окончаніи построекъ, въ эту новую обитель собралось ищущихъ спасенія 25 старицъ. Блаженный Герасимъ, какъ опытный и мудрый пастырь, бдительно смотрѣлъ за собраннымъ Богомъ своимъ стадомъ, не допуская до онаго мысленнаго волка, готоваго расхитить и разогнать оное изъ ограды монастырской. Почему часто получалъ ихъ мужественно отражать вражескія козни и терпѣливо переносить скорби и лишенія ради будущихъ благъ.

Проживши 30 лѣтъ въ постоянныхъ трудахъ, бдѣніи, молитвѣ, колѣнопреклоненіи съ долужаніемъ, употребляя въ пищу во все время подвижнической своей жизни, вмѣсто хлѣба одно лишь зеліе, онъ удостоился получить отъ великодаровитаго Бога даръ чудесъ. Начало оныхъ совершилось съ слѣдующаго обстоятельства: Въ одно время случилось въ Кефалоніи бездождіе и засуха. Жители остро-

ва, находясь въ великой скорби, стали просить преподобнаго Герасима, чтобы онъ умолилъ Господа, Котораго они прогнѣвали своими грѣхами, ниспослать имъ дождь. Преподобный Герасимъ, по глубокому своему смиренномудрію, долго отказывался отъ сего великаго дѣла, превышающаго его силы, называя себя грѣшникомъ и не имѣющимъ таковаго дерзновенія предъ Творцемъ Небеснымъ. Но жители, зная его высокую и богоугодную жизнь, слезно умоляли его не скрывать данную ему Богомъ благодать и не утаивать величія даровъ Божіихъ, чрезъ которыя прославляется Отецъ Небесный. Преподобный, видя слезы народа и вполне соболѣзнуя ихъ скорби, преклонилъ колѣна и съ умиленною и смиренною молитвою обратился къ Богу, умоляя прогнѣваннаго Господа, явить Свою милость и не до конца погубить Свое созданіе, но ниспослать на землю дождь. Всесильный Богъ не отринулъ молитву праведнаго мужа, повелѣлъ облакамъ излить на изсохшую землю изобильный дождь и возвеселилъ сердца скорбящихъ людей Своею милостію.

Кромѣ этого чуда преподобный Герасимъ своею молитвою врачевалъ различныя неисцѣльныя болѣзни и изгонялъ нечистыхъ духовъ, жившихъ въ людяхъ. И такимъ образомъ, доживши до старости маститой, онъ приблизился и къ блаженной своей кончинѣ, о которой былъ извѣщенъ за нѣсколько дней до своего преставленія. Въ самый же день своей кончины, онъ призвалъ всѣхъ инокинь — духовныхъ своихъ дочерей и, преподавши имъ благословеніе, сотворилъ за нихъ свою послѣднюю молитву; и его святая душа мирно и тихо отошла ко Господу августа 15-го дня 1579 года на 71-мъ году отъ рожденія.

Спустя два года, по преставленіи преподобнаго Герасима, случилась надобность перенести его мощи въ другое мѣсто. Въ то самое время по дѣламъ церкви былъ въ Ке-

фалоніи намѣстникъ Константинопольскаго патріарха Іереміи, съ благословенія котораго инокини послѣ всенощнаго бдѣнія приступили къ открытію гроба преподобнаго. Когда былъ открытъ гробъ святаго Герасима, тогда всѣ, а въ томъ числѣ и намѣстникъ патріарха Іереміи, увидѣли честное тѣло преподобнаго Герасима цѣло, неврежденно и отнюдь не имѣющее ни малѣйшаго слѣда истлѣнія, и притомъ отъ онаго исходило ароматное благоуханіе *).

Въ то же самое время много совершилось чудесъ отъ святыхъ мощей преподобнаго, которыя не переставали источаться и послѣ этого отъ цѣльбоноснаго гроба угодника Божія.

Изъ числа многихъ таковыхъ чудесъ приведемъ здѣсь слѣдующее:

Одна женщина, одержимая нечистымъ духомъ, пришла въ монастырь, гдѣ погребенъ былъ преподобный Герасимъ, помолиться надъ его гробомъ, въ надеждѣ на его помощь изгнанія изъ нея бѣса. А такъ какъ сія несчастная пришла въ обитель уже въ глубокой вечеръ, то и осталась заночевать до утра въ монастырѣ. Но въ полночь діаволь, жившій въ несчастной, видя скорое свое изгнаніе, захотѣлъ погубить свою жертву, а потому ввергнулъ ее въ колодець, въ намѣреніи утопить оную. Но въ то же самое время вдругъ инокини услышали въ своихъ келліяхъ необычайный голосъ преподобнаго Герасима: „спѣшите, спѣшите скорѣе, бѣснуемая находится въ крайней бѣдѣ и нуждается въ помощи.“ Инокини поспѣшили въ ту келлію, въ которой оставили бѣснуемую, но ее тамъ не было, стали искать по всему монастырю и когда взглянули въ колодець, то къ удивленію всѣхъ увидѣли одержимую бѣсомъ,

*) А патріархъ Константинопольскій Кираллъ въ іюнь 1622 соборною грамотою засвидѣтельствовалъ о нетлѣніи мощей и святости препод. Герасима. См. «Лѣтопись» архим. Арсенія. Сиб. 1880 года.

стоящую ногами на поверхности воды. Когда ее вытащили изъ колодца и стали спрашивать, какимъ образомъ она попала въ колодець и сохранена отъ утопленія, тогда она со слезами отвѣчала: какъ только по дѣйству діавола я упала въ колодець и погрузилась въ воду, то въ это время увидѣла преподобнаго Герасима, который, взявши меня за руку, вынулъ изъ воды и потомъ, бывши поддерживаема невидимою силою, я осталась стоящею поверхъ воды, какъ бы на твердой землѣ, и съ того часа совершенно освободилась отъ мучившаго меня діавола.

Всѣ, видѣвшіе это чудо, прославили Бога, творящаго дивныя чудеса святыми Своими, воздавши достойное благодареніе и угоднику Его преподобному Герасиму, который и понынѣ источаетъ чудеса всѣмъ, съ вѣрою призывающимъ его въ помощь. Преподобный Герасимъ по внѣшнему виду былъ подобенъ святому Θεодосію Киновіарху, только у свят. Герасима борода была немного руса *).

Молитвами преподобнаго Герасима, благодатію же Господа нашего Іисуса Христа, — да сподобимся и мы получить части избранныхъ Его. Аминь.

*) Есть отдѣльно напечатанная служба св. Герасима со сказаніемъ о житіи его.

ОКТАБРЯ ТОГО ЖЕ ДНЯ.

Житіе и страданія святаго новаго преподобномученика И Г Н А Т І Я *).

Святаго преподобномученика Игнатія мѣсто родины было селеніе Эски-Загра, Терновской епархіи, населеннаго болгарами. Отець его Георгій и мать Марія были православные христіане, которые впослѣдствіи изъ этого селенія переселились въ Филиппополь и тамъ отдали Игнатія, названнаго въ св. крещеніи Іоанномъ, учиться грамотѣ. Обладая отъ природы прекрасными способностями, онъ въ короткое время изучилъ свой славянскій языкъ, а для дальнѣйшаго образованія себя въ наукахъ удалился въ Рыльскій болгарскій монастырь, и тамъ поступилъ подъ руководство одного ученаго старца, у котораго пробылъ шесть лѣтъ, изучая разныя науки и вмѣстѣ съ тѣмъ благодушно перенося отъ него разныя оскорбленія, такъ какъ старецъ былъ вспыльчиваго характера. Но однажды, когда старецъ на Іоанна за что-то сильно разсердился, и раздражительность его начала уже было выходить изъ границъ, такъ что жизнь блаженнаго находилась въ опасности, тогда онъ, убоявшись могущихъ быть несчастныхъ послѣдствій, удалился оттуда опять въ домъ своего родителя.

*) Съ рукописи свята св. Предтечи.

Въ то время объявлена была Сербіи Турціей война, во время которой турки, собирая свои войска, увидѣли отца Іоаннова, который былъ высокаго роста и отличался отъ прочихъ атлетическимъ тѣлосложеніемъ и храбростью; на него они обратили особенное вниманіе, предложили ему поступить въ турецкіе ряды, а потомъ обѣщались сдѣлать тысячникомъ, но благочестивый Георгій на отрѣзъ отказался отъ ихъ предложенія, говоря: „не могу идти противъ единовѣрныхъ мнѣ христіанъ,“ за что тотчасъ былъ прободенъ мечемъ, а потомъ обезглавленъ. Жену же его и двухъ дочерей, разными угрозами, принудили отречься отъ Христа и принять мусульманскую вѣру. Іоаннъ, видя такое несчастіе матери и сестеръ, переодѣлся въ другія одежды и укрылся въ домѣ одной благочестивой старицы. Злодѣи, узнавши, гдѣ онъ скрывается, отрядили нѣсколько солдатъ, чтобы поймать его, но, будучи хранимъ Промысломъ Божиимъ, Іоаннъ избѣгъ отъ рукъ своихъ преслѣдователей. Тогда добрая та старица, для безопасности, отправила его во Влахію. Переходя здѣсь изъ одного мѣста въ другое, онъ дошелъ до Бухареста, гдѣ познакомился со св. преподобномученикомъ Евѳиміемъ и сблизился съ нимъ такою тѣсною дружбою, что, казалось, въ двухъ ихъ тѣлахъ была одна душа. Однако свободная бухарестская жизнь повліяла и на его юное сердце, и онъ уже сталъ ощущать въ себѣ опасность впасть въ беззаконія, а потому рѣшился удалиться на св. гору Аѳонъ.

Пробираясь на Святую гору, онъ въ Шумлѣ встрѣтился съ другомъ своимъ, св. Евѳиміемъ, который нѣсколько ранѣе оставилъ Бухарестъ, и здѣсь въ Шумлѣ, какъ сказано въ его жизнеописаніи, отрекся Христа *).

Видя друга своего въ такомъ состояніи, Іоаннъ душевно сожалѣлъ о его несчастіи, однако поспѣшилъ уда-

*) См. Жизнеописаніе св. Евѳимія 21 марта.

литься оттуда, боясь, чтобы и съ нимъ не случилось какого либо несчастія, по случаю бывшихъ тогда военныхъ смуть. Въ то самое время, когда онъ занятъ былъ такими мыслями, въ тотъ домъ, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе, вошло нѣсколько человѣкъ турецкихъ солдатъ и начали грабить все, что только имъ попадалось на глаза. Увидѣвши Іоанна, они съ угрозами подступили къ нему и стали принуждать его отречься отъ Христа. Убоявшись угрозъ, несчастный Іоаннъ согласился отречься отъ христіанской вѣры и имени Господа нашего Іисуса Христа. Турки, повѣривъ Іоанновымъ словамъ, оставили его въ покоѣ, а сами опять занялись прерваннымъ грабежемъ. Тогда Іоаннъ, улучивъ удобную минуту, вышелъ изъ дома и тотчасъ удалился изъ Шумлы, и идя день и ночь, достигъ своей родины Эски-Загра, а отсюда съ однимъ святогорскимъ проигуменомъ Григоріатской обители отправился на Аеонъ, и тамъ поступилъ въ этотъ монастырь. Спустя нѣсколько времени, онъ изъ Григоріатской обители перешелъ въ скитъ св. Анны. Однажды Іоанну, по какому-то дѣлу, случилось быть въ Солунѣ, и тамъ, во время своего пребыванія, онъ увидѣлъ св. преподобномученика Давида, который, за исповѣданіе христіанской вѣры, былъ повѣшенъ на деревѣ.

Подвигъ сего доблественнаго мученика воспламенилъ въ сердцѣ Іоанна огонь божественной любви до того, что у него явилась ревность самому пострадать за имя Христово и принять мученическую кончину. Но, какъ видно, на его желаніе не было еще тогда воли Божіей, устрояющей все своевременно къ нашей пользѣ.

Въ то время случилось въ Солунѣ быть одному святогорскому старцу, который отклонилъ Іоанна отъ его намѣренія, — посовѣтовалъ ему идти обратно во Святую гору, укрѣпить себя духовными подвигами, и тогда уже, если

на то будетъ воля Божія, вступить въ мученическій подвигъ. Выслушавъ совѣтъ добраго старца, Іоаннъ согласился послѣдовать оному и, спустя нѣсколько дней, вмѣстѣ съ симъ добрымъ спутникомъ, прибылъ обратно на Аѳонъ, въ скитъ св. Анны, гдѣ оный старецъ вскорѣ заболѣлъ и почилъ о Господѣ, а Іоаннъ, послѣ его смерти, перемѣстился въ Кавсокаливскій скитъ. Здѣсь онъ узналъ о бывшемъ своемъ другѣ преподобномученикѣ Евѳиміи, который принялъ за Христа мученическую кончину. Порадовавшись благопріятному исходу своего друга и отъ всего сердца вознесши благодарственную молитву къ небесному Отцу, исхитившему заблуждшую овцу отъ хищнаго волка — діавола, онъ и самъ рѣшился слѣдовать по стопамъ преподобномученика Евѳиміа, а потому тотчасъ же отправился въ скитъ св. Предтечи, къ духовнику Никифору (отцу и наставнику Евѳиміа), и усердно сталъ умолять его принять подъ свое духовное руководство. Изъ происшедшаго между ними разговора, Никифоръ узналъ подробно всю прошедшую жизнь Іоанна и согласился принять его къ себѣ въ ученики.

Подъ руководствомъ опытнаго духовника, Никифора, Іоаннъ день отъ дня все болѣе и болѣе преуспѣвалъ въ добродѣтеляхъ, такъ что молитва, бдѣнія и колѣнопреклоненія составляли ему утѣшеніе, а имя Іисусово, которое постоянно царило въ его сердцѣ, сдѣлалось его жизнію. Кромѣ этого, онъ ежедневно прочитывалъ часть священнаго Евангелія, и нѣсколько разъ въ день возносилъ къ Богоматери краткую молитву, прося небесную Ходатаицу сподобить его мученической кончины. Пища же его состояла изъ хлѣба и воды, которые онъ употреблялъ съ воздержаніемъ.

Проводя такую строгую жизнь, духъ его не ослаблялся и не приходилъ въ уныніе, и онъ постоянно былъ веселъ;

притомъ, желая пострадать за вѣру въ Иисуса Христа, онъ во всемъ старался подражать св. Евѳимію, и что только тотъ дѣлалъ до своей мученической кончины,—то всемѣрно старался дѣлать и достойный его подражатель, обращаясь съ частою къ святому своему другу молитвою, дабы онъ споспѣшествовалъ и ему вступить въ великій подвигъ мученичества, и мужественно принять смерть за Христа.

Такіе подвиги и стремленія вооружили противъ него исконнаго врага діавола, который воздвигъ противъ него войну и всячески старался охладить его сердце отъ добродѣтельной жизни. Злобный врагъ открылъ свои дѣйствія съ того, что началъ ему внушать разныя мірскія удовольствія. А однажды изнуренное его тѣло разжегъ блудною страстію до того, что отъ пламени онаго онъ уцалъ на землю и долго лежалъ, какъ полумертвый. Когда же страсть нѣсколько утихла и онъ пришелъ въ себя, тогда разказалъ свосму старцу все, съ нимъ случившееся. Добрый старецъ успокоилъ его и совѣтовалъ не смущаться кознями врага, который ничего не можетъ сдѣлать противъ нашего желанія; и такимъ образомъ, укрѣдивъ его божественными словами, отпустилъ съ миромъ.

Выйдя отъ старца, блаженный подвижникъ зашелъ въ церковь и со слезами сталъ молиться предъ иконою Богоматери, прося Богоневѣсту, явить ему Свою помощь и заступленіе отъ воздвигшей на него діаволомъ блудной брани. Послѣ молитвы, онъ ощутилъ нѣкое благоуханіе, и съ того часа, помощію Царицы небесной, блудная страсть совершенно его оставила.

Наконецъ, приблизилось давно желанное время произвольнаго мученичества подвижника Христова, и какъ созрѣвшій класъ, Іоаннъ еще съ большимъ противъ прежняго желаніемъ хотѣлъ умереть за сладчайшаго Господа своего Иисуса Христа, а потому усиленно сталъ онъ про-

еить благословенія у своего старца вступить въ мученичскій подвигъ, но старецъ не соглашался и всячески отклонялъ его отъ этого намѣренія, что однако огорчало Иоанна, и онъ изъ всегдашняго веселаго настроенія сдѣлался печальнымъ. Опытный старецъ, видя своего ученика въ печали по Бозѣ и въ неизмѣнномъ рѣшеніи умереть за исповѣданіе христіанской вѣры,—изъ этого позналъ волю Божию и, постригши его въ ангельскій образъ съ именемъ Игнатія, благословилъ его на мученическое страданіе, давши ему въ спутники Григорія, который сопровождалъ на мученіе друга Игнатіева, св. Евѣимія.

Вскорѣ послѣ этого Григорій съ Игнатіемъ отправились въ Константинополь. На пути они зашли въ Иверскій монастырь; здѣсь поклонившись чудотворной иконѣ Богоматери Портаитиссы и испросивши отъ тамошнихъ отцевъ о себѣ ихъ молитвъ, отошли въ Лавру, а оттуда 20 сентября отправились на кораблѣ въ Царь-Градъ.

По прибытіи въ Константинополь, Григорій отыскалъ того самого Христолюбца Иоанна, который въ свое время такъ много послужилъ св. Евѣимію. Этотъ благочестивый мужъ съ братскою любовію принялъ ихъ въ свой домъ и, между прочимъ, соизволилъ быть полезнымъ и Игнатію.

Когда насталъ день, въ который Игнатій долженъ вдать себя на мученія, тогда они все пріобщились св. Христовыхъ Таинъ, потомъ одѣли Игнатія въ турецкую одежду, и послѣ краткой молитвы, онъ съ Григоріемъ отправился въ Оттоманскую Порту, но въ этотъ день почему-то въ Портѣ не было присутствія, и Игнатію пришлось ожидать нѣсколько дней, когда оное будетъ. Въ промежутокъ этого времени онъ нѣсколько разъ навѣдывался туда, но всегда возвращался домой съ великою скорбію о своей неудачѣ. Опечаленный такими неудачами, онъ однажды въ полночь обратился съ слезною молитвою къ Богоматери и, стоя

на колѣнахъ предъ св. Ея иконою, умолялъ свою Покровительницу благоустроить ему путь къ мученію. Вдругъ въ этотъ тихій полуночный часъ, произошелъ какой-то шумъ, и отъ иконы Божіей Матери отдѣлился свѣтлый вѣнецъ и самъ собою возложился на главу Игнатія.

На другой день, послѣ этого видѣнія, онъ отправился въ Порту, гдѣ на этотъ разъ было присутствіе, вошелъ въ судилище и, подошедши къ грозному судѣ, сказалъ: Судья! я въ отрочествѣ моемъ, будучи принужденъ угрозами отъ вашихъ турокъ отречься отъ Христа, убоявшись ихъ истязаній, далъ слово согласія оставить христіанскую вѣру, — теперь же пришелъ сюда за тѣмъ, чтобы взять назадъ данное мною слово и засвидѣтельствовать предъ вами Христа моего истиннымъ Богомъ и Творцемъ всего видимаго и невидимаго. Сказавши это, онъ снялъ съ своей головы зеленую повязку и бросилъ ее на землю. Судья, услышавши такое дерзновеніе, съ гнѣвомъ спросилъ святаго:

— Что ты за человекъ? Монахъ или мірской, и кто тебя привелъ сюда?

— Я сюда пришелъ одинъ, отвѣчалъ мученикъ, а путеводителемъ имѣлъ Христа моего, а, быть можетъ, ты не вѣришь, то въ доказательство смотри и убѣдись въ истинѣ моихъ словъ, и, вынувши изъ-за пазухи малую икону Господа нашего Иисуса Христа, которую онъ носилъ на персяхъ вмѣстѣ съ крестомъ, показалъ оную судѣ.

— Оставь глупыя твои слова и опомнись! Знай напередъ, что ты своею непокорностію заставишь меня осудить тебя на тяжкія мученія, а потомъ на безчестную смерть; въ противномъ же случаѣ, мы наградимъ тебя богатыми дарами, произведемъ въ чины, дабы и ты вмѣстѣ съ нами наслаждался удовольствіями въ жизни.

— Дарами твоими и почестями, какъ временными, гнушаюсь, отвѣчалъ мученикъ, а угрозы твои нисколько не

страшать меня, такъ какъ я за тѣмъ и пришелъ сюда, чтобы умереть за Христа моего, Который есть вѣчный и безсмертный Богъ; джепророкъ же вашъ есть учитель погибели, который самъ погибъ, да и васъ вовлекъ въ погибель, и вы, его послѣдователи, будете вмѣстѣ съ нимъ мучиться, если не увѣруете во Христа истиннаго Бога.

Видя смѣлость юнаго обличителя ихъ вѣры, судья закипѣлъ гнѣвомъ и, не сказавши ни слова, далъ знакъ предстоящимъ, чтобы мученика вывели вонъ. Одинъ изъ слугъ схватилъ его и было потащилъ насильно, но мученикъ, оттолкнувъ его, подошелъ къ судѣ, преклонилъ предъ нимъ колѣна и главу и опять началъ обличать ихъ вѣру, и просилъ гнѣвнаго судью обезглавить его. Тогда слуги, взявши его насильно, забили ноги въ колоды и бросили въ темницу; при этомъ мучители насмѣхались надъ вѣрою во Христа и принуждали страдальца увѣровать въ Магомета. Мужественный подвижникъ Христовъ благодушно переносилъ ихъ оскорбленія и насмѣшки и, подобно св. Апостоламъ, радовался, что онъ страдаетъ за святое имя своего Господа (Дѣян. гл. 5, 41).

По окончаніи присутствія, судья приказалъ привести мученика, и когда посланные привели святаго, судья спросилъ:

— Скажи мнѣ: кто тебя привелъ сюда?

— Господь мой Іисусъ Христосъ, отвѣчалъ мученикъ.

— Сынъ мой, опомнись! Не будь настолько упоренъ и гордъ: иначе я вынужденъ буду предать тебя такимъ мукамъ, каковыхъ никто и не слыхалъ; кромѣ того и не думай, что тебя обезглавятъ и что христіане возьмутъ твою кровь, какъ святыню! Нѣтъ, я прикажу тебя повѣсить!

— Обезглавишь ли ты меня или повѣсишь, отвѣчалъ мученикъ, для меня ты окажешь одинаковое благодѣяніе, и я, какую бы то ни было, смерть приму съ радостію за сладчайшаго моего Іисуса.

Видя непреклонность св. мученика, судья приказалъ свергнуть мученика въ одну секретную темницу. Въ этой мрачной темницѣ, безчеловѣчные мучители цѣлыхъ два дня тиравили св. страдальца; но доблѣй мученикъ, бывши укрѣпляемъ Исусомъ Христомъ, за Котораго терпѣливо переносилъ страданія, и на обольстительныя обѣщанія остался непоколебимымъ. На третій день, судья опять приказалъ привести святаго и, когда увидѣлъ, что онъ остается непоколебимымъ въ вѣрѣ въ Исуса Христа, далъ окончательное свое рѣшеніе удавить его. Слуги тотчасъ взяли его и, какъ незлобиваго агнца, повлекли на смерть. Достигши мѣста Пармакъ-капи, здѣсь мучители задушили добровольнаго мученика и повѣсили на деревѣ.

Такимъ образомъ св. мученикъ Христовъ, Игнатій окончилъ жизнь свою за исповѣданіе вѣры во Христа, Котораго нѣкогда по своему малодушію хотѣлъ отречься, мѣсяца октября въ 8-й день 1814 г., въ четвергъ въ 7-мъ часу (по восточному времени), и съ верха дерева, на которомъ онъ былъ повѣшенъ, его чистая и дѣвственная душа отлетѣла въ небесныя обители.

Когда узналъ Григорій о кончинѣ св. Игнатія, тотчасъ отправился на мѣсто казни и издали поклонился св. мученику какъ бы живому, а чрезъ три дня купилъ у палачей его мощи; потомъ взялъ мощи и прежде пострадавшаго св. Евѣмїя, которыя были погребены на островѣ Проти, и 13 октября отбылъ изъ Константинополя, а 20 числа того же октября благополучно прибылъ на Св. гору съ драгоценною ношею. Мощи обоихъ мучениковъ были положены въ новосозданномъ храмѣ, при келліи духовника Никифора.

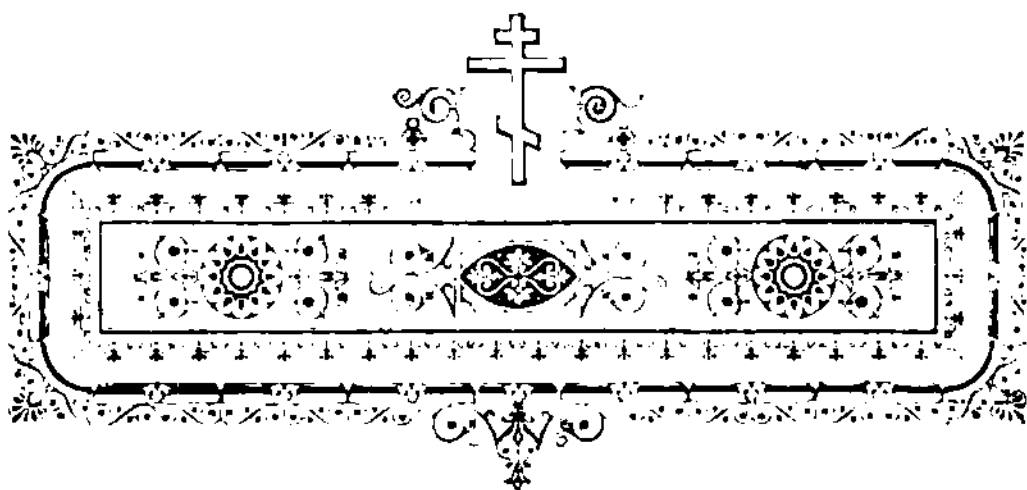
Не должно умолчать и о чудесахъ, которыя совершилъ св. мученикъ Игнатій. Такъ, въ Галатѣ Константинопольской были двое несчастныхъ—больныхъ, одинъ помѣшан-

ный умомъ, а другой разслабленный, и какъ только надѣли на голову больныхъ скуфью *) святаго, сперва на одного, а потомъ на другаго, съ призываніемъ имени преподобномученика Игнатія, тотчасъ разслабленный сталъ здоровъ тѣломъ, а помѣшанный пришелъ въ свой умъ. — Богу нашему слава, прославляющему святыхъ Своихъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Честная глава св. преподобномученика Игнатія находится нынѣ въ Русской на Аѳонѣ обители св. великомученика Пантелеимона. Память его совершается и 1-го мая, вмѣстѣ съ св. преподобномучениками Евѳиміемъ и Акакіемъ.

*) Эту скуфью св. Игнатія купилъ у палачей одинъ монахъ, служившій при церкви Пресв. Богородицы Кингу.

О К Т Я Б Р Я 21.

Житіе и подвиги преподобнаго отца нашего
ФИЛОВЕЯ *).

Земная отчизна божественнаго Филовея, нареченнаго при святомъ крещеніи Теофиломъ, была Хрисополь, что въ Македоніи. Родители его были изъ города Елатіи азіатской. По чувству страха и опасеній со стороны безчеловѣчныхъ турокъ, оставивъ Елатію, удалились они въ Хрисополь, гдѣ скончался отецъ Филовея, оставивъ въ сиротствѣ брата его и его самого. Мать ихъ, проводя скитальческую жизнь въ землѣ чужой, гдѣ не было у ней ни родственныхъ связей, ни пріязни дружества, какъ странница съ своими сиротами, оставалась въ презрѣніи у гражданъ и терпѣла отъ нихъ различныя обиды. Въ такомъ страдальческомъ положеніи, она оплакивала вдовій свой жребій, а дѣти ея—свое сиротство. Въ тогдашнее время турки, при безнаказанности со стороны правительства и при варварскомъ владычествѣ своемъ надъ христіанами, отнимали у нихъ дѣтей, и либо насильно, либо ласками

*) Изъ *Λεως παράδεισος*.

увлекали ихъ въ исламизмъ, дѣлая ихъ такимъ образомъ изъ чадъ божественнаго свѣта чадами тьмы и заблужденій. Въ числѣ прочихъ похищенъ былъ отъ вдовствующей матери и Филофей съ своимъ братомъ и представленъ къ Амирѣ, который приказалъ ихъ бросить въ темницу. Несчастливая мать, заливаясь слезами, плакала то о дѣтяхъ своихъ и вдовствѣ, то объ убожествѣ и совершенномъ пренебреженіи отъ всѣхъ, и все свое утѣшеніе находила только въ чаяніи милости, и заступленія отъ Царицы Небесной, Пресвятой Дѣвы, Маріи Богородицы, къ Которой молитвенно прибѣгала, въ плачѣ и въ страдальческихъ слезахъ, поручая Ей какъ себя, такъ въ особенности дѣтей, и умоляя Ее о спасеніи ихъ отъ козней сатанинскихъ и избавленіи отъ плѣна агарянскаго. Молясь съ вѣрою, она была услышана: дѣти ея чудеснымъ образомъ спасены и выведены изъ темницы. Это произошло слѣдующимъ образомъ: въ одну ночь явилась находящимся въ темницѣ дѣтямъ ея Богоматерь, въ видѣ ихъ матери, и сказала: встаньте, дѣти мои возлюбленные, и слѣдуйте за Мною. Дѣти вскочили отъ радости: между тѣмъ двери темницы растворились сами собою, и Богоматерь, выведши оттуда дѣтей, привела ихъ въ монастырь въ городѣ Неаполѣ, посвященный пречистому Ея имени. Это было во время утрени. Приказавши имъ остаться въ этой обители, Она убѣждала ихъ, чтобъ слушались игумена и братію, а въ заключеніе, повелѣвала принять на себя ангельскій образъ. Я, продолжала мнимая мать, спустя нѣсколько времени, приду къ вамъ: успѣвайте, дѣти, въ подвигахъ духовной жизни, и прощайте! При этихъ словахъ Она благословила ихъ и стала невидима. Послѣ утрени, принимая благословеніе отъ игумена, дѣти рассказали ему о случившемся съ ними, — и тотъ, по вдохновенію свыше, повялъ изъ этого, что они выведены изъ темницы чудеснымъ образомъ. Про-

славляя всемогущество Бога, онъ поручилъ дѣтей одному изъ своихъ старцевъ для обученія ихъ Священному Писанію и правиламъ иноческой жизни. Скоро успѣли они въ духовномъ образованіи, и, согласно сердечному ихъ влеченію и побужденіямъ духа, игумень постригъ ихъ въ иночество и назначилъ имъ должность еkkлeсiаршескую. Безусловное послушаніе, назидательный образъ жизни и видимое преуспѣянiе во всѣхъ родахъ добродѣтелей иноческихъ скоро обратили на нихъ вниманіе всей обители: старцы радовались о нихъ и прославляли Бога. Особенно Теофиль, нареченный въ ангельскомъ образѣ Филоеешъ, отличался безропотнымъ послушаніемъ и дивнымъ смиреніемъ. Между тѣмъ мать Филоея, не имѣя никакихъ свѣдѣній о похищенныхъ и отнятыхъ у нея дѣтяхъ, рѣшилась и сама оставить мiръ и посвятить себя подвигамъ иноческой жизни. Вслѣдствіе сего она оставила Елатію и, по тайному водительство Промысла, удалилась въ тотъ же городъ Неаполь *), гдѣ и вступила въ женскую обитель. Тамъ она скоро приняла постриженіе отъ того самаго старца, который постригалъ ея дѣтей, и наречена была Евдокією. Находясь въ такомъ близкомъ между собою разстояніи, мать и дѣти рѣшительно не знали другъ друга, и въ этой неизвѣстности протекло нѣсколько времени.

Разъ, по случаю храмоваго праздника, въ мужескую обитель, гдѣ подвизался преподобный Филоей съ братомъ своимъ, въ числѣ прочихъ монахинь женскаго монастыря, пришла и Евдокія. Когда кончилась божественная литургія, младшій изъ дѣтей Евдокіи, встрѣтивъ своего брата, занимавшагося должностію еkkлeсiарха, случайно назвалъ его вслухъ по прежнему мiрскимъ именемъ. При имени Теофила, Евдокія вздохнула и, невольно увлекаемая чувствомъ материнской любви, начала всматриваться въ лица двухъ

*) Въ М. Asia.

братьевъ: ея сердце билось невыразимо! Недолго могла она удерживаться отъ внутреннихъ волненій и порывовъ материнской нѣжности: Евдокія подошла къ нимъ, пазвала каждого изъ нихъ по имени, и когда сами братья въ старческихъ ея чертахъ узнали черты незабвенной матери, — тотчасъ упали въ ея объятія и сладко плакали, благословляя Бога, соединившаго ихъ воедино. На вопросъ ея: когда и какимъ образомъ освободились они изъ плѣна, дѣти отвѣчали: ты сама лучше знаешь это; къ чему же любопытствуешь? Не ты ли, исхитивъ насъ изъ рукъ турокъ, привела сюда? И не ты ли велѣла намъ жить въ сей обители, обѣщаясь придти къ намъ? Мать поняла тайны судебъ Вожіихъ: изъ этого убѣдилась она въ особенномъ предстательствѣ Божіей Матери и прославила Ея помощь и дивное спасеніе. На слезы радости и на трогательное свиданіе матери съ дѣтьми ея собралась вся братія и, слыша чудное происшествіе, торжествовала духовно. Съ того времени Евдокія, оставаясь въ обители, до конца подвижническихъ своихъ дней, служила Богу съ большимъ противъ прежняго усердіемъ и славилла особенное предстательство Богоблагодатной Дѣвы Маріи Богородицы, избавившей дѣтей ея отъ нечестивыхъ турокъ, и мирно отошла ко Господу. По ея кончинѣ, и дѣти ея подвизались въ своѣй обители, неукоризненно проходя свое званіе и оставаясь образцомъ подражанія для братства. Между тѣмъ врагъ, всегда завистливый къ подвижническимъ успѣхамъ святыхъ людей и ненавидящій добро, видя Филосея на высотѣ совершенства духовнаго и не имѣя собственныхъ силъ вредить ему, избралъ орудіемъ своего ратованія и козней одну дѣвицу. Несчастливая, Богъ вѣсть по какимъ побужденіямъ сердца, вступивши въ женскій монастырь въ число непорочныхъ агницъ Христовыхъ, имѣла свободный входъ въ обитель, гдѣ подвизался Филосей, — такъ какъ

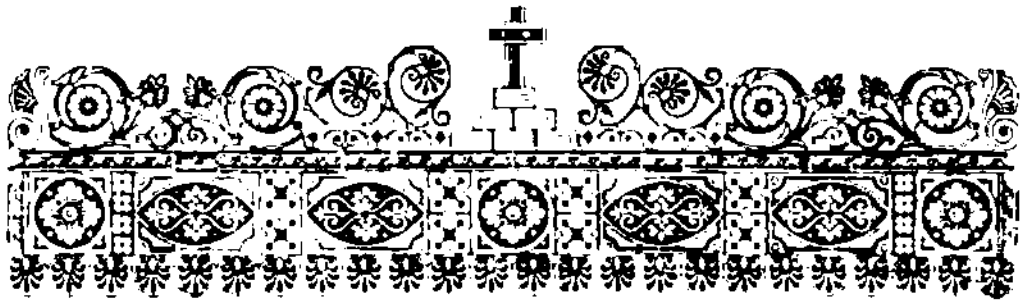
настоятель былъ духовнымъ ея старцемъ, — и постоянно встрѣчаясь съ преподобнымъ, плѣнилась его видомъ, возмущалась преступными движеніями плотскихъ страстей и начала искать удобнаго времени къ приведенію въ дѣйство задуманнаго грѣха. Врагъ съ своей стороны не замедлилъ доставить ей случай къ тому, и бѣдная, въ безстыдствѣ своемъ, рѣшилась не только объясниться въ своей укоризненной страсти къ непорочному Филоею, но и насильно влекла его къ исполненію безпутнаго ея желанія. Напрасно божественный Филоей напоминалъ ей долгъ ея, обѣты ангельскаго образа и страшный судъ Божій за подобное преступленіе: она не только не внимала его убѣжденіямъ, но, видя его непреклонность, какъ древняго Іосифа, безстыднѣе перваго нападала на него, какъ новая египтянка. Сначала Филоей, въ надеждѣ на исправленіе несчастной, скрывалъ отъ всѣхъ укоризненную ея склонность, но впоследствии, видя опасное ея положеніе и не довѣряя своимъ собственнымъ чувствамъ въ ратованіи и брани подобнаго рода, выпужденъ былъ открыться во всемъ игумену, убѣждаясь къ тому немало и тѣмъ, чтобъ не могъ и другой кто-либо впасть въ искусительныя сѣти женской страсти и погубить свой постническій трудъ. Слѣдствіемъ сего было то, что несчастную выслали изъ обители, какъ повинную въ соблазнѣ. Между тѣмъ братія, узнавши цѣломудріе Филоея, дивились твердости его и прославляли его, какъ новаго Іосифа, устоявшаго противу обольщеній преступной страсти. А божественный Филоей, чувствуя съ своей стороны опасность и тлетворныя слѣдствія челоувѣческой похвалы, рѣшился оставить монастырь. Долго игумень противился его намѣренію, но наконецъ, видя непреклонность его мысли, уступилъ ему. Такимъ образомъ, простившись съ братією, и напутствуемый старческимъ благословеніемъ и любовію, онъ радостно пошелъ, подобно

жаждущей лани, на святую гору Афонскую, какъ въ небурное и тихое пристанище. Тамъ, по прибытіи своемъ, онъ прежде всего поступилъ въ число братства Діонисіатскаго монастыря, какъ новоначальный, и все роды послушанія проходилъ съ безусловною готовностію и усердіемъ, такъ что братія и настоятель не могли нарадоваться ангельской его жизни, благодаря Бога за дарованіе имъ такого брата. Протекло такимъ образомъ довольно много времени; Филофей, чувствуя необходимость безмолвія послѣ многолѣтнихъ трудовъ послушанія, рѣшился удалиться въ какую-нибудь изъ сосѣдственныхъ пустынь. Чтобъ не было со стороны обители препятствія къ исполненію давняго и сердечнаго желанія, онъ притворился глухонѣмымъ, слѣдствіемъ чего и было то, что ему позволили вести себя такъ, какъ угодно было ему самому. Тогда-то, удалившись изъ обители, онъ погрузился въ невозмутимую тишину пустыни, отстоявшей на шесть стадій отъ обители, и, исключительно посвятивъ себя молитвеннымъ подвигамъ, хранилъ строгій постъ, часто по цѣлой недѣлѣ ничего не вкушалъ, а если и вкушалъ когда, то лишь хлѣбъ съ водою. При такихъ подвигахъ и строгихъ лишеніяхъ плоти, какъ и прежде, онъ не избѣгъ упорной брани и искусовъ завистливаго сатаны, который, не надѣясь увлечь его въ сѣти адскаго своего ловительства обыкновенными средствами, рѣшился ринуть его со скалы въ пропасть, и такимъ образомъ положить конецъ его подвигамъ. Для этого сатана принялъ жалкій видъ человѣка, потерпѣвшаго кораблекрушеніе. Явившись на одной изъ сосѣдственныхъ прибрежныхъ скалъ, онъ жалобно кричалъ и умолялъ преподобнаго сойти и помочь ему въ бѣдственномъ его положеніи. Не подозрѣвая тайныхъ покушеній врага, преподобный, тронутый несчастіемъ мнимаго человѣка, спустился къ нему, желая знать, чего онъ хочетъ, и едва только приблизился къ

нему на отвѣсный край скалы, сатана ринуть его въ пропасть, но не успѣлъ въ своемъ чаяніи. Богъ сохранилъ раба Своего совершенно невредимымъ. Вслѣдъ затѣмъ напали было на преподобнаго разбойничавшіе на морѣ турки: при видѣ ихъ, ученики святаго (ихъ было трое) въ испугѣ скрылись въ лѣсъ, а преподобный, безъ смущенія и боязни оставаясь въ келліи, перекрестился, воздѣлъ руки свои къ небу и молилъ Господа, чтобъ Самъ Онъ, спасшій Израиля отъ рукъ Фараона, спасъ и его съ учениками отъ разбойническаго нападенія. Едва только кончилъ онъ молитву свою, море разыгралось, и турки, видя опасность своихъ кораблей, готовыхъ разбиться о прибрежныя скалы, бросились на нихъ и скрылись изъ виду. Снова спасенный такимъ чуднымъ образомъ отъ опасности, преподобный Филоеѣй усерднѣе прежняго подвизался съ учениками и такъ угодилъ Богу своею строгою жизнію, что удостоился наконецъ дара прозорливости. Однажды въ Ватопедѣ, на праздникѣ, за литургією, святыи во время великаго выхода увидѣлъ ворона, кружившагося надъ однимъ изъ служившихъ іеромонаховъ: изъ этого онъ понялъ, что несчастный служитель алтаря недостойно совершаетъ божественное свое служеніе. Преподобный кротко замѣтилъ іеромонаху о чрезвычайной важности іерейскаго служенія и наконецъ убѣждалъ его оставить священнодѣйствіе, что тотъ и принялъ со смиреніемъ. Такимъ образомъ дивный Филоеѣй, постоянно возвышаясь по степенямъ подвижничества къ совершенству духовной жизни, наконецъ достигъ глубокой старости и мирно почилъ смертнымъ сномъ, будучи 84-хъ лѣтъ отъ роду. Когда насталъ часъ праведнической кончины, преподобный строго запретилъ ученикамъ погребать его тѣло, велѣлъ бросить оное съ безчестіемъ въ лѣсъ на расхищеніе и въ снѣдъ звѣрямъ и птицамъ, что ученики и исполнили въ точности по смерти его. Но Богъ, про-

славляющій святыхъ Своихъ и возвышающій смиренныхъ, не допустилъ его мощамъ оставаться въ безвѣстности и униженіи. Одинъ старецъ, занимаясь рыболовствомъ, остался переночевать на морѣ. Только предъ утромъ вдругъ видитъ въ лѣсу чрезвычайный свѣтъ: принявши это за обыкновенный свѣтъ отъ разведеннаго огня, онъ пошелъ туда для того, чтобъ погрѣться. Но каково было его удивленіе, когда онъ, вмѣсто огня, находитъ головной черепъ, уложенный на разсыпавшихся костяхъ, отъ котораго исходилъ удивительный свѣтъ и сіяніемъ своимъ озарялъ содѣственные мѣста! Пораженный чудомъ, онъ сначала затрепеталъ и хотѣлъ удалиться оттуда, но потомъ ободрился, палъ предъ смертными останками невѣдомаго угодника, такъ дивно прославленнаго по смерти Богомъ и, взявши ихъ, удалился въ свою келлію, съ тѣмъ, чтобъ такое безцѣнное сокровище скрыть у себя. Однакожь Богу не угодно было это. Въ слѣдующую же ночь старецъ видитъ во снѣ преподобнаго Филофея, который грозно приказалъ ему немедленно отдать главу ученикамъ его, что старецъ тогда же и исполнилъ, рассказывая имъ о видѣнномъ имъ чудѣ. Какъ божественный даръ, какъ залогъ старческихъ молитвъ и благословенія свыше, ученики приняли главу преподобнаго своего учителя и, прославляя Бога, такъ прославляющагося во святыхъ Своихъ, просили его помощи и содѣйствія къ достойному хожденію по стопамъ дивнаго старца. Преподобный Филофей скончался 21 дня октября, и нынѣ, наслаждаясь нескончаемымъ блаженствомъ во свѣтлости святыхъ, немолчно славословить Святую Троицу, Ейже и отъ насъ подобаетъ слава и поклоненіе во вѣки. Аминь.

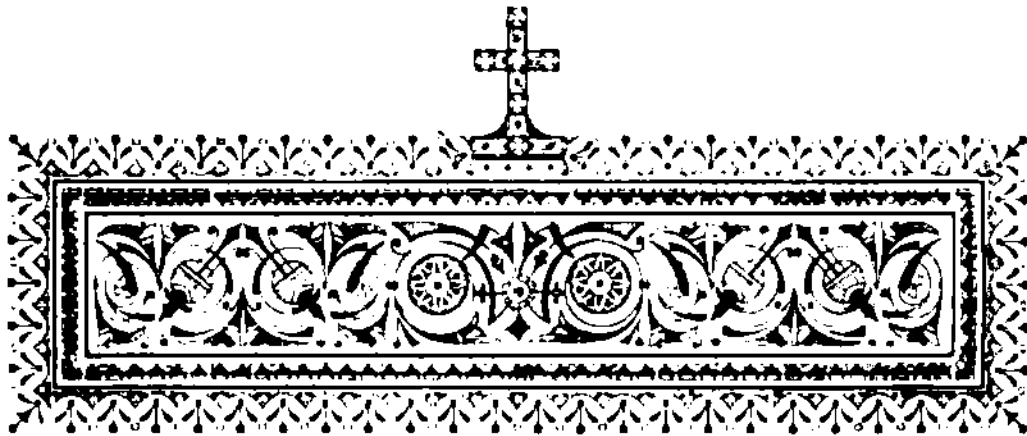
О К Т Я Б Р Я 26.

**Страданіе святого преподобномученика
ІОАСАФА *).**

Преподобный Іоасафъ былъ ученикомъ святѣйшаго патриарха константинопольскаго Нифонта (августа 11). Стараясь по силамъ подражать добродѣтельной жизни и подвигамъ учителя своего, онъ достигъ такой высоты совершенства любви къ Богу, что желалъ пролить и свою кровь за Него. И когда объявилъ о такомъ желаніи блаженному Нифонту, тотъ, провидя духомъ, что есть на то званіе и воля свыше, предсказалъ ему, что онъ совершитъ подвигъ мученичества въ Константинополѣ. Итакъ, послѣ кончины святого Нифонта, благословенный Іоасафъ отправился въ Константинополь и тамъ, явившись въ судилище турецкое, проповѣдалъ съ великимъ дерзновеніемъ предъ всѣми мусульманами таинство Святыя Троицы и таинство воплощенія Сына и Слова Божія, Его смерть крестную за наше спасеніе, и прочее. Удивленные дерзновеніемъ инока и изступленные турки, послѣ различныхъ мукъ, наконецъ отсѣкли святую его главу. Такимъ образомъ, блаженный Іоасафъ получилъ мученическій вѣнецъ отъ подвигоположника Христа Іисуса, Косму слава во вѣки. Аминь.

Преподобный Іоасафъ пострадалъ въ 1536 году, октября 26 дня.

*) Изъ Νέων Μαρτυρολόγιον.

О К Т Я Б Р Я 28.

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
А В А Н А С І Я I-го,
патріарха константинопольскаго *).

Это пресвѣтлое свѣтило вселенной и истинный рабъ Владыки Христа былъ родомъ изъ Адрианополя. Отецъ его именовался Георгіемъ, а мать—Евфросинію: оба они были люди благочестивые, благородные и добродѣтельные. Аванасій во святомъ крещеніи былъ названъ Алексіемъ. Родившись отъ благочестивыхъ родителей, онъ съ юнаго возраста показывалъ, что изъ него будетъ послѣ. Онъ не вдавался въ игры, по обыкновенію дѣтскому, и не желалъ вещей суетныхъ, но все его тщаніе было — о церковной службѣ и объ изученіи грамоты. Во избѣжаніе растлѣнія благихъ обычаевъ бесѣдами злыми, онъ не имѣлъ знакомства съ безчинными юношами: напротивъ, замѣчая благоговѣйныхъ и добродѣтельныхъ, дорожилъ ихъ знакомствомъ, для полученія себѣ душевной пользы, и входилъ съ ними въ бесѣды. По кончинѣ отца своего, оставшись сиротою, онъ преуспѣвалъ болѣе и болѣе въ добродѣтели, такъ что,

*) Изъ *Νεος παράδεισος*.

при постоянномъ упражненіи въ Божественномъ Писаніи, въ короткое время достигъ такой силы разума и вѣдѣнія, что всѣ удивлялись ему, какъ превосходившему въ благо-разуміи самыхъ старцевъ. Такая жизнь сама собою пред-располагала юнаго Алексія къ безмолвію и уединенію, а потому онъ и положилъ въ умѣ своемъ—отречься отъ міра и суеты его, и достигать вышней мудрости и небеснаго блаженства. Сильнымъ къ этому побужденіемъ было для него слово Господа: *уже любитъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. 10, 37). Кромѣ того, читая чудную жизнь дивнаго Алипія Столпника *) и видя, что онъ, ради Бога, оставилъ не только міръ, но и мать свою, которая была также вдовица и видѣла въ немъ единственное утѣщеніе, Алексій рѣшился подражать ему,—уйти изъ дому, изъ отечества, отъ друзей и сродниковъ, и отъ самой матери. Не объявляя объ этомъ никому, онъ удалился въ Фессалонику, въ предѣлахъ которой находился дядя его, — инокъ въ одномъ богатомъ монастырѣ. Пришедши туда, принялъ онъ постриженіе, подъ именемъ Акакія, но здѣсь оставался недолго: видя, что братія не исполняютъ въ точности обязанностей своего званія и увлекаются суетою, онъ удалился оттуда на святую гору Аеонскую. Жизнь аеонскихъ отшельниковъ плѣнила юнаго Акакія: обходя обители, и въ особенности пустынные виталища, онъ получилъ себѣ много пользы. Какъ трудолюбивая пчела, летая съ цвѣтка на цвѣтокъ, собираетъ сладкій медъ: такъ и святой, пользуясь примѣрами высокой жизни аеонскихъ отшельниковъ, слагалъ сладкія ихъ бесѣды и назиданія въ сердцѣ своемъ, съ тѣмъ, чтобъ, по силамъ своимъ, подражать имъ въ подвижничествѣ. Такъ, прежде всего, усвоилъ онъ себѣ такую строгую нестяжательность, что даже не имѣлъ обычной обуви и довольствовался лишь

*) Память его ноября 26.

грубою власяницею, а сверху—иноческимъ одѣяніемъ; пища его состояла изъ хлѣба и воды; куда бы то ни было, всегда ходилъ онъ пѣшимъ и даже въ послѣдствіи, занимая кафедру константинопольской Церкви, сохранилъ это обыкновеніе; постелью для него служила земля, — такъ что во всѣхъ отношеніяхъ жизни онъ казался не человѣкомъ, а совершеннымъ ангеломъ. По обозрѣніи монастырей Святой горы, онъ вступилъ въ число братства Есфигменской обители. О трудахъ и подвигахъ святаго въ сей обители подробно писать невозможно. Служа тамъ два года трапезаремъ, онъ не имѣлъ ни отдѣльной келліи, ни постели, ни даже рогозины, — не только лѣтомъ, но и зимою, когда бываетъ тамъ снѣгъ и холодъ. Совѣ его былъ самый краткій, потому что въ молитвѣ и бдѣніи онъ проводилъ ночи, стихослова псалтирь и вопя къ Богу: *предваристъ очи мои ко утру, поучитися словесемъ Твоимъ*, и проч. (Псал. 118, 148). Пища его состояла изъ остатковъ братской трапезы, потому что онъ говорилъ съ Евангельскою женою: *пси питаются отъ крупницъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ* (Матѣ. 15, 27); масла и вина, въ теченіе трехъ лѣтъ, пока трудился въ монастырѣ, или иного какого-либо тѣлеснаго утѣшенія, не позволялъ себѣ. Между тѣмъ, труждаясь въ приготовленіи пищи и взирая на временный огонь, онъ представлялъ огонь геенскій, неугасимый, и отсюда стяжалъ плачь и слезы. По причинѣ такихъ его добродѣтелей, все братство питало къ нему любовь и великое уваженіе, что и побудило его скрыться изъ монастыря, — по боязни, чтобъ чрезъ славу временную не лишиться вѣчной. Со Святой горы онъ удалился въ Іерусалимъ, для поклоненія святымъ мѣстамъ и для того, чтобы видѣть пустыню Іорданскую, потомъ посѣтилъ гору Латрскую, гдѣ и провелъ долгое время въ отшельничествѣ, вмѣстѣ съ другими святыми отцами, высокая жизнь кото-

рыхъ принесла ему много пользы; съ Латрской горы перешелъ на гору Авксентіеву, гдѣ славились тогда подвижничествомъ славный Илія, Нилъ италійскій и лепентрійскій Аванасій, которыхъ знакомство было для него также очень назидательно; наконецъ удалился на гору Галатійскую, въ монастырь блаженнаго Лазаря, гдѣ и пробылъ 8 лѣтъ, въ разныхъ монастырскихъ послушаніяхъ. Здѣсь онъ принялъ великій ангельскій образъ и нареченъ Аванасіемъ. Назидательная жизнь и безусловное послушаніе убѣдили настоятеля, вопреки желанію святаго Аванасія, возвести его на степень священства, а вслѣдъ затѣмъ на него же возложена была обязанность епископа, которую исполнялъ онъ съ великимъ прилежаніемъ. Такимъ образомъ, каждый день полагая восхожденія въ сердце своемъ къ Богу, онъ удостоился божественнаго откровенія и видѣнія Іисуса Христа, призывающаго его пасти словесныхъ овецъ. Святый Аванасій имѣлъ обыкновеніе по ночамъ ходить молиться въ церковную наперть, до утрени. Въ одну ночь, когда онъ помолился предъ распятіемъ Христовымъ со слезами, вдругъ слышитъ отъ лика Спасителя сладкій гласъ: „за то, что ты, Аванасій, любишь Меня, тебѣ надобно будетъ пасти народъ Мой.“ Пораженный этимъ гласомъ, онъ палъ на землю, отъ страха и неизреченной радости, заливался слезами и славословилъ Господа. 10 лѣтъ провелъ святый Аванасій на горѣ Галасійской, и какъ ни успокоительно было исполненіе возложенныхъ на него послушаній, но мысль о пустынномъ безмолвіи не оставляла его. Вслѣдствіе сего, онъ опять удалился оттуда на Святую гору, обрѣлъ по сердцу пустыню и остался въ ней, терпя лишенія всякаго рода, умерщвляя плоть и благоугождая единому Богу. Но и здѣсь Аванасій оставался недолго. Случайныя, возникшія на Святой горѣ смуты заставили его удалиться снова на гору

Ганъ,—гдѣ, нашедши мѣсто безмолвія по своему желанію, онъ поселился и проводилъ жизнь уединенную. Но добродѣтель нигдѣ не утаится: въ короткое время собрались къ нему братія, которыхъ, принимая съ радостію, онъ назидаль, путеводилъ ихъ къ небу и содѣлывалъ избранными сосудами даровъ Божественнаго Духа. Въ числѣ учениковъ его были—чудный Теофанъ, знаменитый Теодоритъ и другіе, славившіеся добродѣтелію. При такой ангелоподобной жизни, святой АѦанасій былъ славень не только въ окрестностяхъ горы, но и всюду, такъ что къ нему ежедневно притекало множество народа, для слышанія медоточныхъ бесѣдъ его и видѣнія свѣтлаго лица его. И бесѣды его были такъ дѣйственны, что не только мужи, но и множество женъ, внимая имъ, отрекались отъ міра, вслѣдствіе чего, подъ управленіемъ святаго АѦанасія, скоро возникъ въ пустынѣ монастырь женскій.

Но время сказать, по какому случаю возведенъ былъ онъ на степень патриаршескаго достоинства, и притомъ въ то самое время, когда Церковь, послѣ потрясеній и смуть, которыя нанесъ ей патриархъ Іоаннъ Веккъ, не имѣла тишины и мира. Это было въ царствованіе благочестиваго Андроника Палеолога. КаѦедра константинопольской Церкви тогда оставалась праздною; а потому императоръ, собравъ архіереевъ и клиръ, сказалъ имъ: „хотите ли, съ своей стороны, избрать архипастыремъ АѦанасія?“ Единодушный отвѣтъ и желаніе утвердили предложеніе царя. Вслѣдствіе сего, выбраны были нѣкоторые изъ архіереевъ и царскихъ сановниковъ объявить святому АѦанасію о волѣ царя, объ избраніи клира и всей Церкви, и привезть его въ столицу, съ подобающею честію и торжествомъ. Долго отрекался смиренный отшельникъ отъ предлагаемаго ему достоинства, долго умолялъ избрать другаго, а его оставить въ пустынѣ, какъ свыкшагося съ безмолвіемъ и уедине-

ніемъ; долго просили и убѣждали его, съ своей стороны, посланные — не противиться волѣ и избранію царскому, и наконецъ, видя непреклонность его, строго сказали: „если ты не послушаешь насъ теперь, когда Церковь особенно требуетъ и зоветъ тебя, на помощь противъ враговъ ея, — то отдашь отвѣтъ Богу, въ часъ суда.“ Тогда святой, вспомнивъ слова Господа, обѣщавшаго вѣрить ему Свою Церковь (это было на горѣ Галасійской), ужаснулся, какъ бы, отрекаясь достоинства архіерейскаго, по смиренію, не пріять отъ Бога осужденія, за преслушаніе воли Его, — и наконецъ безпрекословно вѣрилъ себя Промыслу Божию. Торжественно было вступленіе святаго Аѳанасія на кафедру вселенской Церкви *). Царь, синклитъ и весь народъ радовались и ликовали о своемъ патріархѣ. Святой Аѳанасій, нашедши Церковь сирюю, много пострадавшею отъ еретиковъ, обратилъ на нее все свое вниманіе и приложилъ всевозможные труды къ уничтоженію еретическихъ плевель. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ревнуя о благѣ своего стада, какъ новый Златоустъ, онъ сильно обличалъ несправедливыхъ и хищниковъ, не стыдился ни вельможъ, ни богатыхъ, ни даже самого царя; болѣе благоговѣйныхъ исправлялъ увѣщаніями, а непокорныхъ и преслушныхъ наказывалъ строгими епитиміями. Такимъ образомъ, всѣми силами и средствами старался онъ хранить стадо Христово невредимымъ отъ чувственныхъ и мысленныхъ волковъ. Но, при такой пастырской его попечительности, не дремалъ и врагъ добра. Изъ числа сановниковъ и клира нашлись враги святому. Не вынося упрековъ совѣсти, потрясенной обличеніями святаго, они жаловались и роптали на патріарха, и обвиняли его въ чрезмѣрной жестокости и неукротимости характера, а потому просили рукоположить имъ другаго, къ немощамъ человѣческимъ болѣе снисходи-

*) Это было 14 октября 1289 г. М. Гедеонов. Патріарх. Півчехс. 402.

тельнаго. Какъ ни сильны были эти и подобныя симъ клеветы на святаго АѦанасія, однакожь царь, зная чистоту добродѣтельной жизни его, оставилъ ихъ безъ вниманія. Такъ текло время. Съ теченіемъ времени, клеветы и ненависть къ патриарху усиливались, такъ что и изъ архіереевъ многіе пристали къ непріязненной и враждебной партіи противъ невиннаго архипастыря. Чтобы усмирить мятежныхъ и не нарушить мира церковнаго, императоръ принужденъ былъ объявить патриарху, что, уступая необходимости и пользамъ Церкви, онъ увольняетъ его отъ патриаршескаго служенія. „Государь!“ отвѣчалъ на это святой АѦанасій: „я не самъ и не для того принялъ это высокое достоинство, чтобъ раболѣпствовать предъ людьми, молчать и оставлять безъ вниманія погрѣшности ихъ, но чтобы обличать ихъ и исправлять; ибо страшному осужденію подлежить всякій изъ насъ, не обличая согрѣшающихъ. Если же, за строгость моихъ обличеній, меня возненавидѣли и желаютъ моего удаленія съ кафедры патриаршей, — не прекословлю твоей власти и волѣ Божіей, и удаляюсь, прося Бога, чтобъ Онъ устроилъ намъ все во благо, якоже Самъ вѣсть, предстательствомъ Богородицы и святыхъ Его.“ Такимъ образомъ, сошедши съ кафедры первосвятительской *), святой АѦанасій удалился въ свой монастырь, на гору Ганъ, гдѣ провелъ 10 лѣтъ, подвизаясь строже прежняго. Здѣсь, за чистоту сердечную и за святую свою жизнь, онъ пріялъ отъ Бога даръ предвѣднія и пророчески изрекалъ будущее. Многое предсказывалъ онъ императору, и все это сбылось въ свое время, какъ видно изъ писемъ его, которыхъ здѣсь, для краткости, не помѣщаемъ **). Желаящій пусть прочтетъ ихъ и увидитъ, какой благодати и какихъ откровеній удостоенъ былъ Бо-

*) Отказъ отъ кафедры и нѣкоторыя письма св. АѦанасія помѣщены въ *Patrol. Migne* t. 142.

***) 16 октября 1293 г. М. Гедесѡнъ. Патриархъ. *Синакс.* 402.

гомъ святой Аѳанасій. Мѣсто его, на патриаршеской кафедрѣ, заступилъ добродѣтельный и достойный удивленія Іоаннъ. При безмѣрной своей кротости и простотѣ, онъ не въ силахъ былъ бороться съ врагами Церкви Божіей, и потому, управлявъ ею 10 лѣтъ, добровольно наконецъ сложилъ съ себя достоинство патриаршеское, чтобы не терпѣть упрековъ совѣсти за слабость правленія. Такимъ образомъ, Церковь опять осталась сиротствующею. Въ то время въ Константинополь жилъ добродѣтельный человекъ, по имени Мина, знакомый святому Аѳанасію. Святой Аѳанасій писалъ къ нему, пророчески предвѣщая, что въ такой-то день въ столицѣ будетъ великое землетрясеніе. Такъ и случилось. Царь, пораженный такимъ предвѣдніемъ изгнаннаго имъ патриарха, рѣшительно положилъ,—не смотря на враговъ, снова возвести его на степень первосвятительства. Святой Аѳанасій, какъ и прежде, долго не хотѣлъ принять предлагаемое достоинство; но его взяли насильно изъ монастыря и, съ великою честію и торжествомъ, вручили ему вторично жезлъ папьерскаго служенія *). Торжество добродѣтели его было еще выше по вторичномъ занятіи патриаршеской кафедры. При точномъ и строгомъ исполненіи своего долга въ отношеніи къ Церкви, онъ былъ самымъ теплымъ представителемъ обидимыхъ, защитникомъ вдовъ и сиротъ, тщательнымъ помощникомъ всѣмъ въ нуждахъ, а къ убогимъ былъ столько сострадательнъ, что неистощимою рукою разсыпалъ имъ милостыню и питалъ ихъ на собственное иждивеніе. Тѣмъ болѣе не щадилъ онъ ничего для бѣдныхъ, что тогда свирѣпствовалъ сильный и ужасный голодъ, отъ котораго многіе даже умерли. Вопль и слезы нуждающихся доходили до патриарха и сильно трогали сострадательное его сердце. Входя уча-

*) 23 апрѣля 1303 года. («Лѣтопись» архим. Арсенія. 491). Во второе патриаршествованіе св. Аѳанасій рукоположилъ первосвятителя московскаго св. Петра митрополита.

стіемъ въ жалкое положеніе несчастныхъ, онъ проповѣдями возбуждалъ богатыхъ, да прострутъ они руки свои на помощь бѣднымъ, а чтобъ подать имъ примѣръ въ собственномъ лицѣ, избралъ вѣрныхъ и благочестивыхъ мужей, во многихъ мѣстахъ столицы, и поручилъ имъ варить пшеницу и овощи, для раздачи бѣднымъ, доставлять имъ одежду и исполнять прочія нужды. Такимъ образомъ многіе были спасены отъ голодной смерти. Семь лѣтъ управлялъ Церковію святой АѦанасій, сіяя чистотою и святостію жизни и представляя въ себѣ примѣръ всякой добродѣтели. Однакожь, не смотря на святость его жизни, враги все-таки нашли вину озлобить и низложить невиннаго,—оклеветали его въ ереси. Изобрѣтатель злобы, дьяволъ навелъ на него слѣдующую напасть: злоумышлявшіе противъ него скрыли икону Богородицы подъ подножіе патріаршескаго ложа, и потомъ, вынувши ее изъ подножія, въ виду народа, объявили его иконоборцемъ. Впрочемъ, клевета, по тщательномъ изслѣдованіи дѣла, была открыта, и злодѣи наказаны.

Этотъ случай былъ уважительнымъ поводомъ для святаго АѦанасія оставить патріаршество и уступить злобѣ враговъ: но императоръ не согласился на такое его желаніе. Патріархъ, впрочемъ, съ своей стороны, остался непреклоненъ въ своемъ намѣреніи и, чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, тайно удалился въ свой монастырь *). Освободившись отъ смутъ и іерархическихъ трудовъ, онъ всецѣло посвятилъ себя Богу и исполненію иноческихъ правилъ, такъ что, просвѣтлившись въ молитвѣ и созерцаніи, удостоился отъ Бога многихъ откровеній, провидѣлъ будущее, и что предсказывалъ въ настоящемъ, то и сбывалось по словамъ его. Господь подалъ ему и даръ чудотвореній. Одинъ изъ учениковъ святаго, по имени Іакинѣъ,

*) Въ 1311 году. Гедесков. Патріарх. Шивак. 406.

имѣлъ на шеѣ неизлѣчимую болѣзнь — ракъ. Много разъ просилъ онъ позволенія у патріарха обратиться къ врачу, или, въ противномъ случаѣ, умолялъ его самого исходатайствовать у Бога исцѣленіе своей болѣзни. Святой Аѳанасій всякій разъ убѣждалъ его терпѣть съ благодарностію, подобно Іову и другимъ многимъ, терпѣвшимъ тяжкія болѣзни и благодарившимъ Господа. Бѣдный Іакинеъ томился, страдалъ и изнемогалъ въ духѣ терпѣнія. Наконецъ пришла ему на мысль упоминаемая въ святомъ Евангелии кровоточивая жена, — и онъ рѣшился подражать ея примѣру и вѣрѣ. Итакъ, одинъ разъ подходитъ онъ къ святому Аѳанасію сзади, падаетъ ницъ и, заливаясь слезами, край одежды его кладетъ на больное мѣсто, — и, по вѣрѣ своей, въ тожъ мгновеніе получаетъ исцѣленіе. Однажды этотъ же Іакинеъ взошелъ на кровлю келліи, по надобности, и, дѣйствіемъ врага, какъ-то упавши, лежалъ будто мертвый. Святой Аѳанасій, узнавъ это, помолился надъ убившимся Іакинеомъ, — и тотъ всталъ совершенно здоровымъ.

Двѣ монахини женскаго монастыря весьма тяжело и долго болѣли, такъ что наконецъ не въ силахъ были выносить страдальческое свое положеніе. На пособія врачей уже не было надежды. Въ слѣдствіе сего, послали онѣ къ святому и умоляли его исходатайствовать имъ у человеколюбиваго Господа облегченіе отъ болѣзни. „Я желалъ бы,“ отвѣчалъ имъ святой, „чтобъ вы и еще потерпѣли временно, для принятія большей награды въ вѣчности: но такъ какъ вамъ недостаетъ терпѣнія, то помолитесь въ эту ночь Пресвятой Богородицѣ, — и завтра получите отъ Нея исцѣленіе.“ Такъ отвѣчалъ смиренномудрый чудотворецъ, во избѣжаніе тщеславія и людской похвалы. Слово святаго Аѳанасія дѣйствительно оправдалось. Къ утру, больныя, человеколюбіемъ Божиимъ и благодатію Царицы небесной, исцѣлѣли и притекли къ святому, для изъявленія благодарности.

Когда святой АѦанасій былъ вторично возведенъ на кафедру вселенской Церкви и когда свирѣпствовалъ сильный въ Константинополѣ голодъ, какъ сказано выше, — святой одному изъ послушниковъ своихъ, благоговѣйному и добродѣтельному Христодулу, повелѣлъ раздавать находившуюся въ патриаршескомъ домѣ пшеницу. Раздача предназначалась женскимъ монастырямъ, которые были бѣднѣ другихъ, — по 30-ти мѣръ каждому монастырю. Христодулъ увѣрялъ патриарха, что у нихъ не найдется въ житницахъ и 50-ти мѣръ пшеницы. „Не лги, маловѣрный,“ сказалъ святой: „иди и исполняй приказаніе.“ Христодулъ поступилъ по слову патриарха, — и, когда раздавалъ пшеницу, благословеніемъ Божиимъ, она не только не истощалась, но еще видимо приращалась. Пораженный такимъ чудомъ, Христодулъ явился къ патриарху, палъ къ стопамъ его и просилъ прощенія въ своемъ маловѣрїи. Это же самое повторялось и тогда, какъ изъ патриаршаго дома раздавалась пшеница бѣднымъ, во время голода и впоследствии. Такъ-то Господь, къ славѣ Своего пресвятаго имени, ущедряетъ рабовъ Своихъ!

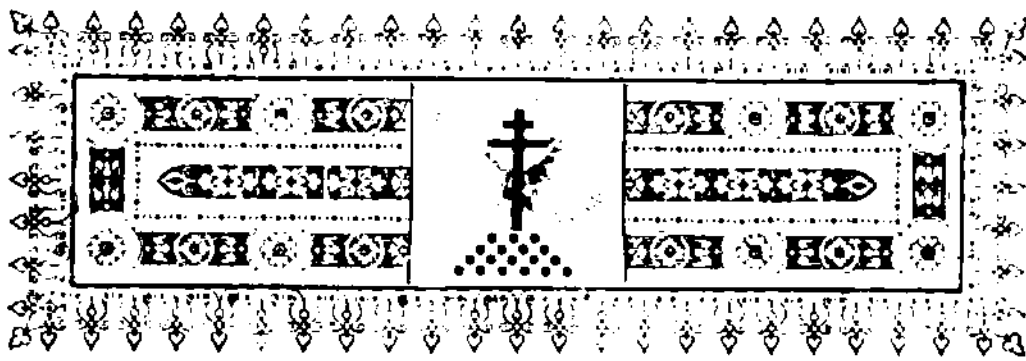
Однажды, несправедливо ввергли христіанина въ темницу за долгъ, и заключили его въ оковы. Узнавъ о такой несправедливости, святой сильно опечалился. Въ чувствѣ состраданія къ несчастному, онъ самъ является въ темницу, разрѣшаетъ отъ узъ невиннаго и уводитъ въ патриаршій свой домъ, не боясь гнѣва царева и непрїязни неправедныхъ судей. — Сверхъ прочихъ добродѣтелей, святой АѦанасій имѣлъ дивное смиреніе: онъ никогда не носилъ драгоценныхъ одеждъ, за что нѣкоторые осуждали его, какъ презрителя столь высокаго достоинства, требующаго приличія и блеска. На это онъ обыкновенно говорилъ, что нѣтъ стыда и поношенія въ ношеніи смиренныхъ и худыхъ одеждъ; — одинъ только грѣхъ есть поношеніе человѣку:

кто любить Бога, тотъ долженъ творить волю Его, не быть челоукоугодникомъ, а смиреннымъ и умѣреннымъ во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Такъ смиряясь самъ, онъ тому же, словомъ и собственнымъ примѣромъ, поучалъ и другихъ.

При кончинѣ житія своего, онъ удостоился видѣть снова Владыку Христа, какъ и прежде. Однажды, совершая молитвы, по обыкновенію,—видитъ онъ Иисуса Христа, распятаго на крестѣ. „Для чего ты оставилъ безъ пастыря овецъ?“ сказалъ ему Господь съ укоризною: „Я ввѣрилъ ихъ тебѣ,—но онѣ оставлены, и волки расхищаютъ ихъ. Я Богъ свѣтъ, и однакожъ съ любовью воспріалъ плоть и распялся, для спасенія міра; а ты не перенесъ клеветы и оставилъ Церковь Мою, какъ боязливый воинъ.“ Пораженный словами Господа, святой Аѳанасій, въ чрезвычайномъ страхѣ и трепетѣ, палъ на землю и, заливаясь слезами, просилъ прощенія въ своемъ малодушіи, что и получилъ отъ Господа. Послѣ сего видѣнія, онъ началъ проводить жизнь еще строже, посвящая все время молитвѣ и богомыслию.

Наконецъ и для него наступило время отшествія ко Господу. Собравъ учениковъ своихъ, онъ объявилъ имъ о приближившемся концѣ временной его жизни и простеръ къ нимъ послѣднее слово наставленія, заповѣдуя, кромѣ прочихъ добродѣтелей, особенно стяжать смиренномудріе, любовь и милосердіе, коими прославляется Святая Троица, и безъ которыхъ никто не спасется. „Свято храните,“ продолжалъ онъ, „уставы Церкви и преданія святыхъ отецъ. Очищайте сердце и мысль отъ нечистыхъ помысловъ и, спасая, спасайте свои души.“ Бесѣдуя такимъ образомъ съ своими учениками, онъ тихо предалъ Господу духъ свой, 20-го октября, имѣя отъ роду 100 лѣтъ. Богу нашему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О К Т Я Б Р Я 29.

Страданіе святаго преподобномученика ТИМОВЕЯ ЕСФИГМЕНСКАГО *).

Святый преподобномученикъ Тимофей былъ поселянинъ изъ селенія Кисани, Фракіѣйской области. Первое его имя, данное ему во святомъ крещеніи, было Триандафиль. Достигши совершеннаго возраста, Триандафиль сочетался законнымъ бракомъ, отъ котораго имѣлъ двухъ дочерей.

Богоугодная и мирная жизнь сего счастливаго семейства привела въ зависть злокозненнаго врага, который, по своей злобѣ и ненависти ко всякому добру, вздумалъ разрушить между ними супружеское согласіе; для этого онъ возбудилъ въ одномъ мусульманинѣ къ женѣ Триандафила сладострастное движеніе, который, будучи не въ состояніи противостоятъ страсти, насильственнымъ образомъ отобралъ ее отъ него и, приобщивши въ мусульманскую вѣру, помѣстилъ въ свой гаремъ. Горькой скорбію было объято доброе сердце Триандафила, видя гибель своей жены, которая ради временныхъ и скоро-гибнущихъ благъ лишилась вѣчныхъ, и, не находя въ своемъ горѣ другаго исхода, какъ только молитвы, онъ началъ усердно молиться

*) Съ рукописи Есфигменскаго монастыря.

всевышнему Творцу, прося Его обратить погибшую къ свѣту истиннаго познанія. Но въ то же время онъ опасался и за своихъ дочерей, боясь, чтобы и онѣ не подверглись участи, подобно ихъ матери, а потому отправилъ ихъ къ своимъ родственникамъ, прося принять участіе въ несчастныхъ.

Скорбь о потерѣ любимой жены угнетала бѣднаго Триандафила, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, вырвать ее изъ когтей діавола, почему, кромѣ усердной молитвы, онъ тайно чрезъ другихъ увѣщевалъ ее оставить мусульманскую вѣру, угрожалъ за ея отступничество вѣчнымъ мученіемъ. Усердная молитва, приносимая отъ полноты сердца, была услышана Небеснымъ Творцемъ, Который, по Своей великой милости, вложилъ въ сердце отверженницы благую мысль, такъ что она вскорѣ почувствовала отвращеніе къ мусульманской вѣрѣ, пришла въ сознаніе, горько раскаялась въ своемъ паденіи и рѣшилась снова принять христіанскую вѣру. Но зная, что самой по себѣ трудно вырваться изъ рукъ похитителя, она предложила Триандафилу притворно принять мусульманскую вѣру, а потомъ судомъ требовать ее отъ похитителя; другими же путями невозможно было высвободиться ей изъ гарема. А потомъ, когда она будетъ освобождена, они должны оставить міръ и идти: онъ на святую Аѳонскую гору и, сдѣлавшись тамъ монахомъ, умолять Бога и просить прощенія въ своемъ невольномъ паденіи, а она въ женскій монастырь, гдѣ, подобно ему, будетъ залѣчивать свои язвы покаяніемъ.

Слыша такое требованіе своей жены, Триандафилъ, для приобрѣтенія погибшей, рѣшился исполнить ея желаніе, подражая въ этомъ случаѣ Апостолу Павлу, который для спасенія братіи самъ желалъ быть отлученнымъ отъ Христа. Итакъ, возложивъ надежду на Бога, онъ пошелъ въ

судилище, гдѣ заявилъ свое желаніе принять мусульманскую вѣру, но только съ тѣмъ, если ему будетъ возвращена его жена. Желаніе Триандафила было немедленно исполнено: его приобщили въ мусульманскую вѣру и, послѣ совершенія надъ нимъ обрѣзанія, возвратили ему жену. Получивши жену, Триандафилъ хотя и показывалъ видъ, что послѣдуетъ магометанскому закону, но втайнѣ, вмѣстѣ съ женою, исповѣдывалъ христіанскую вѣру и исполнялъ всѣ церковныя обряды; но сколько они ни скрывали своей тайны, турки все-таки подозрѣвали ихъ въ измѣнѣ, почему и стали строго слѣдить за ними. Между тѣмъ и Триандафилъ сообразилъ, что долѣе имъ невозможно оставаться среди мусульманъ, а потому, поручивъ своихъ дочерей родственникамъ и простившись съ ними, онъ тайно, вмѣстѣ съ женою, отправился въ городъ Эносъ, а оттуда въ Кидонію, гдѣ оставилъ ее въ женскомъ монастырѣ, а самъ пошелъ на святую Аѳонскую гору.

По прибытіи на Святую гору, Триандафилъ поступилъ въ число братства Лавры преподобнаго Аѳанасія, гдѣ съ ревностію подвизался въ иноческихъ подвигахъ. Между тѣмъ втайнѣ проливалъ горькія слезы и просилъ милосердаго Бога простить ему невольное согрѣшеніе. Игумень, видя ревность его въ подражаніи добродѣтельной жизни, постригъ его въ монашество съ именемъ Тимофея. Съ принятіемъ ангельскаго образа, онъ прилагалъ труды къ трудамъ и среди лаврскаго братства былъ, какъ бы ангелъ, украшаясь беззлобіемъ и глубокимъ смиреніемъ. Возлагаемая же на него послушанія проходилъ съ особеннымъ усердіемъ, и такимъ образомъ онъ прожилъ въ Лаврѣ около семи лѣтъ, приходя отъ силы въ силу.

Въ то самое время дошла до Лавры вѣсть, что въ Смирнѣ св. преподобномученикъ Агаангелъ Есфигменскій благополучно скончалъ мученическій подвигъ и что его

мужественному терпѣнію удивлялись даже самые турки. Этотъ слухъ, а равно и то, что онъ за свое отреченіе отъ Христа пролилъ свою кровь и ею смылъ съ себя то пятно, которое наложилъ на него всезлбный врагъ, сильно по-дѣйствовало на Тимоея: ему ясно представилось, что и онъ за свое отреченіе, подобно св. Агаѳангелу, долженъ исповѣдать предъ мусульманами Христа истиннымъ Богомъ и потомъ принять мученическую кончину.

Запавшая мысль о мученичествѣ стала его преслѣдовать на каждомъ шагѣ, но однако, не испытавъ своихъ силъ, онъ не рѣшался безъ подготовки и совѣта опытныхъ старцевъ послѣдовать своему намѣренію.

Желая себя въ точности испытать, онъ съ благословенія лаврскаго игумена перешелъ въ Есфигменскую обитель, гдѣ и вдалъ себя подъ руководство того самаго игумена, который вмѣстѣ съ старцемъ Германомъ участвовалъ въ подготовленіи св. Агаѳангела на страдальческій подвигъ. Здѣсь Тимоей вскорѣ постриженъ былъ въ великій ангельскій образъ — схиму и, подъ руководствомъ игумена, началъ готовить себя къ подъятію мукъ за имя Іисуса Христа.

Имѣя ежедневно предъ очами св. мощи Агаѳангела, Тимоей благоговѣлъ къ святому мученику и просилъ его въ своей молитвѣ, испросить ему у Великодаровитаго Господа благодати: пострадать за имя Его святое. Какъ видно, св. Агаѳангель внялъ мольбѣ Тимоея, ибо сердце его настолько разгорѣлось любовію ко Господу нашему Іисусу Христу, что онъ былъ не въ состояніи долѣе переносить онаго и желалъ, какъ можно, скорѣе пострадать за сладчайшаго Іисуса. А потому и объявилъ свое намѣреніе игумену, умоляя его дать ему благословеніе на мученическій подвигъ. Но игумень, желая испытать Тимоея и какъ бы не внимая его просьбѣ, отказалъ ему въ своемъ благосло-

веніи, что однако нисколько не смутило Тимофея, который, по своему глубокому смиренію и непрекословному послушанію, принялъ слова игумена, какъ бы отъ Самого Господа. Между тѣмъ прошло довольно времени, въ которое Тимофей не только не ослабѣлъ въ своемъ намѣреніи, но даже часто напоминалъ и просилъ отпустить его на страдальческій подвигъ.

Когда же опытный руководитель увидѣлъ неизмѣнную и твердую мысль Тимофея, согласился и, давши ему свое благословеніе, послалъ его съ письмомъ въ епархію Миріофитскую на берегахъ Пропонтиды къ іеромонаху Герману, бывшему спутнику св. Агаеангела, который въ то время находился по церковнымъ дѣламъ въ этихъ мѣстахъ, прося его приготовить Тимофея къ страдальческому подвигу.

Разставаясь съ игуменомъ, Тимофей сталъ просить у него благословенія, проститься съ своими дочерьми, такъ какъ то селеніе, въ которомъ онѣ жили, находилось на пути въ Пропонтиду, но игумень отказалъ ему въ этомъ, а велѣлъ сначала побывать у старца Германа, а потомъ уже, что онъ ему посовѣтуетъ, то и долженъ сдѣлать. Достойный ученикъ въ точности исполнилъ заповѣдь наставника, ибо въ то самое время, когда онъ подходилъ къ селенію, гдѣ жили его дѣти, онъ долженъ былъ бороться съ собою, такъ какъ сердце его стало страдать: ему стало жалко своихъ дочерей; родительская любовь горѣла желаніемъ прижать дорогихъ и близкихъ къ своему сердцу, но заповѣдь игумена въ истинномъ послушникѣ брала перевѣсъ, и онъ, будучи не въ состояніи переносить сердечнаго страданія, заплакалъ.

Выходя изъ селенія, Тимофей встрѣтился съ однимъ знакомымъ поселяниномъ, который просилъ его зайти къ нему въ домъ, какъ къ бывшему хорошему знакомому, но

Тимоѳей, ссылаясь на недосугъ, отказался отъ его приглашенія. Между тѣмъ поселянинъ, пришедши въ селеніе, сказалъ дочерямъ Тимоѳея, что онъ видѣлъ ихъ отца, который, минуя селеніе, пошелъ далѣе. Дочери немедленно побѣжали догонять родителя, но Тимоѳей, оглянувшись и видя бѣгущихъ за нимъ своихъ дѣтей, самъ сталъ отъ нихъ бѣжать, такъ что ни мольбы, ни слезы не могли остановить исполнительнаго послушника, который бѣжалъ отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратился обратно въ селеніе. И такимъ образомъ, ради заповѣди послушанія, пренебрегъ родительскою любовію.

Пришедши въ Пропонтиду, онъ отыскалъ старца Германа, которому вручилъ письмо отъ есѣгменскаго игумена. Прочитавъ письмо, Германъ съ радостію и братскою любовію принялъ Тимоѳея, какъ будущаго мученика, упокоилъ его гостепріимствомъ и далъ ему у себя пріютъ.

Приготовляя Тимоѳея къ мученическому подвигу, Германъ душевно радовался, что Господь Богъ, по великой Своей милости, удостоилъ его еще приготовить одного мученика за исповѣданіе Его Святаго Имени, и чрезъ нѣсколько дней, видя Тимоѳееву твердость въ намѣреніи, благословилъ его на мученическій подвигъ. При этомъ нашелся и послѣдователь Тимоѳею іеромонахъ Евѳимій, который, видя мужественную его рѣшимость, возгорѣлся ревностію, пожелалъ самъ вмѣстѣ съ нимъ пострадать за Христа и принять мученическую кончину.

Германъ, видя еще новую жертву, прославилъ Бога и, укрѣпивъ ихъ своими наставленіями, повелѣлъ имъ переодѣться въ мірскія одежды и идти въ селеніе Кисани, и тамъ увидѣться съ совращенными въ мусульманскую вѣру христіанами, для возбужденія въ нихъ ревности къ возвращенію къ христіанской вѣрѣ.

Выслушавъ повелѣніе, Тимоѳей сталъ просить старца

позволить ему проститься со своими дочерьми, но старецъ, предвидя, какой можетъ онъ получить вредъ отъ этого свиданія, возбранилъ ему и съ кротостію сказалъ: чадо! не обращай назадъ, а иди съ Божією благодатію на мученіе, въ чемъ да поможетъ тебѣ укрѣпляющій тебя Спаситель міра. Что же касается твоихъ дочерей, то даю тебѣ слово, что, по скончаніи тобою мученическаго подвига, я самъ навѣщу ихъ. Хотя и больно было Тимофеею подавить чувство родительской любви, но онъ, любовь къ Іисусу Христу поставляя выше всего, согласился поступить по совѣту Германа. И такимъ образомъ, напутствуемые благословеніемъ и молитвою, Евѣимій и Тимофей отправились въ Кисани, гдѣ зашли въ домъ къ одному бывшему христіанину знакомому Тимофею, но теперь отверженнику. Послѣ обычнаго привѣтствія, Тимофей началъ уговаривать отверженника обратиться опять ко Христу, при этомъ угрожалъ ему вѣчною мукою и лишеніемъ тѣхъ благъ, которыя уготованы послѣдователямъ Христовымъ. Но ожесточенный отверженникъ, вмѣсто благодарности за благіе совѣты, донесъ на нихъ судѣ, который немедленно велѣлъ привести св. мучениковъ въ судилище.

Когда св. мученики взошли въ судилище и предстали предъ судьей, тогда дерзновенно исповѣдали себя христіанами, обличая ихъ заблужденіе и ложное вѣрованіе въ Магомета. Судья, слыша хулу на свою вѣру, воскипѣлъ гнѣвомъ, приказалъ слугамъ туго связать руки св. мучениковъ назадъ и, считая ихъ вину не подлежащею его власти, отправилъ ихъ въ Адрианополь. При этомъ слуги показали звѣрское усердіе: они руки св. Тимофею стянули такъ туго, что плечи его соединились почти вмѣстѣ.

На другой день страдальцы Христовы прибыли въ Адрианополь; здѣсь они узнали, что, за день предъ этимъ, два подвижника Христова, іеромонахъ Николай и монахъ

Варнава, мужественно исповѣдывали христіанскую вѣру и что, послѣ краткаго увѣщанія, судьи приказали ихъ ввергнуть въ разныя темницы и, забивши ихъ ноги въ колоды, бить ихъ каждодневно по пятамъ въ теченіи одного мѣсяца, прибавляя каждый день по два удара, начавши съ 38 ударовъ. Это извѣстіе укрѣпило Евѣимія и Тимоѣея, и они съ радостію ожидали себѣ мученій за возлюбившаго ихъ Христа.

Когда св. мученики Евѣимій и Тимоѣей были приведены въ судилище, то судьи, послѣ обычныхъ увѣщаній, видя ихъ непреклонность, повелѣли іеромонаха Евѣимія заключить въ темницу и бить по пятамъ точно такъ же, какъ Николая и Варнаву, Тимоѣея же оставили безъ наказанія, объявивъ ему, что если онъ въ теченіи одного мѣсяца не обратится въ мусульманскую вѣру, то въ слѣдующій мѣсяцъ будетъ преданъ смертной казни.

Спустя два дня прибылъ въ Адрианополь старецъ Тимоѣея, Германъ, который чрезъ посланнаго тайно навѣстить въ темницѣ св. мучениковъ узналъ, что они желаютъ приобщиться св. Христовыхъ Таинъ, а потому немедленно пошелъ въ домовую патриаршую церковь, взялъ тамъ нѣсколько частицъ антидору и въ тотъ же день три частицы отправилъ къ св. мученикамъ съ тѣмъ христіаниномъ, который сообщилъ ему о ихъ желаніи причаститься Тѣла и Крови Христовыхъ, въ краткомъ же письмѣ извѣщалъ страдальцевъ, что завтра самъ придетъ къ нимъ въ темницу. На другой день Германъ, освѣдомившись у одного христіанина, что въ ту самую темницу, въ которой заключены Евѣимій и Тимоѣей, сажаютъ должниковъ, а также и за неплатежъ податей, сталъ просить его, чтобы онъ донесъ на него сборщику податей, будто бы онъ не уплатилъ законной подати. Лишь только сборщикъ услышалъ объ этомъ, тотчасъ пришелъ въ гостинницу, гдѣ остано-

вился Германъ и, вызвавши его, сталъ требовать квитанцію объ уплатѣ податей. А такъ какъ у Германа не оказалось не только квитанціи, но и денегъ, то сборщикъ отправилъ его въ темницу. Кто же достойно можетъ описать ту радость, когда ученики увидѣли въ темницѣ своего учителя?! Какія радостныя слезы орошали ихъ ланиты при видѣ своего благодѣтеля и наставника! Они все встали и со слезами лобызали другъ друга. Вся ночь была проведена въ бдѣніи и молитвѣ, и мрачная темница обратилась въ церковь; по окончаніи бдѣнія, мученики Христовы исповѣдались у своего старца и потомъ причастились св. Христовыхъ Таинъ. А какъ только настало утро, Германа выкупили благочестивые христіане и его выпустили на волю.

Между тѣмъ, къ посрамленію враговъ христіанства, Господь явно творилъ чудеса чрезъ Своихъ исповѣдниковъ, ибо сколько жестокіе мучители ни били страстотерпцевъ по пятамъ, мученики Христовы, вмѣсто обычныхъ стонувъ, радовались и благодарили за нанесенные удары; у палачей же послѣ каждаго біенія руки дѣлались разслабленными и они, видя свое безсиліе, отъ злобы скрежетали зубами.

Наконецъ приблизился день, въ который Промыслу Божию угодно было призвать къ Себѣ св. мученика Тимофея. Въ этотъ день судьи потребовали его къ себѣ въ судилище и, послѣ разныхъ лестныхъ обѣщаній и угрозъ, приказали отрубить ему голову и вмѣстѣ съ тѣломъ бросить въ рѣку, что и было исполнено палачами 29 октября 1820-го года.

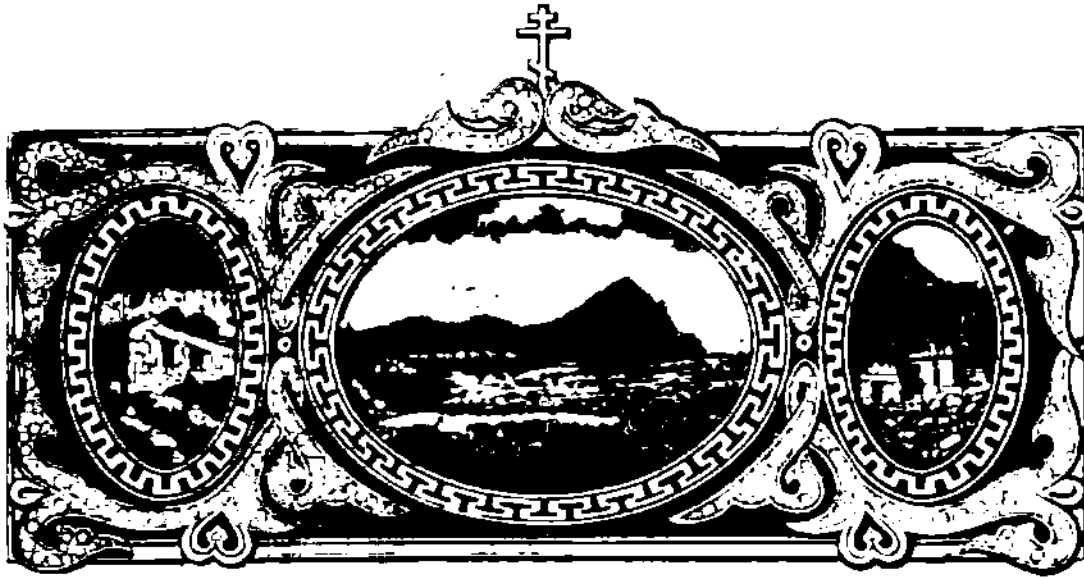
Много скорбѣлъ старецъ Германъ, что враги Христовой церкви лишили утѣшенія христіанъ имѣть св. мощи страдальца Христова Тимофея, а потому, желая пріобрѣсть хотя окровавленную его одежду, онъ предложилъ палачамъ

значительную сумму денегъ, за которую и получилъ желаемое. Потомъ съ этою драгоценною ношею отправился на Св. гору. Проходя мимо того селенія, гдѣ жили дочери св. Тимофея, Германъ зашелъ къ нимъ, сообщилъ имъ радостную вѣсть о мученической кончинѣ ихъ отца и удѣлилъ имъ часть отъ одежды святаго. По прибытіи на Аѳонскую гору, братія Есфигменской обители встрѣтили мученикову одежду съ крестнымъ ходомъ, съ честью внесли оную въ церковь и положили въ ковчегъ съ одеждами св. мученика Агаѳангела.

Послѣ казни св. Тимофея, исповѣдниковъ Христовыхъ: Евѳимія *), Николая и Варнаву выпустили изъ темницы и съ безчестіемъ прогнали изъ города. Молитвами св. преподобномученика Тимофея, Христе Боже, удостой и насъ получить вѣчную славу на небесахъ. Аминь.

*) Онъ много сложился на Аѳонѣ, въ Пинтократорскомъ монастырѣ въ 1852 году.

Н О Я Б Р Я 1.

Страданіе святаго преподобномученика
І А К О В А

и двухъ учениковъ его, іеродіакона Іакова
и Діонисія монаха *).

Святыи преподобномученикъ Іаковъ родомъ былъ изъ одного селенія епархіи Касторійской. Родители его именовались Мартинъ и Параскева. Въ молодости занимаюсь пасеніемъ овецъ и пріобрѣтши отъ нихъ богатство, онъ чрезъ то возбудилъ въ братѣ своемъ, какъ Авель въ Каинѣ, зависть. Несчастныи братъ оклеветалъ его предъ турецкимъ правительствомъ въ томъ, что будто бы нашелъ онъ сокровище. Чтобы избѣжать съ одной стороны братней зависти, съ другой — преслѣдованія турокъ, Іаковъ удалился въ Константинополь, и тамъ, чрезъ продажу овецъ своихъ, весьма разбогатѣлъ. Однажды, находясь у турецкаго эфенди въ гостяхъ, услышалъ онъ, сверхъ чаянія,

*) Изъ *Νέων Μαρτυρολόγιον*.

что этотъ восхваляетъ чистоту христіанскоѣ вѣры, и разсказаль Іакову, какъ жена его, одержимая бѣсомъ, приведена была къ тогдашнему патріарху святому Нифонту, который едва только началъ читать надъ нею священное Евангеліе, къ удивленію самого его эфенди и слугъ, вдругъ отверзся церковный кровъ и свѣтъ небесный окружилъ патріарха, бѣсноватую и всю церковь. Слыша это отъ агарянина, Іаковъ умилился и пришелъ къ патріарху просить его совѣтовъ въ разсужденіи своего положенія. Бесѣды святителя до того растрогали его, что онъ тогда же триста тысячъ піастровъ роздалъ нищимъ, удалился на Святую гору и, обошедши ея монастыри, вступилъ въ братство обители Дохіарскоѣ. Потомъ перешель оттуда въ запустѣвшій скитъ Иверскій, честнаго Предтечи, и возобновилъ его, подчинивъ себя одному старцу, именемъ Игнатію. Тамъ проводилъ онъ въ безмолвіи ангельскую жизнь въ постѣ, всеощныхъ бдѣніяхъ и различныхъ подвигахъ самоотверженія. При такой жизни, непрестанно ратуемый отъ діавола чрезъ различныя мечты и привидѣнія, онъ, наконецъ, при помощи Божіей, низложилъ его въ конецъ и пріялъ залого Божественнаго Духа, возвысившись до такой чистоты, что былъ удостоенъ откровеній небесныхъ: подобно Апостолу Павлу, явлены были ему какъ райскія обители, такъ и узилища адовы, и по дару свыше, онъ видѣлъ тайны, сердечныя и сокровенныя мысли и чувства всѣхъ и каждаго изъ приходившихъ къ нему. И дара чудесъ удостоилъ его Господь. Молитвою извелъ онъ въ скиту Предтечи ключевую воду, которая съ тѣхъ поръ и называется агіасмою святаго Іакова. Двукратно, по молитвѣ его, сосудъ наполнялся елеемъ. А въ Ватопедѣ онъ исцѣлилъ одержимаго бѣсомъ послушника; разъ во время бездождія, подобно Или, низвелъ съ неба дождь. Нѣкогда въ пути, сопровождаемый братомъ, блыъ

застигнуть онъ великимъ туманомъ и темнотою, такъ что они подвергались опасности упасть въ стремнистыя мѣста; но когда святой Іаковъ помолился, туманъ раздѣлился надвое, и путь имъ открылся. Однажды, тоже въ пути, возжаждавши и, не находя воды, онъ помолился, и ключъ воды покотился предъ нимъ.

Такъ какъ онъ желалъ большаго безмолвія, то оставилъ скитъ Иверскій и удалился во внутреннюю часть пустыни Аѳона, гдѣ съ шестью учениками своими подвижался уединенно, и полагалъ восхожденія въ сердце своемъ къ таинствамъ божественныхъ созерцаній: въ теченіе недѣли, кромѣ только субботы и воскресенья, онъ не разговаривалъ ни съ кѣмъ. Кратко сказать: для всей Святой горы онъ былъ истиннымъ того времени путеводителемъ по пути спасенія. Наконецъ пришло ему желаніе посѣтить Этолію. Собравъ учениковъ своихъ, онъ взошелъ на вершину Аѳонской горы помолиться и въ молитвѣ провелъ тамъ всю ночь, — и вотъ вдругъ видитъ предъ собою старца, который объявляетъ, что Богу угодно, чтобы онъ шелъ въ предѣлы Этоліи. Такимъ образомъ онъ съ учениками своими удалился съ горы и пришелъ въ городъ, именуемый Пѣтрою, о которомъ предсказывалъ, что послѣ трехъ дней онъ сдѣлается жертвою пожара. Оттуда посѣтилъ онъ Метѳоры и, поучивъ тамошнихъ иноковъ, отправился въ Невпакту, въ монастырь честнаго Предтечи, лежащій близъ деревни, именуемой Тревѣкиста. Тамъ, находясь среди многихъ братій, онъ проводилъ время въ обычныхъ подвигахъ постничества. Между тѣмъ христіане окрестныхъ селеній, узнавши о прибытіи въ предѣлы ихъ великаго старца, начали стекаться къ нему во множествѣ. Преподобный всѣхъ ихъ принималъ, утѣшалъ, назидалъ и творилъ множество чудесъ. Такъ, бѣсновавшуюся дѣвицу освободилъ отъ демона; мальчика, который пожиралъ угли

вмѣсто обычной пищи, по дѣйству дѣвольскому, осѣненіемъ честнаго креста освободилъ отъ насилія сатанинскаго; нѣкоего волхва христіанина предалъ сатанѣ въ изможденіе за то, что онъ не хотѣлъ сознаться въ волшебствѣ своемъ. Оставаясь тамъ, много совершилъ онъ и другихъ чудесъ.

Такіе чудеса и множество стекающагося со всѣхъ сторонъ народа имѣли слѣдствіемъ то, что мѣстный архіерей Акакій, по зависти и другимъ преступнымъ побужденіямъ, подстрекаемый завистниками славы святаго, донесъ турецкому правительству, что странный старецъ, поселившійся въ Тревѣкистѣ, неизвѣстно съ какою цѣлю, а вѣроятно съ непріязненною, собираетъ вокругъ себя множество народа, и недиво, если произведетъ мятежъ. Мусульмане смутились: они донесли объ этомъ бею трикальскому, который немедленно отрядилъ 18 вооруженныхъ кавасовъ, чтобы схватить обвиняемаго. Все происходившее святой, между тѣмъ, предвидѣлъ по откровенію свыше, предсказалъ о томъ ученикамъ своимъ, убѣждая ихъ къ подвигу, и всю ночь проводилъ безъ сна. Это было на воскресенье. Преподобный велѣлъ, какъ можно скорѣе, совершить божественную литургію. Однакоже еще до окончанія оной агаряне окружили храмъ, какъ дикіе звѣри. Видя ихъ, ученики преподобнаго затрепетали.— Кого ищете? спросилъ святой агарянь. Авву, отвѣчали они. Это я, говоритъ онъ имъ. Тогда посланные объявили ему повелѣніе бея. Ласково просилъ преподобный агарянь успокоиться отъ пути, угостилъ ихъ, растроганныхъ привѣтливостію его, и вмѣстѣ съ ними въ сопровожденіи двухъ учениковъ своихъ, явился къ бею. Долго бей пыталъ преподобнаго, то ласкою, то угрозою и пыткою вывѣдывая — справедливъ ли на него доносъ, и, не нашедши никакой вины, ввергъ его въ темницу на 40 дней, до тѣхъ поръ, пока обо всемъ донесетъ Портѣ и узнаетъ, какое оттуда получится повелѣніе. На-

ходясь въ темницѣ, двое учениковъ его, Θεона (который прежде подвизался въ обители Пантократорской, а послѣ сдѣлался ученикомъ святаго) и Маркіанъ, спросили его: что станется съ монастыремъ и братіями послѣ его смерти? Когда освободимся мы изъ рукъ царскихъ?—Онъ отвѣчалъ имъ таинственно: мы опять будемъ вмѣстѣ близъ Солуня, въ монастырѣ святаго Анастасіи, находящемся въ Галатистѣ. Слѣдовательно, мы будемъ неразлучны и въ нынѣшней вѣкъ и въ будущій. Дѣйствительно, тамъ, въ Галатистѣ, близъ Солуня, въ монастырѣ святаго Анастасіи находятся мощи сего преподобнаго и пострадавшихъ съ нимъ двухъ учениковъ его. Мощи святаго Θεоны, бывшаго игуменомъ этой обители и въ послѣдствіи архіепископомъ Солуня, тамъ же и цѣлы. Преподобный изъ темницы написалъ посланіе къ братіямъ, находящимся въ Тревѣкистѣ, убѣждая ихъ къ достойному прохожденію своего иноческаго званія. Вмѣсто себя назначилъ онъ имъ игуменомъ Θεону, строго совѣтуя покоряться ему, какъ отцу. Въ заключеніе же просилъ, по смерти его и его сподвижниковъ, совершить по нихъ сорокоустіе. Между тѣмъ отъ султана Селима пришло повелѣніе представить святаго съ учениками его, Іаковомъ и Діонисіемъ, въ Адрианополь, куда они и были отправлены въ оковахъ; султанъ отправился въ Дедимотихонъ, гдѣ святые исповѣдники и были ему представлены. Смотри грозно на святаго, султанъ спросилъ его: для чего ты привлекъ къ себѣ множество христіанъ? кто тебѣ позволилъ это? развѣ ты властитель какой? Святый отвѣчалъ: ты властитель и царь въ этомъ мірѣ, а мнѣ дана другая власть отъ Бога.—Царь говоритъ ему: какая власть дана тебѣ отъ Бога?—Святый отвѣчалъ: учить закону Божию единовѣрныхъ мнѣ христіанъ, да, исполняя заповѣди Его, уклоняются отъ всякаго зла.—Ты лжешь! съ гнѣвомъ воскликнулъ султанъ. Сознайся въ своемъ преступленіи, въ

которомъ обвиняетъ тебя мое правительство донесеніемъ.— Я сознался чистосердечно во всемъ, сказалъ преподобный. Если не вѣришь, я въ рукахъ твоихъ: дѣлай, что хочешь. Тогда султанъ повелѣлъ сѣчь его и учениковъ его бичами. Ни слова не произнесъ и не простоналъ преподобный при тяжкомъ мученіи, какъ будто не онъ, а кто другой претерпѣвалъ бичеваніе. Вслѣдъ за тѣмъ ввергли ихъ въ темницу.

На другой день была новая пытка. Пои овелѣнію султана, истязатели сжимали бинтами главы ихъ, отчего святой не потерпѣлъ никакого зла, а у діакона Іакова выступилъ изъ своего мѣста глазъ. На этого діакона болѣе всего нападалъ султанъ, видя его благообразіе и красоту лица, и всячески старался отвлечь его отъ Христа, но напрасно. Послѣ сего, святыхъ исповѣдниковъ связали и отправили въ Адрианополь для новыхъ пытокъ. Спустя немного времени, прибылъ туда Селимъ-паша: докладывая о содержащихся въ узахъ трехъ инокахъ, онъ говорилъ, что одинъ изъ нихъ пророчески предсказываетъ людямъ будущее. Царь, слыша это, обрадовался и немедленно приказалъ призвать преподобнаго. Когда явился узникъ, султанъ спросилъ его: сколько лѣтъ я буду еще жить?— Девять мѣсяцевъ, отвѣчалъ преподобный. — Не знаешь, что говоришь, возразилъ султанъ. Я долженъ еще быть въ Родосѣ. — Ты умираешь и зачѣмъ же хочешь въ Родосѣ? Пророчество преподобнаго впоследствии сбылось. Хотя султанъ и не вѣрилъ этому пророчеству, однако тайный страхъ овладѣлъ имъ. По его повелѣнію, преподобнаго опять ввергли въ темницу. Чтобъ найти благословную причину убить невинныхъ, султанъ послалъ одного изъ пашей своихъ спросить святаго: какого онъ мнѣнія о своемъ Христѣ и о Магометѣ. Когда паша предложилъ преподобному этотъ вопросъ, онъ отвѣчалъ съ твердостію: Христосъ

нашъ есть совершенный Богъ и совершенный человекъ, и потомъ объяснилъ ему таинство воплощенія, и все домо-строительство спасенія Божія и промышленія о человекѣ. — Но какъ думаешь ты о нашемъ пророкѣ, спросилъ паша преподобнаго. — Магометъ вашъ не пророкъ, а обманщикъ и льстецъ, врагъ Христа Бога нашего и вѣры нашей. Никто изъ людей такъ не прогнѣвалъ Бога, какъ Магометъ, и кто надѣется на него и имѣетъ его за пророка, тотъ погибшій. Паша передалъ все это султану. Султанъ взбѣсился. Тогда же послалъ онъ въ темницу янычаръ, обѣщая имъ милость свою, если только убѣдятъ преподобныхъ, какимъ бы то ни было образомъ, отречься Христа. Однакожь все было тщетно. Султанъ повелѣлъ представить предъ него святыхъ. Когда они предстали, варваръ приказалъ раздроблять плоть ихъ мучительными орудіями и сокрушать челюсти ихъ, а другіе между тѣмъ принуждали ихъ ѣсть мясо, зная, что монахамъ не позволяетъ того законъ. Впродолженіе этой пытки кровь мученическая текла ручьями и напитала землю. Однакожь преподобномученики не поколебались въ духѣ терпѣнія. По повелѣнію царя, ихъ опять ввергли въ темницу, гдѣ и пробыли они три дня. Наконецъ султанъ, недовольный столькими пытками, повелѣлъ истязателямъ вывести святыхъ на новое мученіе. Прежде всего онъ приказалъ вырѣзать съ нихъ ремни отъ сосцевъ до плечъ, вырвать внутренности святаго старца и укусомъ, смѣшаннымъ съ солью, поливать раны его; учениковъ же его сѣчь долгое время бичами. Такимъ образомъ, измученныхъ и еле дышущихъ, снова ввергли ихъ въ темницу. Но еще предстоялъ страдальцамъ конечный подвигъ. Видя, что они ни во что вмѣняютъ всякаго рода мучительства, султанъ велѣлъ разрывать на части ноги ихъ желѣзными когтями, бока ихъ опалать огнемъ и безъ милости обтирать раны ихъ грубыми полотнами, намочен-

ными съ солью. Такимъ образомъ, мучимые въ теченіи 17 дней, наконецъ, страдальцы осуждены были на висѣлицу. Когда святой Іаковъ пришелъ на мѣсто смертное, на диво смотрящихъ, имѣя на ногахъ только кости, лишеныя плоти, а двухъ учениковъ его исполнители приговора привели совершенно изнемогшихъ; тогда попросилъ онъ нѣсколько времени для молитвы и, получивъ позволеніе, діакона Іакова поставилъ по правую руку, а Діонисія по лѣвую, и сказалъ имъ: чада мои! время отойти намъ къ возлюбленному Христу, за Котораго удостоились мы пострадать. Итакъ, помолимся Ему о всемъ мірѣ, о Церкви, и возблагодаримъ за то, что Господь, освободивъ насъ отъ суетнаго міра, удостоиваетъ наслѣдія безконечнаго царствія Своего. Тогда всѣ трое пали на землю и поклонились трижды Богу; потомъ вынулъ преподобный три сокровенныя частицы животворящихъ Таинъ Христовыхъ и, преподавъ ихъ ученикамъ своимъ, пріобщился и самъ. Наконецъ, поднявъ длани и очи на небо, великимъ гласомъ возопилъ: Господи! въ рущѣ Твои предаю духъ мой! и тихо скончался, съ улыбкою на устахъ.—Видя это, воины изумились и возвѣстили о семъ султану, который повелѣлъ и мертвое тѣло повѣсить; а по правую и по лѣвую сторону святаго повѣсили учениковъ его. Такъ скончались добропобѣдные мученики и приняли вѣнецъ страдальческій. Это было 1520 года, 1-го ноября. Честныя мощи ихъ выкупили нѣкоторые изъ христіанъ, унесли въ селеніе, именуемое Албани (близъ Адрианополя), и положили оныя въ трехъ отдѣльныхъ гробницахъ. Каждое воскресенье и праздникъ являлся свѣтъ небесный надъ гробами святыхъ мучениковъ. И это видѣніе замѣчали всѣ, тамъ обитающіе. Послѣ страдальческой кончины святыхъ, одинъ артинскій священникъ, именемъ Николай, имѣвшій брата, поселившася при рѣкѣ Дунаѣ, пожелалъ видѣть его, для чего

и отправился сухимъ путемъ. По прибытіи въ Адрианополь, заболѣлъ у него конь, такъ что онъ не могъ ни продолжать путь впередъ, ни возвратиться назадъ. Въ такой крайности, онъ вспомнилъ святаго Іакова и помолился ему такъ: святой преподобномучениче Христовъ Іакове! помоги мнѣ страннику и путешественнику на земли чуждой. И животное тотчасъ исцѣлилось. Въ чувствѣ признательности немедленно отправился онъ на мѣсто, гдѣ покоились мощи преподобномучениковъ, рассказалъ туземцамъ случившееся съ нимъ несчастье, отъ котораго избавился предстательствомъ святыхъ, и убѣдительно просилъ, чтобы открыли мощи ихъ. Просьба его была уважена. Когда открыли гробъ преподобномученика Іакова, дивное благоуханіе разлилось отъ святыхъ мощей его. Съ позволенія туземцевъ, взялъ священникъ главу святаго и нѣкоторые останки, а прочее оставилъ на мѣстѣ. Обогатившись такимъ безцѣннымъ сокровищемъ, онъ не желалъ утаить его, но хотѣлъ представить ученикамъ святаго чудоточные его останки. Впрочемъ не знали, гдѣ находятся ученики его. Между тѣмъ ему случилось быть на метохѣ аѳонскаго Діонисіатскаго монастыря, который находился въ Руфанѣ. Тамъ узналъ онъ отъ діонисіатскихъ иноковъ, что въ сосѣдствѣ съ ними отшельничаютъ ученики святаго, а именно на Святой горѣ въ монастырѣ Симонопетрскомъ. Это извѣстіе чрезвычайно обрадовало священника. Онъ рассказалъ тогда инокамъ о чудодѣйственныхъ мощахъ святаго, и что онъ имѣетъ ихъ при себѣ. Услышавъ это, эконоомъ метоха, именемъ Неофитъ, больной однимъ глазомъ, просилъ открыть святые мощи, и когда, призывая преподобномученика въ помощь, приложился къ нимъ, тотчасъ исцѣлилъ глазъ его. Въ признательность за исцѣленіе эконоомъ самъ сопутствовалъ священнику на Святую гору, гдѣ и отыскалъ учениковъ святаго. Трудно выразить радость учениковъ, узрѣвшихъ стра-

стотерпческія мощи своего отца и наставника: они цѣловали ихъ, радовались и благодарили Господа. Потомъ послали съ священникомъ одного монаха, Теофила, въ Адрианополь, и перенесли прочіе останки преподобнаго и учениковъ его, спострадавшихъ ему.

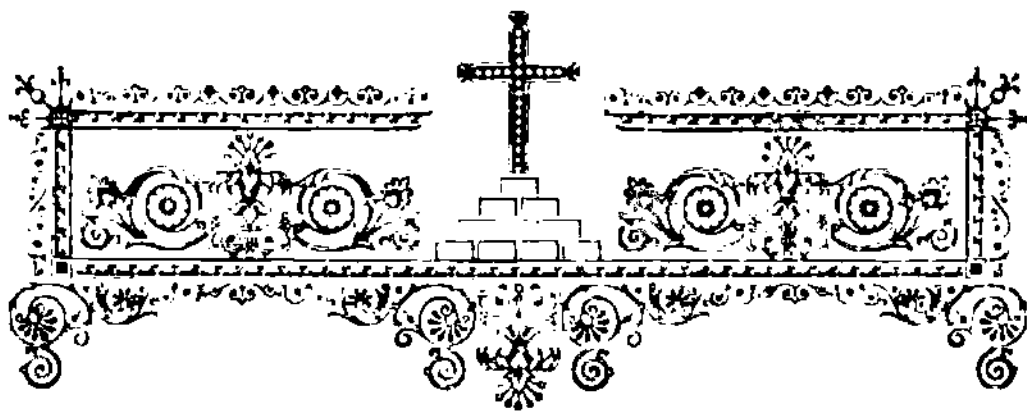
Отъ божественныхъ мощей святаго совершилось и другое чудо. Священникъ, именемъ Каллисть, имѣлъ поврежденные глаза и уста, такъ что глаза перекошились, и уста были искривлены. Когда онъ приложился къ божественнымъ мощамъ, органы эти стали въ свое мѣсто, — и исцѣлившійся, прославляя Бога, всюду проповѣдывалъ о своемъ исцѣленіи. Немного протекло времени, какъ ученики святаго, по причинѣ бѣдности и нужды обителя, а больше во исполненіе пророчества святаго, удалились изъ Симонопетрскаго монастыря съ мощами святыхъ въ мѣстечко Галатиста, близъ Солуня. Тамъ, въ монастырѣ святой Анастасіи узорѣшительницы, уже запустѣвшемъ, поселились они, возобновили его и подвизались о Господѣ. Между тѣмъ слава и чудеса отъ святыхъ мощей привлекли туда въ малое время до 100 братій, при игуменѣ Ѳсонѣ, который былъ впоследствии ессалоникскимъ архіепископомъ (см. 4 апрѣля).

Изъ числа ихъ братства одинъ іеромонахъ, именемъ Варлаамъ, вышелъ нѣкогда изъ повинованія у игумена и тотчасъ взбѣсился такъ сильно, что демонъ мучилъ его до 30-ти разъ въ сутки. Сжалившись надъ несчастнымъ, игуменъ напоилъ его водою, въ которую погрузилъ святыя мощи преподобномученика, и братъ исцѣлѣлъ. Точно такимъ же образомъ получилъ здравіе одинъ бѣсновавшійся изъ рабочихъ монастырскихъ. Впрочемъ чудодѣйствовали не только честныя мощи святаго, но и нѣкоторыя части одежды его: полагаемая на женщинъ, трудно раждающихъ, онѣ облегчали роды ихъ. — Одинъ ессалоникійскій гражда-

нинъ, именемъ Филиппъ, бѣдствуя разъ на морѣ, лишь только призывалъ имя святаго въ помощь, освобился отъ опасности потопленія. Въ благодарность за такое благодѣяніе онъ доставлялъ монастырю, до самаго конца жизни своей, масло для церковныхъ лампадъ. Тотъ же Филиппъ, давши турку 700 піастровъ въ долгъ, когда по времени потребовалъ отъ него, то мусульманинъ не только отрекся отъ платы долга, но и ожесточился противу займодавца. Филиппъ, не надѣясь получить своего долга правомъ суда, обратился съ молитвою къ святому Іакову и, полагаясь на его помощь, пошелъ къ должнику своему вторично. Мусульманинъ, дотолѣ неистовый, съ любовію и ласкою принялъ Филиппа, и тотчасъ же вручилъ ему долгъ.—Такова жизнь, мученичества и чудеса св. преподобномученика Іакова! Его молитвами и спострадавшихъ съ нимъ да удостоимся и мы царствія небеснаго *). Аминь.

*) Преподобномученику Іакову и сомученикамъ его есть служба, которая поется въ день памяти въ слату Честнаго Предтечи и въ обители св. Анастасіи, гдѣ и мощи ихъ почиваютъ. Служба напечатана въ Афинахъ въ 1894 г.

Н О Я Б Р Я 9.

Житіе преподобныхъ и богоносныхъ отцевъ нашихъ
ЕВѢИМІЯ и НЕОФИТА
дохіарскихъ *).

Имена родителей преподобнаго отца нашего Евѣимія неизвѣстны, равно какъ и значеніе ихъ въ свѣтѣ. Достоверно только то, что самъ Евѣимій былъ изъ числа византійскихъ вельможъ, современникъ преподобнаго Аѳанасія аѳонскаго, другъ еще въ мѣрѣ, постриженникъ его въ иночество и ученикъ его въ иноческой жизни **). Живя съ Аѳанасіемъ довольно долго еще до основанія великой лавры, онъ видѣлъ, какъ устроилъ преподобный священную киновію, и съ благоговѣніемъ удивлялся собранію добродѣтельныхъ и преподобныхъ мужей въ единую ограду, будто расточенныхъ овецъ, подъ бдительное попеченіе единаго пастыря. Онъ питалъ глубокое благоговѣніе ко всѣмъ этимъ святымъ мужамъ, но болѣе всего — къ великому отцу

*) Изъ Προσχωητάριον μοναστηρίου Δοχειαρίου.

***) Авторъ книги Κενοὶ προσχωητάριον τοῦ ἁγίου ὄρους, называя святаго Евѣимія тоже другомъ святаго Аѳанасія, полагаетъ его жившимъ при Никифорѣ Вотаниатѣ. Но Вотаниатъ жилъ цѣлымъ вѣкомъ позднѣе святаго Аѳанасія. Ясно, что здѣсь перемѣшаны Никифоръ Фона съ Никифоромъ Вотаниатомъ (см. стран. 88).

своему Аѳанасію, по причинѣ добродѣтельной и изумительной подвижнической его жизни. За примѣрное братолобіе, за достохвальную кротость и скромность, за особенное рвеніе къ ангелоподобной подвижнической жизни, святой Евфимій удостоенъ былъ Аѳанасіемъ первой по немъ степени въ братствѣ и назначенъ проходить должность дохіара: на немъ лежала забота о всемъ продовольствіи, о всѣхъ вещественныхъ нуждахъ братства, — и онъ проходилъ ее съ такимъ усердіемъ, вѣрностію и честностію, какъ бы она возложена была на него Самимъ Богомъ, а не отцомъ его духовнымъ.

Но блаженная душа святаго дохіара хотѣла большихъ подвиговъ, — горѣла желаніемъ безмолвія. Какъ истинный послушникъ, предлагаетъ онъ свою мысль на обсужденіе своего друга, наставника и отца. Святой Аѳанасій, предвидя духомъ, что онъ сдѣлается примѣромъ подвижнической жизни и будетъ виновникомъ вѣчнаго спасенія многихъ душъ, не только соизволилъ на святое его желаніе, но позволилъ идти съ нимъ въ безмолвіе и другимъ, кто пожелаетъ, изъ священной его дружины. Итакъ, святой Евфимій, съ нѣсколькими братіями, вышедши изъ лавры, создалъ въ мѣстѣ, называемомъ Дафна, монастырекъ (монидріонъ), во имя святаго Николая, и, въ память своего послушанія, проходимаго имъ въ лаврѣ святаго своего отца, назвалъ его Дохіаромъ. Внимательно смотрѣлъ святой Евфимій за всѣми движеніями своей души, на новомъ, отшельническомъ пути къ небу, старательно обходилъ сѣти коварнаго врага, разставляемыя имъ на пути нашемъ ко спасенію, усугубилъ здѣсь и постъ, и молитву. Постоянно напоминалъ и малой своей дружинѣ о глубокомъ къ самимъ себѣ вниманіи, объясняя, что наша брань, по Апостолу, — не къ крови и плоти, но къ началамъ и ко властямъ и къ міродержителемъ тьмы *вѣка сего* (Ефес. 6, 12). Не

могъ равнодушно смотрѣть на такіе подвиги святаго Евѣимія начальникъ преисподней и непримиримый врагъ рабовъ Божіихъ. Скоро успѣлъ онъ причинить скорбь святому, употребивъ въ орудіе для этого сарацинъ. Въ одинъ день, святой Евѣимій, увидѣвъ ихъ изъ своего убѣжища въ пристани Дафны *), предузналъ, что люди эти явились здѣсь не съ благою цѣлю. Поэтому онъ заблагоразсудилъ уступить гнѣву исконнаго нашего врага, — удалился изъ своего убѣжища, вмѣстѣ съ своимъ братствомъ, и скрылся въ сосѣднемъ густомъ лѣсу горы. Злодѣи, явившись въ монастырекъ, расхитили священные сосуды церкви и небольшой хозяйственный запасъ и приборъ. Но не удовольствовался этимъ доброненавистникъ. Онъ возбудилъ орудіе свое — сарацинъ на крайнюю и безсмысленную ярость, — они разрушили до основанія церковь и стѣны монастыря, и такимъ образомъ, оставивъ послѣ себя развалины, удалились. Возвратившись изъ лѣсу съ своею дружиною и увидѣвъ въ такомъ жалкомъ и достойномъ слезъ положеніи монастырь свой, святой позналъ, что злодѣи простерли свою ярость на самыя зданія, безъ всякой для нихъ пользы, конечно, по дѣйствию лукаваго. Но малодушіе и ропотъ были далеки святаго Евѣимія. Отъ всей души благодарилъ онъ Бога за посѣщеніе его и скорбію, и милостію, — скорбію, что злодѣи лишили его имѣнія, — милостію, что жизнь его и бывшихъ съ нимъ сохранилась отъ опасности. Воодушевлялъ онъ также и свое братство, вооружалъ ихъ противъ малодушія, укрѣпляя своими отеческими и святыми наставленіями. А такъ какъ пристань, бывшая недалеко отъ его монастырька, привлекла въ Дафну множество разнаго народа, то діаволь, по зависти своей, легко могъ снова возбудить кого-нибудь противъ святаго:

*) Это нынѣ главная афонская пристань. Мѣсто, гдѣ она находится, и нынѣ извѣстно подъ тѣмъ же названіемъ. Это отъ монастыря Ксиропотамаго — на три четверти часа ходу.

поэтому, чтобъ не испытать опять такого же несчастія, святой Евѣимій рѣшился оставить Дафну. Путеводимый Богомъ, онъ нашелъ мѣсто болѣе удобное къ безмолвію, — то самое, гдѣ теперь красуется священный монастырь Дохіарскій. Это мѣсто полюбилось ему и возбудило въ немъ желаніе остаться здѣсь. Посему онъ явился къ Проту Святой горы, котораго звали авва Исаакъ, и объявилъ ему о своемъ намѣреніи. Проть не взялся рѣшить это дѣло одинъ, но призвалъ къ себѣ игуменовъ всѣхъ монастырей и предложилъ имъ на обсужденіе благочестивое желаніе святаго Евѣимія. Тогда и Проть, и всѣ игумены единодушно одобрили такое богоугодное предложеніе святаго; ибо всѣ питали къ нему великое благоговѣніе и уваженіе какъ за добродѣтельную его жизнь, которая стала известна всѣмъ на Святой горѣ, такъ и ради знаменитости его рода: поэтому тотчасъ же дали ему грамоту, за печатью Прота, съ подписью игуменовъ, на владѣніе просимымъ имъ мѣстомъ. На новомъ мѣстѣ святой Евѣимій опять воздвигъ монастырекъ, — и тоже въ честь и память святаго Николая, и уже никѣмъ болѣе не былъ беспокоимъ, но пользовался любимымъ, всегда желаннымъ и высоко цѣнимымъ безмолвіемъ. Какъ дорого святой цѣнилъ безмолвіе, видно изъ того, что для него презрѣлъ онъ дикость и суровость мѣста и недостатокъ важнѣйшей жизненной потребности — воды! Иноческіе его подвиги и здѣсь пошли обычною чредою, — и онъ со дня на день восходилъ отъ силы въ силу, служа образомъ и примѣромъ для малаго своего братства.

Вскорѣ, по водвореніи святаго Евѣимія на новомъ мѣстѣ, прибылъ къ нему изъ византійской столицы племянникъ его, именемъ Николай. Онъ былъ изъ числа знаменитыхъ тамошнихъ вельможъ и опытнѣйшихъ совѣтниковъ славнаго царя Никифора Фоки, пользовался великою цар-

скою милостію и даже почтенъ былъ саномъ патрикія. У Николая родители были также славные и благочестивые. Отецъ его имѣлъ достоинство великаго дукса и назывался Іоанномъ, а мать именовалась Евдокію. Николай съ раннихъ лѣтъ пламенно стремился къ иночеству. Еще на двадцатомъ году своего возраста, когда былъ въ должности перваго государственнаго письмоводителя, онъ оставилъ было славу и чести міра и скрылся въ священной Студійской обители. Родители, пораженные тайнымъ удаленіемъ своего сына, подняли море и сушу, — всюду были разосланы царскіе слуги — отыскивать его. Имъ удалось наконецъ найти его и вручить ему призывныя родительскія письма. Николай показалъ эти письма игумену той обители, и этотъ присовѣтовалъ ему возвратиться къ родителямъ, чтобы не навлечь на себя отвѣтственности въ грѣхѣ преслушанія. Такимъ образомъ, по совѣту мудраго своего духовнаго вождя, Николай тотчасъ возвратился въ столицу, явился въ отческій домъ и, по прежнему, сталъ заниматься государственными дѣлами, хотя огонь любви къ иночеству, возжегшійся въ его сердцѣ, не погасалъ. Родители его, заботясь о земной славѣ единственнаго и горячо любимаго ими сына, хотѣли видѣть въ немъ воскресителя и продолжателя славнаго ихъ рода. Но не такъ думалъ Николай. Не занимало его земное величіе, не льстила слава — быть отсвѣтомъ скоропреходящаго блеска своихъ предковъ. Душа его вся занята была произвольною ницетою и смиреніемъ ради Господа славы, и потому онъ только выжидалъ удобнаго времени, чтобы исполнить свое желаніе безъ скорби для своихъ родителей. Находясь уже нѣсколько лѣтъ въ этой мысленной брани, онъ вдругъ, противъ своей воли, дѣлается великимъ патрикіемъ. — По мірская слава крайне тяготила его; эту высокую государственную должность, возложенную на него земнымъ царемъ,

проходилъ онъ въ чистотѣ совѣсти, хотя, въ то же время, возлагая полное упованіе на Пресвятую Богородицу, не отпадалъ благихъ надеждъ на перемѣну блестящаго своего, по мнѣнію міролюбцевъ, состоянія. Наконецъ, родители его, прошедши съ честію указанное имъ Промысломъ земное поприще и воздавая общій долгъ смертной человѣческой природѣ, сошли о Господѣ съ позорища сего міра и оставили Николая единственнымъ наслѣдникомъ огромнаго имѣнія, движимаго и недвижимаго. Впрочемъ, со смертію его родителей, еще не вдругъ насталъ конецъ всѣмъ препятствіямъ исполненію давней святой его мысли. Онъ зналъ любовь и расположеніе къ себѣ царя, — видѣлъ, что ему нелегко склонить вѣщепосца на свое желаніе, поэтому обратился съ теплою молитвою ко Пресвятой Богородицѣ, чтобъ Она Сама, имиже вѣсть судьбами, устроила его жребій и расположила сердце царево въ его пользу. Однажды, въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, смиренный патрикій, во время всеобщаго бдѣнія, со слезами просилъ Царицу небесную облегчить трудность его положенія. Послѣ этой молитвы, воодушевляясь несомнѣнною надеждою, предсталъ онъ предъ царя и, падши къ царскимъ стопамъ, смиренно просилъ снизойти на его просьбу, — дать ему царское согласіе на приведеніе имъ въ исполненіе того, чего душа его желала еще съ первыхъ лѣтъ возраста. Жаль было царю лишиться достойнѣйшаго патрикія; но зная хорошо твердую его рѣшимость, царь уступилъ его просьбѣ и даровалъ ему державное свое согласіе столь легко, что такой неожиданной перемѣнѣ царскихъ мыслей удивился самъ патрикій. Николай ясно видѣлъ здѣсь призрачнѣе на смиренную его молитву Владычицы всей твари, и потому отъ глубины души, отъ полноты сердца благодарилъ свою Заступницу. Согласившись на просьбу своего патрикія, царь отечески обласкалъ его,

просиль его молиться о благосостояніи его дома и всего его царства, заповѣдалъ ему обращаться къ державѣ его во всѣхъ нуждахъ, обѣщая удовлетворять его щедро и по царски. Можно представить, что чувствовалъ тогда Николай! Воздавъ подобающее благодареніе и поклоненіе вѣнценосцу за такое его къ себѣ расположеніе, онъ устремился изъ міра въ пустыню, какъ не стремится и жаждущій елень на источники водные, — немедленно удалился на Святую гору, явился къ дядѣ своему, святому Евѣимію, игумену Дохіарскаго монастыря и, все свое имущество посвятивъ обители, себя самого предалъ духовному вождю—дядѣ, какъ желѣзо ковачу. Сѣмена духовной жизни, посѣваемая искуснымъ сѣятелемъ на землѣ благой, начали быстро произращать на ней обильные плоды. Поэтому, въ непродолжительномъ времени, Николай былъ облеченъ духовнымъ своимъ отцомъ и дядею въ иноческій ангельскій образъ, съ именемъ Неофита. Это новое растеніе, прозябши на нивѣ иноческаго житія, быстро возрасло въ великое древо и принесло Богу обильные плоды—въ постахъ, молитвахъ и колѣнопреклоненіяхъ. Святой Евѣимій, усматривая, что духовными плодами Неофита достаточно можетъ пользоваться малое его братство, и видя, что всѣ братія питаютъ къ нему великое уваженіе и благоговѣніе, за высокую подвижническую его жизнь, заблагоразсудилъ, съ общаго согласія, передать на его попеченіе монастырекъ и сдѣлать его игуменомъ съ полною властію. А самъ, послѣ сего, возлюбилъ безмолвіе, и въ послѣдніе дни своей жизни утѣшался только племянникомъ своимъ, достигши же наконецъ глубокой старости, мирно почилъ о Господѣ, въ основанномъ имъ монастырѣ.

Принявъ въ свои руки кормило духовнаго правленія, святой Неофитъ, сѣтію мудрыхъ своихъ наставленій и святыхъ дѣяній, уловилъ въ свой монастырекъ многихъ, такъ что малая его обитель въ короткое время возрасла въ

лавру. Посему онъ принужденъ былъ, по причинѣ тѣсноты, испытываемой его братією, позаботиться о распространеніи и увеличеніи своего монастырька; а такъ какъ дикость мѣста и особенно недостатокъ воды въ этомъ мѣстѣ требовали, для сей цѣли, огромныхъ суммъ, то святой смиренно предложилъ своему царю быть ктиторомъ монастыря. Царь принялъ предложеніе Неофита съ благодарностію и благоговѣніемъ и тотчасъ же послалъ ему съ своими людьми, изъ царской сокровищницы, значительное количество золота, прося у него молитвъ и за себя, и за всѣхъ своихъ предковъ. Такимъ образомъ, въ короткое время, явился совершенно новый монастырь, въ той самой величинѣ, въ какой видится онъ и теперь, подъ названіемъ тоже, какъ и прежде, святой обители Дохіарской, и съ главнымъ храмомъ, опять въ честь и память святителя Христова Николая. Заботясь объ устроеніи святой своей обители, преподобный Неофитъ не опустилъ изъ вниманія средствъ содержать ее, но постарался пріобрѣсть въ разныхъ мѣстахъ многіе мстохи, или участки земель и подворья.

Созидавая обитель и пріобрѣтая, для содержанія ся, недвижимое имѣніе, святой истратилъ всѣ деньги, царскія и свои, а въ храмахъ его не была еще окончена живопись, недоставало еще для нихъ священныхъ сосудовъ и одеждъ. Въ такомъ трудномъ положеніи, онъ скорбѣлъ и не зналъ, что дѣлать, писать же царю о новомъ вспоможеніи — считалъ неприличнымъ. Не видя ни откуда человѣческой помощи, святой Неофитъ рѣшился, по наставленію царепророка, возвергнуть печаль свою на Господа, да Онъ препитаеть (Исал. 54, 23), — и обратился съ теплою молитвою къ верховному Управителю нашихъ судебъ. Богатый въ милостяхъ и скорый на помощь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ, Богъ, чтобы содѣлать осязательно очевиднымъ дивный Свой промыслъ о прославляющихъ Его, не замед-

лилъ явить чудесную Свою помощь съ нуждою зиждущемуся храму славы Своея. Еще въ царствованіе Никифора Фоки, — ктитора Дохіарской обители, совершилось слѣдующее, достойное удивленія и изумленія, чудо. Противъ Святой горы, въ виду Дохіара и другихъ монастырей, лежащихъ на южномъ склонѣ Святой горы, на разстояніи отъ ней не болѣе четырехъ часовъ плаванія, находится полуостровъ, извѣстный подъ названіемъ Лонгосъ или Сика. Святой Неофитъ стяжалъ здѣсь метохъ. Близъ этого метоха, съ давнихъ лѣтъ, стоялъ одинъ эмблематическій столпъ, на вершинѣ котораго находилась каменная статуя, изображавшая человека и имѣвшая на головѣ своей слѣдующую надпись: „ударившій меня по головѣ найдетъ множество золота.“ Эта надпись уже много лѣтъ оставалась загадкою безъ разрѣшенія. Многіе ударили статую по головѣ, и надпись на ней всегда оказывалась ложною. Тайна эта такъ долго оставалась тайною не безъ особеннаго смотрѣнія Божія. Настало время, — и сокровенный смыслъ ея легко разрѣшился по божественному вдохновенію. Въ сказанный метохъ святымъ Неофитомъ посланъ былъ, для исправленія разныхъ монастырскихъ нуждъ, одинъ юноша (20-ти лѣтъ), — монастырскій послушникъ, именемъ Василій. Ходя часто на мѣсто, гдѣ былъ столпъ, Василій дивился и столпу, и надписи на немъ, — по таинственность этой надписи все-таки оставалась неизяснимою для него. Въ одинъ день, съ восхожденіемъ солнца, пришелъ онъ къ этому столпу и, умудренный свыше, ударилъ по головѣ тѣвѣ статуи, потомъ раскопалъ ту часть земли, гдѣ своею тѣнью голова падала, и — нашелъ множество золота въ мѣдномъ котлѣ, сверху покрытомъ мраморнымъ камнемъ. Юноша былъ полонъ удивленія и радости отъ этой печальности, но не уязвился златолюбіемъ. Закрывъ опять золото со всею осторожностію, онъ тотчасъ же, прежде срока своего послу-

шанія, отправился въ монастырь. Святой, недоумѣвая о преждевременномъ прибытіи юноши, спросилъ его наединѣ, что это значитъ. Узнавъ причину поспѣшнаго явленія къ себѣ своего послушника, святой воздалъ славу и благодареніе Богу, что Онъ, Всеблагій, услышалъ его прошеніе и не допустилъ ему снѣдаться долго печалію о скудости внутренняго украшенія священнаго храма. Итакъ, съ разсвѣтомъ, не объявляя ничего братству, святой Неофитъ назначилъ, по прошенію юноши, отправиться съ нимъ тремъ честнѣйшимъ отцамъ, на своемъ монастырскомъ суднѣ, на полуостровъ Лонгосъ. Достигши цѣли своего плаванія, повѣренные старцы съ удивленіемъ убѣдились въ истинѣ сказанія юноши. Доставъ изъ земли мѣдный котель, полный золота, они внесли его вмѣстѣ съ камнемъ, служившимъ ему крышкою, на судно и немедленно поплыли обратно въ монастырь, взявъ съ собою и юношу. Но эти три отца, какъ люди, не устояли предъ соблазнительнымъ блескомъ золота. Хотя они были и опыты въ добродѣтели, но и лукавый хитръ на зло: онъ, по разнымъ, съ виду благословнымъ, причинамъ, убѣдилъ ихъ утаить золото. А нужно только запереть ногу къ нему въ бездну, — тамъ ему уже нетрудно и совѣмъ увлечь насъ къ себѣ. И дѣйствительно, для осуществленія одного беззаконія, онъ внушилъ имъ совершить другое, еще горшее преступленіе, — именно: чтобы утаилось отъ людей ихъ хищеніе, врагъ склонилъ отцевъ умертвить невиннаго юношу, и все это дѣло закончить обманомъ духовнаго ихъ отца. Но верховный Управитель нашихъ судебъ не такъ судилъ быть этому лукавому и беззаконному сплетенію. Наставленные діаволомъ, несчастные иноки, связавъ юношѣ руки и ноги и повѣсивъ на шею его мраморный камень, которымъ было закрыто золото, бросили его въ море. Это было ночью. А сами, достигши монастыря, раздѣлили

золото между собою, и каждый свою часть скрылъ внизу монастырской пристани,—до времени, пока не найдеть удобнаго случая удалиться изъ монастыря. Но Богъ чудесь, Единъ вѣрно распознающій злоухищренія врага и Единъ, всемогущею Своею силою, ниспровергающій ихъ, промышляя о душевномъ спасеніи этихъ иноковъ и о жизни сего добраго юноши, равно какъ объ украшеніи священнаго храма, о коемъ столько умолялъ Его вѣрный Его служитель, измышленное лукавымъ зло премудро и чудно направилъ ко благу. Лишь только юноша былъ брошенъ въ море, тотчасъ явились, осіяваемые небеснымъ свѣтомъ, ангельскіе чиновачальники — Михаилъ и Гавріиль, — и юноша, подобно пророку Аввакуму, въ одинъ часъ принесенному ангеломъ изъ Іерусалима въ вавилонскій львиный ровъ, въ то же мгновеніе лежалъ уже въ монастырѣ, внутри запертой церкви, предъ святымъ алтаремъ, на полу *) у царскихъ вратъ, и въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ былъ брошенъ въ глубину морскую. Потрясенный предшествующими обстоятельствами и оттого лишившійся чувствъ, юноша погруженъ былъ теперь въ глубокой сонъ. Когда пришло время утренней службы, кадиловжигатель, по обыкновенію взявъ благословеніе у игумена ударять въ доску — деревянную доску, пошелъ сначала въ храмъ—зажечь лампы предъ иконами, и вдругъ видитъ предъ царскими вратами, связаннаго по рукамъ и ногамъ, спящаго юношу. Возжигатель лампадъ, пораженный такимъ зрѣлищемъ и почитая это мечтаниемъ бѣсовскимъ, тотчасъ пошелъ изъ храма—возвѣстить о видѣніи игумену. Игумень, упрекнувъ его въ малодушіи и робости велѣлъ ему идти въ храмъ, оградить себя знаменіемъ крестнымъ и сказать: „Господи! оружіе на діавола крестъ Твой далъ еси намъ; трепещетъ бо и трясется, не терпя взирати на

*) По Афонѣ, во храмахъ предъ иконостасомъ нѣтъ амвоновъ.

силу его, — яко мертвыя возставляетъ, и смерть упраздни. Сего ради покланяемся погребенію Твоему и возстанію“ *). Кандиловжигатель извѣстилъ игумена, что молитва и крестъ не имѣють успѣха. Тогда святой Неофитъ, познавъ, что видимое не есть обманъ и мечта бѣсовская, самъ пришелъ съ кандиловжигателемъ въ церковь и — о чудо! видитъ въ столь странномъ положеніи того самаго юношу, который возвѣстилъ ему объ обрѣтеніи золота. Исполненный тоже удивленія и ужаса, святой Неофитъ долго стоялъ надъ юношею недвижимо, опершись на свой жезлъ, и не могъ дать себѣ никакого отчета въ видимомъ. Послѣ долгаго раздумья, наконецъ онъ жезломъ своимъ легко коснулся юноши. Несчастный пробудился и не зналъ ни того, гдѣ онъ находится, ни того, что съ нимъ дѣлается. Успокоенный и вразумленный святымъ Неофитомъ, онъ наконецъ пришелъ въ себя и объяснилъ преподобному эту загадку. „Посланные тобою, отче,“ сказывалъ онъ, успокоившись, „повѣренные отцы, получивши указанное мною золото, согласились утаить его, а для соблюденія своего преступленія въ тайнѣ, рѣшились утопить меня. Поэтому, связавши мнѣ руки и ноги и привѣсивъ этотъ камень на мою шею, — какъ бы выдѣляя и мнѣ часть изъ найденнаго нами сокровища, — они бросили меня въ море. Далѣе я ничего не знаю. Какъ вышелъ я изъ глубины морской и очутился здѣсь, — не знаю; одно только помню, — что лишь только погрязъ я въ безднѣ морской, тотчасъ явились какіе-то двое златокрылые, какъ бы орлы, осіяваемые неизреченнымъ свѣтомъ, и восхитили меня куда-то.“ Услышавъ эту повѣсть, святой понялъ, кто были златокрылые орлы. Всегда возлагая по Богъ свое упованіе на сильную помощь архангеловъ Михаила и Гавріила, онъ несомнѣнно вѣрилъ и видѣлъ, что Богъ, предстательствомъ ихъ, какъ юношу

*) Отголкъ 8-го гласа. Воскресная служба, стихиры на хвалитехъ.

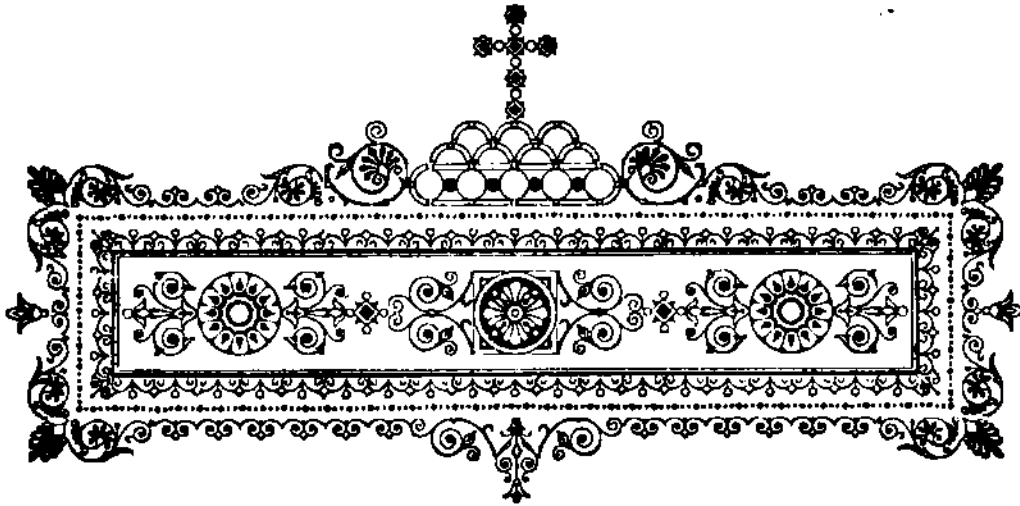
освободилъ отъ глубины морской, такъ и тремъ тѣмъ инокамъ не попустилъ погибнуть въ безднѣ ада. Святый Неофитъ, чтобы болѣе изумить братство этимъ чудомъ и вмѣстѣ лучше обличить трехъ дѣлателей беззаконія, — ибо онъ узналъ, что они въ ту ночь прибыли къ монастырской пристани, — опредѣлилъ юношѣ остаться до утра въ этомъ жалкомъ положеніи, а утреню благословилъ читать въ притворѣ храма; самый же храмъ велѣлъ кандиложигателю на ночь запереть, строго запретивъ ему объявлять братству причину такой новости и странности. Утромъ, благіе и вѣрные рабы явились съ пристани въ монастырь. Святый Неофитъ, призвавъ ихъ къ себѣ, спрашивалъ ихъ о юношѣ и сокровищѣ. „Тщетенъ нашъ трудъ,“ отвѣчали они: „лжець этотъ юноша, — обманулъ насъ и, устыдившись своей лжи, убѣжалъ неизвѣстно куда.“ Святый, показывая видъ, будто вѣритъ словамъ ихъ, сказалъ: „благословенъ Богъ! пойдите въ церковь, совершимъ славословіе Богу, — и Онъ, какъ благій и сильный, пошлетъ намъ богатую Свою милость, имиже вѣсть судьбами.“ Между тѣмъ, по повелѣнію его, ударили въ колокола, — собрались всѣ отцы и вошли купно въ божественный храмъ, въ предшествіи святаго и тѣхъ трехъ старцевъ. Едва только увидѣли они юношу въ этомъ жалкомъ положеніи, какъ виновниковъ такого явленія объялъ страхъ и трепеть, а прочихъ отцевъ, не знавшихъ о томъ прежде, — недоумѣніе и изумленіе. Тогда юноша, на вопросъ святаго, повторилъ то же самое въ присутствіи всѣхъ, что прежде рассказалъ ему одному. „Великъ Ты, Господи, и чудны дѣла Твои!“ единогласно воскликнуло все священное братство, когда юноша замолчалъ. А тѣ три несчастные инока, падши ницъ и открыто исповѣдая свое беззаконіе, горько раскаивались въ немъ и со слезами просили святаго Неофита и прочее братство помолиться ко Господу Богу и святымъ архангеламъ

о прощеніи имъ великаго ихъ преступленія и, съ неутѣшнымъ плачемъ, указывали мѣсто, гдѣ скрыли они гибельное золото. При этихъ трогательныхъ и поразительныхъ обстоятельствахъ, радость игумена и всей братіи была неописанна. Хвалили и благодарили Бога, славили и архангеловъ. Но такъ какъ ангельскіе чиновначальники осязательно и явно показали, сверхъестественными своими дѣлами, что они священный сей монастырь получили отъ Бога въ жребій себѣ, то братство сочло благословнымъ главный храмъ монастыря, который прежде, какъ выше сказано, былъ сооруженъ во имя святаго Николая, посвятить божественной двоицѣ архангеловъ. А сему святителю былъ опредѣленъ храмъ придѣльный. Такимъ образомъ, совершивъ всеобщее бдѣніе и божественную литургію, братія, съ того времени, благопристойно посветили главный храмъ монастыря пречестнымъ именамъ великихъ чиновначальниковъ Михаила и Гавріила и прочихъ съ ними безплотныхъ силъ. А на согрѣшившихъ монаховъ святой Неофитъ, по принятіи отъ нихъ золота, наложилъ ещитимію и, какъ святототатцевъ, убійцъ и лжецовъ, изрипулъ ихъ на время изъ монастырскаго братства. Но когда они исполнили свою епитимію, слезами и покаяніемъ умилостивили Бога, — тогда святой снова причислилъ ихъ къ святому лику, и они, по исполненіи дней, мирно отошли ко Господу.

Святой Неофитъ, получивъ свыше даръ для своего монастыря, расписалъ божественный храмъ его прекрасною живописью, снабдилъ богатыми священными сосудами и одеждами и сдѣлалъ весьма много другихъ полезныхъ пріобрѣтеній. А юношу Василия, нашедшаго сокровище, по желанію его, святой облекъ въ ангельскій образъ, переименовавъ Варнавою, и упражнялъ его во всякой добродѣтели. Но такъ какъ слава добродѣтелей святаго Неофита прошла по всей Святой горѣ, то всѣ преподобные отцы

аеонскіе, по смерти тогдашняго Прота, почли достойнымъ поставить на это мѣсто игумена Дохіара. Святой Неофитъ, видя, что невозможно ему избѣжать сего порученія Святой горы, передалъ, съ согласія всего братства, священный монастырь для управленія Варнавѣ, какъ мужу испытанному имъ самимъ и всѣмъ братствомъ, а самъ перешелъ въ протать и несъ обязанность Прота много лѣтъ. Наконецъ этотъ труженникъ о Господѣ, послѣ многолѣтнихъ святыхъ своихъ трудовъ, возымѣлъ нужду и въ покой. Бывъ уволенъ, по преклонности лѣтъ, отъ трудной должности Прота, онъ возвратился въ свой монастырь, гдѣ вскорѣ и отошелъ на вѣчный покой въ лоно Авраама, будучи полонъ дней. Молитвами святыхъ отцевъ Евѳимія и Неофита, да сподобимся и мы стяжать наслажденіе вѣчными благами. Аминь.

Н О Я Б Р Я 12.

**Житіе преподобнаго отца нашего
НИЛА МУРОТОЧИВАГО *).**

Святый и блаженный Ниль, возсіявъ въ позднія времена, подвигами своими превзошелъ многихъ даже и древнихъ подвижниковъ. Новое доказательство, что добродѣтель, благочестіе и любовь къ Богу не опредѣляются временами и годами, но имѣють свое основаніе въ нашей волѣ и произволеніи.

Святый Ниль былъ сынъ благочестивыхъ и православныхъ родителей, имѣвшихъ свое жительство въ Морѣ или нынѣшней Греціи, въ селеніи, именуемомъ „святаго Петра,“ Законійской епархіи. Воспитаніе его ограничивалось предѣлами мѣста его рожденія. Въ раннихъ еще лѣтахъ лишился онъ своихъ родителей, но нашель ихъ въ дядѣ своемъ іеромонахѣ Макаріи. Этотъ дядя былъ бдительнымъ и искреннимъ надзирателемъ за всѣми движеніями ума и сердца сего будущаго сосуда благодати Святаго Духа. И нещетными оказывались многозаботныя попеченія пѣстуна надъ его воспитанникомъ. Племянникъ, обладая прекрасными

*) Съ рукописи Лаврской келліи Нила преподобнаго.

природными дарованіями, при неусыпномъ и искреннемъ о немъ стараніи дяди, оказывалъ быстрые успѣхи въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Поэтому юный Ниль, достигнувъ законнаго возраста, принялъ монашеское постриженіе и удостоенъ былъ рукоположенія во іеродіакона, а потомъ и во іеромонаха. Такимъ образомъ достопочтенный дядя и достойный его племянникъ единодушно подвизались подвигомъ добрымъ. Но сіи высокія и дѣвственныя души, бывъ уязвлены пламенною и всецѣлою любовію къ пресладкому Небесному Жениху, во славу Его, возгорѣли желаніемъ подвиговъ большихъ. Нашедши настоящее свое мѣстопробываніе недостаточнымъ для осуществленія такого пламеннаго своего желанія, они удалились изъ своего отечества и пришли на святую Аѳонскую гору. Посѣтивъ здѣшніе обители, скиты и пустыни, съ цѣлію обрѣсти мѣсто, удобное для безмолвія и высокихъ подвиговъ, наконецъ пришли они въ одно мѣсто, издревле называемое Святыя Камни. Это мѣсто тогда было еще пусто и не заселено, такъ какъ отличалось чрезвычайною дикостію и безводностію. Блаженный Макарій и божественный Ниль, найдши его однакожъ весьма удобнымъ для глубокаго безмолвія и совершенно соответствующимъ святымъ наамѣреніямъ, исполнились тою радостію, какую ощущаютъ обрѣтшіе многоцѣнное сокровище. Полные этой неподдѣльной радости, они явились въ Лавру и просили благословенія на владѣніе этимъ мѣстомъ *) и на устроеніе тамъ келлій. Игуменъ Лавры **) съ своею старшею братіею, видя чистоту и божественное желаніе просителей, которые и самую свою наружностію внушали къ себѣ почтеніе и уваженіе, съ радостію согласились на ихъ прошеніе и, въ знакъ своего согласія на то, дали имъ письменное увѣре-

*) Оно находится въ области Лавры.

**) Въ настоящее время Лавра идиоритъ.

ніе. А священный Макарій, по обыкновению Святой горы *), внесъ въ Лавру небольшой денежный вкладъ, какъ дасть дружбы. Получивъ такимъ образомъ право на владѣніе мѣстомъ, блаженные труженики приступили къ расчищенію его. Какихъ же стоило имъ это трудовъ; сколько при этомъ пролито ими поту! Но души, разжженные ревностію по Богъ, не замѣчали своихъ трудовъ, и вскорѣ восталъ, какъ бы фениксъ, святыи храмъ въ честь и славу Царя небеснаго, съ помѣщеніями при немъ для земныхъ ангеловъ, имѣющихъ славословить Его во дни и въ нощи. Скоро, по устроении келлій, божественный Макарій мирно почилъ о Бозѣ отъ бремени праведныхъ трудовъ своихъ, сдѣлавъ племянника своего наслѣдникомъ во всемъ и достойнымъ преемникомъ и правителемъ келлій.

Послѣ сего блаженный Ниль, болѣе и болѣе разжигаясь пламенемъ любви къ Виновнику своего бытія, желая совершенной неразвлекаемости въ занятіи высочайшимъ предметомъ своей любви, какъ бы сказать, стремясь слить свою любовь съ превѣчною Любовію, находить и это мѣсто не совсѣмъ соответствующимъ святымъ стремленіямъ пламенной его души. Посему онъ отыскиваетъ другое, болѣе способное удовлетворить его стремленію, и поселяется въ немъ. Мѣсто это въ то время, по своей дикости, суровости и обилію наводящихъ ужасъ исполинскихъ скалъ и стремнинъ, было недоступно не только для людей, но и для имѣющихъ обыкновеннымъ прибѣжищемъ высокіе горы и камши (Псал. 103, 18) **). Отсюда само собою разумѣется,

*) Желающаго имѣть ясное понятіе объ обыкновении, соблюдаемомъ на Святой горѣ при покупкѣ кѣльи-либо мѣсть или келлій, также объ условіяхъ здѣшней кельйной жизни и о различіи келлій отъ келивы и пещи, просимъ прочитать объ этомъ въ „письмахъ Святоторца къ друзьямъ своимъ“ (См. ч. I, письмо 13).

**) Оно не болѣе было отрядно и во время посѣщенія Святой горы знаменитымъ нашимъ путешественникомъ Барскимъ въ 1744 году. Вотъ что пишетъ онъ объ немъ: „отъ шпалца, именуемаго Келія Безбродого, ниже мало, или на вершкѣ камня, или далѣе, обрѣтается пещера, надъ ве-

что для истинной любви къ Богу собственно нѣтъ опасностей и трудностей. Она ихъ вовсе не замѣчаетъ, если только всецѣло занята своимъ высокимъ предметомъ. Примеръ тому—безчисленное множество мучениковъ, великомучениковъ и подвижниковъ, удивившихъ своими подвигами не только человѣковъ, но и Ангеловъ. Опасенія трудностей на стезѣ любви къ Богу выражаютъ еще неискренность и неполноту ея. Проникнутые ею всецѣло, предъ лицомъ неба и земли, они свидѣтельствовали, что ихъ ничто ни въ семь, ни въ будущемъ вѣкѣ не можетъ разлучить отъ предмета пламенной ихъ любви (Рим. 8, 38. 39). Такъ и сего божественнаго труженика, блаженнаго Нила, что заставило презрѣть всѣ трудности и неприятности, даже самую опасность жизни? Всецѣлая любовь души его къ Богу.

Истинно любящіе Бога и живущіе по Богу всячески стараются скрывать свои добродѣтели, плачь и слезы, опасаясь стрѣлъ тщеславія и похвалы людской, желаютъ, чтобъ умъ ихъ не былъ стѣняемъ заботами о суетномъ и мірскомъ, но чтобы былъ постоянно устремленъ къ Богу. Такъ точно и божественный Ниль, желая, чтобы и самые сподвижники не слышали сердечныхъ его воздыханій и ликанъ, глубокихъ и ужасныхъ удоліемъ, въ ней же свиташеся и^нквѣ преподобный отецъ святогорскій Ниль, ядѣже и до нынѣ самая оная пещера, и храмъ во имя его именуется, и мощи его повѣствуютъ быти тамо предъ пещерою, подъ зѣло великимъ каменемъ, иже нерукосѣчно самъ сверху паде Промысломъ Божиимъ, во время, егда хотяху понести его мощи на иное мѣсто; путь же къ нему толь зѣло страшный и бѣдный, яко унываетъ сердце грядущаго по немъ. Поплывшися убо азъ тамо, умилися и помыслихъ, яко тѣснымъ и прескорбнымъ путемъ ходящіе спасаются, широкимъ же шествующіе погибають, ибо по реченному: тѣсенъ есть путь и прескорбенъ вводишь въ животъ вѣчный; велій же яки полюбви тамо отнюдь нѣсть, жестокости ради и тѣснаго мѣста“ (см. книгу новаго изданія: „Второе посѣщеніе св. Афонской горы Барсѣимъ“, стр. 57). Мѣсто это и теперь необитаемо, и посѣщается съ довольною затруднительностію только чужими память высокаго Афонскаго подвижника XVI вѣка. Сто сорокъ четыре ступеней сводятъ пришельцевъ къ церкви, которая воздвигнута въ небольшомъ объемѣ надъ могилою преподобнаго Нила. Отсюда, близъ сѣверной стѣны, начинается подъемъ по 27 ступенямъ въ самую пещеру святаго Нила, извѣстную въ отѣсной славѣ, надъ небольшимъ валикомъ. А на четверть часа ходу отъ этого мѣста, стоитъ земля во имя всѣхъ святыхъ, называемая обыкновенно Пиловою, по храменію въ ней мощей преподобнаго Нила и по безмолвованію тамъ сего угодника.

молитвъ къ Богу, и не видѣли подвиговъ и слезъ, чтобы умъ его и сердце постоянно заняты были Богомъ, чтобы можно было всегда себя посвятить Богу и чтобы никто не могъ прерывать небесныхъ его упражненій, нашель мѣсто для своего уединенія, неприступное почти ни для какого живаго существа, нашель и, не обращая вниманія на невыразимыя трудности и даже опасности жизни, поселился въ немъ. А поселившись, мужественно терпѣль онъ до конца своей жизни всякую тѣсноту и бѣдствіе, презрѣвъ всякое тѣлесное упокоеніе и человѣческое утѣшеніе. Какіе же подвиги видѣла пещера, вмѣстившая сего мужественнѣйшаго подвижника! Коликимъ она оросилась изліаніемъ теплыхъ слезъ плакавшаго по Богъ день и ночь! Какой борьбы съ демонами и какихъ побѣдъ надъ ними была она свидѣтельницею! И послѣ побѣдъ надъ темными силами, коликими она освятилась небесными видѣніями и ликостояніями Ангеловъ, явившихся сюда для утѣшенія равноангельскаго подвижника! Всего этого хорошо мы не знаемъ; это извѣстно только Всевѣдцу. Но для насъ и одно мѣсто его подвиговъ есть безмолвный и громогласный проповѣдникъ о величій ихъ; не менѣе того свидѣтельствуеть о томъ же и прославленіе потомъ мертвенныхъ священныхъ его останковъ.

Вотъ настало время и окончанія земныхъ злостраданій сего славнаго подвижника, и упокоенія его тамъ, гдѣ ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ кому (Апок. 21, 4). Умерщвлявшій по вся дни свое тѣло безболѣзненно отдаеть общій долгъ смертности и отходить къ Тому, Коего душа его желала отъ юности, возносясь на небеса въ пѣнопѣвнѣяхъ и дориношеніи Ангеловъ. Въ тѣснѣйшей своей пещерѣ, ознаменованной и освященной столькими дивными подвигами, онъ мирно предалъ въ руцѣ Божіи мирный свой духъ. При ней же братія его келліи благоговѣнно предали

землѣ многопобѣдное и многотерпѣливѣйшее его тѣло. А чудный во святыхъ Своихъ великодаровитый Мздовоздаятель, славно прославляющій славящихъ Его, въ вѣрное и ясное свидѣтельство чистой и божественной жизни сего высокаго подвижника, прославилъ его тѣмъ, что изъ гроба его впослѣдствіи начало истекать благовонное муро съ цѣлительными силами. Муро это, какъ свидѣтельствуеть преданіе, текло въ такомъ обиліи, что стекало внизъ по стремнинѣ даже до самаго моря *). И когда разнеслась о семъ слава всюду, стали во множествѣ стекаться сюда христіане отъ самыхъ отдаленныхъ странъ Востока, приставая своими каиками (лодками) ниже и прямо пещеры, чтобъ получить сего священнаго мюра во исцѣленіе и освященіе души и тѣла. Отъ этого самого, говорятъ, и мѣсто, находящееся ниже пещеры Ниловой, названо *харавостѣлю* (кораблестояніе). Преподобный же съ того времени нареченъ муроточивымъ. При этомъ рассказываютъ, что ученикъ, оставшійся послѣ святаго Нила и бывший очевидцемъ скромности и глубокаго смиренія своего старца при земной его жизни, не вынося молвы отъ множества стекающихся мірянъ, тревожившихъ покой Святой горы, будто бы рѣшился жаловаться своему прославленному старцу на него самого, что онъ, вопреки своимъ словамъ — не искать и не имѣть славы на землѣ, а желать ея только на небесахъ, — весь міръ скоро наполнить славою своего имени и нарушить чрезъ то спокойствіе Святой горы, когда во множествѣ начнутъ приходить къ нему для исцѣленій: и это такъ подѣйствовало на святаго муроточда, что тогда же муро изсякло. Въ недавнее время нѣкоторые изъ кавсокаливскихъ отцевъ, получившіе исцѣленіе отъ различныхъ болѣзней чрезъ благоговѣнное молитвенное призываніе святаго въ помощь себѣ, по чувству святой благодар-

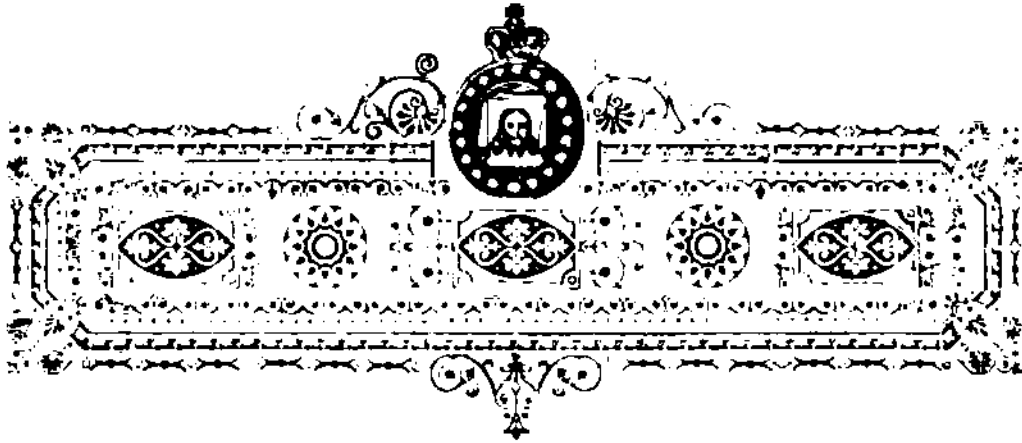
*) Это будетъ въ отвѣсѣ сажень по крайней мѣрѣ 60.

ности рѣшились построить при его пещерѣ храмъ. 1815 года отъ Р. Х. 7-го мая, было приступлено къ постройкѣ. Копая мѣсто для основаній храма, открыли незамѣчаемый дотолѣ сводъ, и вдругъ вышло изъ онаго неизреченное благоуханіе. Надобно сказать, что до того времени, хотя всѣ были увѣрены, что гробъ преподобнаго и мощи его находятся при его пещерѣ, но никто не зналъ определенно, въ какомъ именно мѣстѣ. Для непытливой вѣры достаточно было только знать, что тамъ находится чтимая ею святыня. Итакъ, разломавъ этотъ сводъ, нашли подъ нимъ безцѣнное сокровище — священныя мощи святаго, благоухавшія неизъяснимымъ райскимъ ароматомъ. Тотчасъ же сообщили объ этомъ Лаврѣ. Лавра немедленно послала туда іереевъ. Іереи, взявъ съ величайшимъ благоговѣніемъ изъ подъ свода святыя мощи, перенесли ихъ въ Лавру, гдѣ въ то время находился константинопольскій патріархъ блаженный Григорій V и участвовалъ при встрѣчѣ святыхъ мощей. Лавра, прилично украсивъ черепъ и челюсть святой главы, первый оставила у себя, положивъ его во святомъ алтарѣ вмѣстѣ съ другими святыми мощами, вторую же отослала въ келлію святаго Нила, во освященіе пребывающихъ тамъ и приходящихъ туда ради благоговѣнія къ святому и почитанія его памяти. Между тѣмъ оконченъ былъ устройствомъ и священный храмъ при пещерѣ святаго Нила. Онъ, сообразно съ пространствомъ мѣста, можетъ вмѣстить не болѣе 10 или 15 человекъ. Позади алтаря сего храма означено мѣсто, гдѣ былъ гробъ святаго.

Вотъ краткое описаніе жизни преподобнаго отца нашего Нила, который, какъ вѣрный рабъ и благодарный дѣлатель, послужилъ Владыкѣ и Богу нашему въ привременной жизни и прославилъ Его въ тѣлеси своемъ, умертвивъ душевредныя страсти и злыя похоти плоти, презрѣвъ

всякое временное упокоеніе тѣла и даже самыя необходимыя его нужды. За что и всецѣдый дародатель Богъ прославиль его здѣсь на землѣ, освятивъ временно злострадавшее его тѣло и давъ мертвеннымъ его останкамъ благодать исцѣленія недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ съ вѣрою къ нимъ притекающихъ; паче же онъ прославляется нынѣ на небесахъ, веселясь своимъ духомъ со всѣми святыми и съ Ангелами и наслаждаясь невечернимъ свѣтомъ и неизреченною красотою Трїипостаснаго Божества. Молитвами и ходатайствомъ преподобнаго отца нашего Нила да достигнемъ и мы въ мѣру возраста и исполненія Христова, и да сподобимся наслаждаться купно съ нимъ блаженною и не старѣющею жизнію. Аминь.

П О Я Б Р Я 13.

**Страданіе святаго преподобномученика
ДАМАСКИНА *).**

Нажанный Дамаскинъ пострадалъ въ царство султана Мехмета IV, при константинопольскомъ патріархѣ Іаковѣ, урожденцѣ хіосскомъ. Родился онъ въ Галатѣ константинопольской, въ приходѣ Вогородицы Елеусы (милующей), отъ благочестивыхъ родителей Кириака и Кириакіи: имя его въ мірѣ было Діамандисъ; въ отрочествѣ остался онъ сиротою. Безъ руководства и надзора родительскаго, Діамандисъ, по искусству швецъ, велъ себя безирравственно и, бывъ схваченъ турецкимъ правительствомъ въ преступленіи, для избѣжанія наказанія, отрекся отъ христіанской вѣры. Достигши же совершеннаго возраста, часто воспоминалъ онъ объ обѣтованіяхъ Евангелія, о святости и чистотѣ христіанской вѣры и, чувствуя, въ какую палъ бездну погибели, отрекшись Христа, рѣшился удалиться на святую Аѳонскую гору и тамъ оплакивать тяжкій свой грѣхъ. Итакъ, онъ прибылъ на Святую гору и поступилъ въ лавру святаго Аѳанасія; 12 лѣтъ оплакивалъ свое паденіе, изнурялъ себя разнообразными трудами

*) Изъ Νεον Μαρτυρολόγιου.

подвижничества и безусловно слѣдовалъ совѣтамъ духовнаго своего старца, которому, по приходѣ, открылъ несчастное свое положеніе и всецѣло подчинился. Здѣсь принялъ онъ святую схиму съ именемъ Дамаскина. Не смотря однакоже на то, что своею строгою жизнію превосходилъ многихъ тогдашняго времени иноковъ, не смотря на всѣ свои труды и слезы, онъ считалъ свой грѣхъ столь тяжкимъ, что никакіе подвиги, казалось ему, не могли удовлетворить за него правдѣ Божіей. Одно, на чемъ успокоивалась мысль его, — пострадать и умереть за Христа, слова Котораго онъ постоянно содержалъ въ памяти: *иже исповѣсть Мя предъ чловѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ: а иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ* (Матѣ. 10, 32. 33). Когда онъ открылъ свое желаніе — идти на смерть за Христа, никто не одобрялъ того, изъ опасенія немощи чловѣческой, чтобъ послѣднее не оказалось горше перваго. Въ то время въ лаврѣ находился патріархъ константинопольскій Діонисій: ему надлежало отправляться въ Константинополь. Дамаскинъ открылъ ему свое желаніе; патріархъ благословилъ его на подвигъ и взялъ съ собою въ Константинополь. — Я возвращусь опять на Святую гору, сказалъ ему патріархъ, а ты вступишь въ подвигъ мученичества и умрешь за Христа: помолись Ему и о мнѣ, да милостивъ будетъ мнѣ въ исходѣ моемъ. По прибытіи въ Константинополь, Дамаскинъ снялъ съ себя иноческое одѣяніе, чтобы, при исповѣданіи имени Христова, не навлечь на иноковъ гнѣва, когда мусульмане услышатъ отъ инока хулу на Магомета. Подобный случай гоненія на иноковъ былъ прежде немногихъ лѣтъ, когда пострадали два инока, Кипріанъ и Гавріиль. Потомъ приобщившись святыхъ Таинъ Христовыхъ въ храмъ святаго Николая, что въ Галатѣ, Дамаскинъ пошелъ въ Софію и тамъ на-

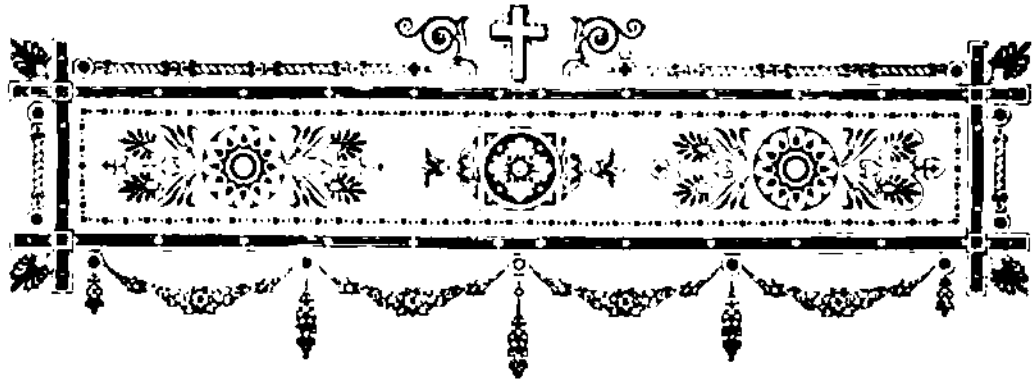
чалъ молиться, ограждаясь знаменіемъ честнаго креста. Мимо проходившіе агаряне, видя христіанипа въ Софійской мечети молящагося, изумились. Впрочемъ, почитая его помѣшаннымъ, не обращали вниманія. По молитвѣ Дамаскинъ, видя, что никто изъ турокъ не тревожится, вышелъ изъ Софіи. На пути встрѣтилъ онъ имама, читающаго книгу и спросилъ его: — писано ли что-нибудь въ книгѣ твоей о Христѣ? — Не хочешь ли ты быть мусульманиномъ, отвѣчалъ ученый. — А что такое значитъ мусульманинъ? сказалъ Дамаскинъ. Между тѣмъ подошли и окружили ихъ агаряне, слушали Дамаскина и насмѣхались надъ нимъ, какъ надъ неистовымъ. Тогда спросилъ ихъ исповѣдникъ: хотите ли слышать слово къ пользѣ вашей? — Хотимъ, скажи, отвѣчали они. — Мученикъ говоритъ: Христосъ есть Богъ истинный, Творецъ всего видимаго и невидимаго. — Ты безумецъ, возразили они — Не я, а вы безумны и несмысленны, если не вѣруете, что Христосъ есть истинный Богъ. Не обращая вниманія, какъ на неистоваго, турки оставили его. Оттуда переходитъ святой исповѣдникъ въ мечеть султана Мехмета, и тоже проповѣдуетъ тамошнимъ имамамъ, но и они только прогнали его, какъ неистоваго. Недовольный неисполненіемъ своего желанія, Дамаскинъ удалился къ мѣсту, такъ называемому Капани, и тамъ громко, среди мусульманъ, воззвалъ: мусульмане! одна вѣра Христова есть истинная, а ваша вѣра ложная: васъ обманулъ Магометъ, и вы за свое заблужденіе будете наказаны. Но какъ громко ни обличалъ онъ турокъ, — и тамъ никто не обратилъ на него вниманія. На другой день утромъ, пришедши во дворецъ визиря, Дамаскинъ началъ говорить: одна вѣра христіанская есть истинная, и Христосъ есть Богъ истинный, а ваша вѣра ложная. Изступленные турки схватили его, били безъ милости и наконецъ, какъ неистоваго, выгнали. На третій день является испо-

вѣдникъ въ мечеть, называемую Сейзаки, близъ казармъ янычарскихъ. Когда турки, послѣ обычныхъ своихъ молитвъ, выходили изъ мечети, онъ громко говорилъ имъ: несчастные! кого вы почитаете? чего надѣетесь отъ ложнаго пророка вашего? Одна есть истинная вѣра, — вѣра христіанская. Но, какъ и прежде, принимая исповѣдника за помѣшаннаго, никто не обратилъ на него вниманія. Сильно огорченный тѣмъ, что и здѣсь не достигъ желанія, онъ печально возвратился въ Галату; всю слѣдующую ночь провелъ въ молитвѣ и смиренно вопіялъ ко Господу: не возгнушайся мною, смиреннымъ рабомъ Твоимъ, единородный Сыне Божій, удостой меня пролить кровь мою и положить животъ мой за Тебя, моего Господа. На утро, въ день воскресный, вставши, пошелъ онъ въ мечеть, что у Топханы, въ которой прежде въ молодости имѣлъ несчастіе отречься отъ Христа и признать Магомета за великаго пророка. Множество агарянъ стеклось тогда въ мечеть на утреннюю молитву. Исповѣдникъ, ставши посреди турокъ, возопилъ: бѣдные! зачѣмъ вы собираетесь? на кого вы надѣетесь? горе вамъ, несчастные, вѣчная мука ждетъ васъ! Христосъ единъ есть Богъ истинный! Услышавъ такое обличеніе, турки исполнились гнѣва, устремились на исповѣдника, били его безъ милосердія и наконецъ повлекли къ надзирателю галатійской части Константинополя. Здѣсь исповѣдникъ проклялъ Магомета и гнусное его ученіе, чего не терпя слышать, агарянинъ отправилъ его къ визирю съ описаніемъ досажденія и безчестія, какое произносилъ исповѣдникъ на Магомета и на ученіе его. Прочитавъ донесеніе, визирь спросилъ Дамаскина: правда ли то, что о тебѣ здѣсь пишется. — Да, все правда, отвѣчалъ тотъ. — Прощаю тебя, кротко сказалъ визирь исповѣднику: ты нашъ подданный, твоя обязанность платить подать царю, и сего ради тебѣ даруется жизнь. Но, какъ кажется, ты нищій,

и потому желаешь смерти. Мученикъ говоритъ: напротивъ, я богаче тебя: такъ какъ имѣю сокровище вѣры въ моемъ сердцѣ, и вѣра моя краше солнца. Ты имѣешь много мірскаго богатства, которое собралъ: но сегодня владѣешь имъ, а завтра возьметъ его другой. Сокровище же вѣры моей пребываетъ во вѣки въ царствіи небесномъ. Визирь, видя, что мученикъ твердъ въ своемъ исповѣданіи и не увлекается его словами, издалъ рѣшеніе отсѣчь ему голову. Исполнители приговора и казни, связавъ его, повлекли въ Фаяри. Тамъ, предъ вратами патриаршескаго двора, мученикъ, благодаря Бога за исполненіе желанія, всталъ на колѣна, преклонилъ выю подъ мечъ, и — его обезглавили. Кровь брызнула, и священныя ея капли пали на дверь стоящей близъ того мѣста лавки торговой. Прилучившійся тогда игумень монастыря Мавромала, именемъ Макарій, купилъ дверь, принесъ въ монастырь свой для освященія его каплями крови мученической. Между тѣмъ святыя мощи, по приказанію турокъ, лежали на мѣстѣ усѣченія цѣлыхъ три дня на улицѣ, предъ патриаршескимъ дворомъ. Наконецъ христіане подкупили стражей, взяли ихъ оттуда и положили въ каикъ, чтобъ перевезть ихъ на островъ Халки, въ монастырь Святыя Троицы; но отцы обители Пресвятыя Богородицы, находящейся на томъ же островѣ Халки, предупредили ихъ, взяли оныя въ свою обитель и погребли честно позади святаго жертвенника. Молитвами святаго преподобномученика Дамаскина да удостоитъ Спаситель и насъ всѣхъ царствія Своего. Аминь.

Св. Преподобномученикъ Дамаскинъ пострадалъ въ 1681 году, ноября 13-го.

Н О Я Б Р Я 14.

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
ГРИГОРІЯ ПАЛАМЫ,
архієпископа ессалоникскаго*).

Память его совершается и еще во вторую недѣлю Великаго поста.

Божественный отецъ нашъ Григорій имѣлъ родителей благородныхъ и добродѣтельныхъ. Отецъ его, въ царствованіе Андроника втораго Палеолога, занималъ при дворѣ высшую государственную должность. При такой любви царя земнаго, онъ пользовался особенною благодатію и небснаго, чему яснымъ свидѣтельствомъ служитъ то, что, предвидя исходъ свой отъ времени въ вѣчность, онъ сложилъ съ себя званіе государственное и принялъ ангельскій образъ съ именемъ Константія, и мирно отшелъ ко Господу. Между тѣмъ Григорій, по смерти отца своего, продолжалъ классическія занятія, посвящая себя изученію философскихъ наукъ и всего, что входило въ составъ тогдашняго юношескаго образованія. Замѣчательно, между прочимъ, было въ немъ то, что, не довѣряя собственной своей памяти, онъ

*) Изъ Νέου Ἐκλόγιου.

положилъ себѣ за правило—предъ каждымъ урокомъ класть три земныхъ поклона, съ молитвою предъ иконою Господи Богородицы, — и такимъ образомъ успѣхи его были быстры. Самъ императоръ, по тайному расположенію и сердечной привязанности къ осиротѣвшему отроку, принималъ въ его положеніи живое участіе и отечески озабочивался его воспитаніемъ. Постоянные успѣхи и отлично скромное поведеніе были слѣдствіемъ царственнаго попеченія о Григоріи: по своимъ дарованіямъ и сердечнымъ качествамъ, онъ былъ дивомъ для всѣхъ и радостію сердца царева. Но, тогда какъ внимательный Палеологъ имѣлъ въ виду земныя цѣли и земное благо въ отношеніи къ юному Григорію, Григорій, съ своей стороны, по тайнымъ побужденіямъ дѣвственнаго сердца и по чувству пламенной любви къ Богу, становился выше земнаго своего предназначенія и всѣхъ временныхъ благъ, располагаясь оставить міръ и славу его и удалиться въ пустыню. По этому побужденію, часто имѣя сношенія и встрѣчи съ святогорскими иноками, онъ требовалъ отъ нихъ совѣтовъ, въ разсужденіи своего положенія, вызнавалъ образъ подвижнической жизни и наконецъ, согласно общимъ ихъ убѣжденіямъ, рѣшился, не оставляя двора и своихъ занятій, испытывать силы, — можетъ ли онъ быть дѣйствительнымъ инокомъ. Прежде всего, блестящія свои одежды замѣнилъ онъ ничтожными и худыми рубищами, потомъ началъ мало-по-малу измѣнять свои прежнія привычки и образъ внѣшняго поведенія, оставилъ всѣ условія свѣтскихъ приличій, что, само собою, обратило на него общее вниманіе свѣта, такъ что всѣ признали его сумасшедшимъ. Самъ Григорій могъ предвидѣть это и зналъ, но не измѣнялся, съ удовольствіемъ принимая насмѣшки людей и общее къ себѣ пренебреженіе. Протекло уже нѣсколько лѣтъ такой строгой жизни,— и ни убѣжденія императора, ни его внимательность и же-

лание возвестить его на степень государственной службы, ни ласки искренно преданныхъ ему друзей, ни родственныя связи,—ничто не могло остановить его на крестномъ пути къ небу. Между тѣмъ назидательная его жизнь, убѣжденія, полныя силы и благодати, дѣйствовали уже на нѣкоторыхъ изъ его домашнихъ: нѣсколько челоуѣкъ изъ его прислуги, вслѣдствіе его убѣжденій, удалились отъ міра и остались навсегда въ ангельскомъ ликѣ. Вслѣдъ за ними, и самъ Григорій, въ сопровожденіи своихъ братій, погрузился въ пустынную лавру Ватопедскую, на святой горѣ Аѳонской, подчинивъ себя безусловно, свидѣтельствуванному тогда отъ всѣхъ, извѣстному между святогорцами, старцу Никодиму, отъ котораго впоследствии принялъ и постриженіе въ иноческій образъ.

Во второй годъ своего пребыванія у старца Никодима, Григорій былъ удостоенъ божественнаго явленія. Въ одинъ день, когда мысль его была погружена въ Бога, внезапно сталъ предъ нимъ честный мужъ,—это былъ Іоаннъ Бого-словъ—и, смотря на него весело, спросилъ: „что за причина, что взывая къ Богу, ты всякій разъ только повторяешь: просвѣти тьму мою, просвѣти тьму мою?“ Григорій отвѣчалъ: „чего другаго долженъ я просить, кромѣ этого,— да просвѣщусь и узнаю, какъ творить волю Его святую?“ Тогда говоритъ ему Евангелистъ: „по волѣ Владычицы всѣхъ, Богородицы, съ этой поры я буду съ тобою неотступно.“ По истеченіи трехъ лѣтъ безусловнаго послушанія и подвижнической жизни, подъ мудрымъ водительствоу божественнаго старца Никодима, Григорій лишился его: онъ, въ глубокой старости, отшелъ ко Господу. Тогда святой Григорій удалился въ великую лавру святаго Аѳанасія, — и тамъ приняли его отцы съ великою честью, ибо давно слышались о добродѣтельной его жизни. Тамъ онъ пробылъ три года, удивляя всѣхъ своими подвигами и

мудростію. Когда кончилось это время искуса, игумень поручилъ ему служеніе съ братією въ общей трапезѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и должность церковнаго пѣвца. И здѣсь, и тамъ чудный Григорій былъ изумительнымъ образцомъ иноческаго совершенства, такъ что не только бессмысленныя движенія плотскихъ страстей царственно и навсегда укротилъ онъ и подавилъ, но и въ самыхъ существенныхъ требованіяхъ природы имѣлъ строгое ограниченіе, какъ будто не нуждаясь ни въ чемъ земномъ, и представлялъ собою утѣшительный примѣръ ангельскаго безстрастія и божественной чистоты. Самый сонъ, безъ котораго нельзя обойтись никому, у него былъ такъ побѣжденъ, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ боролся съ нимъ, не давая себѣ ночью ни покоя, ни отдыха, за исключеніемъ только слабой дремоты, въ которую погружался не надолго послѣ обѣда,—и то собственно изъ предосторожности отъ пагубныхъ слѣдствій долгой и изнурительной бессонницы. Само собою разумѣется, что, при такомъ образѣ жизни, общеніе съ братією много отвлекало его отъ совершеннаго удовлетворенія требованіямъ бессмертнаго духа, и — Григорій скрылся изъ лавры.

Изъ лавры святой Григорій удалился въ такъ называемый скитъ Глоссія, гдѣ обитало много отшельниковъ, подъ руководствомъ старца Григорія, родомъ тоже изъ Константинополя. Этому-то дивному старцу, въ тогдашнее время славившемуся опытами созерцательной жизни и сердечной или умной молитвы, поручилъ себя Григорій и отъ него впоследствии занялъ и изучилъ таинства созерцанія или умнаго дѣланія и божественной чистоты. Нельзя выразить, конечно, ни на какомъ человѣческомъ языкѣ и никакимъ словомъ, тѣхъ таинствъ, когда умъ чловѣка, сердце и какъ бы все существо его сливаются въ одно желаніе воли и силы — благоугождать Богу, любить Его и молитвою

непрестанною, какъ щитомъ, ограждать себя отъ всякаго поползновенія къ плотскому мудрованію и отъ непріязненныхъ дѣйствій сатаны; но самые плоды такой созерцательной жизни объясняютъ собою, или проявляютъ тайны благодатныхъ даровъ, которыми Богъ обогащаетъ избранныхъ Своихъ. И святой Григорій, погружаясь во глубину молитвеннаго духа и озаряясь имъ, доходилъ до такой степени умиленія и плача сердечнаго, что слезы струями текли изъ очей его и были постоянны и неизсякаемы. Впрочемъ, Григорій и его сподвижники не могли наслаждаться всегда благимъ безмолвіемъ—тамъ, въ Глоссіи, по причинѣ нападеній, какія дѣлали агаряне на монаховъ, безмолвствовавшихъ внѣ монастырей. Посему, во избѣжаніе опасностей, Григорій и собраніе его, состоявшее изъ двѣнадцати чловѣкъ, принуждены были удалиться въ Фессалонику и тамъ, посовѣтовавшись между собою, согласились идти во Іерусалимъ, для поклоненія святымъ мѣстамъ, а если возможно,—и для окончанія жизни гдѣ-нибудь въ пустынномъ безмолвіи. Божественный Григорій желалъ узнать, благоугодно ли Богу намѣреніе ихъ,—и вотъ, когда онъ помолился объ этомъ, и послѣ того заснулъ, представилось ему, какъ самъ онъ говоритъ, будто онъ находился въ царскомъ дворцѣ, съ сподвижниками своими предъ трономъ дивнаго царя, окруженнаго безчисленнымъ множествомъ вельможъ и тѣлохранителей. Одинъ изъ числа царственной свиты, какъ будто великій князь, отдѣлился и, приблизившись къ Григорію, дружески обнялъ его, а потомъ, обращаясь къ собратіямъ его, сказалъ: „я удерживаю Григорія у себя,—такъ угодно это царю; а вы подите, куда хотите.“ Это видѣніе великій Григорій объявилъ своимъ собратіямъ,—и какъ самъ онъ, такъ и прочіе объяснили оное слѣдующимъ образомъ: великій князь удержавшій божественнаго Григорія, былъ не иной кто, какъ святой великомученикъ Димитрій,—

почему и рѣшились не оставлять Фессалоники, гдѣ почи-
ваетъ этотъ великій угодникъ Божій. Здѣсь, въ Солуни,
братія начали убѣдительно просить божественнаго Григо-
рія о принятіи священства, на что онъ, съ своей стороны,
и соглашался, но не прежде, какъ узнаетъ, что на это
есть воля Божія. По сему случаю, назначили постъ и мо-
литву: молитва была услышана Богомъ, — и святой Гри-
горій вслѣдъ затѣмъ принялъ священство.

Послѣ рукоположенія, въ сопутствіи небольшой своей
братіи, онъ удалился въ тамошній скитъ, гдѣ и начали
они подвизаться снова. Образъ жизни его былъ таковъ:
пять дней въ недѣлѣ онъ и самъ вовсе не выходилъ ни-
куда, и къ себѣ не принималъ никого; въ субботу только
и въ воскресенье, по совершеніи священнодѣйствія и по
принятіи божественныхъ Таинъ, онъ входилъ въ духовное
общеніе съ братіями, назидая и утѣшая ихъ увлекательною
своею бесѣдою. Тогда ему было еще немного болѣе 30-ти
лѣтъ отъ роду. Совершенное здоровье и тѣлесныя силы
не измѣняли ему. А чтобы плоть во всѣхъ отношеніяхъ
подчинить духу, онъ продолжалъ жизнь чрезвычайно стро-
гую и для плотскаго мудрованія и воли изнурительную,
что имѣло благотворными слѣдствіями—назиданіе для бра-
тіи и высокій образецъ совершенства иноческаго.

Случалось такъ, что иногда онъ весь какъ бы погру-
жался въ глубокое безмолвіе и тишину: тогда слезы рѣкою
текли изъ молитвенныхъ его очей. Когда же открывалъ онъ
уста свои для бесѣды, слышавшіе дивныя его рѣчи тро-
гались сердечно, увлекались и плакали. Въ часы же, слѣ-
довавшіе за его затворомъ, а особенно послѣ литургіи,
лицо его было славно, — на немъ игралъ дивный свѣтъ
божественный. Въ это время, отошла ко Господу великая
въ добродѣтеляхъ мать его, именемъ Каллиста. Дочери и
сподвижницы ея, сестры Григорія, просили его придти къ

нимъ, для утѣшенія ихъ сиротства и для духовнаго наставленія. Григорій повиновался призыву родственной любви и прибылъ въ Константинополь, къ сестрамъ своимъ, которыя потомъ, при отбытіи его въ Веррію, послѣдовали за нимъ и были опредѣлены имъ въ женскій монастырь. По возвращеніи святаго Григорія на свое мѣсто, къ братіи, случилось ему войти въ дружескія отношенія и близкое знакомство съ однимъ простымъ старцемъ, безмолвникомъ Іовомъ, который, слушая однажды божественнаго Григорія, выражавшаго мысль, что не только подвижники, но и всѣ христіане должны молиться непрестанно, по заповѣди Апостольской, — не соглашался съ нимъ и возражалъ, что непрестанная молитва есть долгъ только монаховъ, а не мірянъ. Святой Григорій, не желая оскорбить старца и не любя многословія, замолчалъ. Но, едва только возвратился Іовъ въ свою келлію и сталъ на молитву, является ему, въ небесной славѣ, божественный Ангелъ и говоритъ: „не сомнѣвайся, старецъ, въ истинѣ словъ Григорія, — онъ говорилъ и говоритъ правду; такъ уметь и ты и другимъ передавай.“ Наконецъ, по истеченіи пяти лѣтъ безмолвной жизни Григорія въ Верріи, онъ былъ принужденъ, по причинѣ частыхъ набѣговъ албанцовъ, снова удалиться на Святую гору, въ лавру святаго Аѳанасія, гдѣ и принять былъ отцами и братіями съ великою любовію и веселіемъ. И здѣсь также, уединяясь внѣ монастыря, въ безмолвной келліи св. Саввы, кромѣ субботы и воскресенія, онъ никуда не выходилъ, ни съ кѣмъ не видѣлся, никто не видѣлъ и его, развѣ по нуждамъ священнодѣйствія. Всѣ прочіе дни его и ночи текли въ молитвенномъ подвигѣ и божественномъ созерцаніи.

Однажды, въ вечеръ спасительныхъ страстей Христовыхъ, по древнему обыкновенію, было въ лаврѣ великолѣпное бдѣніе, на которомъ былъ и святой, участвуя съ

братією въ славословіи. Здѣсь было ему открыто очень ясно, — такъ что не только душевными, но и тѣлесными очами, увидѣлъ онъ, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, тогдашняго игумена лавры Макарія. Черезъ 10 лѣтъ послѣ сего видѣнія, Макарій дѣйствительно былъ возведенъ въ достоинство архіерея Солуни, гдѣ и скончался.

Въ другой разъ, въ келлейной своей молитвѣ предъ Богоматерію, святой Григорій ходатайствовалъ и просилъ Ее, чтобы, въ устраненіе отъ него и его собратій всякаго развлеченія и препятствій къ безмолвію и совершенной иноческой жизни, благословила Она принять на себя заботливость и промышленіе о всѣхъ житейскихъ его потребностяхъ. Всемиловитая Владычица удостоила его явленія Своего, въ соупутствіи множества свѣтоносныхъ мужей. Она предстала святому Григорію и, въ виду его обращаясь къ тѣмъ свѣтоноснымъ мужамъ, произнесла: „отнынѣ и навсегда будьте попечителями о нуждахъ Григорія и его братіи.“ Впослѣдствіи признавался святой Григорій, что, со времени явленія Богородицы, онъ, дѣйствительно, гдѣ ни находился, вездѣ видѣлъ дивные опыты божественнаго о немъ промышленія. Въ третій годъ пребыванія своего въ безмолвіи, однажды, во время молитвы, Григорій чувствуетъ, что онъ погрузился въ сонъ, и ему представилось, будто въ рукахъ его — сосудъ чистаго молока, до такой степени полный, что оно переливается черезъ край; вслѣдъ за тѣмъ показалось, что молоко приняло видъ лознаго ароматическаго вина, которое, переливаясь также черезъ край сосуда, смочило руки его и одежду и потомъ, струясь всюду, выдыхало изъ себя дивный аромат. Чувствуя сладость аромата, Григорій радовался. Между тѣмъ является ему свѣтлый юноша, и говоритъ: „Почему бы тебѣ не передать и другимъ этого чуднаго питья, такъ утрачиваемаго тобою безъ всякаго вниманія?

Или не знаешь, что это неизсякающій даръ Божіей благодати?“— „Но если въ настоящее время нѣтъ нуждающихся въ такомъ питіи,“ отвѣчалъ Григорій, — „кому передать?“— „Хотя въ настоящее время дѣйствительно нѣтъ жаждущихъ,“ возразилъ юноша, „но ты все-таки обязанъ исполнять долгъ свой и не пренебрегать даромъ Божиимъ, въ которомъ Владыка потребуеть отъ тебя отчета.“ При этихъ словахъ видѣніе кончилось. Значеніе молока святой Григорій впоследствии объяснялъ такъ, что это даръ слова обыкновеннаго, для сердець простыхъ, требующихъ нравственнаго ученія; а перемѣнѣ молока въ вино придалъ онъ смыслъ гораздо высшій, — именно, этимъ означалась, что нужда со временемъ потребуеть отъ него слова догматическаго и небеснаго. Вскорѣ послѣ сего богомудрый Григорій былъ избранъ игуменомъ въ Есфигменскій монастырь, гдѣ братство тогда состояло изъ 200 монаховъ. Съ той поры, кромѣ слова устнаго, святой Григорій началъ составлять систематическія свои произведенія и проявлять даръ чудотворенія. — Въ монастырѣ, однажды, недостало елея, а между тѣмъ въ немъ была крайняя нужда. Святой Григорій, со всеми братіями, приходитъ въ подвалъ, гдѣ обыкновенно хранились все продовольствія обители, и, по молитвѣ, благословилъ пустой сосудъ: вдругъ сосудъ, въ виду всѣхъ, наполнился елеемъ. Узнавъ же, что причиною недостатка елея - маслины, не принесшія обычнаго плода, святой Григорій, вмѣстѣ съ братією, приходитъ въ масличныя сады, благословляетъ деревья, — и съ тѣхъ поръ они сдѣлались плодовитыми. А въ доказательство чудодѣйственной силы молитвъ и благословенія Григорія, тѣ изъ деревъ, къ которымъ онъ приближался или прикасался, впоследствии оказались чрезвычайно плодоносными.

Впрочемъ, немного времени былъ онъ игуменомъ. Желаніе безмолвія и пустынной тишины увлекло его снова въ

лаву. Тогда, въ первый разъ, прибылъ на Святую гору изъ Калавріи Варлаамъ, и показывалъ видъ, будто соглашается съ восточною Церковью, вслѣдствіе чего желаетъ быть монахомъ. Въ удостовѣреніе, составилъ онъ обличительные доводы — въ опроверженіе мудрованія латинянъ. Не смотря, однакожь, на это, божественный Григорій явно возставалъ на Варлаама и обличалъ его лукавство, — что самое и было первою причиною вражды Варлаама къ святому Григорію. Между тѣмъ, визнавъ образъ мыслей аѳонскихъ отшельниковъ, въ разсужденіи таинствъ созерцательной жизни и сердечной молитвы, онъ, чрезъ малое время, удалился въ Константинополь и тамъ, вошедши въ связи съ простѣйшими изъ монаховъ, занятіемъ которыхъ была умная молитва и трезвеніе, притворился, будто дѣлается ученикомъ ихъ и другомъ. Впослѣдствіи, слыша отъ нихъ простыя изложенія условій, необходимыхъ монахамъ въ начаткахъ умной молитвы, Варлаамъ явно возсталъ и противъ нихъ, и противъ молитвы, и противъ таинственнаго созерцанія. Его возраженіями по началу увлекся самъ императоръ, и даже патріархъ. Но, прежде нежели клеветы Варлаама на аѳонскихъ иноковъ сдѣлались гласными, этотъ обманщикъ, за предосудительное и укоризненное свое поведеніе, былъ высланъ патріархомъ съ безчестіемъ. Сильно огорченный, Варлаамъ удалился въ Солунь, неся съ собою и туда свои клеветы на монаховъ, и усиливался доказать, между прочимъ то, что древніе богоносные отцы и учителя были виновниками увлеченія монаховъ въ еретическія мудрованія касательно созерцательной жизни. Потрясенія со стороны Варлаама были сильны. Отъ природы быстрый и увлекательный въ словѣ, онъ взволновалъ умы солунянъ, такъ что иноки солунскіе вынуждены были, не имѣя собственныхъ силъ противустать Варлааму, вызвать со Святой горы божественнаго Григо-

рія. Святой Григорій, по прибытіи въ Солунь, сначала дѣйствовалъ въ духѣ кротости, стараясь убѣдить такимъ образомъ и обезоружить дерзкаго своего врага, но, когда увидѣлъ, что мѣры кроткія не дѣйствуютъ и что потрясенія Церкви и ея законоположеній день ото дня становятся со стороны Варлаама чувствительнѣе, началъ всюду уничтожать возраженія и клеветы Варлаама не только словомъ, но и сильными своими писаніями, исполненными высокихъ истинъ и доводовъ божественнаго слова. Самъ Варлаамъ, узнавъ произведенія пера Григоріева, оставилъ въ покоѣ монаховъ и ихъ созерцаніе, и со всею силою напалъ личными и заочными клеветами на божественнаго Григорія. Но когда и это не помогло, — когда Григорій всюду тѣснилъ его, ниспровергая все его возраженія, въ виду всѣхъ пристыженный и обезсиленный Варлаамъ скрылся изъ Фессалоники и прибылъ снова въ Константинополь.

Съ той поры протекло три года. Все это время, оставаясь въ Солуни, святой Григорій занимался изложеніемъ началъ православія, сильно ратуя за чистоту ихъ. И здѣсь, въ это время, обычный плачь и совершенное уединеніе и безмолвіе были любимымъ занятіемъ келейнаго его досуга. Но такъ какъ среди многолюдства онъ не могъ имѣть всѣхъ удобствъ пустынной тишины, то, по крайнѣйшій мѣрѣ, всячески старался избѣгать связей и отношеній къ міру. Для сего, въ отдаленной части дома, въ коемъ жилъ, сдѣлалъ онъ малую келейку и тамъ безмолвствовалъ, сколько могъ. Однажды, въ праздникъ великаго Антонія, ученики его были все вмѣстѣ у чуднаго Исидора отшельника и тамъ совершали бдѣніе божественному Антонію, а святой Григорій между тѣмъ остался въ своемъ затворѣ. Вдругъ является ему великій Антоній и говоритъ: „Хорошо и совершенное безмолвіе, но и общеніе съ братствомъ иногда необходимо, — особенно во дни обществен-

ныхъ молитвъ и псалмопѣній. Посему и тебѣ должно теперь быть съ братіями на бдѣніи.“ Убѣжденный такимъ видѣніемъ великаго Антонія, божественный Григорій явился тогда же къ братіямъ, которые приняли его съ радостію, — и всенощное бдѣніе протекло для нихъ съ особеннымъ торжествомъ. Кончивъ письменныя свои занятія въ защиту аеонскихъ иноковъ и въ опроверженіе еретическихъ мудрованій Варлаама, святой Григорій возвратился на Святую гору и показалъ тамошнимъ безмолвникамъ и старцамъ все, что написалъ о благочестіи противъ заблужденій Варлаама. Общій похвальный отзывъ былъ явнымъ свидѣтельствомъ правоты мыслей божественнаго Григорія.

Между тѣмъ, при отбытіи его изъ Солуны на Святую гору, сестра его, именемъ Θεодотія, находилась близъ смерти. Поэтому ученики и друзья спрашивали его о похоронахъ сестры, думая, что она уже болѣе не увидится съ нимъ. „Нѣтъ нужды спрашивать вамъ объ этомъ,“ отвѣчалъ Григорій: „по волѣ Божіей, я возвращусь къ ней еще прежде кончины ея.“ Такъ сказалъ, — и слово оправдалось дѣломъ: ибо, когда наступилъ послѣдній часъ Θεодотіи, она спросила о братѣ Григоріи, гдѣ онъ; узнавъ же, что онъ удалился на Святую гору, опечалилась сердечно и называла себя несчастною, что не удостоилась послѣдняго свиданія съ нимъ. Съ той самой минуты она погрузилась въ самозабвеніе, не отвѣчала на вопросы окружающихъ ее, — и въ такомъ безжизненномъ ея положеніи прошло восемь дней; только слабое дыханіе и движеніе глазъ показывало, что она была еще жива и какъ бы ожидала своего брата. Наконецъ, при наступленіи вечера 8-го дня, прибылъ съ Святой горы Григорій и, ставши близъ сестры, произнесъ ея имя. Умиравшая устремила на него прощальный взглядъ и, не въ силахъ будучи говорить, съ послѣднимъ усиліемъ подняла благодарственно

руки свои къ Богу, а чрезъ нѣсколько минутъ тихо испустила послѣдній вздохъ.

Наконецъ наступило время, когда божественный Григорій долженъ былъ ратовать противъ своего врага въ виду всего свѣта, и за свой подвигъ получить безсмертную славу и вѣнецъ. Варлаамъ, врагъ истины, прибывъ изъ Солуня въ Константинополь, увлекательною силою слова и внѣшней мудрости, какъ мы сказали, въ короткое время успѣлъ предубѣдить и совершенно склонить на свою сторону патріарха Іоанна XIV. А при чрезвычайности такихъ успѣховъ, вслѣдъ за тѣмъ произвелъ общее броженіе умовъ, возбудилъ сомнѣніе и довелъ наконецъ дѣло до того, что патріархъ грамотою вызвалъ на судъ Церкви Григорія, какъ бы виновнаго, вмѣстѣ съ его сподвижниками. Григорій, однакожь, не смутился этимъ. Въ соупутствіи Исидора, Марка и Θεодора,—искренно преданныхъ ему друзей, — онъ прибылъ въ Константинополь и, взявъ спора и состязаній личныхъ съ Варлаамомъ, представилъ на общее разсмотрѣніе и строгій судъ Церкви аскетическія свои сочиненія и отвѣты на пустословіе Варлаама. Когда этотъ трудъ смиреннаго аеонскаго инока былъ разсмотрѣнъ, обсужденъ и наконецъ всѣми признанъ въ высшей степени удовлетворительнымъ въ оправданіе и защиту православныхъ вѣрованій и правилъ аеонскаго подвижничества,—Варлаамъ провозглашенъ отъявленнымъ врагомъ истины и восточнаго православія, а Григорія, между тѣмъ, провозгласили учителемъ благочестія, во всемъ согласнымъ съ божественными отцами Церкви, и патріархъ отдалъ справедливость произведеніямъ его. Впрочемъ, не смотря на это, такъ какъ дѣло Варлаама съ божественнымъ Григоріемъ было чрезвычайной важности, въ отношеніи догматическомъ, патріархъ, съ своей стороны, призналъ необходимымъ созвать мѣстный соборъ, на что изъ-

являлъ царственное свое желаніе и волю и самъ императоръ. Вслѣдствіе сего и стеклось множество знаменитыхъ тогдашняго времени отшельниковъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны Давидъ и Діонисій: послѣднему были предварительно открыты свыше слѣдствія сего собора и торжество божественнаго Григорія. Мѣстомъ собора назначенъ храмъ святыя Софіи. Какъ ни силенъ былъ въ своихъ бесѣдахъ Варлаамъ, опиравшійся притомъ на полную довѣренность императора (Кантакузена), но простота слова Григоріева, въ изложеніи божественныхъ истинъ, доставила православію и Церкви рѣшительную побѣду надъ Варлаамомъ и его приверженцами. Только притворное его раскаяніе и признаніе предъ всѣмъ соборомъ своихъ сочиненій еретическими спасли его жизнь, обреченную на проклятiе и вѣчный стыдъ. Уничтоженный такимъ образомъ и не вынося общаго къ нему презрѣнія, онъ скоро послѣ того скрылся изъ Константинополя и удалился въ свою отчизну, къ своимъ латинамъ, оставивъ во многихъ изъ грековъ, силою увлекательнаго своего краснорѣчія, глубокое впечатлѣніе. Но этимъ не были вовсе подавлены заблужденія Варлаама. Едва только скрылся онъ, въ защиту еретическихъ его мудрованій возсталъ Григорій Акиндия и объявилъ себя послѣдователемъ его; этотъ сильно напалъ на аскетическую жизнь пустыяниковъ, — усвоилъ имъ характеръ и свойства мессалианъ, евхитовъ и квіетистовъ. Новыя потрясенія и волненія умовъ были сильны: нужда требовала новаго церковнаго собора и новыхъ подвиговъ со стороны божественнаго Григорія. Акиндина сильно поддерживалъ самъ патріархъ, не смотря на то, что Григорій рѣшительно уничтожилъ, какъ и прежде, всѣ клеветы на пустынное подвижничество, и изъ подвига за его чистоту вышелъ побѣдителемъ, опровергъ всѣ еретическія мысли Варлаама и жаркаго его послѣдователя Акиндина, — опровергъ сколько, съ

одной стороны, Священнымъ Писаніемъ, столько же, съ другой, ясными свидѣтельствами учителей и древнихъ отцевъ Церкви. Тогда, уничиженный въ лицѣ Акиндина, патріархъ рѣшился лично мстить Григорію, который неоднократно убѣждалъ его подорожить миромъ церковнымъ. Чтобъ удачнѣе достигнуть своей цѣли, патріархъ призналъ Григорія виновникомъ всѣхъ тогдашняго времени нестроений и церковныхъ смуть, разгласилъ это въ народѣ и, чтобъ придать собственному своему суду болѣе силы и значенія, Акиндина возвелъ на степень діакона, имѣя въ виду впоследствии почтить его достоинствомъ іерейскимъ и званіемъ церковнаго проповѣдника, а Григорія, между тѣмъ, по его повелѣнію, схватили и бросили въ мрачную тюрьму. Четыре года томился тамъ невинный страдалецъ.

Впрочемъ такая несправедливость патріарха не осталась ненаказанною. Тогдашняя императрица, Анна, узнавъ дѣйствія патріарха и привязанность его къ Акиндину, на двухъ соборахъ уже признанному еретикомъ и отъявленнымъ врагомъ Церкви, нашла еретика Акиндина не заслуживающимъ и недостойнымъ церковнаго общенія и священнаго сана, и приказала выгнать его изъ церкви. Между тѣмъ и самъ патріархъ (Іоаннъ) испыталъ на себѣ гнѣвъ Божій. Увлеченный Никифоромъ Григорасомъ въ еретическія мудрованія Варлаама и Акиндина, онъ признанъ былъ врагомъ истины и, какъ еретикъ, лишенъ кафедры и церковнаго общенія (въ 1347 году). Слѣдствіемъ сего были наконецъ церковный миръ и свобода невиннаго страдальца, святаго Григорія. Патріархъ Исидоръ, занявшій кафедру патріаршую послѣ Іоанна, торжественно почтилъ заслуги Григорія, и хотя Григорій, съ своей стороны, отрекался, но императоръ Кантакюзень и патріархъ убѣдили его принять на себя іерархическое служеніе Церкви. Григорій былъ рукоположенъ въ санъ солунскаго митрополита и от-

пущенъ къ своему мѣсту съ благоволеніемъ царственнымъ и патріаршимъ. Однакожъ, по случаю возникшихъ въ Солуни смуть, новый митрополитъ не былъ принятъ паствою, что и побудило его удалиться на Святую гору. Въ то самое время, какъ Солунь отрекся принять Григорія, наступилъ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы. Одинъ изъ солунскихъ іереевъ, — сиропитатель, — располагаясь служить литургію въ числѣ прочихъ, смиренно молилъ Господа, чтобы Онъ благоволилъ открыть, дѣйствительно ли, какъ думаетъ народъ, Григорій въ заблужденіи, по своимъ мудрованіямъ и вѣрованіямъ, въ отношеніи къ иноческой жизни, и имѣетъ ли онъ у Господа дерзновеніе? Это откровеніе іерей просилъ показать разслабленной своей дочери, три года уже бывшей безъ всякаго движенія и чувства: „если, Господи, истинно рабъ Твой Григорій, — молитвами его, исцѣли несчастную дочь мою!“ Господь послушалъ іерея сиропитателя: потому что дочь его вдругъ сама собою поднялась съ постели и съ той поры получила совершенное здоровье, какъ будто никогда никакихъ болѣзненныхъ припадковъ прежде и не имѣла. Это чудо прославило Григорія.

Въ настоящее пребываніе святаго Григорія на Святой горѣ, прибылъ туда же болгарскій царь Стефанъ и, зная добродѣтели и заслуги его, убѣдительно просилъ и умолялъ его отправиться съ нимъ въ Болгарію, съ тѣмъ, чтобъ тамъ занять кафедру; однакожъ, ничто не могло склонить и убѣдить къ тому божественнаго Григорія. Впрочемъ, и на Святой горѣ Григорій не нашелъ себѣ прежняго спокойствія и тишины: нужды Церкви скоро вызвали его опять въ Константинополь; а потомъ не принятый снова своею паствою, по случаю народныхъ смуть и замѣшательствъ клира, онъ удалился на сосѣдственный Святой горѣ островъ Лемносъ, гдѣ, творя чудеса и знаменія и немолчно пропо-

вѣдуща слово Божіе, оставался до того времени, пока сами солуняне не восчувствовали необходимости въ его присутствіи для паствы, долго сиротѣвшей и тяготившейся чуждымъ вліяніемъ на дѣла церковныя и народныя.

Тогда представители клира и высшіе сановники Солуны прибыли въ Лемносъ и, съ чрезвычайнымъ торжествомъ, возвратились оттуда въ Солунь съ своимъ пастыремъ Радость народная, при встрѣчѣ его, была невыразима, — такъ что Церковь солунская, какъ будто вдохновенная свыше, предъ лицомъ своего пастыря, при настоящемъ случаѣ, представляла видъ совершенно торжествующій: вмѣсто обычныхъ хвалебныхъ пѣсопѣній, клиръ и народъ пѣли пасхальные гимны и канонъ, не давая ни себѣ, ни другимъ отчета въ своихъ чувствахъ и въ необыкновенномъ торжествѣ и радости. Такимъ образомъ, святой Григорій занялъ наконецъ свою кафедру. По истеченіи трехъ дней послѣ своего прибытія, онъ, при безчисленномъ собраніи народа, совершилъ крестный ходъ и литургію, при которой Богъ прославилъ его новымъ чудомъ. У того же самаго сиропитателя іерея сынъ страдалъ падучею болѣзнію: когда настало время причащенія, іерей палъ къ стопамъ своего архипастыря и смиренно умолялъ, чтобъ онъ самъ, своими святительскими руками, преподаль болѣзненному дитяти пречистыя Тайны. Тронутый смиреніемъ іерея и страдальческимъ положеніемъ сына его, божественный Григорій исполнилъ его просьбу, — и дитя сдѣлалось здорово. Тихо и спокойно съ тѣхъ поръ текла жизнь святаго Григорія: клиръ составлялъ исключительный предметъ его заботливости; поучая всѣхъ и cadaго словомъ, онъ не менѣе того назидаль паству строгою и благочестивою своею жизнію.

Но, тогда какъ солунская Церковь, подъ мудрымъ его правленіемъ, наслаждалась миромъ и тишиною, единомысленники Варлаама и Акиндина не переставали снова сму-

щать православную Церковь въ Константинополь, — такъ что императоръ Іоаннъ Кантакузень и патріархъ Исидоръ I признали необходимымъ, для умиротворенія волнующихся умовъ и для утвержденія правоты церковныхъ истинъ, открыть новый соборъ. Для сего, прежде прочихъ, грамотами царя и патріарха, былъ приглашаемъ въ Константинополь божественный Григорій. Отказаться было нельзя: нужда Церкви требовала новыхъ подвиговъ, — и послушный Григорій явился на соборъ. Враги истины, какъ и прежде, были посрамлены и уничтожены, и личные бесѣды святаго Григорія и его догматическія произведенія, читанныя на соборѣ, сомкнули уста еретическія. Напутствуемый внимательностію и уваженіемъ царя, любовію и благословеніемъ патріарха и Церкви, Григорій съ честію оставилъ Константинополь и отправился — было къ своей паствѣ: но, въ то время пребывавшій тамъ, Іоаннъ Палеологъ не допустилъ его до Солуни, и Святой Григорій принужденъ былъ отправиться на Святую гору, откуда впрочемъ, чрезъ три мѣсяца, самимъ же Палеологомъ былъ вызванъ съ честію на солунскую кафедру.

Однажды, въ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы, святой Григорій совершалъ литургію въ дѣвическомъ монастырѣ. Монахиня, именемъ Елеодора, слѣпая однимъ глазомъ, узнавъ, что митрополитъ совершаетъ литургію, скрытно приблизилась къ нему и тайно приложила святительскую одежду его къ слѣпому своему глазу: глазъ тотчасъ же получилъ зрѣніе. Проведши одинъ годъ на кафедрѣ, святой Григорій впалъ въ чрезвычайную и продолжительную болѣзнь, такъ что всѣ опасались за жизнь его: однакожь, Богъ еще продлилъ ее, для новыхъ подвиговъ. Не успѣлъ онъ оправиться совершенно отъ своего недуга, какъ получилъ отъ Іоанна Палеолога убѣдительное письмо, которымъ царь приглашалъ его прибыть въ Константинополь

и подавить ссоры и несогласія въ царственной семьѣ. Иоаннъ Палеологъ былъ въ большой немилости у своего тестя, Иоанна Кантакузена, что и было причиною, что на пѣкоторое время Палеологъ удалялся въ Солунь. Не жалья собственнаго спокойствія и силъ, Григорій не замедлилъ, для доставленія спокойствія и взаимной любви царственнымъ особамъ, отправиться въ Константинополь. Однако Богъ судилъ иначе. На пути въ Константинополь, онъ былъ схваченъ агарянами и отвезенъ въ Азію, какъ плѣнникъ и рабъ. Но и здѣсь не оставался онъ празднымъ: цѣлый годъ, продаваемый изъ города въ городъ, онъ всюду входилъ въ состязаніе съ агарянами о вѣрѣ, невѣрныхъ просвѣщалъ свѣтомъ Евангелія, а поработеннымъ и плѣннымъ христіанамъ вдыхалъ жизнь и утѣшенія, убѣждая ихъ къ безропотному ношенію страдальческаго своего креста, въ чаяніи награды и вѣнцовъ за гробомъ. По истеченіи года, болгаре выкупили изъ рукъ агарянскихъ чуднаго Григорія, и такимъ образомъ возвратили солунской Церкви ея ангела.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ іерархической дѣятельности, послѣ агарянскаго плѣна, святой Григорій сотворилъ нѣсколько чудесъ надъ болящими. Друга своего, іеромонаха Порфирія, онъ дважды возставилъ отъ болѣзненнаго одра молитвою. Самое его прибытіе изъ плѣна въ Константинополь было ознаменовано чрезвычайнымъ торжествомъ невидимыхъ ликовъ, носившихся надъ божественнымъ Григоріемъ и, сладкими пѣніями въ похвалу его, приведшихъ въ движеніе пристань, гдѣ онъ долженъ былъ выступить на берегъ.

Не задолго до своей кончины, онъ исцѣлилъ, знаменіемъ честнаго креста и молитвою, пятилѣтнее дитя золотшвси, страдавшее чрезвычайнымъ кровотеченіемъ и уже обреченное на смерть, и возвратилъ ему совершенное здравіе.

Но, при такихъ знаменіяхъ и чудесахъ, совершенныхъ имъ надъ обреченными уже къ смерти, и самъ онъ, какъ человекъ, долженъ былъ исполнить общій долгъ. Цѣлившій другихъ отъ болѣзней всякаго рода заболѣлъ, слегъ въ постель и окружавшимъ его предсказалъ день своего отхода въ вѣчность. „Друзья мои!“ говорилъ онъ имъ, послѣ праздника Златоуста, — именно, въ 14-й день ноября: „я стыду отъ васъ ко Господу. Это знаю я потому, что являлся мнѣ въ видѣніи божественный Златоустъ и, какъ своего друга, съ любовію призывалъ къ себѣ.“ Такъ и случилось. Когда же умирающій Григорій испускалъ послѣдній вздохъ, окружавшіе его видѣли, что уста его еще что-то шепчуть; при всемъ усиленномъ вниманіи вслушаться въ слова, они могли только слышать: „въ горняя, въ горняя!“ Съ этими словами, святая душа его тихо и мирно отдѣлилась отъ тѣла и унеслась въ горняя! (1360 г.). Григорій имѣлъ отъ роду всего 63 года. Когда же блаженная его душа разлучилась съ тѣломъ, лицо его просвѣтилось, и вся та комната, гдѣ онъ почилъ, озарилась свѣтомъ, чему былъ свидѣтелемъ весь городъ, стекавшійся къ святительскимъ мощамъ, для послѣдняго цѣлованія. Такимъ чудомъ Богъ прославилъ Своего угодника, конечно, потому, что и при жизни своей онъ былъ свѣтлымъ жилищемъ благодати и, по выраженію константинопольскаго святѣйшаго патріарха Филовея*), сыномъ божественнаго свѣта. Составитель жизни и подвиговъ святаго Григорія, извиняясь невозможностію исчислить множество чудесъ и знаменій, сотворенныхъ имъ и при жизни, и по смерти, желающему знать о нихъ указываетъ на пространное описаніе жизни божественнаго Григорія. А чтобъ доказать, что Григорій былъ дѣйствительно великимъ предъ Богомъ и что православная Церковь, празд-

*) Имъ и составлено было жизнеописаніе божественнаго Григорія.

нующая память его, какъ единого отъ своихъ дивныхъ святыхъ, есть точно святая Церковь и божественная, въ заключеніе, приводимъ слѣдующее событіе, оправдывающее истину словъ нашихъ.

Чтобъ обличить и уничтожить ложь и клеветы латинянъ, обвиняющихъ святую восточную нашу Церковь и полагающихъ, что, по отступленіи отъ нея западной, то есть римской церкви, нѣтъ въ нашей болѣе ни чудесъ, ни новыхъ святыхъ, прославленныхъ Богомъ, — святѣйшій Нектарій, поставленный патріархомъ іерусалимскимъ въ 1660 году отъ Рождества Христова, выставя на видъ многихъ новыхъ святыхъ, просіявшихъ въ восточной Церкви, повѣствуетъ, между прочимъ, и о святомъ Григоріи ессалоникскомъ. На островѣ Сантуринѣ, въ день памяти божественнаго Григорія, — именно во вторую недѣлю Великаго поста, франки разгулялись, — набрали съ собою мальчиковъ и пустились плавать на легкихъ кайкахъ, или лодкахъ, по морю, при совершенной тишинѣ и ясной погодѣ. Между тѣмъ, какъ они такимъ образомъ веселились, демонъ внушилъ имъ злую мысль, на собственную ихъ гибель: всплескивая руками, какъ неистовые, они и безнравственные ихъ дѣти вопили: „Анаеема Паламѣ! анаеема Паламѣ! Если святы Палама, — пусть утопитъ насъ!“ И божественный Григорій Палама, по ихъ собственному суду, испросилъ имъ у Бога желаемое ими отищеніе. Пучина зѣвнула, — и несчастные, вмѣстѣ съ кайками, погрузились въ море и потонули. Это чудо подтверждаетъ и іерусалимскій патріархъ Досиѳей *). Такимъ образомъ, Богъ проявилъ славу Григорія, какъ единого отъ великихъ Своихъ святыхъ, въ которыхъ Онъ и дивенъ, и страшенъ.

Въ пространномъ житіи святаго Григорія, между прочими другими, помѣщается слѣдующее замѣчательнѣйшее

*) Τόμος Ἀγίας. г. 31.

и назидательнѣйшее чудо, совершенное имъ уже по исходѣ изъ этой временной жизни.

Инокъ, по имени Ефремъ, пришедши изъ Касторіи въ Солунь, рассказывалъ о себѣ слѣдующее. Назадъ тому два года, необходимость заставляла меня пойти изъ моей обители въ Фессалію. Исполнивъ тамъ свои нужды, я, на обратномъ пути, потерпѣлъ несчастіе: по моей неосторожности, въ правую ногу мою вонзилась терновая игла, отъ чего я чувствовалъ сильную боль въ теченіе нѣсколькихъ дней; потомъ изъ правой ноги, не знаю, какимъ образомъ, перешла боль въ лѣвую, и такъ была сильна, такъ невыносима, что я не могъ ни заснуть, ни даже укрѣпиться пищею. По прошествіи нѣсколькихъ дней, на ногѣ появилась ужасная опухоль, и открылось болѣе сорока ранъ, которыхъ знаки видны и теперь, по исцѣленіи. Изъ ранъ текла заразительная и нестерпимо гнилая матерія. Такъ протекло полтора года. Всѣ пособія врачей были совершенно бесполезны, такъ что я отчаялся въ выздоровленіи отъ этой болѣзни и даже тяготился уже самою жизнью. Въ такомъ мучительномъ положеніи, услышалъ я наконецъ отъ соотечественниковъ моихъ и отъ проходящихъ изъ Солуни о весьма многихъ и преславныхъ чудесахъ дивнаго Григорія, — вѣрилъ отъ сердца слышанному и, судя по чудесамъ и знаменіямъ, не иначе думалъ о немъ, какъ о великомъ свѣтильникѣ Церкви, исполненномъ Апостольской силы и благодати. При такой вѣрѣ, я обратился къ нему съ теплою молитвою. Лежа на болѣзненномъ одрѣ, я горько плакалъ и просилъ у святаго Григорія исцѣленія, обѣщаясь, тотчасъ по исцѣленіи, сходить въ Солунь, для поклоненія святымъ его мощамъ и для заявленія всѣмъ величія Божія и благодати, данной ему отъ Господа. Окончивъ свою молитву, я заснулъ, — и вотъ, вижу, приходитъ ко мнѣ старецъ въ архіерейскомъ облаченіи. Онъ, казалось, попри-

вѣтствовалъ меня, потомъ сѣлъ близъ меня и спросилъ о здоровьѣ. вмѣсто отвѣта, я показалъ ему больныя ноги и раны и рассказалъ о страданіяхъ, какія вынесъ въ теченіе полтора года. Тогда онъ охватилъ обѣими руками мою ногу, началъ выдавливать изъ ранъ и выдавилъ всю гнилую матерію. „Теперь будь покоенъ: болѣзнь твоя кончилась,“ кротко сказалъ мнѣ явившійся и—удалился. Послѣ этого видѣнія, я погрузился въ сладкій сонъ, какого никогда, въ теченіе болѣзни, у меня не было. Между тѣмъ настало время утрени: я почувствовалъ въ себѣ силы, не ощущая уже никакой боли въ ногахъ, и, опираясь на свой жезлъ, явился въ церковь на славословіе. Изумленные внезапнымъ моимъ появленіемъ въ церкви, братія окружили и спрашивали меня, какъ я внезапно получилъ здравіе. Я рассказалъ имъ чудо преславнаго исцѣленія и привелъ ихъ еще въ большее удивленіе.

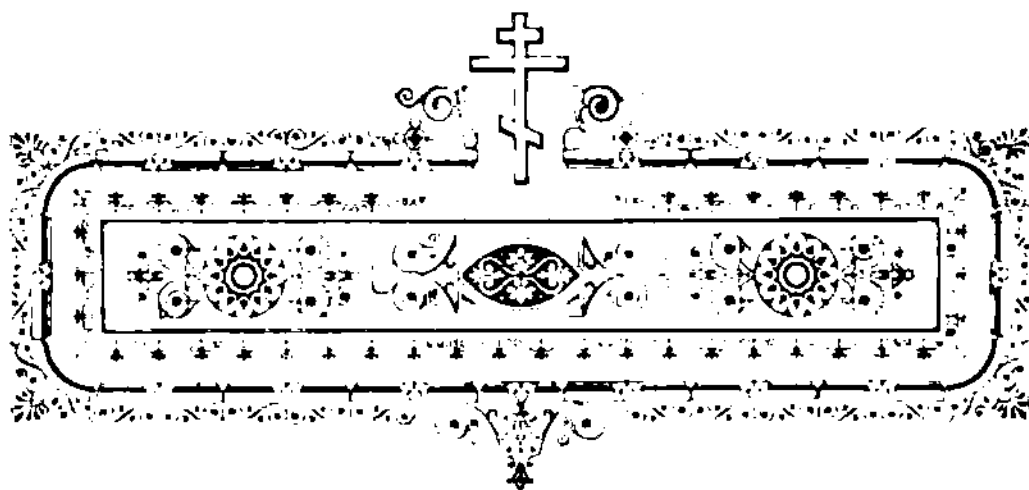
Прошло послѣ того 8 дней. Я чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, и потому отправился въ божественный храмъ, въ которомъ находится священный образъ чудотворца Григорія, чтобы поклониться ему и, въ чувствѣ сердечнаго благодаренія, возвратился въ монастырь. Но этого мало: нужно было исполнить обѣщаніе, которое далъ я божественному своему врачу, прося отъ него исцѣленія, а между тѣмъ время было зимнее, — значить и путешествіе, особенно мнѣ, старику, — тяжкое и трудное. Оставлю путешествіе въ Солунь, сказалъ я самъ себѣ, потому что теперь не то время. А вмѣсто исполненія обѣщанія странствовать въ Солунь, я попрошу обитель отправить торжественную службу святому Григорію, — и такимъ образомъ воздадимъ Богу должное благодареніе и честь святому угоднику. Такъ я и сдѣлалъ.

Но неприятно это было святому Григорію. За чудомъ перваго моего исцѣленія слѣдовали новыя знаменія. До

наступленія еще того дня, когда мы готовились въ обители торжествовать память его, появилась у меня сильная горячка: снова показалась жестокая опухоль на ногѣ и боль, не менѣе прежней. Я тотчасъ понялъ причину новой болѣзни, началъ горько каяться въ моей неблагодарности къ святому Григорію и непременно обѣщался исполнить обѣтъ, какъ только получу здравіе. Черезъ день послѣ сего болѣзнь моя совершенно исчезла, и я, пробывъ мало дней въ обители, прибылъ пѣшимъ въ Солунь, для поклоненія священному гробу моего исцѣлителя *), и всюду прославлялъ чудеса, которыя чрезъ него сотворилъ надо мною Богъ. Дивному во святыхъ Своихъ Богу — слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

*) Честныя мощи св. Григорія почили въ соборномъ храмѣ солунской митрополіи до 1890; во время великаго пожара, 23-го августа, сгорѣла митрополія. По разрытіи пожарница обрѣтены неповрежденными огнемъ глава Святого и кости его св. мощей.

НОВАБРЯ ТОГО ЖЕ ДНЯ.

Страданіе святаго новомученика

КОНСТАНТИНА *).

Родина святаго новомученика Константина былъ безводный островъ Идра. Онъ родился отъ христіанскихъ родителей, отца Михалаки и матери Марины. Достигши семнадцатилѣтняго возраста, Константинъ перешелъ на жительство въ Родосъ и поступилъ тамъ въ услуженіе къ родосскому правителю Хасану. Проживши нѣсколько времени въ домѣ Хасана, Константинъ своею расторопностью, честностью и примѣрнымъ усердіемъ обратилъ на себя вниманіе своего господина, который положилъ въ своемъ намѣреніи отторгнуть эту кроткую овцу изъ стада Христова и привести оную въ стадо козлищъ, т. е. въ магометанскую вѣру.

Хасанъ успѣлъ въ своемъ замыслѣ при помощи діавола, который, какъ уже погибшій и осужденный на вѣчное мученіе, по зависти своей не желалъ, чтобы вѣрующіе во Христа наслаждались райскими добротами, которыхъ онъ за гордостное высокоуміе лишился, почему день и ночь

*) Изъ Νέον Λετρονάριον.

рыкаетъ, подобно льву, ища поглотить въ свою ненасытимую утробу послѣдователей Христовыхъ, и чрезъ это сдѣлать ихъ участниками съ нимъ вѣчныхъ мукъ. Итакъ, улучивъ удобное время, Хасанъ, призвавши Константина, сперва ласками, а потомъ разными подарками убѣдилъ его отречься отъ Христа и сдѣлаться магометаниномъ.

Какъ только Константинъ отвергся отъ Христа, тотчасъ дали ему магометанское имя Хасана, и жизнь его, въ домѣ правителя Родоса, приняла другой оборотъ: ему дана была другая высшая должность; даны деньги, и всѣ служащіе въ домѣ Хасана начали почитать и уважать его. Но все это, какъ временное и скорогибнущее, скоро пришло къ концу и отверженникъ мало по малу началъ приходить въ себя; совѣтъ его стала обличать въ глубокомъ его паденіи. Вслѣдствіе этого онъ началъ тосковать и тайно отъ товарищей плакать и рыдать о тяжкомъ своемъ грѣхопадении. И такимъ образомъ отверженникъ прожилъ у своего обольстителя три года.

Господь Богъ, видя сердечное сокрушеніе отверженника, внушилъ ему благую мысль: обратиться къ духовнику и раскаяться въ своемъ паденіи. Не медля ни мало, онъ послушался сердечнаго гласа и, избравъ удобное время, отправился къ духовнику, которому исповѣдалъ свое глубокое паденіе. Духовникъ, поболѣвъ душою о столь тяжкомъ согрѣшеніи, посоветовалъ ему удалиться изъ Родоса и гдѣ либо въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ залѣчивать душевныя раны покаяніемъ, а Господь Богъ не замедлитъ явить ему Свою милость. Но Константинъ просилъ у духовника благословенія, чтобы, не удаляясь изъ Родоса, теперь же отречься отъ мерзкаго Магомета и исповѣдывать себя опять вѣрующимъ въ Господа нашего Иисуса Христа. Духовникъ, видя его ревность и бывши неувѣреннымъ въ его мужество, притомъ боясь, чтобы онъ въ столь

младыхъ и юношескихъ лѣтахъ, убоявшись лютыхъ мукъ, вторично не отрекся отъ Христа, отклонилъ его отъ этой не своевременной мысли и желанія, предоставляя его намѣреніе времени и тому возрасту, въ который человѣкъ болѣе твердъ бываетъ въ своихъ убѣжденіяхъ, и тогда уже, предварительно подготовившись постомъ, бдѣніемъ и молитвою, можно вдать себя въ мученическій подвигъ, но и то, лишь только тогда, если на это будетъ воля Божія. Константинъ послушался духовнаго отца и, пришедши въ домъ Хасана, собралъ все свое состояніе и деньги и, раздавши оное нищимъ, самъ чрезъ нѣсколько дней оставилъ злополучный домъ своего господина и удалился въ Крымъ.

Въ Крыму Константинъ прожилъ три года, въ которые, сокрушаясь о бывшемъ своемъ отреченіи, приносилъ Богу покаяніе. Но, однако, сердце его страдало и не получало вождельнаго мира, ему такъ и слышались страшныя оныя слова, сказанныя Спасителемъ въ Божественномъ Евангеліи: *Иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесахъ* (Матѳ. 10, 33). А потому онъ рѣшился сразиться съ діаволомъ и страдальческими подвигами смыть свой позоръ, для чего немедленно отправился въ Константинополь. Здѣсь онъ открылъ свое намѣреніе одному опытному духовнику, что желаетъ за свое отреченіе пострадать за Христа, при этомъ рассказалъ ему подробно все, съ нимъ бывшее. Но духовникъ, видя его молодость, не рѣшился ему дать благословеніе на страшный подвигъ, а представилъ его знаменитому константинопольскому патріарху Григорію, которому рассказалъ все о Константинѣ, а также и о намѣреніи его пострадать за Христа.

Владыка порадовался обращенію погибшей овцы, высказалъ ему въ своей бесѣдѣ, какъ опасенъ избранный

имъ путь, а потому посоветовалъ сперва отправиться на св. Аѳонскую гору и тамъ, среди искусныхъ подвижниковъ Христовыхъ, подвизаться въ духовныхъ подвигахъ, а потомъ уже, когда старцы увидятъ, что пришло время вдать себя на мученическій подвигъ, тогда онъ можетъ привести въ исполненіе свое намѣреніе.

Послѣ бесѣды съ патріархомъ, Константинъ отправился на Св. гору и тамъ поступилъ въ братство Иверскаго монастыря, гдѣ ревностно и съ любовію сталъ проходить послушанія, притомъ часто обращался съ усердною молитвою и слезами къ тамошней чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы, именуемая Портаитисса, и умолялъ Пречистую, чтобы Она умиротворила его сердце и сподобила бы его пострадать за Христа, отъ Котораго онъ по своему неразумѣнію, бывши прельщенъ блескомъ богатства и славы, отрекся. И такимъ образомъ сердце его все болѣе и болѣе распалялось къ Іисусу Христу, за Котораго онъ былъ готовъ подъять не только страданія, но даже тысячи смертей. И съ этого времени мысли начали понуждать его вдать себя на мученіе. Находясь въ возбужденномъ состояніи, онъ открылъ свои мысли Предтеченскаго скита духовнику іеромонаху Сергію и старцамъ, которые однако не совѣтовали ему вдать себя въ мученическій подвигъ, говоря, что возможно и безъ мученія спасти свою душу. Но Константинъ, горя сердечною любовію пострадать за Христа, не могъ послѣдовать совѣту старцевъ, и вкорѣ оставилъ Св. гору и отправился въ Родось, для исповѣданія имени Іисуса Христа.

По прибытіи въ Родось, онъ исповѣдался предъ духовникомъ и, приобщившись св. Таинъ, открылъ ему свое намѣреніе вступить въ борьбу съ діаволомъ. Но духовникъ, боясь, дабы онъ не возмалодушествовалъ въ мукахъ, подобно аѳонскимъ старцамъ, отклонялъ его отъ его намѣ-

ренія и совѣтоваль возвратиться обратно на Св. гору. Но Константинъ твердо рѣшился пострадать за Христа.

Помолившись Богу и укрѣпивши свое сердце молитвою, онъ пошелъ въ домъ бывшего своего господина Хасана и, представши предъ нимъ, сказалъ: — здравствуй господинъ мой! свидѣтельствую тебѣ мою покорность отъ бывшего твоего слуги, котораго ты назадъ тому три года обманомъ и лестными и коварными словами убѣдилъ отречься отъ Господа моего Иисуса Христа, Котораго теперь исповѣдую, какъ истиннаго Бога, вашего же ложнаго пророка Магомета прокливаю, какъ обманщика и губителя душъ человѣческихъ! — Несчастнѣй! сказалъ Хасанъ, я не признаю тебя бывшимъ моимъ слугою, такъ какъ ты одѣтъ въ монашескую одежду, а потому сними съ себя эту черную и плачевную одежду и я прикажу одѣть тебя въ самыя дорогія и лучшія цвѣтныя, и тогда я тебя признаю своимъ слугою, и кромѣ того еще большими обогашу почестями и богатствомъ, чѣмъ прежде.

— Господинъ! отвѣчалъ исповѣдникъ Христовъ, напротивъ, я совѣтую тебѣ оставить свое нечестіе; все то зло, которое ты мнѣ сдѣлалъ, обольстивши меня принять магометанство, — вслѣдствіе чего сколько времени я терзался и мучился совѣстью о своемъ паденіи, — все то я тебѣ прощаю, но только съ тѣмъ, чтобы ты увѣровалъ въ Иисуса Христа истиннаго Бога. Итакъ будь же благо-разумнымъ и не теряй времени, но обратись въ христіанскую вѣру.

— Презрѣнный! съ гнѣвомъ вскричалъ Хасанъ. Кто это тебя научилъ предлагать мнѣ такое пустословіе? Я тебѣ доставилъ счастье и впоследствии хотѣлъ женить на моей дочери, а ты, презрѣвши всѣ мои о тебѣ заботы, наносишь такое мнѣ оскорбленіе. Въ это время одинъ изъ слугъ Хасана ударилъ мученика Христова въ ланиту, на что св.

Константинъ отвѣчалъ: слава Тебѣ, Христе Боже, что Ты сподобилъ меня получить удареніе въ ланиту за исповѣданіе имени Твоего и удостоилъ меня быть подражателемъ крестныя страсти Твоя, ибо и Тебя, Господа моего, на судилищѣ нечестиваго первосвященника Анны, презрѣнный его слуга, подобный сему, ударившему меня раба Твоего, дерзнулъ скверною своею рукою ударить въ ланиту. Послѣ этого, Хасанъ приказалъ св. мученика ввергнуть въ темницу. Черезъ три дня св. Константинъ позванъ былъ къ Хасану, который гнѣвно спросилъ его: подлый и дерзкій рабъ! одумался ли ты о твоёмъ заблужденіи, и какъ ты дерзнулъ вразумлять меня увѣровать во Христа?

— Напрасно, господинъ, на меня гнѣваешься: я тебѣ говорилъ истину и совѣтовалъ увѣровать во Иисуса Христа истиннаго Бога, Которымъ все сотворено и все Имъ управляется, безъ вѣры въ Котораго невозможно получить царства небснаго. Вашъ же пророкъ Магометъ обманщикъ, онъ погибъ, да и васъ, своихъ послѣдователей, туда же влечетъ. Итакъ, умоляю тебя, отрекись отъ проклятаго Магомета и увѣруй въ Господа нашего Иисуса Христа и, сдѣлавшись христіаниномъ, наслѣдуешь царство небесное. О, мужественный воинъ Христовъ! слава и хвала твоему безбоязненному исповѣданію предъ врагами Христовыми! Блаженны твоя уста, дерзновенно исповѣдавшія имя Иисуса Христа! Ты не убоялся сильныхъ міра сего, по слову пророка Давида: *„глаголахъ о свидѣніихъ Твоихъ предъ цари, и не стыдяхся“* (Псал. 118, 46).

Хасанъ, отъ гнѣва не могши долѣе сдерживать себя, вскричалъ: бейте его, выдерните изъ головы его волосы, раздерите ногтями на части тѣло его, сокрушите камнями челюсти его, чтобъ онъ зналъ, какъ должно говорить и держать себя предъ властями! Какъ дикіе звѣри, слуги Хасана бросились на святаго мученика, и одни изъ нихъ

вырывали изъ головы волосы, другіе заушали и сокрушали камнями уста, и всякими способами терзали тѣло его. Но святой страдалецъ Христовъ мужественно терпѣлъ всѣ мученія и, какъ твердый адамантъ, оставался непоколебимъ въ своемъ исповѣданіи, и только часто взывалъ къ подвигоположнику Іисусу Христу: помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!—Послѣ всѣхъ звѣрскихъ терзаний, злобные мучители, заковавши св. мученика Константина въ тяжелыя цѣпи, бросили въ мрачную темницу.

Въ темницѣ св. мученика посѣтилъ Самъ Владыка Христосъ, исцѣлилъ его раны, волосы же на головѣ и ногти на ногахъ повелѣніемъ Его выросли вновь.

На другой день Хасанъ велѣлъ представить къ себѣ св. мученика, и когда онъ подошелъ къ нему, нечестивецъ спросилъ:—Ну что, раскаялся ли ты, Хасанъ, въ своемъ пустословіи, или нѣтъ.

— Вопервыхъ, я не Хасанъ, отвѣчалъ св. мученикъ, это имя, данное тобою мнѣ послѣ бывшаго моего отреченія отъ Господа моего Іисуса Христа, я теперь проклинаяю, имя же мое настоящее, которое я получилъ во св. крещеніи, Константинъ. Слова же, которыя я тебѣ вчера говорилъ, не есть пустыя, но въ нихъ я выразилъ свое исповѣданіе и вѣрую во единого Бога въ трехъ лицахъ Отца и Сына и Святаго Духа; вашего же сквернаго пророка Магомета опять проклинаяю. Тогда нечестивый Хасанъ повелѣлъ бить святаго палками по спинѣ и по ногамъ. Отъ многочисленныхъ ударовъ тѣло св. мученика отторгалось отъ костей, а ногти на ногахъ всѣ свалились, и онъ отъ изнеможенія упалъ на землю и лежалъ какъ бы мертвый. Мучители, думая, что мученикъ Христовъ уже скончался, подняли его съ земли и бросили въ темницу.

По прошествіи трехъ дней, мучитель Хасанъ приказалъ слугамъ своимъ выбросить изъ темницы трупъ страдальца

Христовъ, думая, что онъ уже тамъ преданъ тлѣнью. Но, каково же было удивленіе слугъ, когда они, вошедши въ темницу, увидѣли мученика Христова здрава, невредима и съ сіяющимъ лицомъ! Они немедленно объ этомъ донесли своему господину, который тоже удивился и приказалъ представить его предъ себя. Когда св. страдалецъ вошелъ къ Хасану, то Хасанъ вмѣсто того, чтобы увѣровать во Іисуса Христа, видѣвши явное чудо, началъ склонять его отвергнуться отъ христіанскія вѣры, при этомъ обѣщая великія почести и богатства.

Мученикъ Христовъ, видя душевное ослѣпленіе Хасана, сказалъ ему: — послушай, господинъ, тебѣ очень хорошо извѣстно, что три дня тому назадъ ты видѣлъ, какъ твои усердные слуги изранили мое тѣло, вырвали на головѣ всѣ волосы, сбили съ ножныхъ пальцевъ всѣ ногти, но теперь, смотри, я здоровъ. Итакъ, прославь Господа моего Іисуса Христа, Который не возгнушался притти ко мнѣ въ смрадную темницу, исцѣлилъ мои раны и повелѣлъ волосамъ и ногтямъ вырости вновь. Поэтому, мыслимо ли отречься отъ Источника жизни и увѣровать въ ложнаго Магомета — учителя всякія нечистоты и пороковъ! Тебѣ же отъ души со-вѣтую и умоляю: открой душевныя твои очи и опять увѣруй во Іисуса Христа, въ Котораго родители твои вѣрують и ты нѣкогда вѣровалъ *).

Слыша обличеніе себя въ отступничество, о которомъ, онъ думалъ, никто здѣсь не знаетъ, Хасанъ смутился и приказалъ скорѣй св. мученика, наложивши на него тяжелыя цѣпи, бросить въ темницу. Три дня и три ночи провелъ св. мученикъ въ темницѣ. Въ теченіе сихъ дней въ ту же самую темницу заключены были еще восемь хри-

*) Хасанъ былъ грузинецъ, рожденъ отъ христіанскихъ родителей, но, будучи взятъ турками въ плѣнъ, изъ-за временныхъ благъ отречеся Христа.

стіанъ изъ селенія Сорони и въ числѣ ихъ два іерея, а также и четыре турка. Въ одну изъ сихъ ночей Богъ, прославляющій святыхъ Его, восхотѣлъ утѣшить раба Своего и прославить его среди узниковъ, дабы они, впоследствии въ утвержденіе христіанской вѣры и въ посрамленіе враговъ креста, распространили слѣдующее чудесное явленіе. Въ самую полночь вдругъ въ темницѣ возсіялъ свѣтъ, подобный солнечному, и въ то же время со святаго мученика сами по себѣ спали тяжелыя цѣпи. Видя себя освобожденнымъ отъ цѣпей, св. страдалецъ тотчасъ сталъ на молитву. Священники и прочіе христіане, увидѣвши столь необычайное чудо, пришли въ умиленіе и стали тоже молиться, а турки отъ страха пали ницъ на землю. Между тѣмъ и стража, видѣвшая въ темницѣ необыкновенный свѣтъ, подумала, что въ темницѣ случился пожаръ. Но каково же было ихъ удивленіе, когда они, по входѣ въ темницу, нашли все въ порядкѣ, а св. мученика, разрѣшеннаго отъ узъ и стоящаго на молитвѣ! Стража немедленно объ этомъ чудѣ донесла Хасану, который и это чудо, подобно первому, желая заглушить, повелѣлъ стражѣ не разглашать объ ономъ въ народѣ, узникамъ же и христіанамъ и туркамъ, во избѣжаніе страшныхъ наказаній, также было запрещено рассказывать объ ономъ, и потомъ они освобождены были изъ темницы, а св. мученика приказалъ уже болѣе не представлять къ себѣ, но въ темницѣ ежедневно налагать на него удары. Но Господь, испытавъ терпѣніе святаго, уже болѣе не допускалъ до него мученій. Такъ, одинъ турецкій имамъ хотѣлъ зашить святаго, но въ то время, когда онъ поднялъ руку, она почерпѣла подобно углю.

Вслѣдствіе этого другаго чуда, турки не рѣшались прикасаться къ мученику, боясь, чтобы и имъ не пострадать подобно имаму. И такимъ образомъ пять мѣсяцевъ пробылъ св. мученикъ Константинъ въ темницѣ, претерпѣвая голодъ,

жажду и холодъ. Между тѣмъ Господь, пекущійся о святыхъ Своихъ, внушилъ одному боголюбивому христіанину приносить ему св. Тайны, которыми узникъ Христовъ укрѣплялъ свой духъ и ослабѣвшее тѣло.

Столь долгое пребываніе св. мученика въ темницѣ продоллось потому, что Хасанъ не смѣлъ самовластно осудить его на смерть, какъ уроженца острова Идры, боясь силы и власти, какую идріотцы имѣли въ Портѣ, и особенно у капитана наши Архипелажскаго. Поэтому онъ написалъ письмо капитану Георгію, родомъ изъ острова Идры, находившемуся тогда въ Александріи, извѣщая его о дѣлѣ св. мученика Константина и ожидая отъ него отвѣта, отлагалъ окончательный приговоръ о страдальцѣ.

Между тѣмъ и св. узникъ Христовъ, узнавши, что Хасанъ послалъ объ немъ донесеніе, и боясь, чтобы окончательному его подвигу со стороны капитана Георгія не было препятствія, самъ написалъ ему письмо и заклиналъ его именемъ Божіимъ не препятствовать ему совершить мученическій подвигъ.

Капитанъ Георгій, получивши отъ св. мученика письмо и увидѣвши его пламенное желаніе пострадать за Христа, написалъ правителю Родоса, что мы этого человѣка не знаемъ, а потому поступай съ нимъ по своему усмотрѣнію.

Получивши отвѣтъ, Хасанъ призвалъ къ себѣ св. страдальца и еще разъ началъ ему предлагать отречься Христа, но видя его твердость и пренебреженіе на все предлагаемыя имъ почести, приказалъ отвести его обратно въ темницу и тамъ удушить. И такимъ образомъ доблестно скончалъ теченіе св. мученикъ Константинъ, и святая его душа, очищенная своею кровію, чистою отошла въ руки Божіи 1800 г., 14-го ноября, въ 5 часовъ ночи, для принятія отъ Него мученическаго вѣнца. Тѣло же его съ подобающею честію христіане невозбранно взяли изъ темницы

и погребли въ храмъ Пресвятыя Богородицы въ Варусіонѣ. При погребеніи св. мощей, прблагій Богъ прославиль Своего угодника чудесами, такъ что больные, страдавшіе различными болѣзнями, отъ прикосновенія къ нимъ, получали исцѣленіе.

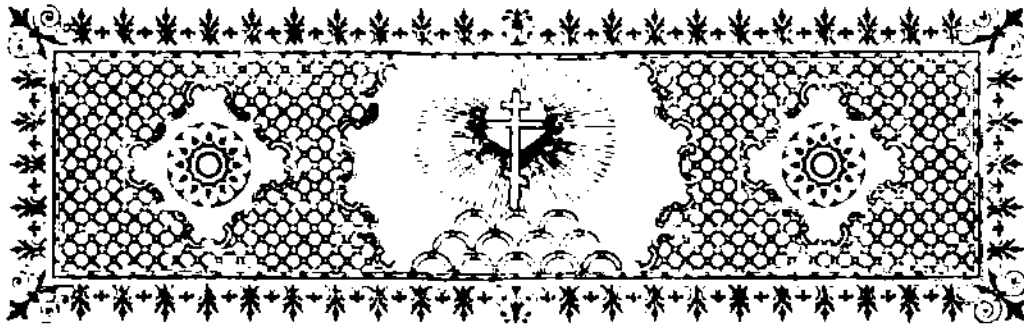
Вскорѣ послѣ мученической кончины, мать св. Константина, узнавши, что сынъ ея съ честью пострадалъ за исповѣданіе имени Іисуса Христа и что честныя его мощи погребены въ Родосѣ, пожелала перенести оныя въ свое отечество, что, при содѣйствіи упомянутаго капитана Георгія, невозбранно было ей дозволено.

При перенесеніи св. мощей, тоже совершилось много чудесъ. Изъ числа оныхъ приведемъ здѣсь слѣдующее: одинъ родосскій христіанинъ, вслѣдствіе пораженія молніею лишился слуха, голоса и былъ не въ своемъ умѣ, но когда подвели его къ мощамъ св. мученика и онъ облобызалъ оныя, тотчасъ сталъ здоровъ. Также получилъ исцѣленіе и другой несчастный, три года страдавшій отъ мучившаго его бѣса, который бѣгалъ отъ людей и скитался по горамъ нагой и босой. Къ этому несчастному лишь только приблизили св. мощи мученика, бѣсъ тотчасъ вышелъ изъ него и онъ велегласно сталъ славить Бога и благодарить святаго Его угодника *).

Такъ Богъ благоволилъ прославить страдавшаго за Него и посрамить мучителей. Аминь.

*) Служба св. новомученику напечатана въ Афинахъ въ 1895 году.

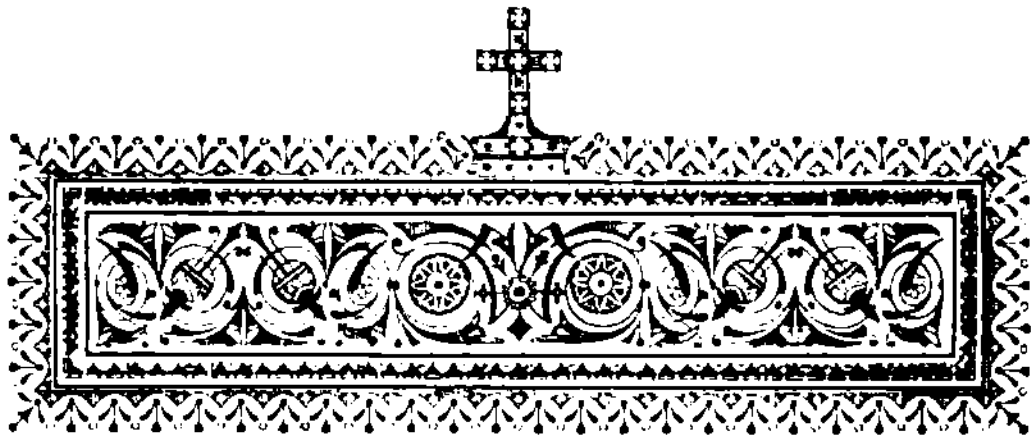

Н О Я Б Р Я 17.

**Память преподобнаго
ГЕННАДІЯ ВАТОПЕДСКАГО *).**

Преподобный отецъ нашъ Геннадій въ славной обители Ватопедской проходилъ должность дохіара, и во время своей службы удостоился видѣть слѣдующее чудо: въ одинъ годъ во время его служенія случился недостатокъ въ маслѣ, такъ что въ запасѣ оставался уже только одинъ сосудъ съ нимъ. Преподобный, желая сохранить эти остатки для церковныхъ лампадъ, не сталъ болѣе давать масла братіи. Но игумень обители, твердо уповая на помощь Богоматери, имени Которой посвящена обитель, велѣлъ ему отпустить масло. Дохіаръ повиновался волѣ своего игумена. Въ одинъ день, когда святой Геннадій вошелъ въ дохіарную въ чаяніи найти бывшій съ масломъ сосудъ пустымъ, увидѣлъ его полнымъ, такъ что масло даже переливалось черезъ края сосуда, и текло вонъ изъ дверей дохіарной. Тогда всѣ прославили Бога и Пресвятую Богородицу, такъ матерински заботящуюся о Своихъ рабахъ, и отъ души возблагодарили Ее предъ Ея святою иконою, въ то время тамъ, въ дохіарной, стоявшею. (Икона сія и теперь находится въ дохіарной).

*) Изъ *Νέος Παράδεισος*.

Н О Я Б Р Я 22.

Память св. Каллиста 2-го,

патріарха константинопольскаго *).

Святый патріархъ Каллисть 2-й носилъ названіе Ксанеопула. Сначала онъ подвизался въ монастырѣ Ксанеопуловъ, находившемся, по Мелетію (*Ἱστορία Ἐκκλησιαστικῆ*, том. 3, стр. 203), на святой горѣ Аѳонской**), потомъ, въ 1397 году, восшелъ на престолъ патріаршескій и святительствовалъ при Мануилѣ Палеологѣ. Оставивъ же патріархію константинопольскую,—лишетъ современникъ его—Симеонъ Солунскій (гл. 295),—онъ нашелъ единомысленнаго съ собою Игнатія, называвшагося тоже Ксанеопуломъ и бывшаго изъ одного съ нимъ города: тѣсно соединившись, они жили такъ, какъ бы у нихъ была одна душа въ двухъ тѣлахъ. Духовно, богомудро и весьма высоко любомудрствовали они объ умной молитвѣ въ 100 главахъ,—изложивши совершенный о ней разумъ въ совершенномъ

*) Изъ синаксаря.

**) Это, кажется, монастырь Пантократора; ибо и самъ читалъ собственноручную записку этого Каллиста, находящуюся въ Пантократорской обители, въ которой онъ говоритъ, что безмолвствовалъ въ келліи святого Онуфрія, находящейся вѣдъ Пантократорской обители, и что обитель сія есть его.—Такъ говорятъ Никодимъ въ Синаксаристѣ.

числѣ. Главы эти помѣщены въ книгѣ, извѣстной подѣ названіемъ „Добротолубіе“ (въ нашемъ славянск. изданіи— част. 2). Потомъ, о Каллистѣ и Игнатіи говоритъ еще Симеонъ Солунскій (тамъ же), что они получили божественное осіяніе, какъ Апостолы на горѣ, и что, при излитіи благодати не только въ сердца ихъ, но даже и на лица, казались блистающими солнцевидно, — подобно Стефану, или великому Моисею (объ этомъ Каллистъ см. у Мелетія, томъ 3, стр. 239) *).

*) Многіе говорятъ, что находящіяся въ греческомъ «Добротолубіи» главы, подѣ именемъ Каллиста Тимнуди, Каллиста патріарха, Каллиста Катафигіота суть труды Каллиста Ксанеопула и что Каллистъ этотъ называется различными именами. Катафигіотомъ онъ названъ отъ обители Богородицы, именуемой Катафиги и находящейся въ епархіи артскаѣ: есть преданіе, что Каллистъ тамъ безмолвствовалъ. Другіе вышеупомянутыя главы приписываютъ первому Каллисту, патріарху константинопольскому (см. о немъ іюня 20). Главы приписываемыя сему патріарху помѣщены въ издан. нами «Добротолубіи» въ русскомъ переводѣ покойн. Еп. Теофана, т. V, стр. 333—474. М. 1890.

См. о сихъ Каллистахъ и въ Христ. Чтеніи 1843 года, част. 4, стр. 428, 430 и 432.

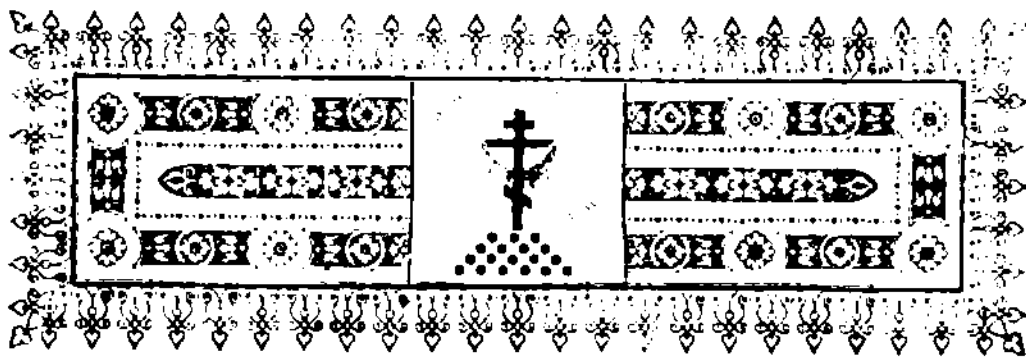
ДЕКАБРЯ 5.

Память святыхъ преподобномучениковъ Карейскихъ.

Святые преподобномученики Карейскіе пострадали отъ папистовъ, разорвавшихъ святую Аѳонскую гору въ царствованіе византійскаго императора Михаила Палеолога (1260—1281 г.). За дерзновенное обличеніе латинумудрствующихъ въ ереси, Протъ Святыя горы былъ ими повѣшенъ, а иноки, жившіе вокругъ Карейи въ келліяхъ, усѣчены мѣчемъ.

Память ихъ въ Карейскомъ Протатѣ совершается 5-го декабря. Общая же память св. новомучениковъ празднуется на святой Аѳонской горѣ въ недѣлю 2-ю по недѣлѣ Всѣхъ Святыхъ.

Подробное сказаніе о сихъ св. преподобномученикахъ карейскихъ см. въ „Повѣсти о нашествіи папистовъ на Святую гору,“ помѣщенной подь 10-мъ октября.

ДЕКАБРЯ ТОГО ЖЕ ДНЯ.

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего

НЕКТАРІЯ,

подвизавшагося въ скиту Карейскомъ въ келліи Архангеловъ, именуемой Ягари *).

Сожественный Нектарій родился въ такъ называемой нынѣ Витоліи и нареченъ былъ при св. крещеніи Николаемъ. Когда турки намѣревались занять это мѣсто, мать преподобнаго, работая на гумнѣ, забылась краткимъ сномъ и видитъ Пресвятую Богородицу, повелѣвающую ей бѣжать тотчасъ съ мужемъ и дѣтьми и скрыться въ какой-нибудь невѣдомой странѣ, объявляя ей, что турки плѣнятъ область ихъ. Лишь только видѣніе кончилось, она объявила о семъ мужу, и они, нимало не медля, взяли дѣтей своихъ, оставили родину и скрывались до тѣхъ поръ, пока агаряне, плѣнивши Витолію, по расхищеніи и разграбленіи ея, не разсыпались для грабежа и неистовствъ по другимъ мѣстамъ. Такъ было спасено то благочестивое семейство предстательствомъ Богородицы, Которой съ того времени оно съ особенною вѣрою, признательностію и любовію поручило себя.

*) Изъ Новъ Валочію.

Родитель Нектарія въ это время былъ уже преклонныхъ лѣтъ, а потому, съ согласія жены своей, оставилъ міръ и яже въ міръ и, взявъ съ собою Николая и другаго сына, удалился въ монастырь святыхъ Безсребренниковъ, находившійся близъ сосѣдственной горы въ окрестностяхъ Битоліи. Тамъ онъ принялъ ангельскій образъ, подъ именемъ Пахомія, и, благоугождая Господу, прилагалъ всевозможное стараніе о воспитаніи дѣтей, обучая ихъ страху Господню и утверждая въ правилахъ христіанской нравственности.

Такъ мирно текла жизнь его. Между тѣмъ, надобно сказать, что тамошніе христіане имѣли обыкновеніе удѣлять часть плодовъ и всѣхъ произведеній земли, по собственному усердію каждаго, въ пользу монастыря святыхъ Безсребренниковъ, гдѣ подвизался съ дѣтьми Пахомій. Такое приношеніе бывало ежегодно на память святыхъ безсребренниковъ Космы и Даміана. Однажды, когда такимъ образомъ совершалась память ихъ, и предложена была трапеза и приличное угощеніе, истощился запасъ винограднаго вина. Чтобъ очистить и вымыть опорожненный сосудъ, старецъ Пахомій, зажегши свѣчу, пошелъ на это послушаніе съ своими дѣтьми. Но лишь только взялся за сосудъ, чувствуетъ, что онъ еще не тронутъ и полонъ вина. На это чудо сошлись братія и всѣ прилучившіеся читатели памяти святыхъ Безсребренниковъ: вкусивши вина, они нашли, что вино чрезвычайно легко, ароматно и пріятно на вкусъ. Тогда всѣ прославили Бога, прославившаго симъ знаменіемъ святыхъ Безсребренниковъ. Между тѣмъ Николай, назидаясь образцами высокоїи иноческой жизни въ монастырѣ Безсребренниковъ и видя, что безмолвіе тамъ неудовлетворительно по причинѣ стекающихся мірянъ, удалился оттуда на Святую гору. Здѣсь онъ избралъ старца, именемъ Діонисія, опытнаго въ жизни ду-

ховной, и остался при немъ. Этотъ Діонисій, по прозванію Ягарисъ, былъ сынъ одного изъ знаменитыхъ въ свое время вельможъ константинопольскаго двора и, по любви къ Господу, презрѣлъ все, и поселился на Святой горѣ, подчинивъ себя водительство одному изъ аѳонскихъ старцевъ, именемъ Филоея.

Впрочемъ, Діонисій не вдругъ принялъ къ себѣ Николая. Онъ прежде представилъ его къ своему старцу Филоею, который, имѣя даръ прозорливости, прежде нежели Николай что-либо сказалъ о себѣ, назвалъ его и отца его по имени и съ любовію принялъ къ себѣ въ подвижничество.

Такимъ образомъ Николай, поселившись на Святой горѣ, вскорѣ принялъ иноческій образъ съ именемъ Нектарія и безусловно предалъ себя послушанію старческой волѣ и строгому исполненію великаго своего обѣта.

Напрасно врагъ добра — діаволь возставалъ на него сначала помыслами, предубѣждая его противу старца и стараясь разлучить его съ нимъ, въ надеждѣ впоследствии сокрушить его безъ огражденія старческихъ молитвъ и совѣтовъ. Вѣдь сатана знаетъ, что, пока послушникъ находится при старцѣ, трудно уловить его въ сѣти, такъ какъ онъ имѣетъ несокрушимый противу сего оплотъ — молитвы и наставленія отеческія. Впрочемъ, неудача въ одной брани не затрудняетъ врага, неистощимаго въ вымыслахъ злобы: онъ нападаетъ на послушнаго Нектарія съ другой стороны. Старецъ Филоей, кромѣ Нектарія, имѣлъ еще ученика. Этого послѣдняго сатана до того озлобилъ и подвигъ на зависть и ненависть противъ Нектарія, что несчастный сталъ явно говорить Филоею и Діонисію, чтобъ прогнали Нектарія, иначе онъ или его убьетъ, или самого себя. Старцы трепетали отъ ужаса, слыша такіе демонскіе замыслы. Напрасно вразумляли они несчастнаго, убѣждали

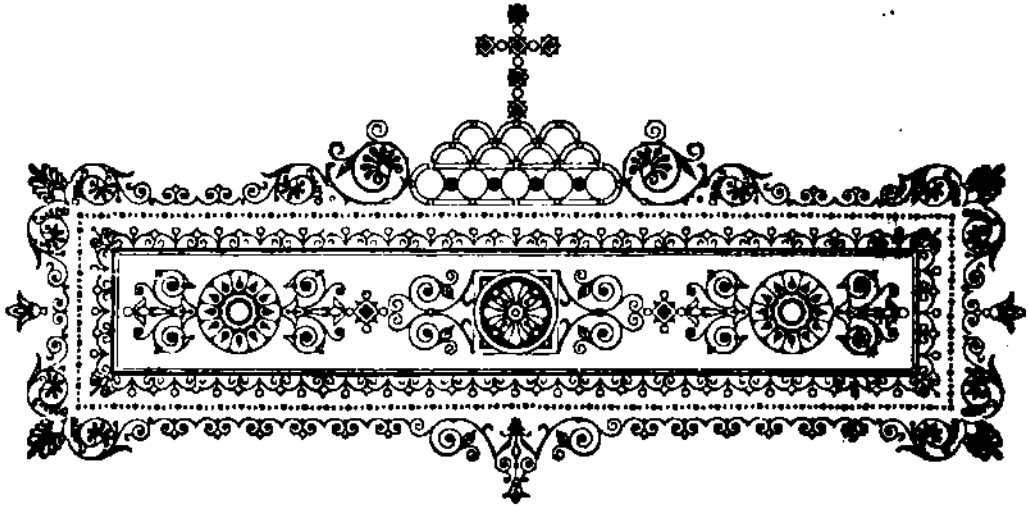
и молили его примирить свое сердце и подавить чувство злобы и зависти, напрасно грозили ему судомъ Божиимъ и геенною: онъ ничего не хотѣлъ слышать, но требовалъ исполненія своего желанія. Чтобъ уступить гнѣву, старцы предложили Нектарію удалиться отъ нихъ на малое время, пока завистливый братъ его придетъ въ чувство. Напутствуя Нектарія старческими молитвами, они отправили его къ тогдашнему Проту Святой горы, Давилу, который принялъ его съ любовію и съ отеческою заботливостію наставлялъ и укрѣплялъ его въ подвигахъ иноческой жизни.

Во время пребыванія Нектарія у Прота, скончался въ глубокой старости боголюбивый Филовей. Тогда Діонисій Ягарисъ, не вынося безнравственнаго поведенія своего ученика, пригласилъ къ себѣ Нектарія въ сожитіе, какъ брата по духу, а несчастному предоставилъ искать другаго мѣста и другаго старца. Такимъ образомъ, Діонисій съ Нектаріемъ мирно проводили жизнь, питаясь отъ своего рукодѣлія и по силамъ помогая бѣднымъ; а тотъ несчастный братъ ихъ, не пришедши въ чувство смиренія и раскаянія, переходилъ съ мѣста на мѣсто, потомъ удалился въ міръ и тамъ, предавшись невоздержности, скончался жалкимъ образомъ среди народной площади, даже безъ обычнаго напутствія христіанскаго. Вотъ что значитъ братоненавидѣніе и зависть! Гибельныя слѣдствія ихъ въ полной мѣрѣ испытываетъ человѣкъ еще въ настоящей жизни и часто отходитъ въ вѣчность безъ всякой надежды спасенія! Надобно беречь себя отъ столь богоненавистныхъ пороковъ!

Наконецъ и блаженный Діонисій, послѣ многихъ скорбей и тѣсноты иноческой жизни, достигъ совершенства духовнаго и мирно отошелъ къ Господу. Потеря столь искренняго друга и отца сильно поразили Нектарія. Съ этой поры всѣ мысли его, желанія и надежды перенеслись

въ загробный міръ. Желая скорѣе соединиться съ любимымъ и любящимъ его Господомъ и видѣться съ своими старцами, онъ посвятилъ себя всей строгости пустынныхъ подвиговъ: постъ и бдѣнія истощили тѣлесныя его силы, тогда какъ духъ его болѣе и болѣе мужалъ и окрылялся. Врагъ видѣлъ это и терзался. Наконецъ, какъ Іовъ, блаженный Нектарій былъ преданъ на испытаніе и искусь. Чтобъ возбудить въ немъ чувство малодушія и жалобы, врагъ поразилъ его чрезвычайными болѣзнями тѣлесными: но истинный подвижникъ былъ непоколебимъ и, въ этихъ страдальческихъ искушеніяхъ очистившись, какъ золото въ горнилѣ, мирно предалъ духъ свой Господу. Это было въ 1500 году, 5 декабря. По истеченіи четырехъ лѣтъ, ученики его раскрыли его могилу, и райскій аромат разлился отъ святыхъ его мощей. Тогда же былъ устроенъ прекрасный ковчегъ, въ которомъ положены были мощи преподобнаго, съ изображеніемъ священнаго его лика на лицевой доскѣ, и ковчегъ поставленъ въ келейной церкви. Его молитвами да сподобимся и мы царствія небеснаго. Аминь.

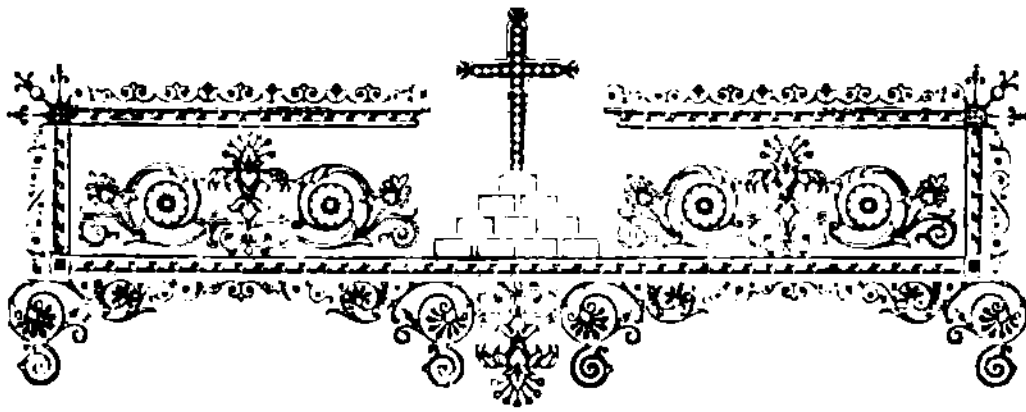

ДЕКАБРЯ ТОГО ЖЕ ДНЯ.

Память преподобнаго и богоноснаго отца нашего
ФИЛОФЕЯ КАРЕЙСКАГО.

Преподобный отецъ нашъ Филофеей подвизался въ карейской келли Ягари, былъ старцемъ преподобнаго Нектарія и за высокую чистоту своей жизни сподобился отъ Бога дара прозорливости. Смотри о немъ въ вышеписанномъ житіи преподобнаго отца нашего Нектарія, декабря 5-го.

Д Е К А Б Р Я 7.

Память преподобнаго отца нашего Григорія, ктитора обители Григоріатской *).

Отечествомъ святаго Григорія, ктитора святогорской обители Григоріата, была Сербія. Такъ говоритъ преданіе и такъ говорится въ службѣ ему **). На западной сторонѣ монастыря, на четверть часа пути отъ обители, понынѣ показываютъ еще пещеру, въ которой ангельски подвизался преподобный Григорій. Устроенная имъ обитель посвящена святителю Христову Николаю, но она какъ въ давнія времена, такъ и нынѣ въ честь основателя своего называется Григоріевою (Γρηγορίου) ***). Недавній составитель похвальнаго слова въ честь сего отца, почерпнувъ

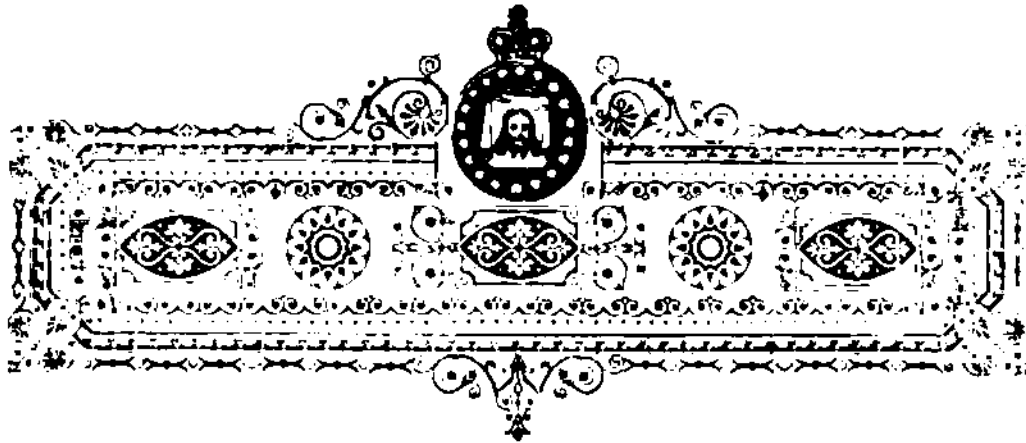
*) Съ рукописк. Филаретъ. Свв. южн. славянъ.

**) Въ службѣ на греческ. языкѣ, совершающейся и теперь въ честь святаго въ Григоріатѣ, говорится: «Отъ Сербіи, преподобне, возсіявъ весть благодати, облиставеша молніями чудесь, Григоріе, сего ради и любовію ты присно величаютъ».

***) Василій Григорьевичъ — Барскій, въ первое свое посѣщеніе горы Леонской, упоминаетъ о болгарскихъ старыхъ книгахъ въ этой обители (см. наше изд.: „Первое посѣщеніе святой Леонской горы Вас. Граг. Барскаго,“ СПб. 1884, стр. 25), а во второе ужь ничего о нихъ не говоритъ. Стало быть, монастырь этотъ былъ сначала славянскимъ, а потомъ перешелъ во власть грековъ.

шій скудна о немъ свѣдѣнія изъ мѣстныхъ источниковъ, нашель въ актахъ аѳонскихъ подпись его, 1405 года. Къ сожалѣнію, полная его біографія погибла, вмѣстѣ съ другими актами обители, отъ пожаровъ, изъ коихъ особенно былъ истребителенъ бывшій во второй половинѣ прошедшаго столѣтія (1761 г.). Есть преданіе, что въ то время мощи преподобнаго Григорія унесены были сербскими иноками съ Аѳона.

Д Е К А Б Р Я 19.

Житіе преподобнаго отца нашего
ДАНИЛА,
архієпископа сербскаго *).

Блаженный Даниль, архієпископъ всей земли Сербской, былъ мужъ высокій по уму и просвѣщенію и выдающійся по строгой жизни и по любви къ отчизнѣ. Сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей, остававшійся единственнымъ у нихъ по смерти другихъ дѣтей, онъ былъ любимымъ сыномъ ихъ. По любви родители не хотѣли изнурять его ученіемъ, но онъ самъ упросилъ ихъ поручить его хорошему учителю и скоро оказался даровитымъ и лучшимъ ученикомъ. Онъ въ скоромъ времени сталъ помогать въ наукахъ тѣмъ своимъ сотоварищамъ, у которыхъ недавно самъ просилъ поясненій, такъ что всѣ дивились разуму и дарованіямъ его. Родители святаго весьма скорбѣли и огорчались о разлукѣ съ любимымъ своимъ дѣтищемъ, но, узнавъ о такой являемой ему благодати Божіей, поручили

*) Даниличъ. Живота краљева и архієпископа српскихъ. Загреб. 1866. Филаретъ архієп. Черниговскій. Свв. южныхъ славянъ.

его волѣ Господа. Боголюбивый юноша, изучивъ слово Божіе, по примѣру великихъ богоугодныхъ мужей, тщательно хранилъ себя въ цѣломудріи и чистотѣ, прилежно подвизаясь въ постѣ, бдѣніи и молитвахъ. При встрѣчѣ съ инокомъ онъ непременно привѣтствовалъ его съ любовію и часто молилъ Господа о томъ, чтобы сподобиться послужить Ему въ образѣ монашескомъ.

Въ это время благочестивый король сербскій Стефанъ Урошъ Милутивъ, узнавъ о прекрасныхъ качествахъ и добродѣтеляхъ святаго юноши, вызвалъ его ко двору своему, вскорѣ полюбилъ его, приблизилъ къ себѣ и отличалъ своимъ вниманіемъ. Но почести не увлекали его. Блаженный, считая все сіе маловременнымъ и суетнымъ, стремился къ жизни монашеской, ожидая удобнаго случая исполнить свое намѣреніе. Однажды, сопровождая благочестиваго короля, посѣщавшаго Сопочанскій монастырь, онъ сблизился съ однимъ богоугоднымъ старцемъ инокомъ и, бесѣдуя о душевномъ спасеніи, открылъ ему свое стремленіе къ иноческой жизни и просилъ отъ него содѣйствія. Поклонившись святынь, король съ своею свитою отправился дальше. Вечеромъ того же дня, по окончаніи своихъ обязанностей у короля, святой съ прочими отправился для отдыха и, когда всѣ заснули, онъ, въ сопровожденіи одного прислужника, скрылся, ввѣривъ себя водительство Божію. Пристанищемъ ему послужилъ монастырь святителя Николая въ мѣстности, называемой Коньчуль на берегу рѣки Ибра. Здѣсь онъ принялъ постриженіе въ иноческій образъ отъ игумена того монастыря, именемъ тоже Николая. Имя святому наречено было Даніиль. — Возблагодаривъ отъ глубины души Бога, совершившаго благое желаніе его, святой предался подвигамъ, — неослабно пребывая въ молитвахъ и смиренно исполняя всѣ монастырскія работы вмѣстѣ съ прочими братьями; онъ лишалъ себя покоя и ночью,

углубляясь въ размышленія о Богѣ и о грозномъ второмъ пришествіи Христовомъ. Богоугодная жизнь его служила примѣромъ всей братіи. Въ скоромъ времени повсюду прошелъ слухъ о такомъ богоугодномъ житіи и добродѣтеляхъ святаго. Услышалъ о немъ и преосвященный архіепископъ Евстаѳій и вызывалъ его къ себѣ, но онъ никакъ не хотѣлъ оставить своего любимаго мѣста подвижничества. Послѣ неоднократныхъ попытокъ вызвать его къ себѣ, видя святаго непреклоннымъ въ намѣреніи оставаться въ уединеніи, архіепископъ Евстаѳій сталъ убѣждалъ краля Уроша, чтобы онъ вызвалъ его своимъ повелѣніемъ. Краль увѣщевалъ святаго исполнить волю преосвященнаго и писалъ ему такъ: „ты всегда отличался преданностію и послушаніемъ моей волѣ, исполни же и теперь мое требованіе и желаніе; притомъ ты самъ хорошо знаешь, похвально ли послушаться архіепископа. Онъ меня многократно и усиленно о семъ проситъ.“ Тогда святой, въ упованіи, что Богъ не оставитъ его Своимъ небеснымъ вразумленіемъ и благодатною помощію, рѣшился отправиться къ архіепископу. Принявъ благословеніе игумена и простившись со всею братіею монастыря того, онъ явился къ архіепископу Евстаѳію, который съ великою любовію принялъ его и рукоположилъ во пресвитера. Вскорѣ увидѣвъ его высокій разумъ и преуспѣяніе въ добродѣтели, архіепископъ полюбилъ его и принялъ въ свою келлію. Святой же продолжалъ прежнюю свою подвижническую жизнь, преуспѣвая въ благочестіи. Такъ продолжалось пребываніе тамъ святаго до половины слѣдующаго года. Въ то время на святой Аѳонской горѣ, въ Хиландарской обители Пресвятыя Богородицы понадобился игумень. Благочестивый краль и архіепископъ, по взаимному совѣщанію, рѣшили назначить туда святаго Даниила. Онъ былъ отпущенъ съ великими почестями и многими дарами во вѣренную ему обитель

на Святую гору, которую всегда онъ такъ глубоко чтилъ, и къ которой измлада стремилось сердце его. Тамъ еще болѣе предался святой Даниилъ духовнымъ подвигамъ, проводя свое житіе въ глубочайшемъ смиреніи и безмолвіи. Много перенесъ онъ искушеній и нападеній отъ злыхъ духовъ, которые, во время его уединенныхъ келейныхъ моленій, особенно въ ночное время старались всячески препятствовать ему разными страхованіями, но святой препобѣждалъ всѣ ухищренія и усилія бѣсовъ прилежною молитвою, терпѣніемъ, усиленіемъ подвиговъ и твердымъ упованіемъ на Бога. Усердно пекся святой и о вѣрнопой ему братіи Хиландарской обители, неустанно и мудро поучая ихъ въ благочестіи и наблюдая полное единомысліе, согласіе и любовь между братіею.

Такъ прошло довольно времени. И вотъ, попущеніемъ Божиимъ, поднялась на святую Аѳонскую гору буря: изгнанные изъ Палестины крестоносцы, смѣшавшіеся тамъ съ арабами, высадились во Фракіи съ именемъ арабовъ. Ихъ встрѣтили безъ страха и дали имъ для поселенія земли въ Романіи, но, пообжившись здѣсь, они стали разбойничать и буйствовать по всей греческой землѣ: захватывали чужую собственность, похищали женъ и дѣвъ. Преслѣдовавшіе ихъ магометане еще болѣе увеличивали страданія православныхъ. Безсильная византійская имперія не могла совладать съ буйными разбойниками. Къ разнымъ мерзостямъ своимъ присоединили они и то, что вздумали совсѣмъ поселиться вблизи Аѳона, чтобы жить на счетъ святогорскихъ монастырей. Безбожные враги расхищали и грабили монастыри, не щадя никакой святыни, и причинили по всей Святой горѣ великое запустѣніе. Также и Хиландарскій монастырь потерпѣлъ въ это время великія скорби и бѣдствія. Внутри стѣнъ его заперлись вмѣстѣ со святымъ Данииломъ и братіею монастыря множество мірскихъ людей,

искавшихъ тамъ спасенія отъ злодѣйства крестоносцевъ. Все это множество питалось изъ обильныхъ житницъ Хиландарскихъ, но, когда запасы истожились, стали всѣ бѣдствовать отъ голода. Наконецъ, бѣдствія и страданія осажденныхъ дошли до того, что и люди, и животныя стали умирать съ голоду. Иѣкоторые, во время усиленія сего бѣдствія, рѣшились было, оставивъ стѣны обители, бѣжать, — но были захвачены врагами и или умерщвлены, или обращены въ рабство. Много употребляли враги усилій, чтобы ворваться внутрь Хиландаря, пытались разбить ворота или пробить стѣны, осыпали обитель стрѣлами, но, видя всѣ усилія свои тщетными, они удалились, съ яростію похваляясь возвратиться снова и овладѣть монастыремъ. Преподобный Даниль съ полнымъ упованіемъ на Бога и съ благодареніемъ претерпѣвалъ всѣ сіи тяжкія бѣды и нужды. По отшествіи варваровъ, опасаясь конечнаго разграбленія, онъ взявъ драгоцѣнности монастырскія, отправился въ отечество свое къ кралою, а защиту Хиландаря поручилъ на это время двумъ избраннымъ опытнымъ мужамъ. Святому Данилу предстоялъ трудный и опасный путь. Нужно было проходить почти посреди враговъ, но, не смотря на это, преподобный, при помощи Божіей, совершенно невредимо достигъ до города Скопи, мѣстопробыванія крала, и въ цѣлости припесъ всѣ взятыя имъ драгоцѣнности церковныя, которыя и вручилъ кралою, сообщивъ ему и о всѣхъ претерпѣнныхъ бѣдствіяхъ, коимъ подверглась Святая гора отъ враговъ. Благочестивый Стефанъ Урошь весьма обрадовался свиданію со св. Даниломъ и немало удивлялся, что преподобный, неся съ собою такія драгоцѣнности, прошелъ среди самихъ враговъ безъ всякаго вреда для себя. Краль усиленно просилъ святаго не возвращаться на Святую гору, пока не успокоится вся та мѣстность отъ опасностей и нападений варваровъ, но

св. Даниилъ никакъ не соглашался пребывать внѣ Аеонской горы, онъ немедленно собрался въ обратный путь, уповая на милость и помощь Божию и поминая слово Господне о томъ, что не слѣдуетъ страшиться убивающихъ тѣло, душѣ же не могущихъ что либо сдѣлать. Онъ, какъ добрый подвижникъ, рѣшился терпѣть всё лишенія и бѣдствія, даже и самую смерть, но не оставлять ввѣренной ему обители. Итакъ, съ любовію простившись съ кралемъ, преподобный возвратился на Святую гору, мужественно подвергая себя всёмъ трудностямъ и опасностямъ, которыя предстояли ему на пути и въ Хиландарѣ. Трудно пересказать, сколько пришлось потерпѣть святому Даниилу на этомъ возвратномъ пути; только особенное покровительство Божіе и благодарственная святому мудрость спасали его отъ безчисленныхъ опасностей и враговъ. Достигнувъ наконецъ Аеона и своей Хиландарской обители, преподобный нашелъ тѣхъ мужей, которымъ поручилъ защиту Хиландаря на время своего отсутствія, готовыми сдать въ руки невѣрныхъ, ибо уже долгое время они страдали въ своемъ заключеніи отъ голода и жажды. Святой Даниилъ, при такомъ полномъ недостаткѣ всякой пищи, послалъ нѣкоторыхъ опытныхъ изъ своихъ людей, которые пробрались къ морю, купили тамъ корабль пшеницы и доставили оную въ монастырь. Затѣмъ преподобный также нанялъ въ окрестностяхъ Святой горы вооруженныхъ воиновъ для защиты обители отъ враговъ. Варвары, услышавъ о прибытіи св. Даниила въ Хиландаръ и собравшихся тамъ воинахъ, не рѣшились въ этотъ годъ сдѣлать нападеніе на монастырь, но, разсѣявшись по всей Святой горѣ, повсюду производили свои неистовства. Когда же, по разореніи Святой горы, варвары возвратились назадъ, то часть ихъ проходила близъ обители Хиландарской. Узнавъ объ этомъ, воины, находившіеся у святаго въ обители, стали просить

позволенія напасть на враговъ. Святой Даниль не согласался на это, не желая подвергать ихъ опасности и рабамъ, но они, уповая на Господа и Пречистую Богородицу и на молитвы преподобнаго, вооружившись, засѣли въ одномъ скрытомъ и удобномъ для нападенія мѣстѣ и здѣсь внезапно напали на проходящихъ варваровъ. Множество враговъ было изранено, избито, много приведено связанными въ монастырь, а плѣнники, захваченные невѣрными, отпущены на свободу. Немало при этомъ взяли украшеннаго дорогаго оружія и другихъ драгоценностей. Св. Даниль призналъ эту побѣду всецѣлою помощію Божіею, воздавалъ горячую благодарность Богу, а захваченныя у враговъ богатства послалъ въ даръ кралю Урошу съ нѣсколькими вѣрными слугами. По удаленіи враговъ, преподобный снова вдался въ строгіе, благочестивые подвиги, проводя все время въ молитвѣ, постѣ и богомысліи. Великую онъ отъ всѣхъ приобрѣлъ любовь и почтеніе за свои добродѣтели, великіе труды и мудрость.

Спустя немного времени, стало, однако, извѣстно на Святой горѣ, что варвары снова готовятся сдѣлать нападеніе на Хиландарь, намѣреваясь уже непременно покончить съ нимъ. Они, какъ звѣри, алкали добычи отъ хиландарскихъ богатствъ, всячески ухищряясь какимъ либо способомъ овладѣть монастыремъ. Преподобный, узнавъ объ этомъ и ожидая себѣ смерти отъ варваровъ, отправился въ русскій монастырь св. Пантелеимона къ своему духовному отцу, чтобы повидаться съ нимъ и духовно побесѣдовать.—Прибывъ въ эту обитель, св. Даниль поклонился храму св. великомученика и затѣмъ удалился съ духовнымъ отцомъ въ высокій пиргъ (башню) монастырскій, пробывъ съ нимъ въ уединенной бесѣдѣ цѣлый день и ночь. Между тѣмъ враги нашли себѣ помощниковъ — двоихъ изъ хиландарскихъ служителей Николая и Георгія

(любимыхъ преподобнымъ), которые, за обѣщанное имъ золото, согласились, по дѣйству діавола, предать св. Даниїла въ ихъ руки. Когда святойъ пребывалъ въ Русскомъ монастырѣ, варвары пришли на Хиландарь, узнавъ же, что преподобный находится внѣ своего монастыря, они нашли упомянутыхъ мужей, согласившихся съ ними на предательство св. Даниїла, и послали ихъ въ русскую обитель, чтобы они, проникнувъ туда, и имъ доставили бы входъ. Предатели, придя ночью къ воротамъ монастыря св. Пантелеимона, стали стучаться и называли свои имена, прося впустить ихъ въ обитель для свиданія съ преподобнымъ по дѣламъ монастырскимъ. Но отцы побоялись отворить ворота и не пустили, даже не сказали ничего объ этомъ и преподобному, пока не настало время утрени. Когда святой, узнавъ о нихъ, велѣлъ впустить и спрашивалъ ихъ о причинѣ ихъ прихода, то они сообщили ему вымышленный предлогъ, которому святой, будучи самъ чистосердеченъ, вполне повѣрилъ. Предъ разсвѣтомъ же, когда преподобный, ходя близъ пирга монастырскаго, пѣлъ часы, — увидѣлъ онъ вдали на возвышенности какъ бы стаи большихъ птицъ, но когда разсвѣло, то оказалось, что спѣшили къ монастырю полчища враговъ. Варвары, обступивъ обитель, съ дикимъ крикомъ, усиленно старались пробить стѣны монастырскія. Наконецъ, имъ удалось ворваться внутрь, и здѣсь начали они звѣрски все раскидать и истреблять. Враги требовали отъ начальствующихъ обители, чтобы выдали имъ св. Даниїла, если не хотятъ, чтобы все было до основанія разрушено и сожжено; звали на помощь себѣ и обѣщавшихъ предать преподобнаго. Тотчасъ зажгли они и храмъ, и жилия келліи монастыря; затѣмъ, обложивъ пиргъ, гдѣ скрылся преподобный, множествомъ дровъ, досокъ и соломы, они старались разжечь его подобно раскаленной печи, такъ что пламень яростно

охватывалъ пиргъ до самой вершины *). Слуги же, находящіеся тамъ вмѣстѣ съ преподобнымъ, стрѣляли съ пирга въ варваровъ и многихъ изъ нихъ поразили. Тогда тѣ изъ слугъ, которые были въ заговорѣ противъ святаго, начали увѣщевать остальныхъ, бывшихъ въ пиргѣ предать преподобнаго Даниила въ руки враговъ, дабы избѣгнуть всѣмъ таковаго бѣдственнаго положенія. Святой, по своей проницательности, уразумѣлъ весь коварный замысль ихъ, и тогда-то обнаружилась та его мудрая находчивость, которою онъ отличался еще съ ранней юности. На самомъ верху пирга была церковь, запиравшаяся отвѣтъ крѣпкими желѣзными затворами. Преподобный, взявъ тайно ключи къ себѣ, сталъ звать всѣхъ въ церковь—помолиться и проститься между собою предъ близкимъ уже концемъ; самъ же во все это время умственно взывалъ о небесной помощи ко Господу. Когда вошли въ церковь, то слуги, оставшіеся вѣрными святому, по его предупрежденію, внезапно отняли оружіе у заговорщиковъ и вмѣстѣ съ св. Данииломъ выскочили изъ церкви, заключивъ въ ней измѣнниковъ. Пламя между тѣмъ досягало уже дверей, преподобный, найдя немного воды утишилъ оное нѣсколько; нашлось еще немного вина, и его вылили на огонь. Въ это время Господь явилъ имъ Свою явную милость: вдругъ съ вершины Аеоны подулъ сильный прохладный вѣтеръ, который сталъ тушить пламя и разогналъ дымъ, и своею прохладой спасъ отъ нестерпимой жары находящихся въ пиргѣ. Такъ продолжалось до полдня, когда враги вышли изъ монастыря и расположились обѣдать. Вдругъ между ними произошло большое смущеніе и мятежь: они, схвативъ свои оружія и поскакавъ на коней, быстро удалились отъ обители. Пре-

*) Императоръ Андроникъ Палеологъ въ данномъ Русскому подтвердительномъ хрисовулѣ — 1312 г. — вмѣсто утраченныхъ актовъ на его имѣніи упоминаетъ объ этомъ сожженіи монастыря. См. „Акты Р. на св. Аеоны и — ра“. Кіевъ. 1873. 163.

подобный Даниилъ сперва счелъ это за какой либо новый ихъ умыселъ или хитрость и, не оставляя своего положенія въ пиргѣ, усердно взывалъ ко Господу. Но прошло довольно времени, — враги не возвращались. Наконецъ, святой узналъ, что такъ какъ главные начальники варваровъ оставили Святую гору съ своими войнами, то и эти, свирѣпствовавшіе въ Русскомъ монастырѣ, узнавъ объ отшествіи предводителей своихъ, не рѣшились продолжать осаду пирга и бѣжали. Увидѣвъ тщетный конецъ всѣхъ усилій вражескихъ, преподобный горячо благодарилъ Бога за такое чудное спасеніе свое. Оставивъ Русскій монастырь, преподобный отправился съ своими чадами въ Кеиропотамскую обитель, св. сорока мучениковъ, лежащую на берегу моря. Монастырь этотъ много былъ облагодѣтельствованъ и украшенъ св. и богоноснымъ отцемъ нашимъ Саввою, вписавшимъ имя свое и сродниковъ своихъ въ помянникъ обители. Пробывъ тамъ нѣсколько дней, преподобный Даниилъ возвратился въ свой Хиландарь. Вскорѣ затѣмъ прекратилось это ужасное бѣдствіе Святой горы отъ безбожныхъ варваровъ *), — они погибли въ Греціи и Сербіи, куда направились послѣ совершеннаго разоренія Аѳона, который подвергался этому бѣдствію въ продолженіе трехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ. Безбожные и свирѣпые враги опустошили и разорили всю Святую гору: святыя храмы были сожжены; обители обезлюдили: часть обитателей была уведена въ рабство, многіе же погибли отъ голода, такъ что некому было и убирать труповъ, которые служили добычей хищныхъ птицъ и звѣрей. Каталонцы, пограбивъ окрестности Святой горы, доходили до Солуня

*) По извѣстію ученика преп. Даниила, написавшаго его житіе, сличенному съ грамотою князя Милютинъ и «родословомъ», описаннымъ самимъ Давидомъ — это нападеніе франковъ на Аѳонскую гору окончилось въ 1296 году. Теокулъ магистръ, извѣстія котораго напечатаны въ *Anecdota Boissopadi* (II, 226) относитъ разореніе Аѳона каталонцами въ 1308 году. См. «Лѣтопись» архимандрита Арсенія (изд. 2), годъ 1308 годомъ.

и Веррія, но затѣмъ они раздѣлились на свою погибель. Часть франковъ отправилась моремъ въ свои земли, другая часть варваровъ подѣ начальствомъ Мелекила направилась во владѣнія краля Уроша Милютина въ Сербію, съ обязательствомъ ему служить, но, когда они составили заговоръ на его жизнь, то Милютинъ рѣшился расчитаться съ незванными гостями. Онъ выгналъ всѣхъ ихъ за Дунай за исключеніемъ лучшихъ, оставшихся въ числѣ прислуги. Главныя же силы этой разбойнической шайки подѣ начальствомъ Халика устремились на Влахіотскую землю (Эпиръ) и Ливадію. Затѣмъ варвары поступили на службу греческому Императору и дошли до г. Каллиполя, но и здѣсь предались снова неистовствамъ, разоряя и разграбляя греческія владѣнія. Краля Урошъ явился на помощь къ греческому царю съ своими силами, и здѣсь уже варвары были окончательно поражены. Такъ заключились 20 лѣтніе подвиги этихъ разбойниковъ—франковъ.

Когда на Святой горѣ водворилась снова тишина и безопасность отъ варваровъ, св. Данииль пожелалъ предаться полному уединенію и безмолвному служенію Господу, почему сложилъ съ себя игуменство Хиландарской обители. Вмѣсто него игуменомъ былъ поставленъ Никодимъ, бывшій ученикъ св. Даниила. А св. Данииль удалился въ келлію св. Саввы на Каретѣ, гдѣ самъ св. Савва безмолвствовалъ и оставилъ для руководства будущимъ безмолвникамъ собственный уставъ, которому и самъ слѣдовалъ во время своего здѣсь подвижничества. Здѣсь преподобный Данииль обрѣлъ вполнѣ желаемое: онъ усвоилъ себѣ уставъ и правила св. Саввы, съ великимъ усердіемъ и любовію подвизаясь въ моленіяхъ, всенощныхъ стояніяхъ, поклонахъ и пѣснопѣніяхъ, услаждался сердцемъ въ сихъ святыхъ подвигахъ, которые такъ вождѣльны были ему еще съ самой ранней юности. Велики и неподражаемы

были его иноческіе труды: постомъ строгимъ удручалъ онъ тѣло свое; проводя всѣ ночи въ молитвенномъ бдѣніи, пѣніи псалмовъ и поклонахъ, онъ до самаго разсвѣта не давалъ себѣ ни малѣйшаго отдохновенія. Онъ стяжалъ дарованіе обильнѣйшихъ слезъ. Много нападеній и ухищреній воздвигалъ на него діаволь во время этихъ подвиговъ, но святой, снявъ съ себя крестъ, который всегда носилъ на персяхъ, ограждалъ имъ себя съ вѣрою и молитвою, уничтожая и сокрушая симъ всѣ коварства вражескія,—это было обыкновенное его средство и оружіе въ искушеніяхъ и нападеніяхъ бѣсовскихъ. Преподобный сіялъ своими добродѣтелями, такъ что всѣ иноки Святой горы пользовались его наставленіями и совѣтомъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сего благочестивому кралою Урошу (Милютину) приключилась великая скорбь: на него возсталъ его братъ Стефанъ (Драгутинъ), краль Сремской земли. Онъ шелъ съ большимъ войскомъ, намѣреваясь отнять престолъ у Уроша и возвести на него своего сына Урошица. Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ находился тогда краль Урошъ: многіе правители и начальники областей измѣнили ему, и никого онъ не видѣлъ на столько преданнымъ и вѣрнымъ, чтобы можно было вполнѣ на него положиться. Всѣхъ болѣе опасался краль за знаменитый монастырь св. Стефана на мѣстѣ, называемомъ Банскъ, ибо въ этомъ монастырѣ хранились всѣ богатства его; епископъ же, которому ввѣрена была эта обитель, скончался въ этомъ году. Тогда краль, вспомнивъ о преподобномъ Даніилѣ, сталъ усиленно звать его къ себѣ для свиданія. Много усилій потребовалось, чтобы св. Даніиль рѣшился, наконецъ, снова оставить мѣсто своего безмолвія, уступая сердечнымъ мольбамъ краля. О цѣли же, съ которою онъ звалъ, преподобному ничего не было извѣстно. Краль несказанно обрадовался прибытію св. Даніила, принялъ его

съ великою любовію и вскорѣ же наединѣ сообщилъ ему подробно все свое горе и непремѣнное желаніе и необходимость поручить ему упомянутый монастырь св. Стефана со всеми сокровищами. Сильно огорчился этою неожиданностію св. Данииль и упорно отрекался отъ порученія, которое снова грозило ему разлукою съ любимымъ Аеономъ. Но убѣжденія, мольбы и дѣйствительно тяжелое положеніе краля заставили, наконецъ, преподобнаго согласиться, тѣмъ болѣе, что краль обѣщаль, если, при помощи Божіей, благополучно возвратится съ войны, отпустить его на Святую гору. Такъ св. Данииль посвященъ былъ во епископа Банскаго и поставленъ настоятелемъ монастыря св. Стефана. Тамъ краль тайно отъ всѣхъ вручилъ преподобному все сокровища и повелъ войска свои противъ брата, противъ всякаго желанія. По волѣ Божіей, походъ окончился счастливо для Уроша: онъ благополучно возвратился на престолъ свой. Св. Данииль былъ посредникомъ — миротворцемъ между братьями: онъ убѣдилъ Драгутина отказаться навсегда отъ предпріятій оскорбительныхъ для чувствъ христіанскихъ.

Здѣсь въ Банскѣ благочестивый краль вознамѣрился создать вновь кафедральный храмъ св. Апостола и Архидіакона Стефана, который онъ предназначалъ для своего погребенія. Храмъ этотъ, изумлявшій современниковъ красотою формъ и массами золота, былъ созданъ по предназначеніямъ и подъ смотрѣніемъ преподобнаго Даниила. Завершивъ, наконецъ, постройку храма христіанскимъ дѣломъ примиренія братьевъ, св. Данииль неотступно сталъ проситься въ свое уединеніе на Аеоны. Краль пробовалъ упрашивать его остаться въ отечествѣ, но все было тщетно, — преподобный на этотъ разъ не уступилъ никакимъ просьбамъ и ушелъ снова на Святую гору — въ Хиландарь, гдѣ вдался въ прежніе свои иноческіе подвиги, съ прежней неподражаемой ревностію: молитвы, поученіе въ

Божественномъ Писаніи, бдѣнія и постъ, — заботясь единственно о спасеніи души. Но и еще разъ Богъ помогъ ему быть миротворцемъ: по просьбѣ страдальца королевича Стефана онъ принималъ живое участіе въ примиреніи отца съ сыномъ. Краль Урошъ (Милютинъ) имѣлъ отъ первой жены своей сына Стефана, который, по достиженіи совершеннолѣтія, вступивъ въ бракъ съ Марією, дочерью князя болгарскаго, получилъ отъ отца въ управленіе Зетскую землю. Ласковый, добрый, кроткій, щедрый къ бѣдности, онъ располагалъ каждога любить его искренно. Мачиха, гречанка (дочь Византійскаго императора Андроника), желавшая предоставить престоль сыну своему Константину, съ женскими ласками внушала супругу кралою, что сынъ Стефанъ замышляетъ недоброе на отца, но этого мало, она, наконецъ, со слезами говорила, будто Стефанъ покушался даже на ея супружескую чистоту.

Стефана предупреждали о козняхъ противъ него, съ коварною цѣлью возбудить его ненависть къ отцу. На несчастіе нѣкоторые областные начальники, негодовавшіе на замыслы хитрой гречанки, высказали непокорность къ кралою. Недоброжелатели поспѣшили выставить это предъ кралемъ — отцемъ, какъ дѣло нечуждое замысловъ сына. Краль Урошъ явился съ войскомъ въ Зету и усмирить мятежь. Сынъ, обвиняемый приверженцами мачихи въ участіи съ мятежниками, замедлилъ явиться къ отцу, по его требованію, чѣмъ усилилъ подозрѣніе отца противъ него. Когда явился онъ съ полною сыновнею покорностію, отецъ сперва принялъ его ласково, какъ и обѣщалъ, но потомъ партія мачихи до того разстроила добраго отца, что онъ, не отобравъ отвѣтовъ у сына противъ обвиненій, повелѣлъ ослѣпить его въ г. Скоплѣ и отослать его съ дѣтьми къ тестю, императору греческому въ заточеніе *). — На дорогѣ въ Овче-

*) Это случилось не позже 1310 года.

полѣ, гдѣ храмъ св. Николая, явился ему Святитель и сказалъ: „не теряй духа: вотъ очи твои на моей длани“ и показалъ ему глаза. Это видѣніе утѣшило страдалца и облегчило боль страшной операціи. Когда прибылъ страдалецъ въ Царьградъ, то запертъ былъ во дворцѣ, съ строгимъ приказаніемъ не допускать никого до него. Потомъ заключили его въ монастырь Вседержителя подѣ строгій надзоръ.

Въ то время хитрый сторонникъ запада, Варлаамъ, тревожилъ Царьградъ своими схоластическими спорами о свѣтѣ еаворскомъ. Соборъ іерарховъ осудилъ Варлаама, но пронырливый калабріецъ нашель себѣ сторонниковъ при дворѣ и волноваль столицу. Императоръ, узнавъ терпѣніе Стефана и его искреннюю любовь къ вѣрѣ, оказываль ему ласки. При одномъ свиданіи Императоръ спросилъ мнѣнія Стефана о Варлаамѣ. „Ненавидящія Тя, Господи, возненавидѣхъ,“ — отвѣчалъ умный страдалецъ и прибавилъ: „вредныхъ людей надобно выгонять изъ общества.“ Государь поступилъ по его отзыву. — Упражненія въ церковной молитвѣ, постѣ, слушаніи книгъ, смиреніи такъ полюбилъ Стефанъ, что приводилъ иноковъ въ изумленіе, и они съ любовію выслушивали совѣты его о духовной жизни. На пятомъ году заключенія, когда совершалось всеобщное бдѣніе на праздникъ святителя Николая, Стефанъ, утомленный трудомъ, вздремнулъ въ сѣдалищѣ церковномъ. И вотъ являвшійся ему прежде говорить: „обѣщаніе мое пришелъ я исполнить“ и, знаменовавъ его крестнымъ знаменіемъ, коснулся очей его Стефанъ сталъ ясно видѣть. Возблагодаривъ святителя сердцемъ полнымъ радости, Стефанъ, для безопасности отъ враговъ своихъ, продолжалъ носить повязку на глазахъ. Два года еще томился страдалецъ въ своемъ изгнаніи. Въ это время онъ писалъ на Аевонъ убѣдительнѣйшія письма къ преподобному Да-

нілу, прося его вмѣстѣ съ великими старцами Святой горы ходатайствовать о прощеніи у державнаго отца. Преподобный искренно любилъ Стефана и сострадалъ ему въ постигшихъ его бѣдствіяхъ, потому съ великимъ усердіемъ подвигся на дѣло миротворенія. Онъ убѣдилъ великихъ святогорскихъ старцевъ послать избранныхъ людей къ кралою Урошу съ грамотами, какъ отъ всего собора Аеонскихъ отцевъ, такъ и отъ преосвященнаго, которыми они сильно ходатайствовали предъ отцемъ—кралемъ за страдальца. Когда избранные старцы прибыли въ Сербію и просили краля Уроша возвратить отеческую любовь страдальцу сыну, въ то время прибылъ туда по государственнымъ нуждамъ, какъ довѣренное лице отъ византійскаго императора, умный и благочестивый игумень обители Вседержителя. Когда краль при разговорѣ съ игуменомъ спросилъ о сынѣ своемъ, игумень отвѣчалъ: „ты спрашиваешь меня, государь, о второмъ Іовѣ, да будетъ извѣстно, что нищета его выше державнаго величія твоего.“ И разсказалъ ему объ изумительномъ терпѣннн и благочестіи Стефана. Добрый Урошъ любовно принялъ ходатаевъ за сына. Онъ, какъ отецъ, давно желалъ видѣть Стефана и теперь радъ былъ, что снимаютъ тяжесть съ его души. При свиданіи отецъ и сынъ плакали навзрыдъ. Краль поручилъ Стефану снова въ управленіе отдѣльную область. Это было въ 1316 году. Въ это время стало извѣстно кралою Урошу, что преподобный собирается въ Палестину — ко святымъ мѣстамъ по своему давнему желанію. Тогда краль снова началъ усиленно призывать къ себѣ преосвященнаго Данила, всячески убѣждая его еще разъ доказать свою любовь и преданность къ нему новымъ приходомъ. Не зная намѣреній краля, св. Даниль исполнилъ его усердныя мольбы прибыть опять (3-й разъ) въ Сербію. Урошъ выразилъ ему о томъ, насколько утѣшительно для него

свиданіе съ нимъ, какъ онъ скорбѣлъ о разлукѣ съ преподобнымъ, послѣ его отбытія на Аѳонъ, и, наконецъ, настойчиво и рѣшительно возвѣстилъ ему, что болѣе его не отпуститъ отъ себя, а намѣренъ имѣть въ немъ себѣ наставника и утѣшителя, обѣщая окружить его почетомъ и славою. Горько было преподобному отказаться отъ любимого своего уединенія на Святой горѣ. „Буди о всемъ благословенно имя Господне,“ сказалъ тогда преподобный, увидѣвъ, что безуспѣшны всѣ отказы его и всѣ просьбы. Краль повелѣлъ помѣстить преподобнаго въ обители св. Апостоловъ, гдѣ его встрѣтили съ великою честью, и онъ пребывалъ въ помѣщеніи тогдашняго архіепископа Сербіи Саввы III.

Краль Урошъ имѣлъ твердое намѣреніе возвести на архіепископскую кафедру Сербіи преосвященнаго Даниила. Но когда скончался архіепископъ Савва III, то на святительскій престолъ былъ возведенъ, вѣроятно по указанію св. Даниила, его ученикъ, сіявшій благочестіемъ и добродѣтелями Хиландарскій игуменъ Никодимъ *), а св. Даниилъ занялъ въ это время епископію Холмскую. Наконецъ, и благочестивый краль Урошъ (Милютинъ) приблизился къ смерти тяжкою болѣзнію, постигшею его во дворцѣ породимльскомъ и скончался на рукахъ преподобнаго Даниила октября 29 въ 1320 году. Святой Даниилъ, бывшій духовнымъ его отцемъ, похоронилъ его въ Банской обители, согласно съ давнимъ желаніемъ его. Восшедшій по смерти отца на престолъ, новый краль, Стефанъ (Дечанскій) Урошъ III любилъ преосвященнаго Даниила еще болѣе, нежели отецъ, такъ какъ живо чувствовалъ признательность за участіе его въ избавленіи отъ заточенія, хорошо зналъ всѣ его заслуги, мудрую и дѣятельную помощь

*) Память его--мая 11-го.

всегда во многихъ важныхъ нуждахъ и дѣлахъ государства сербскаго. Никому новый краль не довѣрялъ такъ, какъ преподобному Данилу, — ему поручалъ онъ все сношенія съ сосѣдними государствами. Когда двоюродный братъ краля Владиславъ склонилъ болгарскаго князя въ свою пользу и противъ краля, то въ государственномъ совѣтѣ Стефана положили: „дѣло посредника успѣшнѣе другихъ можетъ совершить Холмскій епископъ Данилъ.“ И дѣйствительно, блаженный Данилъ счастливо исполнилъ порученіе въ Царьградѣ и у болгарскаго князя. По окончаніи этихъ порученій, св. Данилъ, не взирая на почести и знаки любви, которыми краль осыпалъ блаженнаго, отправился снова въ свое любезное уединеніе на Аѳонъ.

Въ это отсутствіе св. Данила скончался блаженный архіепископъ Никодимъ (въ 1325 г.), правившій сербскою церковью около четырехъ лѣтъ. Краль Стефанъ немедленно сталъ вызывать съ Аѳона св. Данила, ничего ему не сообщая о намѣреніи своемъ. Когда же преподобный возвратился, то волею царскою и соборомъ всей земли Сербской нареченъ былъ архіепископомъ всѣхъ Сербскихъ и поморскихъ земель. Въ этомъ нареченіи принимали участіе и бывшіе въ то время у краля Стефана—Протъ Святой горы Гервасій и почетные святогорскіе старцы. Это совершилось въ день Воздвиженія Животворящаго Креста Господня. Съ смиренною преданностію волѣ Вожіей и горячею молитвою о Его благодатной помощи и неосужденномъ исполненіи возлагаемой на него великой обязанности и высокаго сана принялъ св. Данилъ свое новое служеніе церкви и землѣ Сербской.

Занимая престолъ св. Саввы, св. Данилъ и въ новой своей архіепископской дѣятельности отличался тѣми же великими достоинствами. Онъ былъ столпомъ и примѣромъ благочестія, ревностнѣйшимъ и мудрымъ архипастыремъ:

совершенная нестяжательность, неустаяныя заботы и труды о нуждахъ церкви и паствы, а также и благодѣпіе св. храмовъ—вотъ черты его святительскаго служенія. Св. Данииль также ревностно заботился объ обращеніи къ православію богомиловъ, жившихъ около Прилѣпа, равно какъ съ успѣхомъ отражалъ нападенія папы. Во время оборонительной войны краля Стефана (Дечанскаго) противъ болгарскаго князя Михаила (въ 1336 году), святитель Данииль оставался при кралицѣ Маріи для совѣтовъ. По окончаніи войны полнымъ пораженіемъ нападавшихъ враговъ, краль Стефанъ писалъ къ св. архіепископу Даниилу: „вѣстно буди, яко помощію Божіею, молитвою и предстательствомъ святаго господина нашего преп. отца Симеона и Саввы и молитвами вашими заступляемъ и укрѣпляемъ, и силою Св. Духа вооружихомся, и здрави есмы, и защищаемо королевство мое съ превозлюбленнымъ сыномъ моимъ Стефаномъ (Душаномъ) и съ вой моими, яже реку чада отечествія моего, онаго злокозненнаго врага царя болгаромъ, пришедша съ многими силами языкъ иноплеменныхъ— въ мѣстѣ Землинъ, Богу помогшу ми, силы того мощныя и многія побѣдихъ.— Да о семъ убо возрадовавшеся якоже достойно есть, воздадите хвалу Богу въ помощь нашу.“ Благочестивый краль еще въ 1327 г. началъ строить памятникъ благодарности своей Господу — дечанскій храмъ, поручивъ созидаіе его св. архіепископу Даниилу, создавшему уже для его отца краля Милютина великолѣпный кафедральный храмъ св. архидіакона Стефана въ Банскѣ. Теперь, по окончаніи болгарской войны, краль, выражавшій благодарность Господу за дарованную побѣду въ разныхъ видахъ, особенно горѣлъ желаніемъ оставить въ Дечахъ памятникъ самый достойный и прочный. Святитель Данииль создалъ храмъ, согласно мысли краля,—на изумленіе вѣкамъ. Расходы по построенію этого храма были очень велики.

Дечавскій монастырь сохранился доселѣ *). Прекрасная и знаменитая обитель сербская, лучший памятникъ древняго сербскаго величія и благочестія, находится въ 3-хъ часахъ пути отъ Печа. Храмъ изумительно легокъ и свѣтелъ, — это одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній византійскаго искусства. Даже внѣшнія стѣны поражаютъ своимъ величіемъ: онѣ снизу до верху состоятъ изъ плитъ бѣлаго, розоваго и сѣраго мрамора, расположенныхъ горизонтальными полосами. Главный престолъ храма — во имя Вознесенія Господня, правый въ честь свят. Николая, лѣвый — во имя св. Димитрія Солунскаго. Храмъ оконченъ въ 1335 году. Въ ноябрѣ 1336 года страдальчески окончилъ дни свои блаженный король Стефанъ и погребенъ былъ въ его задушбинѣ — въ дечавской обители. Св. Даниилъ вѣнчалъ на королевство Душана, хотя и со скорбію за его отношенія къ отцу.

Св. Даниилъ кромѣ храмовъ, созданныхъ по начертаннымъ имъ планамъ, по желанію кралей Милютина и Дечанскаго, поновлялъ, украшалъ и обогащалъ многоцѣнными вкладами по всей Сербіи многіе древніе храмы, пришедшіе въ упадокъ или имѣвшіе какіе либо недостатки, и созидалъ и самъ новые. Изъ воздвигнутыхъ имъ храмовъ особенно замѣчательны: храмъ Пресвятыя Богородицы Одигитрии Цареградской, который былъ имъ богато разукрашенъ, отличался дивнымъ благолѣпіемъ и красотою. Служба здѣсь пѣлась на греческомъ языкѣ. При церкви этой были устроены придѣльные храмы во имя св. Іоанна Предтечи и св. архіепископа Арсенія и внѣ храма малая церковь во имя св. Николая. Вообще св. Даниилъ заботился опредѣлять къ храмамъ причетъ, знающій хорошо порядокъ и уставы церковные, такъ чтобы и служба была соотвѣт-

*) Банскій соборъ св. Стефана во время владычества мусульманъ опустошенъ и обращенъ въ мечеть.

ственна благолѣпію св. церквей. Въ храмахъ свв. Апостоловъ и св. Димитрія были устроены имъ богатая мраморныя колонны и украшенные прекрасною живописью своды. Въ обители же свв. Апостоловъ предъ храмомъ былъ воздвигнутъ имъ высокій пиргъ и въ верху его церковь во имя св. Даниїла столпника. Церковь эту онъ богато украсилъ живописью и позолотою, а въ пиргѣ (колокольнѣ) повѣсилъ звонкіе колокола. Въ сербской епархіи въ мѣстѣ, называемомъ Жидча, была древняя обитель Спасова, подвергшаяся, при нашествіи варваровъ, разграбленію и разоренію и вслѣдствіе этого совершенно пришедшая въ запустѣніе. Хотя, во время святительства архіея. Евстаѳія, эта обитель и была, по его распоряженію, возобновлена, но не была приведена вполнѣ въ прежній видъ. Св. Даниилъ и на это обратилъ вниманіе и усердно позаботился объ украшеніи этой славной и древней обители Спаса. Въ мѣстечкѣ Елешьцѣ построилъ церковь во имя св. Арх. Михаила, въ мѣстности Лизицѣ (въ экономіи церковной области) храмъ во имя первосвятителя сербскаго св. Саввы, построенный при архіея. Никодимѣ, св. Даниилъ расширилъ, украсилъ, а въ окрестностяхъ этой обители размножилъ виноградники, сады и огороды. Много прилагалъ заботъ и попеченій святыи на разведеніе, умноженіе и улучшеніе виноградниковъ и садовъ; никакая часть хозяйства не осталась безъ слѣдовъ его полезной и многотрудной дѣятельности.

Святыи Даниилъ, при любви къ Господу, любилъ просвѣщеніе и отечество свое. Онъ собиралъ свѣдѣнія о прошломъ Сербіи и написалъ Родословъ, гдѣ въ первой части краснорѣчиво описалъ дѣла сербскихъ властителей, а во второй жизнь сербскихъ первосвятителей *). Обращеніе св. Даниїла съ подчиненными и со всѣми приходящими къ

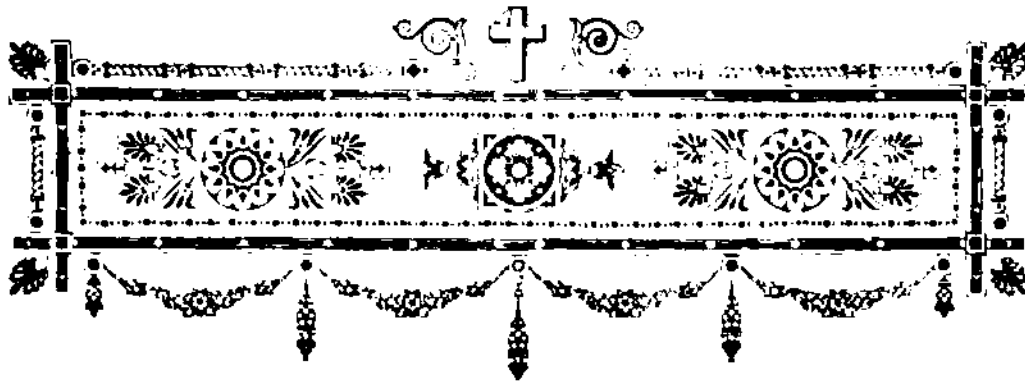
*) Ему же приписываютъ переводъ Корячей.

нему было всегда самое кроткое, привѣтливое; всякій выходилъ отъ него обласканнымъ. Кромѣ всѣхъ вышесказанныхъ трудовъ своихъ по обязанности архіепископа, св. Даніиль продолжалъ жизнь вполнѣ подвижническую и не измѣнялъ прежнимъ своимъ правиламъ: алчба, жажда, труды молитвенные составляли по прежнему для него необходимое условіе его жизни. Чтеніе Божественнаго Писанія было его пищей, — святыми изреченіями слова Божія онъ руководствовался во всемъ, во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, въ каждомъ предпринимаемомъ трудѣ. Жизнеописатель св. Даніила, бывшій весьма близкимъ къ нему, свидѣтельствуетъ, что преподобный еще при жизни своей сподобился отъ Господа дара чудотвореній. Многіе больные получали исцѣленіе по его молитвамъ

На престолѣ архіепископскомъ св. Даніиль пробылъ 14 лѣтъ и 3 мѣсяца и скончался въ 19-й день декабря въ первомъ часу по полуночи 1338 года.

Такъ многоплодна, добродѣтельна и богоугодна была жизнь и дѣятельность сего угодника Божія. Церковь сербская поетъ ему: „чудо явился извѣщенія (по повѣствованію), дѣлами добродѣтелей Божіихъ возсіалъ еси, монашествующихъ лики упаслъ еси, еретическаго нападенія не усумнився, Церковію Христовою управляя, преподобне отче Даніиле, премудре: уснулъ еси яко спя, тѣло же твое цѣло и нетлѣнно соблюдено бысть, и подаетъ цѣльбы болящимъ отъ различныхъ недуговъ, и демоны прогоняетъ. Сего ради молимъ тя, моли спастися душамъ нашимъ“ *).

*) Серблякъ, л. 174.

Д Е К А Б Р Я 26.

Страданіе святаго священномученика
КОНСТАНТІА РОССІЯНИНА *).

Преблаженный іеромонахъ Константій былъ родомъ Великороссіянинъ. Состоя при російскомъ императорскомъ посольствѣ въ Константинополѣ священникомъ, онъ проводилъ жизнь свою тихо и мирно. Въ то время, въ царствованіе императрицы всероссійской Елисаветы Петровны, возникли непріязненныя дѣйствія между Турціею и Россіею. Русское посольство, по сему случаю, вышло изъ предѣловъ враждебной Порты, но іеромонахъ Константій, какъ чуждый политическихъ смуть и отношеній, производившихъ разрывъ между сильными державами, не захотѣлъ оставить Востока. Зная, между тѣмъ, что святая гора Аѳонская всегда была въ сторонѣ отъ военныхъ потрясеній, онъ отправился туда и поселился въ лаврѣ святаго Аванасія. Пока продолжались военныя дѣйствія, онъ, въ видѣ простаго странника, посѣтилъ Іерусалимъ и прочія святаыя мѣста, а потомъ опять возвратился на Святую гору, въ ожиданіи окончанія войны и вождельннаго мира.

*) Изъ Νέον Μαρτυρολόγιον.

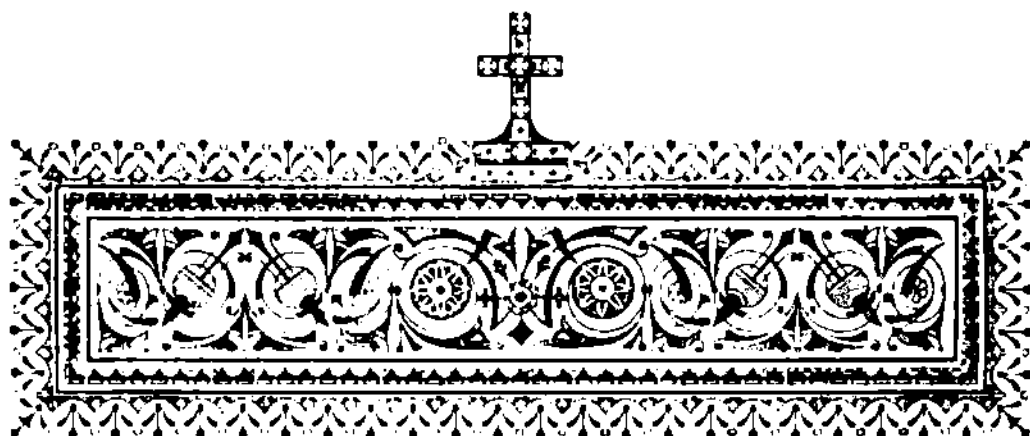
Въ то время былъ знакомъ съ нимъ и я, говорить составитель сего житія *), такъ какъ служивалъ съ нимъ литургію въ лаврѣ и при погребеніи артекаго епископа Неофита, который очень любилъ его. Константій былъ мужъ мудрый и добродѣтельный: обращаясь съ нимъ, мы часто разговаривали о Россіи, а особенно о церковныхъ нашихъ нуждахъ и о прочихъ духовныхъ предметахъ. Когда же, по милости Божіей, кончилась война Турціи съ Россіею и по прежнему водворился миръ, тогда іеромонахъ Константій отправился со Святой горы въ Константинополь для занятія, по прежнему, священнической должности при посольской церкви. Посланникъ принялъ его съ любовію и относился къ нему съ чувствомъ уваженія и почтенія. Но чрезъ нѣсколько времени послѣ сего, Богъ вѣсть отъ какой причины, между посланникомъ и іеромонахомъ Константиємъ возникли неудовольствія. Никто положительно не зналъ о поводахъ къ непріятнымъ между ними отношеніямъ, и если въ свое время говорили о томъ, то говорили гадательно и различно. Можетъ быть, изъ страха и опасенія дурныхъ для себя послѣдствій со стороны высшаго своего правительства, а, можетъ быть, и для того, чтобъ подвергнуть посланника строгой отвѣтственности и гнѣву царскому, іеромонахъ Константій рѣшился на чрезвычайный поступокъ: онъ тайно скрылся изъ посольства и, явившись въ султанскій дворецъ, въ турецкомъ верховномъ диванѣ, объявилъ, что желаетъ лично представиться султану, чтобъ предъ нимъ и въ виду всѣхъ мусульманъ отречься отъ Христа и исповѣдать Магомета истиннымъ пророкомъ великаго Аллаха. Можно себѣ представить, какъ велико было торжество невѣрныхъ! По желанію несчастнаго Константія, его представили къ султану, и увы! въ слухъ всѣхъ отрекся онъ своего Господа и вѣры въ Него и призналъ

*) Іеромонахъ Іона, ученикъ преп. Аванія Кавсокаливита.

мусульманизмъ спасительнымъ, а Магомета великимъ про- рокомъ. Султанъ осыпалъ его милостями, и полились на него почести. Но немного протекло дней, какъ бѣдный отверженецъ пришелъ въ чувство: всеблагій Господь, *не хотяи смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему* (Іезек. 33, 11), коснулся Своею благодатію отступническаго его сердца, и мысль Константія вдругъ озарилась божественнымъ свѣтомъ: онъ глубоко почувствовалъ страшное свое паденіе и во всей силѣ повялъ, съ какой высоты и въ какую бездну погибели низвергся несчастный. Долго, горько, чрезвычайно горько плакалъ онъ о своемъ бѣдствіи и, подобно кающемуся Петру, взывалъ о помилованіи. Наконецъ, презирая стыдъ и страхъ, повязалъ онъ ветхимъ платкомъ свою голову и въ изодранной ряскѣ явился во дворецъ султана. Тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, и при тѣхъ же самыхъ царедворцахъ султана бросилъ онъ на полъ турецкое платье, которымъ одѣли его въ минуты его отступленія, попиралъ, топталъ его и громогласно проклиналъ Магомета и его ученіе, проклиналъ и всѣхъ его послѣдователей. Такой поступокъ кающагося Константія привелъ всѣхъ турокъ въ бѣшенство и гнѣвъ: безъ всякаго суда и допросовъ, они схватили его и на дворцовой площади отсѣкли ему голову, въ то самое время, когда онъ, проклиная Магомета, исповѣдалъ Христа единымъ истиннымъ Богомъ. Такимъ образомъ пріялъ онъ съ радостію мученической вѣнецъ. Молитвами его и насъ да спасеть Господь Богъ. Аминь.

Святой Константій пострадалъ въ 1743 году, декабря 26-го.

Д Е К А Б Р Я 28.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
СИМОНА МУРОТОЧИВАГО *).**

Святость и особенное достоинство аскетической жизни своей преподобный Симонъ проявилъ дивными подвигами и чудесами, которые совершилъ какъ при жизни, такъ и по смерти, а особенно точеніемъ мура, подобно великомученику Димитрію Солунскому. Но откуда былъ онъ родомъ, кто были его родители, какъ воспитанъ и, наконецъ, гдѣ положилъ начатки иноческихъ своихъ подвиговъ, объ этомъ нѣтъ ни историческихъ свѣдѣній, ни даже мѣстнаго преданія. Что же касается до прекрасной его жизни на святой Аѳонской горѣ, это покажетъ слѣдующее повѣствованіе. Помня старческое изреченіе, что безъ послушанія спастись невозможно, преподобный Симонъ прежде всего постарался, по приходѣ своемъ на Святую гору, найти духовнаго старца, которому бы могъ подчинить себя безусловно, такъ, чтобы онъ былъ ему не только вѣрнымъ водителемъ ко спасенію и свѣтлымъ образцомъ совершеннаго подвижничества, но и строгимъ судіею въ отношеніи

*) Изъ Νέων Λετρονάριον.

къ его немощамъ. Вслѣдствіе сего, подобно оленю, жаждущему животворныхъ струй источника, онъ проходилъ по всѣмъ монастырямъ и скитамъ Святой горы, въ чаяніи найти себѣ желаемого руководителя. При каждой встрѣчѣ съ иноками испытанной жизни, пришлецъ входилъ съ ними въ подробные распросы и сужденія о добродѣтеляхъ иноческихъ; и наконецъ, во множествѣ ихъ, нашель искомага старца, совершеннаго во всѣхъ отношеніяхъ подвижничества. Единственнымъ правиломъ всѣхъ своихъ дѣйствій, по тонкомъ раскрытіи предъ старцемъ всѣхъ обстоятельствъ минувшей своей жизни, поставилъ онъ безусловную покорность всему, что бы ни повелѣвалъ ему старецъ, положилъ исполнять въ точности и безъ всякаго размышленія каждое изъ отеческихъ его словъ,—такъ, какъ бы слова эти исходили не изъ устъ старца, а отъ Самого Бога. Такая покорность ученика радовала учителя. Впрочемъ, чтобъ не подать ему случая къ тщеславнымъ помысламъ и съ тѣмъ вмѣстѣ усовершенить его въ опытахъ крестной жизни и безусловнаго послушанія, старецъ, вмѣсто хвалы и снисхожденія, не только постоянно бранилъ его, но даже нерѣдко и билъ. А блаженный принималъ это съ великою радостію и благодареніемъ. Слѣдствіемъ сего, при содѣйствіи благодати, было съ его стороны то, что когда старецъ, вмѣсто побой и униженія, начиналъ оказывать ему внимательность, онъ скорбѣлъ и считалъ это важнымъ ущербомъ въ дѣлѣ спасенія. Такимъ образомъ между ними воцарилась такая взаимность сердечной любви, которая составляетъ счастье и радость какъ родителей, такъ и дѣтей, и которою къ сожалѣнію иногда не пользуются ни тѣ, ни другіе. Сладкіе плоды подобной любви преподобный очевидно проявлялъ съ своей стороны въ неподражаемомъ благоговѣніи и привязанности къ своему старцу. Эта привязанность простиралась до того, что онъ, когда старецъ спалъ, лобы-

залъ ноги его и даже то мѣсто, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе отдыхать послѣ трудовъ своихъ, или молитвенно бесѣдовать съ Богомъ. Что все это дѣлалъ онъ по чистымъ побужденіямъ сердца, объяснялось его же словами: онъ говорилъ другимъ, что сколько съ одной стороны должны мы любить Бога, приведшаго насъ изъ небытія въ бытіе, столько же съ другой и старца, ибо и этотъ послѣдній, при помощи Божіей, преобразуетъ въ насъ внутренняго человѣка, въ которомъ образомъ возстановляетъ и обновляетъ образъ Божій, падшій и сокрушенный нашимъ небреженіемъ и тяжкими грѣхами. Такъ глубоко проникнуть былъ преподобный чувствомъ важности и необходимости безусловнаго повиновенія старческой, а не собственной волѣ. Этимъ образомъ мыслей о добродѣтельной жизни преподобный Симонъ скоро прославился по всей горѣ, такъ что равные съ нимъ по возрасту благоговѣли предъ нимъ, а старшіе любили его; потому что тѣ и другіе въ юномъ его возрастѣ видѣли разумъ старческой, въ подвигахъ—неподражаемое терпѣніе, въ разумѣ—совершенство, въ словѣ—назиданіе, строгую разсудительность и наконецъ искреннюю ко всѣмъ любовь, составляющую вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей. Однимъ словомъ, святой Симонъ сдѣлался на Святой горѣ украшеніемъ своего времени и свѣтлымъ образцомъ испытаннаго послушанія, которое полагается въ пезыблемое основаніе смиренія и прочихъ подвиговъ иночества. Наконецъ и старецъ, убѣдившись постоянными опытами въ истинно безусловномъ послушаніи Симона, совершенно измѣнился въ обхожденіи съ нимъ, такъ что, при отеческой внимательности къ нему, онъ располагалъ имъ, какъ послушникомъ, а обходился съ нимъ, какъ съ братомъ, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ просилъ его совѣтовъ и разсужденія. Какія же были слѣдствія такой измѣны для смиреннаго Симона въ старческомъ обхожде-

ни? Въмѣсто того, чтобъ радоваться внимательности старца, онъ чрезвычайно огорчался и положилъ оставить его, подѣтъмъ предлогомъ, что ищетъ себѣ совершеннаго безмолвія. Когда передалъ онъ это своему старцу и, заливаясь слезами, началъ просить его благословенія, — тотъ, хотя и съ сердечнымъ прискорбіемъ, однако изъявилъ старческое свое соизволеніе. Такимъ образомъ святой Симонъ разстался съ своимъ старцемъ, для котораго въ послѣднее время былъ уже не столько ученикомъ, сколько другомъ и дивнымъ сподвижникомъ.

Святой Симонъ долго искалъ себѣ, по Святой горѣ, такой сокровенной пустыни, гдѣ бы никто не могъ ни знать, ни найти его, доколѣ наконецъ, при Божіей помощи, обрѣлъ, по желанію, пустынную скалу и при ней пещеру на южной сторонѣ Святой горы, гдѣ нынѣ существуетъ монастырь Симонопетръ, основанный, какъ увидимъ ниже, этимъ самымъ преподобнымъ. При вступленіи своемъ въ пещеру, зная, что ему предстоитъ ратовать противъ невидимыхъ враговъ, онъ, при содѣйствіи Святаго Духа, облекся въ духовное всеоружіе, облобызалъ крестъ, молитву, вѣру, терпѣніе, постъ и все, что уничтожаетъ демонскія козни и возвышаетъ человѣка до ангельской чистоты и младенческаго безстрастія. Трудно представить крѣпость и тайныя сѣти ловительства и брани сатаны противъ святаго Симона, который, впрочемъ, царственно наступилъ и поправилъ его гордыню, и низложилъ всѣ козни. Изъ множества такихъ случаевъ представимъ слѣдующій. Въ одну ночь святой молился, — вдругъ является предъ нимъ демонъ въ видѣ страшнаго дракона. Зѣвнувъ пастью, онъ хотѣлъ проглотить его; но такъ какъ не было на то соизволенія свыше, не могъ умертвить его, хотя однимъ ударомъ своего хвоста повергъ преподобнаго наземь такъ сильно, что святой Симонъ, въ совершенномъ изнеможеніи

чувствъ, едва могъ собраться съ духомъ и воспѣть съ Пророкомъ: *приближишася на мя злобующіи во еже снѣсти плоти моя* (Ис. 26, 2); *азъ же яко глухъ не слышай, и яко нѣмъ не отвезай устъ своихъ* (Ис. 37, 14). Между тѣмъ страшный драконъ не преставаля бить его хвостомъ своимъ, съ намѣреніемъ, если не совсѣмъ умертвить, когда бы допустилъ это Богъ, то, по крайней мѣрѣ, навести страхъ, и такимъ образомъ выгнать его изъ пустыни. Но вмѣсто страха, не смотря на чувство невыносимой боли, святой Симонъ обратился къ Богу съ молитвеннымъ воплемъ страдальческой души, и зная, что не чувственный драконъ напалъ на него, а подъ видомъ его вооружился сатана, противопоставилъ ему имя Господа Саваога, и драконъ, какъ дымъ, исчезъ въ виду его. Слѣдствіемъ сего подвига и непостыдной надежды на помощь Господа было то, что, едва только исчезъ демонъ, тихій божественный свѣтъ разлился въ пещерѣ, повѣяль райскій ароматъ, и святой Симонъ, исполненный сердечнаго веселія и мира, услышалъ свыше голосъ: „мужайся и крѣпись, послушный и вѣрный рабъ Сына Моего!“ Такимъ образомъ святой Симонъ остался по прежнему въ пещерѣ и провелъ въ ней много лѣтъ, не смотря на постоянную борьбу съ невидимымъ врагомъ своего спасенія и на чрезвычайныя скорби и лишенія съ внѣшней стороны.

Между тѣмъ, узнавъ о строгой его жизни и особенномъ духѣ вѣдѣнія и разсудительности, многіе изъ иноковъ Святой горы начали ходить къ нему; ибо, по слову Божію, *не можетъ укрытися градъ верху горы стоя* (Мате. 5, 14),— и получали великую пользу для души своей отъ душеполезныхъ его совѣтовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ удостоился получить отъ Господа даръ прозорливости и предвѣдѣнія. Впрочемъ, по своему смиренномудрію, не терпя съ одной стороны славы, а съ другой — избѣгая докучливости люд-

ской, онъ тяготился своимъ положеніемъ, особенно когда увидѣлъ, что посѣщеніе братіи служило препятствіемъ его безмолвію, и потому хотѣлъ было перейти отсюда въ мѣсто болѣе пустынное. Но Богъ, промысляющій и пекущійся о пользѣ и спасеніи всѣхъ и cadaго, воспренятствовалъ такому его намѣренію. А какъ это было, — послушаемъ:

Въ одну ночь, упражняясь въ молитвѣ, преподобный видитъ пещеру, какъ и прежде, осіянную божественнымъ свѣтомъ; неизъяснимое благоуханіе разливалось вокругъ него, и вотъ послышался ему свыше голосъ: „Симонъ, Симонъ, вѣрный другъ и служитель Сына Моего! не удайся отсюда, Я положила прославить это мѣсто, ты будешь для него свѣтомъ, и имя твое будетъ славно.“ Сначала Симонъ не повѣрилъ сему видѣнію, изъ предосторожности, не сѣти ли это лукаваго, зная, что, по словамъ Апостола, сатана преобразуется и въ ангела свѣтла. Поэтому-то онъ все-таки не преставаля думать, куда бы удалиться ему на безмолвіе. Это было предъ Рождествомъ Христовымъ. И вотъ въ одну ночь, вышедши изъ пещеры, онъ видитъ страшное явленіе: ему представилось, что съ неба опустилась звѣзда и стала надъ скалою, гдѣ впоследствии созданъ имъ честный монастырь. Это видѣніе повторялось нѣсколько почей сряду: но преподобный Симонъ все-таки боялся, не есть ли это дѣйствіе вражеское, а потому и не довѣряль ему. Когда же наступила ночь на Рождество Христово, — онъ видитъ снова свѣтлую звѣзду, и слышитъ божественный голосъ: „Симонъ! ты долженъ здѣсь основать иноческое общежитіе. Оставь твое сомнѣніе, Я Сама буду тебѣ Помощница; а иначе за твое невѣріе будешь наказанъ!“ Голосъ этотъ слышитъ онъ трижды. И въ это время (какъ говорилъ онъ впоследствии ученикамъ своимъ) ему представилось, что онъ находится въ Вилеемѣ Іудейскомъ на

сказаніе, съ любовію предложили преподобному все свое богатство на устроеніе киновіи и, согласно желанію и благословенію его, озаботились немедленнымъ приготовленіемъ всего нужнаго къ этому столь важному и богоугодному дѣлу. Явились мастера, подготовлены матеріалы, и оставалось только назначить мѣсто, гдѣ положить основной камень возникающей обители. Но когда преподобный Симонъ указалъ имъ, гдѣ строить церковь и прочія зданія, строители ужаснулись, видя отвѣсную скалу, которая должна была, по его указанію, служить основаніемъ обители. „Шутишь ты, авва,“ говорили ему, „или говоришь правду? Посмотри, можно ли приняться за дѣло, когда эта скала можетъ быть опасна и для строителей, а тѣмъ болѣе для тѣхъ, которые будутъ жить здѣсь. Какъ хочешь, а мы противъ тебя.“ И дѣло, такимъ образомъ, осталось нерѣшеннымъ. Между тѣмъ святой Симонъ, видя, что не можетъ убѣдить ихъ приступить къ постройкѣ, велѣлъ приготовить трапезу.

Когда они кушали, одинъ изъ учениковъ преподобнаго, поднося имъ вино, по зависти демонской, залпнулся и упалъ со скалы внизъ, въ страшную пропасть, держа въ одной рукѣ сосудъ, а въ другой — налитый изъ него стаканъ вина. Пораженные такимъ несчастнымъ случаемъ, мастера строго замѣтили преподобному: „видишь, авва, начатки убійственныхъ слѣдствій твоего неосновательнаго предпріятія! Сколько бы могло быть подобныхъ случаевъ смертоубійства, если бы мы рѣшились строить здѣсь обитель!“ Святой ничего не отвѣчалъ имъ, а между тѣмъ втайнѣ молился Владычицѣ Богородицѣ, да не постыдится онъ въ чаяніи Ея заступленія. И что же? Сколь неизреченны чудеса Твои, Владычице, и кто можетъ восхвалить величіе Твое! — Не прошло и получаса, какъ братъ, неосторожно павшій въ пропасть, выходитъ изъ нея съ противополож-

ной стороны, заступленіемъ Пресвятыя Богородицы, не только совершенно здоровый и невредимый, но и съ неразбившимися стаканомъ и сосудомъ въ рукахъ, такъ что и вина изъ нихъ не было пролито ни одной капли. Такое чудо привело мастеровъ въ трепеть и ужасъ; они пали къ ногамъ святаго и, прося прощенія, говорили: „теперь мы узнали, отче, что ты точно человекъ Божій,“ и по усердному ихъ желанію, всѣ они приняты были преподобнымъ въ число его учениковъ, и вскорѣ удостоены ангельскаго образа. Тогда-то подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ и распоряженіями самого преподобнаго Симона, ученики его, бывшіе дотолѣ мастерами, приступили къ построению монастыря. Но такъ какъ имъ нужно было прежде всего положить въ основаніе огромной величины камень, то святой указалъ имъ для сего на одинъ, находившійся вблизи ихъ, и велѣлъ перенести его: а они, забывъ чудо преподобнаго и видя, что не только нельзя имъ общими силами донести эту тяжесть до назначеннаго мѣста, но и сдвинуть ее, стояли въ недоумѣніи и не знали, что дѣлать. Видя это, святой подходитъ къ нимъ и, напечатлѣвъ на томъ камнѣ знаменіе животворящаго креста, поднимаетъ его на свои плечи безъ всякой сторонней помощи и, принеши, полагаетъ его тамъ, гдѣ было нужно. Такимъ образомъ онъ на дѣлѣ показалъ истину словъ, которыя сказалъ Господь Апостоламъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, аще имате вѣру, яко зерно горюшно, и речете гортъ сей: двинися и верзися въ море, будетъ тако.* Человекъ, совершенно изсохшій отъ постническихъ трудовъ и подвижнической жизни, поднимаетъ тяжесть, превышающую человеческія силы. Не видно ли изъ этого, что преподобный, въ семъ случаѣ, сдѣлался очевиднымъ орудіемъ всемогущей десницы Вышняго? что подтверждается и слѣдующимъ чудомъ. Когда монастырь, — которому преподобный, по явив-

шейся надъ нимъ звѣздѣ, далъ имя новаго Виѳлеема, — былъ устроенъ, и братство его умножилось, однажды хищныя сарацины показались у монастырской пристани съ цѣлю — разграбить монастырь. Замѣтивъ непріязненныя ихъ дѣйствія, святой, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ, спустился къ пристани и поднесъ имъ хлѣбъ и плоды. Сарацины взяли приношеніе, но, желая расхитить монастырскія сокровища, приступили къ преподобному и требовали, чтобъ онъ показалъ имъ начальника обители. Святой кротко отвѣчалъ имъ, что смиренный настоятель ея — онъ самъ, и что кромѣ вынесенныхъ къ нему даровъ у нихъ нѣтъ ничего. Недовольные такимъ отвѣтомъ, разбойники бросились на святаго, какъ дикіе звѣри, съ неистовствомъ, а одинъ даже обнажилъ мечъ, чтобы убить его; но Богъ не допустилъ совершиться этому: рука дерзкаго убійцы внезапно изсохла, а прочіе сарацины поражены были слѣпотою. Вразумленные такимъ небеснымъ гнѣвомъ, злодѣи въ одинъ голосъ закричали: „аллахъ, аллахъ,“ и заливаясь слезами, смиренно начали просить святаго объ исцѣленіи; „умилосердись надъ нами, авва,“ вопіяли они, „и исцѣли насъ; мы даемъ слово быть христіанами!“ Незлобивый старецъ, подражатель незлобиваго Учителя Христа, тронулся несчастіемъ враговъ своихъ и, пославши одного изъ учениковъ за елеемъ отъ лампады Спасителя, помолился о нихъ, потомъ помазалъ крестообразно глаза сарациновъ, а также изсохшую руку товарища ихъ, и всѣ они, пораженные чудомъ исцѣленія, не только, по общанію, приняли крещеніе, но остались въ этой обители въ числѣ братства. Наконецъ дивный Симонъ достигъ глубокой старости и, узнавъ, что приблизилось уже время и часъ отшествія его ко Господу, призвалъ всѣхъ учениковъ своихъ и далъ имъ прощальный завѣтъ: „вотъ, братія мои и чада возлюбленныя о Господѣ,“ говорилъ онъ,

„я отхожу отъ васъ, но не скорбите объ этомъ, потому что всѣ мы скоро опять увидимся. Если же я получу дерзновеніе предъ Богомъ, то буду всегда посѣщать васъ и храниить отъ всякаго искушенія видимаго и невидимаго, впрочемъ съ тѣмъ, если и вы сохраните уставъ общежитія, благочиніе церковное и все, чему я научилъ васъ и словомъ, и дѣломъ. Вотъ единственное съ моей и съ вашей стороны условіе! Не любите временнаго богатства, бѣгайте тщеславія, не прельщайтесь, не принимайте въ киновію дѣтей; вы знаете, что сдѣлалъ великій Евѣимій со святымъ Саввою въ дѣтствѣ его: хотя и зналъ онъ, что святой Савва былъ освященъ отъ чрева матери, однакожь не принялъ его въ киновію. И въ старчествѣ замѣчено, что въ древнее время опустѣли четыре лавры — именно отъ того, что приняты были туда дѣти. И Богоносный отецъ нашъ Аѳанасій, основатель здѣшней лавры, заклалъ учениковъ своихъ не принимать дѣтей, хотя бы они были и царской крови. Будьте миролюбивы, страннолюбивы, отправляйте праздники духовно, а не по мірскому, т. е. не занимайтесь въ такіе дни празднословіемъ, шутками и смѣхомъ: праздникъ есть освященіе и просвѣщеніе души, которое должно происходить отъ молчанія, молитвы и чтенія священныхъ книгъ; на службѣ церковной пойте съ благоговѣніемъ, а не съ безчиннымъ крикомъ, и наконецъ отъ души любите игумена. Если это соблюдете по смерти моей, какъ исполняли при жизни, то духомъ я всегда буду съ вами. Въ противномъ случаѣ, придется намъ судиться на страшномъ и всемірномъ судѣ!“ Когда святой такъ поучалъ, братія и ученики, окруживъ его, безутѣшно плакали о разлукѣ съ нимъ. Наконецъ, помолившись о нихъ единому Богу въ Пресвятой Троицѣ славимому, да соблюдетъ ихъ и по смерти его, подъ покровомъ Богоматери и всѣхъ святыхъ, умолкъ, и въ слѣдующую за тѣмъ ночь предалъ

святую свою душу Богу. Это было декабря 28-го дня, 1287 года. На другой день утромъ, лице почившаго праведника просвѣтилось дивнымъ свѣтомъ, въ присутствіи всего братства. Совершивъ надъ нимъ погребальное пѣніе, они съ благоговѣніемъ и слезами опустили его въ могилу.

Преподобный Симонъ, какъ свѣтозарная звѣзда, сіяя въ своей жизни и творя безчисленныя чудеса, не преставалъ исцѣлять различныя болѣзни и послѣ своей смерти. Отъ него получила исцѣленіе дочь царя Іоанна углешскаго. Углешскій Іоаннъ царствовалъ въ 1294 году, отъ Р. Х., въ западной части Сербіи (въ Босніи). У него была бѣспующаяся дочь. Скорбя о такой ея болѣзни, онъ часто молился о ней Богу и нѣкоторымъ изъ великихъ святыхъ, прося ихъ быть ходатаями предъ Нимъ. Но Богъ, желая исполнить прошеніе отца не тогда, когда онъ хотѣлъ, а послѣ, какъ бы не внималъ его молитвамъ. Это чрезвычайно трогало и печалило царя. Наконецъ, однажды, вдругъ слышитъ онъ отъ демона, который мучилъ дочь его: „напрасно ты, царь, трудишься; если не придетъ съ Аѳонской горы Симонъ, я не выйду.“ Удивленный этимъ, царь немедленно отыскалъ нѣкоторыхъ аѳонскихъ монаховъ, распросилъ ихъ о святомъ Симонѣ и, узнавъ, что хотя онъ и давно уже отшелъ ко Господу, но постоянно творить чудеса, источая изъ гроба миро, весьма возрадовался этому, и тогда же, вошедши въ домашнюю церковь, припалъ ко Господу и, во имя святаго Симона, просилъ у Него милости своей дочери. Когда такимъ образомъ царь молился, съ вѣрою и благоговѣніемъ испрашивая у Бога, предстательствомъ Симона, исцѣленія своей дочери, — демонъ завопилъ и, ударивши дѣвицу на землю, зарыкалъ, привелъ въ сотрясеніе все ея тѣло и тутъ же вышелъ изъ нея: съ той поры она, по благодати Христовой, сохранила

свое здоровье въ мирномъ состояніи, во всѣ дни и лѣта своей жизни, за что премного славила Бога и прославленнаго Имъ божественнаго Симона. А царь, отецъ ея, видя чудо столь скорого исцѣленія, помощію преподобнаго, убѣдился въ великомъ его дерзновеніи предъ Богомъ и немедленно отнесся въ святогорскій протать, прося у него дозволенія устроить обитель святаго Симона съ царскимъ великолѣпіемъ, въ благодарность дивному благодотворителю преподобному Симону и въ заявленіе всѣмъ, что сотворилъ онъ съ его дочерью. Протъ и всѣ святогорцы приняли предложеніе Іоанна съ любовью и съ чувствомъ благодарности. Изъ сохранившихся же актовъ и изъ владѣемыхъ обителю метоховъ въ различныхъ мѣстахъ, можно видѣть, какъ ущедрилъ ее признательный царь Іоаннъ. Но этимъ однимъ чудомъ не ограничивается благодать преподобнаго Симона и данныя ему отъ Бога силы. Для пользы читателей, предлагаемъ и слѣдующее, прекрасное и душеполезное повѣствованіе.

Въ царствованіе того же Іоанна углешкаго, турки, владѣя Иконіею — главнымъ городомъ Анатоли, производили во владѣніяхъ греческихъ царей великія опустошенія. Когда же греки заключили съ ними миръ, они вторглись въ Сербію и, опустошая ее, пошли открытою войною на Іоанна. Іоаннъ напалъ на нихъ и, при содѣйствіи брата своего Краля, разбилъ ихъ и одержалъ надъ ними побѣду, что впрочемъ имѣло для него худыя слѣдствія, потому что эта побѣда успокоила его, и онъ предался безпечной жизни. Замѣтивъ это, турки внезапно напали на него ночью и поразили войско его смертью и страхомъ, такъ что, устремившись въ бѣгство, многіе изъ рати его утонули въ рѣкѣ Тунджѣ. Въ числѣ прочихъ былъ убитъ и царь Іоаннъ. Вслѣдствіе сего турки во всѣ предѣлы Сербіи внесли грабсжъ, опустошеніе и смерть. Это зло разлилось тѣмъ болѣе, что сынъ Іоанна,

отъ страха ли, или по тайнымъ побужденіямъ къ безмолвной жизни, не принялъ на себя сана, а удалился въ пристанище спасенія — на святую Аеонскую гору. Тамъ, никѣмъ не знаемый, онъ посѣтилъ монастыри и скиты и пришелъ наконецъ въ устроенный отцомъ его монастырь преподобнаго Симона. Когда, вошедши въ портикъ, царственный юноша просилъ позволенія вступить въ обитель, привратникъ, по обычаю святогорскому, докладывая о немъ игумену, говорилъ, что пришелъ юноша прекрасный собою, воинственнаго вида, но сиромаша (бѣдный по одеждѣ), и повидимому, истинный рабъ Христовъ; онъ желаетъ бесѣдовать съ твоею святостію. Игумень принялъ его и, согласно его желанію и просьбѣ, дозволилъ пожить нѣсколько времени въ обители. Такимъ образомъ юноша остался въ числѣ братства. Благодіе монашеское, безусловное повиновеніе игумену, усердіе къ службамъ церковнымъ, строгое молчаніе, порядокъ въ церкви и прочее, — все это восхищало пришельца, такъ что онъ не могъ нарадоваться своему положенію, и о всемъ прославлялъ Бога. На вопросъ игумена, нравится ли ему обитель и порядокъ въ ней, — юноша отвѣчалъ: „очень нравится, отче!“ — „Итакъ, ты хочешь остаться здѣсь, какъ и прочіе, въ чаяніи царствія Христова?“ — „Да, если позволишь и если твоими святыми молитвами будешь поддерживать мою немощь.“ — „Чѣмъ же ты можешь заниматься здѣсь?“ — „Единственное мое занятіе,“ отвѣчалъ юноша, — „ухаживаніе за садомъ.“ — „Итакъ, благословенъ Богъ,“ сказалъ игумень; „ты остаешься до конца жизни твоей копать землю, садить, поливать и трудиться зимою и лѣтомъ въ саду, для трапезы братней, изъ любви къ Богу!“ — „Обѣщаюсь,“ произнесъ царевичъ; — и вслѣдъ за тѣмъ принялъ въ свое распоряженіе садъ. Тамъ, въ теченіе трехлѣтняго своего искуса, по словамъ Давида, *полагая восхожденія въ сердце своемъ*, онъ преуспѣ-

валъ въ подвигахъ послушнической жизни и трудился для братіи, а по истеченіи этого времени принялъ на себя иноческій образъ. Тихо и въ безмолвіи проводилъ жизнь свою юный, никому не знаемый инокъ: но врагъ спасенія наблюдалъ, видѣлъ и не стерпѣлъ того, — въ какомъ смиреніи, трудахъ и униженіи служилъ Богу царственный юноша, низлагавшій его чрезвычайнымъ своимъ терпѣніемъ и самопроизвольною ницетою, и вооружился на него всею силою демонскаго своего неистовства. Сначала сталъ онъ тайно наводить на него скуку, потомъ раскаяніе въ избранномъ имъ послушаніи, представляя, въ какомъ низкомъ занятіи протечетъ вся жизнь его. Вслѣдъ за тѣмъ диаволь возбудилъ въ его сердцѣ чувство недовольства и презрѣнія къ братіи, потомъ нерадѣніе къ молитвѣ и другимъ подвижническимъ трудамъ, и проч. и проч.; не довольствуясь же нападеніемъ на него со стороны собственнаго его сердца, сатана началъ ратовать противъ него и со стороны самихъ братій. Нашлись легкомысленные изъ среды братства, которые упрекали садовника за то, что онъ взялся не за свое дѣло, какъ неспособный къ садоводству, что онъ нерадиво воздѣлываетъ гряды и наконецъ дѣлается предметомъ соблазна и смуть. Но напрасно ратовалъ сатана. Блаженный, въ отношеніи къ братіямъ, сокрушалъ его крѣпость своимъ смиреніемъ и терпѣніемъ, прося у нихъ во всемъ прощенія и обѣщаясь быть исправнымъ; а въ отношеніи къ самому себѣ, — дѣлаясь болѣе бдительнымъ и строгимъ; рѣшительно же низложилъ онъ врага оружіемъ креста Христова и непрестанною молитвою: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя;“ — такъ что вышедши изъ всѣхъ подвиговъ, по благодати Божіей, побѣдителемъ, онъ наконецъ сдѣлался избраннымъ сосудомъ Святаго Духа и удостоился божественнаго откровенія объ отношеніи своемъ къ Богу. Вскорѣ послѣ того, какъ вод-

ворился миръ въ его душѣ, послѣ многоразличныхъ демонскихъ искушеній, онъ слегка заболѣлъ и, зная, что настаетъ время отшествія его къ Богу, чрезъ одного изъ братій, приглашаетъ къ себѣ игумена, для открытія ему тайны. Удивленный этимъ, игумень приходитъ и на вопросъ, — что желаетъ онъ открыть ему, — царевичъ отвѣчалъ: „Отче! скоро Господь позоветъ меня отъ васъ въ царство славы Своя; итакъ, мнѣ хочется открыть тебѣ, что я сынъ царя Іоанна, строителя сей святой обители.“ Услышавъ это, игумень ужаснулся. — „Почему же, чадо мое, ты не объявилъ намъ этого прежде? Зачѣмъ до сихъ поръ скрывался? Почему бы тайны своей не открылъ мнѣ? — „Если бы я открылъ это, то лишился бы райскаго вѣнца и милости Божіей. Въ такомъ случаѣ, зная, кто я, вы принимали бы меня за царевича, и эта честь очень легко могла бы лишитъ меня не только надежды небесной, но и душевнаго спасенія. Сказавъ это, онъ мирно вздохнулъ и, въ присутствіи игумена, предалъ духъ свой Господу. Тайна не осталась тайною: игумень тотчасъ объявилъ всей братіи, кто такой былъ смиренный ихъ садовникъ, и, тронутые смиреніемъ царственнаго подвижника, своего собрата, братія почтили почившаго своего садовника духовнымъ торжествомъ и всеобщимъ славословіемъ, и, согласно его завѣщанію, похоронили его на братскомъ кладбищѣ, прославляя дивнаго Бога, укрѣпившаго его совершить столь великій подвижъ. Таковъ рассказъ о сынѣ царя Іоанна! Расскажемъ еще нѣсколько чудесъ, совершенныхъ преподобнымъ Симономъ, — чтобы мы знали, какое дерзновеніе имѣетъ онъ предъ Богомъ.

Одинъ изъ братіи священной обители преподобнаго, не имѣя страха Божія и оставаясь подъ вліяніемъ сатанинскаго искушенія, поносилъ подвижника Христова, не хотѣлъ признать его за святаго и, наравнѣ съ прочими,

праздновать годовую его память. Случилось разъ, когда всѣ отцы отправляли преподобному бдѣніе, — зтотъ несчастный братъ, волнуясь чувствами сомнѣнія и невѣрія въ святость Симона, вышелъ изъ церкви и, удалившись въ свою келлію, легъ спать. Тогда является ему во снѣ преподобный Симонъ, осіяваемый молніевиднымъ свѣтомъ, въ сопутствіи двухъ первыхъ своихъ учениковъ, и говоритъ: „ужели не нравится тебѣ, нечестивецъ, та слава, которою прославилъ меня Богъ!“ При этихъ словахъ, по знаку его, ученики положили невѣрнаго и хулителя лицомъ ницъ, и преподобный далъ ему нѣсколько ударовъ по пятамъ палкою, такъ что несчастный отъ боли и безмѣрнаго страха проснулся, — и видитъ, что ноги его распухли. Объятый чрезвычайнымъ ужасомъ, онъ немедленно пришелъ въ церковь и, павъ къ ногамъ игумена, признался ему въ своихъ грѣхахъ противъ преподобнаго, а потомъ, обращаясь къ братіи, сказалъ: „простите меня, отцы! — теперь я убѣдился, что преподобный отецъ нашъ Симонъ дивно прославленъ Богомъ; отнынѣ и я вѣрую и кланяюсь ему, какъ единому отъ древнихъ святыхъ, каковы были Антоній, Евѣимій, Савва и прочіе.“ Потомъ, возвысивъ голосъ, воскликнулъ предъ иконою преподобнаго Симона: „благодарю тебя, угодниче Божій, что ты избавилъ меня отъ демонскаго искушенія, насильства и погибели!“ Тогда же, заливаясь слезами, онъ, среди церкви, рассказалъ всему братству о явленіи преподобнаго въ небесной славѣ, и всѣ прославили Бога, *не хотящаго смерти грѣшнику, но еже обратится и живу быти ему.*

Другой братъ обители преподобнаго долго боролся съ демономъ блуда, но, не имѣя силъ устоять въ подвигѣ, съ благоговѣніемъ палъ предъ священнымъ его образомъ и со слезами просилъ его избавить отъ сей брани. Послѣ сего, помазавшись елеемъ отъ лампы, теплившейся

предъ ликомъ преподобнаго, онъ совершенно освободился отъ сквернъ демонскихъ и нечистыхъ движеній плоти.

Въ другой разъ, въ годовую память святаго, во время великой вечерни, вошелъ въ церковь одинъ братъ, именемъ Савва, изъ обители святаго Діонисія, что на Олимпѣ, — чтобъ приложиться къ святому лику преподобнаго. Но замѣтивъ, что икона очень мала, оскорбился и сказалъ: „я не хочу кланяться такому образу.“ Конечно, это было слѣдствіемъ его невѣжества, а не пренебреженія къ преподобному, однакожь преподобный все-таки исправилъ его слѣдующимъ образомъ. Когда этотъ инокъ удалился изъ церкви въ келлію, данную ему для отдохновенія, и заснулъ, ему видится, что открылся верхъ келліи, и страшный змій, дыша пламенемъ и испуская дымъ и смрадъ, разинулъ пасть, чтобъ поглотить его. „Тебѣ не нравится малый образъ святаго,“ человѣчески говоритъ явившійся змій, „и ты съ негодованіемъ вышелъ изъ церкви, не дождавшись конца службы: такъ знай, — ты мой, я поглочу тебя,“ — и съ ужаснымъ шумомъ бросился на него. Несчастный Савва, внѣ себя отъ страха и трепета, завопилъ: „преподобный Симоне, помоги мнѣ!“ — и въ это мгновеніе, пробудившись, съ ужасомъ пошелъ въ церковь, гдѣ, павъ на колѣна предъ образомъ преподобнаго, съ любовію лобызалъ его нѣсколько разъ, такъ что всѣ бывшіе тутъ удивились переменѣ сего брата, — ибо лицо его было блѣдно, какъ у мертвеца. Тогда же рассказалъ онъ всѣмъ, что за свое невѣжество пострадалъ отъ сатаны. „Малый образъ, братъ мой,“ замѣтилъ при этомъ одинъ изъ старцевъ, „при теплотѣ вѣры и благоговѣніи, при чистотѣ ума и непорочности тѣла, ничѣмъ не различается отъ большаго; посему будь внимателенъ, воздавай достойную честь святымъ и священнымъ ихъ ликамъ, — малые ли они, или большіе.“ Такимъ образомъ исправленный братъ воздалъ славу Богу и благодареніе преподобному.

Другой братъ, именемъ Герасимъ, бывъ на всенощномъ бдѣнїи въ праздникъ преподобнаго Симона, съ великимъ усердіемъ и благоговѣніемъ слушалъ чтеніе о его подвигахъ, искушенїяхъ, какія переносилъ онъ отъ діавола, и о томъ, съ какимъ терпѣніемъ послушенъ онъ былъ божественному своему старцу, — и крайне удивлялся, отчего онъ, до тѣхъ поръ, не слыхалъ объ этомъ? — Что же? Во время литїи, когда вышли священникъ съ діакономъ и прочіе братїя въ притворъ, неся, по обыкновенїю обители, и икону преподобнаго, братъ тотъ не пошелъ, но остался въ храмъ и размышлялъ о славѣ, какую имѣютъ святые на небесахъ и на земли. Во время такого размышленїя, Герасимъ видитъ тѣлесными очами свѣтоносное облако, покрывшее алтарь и икону преподобнаго, стоявшую близъ престола. Небесный свѣтъ и сіяніе облачное осѣняли алтарь до конца литїи. Когда же кончилась литїя, и начались стихиры, свѣтлое облако само собою взялось на высоту, и видѣніе кончилось. Таковы подвиги и чудеса преподобнаго отца нашего Симона, егоже молитвами и насъ да не лишитъ Господь царствїя Своего во вѣки. Аминь.

Д Е К А Б Р Я 30.

Страданіе святаго преподобномученика

Г Е Д Е О Н А *).

Святаго преподобномученика Гедео́на мѣсто родины было селеніе Капурна, Димитріатской епархіи. Отець его Авгириносъ и мать Кираца были благочестивые христіане, онъ же во святомъ крещеніи названъ Никономъ. Родители Никона такъ были бѣдны, что, будучи не въ состояніи содержать большое семейство, ибо кромѣ Никона у Авгириноса было три сына и четыре дочери, отдали его на воспитаніе двоюродному своему брату, занимавшемуся торговлею въ Велестинѣ, гдѣ въ то время уже и они жили. Отличаясь расторопностью и смышленостью, Никонъ весьма понравился одному вліятельному и богатому турку, по имени Али, который насильственнымъ образомъ похитилъ его и, приведши въ свой домъ, заставилъ служить на женской половинѣ своимъ женамъ, а въ послѣдствіи ласками и разными подарками совратилъ отрока въ мусульманскую вѣру, переименовавши и имя его христіанское на мусульманское. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ, божествен-

*) Извлечено изъ жизнеописанія преподобномученика Гедео́на, приложеннаго къ службѣ его, напечатанной въ Константинополѣ 1840 года.

ная благодать коснулась сердца несчастнаго отрока, и онъ теперь только узналъ, что, по своему дѣтскому неразумѣнію, отрекся отъ Христа, источника жизни. Раскаяніе, овладѣвшее сердцемъ, измѣнило и образъ его жизни, такъ что, доселѣ будучи веселымъ и услужливымъ, онъ сдѣлался скучнымъ и съ неохотою сталъ исполнять свое дѣло; при этомъ онъ втайнѣ, подобно Апостолу Петру, горько плакалъ и положилъ намѣреніе бѣжать изъ этого несправедливаго ему дома.

Выбравъ удобное время, Никонъ убѣжалъ отъ своего похитителя и пришелъ къ своему отцу, который къ несчастью по своей бѣдности не могъ укрыть его у себя; зная, что похититель его настолько силенъ и богатъ, что ему никоимъ образомъ невозможно вести борьбу съ неравнымъ противникомъ, онъ отправилъ Никона въ селеніе Керамиди, а оттуда посовѣтовалъ ему немедленно ѣхать на святую Аѳонскую гору, боясь, что злобный его похититель не погнался бы въ погоню за несчастнымъ отрокомъ. Но однако Авгириносъ не избѣжалъ неприятностей, постигшихъ его отъ бывшаго похитителя его сына, за скривленіе Никона. Между тѣмъ и несчастный Никонъ, при гнетущей его сердечной скорби, лишенъ былъ и нужныхъ средствъ къ своему пропитанію, и такимъ образомъ три года скитался изъ одного мѣста въ другое, пока наконецъ прибылъ на святую Аѳонскую гору, гдѣ также странствовалъ по всѣмъ обителямъ и келліямъ, расположеннымъ по Святой горѣ, въ намѣреніи найти опытнаго духовника, которому желалъ открыть свое паденіе и получить отъ него уврачеваніе больной его души. Наконецъ искомое найдено въ обители Каракаллъ, и здѣсь усталый путникъ пріютился, и открылъ духовнику свое паденіе, который огласилъ его церковными молитвами и потомъ пріобщилъ опять къ Православной церкви. А спустя нѣсколько времени,

онъ за свою подвижническую жизнь, удостоенъ былъ постриженія въ монашество съ именемъ Гедеона. Старцы, видя его добродѣтельную жизнь и непреклонное во всемъ послушаніе, избрали его еклисіархомъ. Проходя сіе новое послушаніе, Гедеонъ началъ прилагать труды къ трудамъ, усугубивъ при этомъ постъ, бдѣніе, молитву и колѣнопреклоненія, и въ теченіи 35-ти лѣтъ сердце его очистилось и согрѣлось любовью къ Иисусу Христу такъ, что, однажды при чтеніи книги о страданіяхъ святыхъ мучениковъ, которые за свои подвиги получили отъ Бога мученическіе вѣнцы и царство небесное, и у него родилось пламенное желаніе самому пострадать за любовь Иисуса Христа, омыть себя своею кровію, за бывшее отреченіе отъ христіанской вѣры. Запавшая въ его сердце, мысль о мученіи начала его преслѣдовать и изо дня въ день все болѣе и болѣе распаляла его, такъ что онъ уже, будучи не въ состояніи долѣе переносить божественной теплоты, рѣшился послѣдовать влеченію своего сердца. Но предварительно онъ открылъ свое намѣреніе старцамъ святой обители, прося ихъ благословенія и молитвъ на укрѣпленіе себя въ столь великомъ подвигѣ.

Старцы, видя Гедеона, какъ мужа совершеннаго и процвѣтшаго въ добродѣтеляхъ, дали ему свое отеческое благословеніе и обѣщались молить подвигоположника Иисуса Христа, укрѣпить его въ страданіяхъ. И такимъ образомъ, простившись съ блаженными старцами, съ которыми прожилъ неизходно въ обители Каракаллъ 35 лѣтъ, отправился въ Велестину, гдѣ онъ отвергся Христа, и, какъ только прибылъ въ сей городъ, тотчасъ пошелъ въ судъ и, представши предъ судьями, исповѣдалъ предъ ними христіанскую вѣру, а Магомета, ложнаго ихъ пророка, проклялъ; но судіи, ограничившись нѣсколькими побоями, выгнали святаго Гедеона изъ судилища, что повторялось

не одинъ разъ. Тогда Гедеонъ пошелъ въ другія мѣста для совершенія мученическаго подвига, но и здѣсь то же самое случилось, что и въ Велестинѣ, то есть, били и выгоняли его изъ судилища, какъ юродиваго. Видя въ этомъ несоизволеніе Божіе, онъ возвратился на святую Аѳонскую гору, но, проживши одинъ годъ, сердце его не успокоилось и онъ опять, взявъ благословеніе у старцевъ, отправился въ Велестину, гдѣ предсталъ въ судилище и исповѣдалъ Иисуса Христа, а мусульманскую вѣру проклиналъ, но и теперь, какъ и прежде, получивъ побои, онъ выгнанъ былъ изъ судилища. Тогда святой пошелъ въ другое мѣсто и, представъ предъ правителемъ, исповѣдалъ себя христіаниномъ, а мусульманскую вѣру укорилъ и проклиналъ.

Правитель, слыша хулу на свою вѣру, убоился и тотчасъ же написалъ главному начальнику той мѣстности Вели-пашѣ, жившему въ Тессалии, въ селеніи Турновѣ, что нѣкто христіанинъ дерзко поноситъ и хулитъ ихъ вѣру. Тогда паша послалъ двухъ воиновъ и приказалъ привести къ нему дерзкаго хулителя. Когда приведенъ былъ святой мученикъ, то Вели-паша повелѣлъ собрать изъ окрестныхъ селеній именитыхъ гражданъ и духовныхъ, и предъ это нечестивое скопище представленъ былъ на судъ святой Гедеонъ. Но и теперь, мученикъ Христовъ дерзновенно исповѣдалъ христіанскую вѣру, мусульманскую же проклиная, оставался твердымъ въ своемъ исповѣданіи. Тогда, видя твердость и мужество святаго Гедеона и что всѣ ихъ ласки, обѣщанія и почести святой отвергнулъ съ презрѣніемъ, судьи, эти изувѣры, сперва захотѣли посрамить его предъ всѣмъ населеніемъ. Для этого обрили ему голову и возложили на нее внутренности убитой овцы, и, посадивши верхомъ на осла, лицомъ къ задѣ, въ руки дали держать хвостъ животнаго, и такимъ образомъ возили его

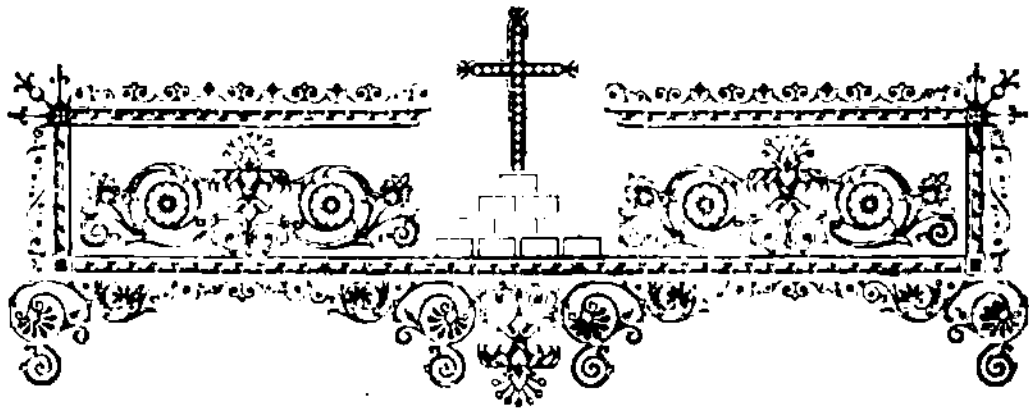
по всѣмъ улицамъ селенія. Но святой преподобномученикъ, вмѣняя безчестіе въ славу за Христа Бога, благодушно переносилъ посрамленіе, а святыя уста еще болѣе обличали ихъ вѣру и хулили ихъ ложнаго пророка.

Послѣ этого посрамленія святаго мученика стали мучить самымъ жестокимъ образомъ. У него, какъ у Іакова персіянина (пам. ноября 27), были постепенно обрублены, кромѣ головы, всѣ члены святаго его тѣла топоромъ. Но святой, имѣя умъ устремленнымъ къ укрѣпляющему его Іисусу Христу, терпѣливо переносилъ лютыя муки отъ ожесточенныхъ мучителей. Потомъ его, еще живаго, бросили въ нечистое мѣсто, гдѣ святой преподобномученикъ Гедеонъ, предаль святую свою душу въ руцѣ Божіи, декабря 30 дня, 1818 года.

Святыя мощи преподобномученика, какъ тѣло съ главою, такъ равно и всѣ отрубленные члены, благочестивые христіане выкупили у мусульманъ и съ честію погребли въ церкви двенадцати Апостоловъ въ Турновѣ.

Спустя нѣсколько времени, часть отъ святыхъ мощей мученика была принесена въ обитель Каракаллъ, гдѣ преподобномученикъ отъ юности подвизался въ иноческихъ трудахъ.—Всемогущій Богъ, за подвиги и страданія Своего угодника, восхотѣлъ и его прославить чудесами, которыя изобильно подавались отъ цѣльбоноснаго его гроба и отъ прикосновенія къ святымъ его мощамъ, всѣмъ съ вѣрою къ нему приходящимъ. Святой еще при жизни предсказалъ паденіе мучителю своему Вели-пашѣ, что вскорѣ и сбылось послѣ его мученической кончины. Молитвами святаго преподобнаго Гедеона, Христе Боже, помилуй и спаси насъ. Аминь.

Въ похвальномъ словѣ въ честь Аѳонскихъ святыхъ, помѣщенномъ въ составленной блаженной памяти Никодимомъ святогорцемъ службѣ — святымъ, на Аѳонѣ просіявшимъ, кромѣ поименованныхъ и извѣстныхъ святыхъ, упоминаются имъ и неизвѣстные по имени, какъ-то: преподобный *Игуменъ* ватопедскій, видѣвшій ужасное чудо отъ иконы Богоматери Отрады и Утѣшенія *); преподобный *Экклісіархъ* ватопедскій же, іеродіаконъ, который при нашествіи варваровъ скрылъ чудотворную икону Богоматери Олтарницы (*Вѣратѣрїсса*) **); преподобный *Инокъ*, обитавшій въ предѣлахъ монастыря Пантократора услышавшій отъ Архангела Гавріила пѣснь Богородицѣ: „Достойно есть“ ***). Но кромѣ сихъ, упомянутыхъ Никодимомъ въ его похвальномъ словѣ Аѳонскимъ отцамъ, изъ другихъ источниковъ видно, что есть и еще отцы, также просіявшіе святою жизнію на Аѳонѣ, но которые по чему либо остались неизвѣстными Никодиму. О нѣкоторыхъ изъ нихъ собраны нами свѣдѣнія, которыя мы и помѣщаемъ въ видѣ прибавленія; прочихъ же преподобныхъ отцевъ, о жизни которыхъ не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, приводимъ здѣсь только имена—для благочестивыхъ читателей.

*) См. о семъ въ книгѣ «Вышній покровъ надъ Аѳономъ». М. 1893 стр. 65—67.

***) См. тамъ же, стр. 62—63.

***) См. тамъ же, стр. 13—17; и здѣсь въ книгѣ подъ 11-мъ іюня.

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

Изъ житія преподобнаго Аѳанасія аѳонскаго видимъ, что подъ его руководствомъ пожилъ и перешелъ въ небесное отечество высокій подвижникъ *Никифоръ* калабріецъ, прозывавшійся Нагимъ, пришедшій ко св. Аѳанасію по особенному божественному откровенію. Сей доблестный подвижникъ скончался еще при жизни св. Аѳанасія и по кончинѣ источалъ изъ костей своихъ благоуханное миро (Помяловскій И. В. „Житіе преп. Аѳанасія аѳонскаго.“ Спб. 1895, 69—70). Въ сербскомъ же переводѣ житіе св. Аѳанасія (Ркп. XV в.—нашей 6—ки) упоминается другой ученикъ его — *Марко*. Онъ исполнялъ послушаніе повара, и, ревнуя въ подражаніи свв. столпникамъ, предпринялъ подвигъ стоянія въ продолженіи 45 дней. Отъ такого усиленнаго подвига у него упали всѣ внутренности. Тогда онъ обратился съ горячею молитвою о помощи къ сему препод. *Никифору* калабріѣцу и молитва его была услышана: онъ получилъ исцѣленіе.

Святѣйшій патріархъ Константинопольскій Каллистъ 1-й, ученикъ преподобнаго Григорія Синаита, описывая подвиги своего божественнаго учителя, приводитъ въ житіи его слѣдующія имена просіявшихъ святостію жизни учениковъ преподобнаго, во время пребыванія св. Григорія на Святой горѣ.

1) Святый *Герасимъ*—родомъ изъ Еврита, труждавшійся въ проповѣди слова Божія въ Элладѣ — гдѣ и скончался.

2) *Иосифъ*, соотечественникъ Герасима, ревностный подвижникъ по православію противъ латинянъ.

3) Авва *Николай*, аѳинянинъ, въ пожиломъ уже возрастѣ страдалъ исповѣднически отъ слугъ уклонившагося отъ православія царя Михаила Палеолога, затѣмъ удалился на

Авонъ и, подъ руководствомъ св. Григорія, достигъ высокой мѣры добродѣтелей; скончался въ глубокой старости.

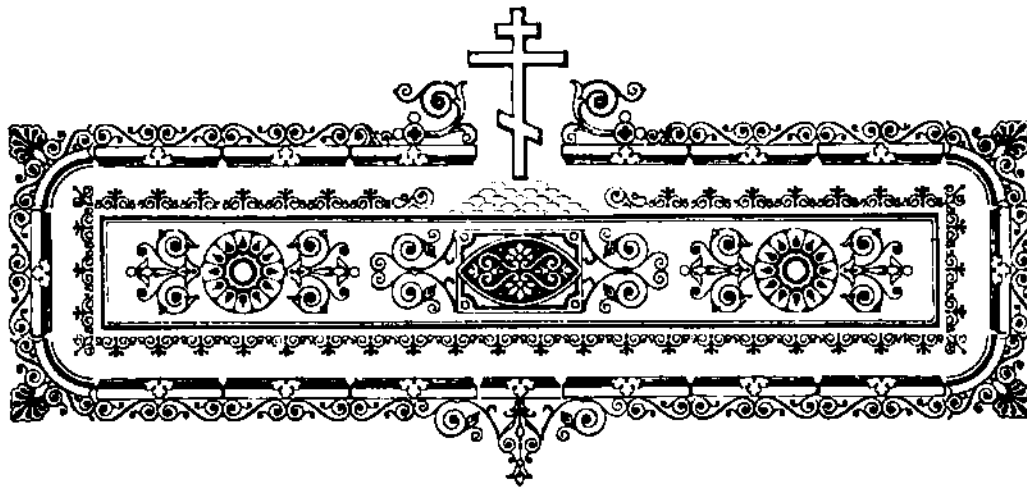
4) *Марко*—родомъ изъ Клазомень, постриженецъ солунскій. Св. Каллисть называетъ его „свѣтлѣйшимъ органомъ Святаго Духа.“ Жилъ вмѣстѣ съ Каллистомъ, до смерти своей, 28 лѣтъ въ скиту Магула.

5) *Иаковъ*, достигъ высоты добродѣтелей подъ водительствомъ св. Григорія, впоследствии сдѣлался епископомъ епархіи Сервіонъ (Σερβίων).

6) *Ааронъ* слѣпецъ, просвѣщенный свыше даромъ прозорливости, не нуждался уже болѣе въ зрѣніи тѣлесномъ.

7) *Моисей*, 8) *Логгинъ*, 9) *Корнилій*, 10) *Исаія*, 11) *Климентъ*, — всѣ эти подъ руководствомъ св. Григорія преуспѣли въ дѣланіи и видѣніи, приобрѣли сами потомъ многихъ учениковъ и мирно почили о Господѣ. Послѣдній — Климентъ, родомъ изъ Болгаріи, по чистотѣ душевной былъ удостоиваемъ духовныхъ видѣній.

Преподобный Савва Новый Ватопедскій.

Житіе сего преподобнаго отца написалъ святѣйшій вселенскій патріархъ Филовей (1354—1355 и 1363 - 1376 г.)*). Оно доселѣ еще не издано и находится въ рукописяхъ, какъ въ библіотекѣ Ватопеда, гдѣ и подвизался преподобный, такъ и въ библіотекахъ другихъ монастырей; есть оно и между греческими рукописями Моск. синодальн. б—ки (см. „Каталогъ“ архим. Владиміра, М. 1894, № ркп. 257). Помѣщаемъ здѣсь свѣдѣнія о семъ преподобномъ отцѣ, заим-

*) Патріархъ Филовей имѣлъ особенное расположеніе въ прославленію жизнеописаніями тѣхъ святыхъ мужей и женъ, которые или прославили подвигами своими родной ему Солунь, или происходили изъ этого города. Кромѣ извѣстныхъ составленныхъ имъ житій: Св. Великомуч. *Димитрія* (Patrol. Migne, t. CXVI, 1173), *Григорія* Паламы, архіеп. Солунскаго (тѣмъ же т. CII, 551- 656). Св. преподобномученицы *Анисіи* (—30 декабря. Помѣщ. въ изд. К. Триантафиллидоу „Συλλογή ἑλληνικῶν ἀγχαράτων,“ Βενετία, 1874, 99—144). Св. преподобномученицы *Феаронии*, священномуч. *Токи*, *Германа* святогорца, онъ написалъ житіе и своего предшественника патріарха *Исидора* (см. объ этихъ житіяхъ: Patrol. Migne. т. CL, 795; CLIV, 715, и странное житіе своего учителя и старца *Саввы* Нового. Съ достовѣрностію можно полагать, что только обстоятельства того времени (крайне тревожное состояніе и Церкви и всего византийскаго царства) не дали патріарху Филовею возможности причислить въ лику святыхъ обоимъ этимъ подвижникамъ, которыхъ онъ такъ уважалъ. Самому блаженному патріарху Филовею такъ же находится на Афонѣ въ рукописяхъ служба и житіе (см. Catalogue of the greek manuscripts on Mount Athos, by S. P. Lambros. Cambridge, 1895. № ркп. 153, б — на ж — рв св. Павла, № 26): „Ἀκολουθία καὶ βίος τοῦ ἁγίου Φιλοθέου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Θεσσαλον.“

ствую ихъ изъ соч. † Еп. Порфирія „Исторія Авоны (ч. III. Спб. 1892) по сдѣланному имъ краткому пересказу указываемаго житія по ватопедской рукописи.

Савва, въ мѣрѣ Стефанъ, произошелъ на свѣтъ въ Солунѣ отъ благочестивыхъ и добродѣтельныхъ родителей знатнаго рода въ царствованіе Андроника Старшаго, и тамъ же изучилъ Св. Писаніе и еллинскую философію. Когда онъ пришелъ въ возрастъ, то ушелъ тайно изъ родительскаго дома на Авоны и поступилъ въ Ватопедскій монастырь, гдѣ и принялъ иноческій постригъ. Отсюда же по случаю нашествія турокъ на Святую гору во дни Андроника Младшаго, отправился путешествовать; былъ на островахъ: Лимносѣ, Лесбосѣ, Хиосѣ, Патмосѣ и Кипрѣ; съ Кипра ходилъ во Иерусалимъ и, поклонившись тамъ Гробу Господню и проч. св. мѣстамъ, ушелъ во Иорданскую пустыню, гдѣ видѣлъ святыхъ подвижниковъ. Отсюда же возвратился на св. Сіонъ, а изъ Сіона отправился на Синай и тамъ провелъ два года въ подвигахъ духовныхъ. Съ Синая же опять возвратился въ Иорданскую пустыню, гдѣ и подвизался три года въ монастырѣ св. Іоанна Предтечи. Здѣсь ему было откровеніе свыше, повелѣвавшее возвратиться въ греческое царство. Посему, онъ отправился въ Константинополь, и на пути туда посѣтилъ Дамаскъ, Антиохію, островъ Критъ, Пелопонесъ, Аѳины и островъ Тенедосъ и, прошедши Македонію и часть Фракіи, наконецъ, прибылъ въ Царьградъ, и здѣсь поселился въ обители св. муч. Діомида. Стоустая молва о святости Саввы быстро разнеслась по всей этой етолицѣ. Услышалъ о немъ и государь. Но праведникъ никому не показывался. Тогда стали подозрѣвать его въ ереси и подослали къ нему мужей мудрыхъ и ученыхъ изъ синклита и изъ церковнаго клира для испытанія его. Преподобный отшельникъ написалъ имъ „Исповѣданіе“ вѣры православно и краснорѣ-

чиво, и когда возложилъ на нихъ свои руки и молился, тогда пѣкая особая благодать коснулась сердець ихъ, такъ что они проливали слезы свои. Послѣ этого Савва возвратился на Аѳонъ и тамъ въ Ватопедѣ для всѣхъ служилъ образцемъ благочестія. Отсюда онъ и не хотя ѣздилъ опять въ Константинополь, въ мартѣ 1342 года, съ Протомъ Исаакомъ и прочими святогорскими старцами, мирить царицу Анну съ Кантакузинымъ, предсказавши безуспѣшность предпринятой поѣздки.

Въ юнѣ мѣсяцѣ 1341 г. скончался византійскій императоръ Андроникъ Младшій, а наперсникъ его Іоаннъ Кантакузинъ незаконно возложилъ на себя въ городѣ Дидимотихѣ царскую одежду при жизни законнаго государя малолѣтнаго Іоанна Палеолога; между нимъ и вдовствующею царицею Анною закипѣла тогда междоусобная война, а всѣ попытки къ примиренію оказывались тщетными, ибо въ столицѣ имперіи пословъ его не принимали и обращались съ ними жестоко, какъ съ бунтовщиками. Поэтому Кантакузинъ, осаждавшій въ февралѣ 1342 г. непризнававшій его власти городъ Периеорій, изъ военнаго своего стана отправилъ письмо къ Проту Святой горы и къ тамошнимъ старцамъ, болѣе другихъ отличавшимся святостію жизни *). Письмомъ этимъ Кантакузинъ упрашивалъ старцевъ отправиться въ Константинополь и представить царицѣ на сколько настоящія политическія дѣла вредны и предотвратить ежедневное пролитіе христіанской крови. Аѳонскіе отцы, прочитавъ это письмо, разсудили, что для общественной пользы имъ подобаесть исполнить просьбу Кантакузина, и поощряли къ тому другъ друга. Посему, избранные ими старцы — именно Протъ Исаакъ, мужъ до-

*) Кантакузинъ лично познакомился съ аѳонскими знаменитыми отцами при посѣщеніи Аѳона, вѣроятно въ 1340 году, когда и самъ помышлялъ покинуть міръ и стать монахомъ, — о чемъ самъ онъ говоритъ въ своей исторіи. См. *Patrol. Migne*, t. CLIV, 189—192.

стопочтенный, и святѣйшій, игуменъ Лавры Макарій и другіе настоятели святогорскихъ монастырей не въ маломъ числѣ, а также іеромонахъ Каллисть, впоследствии патріархъ Константинопольскій (съ 1350—1362 г.), и уединявшійся близъ Ватопеда и „показавпій дивныя и великіе подвиги въ добродѣтели *)—*старецъ Савва*“—отправились въ Византію. Здѣсь они представились царицѣ Аннѣ и въ присутствіи патріарха и единомысленниковъ его говорили о цѣли своего прибытія, ради которой они, презрѣвши свою старость, тѣлесную немощь и трудность путешествія, явились туда; просили согласиться на миръ и любопреніемъ не губить греческой державы. Рѣчи ихъ ни мало не огорчили царицу, напротивъ согласовались съ мнѣніемъ ея, потому что она, узнавши происки и обманъ патріарха и другихъ лицъ, желала прекратить войну какъ бы то ни было, и примириться съ царемъ Кантакузинымъ; однако, будучи связана клятвами, кои навязали ей обманщики, не могла сдѣлать сего. А клялась она подписать миръ только тогда, когда пожелаютъ его всѣ, и когда она дождется рѣшенія государственнаго совѣта. Патріархъ же и сообщники его оскорбились рѣчами монаховъ, ибо онѣ, какъ имъ казалось, навлекали на нихъ крайнюю опасность, поэтому хоть и не отважились отринуть миръ явно, дабы не показаться безстыдными и гнѣвными, но стакнулись между собою инымъ способомъ разстроить единомысліе монаховъ; расхваливши ихъ радѣніе объ общественной пользѣ, присоветовали имъ отдохнуть послѣ труднаго путешествія и ожидать отвѣта на предложеніе ихъ, а между тѣмъ помѣстили ихъ въ разныхъ мѣстахъ, надѣясь убаюкать каждого изъ нихъ обѣщаніями и ласковыми словами. Время летѣло, а о монахахъ этихъ и о предложеніи ихъ не было и помину. Тогда они, видя, что желательна брань, а не мировая сдѣлка, по-

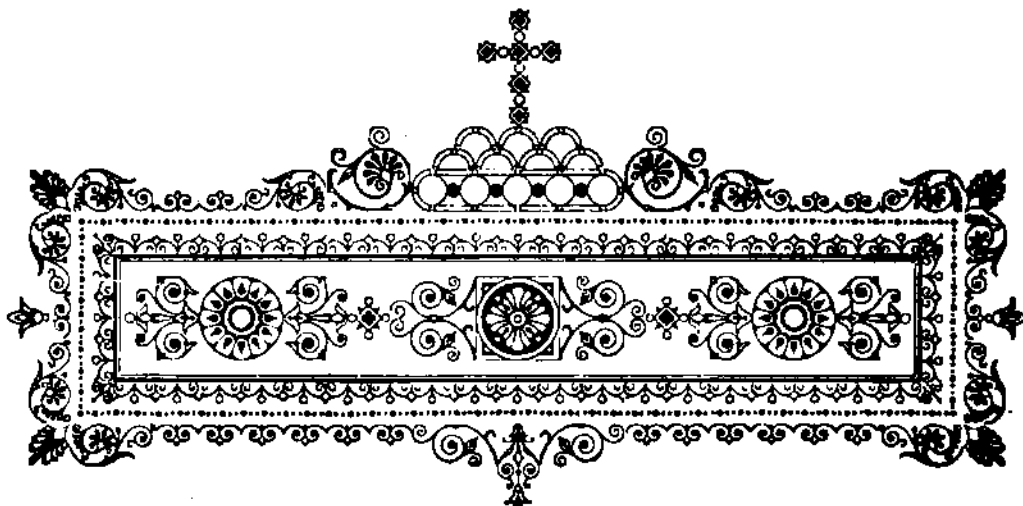
*) Тамъ же, т. СМІІ, 900.

просились на Аѳонъ. Но приверженцы брани не уважили и этой просьбы ихъ, полагая, что преподобные отцы, по возвращеніи своемъ, будутъ оглашать ихъ виновниками войны, а Кантакузина превозносить, какъ миротворца. Поэтому, игумена Аѳанасіевой лавры Макарія назначили митрополитомъ въ Солунь, а Прота Исаака помѣстили въ монастырѣ, называемомъ Пѣтра, доступъ же къ нему всемъ воспретили, приказавши довольствоваться его всемъ нужнымъ. Прочихъ отцевъ отпустили на Аѳонъ. Савву же преподобнаго, такъ какъ онъ превосходилъ другихъ въ добродѣтели и былъ весьма извѣстенъ царскимъ приближеннымъ людямъ, за несогласіе съ ними, заключили въ другомъ монастырѣ, называемомъ Хора *), для безысходнаго пребыванія, и, хотя при этомъ предлагали ему обильное довольствованіе, онъ однако ничего не принималъ, говоря, что не подобаетъ брать что либо отъ людей, которые потѣшаются убійствомъ и кровію. При этомъ преподобный изрекъ, что тому, кого Богъ хранить, никакія напасти повредить не могутъ. Итакъ, проводилъ тамъ жизнь въ уединеніи **).

Далѣе въ житіи повѣствуется, что не задолго до кончины преподобнаго Саввы хотѣли его возвести на патриаршюю каѳедру, но онъ не принялъ этого предложенія; и вскорѣ тамъ и скончался о Господѣ. Кончина его произошла, какъ надо полагать, послѣ 1347 года, ибо въ январѣ сего года былъ низложенъ патриархъ Іоаннъ Калека, а въ маѣ возведенъ на патриаршій тронъ Исидоръ митрополитъ Монемвасійскій, также подвизавшійся вначалѣ на святой Аѳонской горѣ.

*) Теперь это мечеть Кахріе-Джамісі, близъ Адрианопольскихъ воротъ.

***) Patrol. Migne, t. CLIII, 900—904.

Преподобный Исаія старецъ.

Для Святой горы XIV вѣкъ былъ вообще временемъ разцвѣта ея питомцевъ, которые украсили ее своими подвигами на всѣхъ поприщахъ иночества и своими трудами на пользу св. Церкви и духовной письменности. Въ это время сіялъ въ ликѣ преподобныхъ отцевъ Святой горы и извѣстный давно въ исторіи сербской Церкви и письменности знаменитый *старецъ Исаія*. Изъ составленнаго св. Данииломъ архіепископомъ сербскимъ Родослова или Цароставника, содержащаго житія царей и святителей сербскихъ, извѣстно, что старецъ этотъ принималъ дѣятельное и непосредственное участіе въ снятіи отлученія, наложеннаго патриархомъ царьградскимъ на краля Стефана Душана *). Извѣстно было и о трудахъ старца Исаіи въ переводѣ твореній свв. Отцевъ съ греческаго языка на сербскій **). Также и изъ хранящихся въ архивѣ Русика древнихъ грамотъ сербскихъ кралей извѣстно, что Стефанъ Душанъ,

*) См. объ этомъ въ житіи митроп. Кипріяна (сентября 16).

**) Въ вѣнской дворцовой библіотекѣ хранится сербская рукопись твореній Діонисія Ареопагита съ записью объ этомъ трудѣ святаго старца, предпринятомъ имъ по порученію сербскаго митрополита Теодосія. Запись приводится у Миллошича: *Chrestomathia paleoslovenica*. Vindobonae. 1861. См. такъ же „Опис. Руинанцов. музея.“ Востокова, № 93, стр. 161.

возобновившій Русикъ въ половинѣ XIV вѣка, поручилъ это дѣло *старцу Исаяи*. Но изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній, касающихся его дѣятельности, нельзя было сдѣлать положительнаго вывода, что это одно и то же лицо.

Душанъ, владѣя всею Македоніею (въ составъ которой искони входила и Святая гора) посѣтилъ лично Аеонъ въ 1348 г. и пробылъ здѣсь, по преданію, четыре мѣсяца. Посѣтивъ всѣ монастыри его, онъ, проникнутый болѣе всѣхъ сербскихъ государей сознаниемъ историческаго призванія славянскаго племени, обратилъ особое вниманіе на славянскія обители Святой горы, желая дать здѣсь преобладаніе славянскому элементу. Послѣ Хиладаря Русскій монастырь удостоился его особаго вниманія и благоволенія, видимымъ знакомъ коего была во первыхъ присылка въ обитель (еще въ 1347 г.) честной главы святаго великомученика Христова Пантелеимона, подтвержденіе права владѣнія обители ея имѣніями и приложеніе разныхъ сель и угодій. Въ это время русская аеонская община, не получая вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ на родинѣ (послѣ погрома Россіи монголами — съ 1237 года и далѣе) почти никакой вещественной оттуда поддержки, пришла въ бѣдственное состояніе; обитель клонилась къ совершенному упадку и разрушенію; вслѣдствіе чего должна была искать себѣ ближайшей опоры у своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ — южныхъ славянъ. Душанъ великодушно рѣшился взять на себя поддержку и возобновленіе единоплеменной ему „честной обители Россовъ.“ Вотъ что говоритъ онъ въ своемъ хрисовулѣ 1349 года *): „... *видѣше убо* иноци, елици се обрѣтаху храма святаго великомученика Христова бесребрьника Пантелеимона, *нищету послѣдню монастыра, и всякаго промишленія и попеченія тѣщъ и пустъ, и еще отъ Русіе всеконьчно оставленіе, ни*

*) См. „Акты русскаго монастыря на Аеонѣ.“ Кіевъ. 1873, 351 и далѣе.

нуждние пище или потреби имуще, придоше къ царству ми, и вса сия исповѣдѣше и слыше царство ми, яко приети ми на се обитѣль ту святую, и бити ми ктитору въ пей; видѣвъ-же царство ми, яко се дѣло угодно и душе-спасно, прие съ усердіемъ, и любовию, и потыцахъ се въздвигнути и съзидати и укрѣпити святую сію обитѣль, и всакими потрѣбами и метохиями въ довольство испльнити; и постно подвизающихъ се инокъ събрати; поиска-же царство ми съ всакимъ прилежаниемъ, иже на сие богоугодно дѣло послужити могущаго; обрѣтохъ-же *честнаго въ иноцѣхъ, мнѣ-же многолюбима и вѣрна, монаха Исаію* и на сего наложихъ всако попечение и промышление о сей святой обители“...

Но кто былъ сей „честный во иноцѣхъ“ монахъ Исаія, современникъ царя Стефана Сильнаго, „многолюбимый и вѣрный ему“... съ достовѣрностію не было извѣстно *) (какъ уже мы сказали и выше). Только изъ недавно открытаго житія того знаменитаго старца, которое нашель архимандритъ Н. Дучичъ въ рукописяхъ Хиландарской библіотеки, мы узнаемъ подробности о св. старцѣ, имѣющемъ такое непосредственное значеніе для исторіи нашего монастыря **).

Вотъ что говоритъ жизнеописатель преподобнаго подвижника: „Прославившійся святостію своей жизни, преподобный Исаія родился въ Сербіи, въ епархіи Лимской, въ царствованіе сербскаго краля Уроша, въ началѣ XIV столѣтія. Родители его, сербскіе вельможи Георгій и Калина, давъ ему хорошее образованіе, усердно желали видѣть

*) Въ журналѣ М. Нар. Просв., т. 309 (1897 г. февраль, II, 365) одинъ славистомъ высклазавъ догадку, что „этотъ Исаія, кажется русскаго происхожденія,“ съ указаніемъ на „хрисовулъ въ Гласникъ, кн. XXIV, стр. 294,“ но положительныя свѣдѣнія помѣщаемаго нами житія о роднѣхъ препод. Исаіи не даютъ мѣста этой догадкѣ.

**) Житіе это помѣщено архим. Никифоромъ Дучичемъ въ изданной имъ книгѣ „Старшине Хиландареле.“ У Београду. 1884. стр. 63--78.

его на службѣ при дворѣ царскомъ. Онъ исполнилъ ихъ волю, но не надолго. Слыша слова Евангельскія: кто оставитъ отца и мать и вся красная міра сего, сторицею приметъ и жизнь вѣчную наследуетъ, онъ умилился душою и, привлекаемый любовію Божіею, оставилъ все и удалился въ монастырь св. Іоакима въ Сарандапорѣ *), гдѣ и принялъ Ангельскій образъ. Но желаніе духовное влекло его на св. Аѳонскую гору, и онъ съ благословенія Сарандапорскаго игумена отправился туда и поступилъ въ сербскій хиландарскій монастырь. „Усердную и трудолюбивую его жизнь, — говорится въ жизнеописаніи, — какую онъ проводилъ, кто передастъ?... терпѣніемъ, смиреніемъ, послушаніемъ, воздержаніемъ, пощеніемъ, бдѣніемъ, кротостію, благоговѣніемъ, молитвами и всякими добродѣтелями онъ такъ украсился, что превосходилъ ангелоподобнымъ въ тѣлѣ жительствомъ всѣхъ монаховъ той обители.“

Но спасая свою душу, онъ, подобно св. Саввѣ сербскому, заботился и о спасеніи родителей своихъ и, желая склонить ихъ къ жизни иноческой, рѣшился посѣтить свое отечество. Чрезвычайно обрадовались родители, увидя въ своемъ домѣ любимаго сына, и вскорѣ же, увлеченные его душеполезными наставленіями и совѣтами, приняли ангельскій образъ, съ именемъ Герасима и Θεодосіи. Почувъ ихъ довольно подвижнической жизни, онъ немедленно возвратился въ свою хиландарскую обитель. Родители же его, недолго поживши богоугодно, скончались въ одинъ день и погребены въ одной могилѣ. Возрадовавшись о семъ и поблагодаривъ Господа, препод. Исаія, при помощи благодати Божіей, подвигся на большіе подвиги и

*) Іоаннѣ Сарандапорскій, или Осоговскій подвизался въ странѣ Овчепольской въ мѣстѣ, называемой Сарандапоръ, въ подрыліи горы Осоговскія, въ потокѣ, называемой Бабинъ-долъ, при рѣкѣ Скуплицѣ. Память его 16 августа. † 1105 году.

предалъ себя въ полное послушаніе и покорность игумену своему, великому и духовно-просвѣщенному старцу Арсенію.

„Великаго сего и святаго старца Арсенія, — говоритъ жизнеописатель препод. Исаія, — много любилъ благочестивый и Христолюбивый царь нашъ Стефанъ, и очень усердно слушалъ его, ради многихъ его добродѣтелей. Когда прибылъ благочестивый царь нашъ Стефанъ на Святую гору, онъ посѣтилъ великаго старца Арсенія, и много бесѣдовалъ съ нимъ, наслаждаясь душеполезными словами. Тогда св. старецъ, взявъ за руку отца нашего Исаію, говоритъ: благочестивый и Христолюбивый царь! время отшествія моего пришло; я иду въ путь отцовъ моихъ, и уже больше въ тѣлѣ меня не увидите; вотъ тебѣ сынъ мой духовный Исаія: имѣй его вмѣсто меня въ утѣшеніе твоимъ духовнымъ исправленіямъ. Съ того времени благочестивый царь Стефанъ такую сталъ питать вѣру, любовь и благоговѣніе къ блаженному отцу нашему Исаію, что я не могу этого и выразить. За тѣмъ старецъ Арсеній переселился изъ этой жизни къ Богу.

„По кончинѣ св. старца, отецъ нашъ Исаія удалился на безмолвіе съ ученикомъ своимъ Сельвестромъ въ мѣсто, называемое „пустыня св. Павла“ *), имѣя совѣтникомъ и сподвижникомъ блаженнаго и препод. о. Діонисія освященнаго, и тамъ провелъ довольно времени въ большомъ бодреніи и подвигѣ. Оттуда, наставляемый Св. Духомъ, прибылъ въ святую обитель св. и славнаго великомученика и цѣлебника Пантелеимона, потому что и прежде онъ много помогалъ тому св. мѣсту и подкрѣплялъ его. Видя обитель разрушенную и совсѣмъ почти запустѣвшую, подвигнулся божественною ревностію. подобно св. Аѳанасію Аѳонскому, и испросивъ помощь Божію и св. великомученика Пантелеимона и благословеніе отъ святыхъ и духов-

*) Въ предѣлахъ монастыря св. Павла, который тогда тоже былъ славянскимъ.

ныхъ отцовъ, по ихъ совѣту, отправился (вѣроятно взявъ съ собою и нѣкоторыхъ иноковъ русскаго монастыря) къ благочестивому царю Стефану. Царь весьма былъ радъ прибытію старца, утѣшившись его духовными и божественными словесами. Старецъ же Исаія сообщилъ ему обо всемъ, въ чемъ имѣлась нужда, о обновленіи и возсозданіи монастыря св. Пантелеимона и о другихъ святогорскихъ потребностяхъ, прося помощи, заступленія и подкрѣпленія. Благочестивый царь Стефанъ съ великимъ усердіемъ и радостію внялъ всему, предложенному отъ отца нашего Исаіи. Такъ же и благочестивая царица Елена съ большою охотою выслушала слова его, и все, чего онъ хотѣлъ, съ радостію они исполнили, и пожертвовали много золота и имѣній на созиданіе и помощь монастырю, а также на раздачу другимъ бѣднымъ монастырямъ и немощнымъ инокамъ, и такимъ образомъ съ миромъ и утѣшеніемъ его отпустили. Отецъ нашъ Исаія возвратился отъ благочестивыхъ царей въ монастырь съ великою радостію, и отъ основанія воздвигъ прекрасную церковь, трапезарню, дохіарню и прочее необходимое для монастыря на утѣшеніе монахамъ. Церкви, пирги и метохи съ царскими хрисовулами, все это совершилъ помощію Божіею и св. великомученика Пантелеимона.“

„Но когда онъ хотѣлъ почить уже и успокоиться отъ подъятыхъ имъ трудовъ, то ненавистникъ добра древній злодѣй, который многимъ святымъ причинилъ искушенія, навелъ и на сего святаго мужа многія искушенія прежде его кончины. Воздвигъ на него зависть и клеветы не иныхъ кого-либо, а именно присныхъ ему и ближнихъ, тѣхъ, кому онъ столько сдѣлалъ добра. Видя это блаженный и, не желая давать имъ повода къ претыканію и соблазну, дабы не распаялись болѣе въ злобѣ, — удалился отъ нихъ. Взавъ съ собою любимаго своего ученика—потребнаго ему

во всякой службѣ—Никандра и нѣкоторыхъ изъ братій онъ отправился въ западную страну (Унговлахію). Тамъ благодатию Христовою онъ сотворилъ много добрыхъ дѣлъ: создалъ многіе храмы, устроилъ общежитія и множество народа привелъ къ благочестію. Затѣмъ онъ возвратился къ своимъ любимымъ духовнымъ чадамъ. Тогда и тѣ, кто возставалъ противъ него, пришли въ чувство и раскаялись въ своихъ поступкахъ противъ преподобнаго, и получили отъ него прощеніе. Инокі той св. обители—любимая братія духовная — ликовали отъ радости, что даровалъ имъ Богъ наслаждаться медоточными поученіями этого свѣтильника. А блаженный, видя толикое усердіе и любовь своихъ чадъ, радовался и веселился духомъ. Однажды стоялъ онъ на пѣкомъ ровномъ и свѣтломъ мѣстѣ, а вокругъ него собрались лики святыхъ отцевъ и братій, множество любимыхъ его учениковъ, которые стояли какъ лики Ангеловъ, внимая словамъ его съ вѣрою и страхомъ, и съ любовію духовною принимали ихъ въ своемъ сердцѣ. Старець, прозирая сердечными очами любовь и вѣру своихъ чадъ, плакалъ отъ умиленія и, помолившись въ себѣ довольное время, сказалъ: „Благодарю Тя, Владыко многомилостиве Господи мой Іисусе Христе, Сыне и Слове Бога живаго, собравшаго святое Твое стадо сіе: Ты его соблюди и настави на путь святыхъ Твоихъ заповѣдей!“—Великую оказалъ онъ духовную любовь ко всѣмъ тамъ пребывающимъ братіямъ не только той св. обители, но и прочимъ, которые жили въ иныхъ монастыряхъ Святой горы. Всѣмъ было подано отъ него посѣщеніе, подкрѣпленіе и помощь; а также и все множество тѣхъ св. отцевъ, которые сидѣли въ безмолвіи окрестъ св. Аэона и служили Богу въ тиши уединенія, и славили непрестанно Пречистую Владычицу Богородицу,—получили отъ него упокоеніе и утѣшеніе духовное и тѣлесное.“

„Было нѣкогда прекословіе, расколъ и несогласіе между церковными властями греческими и сербскими; греки не принимали къ пріобщенію Пречистыхъ и Божественныхъ Таинъ, духовенство сербское и ругались ему.“

(Сербскій краль Стефанъ Душанъ къ началу 1346 года *) сдѣлалъ весьма большія завоеванія въ Византійской имперіи и вслѣдствіе этого задумалъ принять титулъ царя или императора, рѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ переименовать въ патріарха и своего архіепископа. Это онъ и сдѣлалъ единственною своею властію, не только не предпринявъ по сему поводу какихъ либо сношеній съ патріархами греческими, но и не побоявшись привлечь на себя изъ за этого поступка церковное отлученіе. Часть завоеванныхъ областей принадлежала въ церковномъ отношеніи архіепископу охридскому, который теперь и самъ сталъ подданнымъ сербскаго государя, а другая часть, именно восточная Македонія—по ту сторону Вардала и Фессалія съ горнымъ Эпиромъ и Акарваніей по ту сторону Быстрицы и Воюцы—патріарху константинопольскому. Оставивъ неприкосновенною автономію архіепископа охридскаго какъ своего, Душанъ не хотѣлъ, чтобы по прежнему остались въ завѣдываніи чужаго, въ смыслѣ государственномъ, патріарха царь-градскаго архіерейскія кафедры тѣхъ завоеванныхъ областей, которыя прежде принадлежали къ патріархату послѣдняго, и замѣстивъ ихъ вмѣсто грековъ сербами, присоединилъ къ своему патріархату печскому. Это и было причиной отлученія и вражды. Патріархъ Константинопольскій (Каллисть I) нашелъ, что сербы учинили несправедное церковное хищеніе и требовалъ, чтобы не смотря на государственную власть, все принадлежавшее прежде ему было оставлено за нимъ по прежнему. Когда Душанъ отказалъ

*) Душанъ короновался царскимъ вѣнцемъ 16 апрѣля 1346 г. Даничичь. «Животи краљева и архіепископа српскихъ.» У Загребу. 1866, 378—380.

ему въ этомъ, онъ и произнесъ отлученіе на него, и на его патріарха, и на все его духовенство и вообще на всю церковь сербскую. Еще самъ Душанъ, вѣроятно безпокойный смущеніемъ своихъ подданныхъ находится подъ клятвою вселенскаго патріарха, пытался было устроить примиреніе, но тщетно. Во время правленія сына Душанова Уроша (продолжалось 12 лѣтъ) дѣло это не возобновлялось, а возобновлено было оно только послѣ того какъ въ 1367 г. мѣсто Уроша занялъ Волкашинъ. Братъ сего послѣдняго Іоаннъ Углешъ, бывшій деспотомъ или удѣльнымъ владѣтелемъ тѣхъ именно областей, изъ за которыхъ были споръ и вражда, около 1368 г. отправилъ въ Константинополь къ патріарху Филоею посольство, изъявляя свою готовность уступить его требованіямъ, по переговоры объ этомъ, хотя и шли благопріятно, затянулись однако до 1371 г., и хотя миръ считался возстановленнымъ, но не совершенно. Въ томъ же 1371 г. Углешъ вмѣстѣ съ Вукашинымъ погибли на Марицѣ въ войнѣ съ турками, и патріархъ сербскій, пользуясь наставшимъ государственнымъ безначаліемъ, отказался подчиниться условіямъ состоявшагося помимо его воли соглашенія, т. е. уступить патріарху Константинопольскому эти спорныя епархіи. Окончательнымъ возстановителемъ мира и былъ именно препод. старецъ Исаія *). Явившись къ преемнику Вукашинову Лазарю и возбудивъ его благочестивую ревность, онъ успѣлъ по порученію князя убѣдить къ уступчивости и патріарха Савву **).

„Блаженный нашъ старецъ Исаія, видя такое умноже-

*) Голубинскій. „Исторія правосл. славян. церкви болгарск. сербск. и румынск.“ М. 1871. стр. 472--475.

**) Родословъ такъ говоритъ: «и пришедъ едва умоли его о семъ разрѣшеніи, онъ же предложивъ се и моли старца Исаію поити въ Цариградъ помскати о семъ разрѣшеніи». См. Даничичъ, стр. 380—382 «—о поставленіи 2-го патріарха серблемъ вяръ Саввы».

ніе злобы, побужденный божественною ревностію, рѣшился съ великимъ тщаніемъ исполнить порученное ему княземъ и патріархомъ дѣло. Пригласивъ съ собою бывшаго Прота именемъ Теофана, очень долго жившаго на Святой горѣ и достигшаго глубокой старости, мужа украшеннаго многими добродѣтелями и весьма имъ любимаго, такъ какъ былъ достоинъ чести не только по своимъ добродѣтелямъ, но и отличался особенною сладостію въ бесѣдѣ, растворенной божественною простотою, — и Никодима, мужа честнаго и освященнаго, сильнаго въ книжномъ ученіи и разумѣ, грека родомъ *); а также и изъ своихъ учениковъ избралъ двоихъ искусныхъ въ духовныхъ добродѣтеляхъ Никандра **) и Сильвестра, и взявши съ собою довольно потребнаго на путь, отправился въ царствующій градъ. Тамъ препод. Исаія, при помощи Божіей и поснѣженіемъ Святаго Духа, получилъ все желаемое: испросилъ примиреніе и благословеніе, утишилъ раздоръ церкви, которая благодатію Христовою и до днесь мирствуетъ. Святѣйшій же вселенскій патріархъ (Филовей) съ великою почестію отпустилъ блаженнаго, исполнивъ съ готовностію все имъ просимое относительно духовныхъ предметовъ.“

(И даже болѣе того. По сербскимъ сказаніямъ ***) старецъ Исаія успѣлъ достигнуть того, что патріархъ сербскій былъ признанъ при этомъ въ Константинополѣ за дѣйствительнаго патріарха. „Вселенскій патріархъ со всѣмъ соборомъ не только разрѣшили отъ преждебывшаго запрещенія и отлученія царя и патріарха и всѣхъ живыхъ и преставльшихся и приняли въ общеніе и сослуженіе всѣхъ

*) Этотъ Никодимъ, какъ повѣствуетъ далѣе житіе, при помощи трудовъ, тщанія и совѣтовъ преп. о. Исаія составилъ въ Унгровлахіи два большихъ монастыря, въ которыхъ собралъ въ общеніе множество черноризцевъ, сившихъ въ той землѣ духовными добродѣтелями какъ свѣтлая денница.

**) Родословъ называетъ сего ученика Ниономъ. См. Даничичъ, стр. 382.

***) См. тамъ же, стр. 382—383.

архіереевъ и іереевъ, но ради сихъ прибывшихъ (т. е. аѳонскихъ отцевъ), особенно же ради кирь—Исаіи, который былъ „зѣло возлюбленъ патріарху,“ уступили сербамъ имѣть уже не архіепископа только, но патріарха самовластнаго, съ такимъ единственнымъ условіемъ, что буде сербы возьмутъ силу и опять овладѣютъ этими греческими епархіями, то митрополиты должны непременно поминать патріарховъ, какъ повелѣваютъ и соборныя правила; въ подтвержденіе чего и написали сингилій. Для болѣе же совершеннаго установленія примиренія отпустили со старцемъ Исаіею посланныхъ отъ лица патріарха двухъ іеромонаховъ кирь-Матѳея и кирь-Моисея, которые, прибывъ въ Призрѣвъ, служили въ придворной церкви со всѣми архіереями и священниками сербскими, бывшими прежде въ отлученіи“ *).

„Наконецъ преподобный возвратился въ монастырь изъ Царьграда, откуда принесъ много различныхъ вещей на монастырскую потребу и церковной утвари, честныхъ иконъ, завѣсъ, свѣщниковъ, кіотовъ, паникандиль (хора) и лампадъ (кандила сѣрска). И была въ монастырѣ веселіе и радость многая по случаю прибытія праведнаго. Но древняя злоба не престала еще наносить искушенія праведнику.“

„Въ одно время отправился блаженный нѣкоей ради potreбы въ лавру св. Аѳанасія въ сопровожденіи пяти братій честныхъ иноковъ, но среди пути напали на нихъ внезапно варвары и, схвативъ всѣхъ ихъ, ввергли въ корабль. Преподобнаго же отца Исаію оныя проклятые крово-

*) Это было въ началѣ 1375 г., не за долго до смерти патріарха Саввы, который скончался въ этомъ году 29 апрѣля, на Антипасху. Официальныя свѣдѣнія и акты объ этомъ церковномъ раздорѣ и примиреніи сербовъ съ греками, см. въ Acta Patriarch. Constantinop. Милошича, т. 1-й, №№: 300, 301, 303, 306.

пійцы столь немилостиво били по всему тѣлу и по св. главѣ, что весь онъ обагрился кровію. О, коликія скорби и тѣсноты приключились намъ тогда *)! По смотрѣнію Божию приключилась препод. Исаіи сія скорбь: „многи-бо скорби праведнымъ.“ Однако благій и человѣколюбивый Богъ испытываетъ скорбями Своихъ угодниковъ, но смерти не предаетъ ихъ до конца. Онъ, якоже Самъ вѣсть, освободилъ отъ этой напасти блаженнаго вскорѣ. И сбылось на немъ слово нѣкоего великаго святаго старца, который предрекъ блаженному, говоря: „отче Исаіа, мужайся и крѣпись, яко болѣзни и скорби ждуть тебя.“ И оттого времени **) блаженный старецъ отъ толикихъ перенесенныхъ имъ искушеній подвергся тяжкимъ болѣзнямъ — по Промыслу Божию разумѣется,—какъ видимъ это изъ примѣра Іова и многихъ свв. отцевъ. И кто можетъ пересказать тѣ — долготерпѣніе, утѣшеніе, кротость, смиренномудріе, умиленіе, милость, сладкія и теплыя слезы, святую незлобивую простоту — каковыя показала эта свѣтлая и просвѣщенная Св. Духомъ душа! Подобно какъ видимъ изъ отеческихъ писаній повѣствуемое о св. Сисои великомъ и о иныхъ многихъ великихъ святыхъ, пришедшихъ въ великую и чудную простоту и незлобіе, такъ и блаженный отецъ нашъ Исаіа въ толикое достигъ незлобіе и святую простоту, что не вѣдалъ уже существуетъ ли въ мірѣ семъ какая либо злоба. При такихъ тяжкихъ болѣзняхъ никого не отяготилъ, никому не сказалъ какого бы то ни было недобраго слова, никому не воспомянулъ оказанныхъ ему несправедливостей и зла“...

*) По смыслу сихъ словъ можно разумѣть, что житіе это писано однимъ изъ учениковъ препод. Исаіи, сопровождавшихъ его въ этомъ путешествіи.

**) Въ подлинникѣ, какъ замѣчаетъ здѣсь о. архим. Н. Дучичъ, конецъ житія во многихъ мѣстахъ трудно уже читается, такъ какъ отъ времени цѣлыя строки выцвѣла и изгладилась. По этому восстанавливаемъ дальнѣйшее по смыслу тѣхъ строкъ, которыя еще могутъ быть прочтены.

Въ началѣ житія стоитъ такая надпись:

„Мѣсяца августа 21-го, память... приснопоминаемаго
преподобнаго отца нашего Исаіи.“

И затѣмъ стихи:

„... Исаинъ духъ приѣмлетъ небесный воздухъ.
Тѣло же на земли остави духовнымъ своимъ чадомъ:
Велика утѣшенія и радости.

* * *

На земли остави Исаія созданную новую обитель
Чедамъ своимъ духовнымъ, Христе мой,
На небеси духомъ вселяется въ вѣчныя обители.

* * *

Добродѣтельный твой сладкій языкъ,
Аще угасе на земли, о, отче,
Но имаши въ вышнихъ небесныхъ умовъ сладчай-
шую бесѣду.

* * *

Взыде отсюда къ воздуху
Великая слава Исаія,
Ему же слава великая на земли.

* * *

Тебе пріятна небесная селенія, о, отче!
Идеже уготова Богъ любящимъ Его.
И насъ убогихъ, немощныхъ и многими скорбми
одержимыхъ
Не остави святыми молитвами насъ.“

* * *

„Въ кѣ (21—день), Сладка бесѣда — Исаія успе о
Господѣ.“

Въ описаніи лавры св. Аѳанасія (Προσχωρητάριον), со-
ставленомъ въ 1757 году лаврскимъ—скевофилаксомъ, про-
игуменомъ Макаріемъ, критявиномъ, и напечатанномъ въ

Венеціи въ 1772 г., помѣщенъ перечень подвижниковъ и отцевъ, прославившихся святостію жизни въ предѣлахъ Лавры (Περὶ τῶν Ἀγίων. ὅπου εἰς τοὺς τόπους μας ἐξέλαμψαν καὶ ὑπὸ Θεοῦ ἐδοξάσθησαν). Кромѣ святыхъ, внесенныхъ нами въ настоящій Патерикъ, подъ извѣстными днями ихъ памяти, составитель книги упоминаетъ еще слѣдующихъ: *Марко*, названный препростымъ, ученикъ св. Григорія Синаита. См. о немъ ниже.

Авва *Харитонъ*, и *Геронтій*, подвизавшійся въ мѣстности Вулевтирія, — (гдѣ нынѣ скитъ св. Анны *)); оба современники св. Григорію Синаиту.

Корнилій, *Исаія*, *Макарій*—(объ этихъ упоминается въ житіи св. Григорія Синаита), *Авксентій*, *Доровей*, *Геронтій* (другой), *Теодуль*, *Иаковъ*, и другой *Иаковъ*, *Климентъ*, *Галактіонъ* и *Марко*—это современники и друзья преподобнаго Максима Кавсокаливита, какъ говорится о нихъ въ житіи его **). Святый *Іоанникій* (ὁ Κόχυλας) іеромонахъ лавры, жившій векорѣ послѣ преподобнаго Максима и написавшій житіе его.

Преподобный *Теодоръ*, современникъ Нила муроточиваго (XVII в.), подвизался въ мѣстности „Мегали Вигла.“

Упомянувъ о подвигахъ препод. Акакія Кавсокаливскаго ***) и учениковъ его, украсившихся вѣнцемъ мученическимъ, проигуменъ Макарій говоритъ еще о нѣкоемъ *Космѣ* спартіотѣ, жившемъ въ скиту св. Анны, который также за исповѣданіе Христова былъ усѣченъ во главу въ Константинополь. Въ 1780 году, вышло 2-е изданіе вы-

*) Въ изданномъ въ Афинахъ «Μέγας Συναξαριστής» (іюль) 1892 г. помѣщено краткое сказаніе о житіи препод. *Геронтія*, написанное дивеемъ свята св. Анны Каллистомъ иконописцемъ. Память препод. Геронтія празднуется въ скиту, который счтаетъ его своимъ житиоромъ, 26-го іюля.

**) Находится въ рукописи въ лаврской библиотекѣ.

***) Препод. Акакія видѣлъ Барсвй на Кавсокаливѣ въ 1726 г. въ первое посѣщеніе Аѳона. См. наше изд. Барсваго: «Второе посѣщеніе св. Аѳонской горы». Спб. 1887. стр. 55, 56.

шеупомянутой книги, только уже подъ именемъ Саввы скевофилакса лаврскаго. Савва этотъ также говоритъ о мученическомъ подвигѣ сказаннаго Космы и указываетъ годъ страданія его 1760-й. Затѣмъ приводитъ рядъ дивныхъ подвижниковъ, украшенныхъ благодатными дарованіями и скончавшихся уже въ его время—послѣ 1760 года.

Упомянемъ еще и подвизавшагося на св. Аеонской горѣ св. *Аванасія* 3-го, Пателарія, патриарха Константинопольскаго. Отечество его — островъ Критъ. На патриаршую кафедру возведенъ изъ митрополитовъ Солуня. Послѣ перваго отреченія отъ престола поселился на Аеонѣ близъ Кареи; но потомъ еще дважды занималъ патриаршій тронъ. Испытанный въ скорбяхъ какъ странникъ, онъ посѣтилъ Москву и на обратномъ пути въ предѣлахъ Малороссіи, въ обители Лубенской, преставился 6 апрѣля 1654 года. Мощи святителя чрезъ восемь лѣтъ открыты нетлѣнными, и память его установлено совершать 2 мая Кіевскимъ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ. Мощи почиваютъ открыто и въ положеніи сидящаго, какъ онъ и былъ похороненъ по обычаю греческому. А сколько и еще святыхъ по разнымъ причинамъ остаются въ неизвѣстности для міра! Напримѣръ: въ Діонисіатской обители остаются непрославленными четыре преподобномученика, мужественно пострадавшіе за Христа и принявшіе мученическую кончину, именно потому, что страдальческіе ихъ подвиги не были приведены въ извѣстность въ свое время. Хотя духовный старецъ, руководившій ихъ въ иноческихъ подвигахъ скончался уже въ шестидесятихъ годахъ настоящаго столѣтія, но на всѣ наши разспросы о времени ихъ страданія, онъ могъ намъ сказать съ достовѣрностію только то, что они пострадали до греческаго возстанія. Имена сихъ преподобномучениковъ: *Христофоръ* и *Іосифъ*, пострадавшіе въ Адрианополѣ, Ген-

надій въ Европѣ и *Павелъ* въ Пелопонесѣ; въ Діонисіатской обители они чтутся какъ святые.

Впрочемъ, объ одномъ изъ сихъ преподобномучениковъ, именно о Павлѣ, не чужомъ для Русской обители нашей, было помѣщено въ изданной недавно въ Афинахъ книгѣ: „*Μέγας Συναξαριστής*“ (Μαΐου—1892 г.) сказаніе, которое воспроизводимъ здѣсь въ извлеченіи.

Преподобномученикъ Христовъ Павелъ родился въ Пелопонесѣ (нынѣшняя Морея), въ селѣ Сопотосъ, епархіи Калаврита, отъ православныхъ родителей бѣднаго состоянія и въ св. крещеніи нареченъ Панагіотомъ. Достигши зрѣлаго возраста онъ перешелъ въ Патры Ахайскія, гдѣ обучился изготовлять обувь и прожилъ тамъ 14 лѣтъ. Затѣмъ возвратился въ свое отечество Калаврита и здѣсь открылъ въ сообществѣ съ другими торговлю, продолжая заниматься ремесломъ. Обвиненный своими товарищами, онъ былъ посаженъ властями въ темницу, и по освобожденіи перешелъ на жительство въ городъ Трипóлицу. Развозя по селеніямъ свое издѣліе, онъ, что бы избѣжать притѣсненій, вездѣ называлъ себя туркомъ... Затѣмъ однако онъ созналъ въ своей совѣсти, что чрезъ это впалъ въ великое искушеніе, и бросивъ торговлю, удалился въ святоименный Аѳонъ. Встрѣтивъ въ лаврѣ св. Аѳанасія своего соотечественника монаха Тимоѳея, онъ поступилъ въ братство лавры и опредѣленъ помощникомъ къ Тимоѳею, проходившему послушаніе въ поварнѣ. Чрезъ нѣсколько времени Панагіотъ былъ постриженъ въ мантию и названъ Павломъ. Тимоѳеѣй послѣ того перешелъ въ новый Русскій монастырь св. Пантелеимона, гдѣ игуменъ Савва, также пелопонезецъ, устраивалъ тогда по благословенію патріарха Каллиника общежитіе *). По удаленіи изъ лавры

*) Сигмидіонъ патріарха Каллиника объ учрежденіи кляновъ въ Русскіѣ 1803 года, см. «Акты» сего монастыря. Кіевъ, 1873 г., 235—251. Тимоѳеѣй принялъ св. скиму въ Русскіѣ,

Тимоея и Павелъ вскорѣ перешель также въ Руссикъ и занимался здѣсь своимъ рукодѣліемъ — шитьемъ обуви, проводя жизнь въ постоянномъ пощеніи и великихъ подвигахъ. Отъ такихъ подвиговъ возгорѣлась въ душѣ его божественная любовь къ сладчайшему Спасителю нашему и явилось желаніе пострадать за пресвятое имя Его. Тимоеей, съ которымъ онъ обо всемъ совѣтовался, не соглашался на это, да и прочіе отцы, кому онъ открывалъ желаніе свое, отклоняли его отъ такого великаго дѣла; но какъ желаніе его было непреодолимо и день ото дня возрастало, то онъ взялъ благословеніе у игумена перейти для испытанія себя въ скитъ св. Анны. Припятый тамъ духовникомъ Ананіей, блаженный исповѣдалъ ему все о себѣ, но и этотъ старецъ по началу не соизволялъ Павлу искать мученичества, видя же твердость его намѣренія и разнообразно испытавши его строгимъ постомъ, молитвенными бдѣніями и козѣнопреклоненіями, послѣ долгаго искуса, облекъ его въ св. схиму. И за тѣмъ, съ общаго согласія отцевъ, благословилъ его на мученичество. Будучи напутствованъ и утвержденъ отеческими молитвами и благословеніемъ, Павелъ потекъ въ желанный путь съ радостію. Достигнувъ отечества своего блаженный посѣтилъ монастырь находящійся въ епархіи Калавритской, называемый Мѣга-Спїлеонъ, и тамъ пробылъ 40 дней въ постѣ и бдѣніи, моля Пречистую Богоматерь укрѣпить его на подвигъ мученичества. Здѣсь сподобился онъ божественнаго откровенія, которое укрѣпило его въ намѣреніи и дало ему дерзновеніе. Оттуда онъ отправился въ Навплию, гдѣ жилъ его двоюродный братъ, ставшій мусульманиномъ. Блаженный увѣщаль отступника обратиться и возстать отъ лютаго паденія—отреченія Христа и, взявъ его въ спутники,

гдѣ и скончался въ глубокой старости. Онъ-то и сообщалъ составителю сего сказанія — іеромон. Іакову свѣдѣнія о преподобномученикѣ Павлѣ.

прибыль въ Триполь. Онъ немедленно явился къ тамошнимъ мусульманскимъ властямъ и исповѣдалъ предъ ними со всѣмъ мужествомъ и дерзновеніемъ Христа истиннымъ Богомъ, а ложнаго пророка и вѣру ихъ обличилъ и проклялъ. Въ Триполь тогда были собраны со всей Мореи начальники епархій, городовъ и сель (такъ какъ тогда возникло у правительства подозрѣніе на грековъ въ возстаніи). Агаряне, услышавъ дерзновенныя слова блаженнаго, готовы были растерзать его, но главный паша пытался склонить его разными способами къ отреченію отъ Христа; увидѣвъ однако непреложность его убѣжденій, далъ рѣшеніе сжечь его. При этомъ нѣкоторые изъ агарянъ просили переменить казнь, съ тою цѣлью, что бы христіане не могли ничего найти отъ мощей его, поэтому рѣшено отсѣчь мученику главу нѣсколькими ударами, а тѣло бросить туда, откуда было бы невозможно его достать. Слуги, схвативъ святаго, вытолкали изъ судилища, били его сколько хотѣли, пока не привели на опредѣленное мѣсто казни; тутъ доблій исповѣдникъ, преклонивъ колѣна, помолился Богу, и палачъ отсѣкъ ему голову мечемъ. Честныя мощи святаго оставались трое сутокъ поверженными на мѣстѣ казни; никто изъ христіанъ не смѣлъ показаться тамъ, такъ какъ было объявлено, что если кто приблизится взять какую либо часть отъ мощей, или что либо изъ одежды, или собрать кровь, будетъ осужденъ на смерть. Послѣ трехъ дней агаряне бросили честныя мощи въ безчестное мѣсто конака пашицкаго, въ надеждѣ, что христіане не смогутъ найти и достать ихъ. Святый Павелъ обезглавленъ въ полдень 22-го мая 1818 года, подъ платаномъ, близъ воротъ дворца паши *). Теперь на мѣстѣ усѣченія кра-

*) Въ периодическомъ изданіи «Ахрѳополисъ» 1888 года — помѣщена о кончинѣ и мощахъ св. Павла замѣтка г-на Пападопула, бывшаго очевидцемъ—свидѣтелемъ страданій и честной кончины св. Новомученика.

суется св. храмъ во имя Преподобномученика, память котораго 22-го мая отправляется гражданами торжественно. Двое изъ друзей святаго извлекли тайно въ послѣдствіи честныя мощи и главу святаго изъ того мѣста, куда они были брошены, и перенесли въ монастырь св. Николая, называемый Вѣрсесъ, въ разстояніи отъ Триполя на два часа пути, гдѣ послѣ надгробнаго пѣнія и погребли ихъ, черезъ 20 дней по усѣченіи его, во славу Пресвятыя Троицы, единаго Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. Аминь.

„Вотъ тѣ, скажемъ и мы съ приснославнымъ Никодимомъ, именуемые и извѣстные намъ святыя, прозябшія на Святой сей горѣ. Но есть и другіе безыменные и намъ неизвѣстные, изъ которыхъ одни умерщвлены были отъ нечестивыхъ арабовъ и агарянъ во многихъ обителяхъ прежде взятія Константинополя, а другіе благоугодили Богу и освятились въ различныя времена и разнымъ образомъ. Если исчислять ихъ, они, по Давиду, умножатся дѣйствительно, какъ песокъ: изочту ихъ, и паче песка умножатся (Псал. 138, 18). Всѣ они суть тѣ огненные и высокіе столпы, которые стоятъ вокругъ Святой горы, какъ видѣлъ ихъ въ бодрственномъ состояніи преподобный Марко, ученикъ Григорія Синаита: всѣ образуютъ то множество иноковъ, которые, какъ сподобился видѣть тотъ же Марко, стояли съ архангелами и ангелами кругомъ Богородицы, славя Ее и поклоняясь Ей, — тогда какъ Она, имѣя высокія и златыя палаты въ Мегали Вигла *), сидѣла на тронѣ въ царственномъ великолѣпїи: такъ о видѣніи семъ пишется въ житїи святаго Максима кавсокаливскаго **). Кратко сказать: всѣ они явили истиннымъ прореченіе Богоматери, Которая извѣстила, что гора сія назо-

*) Мѣсто на Аевѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ перешейка аевскаго.

***) По рукописному его жизнеописанію.

вется *Святою*, ибо эти подвижники освятили ее, прославили и сдѣлали чудною и именованною въ цѣломъ мірѣ“ *).

Заключимъ собраніе житій этихъ святыхъ приличною пѣснью Церкви, отъ нея имъ посвященною: „Что васъ наречемъ святіи? Херувимы ли? яко на васъ почилъ есть Христосъ. Серафимы ли? яко непрестанно прослависте Его. Ангелы ли? тѣла бо отвратистесь. Силы ли? дѣйствуете бо чудеса. Многая ваша имена, и большая дарованія: молитесь спаситися душамъ нашимъ.“— (Октоихъ гл. 8, поведѣльникъ утра на стиховнахъ стихиры).

Изъ службы Святымъ на Аѳонѣ просіявшимъ:

„Иже въ тѣлеси безплотни и Божіи во истину чело-
вѣцы, Аѳонъ весь освятившии столпы Горы огненни, стоя-
щи съ любовію и радостію предъ Богоматерію Пречистою,
яко созерцатели въ божественномъ видѣніи, честнии отцы
наши да восхваляются.“ (Стихира на великой вечерни,
гласъ ̑).

„Приидите вси сонмы монашествующихъ—тмочисленное
воинство Давида, предводимое тысящами добродѣтелей,—
сущихъ на Аѳонѣ отцевъ восхвалимъ, прецодобныхъ и
іерарховъ, преподобномучениковъ и священномучениковъ,
и всѣхъ вкуцѣ, ихже имена вѣдомы и не вѣдомы. Они
бо во истину дѣлы и словесы и многообразнымъ и равно-
ангельнымъ житіемъ и благодатными дарами Божіими, по-
казашася святы, и Горѣ сей нарицаніе *святое* даша, ихъ
же и гробы Богъ чудесами и благоуханіемъ и муромъ про-
слави. И нынѣ они, предстояще предъ лицемъ прославив-

*) Такъ заключаетъ Пролокъ свое похвальное слово въ честь аѳонскихъ святыхъ, помѣ-
щенное въ составленной имъ службѣ святымъ, на Аѳонѣ просіявшимъ.

шаго ихъ Христа, молятся непрестанно о насъ, съ любовію совершающихъ свѣтлое ихъ празднество.“ (На малой вечерни. Слава, гласъ ā).

(К он да к ъ, г л а с ъ ā).

„Отцовъ, содѣлавшихъ Гору небомъ, и показавшихъ въ ней житіе ангельское проходити, и множества монаховъ въ ней собравшихъ, восхалимъ вси, взывающе къ нимъ: отъ всякія нужды и навѣта избавите насъ, множество преподобныхъ, Аѳонская похвало!“

И к о с ъ.

„Коль добро есть совокупленіе ваше отцы богомудріи! коль красенъ и сладокъ общій сей вашъ праздникъ, въ немже вси въ Горѣ сей просіявши святіи именуеміи вкушѣ и не именуеміи, общее благохваленіе, яко по духу братія, приеimate яко муро. Подобаше бо всяко во единомъ мѣстѣ Господеву угодившимъ и во единъ день спраздноватися. Сего ради и мы, сущіи во Аѳонѣ пустынножители и общежители, во едино сошедшеся, по долгу васъ ублажаемъ: новіи древнихъ, сыны отцевъ, грѣшніи святыхъ, согласно взывающе: мѣсто сіе, еже во обитаніе себѣ избрасте, сохраняйте отъ всякаго зла, множество преподобныхъ, Аѳонская похвало!“

КОНЕЦЪ И БОГУ СЛАВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ АФОНСКАГО ПАТЕРИКА.

ПРАЗДНОВАНИЕ ПАМЯТИ СВЯТЫХЪ.

М Ъ С Я Ц Ъ І Ю Л Ъ.

Числа.		Стран.
5	Преподобнаго отца нашего Аванасія и 6-ти учениковъ его, съ нимъ пострадавшихъ.	5
	Духовное завѣщаніе преподобнаго Аванасія.	50
—	Св. преподобномученика Кипріяна новаго.	59
8	Преподоб. отца нашего Теофила муроточиваго.	67
10	Преподоб. отца нашего Антонія печерскаго.	77
11	Преподоб. отца нашего Никодима.	83
—	Св. преподобномученика Никодима.	84
—	Св. преподобномученика Нектарія.	88
28	Преподобнаго отца нашего Павла Кесропотамскаго	98

М Ъ С Я Ц Ъ А В Г У С Т Ъ.

4	Св. священномученика равноапостольнаго Космы	109
7	Преподоб. отца нашего Деметія филоеевскаго.	124
11	Преподоб. отца нашего Нифонта, архієпископа константинопольскаго.	125
15	Препод. отца нашего Герасима новаго	152
19	Преподоб. отца нашего Теофана новоявленнаго чудотворца.	153
30	Общая память святыхъ сербскихъ святителей и учителей.	
	Изъ нихъ подвизались на Святой горѣ:	
	Св. Савва 1-й (см. января 14),	
	Св. Савва 2-й (см. февраля 8),	
	Св. Евстаѳій 1-й (см. января 4),	
	Св. Никодимъ (см. мая 11),	
	Св. Даниилъ (см. декабря 20),	
	Св. Іоаннѳикій (см. мая 28),	
	Св. Ефремъ 2-й (см. іюня 15)	159

М Ъ С Я Ц Ъ С Е Н Т Я Б Р Ъ.

13	Преподоб. отца нашего Героея	160
14	Св. преподобномученика Макарія	167
16	Преподоб. отца нашего Кипріяна, митрополита кіевскаго и всея Россіи.	169
20	Св. преподобномученика Иларіона.	178
22	Преподоб. отца нашего Космы, зографскаго отшельника.	192
—	Св. преподобномуч. зографскихъ 26-ти (см. октября 10).	200

М Ы С Я Ц Ъ О К Т Я Б Р Ъ .

<i>Числа.</i>	<i>Стран.</i>
1 Преподоб. отца нашего Іоанна Кукузеля	201
— Преподоб. отца нашего Григорія, domestика Великой церкви	207
2 Св. мученика Георгія.	209
5 Обрѣтеніе св. мощей преподоб. отца нашего Евдокима ватоцедскаго	212
6 Св. преподобномуч. Макарія новаго	219
7 Преподоб. отца нашего Сергія нуромскаго	228
10 Страданіе 26-ти св. преподобномуч. зографскихъ — игумена Ѳомы и съ нимъ 21-го инока и 4 мѣраць	230
Повѣсть о нашествіи папистовъ на Святую гору Аѳонскую.	233
14 Преподоб. отца нашего Евѣимія, новаго ѳессалоникскаго . . .	251
20 Преподоб. отца нашего Герасима новаго.	274
— Св. преподобномуч. Игнатія	282
21 Преподоб. отца нашего Филовея	292
26 Св. преподобномуч. Іоасафа	300
28 Преподоб. отца нашего Аѳанасія, патріарха константино- польскаго	301
29 Св. преподобномуч. Тимоѳея есфигменскаго	313

М Ы С Я Ц Ъ Н О Я Б Р Ъ .

1 Св. преподобномуч. Іакова и 2-хъ учениковъ его, іеродіакона Іакова и Діонисія монаха	323
9 Преподоб. отецъ нашихъ Евѣимія и Неофита дохіарскихъ . . .	334
12 Преподоб. отца нашего Нила муроточиваго	349
13 Св. преподобномуч. Дамаскина	357
14 Преподоб. отца нашего Григорія Паламы, архіеписк. ѳесса- лоникскаго (память его празднуется еще во 2-ю недѣлю Вели- каго поста).	362
— Св. новомученика Константина.	386
17 Преподоб. отца нашего Геннадія ватоцедскаго	397
22 Преподоб. отца нашего Каллиста 2-го, патріарха констан- тинопольскаго	398

М Ы С Я Ц Ъ Д Е К А Б Р Ъ .

5 Св. преподобномучениковъ Карейскихъ	400
— Преподоб. отца нашего Нектарія карейскаго	401
— Преподоб. отца нашего Филовея карейскаго.	406
7 Преподоб. отца нашего Григорія, ктитора Григоріата	407
19 Преподоб. отца нашего Данила, архіепископа сербскаго . . .	409
26 Св. священномуч. Константія россиянина.	431
28 Преподоб. отца нашего Симона муроточиваго симонетрскаго	434
30 Св. преподобномуч. Гедеопа	452
Заключеніе и прибавленіе	458

Хронологическій указатель святыхъ, просіявшихъ на святой Аѳонской горѣ.

В ѣ к ѣ VIII.

Преподобный Петръ	іюня 12 *)	734 г.

В ѣ к ѣ IX.

Преподоб. Павелъ ксиропотамскій	іюля 28	820
Преподоб. Евѣимій Нов. ѳессалоник.	октября 14	889
Преподоб. Василій архіеп. солунскій	февраля 1	895—900

В ѣ к ѣ X.

Преподоб. Аѳанасій аѳонскій съ учениками	іюля 5	980
Преподоб. Іоаннъ иверскій	мая 13	—
Преподоб. Евѣимій и Неофитъ дохіарскіе	ноября 9	—

В ѣ к ѣ XI.

Преподоб. Евѣимій Нов. иверскій	мая 13	1028
Преподоб. Георгій иверскій	мая 13	1066
Преподоб. Антоній печерскій	іюля 10	1073

В ѣ к ѣ XII.

Преподоб. Симеонъ хиландарскій	февраля 13	1200
Преподоб. Іоаннъ Кукузель	октября 1	—

В ѣ к ѣ XIII.

Св. Савва 1-й, архіеп. сербскій	января 14	1237
Св. Савва 2-й, архіеп. сербскій	февраля 8	1267
Преподоб. Іоанникій, архіеп. сербскій	мая 28	1270

*) Указывается здѣсь то число мѣсяца, подъ которымъ помѣщено житіе святаго.

Преподобномученики, пострадавшіе отъ латиноумудрствующихъ:		1276—1280
Ватопедскіе	января 4	—
Иверскіе	мая 13	—
Зографскіе	сентябр. 22	—
	октябрь. 10	—
Карейскіе	декабря 5	—
Св. Евстаѣій 1-й, архіеп. сербскій	января 4	1279
Преподоб. Даміанъ есфигменскій	феврѣля 23	1280
Преподоб. Симонъ муроточивый	декабря 28	1287

В ѣ н ъ XIV.

Преподоб. Григорій византійскій	апрѣля 6	1308
Преподоб. Косма зографскій	сентябр. 22	1323
Преподоб. Θεопитъ, еписк. филархійскій	іюнь	1325
Преподоб. Никодимъ, архіеп. сербскій	мая 11	—
Преподоб. Даниль, архіеп. сербскій	декабря 19	1338
Преподоб. Никифоръ	мая 4	ок. 1340
Св. Аванасій 1-й, патріар. константиноп.	октябрь. 28	—
Препод. Григорій Синаитъ	апрѣля 6	1346
Св. Григорій Палама, архіеп. ессалоникскій	ноября 14	1360
Св. Калистъ 1-й, патріар. константиноп.	іюня 20	1363
Препод. Максимъ Кавсокалив	января 13	ок. 1364
Препод. Нифонтъ	іюня 14	1370
Преподоб. Ромилъ	января 16	1375
Преподоб. Діонисій, ктиторъ Діонисіата	іюня 25	1380
Св. Калистъ 2-й, патріар. константиноп.	ноября 22	1397
Преподоб. Ефремъ, патріар. сербскій	іюня 15	1400
Преподоб. Θεодосій, митроп. трапезундскій	января 11	—
Преподоб. Дометій, игум. діонисіатскій	іюня 25	—
Преподоб. Никодимъ	іюля 11	—
Преподоб. Григорій, domestikъ Великой церкви	октября 1	—

В ѣ н ъ XV.

Св. Кипріанъ, митроп. кіевскій	сентяб. 16	1406
Преподоб. Сергій нуромскій	октября 7	1412
Преподоб. Арсеній колевскій	іюня 12	1447
Преподоб. Нектарій карейскій	декабря 5	1500
Преподоб. Θεофанъ	августа 19	—
Преподоб. Филофей карейскій	декабря 5	—

В ѣ н ъ XVI.

Преподоб. Нвлъ сорскій	мая 7	1508
Св. преподобномуч. Іаковъ и ученики его: іеродіак. Іаковъ и Діонисій монахъ	ноября 1	1520

Препод. Иннокентій вологодскій.	марта 19	1521
Св. преподобномуч. Макарій.	сентябр. 14	1527
Препод. Нифонтъ 2-й, архіеп. константиноп.	августа 11	1530—1535
Св. преподобномуч. Іоасафъ.	октября 26	1536
Преподоб. Теофилъ муроточивый.	іюля 8	1548
Преподоб. Максимъ грекъ.	января 21	1556
Св. преподобномуч. Даміанъ.	февраля 23	1568
Преподоб. Герасимъ новыи.	октября 20	1579
Св. преподобномуч Макарій новыи.	октября 6	1590
Преподоб. Діонисій олимпійскій.	января 24	—
Преподоб. Θεона, митроп. солунскій.	апрѣля 4	—
Преподоб. Дометій филоосевскій.	августа 6	—

В ъ н ъ XVII.

Преподоб. Леонтій прозорливый.	іюня 18	1605
Св. преподобномуч. Кипріанъ новыи.	іюля 5	1679
Св. преподобномуч. Дамаскинъ.	ноября 13	1681
Св. преподобномуч. Ілія Ардунисъ.	января 31	1686
Св. преподобномуч. Романъ.	января 5	1694
Преподоб. Ниль муроточивый.	февраля 16	—
	ноября 12	—

В ъ н ъ XVIII.

Св. преподобномуч. Никодимъ.	іюля 11	1722
Преподоб. Акакій новыи.	апрѣля 12	1730
Св. преподобномуч. Пахомій.	мая 21	1730
Св. священномуч. Константиі россіянинъ.	декабря 26	1743
Преподоб. Іерофей.	сентябр. 13	1745
Св. священномуч. Дамаскинъ.	января 16	1771
Св. мученикъ Θεодоръ.	января 30	1784
Св. мученикъ Іоаннъ болгаринъ.	марта 5	1784
Св. мученикъ Георгій.	октября 2	1794
Св. священномуч. Косма равноапостол.	августа 4	1799
Св. новомуч. Константинъ.	ноября 14	1800

В ъ н ъ XIX.

Св. преподобномуч. Лука.	марта 23	1802
Св. преподобномуч. Иларіонъ новыи.	сентябр. 20	1804
Св. священномуч. Никита.	апрѣля 4	1808
Св. преподобномуч. Евѣмій новыи.	марта 22	1814
	мая 1	—
Св. преподобномуч. Ігнатій новыи.	октября 20	—
	мая 1	—
Св. преподобномуч. Акакій новыи.	мая 1	1816
Св. преподобномуч. Овуфрій.	января 10	1818
Св. преподобномуч. Гедеонъ.	декабря 30	—
Св. преподобномуч. Агаѣангель есригм.	апрѣля 19	1819

Св. новомуч. Константинъ изъ агарявъ	іюня 2	1819
Св. преподобномуч. Нектарій	іюля 11	1820
Св. преподобномуч. Тимоей есфигменск.	октября 29	—
Обрѣтеніе св. мощей преподоб. Евдокима ватопедскаго	октября 5	1841

**Святые, время жизни коихъ не видно
изъ источниковъ, заключающихъ ихъ
жизнеописанія.**

Преподоб. Неофитъ, просмонарій ватопед.	января 21
Преподоб. Агапіѣ	марта 1
Преподоб. Симеонъ Босоѣ, нов. чудотъ.	апрѣля 19
Преподоб. Филоеѣ	октября 21
Преподоб. Геннадій ватопедскій	ноября 17

Алфавитный указатель именъ святыхъ Аѳонскаго Патерика.

	Мѣсяць и число.	Часть	Стран.
Агапій препод.	марта 1	1	259
Агавангелъ преподобномуч. есфигменск.	апрѣля 19	1	371
Авакій преп. кавсокалив.	апрѣля 12	1	351
Авакій преподобномуч.	мая 1	1	393
Антоній преп. печерскій.	іюля 10	2	77
Антоній преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Арсеній преп. коневскій.	іюня 12	1	515
Аеанасій преп. игумень лавры.	іюля 5	2	5
Аеанасій I-й, патр. константинопольскій.	октября 28	2	301
Василій, архіеп. солунскій.	февраля 1	1	227
Варсануфій преподобномуч. зографск.	октября 10	2	230
Ватопедскіе преподобномуч. (13)	января 4	1	25
Гавріиль преп. иверскій.	мая 13	1	452
Гедеонъ преподобномуч.	декабря 30	2	452
Геннадій преп. ватопедскій.	ноября 17	2	397
Георгій преп. иверскій.	мая 13	1	421
Георгій муч.	октября 2	2	209
Герасимъ преп., новый кефалонит.	октября 20	2	274
Григорій преп., византійскій.	апрѣля 6	1	341
Григорій преп., ктиторъ Григоріата.	декабря 7	2	407
Григорій преп. domestikъ В. церкви.	октября 1	2	207
Григорій Палама, митроп. солунск.	ноября 14	2	362
Григорій преп. Сиваятъ.	апрѣля 6	1	318
Дамаскинъ преподобномуч.	ноября 13	2	357
Дамаскинъ священномуч.	января 16	1	165
Даміанъ преподобномуч.	февраля 23	1	256
Даміанъ преп. есфигменскій.	февраля 23	1	254
Даніиль, архіеп. сербскій.	декабря 19	2	409

	Мѣсяць и число.	Часть.	Стран.
Давидъ преп., уч. преп. Аванасія авонскаго.	іюля 5	2	5
Діонисій преп., ктиторъ Діонисіата.	іюня 25	1	535
Діонисій преп. олимпійскій.	января 24	1	301
Діонисій преподобномуч.	ноября 1	2	323
Дометіанъ преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Дометій преп., игумень діонисіатскій.	іюня 25	1	549
Дометій преп. филоооеевскій.	августа 7	2	124
Евдокимъ препод. ватопедскій.	октября 5	2	212
Евставій, архіеп. сербскій.	января 4	1	26
Евемій, препод. дохіарскій.	ноября 9	2	334
Евемій препод. иверскій.	мая 13	1	410
Евемій препод. новій, вессалоникскій.	октября 14	2	251
Евемій преподобномуч., игумень ватопедск.	января 4	1	25
Евемій преподобномуч.	марта 22	1	265
Евемій преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Ефремъ 2-й, патриархъ сербскій.	іюня 15	1	528
Зографскіе преподобномученики (26).	сентября 22	2	200
н	октября 10		230
Иверскіе преподобномученики.	мая 13	1	453
Игнатій преподобномуч.	октября 20	2	282
Иларіонъ преподобномуч.	сентября 20	2	178
Иларіонъ преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Илія Ардувисъ преподобномуч.	января 31	1	223
Инокентій препод., вологодскій.	марта 19	1	263
Іаковъ преподобномуч. и два ученика его.	ноября 1	2	323
Іаковъ іеродіаконовъ преподобномуч., уч. преподобномуч. Іакова.	ноября 1	2	323
Іаковъ преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Іаковъ преподобномуч. зографскій (другой).	октября 10	2	230
Іероооей препод.	сентября 13	2	160
Іоанникій, архіеп. сербскій.	мая 28	1	460
Іоанникій преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Іоаннь препод. иверскій.	мая 13	1	408
Іоаннь препод., Кукузель.	октября 1	2	201
Іоаннь муч., болгаринъ.	марта 5	1	261
Іоасафъ преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Іоасафъ преподобномуч.	октября 26	2	300
Іовъ преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Каллисть 1-й, патриархъ константиноп.	іюня 20	1	532
Каллисть 2-й, патриархъ константиноп.	ноября 22	2	398
Кирианъ, митроп. кіевск. и всея Россіи.	сентября 16	2	169

	Мѣсяць и число.	Чѣсть.	Стран.
Кипріянь преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Кипріявь преподобномуч., новыи	іюля 5	2	59
Кирилль преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Константинъ новомуч., изъ агарявъ.	іюня 2	1	464
Константинъ новомуч.	ноября 14	2	386
Константій священномуч., россиянинъ.	декабря 26	2	431
Косма равноапостольн. священномуч.	августа 4	2	109
Косма препод., отшельникъ зографскій.	сентября 22	2	192
Косма преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Леонтій прозорливый, препод.	іюня 18	1	531
Лука преподобномуч.	марта 23	1	293
Макарій преподобномуч., уч. патр. Нифонта.	сентября 14	2	167
Макарій преподобномуч., новыи	октября 6	2	219
Максимъ препод. кавсокаливт.	января 13	1	32
Максимъ препод., грекъ.	января 21	1	169
Мартиніанъ преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Мина преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	
Михей преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	
Мученики свв. зографскіе (4) неименованныи.	октября 10	2	
Нектарій преподобномуч.	іюля 11	2	88
Нектарій препод., карейскій.	декабря 5	2	401
Неофитъ препод., просмонарій ватопедскій.	января 21	1	168
Неофитъ препод. дохіарскій.	ноября 9	2	334
Никита священномученикъ	апрѣля 4	1	306
Никифоръ преподоб.	мая 4	1	402
Никодимъ, архіеп. сербскій.	мая 11	1	405
Никодимъ препод.	іюля 11	2	83
Никодимъ преподобномуч.	іюля 11	2	84
Ниль препод., муроточивый.	ноября 12	2	349
Ниль препод. сорскій.	апрѣля 7	1	342
Нифонтъ препод.	іюня 14	1	519
Нифонтъ 2-й, патриархъ константиноп.	августа 11	2	125
Онуфрій преподобномуч.	января 4	1	13
Павель препод. ксиропотамскій.	іюля 28	2	98
Павель преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Парфеній преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	
Пахомій преподобномуч.	мая 21	1	454
Петръ препод.	іюня 12	1	486
Преподобномученики, пострадавшіе отъ латинявъ: ватопедскіе (13).	января 4	1	25

	Місяць и число.	Часть.	Стран.
иверскіе	мая 13	1	453
зографскіе (26)	сентября 22	2	200
карейскіе	декабря 5	2	400
Преподобные (6), ученики препод. Асавася.	іюля 5	2	5
Препод. янокъ, сподобившійся явленія архангела Гавріила.	іюня 11	1	482
Прокопій преподобномуч.	іюня 25	1	550
Романъ преподобномуч.	февраля 16	1	250
Ромилъ преподоб.	января 16	1	163
Савва 1-й, архіеп. сербскій.	января 14	1	53
Савва 2-й, архіеп. сербскій.	февраля 8	1	228
Савва преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Сергій препод. нуромскій	октября 7	2	228
Сергій преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Симеонъ препод., ктиторъ Хиландаря.	февраля 13	1	230
Симеонъ препод., босній.	апрѣля 19	1	363
Симонъ преподобномуч. зографскій.	октября 10	2	230
Симонъ препод., муроточивый.	декабря 28	2	434
Тимоеей преподобномуч. есфигменскій.	октября 29	2	313
Филоеей преподоб.	октября 21	2	292
Филоеей препод. карейскій.	декабря 5	2	406
Теодоръ муч.	января 30	1	220
Теодосій, митроп. трапезунтскій.	января 11	1	31
Теодиптъ, епископъ филиadelphійскій.	іюня 25	1	556
Теона, митрополить солунскій.	апрѣля 4	1	317
Теофанъ препод. повоявл. чудотворецъ.	августа 19	2	153
Теофилъ препод., муроточивый.	іюля 8	2	67
Тома преподобномуч., игумень зографскій.	октября 10	2	230